

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ЯРОСЛАВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ ИМ. П.Г. ДЕМИДОВА»

На правах рукописи

ФРОЛОВ Роман Михайлович

**МЕЖДУ PRIVATI И MAGISTRATUS:
ГРАЖДАНЕ ПЕРЕХОДНЫХ СТАТУСОВ
В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ РИМСКОЙ РЕСПУБЛИКИ**

Специальность 5.6.2. Всеобщая история

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени доктора исторических наук

Научный консультант:
доктор исторических наук, профессор
Дементьева Вера Викторовна

Том 1

Ярославль – 2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

Том 1

ВВЕДЕНИЕ.....	6
ГЛАВА 1. PRIVATI КАК САМОСТОЯТЕЛЬНЫЕ СУБЪЕКТЫ ПОЛИТИКИ В РИМСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ	132
§1. Значение самостоятельного политического действия: magistratus, privati и народные сходки.....	132
§2. Когда Л. Юний Брут стал tribunus celerum? Условия политического лидерства privati	144
§3. Оспариваемое лидерство: privati против privati pro decemviris в повествовании Тита Ливия.....	163
ГЛАВА 2. ПЕРЕД ВСТУПЛЕНИЕМ В ДОЛЖНОСТЬ: МАГИСТРАТЫ-ДЕСИГНАТЫ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ РИМСКОЙ РЕСПУБЛИКИ	177
§1. Правовой статус и судебный иммунитет магистратов-десигнатов .	177
§2. Проблема ius edicendi и политическая инициатива magistratus designati	200
§2.1. Эдикт претора-десигната? Случай Г. Верреса.....	206
§2.2. Privatus vetuit: деятельность избранного консула Кв. Метелла Целера в 61 г.	210
§2.3. Γράμματα ἐκτιθέναι: Избранные консулы Л. Корнелий Лентул Крус и Г. Клавдий Марцелл в 50 г.....	223
§2.4. «В соответствии с древней традицией»: γράμματα консула-десигната Тиберия в 8 г. н.э.	229
§2.5. Заключительные замечания о ius edicendi избранных магистратов: edictum et litterae Г. Фламиния в 217 г.	233
§3. Магистраты-десигнаты как самостоятельные политические акторы	244
ГЛАВА 3. ОТСТРАНЕНИЕ ОТ ДОЛЖНОСТНЫХ ОБЯЗАННОСТЕЙ В РЕСПУБЛИКАНСКОМ РИМЕ	270
§1. Досрочная потеря власти: abdicare, abrogare, administratione rei publicae summovere, in ordinem cogere	271
§1.1. Первый случай лишения должности по решению комиций	276
§1.2. Спорные эпизоды абrogации магистратуры	279
§1.3. Ограниченность практики абrogации магистратуры в Римской республике	286

§1.4. Альтернативы лишению магистратуры.....	292
§2. Ἐπάρχοντα ποιήσας (Plut. <i>Sull.</i> 8.8)? Плебейский трибун П. Сульпиций Руф против консула Кв. Помпея Руфа в 88 г.	313
§2.1. Чтение фрагмента Plut. <i>Sull.</i> 8.8.....	314
§2.2. Подразумевал ли Плутарх abrogatio? По поводу конъектуры ἀποχειροτονήσας (Plut. <i>Sull.</i> 8.8) Б. Возника – К. Циглера.....	319
§2.3. Ἐπάρχοντα ποιήσας как указание на предшествующую ситуацию	325
§2.4. Ἐπάρχοντα παύσας как указание на лишение provincia	329
§2.5. Ἐπάρχοντα παύσας как нетехническое описание блокирования П. Сульпицием Руфом реализации Кв. Помпеем Руфом консульских полномочий.....	333
§2.6. Отстранение от должностных обязанностей вместо abrogatio: Плутарх и политическая практика Римской республики	336
§3. Prohibitus et honore privatus urbe profugit: Консул Л. Корнелий Цинна в 87 г.	338
§3.1. События 87 г. в античных источниках и современной историографии.....	339
§3.2. Отстранение Цинны, senatusconsultum ultimum и комиции	346
§3.3. Предполагаемая аброгация магистратуры Цинны и консул-суффект Мерула.....	356
§3.4. Hostis-Erklärung против Цинны?	366
§3.5. Отстранил ли сенат Цинну напрямую?	371
§3.6. Magistratus, privatus и политическая инициатива: новый взгляд на положение Цинны в 87 г.	375
§4. Administratione rei publicae decreto patrum submoverentur: претор Г. Юлий Цезарь и плебейский трибун Кв. Цецилий Метелл Непот в 62 г.	384
§4.1. Г. Юлий Цезарь и плебейский трибун Кв. Цецилий Метелл Непот в 62 г.	385
§4.2. Отстранение Цезаря от обязанностей претора: утрата политической инициативы. Comparanda: триумвир в 36 г., претор в 115 г., консулы в 321 г. и преторы в 49 г.	395
§4.3. Multitudinem... conpescuit: возвращение инициативы	403
§5. Ab republica removendum censuit: претор М. Целий Руф в 48 г.	407
§5.1. Что произошло с М. Целием Руфом в 48 г.?	410
§5.2. Ab re publica remove и консульская интерцессия	414
§5.3. Неформальные аспекты отстранения М. Целия Руфа: что означала утрата политической инициативы? – Comparandum: случай консула 59 г.	426

ГЛАВА 4. ВМЕШАТЕЛЬСТВО РИМСКИХ РЕСПУБЛИКАНСКИХ ПРОМАГИСТРАТОВ

В СФЕРУ DOMI 447

§1. Промагистратура как промежуточный статус между <i>privatus</i> и <i>magistratus</i>	448
§1.1. Промагистраты как немагистраты	448
§1.2. Промагистраты как <i>privati</i> в республиканских законах	462
§1.3. Промагистраты и (другие) <i>privati</i> в нарративной традиции	469
§1.4. Промагистраты в сфере <i>domi</i> : правовые и практические ограничения	501
§1.5. Публичная речь, политическая угроза и гражданская война: промагистраты <i>ad urbem</i> в период до конца 60-х гг. до н.э.	510
§2. <i>Praesidens urbi – introisset in urbem</i> : проконсул Помпей и город Рим в 60–50-е гг.	553
§2.1. Критика Цезарем <i>novi generis imperia</i> Помпея	554
§2.2. Неудачная попытка санкционировать применение проконсулом империя в городе Риме в 62 г.?	561
§2.3. <i>Potestas</i> куратора анноны Помпея	565
§2.4. Ἀπογραφὴ Помпея	574
§2.5. Разрешение куратору анноны вступать в Рим с сохранением империя	579
§2.6. <i>Recensus</i> и <i>coetus recensionis causa</i>	587
§2.7. <i>Cura annonae</i> Помпея и сфера <i>domi</i>	599
§2.8. Проконсул Помпей, сенат и выборы в 50-х гг.: τοὺς δὲ ὑπάτους ἀποδειχθῆναι παρεσκεύασεν	602
§2.9. <i>Senatus consultum ultimum</i> и сфера <i>domi</i> в 52 г.	605
§3. <i>Omnes qui sunt eius ordinis a Pompeio evocantur</i> : созыв проконсулом Помпеем собрания сенаторов 1 января 49 г.	615
§3.1. <i>Domus</i> Помпея и неофициальное собрание сенаторов	616
§3.2. <i>Omnes</i> или <i>omnes <sui>?</i> Репрезентация Цезарем <i>evocatio</i> сенаторов Помпеем	619
§3.3. Вопрос о достоверности сообщения по поводу неофициального созыва сенаторов проконсулом Помпеем	634
§3.4. <i>Evocatio</i> Помпеем сенаторов и вмешательство промагистратов в сферу <i>domi</i>	646
§4. <i>Lictoresque habent in urbe et Capitolio privati</i> : промагистраты в Риме в 49 г.?	650
§4.1. Контекст событий: почему консулы 49 г. действовали незаконно?	653
§4.2. Использовали ли консулы ликторов «в частном порядке»?	659
§4.3. Идентификация <i>privati</i> , допустивших злоупотребление ликторами	667

§4.4. «Вопреки всем примерам древности»: причины применения ликторов промагистратами в городе.....	675
§5. Проконсулы, сенат и народ в 49 г.	688
§5.1. Вступал ли проконсул Цезарь в город Рим в 49 г.?	691
§5.2. <i>Appellatisque de re publica patribus</i> : проконсул Цезарь <i>ad urbem</i>	701
§5.3. Лукан и республиканские проконсулы: историческая память о промагистратах в период гражданской войны.....	711
§5.4. <i>[A]d urbem futurum cum exercitu, introitum quotienscumque vellet</i> : Цицерон о Марке Антонии в 44–43 гг.	732
 ГЛАВА 5. ОТ ТРИУМВИРАТА К ПРИНЦИПАТУ: СТАТУС ОКТАВИАНА В 32 г. И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИНИЦИАТИВА В НОВЫХ УСЛОВИЯХ	743
§1. Полномочия <i>triumviri rei publicae constituendae</i> в сфере <i>domi</i>	746
§2. От <i>magistratus</i> к <i>privatus</i> : публично-правовое положение Октавиана в 32 г.	761
§2.1. Гипотеза о прекращении триумvirата после 31 декабря 32 г. ...	763
§2.2. Имел ли триумvirат юридически обязательный срок?	784
§2.3. Концепция <i>magistratus ad tempus incertum</i> У. Коли: узурпация власти и необходимость абдикации	788
§2.4. «Задача», «поручение» и абдикация. Триумvirат без ограничений?	808
§2.5. Прекращение триумvirата после 31 декабря 33 г.....	846
§3. Захват политической инициативы в сфере <i>domi</i> : проконсул Октавиан в сенате в 32 г.	861
§4. Переходный статус и политическая инициатива принцепсов: перспективы исследования	884
 ЗАКЛЮЧЕНИЕ	901
 СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ	946
 ПРИЛОЖЕНИЯ	1009
Приложение А.	1009
Приложение Б.	1018

ВВЕДЕНИЕ

Erit tum consul Hortensius cum summo imperio et potestate, ego autem aedilis, hoc est, paulo amplius quam privatus: tamen haec huius modi res est quam me acturum esse polliceor, ita populo Romano grata atque iucunda, ut ipse consul in hac causa prae me minus etiam, si fieri possit, quam privatus esse videatur.

Итак, консулом тогда будет Гортенсий, облеченный высшим империем и властью, а я – эдилом, то есть немногим выше, чем частное лицо; и все дело, которое я обязуюсь вести, таково, оно так близко сердцу римского народа и дорого ему, что в нем, в сравнении со мной, сам консул – если только это возможно – окажется значащим еще меньше, чем частное лицо.

(Cic. *Verr.* 1.37; Пер. В.О. Горенштейна)

Актуальность темы исследования. Публично-правовое регулирование в античном Риме достигло необычно высокого – по меркам древних политий – уровня развития, что во многом обуславливает значительный интерес антиковедов к рассмотрению политического наследия Римской республики. Степень детализации описаний процедур и механизмов управления Республикой в источниках таков, что даже при всей фрагментарности сохранившихся сведений можно различить существенные черты грандиозной и при этом компактной и рациональной политической организации, причем такой, которая длительный период времени вполне отвечала задачам управления державой. Отсутствие в ряде случаев ясных формализованных правил (особенно в виде законов, принятых голосованием в комициях) тоже часто может быть интерпретировано как вовсе не случайное и объясняться не столько отсутствием у нас данных, сколько предположением о том, что имел место осознанный отказ римлян от письменной фиксации механизмов

регулирования некоторых сторон их политической жизни¹. Исследование неформальных аспектов политической культуры дополняет картину, еще больше стимулируя интерес к римской *civitas*, открывая простор для эксплицитных и имплицитных сопоставлений с современными политическими системами.

В то же время, исследователям крайне трудно определить в каждом конкретном случае соотношение правовой нормы и неформализованных элементов римской политической культуры. Задача осложняется тем, что терминология античной нарративной традиции, которая не только составляет основу для современных интерпретационных схем, но и является источником важнейшей фактической информации по конкретным эпизодам, изобилует примерами употребления одних и тех же понятий в т.н. «техническом» и «нетехническом» смыслах. Грань между ними ученым приходится определять самостоятельно, поскольку именно эта грань (если ее существование вообще удастся обосновать) с точки зрения римского наблюдателя обычно не нуждалась в каком-либо пояснении, составляя фундамент политической культуры в том смысле, что воспринималась современниками этих реалий как само собой разумеющаяся.

Изучение динамики политической жизни Республики может начинаться с постановки вопроса о факторах успеха или неудачи акторов политического процесса, которые стремились оказать влияние на «повестку дня», завоевать поддержку для реализации собственных идей и инициатив, чтобы получить признание, славу и устойчивое положение в гражданском коллективе. Участие в формировании повестки дня могли принять не только те граждане, которые обладали в данный момент времени публичной властью. Актуальным является поэтому рассмотрение вопроса о том, в какой мере формальные полномочия должностного лица или, наоборот, отсутствие должности и предоставляемых ею ресурсов и возможностей предопределяли исход той или иной инициативы.

¹ См., напр.: Timmer J. *Verhandeln und Entscheiden im Senat der römischen Republik* // *Historia*. 2020. Bd. 69. S. 57–94.

Римляне считали принципиально различными политические роли и задачи двух основных категорий граждан, выделявшихся с точки зрения наличия или отсутствия у них доступа к инструментам публичной власти и способа наделения ею, – «частных лиц» (*privati*) и магистратов (*magistratus*).

Во фрагменте из речи Цицерона (70 г.²), предваряющем введение (*Verr.* 1.37), идет речь о противопоставлении тех и других. Пассаж подчеркивает некоторые из основных проблем, рассматриваемых в данном диссертационном исследовании. Цицерон гибко применяет дихотомию *privatus/magistratus*, но исходит из предположения, что его читатель строго различает эти две категории с формальной точки зрения. Эдил «немногим выше, чем частное лицо» (*paulo amplius quam privatus*) и имеет гораздо меньше власти, чем консул. Однако эдил все равно является *magistratus*, и никак не может быть на правовом уровне отнесен к числу *privatus*, иначе его противопоставление последнему у Цицерона не имело бы смысла. Вплоть до этого момента все кажется ясным и современному исследователю Римской республики. Однако в центре внимания данной работы находится тот аспект устройства римской *civitas*, который нашел отражение в следующем пункте аргументации Цицерона. Теперь он использует дихотомию *privatus/magistratus* таким образом, который представлен как намеренно парадоксальный, но все же характеризует реальную ситуацию и значим сам по себе. В определенных обстоятельствах консул по отношению к эдилу становится как будто менее значимым, чем даже *privatus*. Хотя это утверждение, отмечу еще раз, явно подано как метафорическое и провокационное (что дополнительно подчеркивается применением выражений *si fieri possit* и *videatur*), в нем, на мой взгляд, должно отражаться содержание, имеющее практический политический смысл. В противном случае фраза была бы лишена всякой убедительности даже в качестве элемента риторического упражнения.

Причина, по которой Цицерон готов утверждать, что эдил иногда «выше», чем консул, а консул на мгновение уступает даже *privatus*, двояка.

² Если не указано иное, все даты здесь и далее – до н.э.

Первый момент – поддержка народа. Эдил в данном случае совершает то, чего хочет народ. Второй момент состоит в том, что эдил вообще будет действовать (*me acturum esse*), в то время как консул (хотя бы в этот конкретный момент и только в том, что касается одного вопроса) не будет предпринимать никаких активных шагов. Риторика Цицерона подразумевает, что в этом случае консул априори не в состоянии оправдать ожиданий народа. Он мог бы в принципе действовать даже при таких обстоятельствах, но тогда должен был бы, согласно логике Цицерона, выступать против воли народа³. Так или иначе, от магистрата ожидалось, что он вынесет те или иные меры на обсуждение, т.е. совершит какой-то публично значимый акт. Кто-то должен был инициировать политический процесс. Тот, кто выполняет указанную функцию, и, тем более, осуществляет ее «правильно» (например, в ответ на предполагаемые «ожидания народа»), может в некоторых случаях даже превзойти того субъекта, который наделен публичной властью более высокой ступени, но предпочитает или вынужден воздерживаться от действия⁴. Для настоящего исследования важно, что у Цицерона инструментом описания такой парадоксальной ситуации, в рамках которой иерархия политических лидеров переворачивается «с ног на голову», является столь же парадоксальное употребление им термина *privatus* для указания на консула, несмотря на то, что он по определению являлся *magistratus*, строго противопоставленным любому *privatus*, как немедленно напоминает читателю и сам Цицерон.

³ Lebek W.D. Rez. M. Tulli Ciceronis orationes. Divinatio in Q. Caecilium. In C. Verrem actio I. In C. Verrem actio II. Milano: Cisalpino – La Goliardica 1984. VIII, 558 S. // Gnomon. 1988. Bd. 60. S. 195: «Stelle veranschaulicht zunächst das Gefälle vom Consulat zur Aedilität. Da das Zitat fortgeführt wird, ist überdies zu erkennen, daß Cicero die Differenz vielleicht etwas aufbauscht, um mit Hilfe des Gegensatzes *consul–privatus* darzutun, wie populär seine Anklage gegen Verres ist».

⁴ Идея о том, что магистрат должен предпринимать активные действия и нести за них ответственность, по-видимому, продолжала подпитывать ожидания граждан даже в 22 г. до н.э., когда толпа попыталась «усилить» положение Августа, предложив ему диктатуру и консулат, и надеясь, что передача в его руки этих магистратур даже не столько позволит ему, сколько обяжет решать продовольственный кризис (см.: Yakobson A. Augustus, the Roman Plebs and the Dictatorship: 22 BCE and Beyond // *Rulers and Ruled in Ancient Greece, Rome, and China* / Eds. H. Beck, G. Vankeerberghen. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 2021. P. 269–299).

Таким образом, в самом общем виде можно сказать, что в центре внимания в представленной диссертации находится вопрос о соотношении реальных политических ролей *privati* и *magistratus* в политической практике Республики, с одной стороны, и о самой дихотомии *privatus/magistratus* в текстах античных авторов, с другой стороны.

Нельзя сказать, что неспособность формально уполномоченного лица даже в условиях развитой и детально регламентированной публично-правовой системы выполнять возложенные на него государственные задачи – равно как и, напротив, способность формально неуполномоченного лица в определенных обстоятельствах взять на себя и выполнять эти задачи – не наблюдается сегодня. Вряд ли следует считать это само по себе важным подтверждением актуальности темы настоящего исследования, но указанное обстоятельство не может не вызывать дополнительный интерес современного наблюдателя к изучению политических структур Римской республики.

Чтобы четче обозначить суть формулировки темы и дополнительно показать ее актуальность, необходимо уже в этом месте сделать краткое историографическое наблюдение.

В современных исследованиях часто отмечается, что в Римской республике политический класс сформировался как меритократия и определял себя как элиту, действовавшую в интересах *populus Romanus*, от его имени и для его блага. Для элиты *populus Romanus* был «Referenzobjekt». Только народ мог решать, кто достоин стать частью элиты⁵. По мнению К.-Й. Хёлькескампа, хотя бы уже потому, что именно народ из своих рядов и по своему решению, воспроизводил ее (причем легитимность такового механизма признавала и

⁵ См., напр.: Hölkeskamp K.-J. *Oratoris maxima scaena*. Reden vor dem Volk in der politischen Kultur der Republik // Demokratie in Rom? Die Rolle des Volkes in der Politik der Römischen Republik / Hrsg. M. Jehne. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 1995. S. 30 (со ссылкой на работу: Flaig E. Politisierte Lebensführung und ästhetische Kultur am Beispiel des römischen Adels // Historische Anthropologie. 1993. Bd. I. S. 193–217). Также см.: Jehne M. Das römische Volk als Bezugsgröße und Machtfaktor // Politische Kultur und soziale Struktur der Römischen Republik. Bilanzen und Perspektiven, Akten der internationalen Tagung anlässlich des 70. Todestages von Friedrich Münzer (Münster, October 18–20, 2012) / Hrsg. M. Haake, A.-C. Harders. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2017. S. 535–549.

сама элита), его сложно считать пассивной, аморфной массой. Коллектив граждан, не относившихся к политическому классу, играл независимую роль во взаимодействии с элитой⁶. Вместе с тем, отсюда же можно перейти к выводу о том, что народ не мог действовать (полностью) самостоятельно, без руководства со стороны республиканской меритократической верхушки. Причем не любого ее представителя, а обычно того, кто в данный момент времени занимал государственные должности⁷.

В течение последних десятилетий исследования отдельных республиканских институтов и политических практик в значительной степени подтвердили это общее представление, но, в то же время, высветили границы его применимости, то есть факт того, что они не могут объяснить весь массив сведений источников. Ярким примером является изучение *contiones* – политических собраний, участники которых не принимали официальных решений и на которых – как чаще всего отмечается исследователями, специально занимавшимися этим вопросом, – магистраты (и, с их согласия, немагистраты) могли обращаться с речами к аудитории, идеологически конструируемой как *populus Romanus*. Нижеследующие наблюдения по поводу *contiones* важны еще и по той причине, что показывают ряд проблем, которые возникают при попытке современных ученых некритически использовать в качестве готового исследовательского инструментария такую терминологию античной нарративной традиции, в основе которой лежит дихотомия *privatus/magistratus*.

В настоящее время в историографии широко признано, точнее даже принято за аксиому, что «технически» (момент, когда мы видим попытку

⁶ Hölkeskamp K.-J. *Concordia contionalis*. Die rhetorische Konstruktion von Konsens in der römischen Republik // Genesis und Dynamiken der Mehrheitsentscheidung / Hrsg. E. Flaig. München: Oldenbourg Verlag, 2013. S. 110.

⁷ Ср.: Hölkeskamp K.-J. *Concordia contionalis*... S. 111. Одно из последних компактных обобщений хода дебатов по поводу политического устройства Республики см. в работе: Hölkeskamp K.-J. *Politics and Power in the Roman Republic – Then and Now*, in *Old Europe and the Brave New Anglophone World: A Documented Survey* // *The Roman Republic and Political Culture: German Scholarship in Translation. Classical Scholarship in Translation* / Eds. A. Russell, H. Beck. Cambridge: Cambridge University Press, 2025. P. 27–70.

исследователей определить границы «технического» и «нетехнического» определения политических терминов) собрания, называемые *contiones*, могли быть законно созваны только должностными лицами («гражданские» *contiones* – только магистратами)⁸. Но вряд ли можно отрицать, что в некоторых случаях, хотя и относительно немногочисленных, отдельные представители элиты, не занимавшие никаких должностей (а иногда даже отдельные лица из числа рядовых граждан) могли эффективно на практике воспроизводить без помощи магистратов именно тот тип политической коммуникации, который и представляли собой магистратские *contiones*⁹.

Важно признать, что в античной традиции такого рода неофициальные собрания обозначались термином *contiones* крайне редко. При этом в большинстве случаев они подчеркнута лишь уподоблялись «настоящим» *contiones*. Но даже если оставить в стороне (посчитав случайными, ошибочными или нерепрезентативными) ряд примеров прямого указания на немагистратские сходки при помощи понятия *contio* (без негативной коннотации или подчеркнутой иронии), и сделать простой вывод о том, что технически *contiones* они не являлись (подобно тому, как консулы, конечно, не являлись *privati*, несмотря на риторику Цицерона в упомянутом выше фрагменте), это не объясняет появление в античной традиции устойчивого уподобления неофициальных сходок именно «магистратским» *contiones*, а также не дает никакого ответа на вопрос о том, чем же принципиально они различались на практике¹⁰, если и на магистратских собраниях также произносились речи и не принимались официальные решения.

Возможны две линии рассуждений. С одной стороны, допустимо рассматривать эти два типа собраний как принципиально различавшиеся между собой, и именно поэтому сопоставлявшиеся друг с другом только в

⁸ Как фундаментальный факт, не требующий комментария, этот вывод отражен, например, в уже упомянутом актуальном обзоре историографии: Hölkeskamp K.-J. *Politics and Power...* P. 43.

⁹ См. гл. 2, §1.

¹⁰ Помимо фигуры организатора, так как любая внешняя атрибутика, включая возвышенную трибуну для оратора, не была строго необходима для магистратской *contio*.

рамках метафорических конструкций, в которых настойчиво (иногда подозрительно настойчиво) проводится тезис о том, что не все массовые собрания для произнесения политических речей можно назвать «настоящими» *contiones*. С другой стороны, ничто не запрещает нам, напротив, акцентировать внимание на их фундаментальном сходстве, без которого многократное (следовательно, явно неслучайное) применение по отношению к несанкционированным собраниям именно термина *contio*, а не какого-либо другого, – неважно с какой коннотацией – было бы невозможным.

Мне представляется, что складывавшаяся в античной традиции тенденция «резервирования» термина *contio* для магистратских собраний (такое словоупотребление, впрочем, не достигло полной строгости) важна, скорее, для понимания тенденции античных авторов и стремлений политического класса, интересы которого оказались отражены в нарративной традиции. Это, в принципе, не вызывает удивления, поскольку может быть понято как попытка хотя бы на словесном уровне (во всяком случае, в историографическом дискурсе античных авторов) установить границы бесконтрольной политической инициативе в условиях, когда реальный юридический запрет этих собраний, по-видимому, до конца эпохи Республики так и не был установлен¹¹, не говоря уже о введении практических, то есть полицейских, механизмов контроля и принуждения граждан (почти полное отсутствие таковых механизмов, опять-таки, совершенно стандартная ситуация для античного полиса). Однако это не отменяет сами политические реалии, которые стояли за упомянутыми «словесными этикетками», то есть сам факт существования несанкционированных собраний по инициативе *privati*, уподобляемых официальным собраниям, которые обозначались (важно снова заметить, тоже не всегда последовательно) понятием *contio*. Оба аспекта – как сходства, так и различия – важны, и оба должны быть учтены.

¹¹ Фролов Р.М. Этапы законодательного ограничения несанкционированных собраний в Риме // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. 2011. №13 (108). С. 12–19.

Так или иначе, принципиально то, что немагистратские *contiones* или *coetus* (как они нередко назывались) были частью действительной политической практики. Последняя, следовательно, в принципе допускала не просто политическую инициативу со стороны *privati*, а такую инициативу, которая по своей организационной форме (массовое собрание для произнесения политических речей), по крайней мере, приближалась к тому, что делали магистраты. То, что несанкционированные сходки такого рода редко засвидетельствованы в источниках, равно как и то, что античные авторы не торопятся называть их в прямом смысле *contiones*, не является противоречием и не может каким бы то ни было образом поставить под сомнение как сам факт их существования, так и их принципиальное сходство с магистратскими сходками.

Все сказанное по поводу несанкционированных политических сходов граждан в Римской республике имеет прямое отношение к методологии и обоснованию актуальности предмета исследования переходных статусов между *privati* и *magistratus*. И в том, и в том случае речь идет об изучении политических реалий, находившихся, во-первых, частично за рамками системы публично-правового регулирования, а во-вторых, не получивших специальных устойчивых обозначений в терминологии античных источников.

Обращаясь к аналогии с изучением несанкционированных массовых собраний, следует еще раз подчеркнуть, что частью стандартной политической практики их организация, как и другие действия частных лиц по имитации функций, закрепленных по умолчанию за магистратами, все же не стала. Во всяком случае, такое впечатление создают имеющиеся источники, несмотря на то что исследователям удалось собрать значительный объем сведений о несанкционированных публичных собраниях¹². Если добавить к

¹² Ср.: O'Neill P. A Culture of Sociability: Popular Speech in Ancient Rome. PhD Thesis. University of Southern California, 2001. 327 p.; Mueller H.-F. *Nocturni coetus* in 494 BC // *Augusto augurio. Rerum Humanarum et Divinarum Commentationes in Honorem Jerzy Linderski* / Ed. C.F. Konrad. Stuttgart: Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2004. P. 77–88; Bert Lott J. *The Neighborhoods of Augustan Rome*. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. 262 p.; Flower H.I. *Beyond the contio: Political Communication in the Tribune of Tiberius Gracchus* //

этому данные о других вариантах политической инициативы *privati*, возможности по ее изучению несколько возрастают. Однако подобные случаи представляют собой настолько редкие исключения, что лишь с трудом позволяют выйти на уровень каких-либо обобщений.

Так, например, согласно некоторым вариантам античной традиции, Л. Брут основал Республику, будучи *privatus* (хотя формальный статус Брута в источниках не определен однозначно; см. об этом гл. 1, §2). Великий понтифик (т.е. не *magistratus*, а *privatus*) П. Корнелий Сципион Назика выступил против Тиберия Гракха в 133 г., по сути, заменив консулов в деле противостояния последнему. Молодой Гн. Помпей, не имевший никакой должности, собрал армию в ходе гражданской войны, оказав важное влияние на нее¹³. Заключительный этап господства Л. Корнелия Суллы (период после отказа от магистратуры диктатора), вероятно, предоставляет нам еще один пример *privatus*, достигшего влияния, сопоставимого с влиянием высших должностных лиц или даже превышавшего его¹⁴. Деятельность Гн. Помпея в

Community and Communication: Oratory and Politics in Republican Rome. Oxford: Oxford University Press, 2013. P. 85–100; Logghe L. Plebeian Agency in the Later Roman Republic // Mass and Elite in the Greek and Roman Worlds: From Sparta to Late Antiquity / Ed. R.J. Evans. London; New York: Routledge, 2017. P. 63–81; Knopf F. *Circuli – Statuen – Funera*. ‚Unverfasste‘ Partizipationsformen der spätrepublikanischen Plebs // Klio. 2019. Vol. 101. S. 107–141.

¹³ Также ср. призыв М. Порция Катона к сыну Помпея взять инициативу в свои руки и спасти государство, будучи *privatus* (*BAlex.* 22.2).

¹⁴ Плутарх (*Sull.* 37.3–4) и Валерий Максим (9.3.8) сообщают, что перед смертью Сулла приказал задушить Грания, местного магистрата в Путеолах. Л. Силье и Ф. Ретиф задаются вопросом: «Как Сулла, будучи частным лицом, мог вмешиваться в дела местного магистрата? Какое право имел он отдать приказ о казни Грания?». Исследователи разрешают эту проблему, утверждая, что «эта история, похоже, была выдумкой с морализаторским подтекстом – жестокий тиран провоцирует собственную смерть, впадая в ярость из-за скандала местного значения» (Cilliers L., Retief F.P. The Sulla Syndrome // *Acta Classica*. 2000. Vol. 43. P. 37, n. 24). Но возможна ли интерпретация с меньшим числом допущений? Даже будучи частным лицом, Сулла сохранял, если можно так сказать, квази-магистратскую власть или во всяком случае такие возможности, которые оказались достаточными, чтобы «свести счеты» с местным магистратом. В том же ключе мы можем задаться вопросом о том, какой именно эффект Саллюстий надеялся вызвать, поместив антисулланскую речь Лепида в описание событий начала 78 г., когда Сулла еще был жив и – что важно в рассматриваемом мной контексте – «представляя Суллу как человека, который цеплялся за власть», несмотря на то что уже отказался от диктаторских полномочий и стал *privatus* (см. об этом: Rosenblitt J.A. *Rome after Sulla*. London; New York: Bloomsbury Academic, 2019. P. 95–98; по поводу слабости тезиса о том, что Саллюстий лишь

качестве *privatus* в 58 г. привела к важным законодательным инициативам магистратов¹⁵. Но, вероятно, наиболее известным является пример Октавиана. В 44 г., несмотря на то, что он был только *privatus*, Октавиан по собственной инициативе собрал армию и смог достичь такого положения, что действовал на равных с высшими магистратами Республики и взаимодействовал с ее коллективными институтами так, как обычно не предусматривалось для *privati*¹⁶.

Однако возникает вопрос о том, возможно ли рассматривать все эти весьма различные эпизоды как составляющие единого феномена. Если мы попытаемся собрать такие случаи, чтобы понять, например, мог ли (и с какими оговорками) Октавиан сослаться на примеры *privati*, «спасавших» Республику до него¹⁷, мы почти немедленно (как только выйдем за рамки рассмотрения наиболее очевидных параллелей, таких как случай молодого Гн. Помпея) столкнемся с двумя проблемами. Во-первых, эпизоды, в которых частные лица заменяли магистратов, как уже отмечалось, очень редки. Во-вторых, каждый из таких случаев настолько специфичен, что все вместе их трудно

запутался в хронологии, также см.: C. Sallusti Crispi Historiae I: fragmenta 1.1–146. Texte und Kommentare, Bd 51 / Hrsg. A. La Penna, R. Funari. Berlin; Boston: De Gruyter, 2015. P. 170–171). Но какими бы ни были цели Саллюстия и возможные ошибки в повествовании, его читатель, должно быть, считал правдоподобным, что экс-диктатор, *privatus*, мог сохранить власть того рода, которую предполагалось иметь только магистратам. (*Hist.* 1.48.13 McGushin = 1.49.13 Ramsey: *leges, iudicia, aerarium, provinciae, reges penes unum, denique necis civium et vitae licentia*; ср.: C. Sallusti Crispi Historiae I / Hrsg. A. La Penna, R. Funari... P. 170, 197–198). Адресованные Сулле призывы на деле вернуться к статусу *privatus* даже стали стандартным упражнением в курсе риторической подготовки (*Juv.* 1.15–17: *et nos ergo manum ferulae subduximus, et nos/ consilium dedimus Sullae, privatus ut altum/ dormiret*). О Сулле также см. ниже.

¹⁵ По поводу событий 58 г., см. Cic. *Att.* 3.18.1: *actorem etiam daturum* (комм. Shackleton Bailey D.R. Cicero's Letters to Atticus. Vol. 2. Cambridge: Cambridge University Press, 1965. P. 155: «Someone to propose the necessary legislation»). Также ср. *Att.* 1.19.4: *agraria lex a Flavio tribuno pl. vehementer agitabatur auctore Pompeio, quae nihil populare habebat praeter actorem* (комм.: Shackleton Bailey D.R. Cicero's Letters to Atticus. Vol. 1. Cambridge: Cambridge University Press, 1965. P. 336). Здесь следует обратить внимание на разницу между *auctor* и *actor*.

¹⁶ Béranger J. Die Machtübernahme des Augustus und die Ideologie des '*privatus*' // Ideologie und Herrschaft in der Antike / Hrsg. H. Kloft. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1979. P. 318. К этому вопросу я вернусь в гл. 2.

¹⁷ См., напр.: Galinsky K. Augustan Culture. An Interpretive Introduction. Princeton: Princeton University Press, 1996. P. 49–51.

анализировать одинаковым образом. Например, сложно сопоставимыми являются ситуации, когда *privatus* Помпей собирал армию и когда он же искал среди магистратов тех, кто мог бы официально выдвинуть необходимую ему законодательную инициативу. Еще больше различий между, с одной стороны, этими двумя эпизодами и, с другой стороны, анекдотом о том, как Катон взял на себя магистратские обязанности своего друга эдила Фавония в 53 г.¹⁸. Деятельность всадника Л. Марция Септима в качестве *tumultuarius dux*, который командовал римской армией вместо законных носителей империя, созывал *contiones* и писал сенату, называя себя пропретором (Liv. 25.37–39; 26.2), может показаться, на первый взгляд, сопоставимой со случаем молодого Гн. Помпея, но в действительности различия принципиальны (о Марции см. гл. 1, §2). Все это – отмечу еще раз – делает очень сложным (хотя, конечно, не невозможным¹⁹) исследование таких ситуаций в тесной взаимосвязи друг с другом для формулирования более общих наблюдений.

Даже если мы решимся на такого рода сопоставления, затруднительно будет обойти как минимум одну фундаментальную проблему. Если нас интересуют причины, по которым политический субъект мог стать успешным или, наоборот, неуспешным в своей попытке заменить магистрата в роли политического лидера, мы, возможно, могли бы сделать обоснованные наблюдения по поводу таких факторов, как неформальное влияние частного лица, сила его социальных связей, финансовые ресурсы, правильный подбор момента или тщательность подготовки вмешательства в ход событий. Однако в абсолютном большинстве случаев было бы не так просто оценить, каким образом и в какой степени институционализированная публичная власть

¹⁸ Plut. *Cat. Min.* 46; Van der Blom H. *Oratory and Political Career in the Late Roman Republic*. Cambridge: Cambridge University Press, 2016. P. 231–232.

¹⁹ Ср., напр.: Béranger J. *Die Machtübernahme des Augustus...* S. 315–335; Ridley R.T. *The Emperor's Retrospect: Augustus' "Res gestae" in Epigraphy, Historiography and Commentary*. Leuven; Dudley, MA: Peeters, 2003. P. 161–162; Lehmann G.A. *Der Beginn der res gestae des Augustus und das politische exemplum des Cn. Pompeius Magnus* // *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik*. 2004. Bd. 148. S. 151–162; Hodgson L. *Appropriation and Adaptation: Republican Idiom in Res Gestae 1.1* // *Classical Quarterly*. 2014. Vol. 64. P. 254–269. Также см. гл. 2.

(*imperium*, *potestas* или такие компоненты, как *ius edicendi*) могла определять политический успех, поскольку *privatus par excellence* не обладал такой властью по определению. Мы можем отчасти обойти это затруднение, сравнив, например, эффективность вмешательства одного частного лица с эффективностью вмешательства его соперников, которые оказались действующими магистратами в той же самой конфликтной ситуации. Однако представленное ниже исследование строится таким образом, чтобы предложить другой подход, позволяющий задействовать, как представляется, более широкий и несколько менее гетерогенный комплекс сведений источников.

Итак, в отношении действующих магистратов разумно сначала предположить, что их успех зависел от *imperium*, *potestas* и других институционализированных возможностей. Оценив влияние последних, можно попытаться определить роль других факторов. Различить значение тех и других крайне трудно, особенно при анализе римской политической системы, существенные компоненты которой были задуманы таким образом, чтобы оставить значительный простор для действий вне установленных законодательным образом или устойчивым узусом рамок. С другой стороны, вмешательство некоторых *privati* в политический процесс в попытке действовать так, как если бы они были магистратами, вряд ли позволяет оценить значимость обладания институциональной властью (ведь эти акторы были лишены ее по определению). В настоящей диссертации предлагается поэтому поместить в фокус исследовательского внимания обладателей переходных или промежуточных позиций или статусов между *privati* и *magistratus* и рассмотреть то, каким образом они могли стать значимыми фигурами в гражданском коллективе или потерпеть неудачу, оставляя при этом след в античной традиции.

Такой ракурс рассмотрения, насколько мне известно, ранее не предлагался в историографии. Как только что было отмечено, он позволяет существенно расширить массив сведений, доступных для сравнительного

анализа при изучении механизмов политического лидерства в Римской республике, причем сделать это не за счет переноса внимания на акторов, никак не задействованных в системе магистратур (как это сделано, например, в подготовленном К. Бёрденом-Стревенсом и мной недавнем коллективном труде, в котором рассматривается политическая инициатива, в том числе, представителей провинций, влиятельных женщин из числа правящей элиты, солдатской массы и др.²⁰), а путем рассмотрения переходных позиций между *privati* и *magistratus*, для которых нельзя априори, еще до начала изучения конкретных показаний источников, сделать какое-либо обоснованное предположение по поводу относительного вклада в их успех или неудачу институционализированных полномочий и иных факторов, потенциально способных объяснить результат их политической активности.

Актуальность избранной темы также определяется ее потенциалом для изучения содержания труднопереводимых на современные языки римских политико-правовых категорий, таких как *auctoritas*, которые не имеют прямых аналогов в современных политических системах²¹. Возвращаясь к примеру Л. Корнелия Суллы, можно вспомнить о том, что, отказавшись от диктатуры, по нормам римского права он безусловно стал *privatus*, но когда Плутарх описывает положение экс-диктатора, он отмечает, что Сулла посещал форум ὥσπερ ἰδιώτης, «будто частный человек», готовый ответить на любую критику своих предшествующих действий (*Sull.* 34.3–5; ср. *App. BC.* 1.103). Как отмечал Р. Сайм, теперь «Суллы был частным лицом, но не лишенным *auctoritas*»²². Если согласиться с предположением Р. Сайма по поводу *auctoritas* и сопоставить это наблюдение с использованием Плутархом слова «ὥσπερ», то можно сделать наблюдение о том, что личная *auctoritas* частного гражданина в данном случае послужила компенсатором потери статуса магистрата.

²⁰ Leadership and Initiative in Late Republican and Early Imperial Rome / Eds. R.M. Frolov, C. Burden-Strevens. Leiden; Boston: Brill, 2022. 522 p.

²¹ Hellegouarc'h J. Le vocabulaire latin des relations et des partis politiques sous la République, Paris: Les Belles Lettres, 1963. P. 295.

²² Syme R. The Abdication of Sulla // Syme R. Approaching the Roman Revolution: Papers on Republican History / Ed. F. Santangelo. Oxford: Oxford University Press, 2016. P. 75.

Употребление ὄψωρ может указывать на общее представление о том, что формальный статус Суллы как ἰδιώτης совершенно не соответствовал его фактическому политическому положению, а его попытка вести себя все же как ἰδιώτης оценивалась, напротив, как странная прихоть самого Суллы, по-прежнему обладавшего огромной властью. Именно ее Р. Сайм и определяет как *auctoritas*, опираясь на имплицитное сопоставление с теми случаями, где, в отличие от греческого текста данного пассажа у Плутарха, этот термин употребляется непосредственно²³.

Конечно, случай Суллы экстремален, но ситуации, в которых видно выраженное противоречие между формальным статусом и реальным политическим положением, проясняют этот аспект *auctoritas* лучше, чем «нормальные» случаи, когда, например, бывшие магистраты продолжали пользоваться политическим влиянием уже в качестве *privati* после окончания срока своих полномочий, реализуя свою *auctoritas*, прежде всего, за счет того, что к их мнению прислушивались сенат, народ и магистраты (ср. Тас. *Dial.* 36: *hi ne privati quidem sine potestate erant, cum et populum et senatum consilio et auctoritate regerent*).

Проблема, однако в том, что необычные ситуации, когда *privatus* демонстрирует *auctoritas* такого порядка, чтобы заставить античных авторов сообщать о ней, чрезвычайно редки, и даже имеющиеся примеры малоинформативны. Так, можно обратить внимание на роль М. Эмилия Скавра как советника и помощника консула Л. Оппимия в условиях противостояния последнего с Г. Гракхом в 121 г. (*Vir. ill.* 72.1.9: *tantumque auctoritate potuit, ut Opimium contra Gracchum, Marium contra Glauciam et Saturninum priuato consilio armaret*). В исследовательской литературе отмечается, что, будучи лишь эдилицием, Скавр вряд ли имел возможность влиять на консула в таких вопросах и с таким результатом, о которых говорят источники, хотя предлагаются некоторые объяснения того, как Скавр все же

²³ См., напр.: Syme R. *The Abdication of Sulla*... P. 62.

мог успешно справиться с такой важной ролью²⁴. Однако мы не имеем никакой конкретной информации в источниках о том, каким именно образом он мог добиться описываемого эффекта, и остаемся практически в полном неведении относительно механики реализации Скавром его необычно значительной *auctoritas*²⁵. Трудность состоит в том, что сама эта категория, видимо, должна была сообщить всю необходимую дополнительную информацию античному читателю, хорошо знакомому с теми практиками, которые ей обозначались.

В такой ситуации перенос фокуса исследовательского внимания на изучение переходных статусов между *privati* и *magistratus*, таких как *magistratus designati*, носителям которых тоже приписывается иногда обладание значительной *auctoritas*, может послужить дополнительным источником информации о содержательном наполнении этого понятия. Можно попытаться оценить условия, при которых неформальная *auctoritas* могла стать, во-первых, видимой в античной нарративной традиции (связываемой с «отыгрыванием» определенной роли или конкретным действием, а не служащей простой констатацией достигнутого положения²⁶) и, во-вторых, признаваемой политическими оппонентами. То, что понятие *auctoritas* происходит от слова *auctor*, «инициатор»²⁷, также будет важно в контексте проведения такого анализа.

²⁴ Gruen E.S. *Roman Politics and the Criminal Courts*, 149–78 B.C. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1968. P. 97; Bates R.L. ‘*Rex in senatu*’: A Political Biography of M. Aemilius Scaurus // *Proceedings of the American Philosophical Society*. 1986. Vol. 130. P. 252–253, 256; Shatzman I. Scaurus, Marius and the Metelli: A Prosopographical-Factional Case // *Ancient Society*. 1974. Vol. 5. P. 200–201; Ps. Aurelius Victor, *De viris illustribus urbis Romae*. Über berühmte Männer der Stadt Rom / Hrsg. J. Fugmann. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 2016. S. 395–396.

²⁵ Ср., напр.: Shatzman I. Scaurus, Marius and the Metelli... P. 201: «We may then accept that Scaurus was influential in 121, even though his “private counsel” was surely only one of the factors that drove Opimius to attack Gaius Gracchus». Также см. Cic. *Sest.* 101; *Font.* 24.

²⁶ Ср.: Baudry R., Hurlet F., Rivoal I. Le prestige à Rome à la fin de la République et au début du Principat. Introduction // *Le prestige à Rome à la fin de la République et au début du Principat* / Eds. R. Baudry, F. Hurlet. Paris: Edition de Boccard, 2016. P. 9–17.

²⁷ Ср.: Hölkeskamp K.-J. *Leges Publilia et Maenia de patrum auctoritate* – Positionen und Perspektiven // *L’auctoritas à Rome: une notion constitutive de la culture politique* / Ed. J.-M. David, R. Baudry, F. Hurlet. Bordeaux: Ausonius, 2020. P. 185–186; Santangelo F. Priestly *auctoritas* in the Roman Republic // *Classical Quarterly*. 2013. Vol. 63. P. 744.

Еще одна причина, по которой вопрос о переходных статусах заслуживает подробного исследования, связана с изучением установления Принципата, когда магистраты утратили свое политическое значение, сохранив, как пишет Тацит, лишь наименования (Тас. *Ann.* 1.3: *eadem magistratuum vocabula*). В условиях *libera res publica* именно от магистратов ожидалось, что они будут осуществлять реальное руководство, как в сфере *domi*, так и в сфере *militiae*. Эти ожидания и соответствующие полномочия сопровождались целым рядом ограничений, включая короткий срок обладания властью, ограничения итерации, коллегиальность. Неудивительно поэтому, что в рамках такой системы любая важная политическая инициатива, источником которой не был магистрат, рассматривалась как потенциально опасная, тем более, в том случае, когда она исходила от должностных лиц, не относившихся к числу магистратов, не ограниченных предусмотренными для них «сдержками и противовесами», даже если существовали иные, собственные, ограничения для таких функционеров (здесь я имею в виду прежде всего промагистратов). Современные исследователи прослеживают республиканскую предысторию практики обособления отдельных магистратских полномочий от магистратуры, позднее ставшей, по выражению А. Якобсона, «типичным инструментом Августа»²⁸. Исследование переходных статусов между *privati* и *magistratus* предлагает новый ракурс рассмотрения элементов политической практики, которые связывали Республику и Принципат.

Обсуждение вопроса о наличии или отсутствии у магистратов-десигнатов *ius edicendi*, как будет показано в гл. 2, позволяет точнее определить содержание самого понятия *edictum*, проверить некоторые

²⁸ Yakobson A. Augustus, the Roman Plebs and the Dictatorship: 22 BCE and Beyond // *Rulers and Ruled in Ancient Greece, Rome, and China* / Eds. H. Beck, G. Vankeerberghen. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 2021. P. 282. О пророгации империя в эпоху Республики как инновации, означавшей «отделение от высших магистратур полномочий, относящихся к ним», см.: Beck H. *Consular Power and the Roman Constitution: The Case of imperium Reconsidered* // *Consuls and Res Publica: Holding High Office in the Roman Republic* / Eds. H. Beck, A. Duplá, M. Jehne, F. Pina Polo. Cambridge: Cambridge University Press, 2011. P. 88.

исследовательские представления, включая, концепции «декларативного эдикта» и «эдикта отложенного действия».

Наконец, исследование случаев, в которых магистраты уступали другим акторам ведущую политическую роль, позволяет составить более развернутое и углубленное представление о магистратуре как таковой. Изучение переходных статусов связано с выяснением того, что именно (помимо набора формальных прерогатив, символов власти или перформативных практик) отличало *magistratus* от *privati* – или должно было отличать, по мнению античных авторов. Немаловажным может оказаться изучение переходных статусов для понимания общих особенностей терминологии источников, в частности, для выяснения дополнительных причин того, что римляне только некоторых должностных лиц относили к категории *magistratus*. Современный наблюдатель может счесть эту ситуацию относительно малозначимым следствием несовершенства римской политико-правовой систематики или даже результатом того, что позднейшие реконструкции и объяснения прошлого, особенно в рамках антикварной традиции, оказывались искусственными и слабо связанными с политическими реалиями. Однако с римской точки зрения противопоставление магистратов и иных должностных лиц все же было немаловажным, и уже поэтому требует объяснения.

В порядке методологического отступления необходимо оговорить уже при формулировке актуальности и предмета диссертационного исследования, что использование научных абстракций и конструирование, в том числе с использованием терминологии античных источников, исследовательских понятий, помогающих обобщать имеющие данные, подмечая общее и особенное, – весьма распространенный подход в антиковедении, в том числе при изучении истории политической культуры античных социумов. Это относится, например, к такой фундаментальной исследовательской категории, как *imperium*, ставшей настолько привычной, что антиковеды иногда забывают о том, что речь идет все же о научной абстракции, пусть даже частично синхронной изучаемому периоду (ввиду чего любой анализ будет,

конечно, начинаться с рассмотрения античного словоупотребления этого термина). Как пишет В.В. Дементьева, «Применение термина *imperium* как публично-правового понятия корнями уходит в произведения авторов Поздней республики». Однако то обстоятельство, что «в царский период и Раннюю республику оно не существовало как юридическая абстракция, никоим образом не мешает использовать его по отношению к этим этапам римской истории в качестве элемента категориального аппарата современной романистики. Многих понятий не существовало в ту или иную эпоху, но исследователи их используют как научные абстракции»²⁹. Здесь нельзя не вспомнить и о спорах по поводу понятия «римская конституция» и, конечно, по вопросу о том, можно ли Римскую республику определить как «государство», или это понятие следует считать анахронистичным и не применимым к римской *civitas*³⁰.

То же самое, *mutatis mutandis*, можно сказать и о тех научных категориях, которые, в отличие от понятия *imperium*, целиком асинхронны эпохам, которые описывают. В своей статье о категории «реформа» в приложении к античной истории У. Вальтер ставит вопрос: «является ли она неприменимой к античности ввиду того, что анахронистическим образом привносит современные представления»³¹? По его мнению, «историки вынуждены использовать термины и понятия, которые были неизвестны в изучаемый период; концептуальный позитивизм ничего не объясняет», хотя можно попытаться точнее обозначить границы понятия «реформа»³².

²⁹ Дементьева В.В. Магистратская власть Римской республики: содержание понятия *imperium* // Вестник древней истории. 2005. № 4 (254). С. 55.

³⁰ Дементьева В.В. Государственно-правовое устройство античного Рима: ранняя монархия и республика. Ярославль: ЯрГУ, 2004. 248 с. О применимости понятия «государство» по отношению к Римской империи см. недавнюю публикацию: Shaw B.D. Was the Roman State a State? // *Medieval Worlds*. 2023. Vol. 18. P. 3–36; Debate. Was There a Medieval «State»? (Di Cosmo N., Gasparri S., La Rocca C., Goetz H.-W., Haldon J., Stouraitis Y., Le Jan R.) // *Medieval Worlds*. 2023. Vol. 18. P. 37–71.

³¹ Walter U. Praxis ohne Begriff? „Reformen“ in der Antike // „*In omni historia curiosus*“: Studien zur Geschichte von der Antike bis zur Neuzeit: Festschrift für Helmuth Schneider zum 65. Geburtstag. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2011. S. 112.

³² Walter U. Praxis ohne Begriff... S. 118.

Как мне представляется, результаты последних исследований политической культуры античного Рима подталкивают к формулировке еще одной научной абстракции, позволяющей по-новому отбирать, организовывать, обобщать и интерпретировать имеющийся источниковый материал: переходные статусы между *privati* и *magistratus*.

Таким образом, **объектом исследования** являются публично-правовая система и политическая культура Римской республики.

Предмет исследования составляет деятельность лиц, имевших статус, переходный между *privati* и *magistratus* (магистратов-десигнатов, магистратов, временно отстраненных от исполнения обязанностей, и промагистратов), в качестве самостоятельных субъектов политики в сфере *domi*.

Цель работы двуделина: с одной стороны, она состоит в том, чтобы выявить механизмы реализации политического лидерства в Римской республике на стыке публично-правового регулирования и неформальной политики через призму рассмотрения институциональных рамок и практических результатов деятельности обладателей переходных статусов между *privati* и *magistratus* в городе Риме и в сфере *domi* в целом. Необходимо рассмотреть способы, при помощи которых политические лидеры могли добиться успеха или, напротив, потерпеть неудачу в попытках оказать влияние на «повестку дня». Иными словами, важно выявить, что именно определяло успех или неудачу обладателей переходных статусов в политической сфере, какие факторы оказывали наибольшее влияние, в какой мере формальные полномочия, связанные с должностью, или их отсутствие (либо затруднения при их фактическом применении) предопределяли исход политического момента.

С другой стороны, помимо изучения самих реалий, цель исследования состоит также в том, чтобы попытаться определить способы и приемы, при помощи которых античные наблюдатели замечали, описывали и оценивали деятельность граждан переходных статусов, даже если оперировали

исключительно такой терминологией (дихотомией *privatus/magistratus*), которая не вполне подходила для указанного применения.

Исследовательские задачи. Сообразно с поставленными целями, исследование предусматривает решение следующих задач:

1. Для получения сравнительного материала и формулировки конкретных вопросов, необходимых для анализа переходных статусов между *privati* и *magistratus*, важно рассмотреть условия, механизмы и способы описания (терминологию и оценки) в источниках некоторых случаев вмешательства собственно *privati* в политический процесс в роли его самостоятельных организаторов.

2. В рамках изучения положения магистратов-десигнатов уточнить их публично-правовой статус, наличие или отсутствие у них отдельных полномочий действующих магистратов.

3. Рассмотреть способы описания античными авторами и оценки ими ситуаций, в которых десигнаты (прежде всего, консулы-десигнаты) выступали в качестве самостоятельных субъектов политического процесса, индивидуальные действия которых оказывались различимы в античной нарративной традиции. Определить условия и причины возникновения таких ситуаций.

4. Выявить конкретные механизмы, как публично-правовые, так и неформальные, по оказанию десигнатами влияния на политический процесс.

5. В контексте рассмотрения вопроса об отстранении магистратов от должностных обязанностей изучить публично-правовое содержание и практику абдикации и аброгации магистратур в эпоху Республики.

6. Определить механизмы ограничения возможностей применения магистратской власти без ее формального лишения. Выявить соответствующие эпизоды.

7. Уточнить статус магистрата и публично-правовые последствия в случае его отстранения от должностных обязанностей.

8. Изучить терминологию античной традиции для обозначения отстранения магистратов от должностных обязанностей.

9. Определить конкретные механизмы и маркеры описания в источниках отстранения магистратов от должностных обязанностей.

10. Рассмотреть реакцию и модели поведения магистратов в случае их отстранения, механизмы и признаки восстановления их положения, если таковое было возможно. Предложить интерпретацию значения данного механизма для исторического развития политической системы и политической культуры Республики в целом.

11. В рамках изучения политической роли промагистратов уточнить их публично-правовое положение, терминологию для их обозначения в зависимости от модальностей оказания ими влияния на политический процесс в сфере *domi*.

12. Выявить эпизоды вмешательства промагистратов в сферу *domi*, способы описания этих случаев в античной традиции. Определить публично-правовые и неформальные механизмы такого вмешательства, наличие или отсутствие в ходе него нарушений правовых норм, роль магистратов и других акторов в таких случаях. Уточнить степень регулярности или, наоборот, исключительности рассматриваемых ситуаций на разных этапах развития Республики. Выявить, если таковые имеются, изменения в практике вмешательства промагистратов в сферу *domi* в эпоху Республики.

13. С целью проверки гипотезы о том, что после завершения магистратских полномочий триумвиры *rei publicae constituendae* оказались формально на положении проконсулов, изучить имеющиеся в историографии интерпретации их правового положения после 33 г. Рассмотреть конкретные сведения о деятельности триумвиров (или экс-триумвиров) *r.p.c.* в сфере *domi* в этот период времени.

14. По результатам анализа всех трех переходных статусов между *privati* и *magistratus* определить, существуют ли общие тенденции при их описании и оценке их политической деятельности античной традицией.

Сделать предварительные наблюдения относительно того, возможно ли, и если да, то каким образом, применить сделанные выводы при интерпретации политического развития в эпоху Августа и его первых преемников.

Хронологические рамки исследования охватывают главным образом III–I вв. до н.э., причем в значительной части работы речь идет о I в. Это определяется не только общим состоянием источниковой базы изучения истории Республики (которая, как известно, чаще всего более надежна для указанного промежутка времени, чем для первых веков существования *libera res publica*), но и тем обстоятельством, что сами изучаемые реалии – переходные статусы между *privati* и *magistratus* – возникли или стали заметными для современного им наблюдателя лишь в основном в этот период. Так, институт промагистратуры появляется в конце IV в.³³ Но даже после ее возникновения редки какие-либо сведения о влиянии промагистратов на процессы в сфере *domi*. В основном они относятся к последнему столетию Республики, причем, главным образом, касаются деятельности весьма короткого списка хорошо известных фигур римской истории (Л. Корнелий Сулла, Гн. Помпей, Г. Юлий Цезарь, Октавиан). Статус магистрата-десигната существовал и ранее, но сведений даже о консулах-десигнатах периода до I в. практически не сохранилось³⁴. Лишь начиная в I в., параллельно с увеличением промежутка времени между выборами консулов и вступлением их в должность³⁵, мы начинаем видеть в источниках конкретные описания политической активности данных акторов. Наконец, описания случаев временного отстранения магистратов от исполнения обязанностей можно было бы ожидать и для более раннего периода, однако, как будет показано далее, сам механизм оказывается (за минимальным исключением)

³³ Kunkel W., Wittmann R. *Staatsordnung und Staatspraxis der Römischen Republik*. München: C.H. Beck, 1995. S. 15–16; Kloft H. *Prorogation und außerordentliche Imperien*, 326–81 v. Chr. *Untersuchungen zur Verfassung der römischen Republik*. Meisenheim am Glan: Anton Hain, 1977. S. 20.

³⁴ Pina Polo F. The Political Role of the *consules designati* at Rome // *Historia*. 2013. Bd. 62. P. 423.

³⁵ Pina Polo F. The Political Role... P. 435.

засвидетельствованным лишь с конца II в., что заставляет задуматься о связи этого явления с первым случаем собственно лишения должности (аброгация трибуната М. Октавия в 133 г.).

Ряд важных примеров самостоятельной политической инициативы *privati par excellence*, а также некоторые исключительные случаи появления в источниках информации, которую можно связать с обсуждаемыми переходными статусами, касаются времени вплоть до начала Республики. Однако содержание представленного ниже исследования показывает, как быстро нарастает «плотность» обсуждаемых эпизодов, связанных со всеми тремя основными типами переходных статусов, по мере приближения к эпохе триумvirата и принципату Августа. На мой взгляд, это не случайно. Поэтому важно сделать и некоторые предварительные наблюдения по поводу того, как полученные в диссертации выводы могут быть применены в исследованиях раннего Принципата.

Географические рамки исследования включают всю территорию Римской державы изучаемого периода. Хотя специфика политической системы Республики и формулировка темы диссертации предполагает, что главное внимание уделяется территории города Рима и его ближайшей округи, ряд важных источников эпиграфического характера происходят из провинций.

Источниковую базу диссертационной работы составляет, прежде всего, античная нарративная традиция, а во вторую очередь эпиграфические источники. Эпизодически могут быть также применены данные нумизматики и папирологии.

Исследовательские дискуссии о степени достоверности античной нарративной традиции по истории Римской республики не привели к устойчивому консенсусу. Спор о возможности или невозможности – если использовать терминологию Т. Корнелла³⁶ – выделить «структурные факты» и «нарративную суперструктуру» в сочинениях древних авторов

³⁶ Cornell T. The Beginnings of Rome: Italy and Rome from the Bronze Age to the Punic Wars (c. 1000–264 BC). London: Routledge, 1995. P. 16–18.

продолжается³⁷. Тем важнее попробовать определить, могут ли наблюдения по поводу переходных статусов между *privati* и *magistratus* привести к переоценке достоверности некоторых сочинений и отдельных пассажей античных авторов не в глобальном, а в конкретном отношении.

Наибольшее значение для рассматриваемой темы имеют свидетельства Цицерона, Тита Ливия, Плутарха, Аппиана, Кассия Диона.

Труды М. Туллия Цицерона (106–43 гг.) – один из главных источников по рассматриваемой теме. Цицерон предоставляет сведения о судебном преследовании магистратов-десигнатов, о том, как мог выглядеть процесс разработки претором-десигнатом будущего *edictum perpetuum* (*Verr.* 2.1.104–105, 109), дает возможность ясно увидеть, что магистраты-десигнаты являлись именно *privati*, причем успех их действий определялся *auctoritas*, а не наличием каких-либо магистратских полномочий (*Pis.* 8).

При изучении случаев отстранения магистратов от должностных обязанностей сочинения Цицерона часто играют роль важных вспомогательных источников. Так, он позволяет уточнить хронологию событий, связанных с восстановлением положения плебейского трибуна Кв. Цецилия Метелла Непота после его отстранения в 62 г. (*Cic. Fam.* 5.2.8, 5.2.9; ср. *Sest.* 62; *Schol. Bob.* 134 Stangl).

Особый интерес представляют (и наибольшее доверие вызывают) те замечания Цицерона, которые он делает «вскользь», отражая, тем самым, взгляды, принимаемые римлянами как само собой разумеющиеся, например, по поводу неприемлемости вмешательства промагистратов в сферу *domi*. Кроме того, можно уловить эволюцию воззрений самого античного автора, которая, по-видимому, отражала общее изменение представлений римлян об их политической системе. В поздних критических высказываниях оратора по поводу М. Антония просматривается имплицитное признание самого факта расширения степени вовлечения промагистратов в политический процесс в Риме (см. гл. 4, §5.4).

³⁷ Hölkeskamp K-J. *Politics and Power in the Roman Republic...* P. 47.

Всегда особенно информативны те тексты, в которых Цицерон описывает с формально-правовой точки зрения примерно одну и ту же ситуацию, но по политическим мотивам дает ей в разных местах своих сочинений различающиеся оценки. Мне представляется, что даже в этом случае риторические задачи Цицерона необязательно нивелируют значение его пассажей как источника сведений о правовых реалиях³⁸. Например, во фрагменте *Leg. Man.* 50 говорится о том, что Помпей, являвшийся промагистратом, должен был бы получить командование, даже если бы был только *privatus*, находившимся в Риме без армии. Отсюда, кажется, следует, что промагистратов Цицерон не относил к числу *privati*. Однако в других пассажах (*Leg. Man.* 62; *Phil.* 11.18) Помпея, уже имевшего статус промагистрата, Цицерон прямо называет *privatus*. Эти различия обусловлены политическими задачами оратора в каждом из случаев, однако при ближайшем рассмотрении их все же можно считать адекватными формальному определению промагистратов как *privati* (аргументацию см. в гл. 4, §1.3).

Комментатор Цицерона Кв. Асконий Педиан (ок. 9 г. до н.э. – 78 г. н.э.) позволяет уточнить сведения великого оратора. Например, поясняя ситуацию, сложившуюся вокруг М. Эмилия Скавра, кандидата в консулы на 53 г., Асконий дает возможность проверить тезис об отсутствии у десигнатов судебного иммунитета: этот вывод поддерживается деталями о конкретных обстоятельствах, которые Асконий приводит, чтобы пояснить слова Цицерона.

Помимо Аскония, интерпретации свидетельств Цицерона иногда способствует М. Фабий Квинтилиан (ок. 35–100 г.). Например, ассоциация Цицероном *administratio rei publicae* со способностью не только исполнять магистратуры, но и действовать в качестве политического советника (*consiliarius*) и в самом широком смысле инициатора политических проектов (*auctor*) находит поддержку в одном из пассажей Квинтилиана, где

³⁸ Cp.: Lintott A. *Cicero as Evidence: A Historian's Companion*. Oxford; New York: Oxford University Press, 2008. P. 33–39.

administratio описывается как общая способность к политической инициативе, выражаемой различными способами (*Inst. Pr.* 10).

Исторический труд Тита Ливия (59 г. до н.э. – 17 г. н.э.) предоставляет сведения, главным образом, о реалиях, предшествовавших периоду, на котором я сосредотачиваю основное внимание. Важность труда Ливия с точки зрения изучения переходных статусов между *privati* и *magistratus* состоит, прежде всего, в том, что он позволяет в некоторых случаях уловить те тенденции предшествующих эпох, которые к I в. до н.э. привели к ситуации, когда политическая роль магистратов-десигнатов, случаи отстранения от должностных обязанностей и эпизоды вмешательства промагистратов в сферу *domi* становятся заметными в источниках.

Широкий хронологический охват сохранившихся частей сочинения Ливия содержит сведения для проверки гипотез, которые на материале поздней Республики либо не удастся оценить, либо возможности такой оценки крайне ограничены. У Ливия мы обнаруживаем описание нескольких примеров того, как действующий магистрат одновременно приобретал статус десигната (напр.: *Liv.* 31.50.3). Сама возможность подобной ситуации позволяет сформулировать ряд теоретических умозаключений, необходимых при обсуждении вопроса о т.н. *ius edicendi* магистратов-десигнатов.

Сведения Ливия важны для изучения вопроса о распространенности практики абrogации на большом хронологическом отрезке, а также для уточнения обстоятельств, при описании которых могла употребляться та же терминология (например, *abrogatio*, *in ordinem cogi*), которая встречается в сообщениях о спорных случаях отстранения магистратов в период поздней Республики, находящийся в центре внимания в данной диссертации.

Текст Ливия является одним из ключевых при проверке тезиса о том, что промагистраты формально относились к числу *privati*. Ливий часто пишет о деятельности промагистратов, в том числе, о спорных ситуациях. Так, его подробный рассказ о недовольстве консула М. Эмилия Лепида распределением провинций в 187 г. позволяет увидеть, как в контексте

описания конфликта консула и сената проконсулы оказываются «попутно» охарактеризованы как *privati*. Примечательно, что целый ряд исследователей отказываются признавать точность терминологии Ливия в данном случае, несмотря на то, что никаких сомнений по поводу легитимности положения самих проконсулов протагонистами его рассказа не высказывается. Следовательно, употребление термина *privatus* по отношению к промагистратам, как показывает весьма пространное изложение Ливия, не связано с политической полемикой (подробнее см. гл. 4, §1.3). Таким образом, сведения Ливия незаменимы при реконструкции публично-правового положения промагистратов в эпоху Республики в целом. При опоре на его сочинение становится возможным интерпретировать эпизоды, в которых нормативное определение политико-административной роли промагистратов начинает существенно противоречить реальной политической практике поздней Республики.

Другая причина, по которой сведения Ливия оказываются незаменимыми в контексте данного исследования, это возможность того, что в некоторых случаях его текст отражает позднейшие реалии, дополняя, таким образом, довольно скудный набор сведений, который мы имеем даже для I в. Однако для такого вывода необходимо всякий раз аргументировать, что приводимые Ливием сведения, по тем или иным причинам, должны отражать именно поздние реалии. Впрочем, в ряде случаев дискуссия такого рода отходит на второй план. Например, сообщение Ливия об *edictum et litterae* консула-десигната Г. Фламиния в 217 г. – важнейший источник по вопросу о полномочиях десигнатов как таковых вне зависимости от того, считать или не считать сообщение Ливия отражающими конкретную ситуацию времени Фламиния.

Утрата книг Ливия, описывающих эпоху поздней Республики, – серьезная потеря. И все же краткие указания в *Периохах*, даже тогда, когда они сильно искажают исходный текст Ливия, вполне могут показать в самом общем виде итог или результат того сложного процесса, отдельные этапы

которого могли быть детально описаны в несохранившихся частях *Ab urbe condita*. Так, например, усматривать во фразе Периох по поводу претора 48 г. М. Целии Руфе *abrogato magistratu pulsus urbe* (*Per.* 111) описание формальной абrogации, на мой взгляд, невозможно, но результирующий политический эффект тех действий, которые были предприняты против претора, оказывается отражен в Периохах, по-видимому, верно (см. гл 2., §5). Другой важный пример, когда, как мне представляется, Периохи проясняют даже не суть политической обстановки, а сложную (ставшую предметом большой исследовательской дискуссии) публично-правовую ситуацию, является описание претензии Октавиана М. Антонию в 32 г. по поводу того, что по окончании триумvirата тот отказывается сложить империй (*Per.* 132: *neque in urbem venire vellet* (sc. Antonius) *neque finito* *IIIviratus tempore imperium deponere*; см. гл 2., §5).

При изучении ранней Республики обычно проводится сопоставление труда Ливия с сочинением Дионисия Галикарнасского (ок. 60–7 гг.). Однако в нашем случае значение его текста связано только с анализом в вводной части диссертации античной традиции о публично-правовом положении Л. Юния Брута (*Ant. Rom.* 4.71.6).

Труды Аппиана Александрийского (ок. 95–165 гг.), прежде всего, хорошо сохранившиеся книги о гражданских войнах, незаменимы при изучении случаев отстранения магистратов от должностных обязанностей и рассмотрении политической роли промагистратов в эпоху поздней Республики. В историографии можно часто увидеть отсылку к аргументу, который сводится к тому, что сведения Аппиана, особенно применяемая им терминология, неточны. Так, М. Хозе пишет о «терминологической индифферентности» («terminologische Indifferenz») Аппиана³⁹. Однако всякий раз этот вывод необходимо обосновывать заново: как справедливо напоминала

³⁹ Hose M. *Erneuerung der Vergangenheit: Die Historiker im Imperium Romanum von Florus bis Cassius Dio*. Stuttgart; Leipzig: Teubner, 1994. S. 255. Cp.: Bucher G.S. *Toward a Literary Evaluation of Appian's Civil Wars, Book I // A Companion to Greek and Roman Historiography* / Ed. J. Marincola. Malden; Oxford: Blackwell Publishing, 2007. P. 433–439.

И.Л. Маяк, отдельные части литературного наследия Аппиана весьма сильно отличаются друг от друга, в том числе, с точки зрения источников, которые использовал греческий автор для их написания⁴⁰. Так, например, речь консула 87 г. Л. Корнелия Цинны у Аппиана (*App. BC. 1.65*) верно отражает общее представление римлян о том, что формальное лишение магистратуры решением одного сената нелегитимно, и полностью соотносится с риторикой Цицерона, которая, в свою очередь, имеет смысл лишь при признании того, что лишение должности как таковой технически возможно реализовать только голосованием народа (*Cic. Corn. 31 = Asc. 71–72C*). В то же время, Аппиан допускает ошибку в передаче информации об остававшейся в 33 г. части второго срока должностных полномочий триумвиров (*Illyr. 28; ср. BC. 5.95; см. гл. 5, §2.1*).

Впрочем, рассуждение в общих терминах «достоверности» или «недостоверности» не всегда имеет смысл. Так, мы можем говорить о том, что Аппиан «ошибается», когда сообщает о том, что проконсул П. Корнелий Сципион сам созвал народную сходку в Риме (*App. Hisp. 18: ἐς ἐκκλησίαν αὐτοῖς αὐτοῦς συνεκάλει*). Однако такая формулировка, будучи с формально-правовой точки зрения, вероятно, неверной, может адекватно отражать тот факт, что именно Сципион проявил реальную политическую инициативу, ангажировав одного из магистратов на созыв *contio*. Причем имя это магистрата отсутствует не только у Аппиана, но и во всех источниках, которые, оставляя эту фигуру в тени, тем самым, подчеркивают ведущую роль проконсула и чисто техническую роль официального председателя *contio* (см. гл. 4, §1.5).

Уже ввиду хорошей сохранности его трудов Аппиан нередко дает наиболее полное описание событий, позволяя выстроить их непротиворечивую реконструкцию. При этом изложение Аппиана строится, во многом, вокруг обширных речей, которые он вкладывает в уста своих персонажей. Безусловно, эта (весьма существенная и богатая на детали) часть

⁴⁰ Маяк И.Л. Аппиан и его «Римская история» // Аппиан Александрийский. Римская история / Отв. ред. Е.С. Голубцова. М.: Наука, 1998. С. 624–638.

его повествования должна подвергаться особой проверке. Это становится возможным, например, при анализе речи, которую Аппиан приписывает консулу 87 г. Л. Корнелию Цинне, отстраненному от должностных обязанностей. Основной посыл этой речи заключается в мысли о том, что сенат действовал против консула незаконно.

По поводу как Аппиана, так и других авторов важно заметить, что противоречия между их показаниями, могут оказаться иллюзорными. Например, свидетельство Аппиана о том, что консул-суффект Л. Корнелий Мерула был формально отстранен сенатом (BC. 1.70), может выглядеть противоречащим сообщению Диодора Сицилийского об абдикации Мерулы перед народной сходкой (38/39.3). Однако поддается аргументации предположение о том, что и у Аппиана, и у Диодора речь идет о формально добровольной абдикации под давлением сената.

Сведения Плутарха Херонейского (ок. 46–120-е гг. н.э.) представляют собой богатый источник биографической информации о крупных фигурах римской истории. Его труды наиболее информативны при рассмотрении случаев отстранения магистратов от должностных обязанностей и, в особенности, деятельности Гн. Помпея в качестве проконсула. Многие показания Плутарха становятся поводом для исследовательской дискуссии. Так, сообщение греческого автора о завуалированных угрозах Помпея как промагистрата в адрес сената в 77 г. (*Pomp.* 17.3) не без серьезных оснований отвергалось целым рядом исследователей как недостоверное преувеличение или реконструкция, однако такую оценку я оспариваю в тексте основной части работы.

Как и в случае сочинений других греческих авторов, словоупотребление Плутарха может, с одной стороны, не вполне точно отражать латинскую терминологию, а с другой стороны, служить в качестве важнейшего ее пояснения, как для греческих читателей Плутарха, так и для современных историков. Например, употребление Плутархом понятия ἀτιμία для описания лишения сыновей лиц, проскрибированных Суллой, самой возможности

претендовать на получение магистратур (*Sull.* 31), – Квинтилиан обозначает эту же меру фразой *a re publica summoveri* (*Quint. Inst.* 11.1.85), – позволяет точнее определить акценты в исходной латинской терминологии.

Стоявшая перед Плутархом задача предоставлять греческому читателю эпохи Империи некоторые пояснения римских реалий периода Республики – важный момент, определяющий значимость его труда. В гл. 3, §2 подробно описывается исследовательская дискуссия по поводу якобы ошибки Плутарха при передаче подробностей предполагаемого лишения консула 88 г. Кв. Помпея Руфа должности (*Sull.* 8.8). На мой взгляд, тезис об ошибке в процессе передачи текста или изначальной ошибке самого Плутарха оказывается поспешным (хотя не все подозрения на этот счет можно полностью исключить), как и предлагаемые конъектуры, меняющие смысл высказываний греческого автора на прямо противоположные. Учитывая то обстоятельство, что Плутарх понимал различие между лишением магистратуры и временным отстранением от должностных обязанностей в римских условиях (ср. *Cat. Min.* 29), его свидетельство находит логичное объяснение как попытка сообщить и пояснить греческому читателю, что в случае Помпея Руфа имело место второе, но никак не первое. Таким образом, предложенный в настоящей работе ракурс позволяет переосмыслить значение труда Плутарха для исследования важных аспектов политической культуры Республики.

Труд Кассия Диона (163 или 164 г. – после 230 г.) вызвал огромный интерес в историографии последних десятилетий, в том числе отечественной⁴¹. Критические оценки его сочинения, звучавшие ранее,

⁴¹ Исследователи республиканского Рима пока не имеют возможности опереться на качественный русский перевод и комментарий, как это могут сделать специалисты по истории Империи, в распоряжении которых теперь имеются подготовленные под ред. А.В. Махлаюка издания книг Кассия Диона, освещающих события после 31 г., в частности: Кассий Дион Коккейан. Римская история. Книги LI–LXIII / Перев. с древнегреч. под ред. А.В. Махлаюка; предисл. и коммент. А.В. Махлаюка. СПб.: Нестор-История, 2014. 680 с.; Кассий Дион Коккейан. Римская история. Книги LXIV–LXXX / Пер. с древнегреч. под ред. А.В. Махлаюка; комментарии и статья А.В. Махлаюка. СПб.: Филологический факультет СПбГУ; Нестор-История, 2011. 456 с.

оказываются теперь частично пересмотренными⁴². Для моей темы особенно важен вопрос о точности передачи Дионом последовательности некоторых событий, республиканских политических процедур и деталей терминологии. Так, в ответ на невысокую оценку Ф. Милларом изложения Дионом хода событий после мартовских ид 44 г.⁴³, Ф. Инар справедливо задается вопросом о том, действительно ли в задачи Диона входило дать четкое представление о последовательности действий республиканцев между смертью Цезаря и битвой при Филиппах⁴⁴. Видимо, не следует ожидать точности описаний римских политических институтов у Диона во всех случаях, если согласиться с Ф. Инаром в том, что Дион часто приводит какой-то «институциональный факт» (*fait institutionnel*) не ради него самого, а в связи тем, что в конкретных обстоятельствах он приобретал реальный политический эффект⁴⁵.

В специальной работе, посвященной словоупотреблению Диона (в рассказе, прежде всего, о сенатских процедурах), М. Кудри делает убедительный вывод о том, что слова, используемые Дионом для описания принятия решений в сенате или народных собраниях, в значительной степени неспецифичны (*non spécifique*), то есть одни и те же термины часто применяются в отношении всех этих собраний. В редких случаях Дион применяет очень точные формулы, соответствующие латинским техническим выражениям. Он не стремится систематически копировать латинскую техническую терминологию, а гибко использует простую греческую лексику. Он упрощает терминологию намеренно ради ясности изложения. Но если

⁴² См. особенно: Brill's Companion to Cassius Dio / Eds. J.M. Madsen, A.G. Scott. Leiden; Boston: Brill, 2023. 524 p. Также см. исчерпывающий обзор историографии: Makhlayuk A.V., Markov K.V. *Studia Dionea novissima: Historical Narrative, Interpretations of the Past and Political Contexts of Cassius Dio's "Roman History" (Part I)* // Вестник древней истории. 2022. № 3. P. 639–657; Markov K.V., Makhlayuk A.V. *Studia Dionea novissima: Historical Narrative, Interpretations of the Past and Political Contexts of Cassius Dio's "Roman History" (Part II)* // Вестник древней истории. 2022. № 4. P. 869–898.

⁴³ Millar F. *A Study of Cassius Dio*. Oxford: Clarendon Press, 1964. P. 55–60.

⁴⁴ Hinard F. *Dion Cassius et les institutions de la république romaine // La cultura storica nei primi due secoli dell'Impero* / Ed. L. Troiani, G. Zecchini. Roma: L'Erma di Bretschneider, 2005. P. 278.

⁴⁵ Hinard F. *Dion Cassius...* P. 271.

возникает потребность подчеркнуть значение процедур для передачи сути событий (например, принятия сенатом решений, направленных против Цезаря, в 49 г.), Дион предпочитает описывать их подробно и технически точно⁴⁶.

На мой взгляд, изучение переходных статусов между *privati* и *magistratus* показывает, что в отношении этого сюжета сведения Диона весьма точны. Дион отличается продуманным употреблением терминологии, вполне отражающей республиканские реалии, и, как и ряд других греческих авторов, дает ценный комментарий по поводу ситуаций и процедур, которые не требовали пояснений с точки зрения латинских авторов.

Впрочем, любое заключение о терминологической точности или неточности античных авторов, в том числе Диона, должно также учитывать возможность того, что они могли осознанно прибегать к т.н. «нетехническому» употреблению терминологии, чтобы полнее отразить политические реалии в тех случаях, когда последние меньше соответствовали нормативным ожиданиям. Например, когда Дион называет заявления десигната *ὑράματα* (в иных случаях слово часто служит аналогом латинского *edictum*), мы не обязаны интерпретировать их как юридически обязывающие эдикты. Однако возникает немаловажный вопрос о том, почему Дион предпочел именно этот термин. Формулируемая в гл. 2, §2.3 гипотеза о наличии у него специальных причин для такого словоупотребления позволяет оценить значение его информации для реконструкции политической роли магистратов-десигнатов в конце Республики.

В то же время, не следует принимать точность Диона за аксиому. Так, например, Дион ошибочно считает Кв. Помпея Руфа плебейским трибуном в 53 г. Однако можно предположить существование вполне рациональной причины путаницы. Она может заключаться в том, что предшествующая традиция описывала действия трибуна-десигната, подчеркивая его необычную

⁴⁶ Marianne C. *Institutions et procédures politiques de la République romaine les choix lexicaux de Cassius Dion* // *Cassius Dion: nouvelles lectures* / Eds. V. Fromentin, E. Bertrand, M. Coltelloni-Trannoy, M. Molin, G. Urso. Vol. 2. Bordeaux: Ausonius Éditions, 2016. P. 497–499.

политическую роль, при помощи терминологии, которая уподобляла его действующему магистрату, что и привело к ошибке Диона.

Уникальная информация или особый подход Диона стимулируют исследовательскую дискуссию, в рамках которой не всегда возможно ограничиться простым выводом о «надежности» или «ненадежности» его сведений. Весьма примечательно в этом отношении значение текста Кассия Диона для понимания феномена померия города Рима в контексте обсуждения политической роли промагистратов в сфере *domi*. Д. Эммелиус справедливо обращает внимание на, что «в отличие от всех предшествующих историков и подавляющего большинства других авторов, у Диона померий регулярно становится значимым фактором в рамках повествования; часто с его помощью объясняется место конкретного исторического события или поведение действующего лица». Он также является единственным автором, писавшим на греческом языке, который неоднократно прямо говорил о померии, прибегая к транслитерации латинского понятия (πομῆριον)⁴⁷. На мой взгляд, парадоксальным и спорным является последующее рассуждение Д. Эммелиуса о том, что необычное внимание Диона к категории «померий» в сочетании с его «претензией на точность в отношении республиканских институтов» заставляет задуматься о том, что греческий автор демонстрирует «своего рода гиперкорректность» (eine Art von Hyperkorrektheit). Исследователь считает возможным, что «Кассий Дион приписывает республиканской системе, чей упадок он описывает в соответствующих книгах, различия, например, между городской стеной и померием ввиду правил, которые исторически вовсе не были свойственны Республике»⁴⁸.

Сведения о переходных статусах между *privati* и *magistratus* разбросаны в трудах других древних авторов.

⁴⁷ Emmellus D. *Das pomerium: geschriebene Grenze des antiken Rom*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2021. S. 359.

⁴⁸ Emmellus D. *Das pomerium...* S. 360.

Так, Г. Юлий Цезарь (102/100 – 44 гг.) дает возможность оценить, как один проконсул критикует вмешательство другого проконсула в сферу *domi*, сообщая о созыве Гн. Помпеем неофициального собрания сенаторов в начале 49 г. (BC. 1.3.1) и рассуждая о неприемлемости в целом *novi generis imperia* Помпея (BC. 1.85.8).

Г. Саллюстий Крисп (86–35 гг.) сообщает о незаконных действиях проконсула М. Эмилия Лепида в 77 г. Терминология речи Л. Марция Филиппа в передаче Саллюстия (употребление *privato consilio* при описании действий промагистрата, обвинение проконсула в стремлении получить второй консулат без отказа от предыдущего), вызвавшая исследовательскую дискуссию, может найти непротиворечивое объяснение именно в контексте рассмотрения переходных статусов между *privati* и *magistratus*.

По вопросу об отстранении от должностных обязанностей и политической активности проконсулов в городе Риме многое сообщает Веллей Патеркул (ок. 20 г. до н.э. – после 30 г. н.э.). Однако краткость его изложения часто препятствует конкретным выводам. Например, фраза *ex auctoritate senatus consulatus ei abrogatus est* (2.20.3) указывает на какое-то сенатское решение, но означало ли оно лишение должности напрямую или имело другой эффект, сказать, судя по словам только Веллея, затруднительно. Тем не менее, по ряду важных вопросов свидетельства Веллея приобретают почти самостоятельное значение. Так, с одной стороны, он описывает ожидание возвращения Г. Юлия Цезаря *после завершения проконсулата* в качестве простого *privatus*, а с другой стороны, в передаче Веллеем слов М. Порция Катона еще находящийся в провинции во главе армии проконсул даже до истечения законного (с точки зрения самого Катона) срока охарактеризован им как простой *civis*, с которым Республика не должна вести переговоров. Необходимо, на мой взгляд, серьезно отнестись к этим фрагментам труда Веллея и попытаться объяснить их с точки зрения единой концепции (см. гл. 3., §1.3).

Валерий Максим (I в. н.э.) добавляет детали, касающиеся способов ограничения политической инициативы действующих магистратов, а также подтверждает, что даже церемониальная активность промагистрата в качестве носителя империя в границах города Рима представлялась римлянам эпохи Республики проблематичной (см. гл 3., §1.5).

Г. Светоний Транквилл (ок. 69 – после 122 г.) предоставляет наиболее полное свидетельство по поводу отстранения Кв. Цецилия Метелла Непота и Г. Юлия Цезаря от должностных обязанностей в 62 г. (*Iul.* 16). Именно у Светония обнаруживается ряд важнейших деталей, позволяющих уточнить содержание этого акта (он обозначается выражением *administratio rei publicae submovere*). Отсюда становится, на мой взгляд, перспективным изучение политико-правового содержания схожей терминологии в биографиях первых принцепсов у Светония.

В целом же, как представляется, Светоний – один из важнейших примеров континуитета республиканской традиции описания политических акторов в терминах строгой дихотомии *privatus/magistratus*. Так, вместо того чтобы усматривать ошибку Светония в том, что он описывает ожидаемое возвращение Г. Юлия Цезаря из Галлии в статусе *privatus* в Рим (ведь, оставаясь за пределами границы города Рима, Цезарь продолжал бы оставаться проконсулом), необходимо всерьез рассмотреть возможность того, что, с точки зрения Светония, проконсул уже был формально *privatus*. При этом причины, по которым Светоний делает акцент на этом обстоятельстве, могут быть не связаны с формально-правовыми реалиями как таковыми. Рассуждения такого рода позволяют «отвести подозрения» и от Плутарха в связи с этим же вопросом (см. гл 3, §1.3).

Вспомогательное значение приобретают краткие сведения других римских и греческих авторов. Из ранних писателей следует особо отметить Т. Макция Плавта (ок 254–184 гг.), словоупотребление которого позволяет судить о распространенности противопоставления *privatus/magistratus* (и

аналогов) в самых первых образцах латинской литературы⁴⁹. Диодор Сицилийский (I в. до н.э.) добавляет ряд важных деталей, касающихся отстранения консула-суффекта Л. Корнелия Мерулы, заменившего консула Л. Корнелия Цинну в 87 г. Корнелий Тацит (ок. 56–120 гг.) дает материал для некоторых сопоставлений с эпохой Принципата, в том числе в том, что касается отстранения от участия в политической жизни, а также использования вооруженной охраны в сенате, что важно в контексте рассмотрения триумvirата г.р.с. (см. гл. 5). Л. Анней Флор (ок. 74–130 гг.), Граний Лициниан (II в. н.э.) и автор *De Viris Illustribus* приводят дополнительные детали ситуации 87 г., когда от консулата был временно отстранен Л. Корнелий Цинна. В сочинении «О знаменитых мужах» появляется при этом фраза *honore privatus* (*Vir. ill.* 69.2), которая может потенциально указывать и на формальное лишение магистратуры как таковой, и только на умаление достоинства магистрата при сохранении должности. В этом же труде встречаем точную характеристику отстранения претора П. Деция в 115 г., которое включало, в частности, эдикт консула (*Vir. ill.* 72.6: *ne quis ad eum in ius iret edixit*). Несмотря на лаконичность, это свидетельство – одно из наиболее ясных описаний реального механизма отстранения от должностных обязанностей.

Из числа поздних авторов следует назвать Исидора Севильского (ок. 560–636 гг.). Он передает один из наиболее ранних фрагментов политических речей, из которого видно, как верно подмечает Х. Клофт, что, по крайней мере, уже в начале II в. термин *privatus* использовался для указания на всех акторов, не являвшихся *magistratus*⁵⁰.

Наконец, сочинения римских юристов, особенно сохранившиеся в составе «Дигест», позволяют реконструировать положение магистратов-

⁴⁹ Plaut. *Capt.* 166: *hic qualis imperator nunc privatus est*. Ср.: Blösel W. *Imperia extraordinaria liberae rei publicae* – Studien zur Demilitarisierung der römischen Nobilität. Habilitationsschrift. Köln: Universität zu Köln, 2009. S. 44, Anm. 114.

⁵⁰ Isid. *Etym.* 20.3.8 = ORF² 8.132: *quom essem in provincia legatus, quamplures ad praetores et consules vinum honorarium dabant: numquam accipi, ne privatus quidem*; Kloft H. *Prorogation...* S. 13, включая Anm. 27.

десигнатов с точки зрения наличия или отсутствия у них судебного иммунитета подобно таковому у магистратов.

Необходимо отдельно прокомментировать то, как античная традиция описывает феномен неформальной политической инициативы, важный для понимания политической роли носителей переходных статусов между *privati* и *magistratus*. Несмотря на то, что сама категория «политическая инициатива» представляет собой научную абстракцию, античные авторы определенно отмечали фундаментальное различие между теми, кто стоял у истоков того или иного политического предприятия, и теми, кто только реализовывал уже предложенные меры⁵¹. Античная историография использует указания на разную степень «инициативности», чтобы дополнить портреты своих героев, как это делает, например, Плутарх, изображая Помпея на определенном этапе «человеком, с которым что-то происходит, а он это допускает», «политически инертного», в отличие от Цезаря⁵².

В античной нарративной традиции прослеживается представление о том, что за магистратом в принципе должна признаваться возможность принимать решения, не советуясь с кем-либо еще (по крайней мере, когда обстоятельства делают такую консультацию невозможной), в то время как немагистрат лишен такой возможности, даже если он тоже наделен политической властью или значимым военным командованием. По крайней мере, именно такое различие проводит Цезарь, когда сопоставляет носителей империя и легатов: «роли легатов и императоров различны: один должен все совершать согласно предписанию, другой – поступать свободно ради общего благополучия»⁵³. Способность самостоятельно принимать решения в соответствии с собственным пониманием ситуации – это, прежде всего,

⁵¹ Ср. особенно Asc. 70C: non auctorem fuisse dandi – nam id erat levius – sed ipsum etiam dedisse dicit; Sen. *Suas.* 3.8: lex non eum punit propter quem coetus factus est sed eum a quo factus est.

⁵² Pelling C. *Plutarch and History: Eighteen Studies*. London: Classical Press of Wales, 2011. P. 100–101.

⁵³ Caes. *BC.* 3.51.4: aliae enim sunt legati partes atque imperatoris: alter omnia agere ad praescriptum, alter libere ad summam rerum consulere debet.

характеристика магистрата, однако другие субъекты политического процесса могут иногда брать в свои руки инициативу, которой в обычном случае должны обладать магистраты. Так, в античной традиции о событиях в Кавдинском ущелье в 321 г. фиксируется, что легат Лентул спас положение, проявив инициативу, однако это стало возможным потому, что консулы не смогли действовать так, им следовало бы⁵⁴.

В античных нарративах именно отсутствие инициативы со стороны магистратов открывает новые возможности для других участников процесса, о чем особенно свидетельствуют представления древних авторов о случаях активного вмешательства *privati* в политические процессы (иногда вместо магистратов и с результатом, превосходящим таковой у них). Один из самых известных – уже упомянутый случай П. Корнелия Сципиона Назики: в 133 г. он был *pontifex maximus*, но формально все еще оставался *privatus*⁵⁵. Консулы бездействовали, и Назика в некотором смысле занял их место.

С другой стороны, бездействие, решение не проявлять никакой инициативы может быть частью политического соглашения или признаком просчитанной стратегии, а не политического провала. Примерами этого могут быть тактика П. Муция Сцеволы в том же 133 г., а «в предшествующем поколении – *quies* Сп. Карвилия, когда его коллега Фабий Максим выступал против земельной комиссии Фламиния»⁵⁶. Однако если такое бездействие было вынужденным, а не предпочтительным для самого магистрата, наши источники будут склонны уподоблять его ситуацию смещению с должности, как будет показано в гл. 3.

Цицерон, как известно, оправдывал решение Октавиана действовать *privato consilio* на том самом основании, что магистраты не проявляли

⁵⁴ Haimson Lushkov A. *Magistracy and the Historiography of the Roman Republic. Politics in Prose*. Cambridge: Cambridge University Press. 2015. P. 68–72, 78–79. Ср.: Frolov R.M. Ayelet Haimson Lushkov, *Magistracy and the Historiography of the Roman Republic: Politics in Prose*, Cambridge, Cambridge University Press, 2015 // *Latomus*. 2017. Vol. 76/4. P. 1121.

⁵⁵ Hodgson L. *Res Publica and the Roman Republic: “Without a Body Politic”*. Oxford: Oxford University Press, 2017. P. 227.

⁵⁶ Powell J.G.F. *The Tribune Sulpicius* // *Historia*. 1990. Bd. 39. P. 459.

инициативу (см, например, Cic. *Phil.* 3.5), а Веллей Патеркул указывает на недостаток мужества (*animus*) со стороны сената, тогда как Октавиан этим качеством обладает (Vell. Pat. 2.61.1)⁵⁷. Используемые для описания противопоставления обычных ролей *magistratus* и *privati* понятия *privato consilio* и *animus* подчеркивают некоторые важные составляющие категории «инициатива», такие как способность идти на риск и совершать свободный выбор⁵⁸. Свобода следовать своим склонностям (*voluntas*) упоминается Цицероном как привилегия сенатора, которого спрашивают о его мнении после *primus rogatus*, поскольку, в отличие от последнего, второй выступающий не столь обязан благосклонности председательствующего магистрата (Cic. *Att.* 1.13.2).

Список латинских терминов, обозначающих политическую инициативу, можно легко расширить: *sua sponte (agere)* (в частности, в связи с несанкционированными политическими собраниями), *auctor*⁵⁹, *sumere*⁶⁰, *incitare*, *princeps* (как в контексте определения порядка сенатских дискуссий в эпоху Республики, так и в случае *principes* эпохи Империи), *arbitrium* (в отношении собственного решения солдат вмешаться в политику⁶¹), *rem publicam capessere* (термин, используемый для описания политической инициативы женщин из числа представителей элиты⁶²) и т.д. Особенно

⁵⁷ Béranger J. Die Machtübernahme des Augustus... S. 317–320; Manuwald G. Cicero, Philippics 3–9. Vol. 1–2. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 2007. P. 336.

⁵⁸ По поводу *consilium*, и особенно выражения *privato consilio*, как указания на способность проявлять инициативу, см.: Hellegouarc'h J. Le vocabulaire latin... P. 254, включая n. 5, 256. О действиях Октавиана «по собственной инициативе» см.: Hodgson L. *Res Publica*... P. 224.

⁵⁹ См., напр.: Jehne M. Scaptius oder der kleine Mann in der großen Politik. Zur kommunikativen Struktur der *contiones* in der römischen Republik // *Politica Antica*. 2011. Vol. 1. P. 69–70: «*auctor* ... ist der Initiator von Entscheidungen wie ein Senator im Senat»; Hellegouarc'h J. Le vocabulaire latin... 306, 320; Hölkeskamp K.-J. *Leges Publilia*... S. 185–186. Но ср.: Santangelo F. Priestly *auctoritas*... P. 744.

⁶⁰ Béranger J. Die Machtübernahme des Augustus... S. 320.

⁶¹ См.: Makhlaiuk A.V. *Omnia deinde arbitrio militum acta*: Political Initiative and Agency of the Army in Late-Republican and Early Imperial Rome // *Leadership and Initiative in Late Republican and Early Imperial Rome* / Eds. R.M. Frolov, C. Burden-Strevens. Leiden; Boston: Brill, 2022. P. 457–488. Также ср.: Hellegouarc'h J. Le vocabulaire latin... 327–328, 335.

⁶² См.: Webb L. Female Interventions in Politics in the libera res publica: Structures and Practices // *Leadership and Initiative in Late Republican and Early Imperial Rome* / Eds. R.M. Frolov, C. Burden-Strevens. Leiden; Boston: Brill, 2022. P. 151–188.

примечательны характеристики, относимые источниками к тем акторам, от которых не ожидалось никакой инициативы, но они ее проявляли вопреки ожиданиям. Так, используя *(bellum) sua sponte gerere*, Цицерон объясняет, как промагистрат действовал сам по себе, без должной предварительной санкции (*Pis. 50: iniussi populi Romani aut senatus*). Рассуждая о том, что было бы, если бы он сам, пусть всего лишь *privatus*, активно защищался бы от магистратов, принуждавших его удалиться в изгнание, Цицерон размышляет, что в таком случае «благонадежные победили бы нечестных, храбрые – бездеятельных», но кровь трибуна (противника Цицерона) пролилась бы без всякой общественной санкции⁶³. Участники событий могли бы попытаться оправдать необычную руководящую роль *privatus*, но такая легитимация стоила для них немалых затрат и усилий. Представленное диссертационное исследование промежуточных положений между *privati* и *magistratus* направлено, в том числе, на уточнение характера этих затрат и усилий.

Эпиграфические памятники – а это, прежде всего, сохранившиеся тексты законов республиканской эпохи и списки магистратов, оформленные в конце нашего периода, – позволяют, прежде всего, определить публично-правовое положение граждан переходных статусов. Точность терминологии эпиграфических текстов проявляется, например, в том, что для них (например, для надписей на милевых столбах) не характерно употребление, например, термина *quaestor* как замены для *pro quaestore*, что наблюдается в литературных источниках. В эпиграфических законах магистраты и промагистраты последовательно противопоставляются терминологически (подробнее см. гл. 4, §1.1).

Одно из обстоятельств, затрудняющих использование эпиграфических свидетельств, – их фрагментарность. Например, нельзя делать вывод об обвинении консула 23 г. А. Теренция Варрона Мурены (в контексте изучения

⁶³ *Sest. 43: contenderem contra tribunum plebis privatus armis? vicissent improbos boni, fortes inertes ... quin ille sanguis tribunicius, nullo praesertim publico consilio profusus*. Ср.: *Dom. 91; Planc. 88*. Подробнее см. гл. 1, §2.

практики абrogации) на основании только записи в Фастах А. Т[— —]ro Murena [— —] est. In e(ius) l(ocum) f(actus) e(st). А. Деграсси реконструировал [in mag(istratu) damn(atus)] est, однако ранее Т. Моммзен справедливо отмечал возможность восстановления [in mag. mort.] est.

Однако в одном случае именно эпиграфическое свидетельство, главы 130–131 Lex coloniae Genetivae, позволяют, на мой взгляд, надежно (несмотря на то, что информация источника является уникальной) подтвердить исследовательскую реконструкцию, согласно которой, все промагистраты не только не относились ни в каком смысле к числу magistratus, но и формально определялись исключительно как privati⁶⁴. При этом уникальность данного свидетельства не влияет на его доказательную силу, так как вполне объясняется необычностью задачи законодателя: исключить из числа потенциальных патронов городов все категории носителей публичной власти, как магистратов, так и промагистратов (подробнее см. гл. 4, §1.2).

В целом эпиграфические свидетельства позволяют дополнить картину распределения реальных политических ролей, которую лучше отражают античные авторы, более точным пониманием публично-правовой ситуации, надежнее отраженной в надписях официального характера.

Значение нумизматики (как и папирусов) оказывается – с точки зрения поставленной проблемы – второстепенным. Так, важный сам по себе факт упоминания итерации триумvirата на монетах Октавиана и М. Эмилия Лепида после 37 г. и отсутствия указания на таковую итерацию на монетах М. Антония не может служить самостоятельным доводом в дискуссии о сроке истечения власти триумvиров. В то же время легенда LEGES ET IVRA P. R. RESTITVIT на аурее 28 г. до н.э. позволяет проверить аргументацию исследователей, полагающих, что Октавиан отказался от власти триумvира лишь в 27 г., и обосновать вывод о том, что тезис о продолжении триумvирата

⁶⁴ Roman Statutes / Ed. M.H. Crawford. Vol. 1–2. London: Institute of Classical Studies, University of London, 1996. No. 25. P. 416, c. 130, l. 44–6: ... nisi de eo homine, ... qui, cum e(a) r(es) a(getur), in Italiam sine imperio privatus erit.

после истечения второго пятилетнего срока создает при его приложении к нумизматическим свидетельствам такие же логические противоречия, как и при анализе нарративной традиции, то есть не зависит от специфики рассматриваемых источников.

Важной задачей становится необходимость совместного рассмотрения показаний разных видов источников, особенно свидетельств нарративной традиции и эпиграфики. Так, при изучении политической роли промагистратов, если эпиграфические тексты позволяют лучше определить формально-правовую сторону вопроса, то литературные источники – увидеть критические оценки античными авторами эпизодов вмешательства промагистратов в политический процесс в городе Риме и сфере *domi*.

Степень научной разработки проблемы. При характеристике историографии проблемы необходимо отметить два фундаментальных обстоятельства. Во-первых, в мировой исследовательской литературе отсутствуют работы, в которых роль магистратов-десигнатов, регулирование и практика отстранения магистратов от должности или исполнения обязанностей, и, наконец, деятельность промагистратов в сфере *domi*, рассматривались бы как составляющие одного феномена для формулировки на основе их совместного изучения наблюдений более общего порядка. Это один из тех моментов, которые определяют актуальность предложенного исследовательского ракурса.

Во-вторых, как следствие предыдущего, подробный историографический обзор изучения отдельных переходных статусов между *privati* и *magistratus*, последовательный анализ которых составляет основное содержание данного диссертационного исследования, имеет смысл приводить непосредственно в главах основной части, так как изучение магистратов-десигнатов, отстранения магистратов от должности или исполнения обязанностей, а также деятельность промагистратов в сфере *domi* в мировой историографии еще не изучались как неотъемлемые составляющие одного проблемного поля. Это означает, что в настоящем обзоре необходимо скорее

схематично обозначить основные вехи изучения каждого из этих блоков (как самостоятельных, независимых друг от друга направлений исследовательской мысли), больше внимания уделив обзору историографии тех проблем, которые являются сквозными для них всех, включая, прежде всего, изучение неформального политического лидерства и политической инициативы в Римской республике.

Изучение положения магистратов-десигнатов.

В историографии XIX в. публично-правовое положение магистратов-десигнатов кратко комментировалось в обобщающих исследованиях системы римского государственного права, включая работы Л. Ланге, Т. Моммзена, П. Виллемса, Й. Мадвига, В.А. Беккера, О. Карловы, Э. фон Херцога и др. При этом уделялось внимание проблеме судебного иммунитета десигнатов, наличию или отсутствию у них отдельных полномочий магистратов, но политическая роль *designati* как таковая практически не анализировалась.

В 1960 – нач. 1970 гг. имела место плодотворная дискуссия между Д.Р. Шэкletonом Бейли и Э. Уейнрибом по вопросу о наличии у десигнатов иммунитета от судебного преследования подобно иммунитету, которым обладали действующие магистраты⁶⁵. Аргументы Э. Уейнриба и его вывод об отсутствии судебного иммунитета у десигнатов, представляются более убедительными. Но если это так, то еще более усложняется проблема интерпретации конкретных свидетельств о том, что десигнаты гораздо «смелее» противодействовали магистратам, чем другие *privati*.

В дальнейшем исследователи лишь эпизодически обращались к вопросу о положении и политическом влиянии магистратов-десигнатов. Так, вопрос о наличии у десигнатов права издания эдиктов нашел отражение в работе

⁶⁵ Shackleton Bailey D.R. Cicero's Letters... Vol. 2. P. 212; Weinrib E.J. The Prosecution of Roman Magistrates // Phoenix. 1968. Vol. 22. P. 32–56; Shackleton Bailey D.R. The Prosecution of Roman Magistrates-Elect // Phoenix. 1970. Vol. 24. P. 162–165; Weinrib E.J. The Prosecution of Magistrates-Designate // Phoenix. 1971. Vol. 25. P. 145–150.

Э. Линтотта⁶⁶, но рассматривался им изолировано от других проблем изучения этой категории участников политической жизни Республики. Дж.Б. Лотт, изучая локальные сообщества города Рима, подробно высказывался о попытке консула-десигната Кв. Метелла Целера воспрепятствовать в 61 г. проведению *ludi compitalicii*⁶⁷. Однако фокус исследования Дж.Б. Лотта не позволил ему сопоставить данный случай с другими эпизодами политической активности консулов-десигнатов, чтобы на этой основе попытаться выйти за рамки очень общих предположений, которые исследователь делает, например, по вопросу о причинах успешности действий Кв. Метелла Целера.

Лишь в последние годы вопрос о политической роли магистратов-десигнатов как таковых был подвергнут специальному анализу. Ф. Пина Поло собрал и тщательно проанализировал богатый материал о консулах-десигнатах, однако непротиворечивую картину интерпретации их публично-правового положения, а значит, неизбежно, и их неформального политического значения, предложить, как представляется, не смог⁶⁸. Так, например, он доказывал, что десигнаты уже обладали *ius edicendi*, однако отказывал им в наличии *potestas contionandi*⁶⁹. Каким образом, согласно Ф. Пина Поло, они могли издавать обязательные к исполнению эдикты⁷⁰, но не имели возможности их самостоятельно объявить народу, остается неясным. Возможно, ввиду, в том числе, этого противоречия в чуть более поздней публикации Ф. Пина Поло выразил сомнение в собственных ранее высказанных выводах и все-таки в принципиальном плане допустил наличие у десигнатов права созыва *contio*⁷¹. Но если согласиться с этим выводом, то возникает противоречие уже на другом уровне: Ф. Пина Поло считает

⁶⁶ Lintott A.W. *Cassius Dio and the History of the Late Roman Republic* // *Aufstieg und Niedergang der römischen Welt*. Bd. 2.34.3 / Hrsg. W. Haase. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 1997. P. 2523.

⁶⁷ Bert Lott J. *The Neighborhoods...* P. 50–56, 227.

⁶⁸ Pina Polo F. *The Political Role...* P. 420–452.

⁶⁹ Pina Polo F. *The Political Role...* P. 444.

⁷⁰ Pina Polo F. *The Political Role...* P. 430.

⁷¹ Pina Polo F. *Magistrates-Elect and their potestas contionandi in the Late Roman Republic* // *Historia*. 2016. Bd. 65. P. 66–72.

десигнатов *privati*⁷², однако в предшествующих исследованиях *contiones* однозначно исключал возможность того, что *privati* могли законно созывать *contiones*⁷³. Объяснить исключение в этом отношении в лице десигнатов исследователь пока не смог.

Тем не менее, заслуга Ф. Пина Поло состоит в реконструкции впервые в мировой историографии общих тенденций и динамики изменения политической активности десигнатов в эпоху Республики. Благодаря этому он смог сделать важное наблюдение о том, что формально-правовое положение в ряде случаев не отражало реальную роль отдельных консулов-десигнатов. Особенно убедительным представляется анализ Ф. Пина Поло роли десигнатов в сенате, хотя именно этот аспект выходит за рамки настоящей диссертации.

Позднейшие исследования добавили немного к рассматриваемой проблематике. Например, Т. Ланфранки никак не комментирует ключевые (весьма проблематичные) свидетельства, которые, на его взгляд, говорят о наличии у десигнатов *ius edicendi*⁷⁴. К. Розильо-Лопес в недавней работе отвергает предложенный мной тезис об отсутствии у десигнатов *ius edicendi*, но, к сожалению, не приводит никаких дополнительных аргументов, ограничиваясь ссылкой на статью Ф. Пина Поло, доводы которого к моменту выхода ее монографии уже были мною подробно прокомментированы и поставлены под сомнение⁷⁵. В то же время, компактный, но важный комментарий по вопросу о публично-правовом статусе десигнатов дал в отечественной историографии А.М. Сморгков. Соглашаясь с теми исследователями, которые признавали наличие у них *ius edicendi* и других возможностей действующих магистратов, он полагает, что десигнированные

⁷² Pina Polo F. The Political Role... P. 429.

⁷³ См., напр., Pina Polo F. Las *contiones* civiles y militares en Roma. Zaragoza: Universidad de Zaragoza, 1989. P. 43.

⁷⁴ Lanfranchi T. Edicts and Decrees during the Republic: A Reappraisal // Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte: Romanistische Abteilung. 2019. Bd. 136. S. 54, 59–60.

⁷⁵ Rosillo-López C. Political Conversations in Late Republican Rome. Oxford; New York: Oxford University Press, 2022. P. 209, включая n. 15.

магистраты «получали определенный официальный статус» и их положение «похоже на магистратское»⁷⁶.

В целом, изучение магистратов-десигнатов остается скорее маргинальным направлением в историографии политической истории и политической культуры Римской республики. Потенциал, заложенный в исследовании ситуации перехода от положения *privatus* к положению *magistratus*, для изучения фундаментальных основ римской правовой и политической культуры, по-прежнему остается недооценен. Не говоря уже о понимании роли неформальных аспектов политики, вопрос, например, о наличии или отсутствии у десигнатов *ius edicendi* быстро выводит нас за пределы обсуждения только десигнатов и позволяет точнее определить содержание самого понятия *edictum*, так как яснее высвечивается логическая невозможность целого ряда интерпретаций этого феномена, включая исследовательские представления о т.н. «декларативном эдикте» и «эдикте отложенного действия».

Исследование механизмов лишения должности и временного отстранения от исполнения обязанностей.

Для того, чтобы подойти к вопросу об отстранении магистратов от должностных обязанностей без потери должности, необходимо сначала рассмотреть механизмы лишения магистратуры как таковой. В отличие от ряда других сюжетов, затрагиваемых в данной диссертации, вопрос об *abdicatio* (формально добровольный отказ от власти) и *abrogatio* (лишение должности) весьма популярен в мировой и отечественной историографии. Так, Т. Моммзен (ему следовали многие антиковеды, включая У. Коли, В. Кункеля и недавно А.М. Сморгкова) подчеркивал, что даже принудительная абдикация совершалась формально по решению самого магистрата⁷⁷. Однако взгляд на

⁷⁶ Сморгков А.М. Религия и власть в Римской республике: магистраты, жрецы, храмы. М.: РГГУ, 2012. С. 85–86.

⁷⁷ Mommsen Th. Römisches Staatsrecht. Bd. I. 3. Aufl. Leipzig: S. Hirzel, 1887. S. 626–628; Coli U. Sui limiti di durata delle magistrature romane // Studi in onore di Vincenzo Arangio-Ruiz nel XLV anno del suo insegnamento / Ed. A. Berger. Vol. IV. Napoli, 1953. P. 402–403;

принудительную абдикацию (*coactus abdicare*) как на полный аналог абrogации был предложен Р. Бауманом⁷⁸.

В отличие от дискуссий по поводу *abdicatio*, в случае с *abrogatio* на первый план в историографии выступает вопрос не о публично-правовом содержании понятия, а о конкретных случаях применения данного механизма в эпоху Республики. При этом систематического исследования всей совокупности спорных случаев проведено еще не было. Однако об отдельных сложных эпизодах существует обширная литература (подробнее анализ этих исследований см. в гл. 3, §§2–5).

Ряд ранних примеров *abrogatio* обнаруживает Р. Бауман. Ему следуют, прежде всего, Р. Фейг Вишния⁷⁹, а также по ряду эпизодов М. Эльстер⁸⁰ и О. Ликандро⁸¹. Представленная ими аргументация неубедительна. Для надежного вывода о факте абrogации, под которой подразумевается решение народа в комициях, необходимы прямые сведения об этом, которых античная традиция не предоставляет. Второй заметный недостаток предложенных в историографии интерпретаций заключается в путанице между практикой абrogации магистратур и абrogации империя промагистратов. В список, составленный О. Ликандро, входят и другие случаи, не относящиеся к практике абrogации магистратур, например, эпизоды, в которых магистратам-десигнатам воспрепятствовали вступить в должность⁸². Поэтому Ж.-Л. Феррари справедливо констатировал необходимость возврата к тезису Т. Моммзена о том, что в догракханское время не наблюдается примеров

Kunkel W., Wittmann R. *Staatsordnung und Staatspraxis*... S. 254–255; Сморчков А.М. Религия и власть... С. 251–254.

⁷⁸ Bauman R.A. The Abrogation of *imperium*: Some Cases and a Principle // *Rheinisches Museum für Philologie*. 1968. Vol. 111. P. 42–43.

⁷⁹ Bauman R.A. The Abrogation of *imperium*....; Feig Vishnia R. *State, Society and Popular Leaders in Mid-Republican Rome, 241–167 BC*. London; New York: Routledge, 1996. P. 83–84.

⁸⁰ Напр.: Elster M. *Die Gesetze der mittleren Römischen Republik. Text und Kommentar*. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 2003. S. 199.

⁸¹ Licandro O. *In magistratu damnari*. Ricerche sulla responsabilità dei magistrati romani durante l'esercizio delle funzioni. Torino: Giappichelli, 1999. P. 390–395.

⁸² Licandro O. *In magistratu damnari*... P. 393, n. 15.

аброгации⁸³. Однако, на мой взгляд, даже в этой линии историографии, критически относящейся к предположениям о распространенности практики аброгации магистратур, недооценена степень ее редкости. Например, сам Ж.-Л. Феррари полагал, что после случая плебейского трибуна М. Октавия в 133 г. аброгация собственно магистратуры произошла в 87 г. (лишение Л. Корнелия Цинны должности консула). Этот вывод может быть оспорен.

На фоне заметного интереса к вопросу о механизмах досрочной утраты магистратуры, проблема временного отстранения от должностных обязанностей практически не становилась предметом специального рассмотрения. Иными словами, актуально изучение этого сюжета даже изолированно, не говоря уже о его важности в контексте более широкого анализа переходных статусов между *privati* и *magistratus*.

Некоторые ключевые замечания об «*Amtssuspension*» можно обнаружить у Т. Моммзена⁸⁴. Однако даже богатая терминология для обозначения временного отстранения от должностных обязанностей (прежде всего *in ordinem cogi* и *a(b) re publica removere/summovere*) в историографии практически не комментируется. Например, в комментарии в труде Ливия С.П. Окли предлагает лишь краткое замечание об употреблении фразы *in ordinem cogi* для указания на магистратов, которым «препятствовали в осуществлении их полномочий»⁸⁵.

Важное исключение составляют статьи Г. Добеша и Х. Клофта, рассматривающих лишение плебейских трибунов 44 г. должности⁸⁶, и

⁸³ Ferrary J.-L. *Rogatio Publicia sur l'abrogation de l'imperium de M. Marcellus (pl. sc.) // Leges Populi Romani* / Eds. J.-L. Ferrary, P. Moreau. Paris: IRHT-TELMA, 2007. URL: <https://telma.irht.cnrs.fr/outils/lepor/notice628/> (дата обращения: 19.02.2026). Сходным образом: Nocera G. *Il potere dei comizi e i suoi limiti*. Milano: Giuffrè, 1940. P. 52, n. 2; Thommen L. *Das Volkstribunat der späten Römischen Republik*. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 1989. P. 93.

⁸⁴ Напр.: Mommsen Th. *Römisches Staatsrecht*. Bd. I. S. 262–263.

⁸⁵ Cp.: Oakley S.P. *A Commentary on Livy, Books VI–X*. Vol. I. Introduction and Book VI. Oxford: Clarendon Press; New York: Oxford University Press, 1997. P. 691.

⁸⁶ Dobesch G. *Zu Caesars Rede gegen C. Epidius Marullus und L. Caesetius Flavus // Antidosis: Festschrift für Walther Kraus zum 70. Geburtstag* / Hrsg. R. Hanslik, A. Lesky, H. Schwabl. Wien; Köln; Graz: Böhlau, 1972. S. 78–92; Kloft H. *Caesar und die Amtsentsetzung der Volkstribunen im Jahre 44. v. Chr.* // *Historia*. 1980. Bd. 29. S. 315–334.

особенно, специальная работа Х. Клофта об отстранении от должности в Римской республике⁸⁷. Вывод Х. Клофта о том, что практика *abrogatio* постепенно расширялась, в целом верен, но он сильно переоценивает динамику этого процесса. Кроме того, никак нельзя согласиться с ним в том, что аброгацию мог совершать сенат⁸⁸. Так или иначе, даже в упомянутых работах речь идет в гораздо большей степени о практике лишения должности, чем о временном отстранении от должностных обязанностей. Х. Клофт – один из немногих исследователей, которые продолжают проверку тезиса Т. Моммзена о необходимости различать, с одной стороны, *Abrogation/Absetzung/Amtsentzug* и, с другой стороны, *Amtssuspension*. Однако и Х. Клофт лишь кратко констатирует, что «по всей видимости» (*allem Anschein nach*) последнее имело место в случае претора Г. Юлия Цезаря в 62 г. (см. гл. 3, §4). Подробную аргументацию исследователь не приводит.

Таким образом, проблема временного отстранения от должностных обязанностей остается практически не артикулированной в мировой историографии. Следовательно, априори отсутствуют систематические попытки выделить соответствующие случаи (проверить, имели ли они место), тем более, обобщить информацию о них.

Можно заключить, что характер изученности данного круга вопросов побуждает, во-первых, попытаться сначала заново уточнить распространенность практики аброгации, уделив пристальное внимание спорным эпизодам, по поводу которых нет прямых сведений источников о голосовании в комициях. Во-вторых, прежде всего, интерес будут представлять те случаи, которые ввиду состояния источников не получили в историографии явно преобладающего толкования.

Историография по вопросу о публично-правовом статусе промагистратов и их политической роли в сфере domi.

⁸⁷ Kloft H. Bemerkungen zum Amtsentzug in der römischen Republik // Zeitschrift des Aachener Geschichtsvereins. 1977/78. Bd. 84/85. S. 161–180.

⁸⁸ Kloft H. Bemerkungen zum Amtsentzug... S. 169, 179–180.

Римская промагистратура становилась объектом изучения в ходе многочисленных исследований римской провинциальной системы, иерархии наместников, территориальной экспансии Рима. В историографии подробно рассматривалось возникновение и развитие практики пророгации империя (Т.Ф. Карни, В. Яшемская, Р. Девелин, Х. Клофт, И. Бути, Ф. Вербат, М. Тарпен, Ф. Юрле, А. Диас Фернандес, Д. Рафферти и др.⁸⁹). Хотя еще в обобщающих трудах XIX в. по истории римского государственного права промагистратура оказывалась неотъемлемым элементом описания системы римских магистратур, позднее антиковеды (в частности, Ф. Дрогула и А. Джованнини) отмечали трудности, которые возникают при попытке уточнить публично-правовое регулирование этого института⁹⁰.

Затруднения возникали уже на этапе осмысления разнообразных путей получения статуса промагистрата: пророгация магистратского империя, делегирование империя магистратом, специальное наделение империем

⁸⁹ Carney T.F. The Promagistracy at Rome 121–81 B.C. // *Acta Classica*. 1959. Vol. 2. P. 72–77; Jashemski W.F. The Origins and History of the Proconsular and Proprætorian Imperium to 27 B.C. Rome: L'Erma di Bretschneider, 1966; Develin R. Prorogation of *imperium* before the Hannibalic War // *Latomus*. 1975. Vol. 34. P. 716–722; Kloft H. Prorogation...; Buti I. Appunti in tema di «*prorogatio imperii*», I. Scansioni temporali delle magistrature // *Index: Quaderni camerti di studi romanistici*. 1991. Vol. 19. P. 245–267; Buti I. Appunti in tema di «*prorogatio imperii*», II. La casistica delle fonti fino al 218 a.C. // *Index: Quaderni camerti di studi romanistici*. 1992. Vol. 20. P. 435–472; Buti I. Considerazioni sul primo periodo della *prorogatio imperii* // *Fides, humanitas, ius: studii in onore di L. Labruna* / Eds. C. Cascione, C. Masi Doria. Napoli: Editoriale Scientifica, 2007. Vol. 1. P. 581–596; Buti I. Appunti in tema di «*prorogatio imperii*», III // *Annali della Facoltà Giuridica dell'Università di Camerino*. 2014. № 3. P. 1–41; Buti I. Considerazioni sul secondo periodo della *prorogatio imperii* // *Omaggio ad un maestro per gli ottanta anni di Giovanni Nicosia* / Eds. N. Palazzolo, L. Russo Ruggeri. Torino: Giappichelli, 2014. P. 65–82; Vervaet F.J. The Praetorian Proconsuls of the Roman Republic (211–52 BCE). A Constitutional Survey // *Chiron*. 2012. Bd. 42. P. 45–96; Tarpin M. *Imperium, Promagistrats et triomphe au Ier siècle av. J.-C.: quelques affaires* // *Cahiers du Centre Gustave Glotz*. 2015. Vol. 26. P. 261–288; Hurlet F. *Pro consule uel pro praetore? À propos des titres et des pouvoirs des gouverneurs prétoriens d'Afrique, de Sicile et de Sardaigne-Corse sous la République romaine (227–52 av. J.-C.)* // *Chiron*. 2012. Bd. 42. P. 97–108; Díaz Fernández A. *Provincia et imperium. El mando provincial en la República romana (227–44 a.C.)*. Sevilla: Universidad de Sevilla, 2015. P. 70–80; Rafferty D. *Provincial Allocations in Rome 123–52 BCE*. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2019. 243 p.

⁹⁰ Drogula F.K. *Commanders and Command in the Roman Republic and Early Empire*. Chapel Hill, NC: University of North Carolina Press, 2015. P. 349 («The promagistracy had always been poorly defined in Roman law»); Giovannini A. *Consulare imperium*. Basel: Friedrich Reinhardt Verlag, 1983. P. 41 («Du fait que la promagistrature n'est pas une institution originelle de la République, le statut du promagistrat peut paraître un peu flou»).

посредством голосования комиций. Т. Моммзен был одним из тех, кто включал все эти варианты в понятие «промагистратура»⁹¹, но, даже принимая такое широкое определение, он писал, что третий тип все же «im strengsten ... Sprachgebrauch» не обозначался *pro magistratu*⁹². То, в какой степени различались (если различались) между собой в публично-правовом отношении промагистраты в зависимости от способа получения ими полномочий, позднее отмечали Й. Бляйкен, И. Бути, В.В. Дементьева, А. Дала Роза, Я. Бертеле, Ф. Дрогула, Д. Рафферти и другие ученые⁹³.

В историографии наблюдается консенсус по поводу того, что промагистраты, конечно, не относились к категории *magistratus*. Однако исследователи (среди которых Т. Моммзен, а в новейшее время Р. Девелин, Э. Бадиян, К. Бреннан, П. Тонеманн) отмечали, что некоторые источники, особенно греческие, не всегда строго различали магистратов и промагистратов терминологически⁹⁴.

Спорным является вопрос о том, нужно ли всех промагистратов или их отдельные категории считать *privati*. Без аргументации утверждение о том, что носители империя, даже не будучи магистратами, не могли принадлежать к числу *privati*, можно часто увидеть и в отечественной, и в зарубежной

⁹¹ Mommsen Th. *Römisches Staatsrecht*. Bd. I. S. 12–13, 677, 683, 686.

⁹² Mommsen Th. *Römisches Staatsrecht*. Bd. I. S. 13. По поводу такого разделения у Т. Моммзена см.: Buti I. *Appunti in tema di «prorogatio imperii»*, I. P. 254.

⁹³ Bleicken J. *Imperium consulare/proconsulare im Übergang von der Republik zum Prinzipat* // Colloquium aus Anlass des 80. Geburtstages von Alfred Heuss / Hrsg. J. Bleicken. Kallmünz: Michael Lassleben, 1993. S. 122; Buti I. *Appunti in tema di «prorogatio imperii»*, I. P. 254, 256, 267, n. 68; Buti I. *Considerazioni sul secondo periodo...* P. 66; Дементьева В.В. Квесторские *provinciae* за пределами Италии // Вестник РГГУ. 2011. № 14. С. 11–27; Dalla Rosa A. *Cura et tutela*. Le origini del potere imperiale sulle province proconsolari. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2014. P. 91–92; Berthelet Y. *Gouverner avec les dieux: autorité, auspices et pouvoir, sous la République romaine et sous Auguste*. Paris: Belles Lettres, 2015. P. 157–168; Drogula F.K. *Commanders and Command...* P. 219–220; Rafferty D. *Provincial Allocations...* P. 138.

⁹⁴ Mommsen Th. *Römisches Staatsrecht*. Bd. II.1. 3. Aufl. Leipzig: S. Hirzel, 1887. S. 240–241 (ср.: Mommsen Th. *Römisches Staatsrecht*. Bd. I. S. 638); Develin R. C. *Aurelius Cotta «praetor iterum»* // *Historia*. 1978. Bd. 27. S. 231; Badian E. *The Silence of Norbanus* // *The American Journal of Philology*. 1983. Vol. 104. P. 156–171; Brennan T.C. *The Praetorship in the Roman Republic*. Vol. I–II. Oxford: Oxford University Press, 2000. P. 73; Thonemann P.J. *The Date of Lucullus' Quaestorship* // *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik*. 2004. Bd. 149. S. 80–82.

историографии⁹⁵. В. Блэзель попытался обосновать этот тезис⁹⁶. С его точки зрения промагистраты, не будучи *privati*, не оказывались и в числе *magistratus*, а составляли особую группу, «*Diejenigen, qui imperium habent*»⁹⁷. Такое определение весьма проблематично, поскольку ограничивает круг промагистратов только теми, кто был наделен империем. Но всегда ли империй имели, например, проквесторы⁹⁸? Если не всегда (например, они наделялись империем только тогда, когда также получали статус *pro praetore*), то схема В. Блэзеля становится невозможной.

В то же время, доводы В. Блэзеля и некоторых других исследователей, сомневавшихся в том, что всех промагистратов, включая даже экс-магистратов с пророгированным империем, римляне относили к категории *privati*, понятны. Определение столь могущественных должностных лиц как *privati* противоречит современному опыту, но лишь до тех пор, пока за аксиому принимается мысль о том, что римская категория *privatus* идентична современному понятию «частное лицо».

Все же важно подчеркнуть, что в историографии пока не получило развернутого толкования довольно значительное число случаев прямого противопоставления промагистратов и *privati* в самой античной нарративной традиции. Этот момент требует поэтому отдельного внимания.

Проблемы уточнения публично-правового положения промагистратов важны, но составляют только основу, необходимую для дальнейшего анализа. Причем меня интересует не деятельность промагистратов в провинциях, а

⁹⁵ См., напр.: Girardet K.M. Die Rechtsstellung der Caesarattentäter Brutus und Cassius in den Jahren 44–42 v.Chr. // *Chiron*. 1993. Bd. 23. S. 214–215; Vervaeke F.J. Pompeius' Career from 79 to 70 BCE: Constitutional, Political and Historical Considerations // *Klio*. 2009. Bd. 91. P. 415, n. 39; Коптев А.В. Гней Помпей Магн – *privatus cum imperio* // *Вестник древней истории*. 2013. № 4 (287). С. 85–111; Koortbojian M. Crossing the *pomerium*: The Boundaries of Political, Religious, and Military Institutions from Caesar to Constantine. Princeton; Oxford: Princeton University Press, 2020. P. 49.

⁹⁶ Blösel W. *Imperia extraordinaria*... S. 44–45.

⁹⁷ Blösel W. *Imperia extraordinaria*... S. 44.

⁹⁸ См.: Дементьева В.В. Квесторские *provinciae*... С. 18–19; Дементьева В.В. Римский республиканский проквестор: определение понятия // *Вестник ЯрГУ. Серия Гуманитарные науки*. 2014. № 4 (30). С. 5–10. Ср.: Badian E. The Silence of Norbanus... P. 158, 164.

возможности их непосредственного, прямого, личного участия в политическом процессе в сфере *domi*. В историографии часто можно встретить констатацию вывода о том, что промагистраты формально не обладали властью в этой сфере (Л. Ланге, Э. Херцог, Т. Моммзен, Х. Клофт, А. Джованнини, В. Кункель, Ф. Дрогула и многие другие)⁹⁹. Однако предметом отдельного рассмотрения еще не становился вопрос о том, могли ли промагистраты, и если да, то какими методами и с каким результатом, напрямую, лично (а не только на расстоянии) участвовать в политической жизни города Рима не только формально, но и неформально. Хотя, безусловно, в историографии накоплено значительное число важнейших частных наблюдений по этому поводу, они еще не были аккумулярованы и осмыслены в рамках обобщающего анализа.

Примыкают к вопросу о промагистратах некоторые стороны изучения *triumviri rei publicae constituendae*. Во-первых, этих магистратов Й. Бляйкен по ряду причин сравнивал с промагистратами¹⁰⁰. Во-вторых, внимание к этим должностным лицам требуется особое, так как практику функционирования триумвирата *r.p.c.* можно рассматривать как связующее звено между Республикой и Принципатом. В-третьих, после истечения первого, а затем и второго пятилетнего срока триумвирата, согласно некоторым исследовательским реконструкциям (Х. Бенарио, К.М. Жирарде, Н.Г. Льюис¹⁰¹), экс-триумвиры на какое-то время автоматически оказались на

⁹⁹ Lange L. *Römische Alterthümer*. Bd. I. 3. Aufl. Berlin: Weidmannsche Buchhandlung, 1876. S. 743; Herzog E. *Geschichte und System der römischen Staatsverfassung*. Bd. 1. Leipzig: B.G. Teubner, 1884. S. 617; Mommsen Th. *Römisches Staatsrecht*. Bd. I. S. 15–16; Kloft H. *Prorogation...* S. 11, 61–62, 66–67; Giovannini A. *Consulare imperium...* P. 42–44; Kunkel W., Wittmann R. *Staatsordnung und Staatspraxis...* S. 17; Drogula F.K. *Commanders and Command...* P. 212.

¹⁰⁰ Bleicken J. *Zwischen Republik und Prinzipat: Zum Charakter des zweiten Triumvirats*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1990. S. 42.

¹⁰¹ Benario H.W. *Octavian's Status in 32 B. C.* // *Chiron*. 1975. Bd. 5. S. 301–309; Girardet K.M. *Der Rechtsstatus Oktavians im Jahre 32 v. Chr.* // *Rheinisches Museum für Philologie*. 1990. Bd. 133. S. 322–350; Lewis N.G. *Rechtsfrage II: Octavian's Powers in 32 BC* // *Liverpool Classical Monthly*. 1991. Vol. 16. P. 57–62.

положении проконсулов, но при этом демонстрировали чрезвычайную активность в сфере *domi*. Однако данный взгляд – лишь один из возможных.

Рассмотрение триумvirата, особенно гипотезы о том, что после 33 г. экс-триумвиры действовали формально в качестве проконсулов, требует сначала изучения огромной исследовательской литературы по вопросу о дате завершения самой магистратуры триумвиров г.р.с. Эта обширная дискуссия рассматривается в гл. 5, §2. Не вынося ее обсуждение во введение, кратко отмечу, что основные исследовательские позиции можно свести к трем вариантам: (1) власть триумвиров истекла в конце 33 г.; (2) она завершилась в конце 32 г.; (3) она законно удерживалась до момента абrogации, абдикации или смерти ее носителей в независимости от того, какой срок исполнения полномочий был установлен. Литература по этой проблеме постоянно увеличивается в объеме. Одной из последних крупных работ стала монография А. Цака, который удачно обобщает промежуточные итоги дискуссии¹⁰².

Таким образом, актуальным и практически не изученным в историографии аспектом видится деятельность промагистратов в сфере *domi*. Главным образом этому вопросу посвящены гл. 4 и 5 данной диссертации.

Посредники и переходные (промежуточные) роли.

Обратимся теперь к краткому обзору историографии некоторых ключевых «сквозных» проблем, затрагивающих представленное диссертационное исследование, в том числе предлагаемую категорию граждан переходных статусов между *privati* и *magistratus*.

В исследовательских трудах, не относящихся к антиковедческим штудиям, при анализе «посредников» (*intermediaries*) или «актеров среднего звена» (*middle actors*) часто подчеркивается, что они не обладают необходимыми средствами для осуществления действия или не имеют

¹⁰² Zack A. Das Ende des Zweiten Triumvirates und die Amtsgewalt des *Imperator Caesar Divi Filius* (Octavianus) in der politischen Ordnung Roms (43–27 v. Chr.). Norderstedt: PubliQation, 2022. 114 S.

достаточной «субъектности» (agency), готовности осуществлять свободный выбор. С другой стороны, они наделены уникальной возможностью играть ведущую роль («способствовать связям и сотрудничеству между различными уровнями и субъектами, внедрять и продвигать инновации» и т.д.) именно потому, что они не принадлежат целиком ни к одной из групп, «между» которыми оказываются¹⁰³. «Посредники» и «акторы среднего звена» в таком понимании отличаются от того, что я называю переходными статусами между *privati* и *magistratus*. Последние не являются группами или индивидами, выступающими в качестве посредников между другими группами или индивидами. Скорее, они сами находятся в состоянии перехода от одного статуса к другому. Или иначе: имея один статус, действуют так, как если бы у них был другой. Тем не менее, идея о том, что «посредники» или «акторы среднего звена» зачастую могут добиться большего, чем представители других групп, несмотря на отсутствие некоторых из ресурсов, имеющихся у последних, поддается проверке на материале источников по нашей теме.

*Изучение дихотомии *privatus/magistratus*.*

В своей хабилюционной работе В. Блёзель отмечает, что противопоставление *privatus/magistratus* представляет собой «распространенную со времен Моммзена концептуальную дихотомию»¹⁰⁴. Я понимаю эту фразу в том смысле, что последняя якобы не наблюдается в самих источниках. Далее, как уже отмечалось выше, В. Блёзель показывает, что промагистраты не относились ни к категории *privati*, ни к категории *magistratus*, а составляли наряду с ними (на одном с ними уровне теоретического обобщения) отдельную, промежуточную категорию, правовым образом закрепленную. В рамках данной диссертации я неоднократно обращаюсь к вопросу о том, является ли дихотомия *privatus/magistratus* характерной для употребления античных авторов или же

¹⁰³ Parag Y., Janda K.B. More than Filler: Middle Actors and Socio-Technical Change in the Energy System from the “Middle-out” // Energy Research & Social Science. 2014. Vol. 3. P. 104.

¹⁰⁴ Blösel W. *Imperia extraordinaria*... 42: «seit Mommsen verbreiteten begrifflichen Dichotomie zwischen *magistratus* und *privatus*».

результатом скорее исследовательских построений. Но во всяком случае можно сразу отметить, что указанная дихотомия распространена в источниках повсеместно¹⁰⁵.

Когда В. Блэзель отказывает дихотомии *privatus/magistratus* в том, чтобы считаться характерной для словоупотребления самих источников (во всяком случае, когда речь идет о промагистратах), он упоминает важнейшую статью А. Винтерлинга об этой дихотомии¹⁰⁶. Однако основной «пафос» последней состоит как раз в том, чтобы акцентировать внимание на изучении античного словоупотребления («самоописаний») вместо того, чтобы пытаться указанную дихотомию использовать в качестве готовой исследовательской категории. Надо полагать, что уже поэтому вывод В. Блэзеля о том, что рассматриваемое противопоставление «распространено со времен Моммзена», вряд ли может считаться верным.

А. Винтерлинг изучал дихотомию *privatus/publicus* (включая противопоставление *privatus/magistratus*) в основном через призму источников о раннем Принципате и утверждал, что эти понятия не следует рассматривать как «универсальные категории, не зависящие от наблюдателя». Они сами должны стать объектом исторического исследования и «интерпретироваться как исторические термины, связанные с конкретными социальными обстоятельствами». Такие концепты, как *privatus* и *publicus*, – «не метаисторические категории, а редуцированные паттерны самоописания социума»¹⁰⁷. Опираясь на противопоставление Н. Лумана «социальной

¹⁰⁵ Ср., напр.: Cic. *Off.* 1.124: ac ne illud quidem alienum est, de magistratuum, de privatorum, [de civium], de peregrinorum officiis dicere. Est igitur proprium munus magistratus intellegere se gerere personam civitatis ... privatum autem oportet...См.: Béranger J. Die Machtübernahme des Augustus... S. 323; Kloft H. Prorogation... S. 13 («...bürgert sich schon verhältnismäßig früh, *privatus* als Bezeichnung für jegliche Person ein, die nicht Magistrat ist»).

¹⁰⁶ Winterling A. *Politics and Society in Imperial Rome*. Malden, MA; Oxford; Chichester: Wiley-Blackwell, 2009. P. 58–76.

¹⁰⁷ Winterling A. *Politics and Society*... P. 68, 75 («these are not metahistorical categories but reductive patterns of social self-description»). Ср.: Winterling A. «Öffentlich» und «privat» im kaiserzeitlichen Rom // *Gegenwärtige Antike – antike Gegenwart: Kolloquium zum 60. Geburtstag von Rolf Rilinger* / Hrsg. T. Schmitt, W. Schmitz, A. Winterling. München: R. Oldenbourg Verlag, 2005. S. 242 («Es handelt sich nicht um metahistorische Kategorien, sondern um simplifizierende Muster gesellschaftlicher Selbstbeschreibung»).

структуры» и «семантики», А. Винтерлинг утверждает, что «способ, при помощи которого общество говорит о себе» – включая интересующую нас дихотомию *privatus/magistratus* – «не является ни “неправильным”, ни “правильным”: он связан с ... “реальными” фактами и черпает свою правдоподобность из этой связи», однако «описывает их в упрощенной манере». Эти семантические модели, «как только закрепляются, сами становятся “реальностью”, начиная, в свою очередь, оказывать влияние на те социальные структуры, которые они описывают, определяя восприятие реальности членами данного общества и влияя на их склонность к действию»¹⁰⁸.

Отсюда, по мнению А. Винтерлинга, следует, что «нельзя задаваться вопросом по поводу того, что в Римской империи было “публичным”, а что “частным”. Вместо этого следует уточнять то, каким образом современники применяли категории «публичное» и «частное» по отношению к определенным явлениям. Как синхронные самоописания показывали реакцию, в частности, на те исторические изменения, которые произошли в результате установления имперского правления?»¹⁰⁹. А. Винтерлинг отмечал, что в имперский период «римские самоописания, включавшие дихотомию

¹⁰⁸ Winterling A. *Politics and Society*... P. 68–69 («In terms of how social structures relate to the way in which a society speaks of itself, it has to be assumed that a semantic model such as the “public/private” dichotomy – in its ancient as in its modern guise – is neither “wrong” nor “right”: it relates to ... “real” facts and draws its plausibility from this relation but describes them in a simplifying manner that does not meet today’s scientific standards. Conversely, it has to be assumed that semantic models, once established, possess a “reality” of their own and, in turn, affect those social structures that they describe by determining the understanding of reality and inclination to act of the members of the society in question»). Cp.: Winterling A. «Öffentlich» und «privat»... S. 235 («Hinsichtlich der Relation zwischen gesellschaftlichen Strukturen und der Kommunikation der Gesellschaft über sich selbst ist davon auszugehen, daß ein semantisches Muster wie die “Öffentlich/privat”-Dichotomie – in seiner antiken wie in seiner modernen Ausprägung – weder “falsch” noch “richtig” ist: Es nimmt ... Bezug auf “reale” Sachverhalte und bezieht daraus seine Plausibilität, beschreibt diese jedoch in simplifizierender, gegenwärtigen wissenschaftlichen Ansprüchen nicht entsprechender Art und Weise. In umgekehrter Hinsicht ist davon auszugehen, daß einmal etablierte semantische Muster ihrerseits eine “Realität” eigener Art haben und auf die gesellschaftlichen Strukturen, die sie beschreiben, zurückwirken, indem sie die Wirklichkeitssicht und die Handlungsorientierung der Mitglieder der jeweiligen Gesellschaft bestimmen»).

¹⁰⁹ Winterling A. *Politics and Society*... P. 69.

publicus/privatus, характеризовалось не единством и последовательностью, как в эпоху Республики, а вариативностью, противоречиями и парадоксами»¹¹⁰. Старая республиканская дихотомия приобрела нормативное действие и использовалась, например, для критики императоров, которые не могли отличить свои «частные» дела от «государственных», даже если на практике это было совершенно невозможно. Другой пример: в сопоставлении с императором даже *consules ordinarii* могли считаться *privati*¹¹¹.

А. Винтерлинг указывает на одно из направлений рассуждений, актуальное для данной диссертационной работы: «Переход от вопросов, (начинающихся со слова) “что”, к вопросам, (начинающимся со слова) “как”, а также различие социальной структуры и семантики, следовательно, удваивает историческую реальность: наука должна разрабатывать такое описание прошлого, которое включает в себя как самоописания, (характерные для обществ) прошлого, так и объяснения того, почему эти самоописания оказывались возможными»¹¹². В применении к теме настоящей диссертации можно задаться вопросом о том, как римляне применяли указанную дихотомию по отношению к тем, кого я определяю как обладателей переходных статусов. Также можно попытаться уточнить причины, по которым античные авторы в некоторых случаях называли *magistratus* или уподобляли *magistratus* тем, чье формальное положение они определяли как *privatus*, и наоборот.

Сосредоточившись на материале источников об императорском Риме, А. Винтерлинг приходит к выводу о том, что «изменения, которые затрудняли описание социально-политических обстоятельств с помощью дихотомии

¹¹⁰ Winterling A. *Politics and Society*... P. 75–76.

¹¹¹ Winterling A. *Politics and Society*... P. 71–72. Также см.: Pani M. *Principe e magistrato a Roma fra pubblico e privato. Tracce di un itinerario* // Pani M. *Potere e valori a Roma fra Augusto e Traiano*. Bari: Edipuglia, 1993. P. 65–82; Moos P. von. «Öffentlich» und «privat» im Mittelalter: Zu einem Problem historischer Begriffsbildung. Heidelberg: Universitätsverlag Winter, 2004. S. 17; Milnor K. *Gender, Domesticity, and the Age of Augustus: Inventing Private Life*. Oxford: Oxford University Press, 2005. P. 19–22; Meyer E. *Römischer Staat und Staatsgedanke*. 3. Aufl. Zürich; Stuttgart: Artemis Verlag, 1964. S. 536, Anm. 10.

¹¹² Winterling A. *Politics and Society*... P. 75.

publicus/privatus, стали заметны уже в эпоху поздней Республики»¹¹³. Исследователь упоминает некоторые из симптомов того, что это различие становилось все менее подходящим для описания политической реальности Республики. Таким образом, признавая изменение ситуации в эпоху поздней Республики, А. Винтерлинг все же априори исходит из существования в период *libera res publica* какого-то исходного, выражаясь метафорически, «первозданного» по чистоте, момента, в котором противопоставление publicus/privatus вполне соответствовало социально-политической реальности и не должно было характеризоваться «вариативностью, противоречиями и парадоксами».

Хотя бы уже по той причине, что, как показывает сам А. Винтерлинг, «устоявшиеся паттерны самоописания» могли становиться средством оказания определенного влияния на современников событий, приобретая характер нормативных предписаний, необходима проверка его наблюдений по поводу ситуации в эпоху Республики в той части, которую затрагивает проблематика представленной диссертации. Цитата, с которой начинается данное введение, уже заставляет сомневаться в том, что (по крайней мере, на уровне политической риторики) для Республики невозможен был аналог ситуации, описанной А. Винтерлингом для Империи, а именно: «в сопоставлении с императором даже *consules ordinarii* могли считаться *privati*». Такого рода парадоксальные определения встречаются в источниках, главным образом, именно в связи с описанием переходных статусов между *privati* и *magistratus*. Кроме того, не выглядит само собой разумеющимся представление о том, что римляне эпохи Республики понимали *privatus* как «гражданина без должности», из чего исходит А. Винтерлинг¹¹⁴.

¹¹³ Winterling A. *Politics and Society*... P. 58.

¹¹⁴ Winterling A. *Politics and Society*... P. 59: «the old distinction of *magistratus*, the citizen holding an office, and *privatus*, the citizen without office». Также см.: Pani M. *Principe e magistrato*... P. 65. Более поздние представления в рамках схемы *privati-magistratus*—другие должностные лица (напр., Isid. *Etym.* 9.26: *magistrati vero, quod maiores sunt reliquis officiis*) находятся за пределами хронологических рамок моей работы.

Анализ роли публично-правового регулирования в политической жизни.

Значительную часть настоящего исследования представляет анализ публично-правовой системы, ее развития и кризиса. А. Джованнини подчеркивал, что участники политической борьбы не могли позволить себе игнорировать «конституционные» нормы, поскольку они были важны с точки зрения общественного мнения. Нельзя объяснить поведение отдельных лиц и групп без учета конституционных принципов, которые ограничивали политические решения¹¹⁵. Как отмечает У. Вальтер, и в те моменты, когда насилие достигало пика, политические акторы Республики вновь и вновь апеллировали к праву и стремились укрепить свое положение при помощи законодательства и занятия должностей¹¹⁶. Даже господство триумвиров не было исключением в этом отношении¹¹⁷.

Акцент на формальной стороне дела иногда оценивается исследователями как ограниченный. Так, например, в рецензии на монографию Й. Бляйкена о триумвирате *rei publicae constituendae*, Дж. Рич отмечал, что автор книги усматривал «политическое значение в вопросах всего лишь конституционной формы», что триумвират «был только формальным выражением власти, удерживаемой военной силой», и что детали того, «как были определены полномочия триумвиров, малозначимы»¹¹⁸. Но замечу, что важность «конституционной формы» состоит необязательно в том, что (как, кажется, подразумевает Дж. Рич) триумвиры должны были действовать в соответствии с правовым оформлением, которые они разработали для самих себя, или тем более в том, что это оформление было каким-то образом важно только само по себе (хотя и в этом ракурсе оно представляет интерес). Сведения о ней являются, как минимум, не менее важными составляющими общей картины политического развития

¹¹⁵ Giovannini A. *Consulare imperium...* P. 151.

¹¹⁶ Walter U. *Politische Ordnung in der römischen Republik*. Berlin; Boston: De Gruyter Oldenbourg, 2017. S. 90.

¹¹⁷ Walter U. *Politische Ordnung...* S. 95.

¹¹⁸ Rich J.W. Review: The Second Triumvirate. Bleicken J. Zwischen Republik und Prinzipat: zum Charakter des Zweiten Triumvirats // *Classical Review*. 1992. Vol. 42. P. 113.

Республики, наряду с другими ее элементами. Впрочем, даже прямые следствия правового регулирования могли оказывать существенный эффект на события, но состоять не в том, чтобы реально ограничивать (определять) власть самих триумвиров или связывать их решениями других институтов и акторов, а скорее в том, чтобы привязать этих последних к триумвирам¹¹⁹.

Даже если бы мы предположили, что формальности не имели значения, вопрос о том, почему римляне уделяли им внимание, остается актуальным. В частности, почему триумвиры заботились о конституционном оформлении своего господства? То, что они это делали, многое сообщает о политической реальности, но вовсе не потому, что публично-правовые детали эту реальность исчерпывали. Рассмотрим, например, аргумент Й. Бляйкена о том, что триумвиры обладали властью в сфере *domi*, которая позволяла им контролировать политическую инициативу¹²⁰. Можно попытаться уточнить вопрос о том, почему триумвиры посчитали необходимым формализовать свой контроль именно над инициативой в политическом пространстве города Рима, и какие механизмы они подбирали для достижения своей цели¹²¹. Действительно, мы знаем об их полном (военном) контроле над ситуацией в Риме, который «в реальности» и гарантировал их власть, но, тем не менее, изучение сведений о «конституционной форме» оправданно хотя бы потому, что позволяет получить дополнительные сведения о том, какие именно направления требовали, с точки зрения триумвиров, особого внимания. Это не

¹¹⁹ Такое рассуждение предложил Т. Хёльшер в ответ на анализ К.-М. Жирарде т.н. *imperium maius*, см.: Girardet K.M. *Imperium maius*. Politische und verfassungsrechtliche Aspekte. Versuch einer Erklärung // La révolution romaine après Ronald Syme. Bilans et perspectives: Entretiens sur l'antiquité classique, Vandoeuvres 6–10 septembre 1999 / Ed. A. Giovannini. Geneva: Fondation Hardt, 2000. P. 235. О принципате с данной точки зрения см.: Jehne M. Die Neukonstruktion der Tradition als Machterhaltungs- und Machtsteigerungspolitik des Augustus // Dimensionen institutioneller Macht. Fallstudien von der Antike bis zur Gegenwart / Hrsg. G. Melville, K.-S. Rehberg. Köln; Wien; Weimar: Böhlau Verlag, 2012. S. 82–83.

¹²⁰ См.: Bleicken J. Zwischen Republik und Prinzipat... S. 40.

¹²¹ См. гл. 2, §1.

может не проливать дополнительный свет на дефициты той «власти, основанной на военной силе», которая только и интересуется Дж. Рича¹²².

Таким образом, в настоящей работе я исхожу из тезиса о том, что даже если отказывать юридической форме в реальном воздействии на ход событий, таковой отказ никак не исключает то, что именно эта форма многое сообщает о политических реалиях, а также о восприятии ситуации современниками, в том числе, об оценке ими некоторых тенденций ее развития как угрожающих и поэтому требующих хотя бы формальных паллиативных мер, своего рода «словесных интервенций» в отсутствие других средств решения проблем.

Исследования терминологии античной традиции для обозначения политической власти и сферы ее применения.

Как и в случае с применимостью таких современных понятий, как «легальность» и «легитимность»¹²³, «конституция» и «институт»¹²⁴, использование современными исследователями античных понятий часто вызывает трудности. Я опираюсь на имеющиеся интерпретации ряда фундаментальных терминов источников, описывающих политическую власть и лидерство в Римской республике. Подробно римская политическая терминология будет обсуждаться в соответствующих разделах основной части, однако несколько общих замечаний необходимо сделать во введении.

Прежде всего, важны понятия *imperium* и *potestas*. В отличие от подхода, согласно которому существовали два типа империя – *domi* и *militiae*, Ф. Дрогула в последние годы обосновывал мнение о том, что *imperium domi* не существовал, а империй по определению был (и оставался, как утверждает исследователь) исключительно военной властью за пределами города Рима (*militiae*), в то время как *potestas* обозначала гражданскую власть магистратов¹²⁵. Однако мнение Ф. Дрогулы и других исследователей,

¹²² Rich J.W. Review: The Second Triumvirate... P. 113.

¹²³ Börm H., Havener W. Octavians Rechtsstellung im Januar 27 v. Chr. und das Problem der «Übertragung» der *res publica* // Historia. 2012. Bd. 61. S. 211, Anm. 45.

¹²⁴ Ср., напр.: Walter U. Politische Ordnung... S. 113, 117–120.

¹²⁵ Drogula F.K. *Imperium, potestas, and the pomerium in the Roman Republic* // Historia. 2007. Bd. 56. S. 419–452; Drogula F.K. Commanders and Command... P. 85–105. Ср., прежде всего:

формулировавших схожую с ним позицию, об *imperium* и *potestas*, как показывает В.В. Дементьева, не лишено серьезных проблем и противоречий¹²⁶. В частности, возникает вопрос о том, как определить властные полномочия проквесторов, если сами квесторы не имели империя.

Дихотомия *domi/militiae* особенно важна, когда речь идет о промагистратах (гл. 4). Это противопоставление может быть понято как пространственное (область в пределах города Рима¹²⁷) или как функциональное либо определяемое статусом (гражданский или военный) рассматриваемых акторов¹²⁸. Географический аспект деления *domi/militiae* едва ли может быть проигнорирован¹²⁹, но функциональный аспект, по всей видимости, хорошо его дополняет. Так, с одной стороны, промагистраты не могли созывать сенат или комиции (операции, которые относились к сфере *domi*), даже за пределами города, то есть в той области, где промагистраты обладали властью. С другой стороны, они, конечно, участвовали в том, что можно назвать в современном понимании «гражданским» управлением, но только в провинциях, вдали от Рима¹³⁰. Один из вопросов, рассматриваемых в

Heuss A. Zur Entwicklung des Imperiums der römischen Oberbeamten // *Gesammelte Schriften* / A. Heuss. Bd. 2. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 1995. S. 831–907 (однако А. Хойс полагал, что после 300 г. судебные полномочия, которые относились к сфере *domi*, были включены в понятие *imperium*); Bleicken J. Zum Begriff der römischen Amtsgewalt, *auspicium* – *potestas* – *imperium* // *Gesammelte Schriften*. Bd. I / Eds. F. Goldmann, M. Merl, M. Sehlmeier, U. Walter. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 1998. S. 335. Также см.: Walter U. Politische Ordnung... S. 26.

¹²⁶ Дементьева В.В. Магистратская власть...

¹²⁷ Напр.: Mommsen Th. *Römisches Staatsrecht*. Bd. I. S. 62–63; Magdelain A. *Jus imperium auctoritas*. Études de droit romain. Rome: École française de Rome, 1990. P. 155–156, 209–211; Rüpke J. *Domi militiae*: die religiöse Konstruktion des Krieges in Rom. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 1990. S. 29–57; Sandberg K. Magistrates and Assemblies: A Study of Legislative Practice in Republican Rome. Rome: Institutum Romanum Finlandiae, 2001. P. 119–123.

¹²⁸ Giovannini A. *Consulare imperium*... P. 7–15; Giovannini A. Les institutions de la République romaine: des origines à la mort d'Auguste. Basel: Schwabe, 2015. P. 188; Liou-Gille B. Le pomerium // *Museum Helveticum*. 1993. Vol. 50. P. 101–103. Но ср.: Bleicken J. *Imperium consulare/proconsulare*... S. 118, включая Anm. 1.

¹²⁹ «The city of Rome was always considered *domi*» (Drogula F.K. Commanders and Command... P. 47–56; цитата – P. 49). Также см.: Beck H. Consular Power... P. 91–92; Berthelet Y. Gouverner avec les dieux... P. 186–200; Gargola D.J. The Shape of the Roman Order: The Republic and its Spaces. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 2017. P. 132–139.

¹³⁰ См., напр.: Mommsen Th. *Römisches Staatsrecht*. Bd. II.1. S. 102–103; Richardson J.S. *Imperium Romanum*: Empire and the Language of Power // *Journal of Roman Studies*. 1991. Vol. 81. P. 3. Также см. гл. 4, §1.4.

настоящей работе, заключается как раз в том, что делали промагистраты, чтобы преодолеть данные ограничения, и в какой момент можно считать, что они «принимали прямое участие» в политическом процессе в сфере *domi*.

Еще одним сложным понятием, важным для исследования промагистратуры, является померий. В недавней диссертации Д. Эммелиус оспорил традиционное понимание *pomerium* как «предсуществующей» политической и религиозной границы, которая служила внешним фактором, ограничивающим возможности различных субъектов политического процесса. Вместо этого Д. Эммелиус предлагает анализ исторического процесса постоянного пересмотра этого концепта¹³¹.

Замечу, что именно в случае промагистратов наблюдения Д. Эммелиуса все же допускают, что некая граница города действительно функционировала как внешний фактор, с которым политические акторы должны были считаться. Д. Эммелиус подчеркивает, что явное определение такой границы как «померий» встречается только у Кассия Диона, в то время как другие источники скорее говорят о вступлении в город (*urbem*) или проходе через городские врата (*portae*)¹³². Несмотря на акцент Д. Эммелиуса на фундаментальной неопределенности, неясности и изменчивости категории *pomerium* (что делало ее популярной в антикварном дискурсе), он не отрицает устойчивую связь между понятиями «померий» и «городские стены» в большинстве упоминаний в источниках¹³³. Хотя точное отношение померия к стенам или вратам Рима остается для нас неясным и, по-видимому, являлось

¹³¹ Emmelius D. Grenzen schreiben. Das *Pomerium* und die Konstitution von Stadtgrenzen im antiken Rom. Diss. Bielefeld: Universität Bielefeld, 2019. 332 S. (особенно S. 14–16); Emmelius D. Das *Pomerium*. Geschriebene Grenze des antiken Rom. Göttingen: Verlag Antike, 2021. 411 S. (особенно S. 21–26).

¹³² Emmelius D. Grenzen schreiben... S. 182–186, 195–196, 201; Emmelius D. Das *Pomerium*... S. 218–224, 234–235, 241. По поводу «особого случая» Кассия Диона, см.: Emmelius D. Grenzen schreiben... S. 296–299; Emmelius D. Das *Pomerium*... S. 358–360.

¹³³ Также см.: Mignone L.M. Rome's *pomerium* and the Aventine Hill: From *auguraculum* to *imperium sine fine* // *Historia*. 2016. Bd. 65. P. 429, включая n. 11; Sisani S. Il concetto di *pomerium*. Valenza giuridico-sacrale e realtà topografica dei fines Urbis // *Vestigia: miscellanea di studi storico-religiosi in onore di Filippo Coarelli nel suo 80 anniversario*. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2016. P. 70.

таковым и для самих римлян¹³⁴, эти две сущности часто воспринимались как неразрывное единство, без систематического различия между ними¹³⁵. Выводы Д. Эммелиуса, приводят, на мой взгляд, к мысли о том, что даже если затруднительно использовать термин *pomerium* как готовое научное понятие для обозначения конкретной юридической или политической границы, все же существовала некая определенная граница, даже если на практике она чаще всего определялась с отсылкой к стенам и вратам. Важно и то, что эта граница все равно была неотделима от понятия «померий» и тесно с ним связана, причем не только у Диона¹³⁶. Такая граница – или точнее «конкретные опорные точки вдоль маршрута померия»¹³⁷ – действительно оказывала влияние, например, на то, как промагистраты реализовывали свою власть. Вопреки общей концепции Д. Эммелиуса, «конституирование» или «переопределение» этой границы по своему усмотрению в реальности было невозможно; во всяком случае, без дополнительных политических издержек. Однако, учитывая неопределенности, связанные с понятием померия как такового, в дальнейшем я в основном использую терминологию, предпочитаемую источниками в каждом конкретном случае (например, *in urbe*, *ad urbem*, *extra urbem* или греческий эквивалент *pomerium* у Диона), или применяю менее конкретное выражение «городская граница», «пределы города Рима» и т.п. Тот факт, что именно случай промагистратов составляет наиболее однозначную часть античной традиции о политическом значении

¹³⁴ Emmelius D. Grenzen schreiben... S. 43–55; Emmelius D. Das *Pomerium*... S. 53–65.

¹³⁵ Emmelius D. Grenzen schreiben... S. 313; Emmelius D. Das *Pomerium*... S. 376 («Bei all dem bleibt es freilich denkbar, dass Mauer und *Pomerium* – unabhängig von den etymologischen Spekulationen – in der Praxis vielfach als Einheit aufgefasst wurden und dass gar keine systematische Unterscheidung zwischen beiden stattfand»).

¹³⁶ Cic. *Nat. D.* 2.11: cum pomerium postea intrasset habendi senatus causa, in redeundo cum idem pomerium transiret auspicari esset oblitus; Gell. *NA.* 15.27.5: centuriata autem comitia intra pomerium fieri nefas esse, quia exercitum extra urbem imperari oporteat, intra urbem imperari ius non sit. Ср.: Mommsen Th. Der Begriff des *Pomerium* // Hermes. 1876. Bd. 10. S. 44. Также см. Simonelli A. Considerazioni sull'origine, la natura e l'evoluzione del *pomerium* // *Aevum*. 2001. A. 75, fasc. 1. P. 148, включая n. 249.

¹³⁷ Mignone L.M. Rome's *pomerium*... P. 431.

городской границы Рима (независимо от того, какое обозначение ей дать), будет важен для выводов в гл. 4 и 5.

В отличие от ситуации с терминами *imperium*, *potestas* или *pomerium*, в некоторых случаях затруднительно оперировать какими-либо уже предложенными ранее исследовательскими интерпретациями. Так, например, в ходе представленного исследования возникает необходимость дать новую общую оценку тезиса о предполагаемых квазимагистратских правах *magistratus designati* (см. гл. 2, §2), феномена отстранения от власти, в том числе посредством *abrogatio* (гл. 3, §1), значения терминологии для обозначения промагистратов в соотношении с магистратами (гл. 4, §1), наполнения термина *auctoritas* и др.

Из числа современных исследовательских категорий особое значение в настоящей работе приобретает понятие «политическая инициатива».

Изучение политического лидерства и политической инициативы в античном Риме.

Для данной диссертации особую важность представляет опыт изучения политического лидерства в Римской республике. Поскольку достижения историографии в этом направлении имеют фундаментальное значение для формулировки выводов представленной работы в целом (а также могут послужить введением для рассмотрения других аспектов истории конституции и политической культуры античного Рима), их уместно более подробно рассмотреть именно в общем обзоре историографии¹³⁸.

Связь между контролем над реальной политической инициативой и ситуацией, когда обычное распределение ролей между *privati* и *magistratus* оспаривается, не становилась предметом специального изучения, но, безусловно, в историографии подмечалась. Так, например, Ж. Беранже писал, что *privatus* Октавиан в какой-то момент стал более могущественным, чем

¹³⁸ Основные наблюдения из данной части обзора историографии опубликованы в издании: Frolov R.M. Introduction // *Leadership and Initiative in Late Republican and Early Imperial Rome* / Eds. R.M. Frolov, C. Burden-Strevens. Leiden; Boston: Brill, 2022. P. 1–35.

республиканские институты. Традиционные органы могли осуществлять лишь видимость власти, и даже этого они достигали лишь посредством поощрения инициативы могущественного *privatus*. Все, что они могли сделать, – использовать эту инициативу и легализовать ее (добавлю: либо попытаться уклониться от таковой легализации). Необычная роль *privatus* сопровождалась еще и отказом традиционных акторов политического процесса признавать консула М. Антония в качестве законного магистрата¹³⁹. Здесь налицо констатация исследователем инверсии обычных политических ролей *privati* и *magistratus*. Антоний лишается права действовать в качестве консула, в то время как сенат способен лишь реагировать на ситуацию, действуя «вторым номером», одобряя и узаконивая инициативу *privatus* постфактум (попутно замечу: почти сразу «аугментируя» положение *privatus* если не немедленным предоставлением магистратуры, то, во всяком случае, немедленным предоставлением промагистратских полномочий).

Феномен «политической инициативы» оказывается в центре моего внимания. Как отмечает Дж. Бёрнс в одной из общих работ о «трансформационном» (*transformational*) и других типах политического лидерства, инициативу можно рассматривать как важнейший аспект лидерства и в самом общем виде определить как способность самостоятельно начинать политическое действие, а не просто реагировать на уже начатый другим актором процесс. Будет ли функция инициатора политического действия «единственной ролью, уникальной ролью, лидера», зависит от конкретной ситуации, но эта функция присутствует всегда¹⁴⁰. В самом общем виде «инициатива» одного может быть также определена как способность накладывать ограничения на выбор, доступный другим, – подход, который часто можно усмотреть в исследованиях, посвященных анализу военной или стратегической инициативы. В рамках этих штудий подчеркиваются такие

¹³⁹ Béranger J. Die Machtübernahme des Augustus... S. 318.

¹⁴⁰ Burns J.M. Transforming Leadership: A New Pursuit of Happiness. New York: Grove Press, 2003. P. 172.

маркеры способности к инициативе как «сила неожиданности», «моральное преимущество», «смелость и энергичность»¹⁴¹. Сразу необходимо подчеркнуть, что в применении к римскому материалу поиск такого рода признаков будет означать внимание как к «сухим» деталям публично-правового регулирования, так и как раз к тем фрагментам античных сочинений, которые современные исследователи нередко отвергают, рассматривая их как с высокой степенью вероятности относящиеся к тому, что Т. Корнелл вслед за А. Момильяно определяет как интерпретационную по своей сути «нарративную суперструктуру», накладываемую античными авторами на «скелет» реальных «сырых» данных о прошлом¹⁴². Этой ситуацией определяется трудность поставленной задачи.

В условиях недостатка специальных исследований, посвященных феномену инициативы в политике (за исключением многочисленных политологических работ, изучающих «инициативы» в нерелевантном для нас конкретном значении отдельные «(законо)проекты» или «общественные движения»), эти маркеры военной инициативы могут быть применимы и к изучению политической инициативы, в том числе, в контексте истории Римской республики.

В качестве необходимой составляющей феномена инициативы во всех дискурсах так или иначе выступает способность субъекта начинать действие самостоятельно. Так, определение «начала» действия в самом широком философском понимании, как известно, играло важную роль в работах Х. Арендт. Ее анализ значим для меня еще и по той причине, что при формулировке своих концепций философ активно оперировала античным материалом, во всяком случае греческим. Так и в этом случае она утверждала, что семантика греческих слов ἄρχεῖν и πράττειν (ср. латинские *agere* и *gerere*), «которыми обозначается глагол “действовать”», первоначально отражала два

¹⁴¹ См., напр.: Cherry R.G. The Initiative in War // Royal United Services Institution. Journal. 1921. Vol. 66. P. 87–100.

¹⁴² Cornell T. The Beginnings of Rome... P. 18.

принципиально различавшихся аспекта. В то время как глагол ἄρχεῖν означал скорее «начинать», «вести за собой» и, наконец, «править кем-то», то πρᾶττεῖν обозначал «достигать» и «завершать» какое-либо действие. «Начинатель», лидер, «запускает» предприятие, и, если он находит поддержку у других, предприятие это может быть успешно доведено до конца. Однако со временем «слова, обозначающие начало действия, стали специализированными по смыслу, по крайней мере в политическом языке». Так, ἄρχεῖν «стало в специальном словоупотреблении означать главным образом “править” и “руководить”». Таким образом, «позиция начинателя и лидера ... превратилась в позицию правителя...»¹⁴³. Не-рутинное, оригинальное, нестандартное индивидуальное действие, которое вдохновляет других следовать за лидером и которое Х. Арендт здесь имеет в виду, напрямую относится к процессу формирования институциональной структуры и развитию политической сферы в целом. На мой взгляд, эти представления Х. Арендт могут найти применение при формулировке конкретно-исторических объяснений.

Опираясь на древнегреческий материал, Х. Арендт, впрочем, никогда не применяла свою концепцию к римской политической истории. Между тем, известный фрагмент рассуждений Полибия о римской конституции (6.12.1–4) демонстрирует значение консулов как лидеров государства именно посредством того, что подчеркивает их уникальную способность инициировать политическое действие и, уже как следствие этого, способность управлять¹⁴⁴. В такой трактовке сенат и народ, хотя были по-своему могущественны, оказывались в некотором смысле «на вторых ролях», так как в обычных условиях не могли функционировать независимо от магистратов или хотя бы начинать какую-либо активность без участия носителя

¹⁴³ Arendt H. The Human Condition. Chicago: University of Chicago Press, 1958. P. 178, 189–192 (цитата – P. 189); Arendt H. What is Freedom? // Arendt H. Past and Future. New York: Viking Press, 1968. P. 165–171.

¹⁴⁴ Polyb. 6.12.1–4: ... εἰς τε τὴν σύγκλητον οὗτοι (οἱ ὕπατοι) τὰς πρεσβείας ἄγουσι. πρὸς δὲ τοῖς προειρημένοις οὗτοι τὰ κατεπεύγοντα τῶν διαβουλίων ἀναδιδόασιν, οὗτοι τὸν ὅλον χειρισμὸν τῶν δογμάτων ἐπιτελοῦσι. καὶ μὴν ὅσα δεῖ διὰ τοῦ δήμου συντελεῖσθαι τῶν πρὸς τὰς κοινὰς πράξεις ἀνηκόντων, τούτοις καθήκει φροντίζειν καὶ συνάγειν τὰς ἐκκλησίας, τούτοις εἰσφέρειν τὰ δόγματα, τούτοις βραβεύειν τὰ δοκοῦντα τοῖς πλείοσι.

магистратской власти.

Хотя конституционный анализ Полибия часто понимается как имеющий весьма неоднозначное отношение к реальной политической практике, он, по сути, оказался унаследован рядом популярных современных исследовательских подходов к изучению лидерства и политической инициативы в Риме. В рамках таких подходов «исполнительная власть» (как республиканские магистраты, так и *mutatis mutandis* первые принцепсы) рассматривается как состоящая из группы проактивных политических субъектов, тогда как народ, отдельные представители элиты, не занимавшие магистратур в данный момент, а иногда и сенат, понимаются как преимущественно пассивные объекты, способные реагировать, но не инициировать.

Почти полтора века назад такого рода рассуждения послужили Т. Моммзену основанием для того, чтобы начать изложение «римского государственного права» именно с магистратов. И сенат, и народное собрание «могли действовать только в сотрудничестве с магистратурой, и любое решение собранного совета или собранного гражданского коллектива оказывалось в то же самое время актом магистрата»¹⁴⁵. Способность действовать (*handeln*) используется здесь в качестве критерия для определения порядка изложения материала исследования. Сенат и народ как институты могли функционировать формально только в ответ на предложения магистрата. В отличие от них, магистрат был способен действовать самостоятельно. Даже сотрудничая с сенатом и народом, он, говоря метафорически, «нажимал кнопку включения» политического процесса от имени всех его участников.

Й. Бляйкен оспорил преобладание магистратуры, имевшее место в системе Т. Моммзена, подчеркивая прямое отношение сената к осуществлению политической инициативы: «Ведь сенат, как известно каждому изучающему римскую историю, был, очевидно, центром

¹⁴⁵ Mommsen Th. Römisches Staatsrecht. Bd. I. S. 3.

государственной жизни Рима, от которого исходила всякая инициатива и в котором была сосредоточена вся государственная власть»¹⁴⁶. Хотя сенат, действительно, технически не мог действовать самостоятельно, фактически именно он контролировал формальное применение магистратами законодательной инициативы¹⁴⁷. Только с выступлением Гракхов (и благодаря им) начал раскрываться потенциал подлинно независимой инициативы магистратов на базе их формальных полномочий¹⁴⁸. Однако расширение Й. Бляйкеном понятия политической инициативы с добавлением в него фактора сенатского фактического контроля над формальными актами магистратов не включила инициативу римского народа в политических собраниях граждан¹⁴⁹.

Комментируя концепцию «римской демократии» Ф. Миллара, Дж. Норт отмечал, что, помимо прочего, работа Ф. Миллара поднимает «вопрос об инициативе» в республиканском Риме, иными словами, вопрос о том, «кто контролирует повестку дня»¹⁵⁰. Но поскольку Ф. Миллар подчеркивал именно формальный суверенитет народа, он вынужден был признавать значимость того факта, что «народные собрания (как и сенат) не имели фиксированной повестки дня или даты заседаний и могли быть созваны только магистратом; также они имели возможность голосовать только по тем вопросам, которые

¹⁴⁶ Bleicken J. *Lex publica: Gesetz und Recht in der römischen Republik*. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 1975. S. 25.

¹⁴⁷ Bleicken J. *Lex publica...* S. 306–309, 312, Anm. 136. В связи с этим также ср.: Kunkel W. Magistratische Gewalt und Senatsherrschaft // *Aufstieg und Niedergang der römischen Welt: Geschichte und Kultur Roms im Spiegel der neueren Forschung*. Bd. Teil I: Von den Anfängen Roms bis zum Ausgang der Republik. Bd. 2 / Hrsg. H. Temporini. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 1972. S. 16–17.

¹⁴⁸ Bleicken J. *Lex publica...* S. 318. Ср.: Grote O. Potentiality through Conflict: Political Initiatives, Conflict, and the Political Evolution of the Roman Republic // *Leadership and Initiative in Late Republican and Early Imperial Rome* / Eds. R.M. Frolov, C. Burden-Stevens. Leiden; Boston: Brill, 2022. P. 351–373.

¹⁴⁹ См., напр.: Bleicken J. *Lex publica...* S. 320.

¹⁵⁰ North J.A. Introduction: Pursuing Democracy // *Representations of Empire: Rome and the Mediterranean World* / Ed. A.K. Bowman, H.M. Cotton, M. Goodman, S. Price. Oxford: Oxford University Press, 2002. P. 5.

ставил перед ними магистрат»¹⁵¹. Сам Дж. Норт, размышляя в терминах формальной инициативы, пришел к выводу, что «римская система оставляла всю политическую инициативу за семьями правящей элиты». Только они могли быть избраны магистратами, и «только должностные лица обладали полномочиями, необходимыми для проведения собраний, вынесения решений на голосование или осуществления любых действий, подразумеваемых при голосовании в комициях»¹⁵². Аналогичным образом Дж. Тейтем, поддерживая акцент Ф. Миллара на том, что представление о свободе римского народа было «санкционировано законом и обычаем», отмечает, что «ставить под сомнение аристократический локус политической инициативы и активности в Риме – ошибка»¹⁵³. У. Вальтер пишет, что инициативы, имеющие целью проведение того, что можно назвать «реформами», исходили от ограниченного круга аристократов¹⁵⁴. Е. Линдерски формулирует этот же вывод в следующем виде: «народный суверенитет без народной законодательной инициативы – просто фикция. Не случайно Т. Моммзен начал обсуждение римской конституции с магистратов»¹⁵⁵.

Перечисление примеров такого рода исследовательских оценок можно легко продолжить. Данный подход по-прежнему положен в основу самых последних и новаторских исследований. Так, например, Х. Моритсен, который неоднократно использует термин «инициатива» для описания функционирования римской республиканской системы, отмечает, что народные собрания «полностью контролировались своими лидерами и не допускали никакой независимой инициативы»¹⁵⁶, поскольку предложения не

¹⁵¹ Millar F. *The Roman Republic and the Augustan Revolution* / Ed. H.M. Cotton, G.M. Rogers. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 2002. P. 140.

¹⁵² North J.A. *Introduction...* P. 6.

¹⁵³ Tatum W.J. *The Patrician Tribune: Publius Clodius Pulcher*. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1999. P. 10.

¹⁵⁴ Walter U. *Praxis ohne Begriff...* S. 124.

¹⁵⁵ Linderski, J. *Review: Mitchell Th.N. The Ascending Years* // *Classical Journal*. 1982. Vol. 77. P. 276.

¹⁵⁶ Mouritsen H. *Politics in the Roman Republic*. Cambridge: Cambridge University Press, 2017. P. 34.

могли исходить от самих собраний¹⁵⁷. Х. Моритсен подчеркивает «пассивную роль» собраний и отсутствие «активного соучастия» с их стороны¹⁵⁸.

Такая точка зрения во многом обусловлена сведением политической инициативы только к формальной, особенно законодательной, инициативе, за одним исключением в виде особой роли сената. Более того, даже при анализе аспектов неформальной политики утверждается, что, например, политическое насилие в собраниях исходило фактически от магистратов, происходило в основном по их инициативе, с последующей реакцией и ответом ангажированной магистратами толпы. Сначала насилие возникало внутри институциональной структуры, контролируемой должностными лицами. Затем оно распространялось за ее пределы, но это не меняло тот факт, что магистраты были настоящими зачинщиками конфликтов и единственными реальными акторами, обладавшими инициативой – даже в контексте гражданских столкновений¹⁵⁹.

Соглашаясь с мнением о том, что в республиканском Риме (простой) народ никогда не обладал правом инициативы («das Recht der Initiative»), К. Майер отмечал, что тоже самое было верно и для членов всаднического сословия¹⁶⁰. И, тем не менее, они, как показал К. Майер, могли оказывать значительное влияние на политическую повестку дня. Даже магистраты по

¹⁵⁷ Mouritsen H. Politics... P. 16. Эта линия рассуждений постоянно приводилась и ранее, см., напр.: Vanderbroeck P.J.J. Popular Leadership and Collective Behavior in the Late Roman Republic (ca. 80–50 B.C.). Amsterdam: Gieben, 1987. P. 128; Badian E. Kommentar. Sektion V. Magistratur und Gesellschaft // Staat und Staatlichkeit in der frühen römischen Republik / Ed. W. Eder. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 1990. S. 470, n. 20; North J.A. The Constitution of the Roman Republic // A Companion to the Roman Republic / Eds. N. Rosenstein, R. Morstein-Marx. Oxford: Blackwell Publishing, 2006. P. 266.

¹⁵⁸ Mouritsen H. Politics... P. 17. См. критические рассуждения А. Якобсона по этому поводу: Jakobson A. Public Opinion and Political Initiative in Republican Rome // Leadership and Initiative in Late Republican and Early Imperial Rome / Eds. R.M. Frolov, C. Burden-Stevens. Leiden; Boston: Brill, 2022. P. 64–88.

¹⁵⁹ David J.-M. Les règles de la violence dans les assemblées populaires de la République romaine // Politica antica. 2013. Vol. 3. P. 11–29. (=Die Regeln der Gewalt in den Volksversammlungen der Römischen Republik // Trivium. 2020. Vol. 31. URL: <http://journals.openedition.org/trivium/7188> (дата обращения: 07.07.2025)).

¹⁶⁰ Meier C. *Res publica amissa*: Eine Studie zu Verfassung und Geschichte der späten römischen Republik. Wiesbaden: Franz Steiner Verlag, 1966. S. 109.

определению не могли справляться без «соисполнителей», постоянно вовлеченных в «процесс коммуникативного взаимодействия»¹⁶¹. Могли ли эти «со-акторы», если не формулировать «повестку дня», то хотя бы влиять на политический процесс, и в какой степени, – другой вопрос, но заметно, что в некоторых случаях на практике становится трудно различить то, что начиналось как инициатива «сверху», от того, что шло «снизу»¹⁶². С другой стороны, если рассматривать осуществление политического лидерства отдельными представителями элиты, не являвшимися магистратами, то можно утверждать, что такому влиятельному немагистрату, как Гн. Помпей, обладавшему огромным престижем и финансовыми ресурсами, даже не всегда самому была необходима магистратура, если он мог опереться на дружественного магистрата, наделенного формальным правом инициативы¹⁶³. Это обстоятельство заставляет ставить вопрос о том, как некоторые представители элиты могли влиять на политическую повестку дня, не будучи должностными лицами – или, точнее, не будучи магистратами с полномочиями в сфере *domi*.

Возвращаясь к понятию «политическая инициатива», следует отметить, что в исследованиях, посвященных Римской республике, ссылки на «политическую инициативу» и другие близкие понятия, описывающие способность «начинать» политическое предприятие, встречаются повсеместно, но во многом их появление случайно. Обобщающие исследования римской конституции и политической культуры, конечно, показывают, какие именно полномочия и закрепленные политической традицией практики позволяли должностному лицу инициировать те или иные

¹⁶¹ См.: Hölkeskamp K.-J. *Governing a City-State: Magistrates, Assemblies, and Public Space in Republican Rome // Leadership and Initiative in Late Republican and Early Imperial Rome* / Eds. R.M. Frolov, C. Burden-Strevens. Leiden; Boston: Brill, 2022. P. 39–63.

¹⁶² См.: Yakobson A. *Public Opinion...*

¹⁶³ Walter U. *Ordnungszersetzung: der Fall der späten römischen Republik // Aufruhr – Katastrophe – Konkurrenz – Zerfall. Bedrohte Ordnungen als Thema der Kulturwissenschaften*. Tübingen: Mohr Siebeck, 2014. S. 110.

действия¹⁶⁴. Однако использование слова «инициатива» и сходных понятий, хотя и оказывается уместным во многих конкретных случаях, остается изолированным, бессистемным и требует дальнейшего обсуждения.

Например, Э. Линтотт отмечает, что «превосходство консула как в эпоху средней, так и в эпоху поздней Республики заключалось в том, что он владел инициативой как дома, так и за его пределами». Далее он уточняет, что иностранные посольства не могли пренебречь обращением к консулам, сенат обращался к ним во время кризиса, а плебейские трибуны едва ли были способны сдерживать высших ординарных магистратов¹⁶⁵. Однако все перечисленное (во всяком случае, два первых примера) говорит, скорее, об инициативе других акторов, чем об инициативе консулов как таковых. Можно задаться вопросом о том, стоит ли вообще проводить такое разграничение. Действительно, допустимо считать, что способность высших магистратов проявлять инициативу не требует особых комментариев или что необходимость обращения других лиц к консулам уже достаточно свидетельствует о ведущей роли последних в Республике. Однако такие случаи, как эпизод с консулом К. Клавдием Марцеллом в декабре 50 г. (который без одобрения сената поручил Помпею защищать Рим от Цезаря, см. гл. 1, §2.3), напоминают, что не так очевидно, что даже от консулов ожидалось полностью самостоятельное действие. С другой стороны, каждая магистратура, включая позиции даже самого низкого ранга, такие как *triumviri monetales*, предоставляла, как показывает К. Бёрден-Стревенс¹⁶⁶, набор серьезных инструментов в руки тем, кто желал утвердить или укрепить политическое реноме, проявив инициативу.

¹⁶⁴ См., напр.: Lintott A. *The Constitution of the Roman Republic*. Oxford: Oxford University Press, 1999. 297 p.; Mouritsen H. *Politics...*; Walter U. *Politische Ordnung...* Также ср.: Hölkeskamp K.-J. *Die Entstehung der Nobilität: Studien zur sozialen und politischen Geschichte der Römischen Republik im 4. Jh. v. Chr.* 2. Aufl. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2011. 344 S.

¹⁶⁵ Ср.: Lintott A. *The Constitution...* P. 106.

¹⁶⁶ См.: Burden-Strevens C. *Acting Up: The Post of Master of the Mint as an Early-Career Move in the Late Republic* // *Leadership and Initiative in Late Republican and Early Imperial Rome* / Eds. R.M. Frolov, C. Burden-Strevens. Leiden; Boston: Brill, 2022. P. 91–132.

Переходя к вопросу о политической инициативе рядовых граждан, следует заметить, что концепт «частная инициатива» оказался особенно востребованным при анализе республиканского общественного порядка. В. Ниппель подчеркивает «внутреннее противоречие между юридическим приоритетом инициативы магистрата и имманентным правом граждан на вмешательство» в экстремальных обстоятельствах¹⁶⁷. Исследователи оценили значение того факта, что римское государство в любом случае в значительной степени полагалось на частную инициативу, поскольку магистратов просто не хватало физически¹⁶⁸ (один из выводов данной диссертации находится в русле этого рассуждения). Как уже отмечалось, коллективное поведение граждан, бунты и немагистратские политические собрания тщательно анализировались в историографии, как и роль политических лидеров на всех уровнях¹⁶⁹. В последнее время все больший интерес вызывает политическая субъектность (agency) плебса¹⁷⁰. Как пишет К.-Й. Хёлькескамп, при выборе такого ракурса «снизу вверх» (bottom-up) плебс уже сложно рассматривать только как пассивного реципиента («passiver Adressat»), а скорее следует считать автономным актором¹⁷¹.

Однако акцентированная постановка вопроса о том, кто начинал политическое действие, а кто реагировал на уже артикулированную инициативу, может помочь по-новому оценить имеющиеся сведения источников. Чтобы пояснить этот общий тезис, приведу конкретный пример. В 74 г. были воздвигнуты статуи эдилу М. Сею в знак признания того, что он обеспечил народ дешевым зерном (Plin. *HN*. 18.16). Поскольку «статуи находились в центре города», то, что они были установлены по инициативе

¹⁶⁷ Nippel W. *Public Order in Ancient Rome*. Cambridge: Cambridge University Press, 1995. P. 79.

¹⁶⁸ См., напр.: Vanderbroeck P.J.J. *Popular Leadership...* P. 22.

¹⁶⁹ См.: Vanderbroeck P.J.J. *Popular Leadership...*; O'Neill P. *A Culture of Sociability...*; Mueller H.-F. *Nocturni coetus...*

¹⁷⁰ Logghe L. *Plebeian Agency...*; Knopf F. *Circuli...*

¹⁷¹ Hölkeskamp K.-J. «Cultural Turn» oder gar Paradigmenwechsel in der Althistorie? Die politische Kultur der römischen Republik in der neueren Forschung // *Historische Zeitschrift*. 2019. Bd. 309. S. 13. Cp. S. 29: «der *populus Romanus* spielte ... keineswegs passive Rolle».

народа, «менее вероятно», чем в случае статуй, которые ранее были воздвигнуты Гратидиану, ответственному за популярную денежную реформу 85 г. (его статуи, напротив, вероятно, находились в *compita*)¹⁷². Статуи Сея, следовательно, скорее были «поставлены по инициативе элиты», которая не хотела снова уступить толпе самую возможность проявить инициативу (как это произошло в случае с Гратидианом) и поэтому на этот раз сама решила «примерить на себя активную роль»¹⁷³. Но если это решение было только реакцией на опасения неизбежной народной инициативы и было направлено на то, чтобы купировать, полностью реализовав (или даже превзойдя) народные чаяния¹⁷⁴, то в какой степени оно на самом деле принадлежало элите, пусть даже внешне оказывалась частью проактивной стратегии поведения?

Обращает на себя внимание то, что указания на «неформальную» инициативу почти не используются в дебатах о политической культуре *res publica*¹⁷⁵, хотя некоторые стратегии, доступные тем, кто не принадлежал к политическому классу, чтобы инициировать коммуникацию, в историографии рассматривались¹⁷⁶. Значимость «требований народа», побуждавших должностных лиц к действию, подчеркивается А. Якобсоном применительно к проблеме формирования законодательных предложений¹⁷⁷.

¹⁷² Rosillo-López C. Political Participation and the Identification of Politicians in the Late Roman Republic // *Institutions and Ideology in Republican Rome: Speech, Audience and Decision* / Eds. H. van der Blom, C. Gray, C. Steel. Cambridge: Cambridge University Press, 2018. P. 83.

¹⁷³ Knopf F. *Circuli*... S. 127.

¹⁷⁴ Knopf F. *Circuli*... S. 219, Anm. 85.

¹⁷⁵ Краткие упоминания см.: Jehne M. Scaptius oder der kleine Mann in der großen Politik. Zur kommunikativen Struktur der *contiones* in der römischen Republik // *Politica Antica*. 2011. Vol. 1. S. 69–70. В другой работе М. Йене *auctoritas* рассматривается как способность к *формальной* инициативе в сенате и народных собраниях (Jehne M. Das römische Volk als Bezugsgrösse und Machtfaktor // *Politische Kultur und soziale Struktur der Römischen Republik. Bilanzen und Perspektiven* / Hrsg. M. Haake, A.-C. Harders. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2017. S. 542).

¹⁷⁶ Ср. особенно по поводу политических граффити в Риме: Morstein-Marx R. Political Graffiti in the Late Roman Republic: Hidden Transcripts and Common Knowledge // *Politische Kommunikation und öffentliche Meinung in der antiken Welt* / Hrsg. C. Kuhn. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2012. S. 191–217.

¹⁷⁷ См.: Yakobson A. Public Opinion... Л. Логге изучает политическую инициативу рядовых плебеев, но его интересует только то, как они побуждали к формальной инициативе

Обращаясь к рассмотрению динамики политической инициативы в сенате, следует отметить, что в некоторых недавних работах прямо и продуктивно ставился вопрос о том, как сенаторы могли формулировать конкретные предложения в сенате¹⁷⁸, и как последний в целом действовал в «проактивном» и «реактивном» режимах в течение политического года¹⁷⁹.

Определенной вехой в расширении исследовательского внимания к вопросу о политической инициативе в античном Риме стало проведение в 2019 г. в г. Билефельде международной конференции, специально посвященной данному вопросу¹⁸⁰. В главах вышедшей по ее итогам коллективной монографии «Лидерство и инициатива в Риме эпохи поздней Республики и ранней Империи», подготовленной К. Бёрден-Стревенсом и мной, рассматривались факторы, которые определяли неформальный вклад представителей «сенаторской» аристократии в самом широком ее понимании, включая женщин из сенаторских семей, в формирование политической повестки¹⁸¹, особая роль консуляров как наиболее уважаемых членов правящей элиты, обычно не занимавших магистратуры¹⁸², субъектность крупных аристократических «последователей» триумвиров на завершающем

плебейских трибунов (Logghe L. *The tribuni plebis and the End of the Roman Republic*. PhD Thesis. Gent: Universiteit Gent, 2016. P. 111–112, 124–125, 138–144).

¹⁷⁸ Bonnefond-Coudry M. *Le Sénat de la République de la guerre d'Hannibal à Auguste: pratiques délibératives et prise de décision*. Rome: École française de Rome, 1989. P. 475–520.

¹⁷⁹ Steel C. *The Roman Political Year and the End of the Roman Republic // Deformations and Crises of Ancient Civil Communities* / Ed. V. Goušchin, P.J. Rhodes. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2015. P. 146. Также см.: Hölkeskamp K.-J. *Leges Publilia et Maenia de patrum auctoritate – Positionen und Perspektiven // L'auctoritas à Rome: une notion constitutive de la culture politique* / Ed. J.-M. David, R. Baudry, F. Hurllet. Bordeaux: Ausonius Éditions, 2020. S. 171–186, особенно S. 185–186 (по поводу сенаторов как *auctores* в значении «начинатели» (Urheber) или «инициаторы» (Veranlasser)).

¹⁸⁰ URL: <https://www.hsozkult.de/event/id/event-90296> (дата обращения 06.01.2025).

¹⁸¹ Webb L. *Female Interventions in Politics in the libera res publica: Structures and Practices // Leadership and Initiative in Late Republican and Early Imperial Rome* / Eds. R.M. Frolov, C. Burden-Strevens. Leiden; Boston: Brill, 2022. P. 151–188; Osgood J. *Urgulania, Plancina, and Livia: Women's Initiative in Early Imperial Politics // Leadership and Initiative in Late Republican and Early Imperial Rome* / Eds. R.M. Frolov, C. Burden-Strevens. Leiden; Boston: Brill, 2022. P. 189–209.

¹⁸² Steel C. *Consulars, Political Office, and Leadership in the Middle and Late Republic // Leadership and Initiative in Late Republican and Early Imperial Rome* / Eds. R.M. Frolov, C. Burden-Strevens. Leiden; Boston: Brill, 2022. P. 133–148.

этапе существования Республики¹⁸³, политическая инициатива потенциальных будущих обладателей высших магистратур – молодых представителей элиты (*iuventus*) в период еще до достижения ими высших должностей¹⁸⁴. Рассмотрение мною различных переходных позиций между *privati* и *magistratus* в рамках данной диссертации можно рассматривать как продолжение этой линии в историографии. Можно ожидать, что интерес к изучению политической инициативы различных акторов будет нарастать, причем не только в приложении к античной истории¹⁸⁵.

Хотя долгое время понятие «политическая инициатива» не вызывало акцентированного интереса, тем не менее оно служило исследователям средством описания изменений политической системы в конце Республики. Так, например, рассматривая дело трибунов Эпидия Маруллы и Цезеция Флава, чьи действия вызвали яростную реакцию диктатора Цезаря, М. Йене указывает, что Цезарь не мог допустить «независимой инициативы должностных лиц, которые выставляли его в дурном свете»¹⁸⁶. Й. Бляйкен утверждал, что полномочия *triumviri rei publicae constituendae* в сфере *domi* не были столь обширными, но все же оказывались достаточными для сохранения инициативы, которая могла быть использована для реализации их планов, а Ф. Верват доказывает, что «*lex Titia* временно передал *summum imperium auspiciumque*, верховное командование и право инициативы во всех

¹⁸³ Mitchell H. The Dynamics of Elite Agency in a Post-Caesar World (44–31 BCE) // Leadership and Initiative in Late Republican and Early Imperial Rome / Eds. R.M. Frolov, C. Burden-Strevens. Leiden; Boston: Brill, 2022. P. 295–322.

¹⁸⁴ Доклад Э. Джуэлла «Rome's Next Generation: Youth Agency from the Late Republic to the Augustan Age» на международной конференции «Taking the Lead in Late Republican and Early Imperial Rome: Office, Agency, and Initiative» в г. Билефельде. URL: <https://www.hsozkult.de/event/id/event-90296> (дата обращения 06.01.2025)

¹⁸⁵ См., напр., объявление о семинаре «Image and Authority: how presentation affected leadership in the ancient world» (URL.: <https://classicalassociation.org/events/call-for-papers-image-and-authority-how-presentation-affected-leadership-in-the-ancient-world-university-of-birmingham/>; дата обращения: 06.01.2025).

¹⁸⁶ Jehne M. Der Staat des Dictators Caesar. Köln; Wien: Böhlau Verlag, 1987. S. 421.

государственных делах, от консулов к созданной по этому закону новой полномочной магистратуре»¹⁸⁷.

Период Принципата также дает богатый материал для обсуждения политической инициативы в античном Риме. В самом общем виде Ф. Жак и Дж. Шайд формулируют вывод о том, что император следил за тем, чтобы политическая инициатива никогда не переходила к другим лицам¹⁸⁸, а Л. Ходжсон напоминает о том, что «Веллей рисует принцепсов как главных источников политической инициативы в рамках *res publica*»¹⁸⁹. Поэтому вполне естественно, что модель *petition-and-response* (ассоциируемая в первую очередь с Ф. Милларом) в применении к позднейшей имперской администрации была поставлена под сомнение ввиду наличия многочисленных свидетельств активной инициативы императора по отношению к общинам по всей империи¹⁹⁰.

Однако применение такой категории, как «политическое лидерство», приводит исследователей к осознанию проблемы, как пишет Дж. Бёрнс, «концептуального разграничения лидеров и их последователей», поскольку часто «лидерство и реакция на нее (*leadership and followership*) переплетены между собой и изменчивы»¹⁹¹. Однако, по мнению самого Дж. Бёрнса, «разрешение парадокса» заключается в «различении субъектов с

¹⁸⁷ Vervaeke F.J. The Secret History: The Official Position of *Imperator Caesar Divi filius* from 31 to 27 BCE // *Ancient Society*. 2010. Vol. 40. P. 89.

¹⁸⁸ Jacques F. *Rom und das Reich in der Hohen Kaiserzeit: 44 v. Chr. – 260 n. Chr.* Bd. 1. Stuttgart; Leipzig: B.G. Teubner, 1998. S. 108.

¹⁸⁹ Hodgson L. *Res Publica*... P. 271.

¹⁹⁰ Edmondson J. The Roman Emperor and the Local Communities of the Roman Empire // *Il princeps romano: autocrate o magistrato? Fattori giuridici e fattori sociali del potere imperiale da Augusto a Commodo* / Eds. J.-L. Ferrary, J. Scheid. Pavia: IUSS Press, 2015. P. 701–729; Cortés-Copete M. Governing by Dispatching Letters: The Hadrianic Chancellery // *Political Communication in the Roman World* / Ed. C. Rosillo-López. Leiden; Boston: Brill, 2017. P. 107–136; Ando C. Petition and Response, Order and Obey: Contemporary Models of Roman Government // *Governing Ancient Empires. Proceedings of the 3rd to 5th International Conferences of the Research Network Imperium and Officium* / Eds. M. Jursa, S. Prochazka. Vienna: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften (в печати). Также ср.: Morrell K. Petitioning for Change in the Republican Empire // *Leadership and Initiative in Late Republican and Early Imperial Rome* / Eds. R.M. Frolov, C. Burden-Strevens. Leiden; Boston: Brill, 2022. P. 433–453.

¹⁹¹ Burns J.M. *Transforming Leadership*... P. 171.

нереализованными потребностями, невыраженными установками и базовыми предрасположенностями, с одной стороны, и, с другой стороны, людьми с сильной мотивацией инициировать действие», пусть даже «отвечающее на запрос тех, кто указанные потребности имеет». Другими словами, «ключевая отличительная роль лидерства на начальном этапе заключается в том, что лидеры берут на себя инициативу». Согласно этой интерпретации, «первое действие является решающим, поскольку оно разрушает статичную ситуацию и устанавливает взаимосвязи» (между участниками политического процесса)¹⁹².

Несомненно, такие многозначные понятия, как «политическая инициатива», трудно поддаются точному определению, однако эта трудность автоматически еще не исключает возможность применения термина. Учитывая отсутствие специальных исследований, направленных на изучение политической инициативы в древнеримском контексте, использование этой категории можно показать на примере изучения афинского полиса. Так, М. Хансен высказал идею о том, что в Афинах IV в. существовало «разделение властей» в том смысле, что различались «инициатива и решение» (*separation of initiative and decision*)¹⁹³. В рецензии на эту работу Й. Бляйкен подчеркивал, что инициатива может исходить не только от отдельного человека (из чего, вероятно, исходит М. Хансен), но и от коллективных институтов¹⁹⁴. Отсюда видно, что М. Хансен и Й. Бляйкен по-разному очерчивают границы данной научной абстракции, и требуется сначала уточнить понятие. Еще одно критическое мнение сводится к утверждению о том, что в разных фрагментах своей работы М. Хансен и сам подразумевает под «инициативой» разные явления: иногда это «самый первый шаг в процедуре», который может

¹⁹² Burns J.M. *Transforming Leadership...* P. 172. Также см.: Burns J.M. *Leadership*. New York: Harper Perennial, 2010. P. 29, 48.

¹⁹³ Hansen M.H. *Initiative and Decision. The Separation of Powers in Fourth-Century Athens* // *Greek, Roman, and Byzantine Studies*. 1981. Vol. 22. P. 345–370.

¹⁹⁴ Bleicken J. Rez. M.H. Hansen, *Initiative und Entscheidung. Überlegungen über die Gewaltenteilung im Athen des 4. Jahrhunderts* // *Historische Zeitschrift*. 1984. Bd. 239. S. 111–113 (рецензии здесь и далее на немецкоязычный вариант работы М. Хансена).

инициировать и рядовой гражданин, а иногда – законодательная инициатива в форме *προβούλευμα*¹⁹⁵. Хотя эта дискуссия свидетельствует о необходимости уточнять, какой именно вид инициативы имеется в виду, все же, как представляется, нечеткость концепции не следует преувеличивать (примеров важных абстракций такого рода известно много). Действительно, основная идея, лежащая в фундаменте упомянутых двух весьма различных определений понятия «политическая инициатива», остается неизменной: речь идет о начале некоторого политического процесса¹⁹⁶. Это содержательное наполнение сохраняется даже в том случае, когда инициатива подразумевает только озвучивание неформальных требований, адресованных тому, кто затем может начать уже официальную процедуру.

Разумеется, возможны несколько различающиеся понимания того, что квалифицируется как «политическая инициатива», даже если исходить из самого общего представления о фундаментальном различии между

¹⁹⁵ Ruschenbusch E. Rez. M.H. Hansen, Initiative und Entscheidung. Überlegungen über die Gewaltenteilung im Athen des 4. Jahrhunderts // *Gnomon*. 1985. Bd. 57. S. 286–287.

¹⁹⁶ Такой базовой смысл, как представляется, сохраняется и в других исследованиях лидерства, подчеркивающих иные его аспекты, не находящиеся в центре внимания в данной диссертации. Здесь уместно упомянуть другой пример исследований политического лидерства в античной Греции. Монография С. Феррарио посвящена «исторической субъектности» или «историческому действию» (historical agency) в классической Греции (Ferrario S.B. *Historical Agency and the «Great Man» in Classical Greece*. Cambridge: Cambridge University Press, 2014. 409 p.). Исследовательница рассматривает эволюцию взглядов самих греков на соотношение личного и коллективного вклада в определение хода развития событий. С. Феррарио делает акцент на том, как акт лидерства оценивается и интерпретируется постфактум, в исторической перспективе. Иными словами, она скорее описывает то, что точнее было бы назвать «коммеморацией» (ср.: Grethlein J. *The Emergence of «Great Man Theory» in Classical Greece?* (on S. Brown Ferrario, *Historical Agency and the «Great Man» in Classical Greece*) // *Histos*. 2015. Vol. 9. P. LVIII–LXIX). Для нее важен вопрос о том, с кем ассоциируют, кому приписывают достижение или неудачу уже после того, как они произошли. Тем не менее, даже при таком ракурсе по-прежнему сохраняется фундаментальное понимание лидера или коллектива как, в том числе, *самостоятельного* инициатора действия (Ferrario S.B. *Historical Agency...* P. 197, n. 176: «independent and efficacious historical agency»). Представляется, что С. Феррарио считает этот элемент обязательным, хотя и аргументирует, что феномен политического лидерства этим не исчерпывается. Сходным образом М. Браун и Ч. Чжан, рассматривая практику возведения статуй, отмечают, что инициатива могла исходить от отдельных групп граждан, хотя полисные институты должны были затем утвердить ее (Brown M., Zhang Z. *A Tale of Two Stones: Social Memory in Roman Greece and Han China* // *Rulers and Ruled in Ancient Greece, Rome, and China* / Eds. H. Beck, G. Vankeerberghen. Cambridge: Cambridge University Press, 2021. P. 76).

лидерством, когда актер сам приводит что-то в движение, и простой реакцией на предложения и идеи, сформулированные другими. В рамках этого понимания важно уделить особое внимание значимости наличия или отсутствия государственной должности. Можно, как это часто делается в англоязычных работах, предпочесть иную терминологию: «субъектность» (agency) и как таковое «лидерство» (leadership) в тех случаях, когда они отсылают к тому же пониманию, которое обозначено выше для понятия «инициатива». «Лидерство», в том числе трансформационное лидерство, которое на римском материале анализирует Х. ван дер Блом, наиболее различимо тогда, когда проявляется инициатива: «лидеры как инициаторы стимулируют у последователей положительные мотивы, такие как самоэффективность»¹⁹⁷. В свою очередь, категория «агенсу» тесно связана с ответственностью, способностью влиять на ситуацию, вовлеченностью в события и «открытостью» к ним, а также подчеркивает такие черты политического актора, которые позволяют ему выходить за рамки известного набора вариантов и преодолевать ограничения с той или иной степенью успеха. Как пишет Х. Митчелл в работе о роли «аристократических» союзников триумвиров, когда речь идет о политическом действии, агенсу – скорее спектр, чем абсолют. Кроме того, – подчеркивает она, – это «подвижный концепт; на обладание субъектностью можно претендовать, (чье-либо) обладание ею можно отрицать, ее можно конструировать и ее можно “отыгрывать”»¹⁹⁸.

Итак, анализ историографии приводит к утверждению, что «политическую инициативу» не обязательно нужно понимать исключительно в терминах конкретных политических или законодательных предложений. Политическая инициатива может включать в себя целый ряд типов,

¹⁹⁷ Burns J.M. Transforming Leadership... P. 184.

¹⁹⁸ Mitchell H. The Dynamics of Elite Agency in a Post-Caesar World (44–31 BCE) // Leadership and Initiative in Late Republican and Early Imperial Rome / Eds. R.M. Frolov, C. Burden-Strevens. Leiden; Boston: Brill, 2022. P. 297: «a fluid concept that can be claimed and disclaimed, constructed, and performed».

выделяемых по разным критериям: коллективная и индивидуальная; легитимная и несанкционированная; первоначальный не конкретизированный призыв к действию или первое формализованное конкретное официальное предложение (иначе, используя формулировку К. Моррелл, «инициативы, которые просто указывают на проблему, и те, которые предлагают решение»¹⁹⁹); инициатива, ожидаемая в рамках рутинных процедур, и необычное действие, нарушающее устоявшийся порядок, когда, по выражению Х. Арендт, «положено начало чему-то новому, чего нельзя было ожидать исходя из произошедшего раньше»²⁰⁰.

Комментируя упомянутую выше идею М. Хансена о «разделении инициативы и решения» в Афинах IV в., Э. Флаиг отмечает, что такое «разделение» не носило конституционного характера и не имело ничего общего с формальным (привычным нам) «разделением властей»²⁰¹. Это замечание указывает на еще одну важную особенность рассматриваемой категории: она может относиться одновременно и к конституционным процедурам, и к неформальной политической практике. Я полагаю, что это обстоятельство свидетельствует не «против», а в пользу вывода о функциональности понятия. Признание изучения «политической инициативы» в качестве особого исследовательского ракурса позволяет по-новому интегрировать анализ конституционных рамок с «перформативным» измерением политической культуры Римской республики (и не только ее). В историографии накоплены достаточные для такого заключения наблюдения, включая, не в последнюю очередь, те, которые были сделаны в отмеченной

¹⁹⁹ Morrell K. *Petitioning for Change...* P. 434, n. 7: «initiatives that merely identify a problem and those that propose a solution».

²⁰⁰ Arendt H. *The Human Condition...* P. 177–178: «something new is started which cannot be expected from whatever may have happened before».

²⁰¹ Flaig E. *Die Mehrheitsentscheidung. Entstehung und kulturelle Dynamik*. Paderborn: Ferdinand Schöningh, 2013. S. 262. Э. Флаиг сам исходит из представления о тесной связи между инициативой и решением, когда сравнивает гладиаторские игры с республиканскими и имперскими политическими собраниями в Риме (Flaig E. *Den Kaiser herausfordern. Die Usurpation im Römischen Reich*. Frankfurt am Main; New York: Campus Verlag, 2019. S. 86–87).

коллективной монографии «Лидерство и инициатива в Риме эпохи поздней Республики и ранней Империи»²⁰².

Этот коллективный труд опирается на предшествующую историографию еще и в том смысле, что рассматривает политическую инициативу через призму важнейших устоявшихся исследовательских подходов и тематик, таких как реформы²⁰³, политическая коммуникация²⁰⁴, законодательная инициатива²⁰⁵, случайность в политике²⁰⁶ и противоречия на нормативном уровне²⁰⁷. Связано это с тем, что многие фундаментальные механизмы функционирования римской политической системы, пожалуй, могут быть описаны так, чтобы задействовать категории «субъектность» (agency) и «инициатива»: *intercessio* сдерживала инициативу магистратов в эпоху Республики²⁰⁸; смена обладателя консульских фасок символизировала изменение первенствующих ролей в государственных делах и, тем самым, в реализации «права на инициативу»²⁰⁹; положения *lex Porcia*, *lex Cornelia maiestatis* и *lex Iulia de repetundis* затрагивали самостоятельную инициативу промагистратов в провинциях²¹⁰; *lex de imperio Vespasiani* подтверждал ведущую роль принцепса как инициатора заседаний сената и т.д. То, как

²⁰² Leadership and Initiative in Late Republican and Early Imperial Rome...

²⁰³ Walter U. Praxis ohne Begriff...

²⁰⁴ Political Communication in the Roman World / Ed. C. Rosillo-López. Leiden; Boston: Brill, 2017. 284 p.

²⁰⁵ Walter U. Einleitung // Gesetzgebung und politische Kultur in der römischen Republik / Hrsg. U. Walter. Heidelberg: Verlag Antike, 2014. S. 9–30; Walter U. Ordnungszersetzung...

²⁰⁶ Kirov J. Der Umgang mit Abweichungen in der römischen Republik // Historische Zeitschrift. 2010. Bd. 290. S. 297–320.

²⁰⁷ Lundgreen C. Regelkonflikte in der römischen Republik. Geltung und Gewichtung von Normen in politischen Entscheidungsprozessen. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2011. 375 S.

²⁰⁸ См. монографию Ф. Гёрне (Görne F. Die Obstruktionen in der Römischen Republik. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2020. 333 p.) и мою рецензию на его работу (Frolov R.M. Obstruction in Republican Rome – (F.) Görne Die Obstruktionen in Der Römischen Republik. (Historia Einzelschriften 264.) Pp. 333, Figs. Stuttgart: Franz Steiner, 2020 // Classical Review. 2021. Vol. 71(2). P. 485–487). Обструкция может пониматься как противоположность инициативе в рассматриваемом здесь смысле.

²⁰⁹ Vervaet F.J. The High Command in the Roman Republic. The Principle of the *summum imperium auspiciumque* from 509 to 19 BCE. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2014. P. 36–38.

²¹⁰ Bleicken J. Zwischen Republik und Prinzipat... S. 30–31; Dalla Rosa A. *Ductu auspicioque*: Per una riflessione sui fondamenti religiosi del potere magistratuale fino all'epoca augustea // Studi Classici e Orientali. 2003. Vol. 49. P. 200–201.

система справлялась с политической проактивностью, также может объяснять ее эволюцию²¹¹. Если рассуждать об общих принципах ее функционирования с точки зрения возможностей для проявления инициативы, то, как напоминает К. Стил, в республиканском Риме «группа, выступавшая против действия, имела более эффективные инструменты для достижения своих целей, чем те, кто действовать хотел». Если это так, то кризисы последних десятилетий Республики можно отчасти объяснить наблюдением о том, что «в системе, богатой причинами и способами ничего не предпринимать, инерция представляла собой постоянную опасность»²¹².

Подводя итог историографическому обзору, отмечу, что в исследовательской литературе накоплен значительный пласт наблюдений по целому ряду частных вопросов, затрагиваемых в представленной диссертации. Имеется возможность опереться не только на конкретно-исторические наблюдения предшественников, но и на обобщающие теоретические построения, такие как концепция А. Винтерлинга по вопросу об употреблении дихотомии *privatus/publicus* античными авторами эпохи Республики и Империи. При этом очевидна дискуссионность многих предложенных трактовок. Это создает солидную основу для рассмотрения вопроса о переходных статусах между *privati* и *magistratus*. В то же время, сам этот вопрос ранее еще не формулировался в современной историографии. Более того, два из трех основных блоков, рассматриваемых в диссертации (отстранение магистратов от исполнения должностных обязанностей и прямое вмешательство промагистратов в сферу *domi*), и по отдельности не становились предметом специальных исследований, а третий блок (политическая роль магистратов-десигнатов) лишь относительно недавно впервые стал объектом специального интереса антиковедов.

²¹¹ См.: Tiersch C. Losing the Lead: The Crisis of the Late Roman Republic as a Crisis of Senatorial Leadership // *Leadership and Initiative in Late Republican and Early Imperial Rome* / Eds. R.M. Frolov, C. Burden-Strevens. Leiden; Boston: Brill, 2022. P. 374–405; Grote O. Potentiality through Conflict...

²¹² Steel C. The Roman Political Year... P. 152.

Теоретико-методологической опорой диссертации послужил, с одной стороны, этатический подход к изучению публично-правового устройства Римской республики, в противовес неэтатическому, отрицающему государственный характер римской политической системы V–I вв. до н.э.²¹³. С другой стороны, фундаментальной основой проведенного исследования явилась концепция «политической культуры», которая в приложении к римской *civitas* означает акцент на рассмотрении коммуникативного, символического, перформативного, ритуального измерения политической жизни, на стратегиях и средствах самопрезентации, самолегитимации и «самоконструирования» римского политического класса²¹⁴. Таким образом, анализ публично-правового устройства Римской республики как особого типа государства дополняется рассмотрением неформальных аспектов ее политической культуры.

Методы исследования.

Общие замечания.

В основу диссертации положены общенаучные и специальные методы исторического исследования. Особенно частой ситуацией при анализе источников по заявленной теме (как и при изучении многих других проблем истории Римской республики) является необходимость интерпретировать данные античной традиции об уникальных, лишь единожды происходивших, событиях или неповторяющемся сочетании обстоятельств, касавшихся деятельности граждан переходных статусов между *privati* и *magistratus*. Причем нередко такие сведения передаются лишь в одном источнике. Как отмечает А.М. Сморгков в специальной статье по проблеме интерпретации уникальных сведений античной традиции, «Логически на первый взгляд возможны три варианта их объяснения ... Первый – отвергнуть эти сообщения как недостоверные. Второй – объяснить их особыми обстоятельствами,

²¹³ См.: Shaw B.D. Was the Roman State a State?...; Dementyeva V.V. Etatic and Non-etatic Approaches to the Study of Ancient Civil Community: Discussions on *civitas Romana* // Мультидисциплинарные исследования в археологии. 2025. Т. 8. № 2. С. 149–168.

²¹⁴ Hölkeskamp, K.-J. Politics and Power in the Roman Republic...

породившими исключения. Третий – признать их за норму, т.е. генерализировать». Каждый из подходов сопряжен с существенными рисками²¹⁵.

Сама формулировка темы диссертации предполагает сознательный акцент на случаях, с высокой долей вероятности представлявших собой скорее исключения из общих правил функционирования римской политической системы, чем отражение обычной ситуации. Например, я задаюсь вопросом о деятельности промагистратов именно в той сфере (сфере *domi*), от которой они были по определению отделены. Однако исключения и уникальные ситуации могут быть выделены, в свою очередь, уже относительно тех обобщений, которые я предлагаю для упомянутых «исключений первого порядка». Как справедливо пишет А.М. Сморчков, «Исключения, т.е. факты, которые не вписываются в более широкую картину и противоречат разрабатываемой концепции, наиболее интересны и полезны для ее апробации»²¹⁶. Так, например, в настоящей работе акцент делается на всестороннем рассмотрении прежде всего тех пассажей, которые приводятся как главный аргумент в защиту представления (с которым я не соглашаюсь) о том, что магистраты-десигнаты обладали *ius edicendi*, или – если приводить другой пример – доказывающие распространенность практики досрочного лишения (аброгации) магистратуры. Сопоставление предлагаемых концепций должно базироваться на анализе их сравнительных преимуществ при непротиворечивой интерпретации всего массива показаний источников, без априорного отказа от части сведений как «недостоверных» и с возможно меньшим числом допущений, конъектур текстов античных авторов и *ad hoc* объяснений.

Историко-системный анализ в применении к изучаемой теме акцентирует внимание на выявлении зависимостей между деятельностью

²¹⁵ Сморчков А.М. Уникальные религиозно-политические события в изложении Тита Ливия и методика их анализа // *Antiquitas Aeterna*. Поволжский антиковедческий журнал. 2011. Вып. 3. С. 119.

²¹⁶ Сморчков А.М. Уникальные религиозно-политические события... С. 119.

носителей переходных статусов и других политических акторов (как *privati*, так и *magistratus*), а также коллективных органов римской *civitas* (главным образом сената, комиций и *contiones*).

Историко-генетический подход приводит к необходимости выявления трансформации публично-правовых и политических условий деятельности граждан переходных статусов. Характер имеющихся сведений (небольшое число релевантных эпизодов, относящихся, главным образом, к I в. до н.э.) ограничивает возможности для обобщений с этой точки зрения. Тем не менее, оказывается возможным показать, например, общую тенденцию к интенсификации и частичной легализации вмешательства промагистратов в сферу *domi*, расширение практики отстранения от должностных обязанностей и ряд других процессов.

Разделы диссертации, как правило, начинаются с анализа правового регулирования деятельности изучаемых политических акторов в контексте рассмотрения республиканской политической системы в целом. Приложение метода теоретического моделирования исторических реалий на основе применения правовых категорий к римской политической истории (особенно классической и поздней Республики) следует отнести к ключевым достижениям, прежде всего, Т. Моммзена²¹⁷. Его стремление к обобщению разрозненных, часто косвенных, фактов по поводу римской конституции, нередко приводило к важным предположениям по поводу «недостающих» ее элементов (о которых сведений не сохранилось) на основании общей посылки о том, что реконструируемая система должна быть внутренне непротиворечивой. Мне представляется не случайным, в частности, акцент Т. Моммзена на том, что в римской письменной традиции господствовала дихотомия *privatus/magistratus*, через призму которой античные авторы (равно как и создатели текстов законодательного характера, сохранившихся в надписях) описывали всех акторов политического процесса. Это

²¹⁷ Дементьева В.В. Теодор Моммзен: историко-правовое моделирование римской государственности // Вестник древней истории. 2005. № 1. С. 180–193.

представление Т. Моммзена, отвечавшее результатам обобщения им «системы» римского государственного права, нередко подвергается критике. Например, как уже отмечалось, В. Блэзель отвергает наличие в самих источниках оснований для его формулировки, представляя дело так, будто речь идет об историографическом конструкте («die seit Mommsen die Forschung beherrschende Dichotomie zwischen *magistratus* und *privatus*»²¹⁸). Однако анализ политической роли как раз тех акторов (магистратов-десигнатов и др. носителей переходных статусов), положение которых хуже всего поддавалось описанию в рамках строгого противопоставления *privatus/magistratus*, позволяет, на мой взгляд, актуализировать сделанное Т. Моммзеном обобщение. Наличие у него самого точных наблюдений о правовом характере этих статусов (например, строгое и последовательное, в отличие от многих позднейших исследователей вопроса, различение лишения должности как таковой и временного отстранения от должностных обязанностей) представляется мне не случайным, а напрямую связанным с требованием логической непротиворечивости выстраиваемой им общей системы римского государственного права.

Историко-правовое моделирование не исчерпывает представленный анализ, но именно оно дает возможность определить рамки функционирования носителей переходных статусов, определить их статус с точки зрения дихотомии *privatus/magistratus*, уточнить наличие или отсутствие у них тех или иных магистратских полномочий. Без анализа публично-правовых реалий невозможно перейти ни к пониманию исключений из нормативной ситуации, ни к выводу – возможен и такой исход исследования – об отсутствии как такового регулирования тех или иных аспектов. Изучение неформальных сторон политической культуры также вряд ли возможно без уточнения публично-правовой ситуации. Так, например, определив сначала, что все промагистраты относились к категории *privatus*, можно попытаться затем объяснить причины, по которым античные авторы в одних случаях

²¹⁸ Blösel W. *Imperia extraordinaria*... S. 45.

акцентируют обозначение промагистратов как *privati*, а в других, напротив, промагистратов подчеркнуто противопоставляют тем *privati*, которые не имели публичной власти. Таким образом, реконструкция публично-правовой ситуации позволяет подготовить анализ особенностей политической культуры, которые можно выявить, в том числе, путем изучения примеров «технически неверного» употребления терминологии.

Следует подчеркнуть и роль терминологического анализа. Выбор античным автором определенных обозначений, метафор, определений для политических акторов, особенно если их положение являлось – как в нашем случае – неустойчивым, спорным, неопределенным или переходным, уже само по себе информативно. Например, необходимость объяснить факт обозначения промагистрата в некоторых случаях терминами, обычно указывающими на магистратов, в условиях, когда с публично-правовой точки зрения промагистраты определенно не относились к категории *magistratus*, приводит к важным наблюдениям по поводу особенностей политической культуры Римской республики и ее отражения в терминологии нарративной традиции.

Поскольку одной из задач исследования является выявление способов описания, концептуализации политической деятельности граждан переходных статусов античными авторами, каждый из которых имел собственные индивидуальные представления и задачи (например, задачу объяснить греческому читателю работу римской политической системы), необходимо использовать историко-антропологический подход. Он важен еще и в другом отношении: поскольку речь идет об акторах, действовавших зачастую «за пределами» сферы применения имевшихся у них формальных полномочий (как промагистраты в сфере *domi*) или использовавших возможности неформальной конкуренции с носителями магистратской власти (как магистраты-десигнаты, еще не получившие соответствующих полномочий), важен акцент на информации о ритуалах, жестах, церемониях, в том числе, о нарушениях нормативных ожиданий, связанных с ними, то есть на том, что

историография обычно включает в понятие «политическая культура».

Сравнительный подход широко применяется в представленной работе. Уже сама формулировка темы диссертации призвана расширить совокупность эпизодов, которые могут быть подвергнуты такому анализу: несмотря на существенные различия основных типов ситуаций, рассматриваемых в отдельных главах диссертации, наблюдения по их поводу можно попытаться обобщить на основании наличия во всех них описаний перехода от положения *privatus* к статусу *magistratus* (либо в обратном порядке) или неустойчивости положения политического актора.

В связи с этим можно отметить применение типологизации (историко-типологического метода). В ходе данного исследования она используется чаще не для обобщения материала источников (поскольку число эпизодов для последующей типологизации не так велико), а для выделения самих основных типов ситуаций, когда политические акторы оказываются в состоянии переходном между *privati* и *magistratus*.

Относительно небольшой объем сведений источников, относящихся к заявленной теме, все же не делает невозможным их обобщение в виде электронных баз данных, хотя функциональность последних, в данном случае, представляется ограниченной. Тем не менее, в рамках двух компактных по объему баз данных были собраны сведения источников о наиболее важных эпизодах, касающихся деятельности магистратов-десигнатов и отстранения магистратов от должностных обязанностей (БД «От *privatus* к *magistratus*: политическая роль носителей “переходных статусов” в Римской Республике (источники и историография)»), а также промагистратов в сфере *domi* (БД «Политическая инициатива промагистратов Римской республики в сфере *domi* (источники и историография)») (см. Приложения). Работа над этими базами данных ввиду ограниченности материала (чрезвычайно малого числа отдельных эпизодов) к новым обобщениям напрямую не привела. Однако необходимость, например, последовательной фиксации в базах данных терминологии источников позволила заметить неучтенные при

предшествующем анализе словоупотребления и создать эффективный для повторного обращения инструмент поиска.

Переходя к характеристике конкретных подходов, определивших ход и этапы диссертационной работы, необходимо подчеркнуть, что предлагаемая в качестве ее основного исследовательского инструментария научная абстракция («переходные статусы между *privati* и *magistratus*»), прежде всего, позволяет рассматривать в качестве взаимосвязанных ряд «кластеров» эпизодов, которые ранее не подвергались анализу в прямом сопоставлении друг с другом, так как в языке источников они не концептуализировались явно как части целого. (Впрочем, данное исследование позволяет выдвинуть тезис о том, что античные наблюдатели все же усматривали взаимосвязь между различными «промежуточными статусами», но были лишены подходящего терминологического инструментария для ее описания, возможно, намеренно избегая его разработки.) Подчеркнув наличие сходства по существенному основанию между не связанными в источниках столь явно политическими практиками, рассматривая их в сопоставлении друг с другом, можно получить дополнительные данные для обоснованных аналогий, на базе которых, в свою очередь, могут быть предложены новые интерпретации фрагментированных сведений о каждом конкретном эпизоде.

«Переходные статусы»: к уточнению исследовательской категории.

Под теми, кто имел переходный статус между *privati* и *magistratus* (я также употребляю выражения «промежуточные статусы» и «промежуточное положение»), можно в принципе понимать тех акторов политического процесса в Римской республике, которых сами античные авторы не могли с публично-правовой точки зрения однозначно отнести к категории *privatus* или к категории *magistratus*. При таком подходе можно было бы ожидать, что в дошедших до нас версиях традиции один и тот же такой политический деятель будет определен по-разному: как *privatus* или как *magistratus*.

Однако представленное исследование сфокусировано на изучении носителей переходных статусов в ином смысле. Речь идет о политических

субъектах, чье юридическое положение все же было однозначно определено либо как *privatus*, либо как *magistratus* (даже если такое их определение не сразу очевидно для современного исследователя и само требует сначала уточнения и подробного анализа), но при этом имела место одна из следующих конкретных ситуаций: (1) ожидание скорого неизбежного изменения публично-правового статуса (от положения *privatus* к положению *magistratus*, как в случае с магистратами-десигнатами); (2) временное блокирование реализации публично-правовых возможностей, проистекавших из уже имевшегося статуса (как в случае с магистратами, временно отстраненными от должностных обязанностей); (3) наоборот, расширение сферы активности должностного лица, не являвшегося магистратом, за пределы установленной для него сферы компетенции (деятельность промагистратов в сфере *domi*). Каждый из этих трех случаев описывает наиболее типичную ситуацию либо перехода, либо неустойчивости положения политического субъекта, которая могла возникнуть до, в процессе или после исполнения им магистратуры. Таким образом, перечень этих ситуаций не случаен. Он является необходимым и достаточным, т.е. репрезентативным, выбором из числа всех потенциально возможных ситуаций неопределенности и неустойчивости с точки зрения римской дихотомии *privatus/magistratus* и в конкретно-исторических условиях античного Рима изучаемого периода (например, то, что в этом наборе ситуаций появляются промагистраты, действующие в сфере *domi*, является следствием конкретной римской ситуации, а не результатом схематического рассуждения по поводу в принципе возможных переходных или промежуточных статусов между *privatus* и *magistratus*). При этом ряд иных потенциально представимых статусов такого рода следует исключить из рассмотрения.

Критерии выбора указанных ситуаций могут быть определены и иначе. Какое бы из указанных положений ни рассматривалось, так или иначе (с разной степенью эксплицитности), они оцениваются в источниках как не вполне соответствовавшие тому, что обычно предусмотрено для,

соответственно, *privati* или *magistratus* (в зависимости от того, какой формальный статус имелся). При этом относящиеся ко всем трем типам ситуаций конкретные случаи оказываются далее разделены на две группы, неравные по объему сохранившихся сведений о них.

Первая из них будет нас интересовать особо. Это те случаи, в которых некоторые *privati* не только характеризовались как действовавшие нехарактерным для других *privati* образом, но сверх этого явно или неявно сопоставлялись с *magistratus* или даже уподоблялись им (или, наоборот, *magistratus* уподоблялись *privati*). Отсюда видно, что один из центральных вопросов исследования заключается в выяснении причин, которые в каждом конкретном случае побуждали древних авторов приводить такие сравнения и подчеркивать, что в ходе тех или иных событий политические деятели, формально относившиеся либо к *privati*, либо к *magistratus*, действовали так, словно принадлежали к другой категории.

В ситуациях второго типа по отношению к носителям упомянутых переходных статусов не применялось сравнений и уподоблений указанного выше характера. То есть достаточно было констатации, например, того, что консул-десигнат играет такую политическую роль, которая безусловно отличает его от прочих *privati*, не являвшихся десигнатами, но все же текст источника никак не показывает, что этот десигнат подменяет собой действующих консулов или конкурирует с ними.

Переходные статусы между privati и magistratus и дихотомия privatus/magistratus.

Как отмечалось выше, А. Винтерлинг выдвинул тезис о том, что римляне в качестве базового средства «самоописания» прибегали к использованию строгой дихотомии *privatus/magistratus*. Если попытаться предложить пути развития наблюдений А. Винтерлинга в применении к интересующей нас теме, можно выдвинуть, во-первых, предположение о том, что дихотомия *privatus/magistratus* была «контрафактической» и, следовательно, априори неподходящей для описания политической практики не только в конце

республиканского периода (как полагал А. Винтерлинг), но и ранее; возможно, она была «контрафактической» на протяжении всего времени своего существования. Представленное исследование позволяет проверить это предположение.

Во-вторых, можно задаться вопросом о том, возникла ли дихотомия *privatus/magistratus* на каком-то более раннем этапе социально-политического развития Римской республики, а уже затем, сама (если использовать выражение А. Винтерлинга) «став реальностью», стала оказывать влияние на позднейшие структуры, пытаясь поместить их в «прокрустово ложе» старых терминов. Либо можно предположить, что дихотомия *privatus/magistratus*, напротив, появилась как ответ на уже происходившую независимо от нее эволюцию социально-политических реалий в направлении, которое современники воспринимали как опасное, нежелательное или потенциально проблематичное. При таком прочтении дихотомия фиксирует априори уже неактуальную ситуацию.

Если согласиться с тем, что «развитие дихотомии *publicus/privatus* в имперском Риме находит свое отражение в реальных исторических противоречиях и парадоксах»²¹⁹, то исследование применения дихотомии *privatus/magistratus* к тем (республиканским) деятелям, чья позиция по определению не могла быть легко описана в ее терминах, представляется перспективным, особенно тогда, когда ставится цель уточнить соотношение формальных и неформальных аспектов политического лидерства в Римской республике.

Исключение отдельных аспектов из рассмотрения.

Переходя к вопросу о критериях учета и, наоборот, исключения тех или иных аспектов и деталей из рассмотрения в рамках представленной работы, необходимо отметить, что определение набора исходных посылок имеет в этом отношении важное значение, поскольку в центре моего внимания не находится какое-либо понятие источников, которое можно было бы изучать,

²¹⁹ Winterling A. *Politics and Society...* P. 76.

уточняя его значение, эволюцию содержания и применение. Вместо этого предлагается на основании наличия упоминания переходного статуса между *privati* и *magistratus* связать между собой ряд таких свидетельств, в которых нет или почти нет одинаковой политической терминологии. В то же время, даже такой подход опирается на рассмотрение римских категорий *privatus* и *magistratus* как незаменимых ориентиров, благодаря чему сохраняется связь логики современного исследования с пониманием и описанием самими римлянами политического развития их гражданской общины.

Набор исходных посылок, ограничений и предпочтений, которые определяют ход представленного далее анализа античных свидетельств, основывается, в числе прочего, на современных исследованиях политической культуры Римской Республики.

Самостоятельное политическое действие.

Поскольку я задаюсь вопросом о политической роли и средствах, используемых обладателями промежуточных статусов, необходимо сосредоточиться на индивидуальных действиях, которые они могли совершать сами, и которые наши источники каким-либо образом отделяют от действий других участников политического процесса, несмотря на то, что, как отмечает У. Вальтер, даже вне рамок политических институтов римляне действовали не столько как индивиды, сколько как члены различных ассоциаций, сообществ и групп²²⁰. В диссертационном исследовании речь идет почти исключительно о представителях сенаторского политического класса. К тем из них, кто находился в процессе перехода от статуса *privatus* к статусу *magistratus* и обратно, чаще всего и может быть отнесено понятие переходный статус.

Акцент на фигуре «автономного» политического актора на практике означает, что обычно я не рассматриваю деятельность обладателей промежуточных позиций как участников коллективных институтов, таких как сенат, – за исключением случаев, когда именно эти индивидуальные акторы определяют повестку всего собрания (например, созывая его и осуществляя

²²⁰ Walter U. Politische Ordnung... S. 11.

функции председателя). Прежде всего по этой причине настоящее исследование не включает систематическое изучение политических ресурсов и неформального влияния отдельных сенаторов (за исключением тех из них, кто занимал изучаемые позиции между *privati* и *magistratus*). Не говоря уже о том, что для обоснования необходимости исследовать политическое лидерство тех или иных членов сената подход, выбранный для данной работы, представляется избыточным. Хотя статус отдельных сенаторов можно рассматривать как в некотором смысле промежуточный между *privati* и *magistratus*²²¹, результат их деятельности в сенате зависел от поддержки или даже просто присутствия «коллег». Они не могли самостоятельно организовать заседание сената (хотя имели возможность инициировать неформальные собрания сенаторов). Политику сенаторов «за закрытыми дверями» и за пределами официальных заседаний сената лучше изучать посредством иных подходов, чем выбранный для данного исследования. В нашем случае существуют и дополнительные причины, чтобы, как правило, исключать из рассмотрения фигуру сенатора как просто члена сената. Например, Кассий Дион (39.30.4) передает общее представление о том, что сенаторы должны предпринять некоторые действия (принять решение воздержаться от политической инициативы), чтобы занять положение, очень похожее на положение магистратов, отстраненных от исполнения своих обязанностей. Но если «промежуточная» позиция возникает только после специального решения, то обычная роль сенаторов вряд ли может сама по себе считаться «промежуточной» в рассматриваемом смысле.

Таким образом, в рамках данной работы важен вопрос о том, какие действия обладатели промежуточных статусов могли осуществить

²²¹ Конечно, сенаторы, как отмечает Е. Линдерски (Linderski J. *The Auspices and the Struggle of the Orders* // *Staat und Staatlichkeit in der frühen römischen Republik* / Ed. W. Eder. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 1990. P. 36), «не были магистратами; технически они определялись как *privati*». Отмечу, однако, что статус сенаторов как *privati*, особенно когда они действовали как члены коллективного института, во многих отношениях значительно отличался от статуса остальных граждан. Уже этот факт указывает на имманентную ограниченность дихотомии *privatus/magistratus* как средства для описания политической жизни Римской республики, о чем речь пойдет далее.

самостоятельно, независимо, без помощи других участников политического процесса.

Зависимость определения «политической инициативы» от контекста.

Как отмечалось в обзоре исследовательской литературы, применение понятия «инициатива» для описания того, как функционирует политическое лидерство все же проблематично. Какой именно акт считать «первым» шагом или «началом» в цепочке политических действий²²²? В какой степени инициатива может определяться какими-либо предшествующими условиями или выбором, уже совершенным другими акторами²²³? В этом смысле различие между проактивным и реактивным поведением политических субъектов, между оценкой политического акта как «инициативы» или как «реакции» зависит, по-видимому, от выбранной «точки отсчета»²²⁴. Иными словами – от контекста. В таком случае исследователям необходимо пояснять этот контекст, уточнять и объяснять свои критерии определения начального события в цепи реакций, учитывать оценки античными авторами того или иного мероприятия как «начала» только в каком-то конкретном отношении, а также выяснять масштабы откликов и реакций на него. Особенное внимание должно быть при этом обращено на такие реакции, которые не были ожидаемы самим инициатором процесса и которые, в свою очередь, могли уже по этой причине становиться мощными стимулами для продолжения цепочки действий или даже преодоления ранее возникшей тенденции.

Помимо изучения политической инициативы как таковой, можно искать и рассматривать сопутствующие ей явления. Например, выяснять наличие у отдельных граждан внутренних мотивов, побуждавших действовать, а не только реагировать. Можно также попытаться обратить внимание на сведения источников о том, что один из участников событий берет на себя риск, что

²²² Ср.: Timpe D. Über Anfänge in der Geschichte // Colloquium aus Anlaß des 80. Geburtstages von Alfred Heuß / Hrsg. J. Bleicken. Kallmünz; Opf.: Lassleben, 1993. S. 9–27 (по поводу «начала» в историческом процессе в более общем смысле).

²²³ Ср.: Burns J.M. Leadership... P. 448–449.

²²⁴ Ср.: Burns J.M. Transforming Leadership... P. 185; Burns J.M. Leadership... P. 290, 484.

является еще одним признаком инициативы, который может привлечь такое внимание античных авторов, чтобы заслужить упоминание ими. Наконец, исследуя арсенал потенциальных действий, который был доступен политическим акторам в конкретной констелляции, можно попытаться выделить тех, кто не только делал выбор и реализовывал его, но и тех, кто расширял сам набор доступных возможностей, предлагая решения, которые ранее считались недоступными либо не были придуманы.

Однако состояние источниковой базы в некоторых случаях может привести к тому, что поступок политического актора выглядит неожиданным (в смысле, рассматриваемом Х. Арендт) или спонтанным только по той причине, что до нас не дошли свидетельства, которые давали бы понять, что известное нам действие было реакцией на неизвестные нам предшествующие инициативы.

Самостоятельное политическое действие и проблема политической инициативы.

Чрезвычайно важно отметить, что не во всех случаях, когда имеются сведения об индивидуальных действиях граждан переходных статусов, можно говорить о проявлении ими политической инициативы. Например, даже если источники описывают действие, осуществленное конкретным лицом (например, избранный магистрат произносит публичную политическую речь), это действие не обязательно совершено по его собственной инициативе. Важно проводить это различие, хотя из-за специфики наших источников большинство отраженных в них ситуаций в той или иной степени все же связаны с политической инициативой.

Основные наблюдения в рамках данной работы будут связаны с проверкой предположения о том, что именно наличие или отсутствие политической инициативы определяло то, как нарративные и эпиграфические источники описывают деятельность обладателей переходных статусов. По этой причине необходимо удостовериться, что выборка эпизодов, в которых можно распознать индивидуальные политические действия, не предполагает

автоматически, что все происходило по инициативе самих рассматриваемых лиц. Чтобы обеспечить это, анализируются не только те случаи, в которых инициатива наблюдаема (магистраты-десигнаты, промагистраты в сфере *domi*), но и такие ситуации, в которых акторы, занимавшие промежуточные позиции, как правило, *не* проявляют политическую инициативу (магистраты, отстраненные от должностных обязанностей). Дополнительным способом избежать риска «порочного круга» аргументации (когда отбираются только те случаи, в которых фактор, полагаемый мной существенным, априори будет выступать на первый план) является учет и тех эпизодов, в которых даже магистраты-десигнаты и промагистраты, проявляющие активность в сфере *domi*, *не* осуществляют реальный контроль над инициативой, вопреки всем нашим ожиданиям и даже несмотря на то, что источники об их самостоятельных действиях все же сообщают.

Некоторые подобные ситуации могут быть упомянуты уже во введении. Среди них речь проконсула Помпея в *contio* в начале 61 г. Плебейский трибун Кв. Фуфий Кален (по словам Цицерона, «очень легкомысленный человек», *levissimus*) попросил Помпея высказать свое мнение по поводу технических деталей организации процесса против Клодия (*Cic. Att.* 1.14.1–2)²²⁵. Х. Ван дер Блом подчеркивает, что Цицерон не является объективным, когда утверждает, что «выступления Помпея были... неудачными» и что полководец, возвращавшийся в Рим, не был «в курсе злободневных политических дел и интересов заинтересованных сторон». Но одновременно исследовательница полагает, что Цицерон прав, подчеркивая «двусмысленность слов Помпея» и отсутствие у него «приверженности какой-либо из сторон»²²⁶. Не столько сам факт, что Помпей был приглашен на *contio* кем-то другим (хотя это

²²⁵ Также см.: Pina Polo F. *Las contiones...* P. 294–295, n. 276.

²²⁶ Van der Blom H. Pompey in the *contio* // *Classical Quarterly*. 2011. Vol. 61. P. 563. Ср.: Pina Polo F. *Contra arma verbis: Der Redner vor dem Volk in der späten römischen Republik*. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 1996. S. 39, 49–50. На мой взгляд, нет никаких причин, которые бы позволили согласиться с Д. Шэклтоном Бейли (в принципе допускавшем, что магистраты могли вызывать частных лиц для произнесения речи «против воли») в том, что «в данном случае консул должен был действовать в соответствии с желаниями Помпея» (Shackleton Bailey D.R. *Cicero's Letters...* Vol. 1. P. 307).

важнейший косвенный маркер), сколько неопределенность его речи и отсутствие видимой поддержки им одной из сторон подчеркивают, что речь Помпея имела место не по его собственной инициативе. Помпей должен был, как дает понять Цицерон, избегать опасности своей речью вызвать неодобрение различных конкурирующих групп. Иными словами, для него эта *contio* была, скорее, затруднением, негативные последствия которого нужно было минимизировать, а не дополнительной возможностью навязать свою политическую программу другим участникам. (Также нет признаков того, что сами по себе нейтральное мнение Помпея или его общие высказывания в поддержку сенаторского сословия, пусть и были признаны важными, каким-то образом способствовали укреплению его положения.) Хотя в этом эпизоде, безусловно, описывается независимое, самостоятельное, индивидуальное и чрезвычайно важное политическое действие, нельзя сказать, что Помпей проявил политическую инициативу в рассматриваемом случае.

В 71 г. речь Помпея была произнесена им, как и в предыдущем примере, в роли проконсула (одновременно еще и консула-десигната) и технически стала возможна благодаря приглашению Помпея плебейским трибуном на *contio*²²⁷. Таким образом, формальный статус Помпея в терминах дихотомии *privatus/magistratus* был таким же, как и в 61 г. (получение статуса *designatus* не меняло юридического положения *privatus*). Однако описание этого события выглядит кардинально иным по сравнению с предыдущим эпизодом, если подойти к ним с точки зрения анализа политической инициативы. Одной из важных деталей является, как уже отмечалось, отсутствие точной информации о том, кто председательствовал на *contio*. Действительно, называть имя трибуна не требовалось, так как Помпей, в данном случае, не имел дела с неприятной необходимостью отвечать на трудные вопросы конкретного должностного лица, обладавшего субъектностью и собственным «политическим характером», который привлекал бы внимание наших

²²⁷ См. источники в работе: Pina Polo F. *Las contiones*... P. 287, n. 241. Ср.: Pina Polo F. *Contra arma verbis*... P. 38–39; Van der Blom H. Pompey in the *contio*... P. 560.

источников (ср. с фигурой «очень легкомысленного» Кв. Фуфия Калена в 61 г.). Наоборот, Помпей получил возможность активно «рекламировать» себя как успешного полководца, который теперь еще и поддержал популярное мнение, что необходимо восстановить полномочия трибунов после инноваций Суллы и решить проблему коррупции в судах. Чрезвычайно важно и то, что Помпей не только отвечал на вопросы, но и сам задавал их, определяя дальнейшее развитие дискуссии. Наконец, исходные условия произнесения речи были настолько благоприятными для него, что, как справедливо отмечает Х. Ван дер Блом, для успешного донесения этого послания до аудитории не требовалось быть искусным оратором²²⁸.

Эти два различающихся случая далеко не единственные, которые показывают, что индивидуальные политические действия, нашедшие отражение в источниках, и политическая инициатива не всегда идут «рука об руку», несмотря на явную тенденцию античных авторов сообщать только о проактивных действиях влиятельных участников событий. Так, продолжая рассмотрение примеров того, как проконсулы выступали на гражданских *contiones*, можно отметить, что в 131–130 гг. Сципион Эмилиан (если он все еще был проконсулом в это время²²⁹) оказался в положении, весьма похожим на положение Помпея в 61 г., поскольку Сципиону пришлось реагировать на неприятный и даже опасный вопрос по поводу ситуации в сфере *domi*, в которой он не был уполномочен действовать в качестве носителя публичной власти (речь шла об отношении Сципиона к убийству Тиб. Гракха). Напротив, в 210 г. другой Сципион, Африканский, по собственной инициативе выступил перед народом, чтобы защитить политическое решение о предоставлении ему власти проконсула²³⁰. Хотя ему пришлось реагировать на уже возникшую

²²⁸ Van der Blom H. Pompey in the *contio*... P. 560.

²²⁹ Как предлагала Л. Росс Тейлор (Taylor L.R. Roman Voting Assemblies: From the Hannibalic War to the Dictatorship of Caesar. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1990. P. 20, 119, n. 13). Но ср.: Pina Polo F. Las *contiones*... P. 278, n. 189.

²³⁰ Ср.: Pina Polo F. Las *contiones*... P. 266, n. 122.

проблему, он, судя по всему, сам принял решение о вмешательстве, а также о времени, месте и способе донесения своей позиции.

Мне представляется не случайным, что в случае со Сципионом Эмилианом мы знаем имя организатора *contio*, а в эпизоде со Сципионом Африканским – нет. Та же картина прослеживается и в других ситуациях, например, связанных с речью Помпея в защиту Габиния. Проконсул Помпей выступил по собственной инициативе; имя магистрата, который предположительно созвал *contio*, остается неизвестным (Cass. Dio. 39.63.4–5)²³¹. Ф. Пина Поло – как и для других подобных эпизодов – высказывает предположения по поводу личности председателя *contio*²³². Но кто бы им ни был, молчание источников свидетельствует о том, что роль последнего была скорее формальной.

Выявленная закономерность вряд ли может быть поставлена под сомнение предположением, что наличие или отсутствие информации об имени председателя *contio* – деталь, которая подчеркивает различие между структурно идентичными действиями с точки зрения вопроса о контроле над неформальной политической инициативой, – объясняется только состоянием источников²³³.

²³¹ Ср.: Van der Blom H. Pompey in the *contio*... P. 573: «Pompey either speaks at an informal assembly of the populace outside the *pomerium* or writes a letter in defence of A. Gabinius in connection with the latter's trial *de repetundis*» (со ссылкой на пассаж Cic. *Rab. post.* 34). Могли иметь место и письмо, и речь.

²³² Pina Polo F. Las *contiones*... P. 303, n. 109.

²³³ Ок. 107 г. проконсул (Van der Blom H. Elite Rhetoric and Self-Presentation: Metellus Numidicus Returns // The Theatre of Justice / Eds. S. Papaioannou, A. Serafim, B. da Vela. Leiden: Brill, 2017. P. 117; также ср.: Pina Polo F. Las *contiones*... P. 281, n. 205) Метелл Нумидийский защищался от обвинений, выдвинутых Марием и трибуном Манлием (Gell. *NA.* 7.11). Если мы последуем за мнением Х. Ван дер Блом о том, что Метелл, скорее всего, произнес свое выступление на публичном собрании, созванном дружественным магистратом (Van der Blom H. Elite Rhetoric... P. 122), то, имея в виду отмеченную закономерность, можно предположить, что имя этого последнего должно было быть опущено отчасти потому, что именно Метелл был реальным инициатором *contio*, попросив союзного магистрата организовать для него уже задуманное им собрание. Другая передача слов Метелла (Prisc. *Grammatici Latini* [Keil] vol. 2, p. 382), как предполагает Х. Ван дер Блом, лучше подходит контексту публичного собрания, созванного враждебным должностным лицом, однако «равным образом возможно, что его созвал друг, чтобы Метелл мог обратиться к народу» (Van der Blom H. Elite Rhetoric... P. 122). Так или иначе, акцент Присциана на Метелле,

Во всех рассмотренных случаях самостоятельное политическое действие проконсула хорошо различимо. Более того, его действия оказывают значимое воздействие на политическую обстановку. Однако может быть подмечено существенное различие между двумя типами ситуаций. В одних случаях трибун манипулирует проконсулом, заставляя его сделать выбор между двумя заранее определенными вариантами: говорить или не говорить перед *contio* о конкретном вопросе, уже сформулированном. Промагистрат может только реагировать на этот вызов. С этой точки зрения, у него нет широкого выбора. Он не контролирует ни время, ни место, ни, главное, саму постановку вопроса, который ему задает трибун, равно как и набор готовых вариантов ответа. Отмечу также, что, например, реакция Сципиона Эмилиана на действия Назики была во многом предсказуемой – еще одна деталь, свидетельствующая об отсутствии инициативы. В иных же случаях промагистрат, наоборот, – самостоятельный политический субъект, а не объект чужих манипуляций. Проконсул действует, потому что принимает решение об этом. Скорее, он манипулирует трибуном как «техническим помощником», чтобы обойти формальные ограничения, наложенные на промагистратов. В конституционном, формальном отношении процедура идентичная (*producere in contionem*), однако с точки зрения анализа политической инициативы ситуации кардинально различаются.

«Публичное» действие.

Еще одним важным критерием ограничения предмета исследования в данной работе является акцент в ней на публичных действиях, а не на механизмах закулисной политической коммуникации. Учитывая трудности, связанные с использованием термина «публичный»²³⁴, следует уточнить, что здесь я подразумеваю действия, которые потенциально имел возможность

безусловно, объясняет отсутствие информации о председательствующем магистрате и в этом источнике.

²³⁴ См.: Russell A. *The Politics of Public Space in Republican Rome*. Cambridge: Cambridge University Press, 2016. 226 p., особенно P. 1–24, а также упомянутое фундаментальное исследование А. Винтерлинга.

наблюдать любой римский гражданин (и даже негражданин), если он случайно оказывался в нужном месте (открытом пространстве, менее контролируемом отдельными лицами или группами и теоретически доступном для всех) и в нужный момент²³⁵. Это связано с тем, что римские магистраты (в сопоставлении с которыми я изучаю обладателей промежуточных статусов) должны были действовать под «пристальным взглядом» римского народа, как подчеркивал особенно Ф. Миллар²³⁶. Конечно, многое происходило за закрытыми дверями, но вряд ли следует считать, что можно было достичь положения признанного лидера в Республике, ограничиваясь только механизмами влияния, скрытыми от публики или, как теперь убедительно показала К. Розильо-Лопес, «общественного мнения»²³⁷. Даже заседания сената предполагали, по крайней мере, большую вероятность того, что сказанное или сделанное там, станет доступно в той или иной степени большинству граждан. Таким образом, в первую очередь меня интересуют публичные жесты, выступления в *contiones* и на других собраниях, судебные процессы, политические церемонии и ритуалы и все те действия обладателей переходных статусов, которые потенциально могли быть непосредственно наблюдаемы согражданами или, по крайней мере, становиться широко известными постфактум.

Персональное/прямое вмешательство.

Фундаментальная особенность римской политической культуры заключается в том, что участие в политическом процессе на расстоянии, равно как и формализованные механизмы политического представительства, так и не стали в ее рамках эффективным продолжением, а тем более заменой, инструментария *face-to-face politics*, несмотря на развитие некоторых важных

²³⁵ Ср.: Hölscher L. Öffentlichkeit // Geschichtliche Grundbegriffe. Bd. 4. Stuttgart: Klett-Cotta, 1978. S. 415, 420, 430.

²³⁶ См., напр.: Millar F. The Crowd in Rome in the Late Republic. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1998. 236 p.

²³⁷ Rosillo-López C. Public Opinion and Politics in the Late Roman Republic. Cambridge: Cambridge University Press, 2017. 270 p.

тенденций в этом направлении²³⁸. В данном исследовании почти всегда речь идет о личном прямом вмешательстве в процесс принятия решений. Разумеется, необходимо учитывать и практики оказания влияния на расстоянии, которыми могли пользоваться отдельные обладатели переходных статусов (сочетание обоих типов политической коммуникации также вполне представимо). Однако возможность вмешаться лично, а не на расстоянии, была одной из дополнительных причин, по которым древние авторы сравнивали некоторых *privati* с *magistratus* (и некоторых *magistratus* с *privati*, если, наоборот, магистрат лишался возможности лично присутствовать на месте событий).

*Политика в городе Рима: «Die kleine Welt der städtischen Politik»*²³⁹.

С предыдущим аспектом тесно связан акцент в настоящей работе на изучении политической ситуации в городе Рима, точнее, на исследовании сферы *domi*, а не на рассмотрении управления державой. Конечно, военные события и то, что происходило в провинциях, в значительной степени влияли на политическую обстановку в Риме. Достаточно указать на тот факт, что такие политики, как Гн. Помпей или Г. Юлий Цезарь, оказались способны власть и влияние, которые они приобрели в провинциях благодаря своим военным успехам и связям с местной элитой, перенести в политическое пространство городского центра Республики. Тем не менее, трудности, с которыми они сталкивались в процессе такого переноса, весьма примечательны. Действительно, одним из сюжетов, рассматриваемых в данной работе, является именно вопрос о том, как могущественные проконсулы, *imperatores*, оказывались или не оказывались в состоянии

²³⁸ Dementyewa V.V. Die römische «Meritokratie» und die Entwicklung politischer Repräsentation // Volk und Demokratie im Altertum. Bd. 1 / Hrsg. V.V. Dementyewa, T. Schmitt. Göttingen: Ruprecht, 2010. S. 107–141; Van der Blom H. Leadership through Letters: Cicero and Cassius' Correspondence in 44–43 BCE // Leadership and Initiative in Late Republican and Early Imperial Rome / Eds. R.M. Frolov, C. Burden-Strevens. Leiden; Boston: Brill, 2022. P. 271–294.

²³⁹ Использовано выражение, которое применяет М. Йене в устных докладах, комментируя фундаментальную ограниченность физического пространства для «большой политики» в республиканском Риме.

преодолеть структурные, институциональные препятствия при переходе из одной сферы политического действия в другую.

Политическая коммуникация за пределами элиты.

В своем исследовании я отдаю предпочтение изучению коммуникации между «политическим классом» и «рядовыми гражданами», а не внутри элиты. Это предпочтение понятно уже потому, что в центре внимания данной работы оказывается политическое действие в пространстве, определяемом в современном словоупотреблении как преимущественно «публичное», что в случае Римской республики почти всегда означает такой вид политической коммуникации, который не ограничен членами элиты даже в самом широком понимании состава последней. В качестве еще одной причины выбора такого ракурса выступает тот факт, что граждане с промежуточными статусами, исследуемые в данной работе, часто становятся активными не просто как лидеры, а как такие лидеры, которые, с точки зрения античных наблюдателей, сопоставимы с действующими магистратами, именно в тех ситуациях, когда они пытались повлиять на более широкие круги граждан, непосредственно в режиме общения «лицом к лицу» либо через механизмы коллективных институтов *civitas*.

Подготовка формальных политических решений.

В связи с характером имеющихся сведений о переходных статусах, описанных выше, я уделяю больше внимания способам предварительной подготовки политических решений и меньше – формальному их принятию сенатом, комициями и магистратами. Это связано с тем, что возможности рассматриваемых акторов непосредственно инициировать принятие законов или давать собственные распоряжения в качестве формально обязательных для гражданского коллектива были весьма ограничены. Переходное положение, в котором оказывались изучаемые субъекты политики, означало, как правило, что сначала они должны были найти способ преодолеть ограничения собственного неустойчивого положения. Как правило, только получив «более стабильный» статус (магистратуру либо специальные

дополнительные полномочия), они могли напрямую влиять на принятие официальных решений SPQR. До этого момента их усилия могли быть направлены, скорее, на формирование политической «повестки дня» или подготовку решений, чем на их официальное утверждение.

Сенаторы, плебейские трибуны и публичное жречество в соотношении с категорией «граждане переходных статусов».

Поскольку цель исследования состоит в том, чтобы тех акторов, деятельность которых не соответствовала обычным ожиданиям по отношению к гражданам, соответственно, в статусе *privatus* или *magistratus*, потенциально весьма широкий спектр политических позиций и ролей может быть включен в категорию, предложенную в данной работе.

Исключение из рассмотрения влиятельных представителей сенаторского сословия, отдельных сенаторов, не являвшихся десигнатами, магистратами или промагистратами, уже было прокомментировано выше. Еще одна группа акторов, которые не будут рассматриваться ниже, это плебейские трибуны. Определение трибунов как приближавшихся по своему положению к *privati*, вряд ли можно обосновать. Риторическое отнесение трибунов к числу *privati*, а не *magistratus*, встречается крайне редко и говорит не столько о трибунах, сколько о зависимости античных авторов от дихотомии *privatus/magistratus* и об отсутствии в некоторых ситуациях других способов передачи уничижительной критики отдельных трибунов их политическими соперниками, кроме как путем полемического обозначения первых как *privati*²⁴⁰. Перспективнее поэтому задаваться вопросом о том, чем трибуны отличались от (других) магистратов или чем были похожи на них, а не о том, что делало их в каком-то смысле *privati*²⁴¹. Иными словами, предложенное в

²⁴⁰ См. Liv. 2.56.10–15: *privatum* [sc. *tribunum plebis*] *esse clamitans, sine imperio, sine magistratu*; cf. Cic. *Vat.* 16; Plut. *Quaest. Rom.* 81. Впрочем, сама возможность такой оценки трибунов в отличие от остальных магистратов не может быть просто отброшена и должна считаться серьезным маркером их особого положения, требующим дальнейшего изучения (см. Заключение).

²⁴¹ Ср., напр.: Herzog E. *Geschichte und System...* S. 1136–1137 («Das Tribunat ist Volksvertretung, nicht Magistratur»), 1146, 1163–1165; Bleicken J. *Das Volkstribunat der klassischen Republik. Studien zu seiner Entwicklung zwischen 287 und 133 v. Chr.* München:

настоящей работе исследовательское понятие «переходные статусы между *privati* и *magistratus*», вероятно, избыточно при изучении плебейского трибуната²⁴².

Публичное жречество исключено из рассмотрения по другой причине. В отечественной историографии А.М. Сморгачевым подробно аргументирован тезис о подчиненной по отношению к магистратам политической роли жречества²⁴³. Все же заметность публичного жречества на политической арене, свидетельства источников об их самостоятельной роли в контексте проведения некоторых политических собраний (*comitia calata/contiones*²⁴⁴), в целом способность некоторых жрецов действовать самостоятельно так, чтобы это нашло отражение в наших источниках²⁴⁵, но, прежде всего, знаменитый инцидент с великим понтификом П. Корнелием Назикой, который, будто действующий консул, повел сограждан против Тиберия Гракха в 133 г. (*Cic. Tusc.* 4.51: *ipse privatus, ut si consul esset, qui rem publicam salvam esse vellent, se sequi iussit*), – все это наталкивает на мысль о полезности рассмотрения положения публичных жрецов как в некотором смысле «промежуточного» между *privati* и *magistratus*. Однако одна жреческая коллегия сильно отличалась от другой. Одно дело – рассматривать должность *pontifex maximus*

C.H. Beck, 1955. 166 S, особенно S. 3, 22, 25–26, 77–78 («Es soll festgestellt werden, ... ob das Tribunat sich trotz des oben Gesagten in irgendeiner Weise zu einer Magistratur des römischen Volkes entwickelte»); Meier C. *Res publica amissa*... S. 119, Anm. 339 («...bleibt doch die Frage, ob die Römer ihren Magistratsbegriff so scharf gefaßt haben»); Thommen L. Das Volkstribunat... S. 9, n. 5 («Bleickens Sicht ist hier möglicherweise etwas zu strikt»); Walter U. Politische Ordnung... S. 41–42 («Tribunat als Magistratur»); Drogula F.K. Plebeian Tribunes and the Government of Early Rome // *Antichthon*. 2017. Vol. 51. P. 113 («the vague and unusual nature of the tribunes' power gave them great latitude for action and a broader scope of political activity than later 'true magistracies'»), 114 («These powers of obstruction and arrest made the tribunate a very potent magistracy»), 119 («any question of the legitimacy of the plebeian tribunate as a magistracy seems to have vanished» (ко II в.)).

²⁴² Ср.: Павлов А.А. Магистратура и плебейский трибунал в системе политической власти Римской республики // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. 2011. Вып. 10. С. 231. По поводу фрагмента Liv. 2.56.10–15 см.: Drogula F.K. Plebeian Tribunes... P. 111–112; Lohr G. *Plebei magistratus, patricii magistratus, magistratus populi Romani* // *Studia et Documenta Historiae et Iuris*. 1975. Vol. 41. P. 258.

²⁴³ Сморгачев А.М. Религия и власть...

²⁴⁴ Pina Polo F. Las *contiones*... P. 54–64.

²⁴⁵ По поводу авгуров см.: Linderski J. The Augural Law // *Aufstieg und Niedergang der römischen Welt*. Bd. 2.16.3. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 1986. S. 2190–2222.

как квазимагистратскую²⁴⁶. Но совсем другое – изучать, например, *decemviri sacris faciundis* в этом ключе²⁴⁷.

Особняком стоит казус Сципиона Назики. Но, вероятно, не статус понтифика позволил ему взять на себя инициативу. Скорее наоборот, сначала какие-то другие обстоятельства вынудили его действовать именно так, как он действовал (я имею в виду решение о необходимости совершить политическое убийство), и только потом наличие жреческого статуса позволило задним числом придать нелегальным действиям хотя бы религиозный флёр²⁴⁸. Возможно поэтому более перспективно анализировать необычное политическое вмешательство со стороны Назики как, прежде всего, поступок *privatus* и только после этого – как акт *pontifex maximus*. Даже если возразить против такой интерпретации (а неоднозначность оценок рассматриваемой ситуации с античных времен сама по себе все же может показаться поводом для изучения этого события с точки зрения, принятой в данной диссертации), нельзя отрицать, что случаи, хотя бы отчасти похожие на случай Назики, редки, если вообще существуют. Если они есть, то касаются в основном

²⁴⁶ Ср., напр.: Bleicken J. *Oberpontifex und Pontifikalkollegium: Eine Studie zur Römischen Sakralverfassung* // *Hermes*. 1957. Bd. 85. S. 345–366; Calonge Matellanes A. *El «Pontifex Maximus» y el problema de la distinción entre magistraturas y sacerdotes* // *Anuario de Historia del Derecho Español*. 1968. T. 38. S. 5–29.

²⁴⁷ Исследование *decemviri sacris faciundis* Р. О’Брайаном и Ф. Верватом приводит их к мысли о том, что сенат неизменно сохранял жесткий контроль над этой коллегией: «сенаторское влияние проявляется как в различных обстоятельствах, при которых обращались к коллегии, так и в последующих результатах. Есть все основания полагать, что консультации неизменно были вызваны опасениями сенаторов, а рекомендованные жрецами искупительные мероприятия были направлены на удовлетворение сенатских пожеланий. Таким образом, *decemviri sacris faciundis*, по-видимому, были важным винтиком в «религиозном механизме» сената в этот период» (Vervaeke F.J., O’Brien R.N. *Priests and Senators: The Decemviri Sacris Faciundis in the Middle Republic (367–104 BCE)* // *Revue des Études Anciennes*. 2020. T. 122. P. 103). Сенат «контролировал способность децемвиров действовать» (Vervaeke F.J., O’Brien R.N. *Priests and Senators...* P. 90), то есть они были лишены инициативы, о которой очень часто идет речь, когда мы анализируем роль граждан переходных статусов.

²⁴⁸ См.: Linderski J. *The Pontiff and the Tribune: The Death of Tiberius Gracchus* // *Roman Questions II*. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2002. P. 88–114; Santangelo F. *Priestly auctoritas...* P. 755–756. Также см.: Clark A. *Nasica and fides* // *Classical Quarterly*. 2007. Vol. 57. P. 126: то, что Назика прикрыл голову подолом своей тоги, когда выступал против Тиберия, многими последователями Гракхов, «конечно, не было принято в качестве легитимной линии защиты».

действий лиц, которые жреческий статус соединяли со статусом магистрата, из-за чего трудно становится определить влияние жреческого положения на развитие ситуации²⁴⁹.

Даже если это в принципе возможно, исследование роли отдельных сенаторов, плебейских трибунов и представителей публичного жречества как занимающих некую промежуточную позицию между *privati* и *magistratus* должно остаться за рамками данного исследования еще и потому, что последнее выстроено вокруг рассмотрения ситуаций последовательно «до», «во время» и (*mutatis mutandis* по отношению к промагистратуре) «после» магистратуры и сфокусировано на анализе ситуации перехода от статуса *privatus* к статусу *magistratus* и обратно (или временного, неустойчивого приближения от одного к другому). Позиции отдельных сенаторов, плебейских трибунов и жрецов не могут быть описаны в терминах такого перехода.

Научная новизна исследования заключается, прежде всего, в попытке впервые предложить подход, который дает возможность объединить рассмотрение ряда явлений политической жизни Республики (а именно: самостоятельной политической роли магистратов-десигнатов, магистратов, временно отстраненных от исполнения своих обязанностей, и промагистратов в сфере *domi*), для совокупности которых сами античные авторы не выработали специальной терминологии. В источниках нет точного рамочного

²⁴⁹ См., напр., гл. 2, §3 по поводу оппозиции авгура и консула М. Антония избранию консулом-суффектом П. Корнелия Долабеллы в 44 г. Ср. также *Cic. Brut.* 56 (о М. Попиллии в 359 г.): *cum consul esset eodemque tempore sacrificium publicum cum laena faceret, quod erat flamen Carmentalis, plebei contra patres concitatione et seditione nuntiata, ut erat laena amictus ita venit in contionem seditionemque cum auctoritate tum oratione sedavit.* Даже в этом случае, в котором жреческое одеяние явно представлено Цицероном как способ политического высказывания, статус магистрата, безусловно, также сыграл свою роль, равно как и ораторское мастерство (ср.: Santangelo F. *Priestly auctoritas...* P. 754–755). Об авгурах ср.: Linderski J. *The Augural Law...* P. 2212: «The individual augurs could officially express their opinions concerning the augural validity of a past action either in the senate or at a *contio*. The opinion expressed in the senate was, however, technically either a magisterial presentation or a senatorial *sententia*, backed by the augural authority of the speaker. On the other hand the opinion expressed at a *contio* was most often a *responsum*, but it lacked the augurally binding quality of the decree of the college». Также см.: Szemler G.J. *The Priests of the Roman Republic*. Bruxelles: Latomus, 1972. P. 34–36, 193–194; Vervaeke F.J., O'Brien R.N. *Priests and Senators...* P. 88–89.

обозначения того, что я называю переходными статусами между *privati* и *magistratus*. Тем не менее, при помощи этой исследовательской категории, являющейся научной абстракцией (которая, насколько можно судить, еще не предлагалась в историографии) становится доступен новый способ отбора, сопоставления и осмысления того, что источники могут сообщить о широком круге политических деятелей и о разнообразных процессах, которые в ином случае выглядели бы лишь слабо связанными или даже почти изолированными. Когда они рассматриваются вместе, наблюдения по их поводу, как становится видно, начинают в некоторых случаях взаимно дополнять друг друга. Иногда это позволяет сделать выбор между конкурирующими интерпретациями в некоторых сложных для анализа случаях, когда нам приходится иметь дело с особо фрагментированными или противоречивыми свидетельствами источников. На заключительном этапе исследования становится возможным выявить в источниках иной, вместо специальной терминологии, способ описания той совокупности ситуаций, которая на начальном этапе работы определяется благодаря исследовательскому категориальному аппарату.

Результатом применения указанного подхода является концепция роли граждан переходных статусов между *privati* и *magistratus* в политической жизни и политической культуре Римской республики, охватывающая проявления римскими гражданами политического лидерства в тех ситуациях, когда наблюдалось несоответствие публично-правового положения лидера и его активных действий, выразившихся преимущественно в неформальной политической инициативе.

Предложенная концепция позволяет описать «компенсаторный» механизм, сложившийся в I в. до н.э. и необходимый для предотвращения катастрофического сценария потери доверия граждан к политическому классу в целом, а также для сглаживания остроты конфликтов внутри последнего. Механизм этот заключался в том, что при некоторых условиях успешные политики из числа магистратов-десигнатов и промагистратов могли проявить

неформальную политическую инициативу в сфере *domi* в условиях недостатка активности со стороны магистратов. С другой стороны, допускалась возможность воспрепятствовать (без лишения должности) политической инициативе тех, кто, занимая магистратуры, признавался оказывающим дестабилизирующее воздействие на систему.

Практическая значимость работы состоит в возможности использования и дальнейшего критического развития разработанной в ее рамках методологии и методики изучения иных ситуаций, в которых публично-правовой статус и неформальное политическое влияние составляли сложноразделимое единство. Такого рода сочетание можно обнаружить и в другие периоды истории самого античного Рима (в Заключении представлены некоторые предварительные наблюдения с этой точки зрения по поводу раннего Принципата), и в истории иных стадияльно близких политических сообществ. Представляется, что сделанные выводы, сформулированные вопросы и выявленные затруднения, с которыми пришлось столкнуться в ходе проведенного исследования, могут оказаться важными при проведении сравнительных исследований по истории политических культур доиндустриальных обществ, а также дать пищу для размышлений по поводу современных политических систем.

Конкретные выводы диссертации могут оказаться полезными при изучении системы римских магистратур, значения массовых политических собраний, взаимоотношений политического класса и рядовых граждан, а также целого ряда прочих сюжетов, включая, конечно, проблему перехода от Республики к Империи, к переосмыслению которой общие выводы диссертации приводят непосредственно.

Полученные результаты могут найти применение при разработке не только курсов по истории и праву античного Рима, но и политологических, социологических дисциплин, оперирующих конкретно-историческими выводами. Некоторые наблюдения о специфике неформальной инициативы в политической практике республиканского Рима через призму анализа

переходных статусов между *privati* и *magistratus* могут послужить одним из источников более глубокой разработки этой проблемы в современных социологии и политологии, которые пока, насколько можно судить, не демонстрируют устойчивого специального внимания к данной проблематике, ввиду чего историкам, изучающим феномен политической инициативы, приходится действовать во многом самостоятельно.

Апробация работы. Диссертация обсуждена на заседании кафедры всеобщей истории исторического факультета Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова. Результаты разработки проблем, рассматриваемых в диссертационном исследовании, были представлены в докладах на всероссийских и международных конференциях, а также в выступлениях на научных коллоквиумах, включая следующие: Международный научный коллоквиум «Politics and *res publica*: Strategy and Ideology in Republican Rome» (Университетский колледж Лондона, 2014 г.); XIX, XX Международные и XXII, XXIII Всероссийские Сергеевские чтения (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, 2015, 2017, 2023, 2025 гг.); Международная конференция «Individuals in Communities» (Лондон, Институт классических исследований, 2015 г.); IX Международная кельтская конференция по антиковедению (Университетский колледж Дублина, 2016 г.); XLV Ежегодная конференция Израильского общества содействия классическим исследованиям (Рамат-Ган, Университет имени Бар-Илана, 2016 г.); Всероссийская научная конференция «Scholia studiorum: пространство исторического нарратива» (Екатеринбург, УрФУ им. Б.Н. Ельцина, 2016 г.); Ежегодная конференция Британской Ассоциации классических исследований (Университет Кента, 2017 г.; Университет Суонси, 2022 г.; Университет Сэнт-Эндрюс, 2025 г.); Международная конференция «Linguistic Representations of Identity in Rhetoric Ancient and Modern» (Краков, Ягеллонский университет, 2017 г.); XIV Международная конференция по городской истории (Третий университет Рима, 2018 г.); Конференция Российской ассоциации антиковедов с международным

участием «Древние цивилизации: социум и человек» (Ярославль, ЯрГУ им. П.Г. Демидова, 2018 г.); Международная конференция «Taking the Lead in Late Republican and Early Imperial Rome: Office, Agency, and Initiative» (Университет Билефельда, 2019 г.; конференция организована диссертантом); Международная конференция «Spaces of Roman Constitutionalism» (Университет Хельсинки, 2019 г.), Международный научный онлайн-коллоквиум «New Work on the Roman Republic» (Университет Ньюкасла / Университет Турино, 2021 г.); XVI Международный Конгресс Международной федерации ассоциаций классических исследований (FIEC) (Мехико, Национальный автономный университет Мексики, 2022 г.); XXXIV Международная конференция Классической Ассоциации Южной Африки (Университет Кейптауна, 2023 г.); XXIV Всероссийская научная сессия византистов: римское наследие и судьбы византийской цивилизации (ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2025 г.); научные коллоквиумы по древней истории (Центр антиковедения ЯрГУ им. П.Г. Демидова, 2014, 2015, 2016 гг.; Университет Бремена, 2015 г.; Берлинский университет имени Гумбольдта, 2018 г.; Ольденбургский университет имени Карла фон Осецкого, 2018 г.; Университет Сарагосы, 2018 г.; Университет Йены, 2019 г.; Университет Ньюкасла, 2019 г.; Университет Глазго, 2015, 2019 гг.; Университет Кента, 2019 г.; Университет Билефельда, 2019 г.).

Результаты, полученные в диссертации, отражены в публикациях автора – в четырех главах трех коллективных монографий с общим объемом авторской части 6,5 п.л. и в 32 публикациях общим объемом 36,9 п.л., в том числе в 16 статьях объемом 16 п.л., опубликованных в изданиях, рекомендованных ВАК.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. В качестве ключевого элемента категориального аппарата исследования вводится понятие «переходные статусы римских граждан». Под их носителями понимаются лица, выступавшие в период Республики политическими акторами, которых источники

однозначно причисляют к *privati* либо *magistratus* (в дихотомии публичного права), но характеризуют их деятельность как характерную скорее для лиц противоположного статуса. К носителям переходных статусов отнесены политически активные магистраты-десигнаты, магистраты, временно отстраненные от исполнения должностных обязанностей, и промагистраты, действовавшие в сфере *domi*.

2. Античная традиция эпохи поздней Республики и ранней Империи в кризисных обстоятельствах признавала допустимой самостоятельную политическую инициативу *privati*, не относившихся к числу десигнатов и промагистратов, и описывала ее при помощи терминологии, уподоблявшей частных лиц и их действия магистратам и некоторым их актам.
3. Магистраты-десигнаты не обладали *ius edicendi* и защитой от судебного преследования (в противоположность должностным лицам), поэтому, имея промежуточный статус, в указанных отношениях не отличались от иных представителей правовой категории *privati*. Их активность, напоминающая деятельность магистратов, была связана с проявлением неформальной инициативы.
4. Некоторые консулы-десигнаты успешно конкурировали с действующими консулами вне заседаний сената. В таких случаях античные авторы прямо или косвенно подчеркивают, что десигнаты выступают подобно консулам или вместо них. Условием такой активности *designati* являлась политическая пассивность действующих магистратов либо их отсутствие в Риме. Античные авторы подчеркивают превосходство таких десигнатов с точки зрения неформального влияния и описывают распоряжения десигнатов словами *edictum et litterae*, γράμματα, *vetare* и другой «легитимирующей» терминологией.

5. Применение античными авторами «легитимирующей» терминологии не зависело от политической оценки ими того или иного десигната. Уподобление десигнатов действующим магистратам наблюдается во всех эпизодах, в которых десигнаты выступают с политической инициативой, обычно характерной для магистратов.
6. Способность десигнатов играть активную самостоятельную политическую роль базировалась, прежде всего, на умении инструментализировать ожидания их скорого вступления в должность и включала такие механизмы, как обещания ввести изменения в будущие распоряжения, угрозы применить против отдельных лиц власть магистрата после вступления в должность, выступления в *contiones* вместо магистрата и др. Вместе с тем, ожидания смены публично-правового статуса могли ограничивать свободу политического выбора для десигнатов, чем пользовались их соперники.
7. В отличие от добровольной или вынужденной абдикации и абrogации пророгированного или делегированного империя промагистрата, абrogация магистратуры или плебейского трибуната (лишение этих должностей без согласия их носителей, по решению комиций) в Римской республике не практиковалась за исключением единичных случаев. Для блокирования реализации магистратом его полномочий применялись не только интерцессия или арест, но и временное отстранение от должностных обязанностей. Публично-правовой статус магистрата при этом не менялся. Для обозначения этой ситуации в источниках применяются различные выражения (*in ordinem cogi*, *administratione rei publicae summove*re, ἐπάρχοντα παύειν и др.). Некоторые описания содержат термины, прямо указывающие на потерю способности к политической инициативе (например, *quieturus*).

8. В кратких нарративах для обозначения отстранения от должности может употребляться термин *abrogare/abrogatio*, однако анализ контекста конкретных событий всякий раз исключает возможность того, что имело место лишение должности. Такая терминология, будучи с правовой точки зрения неточной, тем не менее, отражает понимание античными наблюдателями отстранения магистратов как акта, фактически низводившего последних на положение *privati*.
9. Греческие авторы поясняют своей аудитории существование в римской политической практике возможности сохранения статуса *magistratus* при лишении провинции (сферы деятельности) и утрате способности активно влиять на ход политического процесса. В римском восприятии временное отстранение от должностных обязанностей не требовало комментария, следовательно, оно было глубоко укоренившимся компонентом политической культуры римской *civitas* эпохи Республики.
10. Отстранение от должностных обязанностей обычно описывается в источниках как совместный акт сената и высших магистратов, который обеспечивался легальными средствами одномоментного применения (например, повторяющимися актами интерцессии со стороны высшего магистрата) и дополнялся различными средствами экстра-легального принуждения. Такого рода отстранение от власти формально не означало потерю или умаление магистратской власти. Маркерами этой ситуации являются сведения о физическом удалении или вытеснении магистрата из политически значимых публичных пространств *civitas*, установление наблюдения за магистратом, призыв к гражданам воздержаться от обращения с запросами к магистрату как носителю публичной власти, умаление внешнего достоинства и изменение облика носителя магистратской власти, передача провинции магистрата его коллеге.

11. Отстранение от должностных обязанностей не игнорировалось, а признавалось самим отстраняемым магистратом как политическая реальность. Оно потенциально являлось временным и обратимым. Для его преодоления необходимы были инициатива сторонников, повторное неформальное подтверждение авторитета магистрата со стороны гражданского коллектива (например, аудиторией *contio*) и, в финале этого процесса, – со стороны тех акторов, которые инициировали отстранение. Свидетельствами восстановления положения ранее отстраненного магистрата являлись постановления сената, заявления в *contiones*, появление магистрата в публичных пространствах, демонстрация восстановленных инсигний, возвращение магистрата к реализации своих обычных обязанностей, нормализация личной коммуникации членов элиты.
12. Во всех известных случаях отстранения от должностных обязанностей наблюдается утрата способности к политической инициативе, при описании чего в источниках всегда заметно прямое или косвенное уподобление отстраненного магистрата *privatus*. В этом отношении ситуация оказывалась обратной случаям магистратов-десигнатов.
13. Практика отстранения от исполнения должностных обязанностей позволяла уклониться от прямого формального нарушения принципа воплощения суверенитета римского народа в фигуре избранного им магистрата, поскольку сам статус *magistratus* оставался неприкосновенным. Потребность в такого рода инструментах являлась объективным следствием усложнения и ускорения динамики политической жизни в конце Республики. Отстранение от должностных обязанностей можно также интерпретировать как маркер глубокого политического конфликта.
14. Все промагистраты относились к правовой категории *privati*, но, в отличие от других *privati*, они являлись носителями публичной власти. Тем не менее, в римской систематике они не составляли категории

одного уровня с *privati* и *magistratus*. Данному выводу не противоречит противопоставление в античных источниках промагистратов и (других) *privati*. Подчеркнутый акцент на формальном статусе промагистратов как *privati* возникает в античной традиции только при появлении дополнительных причин, таких как необходимость критики вмешательства промагистратов в сферу *domi*. Это показывает исходное несоответствие статуса *privatus* роли промагистратов как должностных лиц, потенциально способных оказать влияние на все без исключения сферы политической жизни Республики.

15. Примеры вмешательства промагистратов (проконсулов/пропреторов) в сферу *domi* известны почти исключительно для последних десятилетий существования Республики. Общим для всех них является акцент античных авторов на том, что промагистраты подменяли магистратов, причем констатация такой подмены (как с позитивной, так и с негативной ее оценкой) и сглаживание терминологического различия промагистратов и магистратов наблюдается в античных текстах тогда, когда промагистраты не просто совершали в сфере *domi* самостоятельные действия, но проявляли в ней политическую инициативу.
16. Способы вмешательства промагистратов в сферу *domi* являлись манипуляция магистратами для создания возможности выступить на официальной *contio* или в сенате с политически значимыми заявлениями, внесение и «продвижение» собственных предложений для разрешения политических проблем, находящихся вне сферы ответственности промагистрата, завуалированная угроза применения военной силы для давления на республиканские институты, организация неформальных собраний сенаторов *ad urbem*, «распоряжения» сенаторам и магистратам и др.
17. Несмотря на огромное влияние некоторых проконсулов на политическую ситуацию в городе Рима, формально они оставались

критически зависимыми от сотрудничества с ними магистратов, плебейских трибунов, сената и других акторов, уполномоченных действовать в сфере *domi*. При этом источники не сообщают имена тех магистратов, которые, подчиняясь неформальному лидерству промагистратов, обеспечивали им условия для выступления в гражданских *contiones* и сенате. Это показывает восприятие античными авторами неформальной стороны политического процесса как относительно более значимой для данных типов ситуаций.

18. В источниках не обнаруживается надежных случаев, когда промагистрат напрямую нарушил бы такие формальные ограничения, как запрет на пересечение городской границы Рима и отсутствие возможности самому официально созывать сенат, комиции и гражданские *contiones*. Критика одного промагистрата другим избегала прямых упреков в нарушении формальных ограничений власти промагистрата, но открыто подчеркивала узурпацию оппонентом контроля над неформальной инициативой, включая обвинения в применении манипуляций и угроз, нарушавших достоинство и свободу действий уполномоченных акторов сферы *domi*.

19. Параллельно развитию практики оказания промагистратами неформального влияния на сферу *domi* происходил процесс легализации отдельных поручений некоторым промагистратам в этой сфере, включая проведение собраний граждан с целью организации *cura annonae*, обеспечение безопасности города Рима, осуществление судебных полномочий вместо магистратов в городе.

20. По истечении магистратских полномочий триумвиры *rei publicae constituendae* оказались формально на положении проконсулов, однако регулярно вмешивались в сферу *domi*, что отразилось не только в нарративных, но и в эпиграфических текстах. После завершения триумvirата *r.p.c. ipso iure* к началу 32 г. действия Октавиана

демонстрируют способность проконсула замещать консулов, в том числе, в их роли председателей сената. Античные авторы, описывая ключевое заседание сената в начале года, подчеркивают контроль Октавиана над неформальной инициативой при помощи деталей, которые традиционно связывались с обладанием магистратским положением (место председателя, приоритет в озвучивании мнения, контроль над предоставлением слова, анонсирование повестки следующего собрания и др.), а также дополнительных элементов, которые в нарративах о ранней Империи будут тесно сопряжены с описаниями фигуры принцепса (вооруженная охрана).

21. Описание в источниках неформальной политической инициативы некоторых носителей переходных статусов между *privati* и *magistratus* выступало в качестве альтернативного способа характеристики политической ситуации наряду с описанием распределения формальных *honores* и *potestates*. Чем более подчеркнуто античными авторами значение неформальной инициативы, тем менее они склонны отмечать важность распределения магистратур, и наоборот.
22. Ранний Принципат являлся системой, в рамках которой поменялась относительная значимость двух способов описания политической ситуации в источниках. Если для нарративов об эпохе Республики характерно превалирование указаний на распределение *honores* и *potestates* (с важными, но относительно редкими исключениями), то Принципат нормализовал обратную ситуацию, при которой любой магистрат, наоборот, был, как правило, лишен реальной политической инициативы, так как она контролировалась принцепсом, чаще остававшимся на положении (в республиканском смысле) *privatus*.
23. В I в. до н.э. происходил процесс выработки римской *civitas* гибкого оперативного внеправового механизма реагирования на ситуации, в которых политическое лидерство, выраженное в формальном распределении *honores* и *potestates*, оказывалось неэффективным или

признавалось угрожающим стабильности Республики. Успешные политики из числа магистратов-десигнатов и промагистратов могли, опираясь на свой особый статус, в отдельных случаях компенсировать неспособность действующих магистратов осуществлять руководство римской гражданской общиной. Соответственно, действующие магистраты, поведение которых воспринималось как угрожавшее Республике, могли быть «нейтрализованы» без формального лишения должности или умаления достоинства занимаемой ими магистратуры.

24. Неформальная политическая инициатива явилась «компенсаторным» механизмом, необходимым для предотвращения катастрофического сценария потери доверия граждан к политическому классу в целом, а также для сглаживания остроты конфликтов внутри последнего, т.е. она играла роль стабилизирующего фактора. В эпоху Республики этот механизм на практике лишь дополнял существующую систему распределения формальных полномочий. Однако в дальнейшем он стал регулярным и был положен в основание режима раннего Принципата: уже не как средство *ad hoc* компенсации недостатков республиканской конституции, а как способ перманентного обхода ограничений, которые система республиканских магистратур накладывала на принцепса.

Структура исследования. Диссертация состоит из введения, пяти глав, заключения, списка использованных источников и литературы, приложений.

ГЛАВА 1.

PRIVATI КАК САМОСТОЯТЕЛЬНЫЕ СУБЪЕКТЫ ПОЛИТИКИ В РИМСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Проанализируем ряд пассажей источников, где можно наблюдать самостоятельные политические действия *privati*, которые не оказывались в переходном положении. Этот раздел не претендует на исчерпывающую полноту. Его цель – сформулировать вопросы и обозначить затруднения, с учетом которых можно будет приступить к рассмотрению собственно переходных статусов между *privati* и *magistratus*.

§1. Значение самостоятельного политического действия: *magistratus, privati* и народные сходки¹

Как отмечалось во введении, современные исследователи рассматривают публичные выступления – важную составляющую политической коммуникации в республиканском Риме в качестве инструмента, полностью контролировавшегося магистратами. *Privati* (частные лица) могли использовать этот инструмент лишь в той мере, в какой председательствующий магистрат официальной народной сходки (*contio*) был готов им это позволить². Однако ограничения данного подхода становятся

¹ Основные выводы параграфа опубликованы в работе: Frolov R.M. The ‘Wrong’ Meetings? Some Notes on the Linked Usage of the Terms *coetus* and *contiones* in the Political Language of the Roman Republic // *Institutions and Ideology in Republican Rome: Speech, Audience and Decision* / Eds. H. Van der Blom, C. Gray, C. Steel. Cambridge: Cambridge University Press, 2018. P. 236–225. Также см.: Фролов Р.М. Coetus как обозначение политических собраний в корпусе сочинений Цицерона // *Проблемы истории, филологии, культуры*. 2013. №3 (41). С. 26–32.

² См. особенно работы Ф. Пина Поло (Pina Polo F. *Las contiones...*; Pina Polo F. *Procedures and Functions of Civil and Military contiones in Rome* // *Klio*. 1995. Vol. 77. P. 203–216; Pina Polo F. *Contra arma verbis...*; Pina Polo F. *Public Speaking in Rome: A Question of auctoritas* // *The Oxford Handbook of Social Relations in the Roman World* / Ed. by M. Peachin. Oxford: Oxford University Press, 2011. P. 286–303). Из числа более поздних исследований ср.: Walter U. *Politische Ordnung...* S. 61–62, 205–206; Mouritsen H. *Politics...* P. 16–17, 62. Основные

очевидными, как только мы обращаем внимание на несанкционированные политические сходки римских граждан. Безусловно, можно строго разделить несанкционированные и официальные собрания для произнесения речей и анализировать их отдельно, как если бы они представляли собой принципиально различные феномены³. Но не всегда это оказывается возможным на практике. Известны случаи, когда сначала действовали рядовые граждане, выступая *sua sponte*, «по собственной инициативе», а уже затем проводилась магистратская *contio*, оказываясь практически автоматическим следствием такой активности граждан⁴. При таком сценарии магистрат формально действительно «созывает» собрание – и именно об этом обычно сообщается в источниках, – но инициатива проведения собрания принадлежит не ему, а гражданам, которые до появления магистрата собрались и потребовали какой-то реакции⁵.

подходы к изучению *contiones*, их типологизация, функции, рассмотрены мною в работах: Фролов Р.М. *Morstein-Marx R. Mass Oratory and Political Power in the Late Roman Republic*. Cambridge, 2004. XIV, 313 p. // Проблемы истории, филологии, культуры. 2009. №4. С. 264–277; Фролов Р.М. Виды и основные функции римских народных сходок (*contiones*) в эпоху Республики // Проблемы истории, филологии, культуры. 2011. №2. С. 3–18; Фролов Р.М. Этапы законодательного ограничения...; Фролов Р.М. Возможности использования базы данных о проведении римских *contiones* // Вестник Ярославского государственного университета. Серия Гуманитарные науки. 2011. №3. С. 32–36; Фролов Р.М. Гражданские *contiones* в Римской империи начала III в. н.э. и *testamentum comitiis calatis* в раннем Риме // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2012. Т. 3. Выпуск 8 (16). URL: <https://history.jes.su/s207987840000458-2-1/>; Фролов Р.М. *Community and Communication: Oratory and Politics in Republican Rome*. Ed. by C. Steel, H. van der Blom. Oxford: Oxford University Press, 2013. XI, 401 p. // Вестник древней истории. 2014. №3 (290). С. 204–213.

³ Ср.: O'Neill P. *Going Round in Circles: Popular Speech in Ancient Rome* // *Classical Antiquity*. 2003. Vol. 22. P. 135–176; Mueller H.-F. *Nocturni coetus...*; Logghe L. *Plebeian Agency...*; Knopf F. *Circuli...*

⁴ Ср, однако, Virlouvet C. *Famines et émeutes à Rome des origines de la République à la mort de Néron*. Rome: École Française de Rome, 1985. P. 68. По поводу выражения *sua sponte*, ср. Liv. 34.5.3: *ut in dubio poneret utrum id quod repnderet matronae sua sponte an nobis auctoribus fecissent* (о собраниях женщин в связи с выступлениями против *lex Oppia* в 195 г.). Следует также обратить внимание на то, что *auctor* здесь определенно означает именно инициатора действия, а не того, кто оказывал поддержку уже артикулированной идее (по поводу этой терминологии см. ниже).

⁵ См.: Дементьева В.В., Фролов Р.М. Несанкционированные гражданские *contiones* как общественно-политический институт Римской республики // Вестник древней истории. 2009. №4. С. 63–88. Указания на такого рода комбинацию не редки. Ср., напр., Liv. 22.7.6–8 (...*concursus in forum populi est factus ... et cum frequentis contionis modo turba in comitium et curiam versa magistratus vocaret, tandem haud multo ante solis occasum M. Pomponius praetor “pugna” inquit “magna victi sumus”*). Кто «созвал» *contio*, на которой претор сделал

Тем не менее, действительно, античные авторы практически никогда не называют немагистратские собрания термином *contiones*, сохраняя это слово (в основном) в качестве средства обозначения магистратских сходов. Такая терминологическая традиция показательна сама по себе, но возникает вопрос о том, как политическая реальность несанкционированных собраний отражается на фоне указанной терминологической тенденции.

Два латинских понятия, *coetus* и *contio*, чаще всего используются для указания на собрания, на которых не принимались официальные решения, но произносились речи политического содержания. Исследователи нередко противопоставляют реалии, которые обозначались этими категориями, но *coetus* и *contio* нельзя рассматривать как строго противопоставленные друг другу равновеликие понятия. Если *contio* подразумевает политическое собрание с более или менее четким набором специфических характеристик (не принимающее решений, чаще всего легальное и легитимное, публичное и официальное), то *coetus* – это даже не обязательно собрание, тем более политическое, с определенными атрибутами. Это обстоятельство далее подводит к двум соображениям.

Во-первых, даже когда термин *coetus* используется для обозначения политических собраний, он каждый раз применяется существенно по-разному. Хотя он может служить противоположностью *contio*, указывая на собрание, которое является ограниченным по масштабу или доступу к нему, неофициальным, незаконным, термин также используется как более общее, неточное понятие, которое может служить как простой заменой слова *contio* в его более конкретном значении «официальная сходка» (без дополнительных коннотаций), так и уничижительным по оттенку эквивалентом *contio*. Таким образом, когда мы видим, что *coetus* используется для обозначения политического собрания, само по себе это обстоятельство (в отличие от

объявление? По поводу этого эпизода также см.: Schmitt T. “He Took Care of the City and Supported It”: Initiative as a Prerequisite for Fabius’ *cunctatio* // Leadership and Initiative in Late Republican and Early Imperial Rome / Eds. R.M. Frolov, C. Burden-Strevens. Leiden; Boston: Brill, 2022. P. 213–244.

случаев употребления *contio*) не дает конкретной информации, если отсутствует более широкий контекст⁶.

Во-вторых, поскольку *contio* – более точный термин, его применение по отношению к собранию, даже если из контекста мы знаем, что оно не похоже на типичную *contio*⁷, должно означать, что собрание обладает хотя бы некоторыми специфическими чертами *contio*. Как будет показано ниже, такое употребление слова *contio* прежде всего подчеркивает важность политических последствий собрания, вне зависимости от его оценки. В некоторых пассажах собрания, которые обычно не рассматриваются исследователями как *contiones*, поскольку они были организованы *privati*, либо прямо называются *contiones*, либо уподобляются им. Особенно интересны случаи, когда термины *coetus* и *contio* обозначают одно и то же собрание.

Так, Цицерон называет собрание, проведенное Катилиной во время его консульской предвыборной кампании, *contio domestica*, несмотря на то что

⁶ Термин *coetus* без дальнейших уточнений наиболее последовательно указывает на незаконные собрания в более поздних юридических текстах (*Lex Irnitana* 74; ср. *Lex coloniae Genetivae* 106), но даже в этом случае нередко возникает необходимость уточнять *coetus* такими определениями как *illicitus* (*Dig.* 47.11.2; *Plin. Ep.* 10.93). Если рассматривать более ранние нормы, то, как показывает фрагмент *Declamatio in Catilinam*, децемвиральное законодательство запрещало не любые *coetus*, а именно ночные *coetus* в городе (*Declamatio in Catilinam*, 65 Kristoferson: *ne quis in urbe coetus nocturnos agitaverit*). Цицерон применяет термин *coetus* по отношению к тайным ночным собраниям плебейских трибунов-десигнатов в 64 г., на которых П. Сервилий Рулл, его коллеги и «некоторые частные лица» обсуждали разработку нового аграрного закона. Можно было бы подумать, что *coetus* всегда указывает на опасные ночные собрания. Однако в речи против Пизона Цицерон называет сенаторов, слушающих его, *coetus* «самых образованных и выдающихся людей» (*Pis.* 68). Это же слово используется как простой синоним *contio* во второй Филиппике (*Phil.* 2.63). Фраза *in coetu vero populi Romani* выступает здесь синонимом *in populi Romani conspectu*, что, в свою очередь, обычно используется в источниках как замена выражения *in contione populi* (подробнее см. гл. 4, §2.6). В последних двух случаях *coetus* не несет уничижительного значения (Ср.: Hellegouarc'h J. *Le vocabulaire latin...* P. 92–93). Употребление термина *coetus* для обозначения официальных собраний не ограничено трудами Цицерона. Так, Асконий сообщает о разгоне собрания сторонников плебейского трибуна Гая Манилия в 67 г. (45C), однако технически ничем иным это собрание, кроме как *contio*, официально созванной трибуном, быть не могло (подробнее см.: Frolov R.M. *The 'Wrong' Meetings? Some Notes on the Linked Usage of the Terms coetus and contiones in the Political Language of the Roman Republic // Institutions and Ideology in Republican Rome: Speech, Audience and Decision / Eds. H. Van der Blom, C. Gray, C. Steel. Cambridge: Cambridge University Press, 2018. P. 239–244).*

⁷ В таких случаях следовало ожидать, что оно будет обозначено словом *coetus* (в значении неофициальное, незаконное собрание) или каким-либо другим, но не *contio*.

Катилина был *privatus*⁸. По мнению Дж. Тейтема, это выражение является «поразительным оксюмороном». Он отмечает: «Очевидно, что оно подразумевает не последовательность частных бесед, а выступление перед аудиторией, пусть и частной». Дж. Тейтем предполагает, что *contio domestica* Цицерон назвал стандартный церемониальный визит (*salutatio*) в контексте предвыборной кампании Катилины. Цицерон «надеялся, что его слушатели вместо этого будут ассоциировать это собрание со зловещими ночными заседаниями Катилины» (которые на самом деле он организовал лишь позднее)⁹. Я согласен с Дж. Тейтемом в том, что, используя термин *contio*, Цицерон пытался подчеркнуть специфический характер этого собрания, не только особенности его организации, но и политические последствия, которые были нехарактерны для обычной *salutatio*, проводимой в доме частного лица. Даже если это собрание, в отличие от несанкционированных плебейских соборщ, описанных Ливием (см. ниже), на самом деле могло быть не столь важным, Цицерон был заинтересован в том, чтобы представить его как можно более опасным. Чтобы создать такое впечатление, наряду со словом *coetus* он использует термин *contio*¹⁰.

На этом фоне примечательно сообщение Саллюстия о собрании вооруженных сторонников Катилины в Этрурии в 62 г., состоявшемся перед решающей битвой (*Cat.* 57). Когда Катилина покинул Рим, он оставался

⁸ Cic. *Mur.* 50: *meministis enim, cum illius nefarii gladiatoris voces percrebruisent quas habuisse in contione domestica dicebatur...* («Вы определенно помните о том, как слова этого нечестивого гладиатора, которые, как говорят, он произнес на домашней *contio*, стали широко известными...»).

⁹ Tatum J. *Campaign Rhetoric // Community and Communication: Oratory and Politics in Republican Rome* / Eds. C. Steel, H. Van der Blom. Oxford: Oxford University Press, 2013. P. 146–147. Также см.: Fantham E. *Cicero's Pro L. Murena Oratio*. New York: Oxford University Press, 2013. P. 154.

¹⁰ Саллюстий, в свою очередь, применяет более общий термин *conventus* (*Cat.* 20–21). В 64 г. сам Цицерон описывал собрание в частном доме во время предвыборной кампании, такое как у Катилины, иначе: ... *domum Catilinam et Antoniam cum sequestribus suis convenisse* («Катилина и Антоний собрались со своими сторонниками в доме...»; ap. Asc. 83C). Возможно, формулировка «домашняя *contio*» была изобретением Цицерона, позже заимствованным Ливием (также см.: Tatum J. *Campaign Rhetoric*... P. 147, n. 56, и далее). Цицерон, описывая собрание катилинариев в 63 г., назвал его «нечестивым соборщом» (*coetus nefarius*: *Cat.* 1.6, 10).

privatus¹¹. Тем не менее собрание в Этрурии Саллюстий прямо называет *contio*. Никаких уничижительных форм или определений, которые могли бы указывать на собрание в формате, отличающемся от магистратских воинских *contiones*, не применяется. Хотя исследователи обычно допускают возможность созыва воинских *contiones* частными лицами — военными командирами и офицерами, — в данном случае речь идет о лидере вооруженных мятежников¹². Катилина не был официально назначен командующим (статус претория никак не мог легализовать созыв им *contio* в качестве *privatus*). Более того, он не только собрал войска без разрешения, но и открыто противостоял законно избранным магистратам и сенату с помощью вооруженных сил¹³. Все это не привело Саллюстия к отказу от употребления термина *contio*.

Возникает вопрос о причинах появления в данном случае самого термина *contio* вместо какого-нибудь выражения, только уподоблявшего собрание «настоящей» *contio*, например, *in contionis modum*. Обратим внимание на то, что собрание в Этрурии происходило при дневном свете и не было тайным. Катилина стоял во главе армии, которая признавала его лидерство, включая, следовательно, его право проводить собрания. Поскольку собрание было не только открытым и публичным, но и состояло из вооруженных людей, оно, по крайней мере (если отвлечься от вопроса о его законности), сильно напоминало воинские *contiones*. По все видимости, этого оказалось достаточно, чтобы Саллюстий применил рассматриваемый термин. Так он подчеркнул фундаментальное сходство несанкционированного собрания с магистратскими (в данном случае воинскими) *contiones*,

¹¹ Впрочем, согласно Аппиану (*BC*. 2.3), Катилина приказал некоторым из своих сторонников идти перед ним с фасками, как если бы он был проконсулом (также см. *Sall. Cat.* 36.1). Как сообщает Кассий Дион, Катилина называл себя консулом (37.33).

¹² По поводу этого примера см.: Pina Polo F. *Las contiones...* P. 200, 335, № 81 (собрание Катилины включено в список воинских *contiones*, что как мне представляется, противоречит общей концепции Ф. Пина Поло).

¹³ Ср. случай 212 г., когда после гибели командиров остатки римской армии в Испании возглавил Л. Марций Септим, римский всадник, который (согласно Ливию, 25.37–9) неоднократно созывал *contiones* (см. гл. 1, §2).

определенно без какого-либо саркастического или иронического оттенка. Угроза со стороны заговорщиков была слишком серьезной и недавней, чтобы Саллюстий мог позволить себе шутливый тон. Примечательно, что, несмотря на враждебность наших источников по отношению к Катилине и, что более важно, поражение последнего, Саллюстий не использует никаких уничижительных конструкций для описания собрания катилинариев. Возможно, это помогает историку положительно оценить способности Катилины как военного лидера; даже очевидная незаконность его действий не стала здесь препятствием.

На мой взгляд, этот случай показывает, что цель античных авторов при использовании «легитимирующей терминологии» для описания таких собраний заключалась, прежде всего, в том, чтобы подчеркнуть их значимость, масштабность (и уже как следствие этого, возможно, и их опасный характер), а также некоторую организационную специфику, и только во вторую очередь показать (если об этом вообще можно говорить), что эти собрания не соответствовали определенным правилам или стандартам. Сходным образом в тексте Тацита мы видим, что несанкционированные, ночные, ограниченные по масштабу собрания солдат обозначаются *coetus* и *nocturna conloquia*. Такое описание уже ясно показывает читателю их незаконность. С другой стороны, организатор собраний, в рамках которых имели место еще более значительные и опасные публичные выступления, описывается не просто как зачинщик *coetus* и *nocturna conloquia*, но и как предводитель, произносящий речь «словно на *contio*» (*velut contionabundus*: Тас. *Ann.* 1.16–20). Следовательно, применение деривата термина *contio* призвано было подчеркнуть степень важности собраний, также обозначаемых словом *coetus*, а также, вероятно, высокую степень их публичности.

Такого рода связь между категориями *contio* и *coetus* прослеживается и в труде Ливия. Так, Ливий (2.27–28) повествует о проведении плебеями *coetus nocturni* (ночных собраний), целью которых была координация последующих

согласованных действий на форуме в дневное время¹⁴. Согласно анналистической традиции, вскоре после основания Республики (495–494 гг.) среди плебеев шли разговоры о сецессии. Еще более пагубными, по словам Ливия, были тайные собрания (*occulta conloquia* и *coetus nocturni*). Ливий сообщает, что сенаторы обвиняли консулов в неспособности предотвратить эти собрания, сокрушаясь, что «Республика была рассеяна и разделена на тысячу курий и *contiones*». Таким образом, Ливий, по меньшей мере, сближает плебейские *coetus* с официально санкционированными *contiones*¹⁵. Возникает вопрос о причинах такого словоупотребления.

Х.-Ф. Мюллер полагает, что термин *contiones* используется здесь как замена *coetus*, применяемого по отношению к тем же собраниям в предыдущих и последующих пассажах. «Словарь легитимных собраний» применяется «с целью уничижительного сарказма»¹⁶. П. О’Нилл также усматривает в этом фрагменте фигуру сарказма или иронии, хотя он предполагает, что «под прикрытием» термина *contiones* Ливий на самом деле имел в виду *circuli*, т.е. небольшие «кружки», группы людей, обсуждающих текущий политический момент¹⁷.

¹⁴ В данном случае, оценка историчности самих этих собраний не относится к сути вопроса.

¹⁵ Liv. 2.27.13–28.3: *crescere inde malum in dies, non clamoribus modo apertis sed, quod multo perniciosius erat, secessione occultisque conloquiis. ... tum vero plebs incerta quales habitura consules esset, coetus nocturnos, pars Esquiliis, pars in Aventino facere, ne in foro subitis trepidaret consiliis et omnia temere ac fortuito ageret. eam rem consules rati, ut erat, perniciosam ad patres deferunt, sed delatam consulere ordine non licuit; adeo tumultuose excepta est clamoribus undique et indignatione patrum, si quod imperio consulari exsequendum esset, invidiam eius consules ad senatum reicerent: profecto si essent in re publica magistratus, nullum futurum fuisse Romae nisi publicum concilium; nunc in mille curias contionesque dispersam et dissipatam esse rem publicam.* «Зло между тем возрастало день ото дня, и не столько в открытых шумных беспорядках, сколько в тайных сборищах и разговорах, что гораздо опаснее. ...Однако плебеи, не зная, чего ждать от этих консулов, собирались по ночам, кто на Эсквилине, кто – на Авентине, чтобы потом на форуме быть готовыми быстро принять решение и не действовать опрометчиво и наудачу. Это консулы справедливо сочли опасным и обратились в сенат, но даже обсудить их сообщение обычным порядком не удалось: такой шум и крик поднялся со всех сторон, так негодовали сенаторы, что в деле, которое подвластно консулам, ненависть к себе они перекладывают на сенат. Конечно, говорили они, будь в государстве настоящие правители, не было бы в Риме собраний, кроме общенародного; теперь же по тысяче курий и народных сходок рассеяно и разделено общее дело – иные на Эсквилине, а иные на Авентине» (пер. Н.А. Поздняковой).

¹⁶ Mueller H.-F. *Nocturni coetus*... P. 82–83.

¹⁷ O’Neill P. *A Culture of Sociability*... P. 100–102, 271–272.

Замечу, однако, что сарказм никак не соответствует общей тревожной атмосфере рассказа Ливия. На мой взгляд, вместо «уничжительного сарказма» логичнее усматривать в данном случае прямое сравнение плебейских *coetus* с «официальными» *contiones*, основанное на их реальном сходстве с точки зрения политической значимости, обусловленной эффектом произносимых речей. Даже если предположить возможность сарказма или хотя бы некоторой иронии в рассматриваемом пассаже, важнейшим посылом Ливия (ради которого вводится ирония) не могла быть мысль о том, что эти ночные плебейские собрания были несанкционированными, так как это очевидно и без каких-либо сложных иронических аналогий с «настоящими» *contiones*. Такого рода аналогии должны были поэтому служить средством показать, что описываемые сходки были настолько опасны и оказывали настолько существенное влияние на *res publica*, что стали сопоставимы с магистратскими *contiones* и даже угрожали стать заменой публичному собранию (*publicum concilium*), т.е. вызовом власти сената и (с точки зрения самих сенаторов) самому существованию Республики¹⁸. Использование слова *contio* в таком контексте сразу же сигнализирует читателю о разрушительном потенциале плебейских собраний, не контролируемых патрицианскими магистратами.

Тезис о том, что Ливий сравнивает несанкционированные *coetus* и официальные *contiones* в прямом смысле, а не ироническом ключе, может быть дополнительно подтвержден другим примером одновременного использования обоих терминов в труде Ливия. Сп. Мелий, как сообщает Ливий, устраивал собрания плебеев в своем доме для обсуждения захвата

¹⁸ Ср.: O'Neill P. A Culture of Sociability... P. 101–102. Важно, что в рамках логики последующего повествования Ливия именно эти плебейские собрания привели к фундаментальному и весьма конструктивному изменению в конституции – учреждению плебейского трибуната. Без упоминания «опасных ночных собраний» было бы совершенно непонятно, почему это изменение вообще произошло. Таким образом, тенденция античной традиции очевидна из нее самой: критические оценки плебейских сходок следует воспринимать с осторожностью.

власти¹⁹. В пределах одной главы Ливий успевает назвать эти собрания как «плебейскими *coetus* в частном доме» (*coetus plebis in privata domo*), так и «домашними *contiones*» (*contiones domi*). На мой взгляд, это происходит по причине того, что описываемые собрания имели настолько значительные политические последствия, что они казались вполне сопоставимыми с магистратскими *contiones*, даже несмотря на то, что проводились, как сообщается, в частном доме²⁰. Трудно представить ситуацию, менее подходящую для ироничных или двусмысленных замечаний.

Таким образом, какими бы ни были организационные (место проведения, степень публичности) или институциональные различия между домашними *contiones/coetus* и магистратскими публичными собраниями, между ними должно было существовать принципиальное сходство, которое позволяет Ливию применять не какое-то иное обозначение для политических собраний, а именно термин *contio*.

Рассказ Ливия о запрете вакханалий 186 г. также показателен. Хотя *nocturni coetus* вакхантов, безусловно, не были (пока?) политическими собраниями, они угрожали всему социально-политическому порядку. Именно поэтому Ливий вкладывает в уста консула злое предупреждение: «этой *contio*, законно созванной консулом при дневном свете, может стать равной

¹⁹ Liv. 4.13.8–10 (440–438 гг.): *hic Minucius ... ad senatum defert: tela in domum Maeli conferri, eumque contiones domi habere, ac non dubia regni consilia esse. ... quae postquam sunt audita, cum undique primores patrum et prioris anni consules increpant quod eas largitiones coetusque plebis in privata domo passi essent fieri, et novos consules...* «Этот Минуций ... представил в сенат достоверные (ведь у обоих дома толклись одни и те же люди) сведения о том, что в доме Мелия имеется склад оружия и бывают сходки и сам он наверняка замыслил стать царем. ...Когда все это было выслушано, знатнейшие сенаторы в один голос разбранили и прошлогодних консулов – за то, что при их попустительстве состоялись раздачи и сходки, и консулов новых...». (Пер. Г.Ч. Гусейнова). Ср. Dion. Hal. *Ant. Rom.* 12.1–4.

²⁰ В этом, следует признать, состоит их серьезное отличие от официальных *contiones*, проводившихся на открытых пространствах. Однако Орозий использует ту же самую фразу – *contio domi* (возможно, заимствуя это выражение у одного из более ранних авторов) – для описания домашнего собрания, созданного должностным лицом, мятежным плебейским трибуном Сатурнином (Oros. 5.17.6; ср. Flor. 2.4.4). Таким образом, *contio domi* служит готовым шаблоном для описания подготовительных действий к мятежу, независимо от того, кто их организует – должностные лица или *privati*.

ночная *contio*»²¹. В этом утверждении причина сравнения *coetus* участников вакханалий с официальными *contiones* выражена наиболее ясно. Перефразируя слова самого Ливия: эти *coetus* могут в будущем достичь такой политической значимости, что станут полноценной заменой легальных собраний. Тот факт, что на данный момент они не имели ничего общего с «правильными» собраниями, уже очевиден для читателей Ливия и должен восприниматься как само собой разумеющийся. Следовательно, обращение к «легитимирующему словарю» направлено не на ироничное подчеркивание незаконности собраний, не на их противопоставление официальным собраниям (все это уже ясно), а, напротив, призван показать, что *nocturni coetus* были настолько схожи с магистратскими *contiones* с точки зрения их политической значимости, что заслуживают того же общего обозначения.

Таким образом, в римской нарративной традиции можно выделить описания двух типов политических собраний, на которых не принимались решения, но произносились речи: «настоящие» и «легитимные» (*verus, legitimus*) в противовес «преступным» и «опасным» (*nefarius, perniciosus* и т.д.). Граница между ними во многом определялась не статусом председателей, а политической оценкой данных собраний античными авторами. Среди «неправильных» сходов оказываются как несанкционированные собрания, организованные *privati*, как в рассказе о Катилине, так и *contiones*, созванные должностными лицами (как, вероятно, в случае Г. Манилия в 67 г. и, несомненно, с точки зрения Цицерона, многих других трибунов). Неофициальные собрания могли быть оценены негативно (когда автор был заинтересован в этом) уже на том основании, что *privati* вмешивались в политический процесс, принимая на себя роль независимых, активных организаторов политической коммуникации в формате, по меньшей мере, похожем на формат магистратских *contiones*. Но даже некоторые из последних могли подвергаться осуждению, если магистрат использовал *potestas contionandi* «неправильным образом». Терминология в этом случае

²¹ Liv. 39.16.4: ...huic diurnae, legitime ab consule vocatae, par nocturna contio esse poterit.

служит отчасти инструментом описания реальных особенностей политических собраний, отчасти средством их оценки сообразно с политическими целями и предпочтениями конкретного автора или его источников.

Употребление «легитимирующей» терминологии для политической оценки деятельности тех, кто не принадлежал к числу магистратов, как сопоставимой по своей значимости с активностью магистратов, видно и в описаниях лиц «переходных статусов» между *privati* и *magistratus*. Другое важное для последующего анализа наблюдение состоит в том, что политическая инициатива плебса и организация сходов оказываются возможными потому, что магистраты не выполняют возложенные на них функции (ср., например, Liv. 2.28.3: *si essent in re publica magistratus*). Такая взаимосвязь наблюдается и в описаниях античными авторами условий для политической активности граждан «переходных статусов». Наконец, необходимо подчеркнуть, что помимо масштаба и важных политических последствий, одной из причин сравнения некоторых санкционированных собраний с магистратскими, было то, что они организовывались конкретными *privati*, которые, следовательно, имитировали критически важную составляющую статуса магистрата – способность самостоятельно инициировать публичное обсуждение без помощи других акторов. При изображении таких несанкционированных собраний античная нарративная традиция рисует ту же картину, как и в случае магистратских сходов: вместо хаотичного обсуждения или, например, конкуренции нескольких ораторов, пытающихся привлечь внимание, описывается собрание, в котором на первом плане оказывается один индивид, *privatus*, председательствующий на собрании точно так же, как магистрат должен был председательствовать на своей *contio*. И *privati* на организованных ими собраниях, и магистраты в официальных *contiones* оказываются в изображении античных авторов самостоятельными акторами, проявляющими индивидуальную политическую инициативу и контролирующими «повестку дня».

§2. Когда Л. Юний Брут стал *tribunus celerum*? Условия политического лидерства *privati*²²

Легенда о Л. Юнии Бруте, основателе Республики, изгнавшем царей, неоднократно становилась предметом изучения с точки зрения выяснения этапов ее постепенного развития. В рамках такого подхода та или иная деталь мифа приобретает смысл, если понимать ее как новацию, привнесенную в легенду в определенный момент истории Республики²³. Я предлагаю проанализировать традицию о Бруте под другим углом и задаться вопросом о том, что легенда об основателе Республики сообщает нам по поводу конкретных условий, выполнение которых было, с точки зрения античных авторов, обязательным, чтобы политическое лидерство *privatus* стало возможным и даже необходимым?

Ключевое, с этой точки зрения, противоречие в античной традиции о Бруте состоит в следующем. В то время как Цицерон подчеркивает, что Брут был *privatus*, когда сверг Тарквиния (*Rep.* 2.46), Ливий (1.59.7), Дионисий Галикарнасский (*Ant. Rom.* 4.71.6) и некоторые другие авторы (*Serv. Aen.* 8.646; *Dig.* 1.2.2.15) сообщают, что он занимал должность *tribunus celerum*.

В историографии часто отмечалось, что Цицерон обращался к легенде об основателе Республики и при этом изображал Брута в качестве *privatus*, потому что Арпинат стремился таким образом проиллюстрировать мысль о том, что «в деле сохранения свободы сограждан никто не является частным

²² Основные выводы параграфа опубликованы в работе: Frolov R.M. *Privatus or tribunus celerum? The Myth of Lucius Brutus and the Political Role of Private Individuals // Myth and History in the Historiography of Early Rome / Eds. T. Cornell, N. Meunier, D. Miano. Leiden; Boston: Brill, 2023. P. 122–139.*

²³ См., напр.: Wiseman T.P. *The Legend of Lucius Brutus // The Roman Historical Tradition: Regal and Republican Rome / Ed. F. Santangelo. Oxford; New York: Oxford University Press, 2014. P. 129–145.*

лицом» (*Rep.* 2.46: *in conservanda civium libertate esse privatum neminem*)²⁴. В противоположность этому, Ливий и Дионисий якобы ставили цель показать, что Брут был должностным лицом, а значит провозглашение Республики произошло легальным путем²⁵.

Версия о том, что Брут был *privatus*, обычно считается более ранней. Антиковеды отмечали, что в самой первой сохранившейся версии легенды о Бруте – в отрывке из Акция – Брут притворялся глупцом, а глупец вряд ли мог быть поставлен царем на такую важную должность как *tribunus celerum*²⁶.

Т. Моммзен считал версию о наличии у Брута статуса *tribunus celerum* более поздним вариантом традиции, по его оценке явно «неуклюжим»²⁷. Если это так, то что-то должно было заставить античных авторов все-таки предложить такую «неуклюжую» версию. Некоторые исследователи пытались найти причину и определить момент, когда произошло предполагаемое изменение. Поскольку Цицерон все еще называет Брута *privatus*, версия о *tribunus celerum* должна была быть введена Ливием и Дионисием или, по крайней мере, стать основной в их время. Если это так, то можно предположить, что каким-то образом с этим мог быть связан Август. Однако даже если допустить все это²⁸, остается неясным, как согласовать

²⁴ Galinsky K. *Augustan Culture...* P. 49–50; Welwei K.-W. *Lucius Iunius Brutus: Zur Ausgestaltung und politischen Wirkung einer Legende // Res publica und imperium. Kleine Schriften zur römischen Geschichte.* Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2004. S. 19.

²⁵ Ogilvie R.M. *A Commentary on Livy. Books 1–5.* Oxford: Clarendon Press, 1965. P. 228. Ср.: Fögen M.T. *Römische Rechtsgeschichten. Über Ursprung und Evolution eines sozialen Systems.* Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2002. S. 30–31.

²⁶ Schur W. *Lucius Iunius Brutus // Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Suppl. V.* Stuttgart: J.B. Metzler, 1931. Sp. 359; Ogilvie R.M. *A Commentary on Livy...* P. 195–196, 228; Martin P.-M. *Le mythe de Brutus, fondateur de la République romaine // Annales Latini Montium Arvernorum.* 1982. Vol. 9. P. 7; Mastrocinque A. *Lucio Giunio Bruto. Ricerche di storia, religione e diritto sulle origini della repubblica romana.* Trento: La Reclame, 1988. P. 32.

²⁷ Mommsen Th. *Römisches Staatsrecht. Bd. I.* S. 193–194.

²⁸ Уже по причинам хронологии такое допущение, во всяком случае в отношении Ливия, весьма неубедительно. Ср.: Luce T.J. *The Dating of Livy's First Decade // Transactions and Proceedings of the American Philological Association.* 1965. Vol. 96. P. 209–240; Burton P.J. *Livy's Preface and its Historical Context // Scholia.* 2008. Vol. 17. P. 70–91; Mineo B. *Introduction: Livy // A Companion to Livy / Ed. B. Mineo.* Chichester: John Wiley & Sons, 2014. P. xxxiv–xxxvii.

предполагаемое стремление Ливия и Дионисия легитимировать основание Республики именно за счет того, что Брут стал считаться *tribunus celerum* в момент изгнания царей, с явным акцентом самого Августа на его первых политических шагах в качестве *privatus*, спасшего государство (*Res Gestae* 1.1–3)²⁹. Как отметила Л. Ходжсон, Август «начинает свои *Res Gestae* не с предоставления ему империя, а с оправдания незаконного поведения, для компенсации которого империй был необходим»³⁰, то есть с оправдания несанкционированного вмешательства Августа в государственные дела в качестве *privatus*.

Возможно, не случайно, что П. Уайзман в статье, в которой он делает попытку «выстроить возможную "стратиграфию" различных версий легенды о Бруте», не предлагает «стратиграфии» изменений в интерпретации публично-правового положения Брута³¹. Однако К.-В. Вельвай не обошел этот момент молчанием. Он полагал, что конкретные исторические изменения спровоцировали изменения в этом элементе легенды.

Во-первых, К.-В. Вельвай отмечает, что республиканская³² или позднереспубликанская³³ норма заключалась в том, что политические действия могли осуществляться только под руководством компетентных институтов гражданского коллектива. Поэтому обращение к инициативе *privatus* могло рассматриваться как подстрекательство к мятежу³⁴. Но если это так, то не должно ли это было привести к более раннему развитию версии о Бруте как *tribunus celerum*, а не *privatus*?

²⁹ Как отмечает К. Галински (Galinsky K. *Augustan Culture*... P. 49–50), деяния *privatus* Брута стали одним из «источников вдохновения» для самого Августа. По поводу «идеологии *privatus*» см.: Béranger J. *Die Machtübernahme des Augustus*...

³⁰ Hodgson L. *Appropriation and Adaptation*... P. 257.

³¹ Wiseman T.P. *The Legend of Lucius Brutus*... P. 2014.

³² Welwei K.-W. *Lucius Iunius Brutus – ein fiktiver Revolutionsheld // Von Romulus zu Augustus. Grosse Gestalten der römischen Republik / Hrsg. K.-J. Hölkeskamp, E. Stein-Hölkeskamp. München: C.H. Beck, 2000. S. 55.*

³³ Welwei K.-W. *Lucius Iunius Brutus*... S. 19–20.

³⁴ Welwei K.-W. *Lucius Iunius Brutus – ein fiktiver Revolutionsheld*... S. 55–56.

Во-вторых, если следовать логике К.-В. Вельвая, то интерпретация Цицероном Л. Брута как *privatus* (сформулированная, по мнению исследователя, между 54 и 51 гг.) должна считаться модернизацией предыдущей версии легенды. По мысли К.-В. Вельвая, точка зрения Цицерона была спорной и опасной³⁵. Она была использована Октавианом, чтобы представить свой поход на Рим *privato consilio* (по частной инициативе) как борьбу за свободу³⁶. Но в таком случае выходит, что представление о Бруте как *privatus* на самом деле является не ранним, а, наоборот, поздним?

В-третьих, К.-В. Вельвай предположил, что ситуация вновь изменилась после легализации сенатом позиции Октавиана в начале 43 г. Во всяком случае, ко времени консолидации его власти около 30 г. Ливий и Дионисий уже передавали версию о Бруте как *tribunus celerum*³⁷. Означает ли это, что первоначальное понимание статуса Брута менялось, как минимум, дважды за довольно короткий период времени?

Эти вопросы подчеркивают трудности, неизбежно возникающие при попытках интерпретации легенды о Бруте и ее эволюции в римской историографии. К.-В. Вельвай предлагает рассматривать изменения в трактовке статуса Брута как отражение политических и идеологических сдвигов в римском обществе, особенно в переходный период от Республики к Империи. Однако точная хронология и причины этих изменений остаются предметом дискуссий.

Наконец, К.-В. Вельвай сам отмечает, что мы не можем быть уверены в наличии прямой связи между политическими изменениями, произошедшими после 44 г., и легитимирующей реинтерпретацией изгнания царей Л. Брутом. Исследователь рассматривает другую возможность, а именно то, что эти «новые версии» (К.-В. Вельвай имеет в виду интерпретацию *tribunus celerum*?) могли появиться еще до событий 44 г.³⁸. Это последнее замечание

³⁵ Welwei K.-W. Lucius Iunius Brutus – ein fiktiver Revolutionsheld... S. 55.

³⁶ Welwei K.-W. Lucius Iunius Brutus... S. 19.

³⁷ Welwei K.-W. Lucius Iunius Brutus – ein fiktiver Revolutionsheld... S. 56.

³⁸ Welwei K.-W. Lucius Iunius Brutus – ein fiktiver Revolutionsheld... S. 56.

показательно, потому что К.-В. Вельвай тем самым признает, что мотив для принятия версии о *tribunus celerum* в истории Брута мог существовать еще до прихода к власти Октавиана.

В финале своих рассуждений К.-В. Вельвай приводит веские основания полагать, что вряд ли возможно уверенно определить точный момент, когда произошли данные изменения³⁹, не говоря уже о вероятности того, что имел место простой однократный переход от версии о *privatus* к версии о *tribunus celerum*. Более того, учитывая предполагаемые даты этих изменений (сосредоточенные вокруг конца 50-х – конца 40-х гг.), становится логичным тезис о том, что две версии, фактически, сосуществовали. Строго говоря, сам К.-В. Вельвай нигде прямо не утверждает, что как только «новая» версия появилась, она вытеснила или хотя бы затмила «старую». (Почему тот или иной древний автор приводит только один вариант – другой вопрос.)

То, что статус Брута в представлении античных авторов не претерпел простого изменения от *privatus* к *tribunus celerum*, а всегда оставался неопределенным, дополнительно подтверждается историей Сервилия Агалы, который, как сообщает античная традиция, спас Республику, убив торговца зерном Сп. Мелия, посчитав его потенциальным тираном. Здесь также противоречие заключается в различных реконструкциях статуса главного протагониста – лидера, который ведет за собой сограждан и обеспечивает положительный исход дела. Однако в этом случае нам не нужно предполагать, могло ли понимание Агалы как *privatus* сосуществовать с мнением, что он был *magistratus*, и рассматривалась ли первая возможность всерьез. Достоверно известно, что «две совершенно разные традиции о Мелии... были распространены в 50-х гг. Одна представляла Агалу магистратом (*magister*

³⁹ М. Лоури сделал тот же вывод в отношении истории о Сервилии Агале (см. ниже), очень близкой к легенде о Бруте с точки зрения противоречия между определением статуса протагониста как *privatus* или как *magistratus*: «было множество моментов в период между Гракхами и Акцием, когда кто-то мог бы пожелать упорядочить архаическую историю» (Lowrie M. *Spurius Maelius: Dictatorship and the Homo Sacer // Citizens of Discord: Rome and Its Civil Wars* / Ed. B.W. Breed, C. Damon, A. Rossi. Oxford; New York: Oxford University Press, 2010. P. 180).

equitum), тогда как другая изображала его *privatus*, чьи действия технически были незаконными»⁴⁰.

В случае с Агалой Цицерон не испытывает дискомфорта, приводя разные варианты в разных случаях, тогда как Дионисий, хотя он, очевидно, предпочитает легитимирующую версию, все же упоминает и версию о *privatus*, не исключая ее полностью (см. ниже). То, что эта неопределенность по поводу статуса Агалы не артикулирована у Ливия, лишь демонстрирует, что он «сделал выбор в этом вопросе; он тоже мог предложить несколько возможностей», как справедливо отмечает Дж. Нил⁴¹. Таким образом, даже во времена Дионисия версия о *privatus* в истории Агалы оставалась допустимой. Могло ли быть нечто подобное в случае с Брутом?

Исследователи часто исходят из недоказанной посылки, согласно которой каждый из древних авторов (Цицерон, Ливий и другие) имел свою систему устойчивых представлений по поводу того, могли ли частные лица в принципе выступать в качестве независимых политических акторов. Т.е. предполагается, что если один античный автор считал последнее допустимым во всех случаях, то другой полностью отрицал такую возможность, также во всех случаях. Затем исследователями выдвигается предположение, что под влиянием этих общих, уже сложившихся представлений тот или иной автор должен был затем использовать историю Брута, чтобы показать, соответственно, либо что *privatus* мог реализовать действия, приписываемые Бруту, либо что последний мог выполнить свою задачу, только если был должностным лицом. Трудно согласиться с такой логикой рассуждений.

Брут в изображении Цицерона был не просто *privatus*, вовлеченным в «большую политику», но еще и действовал так, как это обычно ожидалось только от должностных лиц. Фактически, во всех дошедших до нас источниках, независимо от того, как в них понимается правовой статус Брута, он берет на себя политическую инициативу, контроль над ситуацией и

⁴⁰ Neel J. Reconsidering the *affectatores regni* // Classical Quarterly. 2015. Vol. 65. P. 236–237.

⁴¹ Neel J. Reconsidering the *affectatores regni*... P. 237. Также см. ниже.

направляет народное недовольство в нужное русло⁴². Как пишет Ливий, народ следовал за ним как за лидером (1.59.2: *sequuntur ducem*). Кратко рассмотрим теперь некоторые другие случаи, в которых *privatus* действует подобным образом.

Репрезентация Цицероном Брута предполагает, что политическое лидерство *privatus* вполне допустимо, если не необходимо. Однако не во всех случаях этот подход принимается великим оратором, даже если дело касается его самого. В речи «В защиту Сестия» (42–44, 47; также см. *Dom.* 91; *Planc.* 86–90) для оправдания своего решения отправиться в изгнание оратор указывает на препятствия, которые делали неразумным для него как *privatus* предпринимать действия, направленные против плебейского трибуна П. Клодия⁴³. В этой ситуации ни сенат, ни влиятельные лица, как поясняет Цицерон, не предоставили бы ему поддержки. Даже если бы *privatus* добился успеха в противостоянии с трибуном, после этого враждебные консулы выступили бы против Цицерона, что спровоцировало бы гражданскую войну⁴⁴.

⁴² Ср.: Robbins M.A. *Livy's Brutus* // *Studies in Philology*. 1972. Vol. 69. P. 7–9.

⁴³ Цицерон признает, что теоретически он мог бы прибегнуть к насилию против трибуна. Эта возможность рассматривается всерьез, во-первых, потому что нормальное функционирование республиканской системы уже было затруднено (ср.: Ramage E.S. *The Nature and Purpose of Augustus' «Res Gestae»*. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 1987. P. 152). Во-вторых, инициатива *privatus* в этом случае была бы направлена на благо государства. Комментируя другой пример политического лидерства со стороны частного лица, Г. Манувальд отмечает, что «согласно критериям Цицерона вмешательство *privatus* Сципиона Назики оправдано, поскольку оно служило интересам *res publica*» (Manuwald G. (ed.) *Cicero, Philippics...* P. 961). Однако этот критерий не является исчерпывающим.

⁴⁴ Как указывает Р. Кастер, «консулы, конечно, рассматривали бы свои действия как подавление беззакония, ничем не лучше того беззакония, которое совершал Катилина». Сомнения Цицерона здесь совпадают с опасениями, приписываемыми Помпею (Kaster R.A. *Cicero: Speech on Behalf of Publius Sestius*. Oxford: Oxford University Press, 2006. P. 218). Согласно Кассию Диону (38.17.4), Цицерон сначала все же решил прибегнуть к оружию как частное лицо, но был остановлен Катонем и Гортензием из-за опасений гражданской войны. Плутарх в жизнеописании Катона сообщает, что Катон советовал Цицерону не начинать мятеж и тем самым спасти Республику еще раз (Plut. *Cat. Min.* 35, ср.: Geiger J. A *Commentary on Plutarch's Cato Minor*. PhD Thesis. Oxford: Oxford University, 1971. P. 277–278). Также см.: Kelly G.P. *A History of Exile in the Roman Republic*. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. P. 111; Hodgson L. *Res Publica...* P. 232–238.

Уже упомянутый эпизод Сервилия Агалы также показателен в этом отношении. В зависимости от ситуации Цицерон применяет либо версию о *privatus*, либо версию о *magister equitum* к одному и тому же эпизоду, хотя эти вариации взаимно исключают друг друга. Его текущие политические и полемические цели определяют выбор. Словоупотребление Цицерона гибко, потому что он связывает Агалу то с *privatus* Сципионом Назикой, то с самим собой как консулом, защитившим государство от гибели⁴⁵.

Подобно Цицерону, Дионисий Галикарнасский приводит две интерпретации статуса Агалы, хотя и считает версию, в рамках которой Агала является *privatus*, менее достоверной. Однако, объясняя свои предпочтения, он не говорит, что она ненадежна, поскольку частное лицо в принципе не было способно осуществить действия, приписываемые Агале (*Ant. Rom.* 12.4.2–5). Это разительно отличается от настойчивых попыток Дионисия объяснить, почему статус *tribunus celerum* был технически незаменим для успеха Л. Брута⁴⁶.

⁴⁵ Neel J. Reconsidering the *affectatores regni*... P. 236–237.

⁴⁶ Еще одним независимым действующим лицом в эпизоде с Агалой является сам Спурий Мелий. Как у Ливия (4.13), так и у Дионисия (*Ant. Rom.* 12.1.6–11), он представлен как *privatus*, который созывает *contiones domi* (*coetus in privata domo*) и ἐκκλησίαι, соответственно. Согласно Ливию (4.21.3–4), несколько лет спустя плебейский трибун, также по имени Спурий Мелий, потребовал расследования действий тех, кто был ответственен за убийство торговца зерном Мелия. Появление Спурия Мелия в разных ролях в разные годы заставило некоторых исследователей предположить, что «ни его статус, ни датировка изначально не были фиксированными» (Raaflaub K. A. *Between Myth and History // A Companion to the Roman Republic* / Eds. N. Rosenstein, R. Morstein-Marx. Oxford: Blackwell Publishing, 2006. P. 132). Возможно, в другой (не сохранившейся) версии этого сюжета жертвой Агалы был плебейской трибун Мелий, а не частный гражданин Мелий. Было высказано предположение о том, что Ливий предпочел представить его как *privatus*, чтобы подчеркнуть незаконность его действий (Pina Polo F. *Las contiones*... P. 6). Но если это принять, то приходится также признать, что Ливий был готов приписать организацию массового собрания частному гражданину. Так или иначе, независимо от того, считалась ли эта политическая инициатива *privatus* законной или нет, Ливий о ней сообщает. Он также признает это собрание реальной угрозой для всей социально-политической системы. Более того, по крайней мере, Дионисий считал собрания Мелия настоящими *contiones* (=ἐκκλησίαι, что признается и Ф. Пина Поло, см.: Pina Polo F. *Las contiones*... P. 6). При этом он изображал их организатора как *privatus*. Таким образом, хотя в этом эпизоде греческий автор утверждает, что у римлян не было обычая для ἰδιώτης (частного лица) созывать ἐκκλησία, он сообщает о том, что именно это и происходило на практике.

Как видно, Ливий приводит из двух вариантов только легитимирующую версию в случае как с Брутом, так и с Агалой. Возникающее впечатление, согласно которому хотя бы этот автор систематически придерживался универсального принципа (а именно: *privatus* не мог осуществить действия, приписываемые Бруту и Агале), однако, вводит в заблуждение. В §3 я анализирую эпизод, показывающий, что Ливий считает не только возможным, но и оправданным, чтобы сенаторы-*privati* обращались к *contio* без согласия магистрата, если это может положить конец незаконному правлению вторых децемвиров, не менее тираническому, чем правление Тарквиния⁴⁷. Ливий изобразил бы эту историю иначе, если бы принципиально отвергал возможность для *privatus* проявлять политическую инициативу (в данном случае – спасти свободу от рук несправедливых правителей, произнося речь без официального разрешения). Даже если ситуация, оправдывающая такое вмешательство *privati*, необычна, это не влияет на вывод о том, что в принципе вмешательство частного гражданина могло быть засвидетельствовано и одобрено Ливием при выполнении некоторых условий⁴⁸.

Подобные случаи, надо признать, нечасты в повествовании Ливия, но они не уникальны, как может показать эпизод с римским всадником, *tumultuarius dux* Л. Марцием Септимом (Liv. 25.37–39; 26.2)⁴⁹. Марций волею случая стал командиром остатков римской армии в Испании после того, как все носители империя погибли в сражении в 211 г. С одной стороны, сенат был недоволен тем, что Марций был наделен *summum imperium* на «воинских комициях» и претендовал на титул пропретора⁵⁰. С другой стороны, сенаторы

⁴⁷ Liv. 3.49: in contionem Appius escendit: sequuntur Horatius Valeriusque. eos contio audit: decemviro obstrepitur. Iam pro imperio Valerius discedere a privato lictores iubebat...

⁴⁸ Pace Pina Polo F. Las *contiones*... P. 43.

⁴⁹ Подробнее см.: Фролов Р.М. Dux tumultuarius Л. Марций Септим в 212 г. до н.э.: идентификация и самоидентификация организатора воинских *contiones* // Вестник Ярославского государственного университета. Серия Гуманитарные науки. 2012. № 4/2. С. 135–137.

⁵⁰ Kloft H. Prorogation... S. 50; Kunkel W., Wittmann R. Staatsordnung und Staatspraxis... S. 288; Walter U. Die Botschaft des Mediums // Institutionalität und Symbolisierung / Hrsg. G. Melville. Köln: Böhlau Verlag, 2001. S. 272–276, особенно S. 275; Haimson Lushkov A. Magistracy and the Historiography... P. 120–121, 123–126.

не выражали недовольства по поводу того, что он взял на себя командование армией, в том числе, следовательно, по поводу созыва им воинских *contiones* для этих целей. Более того, они хвалили его за эти действия (*res gestae magnificae senatui visae*), несмотря даже на то, что в лагере выживших старшим по положению офицером оказался легат Тиб. Фонтей, а не Марций (даже если предположить, что последний был военным трибуном)⁵¹. Тем не менее, только с Марцием связывается созыв *contio*. В этом случае организация *contiones*⁵² и произнесение речей по собственной инициативе не противоречат статусу *privatus* (или более низкому воинскому званию) действующего лица и не вызывают у Ливия особого дискомфорта – в отличие от претензий на *imperium* без надлежащей процедуры. Последний момент важен, к чему я еще вернусь.

Таким образом, у Цицерона, Ливия и Дионисия не было какого-то фиксированного общего подхода к самому факту захвата политической инициативы частным лицом. Следовательно, нечто иное, а не какой-либо универсальный подход, заставляло их принимать или отвергать версию о статусе Л. Брута как *privatus*⁵³.

Ливий признает, что не может воспроизвести то, как именно Брут упрекал Тарквиния в своей речи (1.59.10). Цицерон также прямо говорит, что у него нет другого выбора, кроме как предположить, исходя из достижений Брута, что он должен был быть великим оратором (*Brut.* 53)⁵⁴. Таким образом, обе версии могли основываться на нарративе, который изначально не включал

⁵¹ См.: Pina Polo F. *Las contiones...* P. 199–201, 217, n. 81, 330.

⁵² Здесь Ливий использует термин *contiones* без каких-либо оговорок по поводу того, что они не соответствовали каким-либо требованиям.

⁵³ Ср.: Lintott A.W. *The Tradition of Violence in the Annals of the Early Roman Republic* // *Historia*. 1970. Vol. 19. P. 18: «Paradoxically the events of 133 seem to have produced a reaction against the use of violence by a *privatus* among an influential group, a scruple which was not shared by Cicero later». Однако, если учитывать не только частное насилие, но и все виды активного вмешательства частных лиц в политику, то слабость замечания Э. Линтотта заключается в том, что, в зависимости от характера конкретного случая, одни и те же античные авторы иногда принимали такое вмешательство, а иногда – нет.

⁵⁴ Forsythe G. *Livy and Early Rome. A Study in Historical Method and Judgment*. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 1999. P. 75, 79–80.

ответа на вопрос о том, как технически, с какими речами⁵⁵ и какими институциональными средствами Брут и римский народ приняли решение изгнать царя. Следует согласиться с оценкой Т. Корнеллом истории Агалы в том же ключе, который я предлагаю для рассказа о Бруте: «В догракханский период традиция, вероятно, говорила лишь о том, что Мелий, пытаясь стать царем, был убит Сервилием Агалой». Только после событий 133 г. «стало важно определить, каков был статус Сервилия в момент убийства Мелия, вопрос, который никто не задавал ранее»⁵⁶.

Если поздние римские авторы и испытывали «чувство беспокойства» по поводу мифа о Бруте, то оно могло быть вызвано отсутствием в нем информации о политических средствах, которые позволили Бруту добиться успеха, а не отсутствием информации о его статусе. Таким образом, мы имеем два очень близких – и, возможно, даже одновременных – *дополнения* к более раннему мифу, а не его модификации или искажения. Оба этих дополнения были направлены на рационализацию мифа, объясняя, какими «средствами свобода и конституционное правление» – используя формулировку П. Уайзмана⁵⁷ – могли и должны были быть достигнуты.

Было отмечено, как Цицерон подробно объяснял, почему в его случае было неразумно проявлять инициативу как *privatus*. Но в истории Л. Брута все работало, напротив, в пользу этого решения, если рассматривать ситуацию по стандартам Цицерона. Тарквиний не мог действовать так, как должен был действовать царь. У него не было шансов предотвратить «революцию» – в отличие от консулов в 58 г., которые могли бы легко противостоять Цицерону, даже если бы тот добился успеха в борьбе против трибуна Клодия. В отличие

⁵⁵ Даже если, как полагает В. Зуербаум, античные авторы использовали один источник о содержании речи Брута (Suerbaum W. Vorliterarische römische Redner (bis zum Beginn des 2. Jhs. v. Chr.) in Ciceros «Brutus» und in der historischen Überlieferung // Würzburger Jahrbücher für die Altertumswissenschaft. 1996/1997. Bd. 21. S. 190).

⁵⁶ Cornell T.J. The Value of the Literary Tradition Concerning Archaic Rome // Social Struggles in Archaic Rome / Ed. K.A. Raaflaub. Malden, Mass.: Blackwell Publishing, 2005. P. 51.

⁵⁷ Wiseman T.P. The Legend of Lucius Brutus... P. 129.

от Цицерона, Л. Брут имел поддержку высших слоев, сената, народа в городе и армии в лагере.

Таким образом, важной целью пересказа истории Брута в античной историографии было не проиллюстрировать «общий принцип» (о том, что *privatus* в принципе может или не может проявлять политическую инициативу), а описать конкретные обстоятельства, которые позволяли и, более того, делали необходимым для гражданина действовать ради сограждан, хотя это требовало выступления против высшей власти. С этой точки зрения, не имело большого значения, был ли Брут *privatus* или должностным лицом: он все равно действовал, нарушая политическую иерархию.

Различные интерпретации статуса Брута в античной традиции сложились не под влиянием предполагаемых универсальных представлений о *privatus* как политическом акторе, а из-за различных представлений о средствах, при помощи которых Брут достиг успеха: требовалась ли ему, помимо военного лидерства, только убедительность публичной речи, или он также нуждался в организации надлежащего созыва комиций.

Для Цицерона именно ораторское искусство, а не право должностного лица организовать процесс голосования, позволило Бруту изгнать царей и основать Республику (*Brut.* 53). Цицерон приводит длинный перечень тех, кто, будучи как *privati*, так и *magistratus*, достигал важных политических целей посредством публичной речи, как это сделал Брут. Как заметила Э. Фантам, «...Цицерон, несомненно, думает в первую очередь о государственном деятеле, способном взять на себя такую инициативу в чрезвычайной ситуации, которую мудрый и красноречивый человек должен проявить, даже не занимая должности»⁵⁸.

Акцент на значении публичной политической речи, а не формального голосования, направленного против Тарквиния, можно также усмотреть у Овидия: Брут «криком собрал квиритов и поведал о нечестивых деяниях царя»

⁵⁸ Fantham E. The Roman World of Cicero's *De Oratore*. Oxford: Oxford University Press, 2004. P. 318.

(*Fast.* 2.849–850: *Brutus clamore Quirites concitat et regis facta nefanda refert*). Как отмечает В. Паган, в изображении Овидия «Республика была основана Брутом, осмелившимся высказать то, что ранее не высказывалось» (*dares to speak the unspeakable*)⁵⁹. Глагол *concitare*, который использует Овидий, позже применяется Евтропием в отношении тех же событий (1.8.2). Выбор такой терминологии, на мой взгляд, не случаен. *Concitare* употребляется в связке с *contio*, но не *comitia*. В трудах Цицерона, например, *contionem concitare* означает созыв собрания и «разжигание» народного недовольства или возмущения через публичную речь⁶⁰.

Можно подметить, что в финале рассуждения Цицерона все же появляется какое-то формальное постановление гражданской общины (*Rep.* 2.46: *civitas ... iussit*). Однако здесь не сказано, что уполномоченное должностное лицо созывает комиции, которые проголосовали по внесенному им предложению. Вместо этого у Цицерона описывается в самом общем виде, скорее, общая воля гражданского коллектива. Для оратора именно инициатива Л. Брута как *privatus* имела значение и позволила народу изгнать царя: «по его инициативе и под его руководством граждане были приведены в движение» (*quo auctore et principe concitata civitas*). Цицерон рисует картину, в которой Брут был не только могущественным оратором, но и человеком, способным планировать и вовремя произнести свою речь и, тем самым, повести граждан за собой без какой-либо помощи или подсказки со стороны.

Как пишет С. Бино, Цицерон акцентирует внимание на частной инициативе Брута и не интересуется последующей институционализацией⁶¹. Однако подразумевает ли Цицерон, что такая «институционализация» вообще имела место? По справедливому замечанию С. Бино, задача Брута заключалась лишь в инициировании процесса; согласно Цицерону, сам гражданский

⁵⁹ Pagán V. *Speaking before Superiors: Orpheus in Vergil and Ovid // Free Speech in Classical Antiquity* / Ed. I. Sluiter, R. Rosen. Leiden: Brill, 2004. P. 375.

⁶⁰ Morstein-Marx R. *Mass Oratory and Political Power in the Late Roman Republic*. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. P. 62.

⁶¹ Binot C. *Privatus: l'invention de l'individu à l'époque et dans l'œuvre de Cicéron*. Thèse de doctorat. Toulouse: Université de Toulouse II le Mirail, 2005. P. 1058.

коллектив сверг царя⁶². Как именно граждане должны были это сделать, в такой трактовке не имеет значения. В рамках этой интерпретации комициальная процедура становится излишней. Поэтому Цицерон только описывает обстоятельства, которые оправдывали политическую инициативу частного лица (*privatus*): его действия как *auctor* и *princeps*.

В то время как в изложении Цицерона Тарквиний был свергнут с помощью публичной речи, Ливий и Дионисий описывают комициальную процедуру. Уже как следствие этого обстоятельства в их повествованиях пример Брута мог служить объяснением того, почему *privatus*, напротив, не мог действовать самостоятельно в данных обстоятельствах.

В комментарии к тексту Ливия Р. Огилви отмечает, что «поздние конституционалисты» были недовольны «оригинальной» версией мифа о Бруте как частном лице (*privatus*) и стремились «доказать даже с помощью юридической фикции законность изменения римской конституции», поскольку «было бы неправильным, если бы немагистрат созывал *contio*»⁶³. Такое рассуждение можно оспорить.

Действительно, как отмечено в §1, обычно исследователи пишут, что *contiones* созывались исключительно магистратами. Однако, по крайней мере в случае с Брутом, Цицерон не считает проблематичным, чтобы *privatus* нашел какой-то способ обратиться к народу с публичной речью (независимо от того, можно ли такое обращение технически назвать *contio*). Действительно, в других пассажах и Ливий, и Дионисий пишут о том, что в Риме не было принято, чтобы *privatus* созывал сходки (особенно ясно это сформулировано у Дионисия Галикарнасского, поясняющего римскую практику греческому читателю: *Ant. Rom.* 12.1.6). Но как я отметил выше, эти авторы все же иногда сообщают о таких собраниях, поскольку они были частью политической реальности. Даже Ливий не всегда выглядит как (используя формулировку Р.

⁶² Binot C. *Privatus*... P. 1058.

⁶³ Ogilvie R.M. *A Commentary on Livy*... P. 228.

Огилви) «поздний конституционалист», когда описывает несанкционированные публичные речи.

Более того, некоторые детали самого повествования о Бруте даже у Ливия и Дионисия не вполне соответствуют взгляду, который приписывает им Р. Огилви. Есть основания полагать, что эти авторы были знакомы с версией о том, что Брут был *privatus*, хотя и не упоминают этот вариант. В описании Ливия (1.59) трибун целеров Брут произнес речь перед народом. Ливий использует здесь фразу *populum advocavit* – обычное техническое выражение для обозначения созыва *contio*. Таким образом, этап *contio* выделен и не менее важен в его изложении, чем у Цицерона⁶⁴. Более того, в рассказе Ливия народ уже собрался сам, еще до того, как Брут официально созвал собрание. Появление вооруженной толпы (*armata multitudo*) во главе с *primores civitatis* уже заставило граждан фактически сформировать аудиторию собрания без помощи должностного лица и сделало обращение Брута к ним возможным. Замечу, что в этом контексте вполне представим Л. Брут как *privatus* в трактовке Цицерона. Примечательно также, что Ливий не говорит, что Брут мог выступать перед народом только благодаря своему официальному статусу. Должность трибуна целеров предоставляет ему, во-первых, глашатая (*praeco*), который официально созвал народ, уже находившийся на месте (*quo simul ventum est, praeco ad tribunum celerum ... populum advocavit*). Можно предположить, что Ливий не назвал бы это собрание *contio*, если бы глашатай не созвал народ официально. Однако, независимо от того, была ли это «настоящая» *contio* или нет, публичная речь перед народом на практике была вполне возможна даже без магистрата: Тарквиния не было на месте, как и других должностных лиц, чтобы предотвратить выступление.

Только после этого Ливий упоминает решение народа (*iuberet*). Что показательно, даже в этот момент Ливий не использует обычную для описания комициальной процедуры лексику. Он повествует о том, что Брут воспламенил толпу (*incensam multitudinem perpulit*), в результате чего

⁶⁴ Сходным образом: Binot C. *Privatus*... Р. 1057.

multitudo приняла формальное решение. Затруднительно, если вообще возможно, найти у Ливия другие примеры описания официальных комиций, обозначенных таким термином, как multitudo⁶⁵.

Таким образом, в изложении Ливия важнейшим, решающим шагом Брута был не созыв комиций (поскольку это действие даже не упоминается явно), а – как и у Цицерона – произнесение публичной речи (oratio habita) с целью убеждения сограждан (perpulit). То же самое мы видим у Сервия. Хотя он подчеркивает, что Брут был трибуном целеров, тем не менее, единственное «техническое» действие, приписываемое ему, состоит в том, что Брут «выступил в contio» (*Aen.* 6.818: processit ad populum et de hac re contionatus est. quo facto omnibus placuit ne reciperetur rex, qui tunc Ardeam expugnabat)⁶⁶.

В повествовании Дионисия (*Ant. Rom.* 4.71.5–6) Публий Валерий спрашивает Брута, кто сможет созвать народное собрание согласно закону и предложить голосование куриям (τὴν ψῆφον ἀναδῶσων ταῖς φράτραις). Брут отвечает, что он имеет это право как трибун целеров. Здесь, с одной стороны, гораздо яснее показано, что решение по поводу царя принимается официально в комициях и что необходимо иметь власть магистрата для созыва такого собрания⁶⁷. С другой стороны, Валерий не выражает никаких опасений относительно того, кто имеет право говорить перед народом (только в последующем ответе Брута вскользь упоминается, что трибун целеров будет выступать первым). Кроме того, когда Дионисий пишет о созыве собрания, он использует форму множественного числа (συγκαλῶμεν), так что

⁶⁵ Также см.: Hellegouarc'h J. Le vocabulaire latin... P. 513–514.

⁶⁶ Сервий в комментарии к «Энеиде» неоднократно называет Брута tribunus celerum, который был наделен правом предложить народу изгнать царя. В комментарии к фрагменту *Aen.* 8.646 грамматик использует глагол agere, который намекает на последующее голосование в comitia, но полной уверенности в том, что именно комиции имеются в виду, нет. В пояснении к пассажу *Aen.* 6.818 Сервий отмечает, что после contio Брута все римляне согласились не допускать возвращения царя (omnibus placuit ne reciperetur rex). Вновь перед нами весьма расплывчатое описание комициальной процедуры. Если бы Сервий прямо не называл Брута tribunus celerum, его пассаж мог бы легко быть интерпретирован в рамках версии о Бруте как privatus.

⁶⁷ Дионисий, очевидно, стремится продемонстрировать свое знание римских обычаев, которые позволяли только магистрату предлагать законы на официальное утверждение народом.

первоначально никакое конкретное лицо (а трибун целеров в наличии только один) не названо организатором собрания⁶⁸.

Проанализированные таким образом рассказы Ливия и Дионисия уже не кажутся столь радикально отличными от версии Цицерона. Единственное принципиальное отличие состоит в том, что они не представляют *contio* как финальный шаг Брута: ему также необходимо было созвать комиции, и только для этого последнего акта он, несомненно, должен был быть трибуном целеров.

Подводя итоги, замечу, что имеющиеся интерпретации статуса Брута стали результатом различных реконструкций позднейшей традицией тех средств, при помощи которых Брут достигал своей цели. Если Август и оказал какое-то влияние на детали рассказа о Бруте у Ливия и Дионисия, это влияние не могло быть направлено на то, чтобы сделать основателя Республики трибуном целеров. Даже в *Res Gestae*, т.е. на склоне лет, Август никак не скрывал и даже подчеркивал, что Республика была спасена им *privato consilio et privata impensa* (*RGDA*. 1.1), что близко перекликается со словами Цицерона об действиях *privatus* Л. Брута⁶⁹. Хотя непосредственно в 44–43 гг. Октавиан стремился легитимировать свое положение за счет сената и преуспел в этом, до этого он собрал армию будучи *dux privatus*⁷⁰. Важный момент здесь заключается в том, что для того, чтобы завоевать поддержку солдат или даже просто эффективно взаимодействовать с ними, Октавиан должен был произносить публичные речи и для этих целей организовывать свои

⁶⁸ До того, как Валерий выразил свои сомнения относительно перспектив созыва комиций, Брут, согласно Дионисию, заявил, что следует созвать народ на собрание, где сначала должны выступить Лукреций и Коллатин. Однако оба этих лица, по словам Дионисия, были *privati*. Можно предположить, что Дионисий просто не приводит всех деталей, которые бы прояснили, что, согласно плану Брута, он должен был сначала должным образом созвать *contio* в своем качестве должностного лица, и только затем слово было бы дано Лукрецию и Коллатину. Однако если это так, почему греческий автор не опускал эти детали при описании куриатного собрания, если опустил их в случае *contio*?

⁶⁹ Béranger J. *Die Machtübernahme des Augustus...* S. 316–318; Ramage E.S. *The Nature and Purpose...* P. 67.

⁷⁰ Linderski J. *Rome, Aphrodisias and the Res Gestae: The genera militiae and the Status of Octavian* // *Journal of Roman Studies*. 1984. Vol. 74. P. 78–79.

собственные *contiones* (или иные сходки, если следует называть их другим термином). Как мы видели, публичная речь Л. Брута была его основным и финальным шагом в изложении Цицерона, и совершение такого шага не помешало Цицерону посчитать Брута *privatus*. Необходимость в определении статуса Брута как магистрата появляется у Ливия и Дионисия только потому, что они также видели в нем инициатора комициальной процедуры.

Если предположить, что Ливий и Дионисий действительно стремились легитимировать переход к Республике за счет определенной подачи легенды о Бруте и в этом стремлении каким-то образом отражали «повестку дня» времен Августа (что, впрочем, сомнительно), то эти авторы не могли быть озабочены публичным статусом Брута в момент его выступления на *contio*, а скорее были заинтересованы в том, чтобы рассказ о нем соответствовал стремлению Октавиана к последующей легализации сенатом его первых политических шагов, сделанных в качестве *privatus*. При такой трактовке Ливий и Дионисий сначала предпочли версию, в которой царь был изгнан решением, не только объявленным на *contio*, но и поддержанным сенаторами и должным образом утвержденным в комициях⁷¹. Лишь затем, как *следствие* этого, древние авторы могли счесть абсолютно необходимым изображение Брута в качестве магистрата. То, что статус *privatus* сам по себе не мог быть исходной причиной, а был скорее следствием определенной реконструкции процедур оформления перехода к Республике, дополнительно подтверждается тем фактом, что даже после того, как позиция самого Октавиана была легитимирована сенатом, технически он продолжал оставаться *privatus*, хотя и наделенным *imperium pro praetore*. *Privatus* мог быть легитимирован как самостоятельный политический актор и без предоставления ему статуса магистрата (о промагистратах см. гл. 4).

⁷¹ Ср.: Lowrie M. *Spurius Maelius*... P. 181 (о значении версии истории Агалы, в которой Агала действовал как должностное, а не как частное лицо: «рассказ подчеркивает ценность верховенства закона и в этом смысле поддерживает идеологию Августа в период, когда его власть была установлена»).

В отличие от публичной речи или, например, политического убийства, голосование технически могло быть инициировано только уполномоченным должностным лицом, поскольку никогда *privati* не созывают комиции⁷², даже в тех случаях, когда Ливий или Цицерон описывают и одобряют действия частных лиц как политических субъектов, заменяющих магистратов и оказывающихся эффективнее них, включая традицию о сопротивлении граждан членам второй коллегии децемвиров (см. §3 данной главы).

Поздний интерес к уточнению статуса Брута не мог быть вызван необходимостью представить дополнительный аргумент «за» или «против» индивидуальной политической активности *privati* в принципиальном ключе, поскольку никакой единой оценки такой активности не существовало. Кажущиеся универсальными формулировки – такие как фраза Цицерона *in conservanda civium libertate esse privatum neminem* – были применимы только к конкретным обстоятельствам и действительны лишь при определенных условиях⁷³, как показывает Цицерон, когда уточняет, почему, он сам, будучи *privatus*, воздержался от противодействия плебейскому трибуну.

В случае Брута причина появления версий о *privatus* и *tribunus celerum* заключалась в различных трактовках процедуры изгнания царя, технические детали которой были, по-видимому, неизвестны нашим авторам⁷⁴. Альтернативные интерпретации юридического положения Брута сосуществовали и могли служить материалом для дискуссий о том, когда

⁷² В истории Марция Септима сами солдаты, а не Марций, организовали «воинские комиции».

⁷³ Необходимость каждый раз заново обосновывать легитимность политической инициативы *privatus* очевидна во всех случаях. Утверждение Августа о том, что он должен был освободить *res publica* от *dominatio factionis*, может служить одним из примеров подобного подхода.

⁷⁴ В случае с Агалой основным действием протагониста является политическое убийство, которое на практике, конечно, может быть совершено руками частного лица. Как мне представляется, именно это позволило Цицерону изменять статус Агалы по своему усмотрению. Согласно Дж. Нил, «если бы этот гибкий подход в определении положения Агалы можно было поставить под сомнение, маловероятно, что Цицерон использовал бы этот пример так, как использовал» (Neel J. *Reconsidering the affectatores regni...* P. 236). Миф о Бруте в этом отношении сильно отличается. Здесь главный политический шаг мог быть приписан *privatus* только при условии, что последний, хотя и произносил решающую исход всего дела публичную речь, не созывал комиции.

именно *privatus* может и даже обязан спасать Республику, и каким именно образом он должен был это сделать. Допущение того, что *privatus* иногда может играть роль независимого политического актора, едва ли сразу отвергалось любым из античных авторов. Предположение о том, что в какой-то момент в конце республиканского периода версия о *privatus* стала неактуальной или неприемлемой под влиянием текущих политических событий, не имеет оснований, так как сами эти события (прежде всего, деятельность Октавиана в начале его политической карьеры) оставляли простор для признания легитимности вмешательства *privatus*. Скорее, следует считать, что посредством легенды о Бруте и других подобных сюжетов обсуждался и формировался набор требований, которые оправдывали политическую инициативу *privatus*. Сходным образом при изучении политической деятельности граждан «переходных статусов» встает вопрос о конкретных обстоятельствах, которые делали их лидерство возможным и даже желательным.

§3. Оспариваемое лидерство: *privati* против *privati pro decemviris* в повествовании Тита Ливия

Если при определенных обстоятельствах от *privati* ожидалось, что они могут взять на себя политическую инициативу, как если бы они являлись *magistratus*, какое влияние это могло оказать на положение должностных лиц? Обратимся к рассмотрению античной традиции о прекращении деятельности второй коллегии децемвиров для написания законов (*decemviri legibus scribundis*) в V в. Меня интересует не исторический, раннереспубликанский децемвират как таковой, а то, как античные авторы, прежде всего Ливий, описывают и оценивают ситуацию, в рамках которой происходит «обмен» политическими ролями между *privati* и *magistratus*.

Ливий подробно повествует о попытках членов второго децемвирата остаться у власти более одного года. Это заставляет современных исследователей задаваться вопросом: оставались ли децемвиры магистратами по истечении годичного срока или они *ipso iure* возвратились к статусу *privati*, следовательно, какое-то время действовали незаконно и лишь выдавали себя за магистратов? Сами децемвиры настаивали на том, что их полномочия ограничены временем, необходимым для выполнения определенной задачи (кодификации), в то время как их критики считали, что децемвират автоматически прекратился по истечении годичного срока. В гл. 5, §2.3 я подробно анализирую, как ограничивался срок полномочий магистратов в республиканском Риме. Для целей данного раздела важно учитывать, что принятие логики любой из двух позиций, выраженных участниками событий, приводит к серьезным трудностям при интерпретации эпизода.

Предположим, например, что интерпретация в духе Zweckfrist (полномочия истекают тогда, когда достигнута цель магистратуры) была лишь уловкой децемвиров и что децемвират был годичной должностью. Следовательно, по истечении года децемвиры де-юре стали *privati*, которые лишь действовали так, как если бы оставались законными магистратами⁷⁵. Однако если это так, почему их публичный отказ от должности считался необходимым? Их власть как фактических руководителей гражданской общины не игнорировалась, по крайней мере, вплоть до финальных этапов истории. Ливий изображает децемвиров так, будто они сохраняли часть своих полномочий, пока не осуществили *abdicatio*. В гл. 5, §2.3 я предлагаю объяснение логики требования об абдикации, которое согласуется с пониманием того, что, с юридической точки зрения, децемвиры уже не были магистратами. Однако в изложении Ливия другие действующие лица признавали децемвиров действующими магистратами в течение определенного времени даже после истечения срока их полномочий.

⁷⁵ Дементьева В.В. Децемвират в римской государственно-правовой системе середины V в. до н.э. М.: Инфомедиа Паблишерз, 2003. С. 81–82.

С другой стороны, если децемвиры изначально должны были сложить свои полномочия, то есть завершить их собственным актом, только после выполнения своей задачи, как утверждали они сами и как полагают некоторые современные исследователи⁷⁶, то почему их критиковали за несвоевременное проведение выборов? Почему Ливий сравнивает их с частными лицами и даже прямо называет их *privati pro decemviris*?

В качестве выхода из ситуации я предлагаю учитывать не только проблему юридического срока полномочий, но и вопрос о политической инициативе, описанный во введении⁷⁷. Способность инициировать политическое действие является неотъемлемым качеством магистрата. То, что в изложении Ливия децемвиры эффективно сохраняли эту способность на практике, вовсе не очевидно. Рассмотрим ход повествования в *Ab urbe condita* подробнее с этой точки зрения.

Ливий пишет, что сразу после майских ид децемвиры стали частными лицами, *privati pro decemviris* (3.38.1; ср. Dion. Hal. *Ant. Rom.* 11.5; 11.43.3). Несколько озадачивает, что, хотя, согласно самому Ливию (а не просто одной из сторон конфликта), Республика явно превратилась в *regnum*, граждане, тем не менее, только оплакивали утраченную свободу, но не выступили в ее защиту. Другими словами, сам факт узурпации магистратских империя и инсигний не вызвал немедленного сопротивления со стороны плебса. Хотя в повествовании Ливия непризнание со стороны сенаторов вскоре стало очевидным (надо заметить, тоже не сразу), сопротивление народа изображается только как реакция на последующие активные действия децемвиров, то есть на их попытку реально реализовывать политическую инициативу в качестве магистратов.

⁷⁶ См.: Mommsen Th. *Römisches Staatsrecht*. Bd. II.1. S. 717; Coli U. *Sui limiti...* P. 415–418; гл. 5, §2.3.

⁷⁷ Вместо того чтобы полагать, как это делает Г. Пома, что в античных источниках переплетаются две противоречивые точки зрения, но одна из них возникла под влиянием опыта позднеереспубликанских чрезвычайных полномочий (Poma G. *Tra legislatori e tiranni: problemi storici e storiografici sull'età delle XII tavole*. Bologna: Pàtron Editore, 1984. P. 255–256, 263). Такое допущение требует обоснования.

Действовать заставила децемвиров военная необходимость. Чтобы справиться с внешней угрозой, они вынуждены были созвать ранее игнорируемый ими сенат. При этом децемвиры предвидели необходимость подавить тех, кто попытается подорвать их авторитет в стенах курии. Эти люди характеризуются как *rauci praeferocis animi*. Если преодолеть их оппозицию, то намерения (*conatus*) других также будут под контролем (3.38). Формулировки Ливия эксплицитно подчеркивают тревогу децемвиров по поводу непосредственной угрозы их способности действовать первыми, контролировать инициативу даже тогда, когда перспектива лишения их власти еще никем из их противников открыто даже не артикулируется⁷⁸.

Действительно, в повествовании Ливия простое игнорирование формальной власти децемвиров не сработало. Сенаторы сначала отказались принимать постановление под председательством децемвиров (это, на мой взгляд, является достаточным доказательством того, что децемвиры уже в рамках логики Ливия перестали быть действующими магистратами *ipso iure*), они тем не менее легитимировали положение децемвиров самим фактом явки в сенат по их призыву (3.39.1: *oboedienter ventum in curiam*). Даже сенаторы Валерий и Гораций, упомянутые *praeferoces*, попытавшиеся оспорить формальную компетенцию децемвиров как магистратов, председательствующих в сенате, все же требовали (дважды) права высказаться о состоянии государства вместо того, чтобы просто игнорировать приказ децемвиров обсуждать только надвигающуюся войну (3.39.2: *ut de re publica liceret dicere*). Эти требования, по сути, были просьбами и тем самым фактически подрывали тезис о том, что произошла откровенная узурпация⁷⁹.

В какой-то момент Валерий был готов обратиться к народу, чтобы противостоять ликторам децемвиров. Однако эта возможность не была

⁷⁸ Лишение должности пока рассматривается только самими децемвирами как возможное в дальней перспективе (3.38.7: *temptationemque eam fore abolendi sibi magistratus*).

⁷⁹ Это особенно важно, учитывая, что сенаторы обычно могли высказываться об общем положении государства, даже если такой вопрос не ставился председателем, ср.: Mommsen Th. *Römisches Staatsrecht*. Bd. III.2. 1. Aufl. Leipzig: S. Hirzel, 1888. S. 939.

реализована. Ливий ясно дает понять, что «легалистский» аргумент оказался в итоге неприменимым в деле ниспровержения тирании (3.41)⁸⁰. Это вовсе не означает, что аргумент не имел силы. Однако очевидны трудности, с которыми столкнулись Валерий и Гораций, пытаясь реализовать этот подход на практике.

Т. Моммзен полагал, что, поскольку не существовало законных способов лишить децемвиров их полномочий, граждане прибегли к тому, что он называл «незаконная самозащита отдельных лиц» (*die illegale Selbsthülfe der Einzelnen*)⁸¹. Ливий вкладывает в уста Горация предупреждение децемвирам, которое предвосхитило ход дальнейшей борьбы против них: «Если прежде этого не могли стерпеть от царя или царского сына, то кто будет терпеть их от частных граждан (*privatis*)? Как бы они, запрещая людям свободно высказываться в курии, не заставили поднять голос тех, кто стоит на площади! И если им дозволено было собрать сенаторов, то почему ему, Горацию, тоже частному лицу, не созвать народ на собрание (*contionem*)?»⁸². Согласно этой риторике, изображая из себя магистратов, децемвиры собственными руками разрушали принципиальное разграничение между политическими ролями *privati* и *magistratus* и, тем самым, позволяли другим частным лицам действовать так, как если бы они тоже были магистратами.

Сталкиваясь с сильным сопротивлением со стороны децемвиров и их сторонников, Гораций вынужден был признать, что децемвиры фактически сохраняли право созыва сената. Это не отменяло того факта, что для него они оставались только *privati*, которые претендовали на власть, не обладая законно магистратурой. Однако, уступая децемвирам, сенатор получил возможность

⁸⁰ По поводу изображения Дионисием неэффективного сената в период децемвирата см.: Hogg D. *How Roman Are the Antiquities? The Decemvirate according to Dionysius* // *Dionysius of Halicarnassus and Augustan Rome: Rhetoric, Criticism and Historiography* / Ed. R. Hunter, C.C. de Jonge. Cambridge: Cambridge University Press, 2018. P. 221–241.

⁸¹ Mommsen Th. *Römisches Staatsrecht*. Bd. II.1. S. 717.

⁸² Перевод Г.Ч. Гусейнова (3.39: *quae si in rege tum aut in filio regis ferenda non fuerint, quem eadem laturum in tot privatis? viderent ne vetando in curia libere homines loqui extra curiam etiam moverent vocem; neque se videre qui sibi minus privato ad contionem populum vocare quam illis senatum cogere liceat*).

утверждать, что теперь и он, тоже будучи *privatus*, может действовать так, как действуют (бывшие) децемвиры. Только следует сделать оговорку о том, что даже при таком допущении сенатор не утверждал, что аналогия в их положении была полной. Различие состояло в том, что Гораций не претендовал на право созывать сенат, а заявлял только о возможности самостоятельно обратиться к народной сходке (*contio*; ср. гл. 1, §2 по поводу эффекта упоминания *contio* и *comitia* в различных версиях рассказа о Л. Юнии Бруте). Последующий рассказ Ливия подтверждает, что узурпация власти децемвирами спровоцировала не только сенаторов, но и других граждан публично выступить против децемвиров. Продолжение повествования Ливия выглядит как реализация угроз Горация при условии, что мы интерпретируем их как предупреждение о перспективе утраты децемвирами неформальной политической инициативы, а не формальных магистратских прерогатив, как это обычно предполагается в современной историографии.

После того как децемвиры получили от сената видимость легитимности, они объявили набор войск. На этом этапе никто не ставил под сомнение их право отдавать такой приказ. Вместо этого граждане избрали другой способ сопротивления: намеренно уступали врагам, поскольку не желали следовать *auspicia* и *ductus* децемвиров (3.42). *Ductus*, судя по всему, указывает здесь на практическую возможность быть военным лидером, а не на формальное командование⁸³, так как в то время, как *ductus* децемвиров уже не признавался римлянами, *sine provocatione imperium* все еще уважался членами гражданского коллектива⁸⁴.

Примечательно то, насколько последовательно рассказ Ливия о суде над Вергинией соответствует мысли о том, что формальное положение Аппия

⁸³ Ср.: Pelikan Pittenger M.R. *Contested Triumphs: Politics, Pageantry, and Performance in Livy's Republican Rome*. Los Angeles; London, 2008. P. 26–27; Versnel H.S. *Triumphus. An Inquiry into the Origin, Development and Meaning of the Roman Triumph*. Leiden: Brill, 1970. P. 178.

⁸⁴ Убийство Л. Сикция (Liv. 3.43) может восприниматься как пример того, насколько неэффективными, согласно Ливию, были скрытые попытки подорвать власть децемвиров. Потенциальный зачинщик был устранен до того, как его подпольная агитация привела к каким-либо существенным последствиям.

Клавдия, лидера децемвиров, на практике еще не ставилось под сомнение гражданами. Так, судебная власть Аппия Клавдия принималась, по крайней мере, до такой степени, чтобы все стороны были готовы участвовать в судебном процессе под руководством децемвира.

Ливий повествует о том, что Вергиний, отец Вергинии, «начал обходить людей и искать поддержки» (*circumire ibi et prensare homines coepit*). «Будто произнося речь на *contio*, он обходил людей» (3.47: *prope contionabundus circumibat homines*). Оставляя в стороне вопрос о институциональном контексте речи Вергиния⁸⁵, можно заметить, что он, несомненно, действовал самостоятельно. Более того, он не только делал публичные заявления, касающиеся частного судебного дела, но подобно магистрату выступал по политическому вопросу, важному для всего гражданского коллектива. Видимо, поэтому Ливий описывает его действия дериватом термина *contio*, хотя воздерживается от употребления самого этого понятия (ср. §1).

Когда Аппий созвал *contio*, он начал с заявления о том, что «в течение всей ночи в городе устраивались сходки для разжигания смуты» (*nocte tota coetus in urbe factos esse ad movendam seditionem*). *Coetus* были организованы без санкции магистратов и предназначались для подготовки и, таким образом, инициирования последующих действий (ср. Liv. 2.28). При дальнейшем рассказе (3.49) Ливий описывает процесс, в рамках которого частные граждане перехватывают политическую инициативу у Аппия, хотя эти события по-прежнему никак не затрагивают публично-правовой статус децемвиров.

Сначала Валерий и Гораций оттеснили ликтора, а затем толпа сломала фаски. Таким образом, в изображении Ливия сенаторы, ставшие теперь *duces multitudinis*, сначала предложили толпе действовать определенным образом, а затем граждане последовали примеру. Это резко противоречит обычной ситуации, когда даже сенатор должен был ждать, пока председательствующий магистрат предоставит ему возможность выступить на *contio* не в качестве пассивного зрителя (не говоря уже о препятствовании аппаратерам

⁸⁵ Ср.: Pina Polo F. *Las contiones...* P. 15.

должностного лица). Замечу, однако, что уничтожение инсигний децемвира само по себе никак не означало формальной потери магистратской власти (см. гл. 3).

Затем «Аппий поднялся на *contio*, ему последовали Гораций и Валерий. *Contio* слушала их, но не позволила децемвиру говорить» (3.49.4: *in contionem Appius escendit: sequuntur Horatius Valeriusque. eos contio audit: decemviro obstrepitur*; ср. *Dion. Hal. Ant. Rom.* 11.39.2: ἐτέραν συνῆγον ἐκκλησίαν). Таким образом, согласно Ливию, Аппию не давали технической возможности быть услышанным. В условиях функционирования римской *contio* в рамках логики политического взаимодействия «лицом к лицу» (*face-to-face politics*) создание непосредственного физического препятствия для коммуникации означало лишение возможности на практике применить магистратскую *potestas contionandi*. Способность Аппия инициировать то или иное действие была заблокирована, в то время как сенаторы получили возможность донести свою версию событий до аудитории.

«Валерий, словно обладая империем, приказал ликторам покинуть частное лицо» (3.49.5: *iam pro imperio Valerius discedere a privato lictores iubebat*). Аппию было фактически отказано в праве использовать ликторов⁸⁶, хотя не было проведено никаких формальных процедур, которые зафиксировали бы утрату им магистратуры. Ситуация в публично-правовом отношении никак не изменилась с момента истечения годового срока децемвирата. Таким образом, сенаторы, не имея возможности лишить Аппия власти в сенате в начале второго года второй коллегии децемвиров, достигли того же самого позднее на сходке, добившись поддержки граждан, на какой-то момент признавших их право на политическое лидерство. О. Де Селенкур хорошо передал эту ситуацию, переводя фразу *pro imperio* в данном пассаже Ливия следующим образом: «Валерий воспользовался временной властью,

⁸⁶ Ср. пер. Г.Ч. Гусейнова: «приказывал ликторам оставить в покое частного человека».

которую получил»⁸⁷. По мнению Р. Огилви, фраза *pro imperio* представляет собой «небрежность», потому что «Валерий не обладал *imperium*, чтобы оспаривать законность позиции Аппия. Он даже не был трибуном»⁸⁸. Но имели в виду Ливий формальный статус? Строго говоря, античный автор не пишет о том, что Валерий действительно обладает *imperium*: он только действует *pro imperio*.

Следующая фраза завершает эпизод: «это сломило дух Аппия, и в страхе за свою жизнь, закутав лицо, он бежал с форума и незаметно укрылся в близлежащем доме»⁸⁹. Элементы такого описания мы наблюдали выше: во введении отмечалось, как Веллей указывает на отсутствие мужества (*animus*) у сената и наличие этого качества у Октавиана, когда описывает политическую действия последнего в 44 г. (Vell. Pat. 2.61.1). «Потеря духа» и бегство Аппия в частный дом также напоминают об эпизоде с претором Г. Юлием Цезарем в 62 г., когда магистрат, не будучи официально лишен должности, тем не менее, вынужден был удалиться в свой дом и воздерживаться от фактического применения власти, которую формально все еще сохранял (подробнее см. гл. 3, §4). Фактически, в эпизоде с децемвирами наблюдается тот же механизм. Во всяком случае, способы описания обеих ситуаций в античной традиции чрезвычайно схожи.

Ф. Пина Поло не ставит под сомнение тот факт, что обращение Валерия к народу определяется Ливием как *contio*. Однако исследователь лишает это событие какого-либо значения, полагая, что оно представляет собой кардинальное исключение из правила, согласно которому только действующие магистраты могли созывать *contiones* и председательствовать на них⁹⁰. Но прежде, чем отвергнуть этот случай (на том основании, что он

⁸⁷ Livy. The Early History of Rome: Books I–V of The History of Rome from its Foundation / Transl. A. de Séincourt. Harmondsworth: Penguin Books, 1971. P. 237: «Valerius took advantage of the momentary authority he had gained».

⁸⁸ Ogilvie R.M. A Commentary on Livy... P. 488.

⁸⁹ Пер. Г.Ч. Гусейнова (3.49.5: *cum fractis animis Appius, vitae metuens, in domum se propinquam foro insciis adversariis capite obvoluto recipit*; cp. Dion. Hal. *Ant. Rom.* 11.44.3).

⁹⁰ Pina Polo F. *Las contiones*... P. 43.

противоречит предполагаемому общему правилу) и заключить, что в данном случае Ливий описывает *privatus*, контролировавшего публичные собрания ввиду исключительности ситуации, следует обратить внимание на обращение Ливия с терминологией. Он не просто «вольно» обходится с ней, но и описывает в деталях фактически обмен *privati* и *magistratus* их политическими ролями с точки зрения способности инициировать политическое действие (ср. Dion. Hal. *Ant. Rom.* 11.39). Замечу, однако, что даже после этого описания в повествовании Ливия, другой децемвир, Спурий Опций, появившись на форуме, не столкнулся ни с какими признаками того, что его собственные полномочия были затронуты эксцессом, произошедшим с Аппием. По крайней мере, право Спурия Опция созывать сенат не ставилось под сомнение⁹¹. К этому моменту я вернусь ниже.

Описание Ливием децемвиров как все еще фактически сохраняющих свои полномочия даже после истечения срока их должности, несмотря на всю критику и действия со стороны сограждан, включая сенаторов, может показаться противоречащим моему утверждению, упомянутому выше и более подробно обосновываемому в гл. 5, §2.3, о том, что децемвират – как и любая другая магистратура – не мог законно удерживаться после истечения положенного срока. Однако можно предложить объяснение тому обстоятельству, что Ливий изображает децемвиров в определенный момент своего повествования как законно действующих должностных лиц, имеющих дело с народным недовольством и не более того, несмотря на то, что сам Ливий ранее определил децемвиров как *privati* (также см. Dion. Hal. *Ant. Rom.* 11.5; 11.43.3). Ливий ясно показывает, что даже во время плебейской сецессии (то есть непосредственно перед крахом децемвирата) децемвиры все еще сохраняли власть. В частности, именно в этот момент повествования

⁹¹ В повествовании Ливия способность Опция обеспечить созыв сената не оспаривается, особенно если учитывать, насколько сложной оказалась та же задача для децемвиров чуть ранее. В этом Ливий, кажется, находит поддержку даже у тех авторов, таких как Диодор (12.25.1: ἅμα δ' ἡμέρᾳ γνώσθεις τῆς τῶν στρατιωτῶν μισοπονηρίας οἱ μὲν δέκα νομοῦράφοι βοηθοῦντες τῷ συνάρχοντι...).

децемвиры официально заявили о намерении провести игры *ex senatus consulto* (4.12.2).

Чтобы передать динамику политического момента, Ливий переносит акцент на описание иных обстоятельств: утрату децемвирами неформальной политической инициативы, несмотря на фактическое продолжение деятельности в качестве магистратов. Обратим внимание на то, как Ливий описывает появление на форуме Спурия Оппия, который, как только что было отмечено, смог без особых затруднений созвать сенат. Несмотря на это, в изображении Ливия децемвир сам не высказал никаких идей, направленных на преодоление кризиса. Напротив, сообщается, что он оказался адресатом разнообразных советов, которые поступали от многих *auctores* (3.49: *agitatus deinde consiliis ad quae ex omni parte adsentiendo multis auctoribus trepidaverat*). Характеристика Ливия очень последовательна. Спурий Опций формально созвал сенат, но это решение, хотя и выглядело как успешное проявление формальной инициативы и стандартным для магистрата действием, оказывается лишь реакцией на то, что произошло на форуме, а также на советы, высказываемые другими действующими лицами. Более того, даже последующее решение сената описано Ливием таким образом, чтобы продемонстрировать читателю, что реальный контроль над ситуацией был в руках сенаторов. Они принимают решение, которое считают наилучшим для себя в сложившейся ситуации (3.49). Теперь они отдали приказы децемвирам: «В лагерь ... были отправлены младшие сенаторы с приказом децемвирам не допустить восстания в войске»⁹².

Очевидны существенные различия по сравнению с описанием Ливием момента, когда Валерий и Гораций впервые оспорили узурпацию власти децемвирами, ссылаясь на правовые нормы. С публично-правовой точки зрения никакой динамики пока не наблюдается, однако политическая роль

⁹² Пер. Г.Ч. Гусейнова (3.50.1: *itaque missi iuniores patrum in castra, ... nuntiant decemviris ut omni ope ab seditione milites contineant*).

других акторов, а также сената как коллективного института, становится ведущей.

Последующее повествование усиливает это впечатление: приказы децемвиров больше не уважались солдатами (3.50.12)⁹³. Подводя итог этой истории, Ю. фон Унгерн-Штернберг справедливо подчеркивает значение неформальной инициативы: «армии теперь взяли инициативу в свои руки и отступили на Авентин»⁹⁴. Символично, что другой протагонист истории, Вергиния, «немой и пассивный» символ плебса⁹⁵, теперь уступила в повествовании Ливия место тем, кто предпринимал активные действия⁹⁶. Важно подметить, что не только у Ливия (или Дионисия) мы можем наблюдать такой акцент на описании динамики неформальной инициативы. Так, согласно Помпонию, «говорят, что некий Вергиний был зачинщиком (*initium*) сецессии» (*Dig. 1.2.2.24: initium fuisse secessionis dicitur verginius quidam*).

И, тем не менее, даже на этом этапе, когда Валерий и Гораций снова потребовали от магистратов отставки, «децемвиры, жалуясь на то, что с ними обращались как с частными лицами, заявили, что не сложат империй до тех пор, пока не будут приняты законы, которые были причиной их избрания» (3.51.13: *decemviri querentes se in ordinem cogi, non ante quam perlatis legibus quarum causa creati essent deposituros imperium se aiebant*)⁹⁷. Это доказывает, что даже полная утрата реального политического лидерства и контроля децемвирами еще не разрешила спор по поводу самого статуса *magistratus*, пока не последовала формальная абдикация децемвиров⁹⁸.

⁹³ В передаче Ливия, когда децемвиры попытались успокоить солдат, их слова были проигнорированы, а прямые приказы даже спровоцировали ответные угрозы. Таким образом, ситуация, при которой децемвиры все еще обладали магистратурой, но не могли предпринять никаких эффективных действий, теперь наблюдалась даже в военном лагере, несмотря на отсутствие каких-либо средств защиты от империя децемвиров в сфере *militiae*.

⁹⁴ Ungern-Sternberg J. von. The Formation of the “Annalistic Tradition”: The Example of the Decemvirate // *Social Struggles in Archaic Rome* / Ed. K.A. Raaflaub. Malden, Mass.: Blackwell Publishing, 2005. P. 78.

⁹⁵ Vasaly A. *Livy's Political Philosophy: Power and Personality in Early Rome*. New York: Cambridge University Press, 2018. P. 70.

⁹⁶ В дальнейшем уже не децемвиры, а сенат ведет переговоры с плебсом (3.50.15–16).

⁹⁷ О выражении *in ordinem cogi*, см. гл. 3, §1.4.

⁹⁸ Ср. гл. 5, §2.3.

Таким образом, дискуссия по поводу срока полномочий децемвиров – важная исходная точка сюжета, но далее в повествовании она составляет только фон для описания борьбы за политическое лидерство в более широком смысле. Хотя Ливий ясно дает понять, что законность пребывания децемвиров у власти справедливо ставилась под сомнение, реальный механизм их смещения не основывается на этом формальном аргументе. Напротив, действия сенаторов и других граждан поначалу даже легализовывали позицию децемвиров⁹⁹. Как справедливо подчеркнула Г. Пома, империй децемвиров был признан гражданами¹⁰⁰.

Таким образом, в начале рассказа Ливия максимальная степень незаконности власти децемвиров (выражается в прямых заявлениях самого автора о том, что срок их полномочий истек) сочетается с их полным контролем над политической «повесткой дня». Но к концу повествования ситуация меняется кардинально. Чтобы показать эту динамику, Ливий, как мне представляется, даже дополнительно подчеркивает наличие у децемвиров формальных полномочий. Теперь децемвиры представлены Ливием как должностные лица, чей империй, как это ни парадоксально, вполне признается, даже если народ высказывает недовольство. Децемвиры председательствуют в судах, вершат правосудие, дают формальные обеты. Никто (даже наиболее пострадавшая сторона, как, например, Вергиний) уже не ставит под сомнение формальное право децемвиров осуществлять все эти функции. В то же время, такое формальное признание теперь сочетается с отказом следовать лидерству децемвиров на практике. Они лишь успевали реагировать на быстро возникавшие вызовы. Если они что-то и предпринимали в качестве магистратов, то только потому, что так им

⁹⁹ Замечу также, что в изображении Ливия для большинства тех представителей элиты, которые были, так или иначе, недовольны поведением децемвиров, отказ от абдикации не был главным раздражителем. Они поддержали оппонентов децемвиров после того, как Аппий Клавдий и его коллеги утратили возможность эффективного руководства согражданами в *domi militiaeque*.

¹⁰⁰ Poma G. Tra legislatori e tiranni... P. 255.

советовали другие участники событий, члены сената или даже, что парадоксально, их самые ярые противники – Валерий и Гораций.

Подводя итоги данной вводной главы, отмечу, что античная традиция эпохи поздней Республики и ранней Империи в определенных кризисных обстоятельствах допускала самостоятельную политическую инициативу *privati*, не относившихся к числу десигнатов и промагистратов. Наблюдения, сделанные в §1 показывают, как проявление политически значимой инициативы *privati* в форме организации массовых собраний заставляет античных авторов прибегать к употреблению «легитимирующей» терминологии. То же самое показывает эпизод с Л. Юнием Брутом, рассмотренный в §2. При этом обращает на себя внимание то, что «ассимиляция» *privati* и *magistratus* не распространяется на проведение комиций, а касается только *contiones*. Наконец, отмечу, что описываемое Ливием при рассказе о свержении власти децемвиров противоречие между неспособностью контролировать ситуацию, проявляя политическую инициативу, и формально-правовым статусом магистрата (чтобы подчеркнуть противоречие, Ливий даже на время «оставляет в стороне» тезис о незаконности сохранения децемвирами власти) должно было в общих чертах соответствовать представлениям римской элиты (во всяком случае, времени Ливия либо времени возникновения источников, используемых Ливием) о том, как может и должно осуществляться законное руководство гражданской общиной. Сложная задача – описать механизмы преодоления узурпации власти таким образом, чтобы эти механизмы не ставили под сомнение легитимность самого политического порядка. Выбранный Ливием способ донести перипетии политической борьбы через противопоставление фигуры *magistratus*, утратившего инициативу, и *privatus*, получившего возможность определять «повестку дня» вместо должностного лица, – один из ключевых в интерпретации политической роли граждан переходных статусов между *privati* и *magistratus*.

ГЛАВА 2.

ПЕРЕД ВСТУПЛЕНИЕМ В ДОЛЖНОСТЬ: МАГИСТРАТЫ-ДЕСИГНАТЫ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ РИМСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Источники дают основания полагать, что в Римской республике избранные магистраты в некоторых случаях до начала срока их полномочий (в статусе *magistratus designati*) могли играть самостоятельную политическую роль, напоминающую роль действующих магистратов. Положение *designati* можно описать как переходное от *privatus* к *magistratus*. Их вовлеченность в процесс формирования решений в сенате активно изучается в историографии последнего времени, однако понимание механизмов влияния *designati* на ситуацию за пределами сената остается ограниченным. В частности, предметом исследовательской дискуссии является вопрос о том, обладали ли десигнаты какими-либо магистратскими полномочиями, и если нет, то при помощи каких средств они могли оказывать влияние на политическую ситуацию. В данной главе рассматривается деятельность *designati* как самостоятельных политических акторов, действовавших вне коллективных институтов.

§1. Правовой статус и судебный иммунитет магистратов-десигнатов¹

Избранные магистраты (*magistratus designati*) формально оставались *privati*². В то же время, как отмечал Т. Моммзен, в некоторых аспектах

¹ Основные выводы параграфа опубликованы в работе: Фролов Р.М. Судебное преследование *magistratus designati*: к вопросу о правовом статусе избранных магистратов Римской Республики // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. 2015. №7 (204). С. 30–37.

² См., напр., Asc. 52–53C: *in privato ... significat id tempus quo P. Clodius, cum adhuc quaestor designatus esset, deprensus es*; Mommsen Th. *Römisches Staatsrecht*. Bd. I. S. 590; Pina Polo F. *The Political Role...* P. 445.

отношение к ним было подобным отношению римлян к действующим магистратам³. Означает ли это, что *designati* являлись *privati* с магистратскими полномочиями? Так, исследователи указывают на то, что сходство положения избранного магистрата с положением действующего магистрата отражалось в терминологии⁴. Имена *designati* включались в фасты, даже в том случае, если они фактически так и не вступили в должность⁵. Десигнаты приносили клятвы⁶, произносили речи *ex superiore loco* в *contiones*⁷, распределяли между собой провинции⁸. В сенате они голосовали в числе тех сенаторов, ранг которых соответствовал будущей магистратуре десигната⁹. *Consules designati* имели право выступать первыми в сенате¹⁰. Они могли осуществлять предварительные переговоры с иностранными послами¹¹. Сенат, в свою очередь, мог издавать распоряжения, которые должны были исполняться избранными магистратами «либо немедленно, либо в момент вступления в должность»¹². Наконец, высказывалось предположение о том, что *designati* обладали иммунитетом от судебного преследования, подобно действующим

³ Mommsen Th. *Römisches Staatsrecht*. Bd. I. S. 590.

⁴ Hartmann O.E. *Der römische Kalender*. Leipzig: B.G. Teubner, 1882. S. 251; Сморгчов А.М. Религия и власть... С. 86.

⁵ Willems P. *Le droit public romain*. Ed. 5. Louvain: Ch. Peeters, 1883. P. 253; Hartmann O.E. *Der römische Kalender*... S. 252–253; Ruggiero E. de. *Dizionario epigrafico di antichità romane*. Vol. 2. P. 1. Roma: L. Pasqualucci, 1900. P. 690; Bauman R.A. The Abdication of «Collatinus» // *Acta Classica*. 1966. Vol. 9. P. 130; Сморгчов А.М. Религия и власть... С. 86.

⁶ Ruggiero E. de. *Dizionario epigrafico*... P. 690; Greenidge A.H.J. *Roman Public Life*. London: Macmillan and Co., 1901. P. 189; Bauman R.A. The Abdication of «Collatinus»... P. 130.

⁷ Becker W.A. *Handbuch der römischen Alterthümer*. T. 2. Abt. 2. Leipzig: Weidmann'sche Buchhandlung, 1846. S. 51, Anm. 99; Lange L. *Römische Alterthümer*. Bd. I. S. 719; Willems P. *Le droit public romain*... P. 253; Herzog E. *Geschichte und System*... S. 674.

⁸ Lange L. *Römische Alterthümer*. Bd. I. S. 719; Karlowa O. *Römische Rechtsgeschichte*. Bd. 1. Leipzig: Veit & Comp., 1885. S. 185; Mommsen Th. *Römisches Staatsrecht*. Bd. I. S. 591–592; Ruggiero E. de. *Dizionario epigrafico*... P. 690; Сморгчов А.М. Религия и власть... С. 86.

⁹ Lange L. *Römische Alterthümer*. Bd. I. S. 719; Hartmann O.E. *Der römische Kalender*... S. 253; Willems P. *Le droit public romain*... P. 253; Willems P. *Le sénat de la République romaine*. Ed. 2. Paris: E. Thorin, 1885. P. 181–182; Mommsen Th. *Römisches Staatsrecht*. Bd. I. S. 591; Ruggiero E. de. *Dizionario epigrafico*... P. 690; Bauman R.A. The Abdication of «Collatinus»... P. 130; Kunkel W., Wittmann R. *Staatsordnung und Staatspraxis*... S. 313–314; Ryan F.X. Rank and Participation in the Republican Senate. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 1998. P. 247–259.

¹⁰ Herzog E. *Geschichte und System*... S. 674–675; Binot C. *Privatus*... P. 448–449; Pina Polo F. The Political Role... P. 420–425.

¹¹ Pina Polo F. The Political Role... P. 425–426.

¹² Pina Polo F. The Political Role... P. 426.

магистратам. Упомянутые почести и прерогативы *designati* не являются сугубо магистратскими, за несколькими исключениями (о них см. ниже).

А.М. Сморчков пишет о том, что общественные ауспиции (а также *potestas*) уже имелись у десигнатов, но «пока сохранялись полномочия действующих магистратов» – только «в скрытом виде»¹³. Ауспиции десигнат «реализовывал лишь после сложения полномочий прежним магистратом»¹⁴. Но если так, возможно ли выделять такую сущность как «отложенные ауспиции» и говорить о том, что общественные ауспиции уже имелись у десигнатов? На мой взгляд, в этом контексте уместно сравнение общественных ауспиций с самой магистратурой. Право на занятие последней с наступлением определенного срока *designatus* по результатам выборов, конечно, получал, однако самой магистратурой он пока не обладал ни в каком смысле хотя бы по той причине, что в Республике не могло быть одновременно, например, двух пар консулов. Впрочем, насколько можно видеть, А.М. Сморчков и не утверждает, что десигнат уже мог реально осуществлять общественные ауспиции с теми же последствиями, как и магистрат.

Следует согласиться с А.М. Сморчковым в том, что «[д]есигнированные магистраты получали определенный официальный статус», но что именно скрывается за тезисом о том, что «их положение похоже на магистратское»¹⁵? Говорить об «отложенных» ауспициях или *potestas* (как и об «отложенном» империи) можно, но если подразумевается, что десигнаты уже имели некоторые магистратские (или «квазимагистратские») полномочия в каком бы то ни было виде (даже усеченном) в период до вступления в должность, то с этим я согласиться не могу. Здесь ограничусь общими замечаниями. В §2 данной главы будет подробнее рассмотрены следствия из предположения некоторых исследователей о том, что десигнаты уже могли воспользоваться

¹³ Сморчков А.М. Религия и власть... С. 85.

¹⁴ Сморчков А.М. Религия и власть... С. 88.

¹⁵ Сморчков А.М. Религия и власть... С. 85–86.

ius edicendi (по поводу т.н. «эдиктов» десигнатов имеется больше информации источников).

Если по каким-либо причинам десигнат так и не вступал в должность, любые его предшествующие подготовительные действия, совершенные будто бы на основании полномочий, уже имевшихся у него «в скрытом виде» как у десигната, не получили бы никаких правовых последствий. В период же нахождения в статусе десигната эти действия не могли иметь значения потому, что, если бы они их имели, то ограничивали бы законные полномочия действующих должностных лиц. На мой взгляд, определение «похожий» употреблено А.М. Сморгочевым справедливо, но не следует искать проявления такой специфики положения десигнатов именно в публично-правовой или сакрально-правовой сфере.

Чтобы показать саму возможность предоставления отложенных полномочий, А.М. Сморгочев обращает внимание на практику отложенных империя и провинций промагистратов по закону Гн. Помпея 52 г.¹⁶ Однако закон Помпея не создавал никакой особой публично-правовой категории лиц с отложенными полномочиями, «похожих на промагистратов»: действительно, полномочия откладываются и затем «активируются» автоматически, но они не находятся в распоряжении экс-магистратов до момента «активации»¹⁷.

То, что по поводу провинций или по любым другим вопросам будущей деятельности в качестве магистратов десигнаты могли договориться заранее (и даже то, что по своему смыслу эти договоренности впоследствии приобретали значение государственного акта, так как с определенного момента становились договоренностями уполномоченных должностных лиц), не делает *designati* «похожими» на магистратов в таком смысле, чтобы можно было считать их обладателями магистратских или квазимагистратских

¹⁶ Сморгочев А.М. Религия и власть... С. 86–87.

¹⁷ Об этом законе см., напр., Steel C. The *Lex Pompeia de Provinciis* of 52 B.C. // *Historia*. 2012. Bd. 61. P. 83–93.

полномочий. Все эти решения – лишь договоренности частных лиц. Они превращаются в государственный акт, принятый данными лицами, только если и когда они сами фактически вступали в должность. Если же сенат приказывал десигнатам распределить провинции, то это государственный акт сената, а не десигнатов (например, Liv. 38.42.6: *sortiri iussi*). Субъект действия здесь сенат, а не десигнаты. Важно подчеркнуть, что даже сенатское постановление *de ornandis provinciis consularibus* в отношении десигнатов обычно не принималось (Cic. *Att.* 3.24.2: *neque enim umquam arbitror ornatas esse provincias designatorum*)¹⁸.

Даже если полагать, что распоряжение сената частным лицам, которое приводит к совершению последними политически значимых актов, каким-то образом делает *privati* «похожими на магистратов», то логически по-прежнему не требуется предполагать наличие у таких *privati* «квазимагистратских» возможностей на правовом уровне. Если распоряжение сената относится к будущим магистратам, то, хотя оно приобретает особое политическое значение, последнее нельзя описать в терминах обладания десигнатами какими-либо формальными магистратскими полномочиями.

Тезис А.М. Сморгкова о том, что положение десигнатов «похоже на магистратское и в отношении применявшейся политической терминологии»¹⁹, тоже требует комментария. То, что римляне могли описать принятие статуса десигната так, будто речь шла о получении уже самой магистратуры (*magistratum capere*), красноречиво свидетельствует как раз о том, что они не выработали такого специального обозначения самого статуса десигната (подобно статусам *privatus* и *magistratus*), которым могли бы заменить слово *magistratum* во фразе *magistratum capere*. Иными словами, статус десигната самостоятельного места на уровне понятий *privatus* и *magistratus* не занял. Следует согласиться с Ф. Пина Поло, который подчеркивает, что, будучи с формальной точки зрения определенно *privati*, десигнаты, а именно консулы-

¹⁸ Rafferty D. *Provincial Allocations...* P. 90.

¹⁹ Сморгков А.М. *Религия и власть...* С. 86.

десигнаты, «имплицитно воспринимались заранее как консуляры. Благодаря их будущему статусу высших магистратов, им предоставлялись ведущие роли в сенате и, как следствие, в обществе»²⁰.

Если *magistratum capere* означает «принять статус десигната» (а не сразу магистрата), то либо мы считаем тогда десигнатов магистратами *par excellence*, либо мы все-таки полагаем, что *magistratum* здесь следует понимать как описание будущей (а не актуальной) ситуации. Если последнее верно (как мне представляется, это единственная возможная интерпретация), то по такому же принципу, например, обозначение каких-то решений десигнатов как *edictum* не следует обязательно понимать так, будто речь идет об *edictum* как таковом, во всем подобном тому, который издавали магистраты (см. §2 данной главы).

Наконец, А.М. Сморгчов обращает внимание на то, что «[н]аиболее ярким свидетельством сходства положения десигнированных магистратов с положением действующих является запись в фастах имени консула 215 г. до н.э. Л. Постумия Альбина, который погиб, не успев вступить в должность. Таким образом, консулом его сделало избрание, а не последующие акты принятия должности»²¹. Безусловно, включение в фасты должно было отражать признание значимости самого факта избрания. Однако, оно никак не могло характеризовать публично-правовое положение того или иного лица в бытность десигнатом уже хотя бы по той причине, что фасты в рассматриваемой ситуации фиксировали юридическую фикцию, заключающуюся в добавлении в число магистратов того, кто так и не вступил в должность. (Если бы задачей была фиксация реального правового статуса, то данное лицо в фастах было бы обозначено как *designatus*.) Эта юридическая фикция, как представляется, позволяла номинально перевести десигната в разряд действующих магистратов, но тем самым она одновременно выводила субъекта из числа десигнатов. Иными словами, такая практика записей в фастах не имеет отношения к статусу десигната как таковому именно потому,

²⁰ Pina Polo F. The Political Role... P. 446.

²¹ Сморгчов А.М. Религия и власть... С. 86. Также см. С. 464, прим. 224.

что фиктивно закрепляет за конкретным протагонистом статус действующего магистрата, но выводит его из числа десигнатов. Следовательно, рассматриваемая формулировка не может приравнивать десигнатов к магистратам. Статус *designatus* просто не упоминается в этом источнике. Важнее, в данном случае, было утвердить за определенным лицом достижение им высшей ступеньки *cursus honorum*, так как это имело ключевое значение в условиях жесткой конкуренции внутри римской элиты (например, могло повлиять на электоральные перспективы потомства умершего десигната).

Однако следует отдельно рассмотреть три ситуации, которые не могут быть сразу интерпретированы в ключе, предложенном мною выше. Некоторые предполагаемые возможности магистратов-десигнатов выглядят действительно как квазимагистратские полномочия на формально-правовом уровне, а не как описание будущей ситуации: проведение выборов²², иммунитет от судебного преследования²³ и издание эдиктов: или отложенного действия (вступавших в силу после вступления десигнатов в должность²⁴), или начинавших действовать немедленно²⁵.

²² Pina Polo F. *The Political Role...* P. 431–434.

²³ Shackleton Bailey D.R. *Cicero's Letters to Atticus*. Vol. 2. P. 212.

²⁴ Lange L. *Römische Alterthümer*. Bd. I. S. 719; Willems P. *Le droit public romain...* P. 253; Karlowa O. *Römische Rechtsgeschichte...* S. 185; Mommsen Th. *Römisches Staatsrecht*. Bd. I. S. 203–204, 590–592; Greenidge A.H.J. *Roman Public Life...* P. 189; Сморгчов А.М. Религия и власть... С. 85–86. Ср. Becker W.A. *Handbuch der römischen Alterthümer...* S. 50–51; Hartmann O.E. *Der römische Kalender...* S. 254; Herzog E. *Geschichte und System...* S. 674; Ruggiero E. de. *Dizionario epigrafico...* P. 690.

²⁵ Bauman R.A. *The Abdication of «Collatinus»...* P. 130; Pina Polo F. *The Political Role...* P. 430. Ср.: Bouché-Leclercq A. *Manuel des institutions romaines*. Paris: Hachette, 1886. P. 52. Т. Ланфранки утверждает, что будущие магистраты «получали это право сразу после своего избрания, даже до официального вступления в должность» (Lanfranchi T. *Edicts and Decrees...* P. 54), «могли издавать эдикт сразу после избрания» (Lanfranchi T. *Edicts and Decrees...* P. 59), но неясно, имеет ли он в виду, что эдикты десигнатов имели отложенный эффект или вступали в силу немедленно. Исследователь ссылается, в частности, на фрагменты Cass. Dio 40.66.3 и 55.6.5 (см. об этом ниже), но не комментирует их. К. Розильо-Лопес (Rosillo-López C. *Political Conversations...* P. 209, включая п. 15) предпочитает следовать точке зрения Ф. Пина Поло и Т. Ланфранки и не соглашается с моими выводами (опубликованными в работе: Frolov R.M. *From privatus to magistratus: The Political Initiative and the Alleged ius edicendi of Magistrates-Elect in Republican Rome* // *Historia*. 2018. Bd. 67. S. 128–159). Однако исследовательница не предоставляет никаких дополнительных доводов «против» предложенной мною критики Р. Баумана, Ф. Пина Поло и Т. Ланфранки.

Из перечисленных трех моментов наименее убедительным является утверждение о том, что «*consules designati* также имели возможность председательствовать в комициях, когда был необходим второй тур голосования на консульских выборах»²⁶. Трудно представить ситуацию, в которой римляне ожидали бы, что *privatus* должен созывать *comitia*. Насколько мне известно, нигде явно не сообщается, что в комициях вновь избранный консул председательствовал в качестве десигната. Так, например, действительно, теоретически можно предположить, что в 216 г. Г. Теренций Варрон, будучи единственным консулом, должным образом избранным, проводил выборы своего коллеги как избранный консул (Liv. 22.35.2: *C. Terentius consul unus creatur, ut in manu eius essent comitia rogando collegae*). Но что могло помешать ему вступить в должность до проведения им выборов? Если речь шла об *interregnum*, как в данном случае, целью было скорейшее вступление консулов в должность²⁷. Процедура довыборов, когда в наличии оставался только один действующий консул, хорошо отражена в источниках. Так, согласно Ливию (23.24), в 215 г. один из избранных консулов умер, будучи еще *designatus*, что, конечно, не помешало его коллеге провести выборы (23.31.12) в качестве, как мы точно знаем в данном случае, именно действующего консула (23.30.18: *Ti. Sempronius consul idibus Martiis magistratum init*; ср. другой случай: Plut. *Marc.* 6.1). События 189 г. показывают, что был избран один консул, и он же провел комиции для доизбрания коллеги, однако сделал это на следующий день (Liv. 37.47.7: *Fulvius consul unus creatur, cum ceteri centurias non explessent, isque postero die Cn. Manlium Lepido deiecto – nam Messalla iacuit – collegam dixit*). Таким образом, точно имелось время для его вступления в должность²⁸.

²⁶ Pina Polo F. *The Political Role...* P. 451 (также см. P. 431–434). Ср.: Warrior V.M. *A Technical Meaning of ducere in Roman Elections? Livy's Account of the Elections of the Consuls for 189 B.C.* // *Rheinisches Museum für Philologie*. 1990. Bd. 133. S. 146–147.

²⁷ Дементьева В.В. Римское республиканское междуцарствие как политический институт. М.: Инфо-Медиа, 1998. С. 80, 106.

²⁸ Ср.: Сморгачев А.М. *Религия и власть...* С. 467, прим. 249.

То же самое должно было произойти в упомянутом случае Г. Теренция Варрона в 216 г. Мы знаем, что империй предыдущих консулов был продлен (Liv. 22.34.1), следовательно, Варрон мог вступить в должность немедленно. Ливий опустил эту деталь в данном случае. Но если он предпочитает предоставить информацию обо всей процедуре (ср., например, 6.1.9), то он прямо пишет, что после *interregnum* новые высшие должностные лица сразу вступили в должность (*hi ex interregno cum extemplo magistratum inissent*; ср. 3.55.1, 9.8.1). Таким образом, нет серьезных оснований для предположения о том, что десигнаты могли председательствовать на электоральных комициях.

Вопрос о том, пользовались ли *magistratus designati* хотя бы в некоторой степени иммунитетом от судебного преследования, является более сложным. В республиканском Риме магистраты обладали определенной защитой от обвинений в суде, хотя остается предметом дискуссии вопрос о том, насколько всеобъемлющей была такая защита, и на каких должностных лиц она распространялась на том или ином этапе истории Республики²⁹. Поскольку иммунитет могли получить именно вследствие занятия магистратуры, логично задаться вопросом о том, обладали ли им также *magistratus designati*. Вопрос этот в историографии не был обойден вниманием, однако есть, по меньшей мере, два обстоятельства, которые побуждают вновь обратиться к нему.

Во-первых, на мой взгляд, недооцененным остается значение исследования судебного иммунитета десигнатов для уточнения их правового статуса в целом. Ведь если, например, выясняется, что *designati* обладали иммунитетом подобно магистратам, то это может трактоваться как аргумент в поддержку уже упомянутого выше тезиса некоторых исследователей о том, что избранных должностных лиц формально нельзя назвать в полном смысле *privati*, и что они по своему правовому положению приближались к магистратам.

²⁹ См. об этом, в частности: Ryan F.X. *The Lex Scantinia and the Prosecution of Censors and Aediles* // *Classical Philology*. 1994. Vol. 89. P. 159–162; Kunkel W., Wittmann R. *Staatsordnung und Staatspraxis...* S. 259–265; Licandro O. *In magistratu damnari: ricerche sulla responsabilità dei magistrati romani durante l'esercizio delle funzioni*. Torino: G. Giappichelli, 1999. 438 p.

Во-вторых, аргументацию антиковедов, специально занимавшихся этой проблемой, необходимо скорректировать с учетом следующих моментов. Поскольку не все действующие магистраты обладали иммунитетом, для вывода о том, что десигнаты не имели такой защиты, какой были наделены магистраты, могут быть приняты во внимание только сведения, касающиеся лиц, избранных на должности, определенно предоставлявшие иммунитет (например, консулат). С другой стороны, вывод о возможности судебного преследования таких десигнатов хотя бы в рамках одного из процессов, по которым они после вступления в должность преследоваться не могли, уже вполне достаточен для заключения о том, что десигнаты находились в этом отношении на положении *privati*, а не *magistratus*.

Вопрос о судебном иммунитете десигнатов, прежде всего, нашел отражение в дискуссии между Э. Уэйнрибом и Д.Р. Шэкletonом Бэйли, развернувшейся на страницах журнала «Phoenix» в конце 60-х – начале 70-х гг. XX в.

Д.Р. Шэкleton Бэйли рассматривал пассаж из третьей книги «Дигест» (*Dig. 3.3.54*): «Павел в 50-й книге “Комментариев к эдикту”. Ни женщина, ни воин, ни тот, кому предстоит отсутствовать по делам государства, ни тот, кто страдает от хронической болезни, ни тот, кому предстоит занять должность магистрата, ни тот, кто не может быть принужден участвовать в процессе, не считается пригодным защитником»³⁰.

На основании этого текста Д.Р. Шэкleton Бэйли сделал вывод о том, что «тот, кому предстоит занять должность магистрата» (*qui magistratum initurus est*), «обладал иммунитетом». По мнению исследователя, поскольку известно, что десигнаты все же могли быть обвинены в нарушениях при соискании магистратуры (*de ambitu*), то такое обвинение представляло собой «исключение из правила»³¹. Отмечу, что, строго говоря, уже очевидно

³⁰ Paulus libro quinquagensimo ad edictum. neque femina neque miles neque qui rei publicae causa afuturus est aut morbo perpetuo tenetur aut magistratum initurus est aut inuitus iudicium pati non potest, idoneus defensor intellegitur.

³¹ Shackleton Bailey D.R. Cicero's Letters to Atticus. Vol. 2. P. P. 227, n. 51.

существенное различие между десигнатами и магистратами, поскольку первые могли быть обвинены *de ambitu*, было это исключением или нет. Но, может быть, десигнаты обладали иммунитетом хотя бы в части тех случаев, в которых частные лица им обычно не обладали? Есть основания для отрицательного ответа на этот вопрос.

Еще Й. Мадвиг писал, что «ничто не препятствовало судебному преследованию десигнатов», тогда как магистраты обладали «определенной личной неприкосновенностью»³². Тем не менее, именно Э. Уэйнриб (хотя на Й. Мадвига он не ссылается) в полемике с Д.Р. Шэклтоном Бэйли впервые попытался подробно обосновать эту позицию. Исследователь в статье, посвященной вопросу о возможности судебного преследования магистратов, отмечал, что Павел в приведенном выше пассаже не говорит о том, что десигнат обладал иммунитетом, но только перечисляет тех, кто не могли выступать в качестве чьих-либо представителей (*defensores*) в гражданском процессе. Из слов Павла можно сделать вывод прямо противоположный тому, к которому пришел Д.Р. Шэклтон Бэйли: десигнаты как раз могли быть вызваны в суд, потому что Павел отделяет того, кто «*magistratum initurus est*», от того, кто «*inuitus iudicium pati non potest*»³³.

Э. Уэйнриб приводит также свидетельство Кассия Диона о предоставлении судебного иммунитета всем «будущим магистратам» (*future magistrates*) Тиберием в 31 г. н.э. (Cass. Dio 58.8.3)³⁴. Исследователь и сам отмечает целый ряд трудностей в интерпретации этого эпизода³⁵. Но прежде всего нужно обратить внимание на то, что здесь не идет речь о *magistratus designati* в строгом смысле: защита предоставлялась тем «кому предстояло

³² Madvig J.N. Die Verfassung und Verwaltung des römischen Staates. Bd. 1. Leipzig: B.G. Teubner, 1881. S. 350. Ср.: Willems P. Le droit public romain... P. 253–254.

³³ Weinrib E.J. The Prosecution of Roman Magistrates... P. 51.

³⁴ «(Тиберий) предоставил и другим, кому предстояло управлять провинциями или выполнить какое-либо иное общественное поручение, неприкосновенность в этот период от данного обвинения» (<...> καὶ τοῖς ἄλλοις τοῖς ἡγεμονεύσειν τινῶν ἢ καὶ ἄλλο τι δημόσιον πράξειν μέλλουσιν ἄδειαν ἐν τῷ καιρῷ τούτῳ τῶν τοιοῦτων δίκῳν ἔδωκε).

³⁵ Weinrib E.J. The Prosecution of Roman Magistrates... P. 52–53.

управлять провинциями или выполнять какое-либо иное общественное поручение», а не «будущим магистратам».

Д.Р. Шэкстон Бэйли в ответе Э. Уэйнрибу сделал попытку опровергнуть его доводы³⁶. Ученый отметил, что перечисленные Павлом лица не могли быть *defensores* не «в силу тех или иных обстоятельств», как пишет Э. Уэйнриб, но по единственной причине – они не могли быть ответчиками (*rei*). Иными словами, термин *defensor* употреблен Павлом вместо *reus*, что Д.Р. Шэкстон Бэйли демонстрирует ссылкой на фразу Ульпина из того же титула Дигест, к которому относится отрывок из сочинения Павла (*Dig. 3.3.51.1*): *defendere est eandem vicem quam reus subire* («защищать значит следовать той же судьбе, что и ответчик»). Данный тезис нельзя принять, но к его обсуждению вернемся ниже.

Критиковал Д.Р. Шэкстон Бэйли и утверждение Э. Уэйнриба о том, что десигнаты могли быть призваны в суд именно потому, что Павел отделяет того, кто «*magistratum initurus est*», от того, кто «*inuitus iudicium pati non potest*». Если бы эти две категории действительно противопоставлялись, то пришлось бы признать, что и другие перечисленные группы лиц (например, женщины и воины) могли быть вызваны в суд, но это неверно. Следовательно, категория «*qui inuitus iudicium pati non potest*» введена просто для того, чтобы учесть всех тех, кто не попал в ранее указанные группы.

В заключение Д.Р. Шэкстон Бэйли привел список известных случаев судебного преследования десигнатов; все они, как он считал, – примеры обвинений *de ambitu*. Исследователь признавал, что простого отсутствия сведений об обвинении *designati* в других преступлениях недостаточно. Поэтому ученый сослался на Плутарха (*Plut. Cat. Min. 42*), который повествует о предложении принять в сенате в 55 г. постановление о вступлении следующих преторов в должность немедленно после избрания³⁷. Некоторыми сенаторами было предложено принять решение о том, чтобы избранные

³⁶ Shackleton Bailey D.R. The Prosecution of Roman Magistrates-Elect...

³⁷ Shackleton Bailey D.R. The Prosecution of Roman Magistrates-Elect...

преторы все же оставались частными лицами в течение 60 дней, т.е. могли бы в течение этого срока ответить перед судом в случае, если кто-то обвинит их *de ambitu* (Cic. *Q.fr.* 2.7.(9)). Не вполне ясно, как именно эти свидетельства должны, по мысли исследователя, поддерживать его тезис о допустимости преследования десигнатов только по обвинениям *de ambitu*. Из них, кажется, следует только то, что и так не являлось предметом дискуссии: возможность обвинения избранных магистратов в незаконном соискании должностей и невозможность обвинить в этом же самом уже действующих магистратов. Вывод же Д.Р. Шэклтона Бэйли в его ответе на критику Э. Уэйнриба остался прежним: по закону или по законам о *quaestio de ambitu* десигнаты могли преследоваться по данному обвинению, а по законам о других *quaestiones* – не могли.

Такой взгляд и ранее принимался рядом исследователей и оказывал существенное влияние на анализ ими более общих проблем, особенно событий политической борьбы в республиканском Риме³⁸. Сходной позиции придерживался Р. Бауман. Рассматривая эпизод, когда был осужден Гортензий, избранный консулом на 108 г., Р. Бауман отмечал, что «консул-десигнат, возможно, имел ту же защиту от судебного преследования, что и консул или другой магистрат». Аргументируется это следующим: прежде всего, как считал Р. Бауман, «ясно, что консул-десигнат был чем-то большим, чем просто *privatus*» (он уже давал клятву, его имя включалось в фасты, он мог издавать эдикты и т.д.)³⁹. Подчеркну, что даже если бы можно было признать наличие у десигната всех перечисленных прерогатив, отсюда еще нельзя было

³⁸ Например, еще Э. Сэмон в статье 1939 г. писал о попытках Г. Юлия Цезаря избежать ситуации, при которой он становился бы на время *privatus* и был бы подвержен атакам «оптиматов». Как только он стал бы *consul designatus*, то оказался бы в безопасности, поскольку, – пишет Э. Сэмон, – избранный консул обладал иммунитетом и мог быть осужден только за электоральные злоупотребления (Salmon E.T. *Caesar and the Consulship for 49 B. C.* // *Classical Journal*. 1939. Vol. 34. P. 389). О том, что для Цезаря важно было дожидаться именно вступления в консульство, а не просто избрания, см., напр.: Gagliardi L. *Cesare, Pompeo e la lotta per le magistrature: anni 52–50 a.C.* Milano: Giuffrè, 2011. P. 20–21.

³⁹ Bauman R.A. *The Abdication of «Collatinus»...* P. 130. Этот перечень уже приводился выше.

бы заключить (как это сделал Р. Бауман), что он должен был и в отношении наличия судебного иммунитета быть «чем-то большим, чем просто *privatus*», т.е. обладать иммунитетом. Исследователь, похоже, имел в виду здесь иммунитет десигнатов от всех видов обвинений, включая *de ambitu*⁴⁰, что, конечно, невозможно принять. Но, может быть, следует признать наличие у них защиты в отдельных случаях? Р. Бауман указывал на *lex Memmia* (принят до 113 г.), который, по его мнению, защищал и тех, кто был уже магистратами, и тех, кто вскоре должен был занять магистратуру⁴¹. Здесь Р. Бауман сделал ссылку на Т. Моммзена⁴².

Т. Моммзен отмечал, что защитой от судебного преследования пользовались, в частности, те, кто находился на военной службе, или те, кто покидал Италию по государственным делам. Ученый процитировал свидетельство Валерия Максима (3.7.9: «законом Меммия <...>, который запрещал принимать жалобы на тех, кто отсутствуют по государственному делу»)⁴³ и Светония (*Caes.* 23: «добился, чтобы не был ответчиком, пока отсутствует по государственному делу»)⁴⁴. Однако здесь не идет речь о десигнатах: в первом случае на защиту по закону Меммия претендовал действующий квестор (уже отправившийся в провинцию); во втором – говорится об успешном обращении Цезаря, готовившегося выполнять обязанности проконсула в Галлии, к плебейским трибунам с тем, чтобы они защитили его от вызова суд, пока он отсутствует по делам государства. Тоже самое замечание можно отнести и к двум приведенным Т. Моммзеном пассажам из 48-й книги «Дигест»⁴⁵. Примечательно здесь то, что сам

⁴⁰ Р. Бауман отмечал, что Гортензий мог быть осужден именно *de ambitu*. Его обвинению должен был предшествовать отказ от империя (магистратуры) и в том случае, если он был осужден после вступления в должность, и в том случае, если он был осужден, еще будучи десигнатом, потому что, подобно магистрату, десигнат не мог быть обвинен, пока не произошла абдикация империя (Bauman R.A. *The Abdication of «Collatinus»*... P. 130).

⁴¹ Bauman R.A. *The Abdication of «Collatinus»*... P. 130.

⁴² Mommsen Th. *Römisches Strafrecht*. Leipzig: Duncker & Humblot, 1899. S. 353, Anm. 2.

⁴³ *legis Memmiae*..., quae eorum, qui rei publicae causa abessent, recipi nomina vetabat.

⁴⁴ *obtinuit, cum rei publicae causa abesset, reus ne fieret.*

⁴⁵ *Dig.* 48.2.12pr.: «Венулей Сатурнин во 2-й книге “О публичных судах”. Следующих нельзя обвинять: легата императора, т.е. наместника провинции, <...>; также магистрата

Т. Моммзен не приводит эти свидетельства там, где специально пишет о десигнатах (в работе «*Römisches Staatsrecht*»). Он вновь ничего не говорит о десигнатах и тогда, когда указывает на упомянутое выше перечисление Павлом «непригодных» *defensores* (*Dig.* 3.3.54pr.). Замечание Т. Моммзена о том, что судебный иммунитет «распространялся также на тех, кто еще никуда не отправился, но уже имел обязательство отправиться» (*erstreckt sich auch auf den noch Anwesenden, aber zum Abgehen Verpflichteten*) относится, очевидно, не к категории «*qui magistratum initurus est*», а к другой группе лиц, названных Павлом в числе «непригодных» *defensores*, – «*qui rei publicae causa afuturus est*».

Возвращаясь к дискуссии Э. Уэйнриба и Д.Р. Шэклтона Бэйли, нужно отметить, что первый, отвечая на критику последнего, привел, на мой взгляд, еще более убедительные аргументы в пользу своей концепции⁴⁶. Прежде всего, Э. Уэйнриб пишет, что в составленном Д.Р. Шэклтоном Бэйли перечне случаев преследования десигнатов по обвинению *de ambitu* тип обвинения в действительности не везде очевиден. Далее Э. Уэйнриб концентрируется на критике рассуждений Д.Р. Шэклтона Бэйли, которые сводятся к тому, что если, согласно Ульпиану, *defendere est eandem vicem quam reus subire*, то десигнаты не могли быть *defensores* именно потому, что не могли быть *rei*, а преследование *de ambitu* – единственное исключение из этого правила. Э. Уэйнриб обращает внимание на то, что в составленном Павлом списке «непригодных» *defensores* среди прочих категорий упомянуты женщины и хронически больные. По логике Д.Р. Шэклтона Бэйли они также не могли быть

римского народа либо того, кто отсутствовал по государственным делам, если он отсутствовал не с целью уклонения от закона» (*Venuleius Saturninus libro secundo de iudiciis publicis. hos accusare non licet: legatum imperatoris, id est praesidem prouvinciae, <...>; item magistratum populi Romani eumue, qui rei publicae causa afuerit, dum non <d>etractandae legis causa abest*). *Dig.* 48.5.16.1: «Седьмой главой закона Юлия о прелюбодеяниях определено так: “Пусть никто не включает в список ответчиков того, кто будет на тот момент отсутствовать по государственным делам без уклонения (от закона)”» (*legis Iuliae de adulteriis capite septimo ita cauetur: ‘ne quis inter reos referat eum, qui tum sine <d>etrectatione rei publicae causa aberit’*). Ср.: *Cod. Iust.* 9.9.15.

⁴⁶ Weinrib E.J. The Prosecution of Magistrates-Designate... P. 145–150.

rei, однако он не приводит свидетельств о том, что хронически больные не могли быть ответчиками, а женщины, как известно, отвечали в *iudicia imperio continentia*. Кроме того, – добавляет Э. Уэйнриб, – в Дигестах список непригодных *defensores* у Павла и список тех, кто не мог быть *rei* (*Dig.* 2.4.2; см. ниже), у Ульпиана настолько различны, что нельзя заключить, что в них перечислены люди с тем же самым объемом ответственности (*identical liability*). У Ульпиана хронически больные, например, не упомянуты вообще, а из женщин отмечены только невесты, откуда следует, что все остальные могли быть вызваны в суд. Но тогда неверен тезис Д.Р. Шэклтона Бэйли о том, что в списке Павла в число тех, кто не мог быть *defensores*, включены те, кто не мог быть *rei*⁴⁷.

Э. Уэйнриб обращает внимание также на контекст пассажа Павла о *defensores*. Павел приводит свой список там, где он обсуждает *causae liberales*, а *defensores* в рамках процесса по этим делам могли выступать не только от лица ответчика, но и от имени истца. Это делает данный пассаж иррелевантным обсуждаемой проблеме. Даже если бы перечисленные Павлом категории лиц, не признававшихся *idonei defensores*, не могли бы также выступать и в качестве *rei*, отсюда не следовало бы то, что они не могли быть *rei* по любым другим, кроме *causae liberales*, делам в рамках гражданского процесса.

Следует согласиться с Э. Уэйнрибом в том, что наличие у десигнатов иммунитета от преследования в рамках гражданского процесса по всем обвинениям должно было быть зафиксировано в упомянутом выше списке Ульпиана, перечисляющего тех, кто не могли быть объектами *in ius vocatio* (*Dig.* 2.4.2)⁴⁸. Здесь перед нами текст, составленный с целью перечислить

⁴⁷ Также см.: *Dig.* 3.3.51 pr. Кроме того, Э. Уэйнриб отмечает, что в высказывании *defendere est eandem vicem quam reus subire* статус *defensor* вообще не определяется. Дж. Тейтем (Tatum W.J. *The Patrician Tribune...* P. 275, n. 97) добавляет: если принять вывод Д.Р. Шэклтона Бэйли, то магистраты с империем а fortiori тоже должны были быть перечислены в перечне «непригодных» *defensores* у Павла, поскольку они не могли быть ответчиками (однако их в списке нет).

⁴⁸ «Ульпиан в 5-й книге “Комментариев к эдикту”. Не следует вызывать в суд ни консула, ни префекта, ни претора, ни проконсула, ни других магистратов, которые обладают

именно тех, кто не мог быть вызван в суд, но среди таковых десигнатов нет. Включены только действующие магистраты. Причина их помещения в данный список, по мнению Э. Уэйнриба, состояла в наличии у них империя и *coercitio*, которых не было у десигнатов⁴⁹. Здесь уместно, на мой взгляд, еще раз подчеркнуть, что даже если бы десигнаты обладали империем или другими магистратскими прерогативами «в скрытом (неактивном) виде», это означало бы по-прежнему, что фактически они этих прав еще не имели, так как не могли ими воспользоваться на практике. Поэтому совершенно логично то, что десигнатов нет в перечне Ульпиана. Детализированность, исчерпывающий характер списка Ульпиана и его целевая направленность позволяют заключить, что десигнаты могли быть вызваны в суд.

Дигесты содержат еще один пассаж, где в самом общем виде говорится о возможности вызова в суд магистратов (*Dig. 47.10.32*)⁵⁰. Как верно подметил

империем, могут на кого-либо налагать наказание и приказывать заключить в тюрьму; ни понтифика, пока он совершает жертвоприношение; ни тех, кто из-за святости места не могут его покинуть, а также того, кто по государственному делу проезжает мимо на общественном коне. Кроме того, не следует вызывать в суд ни того, кто женится, ни ту, которая выходит замуж, ни судью, пока он расследует дело, ни того, кто излагает дело перед претором, ни того, кто организывает похороны близких или совершает над умершим положенные обряды» (*In ius vocari non oportet neque consulem neque praefectum neque praetorem neque proconsulem neque ceteros magistratus, qui imperium habent, qui et coercere aliquem possunt et iubere in carcerem duci: nec pontificem dum sacra facit: nec eos qui propter loci religionem inde se movere non possunt: sed nec eum qui equo publico in causa publica transvehatur. Praeterea in ius vocari non debet qui uxorem ducat aut eam quae nubat: nec iudicem dum de re cognoscat: nec eum dum quis apud praetorem causam agit: neque funus ducentem familiare iustave mortuo facientem*).

⁴⁹ Weinrib E.J. The Prosecution of Magistrates-Designate... P. 145–147.

⁵⁰ «Также магистратам не разрешено совершать что-либо противозаконное. Итак, если магистрат что-либо сделал через правонарушение, как в качестве будто бы частного лица, так и с использованием положения должностного лица, он может быть обвинен в правонарушении. Но может ли это быть сделано только после того, как он оставит магистратуру, или тогда, когда он еще ее исполняет? Более верно то, что, если он является магистратом, который не может быть законно вызван в суд, следует ждать до тех пор, пока он не откажется от должности. Если же он из числа младших магистратов, т.е. тех, которые не имеют империя или (высшей) власти, то он может быть вызван в суд непосредственно в период исполнения магистратуры» (*Nec magistratibus licet aliquid iniuriose facere. Si quid igitur per iniuriam fecerit magistratus vel quasi privatus vel fiducia magistratus, iniuriarum potest conveniri. Sed utrum posito magistratu an vero et quamdiu est in magistratu? Sed verius est, si is magistratus est qui sine fraude in ius vocari non potest, exspectandum esse quoad magistratu abeat. Quod et si ex minoribus magistratibus erit id est qui sine imperio aut potestate sunt magistratus et in ipso magistratu posse eos conveniri*).

Э. Уэйнриб, показателен уже сам факт того, что требующим пояснения автор пассажа (снова Ульпиан) посчитал возможность привлечения к ответственности действующих магистратов, а не десигнатов. Более того, различие есть даже между самими магистратами: вызову в суд высших магистратов препятствует наличие империя (его можно применить в свою защиту). Десигнаты же не могли воспользоваться империем.

В комментарии нуждается еще один важный тезис Э. Уэйнриба: если некоторые магистраты (такие как квесторы и эдилы) могли быть вызваны в суд в период исполнения магистратуры (см., например, Gell. *NA*. 13.13; *Dig.* 18.6.4), то а fortiori не было общего для всех десигнатов иммунитета от вызова в суд⁵¹. Само по себе это умозаключение мне кажется верным: действительно, в любом случае нельзя говорить о существовании судебного иммунитета у всех десигнатов. Логично, что если действующие квесторы могли быть вызваны в суд, то и квесторы-десигнаты тоже. Однако это еще не означает, что не обладали защитой, например, консулы-десигнаты. Следовательно, вывод об отсутствии у последних такой защиты должен подкрепляться иными аргументами, например, конкретными эпизодами привлечения к суду консулов-десигнатов (о чем речь пойдет ниже). Тем не менее, общий вывод Э. Уэйнриба можно принять.

Убедительно показав возможность обвинения десигнатов в рамках гражданского процесса, Э. Уэйнриб переходит к вопросу о *quaestiones*. Действительно, если, например, из общей формулировки Дигест следует, что десигнаты не числились в ряду тех, кто не мог быть объектом *in ius vocatio*, это еще не говорит о том, что они могли быть осуждены в рамках уголовного процесса. Что касается последнего, не вызывает сомнений то, что десигнаты

⁵¹ Weinrib E.J. The Prosecution of Magistrates-Designate... P. 148. Таким же путем исследователь рассуждает о возможности обвинения действующих квесторов в одном из постоянных уголовных судов: *quaestio de sicariis* (Weinrib E.J. The Prosecution of Magistrates-Designate... P. 149–150; см.: Cass. Dio 56.24.7). К этому можно добавить показания источников об обвинении П. Клодия, бывшего квестором-десигнатом, *de incestu*: Asc. 52–53C; Cic. *Att.* 1.13.3; *Schol. Bob.* 26 Hildebrandt (см. об этом: Tatum W.J. The Patrician Tribune... P. 74–75, 275, n. 97).

преследовались по делам *de ambitu*. Э. Уэйнриб, однако, делает попытку доказать, что это не единственное обвинение, по которому избранные магистраты могли быть привлечены к суду.

Исследователь ссылается, прежде всего, на *lex Acilia repetundarum* (8–9): «О тех, в отношении кого суд не будет проводиться, пока они будут исполнять магистратуру или обладать империем. Диктатор, консул, претор, начальник конницы, <...> Этим законом не устанавливается, что суд не может проводиться в отношении того из них, кто откажется от магистратуры или империя»⁵². Э. Уэйнриб обращает внимание на то, что в тексте закона к *habebunt* не добавляется *habituri sunt* (т.е. вновь нет никаких указаний о запрете преследования десигнатов). Однако до конца нельзя быть уверенным в этом из-за того, что не сохранилась концовка той строки, где находится слово *habebunt*, и начало следующей⁵³.

Более перспективным в плане доказательства возможности привлечения десигнатов к суду не только по обвинению *de ambitu* кажется текст Аскония (тоже упомянутый Э. Уэйнрибом), из которого прямо следует, что защита от обвинения *de repetundarum* приобреталась тогда, когда магистрат вступал в должность, а не с того момента, как его избирали (Asc. 19C): «Поэтому они боялись, как бы Скавр за те деньги, которые он отнял у союзников, не приобрел консульство (как ранее поступил его отец) и не вступил в должность до того, как по поводу него мог бы быть вынесен приговор»⁵⁴. Здесь идет речь именно о консульстве, а не, например, о квестуре. На мой взгляд, этот момент крайне важно подчеркнуть, так как пассаж позволяет сделать вывод о том, что

⁵² De hisce, dum mag(istratum) aut inperium habebunt, iudicium non fiet. Dic(tator), co(n)s(ul), pr(a)tor, mag(ister) eq(uitum), ... [Quei eorum e]x eo mag(istratu) inperioe abierit, quo min[us] de eo iudicium fiat, e(ius) h(ace) l(ege) n(ihilum) r(ogatur).

⁵³ Weinrib E.J. The Prosecution of Magistrates-Designate... P. 149.

⁵⁴ ...timere ergo se ne Scaurus ea pecunia quam a sociis abstulisset emeret consulatum et, sicut pater eius fecisset, ante quam de eo iudicari posset, magistratum iniret... О техническом выражении *magistratum inire*, обозначавшем именно вступление в должность, см.: Hartmann O.E. Der römische Kalender... S. 250–251; Herzog E. Geschichte und System... S. 673–675.

избранный в консулы не обладал судебным иммунитетом, даже несмотря на то, что действующий консул им, безусловно, пользовался.

Сам Э. Уэйнриб посчитал вполне достаточным недвусмысленное указание Аскония на вступление в должность как на момент, после которого возникала защита от судебного преследования⁵⁵. Однако в позднейшей литературе можно встретить иной подход. Автор изданного в середине 80-х гг. XX в. подробного комментария к сочинениям Аскония Б. Маршалл, которому дискуссия Д.Р. Шэклтона Бэйли и Э. Уэйнриба была знакома, полагал, что если бы выборы для Скавра оказались успешными, он, став консулом-десигнатом, получил бы иммунитет от судебного преследования (кроме обвинения в противозаконном ведении предвыборной кампании)⁵⁶. Б. Маршалл, таким образом, следовал здесь концепции Д.Р. Шэклтона Бэйли, хотя не объяснял, почему предпочел данное мнение. Таким образом, либо он по какой-то причине проигнорировал аргументацию Э. Уэйнриба, либо, что вероятнее, посчитал ее не убедительной. Так или иначе, это заставляет внимательнее проанализировать свидетельство Аскония.

Для аргументации своей позиции Б. Маршалл сделал ссылку на Цицерона. Тот в одном из писем к Аттику пишет (*Cic. Att.* 4.15.9): «Наконец, готовлюсь выступать за Друза, а потом за Скавра. Будут у речей славные названия. Возможно, консулы-десигнаты тоже обратятся. Если в их числе не будет Скавра, то на этом суде у него возникнут серьезные проблемы»⁵⁷. По моему мнению, вряд ли на основании этого пассажа можно предположить, что попадание в число десигнатов избавило бы Скавра от обвинения. Скорее избрание в консулы сделало бы защиту проще, но не спасло бы от суда⁵⁸.

⁵⁵ Weinrib E.J. *The Prosecution of Magistrates-Designate...* P. 149.

⁵⁶ Marshall B.A. *A Historical Commentary on Asconius*. Columbia: University of Missouri Press, 1985. P. 124.

⁵⁷ *deinde me expedio ad Drusum, inde ad Scaurum. Parantur orationibus indices gloriosi. Fortasse accedent etiam consules designati. in quibus si Scaurus non fuerit, in hoc iudicio valde laborabit.*

⁵⁸ Ср.: Weinrib E.J. *The Prosecution of Magistrates-Designate...* P. 149, n. 8. Вывод о том, что для получения иммунитета необходимо было вступление в должность консула, а не просто избрание, т.е. статус консула-десигната, можно обнаружить также, например, в книге В. Кункеля (*Kunkel W., Wittmann R. Staatsordnung und Staatspraxis...* S. 256, Anm. 17a), в

В пользу такой интерпретации может свидетельствовать, как представляется, еще одно обстоятельство. Асконий сообщает, что обвинители во главе с П. Валерием Триарием так и не отправились на Сардинию и Корсику для сбора свидетельств против ответчика, объяснив это тем, что не хотели терять 30 дней ввиду приближавшихся консульских выборов (Asc. 18–19C). Скавр для участия в них вернулся в Рим 29 июня (Asc. 18C). Консульские выборы, которые должны были пройти примерно в течение следующей недели-двух, постоянно откладывались и состоялись только в следующем, 53 г.⁵⁹. Тем не менее, на момент, когда обвинители отказались от того, чтобы ехать за сбором доказательств, т.е. на сессии суда 6 июля, никто не предполагал, что выборы будут перенесены почти на целый год. Таким образом, если бы обвинители опасались не вступления Скавра в должность консула, а уже самого его избрания в консулы, то наличие или отсутствие задержки в 30 дней никак не повлияло бы на ситуацию: обвинители с большой долей вероятности в любом случае не успевали до выборов довести суд до конца. Тем более, что могущественные и многочисленные союзники Скавра (в его защиту, помимо Цицерона, выступало еще пятеро известнейших ораторов, что необычно много, см.: Asc. 20C), конечно, смогли бы успешно вести даже уже начавшийся процесс так, чтобы он не был завершен до выборов. И действительно, фактически суд над Скавром завершился только в сентябре (Cic. Att. 4.17.4). Но если задержка в 30 дней, несмотря на то, что и с ней, и даже без нее суд вряд ли бы завершился до выборов (будь они проведены в обычные сроки – летом), все-таки имела такое принципиальное значение для обвинителей, о каком пишет Асконий, то это дополнительный аргумент в пользу того, что именно вступление в должность, а не избрание в консулы,

монографии Э. Груена (Gruen E.S. *The Last Generation of the Roman Republic*. Los Angeles; London, 1974. P. 333, n. 108) и статье Ф. Пина Поло (Pina Polo F. *The Political Role...* P. 445–446). Однако все три исследователя не останавливаются подробно на аргументации этого тезиса.

⁵⁹ Squires S. *Notes // Asconius. Commentaries on Five Speeches of Cicero* / Ed., transl. S. Squires. Bristol; Wauconda: Bristol Classical Press; Bolchazy-Carducci Publishers, 1990. P. 148; Lewis R.G. *Commentary // Asconius. Commentaries on Speeches by Cicero* / Transl., comm. R.G. Lewis. Oxford: Oxford University Press, 2006. P. 218.

давало бы Скавру иммунитет от обвинения *de repetundarum*. Если до вступления в должность оставалось бы после избрания порядка пяти месяцев, то тогда наличие дополнительной 30-дневной задержки вполне могло оказаться принципиальным, учитывая, что в распоряжении влиятельных заступников обвиняемого и без того были многочисленные возможности затянуть суд (о них можно получить представление хотя бы на примере известного дела Верреса).

Но чем же, в таком случае, объяснить указание Аскония на то, что обвинители торопились именно в связи с приближавшимися выборами? Как представляется, они могли стремиться не столько к тому, чтобы Скавр был признан виновным, сколько к тому, чтобы просто успеть инициировать против него судебный процесс. Зачем? Сами обвинители объясняли отказ от 30-дневного расследования нежеланием допускать растрату Скавром вывезенных им из провинции средств на «покупку» консульства (Asc. 19C). По мнению Дж. Льюиса, настоящая цель обвинителей состояла в том, чтобы, начав этот процесс, не допустить успеха Скавра на выборах или снизить его шансы⁶⁰. Действительно, Цицерон прямо говорит именно об этом: «Но вся эта стремительность и поспешность, то, что ты отказался от расследования, положил конец всему предыдущему процессу, сделало очевидным и ясным (это, однако, и не было секретом) то, что этот суд был устроен не ради правосудия, а из-за консульских комиций»⁶¹. Таким образом, не избрание угрожало суду, а суд – избранию. Между прочим, хотя Скавр был оправдан (Asc. 28C), он не стал консулом. Может быть, обвинители все-таки достигли своей настоящей цели⁶²? Отказавшись от 30-дневного расследования, они успели начать процесс до выборов, что не только могло, но и, вероятно,

⁶⁰ Lewis R.G. Commentary... P. 218.

⁶¹ *Scaur.* 30: sed omnis ista celeritas ac festinatio, quod inquisitionem, quod priorem actionem totam sustulisti, illud patefecit et inlustravit quod occultum tamen non erat, non esse hoc iudicium iudici, sed comitorum consularium causa comparatum. Также см. *Scaur.* 31–37. Ср.: Gruen E.S. *The Last Generation...* P. 333.

⁶² Как, вероятно, добились ее и те, кто выступал в защиту Скавра, заинтересованные только в его оправдании, а не избрании консулом, см. об этом: Gruen E.S. *The Last Generation...* P. 333–337.

действительно повлияло на их результаты: Скавр, хотя его шансы первоначально оценивались как весьма высокие, не стал консулом⁶³. Так или иначе, аргументация в пользу такого прочтения эпизода со Скавром, безусловно, должна оцениваться с учетом существования других доводов в пользу отсутствия у десигнатов, включая консулов-десигнатов, иммунитета от преследования в уголовных судах (по меньше мере – в *quaestio de ambitu*)⁶⁴.

Ответа Д.Р. Шэклтона Бэйли на последний упомянутый материал Э. Уэйнриба уже не последовало. На мой взгляд, выводы Э. Уэйнриба, хотя и нуждаются в корректировках, в целом убедительны. Они важны, однако, не только сами по себе. Если *designati* не пользовались судебным иммунитетом (как в гражданском, так и в уголовном процессах) в объеме большем, чем другие *privati*, то предположение о том, что в этом отношении десигнаты по своему положению приближались к магистратам, неверно. Следовательно, и с данной точки зрения *designati* формально оставались в полном смысле *privati*. Гражданская и уголовная ответственность десигнатов была идентична таковой у других частных лиц и, соответственно, принципиально отличалась от ответственности действующих магистратов. Сформулированный в таком виде, этот вывод важен для исследования статуса *designatus* в контексте выяснения набора магистратских полномочий, которым, возможно, пользовались его обладатели. Прежде всего уже в свете сказанного о возможности судебного преследования консулов-десигнатов крайне проблематичным выглядит довольно распространенный в историографии тезис о том, что они, подобно действующим магистратам, могли воспользоваться *ius edicendi*.

⁶³ См.: Gruen E.S. *The Last Generation...* P. 332.

⁶⁴ Э. Уэйнриб (Weinrib E.J. *The Prosecution of Magistrates-Designate...* P. 149) предполагает, что *designati* могли быть вызваны и в *quaestio de adulteriis*. Так, в «Дигестах» уточняется процедура в случае обвинения магистрата *de adulteriis*, но совсем не упоминается десигнат, статус которого, следовательно, даже не требовал специальных процедурных оговорок в случае преследования по данному обвинению (*Dig.* 48.5.39.10).

§2. Проблема *ius edicendi* и политическая инициатива *magistratus designati*⁶⁵

Предполагаемое право десигнатов на издание эдиктов подобно магистратам заслуживает большего внимания, чем оно до сих пор получило в историографии, по крайней мере, по двум причинам. Во-первых, во многих случаях, когда *designati* приобретали важное значение и брали политическую инициативу в свои руки, можно предположить, что свою роль в этом сыграло возможное наличие у них *ius edicendi*. Во-вторых, в отличие от права на проведение выборов, некие *edicta* десигнатов в источниках действительно упомянуты. Но прежде, чем двигаться далее, необходимо уточнить, как именно могло реализовываться *ius edicendi* магистрата.

Ius edicendi магистрата означало, прежде всего, право издавать постановления, обладающие обязательной юридической силой⁶⁶. Но, предположим⁶⁷, что магистратский *edictum* мог приобретать характер «декларативного», т.е. не подразумевавшего обязательное подчинение граждан его предписаниям. Разумеется, это вовсе не означало бы, что любое заявление магистрата являлось *edictum*. Существование магистратских «декларативных эдиктов» (условно обозначу их так) также не подразумевало бы, что некоторые публичные заявления, сделанные обычными *privati*, могли считаться эдиктами⁶⁸. Как заметил В. Кункель, не существует свидетельств того, что термины *edictum* или *edicere* использовались для частных заявлений⁶⁹. В противном случае разница между *edictum* и любой публичной речью отсутствовала бы. Это различие должно быть чем-то обусловлено.

⁶⁵ Основные выводы параграфа опубликованы в работе: Frolov R.M. From *privatus* to *magistratus*...

⁶⁶ См. напр.: Lanfranchi T. Edicts and Decrees... P. 52–54, 59, 80–81.

⁶⁷ Lanfranchi T. Edicts and Decrees... P. 62.

⁶⁸ Ср.: Mommsen Th. Römisches Staatsrecht. Bd. I. S. 202–204.

⁶⁹ Kunkel W., Wittmann R. Staatsordnung und Staatspraxis... S. 178, Anm. 293. Также см.: Mommsen Th. Römisches Staatsrecht. Bd. I. S. 202–203, Anm. 2.

Если мы рассмотрим некоторые случаи магистратских эдиктов, которые могут быть охарактеризованы как «декларативные», то обнаружим, что все они по определению предусматривали, что их инициировало лицо, наделенное властью, поскольку в противном случае исчезала бы сама причина делать подобные заявления. Так, теоретически можно представить, что *privatus* объявляет о трехдневном благодарственном молебне, но, когда такое объявление озвучивал магистрат, подразумевалось, что он делал это по поручению сената, которое адресовывалось только магистрату, а не лицу иного статуса (ср. Liv. 27.51.8). С другой стороны, мы знаем, что преторы сами определяли день, в который они будут объявлять о заключении подрядов (Liv. 23.48.12). Участие других акторов в этом процессе не было обязательным, и все же этот «декларативный эдикт» (если его можно так назвать) существовал только потому, что претор обладал властью сдавать подряды (ср. *Tab. Heracl.* 34). Когда в 92 г. цензоры опубликовали эдикт без каких-либо прямых предписаний (Gell. NA. 15.11.2), он все же предусматривал то, что В. Кункель назвал «*autoritative Empfehlung*»⁷⁰. Кто, кроме цензоров, мог издать подобную «экспертную рекомендацию»? Дело заключалось даже не в том, что никто другой не имел такого права, а в том, что рекомендация именно такого рода теряла бы смысл, если бы озвучивалась кем-то другим, кроме цензоров. Поэтому магистратский (или жреческий) *edictum* даже исключительно информирующего характера был не просто заявлением, но содержал строго официальную и достоверную информацию, которая не могла исходить от других лиц по двум простым причинам: либо они сами не обладали этой информацией, либо заявление, прозвучавшее из их уст, не находило заинтересованного адресата. Например, народ мог уже знать о факте разгрома легионов, но официальной эта информация становилась только после того, как ее озвучивал магистрат, заявление которого и называлось *edictum*. Если бы такого различия не было, то нельзя было бы объяснить, почему народ с таким нетерпением ждал официальное объявление (Liv. 22.7.6–8).

⁷⁰ Kunkel W., Wittmann R. Staatsordnung und Staatspraxis... S. 179, Anm. 296.

Несмотря на все сказанное, предположим, что *designati* все же обладали неким особым *ius edicendi*, которое не позволяло им издавать юридически обязательные постановления, а лишь делало возможными «декларативные эдикты». Поскольку это право по определению должно было выступать преимуществом *designati*, которого не было у других *privati*, оно отличалось бы не только от «магистратского» *ius edicendi*, но и от любого права других *privati*. Однако последнее было бы невозможно, если мы говорим о юридически закрепленных полномочиях. С юридической точки зрения, не могло быть различий в содержании заявлений *privati* и *designati*, поскольку они носили в равной степени декларативный характер. Единственное формальное различие заключалось в том, что в первом случае говорил «рядовой» *privatus*, а во втором – будущий консул или претор. Ниже я делаю попытку показать, что именно по этой причине в источниках описываются особые политические последствия обычных заявлений десигнатов. Однако это не имеет никакого отношения к предполагаемым различиям между *designati* и другими *privati* в отношении того, какого рода публичные заявления они имели право озвучивать. Таким образом, если предположить, что *designati* обладали каким-либо *ius edicendi*, они должны были располагать не «усеченным», а именно «полноценным магистратским» *ius edicendi*, включающим право издавать обязательные для исполнения постановления. В противном случае было бы невозможно на правовом уровне отличить права *designati* от прав других *privati* (если только не предположить, что каждый гражданин обладал каким-то вариантом *ius edicendi*).

Эти общие рассуждения должны быть проверены. Помимо выяснения того, мог ли *designatus* издать обязательное для исполнения предписание или нет, необходимо для каждого конкретного случая, рассматриваемого ниже, уточнить, имели ли практический смысл предполагаемые «декларативные эдикты» *designati*.

Если предположить, что «эдикты», издаваемые консулами-десигнатами «в последние дни консульского года, по всей видимости, имели то же

значение, что и эдикты действующих магистратов», – как считает Ф. Пина Поло⁷¹, – то мы столкнулись бы с рядом сложных вопросов. Что происходило бы, если бы эдикты будущих и нынешних магистратов противоречили бы друг другу? Каким образом можно было разрешить такой конфликт? Если распоряжения избранных магистратов касались только сроков их собственных магистратур, они вполне могли опубликовать их сразу после вступления в должность, что делало бы их предполагаемое *ius edicendi* избыточным. Если же, напротив, их эдикты могли касаться периода деятельности предшествующих магистратов, это означало бы официальное признание права избранного магистрата осуществлять свои магистратские полномочия за рамками установленного годовичного срока. В этом случае мы возвратились бы к уже упомянутой выше гипотетической ситуации, когда в какой-то момент, например, две пары лиц с консульскими полномочиями осуществляли бы свои функции одновременно. Это следовало бы рассматривать как нарушение основных принципов *res publica*⁷².

Возникает также вопрос о том, как развивалась бы ситуация, если бы одно и то же лицо было одновременно избранным и действующим магистратом, как в случае Кв. Бебия Тамфила, который проводил Плебейские игры в качестве эдила и одновременно был избранным претором в 200 г. (Liv. 31.50.3), или с Т. Семпронием Гракхом, который в 216 г. являлся *magister equitum*, курульным эдилом, и избранным консулом в одно и то же время, когда проводил Римские игры (Liv. 23.24.3, 23.30.16). Остается только догадываться, в каком статусе эти лица издавали эдикты.

Избранный магистрат не имел бы возможности обеспечить исполнение своего *ius edicendi*, если бы для вступления в силу эдикты должны были быть произнесены на *contio*, а *designati*, как неоднократно подчеркивал Ф. Пина

⁷¹ Pina Polo F. *The Political Role...* P. 451.

⁷² См. Cass. Dio 43.46.4; Cic. *Fam.* 7.30.4; Hinard F. *Dion Cassius...* P. 267–268.

Поло, не имели *potestas contionandi*⁷³, права созывать *contio* без каких-либо препятствий.

Необходимо учитывать не только сходства, но и существенные различия между положением действующих и будущих магистратов, например, то, что *designati* могли быть привлечены к ответственности в тех случаях, когда действующие магистраты обладали иммунитетом (см. §1 данной главы).

На мой взгляд, предполагаемое «полноправное магистратское» *ius edicendi* избранных магистратов создает больше затруднений, чем предлагает решений, тем самым вынуждая рассмотреть другую возможную трактовку: избранные магистраты не могли издавать эдикты (любого рода), равно как не обладали они никакими иными официальными магистратскими полномочиями, если одновременно не занимали других должностей и не пользовались иными дополнительно предоставленными им полномочиями.

Т. Моммзен – один из тех исследователей, которые признавали затруднения, связанные с гипотезой, подвергаемой здесь сомнению. Он допускал возможность того, что избранные магистраты не могли оглашать эдикты народу. Они могли «публиковать» или «представлять» эдикты в письменной форме⁷⁴. Мысль Т. Моммзена, однако, не совсем ясна: если избранные магистраты не могли оглашать эдикты перед народом, то почему мы можем утверждать, что они обладали *ius edicendi*? Можно ли называть эти постановления *edicta* в общепринятом техническом смысле? Теоретически каждый мог заниматься разработкой, своего рода, «эдиктов» и даже каким-то образом представлять их публично, но эти постановления не могли стать

⁷³ Pina Polo F. *The Political Role...* P. 444. Позднее исследователь изменил свое прежнее мнение, см.: Pina Polo F. *Magistrates-Elect...* Однако даже если существуют доказательства в пользу того, что *designati* обладали *potestas contionandi* (эти доказательства не являются исчерпывающими, см.: Pina Polo F. *Magistrates-Elect...* P. 71), наличие у них такого права по-прежнему ничего не говорит об их предполагаемом «магистратском» *ius edicendi*. Возможность созыва *contio* нельзя сравнивать с магистратской властью издавать эдикты. В первом случае речь шла о собрании, которое по определению не принимало решений. Тогда как *ius edicendi*, как мы видели, было не просто публичным выступлением (заявлением), но также должно было включать в себя распоряжение, обязательное для исполнения всеми гражданами.

⁷⁴ Mommsen Th. *Römisches Staatsrecht*. Bd. I. S. 591.

обязательными, если не были объявлены официально. Т. Моммзен сам отмечал, что право издавать эдикты было тесно связано с возможностью публично объявлять о них на *contio*⁷⁵. Ф. Пина Поло также подчеркивает важность процедуры под названием *edicere in/pro contione*, право осуществлять которую было предоставлено только действующим магистратам⁷⁶. Т. Моммзен, очевидно, обнаружив здесь противоречие, выдвинул гипотезу о том, что избранные магистраты представляли собой исключение, «аномалию», и сформулировал дополнительное предположение: эдикты *designati* вступали в силу только после вступления в должность⁷⁷. Полагаю, что это дополнение мало что меняет. Если допустить, что Т. Моммзен прав, то можно представить две процедурные возможности. В первом случае избранный магистрат лишь «представлял» эдикт (в письменном виде?), но не «объявлял» его, поэтому тот не вступал в силу. Когда избранный магистрат вступал в должность, ранее сформулированный эдикт вступал в силу незамедлительно и автоматически, без повторного объявления, иначе не было бы смысла официально «представлять» его до вступления в должность. Но каким образом эдикт мог вступить в силу, так и не будучи обнародованным? Остается вторая возможность: вступая в должность, магистрат мог огласить как новые указания, так и эдикт, над которым он уже работал ранее и о котором было известно еще в бытность его *designatus*. Но во всех этих гипотетических ситуациях магистрат, как можно предположить, действовал бы абсолютно одинаково (начинал бы процесс «с самого начала»).

Впрочем, даже те исследователи, которые утверждают, что избранные магистраты имели право издавать эдикты, выражают сомнения в доказательной силе приводимых ими свидетельств. Так, Э. Линтотт полагает⁷⁸, что слова Диона о возможности для консулов-десигнатов издавать

⁷⁵ Mommsen Th. *Römisches Staatsrecht*. Bd. I. S. 205.

⁷⁶ Pina Polo F. *The Consul at Rome: The Civil Functions of the Consuls in the Roman Republic*. Cambridge: Cambridge University Press, 2011. P. 83; *The Political Role...* P. 444.

⁷⁷ Mommsen Th. *Römisches Staatsrecht*. Bd. I. S. 203–204.

⁷⁸ Lintott A.W. *Cassius Dio...* P. 2523.

эдикты⁷⁹ подтверждаются сообщением Ливия о некоторых распоряжениях избранного консула Г. Фламиния⁸⁰. Но Ф. Пина Поло⁸¹ рассуждает в обратном порядке: данный фрагмент у Диона ясно указывает на то, что Г. Фламиний у Ливия (21.63.1–2) также мог издать эдикт, несмотря на все сомнения по поводу этого эпизода⁸². Но если фрагмент у Диона однозначен, то почему Э. Линтотт счел нужным подтвердить его не столь очевидным (с точки зрения Ф. Пины Поло) случаем из труда Ливия, и наоборот? Для того чтобы иметь основания утверждать, что избранные магистраты издавали некий юридически обязательный эдикт (или даже, в крайнем случае, «декларативный эдикт», но все же юридически отличный от заявлений других *privati*), необходимо убедиться, что источники не допускают иных логически непротиворечивых интерпретаций. В противном случае не удастся избежать вышеупомянутых проблематичных следствий общего характера из гипотезы о наличии у десигнатов *ius edicendi*.

§2.1. Эдикт претора-десигната? Случай Г. Верреса.

Цицерон обвинял Верреса, среди прочего, в неправомерных действиях в период, когда тот был *praetor designatus* в 75 г. Анализ эпизода требует обратить внимание на три крупных фрагмента одной из речей оратора, имеющих самое прямое отношение к рассматриваемому мною вопросу:

«Тут прошу вас прежде всего убедиться в его добросовестности при составлении эдикта. П. Анний Азелл умер тогда, когда претором был Г. Сацердот. Имея единственную дочь ... сделал дочь наследницей своего имущества. Итак, дочь была наследницей ... будучи назначенным претором, он [Веррес] обращается к Л. Аннию, который был назначен

⁷⁹ *Gracchata* (Cass. Dio 40.66). См. §2.3 данной главы.

⁸⁰ *Edictum et litterae* (Liv. 21.63.1–2). См. §2.5 настоящей главы.

⁸¹ И, в дополнение, другой похожий случай (55.6), о котором см. §2.4 данной главы.

⁸² Pina Polo F. *The Political Role...* P. 428–429.

наследником после дочери, ... говорит, что может сделать его наследником на основании своего эдикта, и учит его, что следует ему делать. Одному приятно было продать, другому купить.»⁸³ (Пер. здесь и следующих фрагментов – В.А. Алексеева.)

«Но кто издает новый закон в области гражданского права, разве объявляет недействительным все, что было раньше? Вспомните законы Атиния, Фурия, Фузия, да и сам вышеназванный закон Вокония, далее, все законы по гражданскому праву, – вы найдете, что все эти законы народ имеет право применять к делу только после их обнародования. Кто понимает эдикт претора в самом широком значении, тот называет его «годовичным законом»; ты же хочешь, чтобы действие твоего эдикта было более продолжительным, чем действие самого закона. Если крайним сроком действия эдикта претора считаются январские календы, то и начинаться оно может не раньше январских календ; если действие преторского эдикта не может распространяться на год должности его преемника, то оно не может распространяться и на год должности его предшественника»⁸⁴.

«Та же развязность, под влиянием которой он, будучи назначенным претором, составлял свой эдикт по желанию лиц, которые сторговались с ним о возведении своей прибыли в право – та же развязность, повторяю,

⁸³ *Verr.* 2.1.104–105: qui principio qualis in edicto constituendo fuerit cognoscite. P. Annius Asellus mortuus est C. Sacerdote praetore. is ... fecit ut filiam bonis suis heredem institueret. ... iste praetor designatus ... appellat heredem L. Annium, qui erat institutus secundum filiam...; dicit se posse ei condonare edicto hereditatem; docet hominem quid possit fieri. illi bona res, huic vendibilis videbatur.

⁸⁴ *Verr.* 2.1.109: de iure vero civili si quis novi quid instituit, is non omnia quae ante acta sunt rata esse patietur? cedo mihi leges Atinias, Furias, Fusias, ipsam, ut dixi, Voconiam, omnis praeterea de iure civili: hoc reperies in omnibus statui ius quo post eam legem populus utatur. qui plurimum tribuunt edicto, praetoris edictum legem annuam dicunt esse: tu edicto plus amplecteris quam lege. si finem edicto praetoris adferunt Kalendae Ianuariae, cur non initium quoque edicti nascitur a Kalendis Ianuariis? an in eum annum progredi nemo poterit edicto quo praetor alius futurus est, in illum quo alius praetor fuit regredietur?

дозволяла ему по вступлении в отправление должности издавать декреты, противоречащие его собственному эдикту»⁸⁵.

Ссылаясь на это свидетельство (*Verr.* 2.1.105–110), Э. Линтотт вслед за П. Виллемсом и Т. Моммзенем отмечает, что преторы «издавали свои эдикты заранее»⁸⁶. Однако последние также ссылаются (без какого-либо комментария) на фрагменты *Verr.* 2.1.105 и *Verr.* 2.1.109 соответственно, чтобы продемонстрировать, что *designati* могли издавать эдикты, которые становились юридически обязательными после вступления десигнатов в должность⁸⁷.

Для начала нам следует выяснить, что же именно сделал Веррес, согласно Цицерону. В пассаже *Verr.* 2.1.104–105 оратор говорит, что изложит действия Верреса *in edicto constituendo*. Что подразумевается здесь под словом *constituere*? Цицерон пишет, что Веррес, будучи *designatus*, предложил Л. Аннию включить в эдикт определенные положения, которые позволили бы последнему получить наследство. Затем Цицерон сообщает, что Л. Анний был готов заплатить за это. Однако нам неизвестно, был ли эдикт с необходимыми особыми положениями не просто обещан, но и действительно издан в то время, когда Веррес еще был *designatus*⁸⁸. Уже на этом моменте мы можем остановиться, поскольку даже такой вывод означает, что рассматриваемый фрагмент не является достаточным аргументом в пользу существования *ius edicendi* у избранных магистратов. Однако следует отметить еще один нюанс. Весь этот вопрос может касаться только *edictum perpetuum*. Нет необходимости подробно доказывать, что претор обычно издавал свой *edictum perpetuum* вскоре после вступления в должность (*magistratum inire*), а не до

⁸⁵ *Verr.* 2.1.119: *et cum edictum totum eorum arbitrato, quam diu fuit designatus, componeret qui ab isto ius ad utilitatem suam nundinarentur, tum vero in magistratu contra illud ipsum edictum suum sine ulla religione decernebat.*

⁸⁶ Lintott A.W. *Cassius Dio*... P. 2523.

⁸⁷ Willems P. *Le droit public romain*... P. 253; Mommsen Th. *Römisches Staatsrecht*. Bd. I. S. 203–204.

⁸⁸ Ср.: Кофанов Л.Л. Значение избирательной кампании на должность претора в составлении *edictum perpetuum* // *Ius antiquum*. Древнее право. 2014. № 29. С. 69–93.

этого⁸⁹. Если бы Веррес каким-то образом изменил эту стандартную ситуацию, Цицерон, несомненно, упомянул бы об этом.

В пассаже *Verr.* 2.1.119 Цицерон сообщает, что Веррес как *designatus* составил эдикт (*componere*), но позже, будучи действующим претором, вынес постановления (*decernere*), которые противоречили эдикту. Следовательно, последний был обнародован за некоторое время до того, как Веррес приступил к исполнению судебных обязанностей. И вновь мы не знаем, когда именно. Это вполне могло произойти сразу после его вступления в должность. Составлять и издавать эдикт – два совершенно разных действия⁹⁰. Естественнo, что для претора не было лучшего (точнее, никакого другого) времени для составления эдикта, чем момент, когда он был *designatus*.

Наконец, следует вернуться к фрагменту *Verr.* 2.1.109, где прямо отмечается, что эдикт претора не мог быть действительным до 1 января, что означает только одно: если эдикт о *designatus* вообще существовал, то он мог иметь лишь отсроченный характер. Но для того, чтобы эдикт обладал хоть какой-то силой, он должен быть опубликован. Как отмечалось выше, мы не можем точно сказать, когда это произошло, но вероятнее всего, что Веррес сделал это после вступления в должность, поскольку такова была обычная практика, а о том, что он поступил вопреки ей в этом случае, Цицерон ничего не говорит.

Пассаж *Verr.* 2.1.109 позволяет дополнить сказанное. Действительно ли Цицерон обвиняет Верреса в том, что тот издал эдикт именно тогда, когда был десигнатом? Очевидно, что нет: по мнению Цицерона, Верреса следует упрекнуть лишь в том, что его эдикт вступил в силу до 1 января (*regredi*), и не более того. Такой непозволительный шаг мог быть совершен, как можно заключить из фрагмента *Verr.* 2.1.109, только двумя способами: либо

⁸⁹ Так, Т. Моммзен отмечал, что, как правило (за двумя исключениями; см. §§2.3 и 2.5 данной главы), эдикты издавались только после вступления магистрата в должность (Mommsen Th. Römische Staatsrecht. Bd. I. S. 203–204). См., напр., *Cic. Fin.* 2.74.

⁹⁰ Ср.: Кофанов Л.Л. Значение избирательной кампании... С. 72. См., напр., как выражение *edictum componere* используется Помпонием для описания деятельности Офилия, который даже не был претором (*Dig.* 1.2.2.44).

действующий претор издал эдикт 1 января или вскоре после него, но этот эдикт приобрел обратную силу (за что и следовало винить Верреса), либо, свой эдикт Веррес опубликовал еще будучи десигнатом, этот эдикт вступил в силу после 1 января (то есть имел отсроченный характер) и, вдобавок, после вступления в действие он приобрел еще и обратную силу. Можно ли представить, что в римских политико-правовых реалиях мог существовать некий эдикт, который был издан до 1 января, вступил в силу в эту дату или после нее, и затем еще и начал оказывать воздействие на все, что происходило до этой даты? В таком случае приходится предполагать не один, а два дополнительных следствия эдикта Верреса, из которых Цицерон упоминает и критикует только попытку Верреса придать своему эдикту обратную силу.

Если мы попытаемся теперь проанализировать следствия из предположения о том, что эдикт Верреса был особого «декларативного» характера, нам следует принять не только то, что этот эдикт не имел никакого практического значения для Анния с юридической точки зрения (поскольку не был юридически обязывающим эдиктом), но и то, что неправомерные положения, которые были частью тайной сделки, были преданы гласности еще до 1 января просто для того, чтобы стать общеизвестными, так как никакого практического смысла их огласка не имела.

Таким образом, я делаю вывод о том, что рассматриваемый эпизод не только не подтверждает гипотезу о существовании *iūs edicendi* десигнатов, но и прямо противоречит ей.

§2.2. *Privatus vetuit*: деятельность избранного консула Кв. Метелла Целера в 61 г.

В речи против Л. Кальпурния Пизона, консула 58 г., Цицерон упрекает его в потворстве политике П. Клодия следующими словами:

«Осмелюсь теперь, ты, Фурия [Пизон], говорить о своем [консульстве]! Игры в честь Компиталий ознаменовали его начало, тогда отпразднованные впервые со времен консульства Л. Метелла и Кв. Марция [в 64 г.], вопреки авторитету этого сословия. Кв. Метелл – я оскорбляю этого мужественнейшего человека, ныне покойного, сравнивая его, подобных которому это государство породило так мало, с тем жестоким чудовищем [Пизоном] – так вот, Метелл, будучи избранным консулом, когда некий плебейский трибун приказал магистрам проводить Игры при его поддержке, вопреки сенатскому постановлению, наложил вето на это как частное лицо и с помощью своего авторитета добился того, чего еще не мог сделать в силу своей власти. Ты же, когда день Компиталий выпал на 1 января [в 58 г.], позволил Сексту Клолию ... проводить игры и разгуливать в тоге-претексте»⁹¹.

Этот эпизод заслуживает особого внимания по нескольким причинам. Во-первых, Цицерон указывает на то, что Метелл Целер как частное лицо вмешивался в организацию игр, приуроченных к празднованию Компиталий. Но как именно он мог наложить вето на игры? Что означает выражение *privatus ... vetuit*? Играл ли здесь роль его статус избранного консула и, если да, то какую именно? Для понимания контекста эпизода важно свидетельство Аскония. Он пишет:

«В консульство Л. Юлия и Г. Марция [в 64 г.], которых сам Цицерон упоминал ранее, сенатским постановлением были запрещены коллегии,

⁹¹ Cic. *Pis.* 8: aude nunc, o furia, de tuo dicere! cuius fuit initium ludi compitalicii tum primum facti post L. Iulium et C. Marcium consules contra auctoritatem huius ordinis; quos Q. Metellus – facio iniuriam fortissimo viro mortuo, qui illum cuius paucos paris haec civitas tulit cum hac importuna belua conferam – sed ille designatus consul, cum quidam tribunus pl. suo auxilio magistros ludos contra senatus consultum facere iussisset, privatus fieri vetuit atque id quod nondum potestate poterat obtinuit auctoritate. tu, cum in Kalendas Ianuarias compitaliorum dies incidisset, Sex. Cloelium ... ludos facere et praetextatum volitare passus es ...

считавшиеся вредными для Республики. Магистры коллегий обычно организовывали игры в честь Компиталий, будучи облачены в тоги с пурпурной каймой, как это делали магистры *vicī*. С запретом коллегий эти Игры прекратились. Затем, спустя шесть лет после упразднения коллегий, П. Клодий, плебейский трибун, восстановил их, внося законопроект [в 58 г.]. По этой причине Цицерон выражает негодование в адрес Пизона и обвиняет его в том, что тот, несмотря на свое положение консула, позволил Сексту Клодию, облаченному в тогу-претексту, проводить игры [1 января], еще до принятия закона Клодия. ... Тогда же Л. Ниний, плебейский трибун, пытался запретить проведение этих игр. За два года до восстановления коллегий избранный консул Кв. Метелл Целер запретил магистрам *vicī* проводить игры в честь Компиталий [в 61 г.], как сообщает Цицерон, хотя игры были организованы по инициативе плебейского трибуна. Мне пока не удалось выяснить имя этого трибуна»⁹².

Некоторые исследователи пытаются объяснить успех избранного консула, акцентируя внимание на факторе, который сам Цицерон считает главным – *auctoritas* Метелла Целера⁹³. Так, Дж. Б. Лотт предположил, что

⁹² Asc. 7C: L. Iulio C. Marcio consulibus quos et ipse Cicero supra memoravit senatus consulto collegia sublata sunt quae adversus rem publicam videbantur esse constituta. solebant autem magistri collegiorum ludos facere, sicut magistri vicorum faciebant, Compitalicios praetextati, qui ludi sublatis collegiis discussi sunt. post VI deinde annos quam sublata erant P. Clodius tr.pl. lege lata restituit collegia. invidiam ergo et crimen restitutorum confert in Pisonem, quod, cum consul esset, passus sit ante quam lex ferretur facere <Kal. Ianuar.>⁹² praetextatum ludos Sex. Clodium. ... quos ludos tunc quoque fieri prohibere temptavit L. Ninnius tr.pl. ante biennium autem quam restituerentur collegia, Q. Metellus Celer consul designatus magistros vicorum ludos Compitalicios facere prohibuerat, ut Cicero tradit, quamvis auctore tribuno plebis fierent ludi; cuius tribuni nomen adhuc non inveni. Также см. Asc. 75C; Cic. *Pis.* 9; *Red. sen.* 33; *Red. pop.* 13; *Sest.* 34, 55; *Dom.* 129; *Att.* 3.15.4; Cass. Dio 38.13.2. В данном случае Асконий не просто пересказывает текст Цицерона. Он делает важное добавление о том, что именно отмена некоторых collegia послужила непосредственной причиной прекращения Компиталийских игр.

⁹³ Fürst F. Die Bedeutung der *auctoritas* im privaten und öffentlichen Leben der römischen Republik. Diss. Marburg: Joh. Hamel, 1934. S. 22: «Hier haben wir deutlich den Gegensatz von Amtsgewalt und persönlichem Einfluß».

неназванный трибун во фрагменте речи Цицерона «предложил *magistri vici* защиту своего *auxilium* и, возможно, деньги на празднества, но престиж или угрозы Целера все равно удержали магистров»⁹⁴. Дж. Б. Лотт сравнивает этот случай с другими, не столь редкими ситуациями, «когда престиж аристократа оказывался столь же эффективным»⁹⁵. С другой стороны, примеры, демонстрирующие обратное, также нередки, поэтому, хотя *auctoritas* Целера могла сыграть определенную роль, трудно сказать, в какой степени и как именно это помогло в данном случае. К этому моменту я еще вернусь.

Имело ли значение то, что Целер выступал в защиту ранее принятого сенатом решения относительно *collegia*? Это кажется маловероятным, поскольку он действовал не против *collegia*, а против игр, которые, полагаю, не были напрямую запрещены сенатским постановлением⁹⁶. Во-первых, такой запрет был бы чрезмерным, поскольку, как говорит Асконий, подавление *collegia* привело и к отмене *ludi*⁹⁷. Во-вторых, не стоит забывать, что Цицерон был заинтересован в том, чтобы представить Целера, в отличие от Пизона, в наиболее выгодном свете: не как частное лицо, действовавшее по своей инициативе, а как человека, призывавшего к исполнению *senatus consultum* относительно *ludi compitalicii*⁹⁸. Наконец, когда Клодий проводил закон о

⁹⁴ Bert Lott J. *The Neighborhoods...* P. 56. Cp.: Nisbet R.G.M. *Commentary* // M. Tullii Ciceronis in L. Calpurnium Pisonem *Oratio* / Ed. R.G.M. Nisbet. Oxford: Clarendon Press, 1961. P. 66: «Metellus ... used the moral prestige of a consul-elect».

⁹⁵ Bert Lott J. *The Neighborhoods...* P. 227, n. 77.

⁹⁶ Cp.: Flambard J.-M. *Collegia compitalicia: phénomène associatif, cadres territoriaux et cadres civiques dans le monde romain à l'époque républicaine* // *Ktèma*. 1981. Vol. 6. P. 152–154.

⁹⁷ Исследователи предлагают разные объяснения того, почему Асконий связывает отмену *ludi compitalicii* с подавлением *collegia*, но сама эта связь не оспаривается (см., напр., Tatum W.J. *The Patrician Tribune...* P. 117–118, 288, n. 16; O'Neill P. *A Culture of Sociability...* P. 141–143; Marco Simón R., Pina Polo F. *Mario Gratidiano, los compita y la religiosidad popular a fines de la república* // *Klio*. 2000. Bd. 82. S. 161–162; Bert Lott J. *The Neighborhoods...* P. 52–55; Linderski J. *The Testimony of Asconius concerning the Legal Status of the collegia during the Decline of the Roman Republic* // *Eos*. 2013. Vol. 100, fasc. electr. P. 206).

⁹⁸ В процитированном отрывке Цицерон вполне может иметь в виду только эдикт 64 г., тот самый, который описывает Асконий. Дж. Б. Лотт, по-видимому, прав в том, что Цицерон, в отличие от Аскония, ничего не говорит о подавлении *collegia* (Bert Lott J. *The Neighborhoods...* P. 54–55). Асконий, однако, сообщает и об этом, и о срыве игр. Более того, он объясняет, как эти две вещи были связаны друг с другом. То, что Цицерон не упоминает о подавлении *collegia*, которое было (в чем, кажется, никто не сомневается) следствием упомянутого им *senatus consultum*, свидетельствует о его предвзятости. Вероятно, он

collegia, он не принял никакого конкретного постановления о возрождении *ludi compitalicii*, которые, следовательно, еще и по этой причине сами по себе не были запрещены⁹⁹. На самом деле не закон Клодия разрешил игры, а наоборот, празднование игр способствовало принятию закона¹⁰⁰. Во всяком случае, кажется очевидным, что даже если предположить существование *senatus consultum*, который целенаправленно запрещал игры, такое постановление могло дать частному лицу некоторое официальное разрешение, возможно, даже определенное юридическое основание для вмешательства, но никоим образом не предоставляло ему в руки технические средства, которые сделали бы это вмешательство возможным и успешным на практике. Таким образом, вопрос остается открытым.

В. Ниппель усматривал основания для вмешательства Целера в правовом установлении, согласно которому «магистрат, который не мог обуздать буйное собрание, обязан был распустить его или понести ответственность за его последствия» (см. *Cic. Leg. 3.42*). По словам В. Ниппеля, «поскольку во многих случаях председательствующие магистраты сами были виновниками или, по крайней мере, соучастниками беспорядков, каждый магистрат и, тем более, каждый добропорядочный гражданин должен был в случае необходимости взять на себя

пытался оправдать действия Метелла Целера в отношении игр, говоря, что они были запрещены непосредственно *senatus consultum*. Хотя на самом деле, если верить Асконию (который, в отличие от Цицерона, не был заинтересованным лицом), сенатом запрещались только *collegia*.

⁹⁹ См.: Tatum W.J. *The Patrician Tribune...* P. 289, n. 21. Также ср. *Suet. Aug. 31.4, 32.1*.

¹⁰⁰ Ср.: Lewis R.G. *Commentary...* P. 199–201. Зимой 59/58 гг. день Компиталий приходился на 1 января. Компиталийские игры (*ludi compitalicii*), организованные Клелием (*Cic. Pis. 8*), скорее всего, проходили 2–4 января (если Компиталийские игры проводились в течение трех дней, см. об этом ниже), а принятие закона Клодия произошло через три дня после Компиталий (*Cic. Pis. 9: triduo post*), т.е. 4 января. Вероятно, голосование выпало на последний день игр (или произошло сразу после них). Если это так, то Клодий мог реализовать политический потенциал *ludi* (возможно, использовавшийся также трибуном Манилием в 67 г., см.: Accame S. *La legislazione romana intorno ai collegi nel I secolo a.C. // Scritti minori. Vol. 1. Roma: Edizioni di Storia e Letteratura, 1990. P. 299; Bert Lott J. The Neighborhoods... P. 50–52; Frolov R.M. The 'Wrong' Meetings... P. 240–243*), из-за которого сенат был заинтересован в том, чтобы воспрепятствовать им в первую очередь.

ответственность». Исследователь приводит в пример случай 67 г., когда квестор Л. Домиций Агенобарб, который «с отрядом солдат пресек захват Капитолия трибуном Манилием, получил официальную благодарность от сената» (Asc. 45C). История Целера служит для В. Ниппеля другим примером: избранный консул, «формально частное лицо», «привел в исполнение запрет сената, изданный в 64 г., на проведение Компиталийских игр»¹⁰¹. На мой взгляд, такое прочтение сталкивается с некоторыми проблемами. Если организаторы *ludi compitalicii* были прекрасно осведомлены о запрете сената и все же попытались провести игры, то почему они отказались от этой идеи только после того, как вмешался *privatus* Метелл Целер и напомнил им о постановлении сената, которое само по себе не остановило их раньше?

Сама попытка организовать *ludi compitalicii* в 61/60 г. свидетельствует о том, что плебс испытывал большую потребность в этих играх¹⁰². Такие ожидания *visani* нельзя было так просто устранить, особенно если их поддерживал плебейский трибун. Ф. Пина Поло резонно сомневается, что в подобной атмосфере эскалации насилия одного присутствия Метелла Целера было бы достаточно, чтобы помешать проведению *ludi*, как предполагал Ф. Мюнцер¹⁰³. Возникает вопрос о том, как Целеру это удалось. Хотя нельзя не принимать во внимание слова Цицерона о важности *auctoritas* Целера в этом случае, некоторые исследователи с полным основанием полагают, что Цицерон сознательно недооценивает преимущества, которые Целер имел как избранный консул¹⁰⁴. Вопрос, однако, в том, какие именно инструменты мог использовать избранный консул в нашем случае¹⁰⁵.

¹⁰¹ Nippel W. Public Order... P. 51.

¹⁰² Marco Simón R., Pina Polo F. Mario Gratidiano... P. 162. Также см.: O'Neill P. A Culture of Sociability... P. 153; Tatum W.J. The Patrician Tribune... P. 118.

¹⁰³ Pina Polo F. The Political Role... P. 441; Münzer F. Caecilius (Metellus Celer) // Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Bd. 3. Stuttgart: J.B. Metzler, 1897. S. 1209.

¹⁰⁴ Marshall B.A. A Historical Commentary... P. 95.

¹⁰⁵ Конечно, в качестве одного из доступных ему средств нельзя усматривать приоритет на сенатских обсуждениях, особенно если признать, что постановление сената, запрещавшее игры, уже действовало несколько лет. Поэтому ссылка Б. Маршалла (без дополнительных комментариев) на эту привилегию *designati* нерелевантна (Marshall B.A. A Historical

Идея С. Бино о том, что полномочия избранных магистратов определялись по-разному *optimates* и *populares*¹⁰⁶, вряд ли способна что-то существенно прояснить. Даже если в глазах *optimates* Целер уже обладал публичной властью как избранный магистрат, что он мог противопоставить тем, кто считал его всего лишь частным лицом?

Ф. Пина Поло предлагает в качестве выхода из положения версию о том, что избранный магистрат прибегал к использованию *ius edicendi*. Целер «мог издать эдикт, запрещающий *ludi*, на основании *senatus consultum* 64 г., который продолжал действовать»¹⁰⁷. Однако высказанные выше соображения общего порядка побуждают меня искать иные интерпретации случая Целера, помимо предположения о том, что избранные магистраты обладали *ius edicendi*. Я разделяю важный тезис Ф. Пина Поло о том, что у Метелла Целера должны были быть какие-то другие механизмы воздействия, кроме его *auctoritas*.

Как уже было отмечено, Дж. Б. Лотт допускает возможность того, что Целер прибегал к определенным угрозам, но какого рода? Полагаю, что речь о самом статусе *designatus*, который позволял Целеру эффективно угрожать организаторам *ludi compitalicii*. Однако в таком случае у него не было необходимости издавать обязательный эдикт в качестве избранного магистрата; было бы более чем достаточно просто предупредить, что он готов издать его, если понадобится, сразу после вступления в должность. Политическая угроза, которая могла быть реализована на практике, не была редкостью даже среди действующих магистратов (см., например, Liv. 38.52.10), не говоря уже о *designati*.

Обратим внимание на то, как Цицерон передает слова избранного консула, который, по слухам, пытался донести до представителей провинций, что он позаботится о том, чтобы некие меры были предусмотрены: *ita loquitur*:

Commentary... P. 95). Также сложно отнести все на счет ораторского мастерства Целера (весьма посредственного: Cic. Brut. 305; также ср. Cic. Brut. 247).

¹⁰⁶ Binot C. *Privatus*... P. 445–455.

¹⁰⁷ Pina Polo F. *The Political Role*... P. 441–442.

se consulem esse; ... Verri ne noceri possit multis rationibus esse provisum (Cic. *Verr.* 1.27).

Могла ли подобная угроза сработать в случае с *ludi compitalicii*? Их празднование длилось, по всей вероятности, три дня, вместе с праздником *Compitalia*¹⁰⁸, дата которого варьировалась от года к году. Зимой 61/60 г. игры, скорее всего, начинались в последний день декабря или в один из первых дней января, хотя утверждать это достоверно нельзя. Тем не менее, в предшествующие и последующие годы, для которых у нас есть надежные даты, *Compitalia* всегда выпадали либо на последний день декабря, либо на 1 января, либо на 2 января¹⁰⁹. Даже если бы сами *Compitalia* попадали бы на последний день декабря, в начале января Целер, как действующий консул, все равно мог бы помешать празднованию сопутствующих трехдневных игр¹¹⁰.

Очевидно, что обсуждение даты проведения игр так и останется на уровне догадок¹¹¹. Однако существуют и другие аргументы в поддержку вывода о том, что *ludi* должны были состояться в январе 60 г.

¹⁰⁸ День Компиталии, о котором Цицерон пишет, критикуя Пизона, – это день праздника, сопровождавшегося жертвоприношениями на *compita* (перекрестке). С праздником были связаны *ludi Compitalicii*, но *Compitalia* и Компиталийские игры – не одно и то же (см. Cic. *Att.* 2.3.4; также см.: Macrobian. *Sat.* 1.7.34; Stek T.D. *A Roman Cult in the Italian Countryside? The Compitalia and the Shrines of the Lares Compitales* // *Bulletin Antieke Beschaving*. 2008. Vol. 83. P. 111). Компиталии могли выпадать на любой день между 17 декабря и началом января (Gell. *NA.* 10.24.3; Stek T.D. *A Roman Cult...* P. 112; Lewis R.G. *Commentary...* P. 199; Michels A.K. *The Calendar of the Roman Republic*. Princeton: Princeton University Press, 1967. P. 205–206, n. 28; о празднике в целом также см.: Latte K. *Römische Religionsgeschichte*. München: C.H. Beck, 1960. S. 90–94; Scullard H.H. *Festivals and Ceremonies of the Roman Republic*. London: Thames and Hudson, 1981. P. 58–60). А. Михельс считала, что игры не могли быть частью *sacra Compitalia*, которые относились к государственному культу; в противном случае сенат не смог бы отменить игры, ликвидировав *collegia*. Поэтому *ludi Compitalicii* «приходили в день или дни после официальных *Compitalia*» (Michels A.K. *The Calendar of the Roman Republic...* P. 205–206, n. 28). А. Михельс выдвигала и другие аргументы, не все из которых кажутся мне убедительными. Однако в любом случае *ludi compitalicii* праздновались не один день, как *sacra* на самом *Compitalia*, а три дня, как можно заключить из слов Феста (*s.v. Quinquatrus*. P. 304–306L).

¹⁰⁹ 29 декабря 67 г. (последний день года), 1 января 58 г., 2 января 50 г.: Asc. 65C; Cass. Dio 36.42.2–3; Cic. *Pis.* 8; *Att.* 7.7.3; вероятно, также где-то в январе 59 г. (Cic. *Att.* 2.2.3–4).

¹¹⁰ Если бы игры начинались уже в день *Compitalia*, а зимой 61/60 г. последний приходился бы на последний день декабря, то все же значительная часть его была бы потрачена на проведение не игр, а официальных *sacra* или *ambulationes* (Cic. *Att.* 2.3.4), учитывая краткость светового дня в это время года.

¹¹¹ Ср.: Bert Lott J. *The Neighborhoods...* P. 56.

Все представленные до сих пор исследовательские реконструкции основываются на убеждении в том, что слова Цицерона о решающей роли Метелла Целера в отмене игр верны. Несмотря на то, что это утверждение знаменитого оратора может показаться сомнительным, есть несколько причин, по которым ему можно доверять.

Во-первых, даже если бы игры состоялись в январе, Целер все равно мог бы прервать их на стадии подготовки (то есть в декабре). Вопрос только в том, каким именно образом.

Во-вторых, когда Ф. Пина Поло рассматривает взгляды Цицерона на статус *consules designati*, он отмечает, что Цицерон использовал слово *privatus* как «риторический прием, чтобы подчеркнуть отличие положения простого частного лица, Метелла Целера, от положения консула, Пизона, столкнувшегося с делом, представлявшим общественный интерес»¹¹². В самом деле, легко заметить, что Пизон и Целер в изображении Цицерона являются «зеркальным отражением» друг друга и на протяжении всего пассажа друг другу противопоставляются¹¹³. Цицерон стремится показать, насколько бессильным по сравнению с Метеллом Целером был Пизон. Перед нами, говоря словами Ф. Пина Поло, действительно «риторический прием». Но принципиально важно то, что Цицерон не доводит череду сравнений до логического завершения. В частности, он говорит, что в 59/58 г. игры проходили в январе, а Пизон ничего не предпринял несмотря на то, что мог остановить их в качестве консула. Однако Цицерон не сообщает напрямую, что в 61/60 г. Игры проходили в декабре, хотя такое уточнение идеально дополнило бы образ Целера как «зеркального отражения» Пизона (Пизон, будучи действующим консулом, не остановил игры, когда они выпали на 1 января, в то время как Целер сделал это, несмотря на то, что игры проходили в декабре, когда он был только избранным консулом). Из этой

¹¹² Pina Polo F. *The Political Role...* P. 444–445; также см. P. 441.

¹¹³ Ср.: Marshall B.A. *A Historical Commentary...* P. 95; Tatum W.J. *The Patrician Tribune...* P. 301–302.

незавершенности риторического сопоставления я делаю вывод, что игры в 61/60 г. проходили, скорее всего, также в январе, иначе Цицерон обязательно упомянул бы о декабре, ведь это усилило бы его аргумент о том, что Целер был лучше Пизона во всем. Даже нет необходимости подвергать слова Цицерона сомнению (указывая на его риторическую предвзятость по отношению к Пизону), поскольку он и не говорит, что игры состоялись в декабре 61 г.

Наконец, действия, которые Цицерон приписывает Метеллу Целеру, не кажутся маловероятными, если принять во внимание то, что нам известно об этом человеке. Будучи претором, он без колебаний сорвал стяг с Яникула (как обычно делали предки, когда враг был рядом с Римом), чтобы остановить процесс против Г. Рабирия (Cass. Dio 37.27.3). В качестве избранного консула он был едва ли не единственным, кто выступил против просьбы *publicani* пересмотреть соглашение по откупу налогов в провинции Азия (Cic. Att. 1.17.9). Став консулом, он так настойчиво противостоял трибуну Л. Флавию, что тот приказал отправить Целера под стражу. Когда трибун заблокировал вход в тюрьму, Целер приказал прорубить стену тюрьмы, чтобы члены сената могли попасть к нему. Дион, передающий эту историю, подчеркивает гордость Целера. Он никогда не уступал (Cass. Dio 37.50). Таким образом, ключевая роль Метелла Целера в пресечении Компиталийских игр вполне правдоподобна.

Но если авторитет сената, как сообщает Цицерон, действительно был поставлен на карту, то почему не нашлось более могущественного защитника, чем избранный консул Метелл Целер? Если игры выпали на декабрь 61 г., по какой причине не вмешался кто-либо из действующих консулов, например М. Валерий Мессалла¹¹⁴? Ф. Пина Поло справедливо обращает внимание на то, что об их деятельности ничего не сообщается, хотя они «возможно, и не

¹¹⁴ Консул Валерий, «настоящий консерватор, нападал на Клодия и выступал против Пупия» (Broughton T.R.S. *The Magistrates of the Roman Republic*. Vol. 2. New York: American Philological Association, 1952. P. 178). Так что, он, скорее всего, выступил бы и против проведения Компиталийских игр.

покидали Рим»¹¹⁵. Полагаю, что следует поэтому объяснить не только ведущую роль консула-десигната, но и отсутствие какой-либо активности со стороны действующих магистратов.

Если игры пришлось на январь, Целер мог остановить их, издав на правах консула эдикт, и поэтому необязательно полагать, что ранее в бытность избранным магистратом он обладал *ius edicendi*. Если же мы утверждаем, что *ludi* должны были начаться в декабре и что *designati* обладали *ius edicendi*, то Целер действительно мог успешно помешать проведению игр. Однако в этом случае то же самое мог сделать и любой другой человек из числа магистратов (при этом варианте допущений оказывается, что гипотеза о *ius edicendi* десигнатов в принципе не в состоянии дать объяснение рассматриваемому эпизоду). Почему же тогда вмешательство именно Целера было так важно? Почему сенат не попросил кого-нибудь из должностных лиц (в том числе консулов), которые, безусловно, были более влиятельными, чем избранные магистраты, действовать от его имени? Почему, например, Домиций Агенобарб в очередной раз не проявил себя как неустрашимый защитник сената? Речь идет о том Агенобарбе, который в конце 67 г., будучи всего лишь квестором, не побоялся при помощи насилия разогнать собрание, скорее всего, *contio*, законно созванную плебейским трибуном Манилием¹¹⁶. Почему в 61 г., будучи уже курульными эдилом, Агенобарб бездействовал¹¹⁷? Иными словами, главный вопрос заключается в том, почему вмешательство Целера оказалось решающим. Если мы не станем полностью отрицать основную мысль Цицерона о том, что игры были предотвращены благодаря действиям Метелла Целера, то даже если предположить, что избранные магистраты обладали *ius edicendi*, поставленные вопросы не получают ответа.

Резонно предположить, что зимой 61/60 г. Компиталийские игры пришлось на январь. По этой причине все магистраты 61 г. не могли ничего

¹¹⁵ Pina Polo F. The Political Role... P. 442.

¹¹⁶ Frolov R.M. The 'Wrong' Meetings... P. 240–243.

¹¹⁷ Источники см.: Broughton T.R.S. The Magistrates of the Roman Republic. Vol. 2... P. 179.

предпринять, а действующий трибун, выступавший в поддержку игр и вступивший в должность 10 декабря, насколько нам известно, не встретил сопротивления со стороны своих коллег. В то же время консул 60 г. Метелл Целер обладал всеми необходимыми возможностями, чтобы вмешаться в организацию игр. Формально и практически оставаясь *privatus*, а также полагаясь на собственную и сенатскую *auctoritas*, он объявил, что не допустит запланированных на январь *ludi* и, если понадобится, прибегнет к своим полномочиям консула. Такая реконструкция может объяснить, почему он (и только он) смог эффективно противодействовать проведению игр до 1 января, в то время, когда он являлся лишь избранным магистратом.

Для того, чтобы эта реконструкция выглядела яснее, необходимо определить институциональный контекст, в условиях которого разворачивались описанные события. В качестве такового разумно рассматривать публичное собрание, не предполагавшее принятие решений, – *contio*, служившую ареной для политически значимых заявлений (в том числе и заявлений *privati*). Так, Гн. Помпей, будучи избранным консулом, объявил на *contio* о своем намерении восстановить полномочия плебейских трибунов. Тот факт, что это заявление, разумеется, не было эдиктом (ни юридически обязательным, ни «декларативным»), ни в коей мере не умаляет его политических последствий¹¹⁸.

Цицерон прямо указывает на то, что Целер добился успеха, прибегнув к *auctoritas* частного лица, а не *potestas* магистрата. Это значит, что помимо *auctoritas* он мог прибегнуть к чему-то еще, например, к возможности угрожать в нужном месте и в нужное время, но не к *potestas*. Если Целер, как сообщает Цицерон, не мог применить *potestas*, то тем более затруднительно полагать, что он пользовался «полноправным магистратским» *ius edicendi* – особой прерогативой обладателя магистратской *potestas*.

¹¹⁸ Cic. *Verr.* 1.45; Pseudo-Asc. *Verr.* 1.45 (220 Stangl); Pina Polo F. *The Political Role...* P. 444. Случай Помпея не исключение (см. ниже).

Также неясно, каковы были бы последствия, если бы безымянный трибун, поддерживавший проведение Компиталийских игр, несмотря на предполагаемый эдикт избранного консула, все же предоставил бы магистрам свою поддержку. Эдикт, даже если бы действительно имел место, не смог бы остановить трибуна. Более эффективными оказались бы скорее угрозы или договоренности, основанные на всеобщем ожидании того, что Целер вскоре станет действующим консулом¹¹⁹. Впрочем, опора Целера на влияние Гн. Помпея¹²⁰ или на поддержку сената могла помочь ему справиться с противодействием этого трибуна (а также убедить организаторов отступить).

Отмечу также, что убедительность заявлений Целера не могла зависеть от существования у *designati* особого права издавать «декларативные эдикты» (в отличие от юридически обязательных). Они для Целера были бы бесполезны. Даже действующие консулы 61 г. не могли выступить со столь же действенными угрозами (они и не выступили) несмотря на то, что определенно

¹¹⁹ Доказать это невозможно, но можно предположить, что избранный консул угрожал самому трибуну. Метелл Целер мог предупредить его, что в следующем году он собирается препятствовать инициативам безымянного трибуна. Нам известны только два трибуна 60 г., Л. Флавий и Г. Геренний. На первый взгляд, поскольку Целер позже столкнулся с обоими трибунами, они вряд ли могли быть инициаторами игр (Broughton T.R.S. *The Magistrates of the Roman Republic*. Vol. 2... P. 184; Nisbet R.G.M. *Commentary*... P. 66; Lintott A.W. P. Clodius Pulcher – *felix Catilina?* // *Greece & Rome*. 1967. Vol. 14. P. 160; Flambard J.-M. Clodius, les collègues, la plèbe et les esclaves. *Recherches sur la politique populaire au milieu du Ier siècle* // *Mélanges de l'École française de Rome. Antiquité*. 1977. Vol. 89. P. 119–120, n. 14; Benner H. *Die Politik des P. Clodius Pulcher: Untersuchungen zur Denaturierung des Clientelwesens in der ausgehenden römischen Republik*. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 1987. S. 174). Мы знаем, что *ludi Compitalicii* были прекращены, что может означать, что было достигнуто соглашение между безымянным трибуном и избранным консулом. С другой стороны, возможно, Целер договорился с одним из них, но впоследствии что-то пошло не так, и между ними снова произошел конфликт, несмотря на достигнутые ранее договоренности. Конечно, ничего определенного сказать нельзя (ср.: Lintott A.W. P. Clodius Pulcher... P. 160; Marshall B.A. *A Historical Commentary*... P. 96; также см.: Tatum W.J. *The Patrician Tribune*... P. 96–97). По крайней мере, договоренность с трибуном может быть одной из причин успеха Целера.

¹²⁰ Помпей поддержал кандидатуру Целера на должность консула. С другой стороны, он развелся с Муцией, сводной сестрой Метелла Целера. Именно это, как сообщается, заставило Целера, когда тот стал консулом, активно выступать против Помпея (Cass. Dio 37.49; Gruen E.S. *The Last Generation*... P. 58, 130–131). Но не исключено, что в 61 г., когда Целер еще был избранным консулом, он мог пользоваться помощью Помпея (также см.: Seager R. *Pompey the Great: A political Biography*. 2nd ed. Malden; Oxford: Blackwell Publishing, 2002. P. 79).

имели право издавать любые эдикты. Механизм успеха Целера был основан не на предполагаемых «квазимагистратских» полномочиях, которыми он обладал как *designatus*, а на предвосхищении той власти, которую он должен был вскоре получить как действующий консул. Только в этом случае простые заявления оказались эффективны против враждебно настроенной толпы.

§2.3. Γράμματα ἐκτιθέναι: Избранные консулы Л. Корнелий Лентул Крус и Г. Клавдий Марцелл в 50 г.

Ф. Пина Поло, рассуждая о том, каким образом Метелл Целер мог издать эдикт о запрете Компиталийских игр, подкрепляет свое предположение двумя пассажами из Кассия Диона¹²¹, и в частности фрагментом 40-й книги «Римской истории», где Дион описывает усилия Г. Клавдия Марцелла (консула 50 г.) по обеспечению передачи легионов Г. Юлия Цезаря Гн. Помпею и прямо говорит о том, что избранные магистраты могли давать некие «указания»¹²², относящиеся к их будущей должности¹²³.

Несмотря на то, что этот текст регулярно цитируется в качестве бесспорного аргумента в пользу наличия *ius edicendi* у десигнатов¹²⁴, его едва

¹²¹ См.: Pina Polo F. *The Political Role...* P. 429–430, 442.

¹²² Как их называет Э. Линтотт: Lintott A.W. *Cassius Dio...* P. 2523 (instructions).

¹²³ Cass. Dio 40.66: Ταῦτα οὖν τὰ στρατόπεδα παρεσκευάσθη μὲν ὡς καὶ ἐπὶ τοὺς Πάρθους πεμφθησόμενα, ἐπεὶ δ' οὐδὲν αὐτῶν ἐδέησε (οὐδὲ γὰρ χρεῖα σφῶν ἦν), ὁ Μάρκελλος πρότερον μὲν φοβηθεὶς μὴ τῷ Καίσαρι ἀποδοθῇ, ἐν τῇ Ἰταλίᾳ δεῖν εἶναι ἔλεγεν, τότε δὲ τῷ Πομπηίῳ, ὥσπερ εἶπον, ἐνεχείρισε. Καὶ ἦν γὰρ ἐπ' ἐξόδῳ τοῦ ἔτους τὰ γινόμενα, καὶ ἔμελλεν οὐκ ἐπὶ πολὺ, ἅτε μήτε τῇ βουλῇ μήτε τῷ δήμῳ δόξαντα, ἰσχύσειν, ἐπήγετο πρὸς τὸν Πομπήιον Κορνήλιόν τε Λέντουλον καὶ Γάιον Κλαύδιον τοὺς τῷ ὑστέρω ἔτει ὑπατεύσειν μέλλοντας, καὶ ἐποίησε καὶ ἐκείνους τὰ αὐτὰ προστάξαι· ἐπειδὴ γὰρ καὶ γράμματα τοῖς ἀποδεδειγμένοις ἐς τὰς ἀρχὰς ἐκτιθέναι καὶ ἄλλα τινὰ τῶν τῇ ἡγεμονίᾳ σφῶν προσηκόντων, καὶ πρὶν ἐνίστασθαι αὐτήν, πράττειν ἔτι καὶ τότε ἐξῆν, καὶ τούτου κύριοι ἐνόμιζον εἶναι. Καὶ ὁ γε Πομπήιος, καίπερ ἐς πάντα τὰλλα ἀκριβὴς ὢν, ὅμως οὐδὲν διὰ τὴν στρατιωτῶν χρεῖαν ἐπολυπραγμόνησεν, οὔτε ἀφ' ὧν οὐθ' ὅπως αὐτοὺς λαμβάνει, ἀλλὰ καὶ πάνυ ἄσμενός σφας ἐδέξατο.

¹²⁴ См.: Becker W.A. *Handbuch der römischen Alterthümer...* S. 50–51; Lange L. *Römische Alterthümer. Bd. I.* S. 719; Ruggiero E. de. *Dizionario epigrafico...* P. 690; Greenidge A.H.J. *Roman Public Life...* P. 189. Та же идея сформулирована позднее в работе Дж. Рича (Rich J. *Cassius Dio. The Augustan Settlement: Roman History (53.1–55.9).* Warminster: Aris & Phillips, 1990. P. 224) и в примечаниях к переводу 38–40 книг Диона, опубликованному в 2011 г. в серии Budé (Dion Cassius. *Histoire romaine: Livres 38, 39 et 40 / Eds. É. Lhôte, M. Coudry. Trad. G. Lachenaud.* Paris: Les Belles Lettres, 2011. P. 219, n. 182). Аналогично: Vervaeke F.J. *The*

ли можно считать убедительным. Даже если полагать рассказ Диона о значительных возможностях избранных магистратов предельно достоверным, под словом *γράμματα* он мог подразумевать не юридически обязательный эдикт, а заявление о собственных намерениях.

Х. Мейсон считает, что греческий технический термин для обозначения *edictum* — *διάταγμα*, а *γράμματα* назывались неофициальные, частные документы¹²⁵. При этом, как отмечает Ф. Пина Поло, Х. Мейсон «в основном опирается при формулировке своего вывода на источники, сохранившиеся на папирусах. Дион, однако, однозначно утверждает, что *γράμματα* означали публичный и официальный указ или постановление»¹²⁶. И все же, хотя сам Х. Мейсон, действительно, не ссылается здесь на Диона¹²⁷, не стоит упускать из виду отрывки из «Римской истории», где *γράμματα*, безусловно, не были эдиктом, даже если их издавал действующий магистрат¹²⁸.

Предположим, что в отрывке о Марцелле использование глагола *ἐκτιθέναι* является аргументом в пользу понимания *γράμματα* как *edicta*, поскольку последние характеризуются еще и тем, что они издавались — *prononere*/(*ἐκ*)*τιθέναι*¹²⁹. Однако Дион использует точно такое же выражение для обозначения надписей, которые, как сообщается, были сделаны для того, чтобы побудить М. Брута выступить против Цезаря (44.11–12)¹³⁰. Таким образом, даже это выражение не всегда означает официальное постановление, ни юридически обязательное, ни «декларативное». С другой стороны, Ф. Пина Поло прав в том, что в некоторых случаях Дион использует *γράμματα* для обозначения *edicta*. Таким образом, анализ формулировок не может быть

Official Position of Cn. Pompeius in 49 and 48 BCE // *Latomus*. 2006. Vol. 65. P. 930: *per edictum*.

¹²⁵ Mason H.J. *Greek Terms for Roman Institutions: A Lexicon and Analysis*. Toronto: University of Toronto Press, 1974. P. 81, 127, 131. Также см. *Thesaurus Linguae Latinae*. Leipzig: B.G. Teubner, 1931–1953. Vol. 5.2. Col. 68. s.v. *edico*.

¹²⁶ Pina Polo F. *The Political Role...* P. 430, n. 49.

¹²⁷ Mason H.J. *Greek Terms...* P. 127.

¹²⁸ См. Cass. Dio 39.63.4–5, 41.1 и особенно 41.10.

¹²⁹ Mason H.J. *Greek Terms...* P. 127.

¹³⁰ См.: Morstein-Marx R. *Political Graffiti...* P. 204–213.

решающим при уточнении характера распоряжений избранных консулов в 50 г.¹³¹.

Можно ли ввиду сказанного утверждать, что текст Диона просто неточен? Едва ли так, ведь даже если бы наш автор был заинтересованным лицом¹³², странно полагать, что он мог что-то перепутать и не иметь представления об основных прерогативах избранных консулов в период Республики¹³³. Напротив, скорее наше представление о том, что он подразумевал под *у́ра́ммата*, может быть неточным. Мы не располагаем свидетельствами о том, что *у́ра́ммата* имели обязательную силу. Нам известно лишь, что эти распоряжения касались следующего года, а также то, что были некие другие действия, которые избранные магистраты могли совершить (*πράττειν*) до вступления в должность. Например, предварительные обсуждения, выступления в сенате и на *contiones*¹³⁴. Но ничто из этого не требовало реализации десигнатами их предполагаемых магистратских возможностей. Нет оснований полагать, что право издавать *у́ра́ммата* (которое, согласно тексту Диона, входит в тот же список возможностей десигнатов) должно было в этом отношении отличаться.

Сомнения Диона в законности действий как консула Марцелла, так и избранных консулов подкрепляют версию о том, что он мог иметь в виду некие неофициальные объявления, а не обязательные к исполнению эдикты. Согласно Диону, Помпей не интересовался, по чьему решению он получит

¹³¹ Ср., однако, версию Плутарха (см. ниже).

¹³² Дион был консулом-суффектом примерно в 205 г. н.э. и ординарным консулом в 229 г. н.э. (Millar F. *A Study of Cassius Dio...* P. 17, 23–24). Книга 40 была написана, вероятно, в 220-х гг. н.э., скорее всего, до 224 г. н.э. (Kemezis A.M. *Greek Narratives of the Roman Empire under the Severans: Cassius Dio, Philostratus and Herodian*. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 2014. P. 282–293). П. Свон (Swan P.M. *The Augustan Succession: An Historical Commentary on Cassius Dio's Roman History, Books 55–56 (9 B.C. – A.D. 14)*. Oxford; New York: Oxford University Press, 2004. P. 65) отмечает: «Быть может, интерес Диона к этому возрождению консульской практики был вызван тем, что он сам был консулом» (П. Свон имеет в виду аналогичный эпизод, который рассматривается в §2.4 данной главы).

¹³³ См.: Urso G. *Cassio Dione e i magistrati. Le origini della repubblica nei frammenti della Storia romana*. Milano: Vita e Pensiero, 2005. 220 p.; Hinard F. *Dion Cassius...*

¹³⁴ См.: Pina Polo F. *The Political Role...* и §3 данной главы.

легионы, хотя во всех остальных вопросах был весьма щепетилен. Ф. Пина Поло отмечает, что *consules designati* «полагали, что их действия были законны. Греческий автор не опровергает это мнение, но косвенно намекает на необычность этой процедуры»¹³⁵; для него она была, по меньшей мере, сомнительной, если не противозаконной. В любом случае, проблема заключается не в ее необычности.

Спорными являются действия самого Марцелла¹³⁶. Еще сложнее объяснить, как избранные консулы смогли предоставить легионы Помпею. Так, Э. Линтотт, признавая право консулов-десигнатов издавать эдикты, отмечает: «Сомнительно, что им было позволено, как предполагает здесь Дион, передавать без согласования с сенатом легионы, еще не переданные им (самим)»¹³⁷. При такой трактовке, даже если бы избранные консулы обладали *ius edicendi*, они все равно не смогли бы воспользоваться им в сложившихся обстоятельствах, независимо от того, вступал ли их *edictum* в силу немедленно при опубликовании или нет. Как я отмечал выше, иногда провинции распределялись между консулами еще до их вступления в должность. Однако главную роль в этом процессе играл сенат¹³⁸. Трудно представить, что сенат, который не поддержал Марцелла, тем не менее, передал легионы избранным консулам, которые, очевидно, были не менее враждебно настроены к Цезарю¹³⁹. Не стоит также полагать, будто мы только случайно не знаем о том, что это крайне важное предварительное распределение легионов все-таки произошло. Не говоря уже о том, что два легиона, о которых идет речь, были ранее определены сенатом для парфянской кампании¹⁴⁰.

¹³⁵ Pina Polo F. *The Political Role...* P. 429.

¹³⁶ Ср.: Taylor L.R. *Party Politics in the Age of Caesar*. Los Angeles; London, 1961. P. 159; Heuss A. *Römische Geschichte*. 3. Aufl. Braunschweig: Georg Westermann Verlag, 1971. S. 208; Raaflaub K.A. *Dignitatis contentio*: Studien zur Motivation und politischen Taktik im Bürgerkrieg zwischen Caesar und Pompeius. München: C.H. Beck, 1974. S. 33–34.

¹³⁷ Lintott A.W. *Cassius Dio...* P. 2523.

¹³⁸ См.: Pina Polo F. *The Political Role...* P. 426–428, 430–431.

¹³⁹ См.: Broughton T.R.S. *The Magistrates of the Roman Republic*. Vol. 2... P. 256.

¹⁴⁰ В дополнение к Диону также см. Hirt. *BG*. 8.55.1.

По мнению Ф. Инара, рассматриваемый эпизод свидетельствует о том, что *designati* могли издавать эдикты, которые должны были задавать границы их будущих действий, хотя в данном случае избранные консулы превысили свои полномочия, поскольку вопрос, о котором идет речь, требовал от них полной консульской власти¹⁴¹. Однако если *designati* могли издавать эдикты, касающиеся следующего года, то почему в этом случае они превысили свои полномочия? Либо они могли издавать эдикты по любым вопросам, относящимся к их собственному сроку полномочий, либо они вообще не могли издавать эдикты. Первый вариант в данном случае невозможен, что признает и сам Ф. Инар¹⁴². Таким образом, остается только второй вариант.

Непросто объяснить, зачем Марцеллу понадобилось апеллировать к эдикту избранных консулов. Его собственные распоряжения действовали до конца года¹⁴³, в то время как распоряжения избранных магистратов, по словам самого Диона, касались только следующего года. Почему же в 50 г. десигнатам необходимо было издать не просто распоряжение, а официальный эдикт, имеющий обязательную силу? Не подверг бы Марцелл сомнению свою собственную власть, обращаясь к будущим консулам с просьбой «оказать правовую защиту этому мероприятию», как формулирует Ф. Пина Поло (очевидно, подразумевая обязательный эдикт)¹⁴⁴? Кроме того, Марцеллу было достаточно неофициального публичного заявления или письменного обращения, чтобы продемонстрировать, что передача легионов под командование Помпея будет продлена на следующий год, так как это решение поддерживают будущие консулы. В этой ситуации бессмысленно было требовать официального обязательного эдикта, поскольку он в любом случае не позволило бы Марцеллу дополнительно гарантировать реализацию своего

¹⁴¹ Hinard F. *Dion Cassius...* P. 265–266.

¹⁴² Hinard F. *Dion Cassius...* P. 265–266. Также см.: Lintott A.W. *Cassius Dio...* P. 2523.

¹⁴³ Он, несомненно, сделал собственное распоряжение (ср.: Pina Polo F. *The Political Role...* P. 429), поскольку Помпей сразу же принял легионы, что в тот момент могло быть санкционировано только самим Марцеллом (также см. *Oros.* 6.15.1: *ex Marcelli consulis auctoritate*; Raaflaub K.A. *Dignitatis contentio...* S. 30).

¹⁴⁴ Pina Polo F. *The Political Role...* P. 429.

плана. Дело в том, что, вступив в должность, новые магистраты могли изменить свои распоряжения (даже если бы приняли их под давлением Марцелла), поскольку сами не были ими ограничены.

Если бы *designati* издавали юридически обязательные эдикты, скорее всего, это было бы отражено в других источниках, не только у Диона. В действительности, сразу три автора, Гирций, Аппиан и Орозий, ничего не сообщают об избранных консулах в контексте этих событий¹⁴⁵. Плутарх пишет, что Марцелл распорядился или попросил (*κελεύειν*) о чем-то у Помпея, а избранный консул, следуя за Марцеллом, просто сообщил (*λέγειν*) Помпею то же самое¹⁴⁶. Как и Дион, Плутарх подчеркивает важность выступления избранного консула в поддержку Марцелла. В то же время его текст создает сильное впечатление, что эдикт десигната никак не был задействован. Глагол *λέγειν* вполне соответствует представлению о неофициальном публичном заявлении, а формулировки Диона (*προστάσσειν* и *γράμματα ἐκτιθέναι*), по крайней мере, не исключают такого прочтения.

Как мне представляется, не существует веских причин подвергать сомнению то общее правило, о котором говорит Дион¹⁴⁷. Однако его можно понимать по-разному: либо как указание на обязательные эдикты, либо как указание на неофициальные заявления. Определиться с трактовкой возможно, лишь проанализировав конкретный случай, который, по словам Диона, подпадает под общее правило. Как я попытался показать выше, конкретные обстоятельства эпизода с Марцеллом свидетельствуют против предположения о том, что Дион имеет в виду обязательные эдикты, когда утверждает, что «избранным магистратам разрешалось издавать *γράμματα*». Если это так, то даже если общее правило Диона соответствует действительности, оно не говорит об обязательных эдиктах.

¹⁴⁵ Hirt. *BG.* 8.55.1; App. *BC.* 2.31; Oros. 6.15.1; также ср. Cass. Dio 40.64.

¹⁴⁶ Plut. *Pomp.* 59: Μάρκελλος δὲ πρὸς Πομπήϊον δι' ἀγορᾶς ἐβάδιζε τῆς βουλῆς ἐπομένης, καὶ καταστὰς ἐναντίος, 'κελεύω σε,' εἶπεν, 'ὦ Πομπήϊε, βοηθεῖν τῇ πατρίδι καὶ χρῆσθαι ταῖς παρεσκευασμέναις δυνάμεσι καὶ καταλέγειν ἑτέρας.' τὰ δ' αὐτὰ ταῦτα καὶ Λέντλος ἔλεγε, τῶν ἀποδεδειγμένων εἰς τὸ μέλλον ὑπάτων ἄτερος.

¹⁴⁷ Также см.: Pina Polo F. *The Political Role...* P. 429.

Наконец, можно предположить, что Дион имеет в виду не просто заявления, а некие «декларативные эдикты». Отмечу, что он рассматривает *γράμματα* десигнатов как преимущество по сравнению с другими акторами. Однако Дион не сравнивает права *designati* с правами других *privati*. Вместо этого он лишь подчеркивает, что *designati* могли совершать определенные действия еще до (*καὶ πρὶν*) вступления в должность, что само по себе допускает возможность любой интерпретации. Наконец, само собой разумеется, что в этом случае для избранных консулов было бы бессмысленно пользоваться неким особым *ius edicendi*, чтобы иметь возможность сделать то заявление, о котором сообщают источники. Такое право само по себе не обеспечило бы распространение важной информации. Более того, действующий консул Г. Клавдий Марцелл в любом случае оказал бы будущим консулам всяческую поддержку, чтобы они могли без помех говорить или разъяснять то, что он хотел от них получить. Следует отметить, что действующий консул стремился получить от избранных консулов некую услугу, и те подчинились. Это момент будет особенно важным для дальнейшей аргументации, особенно в §2.5 данной главы.

§2.4. «В соответствии с древней традицией»: *γράμματα* консула-десигната Тиберия в 8 г. н.э.

Описывая события 8 г., Кассий Дион сообщает:

«Итак, Август назначил Тиберия командующим взамен Друза, потешил его честолюбие званием императора, еще раз произвел его в консулы и повелел перед вступлением в должность издать указ в соответствии с древним обычаем...» (Пер. под ред. А.В. Махлаюка)¹⁴⁸.

¹⁴⁸ Cass. Dio 55.6.5: Τὸν δ' οὖν Τιβέριον ἐς τὴν τοῦ αὐτοκράτορος ἀρχὴν ἀντὶ τοῦ Δρούσου προαγαγὼν τῇ τε ἐπικλήσει ἐκείνῃ ἐγαύρωσε καὶ ὕπατον αὖθις ἀπέδειξε, γράμματα τε κατὰ τὸ ἀρχαῖον ἔθος, καὶ πρὶν ἐς τὴν ἀρχὴν ἐσελθεῖν, ἐκθεῖναι πρὸς τὸ κοινὸν ἐποίησε....

Оценивая это сообщение, Ф. Пина Поло заключает: «Наиболее значимым фактом здесь оказывается то, что, как и прежде, законность издания эдикта консулом-десигнатом не подвергается сомнению. Дион Кассий утверждает, что эта процедура была скорее традицией, по сути, частью *mos maiorum*»¹⁴⁹. Однако у нас нет надежных оснований предполагать по умолчанию, что термин *у́ра́мрата* в данном случае обозначает *edictum*.

Как справедливо отмечает сам Ф. Пина Поло, «нам неизвестно содержание этого эдикта»¹⁵⁰. Предлагаются различные интерпретации. Дж. Рич пишет, что «эдикт Тиберия мог быть связан с подготовкой ко дню его вступления в должность»¹⁵¹. В то же время П. Свон полагает, что «эдикт Тиберия был из числа тех, которые издавали магистраты – консулы, преторы и наместники провинций – при вступлении в должность, объявляя программу, которой они будут следовать; он был необычен только в том отношении, что предшествовал вступлению в должность»¹⁵².

Доказать гипотезу Рича, пожалуй, невозможно, поскольку такого рода деталей в повествовании источников о том, как будущие магистраты готовились ко дню своего вступления в должность, насколько мне известно, нет. Поскольку Дион сам не говорит, что *у́ра́мрата* Тиберия касалась подготовки вступления в должность, предположение об этом выглядит необоснованным.

Мнение П. Свона также вызывает затруднения. Как он сам признает, *у́ра́мрата* Тиберия (если понимать их как эдикт с анонсом политической программы магистрата) были нетипичными или даже уникальными, поскольку были опубликованы до его вступления в должность. Поэтому для

¹⁴⁹ Pina Polo F. *The Political Role...* P. 429–430.

¹⁵⁰ Pina Polo F. *The Political Role...* P. 429.

¹⁵¹ Rich J. *Cassius Dio...* P. 224.

¹⁵² Swan P.M. *The Augustan Succession...* P. 65. Ср. комментарий к русскому переводу: «Имеется в виду традиционный эдикт, который магистраты (консулы, преторы и провинциальные наместники) издавали перед вступлением в должность, объявляя о программе своей деятельности» (Кассий Дион Коккейан. Римская история. Книги LI–LXIII... С. 227, прим. 59).

проверки гипотезы П. Свона необходимо прямое подтверждение Дионом того, что *ура́мтата* Тиберия содержали некую программу действий. Только в этом случае необычное время публикации *ура́мтата* можно игнорировать. Однако такого рода свидетельств у нас нет, что вполне объяснимо, поскольку оно противоречило бы тому, что Дион все же сообщает: *ура́мтата* Тиберия следовали древней практике, то есть не должны были ее существенно видоизменять. Остается предположить, что или «эдикт» Тиберия традицию все-таки нарушал, или подразумевая Дионом республиканская традиция на самом деле не относилась к консулам-десигнатам.

Рассмотрим сначала последнюю возможность. Она, в свою очередь, предполагает два варианта.

Во-первых, *ура́мтата* можно рассматривать как эдикт, но не эдикт избранного консула. Это так, если придерживаться мнения, что Дион неверно обозначает момент публикации *ура́мтата*. В период Республики общепринятой практикой было издание эдикта магистратом *после* вступления в должность, а не до этого¹⁵³. В связи с этим можно также предположить, что Дион имел в виду *lex curiata de imperio* – еще одно потенциальное объяснение (впрочем, вызывающее множество вопросов) того, почему он говорит о «древнем обычае».

Во-вторых, возможно, Дион ничего не путает, однако *ура́мтата* – не эдикт, а неофициальное заявление. Например, можно предположить, что *ура́мтата* Тиберия могли быть неформальным заявлением о планах на период предстоящей магистратуры. Однако такое рассуждение не менее спекулятивно, чем предположения Дж. Рича и П. Свона.

¹⁵³ Т. Моммзен (Mommsen Th. *Römisches Staatsrecht*. Bd. II.1. S. 128) утверждал, что, согласно древнему обычаю, консульский *Antrittsedict* объявлялся при вступлении в должность, а позднее и до этого момента. Однако последнее предположение основано исключительно на рассматриваемом пассаже о Тиберии. В связи с этим Моммзен (Mommsen Th. *Römisches Staatsrecht*. Bd. II.1. S. 128, Anm. 3) также ссылаясь на описание Ульпианом эдикта провинциального наместника, который публиковался перед вступлением в провинцию (*Dig.* 1.16.3; 16.4.3). Однако наместник, о котором сообщает Ульпиан, уже до вступления в провинцию был действующим проконсулом. Таким образом, его способность издавать эдикты ничего не говорит о прерогативах десигнатов.

Вернемся к идее о том, что *уράμματα* Тиберия на самом деле ни в коей мере не являлись возрождением «древнего обычая». Такое объяснение кажется более вероятным. *Гράμματα* Тиберия следует рассматривать в контексте иных мер, которые были приняты Августом в тот же момент и которые вряд ли могли расцениваться как соответствующие республиканским принципам. Согласно Диону (55.6), Август удостоил Тиберия титула императора, повторно назначил консулом, предоставил триумф, пожаловал солдатам деньги и т.д. Насколько древней, республиканской могла быть практика, следуя которой другое лицо заставило (*ἐποίησε*) консула объявить эдикт? Мы знаем, что для Августа был важен тезис о том, что он действовал в соответствии с древней традицией¹⁵⁴. Однако отношение Диона к Августу и восстановлению им республиканского правления весьма сложное¹⁵⁵. Среди прочего, в нем присутствует элемент иронии. Как отмечал Ф. Миллар, это отношение проявляется в описаниях продления полномочий, в том числе в 8 г. н.э.¹⁵⁶. Поскольку указания на то, что *уράμματα* избранного консула были проявлением «древнего обычая», исходят также от Диона, не должны ли мы рассматривать наш пассаж в свете его ироничного и критического отношения к заявляемой Августом приверженности республиканской политической традиции¹⁵⁷?

Трудно предположить, кому и по какой причине в этом случае избранный консул должен был давать обязательные к исполнению указания. Если, несмотря на все указанные затруднения, мы все-таки будем считать, что *уράμματα* избранного консула действительно были эдиктом «в соответствии с древней традицией», то мы неизбежно возвращаемся к вопросу о том, почему

¹⁵⁴ *RGDA*. 6: *nullum magistratum contra morem maiorum delatum recepi*. См., напр.: *Res gestae divi Augusti*: Text, Translation and Commentary / Ed. A.E. Cooley. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. P. 39–40, 130–133.

¹⁵⁵ См.: Reinhold M., Swan P.M. *Cassius Dio's Assessment of Augustus // Between Republic and Empire: Interpretations of Augustus and His Principate* / Eds. K.A. Raaflaub, M. Toher. Los Angeles; London, 1990. P. 155–173.

¹⁵⁶ Millar F. *A Study of Cassius Dio...* P. 93, 97–98; Swan P.M. *The Augustan Succession...* P. 27, 61, 137, 293.

¹⁵⁷ Также см. Cass. Dio 43.47.1–2.

не существует других явных упоминаний об этой якобы давно установившейся практике. Этот вопрос остается неразрешимым и в том случае, если мы полагаем, что речь идет об «обязательном эдикте», и в том случае, если считаем, что *уrа́цната* Тиберия представляли собой «декларативный эдикт».

Таким образом, рассматриваемый эпизод едва ли можно использовать в качестве убедительного аргумента в пользу наличия у десигнатов *ius edicendi*.

§2.5. Заключительные замечания о *ius edicendi* избранных магистратов: *edictum et litterae* Г. Фламиния в 217 г.

Как следует из предыдущих рассуждений, единственный универсальный способ совместить гипотезу, согласно которой десигнаты обладали магистратским *ius edicendi* (включая право издавать юридически обязательные распоряжения), с конкретными обстоятельствами, описанными в рассмотренных выше фрагментах, – это предположить, что эдикт десигната не вступал в силу немедленно. Именно это и предполагал Т. Моммзен¹⁵⁸. Но даже если бы имелись положительные свидетельства в пользу данного вывода (однозначных показаний такого рода источники не предоставляют), то это привело бы к выводу о том, что такой эдикт на практике оказывался не более чем неофициальным заявлением или призывом, поскольку в любом случае не имел бы юридической силы до тех пор, пока его автор не вступил бы в должность. Но если речь шла о простой декларации, то такой «эдикт» юридически не отличался бы от публичных заявлений любого *privatus*, следовательно, не мог бы стать законодательно оформленным преимуществом десигнатов перед другими *privati*.

Одним из ключевых для рассматриваемого вопроса является фрагмент из сочинения Ливия, который обычно цитировался исследователями без

¹⁵⁸ Mommsen Th. *Römisches Staatsrecht*. Bd. I. S. 203–204.

каких-либо дальнейших комментариев и преподносился в качестве надежного свидетельства наличия *ius edicendi* у избранных магистратов¹⁵⁹.

«Фламиний, один из назначенных консулов следующего года, получив по жребию зимовавшие в Плацентии легионы, послал консулу письмо с приказом, чтобы это войско к мартовским идам стояло лагерем в Аримине. Он действительно намеревался вступить в должность там, в провинции...» (Пер. Ф.Ф. Зелинского)¹⁶⁰.

Среди всех рассматриваемых выше текстов этот эпизод – единственный, который не касается событий поздней Республики¹⁶¹, и это не случайно. Перенос даты консульских выборов на июль (предположительно, со времен Суллы¹⁶²) позволил *designati* использовать свое положение на протяжении весьма продолжительного срока в несколько месяцев¹⁶³. Если это послужило фактической предпосылкой для активного вмешательства *designati* в политику (далеко идущее и, возможно, непреднамеренное следствие изменения даты выборов¹⁶⁴), то неудивительно, что выше нам приходилось рассматривать только случаи, относящиеся к I в. Как напоминает Ф. Пина Поло, сообщения источников о Г. Фламинии часто подвергаются исследователями сомнению, поэтому эдикт, который Фламиний якобы отправил консулу Семпронию Лонгу, возможно, никогда не существовал¹⁶⁵. Если это так, то весь эпизод не

¹⁵⁹ См., напр., Herzog E. *Geschichte und System...* S. 674. В качестве более позднего примера можно отметить: Hinard F. *Dion Cassius...* P. 265, n. 19.

¹⁶⁰ Liv. 21.63.1–2: *consulum designatorum alter Flaminius, cui eae legiones quae Placentiae hibernabant sorte evenerant, edictum et litteras ad consulem misit ut is exercitus idibus Martiis Arimini adesset in castris. hic in provincia consulatum inire consilium erat....*

¹⁶¹ О Г. Фламинии также см. гл. 3, §3.2 и гл. 4, §4.2.

¹⁶² Mommsen Th. *Römisches Staatsrecht*. Bd. III.1. 1. Aufl. Leipzig: S. Hirzel, 1888. S. 973, Anm. 3; Lintott A. *The Constitution...* P. 10, n. 4.

¹⁶³ Pina Polo F. *The Political Role...* P. 451.

¹⁶⁴ За это наблюдение я благодарю Т. Шмитта (Бремен).

¹⁶⁵ Pina Polo F. *The Political Role...* P. 428.

касается реалий конца III в., а скорее, отражает то, что Ливий знал о практике активного политического участия десигнатов позже, в I в.¹⁶⁶.

Если данный эпизод отражает позднейшие обстоятельства, то самым ранним известным случаем, когда *designatus* мог быть заподозрен в применении *ius edicendi*, становится случай Верреса в 75 г. Но поскольку нам не известно ни одного закона, связанного с такой прерогативой *designati*, она могла сформироваться только в рамках неофициальной традиции. Отсюда возникает вопрос о том, каким образом могла возникнуть и укорениться такая традиция за короткий период между диктатурой Суллы (когда, вероятно, значительно удлинился срок, в пределах которого сохранялся статус консула-десигната) и 75 г. В отличие от права консулов-десигнатов выступать первыми в сенате¹⁶⁷, проявления их предполагаемого *ius edicendi* никогда не рассматриваются в источниках как реализация принципов, заложенных в *mos maiorum* (если исключить некоторые, рассмотренные выше, интерпретации описания Дионом *ὑράμματα* Тиберия). Это обстоятельство вряд ли удивительно, поскольку до Суллы *ius edicendi* десигнатов было бы почти лишено практического значения, в отличие от преимущества избранных магистратов в сенатских дебатах (это преимущество, действительно, обильно засвидетельствовано в источниках)¹⁶⁸.

С одной стороны, Ф. Пина Поло совершенно прав: какова бы ни была достоверность истории о Г. Фламинии, Ливий «без сомнений допускал возможность того, что Фламиний мог издать его» (*edictum*)¹⁶⁹. С другой стороны, даже если Фламиний действительно отправлял некие распоряжения,

¹⁶⁶ Об историчности свидетельств о вступлении Фламиния в должность консула во второй раз см.: Schmitt T. Hannibals Siegeszug: historiographische und historische Studien vor allem zu Polybios und Livius. München: C.H. Beck, 1991. S. 87–89. О Фламинии в целом также см.: Beck H. Karriere und Hierarchie. Die römische Aristokratie und die Anfänge des cursus honorum in der mittleren Republik. Berlin: Akademie Verlag, 2005. S. 244–268, особенно S. 244–246, 265–266; Feig Vishnia R. A Case of «Bad Press»? Gaius Flaminius in Ancient Historiography // Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. 2012. Bd. 181. P. 27–45.

¹⁶⁷ Pina Polo F. The Political Role... P. 451.

¹⁶⁸ Об этом также см.: Pina Polo F. The Political Role... P. 451.

¹⁶⁹ Pina Polo F. The Political Role... P. 428.

могли ли они быть технически *edictum*, учитывая конкретные обстоятельства эпизода? Сначала рассмотрим предположение, что Ливий имеет в виду юридически обязательное постановление.

Т. Моммзен приводит ключевое наблюдение: в данном случае действующие консулы, чтобы иметь возможность привести войска к определенному пункту до конца года, должны были подчиниться эдикту избранного консула Фламиния *еще до его вступления в должность*¹⁷⁰. Иными словами, если это был эдикт, то он вступал в силу немедленно, в противном случае он оказался бы технически бесполезен. Ф. Пина Поло справедливо разделяет тот же вывод¹⁷¹.

Если это так, то в случае с Г. Фламинием мы не можем даже гипотетически допустить, как в остальных эпизодах, что «эдикт» десигната не был введен в действие незамедлительно. Более того, мы также знаем, кто именно был адресатом предполагаемого распоряжения: им был действующий консул. Поэтому, если это был обязательный эдикт, он оказался бы обязательным к исполнению распоряжением частного лица, адресованным консулу, что невозможно. Поскольку Ливий не делает никаких намеков на то, что этот поступок Фламиния был неуместным или исключительным, рассматриваемый пассаж, понятый таким образом, противоречит всему, что мы знаем о правовом положении магистратов и частных лиц. Необходимо поэтому заключить, что Ливий на самом деле не имеет в виду эдикт, хотя и применяет термин *edictum*.

Из этого важнейшего эпизода следуют некоторые общие следствия. Насколько я понимаю аргументацию Ф. Пина Поло, он сам затрудняется сказать, во всех ли других случаях эдикт десигната вступал в силу немедленно, как это определено было в случае с Фламинием. Ф. Пина Поло замечает: «Это, вероятно, относилось и к эдикту, изданному Тиберием, если принять, что он касался подготовки к его вступлению в должность». Но в таком случае

¹⁷⁰ Mommsen Th. Römisches Staatsrecht. Bd. I. S. 204, Anm. 1.

¹⁷¹ Pina Polo F. The Political Role... P. 430.

Ф. Пина Поло, фактически, опровергает попытку Т. Моммзена представить случай Фламиния как исключение. С другой стороны, Ф. Пина Поло подчеркивает, что «остается туманным контекст принятия эдикта консулами-десигнатами 49 г.» (Cass. Dio 40.66)¹⁷². Вероятно, он подразумевает, и вполне справедливо, что в последнем случае «эдикт» вполне мог иметь отсроченный эффект. В противном случае, было бы не избежать противоречия между полномочиями избранного и действующего консулов в том случае, если бы они придерживались разных взглядов по поводу проконсула Цезаря. Похоже, Ф. Пина Поло не считает эту неопределенность принципиально важной для основной линии своей аргументации¹⁷³. Однако если существовали два вида обязательных эдиктов десигнатов, почему наши источники не проводят четкого различия между этими существенно различными действиями?

Одно остается несомненным: если Фламиний и издал обязательный эдикт, то он мог вступить в силу только немедленно, то есть не мог иметь отсроченный эффект, как справедливо отметил Т. Моммзен. Причем исполнить это распоряжение мог только действующий консул, обязанный следовать распоряжению частного лица. С такими следствиями из представленной реконструкции едва ли можно согласиться.

Следует предложить поэтому иное понимание эдикта Фламиния. События, как их описывает Ливий, не противоречат представлению о том, что избранный консул отправил действующему консулу письмо с неофициальной просьбой¹⁷⁴ исполнить то, что требовалось для общего блага. Эффективность такой просьбы можно объяснить военной необходимостью, которая здесь хорошо засвидетельствована и не зависела от трений между самими полководцами.

Можно возразить, что чрезвычайно сомнительно, чтобы Ливий, говоря о простой просьбе *privatus*, использовал такой точный термин, как *edictum*.

¹⁷² Pina Polo F. The Political Role... P. 430. См. об этом эпизоде выше.

¹⁷³ Pina Polo F. The Political Role... P. 430.

¹⁷⁴ Ср.: Vervaeke F.J. The High Command... P. 318.

Если Ливий не имеет в виду эдикт, то почему не использовал другое, более подходящее слово?

На неформальный характер просьбы, однако, намекает сопряженное использование термина *edictum* и слова *litterae*. Что еще более важно, у Ливия могла быть дополнительная причина использовать не что иное, как понятие *edictum*. В I в. было распространено представление о том, что избранные магистраты – это лица, уже несущие существенную долю ответственности за Республику¹⁷⁵. Ожидалось, что *designatus* будет действовать, руководствуясь общим благом. После избрания он сразу же получал политический авторитет, необходимый для таких действий. Неотвратимость вступления в должность (если не произойдет ничего неожиданного, например, судебного преследования) была веской причиной для такого рода ожиданий. Данный фактор, на мой взгляд, делал угрозы, озвученные консулом-десигнатом Метеллом Целером в 61 г. (см. гл. 2, §2.2), действенными и убедительными даже для тех, кто выступал против него и не поддавался воздействию его *auctoritas*. Ожидания такого рода могут также объяснить, почему Цицерон обозначал избранных консулов иногда просто *consules*, а не *consules designati*¹⁷⁶ и уже относил их «негласно к числу консулов»¹⁷⁷. Но если это так, то тогда тем более вероятно, что та же самая логика могла побудить Ливия использовать термин *edictum* (а не какое-либо другое понятие) для обозначения неофициальной просьбы десигната, чтобы подчеркнуть сходство его просьбы с распоряжением уже действующего магистрата. Поскольку использование термина *consules* вместо *consules designati*, конечно, не означало, что, согласно Цицерону, *designati* технически уже были магистратами¹⁷⁸, употребление *edictum et litterae*, вместо просто *litterae* или иного варианта, тоже не должно автоматически приводить нас к выводу о том, что, по мнению Ливия, десигнаты обладали *ius edicendi*. То, что Цицерон

¹⁷⁵ См., напр., Cic. *Leg. agr.* 2.12. Ср. Suet. *Tib.* 31.1.

¹⁷⁶ Cic. *Mur.* 10; Pina Polo F. *The Political Role...* P. 446.

¹⁷⁷ Pina Polo F. *The Political Role...* P. 444.

¹⁷⁸ См.: Pina Polo F. *The Political Role...* P. 445.

предпочитает термин *consul*, а Ливий использует именно слово *edictum*, находит общее объяснение в том, что избранный консул действительно вскоре должен был стать консулом и получить, в том числе, *ius edicendi*. Учитывая короткие сроки исполнения магистратур в Риме относительно динамики военно-политических событий, неудивительно, что для античных авторов (как и для самих участников описываемых ими событий) было естественным предвосхищать будущее положение и полномочия десигнатов.

Отмечу также, что традиция, отраженная в трудах Ливия и других авторов, решительно порицает вступление Г. Фламиния в должность за пределами Рима, но, похоже, не считает его т.н. «эдикт» неправомерным¹⁷⁹. Если под *edictum* Ливий подразумевал бы официальное распоряжение, идентичное эдикту избранного консула, и считал бы его частью стандартной практики, то следовало бы ожидать появления в тексте хотя бы несколько других примеров подобного рода. Однако они отсутствуют. В 183 г. в аналогичной ситуации действующий консул М. Клавдий Марцелл «отправил вестника к проконсулу Л. Порцию гонца с приказанием направить легионы к новому городу галлов» (термин *edictum* не употреблен)¹⁸⁰. По мнению Ф. Вервата, «Марцелл просто отправил вперед посланника, чтобы сообщить проконсулу о своем желании привести армию к тому месту, где он планировал взять командование на себя»¹⁸¹. Сложно предположить, чтобы в данном случае избранный магистрат мог направить своему предшественнику что-либо, кроме просьбы (даже если бы десигнаты могли издавать формально обязательные к исполнению эдикты, данное указание не могло обязать действующего проконсула).

До вступления в должность новых магистратов сенат сопровождал военные приготовления, связанные с передачей командования от одного носителя империя к другому. В 172 г. претор Г. Лициний, как пишет Ливий,

¹⁷⁹ Schmitt T. Hannibals Siegeszug... S. 87.

¹⁸⁰ Liv. 39.54.1: *nuntium praemisit ad L. Porcium proconsulem ut ad novum Gallorum oppidum legiones admoveret.*

¹⁸¹ Vervae F.J. The High Command... P. 64–65, n. 36.

написал (*scribit*) консулу Г. Попиллию, прося его *ex auctoritate senatus* перебросить легион до февральских ид, с тем чтобы претор Гн. Сициний (полномочия которого должны были быть продлены) мог иметь эти силы под рукой (*Liv. 42.27.5*). В этом случае именно решение сената стало причиной того, что консул последовал просьбе претора. Возможно, читатели Ливия ожидали чего-то подобного и в случае с Г. Фламинием. Можно вновь задаться вопросом, почему же тогда Ливий использует *edictum et litteras misit*? Если этот шаг Фламиния стал возможен не только потому, что того требовала военная ситуация, но и потому, что он, в отличие от других действий Фламиния, был предпринят в согласии с сенатом (это можно допустить¹⁸²), то фраза могла выполнять функцию дополнительной демонстрации того, насколько высокомерным оказался Фламиний даже в этих обстоятельствах: он приказал действующему консулу сделать то, что в любом случае должно было быть сделано *ex auctoritate senatus*. Фламиний сделал это так, как будто это было его собственное распоряжение (*edictum*).

Можно было бы сделать предположение, что эдикт консула-десигната Фламиния был скорее исключением, чем примером общепринятой практики. В данных обстоятельствах римляне допустили его как сознательное нарушение конституционного правила по причине крайней необходимости. Далее можно было бы заметить, что это гипотетическое правило не было строгой нормой, а скорее представляло собой «гибкую рекомендацию», которая допускала отдельные нарушения (в рамках такой логики рассуждений оказывалось бы, что *designati* обычно не пользовались *ius edicendi*, но в некоторых особых обстоятельствах могли к нему прибегнуть). Однако, как мы видели, ситуация едва ли была исключительной: в других аналогичных случаях эдикт или какие-либо иные действия магистрата-десигната вообще не упоминаются, а инициатива исходила от сената. Кроме того, нет конкретных причин полагать, что предполагаемое правило по поводу *ius edicendi*

¹⁸² См.: Feig Vishnia R. A Case of «Bad Press»... P. 43.

десигнатов и его применения в экстренных случаях относилось к числу «гибких» норм.

Таким образом, либо мы находим объяснение нетехнического употребления Ливием термина *edictum*, либо нам придется признать, что он действительно подразумевал, что действующий консул должен был подчиниться распоряжениям *privatus*. Первый вариант представляется мне предпочтительным.

Кроме того, мы не можем рассматривать употребление *edictum* в рассматриваемом фрагменте Ливия в связке с общим правилом, о котором сообщает Дион, когда пишет о Тиберии: слишком различны конкретные обстоятельства публикации десигнатами «распоряжений» в каждом из этих случаев.

На основании только пассажа Ливия не следует делать вывод о том, что в других подобных ситуациях «эдикты» избранных магистратов также вступали в силу незамедлительно. Тем не менее, в том единственном случае, когда мы можем с уверенностью утверждать (без дополнительных допущений, как в других эпизодах), вступал ли предполагаемый «обязательный эдикт» в силу немедленно или нет, ответ будет положительным (что в дальнейшем приводит ко всем тем следствиям, о которых речь шла выше). Добавлю к этому отсутствие каких-либо прямых свидетельств, указывающих на то, что существовали «обязательные эдикты» десигнатов с отложенным действием. Остается заключить, что десигнаты обращались с неофициальными просьбами, а не рассылали обязательные к исполнению эдикты, неважно, с отложенным действием или вступавшие в силу немедленно.

Наконец, предположим, что в рассматриваемом эпизоде речь идет о «декларативном эдикте». Логика описываемых Ливием событий показывает, что письмо Фламиния могло быть только либо строгим распоряжением, либо неофициальной просьбой, но никак не декларацией, поскольку письмо требовало определенных действий и не имело смысла как простое извещение или констатация сложившихся обстоятельств. Таким образом, если бы мы

предположили, что *ius edicendi* десигнатов подразумевал «декларативные эдикты», то нам также пришлось бы признать, что Фламиний получил «право» лишь заявить, что он просит о чем-то, что, очевидно, бессмысленно. Таким образом, случай Фламиния хорошо демонстрирует, почему представление о некотором особом свойстве *ius edicendi* десигнатов, а именно, их ограничение «декларативными эдиктами», не выдерживает критики.

«Аномалия» наделения десигнатов *ius edicendi*, которую констатировал Т. Моммзен, на самом деле не находит убедительного подтверждения в наших источниках. В то же время приведенные выше рассуждения подтверждают общий вывод (уже процитированный выше), который делает Ф. Пина Поло, когда пишет о консулах-десигнатах: «Таким образом, *consules designati* являлись *privati*, которые имплицитно воспринимались заранее как консуляры. Благодаря их будущему статусу высших магистратов, им предоставлялись ведущие роли в сенате и, как следствие, в обществе...»¹⁸³. Этот вывод можно считать справедливым и в отношении других десигнатов¹⁸⁴. Но каким образом десигнаты оказывались способными обеспечить себе такую роль на практике, если они, как я полагаю, не были наделены какими-либо прерогативами действующих магистратов?

Избранные магистраты оставались *privati*, как формально, так и на практике. Ситуации, позволяющие считать, что *designati* издавали эдикты, следует воспринимать так же, как и другие примеры их участия в политической жизни: как проявление их неофициального статуса, как демонстрацию всеобщих ожиданий их скорого вступления в должность, как результат практической необходимости, но не как следствие наличия у них каких-либо магистратских полномочий, в частности, *ius edicendi* (или его особого вида, допускавшего только «декларативные эдикты»).

¹⁸³ Pina Polo F. The Political Role... P. 446.

¹⁸⁴ Включая десигнатов в римских *municipia*, в частности, *duoviri designati*, ср.: Gazzoli S. I *duoviri designati* nell'amministrazione locale tra Spagna ed Italia // *Municipal Structures in Roman Spain and Roman Italy: A Comparison* / Ed. F. Russo. Wien: Universität Wien, 2020. P. 99–104.

В некоторых случаях политическая инициатива избранных магистратов эксплицитно представлена в наших источниках как подражание поведению действующих магистратов. Наиболее ярко это видно на примере Кв. Метелла Целера в 61 г. (см. гл. 2, §2.2). Если верить Цицерону, здесь мы имеем дело с непредсказуемым, новаторским и эффективным политическим действием. В других эпизодах, например, в случае Тиберия в 8 г. н.э. (см. гл. 2, §2.4), избранные магистраты совершали действия, которые, с точки зрения Кассия Диона, были очень похожими на стандартные действия магистратов в рамках рутинного, предсказуемого политического процесса. Наконец, в третьем типе ситуаций возможность избранных магистратов брать на себя инициативу, как если бы они уже занимали должность, ставится под сомнение. Примером этого могут служить *уράμματα* избранных консулов Л. Корнелия Лентула Круса и Г. Клавдия Марцелла в 50 г. (см. гл. 2, §2.3). Передача общего командования в Италии проконсулу Помпею ни в коем случае не была стандартным, рутинным мероприятием и в этом смысле представляла собой важный политический шаг. Однако идея исходила вовсе не от десигнатов, а от Г. Клавдия Марцелла, действующего консула 50 г. Более того, Дион дает понять, что Помпей неохотно принял командование, посчитав его недостаточно обоснованным и неподготовленным. В результате создается впечатление, что, с точки зрения Диона, консулы-десигнаты играли лишь незначительную техническую роль. Неслучайно Дион представляет *уράμματα* избранных консулов как следствие одного только их *убеждения* в том, что они уже способны совершать некие действия, относящиеся к их будущей должности. Иными словами, если пассаж Диона и сообщает о формальных прерогативах десигнатов, так это то, что представление о наличии таковых являлось ошибочным и необоснованным.

Дальнейшие слова Диона подтверждают сказанное, но содержат и некоторые дополнительные подробности: «Однако не было совершено никаких действий, каких можно было бы ожидать при таком смелом образе действий. Они [противники Цезаря] только продемонстрировали свою враждебность Цезарю, но сами ничего существенного более не

предпринимали, а ему, напротив, предоставили еще один благовидный предлог для удержания находившихся при нем войск»¹⁸⁵. Итак, избранные консулы (которые, что очень важно, здесь даже не упоминаются) или, скорее, другие действующие лица, стоящие за ними, потерпели неудачу, потому что не продолжили приготовления и не предприняли последующих необходимых действий. Формулировки Диона сильно отличаются от оценки Цицероном действий консула-десигната Кв. Метелла Целера в 61 г. У Цицерона избранный консул прямо сопоставляется с действующим консулом Л. Кальпурнием Пизоном и даже выигрывает в сравнении с ним: Пизон не смог взять на себя инициативу, как это полагалось делать высшим магистратам. Он не предпринимал никаких действий, оставляя «оперативный простор» другим акторам политического процесса, в том числе *privatus* Метеллу Целеру. Во всех этих описаниях ключевой причиной различия между собой отдельных действующих лиц, будь то магистратов или десигнатов, следует считать то, проявляли ли они с точки зрения античных авторов подлинную политическую инициативу и делали ли они это настойчиво, уверенно и так долго, чтобы обеспечить себе шансы на успех.

§3. Магистраты-десигнаты как самостоятельные политические акторы

Исследование сообщений источников о *designati* показывает, насколько разнообразными были форматы из участия в политической жизни Республики. Нередко магистраты-десигнаты сами проявляли инициативу, а не следовали инициативе других акторов. Как было аргументировано выше, в таких случаях *designati* не нуждались в наделении полномочиями действующих магистратов.

¹⁸⁵ Cass. Dio 40.66.4–5: οὐ μέντοι καὶ ἐπράχθη τι οἷον ἂν τις ἐπὶ τηλικούτῳ τολμήματι γενήσεσθαι προσεδόκησεν, ἀλλὰ τὴν ἔχθραν μόνον τὴν πρὸς τὸν Καίσαρα ἐνδειξάμενοι αὐτοὶ μὲν οὐδὲν ἄλλο ἰσχυρὸν παρεσκευάσαντο, ἐκείνῳ δὲ καὶ ἐκ τούτου πρόφασιν εὖλογον ἐς τὸ3 τὰ στρατόπεδα τὰ συνόντα οἱ κατασχεῖν παρέσχον.

С важными политическими заявлениями на *contiones* в качестве десигната выступал не только Гн. Помпей (Cic. *Verr.* 1.45), но и менее известные деятели: плебейский трибун-десигнат Метелл Непот (Cic. *Mur.* 81), плебейский трибун-десигнат Г. Меммий, *vir acer* (Sall. *Iug.* 27.2), а также, вероятно, консул-десигнат Г. Вибий Панса (Cic. *Phil.* 12.14)¹⁸⁶. Показательно, что во всех этих случаях источники не называют магистратов, которые могли быть задействованы в качестве формальных председателей *contiones*. Это не означает, что данные собрания были созваны самими избранными магистратами, но показывает, на мой взгляд, оценку античными авторами неформальной политической инициативы десигнатов как решающей для развития событий¹⁸⁷.

Сведения о некоторых формах политического участия десигнатов вне контекста официальных собраний редки. Так, Цицерон сообщает о том, что вокруг избранного консула Гортензия собрался большой *conventus*, в результате чего не только его собственные слова, но и слова другого человека из толпы его сторонников немедленно оказались общеизвестными (Cic. *Verr.* 1.18). Существуют свидетельства о подготовке десигнатами законопроектов и о привлечении ими других *privati* к этой работе (Cic. *Leg. agr.* 2.11–12). Их частные дома функционировали как места политической коммуникации (Cic. *Verr.* 1.27, 1.53, 2.3.45), возможно, в том числе с иностранными представителями¹⁸⁸. Однако Цицерон (*Verr.* 1.53) все же противопоставляет приглашение в дом избранного консула (*servi designatorum consulum non moverunt*) и вызов в дом действующего консула (*lictores consulum vocent*).

В некоторых случаях можно предположить, что акты действующих магистратов являются продолжением их активности до вступления в должность, поскольку обстоятельства, вызвавшие их, существовали уже тогда.

¹⁸⁶ См.: Pina Polo F. *Magistrates-Elect...* P. 69. Ср.: Pina Polo F. *Las contiones...* P. 310–311, n. 358.

¹⁸⁷ Ср.: Pina Polo F. *Magistrates-Elect...* P. 71. Ф. Пина Поло рассматривает эту же деталь в качестве доказательства вывода о том, что десигнаты были наделены *potestas contionandi*.

¹⁸⁸ См.: Pina Polo F. *The Political Role...* P. 425–426.

Так, Б. Кац ссылается на оппозицию трибунов П. Сульпиция и Антия в кандидатуре Г. Юлия Цезаря Страбона в консулы в 89 г. (см. гл. 3, §2) и делает справедливое предположение о том, что, поскольку деятельность Цезаря Страбона, вероятно, началась еще до вступления Сульпиция и Антия в должность (10 декабря 89 г.), последние «могли быть закономерными лидерами оппозиции Цезарю» уже тогда, поскольку всем было известно, что «они будут находиться в должности к тому времени, когда события достигнут кульминации»¹⁸⁹.

На мой взгляд, Ф. Пина Поло верно указывает главную причину существования практики выступления консулов-десигнатов первыми в сенате: «сенаторы желали услышать о том, какую политику планировали вести десигнаты, и какие предложения они могли внести, являясь высшими избранными магистратами»¹⁹⁰. Представляется, что искать дополнительные причины (такие как *ius edicendi*) наличия такой заинтересованности во мнении консулов-десигнатов нет необходимости: внимание сенаторов и других граждан уже в достаточной мере объясняет политический вес избранных магистратов (не только консулов-десигнатов).

Однако, несмотря на их безусловно значительное влияние, в сенате десигнаты занимали позицию принципиально иного характера, чем действующие должностные лица: избранные магистраты лишь получали право первыми высказываться, тогда как действующие магистраты могли созывать сенат и руководить ходом заседания. Более того, участие избранного магистрата в собраниях сената – каким бы важным оно ни было для определения их исхода – едва ли можно рассматривать как самостоятельный политический акт в том смысле, который нас интересует.

Хотя инициатива отдельного сенатора проявлялась, когда он предлагал новый вопрос для обсуждения или новый подход к ранее поставленному

¹⁸⁹ Katz B.R. Caesar Strabo's Struggle for the Consulship and More // *Rheinisches Museum für Philologie*. 1977. Bd. 120. S. 50.

¹⁹⁰ Pina Polo F. The Political Role... P. 424, 446.

вопросу, итоговое решение сената всегда оставалось решением коллективного института. Личная инициатива сенатора – был он десигнатом или нет – могла приобретать самостоятельное значение вне стен сената, но именно это античные источники обычно не фиксируют. Напротив, публичные выступления избранных магистратов вне стен сената часто могут быть идентифицированы как самостоятельное, независимое действие, даже если их деятельность впоследствии не приводила к каким-либо формальным решениям SPQR.

С этой точки зрения показателен пример деятельности М. Катона Младшего. Современные исследователи не обошли вниманием его выступления в сенате в 63 г., после избрания трибуном-десигнатом. Так, на знаменитом заседании 5 декабря, где обсуждалась судьба катилинариев, присутствие Катона сыграло ключевую роль в принятии предложения консула Цицерона, серьезную конкуренцию которому составило альтернативное мнение претора-десигната Цезаря¹⁹¹. Однако активность Катона – даже несмотря на то, что именно его предложение было поставлено на окончательное голосование¹⁹² – имела смысл лишь как составная часть сенатской процедуры.

Более того, статус Цезаря как претора-десигната и положение Катона как трибуна-десигната, судя по всему, не оказали прямого влияния на степень эффективности их вмешательства (за исключением того, что дало им приоритет для выступления по сравнению с экс-магистратами)¹⁹³.

Угрозы Катона преследовать лиц, избравшихся в консулы, за подкуп, высказанные в сенате (что важно – вне контекста обсуждения сенатского постановления; речь шла только о том, чтобы анонсировать свои планы, см. *Cic. Mur.* 51, 62) и на *contio* (*Plut. Cat. Min.* 21.2) после избрания Катона

¹⁹¹ Источники см. в работе: Van der Blom H. *Oratory...* P. 316.

¹⁹² *Cic. Att.* 12.21.1; Ryan F.X. *Rank and Participation...* P. 119; Shackleton Bailey D.R. *Cicero's Letters to Atticus*. Vol. 5. Cambridge: Cambridge University Press, 1966. P. 316–317.

¹⁹³ Ср.: Van der Blom H. *Oratory...* P. 39.

трибуном в июле 63 г.¹⁹⁴ потенциально могут рассматриваться как пример самостоятельного политического действия. Однако сомнительно, чтобы статус Катона как трибуна-десигната повлиял на исход и значение его заявлений¹⁹⁵. В отличие от случаев, где можно предположить применение избранными магистратами *ius edicendi*, здесь вмешательство десигната ограничилось неформальной угрозой.

Примечательно, что античные источники не содержат прямых свидетельств о том, что Катон каким-то образом инструментализировал статус трибуна-десигната во время преследования консула-десигната Л. Лициния Мурены¹⁹⁶. С другой стороны, положение Кв. Гортензия как консула-десигната Цицерон неоднократно упоминает, объясняя, почему тот смог так эффективно защищать Верреса (Cic. *Verr.* 2.3.222; *Brut.* 319)¹⁹⁷. Сам статус десигната, или *maiestas consulis designati*, считался достойным упоминания даже в беспокойном 43 г. (Cic. *Phil.* 13.20). Но, парадоксальным образом, в случае как Катона, так и Гортензия, их статус десигнатов был использован Цицероном против них самих. Эти примеры показывают, что особая ответственность магистратов-десигнатов как будущих должностных лиц могла на практике понижать эффективность их участия в политическом процессе или, по крайней мере, существенно ограничивать свободу их действий. Так, на протяжении всей речи в защиту Мурены Цицерон постоянно напоминает Катону о его будущей ответственности как трибуна и необходимости иметь консула на своей стороне (например, *Mur.* 24, 64, 81)¹⁹⁸.

¹⁹⁴ По поводу хронологии событий см.: Ryan F.X. *Rank and Participation...* P. 130. Ср.: Bonnefond-Coudry M. *Le Sénat de la République...* P. 621; Pina Polo F. *Las contiones...* P. 292, n. 265.

¹⁹⁵ Pina Polo F. *Magistrates-Elect...* P. 70, включая n. 19.

¹⁹⁶ Источники: Van der Blom H. *Oratory...* P. 316.

¹⁹⁷ Pina Polo F. *The Political Role...* P. 425.

¹⁹⁸ В определенном смысле этот случай напоминает ситуацию с Л. Мунацием Планком в 44–43 гг. С одной стороны, как консул-десигнат, Планк обладал «властью изменить ход событий», и «Цицерон намекал на то, что Планк теперь имел военную и политическую силу для самостоятельных действий» (Mitchell H. *The Reputation of L. Munatius Plancus and the Idea of “Serving the Times”* // *The Alternative Augustan Age* / Eds. J. Osgood, K. Morrell, K. Welch. Oxford; New York: Oxford University Press, 2019. P. 167). Но, с другой стороны, Планк явно стремился сохранить свой статус избранного консула, и его действия в

Однако вывод о возможности влияния самого факта избрания Катона трибуном на его политический успех в бытность десигнатом не может быть однозначным. Так, возможность для Катона упрекать народ на *contio* за готовность принимать от кандидатов дары во время консульских выборов объяснялась именно тем, что он сам только что оказался избран на должность (Plut. *Cat. Min.* 21.2). Сам по себе упрек со стороны Катона едва ли мог иметь какие-либо немедленные материальные последствия, но все же усиливал особый политический имидж Катона и его способность к будущим политическим инициативам¹⁹⁹.

Более прямая связь между получением статуса десигната и выступлениями на *contio* в качестве влиятельного независимого политического актора прослеживается в случае с соперником Катона по трибунату, Кв. Цецилием Метеллом Непотом (см. гл. 3, §4). Хотя его намерения были известны задолго до избрания и именно они стали причиной, по которой Катон изменил свое первоначальное решение не участвовать в выборах и сам выдвинулся в трибуны, Цицерон ясно дает понять, что, когда Метелл Непот вновь озвучил свои планы уже в бытность трибуном-десигнатом, его выступление привлекло значительное внимание и послужило предостережением именно потому, что он вскоре должен был вступить в должность трибуна (*Mur.* 81). Это еще один пример того, как ожидания, связанные с магистратами-десигнатами и их планами на будущее (а также

значительной степени, если не в полной мере, определялись этой целью (Cic. *Fam.* 10.4.2; 10.8; Mitchell H. *The Reputation of L. Munatius Plancus...* P. 172, 175, включая n. 34; Hanslik R. *Munatius* (no. 30) // *Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft*. Bd. 16.1. Stuttgart: J.B. Metzler, 1933. Sp. 548). Ср. также случай Кв. Фульвия Флакка, который, будучи курульным эдилом-десигнатом, претендовал на вакантную преторскую должность в начале 184 г. (Liv. 39.39, ср.: Haimson Lushkov A. *Magistracy and the Historiography...* P. 128–131, 141–151). Как верно отмечает А. Хаймсон Лушкоф (Haimson Lushkov A. *Magistracy and the Historiography...* P. 143), в повествовании Ливия Флакк «начинает звучать как магистрат», защищая свое право участвовать в выборах. Но статус Флакка как избранного эдила ничего не добавил к имевшемуся у него арсеналу политических инструментов для продвижения своей позиции, более того, подрывал его шансы на успех.

¹⁹⁹ На это справедливо указывает Ф. Пина Поло: Pina Polo F. *Magistrates-Elect...* P. 71.

понимание того, что эти планы теперь имели хорошие шансы на реализацию), существенно влияли на развитие ситуации.

Деятельность трибуна-десигната Кв. Помпея Руфа в 53 г., хотя слабо документирована, показывает, как десигнат мог использовать свое положение для провоцирования насилия и анархии. Наш основной источник –Кассий Дион, но его сообщение довольно запутанно. Он пишет, что в 53 г. избрание консулов (Гн. Домиция Кальвина и М. Валерия Мессалы) оказалось невозможным вплоть до седьмого месяца. Это не произошло бы и тогда, если бы сенат не заключил под стражу Кв. Помпея Руфа, «хотя он был внуком Суллы и трибуном» (δημαρχῶν). Дион связывает это с наделением Гн. Помпея полномочиями действовать против тех, кто желал «учинить беззаконие», и объясняет, что противодействие электоральному процессу стало причиной ареста Руфа (40.45.1–3). Позднее Помпей Руф сам подверг той же участи эдила Фавония по незначительному обвинению, чтобы «разделить с ним свое бесчестие» (40.45.4). Дион также отмечает, что после убийства Клодия, то есть в 52 г., трибуны Помпей Руф и Т. Мунаций Планк созвали contio, на которой выставили тело Клодия и подстрекали толпу, спровоцировав новые беспорядки, включая поджог здания сената (40.49). За это трибуны были привлечены к суду и осуждены после окончания срока полномочий (40.55).

Таким образом, Дион называет Помпея Руфа трибуном как в 53 г., так и в 52 г. Как отмечал М. Харлан, «мы знаем из более надежного источника, Аскония» (32–33, 37, 42, 49С), что Помпей Руф был трибуном (только) в 52 г. Однако М. Харлан допускал все возможности, поскольку, хотя «было бы крайне необычно для трибуна занимать должность два года подряд», это могло оказаться «в те смутные времена, вероятно, возможным»²⁰⁰. Тем не менее, такой вывод нельзя принять, поскольку Дион явно объединяет события 53 г. и 52 г. Упоминание о том, что «позднее» (ὕστερον) Помпей Руф заключил под стражу эдила Фавония, «чтобы обрести соучастника в своем бесчестии» (ἵνα

²⁰⁰ Harlan M. Roman Republican Moneyers and their Coins 63 BC–49 BC. London: Seaby, 1995. P. 63.

δὴ κοινὸν τῆς ἀτιμίας λάβῃ), не требует предположения о том, что сам Руф все еще находился в заключении (более того, вероятно, он уже должен был быть на свободе, чтобы иметь возможность арестовать Фавония²⁰¹). Эдилитет Фавония может датироваться не только 53 г., но и – что даже более вероятно – 52 г.²⁰². Даже в первом случае арест эдила мог произойти после 10 декабря 53 г., когда Помпей Руф уже вступил в должность. Наконец, гораздо логичнее предположить заключение под стражу Помпея Руфа как *privatus*, трибуна-десигната, а не действующего трибуна, что бы ни имелось в виду под заключением в тюрьму по решению сената в отсутствие других магистратов.

Таким образом, во фрагменте 40.45 Дион ошибочно называет Помпея Руфа трибуном, а не трибуном-десигнатом, как отмечали уже Э. Мейер и Дж. Никколини²⁰³. Е. Линдерски, также считавший такой вывод правдоподобным, предположил, что Помпей Руф был заключен под стражу «по-видимому, за участие в беспорядках, препятствовавших избранию Гн. Домиция Кальвина и М. Валерия Мессалы в консулы на 53 г.». Именно это привело к ошибке Диона и датировке трибуната Помпея Руфа 53 г.²⁰⁴.

В повествовании Диона связь между действиями Помпея Руфа по противодействию выборам и его заключением под стражу очевидна. Но если он был лишь трибуном-десигнатом, как он мог это осуществить? Е. Линдерски намекает на насильственные действия, но можно сделать некоторое уточнение. Дион показывает, что уже находившиеся в должности трибуны тоже активно препятствовали выборам. На первый взгляд, Помпей Руф

²⁰¹ Ср.: Nippel W. *Public Order*... P. 10.

²⁰² Уверенность по этому поводу высказывал Р. Броутон (Broughton T.R.S. *The Magistrates of the Roman Republic*. Vol. 2... P. 235). Е. Линдерски не исключал возможность того, что Фавоний был эдилом в 53 г. (Linderski J. *The Aedileship of Favonius, Curio the Younger and Cicero's Election to the Augurate* // *Harvard Studies in Classical Philology*. 1972. Vol. 76. P. 181–200.).

²⁰³ Meyer Ed. *Caesars Monarchie und das Principat des Pompejus: innere Geschichte Roms von 66 bis 44 v. Chr.* 3. Aufl. Stuttgart; Berlin: J.G. Cotta'sche Buchhandlung Nachfolger, 1922. S. 209–210, включая S. 210, Anm. 2; Niccolini G. *I fasti dei tribuni della plebe*. Milano: Giuffrè, 1934. P. 315.

²⁰⁴ Linderski J. *The Aedileship of Favonius*... P. 182.

действовал с ними заодно. Но если они преследовали общую цель, почему трибуны не помогли Руфу, когда того арестовали²⁰⁵?

Дион сообщает, что, обосновывая свое противодействие выборам, трибуны выдвигали различные возражения (πάντες δὲ οἱ δῆμαρχοι ἄλλας τε σκήψεις ἐμποδίου ἐσέφερον) и предлагали избрать военных трибунов с консульской властью. Однако такие «возражения» и формальные инициативы плохо сочетаются с уличным насилием, в котором, согласно Е. Линдерски, участвовал Помпей Руф. Можно предположить, что действующие трибуны и трибун-десигнат действовали в определенной степени независимо и использовали принципиально различные методы для достижения одной цели.

Более того, Помпей Руф не был одинок в своих попытках сорвать выборы: имелись и «другие лица», желавшие учинить беззаконие (τοῖς ἄλλοις τοῖς κακούργησάι τι ἐθέλησασιν). Согласно Диону, арест Руфа должен был послужить предостережением для этих «других». Поэтому гипотетически можно допустить, что Помпей Руф выступал лидером некоторой группы лиц, чьи дальнейшие действия были купированы как угрозой ареста, так и действиями проконсула Гн. Помпея, которому сенат поручил принять против них меры (40.45.1) и который, прибыв к окраинам города, «обеспечил проведение консульских выборов» (40.46.1; также см. гл. 4, §2.8).

Хотя эта реконструкция носит умозрительный характер, она указывает на возможность того, что трибун-десигнат не просто участвовал в беспорядках (как предполагал Е. Линдерски), но и организовал группу лиц для их осуществления, выступая независимо от действующих трибунов, несмотря на общность целей.

Вероятно, именно масштаб деятельности трибуна-десигната и его ключевая роль в срыве выборов (возможно, даже превосходившая значение актов действующих магистратов) ввели Диона в заблуждение, заставив его считать Помпея Руфа действующим трибуном. Хотя обычно десигнаты не проявляли такой активности, как Помпей Руф, сам политический потенциал

²⁰⁵ Ср.: Nippel W. Public Order... P. 10.

этой позиции в «правильных» руках показателен, что мы уже наблюдали в рассмотренных выше случаях. Как часто бывает в римской (и не только римской) политике, многое зависело от личных качеств действующих лиц. Как справедливо указывает Ф. Пина Поло, в конечном счете «решающее значение имели именно лидерские качества, которые могли проявить консулы-десигнаты»²⁰⁶.

Но помимо персонального фактора, все случаи активной политической деятельности десигнатов объединяет еще одно обстоятельство: отсутствие инициативы со стороны действующих магистратов. Это особенно очевидно в случае с Помпеем Руфом в 53 г., поскольку он действовал в период, когда большинство магистратов вообще отсутствовали, что создавало возможности для других акторов взять инициативу в свои руки.

В период гражданских войн 40–30-х гг. обладание статусом избранного магистрата (*designatus*) стало одним из дополнительных факторов, повышавших шансы на выживание и политический успех. Как справедливо отмечает Ф. Пина Поло, в «период особых институциональных потрясений» присутствовавшие в Риме *consules designati* «по понятным причинам становились центрами политического притяжения еще до вступления в должность»²⁰⁷. В 44 г. Г. Юлий Цезарь организовал выборы П. Корнелия Долабеллы в качестве консула-суффекта. Этому противодействовал М. Антоний, пользуясь положением авгура. Как будет показано ниже, он не предотвратил избрание Долабеллы (который, следовательно, стал консулом-десигнатом), но угрожал блокировать реализацию этого решения.

В поддержку вывода о том, что голосование по поводу Долабеллы все-таки состоялось, высказывались Р. Фрай-Штольба, Х. Брунс, М. Йене, Ф. Пина Поло²⁰⁸. Об этом можно судить, опираясь на сведения Цицерона. Критикуя

²⁰⁶ Pina Polo F. *The Political Role...* P. 451–452.

²⁰⁷ Pina Polo F. *The Political Role...* P. 436.

²⁰⁸ Frei-Stolba R. *Untersuchungen zu den Wahlen in der römischen Kaiserzeit*. Zürich: Juris-Verlag, 1967. S. 55–57, 59; Bruhns H. *Caesar und die römische Oberschicht in den Jahren 49–44 v. Chr.: Untersuchungen zur Herrschaftsetablierung im Bürgerkrieg*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1978. S. 160–161; Jehne M. *Der Staat des Dictators Caesar...* S. 183; Pina Polo F.

выбор Антонием момента для заявления «*alio die!*», Цицерон дает понять, что оно произошло после голосования всех центурий, *confecto negotio* (*Phil.* 2.83)²⁰⁹.

Этот вывод подтверждается также следующим обстоятельством. Чтобы показать, что теперь с его точки зрения (речь не идет о формальной легализации) консул-суффект является легитимным, Антонию достаточно было, по всей видимости, лишь воздержаться от дальнейших заявлений о непризнании им Долабеллы как полноправного коллеги. Во всяком случае, по свидетельству Цицерона, Антоний на заседании сената 17 марта просто «позабыл» о своем ранее сделанном заявлении по поводу ауспий Долабеллы²¹⁰. Сходным образом Кассий Дион сообщает о том, что в какой-то момент Антоний «принял» (προσέθετο) Долабеллу в качестве коллеги²¹¹. Таким образом, со стороны иных лиц или институтов никаких решений не потребовалось, чтобы фактическое признание нового консула состоялось.

Наконец, как справедливо напоминает Х. Брунс, в 11-й Филиппике, как и в других случаях, в которых перечисляются нарушения со стороны Долабеллы (исследователь ссылается также на фрагмент *Phil.* 13.36), Цицерон не

Magistrates without Pedigree: The *consules suffecti* of the Triumviral Age // *Journal of Roman Studies*. 2018. Vol. 108. P. 5. Э. Мейер полагал, что Антонию удалось предотвратить завершение комициальной процедуры, и поэтому последующее вступление Долабеллы в должность было юридически сомнительно, основываясь только на волеизъявлении Цезаря (Meyer Ed. *Caesars Monarchie...* S. 461, включая Anm. 2; также ср.: Broughton T.R.S. *The Magistrates of the Roman Republic*. Vol. 2... P. 317).

²⁰⁹ Даже если бы Антоний произнес эту формулу во время голосования, Цезарь все же имел право проигнорировать его заявление, хотя и рисковал в этом случае последующей отменой уже принятого решения (см.: Сморгков А.М. *Религия и власть...* С. 234–235, 519–520, прим. 120). По замечанию А.М. Сморгкова, «как правило, признание выборов или законов недействительными происходило спустя некоторое время, а не сразу на народном собрании». Причем «для этого требовалось обращение сената в авгурскую коллегия» (Сморгков А.М. *Религия и власть...* С. 254).

²¹⁰ *Phil.* 1.31: cum collegam tuum, depositis inimicitiiis, oblitus auspicioꝝ a te ipso augure populi Romani nuntiatorum, illo primum die collegam tibi esse voluisti. Также ср. *Phil.* 2.84: quam diu tu voles, vitiosus consul Dolabella; rursus, cum voles, salvis auspiciis creatus; Manuwald G. *Cicero, Philippics 3–9...* P. 355–356.

²¹¹ Cass. Dio 44.53.1: καὶ γὰρ τὸν Δολοβέλλαν ὁ Ἀντώνιος, καίτοι μὴ βουλευθεὶς τὰ πρῶτα ἐς τὴν ἀρχὴν ὡς οὐδέπω καθήκουσάν οἱ προσλαβεῖν, ὅμως προσέθετο...

упоминает о недействительности консулата П. Корнелия²¹². Даже тогда, когда оратору нужно было подчеркнуть огрешность избрания Долабеллы (ироничный характер утверждений Цицерона здесь не имеет значения), он дает понять, что последняя возникала только по причине действий и слов Антония (*Phil.* 5.9: *quem ipse fecit sua nuntiatione vitiosum*) и не пишет, например, о том, что комиции не были доведены до конца.

Хотя предполагаемое заявление Антония по поводу неблагоприятных ауспиций само по себе не могло препятствовать вступлению консула-суффекта в должность, Цезарь в этом вопросе, как сообщает Плутарх, «уступил» Антонию (*Ant.* 11: εἶξε καὶ προήκατο Δολοβέλλαν ἀχθόμενον). Из слов Плутарха не ясно, как именно была реализована эта уступка. Однако из сообщения Цицерона следует, что Цезарь собирался поднять вопрос о заявлении Антония об ауспициях на заседании сената 15 марта (*Cic. Phil.* 2.88). Следовательно, ситуация, с точки зрения Цезаря, все же требовала технического разрешения или хотя бы какого-то устного обсуждения либо достижения неформального соглашения²¹³. Цицерон, называя ауспиции Антония «вымышленными», тут же подчеркивает, что им все же необходимо было подчиниться (*Cic. Phil.* 2.83; 2.88: *de eumentitis auspiciis, quibus tamen parere necesse erat*). Таким образом, для вступления Долабеллы в должность оставались препятствия по мнению не только Антония, но и других участников событий, даже если с технической точки зрения для блокирования избрания Долабеллы требовалось решение всей коллегии авгуров (о котором не сообщается) и последующее решение сената, а не просто возглас Антония. Теоретически такое решение могло состояться на заседании сената 15 марта, но на деле события пошли по совершенно иному сценарию.

²¹² Bruhns H. *Caesar und die römische Oberschicht...* S. 162, Anm. 90. Также ср. Varro. *LL.* 6.30: *...magistratus vitio creatus nihilo setius magistratus*.

²¹³ В своем комментарии по этому поводу А.М. Сморгков делает предположение, согласно которому Цезарь мог планировать сделать запрос от сената в коллегию авгуров, чтобы снять все сомнения по поводу Долабеллы. Косвенным подтверждением этого, на мой взгляд, является указание Цицерона на то, что коллегии авгуров рано или поздно придется принять официальное решение по поводу Долабеллы (*Phil.* 2.83: *nolo plura, ne acta Dolabellae videar convellere, quae necesse est aliquando ad nostrum collegium deferantur*).

Все изменило убийство Цезаря. Веллей Патеркул кратко пишет о том, что после этого Долабелла «уже захватил» фаски и инсигнии (Vell. Pat. 2.58.3: iam ... fasces atque insignia corripuisset consulis). Означают ли слова Веллея, что Долабелла таким образом показывал, что формально стал консулом?

Аппиан (BC. 2.122) подтверждает наличие у Долабеллы знаков власти. Причем в консульском одеянии и с инсигниями консула (τὴν μὲν ὕπατον ἐσθῆτα ἡμφιέσατο καὶ τὰ σημεῖα τῆς ἀρχῆς περιεστῆσατο) Долабелла появился на contio. Однако Аппиан ничего не пишет о незаконности такого поведения Долабеллы²¹⁴.

Кассий Дион подтверждает, что Долабелла принял участие в contio, причем Дион дает понять, что собрание имело место перед тем, как Долабелла поднялся на Капитолий (Cass. Dio 44.22.1: δημηγορήσας ... ἀνέβη): «Видя это, Долабелла посчитал невозможным самому сохранять бездействие. Он вступил в должность консула, хотя она все еще ему не принадлежала (еще ему не полагалась, не подобала, προσήκειν), и, произнеся речь на сходке по поводу сложившейся ситуации, поднялся на Капитолий» (Cass. Dio 44.22.1)²¹⁵. Обращает на себя внимание то, что обычно consules designati вступали в должность на Капитолии. Затем они проводили заседание сената. Только после этого они иногда созывали contio²¹⁶. Почему в случае Долабеллы эта стандартная последовательность действий оказалась нарушена?

Вряд ли можно говорить о вступлении в должность еще до contio только на основании сообщения о том, что Долабелла уже демонстрировал консульские инсигнии, если учесть то обстоятельство, что он был в

²¹⁴ Правда, акцент на наличии у Долабеллы только одеяний консула вместо консулата как такового, может свидетельствовать о том, что, по мнению Аппиана, Долабелла формально консулом все еще не был. В то же время, далее Аппиан называет его просто консулом (ὕπατον), в том числе, обозначая его так в паре с претором, безусловно, уже действующим (ὥς καὶ στρατηγοῦ καὶ ὑπάτου σφίσι συγγνωμόνων).

²¹⁵ Ἰδὼν δὲ ταῦτα ὁ Δολοβέλλας οὐδ' αὐτὸς ἡξίου τὴν ἡσυχίαν ἄγειν, ἀλλ' ἔς τε τὴν ὕπατον ἀρχὴν καίπερ μηδέπω οἱ προσήκουσαν ἐσθῆλθε, καὶ δημηγορήσας τι περὶ τῶν παρόντων ἐς τὸ Καπιτώλιον ἀνέβη. Ср.: Sumi G.S. Ceremony and Power: Performing Politics in Rome between Republic and Empire. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2015. P. 81: «Dio states rather that Dolabella delivered a speech first and then ascended to the Capitolium and became consul».

²¹⁶ Pina Polo F. Las contiones... P. 156–157.

буквальном смысле на пути к Капитолию, когда выступил на *contio*. Он уже должен был иметь консульские инсигнии на тот момент, даже если еще только собирался вступить в должность. Поэтому проблематично вслед за А. Вудмэном сравнивать этот эпизод со случаем Катилины просто на основании того, что Веллей употребляет глагол «захватить» (*corripere*), говоря о фасках²¹⁷.

Однако не противоречат ли моей интерпретации слова Диона о том, что Антоний не хотел признавать Долабеллу, «так как (консулат) еще не подобал ему» (Cass. Dio 44.53.1: ὥς οὐδέλω καθήκουσάν), лишь позднее приняв его как своего коллегу по консульству? Упоминание Веллеем того, что Долабелла «уже» (*iam*) захватил инсигнии, а также слова Диона о вступлении Долабеллы в должность консула, хотя она «все еще» (*μηδέλω, οὐδέλω*) не полагалась ему (*καθήκειν*), являются способом показать несвоевременность его выступления на *contio* именно по той причине, что Долабелла еще не дошел до Капитолия. Он не просто имел при себе инсигнии консула по пути на Капитолий (это было бы допустимо), а решил выступить на *contio* с политически значимой речью. Иными словами, проблема состояла только в последовательности его действий. Он сначала должен был завершить ритуалы инвеституры на Капитолии, а уже затем мог выступить на *contio* в одеянии консула по важному политическому вопросу.

Утверждение о том, что консулат «все еще» не принадлежал Долабелле, вряд ли может указывать на нелегальное вступление в должность раньше положенного срока, поскольку консульское место в любом случае уже было вакантным. Поэтому и 15 марта, и 17 марта, и любой другой день после убийства Цезаря ничем не отличался с точки зрения оценки вступления

²¹⁷ А. Вудмэн (Woodman A.J. *Velleius Paterculus. The Caesarian and Augustan narrative* (2.41–93). Cambridge: Cambridge University Press, 1983. P. 114) сопоставляет этот пассаж с фрагментами Sall. *Cat.* 18.5 (*fascibus correptis* – по поводу Катилины) и *Vir. ill.* 70.2 (*correptis imperii insignibus* – сказано о Г. Флавии Фимбрии). Также см. [Caes.] *Hisp.* 42.6: *privatus ex fuga Cn. Pompeius adulescens a vobis receptus fascis imperium[que] sibi arripuit*. П. Хабермель использует пассаж Веллея в качестве параллели к фрагменту Petron. *Sat.* 119.45–46: *pellitur a populo victus Cato; tristior ille est, qui vicit, fascisque pudet rapuisse Catoni* (Petronius, *Satyrice* 79–141. Bd. 3 / Hrsg. P. Habermehl. Berlin; Boston: De Gruyter, 2021. S. 950).

Долабеллы в должность взамен выбывшего консула как преждевременного или, наоборот, своевременного²¹⁸.

Также проблематично считать, что Долабелла официально вступил в должность на Капитолии еще до *contio* на форуме, а затем снова поднялся на Капитолий. Как справедливо замечает Дж. Суми, маловероятно, что у Долабеллы было время пройти церемонию на Капитолии до *contio*²¹⁹. Кроме того, вряд ли античные авторы смогли бы обойти молчанием такой предварительный визит на Капитолий, так как он имел бы существенное значение для изложения хода событий.

Итак, источники указывают не на нелегальный, а скорее на «преждевременный» характер действий Долабеллы, подчеркивая, как мне видится, спорность момента выступления на *contio*. Даже если технически Долабелла получил от действующего магистрата (претора Цинны) приглашение произнести речь на сходке, он преждевременно продемонстрировал на собрании знаки отличия консула и – учитывая случившийся здесь же театральный отказ Цинны от преторских инсигний – возможно, даже оказался в роли фактического руководителя *contio* вместо действующего претора. Кроме Цинны и Долабеллы других магистратов или десигнатов на данной сходке не упоминается²²⁰. При этом *contio* собралась сначала сама, без участия магистратов, что, между прочим, признает и Ф. Пина Поло²²¹.

Таким образом, нет необходимости считать, что Долабелла формально уже заявлял об обладании властью консула. По крайней мере, он претендовал на это не больше, чем претор Л. Корнелий Цинна (который, по-видимому,

²¹⁸ Пожалуй, единственной причиной, по которой, например, 17 марта могло бы показаться «подобающим» днем, в который Долабелле следовало бы вступить в должность, являлось то обстоятельство, что ближе к этому дню Цезарь планировал сложить консульскую власть (Jehne M. *Der Staat des Dictators Caesar...* S. 376). Но отмечу еще раз: поскольку Цезарь умер, Долабелла мог сразу стать консулом-суффектом.

²¹⁹ Sumi G.S. *Ceremony and Power...* P. 81.

²²⁰ К этой же толпе ранее, видимо, обратились преторы Брут и Кассий, но затем они покинули место событий, ср.: Plut. *Brut.* 18; Cass. Dio 44.20.3–21.2.

²²¹ Pina Polo F. *Contra arma verbis...* S. 160 (включая Anm. 43).

выступал на той же *contio* непосредственно перед Долабеллой) лишал себя магистратуры одним тем, что показательно срывал с себя магистратские одеяния. Во-первых, претора самого Цезаря в 62 г. напоминает о том, что смена одежды не равнялась акту абдикации²²². Во-вторых, в последующем сам Цинна продолжал считать себя претором.

Возникает вопрос о том, почему Долабелла выступил на *contio* перед подъемом на Капитолий. Почему нельзя было вступить в должность и затем произнести речь перед народом однозначно как действующий консул?

В своем каталоге *contiones* Ф. Пина Поло упоминает Долабеллу как инициатора («Conv.») рассматриваемой *contio* уже в качестве консула, но одновременно указывает, что содержанием собрания и было вступление в должность Долабеллы («Tema: Adopta el cargo de cónsul»)²²³. Обычно под рубрикой «Tema» в составленном им каталоге исследователь отмечает события, произошедшие в ходе самого собрания. По всей видимости, то же самое он подразумевает и в данном случае, так как далее пишет, что Долабелла произнес речь («Adopta el cargo de cónsul, pronuncia un discurso ante el pueblo»). Но если, согласно Ф. Пина Поло, Долабелла созвал *contio* уже будучи консулом, как он мог вступить в должность только в ходе проведения собрания?

Дж. Суми полностью осознавал значение этой двусмысленной ситуации и рассматривал две основные возможности. Первая заключается в предположении о том, что Долабелла, несмотря на все свидетельства источников, на самом деле вовсе «не демонстрировал знаки отличия своей новой магистратуры», потому что в противном случае имело бы место «вопиющее нарушение римского обычая». Если это принять, – пишет Дж. Суми, – то «его появление на *contio* оказалось ярким дополнением к демонстрации Цинны: здесь два магистрата, оба избранные Цезарем; один

²²² См. гл. 3, §4.

²²³ Pina Polo F. *Las contiones...* P. 308, n. 347. Также см.: Pina Polo F. *Contra arma verbis...* S. 160, 188.

отвергает свою должность, другой стремится вступить в нее, но оба в конечном итоге одеты как немагистраты. Их престиж и власть покоились на легитимности диктатуры Цезаря, и все же оба выступали против него»²²⁴.

Дж. Суми предпочитает эту конструкцию, но его логика неясна, не говоря уже об эвристической ценности сделанных им предположений. Во-первых, источники прямо говорят о том, что инсигнии консула Долабеллы все-таки уже принял. Даже если бы мы согласились с Дж. Суми в том, что со стороны Долабеллы имело место нарушение римского обычая, одно это не могло бы служить аргументом для отрицания единодушных показаний античных авторов. Во-вторых, рассуждения Дж. Суми не позволяют объяснить акцент сразу нескольких античных авторов на неуместности действий Долабеллы именно с точки зрения момента времени (*iam*, *μηδέπω*, *οὐδέπω*). Если, как думает Дж. Суми, Долабелла в действительности не демонстрировал инсигнии консула, то возникает вопрос о том, что же в его действиях, в таком случае, могло оцениваться как несвоевременное. В-третьих, Дж. Суми сначала предполагает, что и Цинна, и Долабелла выступали в качестве магистратов, но затем утверждает, что они «в конечном итоге были одеты как немагистраты». Но эти утверждения не могут быть верными одновременно. Сходным образом Дж. Суми сначала отмечает параллели между Цинной и Долабеллой (оба были магистратами, оба были выбраны Цезарем, оба выступили против него), но затем признает, что Цинна «отвергал свою должность», а Долабелла «стремился вступить в свою». Но если это так, то они не были оба магистратами (полноправным магистратом был только Цинна). Наконец, в-четвертых, не ясно, каким именно образом желание и готовность Долабеллы вступить в должность, несмотря на то, что она была предоставлена тираном, могли, по мысли Дж. Суми, дополнять демонстрацию Цинной отказа

²²⁴ Sumi G.S. Ceremony and Power... P. 81–82.

принимать власть от тирана (отказа продолжать исполнять магистратуру претора)²²⁵.

Отмечу, что, строго говоря, нельзя однозначно сказать, вступил ли Долабелла в должность 15 марта или же это произошло только на следующий день, 16 марта, так как изложение Аппиана и Кассия Диона не устанавливает четкой последовательности событий²²⁶. Однако есть другие обстоятельства. В стандартном случае консулы, вступавшие в должность, совершали ауспиции утром, а затем поднимались на Капитолий²²⁷. Если Долабелла вступил в должность 16 марта, то он обычным порядком мог совершить ауспиции утром этого дня. В таком случае уверенно можно сказать, что 15 марта на сходке он действовал формально в качестве *privatus*, так как утром 15 марта Долабелла не мог совершить ауспиции (Цезарь был еще жив).

Предположим, что он все же нашел какой-то способ совершить ауспиции уже до сходки 15 марта, пусть даже в таком случае эти ауспиции оказались бы проведенными не утром, как это обычно практиковалось при вступлении в должность, а днем. Однако даже при таком допущении оказывается, что процедура вступления в должность не могла быть завершена Долабеллой до момента подъема на Капитолий: по пути туда он не мог пройти мимо форума и *contio*, на которой, следовательно, выступил, еще будучи в статусе *privatus*²²⁸.

²²⁵ По мнению Дж. Суми, если бы мы следовали античным авторам и полагали, что Долабелла действительно демонстрировал инсигнии консула на *contio*, то должны были бы сделать такой вывод: «Получение фасок Долабеллой, в независимости от того, как он ими распоряжался, было бы столь же красноречивым напоминанием о Цезаре, сколь и о восстановленной Республике», потому что «фаски стали символом диктатуры Цезаря» (Sumi G.S. *Ceremony and Power...* P. 82). Замечу, однако, что сами по себе фаски вряд ли стали восприниматься как реминисценция или символ диктатуры Цезаря. Вместо этого, была в дальнейшем отменена сама магистратура диктатора. Фаски оставались символом магистратуры как таковой.

²²⁶ У Аппиана (BC. 2.122) сказано ἐπεί («затем») после предыдущего фрагмента (2.121), в котором речь идет о сходках заговорщиков и Цинны, однозначно происходивших 15 марта. «Затем» может означать и 15 марта, и 16 марта. Дион (44.20–21) сообщает о действиях заговорщиков как минимум до завершения 15 марта включительно, а далее (44.22) пишет о Долабелле, что он действовал, видя «все это». О хронологии событий также см. ниже.

²²⁷ Pina Polo F. *The Consul at Rome...* P. 17–19.

²²⁸ В исследовательской литературе можно встретить утверждение, согласно которому при вступлении в должность магистрат совершал ауспиции у себя дома. Об этом пишет М. Коортбоджан, но даже в его представлении необходим был для завершения инвеституры

Иными словами, то, совершил ли он необходимые ауспиции уже 15 или только 16 марта, не влияет на вывод о том, что на сходке 15 марта он выступал, еще не завершив целиком процесс вступления в должность. При этом политический смысл его выступления на *contio* исключает возможность отнесения самой сходки к 16 марта: Долабелла должен был незамедлительно, уже в день убийства Цезаря, поддержать заговорщиков публично на *contio*²²⁹.

Возможна еще одна линия рассуждений, но и она приводит к тому же результату. Последовательное указание в источниках на несвоевременность (*iam, μηδέπω, οὐδέπω*) демонстрации Долабеллой консульских инсигний нам необходимо объяснить. Если мы предположим, что ауспиции он уже провел, то должен был оставаться какой-то иной компонент процедуры вступления в должность, который еще не был реализован, иначе указание на преждевременность действий консула-десигната лишается каких-либо оснований. Таковым компонентом ритуала инвеституры могло быть только появление на Капитолии (например, для совершения ауспиций). Но если это так, то в рамках внутренней логики рассматриваемых пассажей мы не можем полагать этот элемент факультативным элементом процедуры (и, следовательно, считать, что еще до подъема на Капитолий Долабелла уже мог считаться *magistratus*), потому что иначе не остается объяснений для единодушного акцента античных авторов на «преждевременности» демонстрации Долабеллой консульских инсигний на сходке. Подчеркну, здесь не имеет значения то, являлся ли подъем на Капитолий «на самом деле»

последующий подъем на Капитолий (Koortbojian M. Crossing the *pomerium*... P. 45). Необходимо еще учесть, что ауспиции тоже могли совершаться на Капитолии (см.: Сморгков А.М. Религия и власть... С. 145, 484, прим. 128). Замечу, что все источники единодушны в том, что Долабелла находился на пути к Капитолию, когда выступил перед народом. Это означает, что даже если он уже совершил ауспиции и притом сделал это на том же самом Капитолии, по какой-то причине Долабелла считал, что ему нужно снова оказаться на холме, чтобы завершить вступление в должность. Можно предположить, что именно для совершения ауспиций по случаю вступления в должность он и стремился туда попасть.

²²⁹ Также ср. Cass. Dio 44.22.2: о Лепиде сообщается, что он занял форум своими войсками в ночь на 16 марта. Эта деталь приводится после рассказа о выступлении Долабеллы. Следовательно, последнее в рамках логики рассказа Диона должно было состояться именно 15 марта.

обязательным элементом процедуры. Наконец, нельзя не учитывать и то обстоятельство, что необходимость подъема на Капитолий при вступлении в должность могла акцентироваться не всегда, а тогда, когда легитимность носителей публичной власти становилась предметом споров. Как раз в рассматриваемом случае, в условиях гражданских распри, «чувствительность» к выполнению этого условия должна была быть наивысшей.

Считать подъем на Капитолий нерелевантным для определения того, стал ли Долабелла уже *magistratus* или оставался *privatus*, затруднительно еще по одной причине. Надо ожидать, что Долабелла должен был действовать подобно Овидиеву Грецину, консулу-суффекту 16 г. н.э., при характеристике которого указание на Капитолий выступает метонимией вступления в должность (Ovid. *Pont.* 4.9.5: *quoniam sine me tanges Capitolia consul*)²³⁰. Такое словоупотребление показывает устойчивость представлений о неразрывной связи между подъемом на Капитолий и вступлением в должность.

Итак, на Капитолий Долабелла физически не мог добраться 15 марта без того, чтобы сначала, то есть по пути туда, не оказаться на трибуне *contio*. Следовательно, к моменту произнесения речи перед народом инвеститура не была завершена. Таким образом, технически, даже если часть процедуры была выполнена, можно было *при желании* утверждать, что Долабелла по-прежнему являлся *privatus*. При этом в рамках предлагаемой мной интерпретации нет необходимости обосновывать наличие консенсуса всех античных наблюдателей по поводу того, что Долабелла в момент выступления на *contio* еще не был полноправным консулом. Достаточно показать саму возможность подобной критики, даже если она была основана на незначительной претензии, справедливость которой, в свою очередь, тоже можно было оспорить.

²³⁰ Известны случаи вступления в должность консула вне Рима. Соответственно, подъем на Капитолий по определению не мог быть частью процедуры в этих примерах. Однако в нашем эпизоде дело происходило в Риме, поэтому исключить Капитолий из ритуала инвеституры без дополнительных на то оснований мы не можем.

Наконец, нельзя исключить вероятность того, что в действительности сходка, на которой выступил Долабелла, и его вступление в должность (подъем на Капитолий) пришлось даже на два разных дня (15 и 16 марта соответственно). Такая гипотеза возникает не только по вышеуказанной причине, связанной с ауспициями (если считать, что ауспиции при вступлении в должность должны были производиться именно на рассвете, чего Долабелла не мог обеспечить 15 марта), но и ввиду того обстоятельства, что, по наблюдению Т. Мейи, Плутарх, Аппиан и Дион ошибочно относят последующее собрание сената к 16 марта, хотя оно состоялось, как мы точно знаем, 17 марта²³¹. Следовательно, становится тем более вероятно, что события, в действительности разворачивавшиеся в течение двух дней (15 и 16 марта), оказались заключены в рамки одного дня в изложении этих авторов.

Возвратимся теперь к вопросу о том, зачем Долабелла пошел на нарушение традиции, выступив на сходке еще будучи (как я полагаю) десигнатом, хотя мог сначала подняться на Капитолий для того, чтобы формально завершить ритуалы инвеституры²³², а уже затем выступить на *contio*. Налицо сочетание следующих элементов: (1) статус десигната (т.е. *privatus*²³³); (2) отсутствие формальных претензий на обладание консулатом в данный момент времени; (3) публичная демонстрация инсигний консула на *contio*. На мой взгляд, именно такое сочетание должно было иметь политический смысл в контексте ситуации, когда Долабелла, с одной стороны, должен был дистанцироваться от Цезаря, а с другой стороны, не делать это слишком «резко» (как это допустил претор Цинна), чтобы на этой волне не

²³¹ Mahy T.B. *After the Daggers: Politics and Persuasion after the Assassination of Caesar*. PhD Thesis. St Andrews: University of St Andrews, 2010. P. 29.

²³² Либо для того, чтобы лишить своих противников даже самых слабых оснований для оценки его действий как «поспешных» (если мы продолжим полагать, что на самом деле подъем на Капитолий не был обязательной частью процедуры).

²³³ О том, что *designati* формально относились к числу *privati*, см. Asc. 52–53C: *in privato ... significat id tempus quo P. Clodius, cum adhuc quaestor designatus esset, deprensus es*; Mommsen Th. *Römisches Staatsrecht*. Bd. I. S. 590; Weinrib E.J. *The Prosecution of Magistrates-Designate...* P. 148; Pina Polo F. *The Political Role...* P. 445.

пришлось бы отказываться от только что полученного консулата по причине того, что эта магистратура была «подарком тирана».

Выйти из этого сложного положения можно было только средствами неформальной политики. Смысл выступления Долабеллы на *contio*, как мне представляется, не мог заключаться в том, чтобы показать, что он действующий консул еще до того, как достиг Капитолия, так как, во-первых, доказательство этого не давало никаких преимуществ, а во-вторых, не было никаких практических трудностей в том, чтобы подняться на Капитолий и решить проблему. Вместо этого выступление позволило Долабелле продемонстрировать политическую инициативу, публично отрекшись от Цезаря на *contio*, причем именно в статусе *privatus*, а не в статусе консула, получившего должность от тирана. Поскольку подъем на Капитолий еще не состоялся, аудитория *contio* заботливо избавлялась от неверной идентификации Долабеллы как действующего консула. Но одновременно с этим демонстрация инсигний собравшимся показывала гражданам способность десигната в любой момент реализовать свое право на получение консулата, который можно было бы затем использовать в борьбе со сторонниками Цезаря, что и оценила аудитория *contio*.

Манипуляция инсигниями была не только возможна, но и необходима. Как сообщает Аппиан, настроенная против убитого диктатора часть *contio*, получив зримое напоминание о том, что уже почти действующий консул на их стороне, решила отправить послание заговорщикам, приглашая их спуститься с Капитолия (App. *BC*. 1.122). Это вполне осязаемый практический результат демарша Долабеллы. Поэтому неудивительно, что Аппиан, отражая политические, но никак не публично-правовые реалии, называет Долабеллу уже в этот момент просто *ὑπατος*. Будучи консулом-десигнатом, Долабелла использовал инсигнии как независимый политический инструмент, как компонент магистратуры, «отделенный» от нее.

Такая тактика принесла успех. Долабелла избежал ассоциации с Цезарем. Более того, попутно он продемонстрировал, что, даже будучи всего лишь

privatus, оказался эффективнее некоторых действующих магистратов. Во всяком случае, он не побоялся сразу и открыто поддержать убийство тирана, сохраняя контроль над ключевым публичным пространством за пределами Капитолия. Как пишет Дион, как раз после этого Антоний стал опасаться того, что Добалелла инспирирует стасис (Cass. Dio 44.53.1: δείσας μὴ στασίᾳσιν). Таким образом, на contio Долабелла не только заложил основу для своего признания заговорщиками, но и смог сделать себя частью общего соглашения между сторонами. Это общее соглашение позволило на следующем шаге преодолеть все еще актуальное (не формальное, а скорее фактическое) противодействие М. Антония результатам выборов суффекта²³⁴.

Мы точно знаем, что произошло бы, если бы Долабелла выступил на упомянутой contio, уже вступив в должность. Он оказался бы ровно в таком же положении, в каковом обнаружил себя претор Л. Корнелий Цинна. Статус действующего претора сыграл против Цинны. Отказываясь от наследия диктатора, но уже будучи действующим претором по его решению, он вынужден был публично подрывать легитимность собственной власти, пусть даже демонстративный отказ от одеяний претора не равнялся формальной абдикации. Логично, что Долабелла предпочел сначала выступить на contio и обозначить неприятие по отношению к падшему тирану, а уже затем подняться на Капитолий, чтобы вступить в должность консула, этим тираном обеспеченную (а также воспользоваться случаем вступить в прямой контакт с заговорщиками). Ситуация вокруг Цинны и то, насколько по-разному сложились обстоятельства для него и для Долабеллы, – еще один важный аргумент в пользу вывода о том, что Долабелла выступил на contio, еще не будучи формально консулом.

²³⁴ Конечно, некоторые источники, особенно Аппиан, рисуют картину недостойного поведения Долабеллы впоследствии, после того как Антоний признал его консулом. Долабелла и многие другие якобы опасались потери магистратур, полученных при помощи Цезаря, и стремились эту часть наследия диктатора сохранить (App. BC. 1.129, 132). Однако нельзя забывать о том, что, в отличие от других магистратов, Долабелла был незадолго до этого вынужден иметь дело сначала с ситуацией неполного признания своего магистратского статуса из-за неблагоприятных ауспиций Антония. Эту проблему Долабелла все-таки решил.

Парадоксальным образом, в такой ситуации статус десигната оказывался одновременно и техническим недостатком (необходимо было еще преодолеть сопротивление М. Антония), и политическим преимуществом, выделявшим Долабеллу на фоне действующих магистратов, тоже получивших власть благодаря Цезарю. Однако для реализации этого преимущества Долабелла должен был продемонстрировать политическую инициативу (о чем прямо пишет Дион), осудив Цезаря, оставаясь формально *privatus*, причем сделать это публично на *contio*.

Подводя итоги анализа политической роли магистратов-десигнатов, отмечу, что положение *designatus* представляло собой яркий пример переходного статуса между *privatus* и *magistratus*. Будучи формально *privatus*, лишенным каких-либо магистратских прерогатив (в том числе, иммунитета от судебного преследования и *ius edicendi*), десигнат мог получить на практике возможности для осуществления политической инициативы, как если бы он уже был магистратом.

Как показывает проведенное исследование отдельных эпизодов вмешательства десигнатов в политический процесс, магистраты-десигнаты, в частности, консулы-десигнаты, успешно конкурировали с действующими магистратами. В этом случае античные авторы прямо или косвенно подчеркивают, что десигнаты проявляли активность подобно должностным лицам или вместо них. Условием этого являлась политическая пассивность действующих магистратов либо их отсутствие в Риме.

Античные авторы указывали на превосходство некоторых десигнатов с точки зрения неформального влияния, подчеркивая значительность их *auctoritas* и отмечая ее признание даже противниками. При описании действий ряда политически активных десигнатов античная традиция показательно игнорирует участие других акторов, а распоряжения десигнатов описывает словами *edictum et litterae*, ὑράμματα, гл. *vetare* и другой «легитимирующей» терминологией. Ее использование приводило к фактическим ошибкам в самой античной традиции, когда позднейшие авторы принимали описания такого

рода, имевшиеся в их распоряжении, как свидетельство того, что десигнат уже вступил в должность.

Решение античных авторов применить «легитимирующую» терминологию не зависело от их оценочных суждений по поводу того или иного десигната. Уподобление десигнатов действующим магистратам наблюдается во всех эпизодах, в которых десигнаты выступают с политической инициативой, обычно характерной для магистратов. Если таковая отсутствует, то сопоставление с магистратами не проводится даже в том случае, когда описывается такое индивидуальное политическое действие десигната, которое оказывается критически важным для передачи сути произошедших событий.

В условиях кратких временных промежутков в рамках римского административного года и длительности многих политических процессов, выходивших за его границы, ключевой оказывалась способность некоторых десигнатов инструментализировать всеобщие ожидания их скорого вступления в должность. Среди механизмов такой инструментализации можно упомянуть обещания претора-десигната ввести при определенных условиях изменения в будущий *edictum perpetuum*, угрозу применить против организаторов общественных игр власть магистрата после вступления в должность, выступление в *contiones* вместо отсутствующего действующего магистрата и др. С другой стороны, ожидания скорой смены публично-правового статуса могли ограничивать свободу политического выбора для десигнатов, чем пользовались их соперники.

В целом можно отметить, что десигнаты становились видимыми акторами политического процесса тогда, когда наблюдался «дефицит» эффективного лидерства со стороны действующих магистратов. Вмешательство десигнатов оказывалось гибким, оперативным средством компенсировать указанный «дефицит», причем в основе их успеха лежала способность проявить неформальную политическую инициативу в том случае, когда возникал определенный простор для ее реализации, связанный, прежде

всего, с временной динамикой событий (сроками проведения выборов, вступления в должность и т.п.).

Избранные магистраты использовали возникавшие у них возможности с разной степенью успеха. В конце Республики статус десигната стал одним из инструментов демонстрации и легитимации реалий власти. Особенно выигрывали от обладания статусом десигната те игроки, действительное влияние которых не помещалось в прокрустово ложе системы магистратур. Но возникает вопрос о том, как развивалась ситуация в обратном случае, когда положение действующего магистрата оспаривалось, подрывалось и ставилось под сомнение еще до истечения законного срока его полномочий. Этот вопрос является предметом рассмотрения в следующей главе.

ГЛАВА 3.

ОТСТРАНЕНИЕ ОТ ДОЛЖНОСТНЫХ ОБЯЗАННОСТЕЙ В РЕСПУБЛИКАНСКОМ РИМЕ

Переходное положение между *privati* и *magistratus* может наблюдаться также в период исполнения магистратских полномочий. Здесь я не рассматриваю те случаи, в которых магистрат досрочно лишался магистратуры и соглашался на возвращение к статусу *privatus*. В центре внимания в данной главе ситуация иного типа, когда власть должностного лица оказывалась ограничена, реализация им полномочий – затруднена, но сам магистрат не признавал этого (или признавал лишь на какой-то момент времени, а затем начинал оспаривать) и мог попытаться продолжить действовать как полноправный носитель публичной власти. Подобное сочетание обстоятельств можно рассматривать как один из вариантов переходных статусов между *privati* и *magistratus*.

Как будет показано ниже, различие между формальным лишением должности и иными способами блокирования процесса реализации властных полномочий до истечения положенного срока обусловлено особенностями римской политической системы, в рамках которой досрочное прекращение самой магистратуры оказывалось крайне непростой задачей и зависело от формального согласия самого должностного лица. При этом существовали иные способы фактического низведения магистрата до статуса *privatus* – с разной степенью формализации такого исхода.

Таким образом, в данной главе рассматриваются способы воспрепятствовать должностному лицу в осуществлении его функций без формального лишения магистратуры, реакция со стороны магистрата, оказавшегося под подобным воздействием, и политические последствия, которые могли наблюдаться в конкретных случаях такого рода.

Для того, чтобы подойти к изучению перечисленных вопросов, необходимо сначала проанализировать набор политических инструментов, которые могли применяться для приостановки деятельности магистратов и

которые допускались политической традицией и институциональными рамками Римской республики.

§1. Досрочная потеря власти: *abdicare, abrogare, administratione rei publicae summovere, in ordinem cogere*¹

Досрочное прекращение полномочий должностных лиц в Риме эпохи Республики² происходило в связи со смертью или добровольным отказом от власти (*abdicatio; magistratu se abdicare*)³. Т. Моммзен подчеркивал, что даже если сенат принуждал к абдикации (*coactus abdicare, abactus magistratu*), она осуществлялась только на основании собственного – формально добровольного – акта должностного лица⁴.

Возражения Р. Баумана против этого тезиса Моммзена не убеждают⁵. Бауман приводит несколько аргументов в поддержку вывода о схожести абrogации и вынужденной абдикации: (1) практический результат

¹ Основные выводы параграфа опубликованы в работах: Фролов Р.М. «Отстранять от управления государственными делами» (*administratione rei publicae summovere*): к анализу политической терминологии Римской Республики // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2016. № 2. С. 101–109; Фролов Р.М. Практика отстранения от должности в Римской Республике // Право и политика в античном мире: Сборник научных трудов памяти Александра Леонидовича Смышляева / Ред. А.В. Махлаюк, И.Е. Суриков. М., 2021. С. 151–183.

² Здесь имеются в виду три категории должностных лиц: магистраты, плебейские трибуны и промагистраты. На вопрос о том, относились ли трибуны к числу *magistratus (populi Romani)*, можно отвечать по-разному. Так, например, Х. Клофт, обсуждая отстранение должностных лиц, характеризует трибунат так: «kein Gemeindeamt im eigentlichen Sinne» (Kloft H. Bemerkungen zum Amtsentzug... S. 167; также см.: Mommsen Th. Römische Staatsrecht. Bd. I. S. 629–630). Далее я отделяю плебейских трибунов от магистратов.

³ Mommsen Th. Römische Staatsrecht. Bd. I. S. 626.

⁴ Mommsen Th. Römische Staatsrecht. Bd. I. S. 626–628; также см.: Klotz A. *Abdico* // Thesaurus Linguae Latinae. Vol. I. Leipzig: B.G. Teubner, 1900. Col. 53; Coli U. *Sui limiti*... P. 402–403; Kunkel W., Wittmann R. *Staatsordnung und Staatspraxis*... S. 254–255; Сморгчов А.М. Религия и власть... С. 251–252. У. Коли (Coli U. *Sui limiti*... P. 403, n. 301) подметил здесь некоторое сходство с нормами частного права: *quamvis si liberum esset noluissent, tamen coactus volui (Dig. 4.2.21.5)*.

⁵ Bauman R.A. *The Abrogation of imperium*... P. 42, n. 35: «Mommsen's assertion (*Staatsr* I. 627ff) that abdication was „immer ... ein Act des freien Willens” is unrealistic from a practical point of view, and may even be wrong in strict theory».

принуждения к абдикации был таким же, как и результат аброгации; (2) римляне сами отмечали вынужденный (*coactus*) характер (некоторых случаев) абдикации; (3) *ignominia* была результатом и вынужденной абдикации, и аброгации; (4) в источниках абдикация иногда обозначается термином *abrogatio*⁶. Как видно, все это не может повлиять на вывод о том, что абдикация – формально добровольный акт самого должностного лица. Речь у Т. Моммзена не о том, что к абдикации вообще не могут принудить, а о том, что такое принуждение (кроме особого случая магистра конницы) оказывалось «непрямым» (*indirect*)⁷. Имеется в виду, что оно магистрата ни к чему автоматически не обязывало: формально только он сам мог принять решение о своей «отставке».

Носитель публичной власти мог также быть отстранен от должности, т.е. лишиться ее формально не по своему собственному решению. В источниках используется для таких случаев термин *abrogatio* (*abrogare*)⁸. Однако само по себе употребление этого слова не гарантирует, что речь идет об отстранении от должности, а не об абдикации. А.М. Сморчков обращает внимание на рассказ об отстранении одного из первых консулов Республики – Л. Тарквиния Коллатина. Цицерон употребляет выражение *imperium abrogabat* (*Cic. Off.* 3.40; также см. *Brut.* 53; *Iul. Obseq.* 70; *Flor.* 1.9.3), а Ливий – *abdicavit se consulatu* (*Liv.* 2.2.10; также см. *Dion. Hal. Ant. Rom.* 5.12.1)⁹. Расхождения могут объясняться не только тем, что античные авторы по-разному представляли себе процедуру отстранения Тарквиния¹⁰, но и тем, что они (по

⁶ Bauman R.A. The Abrogation of *imperium*... P. 42–43. Также см.: Kloft H. Bemerkungen zum Amtsentzug... S. 170.

⁷ Mommsen Th. Römisches Staatsrecht. Bd. I. S. 627: «...Act des freien Willens, der wohl indirect veranlasst, aber nicht geradezu erzwungen werden kann, auch nicht durch den im Rang höheren oder selbst direct vorgesetzten Beamten». Также см.: Herzog E. Geschichte und System... S. 680–681.

⁸ Гл. «*abrogare* (“лишать”) ... имел пассивное значение по отношению к magistratu, лишаемому власти» (Сморчков А.М. Религия и власть... С. 252). Также см.: Bickel E. *Abrogo* // *Thesaurus Linguae Latinae*. Vol. I. Leipzig: B.G. Teubner, 1900. Col. 137–139.

⁹ Сморчков А.М. Религия и власть... С. 252, 524, прим. 171.

¹⁰ Mommsen Th. Römisches Staatsrecht. Bd. I. S. 627, Anm. 2, 629, Anm. 1; Ogilvie R.M. A Commentary on Livy... P. 238–239; Bauman R.A. The Abdication of «Collatinus»...; Kunkel W., Wittmann R. Staatsordnung und Staatspraxis... S. 255, Anm. 12, 259, Anm. 25.

крайней мере, Цицерон) имеют в виду *abdicatio*, но называют ее *abrogatio*¹¹. Во всяком случае, именно такая ситуация имеет место в эпизоде с Г. Фламинием в 223 г., где уже Ливий употребляет термин *abrogare* (Liv. 21.63.2), хотя из его собственного рассказа следует, что технически речь могла идти только об абдикации (Liv. 21.63.12; также ср. Plut. *Marc.* 4; Zonar. 8.20)¹².

Важно, что в текстах республиканских законов *abrogatio* не упоминается при перечислении способов прекращения власти магистрата: называются вместо этого истечение срока полномочий, абдикация, а также смерть должностного лица (например, CIL I² 583. 72: <eo magistratu> iudiciove imperiove abierit abdicaverit mortuosve erit). Таким образом, можно согласиться с А.М. Сморгочковым в том, что *abrogare* «являлся, скорее всего, нетехническим термином»¹³.

Подтверждением этого вывода может служить еще одно наблюдение. При абдикации определенно происходил отказ от должности как таковой. Соответственно и термин *abdicare* неизменно употребляется в сочетании с *consulatus* и т.п. (*magistratus*, *praetura*, *censura*, *dictatura*)¹⁴, но не с *imperium*¹⁵, что отражает, видимо, специфику этого слова как технического термина. Далее, при аброгации промагистратуры утрачивался империй (о случаях аброгации власти проквесторов, т.е. промагистратов, у которых не было империя, нам не известно). Отсюда логично употребление *abrogare* в сочетании именно с *imperium*. Но если речь шла не о промагистратуре, то не

¹¹ Ср. Cic. *Off.* 3.40: ut etiam ipsi Collatino placere deberet. Сходным образом у Юлия Обсеквента (Iul. *Obseq.* 70: abrogaverunt autem hi: Lucius Iunius Brutus consul Tarquinio Collatino...). О его «перечне аброгаций» см. подробнее ниже.

¹² Сморгочков А.М. Религия и власть... С. 252, 524, прим. 172; ср.: Herzog E. *Geschichte und System...* S. 680–681, Anm. 5, S. 681, Anm. 2; Beck H. *Karriere und Hierarchie...* S. 254–255. К числу примеров употребления *abrogare* при рассказе о таких эпизодах, в которых лишение должности голосованием народа не прослеживается, следует отнести также описание в Периохах и у Веллея Патеркула отстранения консула Л. Корнелия Цинны в 87 г. (*Per.* 79: imperioque ei abrogato; Vell. *Pat.* 2.20.3: consulatus ei abrogatus est). Об этом эпизоде см. ниже.

¹³ Сморгочков А.М. Религия и власть... С. 252.

¹⁴ Klotz A. *Abdico...* Col. 54–55.

¹⁵ Ср. Liv. 2.28.9: abdicare consulatum iubentes et deponere imperium. Лишь в позднейших текстах обнаруживается иное употребление (например, SHA. *Alex.* 48.5: abdicantem quin etiam imperium). Также ср. Fest. P. 21 L: abacti magistratu dicebantur, qui coacti deposuerant imperium.

вполне ясно, на что была направлена аброгация, на *imperium* (либо *potestas* у плебейского трибуна?) или на саму должность: *abrogare* употребляется совместно с обозначениями и того, и другого¹⁶. Видимо, первоначально была возможна аброгация исключительно власти промагистратов, точнее делегированного или пророгированного империя¹⁷. Больше соответствующую лишь случаю промагистратов устоявшуюся формулировку *imperium abrogare* позднее стали употреблять в расширительном смысле при описании досрочной утраты должности магистратами, включая даже их абдикацию.

Обсуждая сообщение о том, что консул *praetoriam iurisdictionem abrogavit* (Val. Max. 7.7.6; речь идет о преторе 77 г. Гн. Ауфидии Оресте), К. Бреннан помещает слово «*abrogation*» в кавычки, высказывает сомнение в том, что речь шла о запрещении претору управлять своей *provincia*, и отмечает, что Валерий Максим часто употребляет гл. *abrogare* в «нестрогом риторическом значении»¹⁸. Но возникает вопрос о том, было ли вообще у этого слова техническое значение (кроме случая аброгации империя промагистратов).

Кроме того, разный смысл вкладывается в понятие «аброгация» тогда, когда его используют как исследовательский термин (*abrogation*, *abrogazione*, *Abrogation* и т.д.). Начинают рассмотрение способов отстранения от должности, как правило, с того, что говорят об аброгации по решению народа, но затем могут расширять это понятие и включать сюда также случаи предполагаемого отстранения магистратов сенатом¹⁹. Поскольку нет

¹⁶ Bickel E. *Abrogo...* Col. 138–139. Ср.: Bauman R.A. The Abdication of «Collatinus»... P. 131; Licandro O. *In magistratu damnari...* P. 391–392; Masi Doria C. *Spretum Imperium*. Prassi costituzionale e momenti di crisi nei rapporti tra magistrati nella media e tarda repubblica. Napoli: Jovene Editore, 2000. P. 277.

¹⁷ Ср.: Feig Vishnia R. *State, Society and Popular Leaders...* P. 83 (см. ниже). Но см. гл. 4, §1.2 по поводу промагистратов без империя.

¹⁸ Brennan T.C. *The Praetorship...* P. 445; также см.: Masi Doria C. *Spretum Imperium...* P. 277–279; Drogula F.K. *Commanders and Command...* P. 196. В «*Thesaurus Linguae Latinae*» дается такое пояснение: «*iudicium praetoris inritum fecit*» (Bickel E. *Abrogo...* Col. 139).

¹⁹ Это хорошо видно на примере статьи Х. Клофта. Исследователь, на мой взгляд, преувеличивает масштабы закрепления и развития практики аброгации в эпоху Республики именно потому, что расширяет это понятие, подводя под него ряд эпизодов, в которых народ – как признает сам Клофт – не голосовал по поводу лишения магистратуры (Kloft H.

убедительных свидетельств того, что сенат исключительно собственным решением в принципе имел возможность или когда-либо пытался на практике формально лишить должности как таковой (магистрата перевести в разряд *privati*)²⁰, под «аброгацией» я далее имею в виду только те случаи, когда решение принимали комиции²¹.

Bemerkungen zum Amtsentzug... S. 169–170, 179–180; особенно S. 169: «im Jahre 87 v. Chr. offensichtlich der Senat dem amtierenden Konsul das Imperium abrogierte»; но ср.: Kloft H. Caesar und die Amtsentsetzung... S. 322: «durch Abrogation, d. h. durch gesetzmäßige Aberkennung in der Volksversammlung»). Сходным образом Р. Бауман, когда приводит мнение Т. Моммзена по поводу аброгации (Bauman R.A. The Abrogation of *imperium*... P. 37), отмечает, что под этой процедурой будто бы имелось в виду «отстранение от должности актом конституционного органа» («removal from office by the act of a constitutional authority»). Однако Т. Моммзен (Mommsen Th. Römisches Staatsrecht. Bd. I. S. 628) пишет об аброгации как об отстранении путем принятия закона («durch einen Act der Gesetzgebung ein Beamter seines Amtes entsetzt werden kann»), т.е. по голосованию народа. Р. Бауман далее и сам дает понять, что отстранение решением сената (точнее принуждение сенатом должностного лица к отказу от должности) он полагает все же лишь «похожим на аброгацию» (Bauman R.A. The Abrogation of *imperium*... P. 41–43, 43: «the procedure resembled abrogation in its practical effect, even if the underlying principle was not the same»). Но если так, то почему Р. Бауман вообще рассматривает соответствующие эпизоды в статье, посвященной аброгации? Ответ заключается, видимо, в том, что (как отмечает исследователь в подстрочном примечании) источники называют аброгацией отказ Фламиния от должности консула в 223 г., а эпизод с консулом Цинной в 87 г. уже сам Р. Бауман прямо называет «аброгацией по решению сената» («Senate's abrogation of Cinna's consulship»), предполагая расширение со временем собственных возможностей сената по отстранению магистратов (Bauman R.A. The Abrogation of *imperium*... P. 43, n. 38; ср.: Elster M. Die Gesetze der mittleren Römischen Republik... S. 241–242). Но, в таком случае, остается неясным, что собственно Р. Бауман исследует: включает ли он в понятие «аброгация» (хотя бы на каком-то этапе) также отстранение по решению сената или же считает, что последнее всегда оставалось только «похожей на аброгацию» процедурой?

²⁰ Небезосновательные подозрения о том, что сенат собственным актом попытался отобрать магистратуру, возникают особенно в связи со случаем Цинны в 87 г., но, на мой взгляд, не подтверждаются (см. ниже). Ф. Дрогула, рассматривавший действия сената против претора Цезаря в 62 г., справедливо напомнил о том, что сенат формально не имел возможности лишить магистратуры, предоставленной народом (Drogula F.K. Cato the Younger: Life and Death at the End of the Roman Republic. Oxford; New York: Oxford University Press, 2019. P. 94, 96).

²¹ Такое понимание аброгации см., напр.: Herzog E. Geschichte und System... S. 681; Neumann K.J. Abrogatio (magistratus) // Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Hbd. 1. Stuttgart: J.B. Metzler, 1893. Sp. 111; Cerami P. Abrogatio magistratum // Sodalitas. Scritti in onore di Antonio Guarino / Ed. V. Giuffrè. Napoli: Jovene Editore, 1984. P. 349, n. 3; Kunkel W., Wittmann R. Staatsordnung und Staatspraxis... S. 255, 257.

§1.1. Первый случай лишения должности по решению комиций

Прежде всего, необходимо получить представление о том, насколько часто происходили и каким временем датируются надежно засвидетельствованные в источниках эпизоды такого рода²². Это, в свою очередь, может помочь при изучении спорных случаев.

В то время как абrogация империя промагистратов зафиксирована неоднократно²³, к периоду до 49 г. относится, по-видимому, только один надежный пример досрочного прекращения полномочий плебейского трибуна по постановлению комиций: как известно, в 133 г. Т. Гракх провел решение плебса об отстранении своего коллеги М. Октавия. Какой бы предполагаемый конституционный принцип ни способствовал отстранению Октавия, каковы бы ни были обстоятельства, сделавшие абrogацию в данном случае возможной, а также аргументы «за» и «против» ее легальности, легитимности и политической целесообразности²⁴, здесь для нас важен сам факт того, что она произошла.

²² Речь идет о ситуациях, когда отстранение было действительно реализовано. В исследовательской литературе иногда высказывается мысль о том, что сам факт угрозы абrogации важен, потому что показывает, что римляне вполне могли себе представить лишение магистрата должности и всерьез рассматривали такую опцию в качестве реалистичной (см.: Licandro O. *In magistratu damnari*... P. 390, 405). Однако нет необходимости искать случаи нереализованной угрозы абrogации, чтобы предположить, что римским политикам в принципе приходила в голову мысль о том, чтобы лишить оппонентов магистратуры. Вопрос заключается именно в том, практиковалось ли подобное на деле, приходилось/удавалось ли угрозу абrogации претворять в жизнь.

²³ Обзоры возможных случаев абrogации или угрозы ее применения: Mommsen Th. *Römisches Staatsrecht*. Bd. I. S. 628–630; Neumann K.J. *Abrogatio (magistratus)*... Sp. 111–113; Rotondi G. *Leges publicae populi romani*. Hildesheim: Georg Olms Verlag, 1966. P. 76–77; Bauman R.A. *The Abdication of «Collatinus»*...; Bauman R.A. *The Abrogation of imperium*...; Kloft H. *Bemerkungen zum Amtsentzug*... S. 164–165, 168–169; Thommen L. *Das Volkstribunat*... S. 91–96; Rosenstein N.S. *Imperatores victi: Military Defeat and Aristocratic Competition in the Middle and Late Republic*. Los Angeles; London, 1990. P. 37–39; Kunkel W., Wittmann R. *Staatsordnung und Staatspraxis*... S. 255–259; Licandro O. *In magistratu damnari*... P. 393, n. 15.

²⁴ См., напр., Guarino A. *L'abrogazione di Ottavio* // *Atti dell'Accademia di Scienze Morali e Politiche della Società Nazionale di Scienze Lettere ed Arti in Napoli*. Vol. 81. Napoli: Giannini Editore, 1970. P. 236–266; Kloft H. *Bemerkungen zum Amtsentzug*... S. 173–178; Cerami P. *Abrogatio magistratum*...

Была ли в Римской республике абrogация когда-либо формально применена к *magistratus populi Romani*, а не к промагистратуре или плебейскому трибунату? Т. Моммзен отмечал, что в догракханское время практиковалась абrogация империя промагистратов, но не абrogация магистратуры²⁵. Но можно заметить, что такая ситуация сохранялась и позднее, как минимум вплоть до начала гражданской войны между Цезарем и Помпеем, поскольку до 49 г., на мой взгляд, не засвидетельствованы случаи реализованной абrogации магистратуры (равно как и повторение абrogации плебейского трибуната после единственного эпизода 133 г.). Хотя известны несколько ситуаций, когда плебейскому трибуну или магистрату угрожали досрочным лишением власти, эту угрозу так и не реализовали²⁶. Зато к периоду после 49 г. относится сразу два новых случая действительного отстранения плебейских трибунов по решению народа: в 44 г. были лишены власти Г. Эпидий Марулл и Л. Цезетий Флав (которых с подачи диктатора Цезаря отстранил плебейский трибун Г. Гельвий Цинна, проведя закон об абrogации *potestas* своих коллег)²⁷, а в 43 г. произошла абrogация трибуната П. Сервилия Каски (по предложению его коллеги П. Тития)²⁸.

²⁵ Mommsen Th. *Römisches Staatsrecht*. Bd. I. S. 629–630. Сходным образом, напр.: Herzog E. *Geschichte und System...* S. 638; Nocera G. *Il potere dei comizi...* P. 52, n. 2; Bleicken J. *Lex publica...* S. 122–123, Anm. 48; Kloft H. *Bemerkungen zum Amtsentzug...* S. 165–166; Cerami P. *Abrogatio magistratuum...* P. 349–350, n. 3; Kunkel W., Wittmann R. *Staatsordnung und Staatspraxis...* S. 255–256.

²⁶ См. об этом, в частности: Kunkel W., Wittmann R. *Staatsordnung und Staatspraxis...* S. 255–257. Речь идет об угрозе абrogации консулата Гн. Папирия Карбона в 84 г. и Г. Кальпурния Пизона в 67 г., а также трибуната Л. Требеллия в 67 г. Однако лишь в случае трибуна, но не консулов, можно уверенно исходить из того, что риск лишения должности был реальным (поскольку началось голосование по этому вопросу).

²⁷ Broughton T.R.S. *The Magistrates of the Roman Republic*. Vol. 2. P. 323–324; Rotondi G. *Leges publicae...* P. 428; Kloft H. *Bemerkungen zum Amtsentzug...* особенно S. 322–324; Jehne M. *Der Staat...* S. 25, Anm. 44, 90–91, 282–284, 311, Anm. 102.

²⁸ Cass. Dio 46.49.1. Замечание Юлия Обсеквента о том, что претор П. Титий абrogировал должность одного из *коллег* (Iul. Obseq. 70: P. Titius praetor propter dissensiones collegae magistratum abrogavit), должно быть поэтому ошибкой (Broughton T.R.S. *The Magistrates of the Roman Republic*. Vol. 2. P. 340; ср.: Licandro O. *In magistratu damnari...* P. 393, n. 15; Ferrary J.-L. 2007 *Loi privant de sa magistrature le préteur Q. Gallius (?) // Leges Populi Romani / Eds. J.-L. Ferrary, P. Moreau. Paris: IRHT-TELMA, 2007. URL: <https://telma.irht.cnrs.fr/outils/lepor/notice912/> (дата обращения: 19.02.2026)). Поскольку Обсеквент допустил очевидную путаницу в случае с П. Титием, предлагаемый им список магистратов, подвергшихся абrogации, не может служить основой для дальнейших*

Первый более вероятный случай абrogации *magistratus populi Romani* (не плебейского трибуната), а также не промагистратуры (точнее не пророгированного или делегированного империя), относится, по-видимому, лишь к 43 г.: Кв. Галлий был, если следовать Аппиану, именно таким образом лишен претуры. Светоний сообщает о том, что Галлий был казнен или (как потом утверждал Август) выслан из Рима, а уже затем погиб (Suet. *Aug.* 27.4). О формальном лишении его должности именно через процедуру абrogации у Светония ничего не говорится, но Аппиан пишет, что коллеги Галлия лишили его должности (App. *BC.* 3.95: αὐτοῦ τὴν μὲν στρατηγίαν περιεῖλον οἱ σύναρχοι), что может указывать на абrogацию решением народа, хотя и в этом случае полной уверенности нет²⁹.

выводов: notatum est prodigii loco fuisse, quod P. Titius praetor propter dissensiones collegae magistratum abrogavit, et ante annum est mortuus. constat neminem qui magistratum collegae abstulerat annum vixisse. abrogaverunt autem hi: Lucius Iunius Brutus consul Tarquinio Collatino, Tib. Gracchus M. Octavio, Cn. Octavius L. Cinnae, C. Cinna tr. pl. C. Marullo, Tullius... (цит. по изданию Loeb Classical Library). Рассмотрим другие пункты из списка Обсеквента. По поводу «абrogации» консулата Тарквиния Коллатина выше я уже отмечал, что «абrogацией» в этом случае некоторые античные авторы обозначили абдикацию. В издании Loeb Classical Library использовано добавление слов Cn. Octavius L. Cinnae, которые отсутствуют в рукописях. В результате этой смелой конъектуры появляется еще один пример абrogации в списке Обсеквента. В издании, подготовленном П. Мастандреа и М. Гуссо, это добавление обосновано не принято (Giulio Ossequente / Eds. P. Mastandrea, M. Gusso. Milano: Oscar Mondadori, 2005. P. 162). Аргументацию тезиса о том, что для данной конъектуры нет никаких оснований, см. в §3.1 данной главы. Оставшиеся два пункта из списка Обсеквента не вызывают вопросов, но оба касаются абrogации плебейского трибуната, а не магистратуры.

²⁹ Mommsen Th. *Römisches Staatsrecht.* Bd. I. S. 630, Anm. 4. Впрочем, на основании, в том числе, сопоставления с упомянутым выше случаем претора 77 г. Гн. Ауфидия Ореста (Val. Max. 7.7.6) и событиями вокруг претора М. Целия Руфа в 48 г. (по поводу него см. §5 данной главы) К. Мазии Дориа резонно допускает, что коллеги Галлия, воспользовавшись кризисной ситуацией 43 г., лишили его юрисдикции (т.н. *abrogatio iurisdictionis*), а не предложили народу абrogировать саму магистратуру (Masi Doria C. *Spretum Imperium...* P. 270–279; Masi Doria C. *Il caso del pretore Quinto Gallio: assassinio legalizzato, usurpazione senatoria or preludio della repressione straordinaria?* // *Homenaje al profesor Armando Torrent* / Ed. A. Murillo Villar et al. Madrid: Editorial Dykinson, 2016. P. 544–547).

§1.2. Спорные эпизоды абrogации магистратуры

Абrogация магистратуры решением народа подозревается исследователями и в целом ряде более ранних случаев, но ни для одного из них убедительных аргументов, на мой взгляд, не приводится. Прояснение каждой конкретной ситуации осложняется рядом обстоятельств. Еще Т. Моммзен отмечал риск спутать абrogацию с принуждением к абдикации³⁰. Отстранение от должности следует также отличать от лишения провинции³¹, от препятствования исполнению должностных обязанностей со стороны другого магистрата³² или сената³³, а также от случаев, когда магистрат сам принимал решение воздерживаться от исполнения своих обязанностей³⁴.

Обратимся к конкретным эпизодам. Р. Бауман полагает, что впервые абrogация магистратуры была предложена в 292 г. Речь идет о консулате Кв. Фабия Максима Гургита³⁵. В источниках ни об абrogации (голосованием народа), ни об угрозе абrogации в 292 г. прямо не говорится. За

³⁰ Ср.: Mommsen Th. *Römisches Staatsrecht*. Bd. I. S. 629, Anm. 3.

³¹ Ср.: Thommen L. *Das Volkstribunat...* S. 93, 95. Так, в 72 г. консулы потеряли командование в войне против Спартака (источники: Broughton T.R.S. *The Magistrates of the Roman Republic*. Vol. 2. P. 116), но саму магистратуру не утратили (Kloft H. *Bemerkungen zum Amtsentzug...* S. 169–170; Rosenstein N.S. *Imperatores victi...* P. 38, 186). Сходный итог – в эпизодах с претором Клавдием Униманом в 146/145 г. (Hackl U. *Senat und Magistratur in Rom von der Mitte des 2. Jahrhunderts v. Chr. bis zur Diktatur Sullas*. Kallmünz: Lassleben, 1982. S. 83–84; Rosenstein N.S. *Imperatores victi...* P. 39, 185) и консулом Г. Гостилием Манцином в 137 г. (Rosenstein N.S. *Imperatores victi...* P. 38–39, 190). Также ср. SHA. *Aur.* 12.4: *praetorem, qui quaedam pessime egerat, non abdicare se praetura iussit, sed collegae iuris dictionem mandavit*.

³² Mommsen Th. *Römisches Staatsrecht*. Bd. I. S. 261–263. Т. Моммзен указывал на действия диктатора по отношению к другим магистратам, консула по отношению к претору, трибуна по отношению к цензору.

³³ Ср.: Kloft H. *Bemerkungen zum Amtsentzug...* S. 170.

³⁴ См. рассказ Ливия об отказе консулов исполнять свои обязанности после поражения в Кавдинском ущелье в 321 г. (Liv. 9.7.11: *in privato abditi nihil pro magistratu agere*; Фролов Р.М. *Ab re publica remove: отстранение М. Целия Руфа от должностных обязанностей в 48 г. до н.э. и проблема политической инициативы в эпоху Поздней Римской республики* // Вестник древней истории. 2016. Т. 76. № 4. С. 932–933). Также ср. известный случай консула 59 г. М. Кальпурния Бибула (источники: Broughton T.R.S. *The Magistrates of the Roman Republic*. Vol. 2. P. 187–188).

³⁵ Bauman R.A. *The Abrogation of imperium...* P. 43–45. Также ср.: Rosenstein N.S. *Imperatores victi...* P. 37; Feig Vishnia R. *State, Society and Popular Leaders...* P. 226, n. 133; Licandro O. *In magistratu damnari...* P. 390.

неудовлетворительное командование Гургит был отозван с театра военных действий в Рим и обвинен перед народной сходкой³⁶. Обвинения в *contio*, на которой, как следует из сохранившегося текста Кассия Диона, толпа не дала консулу возможности выступить с речью в свою защиту, следующим образом превращаются у Р. Баумана в доказательство факта абrogации (либо ее угрозы). Сначала исследователь констатирует, что Дион сообщает о народном суде («criminal proceedings ... *apud populum*»). Отсюда делается вывод о том, что, поскольку судить действующего магистрата было нельзя, Гургита сначала должны были лишиться должности (т.е. отстранение произошло уже до суда)³⁷. На этом этапе возникает вопрос, на каком основании Р. Бауман исключает возможность того, что Дион описывает такую *contio*, которая не была частью процедуры народного суда? Далее исследователь несколько неожиданно отмечает, что поскольку Гургиту не дали возможности ответить на обвинения, дело должно было происходить все же не в «уголовном суде» («criminal trial»), а на сходке, на которой только обсуждалось предложение об абrogации империя Гургита (т.е. отстранение еще не произошло до суда). Дело в том, что на суде обвиняемому обязательно дали бы слово, в то время как в *contio* председательствующий магистрат мог отказать в предоставлении возможности выступить³⁸. Но почему еще не отстраненный консул – высший магистрат Республики – формально не мог взять в *contio* слово?

Итак, по логике Р. Баумана выходит так, что Гургита судили, а, следовательно, сначала должны были лишиться консулата, однако тот же самый эпизод затем определяется как описание сходки, на которой отстранение консула еще только обсуждалось (оно так и не состоялось). Кроме того, неясно, на каком основании делается предположение, что критика Гургита

³⁶ Отзыв или отстранение от командования: Cass. Dio 8.30 – μεταπέμψαντες; Zon. 8.1 – μεταπεψάμενοι; обвинения перед сходкой: Cass. Dio 8.30 – εὔθυνον; κατηγορίας; Zon. 8.1 – εὐθύνειν. Также см. *Per.* 11; *Plut. Fab.* 24.3; *Eutrop.* 2.9.3; *Oros.* 3.22.6–9; ср. *Val Max.* 4.1.5; 5.7.1; *Polyaenus* 8.15.

³⁷ Bauman R.A. The Abrogation of *imperium*... P. 43.

³⁸ Bauman R.A. The Abrogation of *imperium*... P. 43–44.

вообще включала обсуждение возможности досрочно прекратить его консулат.

На этом фоне выглядит странным «обвинение» Р. Бауманом Кассия Диона в «неспособности различить законопроект об аброгации и уголовный суд»³⁹, при том, что именно Дион – главный источник, на который опирается Р. Бауман, и который он предпочитает Периохам Ливия. Как признает исследователь, в Периохах о народном суде ничего не говорится, а сообщается только об обсуждении сенатом предложения отозвать Гургита от войска (*Per.* 11: *senatus de removendo eo ab exercitu ageret*; ср. *Oros.* 3.22.7: *cum senatus de summovendo eo deliberaret*)⁴⁰. Р. Бауман, однако, отрицает свидетельство Периох в пользу своей интерпретации сообщения Диона. Делает это исследователь на основании двух соображений. (1) Комиции последовательно реализовывали юрисдикцию по вопросам аброгации. (2) По сообщению Ливия (22.25.10), трибун 217 г. М. Метилий говорил о том, что он смело предложил бы аброгировать империй диктатора Кв. Фабия Максима, если бы народ был настроен так, как в прошлом (*si antiquus animus plebei Romanae esset, audaciter se laturum fuisse de abrogando Q. Fabi imperio*). Следовательно, трибун в качестве прецедента имел в виду законопроект об аброгации империя Гургита⁴¹.

Что касается первого наблюдения, то надежные случаи реализованной аброгации относятся только к промагистратам (и трибунам) и к периоду после, а не до эпизода с Гургом. Второй тезис Р. Баумана должен быть отвергнут хотя бы потому, что утраченный дух, о котором у Ливия говорит Метилий, может относиться к чему угодно (например, к характерной для предков решительности во всех делах). Почему мы должны быть уверенными в том, что Метилий, даже если имел в виду какой-то прецедент аброгации,

³⁹ Bauman R.A. The Abrogation of *imperium*... P. 44, n. 43.

⁴⁰ Bauman R.A. The Abrogation of *imperium*... P. 44. Терминология Периох напоминает о выражении *a re publica remove (ab administratione rei publicae summove)* и т.п.), употребление которого возможно и в тех случаях, когда лишение должности или угроза такого лишения не прослеживаются, подробнее см. ниже.

⁴¹ Bauman R.A. The Abrogation of *imperium*... P. 44–45.

подразумевал именно случай Гургита, Р. Бауманом также не поясняется⁴². Кроме того, неясно, как Метилий мог иметь в виду этот случай, если в нем до абrogации дело так и не дошло. Р. Бауман признает это противоречие, но не предлагает никакого решения⁴³. Таким образом, эпизод с Гургитом никак не может быть признан примером абrogации магистратуры решением народа (или даже обсуждения такой возможности).

В связи с этим случаем следует упомянуть события 178 г., когда трибуны А. Лициний Нерва и Г. Папирий Турд предложили лишить консула этого года А. Манлия Вольсона уже пророгированного ему на следующий год империя⁴⁴. Причина и здесь состояла в военных неудачах должностного лица. Возникает вопрос о том, почему, с точки зрения перспективы абrogации, в тексте Ливия строго (*post idus Martias*) различаются магистратура и промагистратура

⁴² Bauman R.A. The Abrogation of *imperium*... P. 44–45.

⁴³ Bauman R.A. The Abrogation of *imperium*... P. 45, n. 47. Р. Фейг Вишния, комментируя речь Метилия у Ливия, тоже отмечает, что перед нами пример угрозы абrogации (Feig Vishnia R. *State, Society and Popular Leaders*... P. 83; сходным образом Elster M. *Die Gesetze der mittleren Römischen Republik*... S. 199; Licandro O. *In magistratu damnari*... P. 390 (включая n. 11); ср.: Kloft H. *Bemerkungen zum Amtsentzug*... S. 164; Rosenstein N.S. *Imperatores victi*... P. 38). Но для меня остается неясным, каким образом можно усмотреть угрозу абrogации в отстраненных рассуждениях Метилия по поводу того, что он мог бы сделать, если бы народ был более решительным. Р. Фейг Вишния приходится конструировать причину, по которой предложение об абrogации все-таки не было внесено Метилием: якобы этому помешал сенат (Feig Vishnia R. *State, Society and Popular Leaders*... P. 83). Между тем, у Ливия прямо говорится о том, что Метилий даже не пытался предложить абrogацию, а сразу внес законопроект об уравнивании власти диктатора и начальника конницы. Наконец, по мнению Р. Фейг Вишния, слова Метилия подразумевают (*implies*), что абrogация империя «не была новой практикой, напротив, ... она возникла в гораздо более ранний период» (Feig Vishnia R. *State, Society and Popular Leaders*... P. 84). Однако слова Метилия о прошлом не могут что-либо подразумевать или не подразумевать относительно абrogации, потому что они относятся не к ней, а к утраченной римлянами решительности. Конкретно об абrogации Метилий у Ливия говорит только в связи с настоящим и о собственных возможных действиях (Feig Vishnia R. *State, Society and Popular Leaders*... P. 84; также см. ниже). Ж.-Л. Феррари отвергает данный пассаж Ливия как основу для каких-либо выводов по поводу абrogации (Ferrary J.-L. *Rogatio de imperio Q. Fabio Maximo*...; ср.: Rotondi G. *Leges publicae*... P. 251) и высказывает мысль о том, что перед нами «очевидный анахронизм» (Ferrary J.-L. *Rogatio Publicia sur l'abrogation de l'imperium de M. Marcellus* (pl. sc.)...).

⁴⁴ Liv. 41.6.2: *rogationemque promulgarent, ne Manlius post idus Martias – prorogatae namque consulibus iam in annum provinciae erant – imperium retineret, uti causam extemplo dicere, cum abisset magistratu, posset.*

(вернее наделение пророгированным или делегированным империем)⁴⁵. Каковы бы ни были причины, этот эпизод (контекст которого – в отличие от предыдущего – не оставляет сомнений в том, что речь шла именно о планах абrogации решением народа) демонстрирует, что отстранение грозило только империи промагистрата⁴⁶.

Возвращаясь к наблюдениям Р. Баумана, следует заметить, что он сам убедительно показал, что имела место абrogация М. Эмилия Лепида именно в бытность его консулом в 137 г., а не проконсулом в 136 г.⁴⁷. В. Кункель же справедливо отвергает предположение Р. Баумана об абrogации консулата

⁴⁵ Р. Бауман не придает этому значения (Bauman R.A. The Abrogation of *imperium*... P. 40–41).

⁴⁶ На это обращает внимание М. Эльстер, которая, тем не менее, солидаризируется с Р. Бауманом в том, что существовала практика отстранения магистратов (а не промагистратов) с целью их последующего обвинения в суде (Elster M. Die Gesetze der mittleren Römischen Republik... S. 355). Также ср. с событиями 105 г., когда после поражения при Араузионе было принято решение абrogировать империй проконсула Кв. Сервилия Цепиона, но оставить в должности консула этого года Гн. Маллия Максима, хотя оба командовали в указанном сражении (источники: Broughton T.R.S. The Magistrates of the Roman Republic. Vol. 1. New York: American Philological Association, 1951. P. 555, 557). Мера их вины могла быть различной, но, поскольку в итоге оба понесли наказание за свои действия в 105 г., отстранение одного и сохранение власти за другим не может объясняться только различием в уровне ответственности за катастрофу (ср.: Bauman R.A. The Abrogation of *imperium*... P. 48–49; Rosenstein N.S. *Imperatores victi*... P. 39, 124–127, 192, 200). Таким образом, и в этом случае все конкретные обстоятельства дела, кажется, способствовали абrogации магистратуры, но она так и не произошла, причем на фоне решения все-таки аннулировать империй промагистрата. Такой исход вряд ли случаен.

⁴⁷ Bauman R.A. The Abrogation of *imperium*... P. 45–50. Источники: Broughton T.R.S. The Magistrates of the Roman Republic. Vol. 1. P. 487. Аргументацию вывода о том, что и коллега Лепида, консул Г. Гостилия Манцина не был досрочно лишен должности консула из-за позорного соглашения с нумантинцами, см.: Bauman R.A. The Abrogation of *imperium*... P. 45–46. Аппиан сообщает только об отзыве Манцина на суд (*Hisp.* 80: ἀνεκάλουν ἐς κρίσιν). О самом суде как о еще не завершнном сказано после того, как упомянуто отстранение Лепида (*Hisp.* 83). Отсюда еще не следует, что суд над Манцином также не мог иметь место в 137 г., когда он еще был консулом. Однако совершенно однозначны свидетельства источников о том, что решение комиций о выдаче Манцина нумантинцам, поддержанное им самим, состоялось лишь при новых консулах 136 г. (см., напр., Cic. *Off.* 3.109; подробнее об эпизоде и свидетельствах античных авторов см.: Rosenstein N. *Imperatores victi: the case of C. Hostilius Mancinus* // *Classical Antiquity*. 1986. Vol. 5. P. 237, n. 17). Таким образом, в период консульства самого Манцина в 136 г. речь шла только об отзыве магистрата из провинции по решению сената, что не имело никакого отношения к процедуре абrogации как таковой. Следовательно, нельзя согласиться с мнением о том, что случай Манцина являлся прецедентом «лишения консула полномочий до истечения таковых» (Короленков А.В. Первая гражданская война в Риме. СПб.: Евразия, 2020. С. 140, включая прим. 52).

Гортензия в 108 г.⁴⁸. Прямых сведений о его отстранении решением народа нет. Известно только, что Гортензий был осужден. Поскольку консулы обладали судебным иммунитетом, судебное решение по поводу Гортензия должно было состояться до его вступления в должность, т.е. пока он был десигнатом. Такая интерпретация основана, в частности, на сопоставлении с эпизодом 66 г.: осуждение избранных на 65 г. консулов определенно произошло до их вступления в должность⁴⁹. Р. Бауман такую возможность не отвергает. Но поскольку он считает, что десигнаты обладали иммунитетом подобно действующим консулам, их (будущая) магистратура, по его мнению, все равно должна была быть сначала аброгирована⁵⁰. Однако, как я попытался обосновать выше, тезис о судебном иммунитете консулов-десигнатов ошибочен. Кроме того, В. Кункель обращает внимание на то, что по логике Р. Баумана не подлежащая пересмотру аброгация должна была произойти уже на основании предъявления обвинений⁵¹. Такой механизм представить невозможно.

Ряд спорных случаев, по поводу которых имеются относительно подробные сведения, будет рассмотрен ниже (см. §§2–4 данной главы). О. Ликандро в дополнение к случаям, на которые обращают внимание Р. Бауман и другие исследователи, обнаруживает в источниках целый ряд

⁴⁸ Bauman R.A. The Abdication of «Collatinus»... P. 130–131; Kunkel W., Wittmann R. Staatsordnung und Staatspraxis... S. 256–257, Anm. 17a.

⁴⁹ Sall. *Cat.* 18; Asc. 88C; Swan M. The Consular Fasti of 23 B.C. and the Conspiracy of Varro Murena // Harvard Studies in Classical Philology. 1967. Vol. 71. P. 240; Kunkel W., Wittmann R. Staatsordnung und Staatspraxis... S. 256–257, Anm. 17a. О. Ликандро, считая эпизод с Гортензией случаем аброгации, ссылается на Капитолийские фасты (Licandro O. *In magistratu damnari*... P. 393, n. 15). Однако в них сохранилась только информация об осуждении кого-то, на место кого был затем избран М. Аврелий Скавр (*Inscriptiones Italiae*. Vol. 13. *Fasti et Elogia*. Fasc. 1 / Ed. A. Degraffi. Roma: Libreria dello Stato, 1947. P. 54–55: [_____]mn(atus) est. In e(ius) l(ocum) f(actus) e(st) [_____] Scaurus; ср. P. 127, 476–477; Broughton T.R.S. The Magistrates of the Roman Republic. Vol. 1. P. 548). Отсюда никак не следует, что Гортензий был осужден, уже вступив в должность (*in magistratu*), и что этому, соответственно, должна была предшествовать аброгация (Swan M. The Consular Fasti... P. 239–240, 245, n. 19).

⁵⁰ Bauman R.A. The Abdication of «Collatinus»... P. 130.

⁵¹ Kunkel W., Wittmann R. Staatsordnung und Staatspraxis... S. 256–257, Anm. 17a. Ср. Liv. 9.34.14–15.

других примеров абrogации⁵². Однако итальянский исследователь никак не аргументирует включение тех или иных эпизодов в свой перечень. Всего О. Ликандро находит 13 примеров абrogации (*destituzione*) в период 108–23 гг. до н.э. Если из этого перечня исключить уже прокомментированные выше случаи (а также те, которые рассматриваются ниже, и эпизоды, в которых угроза абrogации не была реализована), остаются всего четыре примера. Осуждение Сервея, избранного трибуном на 50 г. (*Cic. Fam.* 8.4.2), определенно произошло до вступления в должность, следовательно, абrogации быть не могло. Если О. Ликандро понимает под абrogацией лишение действующего магистрата должности⁵³, в результате которого он *возвращается* на положение *privatus*⁵⁴, а магистрат-десигнат еще оставался *privatus*, то обвинение избранного магистрата, из-за чего он так и не вступил в должность, не имеет никакого отношения к вопросу⁵⁵.

Далее, вопреки сомнениям О. Ликандро, претор 63 г. П. Корнелий Лентул Сура определенно не подвергся абrogации, а был принужден к абдикации (*Cic. Cat.* 4.5: *P. Lentulum se abdicare praetura coegistis*; 3.15: *magistratu se abdicavit*; *Sall. Cat.* 47: *abdicato magistratu Lentulus*; *Plut. Cic.* 19). Что касается упоминаемых исследователем случаев после начала гражданской войны между Цезарем и Помпеем, то М. Антоний никак не мог подвергнуться абrogации в 32 г. (*Cass. Dio* 50.4.3; 10.1). С точки зрения Антония, он вообще не был отстранен и стал консулом в 31 г., а с точки его оппонентов, Антоний

⁵² Licandro O. *In magistratu damnari...* P. 390–393, особенно P. 393, n. 15.

⁵³ Licandro O. *In magistratu damnari...* P. 387: «la destituzione da una carica magistratuale»; 391, 395: «magistrati in carica» (и т.д.).

⁵⁴ Licandro O. *In magistratu damnari...* P. 392: «la rimozione dalla carica facevano tornare il *civis* nella condizione di semplice *privatus*».

⁵⁵ О. Ликандро полагает, что *interdictio aqua et igni* по отношению к магистрату неизбежно вела к потере должности, следовательно, к случаям абrogации нужно добавлять эпизоды успешного уголовного обвинения (*Licandro O. In magistratu damnari...* P. 394). Однако в перечне О. Ликандро приводятся только примеры, касающиеся десигнатов, а не действующих магистратов. Одно дело полагать, что республиканская политическая практика позволяла предотвратить занятие магистратуры политическим оппонентом (например, путем его обвинения в суде), и совсем другое утверждать, что его могли лишить уже занятой им должности.

магистратуру так и не занял, чтобы вообще возникла необходимость абrogации действующего консула⁵⁶.

Наконец, О. Ликандро отмечает абrogацию консулата А. Теренция Варрона Мурены в 23 г., однако текст Капитолийских фаст, на который ссылается итальянский исследователь, сохранился в следующем виде: A. T[_____]ro Murena [_____] est. In e(ius) l(ocum) f(actus) e(st)⁵⁷. Нет убедительных оснований полагать, что в этом случае восстановление, сделанное А. Деграсси ([in mag(istratu) damn(atus)] est), следует с уверенностью предпочесть тому, которое предложил Т. Моммзен ([in mag. mort.] est)⁵⁸. Более того, как аргументировал М. Суон, во всех случаях, когда имя упоминается в Капитолийских фастах и Хронографе 354 г., но отсутствует в фастах муниципиев и других списках (как имя Мурены для 23 г. и, между прочим, имя Гортензия для 108 г.), речь идет о консуле-десигнате, так и не вступившем в должность⁵⁹.

§1.3. Ограниченность практики абrogации магистратуры в Римской республике

Таким образом, ни в одном из упомянутых случаев, относящихся к периоду до 49 г., абrogация магистратуры решением народа надежно не прослеживается. В то же время то положение, в котором оказывались должностные лица в некоторых из этих эпизодов, можно определить как политически неустойчивое или даже «промежуточное» между *privatus* и *magistratus*, однако не *de iure*, а только *de facto*. Статус *magistratus* сохранялся, но его носители оказывались по разным причинам не в состоянии исполнять

⁵⁶ См.: *Inscriptiones Italiae*. Vol. 13. *Fasti et Elogia*. Fasc. 1... P. 510–511.

⁵⁷ *Inscriptiones Italiae*. Vol. 13. *Fasti et Elogia*. Fasc. 1... P. 58–59.

⁵⁸ Подробнее см.: Atkinson K.M.T. *Constitutional and Legal Aspects of the Trials of Marcus Primus and Varro Murena* // *Historia*. 1960. Bd. 9. P. 462–463 (включая n. 108); Arkenberg J.S. *Licinii Murenae Terentii Varrones, and Varrones Murenae: II. The Enigma of Varro Murena* // *Historia*. 1993. Bd. 42. P. 471–491.

⁵⁹ Swan M. *The Consular Fasti...*

должностные обязанности, что и создает ложное впечатление о потере самой должности.

Следовательно, есть все основания согласиться с выводом Ж.—Л. Феррари о том, что, несмотря на попытки Р. Баумана обнаружить в источниках указания на ранние случаи абrogации магистратуры, по-прежнему убедительно наблюдение Т. Моммзена о том, что в догракханское время известны случаи абrogации только империя промагистратов, но не абrogации магистратуры⁶⁰. Однако следует скорректировать вывод самого Ж.—Л. Феррари в той части, где он пишет об отстранении Цинны в 87 г. как о первом случае абrogации магистратуры. Мне представляется, что первый относительно надежный эпизод такого рода относится даже к более позднему времени, только к 43 г.⁶¹. Но вряд ли то, что имело место после 49 г., следует считать характерным для Республики (или хотя бы поздней Республики) в целом.

Мнение, сходное с интерпретациями Р. Баумана и О. Ликандро, высказывает Р. Фейг Вишния. Она полагает, что если абrogировали империй, то могли абrogировать и должность имевших империй магистратов, но не власть тех магистратов, кто империем не обладал⁶². Однако известные нам случаи абrogации (см. выше) показывают, что все было фактически с точностью до наоборот: до 49 г. абrogировали власть трибунов, не имевших империя (правда, только однажды), но не власть магистратов, имевших империй. Поэтому странным выглядит упрек Р. Фейг Вишния Т. Моммзену в том, что тот усматривал в данном контексте различие между промагистратами

⁶⁰ Ferrary J.-L. Rogatio Publicia sur l'abrogation de l'imperium de M. Marcellus (pl. sc.)... Сходным образом: Nocera G. Il potere dei comizi... P. 52, n. 2; Thommen L. Das Volkstribunat... S. 93.

⁶¹ И лишь в том случае, если не учитывать сомнения К. Мази Дориа по поводу того, что в 43 г. претора Кв. Галлия действительно лишили самой магистратуры (см. выше).

⁶² Feig Vishnia R. State, Society and Popular Leaders... P. 83. По этой трактовке положение магистратов с империем почему-то оказывается защищено хуже, чем положение магистратов без империя.

и магистратами, но не учитывал разницу между магистратами с империем и без него⁶³.

Далее Р. Фейг Вишния упоминает случаи, которые касаются отстранения промагистратов⁶⁴, но никак не отмечает, что речь идет именно об этой категории должностных лиц⁶⁵. Показательно также, что исследовательница, делая на основании своей интерпретации речи трибуна Метилия у Ливия (см. об этом выше) вывод о существовании практики абrogации империя до 217 г., вынуждена высказывать удивление по поводу того, что до этого момента никаких конкретных случаев подобного рода нам не известно, даже несмотря на то, что Рим «постоянно находился в состоянии войны». В результате, Р. Фейг Вишния приходится прибегнуть к предположению о том, что такие случаи были просто редкими. (Надо полагать, она имеет в виду, что из-за этого сведения о них до нас просто не дошли.) Посчитав, видимо, данное объяснение недостаточным, она допускает еще одну возможность: магистраты (*magistrates*), которым угрожала абrogация, предпочли совершить абдикацию⁶⁶. Но таким способом можно «доказать» существование прецедентов каких угодно процедур.

Принятое Р. Фейг Вишния вслед за Р. Бауманом представление о том, что *abrogatio imperii* была «изначально задумана именно для того, чтобы позволить судебное преследование магистратов, еще находившихся в должности»⁶⁷, заставляет исследовательницу выражать непонимание еще и причин того, почему в целом ряде рассмотренных ею случаев, в которых (действующие) магистраты наносили вред своими действиями по отношению

⁶³ Feig Vishnia R. *State, Society and Popular Leaders...* P. 82–83.

⁶⁴ Кроме эпизода 217 г. (*Liv.* 22.25.10), который, как отмечено выше, не может служить основой для каких-либо выводов по поводу процедуры и практики абrogации.

⁶⁵ Feig Vishnia R. *State, Society and Popular Leaders...* P. 83–84. Имеется в виду угроза абrogации империя у проконсула М. Клавдия Марцелла в 209 г. и проконсула П. Корнелия Сципиона в 204 г.

⁶⁶ Feig Vishnia R. *State, Society and Popular Leaders...* P. 84.

⁶⁷ Feig Vishnia R. *State, Society and Popular Leaders...* P. 83, 139. Иначе Licandro O. *In magistratu damnari...* P. 394–397.

к союзникам, «удивительным образом» (surprisingly) даже не попытались аброгировать их империй⁶⁸.

Р. Фейг Вишния пишет, что «отказ от использования этой процедуры показывает, что *abrogatio imperii* ... вероятно представляла собой раннюю практику, которая давно уже не применялась, но к ней (снова) прибегли во время Второй Пунической войны»⁶⁹. Однако, во-первых, «ранняя практика абrogации», о которой рассуждает Р. Фейг Вишния, в источниках не засвидетельствована. Во-вторых, когда Р. Фейг Вишния пишет о «возврате» к этой практике в период Второй Пунической войны, она «забывает» уточнить, что речь шла тогда об абrogации империя исключительно промагистратов (или вернее абrogации пророгированного/делегированного империя). Путаница отчасти объясняется тем, что Р. Фейг Вишния нередко называет магистратами и тех, кто был промагистратами, что лишает смысла дальнейшие обобщения⁷⁰.

Таким образом, заключение Р. Баумана (которому следуют Р. Фейг Вишния, а также М. Эльстер) о том, что абrogация «в своей изначальной форме» («[i]n its original form») была направлена против всех носителей империя – не только промагистратов, но и магистратов⁷¹ – не находит подтверждений в источниках⁷². Абrogация империя промагистратов

⁶⁸ Feig Vishnia R. *State, Society and Popular Leaders...* P. 139. См. выше о некоторых эпизодах, в которых, по такой логике, следовало было бы (учитывая масштаб просчетов, допущенных магистратами) ожидать немедленной абrogации, которая, однако, так и не произошла.

⁶⁹ Feig Vishnia R. *State, Society and Popular Leaders...* P. 139.

⁷⁰ Feig Vishnia R. *State, Society and Popular Leaders...* P. 84, 85. Также М. Эльстер, хотя показывает, что речь идет именно о промагистратах, все же говорит на основании этих же эпизодов о практике отстранения магистратов (Elster M. *Die Gesetze der mittleren Römischen Republik...* S. 199, 241, 266).

⁷¹ Bauman R.A. *The Abrogation of imperium...* P. 37; Feig Vishnia R. *State, Society and Popular Leaders...* P. 83, 139; Elster M. *Die Gesetze der mittleren Römischen Republik...* S. 266, 355.

⁷² Помимо ссылок на предполагаемые прецеденты, Р. Бауман для обоснования своих выводов указывает на *lex Cassia* 104 г. (Bauman R.A. *The Abdication of «Collatinus»...* P. 130–131; сходным образом: Licandro O. *In magistratu damnari...* P. 397, 400–401). О содержании закона информирует Асконий: *ut quem populus damnasset cuive imperium abrogasset in senatu ne esset* (Asc. 78C). По мысли Р. Баумана, этот акт имплицитно признавал право народа на абrogацию, с чем вполне можно согласиться. Но об абrogации каких именно должностей идет речь в законе? Р. Бауман полагает, что нет серьезных оснований считать, что *cuive imperium abrogasset* подразумевало империй только промагистратов, а не всех его

засвидетельствована неоднократно, но (вероятно) лишь после 49 г. произошла первая абrogация магистратуры и сразу несколько новых случаев (реализованной) абrogации плебейского трибуната со времен, видимо, единственного прецедента 133 г.⁷³. Такое резкое «количественное» различие с этой точки зрения между промагистратами, подвергавшимися абrogации в

носителей, включая магистратов. Доказательств такой интерпретации Р. Бауман не приводит, хотя сам признает, что Асконий причиной принятия закона прямо называет желание его автора свести счеты с Кв. Сервилием Цепионом, империй которого был абrogирован, когда он был проконсулом, а вовсе не магистратом (см. выше). Это само по себе не исключает того, что *lex Cassia* также подразумевал абrogацию магистратуры, но и не доказывает. *Opus probandi* лежит на тех исследователях, которые аргументируют, что *cuive imperium abrogasset* закона указывает на всех носителей империя, потому что к периоду до принятия закона относятся только случаи абrogации империя промагистратов. Наконец, замечу, что в сохранившихся эпиграфических текстах республиканских законов промагистраты неоднократно называются теми, «кто обладают империем» (ср. с формулировкой *lex Cassia* в передаче Аскония), и противопоставляются тем, «кто имеют магистратуру» (например, CIL I² 583. 8: *de heisce dum mag(istratum) aut inperium habebunt*; 9: [...e]x eo mag(istratu) inperiove abierit; также см.: Kloft H. *Prorogation...* S. 65–66). Предположение М. Йене о том, что Асконий сократил текст закона и привел *imperium* вместо *magistratum imperiumve*, произвольно меняет смысл текста источника, умозрительно и ничем не подтверждается (Jehne M. *Der Staat...* S. 90–91). Таким образом, нет убедительных оснований считать *lex Cassia* подразумевающим абrogацию магистратуры (сходные наблюдения делают Meier C. *Res publica amissa...* S. 134, Anm. 431; Kloft H. *Caesar und die Amtsentsetzung...* S. 326, Anm. 51; Busacca C. *Sulla pretesa 'lex Sempronia de abactis'* // *Studi in onore di Cesare Sanfilippo*. 1987. Bd. 7. P. 96–97, n. 38; Thommen L. *Das Volkstribunat...* S. 92). Другой закон по поводу тех, кто был лишен должности голосованием народа, был внесен Г. Гракхом в 123 г. (т.н. *lex (rogatio) Sempronia de abactis*), но связывается Плутархом с беспрецедентным отстранением трибуна М. Октавия, а не с предполагаемой древней традицией абrogации магистратур. Г. Гракх сам отказался от этого законопроекта (Plut. C. *Gracch.* 4.1; ср. Diod. Sic. 34–35.25.2; из исследований по этому вопросу особенно важна статья К. Бузакки, см.: Busacca C. *Sulla pretesa 'lex Sempronia de abactis'...*). Другое свидетельство общего характера в пользу распространенности абrogации в эпоху Республики приводит О. Ликандро. Он ссылается на высказывание Кассия Диона по поводу расширения практики назначения консулов-суффектов в конце Республики: «Конечно, и прежде некоторые занимали должность вслед за теми, кто не умер и не был отстранен из-за бесчестия или по другой причине...» (48.35.2: καὶ πρότερον μὲν γὰρ μεθ' ἐτέρους τινὲς μήτ' ἀποθανόντας μήτ' ἐπ' ἀτιμίᾳ ἢ καὶ ἄλλως πῶς παυθέντας ἤρξαν...). Действительно, нельзя исключить, что Дион описывает здесь механизм абrogации, однако невозможно однозначно интерпретировать его текст как подтверждение того, что этот инструмент действительно применялся. Как минимум в двух других фрагментах Дион говорит только об абдикации либо принуждении к абдикации как реально использовавшемся механизме досрочного сложения полномочий должностного лица (43.46.3: ἀλλὰ ζῶντά τινα αὐτῆς καὶ μὴ ἀναγκασθέντα μήτε ἐκ <τῶν> πατρίων μήτε ἐξ ἐπιγορίας τινὸς ἐκστῆναι; 48.53.2: ἀποστῆναι).

⁷³ Й. Бляйкен отмечал, что абrogация (будучи исключением, не касавшимся «ординарных магистратур с империем») не являлась компетенцией народа, каковой было право избирать должностных лиц (Bleicken J. *Lex publica...* S. 122).

связи с неудачным ведением военных действий (т.е. не за действия в сфере *domi*), и остальными должностными лицами, имевшими также (либо только) власть в сфере *domi*, могла бы найти «качественное» объяснение в рамках аргументированной Ф. Дрогулой концепции, согласно которой *imperium* в обычном случае распространялся только на сферу *militiae*, а *imperium domi* не существовал⁷⁴. Однако в применении к случаю промагистратов такая концепция сталкивается, например, с тем затруднением, что она не может объяснить, какой властью обладали проквесторы (не наделенные пропреторским империем), действовавшие, как и остальные промагистраты, в сфере *militiae*, если сами квесторы не имели империя (см. об этом гл. 4, §1). Поскольку о случаях абrogации проквестуры как таковой не сообщается, можно предположить, что абrogации мог быть подвергнут только делегированный или пророгированный империй, т.е. власть тех промагистратов, у которых был империй.

Вне зависимости от того, существовал ли какой-то конституционный механизм либо неформальная политическая традиция, которая систематически препятствовала абrogации плебейского трибуната и, особенно, магистратур⁷⁵, несомненно одно: в *libera res publica* абrogация этих

⁷⁴ Drogula F.K. *Commanders and Command...* (особенно P. 81–130). В рамках такого понимания различие с точки зрения практической реализуемости абrogации нужно, видимо, проводить не между теми, кто имел империй, и всеми остальными (ср.: Guarino A. *L'abrogazione di Ottavio...* P. 310–311; Bleicken J. *Lex publica...* S. 122; Feig Vishnia R. *State, Society and Popular Leaders...* P. 83), а между теми, кто имел полномочия в сфере *domi* и теми, кто был их лишен, но обладал империем. Именно против последних (промагистратов) почти всегда применялась абrogация (до 49 г., кажется, лишь с одним надежным исключением в 133 г., которое в контексте только что сказанного оказывается еще более значительным).

⁷⁵ Например, можно заметить, что если для абrogации трибуната Октавия потребовалось решение трибутных собраний, и вмешательство последних обосновывали тем, что именно эти собрания когда-то избрали трибуна, то по такой логике для абrogации консулата необходимо было бы голосование в центуриатных комициях (я благодарю О.В. Любимову за эту мысль). Возникает поэтому вопрос о том, что же плебейские трибуны собирались предпринять, когда грозили консулам лишением должности (Kunkel W., Wittmann R. *Staatsordnung und Staatspraxis...* S. 256–257). По поводу логики, которой предположительно следовала в таких случаях римская анналистика, М. Эльстер пишет: если народ избирал магистратов, то он же мог их отстранить; если так, то решение должно было базироваться на плебисците, который инициировали трибуны (Elster M. *Die Gesetze der mittleren*

должностей не входила в арсенал стандартных инструментов даже в ситуации самой острой политической борьбы. Случаи консула Цинны в 87 г., претора Цезаря и трибуна Непота в 62 г., претора Целия Руфа в 48 г. и ряд других рассматриваемых ниже эпизодов показывают, что нейтрализации политической инициативы отдельных плебейских трибунов и магистратов (как правило, именно это, а не само по себе лишение должности было целью их оппонентов) гораздо чаще добивались иными методами, чем путем аннулирования должности как таковой⁷⁶.

§1.4. Альтернативы лишению магистратуры⁷⁷

Абrogация магистратуры и даже плебейского трибуната оказывалась, таким образом, чрезвычайным событием⁷⁸. Так, плебейский трибун Октавий, формально лишенный должности по решению народа и даже замененный другим лицом (неким Муцием/Минуцием/Муммием), по-видимому, не признавал законности своего смещения, хотя и не предпринимал серьезных попыток к самостоятельным политическим действиям с целью заявить о своих правах, а тем более вернуть или применить свою власть⁷⁹.

Однако формальное отрешение от должности по решению народа было не единственным способом прекратить исполнение полномочий (не говоря уже о одномоментном препятствовании – *intercessio*). Первая возможная альтернатива – приостановление полномочий низших магистратов высшими. Но лишь часть таких случаев будет иметь значение для нас.

Römischen Republik... S. 199). Но на каком основании М. Эльстер утверждает, что решение об абrogации могло во всех случаях базироваться на плебисците?

⁷⁶ Ср.: Masi Doria C. *Spretum Imperium*... P. 278.

⁷⁷ Основные выводы параграфа опубликованы в статье: Фролов Р.М. «Отстранять от управления государственными делами»...

⁷⁸ Kloft H. *Bemerkungen zum Amtsentzug*... S. 174.

⁷⁹ Источники: Broughton T.R.S. *The Magistrates of the Roman Republic*. Vol. 1. P. 493; Elster M. *Die Gesetze der späten römischen Republik. Von den Gracchen bis Sulla (133–80 v. Chr.)*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2020. P. 13–15.

Т. Моммзен перечисляет примеры того, что он определил как общий запрет на осуществление магистратских полномочий (*Amtssuspension*, *Amtsentsetzung*; *vetari quicquam agere pro magistratu*), который он последовательно отличал от полного лишения самой должности и характеризовал как временный и обратимый⁸⁰. Однако случаи *Amtssuspension* также существенно различаются между собой. Если речь шла о приостановке полномочий претора консулом⁸¹, мог возникнуть конфликт, в ходе которого претор пытался оспорить это решение. К таким случаям я вернусь ниже. Но как обстояло дело с приостановкой полномочий ординарного магистрата диктатором, учитывая, что после его назначения другие магистраты продолжали действовать⁸²?

Наиболее часто упоминаемый в этой связи случай относится к 458 г. Сообщается, что консул Л. Минуций был понижен диктатором Л. Квинкцием

⁸⁰ Mommsen Th. *Römisches Staatsrecht*. Bd. I. S. 262–263.

⁸¹ Mommsen Th. *Römisches Staatsrecht*. Bd. I. S. 262, Anm. 4.

⁸² Ср.: Mommsen Th. *Römisches Staatsrecht*. Bd. II.1. S. 155–156. Т. Моммзен подчеркивал, что обычные магистратуры не прекращали функционировать при диктаторе, хотя консулы считали себя отстраненными от военного командования в сфере, где действовал диктатор (эта точка зрения оспаривается: Kunkel W., Wittmann R. *Staatsordnung und Staatspraxis*... S. 678). В.В. Дементьева отмечает, что «представление о том, что при диктаторе все должностные лица (кроме плебейских трибунов) слагают свои полномочия, характерно для греческой античной историографии... Однако имеются многочисленные факты противоположного плана... Обычным являлось положение, при котором с назначением диктатора консулы не отстранялись полностью от исполнения обязанностей по военному и гражданскому управлению, но власть диктатора становилась верховной, затмевала консульские полномочия» (Дементьева В.В. *Магистратура диктатора в ранней Римской республике (V–III вв. до н.э.)*. Ярославль: ЯрГУ, 1996. С. 88–89). О том, что, все ординарные магистраты отстранялись от должности при диктаторе, см., напр.: Coli U. *Sui limiti*... P. 400, n. 21; Ogilvie R.M. *A Commentary on Livy*... P. 444; Hinard F. *Genèse et légitimation d'une institution nouvelle. La tribunicia potestas d'Auguste // Rome, la dernière République: recueil d'articles / Ed. F. Hinard. Bordeaux: Ausonius Éditions, 2011. P. 318*. Однако свидетельства, приводимые в подтверждение этого вывода, демонстрируют только подчинение других магистратов диктатору. Само по себе подчинение еще не означает приостановки полномочий. Так, Ф. Инар справедливо указывает на то, что у Цицерона в пассаже о восстановлении *procuratio* и *auctoritas* ординарных магистратов после сложения Суллой диктатуры (*Rosc. Am.* 139: *dum necesse erat resque ipsa cogebat, unus omnia poterat; qui postea quam magistratus creavit legesque constituit, sua cuique procuratio auctoritasque est restituta*) термин *procuratio* не обозначает должность и, видимо, употреблен в значении *cura* (Hinard F. *Genèse et légitimation d'une institution nouvelle*... P. 318, прим. 50). Тем более это относится к *auctoritas*. Иными словами, ситуация менялась, когда появлялся диктатор, но ординарные магистраты продолжали исполнять свои обязанности.

Цинциннатом до положения легата. Однако такой исход стал возможен лишь после того, как консул сначала сложил свои полномочия (*abdicavit*). Вопрос о том, на основании каких именно полномочий диктатор мог отдавать приказы консулу и принуждать его к абдикации⁸³, здесь несуществен, поскольку в любом случае только в результате добровольного сложения полномочий экс-консул оказался в войске в новом качестве легата (*Liv. 3.29.2: ita se Minucius abdicat consulatu iussusque ad exercitum manet; cp. Dionys. Ant. Rom. 10.25.2: τὸν Μηνύκιον ἀποθέσθαι τὴν ἀρχὴν ἀναγκάσας; Val. Max. 2.7.7: L. Minucium consulatum deponere coegit*).

Следовательно, правильнее утверждать, что никакой приостановки полномочий не произошло: консул был принужден сложить должность. Поскольку абдикация формально являлась добровольным актом⁸⁴ и по определению не могла произойти без признания со стороны того, кто слагал полномочия, оно однозначно прекращало магистратуру. Поскольку все стороны придерживались единого понимания произошедшего, не возникало промежуточного статуса, который указывал бы на разногласия относительно того, сохраняет ли должностное лицо свои полномочия. Если это так, то этот и другие подобные случаи нерелевантны для настоящего исследования⁸⁵.

В 217 г. консул Гн. Сервилий Гемин получил приказ снять знаки своей власти (*insignia*) и явиться к диктатору как частное лицо (*Polyb. 3.87.6–88.9; Liv. 22.11.2–12.1; Plut. Fab. 4.1*). Разумеется, это не доказывает факта *abdicationis*,

⁸³ См.: Drogula F.K. *Commanders and Command...* P. 173–174. Р. Виттманн полагал, что диктатор не мог принудить консула к абдикации (Kunkel W., Wittmann R. *Staatsordnung und Staatspraxis...* S. 678).

⁸⁴ Как верно напоминает в связи с этим эпизодом Ф. Дрогула (Drogula F.K. *Commanders and Command...* P. 173).

⁸⁵ Т. Моммзен привел эпизод, в котором угроза назначить диктатора оказалось достаточной, чтобы заставить консулярных трибунов сложить полномочия. Исследователь выдвигал гипотезу о том, что «диктатор принуждает военных трибунов с консульской властью к сложению полномочий, без сомнения, запрещая им исполнять должностные обязанности и, в случае сопротивления, угрожая арестом» (Mommsen Th. *Römisches Staatsrecht. Bd. I. S. 262, Anm. 2*). Однако это невозможно ни подтвердить, ни опровергнуть, поскольку ситуация никогда не доходила до этого момента. Иными словами, вновь отсутствует дискуссия участников событий по поводу статуса, а значит, нет и «переходного» положения для изучения.

не говоря уже о смещении по решению самого диктатора (хотя подчиненное положение консула относительно диктатора здесь очевидно, во всяком случае, в определенной сфере деятельности). Нет свидетельств того, что в такого рода ситуации даже на перформативном уровне с положением консулов происходили долгосрочные изменения: ничего не говорится о лишении права на *insignia* как таковые – лишь о невозможности использовать их в присутствии диктатора в конкретной ситуации.

Ф. Дрогула объясняет изменения в объеме полномочий консула (включая отношения с диктатором) через перераспределение провинций (*provinciae*): сенат фактически лишал консула первоначальной провинции, назначал ему другую, а затем возвращал исходную задачу после сложения диктатором полномочий⁸⁶. В таком случае корректнее говорить о перераспределении провинций по решению сената, а не о «приостановке» полномочий диктатором. В любом случае, речь не шла об интересующей меня сфере *domi*. Также отсутствовала ситуация неопределенности или факт того, что сам статус консула кем-либо оспаривался.

Вероятно, единственным повторяющимся примером «всеобъемлющего» отстранения диктатором другого должностного лица от дальнейшего осуществления магистратской власти является отстранение *magister equitum* (например, Liv. 8.36.1: *magistro equitum Q. Fabio vetito quicquam pro magistratu agere*)⁸⁷. Это неудивительно, учитывая, что начальник конницы назначался самим диктатором. Данное обстоятельство делало маловероятным, что отстраненный *magister equitum* оспорил бы решение и продолжил осуществлять свои полномочия, а это, в свою очередь, исключает возникновение интересующей меня ситуации. Аналогичным образом в случае,

⁸⁶ Drogula F.K. *Commanders and Command...* P. 174–175. Ср.: Walter U. *Politische Ordnung...* S. 35. У. Вальтер замечает, что при назначении диктатора ординарные магистраты продолжали независимо действовать в рамках выделенной им сферы деятельности.

⁸⁷ Mommsen Th. *Römisches Staatsrecht*. Bd. I. S. 262, Anm. 3. По поводу терминологии ср. Liv. 9.7.11 (собственное решение воздержаться от дальнейших действий в качестве магистрата). Пример приказа начальнику конницы сойти с ростр (перед общим отстранением от исполнения полномочий): Liv. 8.33.10.

если провинциальный наместник накладывал общий запрет на осуществление своими помощниками каких-либо действий в пределах его *provincia*⁸⁸, нельзя говорить о «переходном статусе», поскольку эти должностные лица не оспаривали решение наместника⁸⁹.

Последний тип ситуаций в списке Т. Моммзена, касающихся временного отстранения⁹⁰, относится к очень специфической ситуации: заключению действующего магистрата в тюрьму плебейским трибуном. Замечу, что подобно интерцессии тюремное заключение на практике блокировало конкретное действие, а не осуществление магистратских полномочий в целом⁹¹. Так, например, в 91 г. консул Л. Марций Филипп был брошен в тюрьму в ответ на конкретное действие – срыв *contio* трибуна (Val. Max. 9.5.2; ср. *Vir. ill.* 66.9; Flor. 2.5.8). Таким образом, консул, хотя и был отстранен от магистратских полномочий, должен был быть освобожден и восстановлен в своей «должности» к концу дня, в который состоялась *contio*. Его не смогли бы снова заключить в тюрьму только потому, что трибун захотел бы повторять эту меру снова и снова. Такая ситуация не могла привести к политически значимому, длительному умалению магистратского статуса.

Иная ситуация описывается Плутархом (*Quaest. Rom.* 50). В 109 г. цензор М. Эмилий Скавр должен был сложить полномочия после смерти своего коллеги. Однако он отказался сделать это, и плебейские трибуны пригрозили ему заключением. Хотя точных сведений нет, похоже, Скавр не предпринимал попыток продолжить исполнение магистратуры после этого. Таким образом, он был фактически лишен возможности действовать как цензор до истечения

⁸⁸ Так, Т. Моммзен указывает на приказ претора (провинциального наместника), квесторам, легатам, префектам, (военным) трибунам покинуть его провинцию (Mommsen Th. *Römisches Staatsrecht*. Bd. I. S. 262, Anm. 5; Cic. *Verr.* 2.3.134).

⁸⁹ Случаи периода Империи (см.: Mommsen Th. *Römisches Staatsrecht*. Bd. I. S. 262, Anm. 5) выходят за пределы хронологических рамок данного исследования.

⁹⁰ Mommsen Th. *Römisches Staatsrecht*. Bd. I. S. 262–263, Anm. 6.

⁹¹ О позднеереспубликанской практике см.: Thommen L. *Das Volkstribunat*... S. 190, Anm. 105 (включая, однако, заключение под стражу не только магистратов). Также см.: Kunkel W., Wittmann R. *Staatsordnung und Staatspraxis*... S. 575–577.

срока полномочий. При этом вмешательство трибунов стало прямым следствием нарушения Скавром установленного правила, законность которого сам цензор, судя по всему, не оспаривал⁹². В любом случае, такой механизм приостановки полномочий едва ли мог стать широко применимым. Аналогичная ситуация описана у Ливия в рассказе о попытке цензора Ап. Клавдия Цека сохранить должность сверх установленного 18-месячного срока (подробнее см. гл. 5, §2.3). Заключение в тюрьме стало возможным лишь как мера принуждения к соблюдению существующего правила (Liv. 9.34.24–26). Поскольку на этот раз другие трибуны поддержали цензора, он смог продолжить исполнение обязанностей в качестве официально признанного магистрата. Таким образом, согласно повествованию Ливия, Клавдий Цек так и не приобрел «переходный статус» и сохранил возможность реализовывать свои намерения как должностное лицо.

Подобно случаю с Клавдием Цеком в ряде других примеров тюремное заключение имело ограниченную политическую ценность уже потому, что вмешательство даже одного дружественного трибуна могло обеспечить защиту (ср. Cic. *Vat.* 21; Cass. Dio 38.6.6; 39.39.6–7). Однако это был не единственный структурный недостаток данной меры. В 60 г. консул Кв. Цецилий Метелл Целер отказался от помощи дружественных трибунов, когда во время своего противодействия аграрному закону был заключен под стражу трибуном Л. Флавием, сторонником Помпея. Нашим основным источником является Кассий Дион (37.50), но Цицерон подтверждает, по крайней мере, основной факт – заключение консула в тюрьме (*Att.* 2.1.8). Что примечательно, Метелл Целер якобы планировал «созвать» сенат в месте своего заключения. До этого не дошло, поскольку Помпей вынудил Флавия отступить. Однако, по-видимому, в принципе консул мог успешно провести какое-то заседание сената даже в таких обстоятельствах. Этот рассказ указывает на два момента. Во-первых, магистратские полномочия формально никак не затрагивались самим фактом заключения и, по-видимому,

⁹² См.: Broughton T.R.S. *The Magistrates of the Roman Republic*. Vol. 1. P. 545.

продолжали признаваться всеми участниками, включая Флавия. Во-вторых, сохранялась практическая (хотя и в стесненных условиях) возможность реализации консульских полномочий и, следовательно, удержания политической инициативы. Для трибуна рассматриваемый инструмент политической борьбы работал только в том случае, если плебейский магистрат мог физически блокировать все возможные контакты других лиц с консулом, чего трибун достичь все же не мог. Таким образом, трибунская *sacrosanctitas*, использованная для обеспечения политической результативности заключения под стражу, оказалась неэффективной и с точки зрения общественного мнения «токсичной» даже без обращения Метелла за помощью к другим трибунам. Помпей решил, что стратегия Флавия безнадежна, и призвал его прекратить соответствующие попытки.

Сходным образом в 52 г. политический эффект заключения, по-видимому, ограничивался его демонстративной функцией. Эдил М. Фавоний был заключен под стражу трибуном Кв. Помпеем Руфом (Cass. Dio 40.45.4). Исследователи предполагают следующие мотивы: Руф не только стремился отомстить за собственное заключение до этого (о чем прямо говорит Дион), но и надеялся запугать оппозицию, выступавшую против стремления Помпея к единоличному консульству⁹³. Однако трудно понять, каким именно образом нейтрализация эдила могла способствовать ослаблению оппозиции Помпею.

Наконец, об ограниченной релевантности механизма заключения под стражу по инициативе трибуна для настоящего исследования свидетельствует наблюдение Й. Бляйкена, касающееся более ранних случаев ареста магистратов. Сравнивая три таких инцидента 169 г. (Liv. 43.16), 151 г. (Per. 48) и 138 г. (Cic. Leg. 3.20; Per. 55) годов, Й. Бляйкен подчеркивает, что во всех них магистраты игнорировали трибунов, словно те не обладали никакой

⁹³ Münzer F. Favonius // Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Bd. 6. 1909. Sp. 2075; Thommen L. Das Volkstribunat... S. 190, Anm. 105.

властью (Ливий прямо указывает на это для случая 169 г.: *in ordinem coactus*)⁹⁴. Подобное пренебрежение само по себе может рассматриваться как попытка низвести *magistratus* на положение *privatus* (что как раз представляет для меня интерес, см. ниже), но были ли сами консулы и другие магистраты фактически отстранены от должности трибунами? Источники о II в. не позволяют дать однозначный ответ, но, как мы видели, в 60 г. Метелл Целер мог преодолеть последствия подобного отстранения от должности даже без помощи дружественных трибунов (хотя в данном случае заключение оказалось недействительным и было отменено самим инициатором, а не преодолено). Сообщения, относящиеся ко II в., создают впечатление, что заключение и в тот период было мерой, ограниченной по времени. Оно являлось реакцией на конкретные действия магистрата и, как показал Й. Бляйкен, прекращалось, как только магистрат пересматривал свое решение.

Проанализированные меры не затрагивали магистратский статус как таковой и оставались ограниченными во времени и по масштабу. Что еще важнее, они требовали постоянного подкрепления, продления и поддержки. Как только давление ослабевало, магистрат автоматически восстанавливал способность осуществлять свои полномочия. Но существовала ли возможность лишить должностное лицо власти без формального смещения, но так, чтобы восстановление *status quo* не происходило автоматически? Возможность общего непризнания должностного лица при определенных обстоятельствах допускалась в рамках римского политического мышления, как мы уже видели на примере второй коллегии децемвиров (см. гл. 1, §3).

«Риторика непризнания» нашла отражение в примерах, приводимых Цицероном, включая реакцию Л. Красса на критику со стороны консула Л. Марция Филиппа в адрес сената: Филипп предпочел бы иметь другой сенат, нежели имеющийся, во взаимодействии с которым он не может управлять

⁹⁴ Bleicken J. *Das Volkstribunat*... S. 102–104. Также ср. Liv. 2.56.10–13; Dionys. *Ant. Rom.* 9.48.1–2 (попытка арестовать консула была предотвращена трибуном), а также Liv. 4.26.9; 5.9.4 (угроза ареста консула и консулярных трибунов, отказывавшихся уступить сенату).

государством. Красс ответил, что «не признает консулом того, кто не признает его самого сенатором» (Cic. *Orat.* 3.4: cum sibi illum consulem esse negaret, cui senator ipse non esset; ср. Quint. *Inst.* 8.3.89; 11.1.37; Val. Max. 6.2.2)⁹⁵. Это противостояние, согласно источникам, дошло до того, что Красс оттолкнул ликтора консула, который пытался арестовать сенатора (Val. Max. 6.2.2: reiecto lictore). Уничтожение фасок было средством и для тех, кто не принадлежал политическому классу, отказать магистрату в признании его легитимности. Однако даже это еще не препятствовало автоматически дальнейшему осуществлению должностным лицом своих полномочий, хотя ему и приходилось искать более эффективные способы их реализации.

Другой релевантный случай обнаруживается в речи Цицерона «Против Пизона», в которой оратор перечисляет конкретные обстоятельства, указывающие на непризнание того или иного лица в качестве консула, включая отказ подчиняться его приказам, вставать при его появлении в знак уважения или отвечать ему, когда он запрашивает мнение в сенате (Cic. *Pis.* 26: an vero reliquo tempore consulem te quisquam duxit, quisquam tibi paruit, quisquam in curiam venienti adsurrexit, quisquam consulenti respondendum putavit?).

Сам Цицерон, как известно, открыто отказался признавать консула М. Антония (см., например, *Phil.* 2.10; 4.8) – акт, который был чем-то большим, чем просто риторическим заявлением. Еще до этого относительно

⁹⁵ Rawson E. Cicero the Historian and Cicero the Antiquarian // The Roman Historical Tradition: Regal and Republican Rome / Eds. J.H. Richardson, F. Santangelo. Oxford; New York: Oxford University Press, 2014. P. 281: «it is likely that Cicero is here telling us the truth rather than using a literary convention». Иное мнение: Görler W. From Athens to Tusculum: Gleaning the Background of Cicero's *De oratore* // Kleine Schriften zur hellenistisch-römischen Philosophie / Ed. C. Catrein. Leiden; Boston: Brill, 2004. P. 185–190. С точки зрения В. Гёрлера, непризнание консула, как и другие детали рассказа, «имеет явное философское звучание, за этим может стоять стоическое solos sapientes esse reges» (Görler W. From Athens to Tusculum... P. 188). Другую возможную причину показательного непризнания консула можно усмотреть в описании событий 45 г. (Suet. *Iul.* 80.2: Quinto Maximo suffecto trimenstrique consule theatrum introeunte, cum lictor animadverti ex more iussisset, ab universis conclamatum est non esse eum consulem; ср. Cic. *Fam.* 7.30.1: quem illi consulem esse dicebant) – нарушение формальных правил избрания в комициях (Bruhns H. Caesar und die römische Oberschicht in den Jahren 49–44 v.Chr. Zur Herrschaftsetablierung im Bürgerkrieg. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1978. S. 161–162).

позднего эпизода, относящегося к последним годам *libera res publica*, политическая практика Республики даже в «лучшие времена» предоставляла возможности для общего непризнания отдельных должностных лиц, что на практике иногда оказывалось сопоставимым с его фактическим лишением должности, причем конкретные механизмы достижения такого результата могли быть самими разными.

Многие из этих случаев показывают, что магистрат мог попытаться восстановить свое положение, тем самым, с одной стороны, признавая, что в принципе требовалось что-то предпринять, а с другой – настаивая на «реституции» именно на том основании, что его статус в качестве *magistratus* никоим образом не был затронут. Именно эти «переходные» ситуации и представляют для меня интерес. Но прежде, чем обратиться к соответствующим эпизодам, необходимо рассмотреть терминологию, обычно применяемую для их описания.

Само по себе показательно, что римляне разработали специальные обозначения для ситуации, когда должностное лицо не лишалось своих полномочий, но сталкивалось с устойчивыми препятствиями в их осуществлении. Здесь могут представлять интерес две формулировки: *in ordinem cogi* и *a(b) re publica removere/summovere* (или *administratione rei publicae summovere*). Как мы уже видели выше, указание на то, что магистрат оказывался *in ordinem coactus*, использовалась плебейскими трибунами для оправдания ареста своих оппонентов-магистратов. Т. Моммзен описывает этот механизм как своего рода обструкцию – обращение с магистратом таким образом, как если бы он был *privatus*⁹⁶. С. Окли отмечает, что данное выражение «регулярно применялось по отношению к магистратам, которым препятствовали в осуществлении их полномочий»⁹⁷. Хотя *in ordinem cogi* может просто указывать на умаление достоинства, приличествовавшего должности, – в том числе по вине самого ее обладателя, – без фактического

⁹⁶ Mommsen Th. *Römisches Staatsrecht*. Bd. I. S. 139, Anm. 3.

⁹⁷ Oakley S.P. *A Commentary on Livy, Books VI–X*. Vol. 1. P. 691.

блокирования реализации власти⁹⁸, именно эту формулировку Ливий использует для передачи ситуации, в которой оказались члены второй коллегии децемвиров. Последние критиковали давление, которое на них оказывалось с целью заставить их сложить полномочия, а также отказ подчиняться их распоряжениям как законных магистратов (Liv. 3.51.13; см. гл. 1, §3).

В 368 г., согласно одному из источников Ливия, диктатор М. Фурий Камилл столкнулся с необычной угрозой со стороны плебейских трибунов: они предложили плебсу проголосовать за решение о том, что если Камилл предпримет какие-либо действия в качестве диктатора (*pro dictatore quid egisset*), то будет обязан уплатить штраф (Liv. 6.38.9). Это предложение, вынуждавшее диктатора либо сложить полномочия, либо оставаться бездействующим магистратом⁹⁹, затем обозначается как *huic rogationi, qua se in ordinem cogi* (6.38.12). Однако сам Ливий дает понять, что не считает этот законопроект реально осуществившимся: вскоре был назначен другой диктатор, который продолжил именно то, что начал Камилл, а сам Камилл вновь стал диктатором в следующем году, что вряд ли было бы возможно, если бы он незадолго до этого был принужден не использовать свою власть. Таким образом, по версии Ливия, Камилл сложил полномочия из-за религиозных опасений, а не под давлением необычной *rogatio* (6.38.10: *quam novi exempli rogatione deterritum*). Указание в фастах на *abdicatio* Камилла не противоречит ни одной из версий, тогда как рассказ Плутарха можно интерпретировать как подтверждение того, что Камилл действительно столкнулся с угрозой штрафа¹⁰⁰. Однако повествование Плутарха не требует от нас предположения,

⁹⁸ Liv. 3.35.6; Oakley S.P. A Commentary on Livy, Books VI–X. Vol. 1. P. 691. Также см. Plin. *Ep.* 1.23.1.

⁹⁹ Ср. Liv. 8.36.1; 9.7.11.

¹⁰⁰ Plut. *Cam.* 39.4 (пер. С.П. Маркиша): «Трибуны же, со своей стороны, противопоставили его угрозам торжественные клятвы, что наложат на него штраф в пятьдесят тысяч серебряных драхм, если он не прекратит попыток лишить народ его голоса и его закона. Тогда – то ли из страха перед вторым изгнанием, наказанием, недостойным человека его лет и заслуг, то ли потому, что не смог бы, даже если бы захотел, преодолеть мощь народа, ставшую теперь непреодолимой и непобедимой – он удалился в свой дом и, сославшись на

что угроза должна была быть реализована через народное голосование или что она относилась именно к периоду пребывания Камилла в должности, а не ко времени после истечения его полномочий. Иными словами, текст Плутарха не требует от нас постулировать логическую связь между предполагаемым штрафом и давлением на Камилла с целью заставить его либо воздерживаться от исполнения магистратских функций, либо уйти в отставку. Таким образом, позднейшая традиция считала возможным, что действующий магистрат мог быть *in ordinem coactus* посредством трибунского законодательства, тогда как, с точки зрения Ливия, это было бы исключительным случаем (*novi exempli rogatio*), а сообщаемые конкретные обстоятельства не требуют вывода о том, что данная мера действительно была реализована.

Ситуация 212 г. в передаче Ливия дает еще один пример использования выражения *in ordinem cogi*. В данном случае оно указывает на насильственные действия *privati*, которые мешали плебейским трибунам созывать и проводить *contiones*, пока не был восстановлен порядок (Liv. 25.3.19, 4.4). В повествование о событиях 169 г. включено сообщение о жалобе трибуна о том, что его *contio* была прервана цензорами, а *intercessio* проигнорирована (Liv. 43.16.9–11).

Таким образом, хотя *in ordinem cogi* подразумевает, что магистрат сталкивается с препятствиями в осуществлении своих полномочий, ситуация, к которой обычно применяется такая терминология, была ограничена по времени, и в большинстве случаев восстановление положения должностного лица – часто поддержанное другими участниками, а не только самими магистратами, оказавшимися *in ordinem coacti*, – происходило быстро. Античные авторы, используя выражение *in ordinem coactus*, имели в виду скорее одномоментный инцидент, чем продолжительное препятствование магистрату в процессе реализации им своих полномочий.

болезнь в течение нескольких последующих дней, сложил с себя полномочия» (τότε μὲν ἀπεχώρησεν οἴκαδε· ταῖς δ' ἐξῆς ἡμέραις νοσηψάμενος ἀρρωστεῖν ἐξωμόσατο τὴν ἀρχήν).

В отличие от *in ordinem cogi*, выражение *a(b) re publica remove/summove* (или *administratione rei publicae summove*) употребляется в случаях, в которых современные исследователи часто подозревают формальное лишение самой должности¹⁰¹.

Необходимо сразу подчеркнуть, что фраза *a re publica remove* могла применяться и по отношению к тем, кто не занимал магистратуру. Так, при рассказе о событиях 65 г. н.э., Тацит использовал ее для указания на то, что произошло с Л. Юнием Силаном и К. Кассием Лонгином (*Tac. Ann.* 16.7–9: *removendos a re publica*). Нерон, по-видимому, не мог лишить этих двоих должностей, так как Силан вообще не занимал магистратуру¹⁰², а Кассий, хотя и был консулом-суффектом в 30 г. н.э. и впоследствии занимал ряд важных позиций, в 65 г. магистратом не являлся¹⁰³. То, что фиксирует здесь Тацит, – это лишение всякой возможности активно участвовать в политике, включая участие в заседаниях сената и даже вовлеченность в неформальную политическую коммуникацию (через дружеские и иные связи). Такой эффект достигается решением сената об изгнании Силана и Кассия. Иными словами, *a re publica remove* – это нечто большее или, точнее, нечто иное, чем лишение должности (которое в данном случае даже не требовалось).

Цицерон высказывает сожаление о том, что союзники Клодия «не позволили, чтобы этот бич Республики был удален от государственных дел, или чтобы он предстал перед судом или даже чтобы он оставался частным лицом» (*Cic. Har. resp.* 50: *...ne a re publica rei publicae pestis removeretur restiterunt, etiam ne causam diceret, etiam ne privatus esset*). Из этой фразы видно, что для Цицерона *a re publica remove* было бы лучшим решением, наиболее

¹⁰¹ Gai Iuli Caesaris Commentariorum De bello civili, liber tertius / Ed. A.G. Peskett. Cambridge: Cambridge University Press, 1900. P. 90. Но ср.: Kloft H. Caesar und die Amtsentsetzung... S. 325, Anm. 45.

¹⁰² Hohl E.L. Iunius Silanus Torquatus // Pauly's Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Hlbd. 19 / Hrsg. W. Kroll. Stuttgart: J.B. Metzlersche Verlagsbuchhandlung, 1918. Sp. 1105–1106.

¹⁰³ Jörs P.C. Cassius Longinus // Pauly's Real-encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Bd. 3 / Hrsg. G. Wissowa. Stuttgart: J.B. Metzlersche Verlagsbuchhandlung, 1899. Sp. 1736–1738.

серьезной и всеобъемлющей мерой, которая означала бы полное устранение Клодия из общественной жизни (ср. Asc. 54C: *sed Milonis quoque notam audaciam removeri a re publica utile visum est*). Менее действенным было бы судебное преследование. Еще менее предпочтительным – предотвращение получения Клодием публичной власти в дальнейшем. Эта последовательность также показывает, что мера, обозначаемая фразой *a re publica remove*, в данном случае, не подразумевала бы отстранения от должности, потому что означала бы невозможность избрания в принципе.

Эта логика соответствует тому, как Цицерон (в передаче Квинтилиана) описывает положение детей, внесенных в проскрипционные списки Суллы: «Что может быть более жестоким, чем когда дети почтенных родителей, потомки славных предков, отстранены от государственных дел?» (Quint. *Inst.* 11.1.85: *Quid enim crudelius quam homines honestis parentibus ac maioribus natos a re publica summove*?). Речь, конечно, идет не о лишении должности, а о лишении права ее занимать. Как пишет Веллей Патеркул, «дети даже лишались права претендовать на магистратуры, и, что недостойнее всего, сыновья сенаторов несли тяготы этого сословия, теряя его права» (Пер. М.Ф. Дашковой и А.И. Немировского; Vell. Pat. 2.28.4: *liberi etiam petendorum honorum iure prohiberentur simulque, quod indignissimum est, senatorum filii et onera ordinis sustinerent et iura perderent*). Очевидно, что *a re publica summove* означает здесь опять-таки не потерю магистратуры, а нечто большее: изначально невозможность претендовать на эти должности, отсутствие доступа к активной политической роли, положенной членам элиты, включая даже использование привилегий, полагавшихся сенаторам.

Плутарх (*Sull.* 31) описывает положение детей проскрибированных как ἀτιμία. В афинском контексте ἀτιμία прежде всего означает утрату политических прав – не только права занимать должности, но и осуществлять

иные гражданские функции, право вступать на агору и т.д.¹⁰⁴, что действительно похоже на описание Веллея. Н. Брайан отмечает, что хотя у *ἀτιμία* нет точного латинского эквивалента, ее можно определить как умаление *dignitas*¹⁰⁵. Кажется поэтому неслучайным, что, как будет показано далее, претор М. Целий Руф, лишенный возможности действовать как магистрат, по словам Цезаря (*BC*. 3.21), подвергается *ignominia*. Конкретно это означало, что он не мог участвовать в заседаниях сената и был согнан с роstr при попытке выступить на *contio* (см. §5 данной главы).

Было также возможно отстранение именно от *administratio rei publicae* (например, *Suet. Iul.* 16: *administratione rei publicae decreto patrum submoverentur*). Что это подразумевало? Квинтилиан противопоставляет человека, посвятившего себя *administratio rei publicae*, философу, тратящему время на пустые дискуссии (*Quint. Inst.* 11.1.35). Таким образом, *administratio rei publicae* можно в самом общем виде определить как реальное участие в политике (также ср. *Quint. Inst. Pr.* 14). В письме к Квинту Цицерон пишет: «...и поскольку случай дал мне возможность в числе магистратов управлять государственными делами в городе, а тебе – в провинции...» (*Cic. Q.fr.* 1.1.43: *et quoniam mihi casus urbanam in magistratibus administrationem rei publicae, tibi provincialem dedit...*). Уточнение, что Цицерон *administratio rei publicae* осуществляет в качестве магистрата (*in magistratibus*), позволяет предположить, что это можно было делать и в качестве *privatus*. Действительно, у Цицерона *administratione rei publicae liberatus* (*Ac.* 1.11) подразумевает освобождение от всех видов политической активности в качестве члена элиты (*rei publicae cura*): не только от занятия государственных должностей (*honores*) и предвыборной борьбы (*ambitio*), но и от участия в

¹⁰⁴ Hansen M.H. *Apagoge, Endeixis and Ephegesis against Kakourgoi, Atimoi and Pheugontes: A Study in the Athenian Administration of Justice in the Fourth Century B.C.* Odense: Odense University Press, 1976. P. 61–62.

¹⁰⁵ Bryan N. *Pietas: Gods, Family, Homeland, Empire.* PhD. Thesis. Calgary: University of Calgary, 2014. P. 160.

судебных процессах (*causae*). Такое словоупотребление соотносится с тем, что мы видели выше¹⁰⁶.

Сенека создает схожее впечатление: «...он покинул и курию, и форум, и все дела государства» (*Sen. Ep. 73.4: ...reliquit et curiam et forum et omnem administrationem rei publicae...*). Когда Ауфидий Басс (у Сенеки) пишет, что Республика долгое время управлялась Цицероном, он, конечно, не подразумевает лишь те несколько лет, в течение которых Цицерон исполнял магистратуры¹⁰⁷.

Другой аспект употребления *administratio rei publicae* можно обнаружить у Ливия. Он повествует о том, как Л. Фурий и К. Манлий, которым угрожали судебным преследованием за их сопротивление в качестве консулов плебейским трибунам, предостерегают других от стремления к магистратурам и управления государственными делами (*Liv. 2.54.4: honoribus et administratione rei publicae abstineant*). Далее Ливий поясняет в этой речи, что стать консулом все еще возможно, но в таком случае не следует действовать вопреки воле трибунов. Можно ли здесь усмотреть противопоставление Ливием формального занятия должностей (*honores*) и такого осуществления магистратских полномочий, которое подразумевало активность и независимость, контроль над реальной политической инициативой (*administratio rei publicae*)? Я буду возвращаться к этому неоднократно при анализе конкретных случаев отстранения от должностных обязанностей ниже.

Несмотря на эту более специфическую коннотацию, связывающую *administratio rei publicae* с независимой политической деятельностью, в более общем смысле (*a/ab*) (*administratione*) *re(i)* *publica(e)* *removere/summovere* подразумевало, как мы видели, наиболее всеобъемлющее, универсальное отстранение от любой политической активности¹⁰⁸. Даже частные лица могли

¹⁰⁶ Также см. *Cic. Off.* 1.69, 92; *Quint. Inst.* 3.8.14; 12.2.7 (но ср. *Decl.* 268. 12; 314. 4; 348. 8).

¹⁰⁷ *Apud Sen. Suas.* 6. 23: *vir natus ad rei publicae salutem, quae diu defensa et administrata*. Также см. *Val. Max.* 2.9.6; 3.7.7; *Dig.* 50.4.14; ср. *Val. Max.* 5.2.3; *Eutrop.* 10.1.

¹⁰⁸ Эту терминологию следует отличать от гораздо более узкого понятия *removere* (*ab exercitu*), которое обозначает отзыв должностного лица от исполнения конкретного поручения, особенно ведения войны (напр., *Per.* 11: *senatus de removendo eo ab exercitu*

быть подвержены такой мере. Тогда оказывается, что политическая активность не гарантировалась занятием магистратур, хотя связь между ними, безусловно, подразумевалась.

Однако если сообщается, что не *privatus*, а магистрат или плебейский трибун был *a re publica remotus*, означает ли это по определению, что он оказался лишен должности? На первый взгляд, кажется, что обоснованный ответ – положительный. Например, как отмечалось выше, в 44 г. трибуны Г. Эпидий Маррулл и Л. Цезетий Флав действительно были лишены должностей. Цицерон описывает это, используя выражение *a re publica removere*: «“Вы позволили Каске остаться трибуном.” И что? Разве мы должны были отстранить его от государственных дел, как Марулла и Цезетия, хотя именно благодаря ему мы добились того, чтобы впредь ни это, ни многое другое подобного рода не могло произойти?» (Cic. *Phil.* 13.31: “*Cascam tribunatum gerere passi estis.*” *quid ergo? ut Marullum, ut Caesetium a re publica removeremus eum per quem ut neque idem hoc posthac neque multa eius modi accidere possent consecuti sumus?*)). Таким образом, в данном случае *a re publica removere* относится именно к смещению с должности (что, по мнению Цицерона, было признаком острого политического кризиса).

Веллей Патеркул также использует выражение *a re publica summovere*, описывая эти события. Из его изложения не вполне ясно, имело ли место

ageret; ср. Oros. 3.22.7: *cum senatus de summovendo eo deliberaret*). Также ср. случай квестора Сатурнина, которого сенат, как сообщается, отстранил от исполнения определенной задачи, но он, безусловно, сохранил саму магистратуру (Cic. *Har. resp.* 43: *Saturninum, quod in annonae caritate quaestorem a sua frumentaria procuratione senatus amovit eique rei M. Scaurum praefecit*; *Sest.* 39: *cum Saturnino, qui quod a se quaestore Ostiensi per ignominiam ad principem et senatus et civitatis, M. Scaurum, rem frumentariam tralatam sciebat*; Diod. Sic. 36.12). Г. Рикманн и П. Херц, возможно, определяют этот эпизод как передачу *provincia*, хотя совсем не исключено, что исследователи имеют в виду лишение должности, о чем в источниках все же не сообщается (Rickman G. *The Corn Supply of Ancient Rome*. Oxford: Oxford University Press, 1980. P. 47: «...the measures taken by the Senate was to relieve L. Appuleius Saturninus of his post as *quaestor Ostiensis* greatly to his wrath, and to replace him with no less a person than M. Aemilius Scaurus»; P. 162: «depriving Saturninus of his Ostian quaestorship and transferring his duties to M. Aemilius Scaurus»; Herz P. *Studien zur römischen Wirtschaftsgesetzgebung: Die Lebensmittelversorgung*. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 1988. S. 35: «...führten zu seiner Amtsenthebung und zur Übernahme der *cura annonae* durch den *princeps senatus* M. Aemilius Scaurus»).

формальное лишение должности, но такое понимание не исключено: «Ответом на это был гнев раздраженного главы государства. Но он все-таки предпочел прибегнуть к цензорскому замечанию, чем отстранить их от дел диктаторским распоряжением» (Пер. А.И. Немировского)¹⁰⁹. Следовательно, мера, обозначаемая *a re publica summove*, была применена в качестве менее суровой альтернативы «по сравнению с казнью»¹¹⁰. Отстранение от политических дел последовало за цензорским замечанием, но не сводилось к нему. Как предполагает Х. Клофт, указанные трибуны формально были лишены должности посредством голосования в комициях, но в кратком изложении Веллея оказались совмещены лишение должности и исключение из сената, а технические детали *abrogatio* полностью проигнорированы¹¹¹. Однако *a re publica summove* у Веллея, кажется, в данном случае включает еще и изгнание. Таким образом, и в данном примере *a re publica summove* означает нечто большее, чем просто отстранение от должностных обязанностей или смещение с должности¹¹². На мой взгляд, это не случайно.

Комментируя свидетельство Николая Дамасского об этом инциденте (Nic. Dam. *FGrHist* 90 F130, 69, 76), Г. Добеш пишет, что этот автор, возможно, подразумевает лишение Цезетия и Маррулла права впредь занимать государственные должности (*das Recht der Ämterbewerbung*). Г. Добеш предлагает сопоставить это с употреблением *a re publica remove* в латинских источниках¹¹³, по-видимому, имея в виду такие случаи, как умаление прав детей проскрибированных, упомянутое ранее.

¹⁰⁹ Vell. Pat. 2.68.5: in hoc tamen saepe lacessiti principis ira excessit ut censoria potius contentus nota quam animadversione dictatoria summoveret eos a re publica. Ср. перевод в серии Loeb Classical Library: «...he was satisfied to brand them through the employment of his power as censor, and refrained from punishing them as dictator by banishing them from the state».

¹¹⁰ Woodman A.J. *Velleius Paterculus*... P. 162.

¹¹¹ Kloft H. *Caesar und die Amtsentsetzung*, 322–324.

¹¹² Ср.: Kloft H. *Caesar und die Amtsentsetzung*, 325, n. 45.

¹¹³ Dobesch G. *Zu Caesars Rede gegen C. Epidus Marullus und L. Caesetius Flavius*. Antidosis: Festschrift für Walther Kraus zum 70. Geburtstag / Eds. R. Hanslik, A. Lesky, H. Schwabl. Wien; Köln; Graz, Verlag Hermann Böhlhaus Nachf., 1972, S. 87–88, Anm. 29.

Действительно, Цезарь не ограничился лишением трибунов должности: он также исключил их из сената (Cass. Dio 44.10.3) и инициировал их изгнание из Города¹¹⁴. Поэтому, хотя в данном случае *a re publica remove*, безусловно, включает *abrogatio*, речь шла не только и столько о ней, сколько о всеобъемлющем лишении политических прав.

Итак, само по себе выражение *a re publica remove* не является надежным указанием на формальное лишение должности. Например, Ливий последовательно различает временное отстранение (*remove*) магистрата по решению сената и досрочное прекращение полномочий: даже после того, как магистрат становился *a re publica remotus*, он все равно должен был сложить с себя должность (*abdicare*)¹¹⁵. Однако во всех рассматриваемых случаях *a re publica remove* неизменно указывает в более широком смысле на лишение возможности активного политического участия. Какие именно формальные меры требовались для достижения этого эффекта, зависело от конкретных обстоятельств и не всегда сводилось к смещению с должности – особенно когда речь шла о лицах, не занимавших магистратуры.

В письме *Fam.* 1.9.2 Цицерон ясно дает понять, что *administratio rei publicae* включает в себя выступления в сенате. Это означает, что сенатор, даже будучи *privatus*, участвовал в политическом процессе, от которого, как мы видели (и увидим далее), действующие магистраты могли быть отстранены. Как будет показано ниже, использование выражений вида *administratione rei publicae remove* может указывать на отстранение

¹¹⁴ Vell. Pat. 2.68.5; App. BC. 2.108, 2.122, 2.138; Nic. Dam. FGrHist 90 F 130, 69, 76; Kloft H. Caesar und die Amtsentsetzung... S. 324–325.

¹¹⁵ Liv. 5.11.11: *nam et senatus consulto eos ab re publica remotos esse, et recusantes abdicare se magistratu dictatoris metu ab collegis coercitos esse*. Ср.: Ogilvie R.M. A Commentary on Livy... P. 650: «*remotos*: “removed from office”». О нереализованной угрозе отзыва от войска решением сената (не абrogации решением народа) должна была идти речь и в 280 г., когда консул П. Валерий Левин потерпел поражение в битве с Пирром (Plut. *Pyrr.* 18.1: οὐκ ἀπὴλλὰξαν τῆς ἀρχῆς, ср. Frontin. *Strat.* 4.1.24; Broughton T.R.S. The Magistrates of the Roman Republic. Vol. 1. P. 190–191; Rosenstein N.S. *Imperatores victi*... P. 37–38, 202).

должностных лиц от деятельности, которая была неотъемлемой частью функций даже сенаторов-privati¹¹⁶.

В том же письме Цицерон тесно связывает *administratio rei publicae* со способностью выступать в роли политического советника (*consiliarius*) и, что еще важнее, инициатора и вдохновителя политических действий (*auctor*). В данном контексте *auctor* – это активный сенатор, который «подсказывает» варианты действий другим субъектам политики. Иными словами, он берет на себя политическую инициативу. Аналогично у Квинтилиана (*Inst. Pr.* 10) тот, кто способен управлять общественными и частными делами (*publicarum privatarumque rerum administrationi accommodatus*), по сути, «правит» городами посредством политических советов, защищает их законами и «улучшает» их тем, что делится своими суждениями (*qui regere consiliis urbes, fundare legibus, emendare iudiciis possit*). Можно понять это следующим образом: такой человек – оратор – берет инициативу на себя. Сводится ли *a(b) (administratione) re(i) publica(e) removere/summovere* в первую очередь к потере политической инициативы? Как мы увидим далее, эта взаимосвязь может быть не случайной.

Таким образом, античные источники показывают, что политическая практика Республики допускала множество способов, с помощью которых должностное лицо могло быть лишено практической возможности эффективного осуществления власти без формальной утраты самой должности. *Abrogatio* оказывалась сложной и на практике крайне редкой процедурой, но это не удивляет, если иметь в виду наличие других способов нейтрализовать оппонента. Хотя упомянутые выше случаи не касались длительного отстранения от должностных обязанностей и были ограничены

¹¹⁶ Здесь наблюдается парадокс, который стоит отметить, даже если это просто совпадение на уровне предпочитаемой античными авторами лексики. Цицерон описывает, как П. Клодий устранил М. Катона, отправив его управлять Кипром (*Dom.* 22: *administrare Cyprium*). В этом случае нейтрализация политического оппонента достигается не через лишение должности, а, наоборот, через назначение на должность, но такую, которая фактически удаляет его из Рима и выводит из активной политической борьбы. Однако важно, что Цицерон описывает это не как отстранение *a re publica* (то есть от государственных дел вообще), а именно как удаление от трибуната Клодия (*<a> tribunato tuo removisses*).

по времени и масштабу, они уже дают некоторое представление о том, что нейтрализация магистрата-соперника была важной частью римской политической жизни, по крайней мере, со времен классической Республики.

Следующим логическим шагом в такого рода борьбе могло стать заявление о том, что оппонент вообще не является «настоящим» должностным лицом, независимо от того, сохранял ли он должность формально. Особый интерес представляют случаи, в которых впечатление о лишении должности настолько сильно, что современные исследователи предполагают *abrogatio*. Путаница неудивительна, поскольку античные авторы могли описывать такие ситуации так, будто речь шла о лишении самого статуса *magistratus*, сообщая об обращении с магистратом так, будто он был *privatus*, или даже указывая на фактическое лишение должности до истечения срока, а не просто временное ограничение некоторых полномочий. Что заставляло античных авторов представлять эти ситуации как приближавшиеся по своему эффекту к *abrogatio*? По каким причинам прибегали они к уподоблению *magistratus*, оказавшегося в такой ситуации, *privatus* или даже прямо обозначали должностное лицо термином *privatus*? Как в каждом конкретном случае магистрат мог (если мог) восстановить свое положение и вновь добиться признания в качестве полноправного носителя публичной власти? Чтобы ответить на эти вопросы, я сосредоточусь далее на более подробном рассмотрении четырех эпизодов (по поводу которых мы располагаем относительно обширными и надежными сведениями источников), привлекая другие случаи с целью сравнительного анализа.

§2. Ἐπάρχοντα ποιήσας (Plut. *Sull.* 8.8)? Плебейский трибун П. Сульпиций Руф против консула Кв. Помпея Руфа в 88 г.¹¹⁷

Первый эпизод, который я рассмотрю подробно, касается событий 88 г. Учитывая редкость практики абrogации, неудивительно, что хронологический первый спорный случай относится к довольно позднему моменту республиканской истории. Анализ событий 88 г. с интересующей меня точки зрения осложняется необходимостью учитывать то, как более поздняя традиция, особенно греческие авторы, понимали и интерпретировали такие вопросы, как отказ признавать легитимность магистратов, политическая нейтрализация магистратов-оппонентов и узурпация власти в Риме в эпоху гражданских войн. Данный эпизод примечателен также тем, что свидетельства источников, которые можно интерпретировать как указания на лишение должности, здесь весьма косвенные, даже по сравнению с другими примерами, которые анализируются в данной главе. Несмотря на это, современная историография в значительной степени склонна интерпретировать эти косвенные свидетельства как надежные доказательства того, что имело место досрочное лишение самой магистратуры. Отчасти это связано, конечно, с состоянием наших источников (следует признать, что есть существенные затруднения в интерпретации ключевого фрагмента рукописной традиции нашего главного источника – Плутарховой биографии Суллы). Вторая причина состоит в том, что предположение об абrogации позволяет, на первый взгляд, легко согласовать между собой имеющиеся показания античных авторов. Проблема, однако, состоит уже в том, что такое допущение противоречит аргументированному выше выводу о том, что абrogация магистратур практически не засвидетельствована в период Республики.

¹¹⁷ Основные выводы по параграфу опубликованы в статье: Фролов Р.М. *Ab re publica removere*: отстранение М. Целия Руфа от должностных обязанностей в 48 г. до н.э. и проблема политической инициативы в эпоху Поздней Римской республики // Вестник древней истории. 2016. Т. 76. № 4. С. 919–937.

§2.1. Чтение фрагмента Plut. *Sull.* 8.8

В 88 г. плебейский трибун П. Сульпиций Руф¹¹⁸ вынудил консула Кв. Помпея Руфа к бегству из Рима. Как полагают многие исследователи, имела место аброгация консулата Помпея¹¹⁹. Такая интерпретация требует тщательной проверки, хотя бы потому что, как показано выше, до 43 г. надежных случаев аброгации магистратуры не обнаруживается, *abrogatio* трибунской власти до диктатора Цезаря имела место лишь однажды, а остальные случаи касаются только империя промагистратов. Хотя мы имеем возможность опереться на аргументацию предшественников, особенно Э. Линтотта, А. Кивни и М. Стоуна¹²⁰, со многими наблюдениями которых можно в целом согласиться, эти исследователи подробно не анализируют альтернативные точки зрения, их собственные выводы по поводу эпизода 88 г. могут быть существенно дополнены, а сам этот эпизод оценен по-новому благодаря, во-первых, сопоставлению с другими случаями политической нейтрализации магистратов без формального отстранения их от должности и, во-вторых, учету возможной специфики передачи Плутархом для греческой

¹¹⁸ О сомнениях по поводу того, имел ли П. Сульпиций когномен «Руф», см.: Короленков А.В. Законодательство Публия Сульпиция и особенности его социально-политического контекста // Вестник древней истории. 2015. № 3 (294). С. 30, прим. 1.

¹¹⁹ Такой позиции, не аргументируя ее, придерживаются, например, Schur W. *Das Zeitalter des Marius und Sulla*. Leipzig: Dieterich'sche Verlagsbuchhandlung, 1942. S. 133, Anm. 3; Badian E. *Lucius Sulla: The Deadly Reformer* // *Essays on Roman Culture: The Todd Memorial Lectures* / Ed. A.J. Dunston. Toronto; Sarasota: Samuel Stevens, 1976. P. 47; Levick B.M. *Sulla's March on Rome in 88 B.C.* // *Historia*. 1982. Bd. 31. P. 508; Hackl U. *Senat und Magistratur...* S. 219; Seager R. *Sulla* // *The Cambridge Ancient History*. Vol. 9: *The Last Age of the Roman Republic, 146–43 B.C.* / Ed. J.A. Crook, A. Lintott, E. Rawson. Cambridge: Cambridge University Press, 1994. P. 169; Lovano M. *The Age of Cinna: Crucible of Late Republican Rome*. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2002. P. 20. Также ср.: Chapman Ch.M. *Cicero and P. Sulpicius Rufus* (tr. pl. 88 B.C.) // *Acta Classica*. 1979. Vol. 22. P. 62; Morstein-Marx R. *Consular Appeals to the Army in 88 and 87: The Locus of Legitimacy in Late-Republican Rome* // *Consuls and Res Publica: Holding High Office in the Roman Republic* / Eds. H. Beck, A. Duplá, M. Jehne, F. Pina Polo. Cambridge: Cambridge University Press, 2011. P. 263. Об исследованиях, в которых делается попытка обосновать данный вывод, см. ниже.

¹²⁰ Lintott A.W. *The Tribunate of P. Sulpicius Rufus* // *Classical Quarterly*. 1971. Vol. 21. P. 443; Keaveney A. *What happened in 88?* // *Eirene: Studia Graeca et Latina*. 1983. Vol. 20. P. 53–86; Stone A.M. *Pro and anti: The dignitas of the Senate in 88 BC* // *Thinking like a Lawyer: Essays on Legal History and General History for J. Crook on his Eightieth Birthday* / Ed. P. McKechnie. Leiden; Boston; Köln: Brill, 2002. P. 195, n. 24.

аудитории некоторых деталей римской политической практики (такой как возможность сохранения магистратуры даже в случае лишения провинции).

Вывод о том, что Помпей Руф досрочно был лишен консульской магистратуры, базируется на единственном свидетельстве Плутарха (*Sull.* 8.8)¹²¹. В издании, подготовленном К. Циглером для *Bibliotheca Teubneriana*, текст интересующего нас фрагмента (*Sull.* 8.6–8) выглядит следующим образом:

(6) ἀπραξίας δὲ διὰ ταῦτα τῶν ὑπάτων ψηφισαμένων, ἐπαγαγὼν αὐτοῖς ἐκκλησιάζουσι περὶ τὸν νεὸν τῶν Διοσκούρων ὄχλον, ἄλλους τε πολλοὺς καὶ τὸ Πομπηίου τοῦ ὑπάτου μεράκιον ἐπὶ τῆς ἀγορᾶς ἀνεῖλεν· αὐτὸς δὲ Πομπήιος λαθὼν ἐξέφυγε. (7) Σύλλας δ' εἰς τὴν οἰκίαν τοῦ Μαρίου συνδιωχθεὶς, ἠναγκάσθη προελθὼν τὰς ἀπραξίας λῦσαι. (8) καὶ διὰ τοῦτο τὸν Πομπήιον ἀποχειροτονήσας ὁ Σουλπίκιος οὐκ ἀφείλετο τοῦ Σύλλα τὴν ὑπατείαν, ἀλλὰ τὴν ἐπὶ Μιθριδάτην στρατείαν μόνον εἰς Μάριον μετήνεγκε· καὶ πέμπει χιλιάρχους εὐθὺς εἰς Νῶλαν παραληψομένους τὸ στράτευμα καὶ πρὸς τὸν Μάριον ἄξοντας¹²².

(6) После того как по этой причине¹²³ консулы объявили неприсутственные дни¹²⁴, он (Сульпиций. – *Р.Ф.*) возбудил против них толпу, когда они проводили сходку у храма Диоскуров. Среди многих других Сульпиций убил на форуме молодого сына консула Помпея. Сам Помпей, скрывшись, бежал. (7) Сулла же, преследуемый до дома Мария,

¹²¹ Другим античным авторам этот факт неизвестен. В дошедших до нас фрагментах консульских фаст нет следов информации об отстранении консула (*Inscriptiones Italiae*. Vol. 13. *Fasti et Elogia*. Fasc. 1... P. 54–55, 482–483).

¹²² *Plutarchi Vitae parallelae* Vol. 3, Fasc. 2 / Rec. C. Lindskog, K. Ziegler. 2 ed. Lipsiae: B.G. Teubner, 1973. P. 144.

¹²³ По причине того, что Сульпиций пытался провести ряд законов, против которых выступили оба консула. Объявление неприсутственных дней делало невозможным законное голосование по поводу предложений трибуна.

¹²⁴ О том, что термин ἀπραξία обозначает здесь *scoperie feriae* (*imperativae*), а не *iustitium*, см.: Lintott A.W. *The Tribunate of P. Sulpicius Rufus*... P. 444–445, n. 4; Kunkel W., Wittmann R. *Staatsordnung und Staatspraxis*... S. 226, Anm. 435.

был вынужден выйти¹²⁵, чтобы отменить неприсутственные дни. (8) Поэтому Сульпиций, голосованием лишив Помпея должности, у Суллы консульства не отобрал, а только передал Марию командование против Митридата и немедленно послал военных трибунов в Нолу принять командование над войском и привести его к Марию.

Принципиально, что указание на аброгацию консулата Помпея Руфа (ἀποχειροτονήσας) отсутствует в рукописях. Вызывающее сомнения рукописное ἐπάρχοντα ποιήσας¹²⁶ на ἀποχειροτονήσας исправляет К. Циглер¹²⁷. Эта конъектура не является самой «экономичной»¹²⁸, но решает проблему интерпретации слова ἐπάρχοντα¹²⁹ и потому, на первый взгляд, кажется чрезвычайно удачной. Предлагается она со ссылкой на употребление Плутархом слова ἀποχειροτονέω в ряде других сочинений¹³⁰. Кроме того, более ранние издатели предлагали исправить ἐπάρχοντα ποιήσας на ἄπάρχον ποιήσας (Рейске), ἄρχοντα παύσας (приведено у Шефера и Синтениса), τῆς ἀρχῆς παύσας

¹²⁵ На форум (см., например, Plutarco: Vita di Sulla / Ed. E. Valgiglio. Torino: Accademia delle Scienze, 1954. P. 44).

¹²⁶ Drumann W., Groebe P. Geschichte Roms in seinem Übergange von der republikanischen zur monarchischen Verfassung. 2. Aufl. Bd. 4. Leipzig: Gebrüder Borntraeger, 1908. S. 317, Anm. 8 («wo jedoch die Überlieferung unsicher ist»); Plutarque: Vies. T. 6 / Eds. É. Chambry, R. Flacelière. Paris: Les Belles Lettres, 1971. P. 332 («Le texte des manuscrits est ici incertain»); Plutarco. Le Vite di Lisandro e di Silla / Eds. M.G.A. Bertinelli, M. Manfredini, L. Piccirilli, G. Pisani. Milano: Fondazione Lorenzo Valla; Arnoldo Mondadori Editore, 1997. P. 330 («la lezione dei manoscritti è di incerta lettura»); Plutarco: Vite parallele. Lisandro e Silla / Eds. L. Ghilli, F. Muccioli. Milano: Rizzoli, 2001. P. 353, n. 215 («Il testo è incerto»).

¹²⁷ Аналогично, напр.: Plutarco. Le Vite di Lisandro e di Silla / Eds. M.G.A. Bertinelli, M. Manfredini, L. Piccirilli, G. Pisani... P. 114; Plutarco: Vite parallele. Lisandro e Silla / Eds. L. Ghilli, F. Muccioli... P. 352.

¹²⁸ Hinard F. La déposition du consul de 88, Q. Pompeius Rufus, et la première prise de Rome par les armes // Id. Rome, la dernière République: recueil d'articles. Bordeaux: Ausonius Éditions, 2011. P. 175.

¹²⁹ Wosnik B. Untersuchungen zur Geschichte Sullas. Diss. Würzburg: Julius-Maximilians-Universität, 1963. S. 63.

¹³⁰ Случаи использования этого слова у Плутарха касаются греческого, а не римского контекста (либо общих рассуждений, как во фрагменте *Alc.* 43. 8). Иногда ἀποχειροτονέω обозначает именно отрешение от должности (*Lys.* 5. 2), иногда – другие ситуации (*Alc.* 43. 8 – поражение на выборах; *Mor.* 301c – отказ народа поддержать законопроект; *Nic.* 8. 2 – отказ от командования).

(Гертнер)¹³¹, а также на ἀπάρχοντα ποιήσας (Ксиландер), ἀρχῆς ἀποαύσας (Леопольд) и ἄρχοντα ἀποαύσας (Синтенис)¹³². Как видно, все эти варианты¹³³ сходны в том, что предполагают изменение смысла на прямо противоположный: Помпею Руфу не дали должность, его сместили с нее. В Loeb Classical Library и Collection Budé принято другое исправление, но с тем же эффектом: ἐπάρχοντα παύσας («отстранив от должности»)¹³⁴. В русском переводе В.М. Смирин, сделанном по изданию в Bibliotheca Teubneriana, также находим: «Помпея отрешил от должности»¹³⁵.

Предлагая конъектуру ἀποχειροτονήσας, К. Циглер опирался на выводы, представленные в диссертации Б. Возника¹³⁶. С точки зрения последнего, Плутарх подразумевает, что Сулла сохранил консулат лишь благодаря тому, что именно он по требованию Сульпиция отменил *feriae*. Следовательно, поскольку ситуация Суллы противопоставляется ситуации Помпея Руфа и Сулла сохранил консулат, то логично ожидать, что Помпея лишили консулата, так как он (в отличие от Суллы) не выполнил требования отменить *feriae*. Однако чтение ἐπάρχοντα ποιήσας предполагает не то, что у Помпея Руфа что-либо было отобрано, а что он, наоборот, кем-то стал, что-то получил¹³⁷. Можно сформулировать то же самое иначе: если Сулла отменил *feriae*, а Помпей Руф этого не сделал, то Сулла должен был пострадать меньше, чем Помпей. Если же консулат сохранили оба (как следует из дошедшего до нас текста Плутарха), но Суллу лишили командования, то это нелогично, так как Сулла в

¹³¹ Plutarchi Vitae parallelae Vol. 3, Fasc. 2 / Rec. C. Lindskog, K. Ziegler. P. 144.

¹³² Plutarch's Life of Lucius Cornelius Sulla / Ed. H.A. Holden. Cambridge: Cambridge University Press, 1886. P. 199.

¹³³ Видимо, за исключением предложенного Шефером чтения παύσας без ἐπάρχοντα (см. об этом: Plutarch's Life of Lucius Cornelius Sulla / Ed. H.A. Holden... P. 199).

¹³⁴ Plutarch: Lives. Vol. 4 / Ed. B. Perrin. Cambridge, MA: Harvard University Press; London: William Heinemann, 1916. P. 350; Plutarque: Vies. T. 6 / Eds. É. Chambry, R. Flacelière... P. 242 (ἐπάρχοντα παύσας предложено уже Муретом). Однако παύσας можно интерпретировать и в том смысле, что Сульпиций только воспрепятствовал Помпею Руфу в реализации полномочий, но не лишил его должности (см. об этом ниже).

¹³⁵ Плутарх. Сравнительные жизнеописания: в 2 т. Т. 1 / Ред. С.С. Аверинцев, М.Л. Гаспаров, С.П. Маркиш. 2-е изд. М.: Наука, 1994. С. 510.

¹³⁶ Wosnik B. Untersuchungen zur Geschichte Sullas.... S. 63; Plutarchi Vitae parallelae Vol. 3, Fasc. 2 / Rec. C. Lindskog, K. Ziegler. P. 144.

¹³⁷ Wosnik B. Untersuchungen zur Geschichte Sullas.... S. 63.

таком случае пострадал не меньше, а больше Помпея. Следовательно, текст Плутарха содержит ошибку: если Сулла сохранил консулат, то в тексте должно было указываться, что Помпей Руф, наоборот, эту должность потерял¹³⁸.

Отвергая ἀποχειροτονήσας и аналогичные по смыслу исправления, Э. Вальджильо указывал на то, что в последующем фрагменте *Sull.* 9.5 Помпей Руф прямо назван коллегой Суллы (μετὰ τοῦ συνάρχοντος)¹³⁹, а потому не мог быть отстранен¹⁴⁰. На это, в свою очередь, возражают, что хотя Сулла мог по-прежнему рассматривать Помпея Руфа в качестве коллеги, это не отменяет факта отстранения от должности, а говорит только о непризнании легальности данного действия¹⁴¹. Но если исправлять ἐπάρχοντα ποιήσας и считать, что Плутарх в пассаже *Sull.* 8.8 сообщил об отстранении Помпея Руфа, но никак не прокомментировал законность этого отстранения, то появление чуть ниже по тексту фразы о том, что Сулла действовал вместе с коллегой, вновь без всякого комментария со стороны Плутарха (причем μετὰ τοῦ συνάρχοντος даже не преподносится им как мнение кого-то из действующих лиц), как минимум требует пояснения со стороны тех, кто возражает Э. Вальджильо. Такое пояснение необходимо тем более потому, что во фрагменте *Mar.* 35.2 Плутарх, сообщая о тех же событиях, снова упоминает и бегство Помпея Руфа, и убийство его сына, но ни слова не говорит о таком важном обстоятельстве, как предполагаемое отстранение консула¹⁴². Наконец, аргумент Э. Вальджильо приобретает бóльшую доказательную силу в комплексе с другими доводами против принятия чтения ἀποχειροτονήσας или аналогичного.

¹³⁸ Ср.: Keaveney A. What happened in 88... P. 63; Stone A.M. *Pro and anti...* P. 195, n. 24.

¹³⁹ Ср. App. *BC.* 1.57: Πομπήϊος μὲν ὁ συνάρχος.

¹⁴⁰ Plutarco: *Vita di Sulla* / Ed. E. Valgiglio... P. 44. Также см.: Keaveney A. What happened in 88... P. 61.

¹⁴¹ Plutarque: *Vies.* T. 6 / Eds. É. Chambry, R. Flacelière... P. 332; Plutarco. *Le Vite di Lisandro e di Silla* / Eds. M.G.A. Bertinelli, M. Manfredini, L. Piccirilli, G. Pisani... P. 330. Ср.: Hinard F. *La déposition du consul de 88...* P. 175.

¹⁴² Эти же детали появляются в других источниках (App. *BC.* 1.56; *Per.* 77; Vell. Pat. 2.18.6), но все они молчат об отстранении Помпея Руфа (см. об этом ниже).

§2.2. Подразумевал ли Плутарх *abrogatio*? По поводу конъектуры ἀποχειροτονήσας (Plut. *Sull.* 8.8) Б. Возника – К. Циглера

Мое первое возражение сводится к наблюдению, уже приведенному выше: до 49 г. известен всего один случай (реализованной) абrogации плебейского трибуната и ни одного надежного примера абrogации магистратуры (речь не идет о формально добровольной абдикации)¹⁴³. С учетом этого выглядит сомнительным, что первый в истории Республики случай лишения магистратуры (причем сразу консулата) оказывается потерянным в результате случайной ошибки как раз в той части рукописной традиции, которая, предположительно, содержала сообщение об абrogации.

Второй аргумент связан с предыдущим и также попутно уже отмечался мной: только Плутарх сообщает об абrogации консулата Помпея Руфа, да и то лишь если мы принимаем упомянутую конъектуру, а потому возникает закономерный вопрос, оправданно ли исправление в дошедшем до нас тексте (в независимости от того, насколько удовлетворительно его чтение в имеющемся виде), если это исправление создает не просто уникальный случай в истории Республики, но такой, который парадоксальным образом остается совершенно не известным другим авторам, особенно таким близким по времени и заинтересованным комментаторам, как Цицерон¹⁴⁴. В данном

¹⁴³ Поэтому можно исключить возможность того, что отстранение Помпея Руфа оказалось в тени другого события – передачи командования в войне против Митридата от Суллы Марию (ср.: Keaveney A. What happened in 88... P. 61).

¹⁴⁴ Цицерон пишет только об умалении Сульпицием *dignitas*: «Сульпиций же, к которому до этого испытывали ту же жгучую ненависть, во время (своего) трибуната начал лишать всяческого достоинства тех, с кем раньше, будучи частным лицом, жил в теснейшей дружбе» (Cic. *De or.* 3.11: *Sulpicius autem, qui in eadem invidiae flamma fuisset, quibuscum privatus coniunctissime vixerat, hos in tribunatu spoliare instituit omni dignitate*). Даже если *dignitas* интерпретировать здесь как понятие, подразумевавшее обладание какими-то должностями, этот термин и фраза в целом имеют слишком общий характер, чтобы можно было их рассматривать в качестве надежного указания на отстранение именно от консулата и именно Помпея Руфа. Высказывание может подразумевать что угодно, в том числе умаление *dignitas* консулов в целом (угрозы и насилие по отношению к ним; ср. *invidia* по отношению к самому Сульпицию). А. Кивни предлагает рассматривать принуждение Суллы к отмене *feriae* как умаление достоинства консула (Keaveney A. What happened in 88... P. 59). Также см. употребление *honore privatus* при описании бегства консула Л.

случае *argumentum ex silentio* не может быть легко отброшен¹⁴⁵. Кроме того, сам Б. Возник признает, что в рамках его интерпретации остаются непонятными причины молчания источников (особенно там, где они сообщают о деятельности Помпея как по-прежнему «коллеги» Суллы) по поводу реакции консулов на такое необычное событие, как отстранение одного из них от должности¹⁴⁶.

Третье возражение заключается в тезисе о том, что если консульскую власть сохранили за более опасным Суллой, то отстранение Помпея Руфа не имело никакого политического смысла. Поскольку такой акт был бы первым случаем лишения магистратуры – в отличие от формально правомерного и ранее уже практиковавшегося лишения провинции/отмены пророгации империя¹⁴⁷ – его реализация только добавила бы политических очков противникам Сульпиция¹⁴⁸. Если это было политически неоправданное действие, то сложно представить, что Сульпиций и Марий совершили бы его во вред самим себе¹⁴⁹. Если же допустить, что по каким-то причинам данное

Корнелия Цинны из Рима в 87 г. (*Vir. ill.* 69. 2: ...ab Octavio collega prohibitus et honore privatus urbe profugit...). Цинна тем не менее не был формально лишен должности (см. §3 данной главы).

¹⁴⁵ Keaveney A. What happened in 88... P. 61–62.

¹⁴⁶ Wosnik B. Untersuchungen zur Geschichte Sullas.... S. 64.

¹⁴⁷ Keaveney A. What happened in 88... P. (включая п. 36). Но ср.: Steel C. The End of the Roman Republic 146 to 44 BC: Conquest and Crisis. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2013. P. 93; Santangelo F. La marcia su Roma dell'88 a.C. // L'età di Silla: atti del convegno, Istituto italiano per la storia antica / Eds. M.T. Schettino, G. Zecchini. Roma: L'Erma di Bretschneider, 2018. P. 193.

¹⁴⁸ Это верно, конечно, только в том случае, если полагать, что само по себе лишение Помпея Руфа должности не давало никаких дополнительных преимуществ трибуну в Риме, поскольку ситуацию в нем он и так контролировал.

¹⁴⁹ Поэтому неубедителен тот контраргумент, что если Сульпиций уже пошел на нарушение законности ради отмены *feriae*, то он мог пойти по этому пути и дальше. Различие в том, что объявление *feriae* определенно мешало законопроектам Сульпиция, а как таковое сохранение за Помпеем консулата – нет (немного иначе: Keaveney A. What happened in 88... P. 61). Кроме того, трибун рассматривал само объявление *feriae* как незаконное и на этом основании требовал их отмены (Keaveney A. What happened in 88... P. 61). Наконец, уже тот факт, что Сульпиций добивался формальной отмены неприсутственных дней, а не просто проигнорировал их, говорит о его неготовности пойти на такие действия, которые не могли найти хотя бы формального обоснования. Беспрецедентная аброгация консулата как раз относилась бы к таковым. (Б. Возник полагает, что обоснованием могло служить обвинение в «злоупотреблении властью», но так можно обосновать что угодно; см.: Wosnik B. Untersuchungen zur Geschichte Sullas.... S. 63) На это можно возразить, что Сульпиций мог

действие, напротив, вовсе не было политически бессмысленным и что действительно было важно лишить Помпея Руфа консулата, то почему в таком случае Сульпиций и его союзники сохранили консулат за Суллой, хотя отняли у него командование в войне против Митридата, спровоцировав тем самым ответную реакцию?

Ф. Инар предлагает такое объяснение: консулат оставили за Суллой не из «благодарности» (как следует из рассуждений Б. Возника), а потому что не хотели оставлять вакантными оба консульских места и провоцировать, таким образом, переход инициативы в руки сената. Отстранили именно Помпея Руфа, потому что он был менее опасным и вряд ли стал бы защищаться, а также потому что его сын погиб от рук сторонников Сульпиция. С другой стороны, Суллу не лишили должности по той причине, что, отобрав у него командование, его и так сделали беспомощным¹⁵⁰. На это можно возразить следующим образом: если бы оба консульских места оказывались вакантными, сенат мог бы действовать против Сульпиция не более, а скорее, наоборот, менее эффективно. При наступлении интеррегнума Сульпиций оставался бы трибуном и мог проводить законы, принуждая быстро сменяющихся интеррекссов идти ему навстречу, надо думать, не менее успешно, чем до этого принуждал консулов. Не убеждает и объяснение Ф. Инаром отстранения именно Помпея. Если Помпей был не столь опасен, то о Сулле этого сказать нельзя. Тогда почему от консулата отстранили Помпея, а не Суллу? Если опасались реакции Помпея на гибель сына, то почему не опасались реакции Суллы на гибель зятя¹⁵¹? Если ожидали мести со стороны Помпея, то почему для его нейтрализации необходимо было аннулировать магистратуру, а для нейтрализации Суллы достаточно было только отобрать у него командование? Б. Возник, доказывавший необходимость исправления на

пойти на любые нарушения, чтобы не дать своим противникам воспользоваться консульским статусом для привлечения армии и ее применения против него в самом Риме. Но мог ли Сульпиций предугадать такое развитие событий?

¹⁵⁰ Hinard F. La déposition du consul de 88... P. 177.

¹⁵¹ Дочь Суллы была замужем за погибшим сыном Помпея Руфа (*Per.* 77; *App. BC.* 1.56; *Vell. Pat.* 2.18.6).

ἀποχεῖροτονήσας, сам признает, что его интерпретация не позволяет объяснить, почему в высшей степени опасному Сулле оставили консулат, если его отобрали у Помпея¹⁵².

Таким образом, либо в сложившихся конкретных обстоятельствах консулат был политически нерелевантен, и тогда оба консула могли быть без риска¹⁵³ оставлены в должности, либо, если сам факт пребывания враждебных консулов в должности представлял существенную угрозу для Сульпиция и его союзников, тогда оба консула должны были быть отстранены. Но поскольку мы знаем, что Суллу не лишили магистратуры, то не было причин и для отстранения Помпея Руфа. Даже если исходить из того, что Сульпиций в то время должен был испытывать особую личную неприязнь по отношению именно к Помпею и такой неприязни оказалось бы достаточно для принятия каких-то решений, направленных против консула¹⁵⁴, само по себе это еще не доказывает, что Сульпиций решился именно на отстранение Помпея от должности. Кроме того, такое предположение не может подкрепить исправление текста Плутарха, поскольку оно обосновывается тем, что Помпей не отменил *feriae* и именно поэтому (διὰ τοῦτο) должен был быть отстранен от должности, а не тем, что Сульпиций испытывал личную неприязнь по отношению к Помпею по другим причинам¹⁵⁵.

На это можно возразить: сохранение консулата Суллой не доказывает, что и Помпей должен был сохранить консульство, так как у Сульпиция могло хватить сил отстранить только Помпея, но не Суллу (даже если бы он захотел лишить власти их обоих). Но даже если с этим согласиться, логика Б. Возника и следующих ему исследователей, подчеркну еще раз, требует принять в

¹⁵² Wosnik B. Untersuchungen zur Geschichte Sullas.... S. 64.

¹⁵³ Без такого риска, избавление от которого заставило бы пойти на беспрецедентную аброгацию консулата.

¹⁵⁴ См., напр., Mitchell T.N. The Volte-Face of P. Sulpicius Rufus in 88 B.C. // *Classical Philology*. 1975. Vol. 70. P. 201, n. 14; Seager R. Sulla... P. 168–169.

¹⁵⁵ Можно еще предположить, что Сулла, получая что-то взамен, договорился с Марием о лишении Помпея консулата, либо допустить в качестве причины его отстранения необходимость освободить консульское место для другого лица. Но источники, по-видимому, не позволяют это подтвердить.

качестве причины (с точки зрения Плутарха) сохранения должности Суллой и утраты должности Помпеем то, что только первый пошел Сульпицию навстречу и отменил *feriae*. Именно это допущение, и только оно, лежит в основе аргументации Б. Возником исправления рукописного текста Плутарха (без какового исправления дискуссия об отстранении Помпея закончилась бы, даже не начавшись), а вовсе не предположительно бóльшие сложности при организации абrogации консулата Суллы по сравнению с отстранением Помпея.

Наконец, четвертый аргумент может быть выдвинут с целью поставить под сомнение тезис о том, что исправление на ἀποχειροτονήσας или аналогичный по смыслу вариант требуется самой логикой пассажа, в которую ἐπάρχοντα ποιήσας, соответственно, не вписывается¹⁵⁶. В тексте Плутарха между отменой *feriae* и сохранением консулата Суллой, безусловно, есть логическая связь, но не обязательна та, которую имеет в виду Б. Возник. С практической точки зрения было совершенно не важно, кто именно отменил *feriae*. Главное, что исчезло препятствие для законопроектов Сульпиция, и «по этой причине» Суллу не лишили консулата, а «только» отобрали командование в войне против Митридата¹⁵⁷. Если, во-первых, были сняты ранее установленные препятствия, а во-вторых, консул не мог их заново установить (так как в пределах Рима он находился во власти своих оппонентов, а из-за его пределов не имел возможности повлиять на городскую политику), то понятно, что можно было обойтись без его отстранения. Однако это верно не только для консула Суллы, но и для консула Помпея.

Как мог оценить эту ситуацию Плутарх? Греческий автор не дает никакой определенной информации о том, какие последствия для Помпея Руфа имело то обстоятельство, что не он, а Сулла отменил *feriae*. То, что

¹⁵⁶ Wosnik B. Untersuchungen zur Geschichte Sullas.... S. 63: «Sinnzusammenhang»; Hinard F. La déposition du consul de 88... P. 175: «le sens général de la phrase».

¹⁵⁷ Как отмечено выше, Ф. Инар, хотя и полагает, что Помпея Руфа отстранили от должности, все же признает, что благодарность за отмену *feriae* не может быть причиной сохранения за Суллой консулата (Hinard F. La déposition du consul de 88... P. 177).

последнее должно было в изложении Плутарха подвинуть Сульпиция на наказание Помпея в большей степени, чем Суллы, является лишь догадкой Б. Возника. На это могут возразить, что текст Плутарха все же подразумевает непосредственную связь между фактом отмены *feriae* Суллой и тем, что Сульпиций предпринял по отношению к консулам неидентичные меры. Однако само по себе это не дает оснований уверенно полагать, что разница в наказании Суллы и Помпея Руфа должна была состоять именно в сохранении консулата за первым, тогда как у второго его формально отобрали голосованием комиций.

Интерпретация Б. Возника с необходимостью подразумевает, что сохранение консулата за Суллой должно было позиционироваться Сульпицием как уступка Сулле в ответ на решение последнего отменить *feriae*. Без этого допущения невозможно требовать, что Сульпиций должен был Помпея Руфа, не ставшего сотрудничать с ним, наказать больше, отобрав консулат, а Суллу меньше, сохранив за ним магистратуру. Однако это прямо противоречит замечанию самого Плутарха о том, что Сулла ставил командование в войне против Митридата выше консулата (Plut. *Sull.* 7.1). В таком случае предполагаемая уступка Сульпиция, с точки зрения Суллы, выглядела бы издевательством.

Наконец, замечание Плутарха о том, что у Суллы не отобрали консулат (οὐκ ἀφεῖλετο), действительно, говорит о том, что греческий автор рассматривал угрозу отстранения Суллы от этой магистратуры как реальную. Однако это еще не доказывает, что если Плутарх противопоставлял ситуацию Суллы положению Помпея, то он полагал, что в случае со вторым угроза абrogации оказалась реализована¹⁵⁸.

¹⁵⁸ Ср.: Wosnik B. Untersuchungen zur Geschichte Sullas.... S. 63. М. Стоун высказывал точку зрения, сходную с тем, о чем писал Б. Возник: ясное указание Плутарха на то, что Сулла не лишился консулата, подтверждает, что в предшествующей фразе должно было говориться о такой мере в отношении Помпея (Stone A.M. *Pro and anti...* P. 195, n. 24). Однако М. Стоун доказывает только то, что Плутарх писал об отстранении, но сам исследователь считает это неточностью (ставит слово «*deposition*» в кавычки) и полагает, что в действительности имело место только блокирование трибуном исполнения консулом своих полномочий.

§2.3. Ἐπάρχοντα ποιήσας как указание на предшествующую ситуацию

Если исправление Ἐπάρχοντα ποιήσας на ἀποχειροτονήσας или идентичный по смыслу вариант должно быть отвергнуто по указанным выше причинам, то предложенный Э. Вальджильо перевод фразы Ἐπάρχοντα ποιήσας (исследователь сохраняет это чтение) как «оставил» в должности, т.е. позволил ее дальше удерживать («Sulpricio lasciò in carica Pompeo (ποιέω с 2 асс.)») ¹⁵⁹, кажется неочевидным и, скорее, представляет собой интерпретацию, чем перевод. Однако можно предложить еще несколько подходов, которые приводят к выводу о том, что пассаж *Sull.* 8.8 не доказывает факта абrogации консулата Помпея Руфа ¹⁶⁰.

Первый из этих подходов заключается в буквальном понимании Ἐπάρχοντα ποιήσας как указания на то, что Сульпиций «сделал» Помпея Ἐπάρχων. В зависимости от понимания смысла Ἐπάρχοντα в данном пассаже ¹⁶¹

Таким образом, согласно М. Стоуну, никакого отстранения на самом деле не было, с чем вполне можно согласиться.

¹⁵⁹ Plutarco: Vita di Sulla / Ed. E. Valgiglio... P. 44. Эта интерпретация упомянута в изданиях: Plutarque: Vies. T. 6 / Eds. É. Chambry, R. Flacelière... P. 332 («laissa Pompeius en charge»); Plutarco. Le Vite di Lisandro e di Silla / Eds. M.G.A. Bertinelli, M. Manfredini, L. Piccirilli, G. Pisani... P. 330 («lasciò Q. Pompeo Rufo in carica»); Vite parallele. Lisandro e Silla / Eds. L. Ghilli, F. Muccioli... P. 353, n. 215 («avendolo lasciato in carica»); Hinard F. La déposition du consul de 88... P. 175 («laissa Pompeius en charge»).

¹⁶⁰ Кроме того, еще А. Кине рассматривал (со ссылкой на предшественника) возможность того, что речь идет не о консуле Кв. Помпее Руфе, а о проконсуле Гн. Помпее Страбоне. В таком случае Ἐπάρχοντα ποιήσας обозначало бы продление провинции проконсула (Kiene A. Der römische Bundesgenossenkrieg. Leipzig: Teubner, 1845. S. 257–258). Однако кажется маловероятным, что в одном пассаже Плутарх подразумевает двух разных лиц с именем Помпей. Кроме того, неясно, почему в середине рассказа о бегстве Помпея Руфа и Суллы появляется информация о продлении полномочий Помпея Страбона. В любом случае, из этой версии также следовало бы, что Помпей Руф не был отстранен от консулата.

¹⁶¹ Это слово в интересующем нас фрагменте вызывает затруднения, что отмечают: Plutarch's Life of Lucius Cornelius Sulla / Ed. H.A. Holden... P. 199; Wosnik B. Untersuchungen zur Geschichte Sullas.... S. 63. Также ср.: Mommsen Th. Römisches Staatsrecht. Bd. I. S. 601, Anm. 1. Плутарх, как и другие греческие авторы, часто употребляет ἑπάρχος для обозначения римских префектов (*Cic.* 38.4; *Galb.* 8.2; 13.1; *Oth.* 7.4; 18.3). Подробнее см.: Magie D. De romanorum iuris publici sacrique vocabulis sollemnibus in graecum sermonem conversis. Lipsiae: B.G. Teubner, 1905. P. 25–27; Mason H.J. Greek Terms for Roman Institutions... P. 45, 138–140.

возможны, в свою очередь, как минимум две интерпретации в рамках этого подхода.

Ἐπάρχοντα можно попытаться интерпретировать как нетехнический термин, указывающий на консулат (или скорее на власть вообще, следовательно, на власть Помпея как консула). Ποίησας не обязательно подразумевает действие, последовавшее за бегством консулов, а может относиться к факту из более отдаленного прошлого: «Сам Помпей, скрывшись, бежал. Сулла... был вынужден... отменить неприсутственные дни. Поэтому Сульпиций, [когда-то] сделавший Помпея консулом, не отобрал консульство у Суллы, а только передал Марию командование против Митридата». Можно ли выделить какой-то период времени, для которого утверждение о том, что Сульпиций предоставил власть Помпею Руфу (а не отобрал ее), становилось бы уместным?

Вопрос о консульских выборах на 88 г., о мотивах, союзах и конфликтах основных участников политической борьбы в этот период является предметом дискуссии¹⁶². Для нас важны лишь несколько деталей. Во-первых, Сульпиций находился в тесных дружеских отношениях с Помпеем Руфом, которые прервались лишь в какой-то момент после вступления Сульпиция в должность трибуна и после избрания Помпея консулом¹⁶³. Во-вторых, кандидаты Сулла и Помпей Руф участвовали в выборах в союзе друг с другом¹⁶⁴. В-третьих,

¹⁶² Luce T.J. Marius and the Mithridatic Command // *Historia*. 1970. Bd. 19. P. 161–194; Lintott A.W. The Tribunate of P. Sulpicius Rufus...; Mitchell T.N. The Volte-Face...; Katz B.R. Caesar Strabo's Struggle for the Consulship and More // *Rheinisches Museum für Philologie*. 1977. Bd. 120. P. 45–63; Keaveney A. Sulla, Sulpicius and Caesar Strabo // *Latomus*. 1979. T. 38. P. 451–460; 1983; Powell J.G.F. The Tribune Sulpicius // *Historia*. 1990. Bd. 39. P. 446–460; Seager R. Sulla... P. 165–169; Stone A.M. *Pro and anti...*; Лапыренко Р.В. Гай Марий и Публий Сульпиций // *Studia historica*. 2004. Вып. 4. С. 62–74; Короленков А.В., Смыков Е.В. Сулла. М.: Молодая гвардия, 2007. С. 166–176; Heftner H. Der Streit um das Kommando im Krieg gegen Mithridates (Diodorus Siculus 37,2,12) und die versuchte Konsulatskandidatur des C. Iulius Caesar Strabo // *Tyche*. 2008. Bd. 23. S. 79–100.

¹⁶³ Cic. *De amic.* 2: cum is tribunus plebis capitali odio a Q. Pompeio, qui tum erat consul, dissideret, quocum coniunctissime et amantissime vixerat; cp. *De or.* 3.11; Mitchell T.N. The Volte-Face... P. 198; Stone A.M. *Pro and anti...* P. 194, 207–208; также cp.: Luce T.J. Marius and the Mithridatic Command... P. 190–194.

¹⁶⁴ *Per.* 77; App. *BC.* 1.56; Vell. Pat. 2.18.6; см.: Katz B.R. Caesar Strabo's Struggle... P. 48, 55; Короленков А.В., Смыков Е.В. Сулла... С. 170.

Сульпиций выступил против кандидатуры эдила Г. Юлия Цезаря Страбона, используя все доступные ему средства, включая применение силы¹⁶⁵. Поскольку в борьбе за консульское место патриций Цезарь Страбон напрямую конкурировал с патрицием Суллой¹⁶⁶, выступление Сульпиция против первого означало поддержку второму. Конечно, само по себе это не доказывает, что Сульпиций тем самым увеличивал шансы и Помпея Руфа (которому конкурировать с Цезарем Страбоном было ненужно). Но ничего не мешает предположить, что, оказав содействие Сулле, Сульпиций поддержал еще и Помпея Руфа – союзника Суллы и своего собственного друга¹⁶⁷. Таким образом, Плутарх действительно мог иметь некоторые основания написать о том, что Сульпиций «сделал» своего друга Помпея Руфа консулом, допустив преувеличение и технически неверное описание, так как консула избирал, конечно, народ. В таком случае, рассказывая о событиях времени конфликта Сульпиция с Суллой и Помпеем Руфом, греческий автор для достижения риторического эффекта мог припомнить более раннюю ситуацию, когда Сульпиций, наоборот, фактически способствовал их избранию в консулы.

Появление в пассаже *Sull.* 8.8 неожиданной (в контексте рассказа о жесточайшем конфликте и с учетом в целом явно негативной оценки Сульпиция у Плутарха) информации о каких-то благодеяниях Сульпиция по отношению к Помпею может объясняться тем, что фраза, в которой она содержится, основывается на источнике, оправдывавшем действия трибуна. С этой точки зрения все кажется вполне логичным: одному трибун когда-то обеспечил консулат, а у другого консулат не отобрал, но только передал

¹⁶⁵ Cic. *Har. resp.* 43; *Brut.* 226; *Asc.* 25C; *Quint. Inst.* 6.3.75. Впрочем, некоторые исследователи необудительно аргументируют, что противодействие Сульпиция Цезарю Страбону имело место в связи с выборами на 87, а не 88 г. (возражения против этой интерпретации см.: Лапыренко Р.В. Гай Марий и Публий Сульпиций... С. 63–64; также ср.: Heftner H. *Der Streit um das Kommando...* S. 83–87).

¹⁶⁶ См., напр.: Seager R. *Sulla...* P. 166; Stone A.M. *Pro and anti...* P. 202.

¹⁶⁷ Mitchell T.N. *The Volte-Face...* P. 201; Keaveney A. *Sulla...* P. 455; Keaveney A. *Sulla: The Last Republican...* P. 47; Короленков А.В., Смыков Е.В. Сулла... С. 174–175; Heftner H. *Der Streit um das Kommando...* S. 96–97; Короленков А.В. Законодательство Публия Сульпиция... С. 41.

провинцию другому лицу, хотя мог лишить не только провинции, но и консулата. Исследователи полагают, что в целом текст Плутарха сильно зависит от мемуаров Суллы, но также признают, что некоторые детали почерпнуты греческим автором из других источников, часто характеризующихся как «промарианские»¹⁶⁸. Даже в рамках одного пассажа у Плутарха могут соседствовать детали, происходившие из источников, совершенно по-разному оценивавших события¹⁶⁹. Этим могут объясняться некоторые явные противоречия. Само же существование альтернативной версии событий засвидетельствовано хотя бы тем, что Цицерон говорит о циркулировавших в его время речах, приписывавшихся Сульпицию (*Brut.* 205).

Эта интерпретация привлекательна по крайней мере тем, что не требует конъектур, но и она сталкивается с серьезными проблемами, которые препятствуют ее принятию. Обозначу две из них. Во-первых, даже если упоминание о том, что Сульпиций когда-то способствовал избранию Помпея консулом, объяснять тем, что фрагмент *Sull.* 8.8 испытал на себе влияние традиции, оправдывавшей и объяснявшей действия Сульпиция, сведения о прошлых услугах Сульпиция Помпею по-прежнему не вписываются в текст (если исходить из того, что после διὰ τοῦτο должна идти речь о том, что произошло после столкновения трибуна и консулов, а не до этого)¹⁷⁰. При этом отсутствуют детали, которые дали бы однозначно понять, что ἐπάρχοντα ποίησας относится к более ранним событиям.

¹⁶⁸ Valgiglio E. L'autobiografia di Silla nelle biografie di Plutarco // Gli storiografi latini tramandati in frammenti: Atti del convegno (Urbino, 9–11 maggio 1974) / Eds. S. Boldrini, C. Questa, S. Lanciotti, R. Raffaelli. Urbino: Università di Urbino, 1975. P. 263–270; Scardigli B. Die Römerbiographien Plutarchs: Ein Forschungsbericht. München: C.H. Beck, 1979. S. 89–91; Powell J.G.F. The Tribune Sulpicius... P. 454–456; Plutarco. Le Vite di Lisandro e di Silla / Eds. M.G.A. Bertinelli, M. Manfredini, L. Piccirilli, G. Pisani... P. 330; Keaveney A. Silla. Introduzione // Plutarco: Vite parallele. Lisandro e Silla / Eds. L. Ghilli, F. Muccioli. Milano: Rizzoli, 2001. P. 247–249.

¹⁶⁹ Valgiglio E. Sulla legislazione di P. Sulpicio Rufo (88 a.C.) // Rivista di Studi Classici. 1967. Vol. 15. P. 164, n. 3; Lintott A.W. The Tribunate of P. Sulpicius Rufus... P. 442–444.

¹⁷⁰ Ср., напр.: Plutarco. Le Vite di Lisandro e di Silla / Eds. M.G.A. Bertinelli, M. Manfredini, L. Piccirilli, G. Pisani... P. 329.

Во-вторых, при такой интерпретации слово ἐπάρχοντα должно указывать на консулат, но других примеров его употребления в данном значении, насколько я могу судить, не обнаруживается (для его иллюстрации в словарях дается ссылка как раз на *Sull.* 8.8)¹⁷¹. Это можно попытаться объяснить тем, что Плутарх стремился избежать повтора ὑπατεία либо намеренно выбрал неточный термин ἐπάρχοντα для обозначения магистратуры Помпея, поскольку не имел в виду буквально, что Сульпиций собственным решением «сделал» Помпея консулом (в техническом смысле это делали комиции), а только указывал на поддержку Сульпицием кандидатуры Помпея. Но тогда не вполне ясно, почему Плутарх не использовал здесь более стандартную замену для ὑπατεία/ὑπατεύειν¹⁷².

§2.4. Ἐπάρχοντα παύσας как указание на лишение provincia

Больше оснований для понимания термина ἐπάρχοντα как указания на управление провинцией¹⁷³. Но почему Сульпиций, лишивший Суллу провинции и принудивший Помпея к бегству, должен был позаботиться о предоставлении провинции последнему¹⁷⁴?

¹⁷¹ Wosnik B. Untersuchungen zur Geschichte Sullas.... S. 63, Anm. 2; Plutarco. Le Vite di Lisandro e di Silla / Eds. M.G.A. Bertinelli, M. Manfredini, L. Piccirilli, G. Pisani... P. 1997, 331.

¹⁷² Напр., ἀρχή/ἄρχειν (Plut. *Pyrrh.* 21.1; *Cat. Min.* 21.3; Mason H.J. *Greek Terms for Roman Institutions*... P. 110–111).

¹⁷³ Прилагательное ἐπαρχικός может использоваться Плутархом в значении «относящийся к провинции» (например, Plut. *Cic.* 36), существительное ἐπαρχία – для обозначения провинции (Plut. *Caes.* 4). Подробнее см.: Magie D. *De romanorum iuris*... P. 27; Mason H.J. *Greek Terms for Roman Institutions*... P. 45. Также ср.: *Roman Statutes* / Ed. M.H. Crawford... P. 268.

¹⁷⁴ Я имею в виду предоставление провинции действующему консулу. Дж. Никколини рассматривал ἐπάρχοντα как обозначение «проконсульского империя» (*imperium proconsolare*) или «проконсульской власти» (*potere proconsolare*), которую Сульпиций, предложив соответствующий закон, предоставил (Дж. Никколини сохраняет чтение ποιήσας) Помпею Руфу (Niccolini G. *I fasti dei tribuni della plebe*. Milano: Giuffrè, 1934. P. 231–232). Однако далее ученый пишет, что Сульпиций сначала должен был отнять у Помпея консулат, а уже потом сделал его проконсулом, приняв соответствующий закон. А. Кивни, критикуя эту точку зрения, отмечал отсутствие всяких оснований для вывода о том, что Сульпиций в качестве компенсации за отобранную магистратуру предоставил Помпею Руфу проконсульскую власть (Keaveney A. *What happened in 88*... P. 61, n. 31). Действительно, если, по мнению Дж. Никколини, ἐπάρχοντα ποιήσας означает «предоставил

Однако в историографии можно встретить идею о том, что Плутарх имел в виду лишение Помпея Руфа провинции¹⁷⁵. Данная интерпретация кажется убедительнее, чем предположение об абrogации консулата, но поскольку при таком прочтении все же требуется конъектура (например, возврат к варианту ἐπάρχοντα παύσας), то необходимо развернутое обоснование¹⁷⁶.

Итак, какую-то провинцию Помпею Руфу назначили, если исходить из того, что для обоих консулов они были определены еще до выборов на основании *lex Sempronia de provinciis consularibus*¹⁷⁷. Другие источники ничего не говорят ни о самом лишении Помпея Руфа провинции, ни о том, кому она была передана (сведений об этом можно ожидать хотя бы в связи с тем, что сообщается о провинции другого консула). Аппиан отмечает, что после победы Суллы и взятия им Рима Помпей Руф получил по решению народа Италию и армию, которой по-прежнему командовал Помпей Страбон (App. BC. 1.63). Валерий Максим пишет, что после взятия Рима Помпей Руф отправился к армии Помпея Страбона по приказу сената (а не народа) и что на тот момент Помпей Страбон удерживал командование уже какое-то время незаконно (если именно так понимать *invita civitate*). Последнее, возможно, указывает на то, что наделение Помпея Руфа провинцией (на место Страбона)

проконсульскую власть», то чем аргументируется тогда вывод об отстранении Помпея от консулата? Только фраза ἐπάρχοντα παύσας могла (после соответствующих исправлений) претендовать на роль подтверждения. Убийство сына Помпея Руфа, принуждение консула к бегству и абrogация его магистратуры плохо увязываются с предоставлением ему после этого проконсульской власти. Наконец, следует согласиться с критикой со стороны А. Кивни предположения Дж. Никколини о том, что на место Помпея консулом избрали Альбинована. Последний назван высшим должностным лицом в тексте Флора, но при таком его прочтении и Сульпиций неизбежно оказывается консулом (Flor. 2.9.7: *consules Sulpicius et Albinovanus obieciissent*; см.: Keaveney A. What happened in 88... P. 61, n. 31).

¹⁷⁵ Kiene A. Der römische Bundesgenossenkrieg... S. 258; Drumann W., Groebe P. Geschichte Roms... S. 317, Anm. 8; Plutarch: Roman Lives. A Selection of Eight Lives / Eds. R. Waterfield R., P.A. Stadter. Oxford: Oxford University Press, 1999. P. 474; Keaveney A. Sulla: The Last Republican. 2nd ed. London; New York: Routledge, 2005. P. 50.

¹⁷⁶ А. Кивни рассматривает варианты согласования сведений Аппиана и Валерия Максима о наделении Помпея Руфа провинцией после взятия Рима (см. ниже), но он не связывает этот момент с вопросом о том, лишил ли Сульпиций Помпея Руфа провинции (Keaveney A. What happened in 88... P. 83–84).

¹⁷⁷ Лапыренко Р.В. Гай Марий и Публий Сульпиций // *Studia historica*. 2004. Вып. 4. С. 67. Согласно Аппиану (BC. 1.55), Сулла получил провинцию по жребию. Следовательно, так же по жребию другую провинцию должен был получить его коллега.

произошло уже ранее, до похода Суллы на Рим, а теперь речь шла о подтверждении этого решения (Val. Max. 9.7.ext. 2)¹⁷⁸ либо его корректировке (замене провинции)¹⁷⁹. Версию Валерия Максима (провинцию предоставил сенат) следует, видимо, предпочесть¹⁸⁰. Кроме прочего, она лучше согласуется с представлением о том, что ранее народ уже предоставил эту провинцию Помпею Руфу, избрав его консулом, а теперь (ввиду признания незаконными всех мероприятий Сульпиция, включая решение о передаче провинции Помпея Руфа другому лицу) достаточно было постановления сената. Так или иначе, сообщения о наделении Помпея провинцией после взятия Рима могут служить косвенным доказательством того, что Сульпиций ранее отобрал провинцию у Помпея.

В качестве другого косвенного подтверждения уместно упомянуть то обстоятельство, что Сульпиций Руф мог побывать в свое время легатом Помпея Страбона¹⁸¹. Если провинция последнего предназначалась Помпею Руфу уже при избрании его консулом¹⁸², то Сульпиций просто оставил ее в руках еще управлявшего ею Помпея Страбона, с которым был тесно связан. Этим можно объяснить тот факт, что Плутарх ничего не говорит о передаче Сульпицием провинции Помпея Руфа какому-то другому лицу (впрочем, это может быть следствием концентрации внимания Плутарха на Сулле). Наконец, Сульпиций и Помпей Страбон не обязательно должны были находиться в каких-то тесных дружеских отношениях, для того чтобы Сульпиций отменил передачу провинции Помпея Страбона Помпею Руфу.

¹⁷⁸ Kiene A. Der römische Bundesgenossenkrieg... S. 258, Anm. 2.

¹⁷⁹ Keaveney A. What happened in 88... P. 83. Также ср.: Steel C. The End of the Roman Republic... P. 94, n. 57.

¹⁸⁰ Kiene A. Der römische Bundesgenossenkrieg... S. 258, Anm. 2; Rotondi G. *Leges publicae*... P. 345; Gelzer M. Cn. Pompeius Strabo und der Aufstieg seines Sohnes Magnus // *Kleine Schriften*. Bd. 2. Franz Steiner Verlag, 1963. S. 120–121; Keaveney A. What happened in 88... P. 83–84; Ferrary J.-L. 2007: Rogatio Cornelia relevant de son commandement le proconsul Cn. Pompeius Strabo au profit du consul Q. Pompeius // *Leges Populi Romani* / Eds. J.-L. Ferrary, P. Moreau. Paris: IRHT-TELMA, 2007. URL: <https://telma.irht.cnrs.fr/outils/lepor/notice147/> (дата обращения: 19.02.2026).

¹⁸¹ Источники см.: Gelzer M. Cn. Pompeius Strabo... S. 115, 120.

¹⁸² Но ср.: Keaveney A. What happened in 88... P. 83.

Таким образом, оба консула 88 г. сохранили магистратуру, но были лишены провинций.

Сохранение консулата не давало Сулле и Помпею никаких преимуществ в сфере *domi*, поскольку ситуацию в городе на практике контролировали Сульпиций и Марий. Лишить консулов свободы маневра еще и в сфере *militiae* можно было формально лишив их командования (провинций), что и было сделано. При этом риск того, что консулы, воспользовавшись своим положением, вернут контроль над армиями вопреки решению властей в Риме, и тем более риск того, что они пойдут на сам Город с оружием в руках, либо не был учтен¹⁸³, либо просто не мог быть парирован, даже если Сульпицию и Марию он был уже очевиден.

Если принять эту интерпретацию и, например, исправление *ἐπάρχοντα παύσας*, то текст Плутарха можно понять следующим образом: «Поэтому Сульпиций, лишив Помпея провинции, у Суллы консульства не отобрал, а только передал Марию командование против Митридата». Но немедленно возникает серьезная проблема: при таком прочтении текст совершенно нелогичен. В частности, если оба консула были лишены провинции и более с ними ничего не произошло, то зачем Плутарху понадобилось дополнительно подчеркнуть, что Сулла сохранил консулат? Однако именно в этом противоречии можно усмотреть ключ к пониманию того, что мог иметь в виду херонеец. Попытаемся представить, как приведенную выше реконструкцию событий (согласно которой оба консула были лишены провинций, но никто из них не утратил саму должность) мог описать греческий автор.

¹⁸³ Однако Сулла, даже оставаясь консулом, не без труда получил поддержку армии, о максимально быстром получении контроля над которой Сульпиций все же позаботился.

§2.5. Ἐπάρχοντα παύσας как нетехническое описание блокирования
П. Сульпицием Руфом реализации Кв. Помпеем Руфом консульских
полномочий

Прежде всего следует еще раз отметить, что фраза οὐκ ἀφεΐλετο..., ἀλλὰ... μόνον может быть вполне самостоятельной: Сулла не утратил консулата, но утратил провинцию. Действительно, противопоставление с предыдущей фразой по-прежнему не исключено (у Помпея отобрали консулат, а у Суллы нет), однако оно не является необходимым. Если это так, то все варианты реконструкции фразы о Помпее остаются возможными (включая те, согласно которым об утрате магистратуры Помпеем Плутарх не сообщал).

Далее следует исключить вероятность того, что Плутарх недооценивал или не понимал уникальности досрочного лишения должности для республиканской политической практики и, мягко говоря, проблематичности такого акта с римской точки зрения. Судя по описанию Плутархом абrogации трибуната М. Октавия в 133 г. (*Ti. Gracch.* 11–12, 15), кажется обоснованным предположение о том, что, если бы греческий автор действительно сообщал об абrogации консулата Помпея голосованием комиций, то он сопровождал бы это каким-то комментарием. Однако ничего подобного нет ни в жизнеописании Суллы, ни в жизнеописании Мария (при этом сохранность соответствующей части текста последнего не вызывает сомнений). Уже поэтому Плутарх вряд ли имел в виду абrogацию магистратуры Помпея Руфа. Но как тогда объяснить его замечание о том, что Сулла не был лишен консулата? На мой взгляд, фраза о том, что Сульпиций не лишил Суллу консулата, а отобрал у него лишь командование в войне против Митридата, не только выглядит вполне законченной и самодостаточной, но и представляет собой специальное пояснение Плутархом для своих читателей самой возможности такого сочетания. Действительно, то, что римский консул в эпоху Республики мог быть отстранен от командования (в сфере *militiae*), но по-прежнему сохранять всю полноту власти в городе Рима (или сфере *domi*), не обязательно было

очевидным греческому читателю Плутарха. Но если в предшествующей фразе о Помпее Руфе не заключалось утверждения об аброгации, то что могло в ней содержаться, если все-таки исходить из того, что херонеец каким-то образом противопоставлял ситуацию Помпея ситуации Суллы?

Можно предположить, что Плутарх усмотрел в отмене *feriae* Суллой, в факте достижения им определенных договоренностей (пусть и вынужденных) с Марием и Сульпицием и, наконец, в том обстоятельстве, что Сулла спокойно покинул Рим, явно иную ситуацию, чем та, в которой оказался Помпей. Сулла продолжил реализовывать консульские полномочия в Городе (по крайней мере формально и на короткий промежуток времени), так как он объявил об отмене *feriae*. Помпей же был вынужден бежать из Рима. Плутарх дал точное описание конституционного положения Суллы после того, как его лишили провинции: он сохранил консулат, но потерял командование. Для описания положения Помпея Плутарху понадобилось подобрать какую-то формулировку, чтобы показать, что этот консул не только утратил провинцию (как Сулла), но и не имел возможности воспользоваться своей властью в городе Рима. Греческий автор мог использовать ἐπάρχοντα παύσας или похожую фразу для описания такой ситуации. Нет серьезных оснований полагать, что Плутарх отмечал что-то более конкретное, чем то, что Помпей «был лишен власти», а последнее, в свою очередь, может означать что угодно. Если Плутарх употребил какую-то фразу с общим и не претендующим на техническую точность смыслом «Помпей утратил всякую власть», то это никак не требует от нас признания того, что греческий автор имел в виду именно аброгацию голосованием комиций, а не, например, сочетание формального лишения Помпея провинции и фактической (в результате применения силы, а не в результате аброгации) утраты им власти консула в городе (что в определенный момент отличало его ситуацию от ситуации Суллы). Таким образом, если принять эту интерпретацию, то сообщение Плутарха можно понять следующим образом: «Поэтому Сульпиций, лишив

Помпея власти, у Суллы консульства не отобрал, а только передал Марию командование против Митридата».

Если иметь в виду все сказанное выше, то нет необходимости вслед за Э. Линтоттом усматривать ошибку у Плутарха, который якобы сообщал об аброгации консулата Помпея Руфа. Сходным образом М. Стоун поспешно, на мой взгляд, сделал вывод о том, что пассаж представляется «технически неточным», поскольку «подразумевает, что Сулла *мог* (курсив М. Стоуна. – Р. Ф.) быть лишен непосредственно консулата» («technically loose in implying that Sulla *could* have been deprived of his consulate outright»). И Э. Линтотт, и М. Стоун сами привели (но, на мой взгляд, недооценили) альтернативную интерпретацию, которая к тому же может объяснить употребление необычного слова ἐπάρχοντα. Э. Линтотт полагал, что источник Плутарха сообщал о том, что Сульпиций «препятствовал Помпею в фактической реализации его полномочий». М. Стоун сделал следующий шаг: с его точки зрения, сообщение Плутарха кажется верным в той части, где говорится о том, что Сульпиций остановил ἐπάρχοντα Помпея («Plutarch's report seems accurate in its reference to Sulpicius' stopping Pompeius ἐπάρχοντα»)¹⁸⁴. Как отмечалось выше, термин ἐπάρχοντα не используется для обозначения консулата. Но если так, то в нашем фрагменте он применен потому, что Плутарх и не имел в виду формальное отстранение от этой магистратуры. Вместо этого греческий автор, говоря общими словами о «лишении Помпея власти», подразумевал только ограничение фактической реализации полномочий консула в городе Риме (возможно, херонеец мог учитывать и лишение провинции). В таком случае употребление нестандартного термина ἐπάρχοντα не является проблемой, поскольку объясняется редкостью самой ситуации, когда консул оказывался не в состоянии реализовывать полномочия в Риме.

Дополнительное подтверждение интерпретации М. Стоуном смысла слова ἐπάρχοντα в интересующем нас контексте можно обнаружить, если

¹⁸⁴ Lintott A.W. The Tribune of P. Sulpicius Rufus... P. 443; Stone A.M. *Pro and anti...* P. 195, n. 24.

сопоставить случай Помпея с другой ситуацией, по поводу которой сохранилось свидетельство Плутарха и в которой тоже имело место блокирование фактической реализации магистратских полномочий (а не лишение самой магистратуры). Речь идет об отстранении плебейского трибуна Кв. Цецилия Метелла от должностных обязанностей в 62 г. Об этом сообщает Светоний (Suet. *Iul.* 16: *administratione rei publicae decreto patrum submoverentur*), а Плутарх дополняет его свидетельство замечанием о том, что Катон так и не допустил того, что можно интерпретировать как формальное лишение Метелла должности (Plut. *Cat. Min.* 29: τὴν σύγκλητον ὥρμημένην ἀτιμοῦν καὶ ἀποψηφίζεσθαι τὸν Μέτελλον οὐκ ἔασας)¹⁸⁵. Причем для обозначения последнего Плутарх применяет гл. ἀποψηφίζεσθαι – по существу аналог ἀποχειροτονεῖν, который предлагают Б. Возник и К. Циглер для пассажа о Помпее Руфе. Таким образом, греческий автор, видимо, понимал различие между лишением должности, которое в случае с Метеллом так и не наступило, и только блокированием фактической реализации полномочий, которое действительно имело место в 62 г.¹⁸⁶

§2.6. Отстранение от должностных обязанностей вместо *abrogatio*: Плутарх и политическая практика Римской республики

Эта последняя интерпретация представляется наиболее приемлемой. Но поскольку в нашем распоряжении ограниченное число аргументов (в основном косвенных), вряд ли есть основания для полного исключения пессимистического вывода о том, что фрагмент безнадежно испорчен. Если принять такое заключение, рассматриваемый пассаж не может быть использован для каких-либо предположений по поводу того, что именно

¹⁸⁵ Подробнее см. §4 данной главы.

¹⁸⁶ Ср. употребление Плутархом (*Ti. Gracch.* 15.5) ἀποψηφίζεσθαι для описания абrogации трибуната М. Октавия в 133 г. Также ср. Cass. Dio 42.23.3: οὐδὲν ἐκ τούτου τῷ Καίλιῳ ὥς καὶ στρατηγούντι πρᾶξαι ἐφῆκεν (консул П. Сервилий Исаврийский препятствует претору М. Целию Руфу исполнять обязанности магистрата в 48 г.; подробнее см. §5 данной главы).

Сульпиций совершил по отношению к Помпею: рукописное чтение не дает удовлетворительного смысла, а исправление на ἀποχειροτονήσας или аналогичное безосновательны, учитывая как контекст событий 88 г., так и то, что мы знаем о практике абrogации магистратур в Римской республике. Но если этот пассаж вообще исключить из рассмотрения, других сообщений о лишении Помпея консулата не остается, но зато в нашем распоряжении по-прежнему сохраняются указания (в том числе самого Плутарха: *Sull.* 9.5) на деятельность Помпея Руфа в качестве полноправного магистрата даже после столкновения с Сульпицием и бегства из Рима¹⁸⁷. Принятие пессимистичного подхода тоже приводит к выводу о том, что Помпей не был лишен должности.

Даже если нет уверенности в том, что именно подразумевал греческий автор¹⁸⁸, представляется, что Э. Линтотт и М. Стоун верно определили тот минимум положительной информации, который мы все же можем извлечь из текста Плутарха, если попытаемся интерпретировать, а не игнорировать его (предполагая, что греческий автор все перепутал): фактическая реализация консулами полномочий в Риме оказалась невозможной. До того как Сулла, покинув Город, сумел повернуть ход событий в свою пользу, он, лишившись (неформально) возможности действовать в Риме как консул, т.е. утратив реальную политическую инициативу в сфере *domi*, вдобавок потерял (но уже официально) и провинцию в сфере *militiae*. И его положение, и положение Помпея Руфа на практике было почти эквивалентно отстранению от консулата даже без самого формального акта его аннулирования. Практическое применение консульской власти попытались заблокировать не только в сфере

¹⁸⁷ Ф. Инар, хотя полагает, что консул Помпей Руф был лишен должности, убедительно демонстрирует, что после бегства из Рима (т.е. сразу после предполагаемого отстранения) консулы формально действовали во всем совместно (Hinard F. *La déposition du consul de 88...* P. 175–176; также см.: Santangelo F. *La marcia su Roma dell'88 a.C....* P. 198–200). Активность Помпея Руфа в качестве полноправного консула никак в источниках не комментируется, хотя мы вправе ожидать каких-то высказываний по этому поводу, если бы имела место попытка абrogации (т.е. непризнание консула хотя бы одной из сторон конфликта). Данное противоречие признается Б. Возником, но исследователь не предлагал никакого решения (Wosnik B. *Untersuchungen zur Geschichte Sullas....* S. 64).

¹⁸⁸ Keaveney A. *What happened in 88...* P. 62.

domi (путем применения силы), но и в сфере militiae (за счет формального решения о передаче провинции другому лицу). Это вполне могло послужить основой для какого-то утверждения Плутарха по поводу мероприятий Сульпиция, направленных на нейтрализацию Помпея. Хотя мы не можем быть полностью уверены в том, как именно выглядело это утверждение, нет убедительных причин полагать, что упоминалось голосование народа об отстранении Помпея Руфа от консулата. Как теперь видно, ситуация 88 г. находит весьма близкие параллели в целом ряде других эпизодов, в которых тоже слишком поспешно предполагают иногда аброгацию магистратуры.

§3. Prohibitus et honore privatus urbe profugit: Консул Л. Корнелий Цинна в 87 г.¹⁸⁹

Показателен факт того, что перспектива отстранения консула от исполнения полномочий стала возникать чаще. Л. Корнелий Цинна, один из консулов 87 г., предложил законопроект о включении новых граждан и вольноотпущенников во все трибы, а также о возвращении тех, кто был отправлен в изгнание, в том числе Г. Мария¹⁹⁰. Некоторые плебейские трибуны выступили против Цинны, но сами оказались под ударом, после чего в дело вмешался коллега Цинны по консулату Гн. Октавий. По его ли приказу или нет, толпа его сторонников напала на сторонников Цинны и в жестоком столкновении одержала над ними победу. Последующие события часто интерпретируются как лишение Цинны магистратуры консула.

¹⁸⁹ Основные выводы по параграфу опубликованы в работах: Фролов Р.М. Интерпретация Р. Бауманом отстранения консула Л. Корнелия Цинны от должностных обязанностей в 87 г. до н.э. // Вестник Томского государственного университета. История. 2018. № 52. С. 142–150; Frolov R.M. Midway between Magistrates and *privati*? Cinna in 87 BCE // *Athenaeum – Studi di Letteratura e Storia dell' Antichità*. 2019. Vol. 107. P. 424–455.

¹⁹⁰ См. источники в работе: Broughton T.R.S. *The Magistrates of the Roman Republic*. Vol. 2. P. 46.

Действительно, оснований для такого вывода больше, чем в случае, рассмотренном выше.

§3.1. События 87 г. в античных источниках и современной историографии

В «Третьей речи против Катилины» Цицерон отмечает, что «консул Октавий изгнал своего коллегу из города силой оружия»¹⁹¹. Сочетание слов *expulit* и *armis* позволяет предположить, что Цицерон имел в виду не формальное изгнание, а скорее вынужденное бегство Цинны после его поражения в вооруженном столкновении (ср. *Cic. Caecin.* 87; *Ехир.* 25–26; *Val. Max.* 1.6.10). Оценивая последующие действия Цинны, направленные на восстановление своего положения, Цицерон пишет, что консул действовал «правильно и, пожалуй, даже законно»¹⁹². В *Периохах*, где говорится не только об удалении Цинны (и шести плебейских трибунов) из города, но и об абrogации его империя, акцент несколько иной¹⁹³.

Веллей Патеркул уточняет, кто именно был формально ответственен за отстранение Цинны: «Когда Цинна был вытеснен из него (из города) силами своего коллеги и оптиматов, он направился в Кампанию. В соответствии с решением сената он был лишен консульства, а вместо него суффектом был назначен фламин Юпитера Л. Корнелий Мерула. Это противозаконное решение более подобало случаю этого человека (Цинны), чем могло служить в качестве примера»¹⁹⁴. Описывая ситуацию, Веллей использует термин *iniuria*, который хорошо согласуется с оценкой Цицерона. Примечательно также, что далее (2.20.4) Веллей указывает на то, что Цинна сохранил, а не

¹⁹¹ *Cic. Cat.* 3.24: *Cn. Octavius consul armis expulit ex urbe collegam...*

¹⁹² *Cic. Att.* 9.10.3: *at Sulla, at Marius, at Cinna recte. immo iure fortasse...*

¹⁹³ *Per.* 79: *L. Cornelius Cinna cos. cum perniciosas leges per vim atque arma ferret, pulsus urbe ab Cn. Octavio collega cum sex tribunis plebis imperioque ei abrogato...*

¹⁹⁴ *Vell. Pat.* 2.20.3: *e qua pulsus collegae optimatiumque viribus cum in Campaniam tenderet, ex auctoritate senatus consulatus ei abrogatus est suffectusque in eius locum L. Cornelius Merula, flamen Dialis. haec iniuria homine quam exemplo dignior fuit.*

присвоил себе консульские инсигнии (*retinens insignia consulatus*). В отчасти сопоставимом случае с консулом-суффектом П. Корнелием Долабеллой (в 44 г.) терминология Веллея совершенно иная¹⁹⁵.

Флор гораздо менее обстоятелен. Однако следует подчеркнуть, что в его версии Цинна покинул Рим как бы по собственному решению, чтобы попытаться счастья в гражданской войне¹⁹⁶. Граний Лициниан сообщает о попытках врагов Цинны узаконить свои действия. Противники консула ссылались на предписания «Сивиллиных книг», которые зачитывались на *contio*. Согласно пророчеству, «если Цинна и шесть трибунов будут изгнаны из страны, наступит мир, спокойствие и благополучие»¹⁹⁷. Составитель *De Viris Illustribus* подчеркивает роль консула Октавия в изгнании Цинны¹⁹⁸. С одной стороны, его фраза *honore privatus* указывает на тяжесть положения Цинны после отстранения. С другой стороны, из этой формулировки не вполне ясно, произошло ли формальное лишение должности¹⁹⁹.

Отдельного комментария требует фрагмент из сочинения Юлия Обсеквента (*Iul. Obseq.* 70: *abrogaverunt autem hi: Lucius Iunius Brutus consul Tarquinio Collatino, Tib. Gracchus M. Octavio, Cn. Octavius L. Cinnae, C. Cinna tr.pl. C. Marullo, Tullius...*; цит. по тексту, опубликованному в *Loeb Classical Library*). Как уже отмечалось выше, слова *Cn. Octavius L. Cinnae* отсутствуют в рукописях. В издании, подготовленном П. Мастандреа и М. Гуссо, это добавление обосновано опущено²⁰⁰. Хотя данное решение, на мой взгляд, верное, М. Гуссо в своем комментарии исходит из недоказанного вывода о том, что, на самом деле, аброгация консулата Л. Цинны все же произошла, но

¹⁹⁵ Vell. Pat. 2.58.3: *fascēs atque insignia corripuisset consulis*. Об этом эпизоде подробнее см. гл. 2, §3.

¹⁹⁶ Flor. *Epit.* 2.9.10: *...profugus patria sua Cinna confugit ad partes*.

¹⁹⁷ Gran. Licin. 35.2 Criniti: *constabat notari <c>a<r>mine Cinna se<xque> tribunis patria pulsus tranquillū otium et securitatem futuram*.

¹⁹⁸ Vir. ill. 69.2: *...ab Octavio collega prohibitus et honore privatus urbe profugit...*

¹⁹⁹ Ср.: Ps. Aurelius Victor, *De viris illustribus urbis Romae*. Über berühmte Männer der Stadt Rom / Hrsg. J. Fugmann.... P. 386.

²⁰⁰ Giulio Ossequente / Intr. P. Mastandrea, trad. M. Gusso... P. 162.

только не была упомянута Обсеквентом²⁰¹. На следующем шаге размышлений в результате принятия этого ошибочного (как я попытаюсь показать ниже) допущения, М. Гуссо констатирует противоречие в тексте Обсеквента, которая в действительности не существует: якобы передача его текста была осложнена омонимией персонажей, о которых он сообщает («Il passo è tormentato anche per problemi di omonimia»)²⁰². Никакой омонимии здесь нет, потому что Обсеквент ничего не пишет о консулах 87 г.: слова Сп. Octavius L. Cinnae добавлены современными издателями его труда.

Априорное представление самого М. Гуссо о том, что совпадение имени «Цинна» у консула 87 г. и плебейского трибуна 44 г. Г. Гельвия Цинны (который действительно провел закон об аброгации власти своих коллег Г. Эпидия Маруллы и Л. Цезетия Флава) привело к ошибке в рукописной традиции текста Обсеквента, связано исключительно с тем, что сам М. Гуссо посчитал доказанным факт аброгации консулата Л. Корнелия Цинны в 87 г., который еще требуется обосновать.

Отсутствие случая консула Цинны 87 г. в списке Юлия Обсеквента, *даже несмотря* на то, что этот эпизод идеально подходил бы под категорию знамений, интересующих этого автора (тот, кто лишил власти своего коллегу, через год умирал), является серьезным косвенным аргументом в поддержку вывода о том, что никакой формальной аброгации консулата Цинны не произошло.

Среди греческих авторов для нашего сюжета важны Диодор, Плутарх и Аппиан. Диодор сохранил описание требований Цинны, которые он предъявил сенату, когда тот был вынужден искать соглашения с консулом: «Римляне направили послов, чтобы добиться мира с Цинной. Он ответил им, что раз он покинул (город) как консул, то не следует ожидать, что он вернется

²⁰¹ Giulio Ossequente / Intr. P. Mastandrea, trad. M. Gusso... P. 250, n. 11: «Il Cinna è il pretore Helvius e non il console dell'anno 87 a.C. di cui a Ossequente 56a, che pure era stato deposto dal collega Ottavio».

²⁰² Giulio Ossequente / Intr. P. Mastandrea, trad. M. Gusso... P. 250, n. 11.

как частное лицо»²⁰³. По словам Диодора, Метелл Пий, посланный против Цинны с войском, «признал Цинну консулом и первым назвал его так»²⁰⁴. Вскоре то же самое сделал и сенат (38/39.3).

Диодор добавляет ряд важных деталей, касающихся отстранения Мерулы, консула-суффекта, который заменил Цинну. Мерула обратился к сенату и народу, а затем отрекся от должности консула: «...он сказал, что поскольку получил консульство против своей воли, то добровольно уступит власть Цинне. И сразу же стал частным лицом»²⁰⁵. Подразумевается некая уступка консульства, как если бы оно было готово к передаче. Диодор описывает спор между двумя претендентами, один из которых получал консульство автоматически после того, как другой отказывался от своих притязаний. О необходимости переизбрания Цинны ничего не сообщается.

В рассказе Плутарха, как и в *De Viris Illustribus*, Октавий играет важную роль в отстранении своего коллеги²⁰⁶. Плутарх также сообщает о переговорах между Цинной и сенатом и подчеркивает, что Цинна принимал послов сената как консул, сидя в курульном кресле²⁰⁷.

Принципиально важное сообщение Аппиана об отстранении Цинны заслуживает подробного цитирования: «Сенат постановил отрешить Цинну от консульства, лишить его гражданских прав за то, что он, будучи консулом, оставил город, находившийся в опасном положении, и объявил свободу рабам. Вместо Цинны консулом был избран Луций Мерула, жрец Юпитера» (Пер.

²⁰³ Diod. Sic. 38/39.1: Ὅτι ἀπεστάλησαν πρεσβευταὶ πρὸς τὸν Κίνναν Ῥωμαίων περὶ συλλύσεως· οἷς ἀποκρισὶν ἔδωκεν ὡς ὕπατος ἐξεληλυθὼς οὐ προσεδέξατο τὴν ἐπάνοδον ἐν ιδιώτου σχήματι ποιήσασθαι.

²⁰⁴ Diod. Sic. 38/39.2: ...συνεφώνησεν ὥστε στρατηγὸν εἶναι τὸν Κίνναν, καὶ πρῶτος ὁ Μέτελλος ὠνόμασε στρατηγόν.

²⁰⁵ Diod. Sic. 38/39.3: ...ἄκων γὰρ ἡρημένος ὕπατος ἐκουσίως ἔφη παραχωρήσειν τῷ Κίννῃ τῆς ἀρχῆς, καὶ παραχρῆμα ιδιώτης ἐγένετο.

²⁰⁶ Plut. Mar. 41.1: καὶ μάχης γενομένης Ὀκτάβιος μὲν κρατήσας ἐξέβαλε Κίνναν ἐπιχειροῦντα τυραννικώτερον ἄρχειν, καὶ κατέστησεν ἀντ' αὐτοῦ Κορνήλιον Μερούλλαν ὕπατον ... Ср. *Sert.* 4.

²⁰⁷ Plut. Mar. 43.1: ... ὡς ὕπατος ἐπὶ τοῦ δίφρου καθήμενος ...

С.А. Жебелёва)²⁰⁸. Этот отрывок не оставляет сомнений в том, что именно сенат принимал описываемое решение²⁰⁹. Действительно, *comitia* даже не упоминаются. Только если предположить, что ἐχειροτόνησαν, глагол во множественном числе, не управляется ἡ βουλῇ, может показаться, что, по крайней мере, избрание Мерулы было произведено не сенатом. Именно этого мнения придерживается Ю. фон Унгерн-Штернберг²¹⁰. Однако, как справедливо напомнил Б. Кац, «глагол множественного числа вполне может зависеть от ἡ βουλῇ в значении “сенаторы”»²¹¹. Полагаю, что это не просто возможность (которую, как считает сам Б. Кац, можно легко отбросить), но и единственно возможное понимание текста, если принять во внимание то, что Аппиан сообщает далее. В его повествовании Цинна позже жалуется на то, что сенаторы действовали сами, не считаясь с мнением народа (см. об этом ниже).

Рассказывая об обращении Цинны к армии в Капуе, Аппиан отмечает, что тот «явился на собрание как консул», но затем «опустил фаски, как если бы он был частным лицом»²¹². Аппиан передает речь Цинны с обвинениями в том, что сенат незаконно лишил его консульства, которое он получил от народа²¹³. Он обращался к слушавшим его солдатам как к римскому народу и утверждал, что сенат узурпировал законные права граждан. Цинна риторически вопрошает: «К чему нам теперь ублажать трибы при голосованиях? К чему вы нам? Какую власть вы будете иметь в народных собраниях, при голосованиях, при консульских выборах, коль скоро вы не обеспечите то, что даете, и не отнимете данное вами, когда сами это решите?»

²⁰⁸ App. BC. 1.65: Ἡ μὲν δὴ βουλὴ τὸν Κίνναν, ὡς ἐν κινδύνῳ τε τὴν πόλιν καταλιπόντα ὕπατον καὶ δούλοις ἐλευθερίαν κηρύξαντα, ἐψηφίσατο μήτε ὕπατον μήτε πολίτην ἔτι εἶναι καὶ Λεύκιον Μερόλαν ἐχειροτόνησαν ἀντ' αὐτοῦ, τὸν ἱερέα τοῦ Διός.

²⁰⁹ Как это принято, например, в переводе, представленном в Collection Budé: Appien. Histoire romaine. T. VIII. Livre XIII. Guerres civiles. Livre I / Eds. P. Goukowsky, F. Hinard. Paris: Les Belles Lettres, 2008. P. 61.

²¹⁰ Ungern-Sternberg J. von. Untersuchungen zum spätrepublikanischen Notstandsrecht. Senatusconsultum ultimum und hostis-Erklärung. München: C.H. Beck, 1970. S. 77, Anm. 110.

²¹¹ Katz B.R. The Selection of L. Cornelius Merula // Rheinisches Museum für Philologie. 1979. Bd. 122. P. 163, n. 3.

²¹² App. BC. 1.65: παρελθὼν ὡς ὕπατος ἐς μέσους τάς τε ράβδους καθεῖλεν οἷα ιδιώτης.

²¹³ App. BC. 1.65: ὁ γὰρ δῆμος ἐχειροτόνησεν· ἡ βουλὴ δ' ἀφείλετό με χωρὶς ὑμῶν.

(Пер. С.А. Жебелёва)²¹⁴. Эта речь является одним из главных аргументов «против» тезиса о том, что консул был отстранен от должности комициями. Здесь Цинна стремился подтвердить уже имевшийся у него консульский статус, а не вернуть его или облечься консульскими полномочиями заново²¹⁵. В рассказе Аппиана Цинна использовал демонстративный жест, который Р. Бауман (см. ниже) даже интерпретировал как акт абдикации: Цинна «разорвал одежду, сбежал с кафедры, бросился в толпу и лежал там долгое время, до тех пор, пока она, тронутая всем этим, подняла его, посадила снова на кресло, подала ему фасции и убеждала его как консула быть смелым, а их вести на то, исполнение чего ему нужно» (Пер. С.А. Жебелёва)²¹⁶.

Один пассажей, ключевых для интерпретации, которую я предлагаю далее, – обращение Цинны к послам сената: «пришли ли они к нему как к консулу или как к частному лицу?»²¹⁷. Очевидно, что в изложении Аппиана Цинна стремился к тому, чтобы его противники признали его консулом. При этом он желал лишь неформального признания и не упоминал о каком-либо официальном решении по поводу восстановления своего положения. Тем не менее, вопрос Цинны поставил послов в затруднительное положение. Им пришлось вернуться в Рим, поскольку, по всей видимости, у них не было никаких инструкций на такой случай. Однако вскоре, после того как сенаторы организовали абдикацию Мерулы, сенат снова направил своих представителей к Цинне, на этот раз уже как консулу (App. BC. 1.70).

Вопрос о том, как было организовано отстранение Цинны с юридической точки зрения и что оно означало с точки зрения политической, тесно связан с назначением Мерулы. Спектр исследовательских

²¹⁴ App. BC. 1.65: τί γὰρ ἔτι τὰς φυλὰς ἐν ταῖς χειροτονίαις θεραπεύομεν, ... εἰ μὴ βεβαιώσετε μὲν, ἃ δίδοτε, ἀφαιρήσεσθε δ', ὅταν αὐτοὶ δοκιμάσητε.

²¹⁵ Ср.: Wiehn E. Die illegalen Heereskommanden in Rom bis auf Caesar. Diss. Marburg a.d. Lahn, 1926. S. 6–7 («Anerkennung seines Konsulats»).

²¹⁶ App. BC. 1.66: ...τήν τε ἐσθῆτα κατέρρηξε καὶ ἀπὸ τοῦ βήματος καταθρόων ἔρριπεν αὐτὸν ἐς μέσους καὶ ἔκειτο ἐπὶ πλεῖστον, ἕως ἐπικλασθέντες ἀνέστησάν τε αὐτὸν καὶ καθίσαντες αὐθις ἐπὶ τοῦ θρόνου τὰς τε ράβδους ἀνέσχον καὶ θαρρεῖν οἷα ὑπατον ἐκέλευον καὶ σφᾶς ἄγειν ἐφ' ὃ τι χρήζοι.

²¹⁷ App. BC. 1.69: πότερον ὡς πρὸς ὑπατον ἔλθοιεν ἢ πρὸς ιδιώτην.

интерпретаций обоих эпизодов можно свести к следующим двум основным вариантам. Цинна был лишен консульских полномочий либо по решению сената (вероятно, посредством провозглашения *hostis*), либо по голосованию комиций, то есть путем принятия решения об абrogации. Исследователи иногда указывают, что такому голосованию предшествовало сенатское постановление, возможно, в форме *senatusconsultum ultimum* (далее – SCU). Соответственно, Мерула либо был назначен непосредственно сенатом, либо избран народом.

Уже Т. Моммзен осторожно заметил: если Аппиан прав, то получается, что сенат отстранил Цинну без решения комиций²¹⁸. По мнению Х. Беннета, сенаторы действовали самостоятельно и компенсировали допущенное ими нарушение закона весьма своевременным обнаружением соответствующего случаю предсказания в «Сивиллиных книгах»²¹⁹. Э. Бадиян подчеркивал участие консула Октавия в процессе низложения Цинны²²⁰. К. Майер полагал, что лишение Цинны консульства и гражданских прав было произведено сенатом и являлось незаконным²²¹. Э. Груэн отмечал, что «ни один римский консул никогда прежде не был смещен с должности, а тем более лишен своих прав по решению сената»²²². К. Николе также полагал, что Цинна был лишен должности сенатом²²³. Однако Л. Томмен считал, что слова Веллея могли подразумевать голосование комиций по вопросу о лишении Цинны консулата²²⁴. Некоторые исследователи утверждают, что Цинна был объявлен

²¹⁸ Mommsen Th. *Römisches Staatsrecht*. Bd. I. S. 630, Anm. 4.

²¹⁹ Bennett H. *Cinna and his Times: A Critical and Interpretive Study of Roman History during the Period 87–84 B.C.* PhD. diss. Chicago, 1923. P. 8–9.

²²⁰ Badian E. *Foreign Clientelae (264–70 B.C.)*. Oxford: Clarendon Press, 1958. P. 236.

²²¹ Meier C. *Res publica amissa...* S. 228. Ср.: Biscardi A. *Auctoritas patrum*. Problemi di storia del diritto pubblico romano. Napoli: Jovene, 1987. P. 165–166.

²²² Gruen E.S. *Roman Politics and the Criminal Courts, 149–78 B.C.* Cambridge, MA: Harvard University Press, 1968. P. 231.

²²³ Nicolet C. *The World of the Citizen in Republican Rome*. Los Angeles; London, 1980. P. 142. См. также, напр.: Cornelius Tacitus. *The Histories*. Book III / Ed. K. Wellesley. Sydney: Sydney University Press, 1972. P. 129.

²²⁴ Thommen L. *Das Volkstribunat...* S. 94, Anm. 44.

hostis, однако развернутой аргументации не приводят²²⁵. Наконец, в главе для «Кембриджской истории древнего мира», которая подвела определенный итог предыдущим изысканиям, Р. Сигер отмечает, что сенат лишил Цинну консулата и объявил его hostis. Исследователь также предполагает, что был принят *senatusconsultum ultimum*. С одной стороны, «Мерула, вероятно, был избран на народном собрании». Но, с другой стороны, по мнению Р. Сигера, «решение сената, направленное против Цинны, так и не было подкреплено законодательно»²²⁶. Работа Р. Сигера очень хорошо отражает всю сложность рассматриваемого вопроса.

§3.2. Отстранение Цинны, *senatusconsultum ultimum* и комиции

Среди исследователей, подробно анализировавших события 87 г., Э. Габба и Ю. фон Унгерн-Штернберг. Оба полагали, что в отстранении Цинны должны были участвовать комиции. Э. Габба придерживался мнения о том, что империй Цинны был аброгирован центуриатными комициями и что это решение было основано на *senatusconsultum ultimum*. Исследователь ссылается на речь Цинны у Аппиана²²⁷. Недостаток такого подхода, на мой взгляд, очевиден: в своей речи Цинна критикует незаконность действий сената именно на том основании, что сенат действовал без согласия народа.

Как отмечает Р. Бауман, SCU со стандартной формулировкой *videant consules* было бы двусмысленным, если бы целью его принятия была борьба против Цинны²²⁸. Дело в том, что Цинна оказался бы среди тех, кого эдикт

²²⁵ Lintott A. *Violence in Republican Rome*. Oxford: Clarendon Press, 1968. P. 155; De Martino F. *Storia della costituzione romana*. T. III. 2 ed. Napoli: Casa Editrice Jovene, 1973. P. 75; Kunkel W., Wittmann R. *Staatsordnung und Staatspraxis...* S. 238, Anm. 481, 257; Letzner W. *Lucius Cornelius Sulla. Versuch einer Biographie*. Münster: LIT Verlag, 2000. S. 169; Lange C.H. *Triumphs in the Age of Civil War: The Late Republic and the Adaptability of Triumphal Tradition*. London; New York: Bloomsbury Academic, 2016. P. 104.

²²⁶ Seager R. *Sulla...* P. 174–175.

²²⁷ *Appiani bellorum civilium liber primus* / Ed. E. Gabba E. Firenze: La Nuova Italia, 1958. P. 184–185.

²²⁸ Bauman R.A. *The hostis Declarations of 88 and 87 B.C.* // *Athenaeum*. 1973. Vol. 51. P. 293, n. 125.

наделил бы правом принимать чрезвычайные меры. Но даже если такое рассуждение посчитать не вполне убедительным аргументом, источники, как справедливо отмечает А. Аллели, не содержат никаких указаний на реальное применение SCU в рассматриваемом случае²²⁹. Следует также указать на слова Цезаря о том, что до 49 г. не было ни одного примера применения SCU, кроме как «в случае губительных законов, насилия со стороны трибунов, сессии народа, когда захватывались храмы и возвышенные места»²³⁰. В нашем примере все перечисленное было бы нерелевантно уже по той причине, что на момент принятия сенатом своего решения Цинна уже проиграл битву на форуме и даже покинул Город, о чем, как сообщается, было упомянуто в сенатском постановлении. В обычной же ситуации, если исходить из слов Цезаря, в SCU еще не могло бы быть упоминания о том, что мятежный магистрат покинул Рим. Поскольку предполагаемое отстранение Цинны от власти произошло после и вследствие его бегства из Рима, SCU, если и был в какой-то момент принят, не мог быть напрямую связан с процедурой отстранения Цинны.

Предполагаемый SCU, направленный против Цинны, с необходимостью был бы нацелен и против его коллеги Октавия, поскольку он тоже прибегал к открытому насилию. Аппиан утверждает, что Октавий не хотел, чтобы его сторонники нападали на сторонников Цинны (BC. 1.64). Эта оговорка, закрепленная в античной традиции, может указывать на попытки Октавия *post factum* объяснить применение насилия²³¹. Поскольку Октавий, очевидно, не был затронут SCU, несмотря на то что многие источники (Cic. Cat. 3.24; Sest. 77; Eхur. 25–26; Plut. Mar. 41.1; Sert. 4) прямо сообщают или явно подразумевают, что Октавий (или его сторонники) действительно применил

²²⁹ Allély A. La déclaration d'*hostis* sous la République romaine. Bordeaux: Ausonius Éditions, 2012. P. 29.

²³⁰ Caes. BC. 1.7: in perniciosis legibus, in vi tribunicia, in secessione populi templis locisque editoribus occupatis. Какие бы цели ни преследовал Цезарь, его описание суммирует накопившийся опыт обоснования SCU.

²³¹ Cp.: Lanzani C. Mario e Silla. Storia della democrazia romana negli anni 87–82 a. Cr. Catania: F. Battiato, 1915. P. 33–37; De Martino F. Storia... P. 73; Appien. Histoire romaine. T. VIII. Livre XIII. Guerres civiles. Livre I / Eds. P. Goukowsky, F. Hinard.... P. 171, n. 394.

политическое насилие, причем в беспрецедентных масштабах, то такое постановление вряд ли могло быть использовано и против Цинны.

Наконец, даже если бы мы по-прежнему утверждали, что SCU не только был принят, но и подразумевал (или подготавливал) отстранение Цинны от должности, это по-прежнему не означало бы, что отстранение приобрело форму формального лишения Цинны консульства.

У. фон Унгерн-Штернберг полагает, что комиции проголосовали за отстранение Цинны, но строит свою аргументацию на ином основании – рассказе Веллея²³². Однако и здесь голосование народа не упоминается. Ясному и недвусмысленному акценту Аппиана на том, что народ ничего не решал по поводу консульства Цинны²³³, а также другим свидетельствам (например о том, что впоследствии достаточно оказалось отмены решения одного сената по поводу отстранения консула²³⁴), очевидно, может быть противопоставлено только наблюдение о том, что фраза Веллея *ex auctoritate senatus consulatus ei abrogatus est* подразумевает участие комиций²³⁵. Но поскольку иные интерпретации этой фразы не исключены, сама по себе она недостаточна для того, чтобы обосновать факт лишения консула должности голосованием народа. Как справедливо отмечает Р. Морстейн-Маркс, формулировка Веллея «вряд ли с необходимостью приводит к выводу о том, что некий орган, помимо сената, действовал официально, чтобы аброгировать консулат Цинны. Поэтому большинство исследователей вслед за Моммзеном ... пришли к выводу, что сенат действовал один»²³⁶.

Веллей прямо не упоминает ни народ, ни комиции. Он пишет только о сенате (*auctoritas senatus*)²³⁷. Выражение *ex auctoritate senatus* и термин *abrogatio*, действительно, можно рассматривать, по крайней мере, как намек на то, что сенат санкционировал последовавшее затем голосование народа.

²³² Ungern-Sternberg J. von. Untersuchungen... S. 77.

²³³ См.: Allély A. La déclaration d'*hostis*... P. 29.

²³⁴ Morstein-Marx R. Consular Appeals... P. 265, n. 30. См. ниже.

²³⁵ Biscardi A. *Auctoritas patrum*... P. 166: «la implicita ratifica da parte dei comizii».

²³⁶ Morstein-Marx R. Consular Appeals... P. 265, n. 30.

²³⁷ Как справедливо подчеркнуто Дж. Ротонди: Rotondi G. *Leges publicae*... P. 347.

Однако само по себе слово *abrogatio* не является надежным указанием на народное голосование, так как случаи, когда оно точно не указывает на комициальную процедуру, имеются²³⁸. Как уже упоминалось выше, Ливий, излагая события 223 г., использует этот термин для обозначения попытки сената заставить магистрата отказаться от своей должности²³⁹. Сенаторы направили послание консулу Г. Фламинию с призывом вернуться в Рим и сложить с себя полномочия консула. Инициатива не увенчалась успехом²⁴⁰. То же самое следует из фрагментов *Plut. Marc.* 4 и *Zonar.* 8.20: Фламиний проигнорировал письмо сената, продолжил деятельность в качестве консула и в дальнейшем даже отпраздновал триумф. Только после триумфа сенат смог убедить его оставить должность, что, опять же, означает технически абдикацию по собственному решению консула.

Не менее показательна история Тарквиния Коллатина, одного из первых консулов, поскольку Ливий употребляет здесь, напротив, *abdicavit se consulatu* (2.2.10) и описывает, как Коллатина уговаривали добровольно покинуть оставить должность, что он и сделал после некоторых раздумий. Как уже отмечалось, Цицерон для описания этой ситуации применяет термин *abrogare*, при этом субъектом действия глагола выступает коллега Коллатина Брут: *Collatino collegae Brutus imperium abrogavit* (*Off.* 3.40; ср. *Brut.* 53; *Iul. Obseq.* 70). Но, помимо гибкости употребления *abrogare*, следует отметить, что использование термина было особенно подходящим для кратких нарративов, таких как изложение событий 87 г. у Веллея и в Периохах. Эти сообщения доводят до читателя суть произошедшего: враги Цинны пытались лишить его власти²⁴¹.

²³⁸ Это обстоятельство не учтено в недавнем каталоге М. Эльстер сведений о законах Римской республики (Elster M. *Die Gesetze der späten römischen Republik...* P. 384–386).

²³⁹ Liv. 21.63.2: *consul prius de consulatu qui abrogabatur, dein de triumpho habuerat.*

²⁴⁰ Как следует из фрагмента Liv. 21.63.12: *in eam legationem – legatos enim mitti placuit – Q. Terentius et M. Antistius profecti nihilo magis eum moverunt quam priore consulatu litterae moverant ab senatu missae.*

²⁴¹ Ср.: Lanzani C. *Mario e Silla...* P. 35. Т. Карни (Carney T.F. *A Biography of C. Marius.* Chicago: Argonaut, 1970. P. 61, 269) отмечает, что эти события оказались «в большей части

Аналогичным образом, фраза *ex auctoritate senatus* не позволяет сделать никаких надежных заключений. Возможны, по крайней мере, три интерпретации. Во-первых, Веллей может использовать *auctoritas* как технический термин для обозначения сенатского решения, на которое плебейские трибуны наложили вето и которое поэтому стало недействительным и не могло иметь прямых последствий для Цинны. Б. Кац обращает внимание на то, что некоторые трибуны, присоединившиеся к Цинне, не сразу покинули Рим. Вполне вероятно, что они протестовали против отстранения Цинны от должности сенаторами²⁴². Действительно, потенциально они могли наложить вето на *senatusconsultum*. Тем не менее, я бы не стал настаивать на этой точке зрения, поскольку термин *auctoritas senatus*, в принципе, может также обозначать постановление, которое не подверглось вето²⁴³. Но независимо от того, заблокировали ли некоторые трибуны это постановление, как таковое оно не могло в законном порядке лишить Цинну его должности.

Второй вариант – предположить, что *ex auctoritate senatus* означает предварительное одобрение закона об аброгации, который затем выносился на народное голосование²⁴⁴. Такое рассуждение может быть основано на наблюдениях, которые, например, приводит Й. Бляйкен в монографии о плебейском трибунате в классической Республике²⁴⁵. Однако такая точка зрения не выдерживает критики. В контексте истории классической Республики *ex auctoritate senatus* используется в описании обычного, рутинного политического процесса, а не для аброгации консулата, не только

источников слиты в синоптическом обобщении, согласно которому Цинна был изгнан из Рима Октавием».

²⁴² Katz B.R. *Studies on the Period of Cinna and Sulla* // *Antiquité Classique*. 1976. Т. 45. P. 502–503.

²⁴³ Mommsen Th. *Römisches Staatsrecht*. Bd. III.2. 1. Aufl. Leipzig: S. Hirzel, 1888. S. 1033, Anm. 2; Mancuso G. «*Senatus auctoritas*». Sulla denominazione del *senatoconsulto* inefficace // *Labeo*. 1981. Vol. 27. P. 12–25; Biscardi A. *Auctoritas patrum*... P. 57–58.

²⁴⁴ Также см. ниже о том, как Р. Бауман интерпретирует постановление сената против Цинны в качестве пробулевтического акта, который должен был быть позже одобрен народом в комициях, но так и не был утвержден.

²⁴⁵ Bleicken J. *Das Volkstribunat*... S. 52–53.

спорного с точки зрения реконструкции конкретных обстоятельств 87 г., но и беспрецедентного в отношении технических деталей процедуры. Кроме того, не всегда *ex auctoritate senatus* предполагает народное голосование, которое следует за рекомендацией сената. Очень часто фраза означает, что магистрат с опорой на авторитет сената совершил что-то в силу собственных, уже имевшихся у него, полномочий²⁴⁶. Наконец, каждый раз, когда *ex auctoritate senatus* предполагает голосование народа, последний прямо упоминается, а не просто подразумевается²⁴⁷, как предположительно имеет место в интересующем нас фрагменте Веллея. Даже если мы сочтем краткость изложения причиной какого-то упущения технических деталей произошедшего, это еще не доказывает, что Веллей опустил упоминание именно голосования комиций.

Итак, текст Веллея не предоставляет настолько конкретные сведения, насколько нам хотелось бы. Сочетание *ex auctoritate senatus* с *abrogatus est* не доказывает участия комиций, так как оба выражения неконкретны и, следовательно, не могут уточнять друг друга. Более взвешенным представляется поэтому взгляд на *ex auctoritate senatus* как на общее выражение позиции сената, согласно которой Цинна не должен оставаться консулом (подобно тому, как это было в случае Г. Фламиния). Иными словами, речь шла о мнении, которое только оправдывало уже состоявшуюся *de facto* утрату Цинной своей власти в Риме (она описывается фразой *abrogatus est*)²⁴⁸. Наконец, как бы мы ни интерпретировали фразу Веллея, бесспорно то,

²⁴⁶ Так, в пассаже *Dom. 94* Цицерон пишет, что расправился со сторонниками Катилины *ex auctoritate senatus consensu bonorum omnium*. Однако в ситуации 87 г. речь не шла о санкции какого-либо иного органа, кроме сената, что и послужило причиной критики консула. Подобное употребление можно встретить в многочисленных местах в тексте Ливия (назначение диктатора: 7.26.11, 8.17.3; дипломатические переговоры: 7.31.1, 45.42.8; военные приготовления и операции: 24.7.10, 36.1.6, 42.27.5; магистратский эдикт: 26.27.6, 34.55.4; включение в список кандидатов: 39.39.6; также ср. 42.35.2) и в других источниках (Plin. *Nat.* 21.8; Val. Max. 1.1.12).

²⁴⁷ Liv. 9.46.7, 26.21.5, 33.12, 27.6.7, 38.36.8, 40.19.11, 42.21.5.

²⁴⁸ Ср.: Fürst F. *Die Bedeutung der auctoritas im privaten und öffentlichen Leben der römischen Republik*. Marburg: Hamel, 1934. S. 47–51; Hellegouarc'h J. *Le vocabulaire latin...* P. 311–312; Mancuso G. «*Senatus auctoritas*»...; Kunkel W., Wittmann R. *Staatsordnung und Staatspraxis...*

что ни он, ни какой-либо другой античный автор прямо не пишет об аброгации консульства Цинны голосованием народа. Этот вывод может быть дополнительно подкреплён следующими соображениями.

(1) Если бы консульство Цинны и в самом деле было досрочно прекращено по решению народа, это было бы единственным подобным случаем в истории Республики, при условии, что предложенная мной выше трактовка событий 88 г. верна²⁴⁹. Это не исключает, что подобное оказалось возможно в 87 г., но усиливает потребность в прямых свидетельствах. Косвенный аргумент в пользу интерпретации отрывка Веллея как указания на *abrogatio* полностью зависит от предположения, что сенат должен был действовать привычным образом (то есть подготовить голосование народа, а не отстранить Цинну немедленно). Но как раз это едва ли совместимо с беспрецедентностью ситуации 87 г. и с гипотезой о том, что это был первый случай, когда народ лишил действующего консула его должности. Если же предположить, наоборот, что сенат действовал необычным образом, то тогда непросто будет принять, что назначение Мерулы консулом-суффектом должно было быть осуществлено народом, – гипотеза, которая, в свою очередь, базируется только на том основании, что во всех других случаях (т.е. в обычной ситуации) консулы-суффекты избирались комициями.

(2) Цинна был отстранен от должности не за нарушение в сфере *militiae* и не на основании того, что он был *vitio creatus* (таковы традиционные причины действительно засвидетельствованных эпизодов вынужденной абдикации), а за якобы использование рабов во внутривластной борьбе и оставление Города в опасности²⁵⁰. Подобные обвинения сами по себе выглядят странно, поскольку именно благодаря отъезду Цинны из Рима дальнейшие

S. 218, Anm. 409; Graeber A. *Auctoritas patrum: Formen und Wege der Senatsherrschaft zwischen Politik und Tradition*. Berlin: Springer-Verlag, 2001. P. 128–133.

²⁴⁹ См. § 2 данной главы. Также см.: Rotondi G. *Leges publicae...* P. 347; Gruen E.S. *Roman Politics...* P. 231; Biscardi A. *Auctoritas patrum...* P. 165.

²⁵⁰ См.: Bauman R.A. *The Abrogation of imperium...* P. 37, 43, n. 38; Kloft H. *Caesar und die Amtsentsetzung...* S. 328, Anm. 58; Lovano M. *The Age of Cinna...* P. 35; Allély A. *La déclaration d'hostis...* P. 29.

предпосылки для столкновений в городе исчезли. Гипотеза об аброгации не позволяет объяснить это противоречие.

(3) Если фраза *consulatus ei abrogatus est* у Веллея действительно означала бы решение народа, то восстановление положения Цинны должно было быть достигнуто решением такого же типа. Однако источники единодушно сообщают о том, что во время последующих переговоров Цинна пытался добиться признания его консулом со стороны только сената, но не народа. Более того, мы знаем, что Марий, прежде чем войти в Рим вместе с Цинной, настаивал на голосовании именно в комициях по поводу собственного официального возвращения из изгнания (*Vell. Pat.* 2.21.6; *Plut. Mar.* 43.2; *App. BC.* 1.70–71; *Cass. Dio* 30–35.102.8; также см. *Per.* 80)²⁵¹. Если эта деталь так подробно засвидетельствована, то тем более маловероятно, чтобы античные авторы случайно обошли молчанием еще более важное голосование в тех же комициях по поводу восстановления консулата Цинны²⁵².

²⁵¹ О «бережном отношении Мария к конституционным формальностям» см.: Carney T.F. *A Biography of C. Marius...* P. 62–63, 65.

²⁵² Теоретически можно предположить, что реплики Цинны и Мария были лишь их пристрастными оценками как участников гражданской войны и, следовательно, не имеют значения для понимания формальностей отстранения Цинны. Такое рассуждение имплицитно подразумевает, что Цинна не требовал от народа формального восстановления его в должности консула, потому что проигнорировал свое отстранение, как будто его не произошло. Однако Цинна вовсе не игнорировал свое отстранение (пусть даже и неформальное). Напротив, он всячески демонстрировал свое беспокойство по этому поводу. Почему он все же решил заставить сенат признать его консулом вместо простого игнорирования данного решения как «юридически ничтожного»? Если Цинна требовал такого признания со стороны сенаторов как предварительного условия для любых мирных переговоров, почему он также не потребовал провести голосование народа, чтобы официально подтвердить свой статус консула? Иными словами, по неизвестной причине единственное юридически значимое и, следовательно, действительно важное решение (в рамках представления о том, что сенат действовал не в одиночку, а фраза *ex auctoritate senatus* у Веллея означает, что формальное решение было затем принято народом) почему-то оказывается неважным для античной традиции. То, что решение народа, даже если оно ему не нравилось, было просто проигнорировано Цинной, противоречит римской склонности придерживаться законности до тех пор, пока это возможно, даже в контексте гражданской войны (см., напр., Bleicken J. *Imperium consulare/proconsulare...* S. 128). Молчание источников о том, что Цинна добился решения комиций об отмене их же предполагаемого предыдущего решения (по поводу аброгации), выглядит тем более странно, учитывая то, что такие комиции можно было легко организовать, как это и было сделано в ответ на требование Мария.

(4) Нет никаких свидетельств того, что после предполагаемого переизбрания Цинна совершил какие-либо ритуалы и церемонии инвеституры²⁵³.

(5) В Капитолийских фастах не сохранилось данных об отстранении Цинны и назначении Мерулы. Существующие реконструкции текста, предполагающие, что произошла аброгация или имело место принуждение к абдикации, сами требуют обоснования²⁵⁴.

(6) После отстранения от власти Цинна смог созвать сходку солдат проконсула Ап. Клавдия Пульхра²⁵⁵. «Каким образом Цинна заполучил возможность управления войсками – вопрос интригующий», – справедливо замечает Р. Морстейн-Маркс²⁵⁶. Учитывая политические предпочтения Ап. Клавдия, представляется более вероятным, что проконсул неохотно подчинился указаниям действующего консула, который сохранил за собой всю полноту власти, включая приоритет в созыве *contiones*.

(7) Важным косвенным свидетельством является отрывок из сочинения Тацита о событиях 69 г. н.э.: «Впервые, как говорили сведущие люди, новый магистрат был назначен без предварительно законного решения о снятии обязанностей с того, кто прежде занимал эту должность.» (Пер. Г.С. Кнабе; Tac. *Hist.* 3.37.2: *adnotabant periti numquam antea non abrogato magistratu neque lege lata alium suffectum...*). Поскольку этой фразе не хватает определенности, и она допускает различные толкования, ее вряд ли стоит рассматривать как доказательство, достаточное для того, чтобы подтвердить факт аброгации консулата Цинны (исходя из такой логики: если бы Мерула стал суффектом в ситуации, когда Цинна не подвергся аброгации, то Тацит упомянул бы об этом как о прецеденте событий 69 г. н.э.). Например, пассаж

²⁵³ Об этих церемониях см.: Pina Polo F. *The Consul at Rome...* P. 17–18.

²⁵⁴ Ср., напр.: Degrassi A. *Fasti Capitolini*. Torino: Paravia, 1954. P. 74–75. Примечательно, что те исследователи, которые подробно изучали этот вопрос, не предполагают, что в случае Цинны могла произойти вынужденная абдикация (*coactus abdicare*).

²⁵⁵ Gruen E.S. *Roman Politics...* P. 234; Broughton T.R.S. *The Magistrates of the Roman Republic*. Vol. 2. P. 48.

²⁵⁶ Morstein-Marx R. *Consular Appeals...* P. 266–267, n. 37. Также см.: Wiehn E. *Die illegalen Heereskommanden...* S. 58–59.

Тацита можно интерпретировать в том смысле, что не существовало прецедента надлежащего избрания суфекта народом без прекращения магистратуры его предшественника народным голосованием. Но именно потому, что Мерула был назначен сенатом, а не избран народом, эпизод 87 г. не мог послужить прецедентом для ситуации 69 г. н.э. Иными словами, свидетельство Тацита может с таким же успехом служить косвенным подтверждением вывода о том, что Мерула был назначен сенатом, а не избран *lege lata*.

(8) Не подтверждает версию об аброгации и клятва, которую дала Цинне армия Ап. Клавдия при переходе на его сторону. По мнению Р. Морстейна-Маркса, клятва, описанная Аппианом, очевидно, является традиционным *sacramentum*, а не клятвой в личной верности. Если солдаты приняли статус Цинны как консула, то «на самом деле нет ничего более “традиционного”, чем клятва выполнять приказы своего консула... Клятва часто повторялась новому командиру, что объясняет ее появление в данном фрагменте»²⁵⁷. Этот вывод не нуждается в корректировке, даже если считать, что терминология Веллея (2.20.4: *in verba eius iurasset*) указывает на *coniuratio*, а не на *sacramentum*. Опираясь на исследования Е. Линдерски²⁵⁸, можно заключить, что *coniuratio* сама по себе не доказывает незаконность империя Цинны на тот момент. Скорее, она лишь предполагает, что солдаты поклялись следовать за своим предводителем *ad bellum unum*, на конкретную предстоящую войну, и что у Цинны не было разрешения сената на призыв «спасти Республику», который, следовательно, был его собственной инициативой (то, что в этой ситуации Цинна не мог заручиться поддержкой сената, очевидно). Для моих дальнейших рассуждений весьма существенно то, что Цинна должен был действовать по собственной инициативе.

²⁵⁷ Morstein-Marx R. *Consular Appeals...* P. 267–268, n. 41. Ср.: Appiani bellorum civilium liber primus / Ed. E. Gabba... P. 185.

²⁵⁸ Linderski J. *Rome, Aphrodisias and the Res Gestae...* P. 77.

§3.3. Предполагаемая абrogация магистратуры Цинны и консул-суффект Мерула

Теперь обратимся к вопросу о назначении Мерулы. Для Т. Моммзена наличие или отсутствие преемника является важным маркером лишения должности. Но что, если положение самого преемника оказывалось спорным²⁵⁹? Если Цинна был отстранен от должности решением комиций, то и Мерула должен был быть избран народом в рамках обычной процедуры. Доказательств проведения довыборов, опять же, нет (как нет и прямых свидетельств лишения Цинны консульства народом). Но можно ли говорить, по крайней мере, о том, что источники не исключают такую возможность?

Веллей не сообщает нам, каким образом был назначен Мерула, в то время как слова Аппиана ἡ βουλὴ... ἐχειροτόνησαν, как я уже отмечал выше, могут быть истолкованы только как прямое указание на то, что Мерулу назначил именно сенат. Следовательно, *onus probandi* лежит на тех исследователей, которые полагают, что консула-суффекта Мерулу избрал народ.

Б. Кац вынужден признать правомерность такого понимания ἡ βουλὴ... ἐχειροτόνησαν. Тем не менее, он продолжает утверждать, что «какое бы толкование греческого текста ни было предпочтительным, историческое толкование, по моему мнению, остается неизменным», то есть народ избрал Мерулу в качестве консула²⁶⁰. Но на каком основании возможно пренебречь свидетельством Аппиана? Б. Кац признает, что Диодор (38/39.3) не упоминает об этой процедуре. Утверждение Плутарха (*Mar.* 41.2) о том, что Мерулу назначил консул Октавий, означает лишь, что Октавий руководил процессом, в чем бы он ни заключался²⁶¹.

²⁵⁹ См.: Mommsen Th. *Römisches Staatsrecht*. Bd. III.2. S. 1244, Anm. 2.

²⁶⁰ Katz B.R. *The Selection of L. Cornelius Merula...* P. 163, n. 3.

²⁶¹ Katz B.R. *The Selection of L. Cornelius Merula...* P. 163.

Представим, что в нашем распоряжении нет утверждения Аппиана в речи Цинны, что враги консула не поставили вопрос о его отстранении на голосование народа. При таком допущении глагол ἐχειρότονῆσαν действительно может быть понят как указание на какой-то другой субъект, не на сенат. Однако даже в этом случае нельзя отрицать возможность того, что сенаторы все же имеются в виду. Кроме того, строго говоря, мы не знаем, о ком тогда могла идти речь, если не о сенаторах. Можно возразить, что никогда еще в римской истории сенат не назначал консула-суффекта. В других известных случаях его действительно избирал народ. Значит ли это, что и Мерула мог быть избран только в комициях? Определенно нет. До 49 г. известно 32 консула-суффекта. Большинство из них были избраны после смерти очередного консула во время его пребывания в должности, а остальные суффекты получили магистратуру после абдикации их предшественников (в основном из-за предполагаемых нарушений при выборах)²⁶². Но Цинна, очевидно, не умирал и не совершал абдикацию. Поэтому без каких-либо дополнительных аргументов нельзя предположить, что в исключительной ситуации 87 г. процедура должна была быть стандартной. В том время как в поддержку версии о беспрецедентном лишении консула должности комициями свидетельств не обнаруживается, в поддержку вывода о беспрецедентном назначении сенатом консула-суффекта они имеются. Во-первых, как уже отмечалось, Цинна требует от сената признать только его одного. Во-вторых, глагол ἐχειρότονῆσαν у Аппиана хорошо согласуется с ἡ βουλῇ. В-третьих, Цинна в изложении этого автора критикует не только свое отстранение сенатом, но и прямо говорит об узурпации сенаторами прерогативы народа определять магистратов. В-четвертых, самое важное, вовсе не только у Аппиана, но и в других источниках встречаются суждения о том, что произошедшее с Цинной было противозаконным, а такая характеристика не соотносится ни с предположением об аброгации, ни, во

²⁶² См.: Broughton T.R.S. The Magistrates of the Roman Republic. Vol. 1; Vol. 2; Pina Polo F. Magistrates without Pedigree...

всяком случае (если иметь в виду, что аброгация всегда могла оспариваться как нелегальная одной из противостоящих сторон) с гипотезой о том, что консул-суффект был избран комициями, как и полагалось. Предположить, что народ избрал Мерулу, также означает проигнорировать общеполитическую обстановку 87 г. Большинство плебейских трибунов были против отстранения Цинны, в городе оставалось много оппозиционно настроенных граждан, которые могли повлиять на выборы, в то время как единство и решимость сената были не столь очевидны (см. об этом ниже). Все это не состыковывается с обычной практикой избрания консула-суффекта.

Наконец, вывод о том, что сенат сам назначил Мерулу, позволяет объяснить еще одну деталь, которую иначе было бы невозможно понять. Как уже говорилось выше, согласно Аппиану, сенат обосновал свое решение в отношении Цинны следующим образом: во-первых, он спровоцировал выступление рабов, а во-вторых, оставил город в опасности. Второй пункт кажется странным, поскольку источником опасности в данном случае был сам Цинна. Итак, поскольку Цинна, очевидно, не умер и не желал совершить абдикацию (как это было в иных случаях назначения суффектов), сенаторы должны были как-то оправдать свои действия против него. Консула-суффекта по определению избирали только при наличии свободного места консула. Можно на этом этапе допустить, что, следовательно, сенат должен был признать Цинну формально лишенным консульства, поскольку в противном случае избрать Мерулу на его место было бы невозможно. Но сенаторы могли признавать что угодно. Это не позволяет нам считать само собой разумеющимся, что позиция сената в данном случае согласовывалась с обычной процедурой.

С самого начала сложившаяся ситуация кардинально отличалась от всех остальных эпизодов избрания консула-суффекта, а именно: в 87 г. проблемой для сената стало не отсутствие второго консула (в результате его смерти или абдикации по религиозным мотивам), а, наоборот, сохранение консулом своего положения. Таким образом, необычное обвинение в том, что Цинна

оставил город в опасности²⁶³, можно объяснить необходимостью создать видимость отсутствия второго консула. Он покинул город, когда город нуждался в нем. Следовательно, данное обвинение следует рассматривать как еще одно неловкое оправдание отстранения Цинны, которое дополнило обнаружение в «Сивиллиных книгах» подходящего оракула. Сенат сам назначил Мерулу, потому что найденные аргументы оказались недостаточны, и, следовательно, выборы консула в комициях оставались невозможными не только политически, но и потому, что все еще были живы и легально действовали оба консула. Нежелание Мерулы принять власть (Diod. Sic. 38/39.3) вполне объяснимо не только его личными предпочтениями или неуверенностью, но и тем, что его назначение им самим рассматривалось как проблематичное²⁶⁴.

Может сложиться впечатление о том, что предложенная мною интерпретация целиком базируется на речи Цинны у Аппиана. Конечно, достоверность этого свидетельства можно поставить под сомнение. Но даже если сама речь не передает фрагменты реальной речи Цинны, она как минимум демонстрирует логику Аппиана, согласно которой народ не был причастен к отстранению Цинны. Кроме того, есть веские основания полагать, что, по крайней мере, одна деталь, которая имеет решающее значение для моей аргументации, не могла быть сконструирована Аппианом.

Х. Клофт пишет, что нам неизвестно, содержит ли речь Цинны аутентичные детали²⁶⁵, в то время как уже Х. Беннетт, очевидно, не сомневался в этом²⁶⁶, а по словам Р. Баумана, «здесь кроется нечто большее, чем мелодрама»²⁶⁷. Р. Морстейн-Маркс приводит важный аргумент в пользу достоверности речи: «сомнительно, что Аппиан мог самостоятельно сочинить речь, которая так точно соответствует характерным темам

²⁶³ Hackl U. Senat und Magistratur... S. 224: «fadenscheinig».

²⁶⁴ Hackl U. Senat und Magistratur... S. 223–224.

²⁶⁵ Kloft H. Caesar und die Amtsentsetzung... S. 328, Anm. 58.

²⁶⁶ Bennett H. Cinna and his Times... P. 10.

²⁶⁷ Bauman R.A. The *hostis* Declarations.... P. 288–289.

позднереспубликанского ораторского искусства». Цинна в передаче Аппиана обыгрывает некоторые важнейшие темы риторики городских *contiones*. Он обращается к стоящим перед ним солдатам как к гражданам, а не квази-наемникам²⁶⁸. М. Ловано также приводит несколько важных причин полагать эту речь в целом достоверной²⁶⁹.

Тем не менее, решающим, на мой взгляд, является другой фактор. Даже если бы текст Аппиана не сохранился или если бы мы по-прежнему полностью отрицали подлинность его содержания, заключенный в нем ключевой тезис о том, что сенат, что бы он ни делал, осуществлял свои действия единолично и незаконно, все равно можно было бы вывести из сообщений других авторов. Прежде всего, судя по тому, что мы знаем о функционировании воинских *contiones*²⁷⁰, ясно, что Цинна, действительно, должен был произнести какую-то речь, когда получил контроль над армией. То, что эта речь должна была содержать обвинения сената в незаконных действиях против консула, следует из рассказа Веллея (2.20.3), несмотря даже на то, что он не сообщает о самой *contio* Цинны. Веллей, как уже отмечалось, характеризует инициативы сената, направленные на отстранение Цинны, как *iniuria*. То же самое верно и в отношении Цицерона, который, подчеркну еще раз, считает, что Цинна действовал «правильно и, пожалуй, даже законно» (*Att.* 9.10.3). Что еще более важно, оценки Веллея и Цицерона принадлежат им самим. Они не приписываются Цинне, как в сочинении Аппиана. Таким образом, оба античных автора считают отстранение Цинны незаконным, несмотря даже на то, что они (особенно явно Веллей) одновременно полагают этот акт политически целесообразным. Если бы имело место досрочное прекращение магистратуры по решению комиций, то все было бы наоборот: аброгация, даже если была политически спорной, являлась бы обоснованной с юридической

²⁶⁸ См.: Morstein-Marx R. *Consular Appeals...* P. 269–271. Ср.: Nicolet C. *The World of the Citizen...* P. 142.

²⁶⁹ Lovano M. *The Age of Cinna...* P. 36–37.

²⁷⁰ См., напр., краткий анализ в работе Ф. Пина Поло: Pina Polo F. *Procedures and Functions...* P. 213–215.

точки зрения (насколько может быть обоснованной любая аброгация). Поскольку и Веллей, и Цицерон явно не были участниками этого конфликта и точно не являлись большими поклонниками Цинны, негативная оценка ими законности его отстранения подтверждает мнение самого Цинны (как о ней пишет Аппиан) и является аргументом против версии о том, что имела место аброгация консулата комициями.

Б. Штрауманн вслед за Д.Р. Шэкнтоном Бэйли приходит к выводу о том, что существовало правовое обоснование позиции, согласно которой Цинна был несправедливо лишен консульства²⁷¹. Конкретные акты, такие как постановления сената в данном случае, оценивались относительно общих представлений о конституционной легитимности, т.е. законности «на более высоком уровне»²⁷². Однако Б. Штрауманн поспешно на мой взгляд, посчитал не требующим обоснования вывод о том, что формальное лишение консулата действительно произошло, пусть даже это противоречило римскому пониманию «конституционной легитимности».

Обратимся теперь к рассмотрению Б. Кацем возможных причин выбора кандидатуры Мерулы, что имеет большое значение для дальнейшего анализа. Б. Кац считает более вероятным, что «Мерула был выбран главным образом для того, чтобы помешать кому-то другому добиться избрания»²⁷³. Так, П. Сервий Ватия, сулланец и «способный военный», вполне мог быть избран народом на место Цинны, особенно учитывая отсутствие военных заслуг у консула Октавия. Однако «группа противников новых граждан, противников марианцев, но не сулланцев» не хотела, чтобы к власти пришел последователь партии Суллы, и поэтому предпочла Мерулу. Последний был

²⁷¹ См.: Straumann B. *Crisis and Constitutionalism: Roman Political Thought from the Fall of the Republic to the Age of Revolution*. Oxford; New York: Oxford University Press, 2016. P. 56. Также см.: Lovano M. *The Age of Cinna*... P. 35–36.

²⁷² Ср.: Straumann B. *Crisis and Constitutionalism*... P. 54–55.

²⁷³ Katz B.R. *The Selection of L. Cornelius Merula*... P. 164. Также см.: Lovano M. *The Age of Cinna*... P. 2002, 35.

фламином Юпитера и, возможно, был избран, в том числе, по той причине, что народ еще не осознал опасности, которую представлял Цинна²⁷⁴.

Такая интерпретация приводит к заключению о том, что несулланское сенаторское большинство предпочло кандидата, которого большинство избирателей не избрало бы. Но возникает тогда вопрос, как сенаторы смогли преодолеть настроения электората, если не путем прямого назначения консула-суффекта?

Б. Кац отмечает, что немаловажную роль могло сыграть и вмешательство Октавия. А именно, его «Religionspolitik», то есть использование «Сивиллиных книг» для легитимации отстранения Цинны, вполне могла побудить его обратиться к Меруле, жрецу Юпитера. Сам Б. Кац сразу же отвергает эту возможность, поскольку «такая мотивация не является адекватной для объяснения (результатов) выборов, для которых, как представляется, требовалась широкая поддержка»²⁷⁵. Какого рода «широкую поддержку» имеет в виду Б. Кац? Очевидно, он подразумевает здесь поддержку со стороны только политического класса. Но прежде, чем перейти к рассмотрению некоторых следствий из его интерпретации, зададимся другим вопросом: насколько многочисленными были сторонники Цинны или, по крайней мере, те, кто не был настроен против него, среди голосующих граждан? Есть все основания полагать, что они были достаточно многочисленны для того, чтобы сделать аброгацию его империя в комициях весьма проблематичной.

Мы знаем, что в ходе этих событий политическая позиция большинства плебейских трибунов могла измениться: если это не результат путаницы в источниках, то оказывается, что поначалу большинство трибунов выступило против Цинны, но затем значительная их часть (а именно: шесть трибунов) обратилось против его врагов²⁷⁶. Отсюда можно сделать осторожный вывод о

²⁷⁴ Katz B.R. The Selection of L. Cornelius Merula... P. 164.

²⁷⁵ Katz B.R. The Selection of L. Cornelius Merula... P. 165.

²⁷⁶ То, что некоторые трибуны изменили свое мнение, само по себе, конечно, является лишь предположением, но «далеко не удивительно», если бы «беспрецедентная резня, учиненная

том, что не только плебейские трибуны, но и многие избиратели в комициях изменили свои взгляды и что, во всяком случае, для врагов Цинны стало большим риском попытаться использовать народное собрание против консула, который был не так давно избран этим же собранием²⁷⁷. Возможно, большинство трибунов и большинство избирателей в центуриатном собрании были настроены против любых экстремальных политических инициатив (независимо от того, кто их выдвигал): сразу после поражения на форуме Цинна (разумеется, лишь на время) выглядел менее радикальным, чем его противники, грубо пренебрегавшие конституционными нормами²⁷⁸.

Для проверки эти рассуждений важно сообщение Грания Лициниана. Он пишет, что армия Метелла Пия, посланная против Цинны, приветствовала солдат отстраненного консула. Увидев это, Метелл поспешно отвел свои войска от войск Цинны (*Gran. Licin. 35.47–48 Criniti*)²⁷⁹.

Конечно, вывод о том, что трибуны изменили свое мнение, может выглядеть ненадежным, как и предположение о том, что предпочтения солдат некоторых армий являются индикатором предпочтений избирателей. Однако имеется и прямое указание Аппиана на то, что многие граждане, остававшиеся в городе, когда Цинна собирал войска у Рима, действительно относились к консулу благосклонно, но некоторое время выжидали исхода конфликта (*App. BC. 1.69*)²⁸⁰. Таким образом, складывается общее впечатление о том, что, по

последователями Октавия в отношении сторонников Цинны, или трезвая оценка политических и военных реалий в условиях полномасштабного столкновения между двумя консулами могли изменить мнение двух лиц» (Katz B.R. *Studies on the Period of Cinna and Sulla...* P. 500). Альтернатива этому выводу – заподозрить путаницу в источниках (Lanzani C. *Mario e Silla...* P. 43–44; но ср.: Katz B.R. *Studies on the Period of Cinna and Sulla...* P. 502, n. 18). Также см.: Carney T.F. *A Biography of C. Marius...* P. 61, n. 269; De Martino F. *Storia...* P. 74, n. 31.

²⁷⁷ Ср.: Hackl U. *Senat und Magistratur...* S. 224, включая Anm. 56.

²⁷⁸ Ср.: Gabba E. *Mario e Silla // Aufstieg und Niedergang der römischen Welt: Geschichte und Kultur Roms im Spiegel der neueren Forschung. Teil I: Von den Anfängen Roms bis zum Ausgang der Republik. Bd. 1 / Hrsg. H. Temporini. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 1972. P. 796: Цинна позиционировал себя как поборника законности; Carney T.F. *A Biography of C. Marius...* P. 61: «Таким образом, Цинна мог представить свое дело как защиту *res publica*».*

²⁷⁹ Также ср.: *Grani Liciniani Reliquiae / Ed. B. Scardigli. Firenze: Le Monnier, 1983. P. 83–85.*

²⁸⁰ По мнению К. Бульста, в повествовании Аппиана есть намеки на то, что Цинна пользовался значительной популярностью в среде старых граждан, в то время как Октавий

крайней мере, устойчивой и весомой поддержки, которая позволила бы с уверенностью предложить комициям аброгировать консульство Цинны, не наблюдалось. Остается только предположить, что народ мог быть каким-то образом принужден голосовать против Цинны, которого он сам же избрал консулом²⁸¹. Но если бы это было так, то Цинна (или те, кто позже реконструировал его доводы) непременно упомянул бы об этом. Именно по этой причине я не могу полностью принять точку зрения М. Ловано. С одной стороны, он справедливо признает, что Мерула был назначен де-факто сенатом. Но, с другой стороны, М. Ловано предполагает, что сенаторы также «каким-то образом “обеспечили” ратификацию народным собранием»²⁸².

Что касается предположения Б. Каца о том, что Мерула мог быть избран потому, что народ еще не осознал угрозу со стороны Цинны²⁸³, то этот тезис противоречит другой мысли исследователя, а именно тому, что избрание Мерулы могло быть вызвано сообщениями о сборе Цинной войск и денег²⁸⁴. В рамках такой логики оказывается, что предполагаемое избрание Мерулы произошло тогда, когда опасность со стороны Цинны уже была очевидна. Но именно в этот момент не только сторонники Цинны в городе, но и многие из тех, кто ранее сохранял нейтралитет, тем более оказались бы неготовы аброгировать его империй, учитывая, что они уже знали о росте его военных и финансовых возможностей. Еще меньше они были бы готовы избрать вместо него именно Мерулу, который менее всего подходил на эту должность. В частности, будучи фламинем Юпитера, он не мог в полной мере компенсировать главную слабость консула Октавия – его неспособность

при осаде Рима впоследствии не имел большой поддержки населения. «Вероятно, Веллей недалек от истины, когда утверждает, что Цинна был изгнан *collegae optimatumque viribus*» (Bulst Ch.M. *‘Cinnanum Tempus’: A Reassessment of the ‘Dominatio Cinnae’* // *Historia*. 1964. Bd. 13. S. 310–311).

²⁸¹ Lanzani C. *Mario e Silla...* P. 49–50.

²⁸² Lovano M. *The Age of Cinna...* P. 35.

²⁸³ Katz B.R. *The Selection of L. Cornelius Merula...* P. 64.

²⁸⁴ Katz B.R. *The Selection of L. Cornelius Merula...* P. 164–165, n. 8.

одолеть Цинну в полномасштабной войне, то есть отсутствие полководческого таланта²⁸⁵.

Теперь мы можем перейти к общему выводу Б. Каца о том, что главным мотивом выбора Мерулы «было, вероятно, не стремление Октавия к *regnum*» (как предполагает Цицерон во фрагменте *Har. Resp.* 54), а скорее «*invidia* по отношению к Сулле и его *amici*, которую испытывали представители верхушки политического класса»²⁸⁶. Я не думаю, что в данном случае следует игнорировать оценку Цицерона. Маловероятно, что перед лицом непосредственной угрозы со стороны Цинны (в какой-то момент, по мнению Б. Каца, полностью осознанной всеми), который собирал силы под Римом, «продолжающаяся (демонстрация) *invidia* по отношению к Сулле и сулланцам» показалась бы, как выражается Б. Кац, «более насущной»²⁸⁷.

Таким образом, если избрание Мерулы было орудием представителей верхушки политического класса, как утверждает Б. Кац, то такой взгляд несовместим с идеей о том, что народ (свободно) избрал его в качестве суффекта.

Р. Морстейн-Маркс тоже выдвигает веские возражения против интерпретации, предложенной Б. Кацем, и указывает на то, что и Аппиан, и Веллей «ставят выбор Мерулы в такую тесную связь с низложением Цинны», что это вызывает подозрение о том, что оба действия были совершены сенатом. Здесь же Р. Морстейн-Маркс приводит еще один убедительный аргумент: «Если бы Мерула был избран народом, это, вероятно, сделало бы последующие переговоры между сенатом и Цинной гораздо более сложными... Мерула, похоже, был лишен консульства опять-таки решением одного сената..., что, по-видимому, подразумевает, что сенат был в состоянии в одиночку отменить то, что было сделано ранее»²⁸⁸.

²⁸⁵ См., напр., *Per.* 79. Ср.: Badian E. *Foreign Clientelae*... P. 236; Appien. *Histoire romaine*. T. VIII. Livre XIII. *Guerres civiles*. Livre I / Eds. P. Goukowsky, F. Hinard... P. 172, n. 400.

²⁸⁶ Katz B.R. *The Selection of L. Cornelius Merula*... P. 165.

²⁸⁷ Katz B.R. *The Selection of L. Cornelius Merula*... P. 164.

²⁸⁸ Morstein-Marx R. *Consular Appeals*... P. 266, n. 33.

С последним замечанием можно согласиться, но с небольшой оговоркой. Хотя рассказ Аппиана (*BC*. 1.70) предполагает, что Мерула был формально отстранен сенатом, Диодор (38/39.3) определенно сообщает об абдикации Мерулы на *contio*. Однако эти версии не противоречат друг другу. Отречение Мерулы было лишь формально добровольным, но на самом деле оно произошло по инициативе сената. Это как раз тот случай, когда имела место стандартная процедура *coactus abdicare*. Цинна обратился со своими требованиями к сенату; мнение Мерулы не имело значения для обеих сторон. Следует также отметить, что сам акт формальной абдикации вовсе не делает необходимым вывод о том, что Мерула был до этого избран народом²⁸⁹. Таким образом, я прихожу к выводу о том, что он был назначен сенатом²⁹⁰.

§3.4. Hostis-Erklärung против Цинны?

Вторая распространенная интерпретация событий 87 г. сводится к тому, что Цинна был официально объявлен *hostis*. С самого начала следует отметить, что даже если бы это было доказано, мы все равно не смогли бы на этом основании утверждать, что Цинна был лишен консулата. Так, Э. Линтотт считает, что *hostis-Erklärung* была частью риторики в контексте SCU, элементом оправдания экстра-легальных мер. Сама по себе декларация *hostis* ничего не узаконивала²⁹¹. В. Кункель тоже полагал, что этот акт носил декларативный характер²⁹².

Прежде всего, стоит отметить, что ни в одном источнике нет прямого упоминания о том, что Цинна был объявлен *hostis* (*hostem iudicare*). Ю. фон Унгерн-Штернберг приводит несколько убедительных аргументов против

²⁸⁹ Так, согласно Ливию (3.38–41), участники второй коллегии *decemviri legibus scribundis* незаконно сохранили власть даже после того, как срок их полномочий якобы истек. Однако это не отменяло необходимости их формального отречения (*Liv.* 3.54.6). См. гл. 1, §3.

²⁹⁰ Примечательно, что Ф. Де Мартино использует слово «*cooptare*» для обозначения назначения Мерулы (*De Martino F. Storia... P.* 75).

²⁹¹ См.: *Lintott A. The Constitution... P.* 92.

²⁹² *Kunkel W., Wittmann R. Staatsordnung und Staatspraxis... S.* 1995, 239.

этой версии: (1) В рассказе Аппиана Цинна сетует не на потерю гражданских прав (ключевой аспект *hostis-Erklärung*), а на попытку лишить его консульства²⁹³; (2) В тексте Диодора Цинна пытался добиться от сената подтверждения своего консульского статуса, но, опять же, не прав гражданина; (3) Веллей, Плутарх, Аппиан и Кассий Дион (*Vell. Pat.* 2.21.6; *Plut. Mar.* 43.2; *App. BC.* 1.70–71; *Cass. Dio* 30–35.102.8; также см. *Per.* 80) единодушно подтверждают, что Марий, прежде чем войти в Рим вместе с Цинной, изъявил желание о том, чтобы комиции отменили решение о его изгнании. Цинна, однако, ни о чем подобном для себя не просил, следовательно, его положение отличалось от положения Мария, который, как мы знаем наверняка, действительно был объявлен *hostis*²⁹⁴.

К этому можно добавить, что не сохранилось никаких свидетельств об угрозе конфискации имущества Цинны или о попытках разрушить его дом, тогда как обе эти меры упоминаются в связи с несколькими надежными случаями *hostis-Erklärung*²⁹⁵. Не сообщают античные авторы и о попытках преследования Цинны, как это было в эпизоде с плебейским трибуном (вышеупомянутым Сульпицием, но позже, в течение 88 г.). Даже если эти меры действительно были, как указывает Р. Бауман, лишь возможным сопутствующим фактором объявления *hostis*²⁹⁶, по-прежнему подозрительным выглядит то, что ни одна из них не упоминается в связи с ситуацией вокруг Цинны.

²⁹³ На это обратила внимание еще Э. Вин. Отрицая, что Цинна был объявлен *hostis*, она предположила, что он был обвинен в *perduellio* (Wiehn E. *Die illegalen Heereskommanden...* S. 56–57; ср.: Biscardi A. *Auctoritas patrum...* P. 165: *interdictio aqua et igni*). Он спровоцировал бунт рабов и тем самым лишил себя гражданства, что сенат признал своим *senseo*. Это означало, что Цинна не мог оставаться консулом. Замечу, однако, что если бы это было так, то получалось бы, что между *hostis-Erklärung* и обвинением в *perduellio* практически не было разницы. Предположение Э. Вин о *perduellio* можно парировать ее собственным аргументом «против» гипотезы о *hostis-Erklärung*: сенат не был готов назвать консула *hostis*, потому что это был бы слишком радикальный шаг.

²⁹⁴ Ungern-Sternberg J. von. *Untersuchungen...* S. 76–77. Ср.: Konrad Ch.F. *Plutarch's Sertorius: A Historical Commentary*. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1994. P. 67.

²⁹⁵ См.: Bauman R.A. *The hostis Declarations...* P. 288–290.

²⁹⁶ Bauman R.A. *The hostis Declarations...* P. 289–290.

Более того, крайне маловероятно, чтобы большинство сенаторов решилось объявить врагом законно избранного действующего консула, особенно тогда, когда стало понятно, что этот консул смог собрать внушительные военные силы²⁹⁷. В этих условиях многие сенаторы, в первую очередь те, кто не были врагами Цинны, должны были задуматься о собственном выживании²⁹⁸. Это не просто предположение: показательны упомянутые выше действия Метелла Пия. В какой-то момент он принял самостоятельное решение признать Цинну консулом, несмотря на то, что был послан с войском против него.

Наконец, те историки, которые склоняются к гипотезе о *hostis-Erklärung*, не учитывают, что для подобного акта не было формальных оснований. Достаточно указать на многочисленные усилия, которые пришлось приложить Цицерону, чтобы заставить Катилину покинуть Рим и открыто выступить против Республики. Почему это было важно? Как подчеркивает Ю. фон Унгерн-Штернберг, Катилина мог быть объявлен врагом только после того, как он оказался бы во главе армии²⁹⁹. Поскольку Цинна заполучил армию только после того, как сенат вынес свое решение (на которое консул ссылался в своей речи перед солдатами), это событие вряд ли могло означать наличие открытого врага, готового к нападению. Обвинения, которые сенат выдвинул в своем постановлении против Цинны, касались только действий консула в городе и самого факта его бегства из Рима, что подтверждает сказанное.

Р. Бауман приводит наиболее подробную и весьма своеобразную аргументацию в поддержку гипотезы о *hostis-Erklärung*. Он пытается объяснить, почему источники описывают то, что, по его мнению, было объявлением *hostis*, совершенно иначе по сравнению с другими примерами применения этого механизма. Основная идея исследователя заключается в

²⁹⁷ Ср.: Morstein-Marx R. *Consular Appeals...* P. 265–266. Также ср. с событиями, проанализированными в §2 данной главы, а также с ситуацией вокруг М. Антония в 44–43 гг.

²⁹⁸ Ср.: Katz B.R. *The Selection of L. Cornelius Merula...* P. 162–163, n. 2.

²⁹⁹ Ungern-Sternberg J. von. *Untersuchungen...* S. 112.

том, что «все было устроено благодаря гибким свойствам объявления *hostis*» и что сенат «породил свою собственную (версию) объявления *hostis*» («interpreting its own *hostis* declaration»). Однако из множества допущений, которые вынужден делать Р. Бауман, чтобы обосновать такую интерпретацию, неизбежно следует либо то, что в итоге Цинна формально так и не был лишен консульства (поскольку, как предполагает Р. Бауман, постановление сената – пробулевтический акт, который сам по себе не мог иметь силы, – так и не был утвержден комициями), либо то, что Цинна действительно потерял консулат, но это произошло по решению только сената и должно быть понято (согласно критериям самого Р. Баумана) как явная узурпация прерогатив комиций. Наконец, исследователь оставил без ответа ключевой вопрос о том, почему в течение всей истории Республики сенат использовал предполагаемую «особую расширенную» формулировку *hostis-Erklärung* – мощное оружие – только в случае Цинны³⁰⁰.

Анализ, проведенный Р. Бауманом, особенно наглядно демонстрирует свои слабые стороны тогда, когда исследователь на его основе пытается интерпретировать описание Аппианом поведения Цинны перед армией в Капуе. Р. Бауман пытается разрешить очевидное противоречие: если враги Цинны планировали подтвердить *hostis-Erklärung* народным голосованием, но такое голосование так и не состоялось, то почему Цинна не проигнорировал декларативное (или пробулевтическое) сенатское постановление³⁰¹? Р. Бауман видит причину в том, что Цинна решил предотвратить формальное лишение консульства со стороны комиций. Чтобы доказать это, Р. Бауману необходимо обосновать еще три положения, которые невозможно принять: (1) Цинна отрекся от консульства на воинской *contio*; (2) в I в. до н.э. солдаты все еще могли законно избирать консула в военном лагере, что и произошло с Цинной;

³⁰⁰ Bauman R.A. The Abrogation of *imperium*... P. 37, 41–43; 1966, 131–133; Bauman R.A. The *hostis* Declarations.... P. 286–289. У. Хакль (Hackl U. Senat und Magistratur... S. 224, Anm. 54) подчеркивает, что реконструкция Баумана не поддается подтверждению имеющимися источниками.

³⁰¹ Замечу, что Бауман не уточняет, привела бы уже *hostis-Erklärung* к формальной потере Цинной своего поста.

(3) план Цинны основывался на понимании, что империй, который солдаты вручили ему снова, уже не мог быть отменен комициями в Риме, даже если народ этого бы захотел³⁰². Отмечу лишь некоторые трудности, связанные с этими допущениями.

То, что Цинна опустил фаски перед воинской *contio* не могло, вопреки тому, что считает Р. Бауман, означать отказ от власти. Скорее, этот жест указывал на символическое признание магистратом верховенства народа³⁰³. Срывание с себя магистратских одежд также не было признаком абдикации. Такой способ отказа от должности был бы довольно эксцентричным. Скорее, данное действие следует понимать как интегральную часть риторики, призванную вызвать у аудитории жалость. Даже если таким образом Цинна желал продемонстрировать, что больше не может оставаться магистратом, это не обязательно означало бы его формальную абдикацию. Здесь уместно указать на случай претора Цезаря в 62 г. Цезарь сменил свои магистратские одеяния на одежду *privatus*. Это, однако, не помешало ему продолжить исполнение преторских обязанностей спустя несколько дней и без каких-либо перевыборов, как только сенат отменил свое решение об отстранении Цезаря от исполнения должностных полномочий³⁰⁴.

Если бы мы последовали Р. Бауману, то должны были бы заключить, что Цинна, дабы закрепить свое положение, сначала отказался от магистратуры, полученной им в совершенно законном порядке, а затем был переизбран армией, словно в комициях. Но разве он мог укрепить свою легитимность таким образом? Скорее наоборот, ведь, как известно, комиции в армии давно были запрещены (Liv. 7.16.8). Конечно, Р. Бауман не оставляет эту проблему без внимания, но предполагает, что к 87 г. данный запрет уже не действовал. В качестве обоснования он приводит лишь один эпизод ок. 212 г. Однако в данном случае Ливий упоминает о воинских квази-комициях только в

³⁰² Bauman R.A. The *hostis* Declarations.... P. 288–289.

³⁰³ Liv. 2.7.7; Cic. *Rep.* 1.62, и т.д. См.: Bell A.J.E. Cicero and the Spectacle of Power // *Journal of Roman Studies*. 1997. Vol. 87. P. 11–12.

³⁰⁴ См. § 4 данной главы.

контексте описания того, как сенат выражал свое негодование по поводу рядового всадника, который хотел получить признание в качестве пропретора после гибели магистратов в битве, и он был избран солдатами в качестве нового лидера (Liv. 26.2)³⁰⁵. Даже если допустить, что выборы в рамках воинских комиций были возможны (хотя для такого предположения нет никаких оснований), то Цинна подорвал бы свое положение подобными действиями гораздо надежнее, чем это мог сделать сенат.

Наконец, пытаясь доказать переизбрание Цинны в консулы собранием воинов, Р. Бауман вынужден сделать чрезвычайно странное предположение, согласно которому голосование должно было быть организовано именно в тот момент, когда Цинна в буквальном смысле валялся на земле в окружении солдат, разыгрывая жертву сената³⁰⁶. И все же рассуждения Р. Баумана, даже если с их основными результатами нельзя согласиться, очень важны, поскольку позволяют яснее увидеть некоторые следствия (весьма показательные) из предположения о том, что Цинна был объявлен *hostis*, но не был отстранен комициями.

§3.5. Отстранил ли сенат Цинну напрямую?

Х. Клофт подходит к рассматриваемому вопросу с другой стороны. Он абсолютно прав, когда заключает, что необходимо отказаться как от предположения об аброгации, так и от гипотезы о *hostis-Erklärung*. В то же время Х. Клофт утверждает, что если сенат постановил собственным решением отстранить Цинну от консульства, то такая мера была более чем легитимной и достаточной³⁰⁷. Получается, что утрата Цинной консулата была легитимной просто потому, что сенаторы сами инициировали процесс. Р. Морстейн-Маркс справедливо утверждает, что определенный состав сената

³⁰⁵ Bauman R.A. The *hostis* Declarations.... P. 288.

³⁰⁶ Bauman R.A. The *hostis* Declarations.... P. 288.

³⁰⁷ Kloft H. Bemerkungen zum Amtsentzug... S. 168–169.

вполне «мог вести себя вопреки освященным давней традицией стандартам законности и нормативной обоснованности. Коротко говоря, сенат не являлся источником легитимности, без каких-либо оговорок». С точки зрения воинов, к которым Цинна обращался со своими призывами, лишение консула должности сенатом было нелегитимно³⁰⁸. Как уже упоминалось выше, Р. Бауман, рассматривая аброгацию как шаг к инициированию судебного разбирательства, также отмечает, что сенат признавал исключительное право народа на лишение должности: «...осуществление сенатом права на аброгацию (магистратуры), по сути, означало бы узурпацию прерогатив народа в сфере уголовной юрисдикции»³⁰⁹.

Как справедливо отмечает Х. Клофт, сенат прибегал к этому способу только под давлением обстоятельств и избегал бы его, если бы существовали другие возможности³¹⁰. Однако это не соответствует представлению самого исследователя о том, что прямое вмешательство сената только сделало отстранение Цинны более неоспоримым. Неясно, почему сенатское большинство не использовало столь беспроегривый вариант каждый раз, когда выступало против магистрата.

Остается лишь предположить, что интерпретация Х. Клофта является результатом следующих рассуждений. Если и лишение полномочий, и *hostis-Erklärung* исключены, то сенат должен был отнять консулат напрямую своим постановлением. Подобное решение Клофт считает эффективным и легитимным, вероятно, потому что в противном случае ему пришлось бы признать, что формально Цинна оставался консулом. Это, в свою очередь, противоречило бы как факту назначения Мерулы консулом, так и тому, что политическое положение Цинны действительно было подорвано, что признавал и сам Цинна. Если его положение в реальности оказалось под вопросом в том смысле, что он больше не мог действовать как консул, то это

³⁰⁸ Morstein-Marx R. Consular Appeals... P. 275, 277.

³⁰⁹ Bauman R.A. The Abrogation of *imperium*... P. 41.

³¹⁰ Kloft H. Bemerkungen zum Amtsentzug... S. 169.

должно было означать утрату им власти, неважно, при помощи какой процедуры. В рамках этой логики все зависит от легитимности лишения должности решением одного сената. Поэтому Х. Клофт пытается обнаружить, во-первых, другие случаи реализации подобной процедуры, а во-вторых, нормативное описание сенатских прерогатив в этой сфере. Как выясняется, ни того, ни другого сделать не удастся, что исследователь вполне признает. Так, рассматривая нормативные предписания, он ссылается на рассуждения Цицерона о возможных способах противостояния плебейскому трибуну: «если плебейский трибун, препятствующий сенату или подстрекавший народ, будет случайно или заклеимен, или ограничен постановлением сената, или лишен полномочий, или изгнан...» (пер. В.О. Горенштейна; *Cic. Att. 7.9.2: tribunus plebis senatum impediens aut populum incitans notatus aut senatus consulto circumscriptus aut sublatus aut expulsus sit*)³¹¹. Х. Клофт, вслед за Д.Р. Шэкletonом Бэйли, пишет, что *nota*, официальное осуждение, издавалась цензорами и означала для трибунов потерю места в сенате. *Circumscriptus* указывает на ограничение права на интерцессию, *sublatus* – на лишение должности (*Amts Entfernung*), а *expulsus* – на изгнание³¹². Не вдаваясь в подробности, отмечу, что, как указывает сам Х. Клофт, в латинском предложении *sublatus* и *expulsus* не обязательно связаны с *senatusconsultum* (даже если сенатское постановление могло затем привести к этим двум мерам). Однако если это так, то только действие, обозначаемое *circumscriptus*, однозначно осуществлялось посредством *senatusconsultum*. При таком понимании оказывается, что сенат в определенной мере мог ограничить возможности плебейского трибуна. Но поскольку лишение должности (*sublatus*) упоминается отдельно, то слова Цицерона не могут быть

³¹¹ Ср. *Cic. Leg. 3.24*: quod enim est tam desperatum collegium, in quo nemo e decem sana mente sit? quin ipsum Ti. Gracchum non solum neglectus sed etiam sublatus intercessor evertit. quid enim illum aliud perculit, nisi quod potestatem intercedenti collegae abrogavit?

³¹² Kloft H. *Caesar und die Amtsentsetzung...* S. 326–327, Anm. 54. Ср. *Cic. Mil. 88* (о Публии Клодии): senatus, credo, praetorem eum circumscripsisset. ne cum solebat quidem id facere, in privato eodem hoc aliquid profecerat. Если *circumscribere* можно с тем же успехом применить к *privatus* (магистрату-десигнату), то данная мера не имела никакого отношения к магистратуре как таковой.

использованы для доказательства того, что существовал принцип или правило, согласно которому сенат своим постановлением на практике мог лишить магистрата его должности.

Х. Клофт справедливо утверждает, что в обоих случаях речь шла скорее об отстранении от магистратских обязанностей или функций (*Dienstgeschäften*)³¹³. Другими словами, не имелась в виду потеря каких-либо полномочий³¹⁴. Это еще яснее видно из другого случая, упомянутого Х. Клофтом, когда сенат принял решение относительно консулов, потерпевших неудачу в борьбе со Спартаксом. Они были фактически отстранены от командования войсками, но все же не лишились своих должностей³¹⁵. Очевидно, сила этого сенатского решения полностью зависела от того, согласятся ли с ним консулы, поскольку они оставались высшими должностными лицами и могли просто проигнорировать постановление (о чем свидетельствует, в частности, случай Г. Фламиния³¹⁶). Полагаю, что Х. Клофт прав и тогда, когда сравнивает все эти эпизоды с ситуацией Цинны (несмотря на очевидные различия, например, в том, что положение этого консула было более сложным, поскольку на место Цинны был назначен суффект). Однако если это так, то и в этом случае речь должна идти не о лишении должности, а скорее о попытке нейтрализовать действия магистрата, блокируя его способность исполнять свои обязанности или функции в качестве должностного лица³¹⁷.

³¹³ Kloft H. *Bemerkungen zum Amtsentzug...* S. 170.

³¹⁴ См. §§4–5 данной главы.

³¹⁵ Kloft H. *Bemerkungen zum Amtsentzug...* S. 169–170; ср.: Shatzman I. *Four Notes on Roman Magistrates* // *Athenaeum*. 1968. Vol. 46. P. 347–350; Rubensohn Z. *A Note on Plutarch, Crassus X, I* // *Historia*. 1970. Bd. 19. S. 624–627; Rosenstein N.S. *Imperatores victi...* P. 38, 186. См. источники в работе: Broughton T.R.S. *The Magistrates of the Roman Republic*. Vol. 2. P. 116, но особенно *Per.* 96: *idque bellum M. Crasso praetori mandatum est*; Plut. *Crass.* 10.1: *ταῦθ' ἡ βουλὴ πυθομένη τοὺς μὲν ὑπάτους πρὸς ὀργὴν ἐκέλευσεν ἡσυχίαν ἄγειν, Κράσσον δὲ τοῦ πολέμου στρατηγὸν εἴλετο...*

³¹⁶ См. §3.2 данной главы.

³¹⁷ По этой причине представляется удачным перевод слов Аппиана [*ἡ βουλὴ*] *ἐψηφίσατο μήτε ὑπάτον μήτε πολίτην εἶτι εἶναι* (*BC.* 1.65) следующим образом: «le Sénat le déchu de ses fonctions de consul ainsi que de la citoyenneté romaine» (Appien. *Histoire romaine*. T. VIII. Livre XIII. *Guerres civiles*. Livre I / Eds. P. Goukowsky, F. Hinard... P. 61; ср., однако: Appien.

§3.6. *Magistratus, privatus* и политическая инициатива: новый взгляд на положение Цинны в 87 г.

Возвращаясь к интерпретации Баумана, подчеркну, что, на мой взгляд, в ней содержится ядро здравого смысла: объективно положение Цинны как консула действительно было подорвано, поэтому Цинна не мог просто проигнорировать постановление сената. Вопрос состоит в том, следует ли интерпретировать эти объективные препятствия в категориях потери самого консулата.

Как было аргументировано выше, лишение Цинны империя, объявление *hostis* и даже SCU против него прямо не засвидетельствованы и, более того, по ряду причин они должны быть признаны невозможными в рассматриваемых конкретных обстоятельствах. Вместо этого противники Цинны ограничились постановлением сената, которое не могло изменить его публично-правовой статус, даже если предполагало дальнейшие меры, в частности назначение Мерулы³¹⁸.

Подойдя к такому выводу, уместно обратиться к словам Цицерона о преторе 63 г., которые часто цитируются при интерпретации эпизода 87 г.: «Публий Лентул, хотя он на основании неопровержимых показаний, своего собственного признания и решения сената утратил права не только претора, но и гражданина, все же от своей должности отказался сам» (пер. В.О. Горенштейна)³¹⁹. Эта формулировка, по существу, почти идентична той, которую Аппиан избирает при рассказе о Цинне. Ю. фон Унгерн-Штернберг справедливо заключает, что постановление сената против Лентула носило лишь декларативный характер³²⁰. Если это так, то ничто не мешает нам таким

Histoire romaine. T. VIII. Livre XIII. Guerres civiles. Livre I / Eds. P. Goukowsky, F. Hinard.... P. 171–172, n. 399).

³¹⁸ Как теперь признано в исследовании А.В. Короленкова (Короленков А.В. Первая гражданская война в Риме... С. 139–144).

³¹⁹ Cic. *Cat.* 3.15: nam P. Lentulus, quamquam patefactis indicibus, confessionibus suis, iudicio senatus non modo praetoris ius, verum etiam civis amiserat, tamen magistratu se abdicavit... Ср. *Cat.* 4.5: quod P. Lentulum se abdicare praetura coegistis.

³²⁰ Ungern-Sternberg J. von. Untersuchungen... S. 78, Anm. 116.

же образом оценивать акт сената против Цинны, даже если фразу *ex auctoritate senatus* у Веллея нельзя уверенно рассматривать как указание на *senatusconsultum*, на который было наложено вето. Различие между случаем 63 г. и ситуацией 87 г. заключалась только в том, что произошло после: Лентул совершил абдикацию, а Цинна – нет. Случай с Лентулом показателен еще и потому, что демонстрирует, каким образом античные авторы иногда передают суть политической ситуации, оставляя формальную сторону вопроса на периферии внимания. О том, что Лентул отказался от магистратуры, мы знаем благодаря Цицерону, в то время как Аппиан ограничивается кратким и однозначным сообщением о том, что якобы сенат лишил его власти, хотя технически, как мы точно знаем в этом случае, речь шла о формально добровольной абдикации (App. BC. 2.5: ἡ μὲν βουλὴ Λέντλον παρέλυσε τῆς ἀρχῆς). Это еще одна причина, по которой еще более краткое сообщение Веллея о том, что консулат Цинны был аброгирован *ex auctoritate senatus*, должно подвергаться анализу, а не просто цитироваться.

Итак, Цинна не был лишен консулата. Я не имею в виду, что была предпринята попытка формально лишить Цинну его полномочий, но она не удалась: на мой взгляд, таковой попытки не было вообще. Не имея возможности или решимости напрямую сместить консула, сенаторское большинство попыталось найти другие способы противостоять Цинне. Апелляция к религиозным соображениям (Сивиллиным книгам) была удобна, но она позволяла лишь объяснить, почему консул и трибун покинули город, и не могла быть использована для того, чтобы помешать деятельности Цинны за пределами Рима³²¹. Какие иные средства борьбы находились в арсенале его противников, помимо подготовки постановления сената? Похоже, что назначение суффекта консулом было действительно удачным ходом. Сенаторы смогли хотя бы частично легитимировать этот незаконный акт, но, что самое главное, в нем заключался политический смысл. Когда Цинна еще

³²¹ По справедливому мнению Ф. де Мартино, указания Сивиллиных книг не могли служить юридическим основанием для отстранения Цинны (De Martino F. Storia... P. 74).

находился в Риме после поражения на форуме, его дальнейшие действия в качестве консула были фактически заблокированы угрозой физической расправы. Но после того, как Цинна покинул Рим, он оказался вне досягаемости своих врагов. Назначение консула-суффекта было попыткой сенаторов продлить фактическое ограничение полномочий Цинны и, самое главное, распространить это ограничение за пределы города, т.е. на территорию, над которой противники Цинны не имели физического контроля.

Действия сената против Цинны не стоит недооценивать. Хотя нелегитимность назначения Мерулы в глазах граждан не имела большого значения (остается только предполагать, как ситуация поменялась бы в случае поражения Цинны), положение Цинны тоже было подорвано появлением второго претендента на то же самое консульское место. Однако, напрямую обратившись к армии, Цинна успешно подтвердил свой статус консула. Последующая абдикация Мерулы означала, конечно, не переизбрание Цинны, а лишь его неофициальное признание сенатом.

Как ни парадоксально, в течение некоторого времени в Республике *de facto* имелись три консула. Цинна оставался консулом в то же время, когда таковым считался и Мерула. Более того, по крайней мере одна сторона в этом гражданском конфликте – враги Цинны – позже признала, что ранее они юридически признавали трех консулов одновременно, ведь, принимая решение о признании Цинны в качестве консула, они, очевидно, не требовали его официального переизбрания. Таким образом, все это время Цинна законно оставался консулом, даже для сената (во всяком случае, это сенаторы были принуждены признать). Одновременно они также посчитали нужным принудить Мерулу к абдикации, т.е. заставить его формально отказаться от полномочий, как если бы он тоже был законным магистратом. В некоторой степени случай 87 г. напоминает узурпации императорской эпохи, когда одновременно несколько кандидатов на одну позицию могли быть признаны разными частями армии (а также сенатом и народом в Риме). В частности, параллель (которая весьма показательна, даже если случайна) заключается в

том, что происходило, когда сенат признавал узурпатора новым императором: фактически сенаторы должны были допустить, что их собственные прежние действия против него были нелегитимны, поскольку не соответствовали *consensus universorum*³²². Возможно, это просто совпадение, но, тем не менее, стоит отметить, что, в изложении Диодора (38/39.3), когда Мерула отрекался от власти в пользу Цинны, он представлял себя как защитника согласия и единства (ὁμόνοια).

Стратегия Цинны ни в коем случае не гарантировала успех. Могла сработать и тактика, избранная противной стороной. По крайней мере, случай с претором Целием в 48 г. показывает то, как действующий магистрат, которого формально не лишили власти, но который был вынужден покинуть Рим, чтобы попытаться заручиться поддержкой за пределами города, мог вполне потерпеть неудачу³²³. Однако в случае с Цинной агитация отстраненного магистрата оказалась весьма эффективной. Только поэтому недостатки тактики сената, направленной на нейтрализацию консула, стали очевидны.

Хотя некоторые из этих выводов ранее уже были сформулированы в историографии, они еще не становились элементами последовательной аргументации. Причина такого положения дел может заключаться в том, что дихотомия *privatus/magistratus*, использовавшаяся всеми античными авторами, приводит к противоречию, которое требует осмысления. Если свести все к вопросу о том, стал ли Цинна *privatus* или остался *magistratus*, то нельзя будет предложить логичный и обоснованный в других отношениях вывод о том, что Цинна оставался консулом, поскольку источники все-таки свидетельствуют о том, что политическое положение Цинны как консула объективно (т.е., в том числе, с его собственной точки зрения) оказалось подорвано³²⁴.

³²² См.: Flaig E. *Den Kaiser herausfordern. Die Usurpation im Römischen Reich*. Frankfurt; New York: Campus Verlag, 1992. S. 555–560.

³²³ См. § 5 данной главы.

³²⁴ Напр., Ф. де Мартино сначала указал на то, что Цинна оспаривал незаконное лишение консулата по инициативе сената и по-прежнему продолжал считать себя консулом (De Martino F. *Storia...* P. 75: («[r]itenendosi perciò sempre console»). Тогда получается, что,

Попытка Р. Морстейн-Маркса переосмыслить события 87 г. является важной и показательной во многих отношениях³²⁵. Он рассматривает различные представления о том, как должна была выглядеть политическая легитимность с точки зрения участников событий. Однако такой подход не может привести к исследовательской интерпретации, которая не зависела бы целиком от выбранной точки зрения одной из сторон гражданского конфликта. Анализ Р. Морстейн-Маркса по-прежнему сводится к вопросу о том, оставался ли Цинна законным – и легитимным – консулом. Только теперь делается вывод о том, что именно сенат действовал незаконно. Возможно, это и так, но это не дает нам ответа на не менее важный вопрос: почему сам Цинна в своей речи перед войском в передаче Аппиана заявил, что его лишили консульства? Почему он требовал публичного признания себя консулом не только своими противниками, но и своими сторонниками? Не должны ли они были (с точки зрения самого Цинны или же в понимании Аппиана, который сообщает о речи консула) просто проигнорировать незаконные решения сената? Источники – и речь идет не только об Аппиане – сообщают, что даже Марий начал с того, что заявил о признании Цинны консулом (*Plut. Mar.* 41.3–4). Следовательно, такое признание понималось как необходимое любым наблюдателем и актором, независимо от того, к какой стороне конфликта он принадлежал.

Положение Цинны после поражения на форуме действительно можно охарактеризовать как «переходное» или «промежуточное» между *magistratus* и *privatus*, потому что его нельзя было свести ни к одному из этих двух вариантов. Статус Цинны не изменился только с юридической точки зрения.

с точки зрения Цинны, необходимость «реституции» отсутствовала, ведь он так и не признал утрату консулата. Но Ф. де Мартино одновременно пишет о том, что формальная абдикация Мерулы позволила Цинне вернуть себе должность, которой его лишили (*De Martino F. Storia... P. 75*: «per consentire a Cinna di riprendere l'ufficio dal quale era stato scacciato»). Создается впечатление, что Ф. де Мартино пытался объединить два несовместимых представления: то, что Цинна считал, что он сохранил консульство, что бы ни решил сенат, и то, что Цинна требовал определенных формальных действий, потому что полагал их необходимыми для того, чтобы вернуть должность (формально?). Также см.: *Konrad Ch.F. Plutarch's Sertorius... P. 70* (Цинна позже «настоял на том, чтобы его признали консулом» и «был формально восстановлен в должности»).

³²⁵ Morstein-Marx R. *Consular Appeals...* P. 264–271, 276–278.

Впечатление, что он утратил консульскую власть, связано с тем, что он временно, находясь в Риме, был лишен того, что я обозначил выше как «политическая инициатива». С точки зрения римлян, ее утрата была, следовательно, сопоставима с утратой магистратуры *per se*.

Этот вывод подтверждается также тем, что пока Цинна оставался в Риме, сенат не пытался отстранить его от власти, какими бы враждебными ни были его действия. Сенат сделал это только после того, как Цинна покинул Рим. Сенаторам следовало бы радоваться признанию Цинной своего провала, но этого не произошло. Судя по тому, что в период нахождения в Риме Цинна был вынужден подчиняться политике Сульпиция, можно уверенно предположить, что, если бы консул после поражения на форуме не предпринимал никаких новых действий, а лишь реагировал на запросы других акторов, то он не представлял бы опасности, и никаких дальнейших действий сената против него не было бы предпринято. Поведение Цинны было бы тогда сравнимо с поведением Цезаря в 62 г., когда тот был отстранен от преторских обязанностей и удалился в свой частный дом³²⁶, или М. Кальпурния Бибула, коллеги Цезаря по консулату, который, как известно, был также вынужден укрыться в своем доме и долгое время не мог появляться на форуме (его эдикты можно было бы оценить как попытку проявить политическую инициативу, но только если бы они не были слабым паллиативом обычной политической деятельности консула, требовавшей личного и публичного участия в политическом процессе)³²⁷. Иными словами, противники Цинны достигли бы своих целей уже в том случае, если бы Цинна не проявлял бы политическую инициативу в качестве консула. Не было бы необходимости «лишать» его магистратуры³²⁸.

³²⁶ См. §4 данной главы.

³²⁷ См. §5.3 данной главы.

³²⁸ Гражданская война подразумевает непризнание противной стороны. Но формально не обязательно лишать своего врага должности, чтобы выступить против него. Как уже говорилось выше, в 43 г. Цицерон без всякого юридического обоснования (ср., напр., *Phil.* 2.10; 4.8) отказался признать Антония консулом и в итоге даже открыто призвал бороться с законным консулом силой оружия.

В случае отказа Цинны от идеи включения новых граждан и вольноотпущенников во все трибы, от созыва *contiones* и организации своих сторонников за пределами города сам по себе его магистратский статус оказался бы лишен политического значения. Цинна успешно противостоял планам противников именно за счет того, что покинул Рим и обратился к своим сторонникам за его пределами, то есть проявил политическую инициативу (только не в пределах Города). В ответ на это сенат прибег к чисто политическим, механическим средствам, чтобы попытаться помешать деятельности Цинны. Не имея других способов это сделать, противники Цинны попытались хотя бы номинально распространить за пределы Рима те фактические ограничения, которые уже были наложены на деятельность Цинны в качестве консула в городе. Эти действия напоминали проанализированную выше попытку трибуна Сульпиция и его союзников в 88 г. спроецировать свое превосходство в городе Рима (в пределах которого можно было политически нейтрализовать консулов, прибегнув к насилию) на территорию за его пределами за счет применения формальных процедур (лишение консулов военного командования, *provincia* в сфере *militiae*). Как в 88 г., так и в 87 г. приостановке реализации магистратами должностных полномочий в пределах политического пространства города Рима противодействовала мобилизация ими вооруженных сил за пределами городской черты.

Парадокс заключается в том, что в то время, когда Цинна еще находился в Риме и его положение как консула еще не было поставлено под сомнение, он оказался лишен политической инициативы и в определенный момент больше не мог действовать так, как ожидалось от консула. Но когда он подвергся атаке со стороны сената и даже был заменен Мерулой, он, напротив, был в состоянии действовать как консул, прежде всего, призвав солдат на защиту законного порядка как высший магистрат Республики. Рассматриваемый эпизод демонстрирует, что способность к независимой политической инициативе – то, что (помимо правовых различий) отличало *magistratus* от *privatus*, – в

некоторых критических ситуациях могла быть проявлена магистратом, чьи политические возможности как должностного лица были до этого блокированы и оспорены. В то же время возможность действовать в качестве политического лидера могла отсутствовать у такого магистрата (в нашем случае примером и того, и другого является Цинна в разные моменты времени), который на словах признавался всеми, а на деле был нейтрализован своими противниками, потому что не мог действовать в соответствии с той долей самостоятельности, которая обычно ожидалась от лица соответствующего публично-правового статуса.

Вопрос, который Аппиан вкладывает в уста Цинны, когда консул обращается к сенатским посланникам – «пришли ли они к нему как к консулу или как к частному лицу?» – хорошо отражает парадоксы, возникающие при использовании античными авторами дихотомии *privatus/magistratus* в конкретном случае 87 г. С одной стороны, сенат не был уполномочен самостоятельно определять, был ли Цинна консулом или частным лицом³²⁹. С другой стороны, хотя формально Цинна и оставался магистратом, его статус все же оспаривался, в результате чего и послы сената сначала не были готовы обращаться к нему как к действующему консулу, и сам Цинна, выступая с речью перед войском, а затем и перед сенатскими представителями, фактически не отрицал, что его положение ненадежно и шатко даже в его собственных глазах. Он признавал эту ситуацию как политическую реальность и, по словам Аппиана, даже инструментализировал ее, чтобы склонить на свою сторону солдат. Однако такое временное признание факта своего отстранения от власти на воинской *contio* не доказывает ни того, что Цинна был формально лишен магистратуры, ни того, что он всерьез был готов сдаться. Его дальнейшие действия показывают, что он не мог просто продолжить действовать как консул, игнорируя решения, принятые в Риме как юридически

³²⁹ Ср.: Drogula F.K. *Commanders and Command...* P. 215: «...сенат определял, какой *provincia* будет обладать тот или иной полководец. Сенат не обладал властью предоставлять, корректировать, изменять, продлевать или отменять *imperium*».

ничтожные. Во-первых, Цинна должен был убедить своих потенциальных союзников признать и поддержать его. Он не только признавал уязвимость своего положения, но и вполне осознанно стремился его улучшить, хотя источники не используют никакого специального термина для обозначения того, что я определяю как переходный статус между *magistratus* и *privatus*. Вместо этого во всех сохранившихся свидетельствах античных авторов ситуация неизменно описывается в терминах дихотомии *privatus/magistratus*³³⁰.

Современные исследователи по-разному оценивают легальность и легитимность того, что произошло с Цинной, но все же превалирует консенсус по поводу того, что некоторого вида отстранение от власти действительно имело место. Однако, на мой взгляд, оно не имело ничего общего с формальным лишением самой магистратуры. По всей видимости, уже современники Цинны понимали утрату им политической инициативы в качестве консула в пределах городского пространства Рима как нечто почти или потенциально идентичное утрате консульства как такового.

³³⁰ Следует отметить, что, когда в изложении Аппиана Цинна потребовал от посланников сената признать его консулом, он не действовал так, будто его статус был «переходным» или «промежуточным», а задал сенаторам вопрос, который предусматривал выбор только из двух возможных ответов: считают ли они его консулом или частным лицом? Однако уже сам по себе характер вопроса Цинны свидетельствует, во-первых, о том, что он действительно признавал неопределенность своего политического положения, а во-вторых, о том, что сложившаяся ситуация не считалась нормальной и, в конце концов, как ожидалось, она должна быть прояснена (правовой статус должен был быть приведен к соответствию политической ситуации или наоборот). Цинна последовательно акцентирует внимание на статусе консула. К моменту переговоров с сенатом он уже получил значительную поддержку за пределами Рима, и ему не нужно было, как это описывается чуть выше в рассказе Аппиана, срывать с себя магистратские одеяния или бросаться на землю, чтобы произвести впечатление в попытке манипулировать своими потенциальными союзниками. В то же время, он по-прежнему ставил цель добиться признания в качестве консула, но теперь уже от своих противников, что говорит о сохранявшейся неопределенности его положения на протяжении всего эпизода. Выше я попытался показать, что все это не может объясняться только литературными задачами и реконструкцией событий самим Аппианом.

§4. *Administration rei publicae decreto patrum submoverentur*: претор Г. Юлий Цезарь и плебейский трибун Кв. Цецилий Метелл Непот в 62 г.³³¹

Описывая события 62 г., античные источники упоминают попытки принять решение о том, чтобы отозвать Гн. Помпея в Италию для борьбы с Л. Сергием Катилиной. За эту меру выступали трибун Кв. Цецилий Метелл Непот, предложивший ее 3 января 62 г., и претор Г. Юлий Цезарь, поддержавший инициативу Метелла Непота. Она встретила сопротивление трибунов М. Порция Катона и Кв. Минуция Терма, а также сенатского большинства. Попытка преодолеть интерцессию трибунов привела к ожесточенным столкновениям и принятию постановления сената по поводу сложившейся ситуации. В результате проект провалился. Более того, Непот был вынужден покинуть Рим и бежать к Помпею, а Цезарь вскоре достиг соглашения с сенатом³³².

Эпизод 62 г. не раз обсуждался, как правило, в контексте изучения карьеры Цезаря и республиканской политической истории в целом. С этой точки зрения довольно несущественно то, что претор Цезарь был отстранен от своих обязанностей (Suet. *Iul.* 16). Как отмечают Г. Батлер и М. Кэри, «в любом случае отстранение продолжалось всего несколько дней»³³³. Действительно, это было кратковременное событие, которое в историографии упоминается, как правило, вскользь³³⁴.

³³¹ Основные выводы по параграфу опубликованы в работе: Frolov R.M. Better than (when) a Magistrate? Caesar's Suspension from Magisterial Functions in 62 B.C. // *Mnemosyne*. 2017. Vol. 70. P. 977–995.

³³² См.: Shackleton Bailey D.R. *Cicero: Epistulae ad Familiares*. Vol. 1. Cambridge: Cambridge University Press, 1977. P. 273–274.

³³³ Suetoni Tranquilli Divus Iulius / H.E. Butler, M.C. Cary. Oxford: Clarendon Press, 1927. P. 60.

³³⁴ См., напр.: Meyer E. *Caesars Monarchie...* S. 40–41; Syme R. *The Roman Revolution*. Oxford: Clarendon Press, 1939. P. 32; Taylor L.R. *Party Politics...* P. 127–128; Carcopino J. *Jules César*. 5 ed. Paris: Les Libraires associés, 1968. P. 181; Mitchell T.N. Cicero, Pompey, and the Rise of the First Triumvirate // *Traditio*. 1973. Vol. 29. P. 7; Gesche H. *Caesar*. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1976. S. 39; Fehrle R. *Cato Uticensis*. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1983. S. 103–104; Brennan T.C. *The Praetorship...* P. 473,

§4.1. Г. Юлий Цезарь и плебейский трибун Кв. Цецилий Метелл Непот в 62 г.

Ключевым для изучения отстранения Цезаря и Метелла Непота является пассаж Светония:

«Тем не менее, когда народный трибун Цецилий Метелл, невзирая на запрет других трибунов, выступил с самыми мятежными законопредложениями, Цезарь встал на его защиту и поддерживал его с необычайным упорством, пока сенат указом не отстранил обоих от управления государством. Несмотря на это, он отважился остаться в должности и править суд; лишь когда он узнал, что ему готовы воспрепятствовать силой оружия, он распустил ликторов, снял преторскую тогу и тайком поспешил домой, решив при таких обстоятельствах не поднимать шуму. Через день к его дому сама собой, никем не подстрекаемая, собралась огромная толпа и буйно предлагала свою помощь, чтобы восстановить его в должности; но он сумел ее унять. Так как этого никто не ожидал, то сенат, спешно созванный по поводу этого сборища, выразил ему благодарность через лучших своих представителей; его пригласили в курию, расхвалили в самых лестных выражениях и, отменив прежний указ, полностью восстановили в должности» (пер. М.Л. Гаспарова)³³⁵.

832, n. 238; Seager R. Pompey the Great... P. 73–74; Straumann B. Crisis and Constitutionalism... P. 93, n. 170.

³³⁵ Suet. *Iul.* 16: ceterum Caecilio Metello tribuno plebis turbulentissimas leges adversus collegarum intercessionem ferenti auctorem propugnatoremque se pertinacissime praestitit, donec ambo administratione rei publicae decreto patrum submoverentur. ac nihilo minus permanere in magistratu et ius dicere ausus, ut comperit paratos, qui vi ac per arma prohiberent, dimissis lictoribus abiectaque praetexta domum clam refugit pro condicione temporum quieturus. multitudinem quoque biduo post sponte et ultro confluentem operamque sibi in adserenda dignitate tumultuosius pollicentem conpescuit. quod cum praeter opinionem evenisset, senatus ob eundem coetum festinato coactus gratias ei per primores viros egit accitumque in curiam et amplissimis verbis conlaudatum in integrum restituit inducto priore decreto.

Светоний – единственный автор, который прямо сообщает о том, что Цезарь был отстранен от исполнения магистратских обязанностей. Однако его свидетельство не противоречит показаниям других источников.

В рассказе о том, как в 63 г. Цезарь, еще будучи претором-десигнатом, защищался в сенате от подозрений в причастности к заговору Катилины, Плутарх отмечает: «Видя, что заседание затягивается дольше обычного, народ с криками сбежался и обступил здание, настоятельно требуя отпустить Цезаря». Видя это, Катон «убедил сенат учредить ежемесячные хлебные раздачи для бедняков». Эта мера, по словам Плутарха, лишила Цезаря «большой части его влияния как раз в то время, когда он собирался занять должность претора и вследствие этого должен был стать еще опаснее». И действительно, «год его претуры прошел спокойно, и лишь в собственном доме Цезаря произошел неприятный случай» (Plut. *Caes.* 8–9; пер. Г.А. Стратановского и К.П. Лампсакова).

Было высказано предположение о том, что Плутарх путает события 63 г., связанные с обсуждением меры наказания для сторонников Катилины, с тем, что произошло в 62 г., когда Цезарь поддержал закон, предложенный Непотом в пользу Помпея³³⁶. Как отмечают П.А. Стадтер и Р. Уотерфилд, «Плутарх либо не знает, либо умалчивает» об отстранении Цезаря от власти³³⁷.

Однако в другом жизнеописании – Катона Младшего – Плутарх сообщает о жестокой борьбе вокруг закона Непота и роль Цезаря в этих событиях описывает в выражениях, очень похожих на использованные Светонием во фрагменте, приведенном выше. Плутарх, как и Светоний, упоминает о значительной поддержке (ῥώμη), которую Цезарь оказал Непоту. Вместе с Непотом он проводил *contio*. Взаимодействие между ними попытался

³³⁶ Gelzer M. *Caesar: Politician and Statesman*. Oxford: Blackwell, 1968. P. 53, n. 4, 58, n. 2; Edwards M.J. *Plutarch. The Lives of Pompey, Caesar and Cicero*. Bristol: Bristol Classical Press, 1991. P. 73–74.

³³⁷ Plutarch: *Roman Lives. A Selection of Eight Lives* / Eds. R. Waterfield R., P.A. Stadter... P. 504.

нарушить Катон, чтобы положить конец всему этому делу (*Cat. Min.* 27). Роль Цезаря еще больше подчеркивается во фрагменте биографии Цицерона (*Plut. Cic.* 23)³³⁸.

Плутарх также упоминает о решении сената: «сенат объявил, что поддерживает Катона и решительно против законопроекта, который несет Риму мятеж и междоусобную войну» (Пер. С.П. Маркиша; *Cat. Min.* 28). На первый взгляд, это довольно сильно отличается от решения, которое в рассказе Светония привело к отстранению обоих должностных лиц – особенно если учесть, что, по словам Плутарха, в конце концов Катон «не позволил сенату подвергнуть Метелла бесчестью и лишить его должности» (*Cat. Min.* 29: τὴν σύγκλητον ὀρμημένην ἀτιμοῦν καὶ ἀποψηφίζεσθαι τὸν Μέτελλον οὐκ ἔασας)³³⁹. Плутарх приводит дополнительные подробности, свидетельствующие о том, что Непот сохранил за собой полномочия трибуна, что может показаться противоречащим словам Светония о его отстранении. К этому вопросу я вернусь ниже.

Кассий Дион еще более запутывает дело. Он пишет, что Непот внес предложение вызвать Помпея, находившегося в Азии, вместе с армией в Рим. Плебейские трибуны Катон и Кв. Минуций воспользовались правом интерцессии, что привело к вооруженному столкновению. Сенаторы приняли решение поручить консулам заботу о безопасности государства (37.43). Дион – единственный, кто прямо пишет о том, что был принят SCU. Он может выглядеть отличным от постановления, о котором сообщает Плутарх, и от решения, о котором упоминает Светоний³⁴⁰. Тем не менее и Дион, и Плутарх говорят о некой общей мере по преодолению кризиса, но, возможно, показывают разные аспекты одного и того же решения. Главным

³³⁸ Ср.: Plutarch. Caesar / Ed. C. Pelling. Oxford: Oxford University Press, 2011. P. 173–174.

³³⁹ Так, К. Пеллинг указывает, что Плутарх, вероятно, знал версию событий, отличную от версии Светония (Plutarch. Caesar / Ed. C. Pelling... P. 174).

³⁴⁰ Ф. Дрогула перечисляет все указанные сообщения о решении сената, отмечая, что «неясно, какое постановление принял сенат» (Drogula F.K. Cato the Younger... P. 93, n. 134). Однако он склоняется к выводу, что SCU действительно мог иметь место (Drogula F.K. Cato the Younger... P. 93–94).

политическим следствием такого решения могло стать то отстранение Цезаря и Непота, о котором сообщает Светоний³⁴¹.

Однако, в отличие от Светония и Плутарха, Дион совсем не упоминает Цезаря, когда сообщает о законе Непота. Цицерон тоже не называет Цезаря, когда в письме к Целеру, брату Непота, сообщает о своей поддержке некоего постановления сената, которое принесло Непоту облегчение (*sublevaretur*) после того, как предыдущее решение подорвало его позиции (*Cic. Fam. 5.2.9*). Однако можно предположить, что Цицерон просто не захотел упоминать Цезаря в этом конкретном письме (также см. *Cic. Sest. 62; Schol. Bob. 134 Stangl*).

Д.Р. Шэкстон Бэйли даже использует фрагмент *Cic. Fam. 5.2.9*, чтобы аргументировать мысль о том, что, как и Цезарь, «Непот тоже был восстановлен в своем положении»³⁴². Я разделяю мнение исследователя, которое, как кажется, имплицитно содержится в его рассуждении: источники не противоречат друг другу, но фокусируются на разных аспектах одних и тех же событий. Все античные авторы допускают существование некоего постановления сената, которое могло затронуть и Непота, и Цезаря.

Согласно Х. Штрасбургеру, рассказ Диона соответствует рассказу Светония тогда, когда он описывает события, которые могли быть зафиксированы в традиции только из-за более позднего интереса к биографии Цезаря, но вряд ли могли быть упомянуты в синхронных исторических свидетельствах. С другой стороны, повествование Диона отличается от нарратива Светония в тех деталях, которые могли привлечь внимание античных авторов безотносительно их интереса к Цезарю. В последнем случае Диону не пришлось прибегать к биографической традиции. Вместо этого он использовал сообщения, которые происходили из источников, относительно близких к событиям 62 г., и, следовательно, Дион здесь не оценивал Цезаря в свете его позднейших свершений. По мнению Х. Штрасбургера, такие

³⁴¹ Схожим образом рассуждает Дж. Тейтем: Tatum W.J. *The Patrician Tribune...* P. 63.

³⁴² Shackleton Bailey D.R. *Cicero: Epistulae ad Familiares*. Vol. 1... P. 273.

синхронные источники не придавали Цезарю больше исторической значимости, «чем он действительно заслуживал»³⁴³. В то же время, в биографической традиции роль Цезаря явно подчеркивается в ущерб другим политическим деятелям, даже самым влиятельным, включая Помпея³⁴⁴. Отсюда расхождения в античной традиции.

Такая версия выглядит вполне убедительно и может помочь объяснить, почему Дион не упоминает отстранение Цезаря. Действительно, именно Непот предложил закон. Цезарь лишь поддержал его, что делает Непота главным действующим лицом (если только нас не интересует изначально деятельность Цезаря). Однако нет необходимости полагать, как это делает Х. Штрасбургер, что источники Диона вообще не упоминали Цезаря в связи с борьбой за закон Непота³⁴⁵. Интерес Диона к тому, что делал Цезарь в начале января 62 г., вполне очевиден, но только в той части его рассказа, когда он сообщает о том, что Непот бежал к Помпею и что «даже Цезарь, который теперь был претором, не решился на какие-либо дальнейшие новшества» (οὐδὲν ἔτ' ἐνεωτέρισεν). Далее он сообщает, что Цезарь ранее пытался лишить Кв. Лутация Катула поручения по восстановлению храма Юпитера и передать это дело Помпею, однако в итоге воздержался от действий, которые могли бы привести к принятию против него самого такого постановления, которое было принято против Непота (37.44). Этот фрагмент вызывает сомнения. Цезарь, действительно, не настаивал на реализации своей инициативы в отношении Катула (Suet. *Iul.* 15), но все же не колебался в том, чтобы такую инициативу изначально выдвинуть. Если это так, то могут ли слова Диона означать, что как в эпизоде с Катуллом, так и в случае с Непотом Цезарь оказывал поддержку определенным предложениям, но не стремился к их реализации любой ценой? Сообщая о ситуации вокруг Катулла, Дион не мог обойтись без

³⁴³ Strasburger H. *Caesars Eintritt in die Geschichte*. München: Neuer Filser-Verlag, 1938. S. 104–106. Ср.: Hänisch E. *Die Caesar-Biographie Suetons*. Diss. Münster: Bethel b. Bielefeld, 1937. S. 21–22.

³⁴⁴ Hänisch E. *Die Caesar-Biographie Suetons...* S. 20–22; Steidle W. *Sueton und die antike Biographie*. München: C.H. Beck, 1951. S. 36.

³⁴⁵ Strasburger H. *Caesars Eintritt...* S. 103–104.

упоминания Цезаря, поскольку только он один мог быть ответственен за продвижение интересов Помпея в этом деле. Однако Дион показывает читателям, что и здесь истинные намерения Цезаря заключались не в поддержке Помпея, а в завоевании поддержки толпы³⁴⁶. Так как Дион уделяет огромное внимание Помпею, Цезарю и ограниченному кругу других лиц как основным акторам, он с точки зрения их отношений между собой объясняет имеющиеся у него факты³⁴⁷. Не исключено, что именно поэтому он обошел молчанием то обстоятельство, что Цезарь тоже пострадал в результате поддержки закона об отзыве Помпея в Италию, будучи, как и Непот, отстранен от магистратских полномочий постановлением сената.

Возникает также вопрос о том, каким образом SCU, о котором сообщает сам Дион (37.43), мог быть направлен против Непота, но не затронул Цезаря. При этом Дион, как мы видели, подчеркивает, что Цезарю удалось избежать вынесения подобного постановления относительно себя (37.44)³⁴⁸. Остается неясным и то, как ему удалось добиться такого исхода, если, как убедительно показывает Х. Штрасбургер, участие Цезаря в схватке на форуме – одна из тех (немногих) деталей, по поводу которых мы можем быть уверены³⁴⁹. Как следует из сообщения Светония, речь Цезаря *pro Metello* была доступна в период Империи (*Iul.* 55.3). Светоний также прямо пишет о том, что в этой речи Цезарь защищал и себя, и Непота, что делает весьма привлекательным предположение о том, что Цезарь оправдывал именно совместные с Непотом действия на форуме 3 января 62 г.³⁵⁰. Даже если сомневаться в рассказе Светония, в нашем распоряжении имеется также фрагмент Плутарха (*Cat. Min.*

³⁴⁶ См., напр., Hänisch E. *Die Caesar-Biographie Suetons...* S. 21; Fechner D. *Untersuchungen zu Cassius Dios Sicht der Römischen Republik*. Hildesheim: Olms Verlag, 1986. S. 193–194. Также ср.: Brutscher C. *Analysen zu Suetons Divus Iulius und der Parallelüberlieferung*. Bern; Stuttgart: Haupt, 1958. S. 46.

³⁴⁷ Kemezis A.M. *Greek Narratives...* P. 115–116.

³⁴⁸ Ср.: Suetoni Tranquilli *Divus Iulius* / H.E. Butler, M.C. Cary... P. 59.

³⁴⁹ Strasburger H. *Caesars Eintritt...* S. 102.

³⁵⁰ Strasburger H. *Caesars Eintritt...* S. 103; Walter G. *César*. Paris: Albin Michel, 1947. P. 97–98.

27; также см. *Cic.* 23), основанный на показаниях очевидца событий Мунация Руфа³⁵¹, который свидетельствует о том, что Цезарь сыграл свою роль³⁵².

Отмечу также, что акция против Катула была инициирована Цезарем 1 января, в то время как стычка из-за закона Непота произошла 3 января (*Cic. Fam.* 5.2.8). В рассказе Диона порядок событий обратный. Я полагаю, что это не случайное совпадение и что оно может указывать на то, что Дион подстраивает свои источники под уже принятую им интерпретационную схему. Таким образом, рассказ Диона, в котором Цезарь не пострадал от постановления сената против Непота, мог быть не только следствием состояния источников, которыми пользовался историк, но и результатом обработки им самим имеющегося у него материала. В любом случае, избирательное молчание Диона не может быть достаточным основанием для вывода о том, что с Цезарем ничего не произошло.

Итак, хотя Цицерон, Плутарх и Дион не пишут прямо, что Цезарь был отстранен от власти, их сообщения не противоречат этой детали, передаваемой Светонием. На это можно возразить, что Плутарх приводит некоторые подробности об отстранении Непота, которые, если мы считаем, что Цезарь был отстранен тем же актом, могут показаться противоречащими тому, что пишет Светоний. Последний сообщает, что Цезарь вскоре был восстановлен в прежнем статусе. Восстановление положения Непота (о котором Светоний не заинтересован упоминать³⁵³), вероятно, подразумевается в письме Цицерона к Целеру. Однако Плутарх указывает на то, что проект решения сената против Непота было заблокирован Катонем. Я полагаю, что противоречие в рассматриваемом случае отсутствует.

Лишились ли Цезарь и Непот своих полномочий? SCU не был эквивалентом *hostis-Erklärung* и не мог быть направлен против конкретного

³⁵¹ Strasburger H. *Caesars Eintritt...* S. 104; Gelzer M. *Caesar: Politician and Statesman...* P. 57, n. 1.

³⁵² Brutscher C. *Analysen zu Suetons Divus Iulius...* S. 42–43.

³⁵³ Hänisch E. *Die Caesar-Biographie Suetons...* S. 21.

лица³⁵⁴. Поэтому сенатское постановление само по себе не могло лишить Цезаря или Непота их магистратур. Hostis-Erklärung не последовала: к моменту, когда было принято решение сената, Цезарь и Непот уже проиграли борьбу на форуме и вряд ли собирались снова прибегать к насилию³⁵⁵.

В некоторых случаях SCU сопровождался *iustitium*, что могло помешать Цезарю исполнять свои функции, особенно в части отправления правосудия³⁵⁶. Однако в целом наши источники создают картину, сильно отличающуюся от той, которая наблюдается при *iustitium*. Проблема в том, что *iustitium* коснулся бы не только Цезаря³⁵⁷. Эта неизбежная мера вряд ли была уместна в тот момент: претор не собирался предлагать никаких законов. Кроме того, он и Непот уже проиграли борьбу на форуме³⁵⁸. Таким образом, с одной стороны, *iustitium*, вероятно, было бы излишней мерой. С другой стороны, возникает вопрос о том, зачем претору не только прекращать отправлять правосудие, но и отказываться от инсигний магистрата и укрываться в своем доме только по причине объявления *iustitium*? В любом случае, о *iustitium* в рассматриваемом эпизоде источники не сообщают.

Поскольку Цезарь, очевидно, не собирался отказываться от исполнения своих обязанностей, его должны были каким-то образом принудить это сделать, независимо от того, было ли это формально его собственным решением или нет. По мнению Т. Моммзена, Х. Клофта, Л. Томмена, В. Кункеля, Ф. Райана, и Цезарь, и Непот были лишены не полномочий, а лишь

³⁵⁴ См.: Lintott A. *Violence in Republican Rome*... P. 152–153; Ungern-Sternberg J. von. *Untersuchungen*... S. 112.

³⁵⁵ Rilinger R. *Loca intercessionis* und Legalismus in der späten Republik // Chiron. 1989. Bd. 19. S. 496–498. Также см.: Morstein-Marx R. *Julius Caesar and the Roman People*. Cambridge: Cambridge University Press, 2021. P. 107.

³⁵⁶ Suetoni Tranquilli Divus Iulius / H.E. Butler, M.C. Cary... P. 59.

³⁵⁷ Kunkel W., Wittmann R. *Staatsordnung und Staatspraxis*... S. 225–228; Golden G.K. *Crisis Management during the Roman Republic. The Role of Political Institutions in Emergencies*. Cambridge: Cambridge University Press, 2013. P. 87–103.

³⁵⁸ Ср., например, ситуацию 88 г. (Plut. *Sull.* 8), сопоставленную со случаем 62 г. в работе: Suetoni Tranquilli Divus Iulius / H.E. Butler, M.C. Cary... P. 59.

возможности исполнять свои обязанности³⁵⁹. В целом эта точка зрения представляется убедительной, но возможна более детальная интерпретация.

Нет никаких свидетельств того, что Цезарь был вынужден совершить абдикацию или что народ аброгировал его магистратуру. Он продолжал исполнять свои обязанности (*permanere in magistratu*) в течение некоторого времени даже после постановления сената, запрещавшего ему «управлять Республикой». Если у граждан, заинтересованных в судебном разбирательстве, возникала хотя бы тень сомнения в легитимности претора, они не обращались бы к нему по поводу судебных разбирательств (ср. со случаем претора П. Деция в 115 г.). Не отсутствие обращений к претору, а угроза насилия заставила Цезаря покинуть форум. Между прочим, эта угроза исходила от неназванных лиц (консулы не упоминаются), что плохо согласуется с мнением о том, что Цезарь был формально лишен претуры³⁶⁰, как не соотносится с этим и употребление фразы *in integrum restituit*, которой Светоний обозначает восстановление положения Цезаря (см. ниже).

Теперь становится возможным объяснить предполагаемое противоречие между свидетельствами Плутарха и Светония³⁶¹. Плутарх (*Cat. Min.* 29) прямо отмечает, что Катон не позволил сенату, как указано, например, в переводе Б. Перрина, «осуществить свое стремление унизить Метелла и сместить его с должности» («to carry out its purpose of degrading Metellus and deposing him from his office»). С другой стороны, произошедшее отстранение от «управления Республикой», о котором сообщает Светоний, действительно, не обязано означать лишение магистратуры³⁶². Слова Плутарха ἀτιμοῦν καὶ ἀποψηφίζεσθαι

³⁵⁹ Mommsen Th. *Römisches Staatsrecht*. Bd. III.2. S. 1244, Anm. 2; Kloft H. *Bemerkungen zum Amtsentzug*... S. 170; Thommen L. *Das Volkstribunat*... S. 94, Anm. 44; Kunkel W., Wittmann R. *Staatsordnung und Staatspraxis*... S. 224; Ryan F.X. *Rank and Participation*... P. 23–24.

³⁶⁰ Ср.: Gelzer M. *Caesar: Politician and Statesman*... P. 57; Fehrle R. *Cato Uticensis*... S. 104.

³⁶¹ См., напр.: Strasburger H. *Caesars Eintritt*... S. 104; Tatum W.J. *The Patrician Tribune*... P. 270, n. 8.

³⁶² Иначе полагает Р. Морстейн-Маркс, но в результате он вынужден считать, что лишение магистратуры (о котором, по его мнению, сообщает Светоний) обсуждалось, но не было реализовано (Morstein-Marx R. *Julius Caesar*... P. 107–108). С этим нельзя согласиться, так как Светоний описывает акт, доведенный до исполнения.

в *Cat. Min.* 29.2 должны указывать на аброгацию, как и на еще более серьезные последствия. В греческих реалиях ἀτιμία подразумевает потерю политической состоятельности гражданина³⁶³, а ἀποψηφίζεσθαι может быть понято только как лишение должности голосованием. Если предположить, что Плутарх имел в виду предотвращение Катонем лишения Непота самой магистратуры (пусть даже не гражданских прав)³⁶⁴, ситуация проясняется.

Таким образом, то, что Светоний обозначил фразой *administratione rei publicae submovere*, действительно осуществилось, но речь не шла о потере магистратуры³⁶⁵. Данная мера коснулась как Цезаря, так и Непота, несмотря на то что Дион утверждает обратное. Далее, Плутарх сообщает, что Непот избежал потери магистратуры³⁶⁶. Поскольку Непот и Цезарь были отстранены от исполнения своих обязанностей одним и тем же актом, но впоследствии Непот избежал более строгой меры, то и Цезарь смог ее избежать³⁶⁷.

³⁶³ Hansen M.H. *Agagoge, Endeixis and Ephegesis...* P. 61–62.

³⁶⁴ Угроза для Непота была весьма реальной, поэтому, возможно, его брат Целер не преувеличивал, когда писал Цицерону, что *fortuna* и *caput* Непота находятся под угрозой (*Cic. Fam.* 5.1.1). Оба слова указывают на нечто большее, чем просто угроза магистратскому статусу. Цицерон ответил Целеру, что он никогда не нападал на Непота так, как предполагает Целер; более того, он не возражал даже против того решения сената, которое в итоге «поддержало» или «освободило» (*sublevaretur*) Непота (*Fam.* 5.2.9). Д.Р. Шэкклтон Бэйли полагает, что сенат разрешил Непоту покинуть Рим (*Cicero: Select Letters* / Ed. D.R. Shackleton Bailey. Cambridge: Cambridge University Press, 1980. P. 122). Этому мнения придерживается и Ф. Дрогула, который утверждает, что «Цицерон, возможно, намекает Целеру, что сенат позволил Непоту сохранить лицо, оправдав его отъезд из Рима и Италии, что означало, что его не обвинят в оставлении своей должности» (*Drogula F.K. Cato the Younger...* P. 96). Это не исключено, но я не нахожу никаких подтверждений следующему утверждению Ф. Дрогулы: «письмо Цицерона предполагает, что сенат решил истолковать неправомерный отъезд Непота как добровольную абдикацию и таким путем объявил его место вакантным» (*Drogula F.K. Cato the Younger...* P. 96).

³⁶⁵ Ф. Дрогула отвергает свидетельство Светония на том основании, что «у сената не было законных полномочий предоставлять или отменять магистратские должности (это могло делать только народное собрание)» (*Drogula F.K. Cato the Younger...* P. 94–96). Но, как мы видели, Светоний не сообщает о лишении должности по решению сената. Дрогула упускает этот момент, поскольку не делает различия между аброгацией магистратуры и отстранением от должностных обязанностей, обозначаемым фразой *ab administratione rei publicae summove*.

³⁶⁶ Сходным образом: Straumann B. *Crisis and Constitutionalism...* P. 93, n. 170 («the tribune Metellus Nepos' office was suspended ... Metellus Nepos was not ultimately deprived of his office»).

³⁶⁷ Ср.: Strasburger H. *Caesars Eintritt...* S. 104; Shackleton Bailey D.R. *Cicero: Epistulae ad Familiares*. Vol. 1... P. 273.

Таким образом, Непот и Цезарь сохранили свои должности. Этот вывод подтверждает и сообщение Плутарха о том, что после сенатского постановления Непот созвал *contio* и выступил с речью против Катона (*Cat. Min.* 29). Он не смог бы легко обеспечить созыв *contio*, если бы все еще формально не был плебейским трибуном. Наконец, когда Непот бежал к Помпею, о нем говорили, что он отказался от власти (*Plut. Cic.* 26), которая, следовательно, у него все еще была (следовательно, была она и у Цезаря). Важно, что эту деталь подтверждает и Дион. Он пишет, что в результате произошедших событий Непот «отправился к Помпею, хотя не имел права отлучаться из города ни на одну ночь» (37.43.4). Очевидно, что такие требования можно было предъявлять только к действующему трибуну.

§4.2. Отстранение Цезаря от обязанностей претора: утрата политической инициативы. *Comparanda*: триумвир в 36 г., претор в 115 г., консулы в 321 г. и преторы в 49 г.

Если Цезарь оставался *magistratus*, то что именно Светоний подразумевает под *administratione rei publicae submovere*? Не думаю, что имел место общий формальный запрет, не позволявший Цезарю и Непоту использовать некоторые или все свои магистратские полномочия, как иногда отмечается в историографии³⁶⁸. Как можно заключить из рассказа Светония, Цезарь не только сохранил свою магистратуру как таковую, но и продолжил реализовывать *ius dicere*. Следовательно, он по-прежнему не только обладал полномочиями претора, но и мог их использовать. Более того, другие граждане не ставили их под сомнение. Когда Цезарь, в конце концов, был вынужден покинуть форум, он сделал это не из-за действия постановления сената как такового, а из-за угрозы насилия. Формально решение прекратить выполнение своих обязанностей было принято им самим. Даже оставаясь претором и имея *ius dicere*, он распустил ликторов, снял *praetexta*, удалился в свой дом и

³⁶⁸ См., напр.: Mommsen Th. *Römisches Staatsrecht*. Bd. I. S. 261–263.

«намеревался ничего не предпринимать» (*quieturus*). Сообщения о *contio* Цезаря, на которой он объявил бы об абдикации, отсутствуют³⁶⁹. Решение об избегании каких-либо действий он принял только на время (*pro condicione temporum*).

На практике Цезарь вел себя так, как будто он теперь был *privatus*. С одной стороны, смена одежды или роспуск ликторов сами по себе ни не являются признаками абдикации³⁷⁰. С другой стороны, эти действия могли служить показателем того, что легитимность обладания магистратской властью была поставлена под сомнение или возможность ее дальнейшей реализации оказывалась чем-то обусловлена. Например, как повествует Ливий в 22-й книге, консул, вызванный к диктатору, даже должен был сам распустить своих ликторов³⁷¹. Это выглядело, как замечает К.-Й. Хёлькескамп, так, «словно он отказывался от магистратуры и низводился на положение *privatus*»³⁷². В 22 г. н.э. претор, обвиненный в совершении какого-то преступления против Тиберия, снял магистратские одеяния и сам потребовал, чтобы его судили «как частное лицо». Однако «император был сильно опечален и более его не беспокоил» (Cass. Dio. 57.21.2). Позиция Цезаря не выглядит принципиально отличающейся от этих ситуаций, если учесть, что претор участвовал в схватке на форуме. Это могло послужить затем основанием для обвинения *de vi*. В любом случае, если Цезарь отпустил своих ликторов и снял *praetexta*, то вернуться к своим обязанностям он смог бы только после того, как причины для его самоустранения оказались бы нивелированы. Как показывает известный случай с претором Л. Корнелием Цинной в 44 г., даже показательное уничтожение собственных магистратских одеяний не становилось фатальным и само по себе никакого

³⁶⁹ Ср.: Brennan T.C. *The Praetorship...* P. 832, n. 238. О том, что *abdicatio* происходит в *contio*, см., напр., Kunkel W., Wittmann R. *Staatsordnung und Staatspraxis...* S. 254, Anm. 7.

³⁷⁰ См., напр., Cic. *Red. Sen.* 12, 35; *Planc.* 98.

³⁷¹ Liv. 22.11.5. Также см. Polyb. 3.87.6–88.9; Liv. 22.11.2–12.1; Plut. *Fab.* 4.1.

³⁷² Hölkeskamp K.-J. *The Roman Republic as Theatre of Power: The Consuls as Leading Actors // Consuls and Res Publica: Holding High Office in the Roman Republic* / Eds. H. Beck, A. Duplá, M. Jehne, F. Pina Polo. Cambridge: Cambridge University Press, 2011. P. 171.

непосредственного влияния на сохранение официального статуса магистрата не оказывало³⁷³. А fortiori уничтожение одеяний магистрата кем-то другим не означало формальной утраты должности (ср., например, Plut. *Sull.* 9).

Показательна параллель с сообщениями античной традиции о процессе утраты власти триумвиром М. Эмилием Лепидом в 36 г. Когда Лепид был вынужден сдаться Октавиану³⁷⁴, он облачился в одежды частного лица и в таком виде был отправлен в Рим, хотя еще не лишился империя³⁷⁵. Р. Бауман считает, что решение по поводу абrogации еще только планировалось в этот момент, хотя Лепид уже перестал быть полководцем де-факто³⁷⁶. Безусловно, Р. Бауман прав в том, что облачение Лепида в одежды *privatus* еще никак не сказывалось на его должностных полномочиях. Его капитуляция, вероятно, означала фактическую передачу провинций Октавиану – то, что обладатель империя мог сделать на месте³⁷⁷. Однако на каком основании Р. Бауман утверждает о существовании неких планов абrogации империя Лепида (имеет ли Р. Бауман в виду саму магистратуру Лепида как триумвира?), остается для меня неясным. Было бы странно предполагать, как это делает Р. Бауман, что претензия Антония в передаче Диона о том, что «они отстранили» (παράλελύκασι) Лепида (50.20.3), является «прямым» свидетельством «участия

³⁷³ App. *BC.* 2.121, 126, 129; Sumi G.S. *Ceremony and Power...* P. 81. См. гл. 2, §3.

³⁷⁴ Характерно, что в наших источниках его поражение объясняется во многом через указание на безынициативность (напр., Cass. Dio. 49.12.1: μηδὲν δραστήριον ἔχοντα). Как подчеркивает Э. Бадиян, «осторожное решение Лепида продолжать бездействовать (ἀργία и ἀπραξία, как называют его Дион и Аппиан соответственно), хотя, возможно, и основанное на рациональном расчете, оказалось неудачным» (Badian E. *M. Lepidus and the Second Triumvirate* // *Arctos: Acta Philologica Fennica*. 1991. Vol. 25. P. 13). Также см.: Gowing A.M. *The Triumviral Narratives of Appian and Cassius Dio*. Ann Arbor: The University of Michigan Press, 1992. P. 140.

³⁷⁵ App. *BC.* 5.126 (комм.: Appien. *Histoire romaine*. T. XII. Livre XVII. Guerres civiles. Livre V / Éd. M. Étienne-Duplessis. Paris: Les Belles Lettres, 2013. P. 187); Cass. Dio 49.12.3 (комм.: Reinhold M. *From Republic to Principate: An Historical Commentary on Cassius Dio's Roman History Books 49–52 (36–29 B.C.)*. Atlanta, Georgia: Scholars Press, 1988. P. 30–31); Vell. Pat. 2.80 (комм.: Woodman A.J. *Velleius Paterculus...* P. 205; Velleius Paterculus ad M. Vinicium Consulem Libri Duo / Ed. M. Elefante. Hildesheim; Zürich; New York: Olms, 1997. P. 401–402).

³⁷⁶ Bauman R.A. *The Abdication of «Collatinus»...* P. 138–140.

³⁷⁷ Акцент Аппиана на том, что Октавиан отправил Лепида обратно в Рим, создает впечатление, что тот уже передал свои *provinciae*. Ср.: Badian E. *M. Lepidus...* P. 13: «Lepidus was left to surrender his *imperium* and plead for mercy».

народа в процедуре абrogации». Более того, говоря об этом участии, Р. Бауман немедленно вынужден делать оговорку: «Однако не следует считать, что это (сообщение) подразумевает нечто большее, чем предложение законопроекта об абrogации. Дело не могло дойти до *lex*, поскольку Лепид оставался в составе сената и продолжал, несмотря на изгнание в Цирцеи, посещать его заседания»³⁷⁸. Однако вряд ли следует уточнять контекст, в котором такой законопроект мог быть возможен, если учитывать, что источники ничего о данной мере не сообщают. Так или иначе, с уверенностью можно заключить, что в итоге никакой абrogации в техническом смысле не произошло. Вместо лишения должности актом кого-то другого Лепид должен был сам совершить абдикацию – вывод, который, по сути, принимает и Р. Бауман (только добавляя гипотетический законопроект об абrogации): «низложение Лепида было вызвано его добровольным отказом от должности, когда он столкнулся с законопроектом об абrogации»³⁷⁹.

При этом после сдачи войск и еще до абдикации положение Лепида фактически (но не формально) уже было равнозначно положению *privatus*. Оно оценивается как таковое в античных источниках и дополнительно подчеркивается акцентом на том, что он пользовался одеждой *privatus*. Однако этот случай отличается от других, рассмотренных в данной главе, тем, что в данном эпизоде магистрат, чье положение оказалось подорвано и который фактически был низведен до статуса *privatus*, по выражению Э. Бадияна, «не сделал ничего, чтобы возразить»³⁸⁰. Такой исход был затем формализован через «добровольную» абдикацию.

В 62 г. Цезарь не планировал совершать абдикацию. Но хотя удаление в свой дом и отказ от одеяний претора не означают, что Цезарь лишился магистратуры, эти детали представляют собой маркер важных политических

³⁷⁸ Bauman R.A. The Abdication of «Collatinus»... P. 140.

³⁷⁹ Bauman R.A. The Abdication of «Collatinus»... P. 140. Также ср., напр., Hayne L. The Defeat of Lepidus in 36 B.C. // *Acta Classica*. 1974. Vol. 17. P. 64, n. 32; Reinhold M. From Republic to Principate... P. 30–31: «Lepidus was compelled to resign his triumviral powers» (несмотря на формулировку во фрагменте *Per.* 129: *abrogato triumviratus honore*).

³⁸⁰ См.: Badian E. M. Lepidus... P. 14.

изменений. По мнению К. Скантибурло³⁸¹, слово *quieturus* (использованное Светонием) подразумевает, что Цезарь воздерживался от участия в политической деятельности – возможно, поскольку понимал, что иной образ действий был бы опасен или просто неэффективен для достижения чего-то большего, чем только выраженное в публичном пространстве возмущение в ответ на действия его врагов.

Предположу, что Цезарь, как и другие магистраты в случае отстранения от должностных обязанностей, не потерял ничего, кроме «политической инициативы». Под угрозой насилия и последующего судебного преследования, столкнувшись с враждебно настроенным сенатом, Цезарь не мог сделать ничего другого, кроме как ожидать действий других участников событий, как если бы он был обычным *privatus*: частные лица обычно предпринимали шаги, приобретающие политическое значение, только в ответ на инициативу магистратов. Если это так, то *dignitas*, которую толпа хотела вернуть Цезарю, была обозначением не самой магистратуры, а, скорее, возможности ее полноценно реализовывать. Тогда для восстановления нормальной ситуации требовалось добиться признания способности Цезаря выполнять функции магистрата. Соответственно, фраза *in integrum restituit* вряд ли подразумевала официальное восстановление в должности. Она использовалась для того, чтобы вызвать более общую ассоциацию с возвращением подобающего магистрату положения. Более того, Цезарь оказался лишен не только возможности использовать магистратские полномочия, но и, в некотором смысле, того, чем обладали даже сенаторы-*privati*. Дион отмечает, что после SCU Непот в страхе покинул здание сената (37.43). Похоже, что и он, и Цезарь даже не могли участвовать в его заседаниях (также ср. *Plut. Caes.* 8). Однако нет никаких оснований полагать, что Цезарь

³⁸¹ Svetonio. *Vita di Cesare* / Ed. C. Scantamburlo. Pisa: Edizioni Plus, 2011. P. 133.

потерял статус сенатора и что поэтому позже он должен был получить назад и его³⁸².

Ряд параллелей проясняет связь между отстранением от исполнения магистратских полномочий при формальном сохранении самой магистратуры и отсутствием политической инициативы. В 115 г. претор П. Деций остался сидеть, когда консул М. Эмилий Скавр проходил мимо него. Тогда консул приказал претору встать, порвал его одежду и сломал его курульное кресло, а также издал эдикт о том, чтобы к претору никто не обращался за правосудием³⁸³. Но если бы Деций был лишен должности или хотя бы отдельных прерогатив претора уже в тот момент, когда или вследствие того, что было уничтожено его курульное кресло, то такой эдикт (обращенный, что важно, не к Децию, а к остальным гражданам: *ne quis ad eum...*) не понадобился бы. По замечанию В. Кункеля, упоминание данного эдикта показывает, что собственной властью консул даже не мог запретить претору непосредственно исполнение его служебных обязанностей³⁸⁴. Пример 115 г. важен тем, что здесь наиболее ясно видно, что претор сохранял свои полномочия. Если бы он не имел больше *ius dicere*, консулу не было бы смысла запрещать гражданам обращаться к претору. Как справедливо писал В. Кункель, эдикт Скавра показывает, что по собственному решению он не мог запретить претору выполнять магистратские функции (*Amtsausübung*)³⁸⁵. В то же время, эпизод ясно демонстрирует суть механизма отстранения от должностных обязанностей: ограничивалась практическая возможность магистрата присутствовать в публичном пространстве и в буквальном смысле

³⁸² Ср.: Stevenson T. *Julius Caesar and the Transformation of the Roman Republic*. London: Routledge, 2015. P. 70. Подробнее об этом SCU см.: Tariverdieva S. *Suspension and Denunciations: What Really did Happen at the Beginning of Caesar's Praetorship?* // *Latomus*. 2021. Vol. 80. P. 907–924.

³⁸³ *Vir. ill.* 72.6: P. Decium praetorem transeunte ipso sedentem iussit assurgere eique vestem scidit, sellam concidit; ne quis ad eum in ius iret edixit. О значении подъема с места для демонстрации уважения в римской культуре см. Plut. *Caes.* 60.3; Suet. *Iul.* 78 (о диктаторе Цезаре).

³⁸⁴ Kunkel W., Wittmann R. *Staatsordnung und Staatspraxis...* S. 224, Anm. 429.

³⁸⁵ Kunkel W., Wittmann R. *Staatsordnung und Staatspraxis...* S. 224, Anm. 429.

выглядеть как магистрат, что физически препятствовало выполнению его обычных функций. С другой стороны, сохранение претором *ius dicere* обуславливало необходимость затруднить инициативу других граждан, на которую мог бы отреагировать отстраненный магистрат.

Ливий сообщает, что после битвы в Кавдинском ущелье в 321 г. консулы *in privato abditi nihil pro magistratu agere* (Liv. 9.7.11)³⁸⁶. Они оставались в должности, но ничего не предпринимали. Этот случай чрезвычайно важен, так как из дальнейшего повествования Ливия следует, что консулы отреагировали на сенатский эдикт, который вынудил их (*expressum senatus consulto est*) назначить диктатора. А. Хаймсон Лушкоф справедливо отмечает, что, согласно Ливию, консулы «так и не смогли действовать так, как должен это делать консул», и что они утратили «способность действовать от имени народа»³⁸⁷. По словам Дж. Агамбена, консулы были «низведены до состояния частных граждан»³⁸⁸. В каком-то смысле это действительно было так, но определенно не на публично-правовом уровне, так как диктатора консулы оказались вполне уполномочены назначить³⁸⁹. Итак, эпизод ясно показывает, что в определенных ситуациях магистраты становились неспособны проявлять политическую инициативу, даже сохраняя все формальные аспекты власти. Консулы по-прежнему сохраняли необходимые публично-правовые полномочия, чтобы назначить диктатора, но только *если их об этом попросили*. Ключевым, следовательно, оказывается лишение или отказ от способности самим инициировать политическое действие. В такой ситуации необходима была инициатива других акторов, чтобы отстраненный (или «самоустранившийся») магистрат смог реализовать сохранявшиеся у него полномочия.

³⁸⁶ Ср. пассаж Liv. 43.16.13 об отказе цензоров выполнять свои функции и фрагмент Liv. 8.36.1, в котором *vetito quicquam pro magistratu agere* указывает на отстранение диктатором начальника конницы.

³⁸⁷ Haimson Lushkov A. *Magistracy and the Historiography*... P. 78.

³⁸⁸ Agamben G. *State of Exception*. Chicago: University of Chicago Press, 2005. P. 48–49.

³⁸⁹ См.: Garofalo L. In tema di *iustitium* // *Piccoli scritti di diritto penale romano* / Ed. L. Garofalo. Padova: CEDAM, 2008. P. 74–75.

Аппиан повествует о том, что преторам М. Бруту и Г. Кассию пришлось отказаться от исполнения своих обязанностей после убийства Цезаря, так как они боялись реакции толпы (BC. 3.6: διάστημα διατρίψαι ποῖ μᾶλλον ἰδιωτεύοντες ἢ ἐν ᾧσται στρατηγεῖν). Употребление ἰδιωτεύοντες в данном контексте вряд ли случайно и может восходить к латинским источникам Аппиана, использовавшим слово *privatus* или его дериват. Оно никак не может указывать на абдикацию Брута и Кассия и поэтому должно быть истолковано как еще один случай применения термина *privatus* для обозначения магистрата, который не мог полноценно действовать в качестве должностного лица. Примечательно, что такое «самоотстранение» в ответ на действия толпы привело к точно таким же последствиям, как и в случае отстранения по решению иных институтов: другой претор, Г. Антоний, должен был исполнять обязанности вместо Брута (BC. 3.23: καὶ τᾶλλα τοῦ Βρούτου τῆς στρατηγίας ἐπιτροπεύων ἀπόντος).

Таким образом, приведенные аналогии помогают интерпретировать ситуацию 62 г. как утрату политической инициативы магистратом, которая приводит к уподоблению античными авторами положения отстраненного магистрата положению *privatus*.

С.Э. Таривердиева недавно предложила оригинальный взгляд на политическую ситуацию начала 62 г., который развивает и уточняет некоторые из моих утверждений, представленных выше, в частности, определение статуса Цезаря как «промежуточного» между положением магистрата и *privatus*. С.Э. Таривердиева убедительно объясняет прежде не вполне понятные изменения в поведении Л. Веттия, который пытался показать вовлечение Цезаря в заговор Катилины. Внезапная решимость Л. Веттия (после периода колебаний) выдвинуть обвинения и весомые доказательства против действующего претора Цезаря и решение квестора (или квезитора) Новия Нигра принять к рассмотрению обвинения против высокопоставленного магистрата получают удовлетворительное объяснение, если принять реконструкцию, согласно которой обвинения были выдвинуты

именно в тот отрезок времени, когда Цезарь был отстранен сенатом и еще не восстановлен в своем положении (согласно С.Э. Таривердиевой, между 4 и 6 января 62 г.). В частности, в этот момент претор не мог защитить себя в сенате сам (так как не мог прийти туда), а давление организованной им толпы непосредственно на сенат могло лишь еще больше ухудшить его положение на данном этапе. Эти обстоятельства, а также юридические детали резкой контратаки Цезаря после его восстановления, позволяют предположить, что Л. Ветгий и Новий Нигр впоследствии были обвинены не в чем ином, как в оскорблении преторского достоинства Цезаря, что С.Э. Таривердиева определяет как *in ordinem cogere*, обращение с магистратом «как с частным лицом» (ср. §1.4 данной главы)³⁹⁰. Если это так, то оказаться *administratio rei publicae submotus* означало столкнуться с еще одной проблемой: магистратский статус временно становился менее эффективным с точки зрения обеспечения на практике судебной защиты. Если отнести выступление Л. Ветгия ко времени отстранения Цезаря, то его следует добавить к тем угрозам насилия, о которых сообщает Светоний, и рассматривать как еще одно препятствие, не позволявшее Цезарю вернуться к выполнению своих обычных преторских обязанностей, и как еще один эффект или составляющую отстранения от *administratio rei publicae*.

§4.3. *Multitudinem... conpescuit*: возвращение инициативы

Случай претора Цезаря отличается тем, что мы знаем некоторые технические подробности того, как он восстановил свое положение за счет создания условий для возвращения контроля над политической инициативой. Ключевую роль здесь сыграло появление слаженной группы граждан, демонстрировавшей высокую степень готовности к осуществлению насильственных действий против тех, кто противодействовал Цезарю и

³⁹⁰ См.: Tariverdieva S. Suspension and Denunciations...

Непоту, и неожиданная, непросчитываемая реакция самого претора на эту ситуацию.

Можно предположить, что Цезарь использовал свое положение *pontifex maximus*, чтобы заставить собравшихся воздержаться от насилия, угрожавшего гражданскому спокойствию. Однако главную роль в восстановлении спокойствия, очевидно, сыграла его личность: даже действующие консулы и сенат не были так эффективны против этой толпы, как человек, ради которого народ в первую очередь и собрался.

Для обозначения собравшейся группы лиц Светоний применяет слово *coetus*, которое в отличие от термина *contio* не дает дополнительных деталей, если нет необходимого контекста (см. гл. 1, §1). Однако в данном случае мы имеем ясное указание на то, что собрание было спонтанным. Безусловно, можно сомневаться в том, что оно собралось без какого-либо скрытого подстрекательства со стороны Цезаря. Однако, как справедливо отмечал еще М. Гельцер, «вполне можно представить, что демонстративная приостановка судопроизводства должна была привести к народным волнениям»³⁹¹. Более того, сомнительно, что те, кто угрожал Цезарю всего за два дня до этого, не обратили бы внимания на попытки организовать многочисленную толпу, если даже предположить, что Цезарь вообще был в состоянии инспирировать какие-либо волнения в этот момент. Поскольку ранее он уже уступил, то вряд ли стал бы теперь рисковать еще больше. Я полагаю поэтому более вероятным то, что толпа действовала спонтанно³⁹². Если это так, то Цезарь, успокаивая народ, с одной стороны, лишь реагировал на проявление народной воли, а с другой, поступил именно так, как должен был поступить магистрат в момент кризиса, вызвавшего несанкционированное политическое собрание³⁹³. Он

³⁹¹ Gelzer M. *Caesar: Politician and Statesman...* P. 58, n. 2.

³⁹² Т. Митчелл объясняет появление толпы тем, что «римское общественное мнение, крайне чувствительное к любой угрозе правам и свободам народа, не осталось равнодушным к обвинениям в тирании и жестокости», которые «Непот позаботился озвучить перед своим отъездом». «Цезарь тоже предусмотрел, чтобы деспотичный эффект действий сената был публично обозначен до того, как он уступил ему» (Mitchell T.N. *Cicero, Pompey...* P. 1–267).

³⁹³ Ср., напр., Liv. 22.7.6–8; 26.35.7–8; App. BC. 2.121–122.

вышел к народу, собравшемуся по собственной инициативе, а затем взял на себя роль председательствующего магистрата и таким образом взял в свои руки инициативу. Причем, если сенат и другие магистраты до этого не смогли справиться с угрозой (они, судя по логике рассказа Светония, еще не успели решить, что делать), то на тот момент инициативой обладала толпа. В таком случае получается, что Цезарь перехватил контроль над развитием событий не напрямую у своих соперников, а у третьей стороны, которая ранее лишила оппонентов Цезаря инициативы. Так он избежал развития конфликта с сенатом.

На сходке Цезарь должен был произнести речь, в которой, вероятно, объяснил, почему его сторонникам следует воздержаться от насилия и что им и ему лучше всего делать дальше (ср. [Sall.] *Ad Caes. sen.* 2.2.4). Способность Цезаря перехватить политическую инициативу была основана на том, что он продемонстрировал готовность взять на себя ответственность за общественное спокойствие, как и должен был поступить достойный магистрат. Подобный шаг был чрезвычайно сильным политическим ходом. Сенат не мог подвергать его критике, следовательно, вынужден был публично одобрить действия Цезаря.

Логично, что в таких условиях сенат вскоре восстановил положение Цезаря. Конечно, для сенатского большинства было весьма удобно, что претор сам решил возникшую проблему. Даже в том случае, если бы он не возглавил толпу, но хотя бы просто бездействовал, попытку подавить возмущение силой скорее всего, спровоцировало бы дальнейшее насилие. М. Йене предполагает, что народное выступление было настолько массовым, что у сената не было другого выхода, кроме как полностью восстановить Цезаря в правах («in seine vollen Rechte einzusetzen») ³⁹⁴. С другой стороны, не стоит переоценивать значение этого действия Цезаря. Сенат в любом случае не был склонен слишком раздражать Помпея (Plut. *Cat. Min.* 29.2). К этому следует добавить, что, как уже говорилось, и Цезарь, и Непот уже признали свое поражение и не

³⁹⁴ Jehne M. Caesar. München: C.H. Beck, 1997. S. 31–32.

выказывали намерения дальше противостоять сенату: Непот бежал к Помпею, а Цезарь удалился к себе домой. Все это позволило сенату пойти на попятную и отменить свое прежнее решение.

Проблематично определить статус Цезаря после его отстранения в терминах дихотомии *privatus/magistratus*, и еще более трудно описать в этих терминах восстановление его положения. Когда Цезарь произносил речь перед сходкой сторонников, в каком качестве он выступал (и можно ли определить эту *coetus* как магистратскую *contio*)? Когда сенат выразил благодарность Цезарю, была ли это благодарность за действия, подобающие достойному *privatus* или достойному *magistratus*? В первом случае не было бы это равносильно одобрению сенатом самостоятельного политического шага как раз того типа, который теоретически не допускался для *privatus*, а именно политической речи (с призывов к действию/бездействию) на массовом публичном собрании? Если же сенат похвалил Цезаря за то, что он вел себя как достойный магистрат, то не значит ли это, что, по мнению сенаторов, тот, кого они сами отстранили от исполнения должностных обязанностей, не только эти обязанности вновь начал выполнять, но и оказался «лучше», «эффективнее», чем действующие магистраты (включая самого Цезаря до его отстранения), с точки зрения способности демонстрировать ответственное политическое лидерство?

Как мы видим и в других эпизодах, рассматриваемых в данной главе, вместо поисков ответа на эти вопросы можно предположить, что в эпоху Республики положение политического актора следует определить как переходное между *privatus* и *magistratus*. Магистрат был нейтрализован и лишен политической инициативы. Его правовой статус не менялся, но политические возможности напоминали, скорее, таковые у *privatus*, чем *magistratus*. Пример Цезаря показателен тем, что демонстрирует, как способный политик все же мог вернуть себе инициативу и вступить в борьбу, используя благоприятные обстоятельства. Этого не произошло в 48 г., когда другой претор, М. Целий Руф, попытался как будто бы последовать примеру

Цезаря, в то время как сам Цезарь теперь выступал в роли стороннего наблюдателя, информирующего нас о деталях произошедшего.

§5. *Ab republica removendum censuit*: претор М. Целий Руф в 48 г.³⁹⁵

События 48 г., вызванные открытым выступлением претора М. Целия Руфа против реализации распоряжений Г. Юлия Цезаря, касавшихся долгового вопроса, хорошо изучены в исследовательской литературе с точки зрения реконструкции перипетий политической борьбы и анализа содержания законодательных инициатив, предлагавшихся сторонами³⁹⁶. Однако эпизод важен не только для понимания конкретной политической и экономической ситуации в 48 г., но и в контексте изучения политической роли лиц переходных статусов между *privati* и *magistratus*. Хронологически этот случай завершает ряд информативных эпизодов, рассматриваемых в данной главе. Но это не единственная причина, по которой события вокруг претора Целия позволяют завершить рассмотрение вопроса. В то время как сведения источников о ситуации в 48 г. гораздо яснее, чем в эпизодах, рассмотренных выше, указывают на отсутствие формальной *abrogatio*, они также содержат ряд дополнительных деталей, позволяющих уточнить, как на практике могло реализовываться и в каких конкретных проявлениях могло выражаться отстранение магистратов от должностных обязанностей – механизм, принципиально отличный от лишения магистратуры как таковой.

Претор перегринов М. Целий Руф пытался не позволить своему коллеге городскому претору Г. Требонию реализовывать меры, предусмотренные Цезарем, в очередной раз покинувшим Рим. Затем уже сам Целий столкнулся

³⁹⁵ Основные выводы по параграфу опубликованы в работе: Фролов Р.М. *Ab re publica remove: отстранение М. Целия Руфа от должностных обязанностей в 48 г. до н.э. и проблема политической инициативы в эпоху Поздней Римской республики* // Вестник древней истории. 2016. Т. 76. № 4. С. 919–937.

³⁹⁶ См. особенно: Cordier P. M. *Caelius Rufus, le préteur récalcitrant* // *Mélanges de l'École française de Rome (Antiquité)*. 1994. Т. 106. P. 533–577.

с противодействием консула П. Сервилия Исаврийского (оставленного во главе Города), когда попытался предложить законодательные проекты, направленные на решение долговой проблемы иным способом, чем это было предусмотрено Цезарем³⁹⁷. Как в источниках описывается последовавшее после этого отстранение Целия от должностных обязанностей?

По сообщению самого Цезаря, «когда было совершено нападение толпы на Требония (не обошлось без пострадавших), [Целий] прогнал его с трибунала. По этому поводу консул Сервилий обратился в сенат, и сенат постановил отстранить Целия от государственных дел. В соответствии с данным решением консул не допустил Целия на заседание сената, а когда тот попытался выступить на сходке, удалил его с ростр. Целий, движимый гневом из-за такого позора, сделал вид, будто отправляется к Цезарю, но в действительности тайно написал Милону»³⁹⁸. В Периохах Ливия отмечает, что «когда претор М. Целий Руф возбудил в Риме беспорядки, подав плебсу надежду на отмену долгов, он был лишен магистратуры и изгнан из Города»³⁹⁹. По Веллею Патеркулу, «М. Целий... во время претуры выступил в качестве инициатора отмены долгов, и ни сенат, ни авторитет консулов его не удержали. Призвав еще Анния Милона... он в Городе вызвал мятеж, а в сельской местности – открытую войну; вначале он был отстранен от государственных дел, а позднее по предложению сената разгромлен консульской армией около Фурий»⁴⁰⁰. Указание на эти события

³⁹⁷ Подробнее см.: Broughton T.R.S. *The Magistrates of the Roman Republic*. Vol. 2. P. 273; Cordier P. M. *Caelius Rufus...*; Pókecz Kovács A. *Economic Crisis and *senatus consultum ultimum** // *Fundamina: A Journal of Legal History*. 2014. Vol. 20. P. 729–737; Pókecz Kovács A. *Legal Means and Public Law Consequences of the Solution of Economic and Credit Crisis at the End of the Roman Republic (49–47 BC)* // *Essays of Faculty of Law, University of Pécs, Yearbook of 2014* / Ed. Z. Balogh. Pécs: University of Pécs, 2014. P. 129–142.

³⁹⁸ *Caes. BC.* 3.21.2–4: ...impetuque multitudinis in C. Trebonium facto et nonnullis vulneratis eum de tribunali deturbavit. De quibus rebus Servilius consul ad senatum rettulit, senatusque Caelium ab re publica removendum censuit. Hoc decreto eum consul senatu prohibuit et contionari conantem de rostris deduxit. Ille ignominia et dolore permotus palam se proficisci ad Caesarem simulavit; clam nuntiis ad Milonem missis...

³⁹⁹ *Per.* 111: M. Caelius Rufus praetor, cum seditiones in urbe concitaret novarum tabularum spe plebe sollicitata, abrogato magistratu pulsus urbe...

⁴⁰⁰ *Vell. Pat.* 2.68.1–2: M. Caelius ... in praetura novarum tabularum auctor extitit nequique senatus et consulis auctoritate deterreri; accito etiam Milone Annio, ...in urbe seditionem, in agris

обнаруживается также у Иеронима (*Chron. Ad ann. 48. P. 156 Helm*) и Орозия (6.15.10), но, к сожалению, без характеристики самого акта отстранения претора (также см. Quint. *Inst. 6.3.25*).

Наиболее подробное изложение интересующих меня деталей сохранилось у Кассия Диона. Он сообщает о том, что Целий «во всем противодействовал своему коллеге и не позволял, чтобы тот делал что-либо из относившегося к его обязанностям»⁴⁰¹. «Заполучив таким образом большое число сторонников, он с ними напал на Требония и убил бы его, если бы тот не переменял одежду и не ускользнул от них в толпе»⁴⁰². Под защитой солдат Сервилий созвал сенат и предложил принять решение по поводу сложившейся ситуации. Плебейские трибуны выступили против, но была все же записана *senatus auctoritas*⁴⁰³, после чего консул приказал ликторам убрать таблицы (законопроект Целия). Однако Целий отогнал их, причем и сам консул оказался в гуще столкновения. Тогда снова под охраной солдат он созвал сенат. На этот раз был принят SCU, т.е. на консула возлагалась обязанность позаботиться о безопасности государства⁴⁰⁴. Кассий Дион так описывает меры, направленные против Целия: «После этого [Сервилий] уже ничего не давал Целию сделать в качестве претора и все, что относилось к сфере его должностных обязанностей, поручил одному из его коллег, запретил Целию доступ на заседания сената, прогнал его с ростр, когда он к чему-то громко призывал, и сломал его курульное кресло»⁴⁰⁵.

haud occulte bellicum tumultum movens, primo summotus a re publica, mox consularibus armis auctore senatu circa Thurios oppressus est.

⁴⁰¹ Cass. Dio. 42.22.3: ...ἡναντιοῦτο πρὸς πάντα τῷ συνάρχοντι καὶ οὔτ' ἄλλο τι τῶν ἐπιβαλλόντων οἱ ποιεῖσθαι ἐπέτρεπεν...

⁴⁰² Cass. Dio. 42.22.4: προσθέμενος δὲ ἐκ τούτου συχνοὺς ἐπῆλθε μετ' αὐτῶν τῷ Τρεβωνίῳ, κἂν ἀπέκτεινεν αὐτὸν εἰ μὴ τήν τε ἐσθῆτα ἡλλάξατο καὶ διέφυγε σφας ἐν τῷ ὄχλῳ.

⁴⁰³ Cass. Dio. 42.23.1: συγγραφέντος δὲ τοῦ δόξαντος; Cordier P. M. Caelius Rufus... P. 556; также см.: Mason H.J. *Greek Terms for Roman Institutions*... P. 14, 39, 177.

⁴⁰⁴ Cass. Dio. 42.23.2: τὴν φυλακὴν τῆς πόλεως τῷ Σερουλίῳ... παρέδοσαν. О принятии SCU см.: Cordier P. M. Caelius Rufus... P. 556–557; Kunkel W., Wittmann R. *Staatsordnung und Staatspraxis*... S. 235, Anm. 468; Pókecz Kovács A. *Economic Crisis*... P. 735; Pókecz Kovács A. *Legal Means*... P. 139, 141.

⁴⁰⁵ Cass. Dio. 42.23.3: καὶ ὁ μὲν οὐδὲν ἐκ τούτου τῷ Καίλιῳ ὥς καὶ στρατηγοῦντι πρᾶξαι ἐφῆκεν, ἀλλὰ τὰ τε προσήκοντα τῇ ἀρχῇ αὐτοῦ ἄλλῳ τῷ τῶν στρατηγῶν προσέταξε, καὶ αὐτὸν ἐκεῖνον τοῦ

§5.1. Что произошло с М. Целием Руфом в 48 г.?

Прежде всего, возникает вопрос о том, потерял ли Целий магистратуру претора или результат мер, направленных против него, был иным? В исследовательской литературе (в общих работах или в трудах, посвященных Цезарю) об интересующем нас эпизоде говорится обычно немного. Иногда отмечаются привлечение консулом солдат и принятие сенатского решения, – действия, которые в итоге привели к тому, что Целий был вынужден покинуть Город⁴⁰⁶. В основном же приводят самое общее указание на то, что Целий был отстранен от должностных обязанностей претора. Так, согласно М. Гельцеру, консул Сервилий, опираясь на решение сената, заставил претора отказаться от исполнения должности, приостановить исполнение обязанностей претора⁴⁰⁷. Кроме того, очень часто возникает впечатление, что антиковеды усматривают в эпизоде с Целием пример потери статуса магистрата, а не временной приостановки исполнения магистратских полномочий⁴⁰⁸. Наконец, ряд исследователей не ограничиваются только констатацией отстранения Целия

τε συνεδρίου εἶρξε καὶ ἀπὸ τοῦ βήματος καταβοῶντά τι κατέσπασε, τὸν τε δίφρον αὐτοῦ συνέτριψεν.

⁴⁰⁶ Goldsworthy A. Caesar: Life of a Colossus. New Haven, 2006. P. 449; Davies M.E., Swain H. Aspects of Roman History 82 BC – AD 14: A Source-based Approach. London; New York: Routledge, 2010. P. 193.

⁴⁰⁷ Gelzer M. Caesar: Der Politiker und Staatsmann. Wiesbaden: Franz Steiner Verlag, 1960. S. 209; ср.: Gelzer M. Caesar: Politician and Statesman... P. 227. Также см.: Canfora L. Julius Caesar: The People's Dictator. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2007. P. 185; Steel C. The End of the Roman Republic... P. 202; Osgood J. Turia: A Roman Woman's Civil War. Oxford: Oxford University Press, 2014. P. 29.

⁴⁰⁸ Gaii Iulii Caesaris Commentariorum De bello civili, liber tertius / Ed. A.G. Peskett... P. 90; Scullard H.H. From the Gracchi to Nero: A History of Rome from 133 B.C. to A.D. 68. 5 ed. London; New York: Routledge, 1982. P. 140; Sandberg K. Magistrates and Assemblies... P. 62; Bunse R. Die Klassische Prätur und die Kollegialität (*par potestas*) // Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte. Romanistische Abteilung. 2002. Bd. 119. S. 36; Williamson C. The Laws of the Roman People: Public Law in the Expansion and Decline of the Roman Republic. Ann Arbor: The University of Michigan Press, 2005. P. 413, n. 135; Billows R.A. Julius Caesar: The Colossus of Rome. Roman Imperial Biographies. London; New York: Routledge, 2009. P. 224.

от должностных обязанностей, но останавливаются также на характеристике формы и содержания этого акта⁴⁰⁹.

Анализ выражений, при помощи которых античные авторы обозначают в целом результат отстранения Целия, приведен выше (см. §1.4 данной главы). Сама по себе терминология источников не позволяет дать однозначный ответ на вопрос о том, был ли Целий лишен должности, и допускает все возможности.

Но если это так, то нет оснований не доверять прямому утверждению Диона о том, что Целий продолжал оставаться претором даже после отстранения. Во-первых, греческий автор говорит о том, что Целий не решался бежать из Рима «в том числе и потому, что рассчитывал сделать гораздо больше, воспользовавшись достоинством и именем претуры»⁴¹⁰, которую, он, следовательно, еще сохранял. Во-вторых, когда уже после отстранения Целия Сервилий узнал о действиях Милона, он приказал Целию оставаться в окрестностях Рима, чтобы он не вызвал никаких волнений. Но Сервилий, по словам Диона, «не принял строгих мер предосторожности, потому что [Целий] был претором»⁴¹¹.

Таким образом, на вопрос о том, прекратились ли магистратские полномочия Целия, следует ответить отрицательно. Важно, что те исследователи, которые специально останавливались на данном вопросе, в целом склоняются к тому же выводу: по их мнению, речь шла только об

⁴⁰⁹ Mommsen Th. *Römisches Staatsrecht*. Bd. I. S. 262, 627; Bd. III.2. S. 1244, Anm. 2; Greenidge A.H.J. *The Legal Procedure of Cicero's Time*. Oxford: Clarendon Press, 1901. P. 287–288; Bauman R.A. *The Abdication of «Collatinus»*... P. 131, n. 17; Kloft H. *Bemerkungen zum Amtsentzug*... S. 170–171; Schäfer Th. *Imperii Insignia: Sella Curulis und Fasces: Zur Repräsentation Römischer Magistrate*. Mainz: Philipp von Zabern, 1989. S. 65–66; Cordier P. *M. Caelius Rufus*... P. 554–559; Kunkel W., Wittmann R. *Staatsordnung und Staatspraxis*... S. 235, Anm. 468; Pókecz Kovács A. *Economic Crisis*... P. 733–736; Pókecz Kovács A. *Legal Means*... P. 138–141.

⁴¹⁰ Cass. Dio. 42.24.3: ...διὰ τε τὰλλα καὶ ὅτι πολλῷ πλείω ἔν τε τῷ σχήματι καὶ ἐν τῷ ὀνόματι τῷ τῆς στρατηγίας ὢν καταπράξειν ἤλπιζε...

⁴¹¹ Cass. Dio. 42.25.2: ...οὐ μέντοι διὰ φυλακῆς ἀκριβοῦς ἄτε καὶ στρατηγοῦντα ἐποιήσατο.

отстранении от исполнения должностных обязанностей, а не, например, об аброгации⁴¹².

Однако далее возникает другая проблема: что именно означало «отстранение» Целия? Подразумевало ли оно формальное ограничение или прекращение отдельных магистратских прерогатив или только блокирование их применения на практике? Если последнее, то как оно достигалось?

Кроме возможности единовременного запрета (в результате интерцессии) со стороны вышестоящего магистрата на совершение нижестоящим тех или иных действий, Т. Моммзен допускал существование возможности наложить общий запрет на исполнение любых функций магистрата. Именно к такого рода ситуациям исследователь относил случай 48 г. По поводу него Т. Моммзен писал: «Право выступать в сенате и перед народом было привязано к обладанию магистратурой, поэтому теряло силу при отстранении от нее (*Suspendirung*)»⁴¹³. П. Кордье, констатируя сохранение Целием магистратуры, вслед за Т. Моммзеном отмечает, что по решению магистрата, обладавшего *potestas maior*, претор был временно лишен прерогатив, связанных с исполнением должности: права обращаться к сенату и к народу. Кроме того, на время отстранения юрисдикция Целия передавалась другому претору. П. Кордье добавляет, что для того, чтобы Целий не смог узурпировать те права, которых был лишен, консул сломал его курульное кресло. *Sella curulis*, как и *fascies*, олицетворяла судебную власть претора. Их уничтожение или лишение возможности их использовать означало потерю «эффективности соответствующей власти, если не потерю ее самой»⁴¹⁴. Любое

⁴¹² Mommsen Th. *Römisches Staatsrecht*. Bd. III.2. S. 1244, Anm. 2; Greenidge A.H.J. *The Legal Procedure...* P. 287–288; Kloft H. *Bemerkungen zum Amtsentzug...* S. 170–171; Cordier P. M. *Caelius Rufus...* P. 558; Kunkel W., Wittmann R. *Staatsordnung und Staatspraxis...* S. 235, Anm. 468; Pókecz Kovács A. *Economic Crisis...* P. 735; Pókecz Kovács A. *Legal Means...* P. 139. Р. Бауман допускает и возможность абдикации: Bauman R.A. *The Abdication of «Collatinus»...* P. 131, n. 17. Также ср.: Broughton T.R.S. *The Magistrates of the Roman Republic*. Vol. 2. P. 273.

⁴¹³ Mommsen Th. *Römisches Staatsrecht*. Bd. I. S. 261–262 (цитата – S. 262, Anm. 4).

⁴¹⁴ Cordier P. M. *Caelius Rufus...* P. 558, 574. Также см.: Greenidge A.H.J. *The Legal Procedure...* P. 174–175.

действие Целий мог теперь осуществить только как частное лицо, без возможности использовать престиж и публичность, связанные со статусом претора. Подобное действие поэтому могло быть подавлено немедленно и беспощадно, заключает П. Кордые⁴¹⁵.

Но есть ли основания для того, чтобы делать вывод о формальной утрате Целием некоторых магистратских прерогатив как таковых? Для ответа на вопрос о том, каков был механизм нейтрализации Целия, необходимо рассмотреть конкретные ограничения, с которыми он столкнулся.

Прежде всего следует упомянуть SCU, направленный против Целия. SCU действительно обеспечивал дополнительную легитимацию дальнейших действий консула, но только тех, которые он и так, по всей видимости, формально имел право предпринять на основании своих обычных полномочий⁴¹⁶. SCU, как пишет П. Кордые применительно именно к случаю Целия, не был эквивалентом *hostis-Erklärung* и не был направлен против кого-то конкретно⁴¹⁷. Это постановление не предоставляло каких-либо дополнительных возможностей по применению мер, выходявших за рамки закона, хотя расплывчатость формулировок SCU на практике легитимировала поиск экстралегальных средств⁴¹⁸.

Так или иначе, никакого формального «поражения в правах» Целия на основании самого SCU произойти не могло. Во всяком случае, если мятежный

⁴¹⁵ Cordier P. M. *Caelius Rufus...* P. 559. Вслед за П. Кордые о том же пишет А. Покец Ковач (Pókecz Kovács A. *Economic Crisis...* P. 735; Pókecz Kovács A. *Legal Means...* P. 139–141).

⁴¹⁶ Так, по мнению Г. Голдена (Golden G.K. *Crisis Management...* P. 148–149), SCU, не предоставляя магистрату ничего сверх того, что он уже имел, мог послужить в качестве официального признания наличия чрезвычайной ситуации, стать сигналом к тому, чтобы консул официально объявил *tumultus* в городе Рима и, тем самым, смог осуществить воинский набор для устранения опасности в пределах померия. Также см.: Lintott A. *Violence in Republican Rome...* P. 152–153.

⁴¹⁷ Cordier P. M. *Caelius Rufus...* P. 557. Также см.: Lintott A. *Violence in Republican Rome...* P. 152–153; Ungern-Sternberg J. von. *Untersuchungen...* Сам по себе SCU в 48 г. содержал, как можно заключить из слов Кассия Диона (42.23.3), только стандартную формулировку о том, что консулу следует позаботиться о безопасности государства (τὴν φυλακὴν τῆς πόλεως τῇ Σερούλιῳ... παρέδωκαν). Слова Цезаря (*BC*. 3.21.3: *hoc decreto*) можно интерпретировать в том смысле, что SCU только подготовил последующее принятие консулом тех мер, которые собственно и привели к нейтрализации Целия.

⁴¹⁸ Cordier P. M. *Caelius Rufus...* P. 557. Также см.: Ungern-Sternberg J. von. *Untersuchungen...*

магистрат не решался на продолжение вооруженного сопротивления, как не решился на это Целий⁴¹⁹. Для сравнения, в следующем, 47 г., начальник конницы М. Антоний после принятия SCU все же применил военную силу в пределах самого Рима. Но это стало следствием того, что плебейские трибуны Л. Требеллий и П. Корнелий Долабелла, столкновения между которыми привели к принятию этого решения, не отказались, как претор 48 г., от дальнейшей борьбы. По выражению Диона, они действовали так, «как если бы тоже получили от сената некое командование»⁴²⁰.

§5.2. Ab re publica remove и консульская интерцессия

Одно из отмеченных в источниках конкретных ограничений, с которыми столкнулся Целий, было связано с его участием в работе сената. Иногда фразу Цезаря *senatu prohibuit* и выражение Диона *τοῦ τε συνεδρίου εἰρξε* интерпретируют как указания на исключение Целия из числа сенаторов⁴²¹. Однако никаких оснований для этого нет. Более того, оба античных автора пишут о том, что данную меру осуществил сам Сервий, но вряд ли можно допустить, что консул, пусть даже на основании SCU, мог своей властью исключить кого-либо из состава сената⁴²². По сообщению Аскония, в 104 г. был принят закон, по которому из сената должны быть исключены те, кого народ осудил или чей империй он аброгировал⁴²³. Однако никакого народного

⁴¹⁹ См.: Ungern-Sternberg J. von. Untersuchungen... S. 112.

⁴²⁰ Cass. Dio. 42.29.4: ὥσπερ τινὰ καὶ αὐτοὶ ἡγεμονίαν παρὰ τῆς βουλῆς εἰληφότες. Также см.: Lintott A. Violence in Republican Rome... P. 152; Golden G.K. Crisis Management... P. 146–148.

⁴²¹ См., напр., русский перевод М.М. Покровского («исключил Целия из сената») и английский перевод в Loeb Classical Library («excluded him from the Senate»; ср. перевод соответствующего пассажа Диона в этой же серии: «debarred him from the Senate»).

⁴²² Иная ситуация наблюдалась в 44 г., когда формально лишившиеся должности плебейские трибуны могли быть выведены из состава сената по решению Цезаря, наделенного цензорской властью (Vell. Pat. 2.68.5; ср. Cic. Phil. 13.31; Per. 116; Nic. Dam. FGrHist 90 F130, 69, 76; Suet. Iul. 79; App. BC. 2.122; Cass. Dio 44.10.3). Но даже здесь есть сомнения относительно легальности такого акта, если он вообще имел место (см.: Kloft H. Caesar und die Amtsentsetzung... S. 325).

⁴²³ Asc. 78C: ...ut quem populus damnasset cuive imperium abrogasset in senatu ne esset. Ср. Cic. Dom. 82–83.

голосования – в этом источники не дают оснований сомневаться – по поводу власти Целия не было проведено⁴²⁴.

П. Кордые пишет о том, что Целий потерял *ius agendi cum senatu* (т.е. право созывать сенат и председательствовать в нем)⁴²⁵. Но и такая интерпретация не находит подтверждений. Во-первых, неясно, почему Цезарь, например, не упоминает собственно запрет собирать сенат (если, конечно, не считать, что Целий был вообще исключен из числа сенаторов, что подразумевало бы и невозможность их созывать). Во-вторых, источники, как кажется, не подтверждают то, что консул не просто имел возможность воспрепятствовать конкретной попытке реализации данного права, но и мог на весь оставшийся срок полномочий одним актом лишить младшего по положению магистрата как такового принадлежавшего ему права созывать сенат. В-третьих, как известно, консул, если он (как Сервилий в нашем случае) находился на месте, вполне мог бы добиться того эффекта, который описан Цезарем и Дионом, путем единовременного акта интерцессии, всякий раз запрещая претору обращаться к сенату⁴²⁶.

Итак, терминология источников допускает, что был ограничен доступ претора на заседание сената⁴²⁷ в результате единовременного личного вмешательства вышестоящего магистрата – консула. Как отмечено выше, в схожей ситуации 62 г. плебейский трибун Метелл Непот, если верить Кассию Диону (37.43.4), из состава сената исключен не был, но тем не менее после принятия SCU сам его покинул. Предположение, что между Целием и заседаниями сената стоял только единовременный запрет со стороны консула, предпочтительно еще и по той причине, что данная мера была реализована в связке с той, которую вряд ли возможно понять иначе, чем как разовый акт.

⁴²⁴ Также см.: Kloft H. Caesar und die Amtsentsetzung... S. 326, Anm. 53.

⁴²⁵ Cordier P. M. Caelius Rufus... P. 558, 574. Вслед за П. Кордые *ius agendi cum senatu* упоминает А. Покец Ковач (Pókecz Kovács A. Economic Crisis... P. 735; Pókecz Kovács A. Legal Means... P. 139), но он же пишет об удалении Целия из числа сенаторов (Pókecz Kovács A. Economic Crisis... P. 734; Pókecz Kovács A. Legal Means... P. 141). Все же это разные вещи, и не вполне ясно, что имеет в виду А. Покец Ковач.

⁴²⁶ См., напр., Mommsen Th. Römisches Staatsrecht. Bd. II.1. S. 129–130.

⁴²⁷ Ср.: Osgood J. Turia... P. 29 («attendance at the Senate»).

И Цезарь, и Дион пишут о том, что консул Сервилий удалил Целия с ростр, когда тот попытался выступить в *contio*. По мнению П. Кордые и А. Покеца Ковача, это означает лишение *ius agendi cum populo*⁴²⁸. Однако Целий произносил в какой-то определенный момент времени конкретную речь, когда его удалили (*contionari conantem de rostris deduxit; ἀπὸ τοῦ βήματος καταβοῶντά τι κατέσπασε*). Было бы слишком смелым допущение, что, прогнав (очевидно, единожды) Целия с ораторского возвышения, консул, тем самым, лишил его права подниматься на это возвышение и в дальнейшем. Кроме того, источники вообще не говорят о *ius agendi cum populo*. В них речь идет о *contio*, а не о том, что Целию ограничили доступ в комиции⁴²⁹. Созыв сходки и руководство ею магистратами регулировались набором определенных правил. Удаление претора консулом со сходки было вполне возможным без лишения *potestas contionandi*, учитывая то, что консул в любой момент мог перехватить руководство уже созванной сходкой у претора, используя *potestas contionem avocandi*⁴³⁰. В этом случае консул становился бы председателем и мог бы распорядиться удалить Целия с ростр точно так же, как председательствовавшие магистраты удаляли с трибуны тех, кому в своей *contio* они не желали предоставлять слово (ср., например, *App. BC. 4.34*). Логично поэтому, что ни о каком лишении именно права на созыв сходки в источниках речи не идет, а сообщается только о том, что Целия однажды прогнали с ростр.

Еще одной мерой, направленной против Целия, стало уничтожение его курульного кресла. По мнению Х. Клофта, именно это действие подчеркивает «неотменяемость» (*Unwiderrufbarkeit*) акта отстранения от должности, а по мысли П. Кордые (уже приводившейся выше), оно было предпринято для того, чтобы претор не смог узурпировать те права, которых был лишен⁴³¹. А. Покец

⁴²⁸ Ср.: Cordier P. M. *Caelius Rufus...* P. 558; Pókecz Kovács A. *Economic Crisis...* P. 735; Pókecz Kovács A. *Legal Means...* P. 140.

⁴²⁹ См. Gell. *NA*. 13.16.2–3.

⁴³⁰ Gell. *NA*. 13.16.1. Подробнее см.: Frolov 2011, 40–56.

⁴³¹ Kloft H. *Bemerkungen zum Amtsentzug...* S. 170; Cordier P. M. *Caelius Rufus...* P. 558.

Ковач вслед за П. Кордые пишет о том, что разрушение *sella curulis* означало потерю *iurisdictio*. Целий был лишен власти магистрата («его магистратские полномочия стали пустыми»), и права, связанные с его должностью, были переданы другому претору⁴³².

В своих оценках П. Кордые и А. Покец Ковач исходят из результатов исследований Т. Шефера. По его мнению, чтобы выполнять свои функции, магистрат должен обязательно восседать на курульном кресле (*ohne den Amtsstuhl ist die Kompetenz des Magistraten hinfällig*). Потеря курульного кресла была особенно нежелательной еще и потому, что, «как правило» (*in der Regel*), одновременно с этим теряла свою силу власть магистрата (*Amtsgewalt erlosch*)⁴³³. По всей видимости, исследователь имеет в виду если не утрату самой магистратуры, то, по меньшей мере, формальное ограничение отдельных прерогатив магистрата (ср. ниже).

Т. Шефер приводит далее четыре примера, и, как он сам признает, только в двух из них речь идет об утрате положения магистрата. Но если это так, то уже вряд ли можно констатировать существование какого-либо «правила». Один из эпизодов – случай Целия. Другой пример – проанализированная мной выше ситуация вокруг претора П. Деция в 115 г. (см. §4.2 данной главы)⁴³⁴. В ней, как отмечалось выше, речь не могла идти о лишении магистратского положения. По поводу двух оставшихся случаев Т. Шефер и сам признает, что в них не имелась в виду потеря должности⁴³⁵. Исследователь не предлагает никакого фундаментального объяснения, почему, по его мнению, в одних ситуациях уничтожение курульного кресла приводило к утрате магистратуры, а в других то же самое действие не имело такого эффекта. Т. Шефер лишь констатирует, что если курульное кресло ломали плебейские трибуны, то преторы не теряли автоматически свою

⁴³² Pókecz Kovács A. *Economic Crisis...* P. 735; Pókecz Kovács A. *Legal Means...* P. 140.

⁴³³ Schäfer Th. *Imperii Insignia...* S. 63–64.

⁴³⁴ Schäfer Th. *Imperii Insignia...* S. 65.

⁴³⁵ Schäfer Th. *Imperii Insignia...* S. 66. См. *Vir. ill.* 73.2 (100 г.); Cass. Dio 36.41.2. Т. Шефер относит последний эпизод однозначно к 78 г., хотя это, по меньшей мере, не очевидно (см. ниже).

должность (verlieren die Praetoren dadurch offenbar nicht automatisch ihre Ämter), поскольку плебейские трибуны могли блокировать конкретные мероприятия или вмешиваться в их проведение, но не «осуществлять законное лишение должности» (eine rechtsgültige Amtsenthebung vorzunehmen). Напротив, консулы одновременно с уничтожением курульных кресел запрещали преторам также и дальнейшее исполнение должностных обязанностей (verboten ... auch die weitere Amtsführung)⁴³⁶. По всей видимости, Т. Шефер имеет в виду то, что консулы делали это собственной властью. В то время как из его замечаний по поводу столкновения трибунов и преторов понятно теперь, что под «исполнением должностных обязанностей» (Amtsführung) он имеет в виду даже не утрату отдельных прерогатив, а потерю самой магистратуры (Amtsenthebung). Но почему берется за аксиому то, что «законное лишение должности» (либо даже лишение отдельных магистратских прав как таковых) могли своим решением осуществить хотя бы консулы? Это еще требуется доказать.

Более того, в одном из тех двух эпизодов, которые, по признанию Т. Шефера, показывают, что разрушение курульного кресла плебейским трибуном не приводило к утрате магистратуры, в действительности речь могла идти не о трибуне, а о консуле. Имеется в виду эпизод с Л. Лукуллом, чье кресло, по сообщению Диона (36.41.2), сломал некий Ацилий, магистратура которого не названа. Лукулл продолжил выполнять свои обязанности стоя, т. е. сохранил должность и все прерогативы претора. Т. Шефер однозначно относит этот случай к 78 г., когда претором был Л. Лициний Лукулл (консул 74 г.), а Ацилий (консул 67 г. Маний Ацилий Глабрион) при такой трактовке должен действовать в данном эпизоде как трибун (трибунал Ацилия нигде более не упоминается). Однако Дион сообщает о конфликте Лукулла и Ацилия в рассказе о событиях 67 г., когда Ацилий был консулом. Ряд исследователей

⁴³⁶ Schäfer Th. *Imperii Insignia*... S. 66.

полагали поэтому, что «Л. Лукулл» следует исправить на «Л. Лукцей»⁴³⁷. Если это так, то претор Лукулл/Лукцей сохранил должность после того, как его курульное кресло сломал не трибун, а консул. Причем Ацилий сломал *sella curulis* по той причине, что Лукулл/Лукцей не поднялся при приближении Ацилия, в котором еще и по этой причине предпочтительней видеть именно консула, а не плебейского трибуна. (Тогда эта ситуация становится идентичной случаю 115 г.) Вне зависимости от того, какую версию считать более убедительной, неопределенность в указанном вопросе ставит под сомнение выводы Т. Шефера.

Наконец, можно заметить, что по своему содержанию действия и консулов, и трибунов были идентичными: показательное уничтожение символа власти – курульного кресла – другого должностного лица. По Т. Шеферу выходит, что эффект данного акта всецело зависел от того, кто его совершает, а не от политико-правового смысла самого акта. Не исключено, что это могло быть так, но, по меньшей мере, здесь нужны дополнительные разъяснения.

Даже если бы мы сомневались в том, сохранил или утратил Целий магистратуру, в трех других приведенных Т. Шефером случаях нельзя говорить о том, что одновременно с потерей курульного кресла магистраты лишались самой должности, олицетворяемой этим символом⁴³⁸. Более того, эти же эпизоды показывают, что не происходило никакого даже «частичного поражения в правах» магистратов, оказавшихся в такой ситуации. Следовательно, нет оснований для того, чтобы и в случае Целия рассматривать сообщение о разрушении его курульного кресла в качестве свидетельства каких-то формальных ограничений его отдельных прерогатив. Предложенная мной интерпретация подтверждается еще тем, что Целий, как сообщает Квинтилиан (*Inst.* 6.3.25), после того как консул сломал его курульное кресло,

⁴³⁷ См., напр.: Broughton T.R.S. *The Magistrates of the Roman Republic*. Vol. 2. P. 143; Brennan T.C. *The Praetorship*... P. 455.

⁴³⁸ По существу, той же позиции придерживался В. Кункель (Kunkel W., Wittmann R. *Staatsordnung und Staatspraxis*... S. 224, Anm. 429).

поставил другое, обтянутое ремнями (это был намек: «говорят, что консула когда-то бил ремнем отец»). Даже сам Т. Шефер признает, что это сообщение Квинтилиана допускает две трактовки: либо Целий не осмелился использовать «настоящее» кресло, либо он «оформил» его особым образом только потому, что таков был временный выход из положения. Нельзя, однако, согласиться с исследователем в том, что Квинтилиан всю эту ситуацию изображает как необычную⁴³⁹. Возможно, необычным для него был вид кресла и, очевидно, курьезом ему показался намек Целия на некоторые обстоятельства прошлого Сервилия, но Квинтилиан не выражает никакого удивления по поводу как такового факта «самовольного» восстановления претором курульного кресла после его разрушения консулом.

Более обоснованным кажется другое замечание Т. Шефера. Исследователь допускает, что Целий, поставив новое курульное кресло, не подчинился консулу или попытался обойти возникшие ограничения. Т. Шефер склоняется к тому, что необычным видом кресла Целий желал не скрыть, а, наоборот, скорее публично выразить протест, подобный тому, который, по рассказу Кассия Диона (36.41), выразил в 67 г. претор Лукулл⁴⁴⁰. После уничтожения своего кресла Лукулл (или Лукцей, если исправлять имя этого претора в тексте Диона) демонстративно продолжил выполнять обязанности претора стоя (к этому демаршу присоединились его коллеги по должности). Но если это так, то тем более нет оснований считать, что, в отличие от ситуации с Лукуллом/Лукцеем, прерогативы Целия были каким-то образом ограничены из-за потери курульного кресла (либо что последнее символизировало утрату полномочий)⁴⁴¹.

Т. Моммзен в качестве одного из признаков того, что в эпизоде с Целием речь не могла идти об аброгации, отмечает то, что его должность не была

⁴³⁹ Schäfer Th. *Imperii Insignia*... S. 66. Также см.: Greenidge A.H.J. *The Legal Procedure*... P. 135.

⁴⁴⁰ Schäfer Th. *Imperii Insignia*... S. 66.

⁴⁴¹ Ср. с другим случаем: Liv. 22.11.5; Plut. *Fab.* 4.3; Cic. *Planc.* 98; Val. Max. 2.7.7; App. *Mith.* 52; Kunkel W., Wittmann R. *Staatsordnung und Staatspraxis*... S. 224, Anm. 429; Hölkesskamp K.-J. *The Roman Republic as Theatre of Power*... P. 171.

занята другим человеком⁴⁴². В то же время, согласно Кассию Диону (42.23.3), Сервилий «все, что относилось к сфере его [Целия] должностных обязанностей, поручил одному из других преторов» (ἀλλὰ τὰ τε προσήκοντα τῇ ἀρχῇ αὐτοῦ ἄλλω τῶ τῶν στρατηγῶν προσέταξε). По мнению П. Кордые, эта фраза означала, что на время отстранения юрисдикция Целия передавалась другому претору⁴⁴³. Логика изложения П. Кордые заставляет понять его в том духе, что Целий был лишен определенных прав. На мой взгляд, речь шла не о лишении прав, а о передаче обязанностей при сохранении прав.

Проблема прежде всего в том, как именно в данном случае понимать термин ἀρχή, а точнее, выражение «все то, что относилось к ἀρχή». Как показал Х. Мэйсон, слово ἀρχή нередко используется Дионом как эквивалент *provincia*, причем тогда, когда имеется в виду провинция не в территориальном смысле, а в значении «назначенная сфера деятельности»⁴⁴⁴. Как кажется, именно это подразумевает Дион и в нашем случае: передача другому претору не каких-либо прав Целия, а обязанности заниматься теми делами, которые были закреплены за претором peregrinorum. Не было смысла в передаче прерогатив, поскольку каждый из преторов и без того имел все необходимые полномочия для того, чтобы взять на себя, в случае необходимости, выполнение задач, возложенных на коллегу⁴⁴⁵. Вопрос заключался в том, какие именно обстоятельства считались бы достаточной причиной для этого. Так, согласно Ливию, в 213 г. *iurisdictio* претора peregrinorum М. Эмилия была передана городскому претору М. Атилию потому, что Эмилий должен был возглавить два легиона и вести военные действия (24.44.2). В нашем случае сам Целий попытался вмешаться в сферу компетенции своего коллеги Требония – вероятно, на том основании, что функции городского претора были переданы последнему не по итогам *sortitio*, а якобы по решению Цезаря⁴⁴⁶. В свою

⁴⁴² Mommsen Th. *Römisches Staatsrecht*. Bd. III.2. S. 1244, Anm. 2.

⁴⁴³ Cordier P. M. *Caelius Rufus*... P. 558.

⁴⁴⁴ Mason H.J. *Greek Terms for Roman Institutions*... P. 110.

⁴⁴⁵ См., напр.: Brennan T.C. *The Praetorship*... P. 605–606.

⁴⁴⁶ Cass. Dio 42.22 2. Также см.: Cordier P. M. *Caelius Rufus*... P. 539–541, 546; Pókecz Kovács A. *Economic Crisis*... P. 733.

очередь, достаточным обоснованием передачи по решению консула дел, возложенных на Целия, в ведение другого претора, по всей видимости, стали решение сената и сами действия этого претора, приведшие к кризису.

Мне представляется, что решающим аргументом в пользу предложенной выше интерпретации является уже упоминавшийся выше эпизод 115 г. Этот случай проливает свет на то, какими именно могли быть последствия применения консулом *potestas maior* в отношении претора. Как уже отмечалось, нельзя согласиться с Т. Шефером в том, что в этой ситуации претора Деция лишили должности. Более того, случай 115 г. ясно показывает, что сама по себе утрата претором знаков власти в результате действий консула (то же самое, ни больше, ни меньше, произошло с Целием) не обозначала потерю или ограничение магистратских прерогатив как таковых, а потому не исключала того, что в дальнейшем претор попытается, причем на абсолютно законных основаниях, продолжить рассмотрение судебных дел. Если бы это было не так, то совершенно бессмысленным оказался бы эдикт консула, призывавший граждан не обращаться за правосудием к Децию.

Таким образом, представляется верным вывод А. Гриниджа о том, что в 48 г. претор лишился юрисдикции, но не в смысле потери судебной власти как таковой, а в смысле ограничения реализации этого права. По мысли А. Гриниджа, акты претора Целия оставались полностью действительными. Наложённые на Целия ограничения работали только тогда, когда оказывались подкреплены магистратской *coercitio*. Если претор предпочитает выплатить штраф, подчиниться предварительному аресту или оставаться на трибунале после того, как его курульное кресло сломано консулом, он может продолжать разбирать судебные дела: его собственные решения и решения судов, назначенных им, никто не может оспаривать⁴⁴⁷.

Следовательно, эпизод 48 г. можно понять следующим образом: консул в рамках своих полномочий принимает решение передать все обязанности

⁴⁴⁷ Greenidge A.H.J. The Legal Procedure... P. 287–288; ср.: Greenidge A.H.J. Roman Public Life... P. 174–175.

(provincia) претора peregrinorum другому претору, и более ничего не предпринимается. Этим уже было гарантировано, что задачи, находившиеся в компетенции претора peregrinorum, продолжат выполняться, но только не Целием, а другим претором. Решение консула вполне обеспечивалось тем, что, если бы Целий задумал продолжить заниматься ранее возложенными на него обязанностями, об этом немедленно стало бы известно Сервилию, и претор столкнулся бы с интерцессией (действенность которой, в свою очередь, была бы обеспечена воинским контингентом, имевшимся в распоряжении консула). Она уже была успешно использована, и ничто не мешало применить ее вновь. Таким образом, в данном случае для обеспечения эффективности принимаемых мер вместо направленного к гражданам дополнительного эдикта с призывом не обращаться за правосудием к «опальному» претору (как в случае Деция) было употреблено иное средство: установлено наблюдение, которое позволило бы оперативно пресекать любые нежелательные действия Целия (см. об этом ниже).

Итак, хотя Целий формально не потерял должность претора, на практике стало невозможным исполнение им обязанностей магистрата. В то же время, на мой взгляд, нет надежных оснований для того, чтобы делать вывод об утрате Целием как таковых отдельных прерогатив претора или о введении консулом некоего общего запрета (установленного однажды и действовавшего далее постоянно) на исполнение им любых должностных обязанностей. Консул Сервилий препятствовал действиям Целия путем применения интерцессии.

Но здесь возникает новый вопрос: если все сводилось к использованию консулом обычной интерцессии, зачем Сервилию понадобилось SCU?

Санкция сената, которой с такой настойчивостью добивался консул, нужна была, во-первых, для изоляции и нейтрализации многочисленных

сторонников Целия в самом сенате⁴⁴⁸. Во-вторых, как уже было отмечено, SCU обеспечивал дополнительную легитимацию дальнейших действий консула в рамках его обычных полномочий.

Наконец, в-третьих, по-видимому, именно решение сената открыло путь для применения военной силы в Городе. Только с ее помощью можно было подавить (точнее, угрожать подавить) сопротивление Целия, имевшего собственных вооруженных сторонников. Здесь может последовать возражение: консул еще даже до принятия *senatus auctoritas* использовал солдат для охраны сената (Cass. Dio 42.23). Однако, как вслед за М. Боннфон-Кудри предполагает П. Кордые, сенат собрался тогда за чертой померия, так что войска не только не участвовали в столкновениях, но формально даже не были введены в Рим⁴⁴⁹. Кроме того, после фиксации *senatus auctoritas*, но до принятия нужного ему SCU, Сервилий отдал приказ ликторам, а не солдатам снять таблицы с законопроектами Целия, что оказалось неэффективным. В результате, консул, по-видимому, сам подвергся опасности, причину которой логично усматривать именно в том, что Целий имел в своем распоряжении вооруженных сторонников, а Сервилий войска пока в дело не вводил. Не так важно, был или не был в принципе необходимым в условиях гражданской войны SCU для использования войск в городских столкновениях, а не просто для охраны сената, собравшегося за чертой померия. Важно то, что в рассматриваемом случае, по рассказу Диона, только после принятия этого решения Целий стал испытывать опасения потерпеть поражение в открытом вооруженном столкновении. Это в итоге и заставило его подчиниться (Cass. Dio 42.24.1), а не только сами по себе решение сената и все те меры, совокупность которых названа в латинских источниках «отстранением от государственных дел».

⁴⁴⁸ Как пишет П. Кордые, те сенаторы, которые поддерживали Целия, покинули его и были теперь связаны серией официальных решений (Cordier P. M. *Caelius Rufus...* P. 559, также см. P. 555, 572–573). Ср.: Pókecz Kovács A. *Economic Crisis...* P. 734.

⁴⁴⁹ См.: Cordier P. M. *Caelius Rufus...* P. 555, n. 97.

В результате Целий не решился дать сигнал к вооруженному сопротивлению даже тогда, когда Сервилий прогонял его с роstr, иными словами, удалял претора с созванной им *contio*, т.е. оттуда, где, надо думать, собралась масса сторонников инициатора закона об отмене долгов. Поскольку при описании этой ситуации вновь ничего не сообщается об использовании Сервилием солдат, Целий, по-видимому, подчинился добровольно (пусть и не сразу, если он успел восстановить сломанное консулом курульное кресло) тем же консульским ликторам, которых до этого он проигнорировал.

Возможно и еще одно, не связанное с интерпретацией роли SCU, объяснение того, почему обычная консульская интерцессия в какой-то момент оказалась вполне эффективным средством против Целия. Дион отмечает, что с самого начала на активные действия Целия подвигли слухи о смерти Цезаря (42.22.1). Как предполагает С. Джексон, позднее именно новости о его победах заставили народ прекратить поддержку претора⁴⁵⁰. Если это так, то подобные новости могли привести к переоценке и самим Целием перспектив продолжения борьбы в Городе (они же могли повлиять на то, что сенат, в конце концов, подчинился желаниям Сервилия). Так или иначе, популярность Целия и его инициатив как в среде городских низов, так и в сенаторских кругах, а также наличие у него отрядов вооруженных сторонников первоначально делали невозможным использование консулом тех стандартных средств, при помощи которых он мог бы заставить претора подчиниться. Но это не означает, что после того, как по тем или иным причинам оказались устранены препятствия для успешного применения обычной интерцессии, консул использовал что-то помимо нее.

⁴⁵⁰ Jackson S.B. *Marcus Caelius Rufus* // *Hermathena*. 1979. Vol. 126. P. 63–64.

§5.3. Неформальные аспекты отстранения М. Целия Руфа: что означала утрата политической инициативы? – Comparandum: случай консула 59 г.

В то же время, как представляется, обнаруживается еще одна составляющая тех мер Сервилия против Целия. Здесь следует обратить внимание уже на неформальный аспект политической нейтрализации Целия. Именно эта сторона событий может создать впечатление, будто Целий оказался на положении *privatus*, и что дело не ограничилось простым запретом со стороны консула на совершение тех или иных конкретных действий.

В одном из писем к Аттику (12.40.2–3) Цицерон отмечает, что его уединение на вилле в Астуре, когда он устранился от всех дел в Риме, вовсе не означает, что он не принимает тех, кто сам приезжает к нему. То положение, в котором оказался Целий, когда его, в отличие от Цицерона, силой «отстранили от государственных дел», тоже не означало, что претор более не может реагировать на просьбы, обращенные к нему. Сам он не проявляет инициативу или, точнее, как ожидалось, не должен был ее проявлять. Однако те, кто обратились бы к нему, могли бы, по-видимому, получить ответ от него как от претора. Я уже отмечал похожую на этот случай ситуацию с претором Децием. Хотя сам он после отстранения от должностных обязанностей не предпринимал попыток продолжить свою деятельность в качестве магистрата, все же консул – подчеркну еще раз – посчитал необходимым издать эдикт о том, чтобы никто не обращался к Децию за правосудием. Отсюда я делал выше вывод о том, что претор формально сохранил имевшиеся у него прерогативы. Но на основании этого текста можно кое-что сказать и относительно «неформальной стороны» происшедших событий. Вероятно, консул Эмилий Скавр ожидал, что граждане действительно могут обратиться к Децию и что тот тогда отреагировал бы так, как положено было претору. В то же время, по всей видимости, предполагалось, что после случившегося Деций сам ничего не предпримет.

Рассмотренный в §4 данной главы эпизод 62 г. отличается тем, что тогда претору удалось восстановить свое положение. Цезарь усмирил толпу, сходку (*multitudo, coetus*), собравшуюся по собственной инициативе (*sponte et ultro*) и предлагавшую ему помощь в восстановлении *dignitas* (заметим – не должности как таковой). В результате благодарный сенат вернул ему прежнее положение (*in integrum restituit inducto priore decreto*). Претор Цезарь мастерски использовал представившуюся возможность, а именно обращение к нему толпы сторонников. Однако сам он ничего не предпринимал (предположение об организации им этой толпы ничем не подтверждается), а только отреагировал на инициативу других.

Мог ли консул Сервий опасаться чего-то подобного, когда устанавливал наблюдение за Целием? Это предположение вовсе не выглядит невероятным, даже если принять, что в Рим на момент отстранения Целия уже пришли новости о том, что диктатор Цезарь жив, ведь необходимо учитывать популярность инициатив и самого Целия, и плебейского трибуна Долабеллы, который в следующем году не без успеха выступил с той же повесткой, что и Целий.

В 48 г. Целий не желал отказываться от исполнения обязанностей претора и даже попытался преодолеть наложенные на него ограничения. Сходным образом Цезарь в 62 г. сначала продолжил выполнение преторских функций, несмотря на решение сената, затем под давлением со стороны все же оставил должностные обязанности. В 115 г. Деций, хотя отстранился от дел тоже не по собственному желанию, все же решению консула, по-видимому, подчинился. В рассказе Ливия о последствиях Кавдинского поражения (см. §4.2 данной главы) сами обстоятельства вынудили консулов отказаться от исполнения своих обязанностей.

Помимо этих эпизодов следует обратить пристальное внимание на другой сопоставимый случай – события вокруг консула М. Кальпурния

Бибула в 59 г.⁴⁵¹. В этой ситуации сенат не только не участвовал в отстранении от должностных обязанностей, но даже поддерживал консула. Однако и здесь должностное лицо, формально сохраняя свои полномочия, на практике оказалось не в состоянии ими воспользоваться. Более того, источники, явно и неоднократно сравнивая Бибула ни с кем иным, как с *privatus*, тем самым последовательно характеризуют такое положение дел как результат отсутствия инициативы, обычно присущей магистрату.

В отличие от случая Целия, нет сомнений в том, что коллега Бибула Цезарь не предпринимал попыток сместить его с должности. Отмечая, что на *contio* Цезарь умолял и уговаривал Бибула изменить свою позицию и отказаться от оппозиции, Ф. Дрогула задается вопросом о том, не рассматривал ли Цезарь возможность поставить вопрос о смещении Бибула с должности на голосование в комициях⁴⁵². Однако на практике Цезарь достиг своих целей совсем иными средствами.

Когда на Бибула было совершено нападение и его фаски оказались сломаны⁴⁵³, это символически означало утрату тем консулом той власти, которую воплощали инсигнии, хотя формально его магистратский статус затронут не был. Цезарь не ставил под сомнение статус Бибула и, в частности, его право издавать эдикты и объявлять неблагоприятные знамения, но не допускал, чтобы эти действия принимали форму, которая представляла бы реальную угрозу. В данной ситуации перспектива для Бибула реально воспользоваться своими полномочиями зависела от того, сможет ли он объявить знамения в нужном месте и в нужное время, так чтобы Цезарь не мог их игнорировать. Для этого Бибулу приходилось вмешиваться каждый раз, когда созывались *contiones* или *comitia*⁴⁵⁴. Такое поведение, если бы его удавалось реализовать, представляло бы собой проактивное противодействие,

⁴⁵¹ См. источники в работе: Broughton T.R.S. *The Magistrates of the Roman Republic*. Vol. 2. P. 187–188.

⁴⁵² Drogula F.K. *Cato the Younger...* P. 132, n. 108.

⁴⁵³ Plut. *Cat. Min.* 32; Cass. Dio 38.6.3

⁴⁵⁴ Suet. *Iul.* 20.1; Cass. Dio 38.6.1–3; Drogula F.K. *Cato the Younger...* P. 134.

поскольку для успеха Бибулу необходимо было предвосхищать действия Цезаря в каждый комициальный день (впрочем и эту стратегию можно в конечном счете рассматривать в качестве лишь реакции на инициативы Цезаря).

Цезарь поначалу был вынужден считаться с действиями Бибула, а не просто игнорировать их. Однако после того, как Бибул был принужден укрыться в своем доме, единственным доступным ему действием оставалось объявление *feriae* до конца года⁴⁵⁵. Такое пассивное противодействие законодательным инициативам Цезаря (*Vell. Pat. 2.44.5: actiones eius magis vellet impedire quam posset*; ср. ситуацию 87 г., рассмотренную выше) оказалось неэффективным, поскольку его можно было игнорировать на том основании, что отсутствовало надлежащее по форме объявление неблагоприятных знамений⁴⁵⁶. Здесь не имеет значения, можно ли считать уже само заявление *de caelo servasse* подрывавшим легитимность любых дальнейших действий, предпринятых в таких условиях⁴⁵⁷. Не более продуктивно и предположение о том, что законы Цезаря не были аннулированы лишь по причине политической конъюнктуры, а не из-за отсутствия конституционных оснований для их отмены⁴⁵⁸. Процедура аннулирования все равно требовала инициативы: простого признания существования обстоятельств, якобы подрывавших легальность законов Цезаря, было недостаточно. Аналогичным образом, например, признание *vitio*

⁴⁵⁵ Shackleton Bailey D.R. *Cicero's Letters to Atticus*. Vol. 1... P. 406–408.

⁴⁵⁶ Drogula F.K. *Cato the Younger*... P. 140–142; Tatum W.J. *The Patrician Tribune*... P. 126–130; Lintott A. *Violence in Republican Rome*... P. 144–145, 213; Valetton I.M.J. *De Iure Obnuntiandi Comitibus et Conciliis* // *Mnemosyne*. 1891. Vol. 19. P. 82–83, 101–102, 106, 111–112; Linderski J. *Constitutional Aspects of the Consular Elections in 59 B.C.* // *Historia*. 1965. Bd. 14. S. 423–442; Linderski J. *The Augural Law*... P. 2165–2168; Driediger-Murphy L.G. *Roman Republican Augury: Freedom and Control*. Oxford: Oxford University Press, 2019. P. 136, 144, 147. Cf. Meier M. *Caesar und das Problem der Monarchie in Rom*. Heidelberg: Universitätsverlag Winter, 2014. S. 291–292; Beard M., North J., Price S. *Religions of Rome*: Vol. 1. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. P. 128; Libero L. de. *Obstruktion: Politische Praktiken im Senat und in der Volksversammlung der ausgehenden römischen Republik (70 - 49 v. Chr.)*. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 1992. S. 57–59, 62–63.

⁴⁵⁷ Ср.: Tatum W.J. *The Patrician Tribune*... P. 130.

⁴⁵⁸ Driediger-Murphy L.G. *Roman Republican Augury*... P. 144–145, n. 64.

creatus лишь принуждало магистрата к отставке, но сам по себе еще не отменял автоматически его магистратский статус⁴⁵⁹.

Несмотря на многочисленные эдикты, существенный сдвиг общественного мнения в пользу противника Цезаря, подкрепленный популярностью письменных выступлений Бибула⁴⁶⁰, и тот факт, что последние позволяли ему «оставаться вовлеченным в политику»⁴⁶¹, Бибул так и не смог предотвратить такие ключевые акты, как избрание сторонников Цезаря в консулы или предоставление ему пятилетнего проконсульского командования⁴⁶². Обвинения в применении насилия с целью помешать объявлению неблагоприятных знамений сами по себе никак не влияли на законы, принятые впоследствии⁴⁶³. В результате «законодательство Цезаря оставалось оспариваемым, но действующим»⁴⁶⁴, т.е. отказ его противников от инициативы оказался неэффективным даже в долгосрочной перспективе.

Бибул был неспособен реализовывать свои полномочия так, как это предусматривалось римской политической культурой и политической практикой, характеризовавшейся «публичностью»⁴⁶⁵. Даже добившись дискредитации триумвиров, он не смог немедленно воспрепятствовать законодательным мерам своего коллеги, как этого следовало бы ожидать от действующего консула⁴⁶⁶. Высказывание письменных обвинений не требовало наличия магистратуры. Равным образом многочисленные заседания сенаторов

⁴⁵⁹ Tatum W.J. The Patrician Tribune... P. 127.

⁴⁶⁰ Cic. *Att.* 2.20.4, 6; 2.21.4–5; Suet. *Iul.* 9.2; 49.2; *Har. Resp.* 48; *Dom.* 39–40; Suet. *Iul.* 20.1; Plut. *Pomp.* 48; *Caes.* 32.6; Vell. Pat. 2.44.5; Cass. Dio 38.6.5. Из числа более поздних работ см.: Rosillo-López C. Public Opinion... P. 108, 149.

⁴⁶¹ Rosillo-López C. Public Opinion... P. 117.

⁴⁶² Ср.: Heredia Chimeno C. La actividad consular de Bíbulo ante la transgresión constitucional: ¿reacción o restauración? // *Revue des Études Anciennes*. 2020. T. 122. P. 519.

⁴⁶³ Lintott A. Violence in Republican Rome... P. 145.

⁴⁶⁴ Beard M., North J., Price S. Religions of Rome... P. 127; Lintott A. Violence in Republican Rome... P. 146; Libero L. de. Obstruktion... S. 58.

⁴⁶⁵ См., напр.: Kunkel W., Wittmann R. Staatsordnung und Staatspraxis... S. 105–106. У. Вальтер даже рассматривал эту ситуацию как нарушение со стороны самого Бибула, а не Цезаря (Walter U. Ordnungszersetzung... S. 101).

⁴⁶⁶ Но ср.: Gruen E. The Last Generation... P. 92; Meier C. *Res publica amissa*... S. 283–284; Taylor L.R. Party Politics... P. 134–137.

в доме Бибула не нуждались в официальном председательстве магистрата⁴⁶⁷. Иными словами, Бибул не действовал как магистрат.

Именно неспособность Бибула инициировать политическое действие в таком виде, в каком это обычно были способны делать высшие магистраты, – несмотря на все его успехи в изменении общественного мнения по поводу Τρικάρωνος – побуждала античных авторов последовательно уподоблять этого консула *privatus*. Последнее верно даже для Цицерона, который в целом придавал большое значение успеху эдиктов Бибула, направленных против триумвиров. Жалуясь на то, что позднее в том же году плебейский трибун Ватиний попытался с помощью виатора вытащить Бибула из его дома (реакция на медленное, но устойчивое изменение общественного мнения в пользу последнего), Цицерон замечает, что даже *privatus* может найти убежище в собственном доме, а консулу Бибулу отказано и в этом (*Vat.* 22). Во фрагменте *Vat.* 24 Цицерон прямо рассматривает действия против Бибула как фактически лишение консульства (*spoliaras consulatu*). Разумеется, такое преувеличение соответствовало риторическим целям Цицерона, но оно показательное.

Еще одно, вполне очевидное (хотя и выраженное в ироническом ключе), сравнение Бибула с *privatus* – причем в этом сопоставлении последний снова выглядит выгоднее консула – встречается тоже у Цицерона: «Но на следующий день Цезарь, который некогда, будучи претором, заставил Квинта Катула держать речь с более низкого места, вывел Веттия на ростры и поставил его на то место, к которому Бибулу, консулу, нельзя было бы даже

⁴⁶⁷ Согласно Аппиану (*BC.* 2.11), сенаторы собрались в доме Бибула, так как проведение официального заседания сената было невозможно. Вероятно, они ожидали вмешательства (*intercessio*) Цезаря в том случае, если бы Бибул попытался созвать сенат формально (*Carsana C. Commento Storico al Libro II delle Guerre Civili di Appiano. P. 1. Pisa: Edizioni ETS, 2007. P. 68–69*). В результате действия Бибула оказались не более значимы, чем то, что оказался в состоянии сделать, например, Помпей в качестве *privatus* (см. гл. 5, §3 о заседании сената, организованном проконсулом Помпеем 1 января 49 г.). Бибул действительно пытался созвать сенат официально после нападения на него на форуме, но никто не был готов предложить действенные предложения для противодействия Цезарю.

приблизиться»⁴⁶⁸. Связь между бегством Бибула в свой дом, его уподоблением *privatus* и утратой инициативы прямо проводится и у Аппиана (*BC*. 2.12: Βύβλος μὲν ἐκ χειρῶν ἅπαντα μεθεῖς οἷά τις ἰδιώτης οὐ προήει τῆς οἰκίας ἐπὶ τὸ λοιπὸν τῆς ἀρχῆς ἅπαν)⁴⁶⁹. Соответственно, Цезарь представлен как единолично контролирующий все государственные дела (*App. BC*. 2.12), что породило знаменитую остроту о консульстве Гая Цезаря и Юлия Цезаря (*Cass. Dio* 38.8.2: ὥς καὶ μόνος αὐτῆς ἄρχων ... Γάϊόν τε Καίσαρα καὶ Ἰούλιον Καίσαρα ὑπατεύειν λέγοντες) или Юлия и Цезаря (*Suet. Iul.* 20.2).

В связи с этим примечательно, что в июле общественное мнение, благожелательно настроенное к Бибулу, сравнивало его с Фабием Кунктатором, спасшим государство промедлением (*Cic. Att.* 2.19.2; *Enn. Ann.* 370 Vahlen)⁴⁷⁰. Это сравнение может относиться лишь к усилиям по задержке выборов (*Cic. Att.* 2.20.6), но может также отражать более общее одобрение тактики уклонения от инициативы – чего, как мы видели, обычно не ожидали от римского магистрата. Впрочем, подобная тактика вызывала различные оценки даже в случае самого Фабия.

Таким образом, события 59 г. могут быть интерпретированы как борьба за политическую инициативу. Бибул, утратив возможность самому формировать «повестку дня» (вовремя объявлять неблагоприятные знамения на форуме для противодействия Цезарю, не говоря уже о выдвижении собственных предложений), фактически оказался лишен возможности применить магистратские полномочия и, в некотором смысле, низведен на положение *privatus*, о чем источники пишут прямо. Тем самым конфликт между актерами, формально обладавшими равной властью, был разрешен в пользу Цезаря даже несмотря на то, что в римской политической системе

⁴⁶⁸ *Cic. Att.* 2.24.3: postero autem die Caesar, is qui olim, praetor cum esset, Q. Catulum ex inferiore loco iusserat dicere, Vettium in rostra produxit eumque in eo loco constituit quo Bibulo consuli adspirare non licere.

⁴⁶⁹ Утрата политической инициативы часто сочетается с укрытием в собственном доме: *Liv.* 9.7.11; *App. BC*. 1.25. Также см. выше о преторе Цезаре в 62 г.

⁴⁷⁰ Ср.: Schmitt T. "He Took Care of the City and Supported It"...

приоритет имел тот из обладателей *par potestas*, кто блокирует действие другого.

Аналогичным образом плебейские трибуны, поддерживавшие Бибула, воздерживались от участия в государственных делах. Единственное, что они предприняли, – предотвратили арест Бибула своим коллегой Ватинием (*Cic. Vat. 22; Cass. Dio 38.6.6*). Но и этот акт можно рассматривать как реакцию на инициативу другого должностного лица. В связи с этим Л. Томмен справедливо подчеркивал, что именно в случае плебейских трибунов воздержание от исполнения должностных обязанностей могло вызвать жесткую критику⁴⁷¹, хотя, на мой взгляд, подобная логика не ограничивалась лишь трибунами.

Важно, что отказ и Бибула, и союзных ему плебейских трибунов от инициативы характеризуется в античной традиции через сопоставление этих должностных лиц не с кем иным, как с *privati*. В речи против Ватиния Цицерон подчеркивает, что этот трибун называл своих коллег *privati* (*Cic. Vat. 16: quos privatos esse dicebas*). Такое обозначение получает рациональное объяснение, если все эти должностные лица оказались подобны *privati* в том смысле, что действовали почти исключительно в реактивном, а не проактивном ключе. С такой точки зрения случай Бибула и поддержавших его плебейских трибунов в 59 г. сопоставим с рассмотренными выше примерами отстранения от должностных обязанностей, включая события, связанные с претором Целием.

Как позднее отмечал Цицерон, двое из трех союзных Бибулу плебейских трибунов позднее все же были признаны народом достойными избрания в преторы, несмотря даже на то, что в бытность трибунами они не смогли ничего добиться, не обладая *potestas*, необходимой для того, чтобы удержать свои позиции на *contiones* (*Sest. 113: contionum consistendi potestas non erat ... nihil agere potuissent*). Задача Цицерона – представить этих людей в наиболее выгодном свете. Однако даже через призму такой их репрезентации видно, что поражение плебейских трибунов в борьбе с Цезарем могло иметь самые

⁴⁷¹ Thommen L. Das Volkstribunat... S. 39.

серьезные негативные последствия для их электоральных перспектив в дальнейшем.

Возвращаясь к эпизоду с претором Целием, следует отметить следующее. Несмотря на все различия, и для случая 48 г., и для других упомянутых схожих с ним эпизодов общим было то, что магистрат, формально еще не лишившийся должности, не только был при помощи тех или иных конкретных публично-правовых механизмов (в ситуации 48 г. – при помощи консульской интерцессии) ограничен в реализации на практике имевшихся у него магистратских прерогатив (либо поставлен в такое положение силой самих обстоятельств), но и на уровне неформальной политики лишен того, что можно было бы назвать «политической инициативой». Поэтому, не соглашаясь с интерпретацией П. Кордые публично-правового механизма наложенных на Целия ограничений, мы вполне можем принять его заключительную оценку того фактического положения, в котором оказался претор: он был лишен «любой возможности эффективной деятельности»⁴⁷². В отношении случая 62 г. источники даже прямо говорят именно об этом (Suet. *Iul.* 16: *quieturus*; ср. Cass. Dio. 37.44.1: οὐδὲν... ἐνεωτέρισεν). Цезарь тогда на время отказался от политической инициативы. В сходном положении, на мой взгляд, оказался и Целий.

В передаче Кассия Диона (42.22–24) меры, которые консул Сервилий применил против Целия, сильно напоминают то, что сам Целий ранее предпринял против претора Требония. Как Целий прогнал коллегу с ростр, так и Сервилий удалил Целия с ораторского возвышения. Как Целий не давал Требонию делать ничего из того, что было тому поручено (οὐτ' ἄλλο τι τῶν ἐπιβαλλόντων οἱ ποιεῖσθαι ἐπέτρεπεν), так и Сервилий не давал Целию что-либо предпринять в качестве претора (οὐδὲν ἐκ τοῦτου τῷ Καίλιῳ ὥς καὶ στρατηγοῦντι πρᾶξαι ἐφῆκεν). Возможно, эти параллели не являются только следствием особенностей изложения Кассия Диона. Целий и Сервилий избрали по существу схожие средства, что неудивительно, ведь они стремились к одному

⁴⁷² Cordier P. M. *Caelius Rufus*... P. 559.

и тому же: лишению своих противников политической инициативы, не к лишению их должностей, а к блокированию их действий, к их нейтрализации. Что означало на практике «не давать выполнять обязанности претора» в обоих случаях? Мы знаем, что Целий не позволял Требонию выносить решения в соответствии с законами Цезаря (τὰς δίκας κατὰ τοὺς τοῦ Καίσαρος νόμους τελεῖσθαι συνεχώρει), т.е. противодействовал ему формально при помощи интерцессии (ἡναντιοῦτο πρὸς πάντα τῷ συνάρχοντι). Логично предположить, что таким же образом (но как старший коллега) Сервилий препятствовал Целию.

Потеря Целием политической инициативы в Городе и нежелание дожидаться решения Цезаря на свой счет заставили претора искать способы покинуть Рим. Возможности политического маневра в пределах померия были крайне ограниченными, даже несмотря на то, что на уровне формально-правовом практически ничего не изменилось. Магистрат еще мог попытаться вернуть утраченные инициативу и свободу действий. Это в свое время удалось Цезарю, а также Цинне, но не получилось у Целия. В 62 г. главным средством заставить Цезаря подчиниться решению сената и перестать выполнять судебные функции претора на форуме стала угроза применения силы со стороны неназванных лиц (Suet. *Iul.* 16). То же самое в полной мере относится и к случаю 48 г. (Здесь важно подчеркнуть, что почти все ключевые детали в этой части нам предоставляет только Дион. Однако это вполне ожидаемо, и вряд ли только по этой причине следует ставить под сомнение его сведения, учитывая хотя бы незаинтересованность Цезаря в изложении лишних подробностей того, как именно удачные действия Сервилия позволили нейтрализовать Целия.⁴⁷³)

Согласно Диону, Целий опасался наказания, так как Сервилий имел в Городе силы, достаточные для вооруженного столкновения. Но кроме того, за Целием было установлено наблюдение (Cass. Dio 42.24.3: παρρηρεῖτο γάρ). Это тоже могло стать действенным механизмом политической нейтрализации

⁴⁷³ Сходным образом рассуждает П. Кордые (Cordier P. M. *Caelius Rufus...* P. 572).

Целия. Во всяком случае, вполне вероятно, что если до этого консул успешно действовал против Целия, применяя формально интерцессию (пусть и ставшую возможной благодаря наличию солдат в распоряжении Сервилия), то для ее последующего использования важно было как раз получение вовремя сведений обо всех действиях Целия.

Правда, сам Дион пишет, что установленное наблюдение не позволяло Целию покинуть Город открыто. Уезжать из Рима скрытно Целий также не хотел, поскольку, как уже упомянуто выше, «рассчитывал сделать гораздо больше, воспользовавшись достоинством и именем претуры» (Cass. Dio 42.24.3). Таким образом, Сервилий не только смог нейтрализовать Целия в Городе, но и предотвратил его возможные попытки в полной мере воспользоваться преторской властью для набора сторонников в Италии. Скрытный отъезд из Рима поставил бы под сомнение положение Целия⁴⁷⁴.

Как бы то ни было, по логике Диона претор определенно не хотел «спасаться бегством». Дальнейшие события проясняют причины этого. Целий попытался обойти ограничения, открыто обратившись к самому Сервилию за разрешением покинуть Город. Этот вынужденный шаг демонстрирует эффективность предпринятых консулом мер. Целий настаивал на том, чтобы ему позволили отправиться к Цезарю. Сервилий, даже подозревая истинные намерения Целия, все же разрешил ему поехать, однако, послал вместе с ним трибуна, чтобы тот воспрепятствовал Целию, если последний что-то замыслит. Когда Сервилий узнал о действиях Милона (с которым Целий якобы планировал объединиться), он приказал Целию оставаться в окрестностях Рима, чтобы тот не вызвал никаких неприятностей (Cass. Dio 42.24–25).

Как уже было упомянуто выше, Дион все же оговаривается, что Сервилий «не принял строгих мер предосторожности, потому что (Целий) был

⁴⁷⁴ В этом отношении события 48 г. можно сопоставить с рассказом Ливия о тайном отъезде из Рима Г. Фламиния (во время консулата 217 г.). Хотя Фламиний вступил в должность и исполнял обязанности консула в полном объеме, все же последовало резкое осуждение со стороны сената, высказывавшего сомнения относительно легитимности действий Фламиния (Liv. 21.63.9: *lixae modo sine insignibus, sine lictoribus profectum clam, furtim, haud aliter quam si exsilii causa solum vertisset*).

претором» (οὐ μέντοι διὰ φυλακῆς ἀκριβοῦς ἄτε καὶ στρατηγοῦντα ἐποιήσατο). В результате Целий смог ускользнуть. Может показаться поэтому, что эффективность установленного наблюдения в конечном итоге оказалась невелика. Однако оно все же вынудило Целия покинуть предместья Рима таким путем, какого первоначально он сам как раз старался избежать. Наблюдение было достаточно тщательным для того, чтобы не дать ему уехать открыто (без риска столкнуться с запретом консула), но недостаточным для того, чтобы не позволить претору уехать тайно.

В результате, как можно предположить, в полной мере возможности претора Целию так и не удалось использовать, чего и добивался Сервилий. Во всяком случае, и Цезарь, и Кассий Дион сообщают о том, что агитация Целия среди солдат Цезаря и попытки подкупа полностью провалились и Целий вскоре был убит (Caes. *BC.* 3.22.3–4; Cass. Dio. 42.25.3). Важна и еще одна деталь: до этого исхода, как пишет Цезарь, римские граждане в Капуе постановили, что Целий должен считаться врагом (*BC.* 3.21.5: *eum hostis loco habendum existimabat*). По всей видимости, Сервилий в итоге добился желаемого, вынудив Целия вести себя так, как претору не подобает, и обратиться теперь уже к однозначно противозаконным действиям, которые позволили рассматривать его в качестве врага.

Цицерон пишет о судебном преследовании как о средстве, при помощи которого можно отстранить дурного гражданина от государственных дел⁴⁷⁵. Но в случае 48 г. сама угроза такого преследования могла оказаться еще одним средством удержать Целия от продолжения активной политики в Городе. С судебным преследованием, вероятно, рисковал иметь дело и Цезарь в 62 г.: его отстранению от должностных обязанностей предшествовало столкновение на форуме, в организации которого он мог бы быть обвинен⁴⁷⁶. Что касается Целия, то решить окончательно его судьбу предстояло Цезарю: как считает

⁴⁷⁵ Cic. *Verr.* 2.3.2: *ab re publica civem improbum removet*.

⁴⁷⁶ Plut. *Cat. Min.* 27–28; Carcopino J. *Jules César*... P. 181.

П, Кордые, Сервилий от этого устранился с тем, чтобы самому не испытывать возможные последствия⁴⁷⁷.

Итак, нейтрализация Целия сводилась к лишению его возможности предпринимать активные действия при формальном сохранении всех прерогатив претора. Целий действительно утратил важную часть того, что давал ему статус магистрата, – политическую инициативу. Поэтому, на мой взгляд, его положение вполне можно назвать «переходным» между статусом *magistratus* и положением *privatus*. Ведь даже сохраняя должность, Целий рисковал остаться пассивным наблюдателем, потому что подобно обычному частному лицу был лишен возможности активного вмешательства в политический процесс. Это было почти равносильно потере самой магистратуры. Ситуация, часто обозначаемая выражением *a re publica removere* и похожими фразами, означала нечто большее, чем сумму отдельных мер для политической нейтрализации магистрата-оппонента без формального лишения его должности.

Подводя итоги главы, уместно вернуться к уже упомянутому эпизоду, в котором применение античными авторами дихотомии *privatus/magistratus* ярче высвечивает одну общую черту всех случаев, рассматриваемых выше. Когда Ливий пишет о приказе диктатора начальнику конницы сойти с ораторского возвышения (то же самое, что консул Сервилий приказал сделать претору Целию), устами одного из персонажей он заключает: «Ты верно поступил, когда приказал увести нас туда, откуда мы и в качестве частных лиц можем подать голос»⁴⁷⁸. Хотя пафос Ливия состоит здесь в ином, он дает понять и то, что начальник конницы оказался на положении частного лица (хотя формально им не являлся). Этот фрагмент вызвал некоторые затруднения. Так,

⁴⁷⁷ Cordier P. M. *Caelius Rufus*... P. 559.

⁴⁷⁸ Liv. 8.33.10: *bene agis... cum eo nos deduci iussisti, unde et privati vocem mittere possemus*. В пер. Н.В. Брагинской мысль Ливия, на мой взгляд, искажена («отсюда мы сможем подать голос как и простые граждане»). В переводе в серии Loeb Classical Library, в данном случае, точнее: «where even as private citizens we can say our say». Cp. Cic. *Att.* 2.24.3.

например, С. Окли отмечал, что «нет свидетельств о том, что кому-либо, кроме ораторов, разрешалось обращаться к народному собранию не с ростр», и предположил, что «если здесь *privatus* используется как эквивалент *reus*..., то Фабий занимает стандартное положение перед рострами, с которого подсудимый обращался к народу»⁴⁷⁹. Однако в контексте настоящего исследования важно иное: начальник конницы формально сохранял свою должность, но при этом был как бы низведен до положения *privatus* и вынужден занять не просто позицию, которую обычно занимали частные лица, а то место, находясь на котором, они, как правило, должны были молчать⁴⁸⁰. Подобную ситуацию (произошедшую с Целием) Цезарь и вовсе называет не иначе как *ignominia* (BC. 3.21).

Рассмотренные выше случаи – Помпея Руфа в 88 г., Цинны в 87 г., Цезаря и Метелла Непота в 62 г., Бибула в 59 г., Целия Руфа в 48 г. и др. – показывают, что даже когда современный исследователь не без оснований мог бы заподозрить формальное лишение должности, политическая нейтрализация магистрата в республиканском Риме достигалась иными способами (именно она, а не аброгация как таковая, была целью)⁴⁸¹.

Вместо лишения должности магистрат с помощью различных приемов так или иначе принуждался к «молчанию», то есть к отказу от активного использования сохранявшихся полномочий по своему собственному усмотрению, без получения санкции со стороны. Этот результат, то есть утрата инициативы, снова и снова побуждает античных авторов уподоблять таких магистратов *privati*.

Выявленная в данной главе взаимосвязь между отсутствием инициативы и применением обозначения *privatus* к тем, кто юридически оставался

⁴⁷⁹ Oakley S.P. A Commentary on Livy, Books VI–X. Vol. 2: Books VII–VIII. Oxford: Oxford University Press, 1998. P. 731.

⁴⁸⁰ Ср.: Oakley S.P. A Commentary on Livy, Books VI–X. Vol. 2... P. 731: «in effect an order to keep quiet» (со ссылкой на публикацию: Shackleton Bailey D.R. Cicero's Letters to Atticus. Vol. 1... P. 401). Как отмечено в §1.4 данной главы, отстранение начальника конницы диктатором в рассказе Ливия произойдет позже (8.36.1: *vetito quicquam pro magistratu agere*).

⁴⁸¹ Ср.: Masi Doria C. *Spretum Imperium*... P. 278.

magistratus, перекликается с обратной ситуацией, рассмотренной в гл. 1 и 2, когда *privati*, успешно демонстрировавшие контроль над инициативой, сопоставлялись с магистратами, уподоблялись им или даже (в полемическом ключе) к ним приравнивались.

Таким образом, в Римской республике лишь однажды имела место абrogация плебейского трибуната (случай М. Октавием в 133 г.), и совсем не практиковалось лишение магистратской должности без (формального) согласия ее носителя (за исключением вероятного случая абrogации претора уже в период одной из диктатур Г. Юлия Цезаря). При этом применялись иные способы политической нейтрализации должностных лиц.

Для блокирования реализации магистратом его полномочий применялись не только интерцессия или арест, но и временное отстранение от должностных полномочий (точнее его можно определить как отстранение от должностных обязанностей). Такое отстранение не меняло публично-правовой статус магистрата с точки зрения дихотомии *privatus/magistratus*. Для обозначения подобной ситуации в источниках применяются различные выражения, ряд из которых прямо указывает на потерю способности к политической инициативе (например, *quieturus*).

В кратких нарративах для обозначения отстранения от должности может употребляться терминология, которая обычно интерпретируется как указание на лишение самой должности (например, *ex auctoritate senatus consulatus ei abrogatus est; abrogato magistratu*), однако анализ контекста конкретных событий всякий раз исключает такое толкование. Рассматриваемая терминология, будучи с правовой точки зрения неверной, отражает понимание античными наблюдателями отстранения магистратов как акта, фактически низводившего последних на положение *privati*.

Греческие авторы поясняют своей аудитории существование в римской политической практике не только возможности сохранения магистратской должности, несмотря на лишение провинции, но и возможности сохранения статуса *magistratus* при утрате способности активно влиять на ход

политического процесса. В римском восприятии временное отстранение от должностных обязанностей не требовало комментария, следовательно, оно могло представлять собой один из наиболее глубоко укоренившихся компонентов политической культуры римской *civitas* эпохи Республики.

Отстранение от должностных обязанностей обычно описывается в источниках как совместный акт сената и высших магистратов, подкреплявшийся средствами принуждения. Отстранение от власти само по себе, по-видимому, являлось экстра-легальной практикой, осознаваемой как единый комплекс продолжительно действовавших мер, но могло поддерживаться вполне легальными средствами одномоментного применения (например, повторяющимися актами интерцессии со стороны высшего магистрата).

Отстранение от должностных обязанностей формально не означало потерю или умаление даже отдельных компонентов магистратской власти. Маркерами этой ситуации являются свидетельства о физическом удалении или вытеснении магистрата из политически значимых публичных пространств римского полиса, установление наблюдения за магистратом, призыв к гражданам воздержаться от обращения с запросами к магистрату как носителю публичной власти, умаление внешнего достоинства и изменение облика носителя магистратской власти (утрата магистратского одеяния, уничтожение инсигний, нарушение физической неприкосновенности магистрата), передача провинции магистрата его коллеге.

Отстранение от должностных обязанностей не игнорировалось, а признавалось самим отстраняемым магистратом как политическая реальность. На какое-то время последний принимал необходимость изменить свою модель поведения (например, воздерживался от выхода из дома или менял внешний вид). Такое отстранение потенциально являлось временным (*pro condicione temporum*) и обратимым. Для его преодоления необходимы были ожидание подходящего момента, инициатива сторонников, повторное неформальное подтверждение авторитета магистрата со стороны гражданского коллектива

(например, аудиторией *contio*) и, в финале этого процесса, – со стороны тех акторов, которые инициировали отстранение. Свидетельствами восстановления положения ранее отстраненного магистрата являлись постановления сената, заявления в *contiones*, появление магистрата в публичных пространствах, из которых он ранее был вытеснен, демонстрация инсигний, возвращение магистрата к реализации своих рутинных полномочий, нормализация личной коммуникации членов элиты.

Анализ конкретных случаев отстранения от должностных обязанностей, показывает, что во всех них наблюдается утрата способности к политической инициативе, при описании чего всегда заметно прямое или косвенное уподобление отстраненного магистрата *privatus* (*ἰδιωτεύοντες*; *in privato abditum nihil pro magistratu agere*). В этом отношении ситуация вновь соотносится с той, которая наблюдается в случае магистратов-десигнатов.

Эстра-легальная практика отстранения от исполнения магистратских полномочий противоречила принципу воплощения суверенитета римского народа в фигуре избранного им магистрата, хотя и позволяла – в полном соответствии с римским правовым мышлением – уклониться от прямого формального нарушения указанного принципа (поскольку сам статус *magistratus* оставался неприкосновенным). Временное отстранение от должностных обязанностей можно рассматривать и как способ публично продемонстрировать изменения в реальном соотношении политических сил, причем более оперативно, чем это позволяли регулярные процедуры избрания и отставки магистратов. Вероятно, потребность в такого рода инструментах являлась объективным следствием усложнения и ускорения динамики политической жизни в конце Республики. Отстранение от должности можно также интерпретировать как маркер глубокого политического конфликта, поскольку только в контексте такого конфликта формальная иерархия могла временно оказаться менее значимой, чем приоритет в способности быстро инициировать те или иные меры.

В следующих двух главах рассматривается менее очевидный сценарий. В центре внимания оказываются политические акторы, формально равные магистратам, но лишь в строго определенной сфере деятельности. Что происходило, если такие лица – промагистраты – вмешивались в область компетенции, находившуюся за пределами их собственной? Как применяется дихотомия *privatus/magistratus* в античных источниках для описания подобных случаев? Играла ли неформальная политическая инициатива в этих описаниях такую же роль, какую мы наблюдали в уже рассмотренных ситуациях?

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ЯРОСЛАВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ ИМ. П.Г. ДЕМИДОВА»

На правах рукописи

ФРОЛОВ Роман Михайлович

**МЕЖДУ PRIVATI И MAGISTRATUS:
ГРАЖДАНЕ ПЕРЕХОДНЫХ СТАТУСОВ
В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ РИМСКОЙ РЕСПУБЛИКИ**

Специальность 5.6.2. Всеобщая история

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени доктора исторических наук

Научный консультант:
доктор исторических наук, профессор
Дементьева Вера Викторовна

Том 2

Ярославль – 2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

Том 2

ГЛАВА 4. ВМЕШАТЕЛЬСТВО РИМСКИХ РЕСПУБЛИКАНСКИХ ПРОМАГИСТРАТОВ

В СФЕРЕ DOMI 447

§1. Промагистратура как промежуточный статус между *privatus* и *magistratus* 448

§1.1. Промагистраты как немагистраты 448

§1.2. Промагистраты как *privati* в республиканских законах 462

§1.3. Промагистраты и (другие) *privati* в нарративной традиции 469

§1.4. Промагистраты в сфере *domi*: правовые и практические ограничения 501

§1.5. Публичная речь, политическая угроза и гражданская война: промагистраты *ad urbem* в период до конца 60-х гг. до н.э. 510

§2. *Praesidens urbi – introisset in urbem*: проконсул Помпей и город Рим в 60–50-е гг. 553

§2.1. Критика Цезарем *novi generis imperia* Помпея 554

§2.2. Неудачная попытка санкционировать применение проконсулом империя в городе Риме в 62 г.? 561

§2.3. *Potestas* куратора анноны Помпея 565

§2.4. *Ἀπογραφὴ* Помпея 574

§2.5. Разрешение куратору анноны вступать в Рим с сохранением империя 579

§2.6. *Recensus* и *coetus recensionis causa* 587

§2.7. *Cura annonae* Помпея и сфера *domi* 599

§2.8. Проконсул Помпей, сенат и выборы в 50-х гг.: *τοὺς δὲ ὑπάτους ἀποδειχθῆναι παρεσκεύασεν* 602

§2.9. *Senatus consultum ultimum* и сфера *domi* в 52 г. 605

§3. *Omnes qui sunt eius ordinis a Pompeio evocantur*: созыв проконсулом Помпеем собрания сенаторов 1 января 49 г. 615

§3.1. *Domus* Помпея и неофициальное собрание сенаторов 616

§3.2. *Omnes* или *omnes <sui>*? Репрезентация Цезарем *evocatio* сенаторов Помпеем 619

§3.3. Вопрос о достоверности сообщения по поводу неофициального созыва сенаторов проконсулом Помпеем 634

§3.4. *Evocatio* Помпеем сенаторов и вмешательство промагистратов в сферу *domi* 646

§4. *Lictoresque habent in urbe et Capitolio privati*: промагистраты в Риме в 49 г.? 650

§4.1. Контекст событий: почему консулы 49 г. действовали незаконно? 653

§4.2. Использовали ли консулы ликторов «в частном порядке»? 659

§4.3. Идентификация <i>privati</i> , допустивших злоупотребление ликторами	667
§4.4. «Вопреки всем примерам древности»: причины применения ликторов промагистратами в городе.....	675
§5. Проконсулы, сенат и народ в 49 г.	688
§5.1. Вступал ли проконсул Цезарь в город Рим в 49 г.?	691
§5.2. <i>Appellatisque de re publica patribus</i> : проконсул Цезарь <i>ad urbem</i>	701
§5.3. Лукан и республиканские проконсулы: историческая память о промагистратах в период гражданской войны.....	711
§5.4. [A] <i>d urbem futurum cum exercitu, introitum quotienscumque vellet</i> : Цицерон о Марке Антонии в 44–43 гг.	732
 ГЛАВА 5. ОТ ТРИУМВИРАТА К ПРИНЦИПАТУ: СТАТУС ОКТАВИАНА В 32 Г. И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИНИЦИАТИВА В НОВЫХ УСЛОВИЯХ	743
§1. Полномочия <i>triumviri rei publicae constituendae</i> в сфере <i>domi</i>	746
§2. От <i>magistratus</i> к <i>privatus</i> : публично-правовое положение Октавиана в 32 г.	761
§2.1. Гипотеза о прекращении триумvirата после 31 декабря 32 г. ...	763
§2.2. Имел ли триумvirат юридически обязательный срок?	784
§2.3. Концепция <i>magistratus ad tempus incertum</i> У. Коли: узурпация власти и необходимость абдикации	788
§2.4. «Задача», «поручение» и абдикация. Триумvirат без ограничений?	808
§2.5. Прекращение триумvirата после 31 декабря 33 г.....	846
§3. Захват политической инициативы в сфере <i>domi</i> : проконсул Октавиан в сенате в 32 г.	861
§4. Переходный статус и политическая инициатива принцепсов: перспективы исследования	884
 ЗАКЛЮЧЕНИЕ	901
 СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ	946
 ПРИЛОЖЕНИЯ	1009
Приложение А.	1009
Приложение Б.	1018

ГЛАВА 4.

ВМЕШАТЕЛЬСТВО РИМСКИХ РЕСПУБЛИКАНСКИХ ПРОМАГИСТРАТОВ В СФЕРУ DOMI

Премагистраты по определению не обладали властью в пределах города Рима. Однако это не означает, что они не имели возможности вмешиваться в сферу domi напрямую и лично (не говоря уже об использовании каналов опосредованного влияния). Гипотетически можно представить, как минимум, три ситуации. Во-первых, в определенных обстоятельствах промагистрат мог быть наделен формальными полномочиями выступать в качестве носителя публичной власти в пределах Города (иначе: могли быть сняты ограничения, изначально наложенные на него в этом отношении) или же попытаться выполнять такую роль «явочным порядком», без формальной санкции. Во-вторых, промагистрат мог инициировать политически значимый акт за пределами города, но этот акт оказывал прямое последствие на «гражданские дела». В-третьих, соблюдая формальные ограничения, касающиеся его участия в политических процессах в городе Риме, промагистрат на практике мог публично вмешиваться в сферу domi, добиваясь для собственных целей созыва магистратом contiones или сената, но при этом действуя на этих собраниях таким способом, который не вписывался в римские представления о функциях и задачах промагистратов. Цель данной главы – выяснить, действительно ли наблюдались перечисленные ситуации, и если наблюдались, то определить, в какой степени как таковой статус промагистрата, с одной стороны, и другие факторы, особенно неформальное политическое влияние, с другой, определяли механизмы и результат вмешательства промагистратов в сферу domi. Прежде, чем обратиться к этому вопросу, необходимо выяснить, как римляне описывали промагистратов относительно магистратов и в сопоставлении с privati, не наделенными властью.

§1. Промагистратура как промежуточный статус между *privatus* и *magistratus*

§1.1. Промагистраты как немагистраты

Как отмечалось во Введении, промагистраты рассматриваются современной историографией почти исключительно как субъекты провинциальной политики¹. Именно в этой сфере ожидалась их активная деятельность. Большая часть свидетельств источников, соответственно, касается военной деятельности промагистратов и управления провинциями. Язык описания действий промагистратов в провинциях едва ли отличим от языка описания власти и действий магистратов вне сферы *domi*². Закономерно, что республиканская промагистратура рассматривается антиковедами как основа формирования того аспекта власти принцепсов, который касался сферы *militiae*³. Однако в данной главе я сфокусирую внимание на том вопросе, который пока находится на периферии исследовательского внимания: каким образом, если это вообще было возможно, промагистраты могли быть непосредственно вовлечены в ту сферу деятельности, из которой формально они были исключены, – сферу *domi*.

¹ См.: Carney T.F. The Promagistracy at Rome...; Jashemski W.F. The Origins...; Develin R. Prorogation of *imperium*...; Kloft H. Prorogation...; Buti I. Appunti in tema di «prorogatio imperii», I...; Buti I. Appunti in tema di «prorogatio imperii», II...; Buti I. Appunti in tema di «prorogatio imperii», III...; Buti I. Considerazioni sul primo periodo della *prorogatio imperii*...; Buti I. Considerazioni sul secondo periodo della *prorogatio imperii*...; Vervaeke F.J. The Praetorian Proconsuls...; Tarpin M. *Imperium, Promagistrats et triomphe*...; Hurlet F. *Pro consule uel pro praetore*...; Díaz Fernández A. *Provincia et imperium*... P. 70–80. Но для анализа неформальной политики, связанной с принятием решений о пропуске, см.: Rosillo-López C. Strategies of Prorogation in the Late Roman Republic // *Provinces and Provincial Command in Republican Rome: Genesis, Development and Governance* / Ed. A. Díaz Fernández. Sevilla; Zaragoza: Universidad de Sevilla; Prensas de la Universidad de Zaragoza, 2021. P. 89–106.

² См. особенно: Richardson J. The Language of Empire: Rome and the Idea of Empire From the Third Century BC to the Second Century AD. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. 220 p.

³ Ср., напр.: Stein E. Zum Gebrauch des Prokonsularischen Titels seitens der Römischen Kaiser // *Klio*. 1912. Bd. 12. S. 392–398; Nesselhauf H. Von der feldherrlichen Gewalt des römischen Kaisers // *Klio*. 1937. Bd. 30. S. 306–322.

Премагистратура – показательный пример того, что некоторые политические институты республиканского Рима не могут быть описаны целиком в терминах формально-правового анализа. По словам Ф. Дрогулы, «премагистратура всегда была неясно дефинирована в римском праве»⁴. Как отмечает А. Джованнини, поскольку премагистратура не является «изначальным» институтом Республики, статус премагистрата может показаться «несколько неопределенным»⁵.

Эти наблюдения не опровергают точку зрения о наличии четко зафиксированных норм, регулировавших премагистратуру, даже если они не вполне отражали все разнообразие политической практики. Важнейшая из этих норм, на мой взгляд, заключалась в том, что все премагистраты формально причислялись к категории *privati* – включая тех, кто непосредственно перед этим занимал магистратскую должность. Аргументация этого тезиса приведена ниже.

Современные исследователи выделяют несколько типов премагистратов, отличая их по способу обретения власти: (1) премагистраты «по пророгации», т.е. те, кто получили власть сразу по окончании магистратуры в результате пророгации империя (*ex magistratu*); (2) *privati*, получившие империй либо впервые, либо после сложения империя, полученного ими когда-то ранее (т.н. «*privati cum imperio*»); (3) *privati* с делегированным империем. Возникает, однако, вопрос о том, какой властью обладал проквестор, если он не оказывался наделен империем *pro praetore*. Об этой категории премагистратов исследователи высказываются крайне редко. В.В. Дементьева пишет, что проквестором мог стать квестор, которому продлевалась *potestas* в провинции на следующий административный год⁶. Тогда этот случай будет составлять отдельную категорию премагистратов без империя. Можно усомниться в том, что у проквесторов была именно *potestas*

⁴ Drogula F.K. *Commanders and Command...* P. 349.

⁵ Giovannini A. *Consulare imperium...* P. 41: «Du fait que la promagistrature n'est pas une institution originelle de la République, le statut du promagistrat peut paraître un peu flou».

⁶ Дементьева В.В. Квесторские *provinciae*... С. 18–19.

(прямо об этом в источниках, насколько я могу судить, не говорится). Однако какой-то властью они должны были быть наделены, а утверждать, что проквесторы всегда получали империй, который не имели сами квесторы, очевидно, нельзя⁷.

Хотя Х. Клофт справедливо подчеркивает различие с точки зрения механизма получения власти между лицами с пророгированным империем и теми, кто приобрел статус промагистрата, минуя магистратуру, он признает отсутствие различий в объеме полномочий промагистратов различных типов, во всяком случае, первым и вторым, перечисленными выше⁸. С интересующей меня точки зрения различия между этими типами, связанные с разным способом получения власти, нерелевантны.

Я. Бертле отмечает специфику статуса *privati cum imperio*, в частности отсутствие у них *imperium domi* и *ius auspicandi domi*⁹. Однако, как убедительно показал Д. Рафферти, «к I в. пророгированные промагистраты и *privati cum imperio* стали фактически неразличимы», в том числе «с точки зрения авгурального права»¹⁰. Даже если бы мы предположили, что в этом отношении между различными типами промагистратов существовали некоторые различия, все они могли действовать только *militiae*, независимо от того, каким образом их *ius auspicandi* мог быть ограничен.

По поводу типа (3) – *privati* (в частности легаты) с делегированным империем – возникает вопрос о том, можно ли говорить о них как о промагистратах. Такое сомнение не представляется мне правомерным. Нет

⁷ Ср.: Badian E. The Silence of Norbanus... P. 158.

⁸ Kloft H. Prorogation... S. 15: «Wenn einem *privatus* ein Imperium übertragen worden war, dann ließ sich dieses wie ein normales prorogieren, wie das Beispiel des Scipio Africanus zeigt. In diesem Punkt besteht zwischen dem gewesenen Magistrat und dem *privatus* kein Unterschied. Beide besaßen im Bereich *militiae* ein außerordentliches Imperium».

⁹ Berthelet Y. Gouverner avec les dieux... P. 161–167. Также см.: Koortbojian M. Crossing the *pomerium*... P. 70–71.

¹⁰ Rafferty D. Provincial Allocations... P. 138. Аналогично Dalla Rosa A. *Cura et tutela*... P. 92. Также ср.: Emmelius D. Grenzen schreiben... S. 198, Anm. 671, 204–206 (об отсутствии доказательств существования дихотомии *auspicia domi/auspicia militiae*). Применение империя как промагистратами по пророгации, так и теми, кто получил империй в качестве *privati*, ограничивалось рамками их провинций совершенно одинаково, см.: Blösel W. *Imperia extraordinaria*... S. 52–53.

оснований полагать, что римляне категорию «лиц с делегированным империем» формально выделяли относительно *magistratus* и *pro magistratu*. Например, в *lex Antonia de Termessibus* приведена последовательность *ne quis magistratus prove magistratu legatus ne[u] quis alius*¹¹. Неясно, противопоставляются ли здесь *legati cum imperio* тем, кто был *pro magistratu*¹². С другой стороны, Цезарь, например, мог заявить, что отправил Куриона в Сицилию *pro praetore* (BC. 1.30.2: *mittit ... in Siciliam Curionem pro praetore cum legionibus duabus*). Таким образом, он назван пропретором несмотря на то, что, как аргументируется в §5.2 данной главы, получил делегированный империй от Цезаря. Еще более показательным является существование *legatus pro quaestore* и *pro praetore*, о чем свидетельствует, в частности, чеканка монет¹³. Если наименования *pro quaestore* и *pro praetore*, и, соответственно, *pro magistratu*, могли официально использоваться для обозначения *legati* с делегированным империем, то нет причин избегать их исследовательского определения как промагистратов, даже если эти промагистраты явно отличались от промагистратов других типов (в отношении обладания ауспициями, количества ликторов, права на триумф, права на дальнейшее делегирование империя и т.д.)¹⁴. Поэтому, признавая существенные различия, можно согласиться с Т. Моммзенем, который включил в категорию промагистратов различных должностных лиц с делегированным империем¹⁵.

И. Бути делает важное замечание о том, что даже те, кто был магистратом в момент рассмотрения вопроса об их пророгации, получали промагистратские полномочия уже на тот момент или после того, как

¹¹ CIL I 204 = Roman Statutes / Ed. M.H. Crawford... P. 334, col. 2, ll. 13–14.

¹² Т. Моммзен (Mommsen Th. *Römisches Staatsrecht*. Bd. I. S. 683, Anm. 5) без подробной аргументации допускает, что *magistratus* здесь включает промагистратов по пророгации.

¹³ См., напр.: Gaebler H. *Die Antiken Münzen von Makedonia und Paionia*. Berlin: Walter de Gruyter, 1935. S. 9, N. 9: SVVRA • LEG/PRO • Q. Также ср.: Thomasson B.E. *Legatus: Beiträge zur Römischen Verwaltungsgeschichte*. Stockholm: Svenska Institutet i Rom, 1991. S. 16–17.

¹⁴ См.: Mommsen Th. *Römisches Staatsrecht*. Bd. I. S. 684; Staveley E.S. *The fasces and imperium maius* // *Historia*. 1963. Bd. 12. P. 470, включая n. 60; Koortbojian M. *Crossing the pomerium...* P. 56–57. Ср.: Vervae F.J. *The Praetorian Proconsuls...* P. 65, 72, n. 109, 75, n. 120, 78, 83, 87, n. 158; Vervae F.J. *The High Command...* P. 17, 78–81, 124–125, n. 171.

¹⁵ Mommsen Th. *Römisches Staatsrecht*. Bd. I. S. 1, 12–13, 677, 683, 686.

становились *privati*¹⁶. Наблюдение И. Бути является одним из аргументов, подтверждающих вывод Ф. Дрогулы о том, что все промагистраты технически являлись *privati*¹⁷. Именно по этой причине (а не просто потому, что он не используется в источниках¹⁸) исследовательский термин (латинский новодел) «*privatus cum imperio*» представляется не совсем удачным как обозначение только одного из типов промагистратов.

Напоминая о том, что до времени Ливия выражение *imperium proconsulare* не применялось, Й. Бляйкен указывает на то, что в терминологическом отношении *privati cum imperio* были идентичны промагистратам по пророгации (и те и другие могли быть обозначены *pro praetore/pro consule*)¹⁹.

Фундаментальное сходство между различными типами промагистратов отражается и в словоупотреблении юридических текстов, в которых не проводится явного различия между ними. Формулировка *lex de Gallia Cisalpina* (*lex Rubria*) (I. 50–51: *neive quis mag(istratus), prove mag(istratu), neive quis pro quo imperio potestateve erit*) может быть интерпретирована как свидетельство обратного. Однако в историографии уже высказывалось мнение о том, что последняя часть фразы указывает на местных магистратов²⁰, а не промагистратов, которые не получили свою власть через пророгацию²¹. В

¹⁶ Buti I. Appunti in tema di «*prorogatio imperii*», I... P. 254, 256, 267, n. 68; Buti I. Considerazioni sul secondo periodo della *prorogatio imperii*... P. 66.

¹⁷ Drogula F.K. Commanders and Command... P. 219–220, включая n. 97.

¹⁸ См.: Blösel W. *Imperia extraordinaria*... S. 44–45, 44, Anm. 115, а также §1.2 данной главы.

¹⁹ Bleicken J. *Imperium consulare/proconsulare*... S. 122. Схожим образом: Meyer E. *Römischer Staat und Staatsgedanke*... S. 153–154.

²⁰ Cp. *lex col. Gen.* 94, 125, 128 (CIL I² 594 = *Roman Statutes* / Ed. M.H. Crawford.... P. 413); *lex agraria* 87 (CIL I² 585 = *Roman Statutes* / Ed. M.H. Crawford.... P. 122).

²¹ Mommsen Th. *Römisches Staatsrecht*. Bd. I. S. 23, Anm. 4 (cp. S. 117–118, Anm. 1; также см. S. 12, Anm. 1); Mommsen Th. *Römisches Staatsrecht*. Bd. III.1. S. 812, Anm. 2; *Roman Statutes* / Ed. M.H. Crawford.... P. 474; Frederiksen M.W. *The Lex Rubria: Reconsiderations* // *Journal of Roman Studies*. 1964. Vol. 54. P. 132, n. 19; cp.: Bruna F.J. *Lex Rubria: Caesars Regelung für die richterlichen Kompetenzen der Munizipalmagistrate in Gallia Cisalpina*. Leiden: Brill, 1972. P. 128–129. Й. Бляйкен утверждал, что муниципальные магистраты обладают империем по аналогии с римскими магистратами, при этом термин *imperium* используется в общем смысле для обозначения высших местных должностных лиц (Bleicken J. *Zum Begriff der römischen Amtsgewalt*... S. 293, включая Anm. 108). Cp.: Kunkel W., Wittmann R. *Staatsordnung und Staatspraxis*... S. 19 (В. Кункель полагал, что *quis pro quo imperio*

античной нарративной традиции империй проконсулов называется *imperium consulare*, независимо от того, были ли они магистратами или *privati* в момент наделения их промагистратскими полномочиями²².

Все это не означает, что специфика различных типов промагистратуры была несущественной: скорее наоборот, споры о престиже, иерархии, праве на триумф играли существенную роль²³. Однако в контексте данного исследования важнее то, что, если бы, например, в 43 г. Октавиан получил право действовать *pro consule* (а не *pro praetore*, как произошло на деле), это все равно не позволило бы ему, подобно магистрату, созывать сенат и совершать иные действия, которые были недоступны пропретору, в независимости от того, насколько более престижным с точки зрения *dignitas* был статус *pro consule* по сравнению со статусом *pro praetore*. Иными словами, все промагистраты были в равной степени лишены какой-либо власти в сфере *domi* и не считались *magistratus populi Romani*.

Даже будучи наделенными определенными магистратскими полномочиями, промагистраты юридически оставались немагистратами²⁴.

potestateve erit отличается здесь от промагистратов по пророгации, которые обозначаются *pro magistratu*).

²² Girardet K.M. Die Entmachtung des Konsulates im Übergang von der Republik zur Monarchie und die Rechtsgrundlagen des Augusteischen Prinzipats // *Pratum Saraviense: Festgabe für Peter Steinmetz* / Eds. W. Görler, S. Koster. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 1990. S. 92, Anm. 10.

²³ Уже давно признано, что для римлян имело значение (как в целом, так и особенно в отношении таких вопросов, как триумф), было ли действующее лицо магистратом до приобретения промагистратского положения (см., например, Mommsen Th. *Römisches Staatsrecht*. Bd. I. S. 638–639; Develin R. *Tradition and the Development of Triumphal Regulations in Rome* // *Klio*. 1978. Bd. 60. P. 429–438; Pittenger M.R. *Contested Triumphs: Politics, Pageantry, and Performance in Livy's Republican Rome*. Los Angeles; London, 2008. P. 54–66; Versnel H.S. *Triumphus*... P. 187–189; Berthelet Y. *Gouverner avec les dieux*... P. 157–168). Античные источники также отдельно выделяют таких промагистратов, которые отправлялись в свои провинции *ex magistratu* (Caes. *BC*. 1.85.9; Cic. *Brut.* 318; Val. Max. 3.7.6; Vell. Pat. 2.31.1; Giovannini A. *Consulare imperium*... P. 79–81).

²⁴ См., напр.: Lange L. *Römische Alterthümer*. Bd. I. S. 743; Mommsen Th. *Römisches Staatsrecht*. Bd. I. S. 11–12, 652, Anm. 4; Kübler B. *Magistratus* // *Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft*. Bd. 14.1 / Hrsg. W. Kroll. Stuttgart: J.B. Metzler, 1928. Sp. 430; Jashemski W.F. *The Origins*... P. 20; Meyer E. *Römischer Staat und Staatsgedanke*... S. 109; Drogula F.K. *Commanders and Command*... P. 219–220. Также ср.: Kloft H. *Prorogation*... S. 13–15.

Они реализовывали триумф *acta honore* (Liv. 8.26.7)²⁵, а не *in magistratu* (Liv. 36.39.10). Проконсулу П. Корнелию Сципиону было отказано в триумфе, поскольку он совершил соответствующие деяния, не имея магистратуры (Liv. 28.38.4: *sine magistratu res gessisset*)²⁶. В отличие от магистратуры, промагистратура в некоторых случаях могла продолжаться до момента завершения поставленной задачи (Liv. 30.1.10: *non in temporis sed rei gerundae finem*)²⁷. Обладание империем в качестве промагистрата и осуществление магистратуры последовательно противопоставляются друг другу²⁸. По словам В. Кункеля, тот, кто не мог законно действовать в качестве должностного лица в Риме, не был, в строгом и традиционном смысле, *magistratus populi Romani*²⁹.

²⁵ Kloft H. *Prorogation...* S. 69, Anm. 111; Oakley S.P. *A Commentary on Livy, Books VI–X. Vol. 2: Books VII–VIII...* P. 685; Dalla Rosa A. *Ductu auspicioque...* P. 193. X. Клофт считает, что понятие в данном случае охватывает не только магистратуру, но и деятельность в качестве промагистрата.

²⁶ *Sine magistratu* относится к статусу Сципиона не только до, но и после того, как он уже был назначен промагистратом и успешно справился со своей задачей. Таким образом, если промагистрат был *sine magistratu*, он оставался таковым и по окончании своей промагистратуры. Как верно замечает Дж. Ричардсон в связи с этим пассажем, «проконсул, который уже был консулом, был магистратом не больше, чем Сципион, и оба, выражаясь надлежащим образом, являлись *privati*» (Richardson J. *Hispaniae: Spain and the Development of Roman Imperialism, 218–82 BC*. Cambridge: Cambridge University Press, 1986. P. 70: «a proconsul who had already been consul was no more a magistrate than Scipio, both properly speaking being *privati*»; ср.: Versnel H.S. *Triumphus...* P. 188: «they were not, and had not been magistrates»). Также см. Liv. 31.20; Val. Max. 2.8.5.

²⁷ Ср.: Coli U. *Sui limiti...* P. 402. На мой взгляд, неверно, что какая-либо республиканская магистратура могла быть свободна от ограничения конкретным сроком действия подобно тому, что имело место в случае с промагистратурой. См. гл. 5, §2.3.

²⁸ См. особенно: Drogula F.K. *Imperium...* P. 434–435, с обсуждением, в том числе, противопоставления магистратуры и *imperium* во фрагментах Fest. P. 43L (*cum imperio est dicebatur apud antiquos, cui nominatim a populo dabatur imperium*) и Suet. *Iul.* 54.1 (*neque in imperiis neque in magistratibus*). Эта идея заметна в литературных источниках, начиная с поздней Республики. Ср., напр., пассажи, собранные В. Блэзелем (Blösel W. *Imperia extraordinaria...* S. 42, Anm. 106): Cic. *Rep.* 1.28 (*quod autem imperium, qui magistratus, quod regnum potest esse praestantius*); Sall. *Iug.* 3.1. (*verum ex iis magistratus et imperia, postremo omnis cura rerum publicarum*); Liv. 2.1.1 (*liberi iam hinc populi Romani res pace belloque gestas, annuos magistratus, imperiaque legum potentiora quam hominum peragam*); Suet. *Iul.* 75.4 (*in Italiam redire permisit magistratusque et imperia capere*); Suet. *Aug.* 61.1 (*in imperiis ac magistratibus*); Suet. *Tib.* 12.2 (*nemine cum imperio aut magistratu*).

²⁹ Kunkel W., Wittmann R. *Staatsordnung und Staatspraxis...* S. 11: «Wer von Rechts wegen in Rom nicht amtieren konnte, war nicht im eigentlichen und hergebrachten Sinne ein *magistratus populi Romani*».

Само обозначение *pro magistratu* предполагает немагистратский статус промагистратов³⁰. К. Бреннан отмечает, что «(несмотря на вводящие в заблуждение привычки современных издателей) источники не используют термины «пропретор» или «проконсул», что свидетельствует о том, что римляне никогда не воспринимали промагистрата как занимавшего реальную должность»³¹. Ф. Дрогула утверждает, что «*pro consule* – это не название должности, а определение должностных обязанностей»³². Таким образом, проконсулы «не имели никакой магистратуры – они занимали место консула (*pro consule*) и действовали как консул в сфере *militiae*, но фактически консулами они не являлись»³³.

П. Дж. Тонеманн подчеркивает, что в том, что касается терминологии для обозначения промагистратов, «необходимо отличать эпиграфическую практику от практики литературных текстов ... То, что Цицерон мог небрежно использовать термин *quaestor* для обозначения *pro quaestore*, не означает, что

³⁰ Mommsen Th. *Römisches Staatsrecht*. Bd. I. S. 12, Anm. 2; Coli U. *Sui limiti...* P. 401. По поводу выражения *pro milite* см.: Линдерски, *genera militiae*. Действительно, эту категорию «нельзя объяснить по аналогии с *pro consule*, *pro praetore* или *pro quaestore*» (Линдерски, *genera militiae* 75). Однако в более общем отношении сходство есть: как те, кто служил *pro milite*, «технически» не являлись *milites*, несмотря на то, что приносили военную присягу и могли быть призваны на службу уполномоченным магистратом или сенатом (Линдерски, *genera militiae* 80), так и те, кто действовал *pro magistratu*, были признанными государственными должностными лицами, хотя технически не рассматривались в качестве *magistratus*.

³¹ Brennan T.C. *The Praetorship...* P. 73. Ср.: Giovannini A. *Consulare imperium...* P. 60–64; Briscoe J. *A Commentary on Livy: Books 38–40*. Oxford: Oxford University Press, 2008. P. 574–576; Briscoe J. *A Commentary on Livy: Books 41–45*. Oxford: Oxford University Press, 2012. P. 771. Р. Девелин считает, что, помимо обычного значения термина *pro consule*, существовало специальное употребление *pro consule* «для обозначения всего лишь (лица, действовавшего) “вместо консула”» (Develin R. *Prorogation of imperium...* P. 716, n. 1: «merely to mean “instead of a consul”»). Таким образом, он ошибочно полагает, что «настоящий» проконсулат отличался от законной деятельности «вместо консула». Первым использовать термин *imperium proconsulare* стал Валерий Максим, в то время как *proconsulatus* как выражение для обозначения самостоятельной «обычной» должности принадлежит Плинию Старшему (Girardet K.M. *Der Rechtsstatus Oktavians...* S. 328; также ср.: Kloft H. *Prorogation...* S. 64; Ferrary J.-L. *À propos des pouvoirs d’Auguste* // *Cahiers du Centre Gustave Glotz*. 2001. T. 12. P. 116; Blösel W. *Imperia extraordinaria...* S. 2009, 18–19, включая Anm. 12; о некоторых трудностях, связанных с изучением употребления предлога *pro*, см.: Martín Puente C., Conde Salazar M. *El paso de preposición latina pro a prefijo: una gramaticalización poco productiva* // *Latomus*. 2014. T. 73. P. 577–595).

³² Drogula F.K. *Commanders and Command...* P. 211, n. 75.

³³ Drogula F.K. *Commanders and Command...* P. 360.

такая небрежность была допустима во всех типах документов»³⁴. Такая же тенденция наблюдается в текстах надписей на милевых столбах в Македонии и Испании, установленных проконсулами³⁵. Необходимо, однако, уточнить, что даже в речах Цицерона – если описывается официальное решение сената – можно наблюдать последовательное различие квесторов (в том числе занятых в провинциях) и тех, кто действует *pro quaestore*³⁶. Поэтому представляется логичным, исследуя правовой статус промагистратов, не переоценивать точность терминологии нарративной традиции в тех случаях, когда она не воспроизводит официальные документы. Следует в большей степени сосредоточиться на анализе словоупотребления республиканских законов, засвидетельствованных эпиграфически. При этом, как я попытаюсь показать ниже, «гибкая» терминология литературных источников также чрезвычайно важна именно потому, что лучше отражает политические, а не правовые, реалии, следовательно, позволяет точнее понять юридический язык эпиграфических текстов.

В историографии высказывалась мысль о том, что строгое противопоставление магистратов и промагистратов возникло не ранее конца II в.³⁷ Т. Моммзен тоже подводил читателей к этому выводу в первом томе «Римского государственного права»³⁸. Однако в другом месте он обосновывал иной тезис: если греки поначалу терминологически не различали римских магистратов и промагистратов, то сами римляне в официальном языке такое различие делали уже, по крайней мере, во времена принятия *senatus consultum de Bacchanalibus* (ILS 18, ll. 11-12: *neve magistratum, neve pro*

³⁴ Thonemann P.J. The Date of Lucullus' Quaestorship... P. 80 (ср.: Mommsen Th. *Römisches Staatsrecht*. Bd. I. S. 645; Badian E. The Silence of Norbanus... P. 159). Автор ссылается на Cic. *Arch.* 11. Напротив, в *lex de provinciis praetoriis* тщательно различаются *quaestores* и *proquaestores* (Roman Statutes / Ed. M.H. Crawford.... P. 242, col. 4, ll. 40–41: *ἐὰν οὗτος ὁ ταμίης ἢ ἀντιταμίης, ὥ<ι> τῆς Ἀσίας Μακεδονίας τε [τα]μεία ἐγένετο*).

³⁵ Thonemann P.J. The Date of Lucullus' Quaestorship... P. 82.

³⁶ *Phil.* 10.26: *senatui placere, Q. Hortensium pro consule cum quaestore prove quaestore et legatis suis provinciam Macedoniam obtinere*. Также см.: Kloft H. *Prorogation*... S. 66.

³⁷ Kloft H. *Prorogation*... S. 62–63, 65; Blösel W. *Imperia extraordinaria*... S. 42.

³⁸ Mommsen Th. *Römisches Staatsrecht*. Bd. I. S. 638, включая Anm. 1.

magistratū). Т. Моммзен писал, что указанное различие было столь же древним, как и сами противопоставляемые феномены: «в таких вопросах строгое словоупотребление всегда также и более раннее»³⁹.

Обозначения в греческих текстах римских промагистратов как ὕπατος и στρατηγός (вместо ἀνθύπατος и ἀντιστράτηγος) вряд ли могут служить задаче исследовательской реконструкции официального языка⁴⁰. Однако исследователи также ссылаются на латинскую надпись, которая, на первый взгляд, может указывать на то, что пропретор мог называться термином praetor: C. Aurilius C. f. praitor iterum didit eisdem cons[ul] probavit (CIL XIV 4268). Т. Моммзен отмечал, что речь в надписи может идти только о Г. Аврелии Котте,

³⁹ Mommsen Th. Römische Staatsrecht. Bd. II.1. S. 240–241, Anm. 5. Несоответствие между этим рассуждением и выводами, приведенными в другой части труда Т. Моммзена (Mommsen Th. Römische Staatsrecht. Bd. I. S. 638, включая Anm. 1), подчеркивает Х. Клофт (Kloft H. Prorogation... S. 63, Anm. 75).

⁴⁰ М. Оллё утверждает, что Полибий (также ср. Plut. Marc. 30.6 по поводу эпиграммы 3 в., переданной Посидонием) еще не использует последовательно специальную терминологию для обозначения промагистратов (Holleaux M. Στρατηγός ὕπατος: Étude sur la Traduction en Grec du Titre Consulaire. Paris: De Boccard, 1918. P. 1–2, n. 2; ср. P. 10–11, n. 1, 12–13, 47–48, n. 7). Как верно отмечает Х. Клофт, греки не всегда различали магистратов и промагистратов, поскольку с их точки зрения отсутствие у промагистратов власти в сфере domi не имело значения (Kloft H. Prorogation... S. 63; также см.: Mommsen Th. Römische Staatsrecht. Bd. I. S. 638, Anm. 1; Mommsen Th. Römische Staatsrecht. Bd. II.1. S. 240–241, Anm. 5; Magie D. De romanorum iuris... P. 8, n. 6, 74; Mason H.J. Greek Terms... P. 104). Но это не означает, что римляне того времени тоже терминологически не различали магистратов и промагистратов. Нельзя исключать и возможность простой ошибки, как в случае использования слова ὕπατος для указания на проконсула в senatus consultum de Narthaciensium et Melitaeensium litibus (RDGE = Roman Documents from the Greek East: senatus consulta and epistulae to the Age of Augustus / Ed. R.K. Sherk. Baltimore: Johns Hopkins Press, 1969. No. 9, l. 52, 64; Holleaux M. Στρατηγός ὕπατος... P. 10–11, n. 1: «à la vérité, peut-être par erreur»; также ср.: Holleaux M. Στρατηγός ὕπατος... P. 39). Ср. обратный пример применения «par erreur» выражения στρατηγός ἀνθύπατος вместо στρατηγός ὕπατος для обозначения консула (Holleaux M. Στρατηγός ὕπατος... P. 13, 57, включая n. 2). Примечательно, что в другой надписи (RDGE 18, ll. 60–64) обнаруживаем просьбу стратоникийцев о помощи, в которой все промагистраты, по-видимому, объединены понятием ἄρχοντες, которое обычно понимается как термин для обозначения магистратов: [ὅπως] ἢ σ[ύ]γκλητος τῷ ἄρχοντι τῷ εἰς Ἀσίαν πορευομένῳ ἐντολὰς δοῖ («[чтобы] сенат дал указания магистрату, отправляющемуся в Азию»). При этом текст самого постановления сената сформулирован совершенно иначе и содержит, как мне представляется, единственное технически правильное обозначение – ἀνθύπατος: ἀνθύπατος ὅστις ἂν εἰς Ἀσίαν ἐλ[α]ρχεῖν διακατέχη (ll. 114–122: «какой бы проконсул в то или иное время ни управлял провинцией Азия»; см.: Morrell K. Petitioning for Change... P. 436–437). В целом о греческой терминологии для описания римских промагистратов см.: Magie D. De romanorum iuris... P. 9–10, 66, 77–78, 83–85; Mason H.J. Greek Terms... P. 21–22, 104–108; Kloft H. Prorogation... S. 62–66; Jashemski W.F. The Origins... P. 48–52.

городском преторе 202 г., консуле 200 г. По мнению Т. Моммзена, согласно надписи, вторая преторская должность, как и первая, предшествовала консульству. Поэтому *praetor iterum* подразумевает скорее пророгацию, чем итерацию магистратуры. Ливий (30.41) не упоминает об этой пророгации, но и не исключает возможность ее существования⁴¹. Однако Т.Р.С. Броутон отмечает, что «у нас нет никаких доказательств того, что Г. Аврелий Котта, *pr. urbanus* 202 г., был переизбран претором, или что его империй был продлен. Даже в условиях военного кризиса мало кто из городских преторов получал продление империя»⁴². Это замечание важно, потому что требуется не просто доказать возможность того, что пропретор *мог* быть назван *praetor iterum*, а прийти к выводу о невозможности альтернативных объяснений. Й. Ян предполагает, что Аврелий Котта был претором в первый раз еще до 202 г., но об этой его претуре Ливий не сообщает потому, что Котта так и не вступил в должность⁴³.

Отвергая мнение Й. Яна, Р. Девелин делает попытку подкрепить аргументацию Т. Моммзена. Во-первых, Р. Девелин напоминает о том, что нарративная традиция может называть промагистратов магистратами⁴⁴. (Замечу, что это не доказывает, что надпись 201 г. должна следовать такому словоупотреблению и что сам претор мог так описывать свою промагистратуру.) Далее Р. Девелин пишет, что «мы не можем с уверенностью сказать, что (специальная) терминология для промагистратов была выработана уже в столь ранний период». Чтобы доказать это утверждение, он обращается,

⁴¹ См.: Mommsen Th. *Römisches Staatsrecht*. Bd. I. S. 638, Anm. 1 и комментарий к надписи CIL XIV 4268. Этому мнению теперь придерживаются: Giovannini A. *Consulare imperium...* P. 61–62, n. 8; Dalla Rosa A. *Ductu auspicioque...* P. 198, n. 43.

⁴² Broughton T.R.S. *The Magistrates of the Roman Republic*. Vol. 1... P. 322, n. 2. Также ср.: Broughton T.R.S. *The Magistrates of the Roman Republic*. Vol. 3. Atlanta: Scholars Press, 1986. P. 31; Buti I. *Appunti in tema di «prorogatio imperii»*, III... P. 29, n. 153.

⁴³ Jahn J. *Zur Iteration der Magistraturen in der Römischen Republik* // Chiron. 1972. Bd. 2. S. 171–174. Ф. Верват придерживается мнения о том, что эта надпись не является «редким эпиграфическим свидетельством того, что пропретора именуют просто претором» и что ее следует интерпретировать буквально как свидетельство того, что Г. Аврелий Котта, действительно был претором во второй раз в 201 г. (Vervaeke F.J. *The Praetorian Proconsuls...* P. 67, n. 91).

⁴⁴ Develin R. C. *Aurelius Cotta praetor iterum* // *Historia*. 1978. Bd. 27. P. 231.

в основном, к Ливию: «у Ливия есть свидетельства того, что пропретора называли претором». Но те случаи, о которых Р. Девелин упоминает, представляют собой результат ошибок, вследствие которых пропреторов спутали с преторами. Например, Р. Девелин указывает, что во фрагменте 30.2.4 Гн. Октавий назван претором предыдущего года (204 г.), но в тот год он был пропретором. Следовательно, Ливий полагает возможным обозначить пропретора термином *praetor*⁴⁵. Однако контекст явно располагал к путанице. Ливий сообщает о пророгации империя Октавия в 203 г., не учитывая то, что в 204 г. он уже был пророгирован. При этом в предшествующих пассажах (29.13.5, 29.36.1–3) он приводит верную информацию о том, что Октавий стал пропретором уже в 204 г.

В примере с упоминанием *praetor iterum* ситуация совершенно иная, поскольку представление о том, что это обозначение указывает на промагистратуру, требует также предположить, что претор намеренно сконструировал несуществующую вторую «претуру» из пророгации первой⁴⁶.

⁴⁵ Develin R. C. Aurelius Cotta...

⁴⁶ Ср., напр.: Holleaux M. Στρατηγὸς ὕπατος... P. 21–22, с 21, п. 4, – со ссылкой на посвящения Л. Муммия (cos. 146, procos. 145), некоторые из которых он якобы сделал, когда уже был проконсулом. И все же, как подчеркивает М. Оллё, Муммий последовательно использует термин *στρατηγὸς ὕπατος* вместо *στρατηγὸς ἀνθύπατος*. Однако, во-первых, это не соответствует тому, что подразумевают интерпретации Т. Моммзена и Р. Девелина фразы *praetor iterum*. Для текста посвящения Муммий мог использовать упоминание наиболее высокого титула, которого он достиг за всю карьеру, и по этой причине предпочесть указание на свой (уже завершившийся) консулат, а не на (нынешний) проконсулат. Иными словами, вопреки мнению М. Оллё, технически мы не можем быть уверены, что Муммий обозначает себя именно как проконсула термином *στρατηγὸς ὕπατος*. Во-вторых, сам М. Оллё упоминает милетский эдикт (около 138 г.), в котором цитируется *senatus consultum*, где, в отличие от посвящения Муммия, используется формальная, техническая терминология, строго различающая консульство Муммия и его проконсульство: *ὁ πό]τεροι ταύτην τὴν χώραν κατέϊχ[ον ὅτε Λεύκιος] Μόμμιος ὕπατος ἢ ἀνθύπατος [ἐν ἐκείνῃ τῇ ἐπαρ]χείᾳ ἐγένετο, ὅπως οὗτοι οὗτ[ως κατέχουσιν* (SIG³ 683, ll. 54–56, также см. 64–65; Roebuck C.A. A History of Messenia from 369 to 146 B.C. PhD Thesis. Chicago, Illinois: The University of Chicago Libraries, 1941. P. 106–107; Kloft H. Prorogation... S. 63, Anm. 72). Потребность римского должностного лица подчеркивать в греческой среде (или потребность греков отмечать) высшую должность, которую римский функционер занимал в течение всей своей карьеры (включая уже завершившиеся магистратуры), возможно, также объясняет тот факт, что проконсул Т. Квинций Фламинин (cos. 198, 192, procos. 197–194) упомянут как консул (*στρατηγὸς ὕπατος*) в надписях SIG³ 591, l. 69, 592 и 593, l. 1 (= RDGE 33; ср. Polyb. 18.46.5; Plut. *Flam.* 10.5) ок. 196–194 гг. (ср.: Mommsen Th. Römische Staatsrecht. Bd. I. S. 638, Anm. 1; Holleaux M. Στρατηγὸς ὕπατος... P. 3–4, n. 3; Kloft H. Prorogation... S. 62; Mason H.J. Greek

Поэтому Р. Девелин вынужден признать, что «вывод Й. Яна нельзя сбрасывать со счетов»⁴⁷.

Х. Клофт ссылается на свидетельство Плиния Старшего о *laudatio funebris* Л. Цецилия Метелла, консула 251 и 247 гг. (*NH.* 7.139–141). Исследователь полагает данный фрагмент «древним и достоверным свидетельством». Но хотя список должностей Цецилия в этом тексте должен быть полным, его проконсулат в 250 г. не упоминается. Х. Клофт делает логичное предположение о том, что проконсулат не мог быть просто забыт, однако период обладания империем в качестве проконсула оказался «интегрирован» в указание на достижение Цецилием Метеллом положения консула. Х. Клофт упоминает еще один возможный пример такого рода обобщения⁴⁸. Эти примеры еще более уменьшают вероятность того, что *praetor iterum* в надписи о Г. Аврелии подразумевает незафиксированную в других источниках пропретуру вместо претуры⁴⁹.

Таким образом, утверждение о том, что специальная терминология для обозначения промагистратов возникла заметно позднее появления самого феномена, не имеет достаточных оснований. (Если бы она все же была надежно засвидетельствована, то ее следовало бы рассматривать в контексте изучения процесса постепенного нормативного определения границ промагистратской власти в ответ на возрастающие риски вмешательства ее

Terms... P. 104; Roman Documents from the Greek East... P. 212, n. 2). В любом случае, эти тексты вряд ли следует рассматривать в качестве образцов последовательного технического словоупотребления. Так, в надписи SIG³ 591, l. 72 Фламиний также называется просто *στρατηγός* (Holleaux M. *Στρατηγός ὕπατος*... P. 39). Этот неточный термин вполне мог обозначать проконсула (Holleaux M. *Στρατηγός ὕπατος*... P. 40–44, 47–48, n. 7), но, как показал сам М. Оллé (см., напр.: Holleaux M. *Στρατηγός ὕπατος*... P. 53, 58), именно фраза *στρατηγός ὕπατος*, а не одно слово *στρατηγός*, прочно утвердилось в этот период в качестве официального обозначения консула. В какой степени надпись SIG³ 593 отражает понимание Фламинином собственного публично-правового положения, остается неясным (ср.: Kloft H. *Prorogation*... S. 62–66; также см.: Holleaux M. *Στρατηγός ὕπατος*... P. 38).

⁴⁷ Develin R. C. *Aurelius Cotta*...

⁴⁸ Kloft H. *Prorogation*... S. 65.

⁴⁹ Также ср. сообщение Диона о том, что в 43 г., после избрания консулом вместе с Кв. Педием, Октавиан не стал хвалиться тем, что он консул во второй раз только потому, что ему уже были оказаны консульские почести. Такая практика соблюдалась вплоть до времени Северов (Cass. Dio 46.46.3–4).

носителей в сферу ответственности магистратов.) Поскольку об отсутствии специальной терминологии для указания на промагистратуру говорить не приходится, невозможно согласиться с Х. Клофтом, согласно которому медленная разработка такой терминологии свидетельствует о том, что различие между городской и внегородской сферами деятельности («*römischem und außerrömischem Geschäftsbereich*») не являлось определяющим фактором противопоставления магистратов и промагистратов. Х. Клофт, на мой взгляд, точнее, когда отмечает, что держатель империя, уполномоченный действовать только в провинциях, рассматривался в качестве *magistratus populi Romani* только «в более широком смысле» («*im weiteren Sinne*»)⁵⁰.

В республиканских законах, засвидетельствованных эпиграфически, различие между промагистратами и магистратами тщательно и строго соблюдается во множестве случаев⁵¹. Например, в *lex Acilia repetundarum* обнаруживаем: *de heisce, dum mag(istratum) aut inperium habebunt, ioudicium non fiet. ... [quei eorum e]x eo mag(istratu) inperiove abierit, quo min[us de eo ioudicium fiat, e(ius) h(ace) l(ege) n(ihilum) r(ogatur) ...]*⁵². В *lex agraria*: *mag(istratus) prove mag(istratu) queive pro eo imperio iudicio [potestateve erit ...]*⁵³. В *lex de provinciis praetoriis*: ἄρχων ἢ ἀντάρχων ...⁵⁴. В *lex Cornelia de XX Quaestoribus*: *magistratus prove mag(istratu)*⁵⁵. В *lex Antonia de Termessibus*: *ne quis magistratus prove magistratu legatus neu quis alius*⁵⁶. В *lex de Gallia Cisalpina (lex Rubria)*: *neive quis mag(istratus) prove mag(istratu), neive quis, pro quo imperio potestateve erit*⁵⁷. В *lex coloniae Genetivae* (применительно также к местным магистратам): *quive tum magist(r)atus imperium potestatemve colono(r(um)) suffragio ger(e)t iussu{q}ue C. Caesaris dict(atoris) co(n)s(ulis)*

⁵⁰ Kloft H. *Prorogation...* S. 75.

⁵¹ О сопоставлении *imperium* и *magistratus* в эпиграфических текстах законов и нарративных источниках см.: Drogula F.K. *Imperium...* P. 434.

⁵² CIL I² 583 = *Roman Statutes* / Ed. M.H. Crawford.... P. 65–66, ll. 8–9.

⁵³ CIL I² 585 = *Roman Statutes* / Ed. M.H. Crawford.... P. 122, l. 87.

⁵⁴ *Roman Statutes* / Ed. M.H. Crawford.... P. 242, Block B, l. 16. Также см. Block C, ll. 24–25.

⁵⁵ CIL I 202 = *Roman Statutes* / Ed. M.H. Crawford.... P. 296, col. 2, l. 32.

⁵⁶ CIL I 204 = *Roman Statutes* / Ed. M.H. Crawford.... P. 334, col. 2, ll. 13–14.

⁵⁷ CIL I² 592 = *Roman Statutes* / Ed. M.H. Crawford.... P. 465, col. 1, ll. 50–51.

prove co(n)s(ule) habebit, quive pro quo imperio potestateve tum in col(onia) Gen(etiva) erit⁵⁸. Как уже говорилось выше, можно также сравнить эту терминологию с той, что используется уже в *senatus consultum de Bacchanalibus* (ILS 18, ll. 11–12: *neve magistratum, neve pro magistratud*)⁵⁹.

Таким образом, как справедливо подчеркивает Ф. Дрогула, законы определяют магистратов и промагистратов как две различные (хотя и связанные) категории⁶⁰. Промагистрат «обладал военной властью (*imperium* и *auspicium*) и ответственностью (*provincia*) магистрата, не являясь при этом таковым»⁶¹.

§1.2. Промагистраты как *privati* в республиканских законах

В республиканских законах, засвидетельствованных эпиграфически, промагистраты последовательно противопоставляются магистратам, но

⁵⁸ CIL I² 594 = Roman Statutes / Ed. M.H. Crawford.... P. 413, c. 125, ll. 13–17.

⁵⁹ Х. Клофт пишет о возможном исключении (Kloft H. *Prorogation*... S. 65–66, включая Anm. 86). А именно, в сенатском постановлении 78 г. (CIL I² 588 = ILLRP 513) находим фразу *ad magistratus nostros, quei Asiam Macedoniam provincias optinent*, которая, по-видимому, подразумевает, в том числе, промагистратов, которые, следовательно, оказываются включены в категорию *magistratus*. Однако замечу, что в другом документе (RDGE 18), имеется фраза «к магистрату, направляющемуся в Азию» (l. 61: τῷ ἄρχοντι τῷ εἰς Ἀσίαν πορευομένῳ). Она используется для указания на проконсулов Азии в той части текста, которая передает содержание письма Суллы в Стратоникею. При этом в переводе постановления сената в этом же документе использована иная терминология: «кто бы ни управлял [провинциями] Азия и Эллада» (l. 110: [τ]οῦτό τε, οἵτινες ἄν ποτε ἀεὶ Ἀσίαν τήν τε Ἑλλάδα ἐ[παρχειάς] [δι]ακατέχωσιν) и «какой бы проконсул ни был во главе провинции Азия» (l. 114: ἀνθύπατος ὅστις ἄν ἀεὶ Ἀσίαν ἐπ[αρχείαν] διακατέχηι). В последних случаях нет признаков того, что промагистраты включены в число магистратов (ἄρχοντες). Перевод постановления сената должен быть технически более правильным, чем перевод письма Суллы. Аналогичная ситуация наблюдается в уже процитированном выше тексте *Senatus Consultum de Stratonicensibus* (RDGE 18), в котором промагистраты объединены вместе с магистратами в одну категорию и обозначены ἄρχοντες в пересказе просьбы стратоникейцев о помощи (ll. 60–64), но в изложении постановления сената говорится уже исключительно об ἀνθύπατος (ll. 114–122). Представляется поэтому, что *ad magistratus nostros* в тексте CIL I² 588 = ILLRP 513 не более чем результат технической недоработки; более точное указание на промагистратов отсутствует. Впрочем, сама возможность подобного нетехнического включения промагистратов в категорию *magistratus* легко объяснима: различие между магистратами и промагистратами в провинциях было нерелевантным, особенно с точки зрения самих провинциалов.

⁶⁰ Drogula F.K. *Commanders and Command*... P. 211, n. 75.

⁶¹ Drogula F.K. *Commanders and Command*... P. 211.

означает ли это, что промагистраты определяются в этих текстах как *privati*? Вопрос о том, считались ли эти должностные лица *privati* или относительно магистратов их дефинировали как-то иначе, является предметом интереса не только в связи с уточнением особенностей римской публично-правовой систематики, но и первым и необходимым этапом изучения механики, ограничений, инструментов, результатов и позднейших оценок феномена вмешательства промагистратов в сферу *domi*. Сама по себе терминология, дефиниции и систематика древних авторов могут оказаться источником важнейшей информации о республиканской политической практике, прежде всего, в тех случаях, когда оказывались выражением стремления контролировать и предотвращать нежелательные аспекты последней. Поэтому нередко диагностируемое современными исследователями «несоответствие» античных дефиниций «реалиям» как раз должно вызывать наибольший интерес. Одной констатации их «неточности» или «ошибочности» явно недостаточно.

В. Блэзель интерпретирует перечень различных типов обладателей публичной власти в перечисленных выше эпиграфических текстах как доказательство того, что те *privati*, которые получали империй, более не считались *privati*. Они составляли третью категорию между двумя полюсами: *magistratus* и *privatus*. Не относясь ни к первым, ни ко вторым, они занимали «квазимагистратское» положение⁶². Соглашусь, что в политическом отношении промагистраты, несомненно, оказывались «между» этими двумя категориями. Однако очевидным возражением против интерпретации В. Блэзеля является то, что в соответствующих пассажах законодателя интересуют, как признает и сам немецкий исследователь, различные «категории лиц с государственными функциями» (*Kategorien von Personen mit*

⁶² Blösel W. *Imperia extraordinaria...* S. 44: «Diejenigen, *qui imperium habent*, waren offenbar weder *privati* noch *magistratus*, sondern nahmen eine “quasi-magistratisch” zu nennende Stellung ein». Важно заметить, что использованная здесь В. Блэзелем в качестве общего обозначения всех промагистратов формулировка «*diejenigen, qui imperium habent*» оказывается некорректной, если иметь в виду, что проквесторы (не получившие статуса *pro praetore*) вряд ли имели империй, учитывая, что сами квесторы им точно не обладали.

staatlichen Aufgaben), а не частные граждане, не наделенные публичной властью. Поэтому законы не дают эксплицитной информации о соотношении промагистратов и, если их так можно обозначить, «*privati sine imperio*». Или же такого рода сведения можно обнаружить?

Две главы из *lex coloniae Genetivae*, которую М. Кроуфорд определяет как «документ, созданный до Августа и основанный на разновременных республиканских источниках», дают возможность для более детального анализа⁶³. Данные фрагменты регламентируют процедуру приобретения городами патронов. Согласно одному из требований, кандидат в патроны сенаторского ранга на момент рассмотрения его кандидатуры должен находиться *in Italiam sine imperio privatus* («в Италии как частное лицо без империя»⁶⁴). Наиболее очевидное толкование сочетания *sine imperio privatus* предполагает восприятие этой фразы как единой формулы, из чего следует, что термин *privatus* сам по себе не обязательно подразумевает отсутствие *imperium*, а значит, промагистраты рассматривались как именно такие *privati*, которые были (могли быть) наделены империем⁶⁵. Однако, по мнению В. Блэзеля, корректнее считать элементы *sine imperio* и *privatus* в данной конструкции логически независимыми⁶⁶. Но если отказаться от трактовки *sine imperio privatus* как взаимосвязанного целого, уже не будет оснований полагать, что оба условия должны соблюдаться одновременно. В таком случае, если бы мы приняли предложенную Ф. Блэзелем трехчастную последовательность (*privati – qui imperium habent – magistratus*), то требование

⁶³ Roman Statutes / Ed. M.H. Crawford.... P. 399.

⁶⁴ Roman Statutes / Ed. M.H. Crawford.... P. 416, c. 130, ll. 44–46: ... nisi de eo homine, ... qui, cum e(a) r(es) a(getur), in Italiam sine imperio privatus erit («... кроме как в отношении того человека, ... который в период рассмотрения этого вопроса будет находиться в Италии как частное лицо без империя»; ср. пер.: Roman Statutes / Ed. M.H. Crawford.... P. 431). Также см. с. 131, ll. 5–7 (по поводу *hospes*).

⁶⁵ Blösel W. *Imperia extraordinaria*... S. 44, Anm. 115 («Einerseits könnten *sine imperio* und *privatus* komplementär gedacht sein, dann würde *privatus* nicht per se das Fehlen eines Imperiums voraussetzen»).

⁶⁶ Blösel W. *Imperia extraordinaria*... S. 44, Anm. 115 («Ebenso möglich ist die Interpretation – und wegen der Reihenfolge der Elemente ist sie m.E. die wahrscheinlichere –, daß *privatus* als Synonym für *sine magistratu* steht und nicht in direkten logischen Zusammenhang mit *sine imperio* gebracht werden kann»).

sine imperio как таковое уже не могло бы исключить возможность для *magistratus sine imperio* становиться патронами. В то же время, нахождение в статусе *privatus*, взятое как отдельное и самостоятельное условие, уже не создавало бы препятствий для промагистратов. Причина, по которой это условие не дисквалифицирует промагистратов, заключается в том, что свою схему Ф. Блэзель может ввести, только если интерпретировать термин *privatus* как эквивалент выражения *sine magistratu*. Более того, такая вынужденная «замена» не просто делает его аргументацию уязвимой, но и логически невозможна в рамках самой последовательности *privati – qui imperium habent – magistratus*, поскольку согласно этой схеме промагистраты тоже оказываются в числе лиц *sine magistratu*. Наконец, если законодатель действительно имел в виду *sine magistratu*, то остается без ответа вопрос о том, почему он не употребил это выражение, а предпочел термин *privatus*.

Таким образом, единственно возможным представляется толкование сочетания *sine imperio privatus* как единого целого: существовали *privati sine imperio*. Если это так, то термин *privatus* (без дополнительных уточнений) не предполагал автоматического отсутствия империя. Это, в свою очередь, означает существование таких *privati*, которые империем обладали. Назвать их можно не иначе как «промагистраты», которые, следовательно, формально относились к категории *privati*.

Главы 130–131 *lex coloniae Genetivae* часто интерпретируются как восходящие к установлениям диктатора Г. Юлия Цезаря, направленным на предотвращение «политизации» патроната сенаторами, которые могли использовать его для укрепления собственного влияния⁶⁷. М. Йене высказал

⁶⁷ Jehne M. Der Staat... S. 413–415. Cp.: Mommsen Th. *Lex coloniae Iuliae Genetivae Urbanorum sive Ursonis* // *Gesammelte Schriften*. Bd. I. Abt. 1. Berlin: Weidmannsche Buchhandlung, 1905. S. 237–239; Fabricius E. Zum Stadtrecht von Urso // *Hermes*. 1900. Bd. 35. S. 205–215; Premierstein A. von. Die Tafel von Heraclea und die *Acta Caesaris* // *Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte. Romanistische Abteilung*. 1922. Bd. 43. S. 122–126; Marquardt J. *Römische Staatsverwaltung*. Bd. I. 2. Aufl. Leipzig: S. Hirzel, 1881. S. 188–189, включая S. 189, Anm. 1; Caballos Rufino A. *El Nuevo Bronce de Osuna y la Política Colonizadora Romana*. Sevilla: Universidad de Sevilla, 2006. P. 379; Frederiksen M.W. The Republican Municipal Laws: Errors and Drafts // *Journal of Roman Studies*. 1965. Vol. 55. P. 194–195; Salway B. Prefects,

предположение о том, что Цезарь ужесточил прежние нормы, затруднив для сенаторов и их сыновей возможность становиться официальными патронами колоний, так как в результате они более не могли добиваться желаемых решений, находясь в провинциях. Более того, они лишились возможности обменивать патронат на политическую поддержку интересов той или иной общины не только тогда, когда занимали магистратуру, но и во время своего пребывания в Италии в качестве обладателей империя, не являвшихся магистратами. Соответственно, и города не могли использовать патронат как средство давления на наместника провинции или консула с целью добиться благоприятных для местной общины решений⁶⁸. Все это также убедительно свидетельствует в пользу того, что *in Italiam sine imperio privatus* следует интерпретировать как неразрывное единство. Только в том случае, когда все три элемента – *in Italiam*, *sine imperio* и *privatus* – в наличии одновременно, становится понятен политический смысл дисквалификации.

Этот вывод нельзя опровергнуть тем аргументом, что противоположное понятие – *privatus cum imperio* – не засвидетельствовано в античных источниках и является современным исследовательским термином, латинским новоделом⁶⁹. Римляне располагали более подходящей терминологией для обозначения промагистратов, причем даже двумя вариантами. Как мы видели, они могли указывать на промагистратов, применяя выражения «те, кто обладают империем» и «те, кто являются *pro magistratu*». Оба этих

patroni, and Decurions: A New Perspective on the Album Canusium // *The Epigraphic Landscape of Roman Italy* / Ed. A.E. Cooley. London: Institute of Classical Studies, 2000. P. 141; Nicols J. *Civic Patronage in the Roman Empire*. Leiden; Boston: Brill, 2014. P. 207–237, особенно P. 222, 225–226.

⁶⁸ Jehne M. *Der Staat...* S. 414–415.

⁶⁹ См.: Blösel W. *Imperia extraordinaria...* S. 44–45, 44, Anm. 115, со ссылкой на диссертацию Ф. Бабинет (Babinet F. *L'attribution extraordinaire de l'imperium avant la première guerre civile*. Thèse dactylographique. Paris: Université de Paris, 1967; non vidi): «Pourtant l'usage de ce terme dans un document technique n'autorise pas à conclure à l'emploi de son contraire». Термин «*privatus cum imperio*», как попутно отмечает Д. Рафферти (Rafferty D. *Provincial Allocations...* P. 7), следуя Ф. Вервату (Vervaeke F.J. *The High Command...* P. 81, n. 43), отсутствует в источниках, однако он может быть понят как «технически противоречивый», на мой взгляд, только в том случае, если уже принять в качестве доказанного вывод о том, что промагистраты не рассматривались римлянами в качестве *privati*. Сам этот вывод еще требуется обосновать.

определения дефинируют промагистратуру относительно магистратуры. Хотя следует оговориться, что делают они это, видимо, не с одинаковой степенью полноты. Если проквесторы в обычном случае (без статуса *pro praetore*) не имели империя, то общим обозначением в источниках всей совокупности промагистратов является только выражение «те, кто являются *pro magistratu*». Отсутствие обозначения (такого как *privatus cum imperio*), которое предполагало бы сопоставление с *privati*, а не с *magistratus*, лишь подтверждает, что для римлян важнее было при дефиниции промагистратуры отразить то, что отличало промагистратов от магистратов, а не от других *privati* (впрочем, формулировка *cum imperio (esse)* также отделяет всех или почти всех промагистратов от прочих *privati*). Действительно, как в законах, так и в нарративной традиции основное внимание уделяется почти исключительно описанию отношений между различными носителями публичной власти, их конфликтам, полномочиям и функциям, а не осмыслению отношений между обладателями публичной власти и теми, кто ее не имел.

Более того, само отсутствие термина «*privatus cum imperio*» и использование вместо него формулировок вида *qui imperium habent* может служить косвенным доказательством того, что для римлян принадлежность промагистратов к категории *privati* была настолько очевидной, что не требовала специального акцента: указание на обладание империем (*cum imperio esse*) оказывалось вполне достаточным без дополнительных уточнений. Это предположение находит подтверждение в том, что римляне действительно иногда «вспоминали» о статусе промагистратов как *privati*, используя это определение в политической полемике против оппонентов-промагистратов. Как будет показано в §1.3 данной главы, такое подчеркнуто негативное маркирование оппонента-промагистрата как *privatus* могло быть эффективным только в том случае, если критикуемые лица выходили за общепринятые рамки своих полномочий как промагистратов. В таких ситуациях напоминание о том, что (согласно нормативному пониманию

статуса промагистратуры) они являлись «всего лишь» *privati*, воспринималось всеми сторонами как легитимный аргумент.

На это можно возразить, что в лучшем случае имеется лишь единичный пример подобного словоупотребления. Однако главы 130–131 *lex coloniae Genetivae* предоставляют (по-видимому, единственное) подтверждение тезиса о том, что промагистраты формально определялись как *privati*, вероятно, по той причине, что сами эти главы уникальны. Здесь законодателю потребовалось обозначить лиц, которые не являлись ни магистратами, ни промагистратами. Но он не называет их просто *privati*, а считает необходимым уточнить, что речь идет именно о таких *privati*, которые не имели империя. Именно это дает нам редкую возможность наблюдать формальное определение статуса промагистратов как *privati*. Задачи других сохранившихся республиканских законов были таковы, что не требовали приводить такого рода определение в явном виде⁷⁰.

Наконец, как подчеркивает В.В. Дементьева, проквесторы получали продление квесторской *potestas*, однако речь об империи идет только тогда, когда проквестор также получал пропреторские полномочия⁷¹. В таком случае отрицать статус промагистратов как *privati* только потому, что они обладали империем, становится в принципе невозможно, если не все промагистраты его имели.

⁷⁰ Понимание промагистратов как, действительно, отдельной третьей категории между *privati* и *magistratus* относится только к позднему времени (*Dig.* 2.1.13.1: *magistratus vel is, qui in potestate aliqua sit, ut puta proconsul vel praetor vel alii, qui provincias regunt, iudicare iubere eo die, quo privati futuri essent, non possunt*). Ульпиан здесь отражает имперское определение промагистратуры. Одновременно появляется такая терминология, как *proconsulatus*, которая не существовала при Республике и отражала окончательное признание промагистратуры как самостоятельной должности, а не деривата магистратуры. Однако все это не имеет отношения к реконструкции республиканской правовой терминологии (ср.: Blösel W. *Imperia extraordinaria*... S. 44, Anm. 114).

⁷¹ См.: Дементьева В.В. Квесторские *provinciae*... С. 18–19. Ср.: Badian E. *The Silence of Norbanus*... P. 158, 164.

§1.3. Промагистраты и (другие) *privati* в нарративной традиции

Хотя большинство исследователей, кажется, согласны с тем, что промагистраты воспринимались античными авторами как немагистраты, гораздо менее ясно, можем ли мы сказать, что античные авторы рассматривали промагистратов как *privati*, и, если да, то в каком смысле и в каких контекстах.

Как минимум в одном месте Т. Моммзен определенно пишет, что все промагистраты, включая промагистратов по пророгации, рассматривались по сути в качестве *privati*⁷². Хотя эта точка зрения нашла определенную поддержку⁷³, Ф. Блэзель в своей диссертации создает ошибочное впечатление, будто подход Т. Моммзена широко принят в современной науке⁷⁴. Как мы увидим далее, в действительности многие исследователи возражали против такого вывода, а еще большее их число, не останавливаясь на данном вопросе специально, принимало в качестве аксиомы то, что легитимных промагистратов никак нельзя определить в качестве *privati*⁷⁵. Для данной главы

⁷² Mommsen Th. *Römisches Staatsrecht*. Bd. II.1. S. 651–652: «Schon in der Prorogation des Amts mit neuem Endtermin lag gewissermassen die Uebertragung einer Feldherrnstellung ohne Magistratur, das Commando eines *privatus*. Noch entschiedener war dies der Fall, wenn ein solches Commando dem überwiesen ward, der das Oberamt nicht einmal früher gehabt hatte...». Это высказывание не противоречит тому, что Т. Моммзен определял имперских проконсулов и пропреторов как магистратов: «Die neue Magistratur gehört in die Kategorie der Oberämter und wird desshalb titular als Proconsulat oder Proprätur qualificirt» (Mommsen Th. *Römisches Staatsrecht*. Bd. II.1. S. 243).

⁷³ См., напр., Meyer E. *Römischer Staat und Staatsgedanke*... S. 109: «Alle diese waren aber nicht Magistrate, da auf sie die oben genannten Bedingungen nicht zutrafen, sondern *privati*. *Privatus* bedeutete also im römischen Staatsrecht nicht “Privatmann”, sondern nur Nichtinhaber eines Amtes im oben genau umschriebenen, ganz bestimmten Sinne. Sofern Nichtmagistrate einen ordentlichen Magistraten vertraten und seine Amtsbefugnis übertragen erhalten hatten, hießen sie Pro-Magistrate, “stellvertretende Magistrate”».

⁷⁴ Blösel W. *Imperia extraordinaria*... S. 42, включая Anm. 108.

⁷⁵ Ф. Блэзель (Blösel W. *Imperia extraordinaria*... S. 4, включая Anm. 16) упоминает, что еще Н. де Груши и К. Сигоний (XVI в.) как сторонников этой точки зрения. Что касается современных исследователей, то, напр., Ф. Верват прямо утверждает, что «*de iure*, обладатели полного *imperium* (*auspiciumque*), конечно, не были *privati*» (Vervae F.J. *Pompeius' Career*... P. 415, n. 39). Он ссылается на фрагмент Liv. 45.38, но не объясняет, как этот отрывок подтверждает его вывод. В пассаже Cic. *Sest.* 40, также упомянутом Ф. Верватом, проконсул Цезарь действительно отличается от двух других триумвиров, которые названы *privati*, но формальный статус Цезаря как *privatus* этим противопоставлением никак не исключается. Скорее термин *privatus* подчеркивает отсутствие армии в распоряжении других триумвиров (армия прямо упоминается как нечто,

важен отмеченный выше тезис А. Винтерлинга о том, что античные источники вплоть до эпохи ранней Империи включительно продолжали оперировать дихотомией *privatus/magistratus* и применяли соответствующую терминологию, несмотря на то что она не подходила наблюдаемым реалиям⁷⁶.

Дж. Ричардсон утверждал, что «проконсул, ранее бывший консулом, не в большей степени являлся магистратом, чем Сципион [не занимавший магистратуры до получения империя в качестве проконсула, – *Р.Ф.*], поскольку оба, строго говоря, были *privati*»⁷⁷. Относительно недавно Ф. Дрогула отметил, что «поскольку промагистрат не обладал официальным статусом или гражданской властью в Риме, он технически являлся частным гражданином, наделенным всей полнотой империя»⁷⁸. Как и другие современные исследователи, Ф. Дрогула использует исследовательский термин «*privati cum imperio*» только по отношению к «тем лицам, которые были частными гражданами при получении империя и своей провинции (в отличие от промагистратов, получавших империй и провинцию, уже будучи магистратами)». Однако Ф. Дрогула подчеркивает, что «все промагистраты технически являлись *privati cum imperio*, поскольку более не занимали

что уже находилось в руках проконсула Цезаря, тогда как Помпею и Крассу пришлось бы набирать войска, если бы они понадобились, в будущем; аналогично *Cic. Fam.* 8.10.2). По поводу фрагмента *Cic. Fam.* 1.1.3, на который Ф. Верват здесь также ссылается, см. ниже. Относительно недавние примеры принятия исследователями в качестве аксиомы мысли о том, что промагистраты не могут всерьез рассматриваться как *privati*: Girardet K.M. *Die Rechtsstellung der Caesarattentäter...* S. 214–215; Girardet K.M. *Imperium maius...* S. 196, Anm. 89 («auch der (prorogierte) Promagistrat ist ein Magistrat»); Koortbojian M. *Crossing the pomerium...* P. 49 (оба исследователя пишут о промагистратах, которые отправлялись в провинции *ex magistratu*). О других подобных примерах см. ниже.

⁷⁶ Как уже отмечалось, нельзя согласиться с Ф. Блэзелем в том, что концептуальное различие между *privatus* и *magistratus* получило широкое распространение в историографии после или благодаря Т. Моммзену (Blösel W. *Imperia extraordinaria...* S. 42, 45). Напротив, оно доминирует еще в античных источниках и не является продуктом современной исследовательской реконструкции.

⁷⁷ Richardson J.S. *Hispaniae...* P. 70; Ср.: Richardson J.S. *Imperium Romanum...* P. 3.

⁷⁸ Drogula F.K. *Commanders and Command...* P. 219–220.

публичных должностей (a public magistracy) в Риме»⁷⁹. Я считаю этот вывод верным, но требующим более основательной аргументации.

Называет ли нарративная традиция промагистратов *privati* в явной форме? Ответ на этот вопрос положительный. Действительно, таких случаев не так много, но мы должны оценивать их значимость с учетом двух обстоятельств. Во-первых, в отличие от прямых обозначений промагистратов как *privati* (какими бы редкими они ни были), насколько мне известно, не существует ни одного примера, где промагистрату прямо отказывали бы в статусе *privatus* (не следует путать со случаями, когда промагистрат противопоставляется некоторым *privati*, но таким, которые не имеют империя). Во-вторых, в абсолютном большинстве случаев промагистраты упоминаются в связи с ситуацией в провинциях, где объем их власти практически не отличался от такового у магистратов⁸⁰. Это, естественно, не побуждало античных авторов акцентировать их статус как *privati* (хотя в некоторых случаях они все же делают это, как я попытаюсь показать ниже). Следовательно, даже редкие случаи обозначения промагистратов как *privati* достаточны для вывода о том, что это и есть формальное общепринятое определение промагистратуры, тогда как их противопоставление другим *privati* объясняется очевидным фактом, что только промагистраты обладали публичной властью в отличие от прочих *privati*.

Сам Ф. Блэзель указывает на несколько случаев, в которых, как он признает, термин *privatus* действительно применяется по отношению к предполагаемым носителям империя. Однако исследователь отвергает эти примеры, поскольку во всех них носители империя характеризуются как нелегитимные, т.е. не являвшимися в действительности промагистратами, и именно поэтому, по его мнению, они и были названы *privati*⁸¹. Ф. Блэзель

⁷⁹ Drogula F.K. *Commanders and Command...* P. 220, n. 97; cp. P. 224. Также cp.: Buti I. *Appunti in tema di «prorogatio imperii»*, III... P. 2 («è tecnicamente corretto definire *privatus* chi non è più magistrato»).

⁸⁰ Mommsen Th. *Römisches Staatsrecht*. Bd. I. S. 639.

⁸¹ Blösel W. *Imperia extraordinaria...* S. 43, Anm. 109.

обнаруживает лишь один пассаж, в котором *privatus*, законно наделенный империем, продолжает именоваться *privatus*. Это сообщение Кассия Диона об отказе П. Корнелию Сципиону в триумфе по возвращении из Испании в 206 г. по причине того, что он вел войну, будучи *ιδιώτης* (Cass. Dio 17.57.56). Ф. Блэзель предлагает отбросить это свидетельство как единичное, что, однако, не соответствует действительности (см. ниже). К этому он добавляет, что пассаж носит «полемический» характер (*polemisch motivierte*)⁸². С такой оценкой тоже нельзя согласиться. Ф. Блэзель не сопоставляет версию Диона с рассказом Ливия. У Ливия сам проконсул П. Корнелий Сципион выражает сомнения по поводу перспектив получения триумфа, поскольку он *sine magistratu res gessisset* (Liv. 28.38.4). Во-первых, следует отметить, что *sine magistratu* у Ливия соответствует *ιδιώτης* у Диона, что уже само по себе важно для нашего вопроса. Мы вновь видим, что, несмотря на все полученные полномочия, лицо без магистратуры определяется как *ιδιώτης*. Во-вторых, если сомнения в праве на триумф высказывал в повествовании Ливия не кто-то из противников Сципиона, а сам Сципион, то аргумент Ф. Блэзеля о «полемической мотивации» не работает: Сципион вряд ли бы стал сам принижать свой статус в данном контексте. Наконец, как будет показано ниже, пассажи, которые Ф. Блэзель приводит в поддержку своей точки зрения, не менее «полемичны».

Идея о том, что промагистраты должны быть в каком-то отношении «нелегитимными», чтобы их можно было называть *privati*, безусловно, ошибочна. Так, Ливий однозначно называет М. Фульвия Нобилиора и Гн. Манлия Вульсона (консулы 189 г.), чей империй был пророгирован (38.35.3), *privati* (38.42.10). Критика ситуации со стороны консула М. Эмилия Лепида у Ливия направлена не против Фульвия и Манлия как таковых. Легитимность их положения не ставится под сомнение. Вместо этого оспаривается распределение важных провинций в их пользу, а не в пользу действующих консулов. Иными словами, критика была направлена против

⁸² Blösel W. *Imperia extraordinaria...* S. 43, включая Anm. 110.

решений сената, а не против промагистратов. Тем не менее, в исследовательской литературе встречается вывод о том, что что-то было не так либо с самими промагистратами, либо с терминологией Ливия. К первому типу объяснений я вернусь ниже. Сейчас меня интересует второй тип аргументации.

Подобно В. Блэзелю Ф. Верват отвергает свидетельство Ливия (38.42.10), аргументируя это тем, что «античные источники иногда определяют всех обладателей империя, не занимающих магистратур, как *privati*» в «определенных политизированных ситуациях»⁸³. Как было только что отмечено, критика направлена не против действий или статуса самих промагистратов Фульвия и Манлия. Проблема заключалась в решениях сената, а не в официальном положении промагистратов. Хотя проконсулы обвиняются консулом Лепидом в попытке развязать неоправданные войны (38.43–46), само по себе это обстоятельство не могло иметь никакого отношения к оценке легальности и легитимности их статуса как промагистратов.

А.В. Коптев считает, что провинции этих проконсулов не были продлены, и именно по этой причине Ливий называет их *privati*. Однако пассаж Ливия описывает момент, когда оба проконсула еще сохраняли свои провинции, должным образом пророгированные: предстояло еще только решить, должны ли они в будущем быть заменены действующими консулами⁸⁴.

В отличие от А.В. Коптева Дж. Бриско полагает, что данный пассаж содержит риторическое преувеличение: «Фульвий и Манлий были проконсулами, чье командование было продлено сразу после консульства, а следовательно, они не являлись даже *privati cum imperio*»⁸⁵. Однако возникает вопрос: если перед нами риторическое преувеличение, то что именно было преувеличено? Какое определение статуса Фульвия и Манлия было бы юридически корректным, не содержащим преувеличений? Ливий сначала

⁸³ Vervae F.J. *Pompeius' Career...* P. 415, n. 39.

⁸⁴ Коптев А.В. *Сп. Pompeius' Praetorship in Sicily and his Triumph ex Africa* // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. 2018. Вып. 18. С. 50.

⁸⁵ Briscoe J. *A Commentary on Livy: Books 38–40...* P. 152.

указывает, что Фульвий и Манлий действовали теперь *pro consule*⁸⁶, а не в качестве *consules* (38.37.1: *ad Cn. Manlium consulem primum, dein pro consule, hibernantem in Asia*). Лишь затем он называет их *privati*. Следовательно, термин *privati* является лишь другим (возможно, более выразительным) способом обозначения *qui pro consule erant* в ситуации, когда последние явно противопоставляются действующим *magistratus*. Учитывая, что обозначение промагистратов как *privati* предполагает острый конфликт, в котором напоминание об их немагистратском статусе было вполне уместно, наличие таких пассажей, даже если их немного, не должно оставлять сомнений в том, что в нарративной традиции в принципе признается формальный статус промагистратов как *privati*. В этом она не отличается от эпиграфической традиции.

Я. Бергле солидаризируется с теми, кто полагает, что Ливий (38.42.10) прибегает к «полемическому» использованию термина *privatus*. Такое употребление, по его мнению, отражает консервативную позицию консулов 187 г. по поводу авгурального права. По его нормам промагистраты не были *privati*⁸⁷. На мой взгляд, это утверждение не может быть верным, поскольку в соответствующем пассаже Ливия вообще не упоминаются вопросы авгурального права.

А. Далла Роза тоже рассматривает обозначение Фульвия и Манлия как *privati* в качестве «строгой» (*rigorista*) интерпретации, по которой *magistratus* считались только те, кто обладал *auspicium urbanum*⁸⁸. Однако возникает вопрос: не было бы более корректным оценивать такую интерпретацию как «формальную», «правовую» или «нормативную», а не как «строгую», то есть подразумевающую некий субъективный взгляд, один из нескольких возможных (как следует из рассуждений А. Далла Розы)? В другом месте

⁸⁶ О выборе *pro consule/proconsulem* здесь см.: Briscoe J. A Commentary on Livy: Books 38–40... P. 574. Дж. Бриско приходит к выводу, что «крайне вероятно, что Л. использовал здесь правильную форму слова».

⁸⁷ Berthelet Y. Gouverner avec les dieux... P. 159, n. 64.

⁸⁸ Dalla Rosa A. *Ductu auspicioque*... P. 197.

А. Далла Роза даже утверждает, что в рамках такой «строгой» интерпретации промагистраты не только не обладали властью в Риме, но и вообще могли считаться «лишенными какой-либо реальной власти» («*ma potevano essere addirittura considerati privi di ogni vero potere*»)⁸⁹. Вновь замечу, что этот аргумент работает лишь при неявном допущении, что римляне могли использовать термин *privatus* только по отношению к тем, кто не обладал никакой признанной публичной властью или – используя терминологию А. Далла Розы – общественными ауспигиями⁹⁰. Это не доказано.

Комментируя фрагменты *Cic. Div.* 2.77 и *Nat. D.* 2.9, в которых Цицерон отрицает право промагистратов на совершение ауспигий, А. Далла Роза пишет, что промагистраты по пророгации и «*privati cum imperio*» все же обладали ауспигиями, и что в данном случае Цицерон выражает «консервативную» традицию (отраженную также у Ливия: 38.42.10), в рамках которой промагистраты считались *privati*⁹¹. Здесь А. Далла Роза напоминает о том, что только магистраты имели право совершать ауспигии в пределах померия⁹². Это давало им исключительное право действовать в городе Риме⁹³. Однако даже сам Цицерон не придерживается этой «консервативной» точки зрения последовательно. Как мы видели выше, Цицерон вполне может использовать, например, термин *quaestor* по отношению к лицу, действующему *pro quaestore*.

Причина обозначения промагистратов термином *privati*, по-видимому, верно диагностирована А. Далла Розой, когда он, как и другие исследователи, пишет о их неспособности действовать в городе Риме. На протяжении всей истории Республики римская «большая политика» во многом продолжала определяться миром политики городской, будучи ограничена как физически, так и идеологически небольшим числом политически значимых общественных пространств. Отсутствие (по словам самого А. Далла Розы)

⁸⁹ Dalla Rosa A. *Cura et tutela*... P. 88.

⁹⁰ Dalla Rosa A. *Ductu auspicioque*... P. 222–223.

⁹¹ Dalla Rosa A. *Ductu auspicioque*... P. 222–223.

⁹² Dalla Rosa A. *Ductu auspicioque*... P. 222, n. 109; также см. P. 188–189, n. 12.

⁹³ Dalla Rosa A. *Ductu auspicioque*... P. 211–212.

права совершать общественные ауспиции и, следовательно, отсутствие какой-либо власти в городе (*in urbe*) или в сфере *domi* является именно той причиной, по которой промагистраты не только формально считались *privati* в этой сфере, но и фактически во всех возможных смыслах являлись *privati*. Полагаю, никто не станет всерьез сомневаться, что любой промагистрат мог действовать только как *privatus*, если появлялся на форуме или на заседании сената, созванном в пределах городской черты Рима. Это полностью объясняет устойчивую нормативность и даже практическую значимость факта, – который ни один современный исследователь не ставил под сомнение, – что промагистраты действительно оказывались на положении *privati* в этих ключевых пространствах, поскольку теряли на этой территории статус должностного лица в принципе. Но поскольку эти пространства и физическое присутствие в них оставались ключевыми как для реального процесса принятия решений (по крайней мере, в большинстве случаев), так и в его описаниях античной традицией, неудивительно, что должностные лица, наделенные значительными полномочиями, но неприменимыми к этим пространствам либо функционально не относящимся к сфере *domi*, могли обозначаться *privati*. Как только на первый план выходит обсуждение технических деталей (такие как ауспиции), практических вопросов, связанных с локализацией событий (происходят ли они внутри или за пределами городской черты), или важных политических решений (например, распределения провинций между магистратами и промагистратами), Цицерон и другие древние авторы начинают говорить о промагистратах как о *privati*. Но когда обсуждается рутинное управление провинциями (то есть в абсолютном большинстве случаев), проквестор вполне может быть назван квестором. На мой взгляд, здесь нет никакой непоследовательности.

С другой стороны, тот факт, что античные авторы действительно иногда могут отнести промагистрата к числу *magistratus*, не лишен значения. Это подчеркивает очевидный факт, что промагистраты, в отличие от других *privati*, были наделены публичной властью (см., например, *Caes. BC. 2.32.9*). Но, как

мы видели, такое отождествление промагистратов с магистратами не имело общего применения даже в нетехническом употреблении (поскольку оно также допускало прямое обозначение промагистратов как *privati*). Во-первых, терминологическая «ассимиляция» магистратов и промагистратов была ограничена исключительно описаниями ситуации в сфере *militiae*, и в этом смысле такое словоупотребление вполне соответствует строгому ограничению полномочий промагистратов этой сферой. Магистраты и промагистраты, хотя и различались между собой, действительно могли рассматриваться как принадлежавшие к одной группе лиц, противопоставленной частным лицам, не обладавшим никакой публичной властью. Это вполне понятно, но отсюда не следует, что тот, кто становился промагистратом, переставал быть *privatus*, как, например, полагал Й. Бляйкен⁹⁴. Сходным образом А. Джованнини утверждал, что хотя античные авторы, в частности Ливий, и называют промагистратов *privati*, они также ясно дают понять, что промагистраты на самом деле не были «частными гражданами». В подтверждение этого вывода А. Джованнини ссылается на два пассажа Ливия. Оба касаются процесса возвращения промагистрата в Рим.

Под 202 г. Ливий сообщает: *nullo prorogante imperium privatus T. Claudius classem Romam reduxit* (30.39.3). Аналогично, описывая события 199 г., он отмечает: *(L. Manlius Acidinus) prohibitus a P. Porcio Laeca tribuno plebis ne ovans rediret, cum ab senatu impetrasset, privatus urbem ingrediens* (32.7.4). А. Джованнини интерпретирует оба пассажа однозначно: если бы империй Т. Клавдия Нерона был пророгирован, его не называли бы *privatus*; если бы трибун не наложил вето на овацию, Л. Манлий не вошел бы в город как простой *privatus*⁹⁵.

⁹⁴ Bleicken J. *Oberpontifex...* S. 349, Anm. 1: «als Promagistrat horten sie eben auf, *privatus* zu sein».

⁹⁵ Giovannini A. *Consulare imperium...* P. 41, n. 44. Также см.: Berthelet Y. *Gouverner avec les dieux...* P. 159, n. 64. Cp.: Mommsen Th. *Römisches Staatsrecht*. Bd. III.2. S. 1089, Anm. 2; Develin R. *Tradition...* P. 433. Cp. Liv. 32.7.4 с фрагментом 45.39.14.

Однако А. Джованнини смешивает два аспекта: то, что промагистрат, по мнению исследователя, не был *privatus*, и то, что промагистрат не был «обычным *privatus*». Последнее самоочевидно, первое же невозможно доказать на основании этих двух пассажей.

Во-первых, поскольку Ливий (как признает и сам А. Джованнини) в других случаях может называть промагистратов *privati*, данные фрагменты в лучшем случае свидетельствуют о том, что сам Ливий не был уверен в том, как описать статус этих должностных лиц. Однако разброс оценок не является полностью симметричным. Как уже отмечалось выше, ни один античный автор, включая Ливия, насколько мне известно, нигде прямо не утверждает, что промагистраты *не* являются *privati*, тогда как Ливий, например, действительно иногда промагистратов относит к числу *privati*.

Следовательно, даже если мы согласимся, что Ливий считал Т. Клавдия Нерона вернувшимся в Рим в качестве *privatus* именно и только потому, что его консулат не был пророгирован, это само по себе не означало бы автоматически, что в противоположном случае Клавдий все равно не мог бы быть назван Ливием *privatus*, если бы накал политической дискуссии этого потребовал (как это имеет место в пассаже Liv. 38.42.10, рассмотренном выше). Следовательно, фрагмент Liv. 30.39.3 лишь демонстрирует, что Ливий действительно различает промагистратов и других *privati*. Но он не может доказать, что промагистраты не являлись *privati*⁹⁶.

Поскольку в других работах А. Джованнини утверждает, что промагистраты по определению не являлись магистратами (вследствие чего они были лишены общественных ауспиций)⁹⁷, исследователь фактически постулирует существование трех публично-правовых статусов (*privatus*, *magistratus* и промагистрат), тогда как сами римляне выделяли только два:

⁹⁶ Кроме термина *privatus*, у Ливия отсутствуют другие варианты обозначения положения Т. Клавдия. Можно реконструировать нечто вроде *privatus sine imperio*, как в *lex coloniae Genetivae* (см. §1.2 данной главы). В источниках также используется выражение *sine imperio* для обозначения провинции, которая осталась без носителя империя (Cic. *Att.* 7.7.5; *Prov. cons.* 5; Mommsen Th. *Römisches Staatsrecht*. Bd. I. S. 677, Anm. 3).

⁹⁷ Giovannini A. *Consulare imperium*... P. 43–44. Об ауспициях промагистратов см. ниже.

privatus (включая pro magistratu) и magistratus. Римляне действительно разработали специальные обозначения для промагистратов, но все они являлись дериватами от статуса magistratus: pro magistratu (они действовали вместо магистратов) и cum imperio (они обладали властью, которая иначе принадлежала только некоторым магистратам). Другими словами, в отношении республиканских промагистратов римляне так и не выработали самостоятельной альтернативы дихотомии privatus/magistratus.

Подход А. Джованнини был воспринят В. Блэзелем, который, как уже отмечалось, полагает, что промагистраты составляли третью категорию между privati и magistratus и не рассматривались в качестве «amtlos» (лишенных должности)⁹⁸. Соглашусь, что промагистраты воспринимались как обладатели публичной должности или власти. Однако это не исключает автоматически, что они могли рассматриваться как privati. Иными словами, вовсе не очевидно то, что В. Блэзель воспринимает как утверждение, не требующее доказательств, а именно то, что римский privatus был обязательно «amtlos».

В связи с конкретным случаем Т. Клавдия Нерона В. Блэзель отмечает возражение Т. Моммзена против вывода П. Виллемса (со ссылкой на фрагмент Liv. 30.39.3) о том, что без формальной пророгации империй магистрата прекращался в последний день его должности⁹⁹. Однако В. Блэзель ссылается на эту дискуссию так, будто она касается вопроса о том, считался ли Клавдий privatus вследствие отсутствия своевременной пророгации¹⁰⁰. На самом деле и П. Виллемс, и Т. Моммзен пишут только об империи («Commando»), а не о причинах использования Ливием термина privatus в этом пассаже.

В связи с военной необходимостью Т. Клавдий Нерон сохранял свой империй до прихода в Рим независимо от того, имела ли место, по выражению Т. Моммзена, «эксплицитная пророгация» (formulierte Prorogation) или нет. Если это так, то фактически он действовал pro magistratu, т.е. являлся

⁹⁸ Blösel W. *Imperia extraordinaria*... S. 42–45.

⁹⁹ Mommsen Th. *Römisches Staatsrecht*. Bd. III.2. S. 1089, Anm. 2; Willems P. *Le sénat*... P. 547.

¹⁰⁰ Blösel W. *Imperia extraordinaria*... S. 43, Anm. 111.

промагистратом, хотя и с жестким ограничением своих функций, лимитированных только задачей привести войска обратно в Рим. Это означает, что Клавдий должен был считаться *privatus*, даже если бы все-таки произошла пророгация, потому что пророгация или ее отсутствие при описываемом конкретном стечении обстоятельств никак не влияла на наличие или отсутствие ограниченной военной задачи, совершаемой Т. Клавдием *pro magistratu*.

Как ни парадоксально, интерпретация данного эпизода Ф. Верватом подтверждает мой вывод, а не аргументацию А. Джованнини и Ф. Блэзеля: «Конечно, было бы абсурдно полагать, что Нерон действительно стал частным лицом после сложения консульских полномочий, поскольку он оставался в сфере *militiae*, командуя значительным флотом после мартовских ид 201 г.»¹⁰¹. До этого момента рассуждения Ф. Вервата, как может показаться, противоречат моим выводам. Но далее он пишет: «Следовательно, не следует подвергать сомнению, что Нерон автоматически стал *pro consule* в мартовские иды 201 г. и сохранял консульский империй до пересечения померия. Однако, поскольку его провинциальное командование не было продлено, он теперь *de facto* был низведен до статуса простого частного лица, ведь он больше не мог использовать свой империй ни для чего, кроме возвращения своего войска в Рим»¹⁰². Но если это так, то использование Ливием термина *privatus* вполне объясняется указанным ограничением свободы действий Т. Клавдия Нерона, которое было связано с истечением срока управления *provincia*, но не затрагивало – как верно отмечает Ф. Верват – его империй, а значит, и его промагистратский статус как таковой¹⁰³.

¹⁰¹ Vervae F.J. The High Command... P. 56.

¹⁰² Vervae F.J. The High Command... P. 56.

¹⁰³ О сопоставимых эпизодах с проконсулами Гн. Помпеем в 71 г. и М. Туллеем Цицероном в 49 г. см.: Dalla Rosa A. *Ductu auspicioque*... P. 213–214, n. 90. Для меня неясной остается интерпретация Ф. Вервата, согласно которой можно было «фактически» перестать быть промагистратом (именно так он интерпретирует причину употребления термина *privatus*), но при этом сохранять империй. Введение уточнения «фактически» здесь неуместно. Еще более проблематичной представляется попытка Ф. Вервата (Vervae F.J. The High Command... P. 57, n. 16) оспорить концепцию «автоматической пророгации», выдвинутую,

в том числе, еще Т. Моммзен (Mommsen Th. *Römisches Staatsrecht*. Bd. I. S. 639–641; Mommsen Th. *Römisches Staatsrecht*. Bd. III.2. S. 1089, Anm. 2) и позднее А. Джованнини (Giovannini A. *Consulare imperium...* P. 39–40). Ф. Верват ссылается на П. Виллемса (Willems P. *Le sénat...* P. 547–548), который предположил, что на самом деле сенат всегда пророгировал империй до прибытия преемника, но античные авторы сообщают только о тех случаях, в которых пророгация распространялась на период, превышающий обычные сроки («au-delà de la durée ordinaire»). Проблема аргументации П. Виллемса заключается в том, что она требует допустить существование стандартного общего постановления сената о пророгации всех командований, хотя источники ни о чем подобном ни разу не упоминают.

Ф. Верват соглашается с П. Виллемсом, но затем указывает на то, что «традиция, согласно которой командующие в провинциях продолжали осуществлять свои prerogatives после официально установленного срока до тех пор, пока их не извещали о ежегодном s.c. de provinciis, была единственной формой “автоматической пророгации”» (Vervae F.J. *The High Command...* P. 57, n. 16). Однако это утверждение уже является отрицанием позиции П. Виллемса. Во-первых, Ф. Верват тем самым признает существование, как минимум, одного варианта «автоматической пророгации», возможность которой он только что полностью отверг. Во-вторых, исследователь, похоже, считает, что если ежегодный s.c. de provinciis не упоминал некоторых экс-магистратов *nominatim*, то ранее действовавшая «автоматическая пророгация» для них прекращалась. Однако единственный способ, как это могло произойти, заключался в назначении сенатом кого-то другого *nominatim* вместо упомянутых экс-магистратов. У меня нет никаких возражений по этому поводу. (За исключением того, что правильнее было бы сказать, что предыдущий командующий сохранял свою провинцию не до момента, когда «его известили», а до фактического прибытия преемника; см. ниже.) Другими словами, даже по мнению Ф. Вервата, экс-магистрат должен был быть заменен кем-то другим только путем принятия специального постановления сената, которое могло бы прекратить произошедшую до этого «автоматическую пророгацию» его провинции. Таким образом, рассуждения Ф. Вервата с необходимостью приводят к признанию существования либо «автоматической пророгации», которая задним числом утверждалась сенатом, либо «автоматической пророгации», прекращаемой специальным решением сената. Любой вариант в целом не противоречит концепции «автоматической пророгации» в интерпретации Т. Моммзена или А. Джованнини.

Наконец, в попытке спасти аргументацию П. Виллемса Ф. Верват ссылается на фрагмент Liv. 42.4.13 (начало 173 г.): «Один из преторов, отправившихся в свои провинции, Нумерий Фабий, умер в Массилии, на пути в Ближнюю Испанию. Получив от массилийских послов известие о его смерти, сенат постановил, чтобы Публий Фурий и Гней Сервилий, ожидавшие себе преемников, бросили между собой жребий, кому из них должна быть продлена власть, и кто должен остаться правителем Ближней Испании. Жребий выпал так удачно, что в провинции должен был остаться тот самый Публий Фурий, под управлением которого она находилась и раньше» (пер. М.П. Федорова, И.Ф. Макаренкова). Ф. Верват отмечает: «Если бы действительно существовал такой принцип, как “автоматическая пророгация” – *contradictio in adjecto*, – то действующий наместник просто остался бы на своем посту в связи со смертью назначенного преемника» (Vervae F.J. *The High Command...* P. 57, n. 16). Здесь следует возразить. Во-первых, «автоматическая пророгация» не может быть *contradictio in adjecto*, поскольку это научный термин при отсутствии какого-либо лучшего варианта. Сама формулировка этого понятия не доказывает и не опровергает концепцию, стоящую за ним (как и в случае с научным термином «*privatus cum imperio*», который никогда не употребляется в источниках). Во-вторых, данный пассаж не может служить доказательством того, что «автоматическая пророгация» не существовала. Ф. Верват игнорирует тот факт, что ни Т. Моммзен, ни другие сторонники существования механизма «автоматической пророгации» не

По-видимому, у Ливия не было иного выбора, кроме как использовать дихотомию *privatus/magistratus* и применять термин *privatus* в разных значениях в зависимости от контекста. Причина, по которой слово *privatus* появляется в этом эпизоде, заключается не в том, что Т. Клавдий Нерон перестал быть промагистратом (что означало бы, что промагистраты не являются *privati*), а в том, что он был лишен свободы действий, которая зависела от законного обладания *provincia*.

Предположим, что Клавдий Нерон был назван *privatus* именно в связи с отсутствием пророгации его полномочий. Промагистраты позднереспубликанского периода, ожидавшие триумфа, фактически находились в аналогичном положении. Однако, как известно, исследователи единодушно признают, что такие носители империя сохраняли статус промагистратов. Во всяком случае, не оспаривается то, что они могли в любой момент получить новое назначение, тем самым «активировав» свой сохранявшийся империй (т.е. предоставление империя заново не требовалось). Следовательно, возможно только два варианта. Либо мы должны считать, что отсутствие *provincia*/пророгации лишало их статуса промагистрата (что

утверждали, что он являлся чем-то большим, чем только краткосрочным решением, весьма ограниченным по времени действия (см., напр., Mommsen Th. *Römisches Staatsrecht*. Bd. III.2. S. 1089, Anm. 2). Другими словами, можно было сохранить провинцию и империй, но только до тех пор, пока не будет найдено лучшее решение на более длительную перспективу. При этом следует подчеркнуть, что даже более продолжительное сохранение одного только империя (без провинции) не представляло никакой проблемы с точки зрения республиканской политической культуры (ср. примеры, когда императоры годами ожидали триумфа, сохраняя империй и оставаясь *ad urbem*). Ф. Верват пренебрегает всеми этими различиями, упрощая аргументацию Т. Моммзена и представляя дело так, будто последний постулировал существование неограниченного «принципа автоматической пророгации». Возвращаясь к пассажиру, на который ссылается Ф. Верват (Liv. 42.4.1–3), замечу, что он однозначно показывает, что до прибытия Нум. Фабия его предшественник П. Фурий сохранял власть «автоматически» (без эксплицитной пророгации) именно потому, что имел место не слишком короткий, но и не очень продолжительный (относительно годового срока), период времени, в течение которого П. Фурий не только мог, но и был обязан оставаться командующим ради интересов Республики. Необходимость в специальном сенатском решении по поводу промагистратуры П. Фурия возникла только потому, что сенаторы в итоге решили продлить его полномочия на длительный срок в связи с непредвиденной смертью Нум. Фабия. Фактически П. Фурий оставался на этой позиции до 172 г., т.е. около года (Broughton T.R.S. *The Magistrates of the Roman Republic*. Vol. 1... P. 409, 412). Конечно, ему потребовалось специальное разрешение, чтобы дополнить и продлить уже действовавшую «автоматическую пророгацию».

невозможно, поскольку неясно тогда, на каком основании и в качестве кого они сохраняли империй), либо они продолжали считаться промагистратами, но без провинции. Если последнее верно в отношении экс-магистратов, ожидающих триумфа, то и Т. Клавдий Нерон должен был сохранять такое положение до момента вступления в город. Следовательно, если он, тем не менее, именуется *privatus* еще до возвращения в Рим, это никак не может объясняться утратой промагистратуры, а должно было быть вызвано иными причинами¹⁰⁴. В таком случае рассматриваемый пример не подтверждает тезис о принципиальном отличии промагистратов от *privati*. (Более продуктивным представляется вопрос о том, почему термин *privatus* применяется лишь в определенных контекстах и не используется для характеристики положения промагистратов в провинциях.)

Рассмотрим второй случай, который приводит А. Джованнини. Л. Манлию было отказано в овации. Какое влияние это обстоятельство могло оказать на его официальный статус? Сам по себе отказ в предоставлении овации не мог означать абrogации империя. Ливий пишет о том, что последствия касались исключительно момента вступления в город (*urbem ingrediens*). Действительно, Манлий лишался права сохранять империй в пределах городских стен и не мог внутри города получить овацию¹⁰⁵. Однако текст не дает однозначного ответа, считался или не считался бы Манлий *privatus* в случае получения овации. Данный фрагмент является для нас амбивалентным, поскольку не позволяет ни подтвердить, ни опровергнуть ни один из проверяемых тезисов: ни мысль о том, что промагистраты являлись *privati*, ни противоположное утверждение.

Более показательное сообщение Ливия (38.50.3) об обсуждении триумфа проконсула Гн. Манлия. В пассаже Ливия содержится обобщенная характеристика полководца, не получившего триумф: «он вступал бы в город как частное лицо, не удостоенное почестей» (*privatus inhonoratusque urbem*

¹⁰⁴ Также ср.: Mommsen Th. Römische Staatsrecht. Bd. III.2. S. 1089, Anm. 2.

¹⁰⁵ Ср. Liv. 45.35.4; Buti I. Appunti in tema di «prorogatio imperii», II... P. 453.

iniret). Данная характеристика неразрывно связана с уточнением, что в таком случае у полководца отсутствовали бы *curtus* (колесница) и *laurea* (лавровый венок). Прямая связь между вступлением в город как *privatus* и *inhonoratus* показывает, что здесь термин *privatus* обозначает того, кто не был удостоен триумфальных отличий, а не того, кто был лишен должности. Отсутствие уточнения со стороны Ливия, что он имеет в виду только промагистратов, подтверждает такую интерпретацию, поскольку мы знаем, что действующий магистрат, которому отказали в триумфе, определенно не мог войти в Рим как *privatus* только по этой причине, хотя он и вступал как *inhonoratus*. Ливий вновь оперирует дихотомией *privatus/magistratus* при описании широкого круга различных обстоятельств (и не использует выражение *privatus sine imperio*, которое мы встречаем в надписях, см. §1.2 данной главы).

Случаи, приведенные А. Джованнини, показывают, что Ливий действительно проводит различие между обычными *privati* и промагистратами. Это наблюдение не вызывает никаких возражений. Промагистраты обладали империем и провинцией, то есть публичной властью и определенной сферой ее применения, что с современной точки зрения делает их квази-магистратами или должностными лицами, не позволяя считать их «просто *privati*». Однако в терминах принятой в самих источниках дихотомии *privatus/magistratus* утверждение А. Джованнини о том, что промагистраты не были «просто *privati*» (что, как я полагаю, действительно соответствовало римским представлениям), уже не равнозначно утверждению о том, что юридически они вовсе не относились к категории *privati*¹⁰⁶.

Безусловно, возвращение в Рим в условиях, когда пророгации не произошло, отличалось от возвращения с пророгированным империем. Но в чем именно заключалось это различие? Если Ф. Дрогула прав, и пророгация фактически означала продление *provincia*, то даже в рамках интерпретации А. Джованнини отсутствие пророгации (и тем более отказ в предоставлении овации) никак не могло повлиять на наличие или отсутствие статуса

¹⁰⁶ Giovannini A. *Consulare imperium...* P. 41–42.

промагистрата. Изменить положение дел в этом отношении могло либо пересечение городской черты, либо абrogация империя промагистрата. Следовательно, существует иная причина, по которой Ливий подчеркивает статус *privatus* как некое следствие этих решений.

Как хорошо известно, источники сообщают о том, что по окончании проконсулата Цезарь стремился избежать возвращения в Рим в качестве *privatus*¹⁰⁷. Означает ли это, что пока Цезарь оставался проконсулом, он не считался *privatus*? Здесь следует задаться вопросом о том, в каком отношении он стал бы *privatus* по возвращении в Рим. Как отмечал, в частности, К.М. Жирарде, при оставлении провинции Цезарь безусловно сохранил бы империй и был бы защищен от судебного преследования до тех пор, пока не перешел бы померий¹⁰⁸. Иными словами, Цезарь не утратил бы статус проконсула. Почему античные авторы пишут тогда о его «превращении» в *privatus*? Очевидно, что, если бы проконсул считался *privatus*, такое словоупотребление было бы невозможно.

Практические причины нежелания Цезаря возвращаться в Рим очевидны: «на земле» проблема для него заключалась бы в потере провинций и армий, а не в предполагаемом переходе на положение *privatus*¹⁰⁹. Лишь отсутствие иных подходящих обозначений, то есть наличие выбора только между *magistratus* и *privatus* (и их производными, такими как *pro magistratu*), сделало возможным это ситуативное применение термина *privatus* для

¹⁰⁷ Например, Vell. Pat. 2.49.4; Plut. *Pomp.* 56.3; Cass. Dio 40.60.1. Также ср. Cass. Dio 36.14.3–4: проконсул Л. Лициний Лукулл считался своими солдатами «уже просто частным гражданином (*ἰδιωτεύοντα*)» еще до того, как он сложил командование в 67 г., что подразумевает, что проконсул не был – по крайней мере, в передаче Диона – *ἰδιωτεύων*.

¹⁰⁸ Girardet K.M. Januar 49 v. Chr.: Caesars Militärputsch. Vorgeschichte, Rechtslage, politische Aspekte. Bonn: Dr. Rudolf Habelt Verlag, 2017. 367 S. 188–189. Однако для К.М. Жирарде неприкосновенность Цезаря как обладателя империя означала, что он не был *privatus*. Также см.: Morstein-Marx R. Caesar's Alleged Fear of Prosecution and his “ratio absentis” in the Approach to the Civil War // *Historia*. 2007. Bd. 56. P. 166, 171. О том, что промагистраты сохраняли империй на неопределенный срок до повторного въезда в Рим, также см.: Dalla Rosa A. *Ductu auspicioque*... P. 199, 213.

¹⁰⁹ Неоднократно утверждалось, что, пересекая померий и тем самым теряя империй, промагистрат становится *privatus* (см., напр., Girardet K.M. *Imperia und provinciae* des Pompeius 82 bis 48 v. Chr. // *Chiron*. 2001. Bd. 31. S. 191).

обозначения статуса, к которому мог быть низведен промагистрат, лишившийся армий и провинций.

В. Блэзель приводит важные дополнительные аргументы в поддержку тезиса о том, что промагистраты не считались *privati*. В частности, он ссылается на фрагмент Liv. 2.56.13, в котором консул заявляет, что плебейские трибуны являются *privati* (*privatum esse clamitans*), лишенными империя и магистратуры (*sine imperio, sine magistratu*)¹¹⁰. Однако данный пассаж лишь проясняет статус плебейских трибунов, но не доказывает, что любые носители империя автоматически переставали относиться к категории *privati*. Более того, сама необходимость в контексте политической полемики подчеркивать не только статус трибунов как *privati*, но и отсутствие у них империя, может свидетельствовать как раз о том, что некоторые носители империя могли относиться к категории *privatus*.

В. Блэзель также апеллирует к дихотомии *privatus/imperator*, встречающейся у Плавта (*Capit. 166: hic qualis imperator nunc privatus est*) и Цицерона (*Inv. 2.92: cum et id aetatis et privatus essem et esset summa cum auctoritate et potestate imperator*). Однако в данных случаях термин *imperator* не обязательно обозначает промагистрата. Кроме того, эти пассажи ничего не говорят о техническом словоупотреблении. Они лишь подтверждают, что промагистрат *de facto* не был обычным частным лицом. Этот тезис я не оспариваю. Но вопрос заключается в том, отразилось ли это фактическое положение дел в официальной терминологии в республиканский период.

Наконец, В. Блэзель ссылается на два важных фрагмента из Цицерона¹¹¹. В пассаже *Leg. Man. 50* оратор утверждает, что Помпей, будучи промагистратом, должен был получить важное командование даже если бы находился в Риме как *privatus*, но, к счастью, он уже был *imperator* и находился в нужном месте с готовой к действиям армией. Хотя этот пассаж действительно демонстрирует, что Цицерон не рассматривает Помпея как «обычного

¹¹⁰ Blösel W. *Imperia extraordinaria*... S. 44, Anm. 114.

¹¹¹ Blösel W. *Imperia extraordinaria*... S. 43, включая Anm. 112.

privatus», он не доказывает, что обладатель империя вообще не мог считаться privatus. Важно отметить, что Цицерон противопоставляет Помпея не всем privati вообще, а только частным лицам, находившимся в Риме. Как уже говорилось выше, Ф. Блэзель игнорирует фрагмент Cass. Dio 17.57.56, поскольку он «политически мотивирован»¹¹². Но то же самое можно сказать и о пассаже Cic. Leg. Man. 50. Речь Цицерона, будучи политически ангажированной, характеризуется, полагаю, не большей степенью терминологической точности, чем фрагмент Cass. Dio 17.57.56, который, напротив, свидетельствует о признании промагистратов privati. Если отвергать одно свидетельство как «политически мотивированное» (что В. Блэзель делает по отношению к пассажиу Кассия Диона), то так же следует поступать и с другим (фрагментом Цицерона). Либо мы оба свидетельства принимаем и объясняем, либо оба отвергаем. Интерпретация обоих свидетельств как неслучайных и значимых, как мне представляется, предпочтительнее, но она неизбежно приводит к выводу о том, что использование термина privatus в нарративной традиции носит противоречивый характер.

Можно ли предположить, что Кассий Дион (как поздний автор) все же неточен, а словоупотребление Цицерона последовательно и непротиворечиво? Как признает и сам В. Блэзель, Цицерон дважды (Leg. Man. 62; Phil. 11.18) называет Помпея privatus непосредственно перед получением им командования против Сертория в Испании в 77 г., хотя к тому времени Помпей уже обладал империем¹¹³. Таким образом, промагистрат – будь то legatus pro praetore¹¹⁴ или командующий с собственным империем – в принципе может быть обозначен Цицероном словом privatus.

Однако В. Блэзель делает попытку дезавуировать это свидетельство, утверждая, что Помпей сначала сложил свои полномочия legatus pro praetore, а затем получил империй заново, что и позволило Цицерону технически верно

¹¹² Blösel W. *Imperia extraordinaria...* S. 43, Anm. 110.

¹¹³ Blösel W. *Imperia extraordinaria...* S. 43, Anm. 112.

¹¹⁴ Blösel W. *Imperia extraordinaria...* S. 231.

назвать его *privatus* на момент до приобретения нового империя. Как показано в §1.5 данной главы, это предположение не выдерживает критики. Но даже если принять аргументацию В. Блэзеля во всех ее элементах и проигнорировать указанные проблемы, рассматриваемое свидетельство остается совершенно бесполезным для решения главного вопроса, а именно, вопроса о том, может ли Цицерон называть промагистратов *privati*. Дело в том, что как признает В. Блэзель, его интерпретация событий 77 г. априори предполагает (*setzt voraus*), что Цицерон использует термин *privatus* последовательно и непротиворечиво (*konsequent*) и что обладатель империя не мог быть назван *privatus*¹¹⁵. Но если интерпретация В. Блэзелем событий 77 г. сама основывается на его выводе о невозможности употребления Цицероном термина *privatus* применительно к промагистратам, то такая интерпретация не может служить самостоятельным подтверждением данного вывода. То, что Цицерон дважды (*Leg. Man.* 62; *Phil.* 11.18) называет промагистрата Помпея *privatus*, нуждается в ином объяснении.

Второй приведенный В. Блэзелем пассаж Цицерона требует относительно краткого комментария. Исследователь рассматривает сообщение Цицерона о дебатах в сенате в январе 56 г. по вопросу о реставрации Птолемея XII как однозначное свидетельство о том, что промагистраты не относились к категории *privatus* (*Cic. Fam.* 1.1.3): *Crassus tris legatos decernit nec excludit Pompeium; censet enim etiam ex iis qui cum imperio sint. Bibulus tris legatos ex iis qui privati sint.* («Красс предлагает назначить трех легатов и не исключает Помпея, так как считает, что они должны быть также из тех, кто облечен империем. Бибул предлагает назначить трех послов из числа *privati*»; пер. В.О. Горенштейна с изменениями)¹¹⁶. Замечу, однако, что поскольку обсуждение не дошло до голосования по конкретному сенатусконсульту, разумно предположить, что Цицерон воспроизводит язык политических

¹¹⁵ Blösel W. *Imperia extraordinaria*... S. 235: «Dies setzt voraus, daß Cicero den Begriff *privatus* konsequent verwendet und ein Imperiumsträger nicht *privatus* sein konnte».

¹¹⁶ Blösel W. *Imperia extraordinaria*... S. 43–44. Сходным образом: Vervaet F.J. *Pompeius' Career*... P. 415, n. 39.

дебатов, а не официальную терминологию сенатских постановлений. Более того, нельзя исключать, что в этом нетехническом употреблении *sum imperio* служило дополнительной характеристикой некоторых *privati*, отличавшей их от *privati* вообще. А именно, формулировка *ex iis qui privati sint* способна была исключить промагистратов без дополнительного уточнения *sine imperio* (появление которого требует моя интерпретация промагистратов как *privati*), поскольку контекст всего предложения уже определил промагистратов как отдельную категорию (*qui sum imperio* были только что упомянуты), включенную Крассом и исключенную Бибулом. Иными словами, когда Красс предложил направить кого-то *ex iis qui sum imperio sint*, Цицерону не требовалось затем уточнять, что альтернативное предложение Бибула направить кого-то *ex iis qui privati sint* включало только тех *privati*, которые были *sine imperio*. Иными словами, сжатый отчет Цицерона о сенатских дебатах не позволяет с уверенностью утверждать, насколько точно и полно он воспроизводит техническую терминологию, относившуюся к промагистратам¹¹⁷.

Письмо *Cic. Fam. 1.1.3*, по-видимому, отражает повседневный политический язык, который подчеркивает очевидное различие между *privati*, обладавшими империем, и *privati* без империя. Как мне представляется, уточнение *sine imperio* при обозначении частных лиц без публичной власти при этом опускается не только ради краткости, но и потому, что контекст (явное противопоставление предложений Красса и Бибула) уже делает ясным, что предложение Бибула предусматривает выбор легатов из числа тех *privati*, которые не были наделены империем. С другой стороны, пассажи *Leg. Man. 62* и *Phil. 11.18* имеют смысл только в том случае, если Цицерон исходил из формального определения, согласно которому промагистраты понимались именно как *privati*. Существование такого формального определения

¹¹⁷ Ср., напр., как он передает суть предложения Бибула в письмах *Fam. 1.2.1* (*sententia prima Bibuli pronuntiata esset, ut tres legati regem reducerent*) и *Fam. 1.4.1* (*sententiam Bibuli de tribus legatis*).

независимо подтверждается рассмотренными выше положениями *lex coloniae Genetivae*, в котором действительно содержится уточнение *sine imperio privatus*.

Сопоставление фрагментов *Leg. Man.* 62 и *Phil.* 11.18 (в которых промагистрат Помпей назван *privatus*, располагавшим готовой армией) с *Leg. Man.* 50 (в котором Помпей противопоставляется *privati* как промагистрат, располагавший готовой армией) показывает, что Цицерон вполне может одновременно как противопоставлять промагистратов *privati*, так и называть их таковыми. Это позволяет предположить, что нарративная традиция определяла промагистратов как особых *privati*, но не выделяла их в отдельную категорию и не оперировала специальной терминологией для ее маркирования.

Таким образом, складывается впечатление, что техническое словоупотребление эпохи поздней Республики по-прежнему включало (или, возможно, только начало включать?) промагистратов в категорию *privati*, тогда как политический язык оказывался более гибким. Следует признать, что в повседневном словоупотреблении времен Цицерона *privatus* без дополнительных уточнений обычно понимался как лицо, не обладавшее империем. Помимо *Fam.* 1.1.3, такое понимание отражается в письме, в котором проконсул Цицерон отделяет себя от *privati* (*Att.* 7.7.4: *qui me magis quam privatum aliquem mittat*).

Противопоставление *privati* и промагистратов очевидно, но хотя оно показывает, что римляне различали обладателей публичной власти и всех прочих, оно также демонстрирует, что формально они определяли промагистратов как *privati*. Первое прослеживается в описаниях так и не реализовавшейся возможности возвращения проконсула Цезаря в Рим в 49 г. в качестве *privatus* (технически проконсула) для участия в консульских выборах (например, *Vell. Pat.* 2.49.4: *privatus in urbem veniret*). С другой стороны, Катон в передаче Веллея называет Цезаря, все еще действующего проконсула, всего лишь *civis*, с которым Республика не должна вести переговоры (*Vell. Pat.* 2.49.3: *Cato moriendum ante, quam ullam condicionem civis accipiendam rei publicae*

contenderet). Хотя Катон не мог и не ставил под сомнение законность империя Цезаря (лишь оспаривая его право сохранять провинции¹¹⁸), он, тем не менее,

¹¹⁸ Промагистраты обладали империем до тех пор, пока не входили в город. См. Cic. *Fam.* 1.9.25: *se lege Cornelia imperium habiturum, quoad in urbem introisset*; App. *BC.* 1.80; *lex de provinciis praetoriis*, the Cnidos copy, col. 4, ll. 31–39 (Roman Statutes / Ed. M.H. Crawford.... P. 242, комментарий: P. 265–266); Dalla Rosa A. *Ductu auspicioque*... P. 200–201, 213–214, включая n. 89, 90; Dalla Rosa A. *Cura et tutela*... P. 87–88, включая n. 17; Girardet K.M. *Januar* 49 v. Chr... S. 31–32, включая n. 136; Rafferty D. *Provincial Allocations*... P. 21. Возможно, Цезарь лишился своего империя в нач. 49 г. в результате объявления *hostis*? Такая мера теоретически означала утрату гражданства, а значит, и всех публичных полномочий. Однако данная интерпретация порождает целый ряд неразрешимых затруднений. (1) Несмотря на сообщения об угрозах, нет явных свидетельств того, что Цезарь действительно был в какой-то момент официально объявлен *hostis* или что это решение было, соответственно, отменено, когда Цезарь взял под контроль сенат в Риме. К. Раафлауб (Raaflaub K.A. *Dignitatis contentio*... S. 77, Anm. 313, 234) заключает, что Цезарь не был формально объявлен *hostis* (ср.: Ungern-Sternberg J. von. *Untersuchungen*... S. 116–117, Anm. 153; Allély A. *La déclaration d'hostis*... P. 83–85, 143–144, 245–246). (2) Все же нет уверенности, что объявление *hostis* – решение исключительно сената – могло формально лишить гражданства или каких-либо полномочий (см., напр., Lintott A. *The Constitution*... P. 92: «The *hostis*-argument was part of the rhetoric of the situation when the “last” decree was passed, part of the defence of supra-legal measures: it did not itself legalize anything»; гл. 3, §3.4). (3) Примечательно, что сенат даже не аброгировал империй Цезаря (назначение преемника – иная мера), хотя такого рода абrogация империя промагистрата (в отличие от абrogации магистратуры) была хорошо известной и гораздо менее радикальной мерой, чем объявление *hostis*. (4) Если мы все же предположим, что Цезарь был официально объявлен сенатом *hostis* уже в начале 49 г. (хотя вполне можно допустить, что его враги лишь неформально называли Цезаря врагом, см.: Raaflaub K.A. *Dignitatis contentio*... S. 234–235), мы также должны принять, что его противники не видели никакой проблемы в ведении как официальных, так и неофициальных переговоров с ним (см. фрагмент Cic. *Phil.* 5.25 о том, что переговоры с *hostis* Antonius немыслимы; ср.: Raaflaub K.A. *Dignitatis contentio*... S. 263–264). Это относится даже к самым принципиальным врагам Цезаря, не говоря уже о сенате в целом, который вовсе не стремился принять даже менее жесткие меры против него (см. §3 данной главы). (5) Наконец, для моей аргументации важно то, что Лукан, конечно же, изображает Цезаря как *hostis* (см.: Tzounakas S. *Caesar as hostis in Lucan's De bello civili* // *Bollettino di Studi Latini*. 2013. Vol. 43. P. 510–525). Поэт пишет, что Цезарь стыдится вести себя как *civis* (Luc. 2.446: *concessa pudet ire via civemque videri*). Но чтобы изобразить Цезаря таким образом, Лукан вряд ли должен был иметь в виду формальную *hostis*-Erklärung, а не простой и очевидный факт вторжения Цезаря в Италию (ср. Luc. 1.203; нельзя согласиться с И. Фэнтам (Lucan, *De bello civili*. Book II / Ed. E. Fantham. Cambridge: Cambridge University Press, 1992. P. 166), которая объясняет фрагмент Luc. 2.446 тем, что Цезарь якобы «был объявлен *hostis* помпейским сенатом 7 января»). Более того, репрезентация поэтом гораздо более тонких деталей неподобающего поведения Цезаря в качестве проконсула в апреле 49 г. (см. §5.3 данной главы) не имела бы никакого смысла, если бы при построении своего повествования Лукан исходил из того, что Цезарь формально уже перестал быть *civis* (a fortiori законным носителем империя) вследствие того, что был официально объявлен *hostis*. Если бы Лукан (и другие античные авторы) имели в виду именно *hostis*-Erklärung, то возникает вопрос о том, почему они прямо это не упомянули.

оказывался в состоянии обозначить Цезаря *civis* в ситуации, когда с проконсулом вынуждены были вести переговоры политического характера¹¹⁹.

К.М. Жирарде обвиняет Светония в «неправильном» (*unrichtig*) использовании термина *privatus* применительно к проконсулу Цезарю в том пассаже, в котором Светоний описывает возможность возвращения Цезаря в Рим без армии. К.М. Жирарде указывает на то, что в этом случае проконсул, хотя и лишившийся армии, оставался бы за пределами городской черты и поэтому сохранял бы статус промагистрата и иммунитет от судебного преследования вплоть до консульских выборов. Тем не менее, Светоний «почему-то» утверждает, что Цезарь вернулся бы в статусе *privatus* и стал бы уязвим для судебного преследования¹²⁰.

Необходимо задаться вопросом о том, можно ли объяснить словоупотребление Светония без предположения об ошибке. Если утрата армии (как и потеря провинции) сама по себе не могла лишить Цезаря статуса промагистрата, но Светоний тем не менее считает потерю армии достаточным основанием определить его как *privatus*, то логично предположить, что Светоний неявно подразумевает, что проконсул Цезарь все это время оставался *privatus*. Однако дополнительно возникшие обстоятельства побудили античного автора напомнить читателю об этом статусе Цезаря. В данном случае такими обстоятельствами стали перспектива потери контроля над армией и опасения, что формально сохранявшийся иммунитет носителя империя окажется неэффективным на практике. Если бы проконсул действовал в провинциях обычным для промагистратов образом, указание на статус

¹¹⁹ О *civis* как *privatus* см.: Crifò G. Normazione e libertà. Il rapporto tra legislazione altorepubblicana ed identità civica // *Staat und Staatlichkeit in der frühen römischen Republik* / Ed. W. Eder. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 1990. P. 363, включая n. 102. О Катоне и фрагменте Vell. Pat. 2.49.3 см.: Woodman A.J. Velleius Paterculus... P. 84 («(чтение) *civis* было поставлено под сомнение, но ничего лучше предложено не было»); Van der Blom H. Oratory and Political Career... P. 240 («Катон вполне мог рассуждать подобным образом», хотя Веллей «похоже, повторяет характеристику ситуации, данную Цицероном»).

¹²⁰ Suet. *Iul.* 30.3–4: *cumque vulgo fore praedicarent, ut si privatus redisset, Milonis exemplo circumpositis armatis causam apud iudices diceret*; Girardet K.M. Januar 49 v. Chr... S. 189, включая Anm. 783 (также см. S. 72).

privatus не имело бы особого смысла, учитывая отсутствие практических различий между магистратами и промагистратами в сфере *militiae*.

Сходным образом Катон в изображении Плутарха, описывая более раннюю ситуацию, заявляет, что «такие громадные силы, столько оружия и боевых коней превращены в дары, которыми обмениваются частные лица» (Plut. *Cat. Min.* 45.3; пер. С.П. Маркиша). Под *ιδιώται* здесь подразумеваются проконсулы Цезарь и Помпей, *αὐτοκράτωρ καὶ στρατηγός*¹²¹. В этом случае тоже потребовалось дополнительное основание для напоминания о статусе *privati/ιδιώται*. Таким основанием стало то, что промагистраты Цезарь и Помпей вместо сената решали вопросы распределения легионов. Как мы увидим далее, употребление термина *privatus* у Лукана также соответствует этой общей схеме.

Таким образом, вместо того чтобы предполагать, что античные авторы «технически неверно» используют обозначение *privatus/ιδιώτης* применительно к промагистратам, нам следует задаться вопросом о том, почему такая терминология употребляется лишь в определенных случаях, не используется для обозначения промагистратов во всех контекстах, особенно связанных с ситуацией в провинциях.

Если рассматривать более ранние события, то следует обратить внимание на сообщение Аппиана о том, что проконсул Помпей Страбон заявил о готовности передать свою армию консулу, поскольку сам проконсул является «частным лицом» (App. *BC.* 1.63: *τῆς ἐπιούσης τι χρηματίζοντος ὑπεχώρησε μικρὸν οἷα ιδιώτης*). При этом Страбон не только сохранял империй все это время, но и после скорой гибели консула смог вернуть себе армию и продолжить деятельность в качестве проконсула без какого-либо повторного назначения. Тем не менее, Страбон называет себя *ιδιώτης*.

¹²¹ Дж. Гайгер отмечает, что эти два слова (которые однозначно показывают, что Цезарь и Помпей понимаются здесь именно в качестве проконсулов), скорее всего, действительно принадлежат Катону (Geiger J. *A Commentary...* P. 315).

Подобное употребление термина *privatus/ιδιώτης* в нарративной традиции может найти рациональное объяснение, на мой взгляд, только в том случае, если считать его базирующимся на общепринятом техническом словоупотреблении юридических текстов. Последние подтверждали и актуализировали (либо впервые устанавливали?) ключевые нормативные различия между магистратами и промагистратами, формально относя последних к категории *privati*. Неудивительно, что необходимость такого разграничения привела к тому, что терминология становилось не средством описания публично-правового статуса, а обозначением политической оценки.

Свидетельства источников оказываются сложными для интерпретации даже когда речь идет о, вероятно, самом раннем случае использования термина *privatus* по отношению к должностному лицу, не являвшемуся *magistratus*. В речи против Терма (ок. 183 г.) Катон Старший утверждал: «Когда я был легатом в провинции, многие подносили вино в дар преторам и консулам: я не принимал ничего, даже будучи частным лицом» (*Isid. Etym.* 20.3.8: *quom essem in provincia legatus, quamplures ad praetores et consules vinum honorarium dabant: numquam accepi, ne privatus quidem*). Х. Клофт ссылается на этот пассаж, утверждая, что слово *privatus* стало использоваться довольно рано для обозначения любого лица, не являвшегося магистратом¹²². Однако данный текст не вполне однозначен. Мы можем интерпретировать его в том смысле, что, будучи легатом, Катон не считался *privatus*, но отказывался принимать вино от провинциалов даже в частном порядке. В этом случае *privatus* относится не к официальному статусу Катона, а к его отказу принимать вино в моменты, когда он не исполнял служебных обязанностей (например, в частной обстановке). Альтернативная (на мой взгляд, более приемлемая) интерпретация предполагает, что Катон как легат противопоставляет себя *magistratus* и подчеркивает, что, хотя другие принимали вино, будучи магистратами, он отказывался делать это, даже будучи *privatus*. Этот вариант понимания текста кажется более убедительным еще и потому, что Катон не был

¹²² Kloft H. *Prorogation...* S. 13, включая Anm. 27.

legatus cum imperio. Таким образом, хотя данный пассаж напрямую не проясняет использование термина *privatus* применительно к промагистратам, он тем не менее показывает, что лица, не являвшиеся магистратами, рассматривались как *privati*.

Более гибкая терминология нарративной традиции (по сравнению с законами, засвидетельствованными в надписях), в которой промагистраты иногда выводятся из категории *privati*, имеет не больше значения для уточнения вопроса о формальном статусе промагистратов, чем, например, упомянутое выше использование Цицероном термина *quaestor* для лица, действовавшего *pro quaestore*. Прямое обозначение промагистрата, исполнявшего обычные обязанности в провинциях, как *magistratus*, конечно, не означает, что он формально считался таковым. Точно так же именование оппонента, являвшегося носителем империя, как *privatus* служило скорее для политической критики, чем для точной передачи формально-правового определения. Однако перед нами не «игра с нулевой суммой». Если первое употребление (промагистрат как *magistratus*) не соответствует юридической реальности (что признает и В. Блэзель), то второе (промагистрат как *privatus*) случайно совпадает с ней. Если бы это было не так, такое словоупотребление имело бы мало смысла. Обозначение промагистрата как *privatus* служило целям критики в политической борьбе поздней Республики именно потому, что соответствовало юридическому определению и не могло быть вследствие этого легко отведено самим объектом этой критики. В то же время именование промагистрата *magistratus* никто из исследователей справедливо не считает доказательством того, что промагистраты относились к категории *magistratus*. Такое словоупотребление лишь отражало тот факт, что в провинциях объем полномочий этих двух категорий должностных лиц был фактически одинаков¹²³.

¹²³ В частности, в послесулланский период промагистраты-наместники, бывшие преторами и покинувшие Рим до истечения срока своей магистратуры, назывались просто *praetores* (только, кто был *privati* на момент назначения пропреторами, именовались *pro praetore*: Giovannini A. *Consulare imperium...* P. 60–64; ср.: Hurlet F. *Pro consule uel pro praetore...* P.

А. Джованнини, утверждая, что к концу Республики положение промагистрата стало более определенным, ссылается на то, что промагистрат не мог быть привлечен к суду, поскольку находился на государственной службе. Это, по его мнению, свидетельствует о том, что промагистрат «не был простым *privatus*»¹²⁴. Полностью соглашусь с этим утверждением, но не с тем, что промагистрат не был *privatus*. Более того, если бы иммунитет от судебного преследования был достаточным признаком того, что то или иное лицо являлось «не просто *privatus*», то тогда женщины, солдаты, магистраты-десигнаты и пр. относились бы к такой категории не в меньшей степени, чем промагистраты (об их судебном иммунитете см. гл. 2, §1). В определенном смысле это верно, но лишь до тех пор, пока мы говорим о «категориях» внутри широкого круга *privati*, обладавших весьма различными правами и привилегиями, но тем не менее включавшимися в одну большую группу.

Важно не смешивать понимание ситуации исследователями с тем, что имели в виду античные авторы. Современный наблюдатель полагает: если промагистраты были государственными должностными лицами, они не могли быть «частными гражданами». Но римляне оперировали иной дихотомией с иными параметрами, лишь отчасти совместимой с характерной для большинства обществ сегодня. Для римлян тот, кто формально действует как *magistratus*, действительно фактически равен *magistratus* (иногда даже именуется так) и, безусловно, не является «простым *privatus*». Однако такая схема рассуждений действовала только в контексте описаний ситуации в провинциях или в сфере *militiae*. Здесь промагистрат мог как противопоставляться *magistratus*, так и отождествляться с ним – в зависимости

98–100; также см.: Briscoe J. *A Commentary on Livy: Books 38–40*... P. 574–576; Briscoe J. *A Commentary on Livy: Books 41–45*... P. 771). Но даже если согласиться с тем, что претора представляла собой особый случай (Thonemann P.J. *The Date of Lucullus' Quaestorship*... P. 80, n. 4) и что, в отличие от других промагистратов, пропретор по пророгации сохранял статус претора формально (а не назывался так только в нетехническом словоупотреблении), это все равно не имеет никаких последствий для уточнения его правового положения по сравнению с «настоящими» магистратами или для его полномочий в сфере *domi*.

¹²⁴ Giovannini A. *Consulare imperium*... P. 42; Suet. *Caes.* 23.1; CIL I² 583. 1. 8 (Lex Acilia). Также ср.: Blösel W. *Imperia extraordinaria*... S. 44, включая Anm. 115.

от того, отражает ли конкретный источник формальное определение промагистратов как *privati*.

В. Блэзель завершает свою аргументацию следующим образом: «Если *privati*, наделенные империем, более не считались не имеющими должности...»¹²⁵. Но вопрос не в том, считались ли они занимающими «должность» (*Amt*), а в том, определялись ли они как *privati*. Имплицитное представление современного исследователя о том, что *privatus* – это лицо без должности, «*amtlos*», вводит в заблуждение. Особенность промагистратуры как раз и состояла в том, что ее обладатели, являлись должностными лицами и имели военную и политическую власть, признанную гражданской общиной. Однако они не были *magistratus* именно потому, что оставались в полном смысле *privati* в том, что касалось городского пространства и «городских дел». Поскольку их статус, можно сказать, не существовал в пределах Города, римляне предпочитали определять его как *privatus*.

Подчеркнутое использование термина *privatus* в нарративной традиции для маркирования «нелегитимности» тех, кто формально и так являлся *privati*, объясняется, на мой взгляд, отсутствием альтернативы дихотомии *privatus/magistratus* и ее дериватам. Как иначе указать на промагистратов, например, в поэтическом тексте? Все это приводит к употреблению слова *privatus* в различном смысле в зависимости от того, кто с кем сопоставляется. Нетехническое применение термина поэтому контекстуально¹²⁶.

Безусловно, в обиходной речи гражданин без империя назывался *privatus*, когда сопоставлялся с промагистратом. Однако, как уже отмечено, оба пассажа, на которые в связи с этим ссылается В. Блэзель (Plaut. *Capt.* 166: *hic qualis imperator nunc privatus est*; Cic. *Inv.* 2.92: *cum et id aetatis et privatus essem*

¹²⁵ Blösel W. *Imperia extraordinaria...* S. 45: «Wenn also die mit einem *imperium* betrauten *privati* nicht mehr als *amtlos* angesehen wurden...».

¹²⁶ Ср. замечание Ф. Вербата об использовании греческих аналогов латинских терминов *praetor prove consule* или *praetor prove praetore prove consule*: «Только мельчайшие детали спорного популярного законодательства требовали такой абсолютной ясности и подробностей, которые зафиксированы в сохранившихся фрагментах» (Vervae F.J. *The Praetorian Proconsuls...* P. 71).

et esset summa cum auctoritate et potestate imperator)¹²⁷, касаются не обязательно только промагистратов – они применимы к такому *imperator*, которым может быть и *magistratus*. Важнее то, что в сфере *militiae* различие между магистратами и промагистратами практически отсутствовало, и именно об этой сфере деятельности носителей публичной власти идет речь в обоих примерах. Это не случайно. Как иначе, кроме как через термин *privatus*, обозначить простого солдата по отношению к *imperator*, даже если последний мог оказаться промагистратом? С другой стороны, формальное описание *sine imperio privatus* в *lex coloniae Genetivae*, в отличие от обиходного словоупотребления, не зависело от контекста сравнения, хотя и было менее удобным для обозначения гражданина, не наделенного империем или иной публичной властью.

В отличие от законов, текст которых передают надписи, античные авторы иногда называют промагистратов *privati*, а иногда противопоставляют их (другим) *privati*. Однако исследователями недостаточно учитывается то обстоятельство, что в нарративной традиции нигде прямо не утверждается, что промагистраты *не* были *privati* (хотя подчеркивается, что они не являлись *magistratus*). Равным образом в источниках мы не встречаем полной триады *privati/qui imperium habent/magistratus*, существование которой постулирует Ф. Блэзель. Лишь последовательное появление всех трех элементов в рамках единой конструкции могло бы однозначно свидетельствовать о том, что промагистраты не относились ни к *privati*, ни к *magistratus*.

Античная традиция не знает «третьей категории» для обозначения промагистратов. Такие термины, как *proconsul*, окончательно закрепились лишь после падения *libera res publica*. Более того, как отмечалось во Введении, даже принцепсы, чей статус в гораздо большей степени не укладывался в «прокрустово ложе» дихотомии *privatus/magistratus*, продолжали описываться с ее помощью, а альтернативная система обозначений развивалась медленно, и даже она была основана на старом противопоставлении. Нет оснований

¹²⁷ Blösel W. *Imperia extraordinaria...* S. 44, Anm. 114.

полагать, что уже республиканские законы предусматривали такую третью категорию для промагистратов. Это маловероятно еще и потому, что в имперский период промагистратура все больше сближалась с магистратурой¹²⁸, а не оформлялась как самостоятельная категория, как следовало бы ожидать, если бы мы исходили из концепции В. Блэзеля.

«Непоследовательная», гибкая, зависящая от контекста терминология нарративной традиции помогает точнее понять значение устойчивого противопоставления *magistratus* и *qui imperium habent* в законах (это особенно важно, если не соглашаться с моей интерпретацией фразы *sine imperio privatus* в *lex coloniae Genetivae*). Поскольку античные авторы используют дихотомию *privatus/magistratus* даже в ущерб точности описания политической реальности (для которой триада *privatus/промагистрат/magistratus* была бы уместнее), то законы, представленные в эпиграфических текстах, тем более нужно интерпретировать в том смысле, что противопоставление промагистратов *magistratus* автоматически означало их формальное определение как *privati*.

В отличие от А. Джованнини, Ф. Дрогулы или В. Блэзеля, авторы специальных исследований о республиканской промагистратуре мало пишут о статусе промагистратов относительно *privati* и *magistratus*¹²⁹. Как отмечалось в §1.1 данной главы, внимание закономерно сосредоточено на таких аспектах, как империй промагистратов, военное командование и управление провинциями, а не на причастности промагистратов к политическому процессу в Риме (за исключением вопроса о предоставлении триумфа). Это неудивительно, поскольку промагистратура изначально была ответом на военные потребности. Источники почти исключительно сообщают о военных аспектах деятельности промагистратов. Поэтому как для античных авторов, так и для современных исследователей промагистратура выглядит скорее

¹²⁸ Mommsen Th. *Römisches Staatsrecht*. Bd. I. S. 645.

¹²⁹ Jashemski W.F. *The Origins...*; Carney T.F. *The Promagistracy at Rome...*; Develin R. *Prorogation of imperium...*; Buti I. *Appunti in tema di «prorogatio imperii»*, I... P. 2, 3; *considerazioni sul primo, sul secondo*. Больше внимания этому вопросу уделяют Х. Клофт (Kloft H. *Prorogation...*, особенно S. 13–15) и А. Далла Роза (Dalla Rosa A. *Ductu auspicioque...* P. 197).

разновидностью магистратуры или квази-магистратурой, ведь внимание концентрируется на сфере *militiae* и провинциальных делах, где различия между двумя типами должностных лиц действительно минимальны.

Даже исследователи, интересовавшиеся определением промагистратуры через дихотомию *privatus/magistratus*, не систематизировали случаи прямого, личного вмешательства промагистратов в «городские дела»¹³⁰. Это существенно повлияло на полученные результаты. Однако если сместить фокус нашего внимания на деятельность промагистратов в сфере *domi*, то фундаментальное отличие магистратуры от промагистратуры, а также нормативное отнесение всех промагистратов к числу *privati* становятся очевиднее. Парадокс в том, что наши возможности анализировать их деятельность как немагистратов и *privati* зависят от изучения исключительных случаев нелегитимного участия промагистратов в политическом процессе в Риме.

Такого рода случаи, хотя и редкие, все же наблюдаются. Особенно в последние десятилетия Республики могущественные промагистраты, такие как Помпей и Цезарь, стремились «продвигать собственную повестку» в сфере, в которой они не могли действовать в качестве должностных лиц. Незначительные технические различия между промагистратами и магистратами на «периферии» в «центре» превращались в значимые политические проблемы, еще не получившие в современной историографии должного внимания.

Обозначение промагистратов как магистратов в источниках сложно представить, если бы речь шла об их деятельности в Риме или об их попытках созвать сенат за его пределами, так как они не имели на это полномочий. В этом контексте более очевидно, что они не только не были *magistratus* в римском понимании, но и не являлись должностными лицами в современном

¹³⁰ Ср.: Vervaeke F.J. The High Command... P. 223. О значении личного присутствия для римской республиканской политической культуры в целом см., напр.: Hölskeskamp K.-J. Mythos und Politik – (Nicht Nur) in der Antike: Anregungen und Angebote der Neuen „Historischen Politikforschung“ // Historische Zeitschrift. 2009. Bd. 288. S. 44–48.

смысле. Парадоксально, но термин *privatus* – при всех трудностях, которые создает его употребление античными авторами, – довольно точно отражает эту грань римской политической реальности.

Нельзя отрицать, что промагистраты, хотя и не были магистратами в формально-правовом отношении, являлись должностными лицами (вне сферы *domi*). В политическом отношении их статус можно действительно считать промежуточным между *privatus* и *magistratus*. Но даже признавая, что в сфере *militiae* они действовали как магистраты (причем разница иногда была неочевидна даже для самих римлян), необходимо также учитывать, что прямое вмешательство промагистратов в сферу *domi* было принципиально иным явлением. Здесь они не могли официально использовать свою власть, хотя продолжали обладать ею (как и военной поддержкой) за пределами города, что неизбежно влияло на характер их действий в Риме, пусть и не на формально-правовом уровне.

Итак, нормативное отнесение промагистратов к числу *privati*, скорее, противоречило политической реальности в сфере *militiae*, но полностью соответствовало ей в сфере *domi*. Эта норма актуализируется именно в случаях вмешательства промагистратов в городские дела. При интерпретации сведений об этом, как я попытаюсь показать далее, тезис о том, что промагистраты формально относились к числу *privati*, остается единственным способом непротиворечиво объяснить терминологию источников.

§1.4. Промагистраты в сфере *domi*: правовые и практические ограничения

М. Тарпен пишет, что известен лишь один случай, когда «полный консульский империй», включая власть в сфере *domi*, был предоставлен промагистрату: в 211 г. империй проконсула Кв. Фульвия Флакка был приравнен к империи консулов, чтобы позволить Флакку сохранить свои

полномочия при пересечении городской границы Рима¹³¹. Вопреки мнению М. Тарпена, существует ряд других свидетельств такого рода легитимации вмешательства промагистратов в сферу *domi*, не говоря уже о случаях, когда они пытались лично повлиять на ситуацию в Риме без какой-либо санкции на это.

То, что промагистраты (как правило) не могли действовать в качестве должностных лиц в пределах городской границы, очевидно. Как отмечает Ф. Дрогула, промагистрат «был исключительно военным командиром, то есть таким полководцем, который не обладал гражданской властью или ответственностью в Риме»¹³². Именно это ограничение применения власти территорией за пределами Рима Т. Моммзен считал основным критерием определения должностного лица в качестве промагистрата¹³³. Соответственно, магистратом являлся тот, кому разрешалось иметь фаски и другие инсигнии в городе¹³⁴. Л. Ланге полагал, что, строго говоря, промагистраты не имели *potestas*, на обладании которой основывалась значительная часть действий должностного лица в Риме. Промагистраты также были лишены *auspicia urbana* и *imperium domi*. Их действия в провинциях осуществлялись в силу наличия у них *imperium militiae*¹³⁵. Согласно Х. Клофту, пророгированный империй действительно включал в себя задачи невоенного характера (такие как основание городов или строительство дорог¹³⁶), но промагистраты тем не

¹³¹ Tarpin M. *Imperium, Promagistrats et triomphe...* P. 272: «Il n'y a, en fait, qu'un seul exemple d'attribution d'un plein imperium consulaire (avec apparemment la composante *domi*) à un promagistrat: ce fut pour Q. Fulvius Flaccus, à titre temporaire, en 211». Liv. 26.9.10: cui ne minueretur imperium, si in urbem venisset, decernit senatus ut Q. Fulvio par cum consulibus imperium esset.

¹³² Drogula F.K. *Commanders and Command...* P. 212. Ср.: Herzog E. *Geschichte und System...* S. 617: «Die stärkste Garantie [против злоупотреблений со стороны промагистрата, – P.Ф.] aber suchte man in der Beschränkung auf das Gebiet der Kriegsführung...».

¹³³ Mommsen Th. *Römisches Staatsrecht*. Bd. I. S. 15–16. Также см. S. 637–638.

¹³⁴ Mommsen Th. *Römisches Staatsrecht*. Bd. I. S. 11. Также см.: Kloft H. *Prorogation...* S. 61–62.

¹³⁵ Lange L. *Römische Alterthümer*. Bd. I. S. 743.

¹³⁶ Kloft H. *Prorogation...* S. 66–67. О значении действий промагистратов для обеспечения Рима продовольствием см. Cic. *Verr.* 2.3.163–227; Ruffing K. Ein Fall von Politischer Getreidespekulation im Jahr 57 v. Chr. in Rom? // *Münstersche Beiträge zur Antiken Handelsgeschichte*. 1993. Bd. 12. S. 82. Другим видом деятельности промагистратов в сфере,

менее не обладали властью в сфере *domi*¹³⁷. В. Кункель отмечал, что все сферы деятельности за пределами Рима, где функционировали промагистраты, считались *militiae*, даже если они вовсе не включали непосредственное командование в войне. Это обстоятельство объясняет, почему промагистратура, несмотря на то, что являлась инструментом войны, легко находила применение при решении задач управления и юрисдикции¹³⁸.

Как уже отмечалось во Введении, Д. Эммелиус недавно поставил под сомнение значение померия для интерпретации механизма ограничений, налагаемых на промагистратов. Оспаривая представление о том, что померий являлся сакральной границей города, Д. Эммелиус справедливо подчеркивает, что политическое решение, а именно постановление сената (как в случае с проконсулом Кв. Фульвием Флакком в 211 г. или в эпизодах, связанных с предоставлением триумфа), было достаточным для снятия запрета на сохранение промагистратской власти в Риме¹³⁹. Действительно, это может свидетельствовать «против» представления о сакральном характере данного ограничения. Однако редкость случаев отмены запрета на империй промагистратов в городе (как в случае Флакка) либо его отмена исключительно с целью осуществления ритуальных процедур, а не по политически значимым мотивам (как в случае триумфа), ограничивают применимость характеристики эпизодов рассматриваемой диспенсации Д. Эммелиусом как «относительно

не связанной с военным командованием как таковым, является решение вопросов о предоставлении гражданства. О законах, которые позволяли носителям империя вознаграждать храбрость правами гражданства, см., напр.: *The Fragments of the Roman Historians*. Vol. 3 / Ed. T.J. Cornell. Oxford: Oxford University Press, 2013. P. 396–397. Примером может служить предоставление проконсулом Гн. Помпеем Страбоном гражданства отряду испанской конницы 17 ноября 89 г. *ex lege Iulia* (ILS 8888 = ILLRP 515). М. Тарпен полагает, что *lex Iulia*, упомянутый в этой надписи, «был особым законом, дававшим Помпею Страбону право делать храбрых союзников гражданами» (Tarpin M. *Strangers in Paradise. Latins (and Some Other non-Romans) in Colonial Context: A Short Story of Territorial Complexity // Roman Republican Colonization: New Perspectives from Archaeology and Ancient History* / Eds. T.D. Stek, J. Pelgrom. Rome: Palombi, 2014. P. 178, n. 126).

¹³⁷ Kloft H. *Prorogation...* S. 11.

¹³⁸ Kunkel W., Wittmann R. *Staatsordnung und Staatspraxis...* S. 17.

¹³⁹ Emmelius D. *Grenzen schreiben...* S. 222.

нетрудных» (*relativ unkompliziert*), «формально весьма простых политических решений» (*formal recht simple politische Entscheidungen*).

А. Джованнини высказал важное замечание по поводу исключения промагистратской власти из сферы *domi*. Решающее различие между магистратами и промагистратами в этом отношении заключалось не в том, что последние не могли пользоваться империем внутри померия, а в том, что они не могли созывать ни сенат, ни комиции даже вне померия, где они обладают властью¹⁴⁰. По мнению А. Джованнини, объяснение этому состоит в том, что промагистраты не обладают ауспициями, которые являются исключительным и определяющим атрибутом магистратов¹⁴¹. По-видимому, А. Джованнини имеет в виду все виды магистратских ауспиций, включая *bellica*, с чем трудно согласиться¹⁴². Еще Т. Моммзен, подчеркивая отсутствие у промагистратов *ius agendi* даже при нахождении *ad urbem*, указывал на то, что религиозные соображения не были решающей причиной такого положения дел. Т. Моммзен считал, что должно было установиться правило – либо посредством определенного закона, либо по обычаю – что тот, кому не разрешалось

¹⁴⁰ Giovannini A. *Consulare imperium*... P. 30, 36–37, 42–44. Ср.: Meyer E. *Römischer Staat und Staatsgedanke*... S. 126–127; Dalla Rosa A. *Ductu auspicioque*... P. 196, включая n. 33.

¹⁴¹ Ж.-Л. Феррари отмечает то же самое, когда обсуждает принципиальные недостатки проконсульского статуса Августа после 23 г. (Ferrary J.-L. *Les pouvoirs d'Auguste: l'affranchissement de la limite du pomerium // Rome, les Césars et la Ville aux deux premiers siècles de notre ère / Ed. N. Belayche. Rennes: Presses Universitaires de Rennes, 2001. P. 10–11, 13).*

¹⁴² О том, что промагистраты должны были иметь *auspicia militiae*, см.: Lange L. *Römische Alterthümer*. Bd. I. S. 743; Magdelain A. *Recherches sur l'«Imperium», la loi curiate et les auspices d'investiture*. Paris: Presses Universitaires de France, 1968. P. 51–57; Rüpke J. *Domus militia*... S. 47; Сморчков А.М. Религия и власть... С. 55, 450; Drogula F.K. *Commanders and Command*... P. 79–81, 211, n. 75, 220, n. 98; Dalla Rosa A. *Ductu auspicioque*..., особенно P. 211–212, 223; Berthelet Y. *Gouverner avec les dieux*... P. 157–168; Gargola D.J. *The Shape of the Roman Order*... P. 139. Ср., однако, Catalano P. *Contributi allo studio del diritto augurale*. Vol. 1. Turin: G. Giappichelli, 1960. P. 472–475 (делает акцент на эволюцию промагистратуры в течение времени); Vervaet F.J. *The High Command*... P. 346–349 (пишет о неоднородности промагистратов в рассматриваемом отношении). А. Далла Роза поддерживает замечание А. Джованнини о том, что промагистраты не созывали сенат и комиции даже вне померия. Однако, по мнению А. Далла Розы, причина заключалась в том, что они не имели городских ауспиций (Dalla Rosa A. *Ductu auspicioque*... P. 196, n. 33).

вступать во внутреннее пространство города в качестве магистрата, не мог осуществлять (магистратские) функции даже находясь *ad urbem*¹⁴³.

Если вслед за Ф. Дрогулой¹⁴⁴ считать, что *imperium domi* не существовал, то можно было бы сказать, что промагистраты наделялись империем, идентичным магистратскому, но не имели *potestas*¹⁴⁵. Однако такое рассуждение сталкивается с проблемой интерпретации власти проквесторов. Сами квесторы не имели империя. Следовательно, не имели его и проквесторы, если только не получали также статус *pro praetore*. В таком случае уже не получится согласиться с последующими рассуждениями Ф. Дрогулы (полагающему, что юрисдикция магистратов возникала на основании наличия *potestas* и обычно не подкреплялась империем) о том, что правовые полномочия промагистратов в провинциях «не проистекали из гражданской власти», несмотря на то что они использовали «такие же правовые формы, которые практиковались в Риме (например, эдикт)». Это «различие между юрисдикцией, осуществляемой посредством империя в сфере *militiae*, и юрисдикцией, основанной на *potestas* в сфере *domi*, создавало значительные трудности для полководцев в провинциях во II–I вв. Оно вынудило римлян постепенно разработать новый свод норм для регулирования власти командующих»¹⁴⁶. В эти рассуждения не вписывается случай проквестора без статуса *pro praetore*.

¹⁴³ Mommsen Th. *Römisches Staatsrecht*. Bd. I. S. 193: «Sie alle sind nicht bloss innerhalb des Pomerium, sondern auch vor den Mauern unfähig mit der Gemeinde zu verhandeln. Dabei sind nicht religiöse Bedenken massgebend gewesen, sondern es muss durch ein bestimmtes Gesetz oder auch durch Herkommen sich die Regel festgestellt haben, dass, wer den innern Raum der Stadt als Magistrat nicht betreten durfte, auch die Functionen *ad urbem* nicht versehen konnte».

¹⁴⁴ Drogula F.K. *Imperium...*; Drogula F.K. *Commanders and Command...* P. 85–105.

¹⁴⁵ Империй был одинаковым, но промагистраты, в отличие от магистратов, безвозвратно теряли его, когда пересекали городскую черту. Когда в чрезвычайной военной ситуации (Ганнибал у ворот Рима) 211 г. империй проконсула Кв. Фульвия Флакка был объявлен сенатом «равным» консульскому (Liv. 26.9.10; цит. выше), промагистрат, очевидно, получил возможность сохранять империй, несмотря на пересечение городской черты. Однако нельзя сказать, что он тем самым приобрел власть (будь то *imperium domi* или консульскую *potestas*) в сфере *domi*. Флакк действительно принимал участие в обсуждениях консулами и сенатом *de summa re publica*, но дела эти фактически касались только военной ситуации, в принципе относившейся к компетенции промагистрата.

¹⁴⁶ Drogula F.K. *Commanders and Command...* P. 61–62.

Но даже если ставить под сомнение концепцию Ф. Дрогулы, по-прежнему справедливо его наблюдение о том, что, хотя «некоторые командующие сохраняли империй и годами оставались у городских стен в ожидании триумфа», они никогда не пытались осуществлять судебную власть¹⁴⁷. Ф. Дрогула также ссылается на *lex de provinciis praetoriis* (ок. 100 г.), который предписывает вновь назначенному наместнику Македонии урегулировать вопросы налогообложения, заключения союзов и т.д., а также «устанавливает, что, если имеющий ранг претора наместник Азии или Македонии сложит свои полномочия, он сохраняет право осуществлять гражданские судебные функции вплоть до возвращения в Рим». Исследователь делает вывод о том, что до принятия этого закона «не допускалось и не являлось обычной практикой, чтобы военные командиры, оставившие *provincia* (в сфере *militiae*), продолжали осуществлять юрисдикцию (предположительно в сфере *domi*)». Как полагает Ф. Дрогула, данный закон устанавливал, что промагистраты «могли продолжать осуществлять юрисдикцию *domi*, даже утратив магистратуру или командование *militiae*»¹⁴⁸. Хотя я не думаю, что подразумеваемую здесь юрисдикцию можно однозначно отнести к сфере *domi*¹⁴⁹, в целом соглашусь с Ф. Дрогулой в том, что прерогативы промагистратов в провинциях, даже вполне выглядевшие как

¹⁴⁷ Drogula F.K. *Commanders and Command...* P. 62.

¹⁴⁸ Drogula F.K. *Commanders and Command...* P. 289–290, также см. P. 62.

¹⁴⁹ Как верно замечает Д. Рафферти, в законе «...большая часть гражданских полномочий магистрата явно закреплена за проконсулами: фактически, представленный список, как кажется, охватывает все гражданские полномочия магистрата, за исключением возможности созыва сената или народа» (Rafferty D. *Provincial Allocations...* P. 218–219). Но это вряд ли доказывает, что «за указанными исключениями промагистраты подобно магистратам могли в полной мере пользоваться своим империем как в сфере *domi*, так и в сфере *militiae*». Ср.: «То, что промагистраты пользовались империем в гражданских делах, вызывает сомнения, но свидетельства *lex de provinciis praetoriis* вполне ясны» (Rafferty D. *Provincial Allocations...* P. 21). В законе приводится конечный список «гражданских» полномочий, использование которых, к тому же, строго ограничено первоначальными провинциями этих должностных лиц в сфере *militiae* (ὡς ἐν ἐπιταγῇ; Roman Statutes / Ed. M.H. Crawford... P. 266: «presumably mandata»). Соответственно, в этот список, разумеется, не входит право созыва сената или народа в Риме (о прочих ограничениях см.: Eberle L.P. *Law, Land, and Territories: The Roman Diaspora and the Making of Provincial Administration*. Diss. 2014. P. 81–82).

гражданские, регулировались принципиально иначе, чем аналогичные полномочия магистратов в Риме.

Не имевшие, очевидно, *potestas contionandi* в сфере *domi*¹⁵⁰, промагистраты, конечно, могли быть приглашены магистратом выступить на официальной гражданской *contio* за городской чертой, но подобные случаи редки¹⁵¹. Выступления промагистратов обычно касались их военных задач как носителей империя, и даже это происходило нечасто¹⁵². В тех нескольких случаях, в которых промагистраты затрагивали вопросы, находившиеся за пределами их прямых обязанностей, античные источники обычно не упоминают магистратов, которые могли бы их пригласить, создавая впечатление, что промагистраты сами организовывали гражданские собрания или, по крайней мере, инициировали процесс¹⁵³. Именно эти случаи представляют для меня особый интерес в данной главе.

Таким же образом промагистраты могли участвовать в заседаниях сената *ad urbem*¹⁵⁴, высказываясь по любым вопросам наравне с прочими сенаторами (правда можно еще предположить, что они не выступали в обычном порядке и, подобно магистратам, «могли взять слово в любой момент, если никто другой из сенаторов не говорил»)¹⁵⁵. Однако, как будет показано ниже, в

¹⁵⁰ Ср.: Pina Polo F. *Contra arma verbis*... S. 178, n. 1.

¹⁵¹ Ср.: Pina Polo F. *Contra arma verbis*... S. 178–182.

¹⁵² Так, в 209 г. в цирке Фламиния проконсул М. Клавдий Марцелл успешно отстоял от нападения плебейского трибуна право на командование (Liv. 27.21.1–4; Plut. *Marc.* 27). Речи по случаю триумфа во многих случаях произносились уже после того, как должностное лицо переставало быть промагистратом (источники и дискуссию см.: Pina Polo F. *Las contiones*... P. 147–150, особенно P. 148, а также 269, n. 143, 270, n. 149, 275, n. 172, 281, n. 207, 295, n. 277). Неясно, выступали ли П. Корнелий Сципион Эмилиан Африканский в 131/130 г. (Pina Polo F. *Las contiones*... P. 278, n. 189) и Кв. Цецилий Метелл Нумидий в 107 г. (Pina Polo F. *Las contiones*... P. 281, n. 205; Pina Polo F. *Contra arma verbis*... S. 178) с речами, будучи еще проконсулами или уже после того, как сложили свой империй. О других гражданских *contiones*, в которых принимали участие промагистраты, см. ниже в данной главе.

¹⁵³ Однако выступление проконсула Цезаря на *contio*, созванной трибуном П. Клодием Пульхром в 58 г. в связи с *lex Clodia de capite civis Romani*, имело значительный резонанс даже без того, чтобы проконсул проявил собственную инициативу в «городских делах» (Plut. *Cic.* 30; Cass. Dio 38.17.1–2; также ср. речь проконсула Помпея на *contio*, созванной П. Корнелием Лентулом Спинтером в 57 г.: Cic. *Sest.* 107; *Pis.* 80; *Red. sen.* 26; *Red pop.* 16).

¹⁵⁴ Ср., напр.: Bonnefond-Coudry M. *Le Sénat*... P. 269–274, 466–467.

¹⁵⁵ Shackleton Bailey D.R. *Cicero: Epistulae ad Familiares*. Vol. 1.... P. 297, 393.

некоторых случаях промагистраты явно выходили за рамки своей обычной роли, несмотря на соблюдение элементарных формальных ограничений (правила о том, что заседания сената должны проводиться *ad urbem* и созываться магистратом или плебейским трибуном).

Помимо формального запрета действовать в качестве должностных лиц в сфере *domi* даже за пределами границы города Рима, на практике оказывалось так, что промагистраты обычно были заняты войной и – все чаще и чаще – управлением отдаленными провинциями, что уже на практике исключало возможность регулярного взаимодействия с политическими акторами в Риме. Характерно, что Сулла был вынужден полагаться на консула Гн. Октавия в городских делах, когда, будучи проконсулом, вел войну с Митридатом (Cass. Dio 30–35.102.2). Переписка проконсула Цицерона с сенатом тоже показывает ограниченность возможностей вмешательства промагистратов в процесс принятия решений в Риме (Cic. *Fam.* 15.1, 15.2)¹⁵⁶. Но наиболее показателен пример проконсула Цезаря¹⁵⁷. Даже когда промагистрат находился ближе к Риму и/или активно использовал неформальные связи в сенате и значительные финансовые ресурсы для оказания влияния на городскую политику (как Цезарь и Помпей), они, как правило, не имели возможности лично вмешиваться в этот процесс. Так, во время процесса Скавра в 54 г. многие давали показания письменно, «поскольку отсутствовали, в том числе и Помпей, который как проконсул ожидал за пределами города» (Asc. 28C). В Риме, где личное присутствие было обязательным условием любой самостоятельной политической инициативы,

¹⁵⁶ Также ср. фрагменты *Fam.* 10.8, 12.15 и сведения об официальных письмах промагистратов в сенат, собранные в работе: White P. *Cicero in Letters: Epistolary Relations of the Late Republic*. Oxford: Oxford University Press, 2010. P. 215, n. 8.

¹⁵⁷ Cass. Dio 38.9.1; Plut. *Pomp.* 58; Ramsey J.T. *The Proconsular Years: Politics at a Distance // A Companion to Julius Caesar* / Ed. M. Griffin. Oxford: Wiley-Blackwell, 2009. P. 37–56. Также ср. ситуацию проконсула Помпея в период борьбы против Сертория в Испании (§1.5 данной главы).

такая «политика на расстоянии» едва ли могла служить полноценной заменой обычных политических практик¹⁵⁸.

Тем не менее, отдельные случаи прямого личного вмешательства промагистратов в «городскую политику» все же можно обнаружить. Следует признать, что они не привлекли специального внимания исследователей по веским причинам: не только из-за преобладающего интереса антиковедов к военной и административной деятельности промагистратов в провинциях, а не к их участию в том, что происходило в городе Рима, но и потому, что в некоторых случаях требуется сначала установить, имеют ли соответствующие эпизоды вообще отношение к промагистратуре.

Случаи личного вмешательства промагистратов в сферу *domi* не должны удивлять. Как отмечает Х. Клофт, на практике промагистратура развилась в самостоятельный институт наряду с обычными магистратурами¹⁵⁹. Т. Моммзен делал оговорку о том, что различие между этими двумя типами должностных лиц всегда было «прежде всего номинальным»¹⁶⁰. Л. Ланге тоже подчеркивал, что на практике различие между консулами и проконсулами не было столь существенным¹⁶¹. Но, пожалуй, важнее всего то, что наиболее влиятельные римские политики оставались промагистратами гораздо более длительное время, чем занимали магистратуры. Возникало противоречие между их реальной военной властью (а значит, и финансовым, социальным, политическим влиянием) и формальной неспособностью действовать в сфере

¹⁵⁸ Ср. с необходимостью личного вмешательства для эффективного применения права интерцессии или с последствиями неспособности Бибула, коллеги Цезаря по консулату, публично выступать на форуме в качестве высшего должностного лица (см. гл. 3, §5.3). Конечно, все это не исключает возможности того, что действие на расстоянии иногда оказывалось более успешным, чем личное участие. Но когда, например, Дион сообщает именно о такой ситуации в связи с участием Помпея в суде над Габинием, он оценивает как в высшей степени неожиданный первоначальный успех проконсула Помпея, достигнутый, когда он еще не был в Риме, сравнивая этот успех с неудачей, постигшей его, когда он уже находился *ad urbem* «и, можно сказать, на самом суде» (Cass. Dio 39.55.6; также см. Cic. *Q.fr.* 3.2.1, 3.3.3, 3.4.1, 3.9.3). Даже в этом случае физическое отсутствие Помпея в важнейших локусах политического процесса оставалось важным фактором, влиявшим на исход дела (Cass. Dio 39.62.2).

¹⁵⁹ Kloft H. *Prorogation...* S. 75.

¹⁶⁰ Mommsen Th. *Römisches Staatsrecht*. Bd. I. S. 645.

¹⁶¹ Lange L. *Römische Alterthümer*. Bd. I. S. 743.

domi. В античных источниках прослеживается устойчивое стремление подчеркнуть, что любой промагистрат строго говоря являлся *privatus*. Это нормативное различие между магистратами и промагистратами сохраняло (или, наоборот, впервые начинало приобретать) реальную значимость в политической борьбе ближе к концу существования Республики.

Как проявлялось влияние формального статуса промагистратов как *privati* в их политической деятельности в сфере *domi*? Какие конкретные обстоятельства делали их вмешательство возможным? Обсуждение этих вопросов важно не только для интерпретации относительно небольшого числа исключительных случаев. Оно способствует пониманию того, как неформальное политическое влияние обладателей промежуточных статусов между *privati* и *magistratus* могло находить пути для публичного выражения. Наконец, случаи прямого вмешательства промагистратов в сферу *domi* могут рассматриваться в качестве первых попыток преодолеть фундаментальное ограничение промагистратской власти и быть поэтому сопоставлены с тем фактом, что Август получил право сохранять консульский империй *in urbe* как проконсул, то есть как *privatus*.

§1.5. Публичная речь, политическая угроза и гражданская война: промагистраты *ad urbem* в период до конца 60-х гг. до н.э.¹⁶²

Как уже отмечалось, римляне, безусловно, допускали, что промагистраты уполномочены осуществлять некоторые индивидуальные политические действия при нахождении поблизости от города Рима. Однако обычно такого рода активность промагистратов либо являлась ответом на инициативы других акторов (чаще всего речь шла о просьбах высказать свое

¹⁶² Некоторые выводы параграфа опубликованы в работе: Frolov R M. The *privatus* Pompeius and Decision-Making in the City of Rome in Early 77 BCE // *Eirene – Studia Graeca et Latina*. 2021. Vol. 57(1–2). P. 217–244.

мнение на *contio*), либо представляла собой технические, предсказуемые, почти автоматические действия, такие как запрос о триумфе.

Однако помимо таких ситуаций всегда существовала возможность, что при определенных обстоятельствах промагистрат сможет использовать свой империй за пределами установленных для него ограничений, по собственному усмотрению и не дожидаясь инициативы со стороны других участников политического процесса. Не случайно Кассий Дион сравнил пребывание проконсула Гн. Помпея *ad urbem* с целью повлиять на исход процесса Габиния в 54 г. с его появлением «в самом зале суда» (39.55.6; ср. 39.62.2; 39.63.2).

Валерий Максим пишет, что «перед проведением триумфа полководец по обычаю приглашает консулов на обед, а затем просит отказаться от прихода, чтобы в тот день, в который он празднует триумф, на упомянутом пиршестве не было никого с большей властью» (Val. Max. 2.8.6; пер. А.М. Сморгкова)¹⁶³. Этот фрагмент часто цитировался в дискуссиях об *imperium maius* и отвергался как частично ошибочный или отражающий скорее имперскую, чем республиканскую практику. Пассаж также интерпретировался как важное свидетельство исключительной роли триумфатора¹⁶⁴. Х.С. Верснель выступил «против» тезиса о том, что описываемый обычай имеет имперское происхождение. Он «очевидно восходит к периоду, когда промагистраты могли праздновать триумф после победы», но Валерий Максим все же допустил ошибку. «Не консулы, а триумфатор-промагистрат обладал *maius imperium*». Трудность заключалась в том, что промагистрат должен был сохранять свой империй на день триумфа, но «триумф шел дальше. В этом случае промагистрат обладал империем, который как *imperium militare* был “сильнее”, чем у консулов». «*Imperium maius* триумфатора ... не должен был “ослабляться” присутствием других носителей империя, равных ему с

¹⁶³ *moris est ab imperatore ducturo triumphum consules invitari ad cenam, deinde rogari ut venire supersedeant, ne quis eo die quo ille triumpharit maioris in eodem convivio sit imperii.*

¹⁶⁴ Ср.: Staveley E.S. *The fasces...* P. 476–477; Drogula F.K. *Commanders and Command...* P. 194–195.

конституционной точки зрения»¹⁶⁵. В целом это объяснение представляется убедительным. Однако Х.С. Верснель недооценил тот факт, что в рассматриваемой ситуации промагистрату разрешалось использовать свою власть так, как если бы он был магистратом, причем делать это в самом городе: триумфальные пиршества происходили на Капитолии¹⁶⁶. Таким образом, помимо вопросов, связанных с определением того, чей империй был «сильнее» (в каком бы то ни было отношении¹⁶⁷), особенность этой ситуации состояла в том, что промагистрат получал право действовать *in urbe* как носитель империя, и именно в этом качестве он участвовал в пиршестве. По этой причине ведущая роль консулов в государстве и в городе оказывалась под вопросом, поскольку триумфатор-промагистрат мог действовать как равный им (или, если следовать Х.С. Верснелю, даже превосходя их) в сфере *domi*.

Данный пример относится в большей степени к перформативному аспекту политики, но все же демонстрирует не только степень значимости регулирования градаций престижа для римлян, но и, как представляется, показывает, что даже ограниченное, церемониальное разрешение промагистрату действовать в сфере *domi* (на Капитолии) воспринималось как реальный вызов власти действующих высших магистратов.

Вскоре после описания первого случая пророгации и задолго до того, как она стала регулярной процедурой, источники сообщают о проконсуле, получившем возможность преодолеть границы применения полномочий, предусмотренных для промагистратов. Как уже отмечалось выше, в 211 г. империй проконсула Кв. Фульвия Флакка был приравнен к империи консулов, чтобы позволить Флакку сохранить власть при пересечении городской границы (Liv. 26.9.10). Однако важно еще раз подчеркнуть, что это была исключительно военная мера, вызванная чрезвычайными обстоятельствами — наступлением Ганнибала на Рим.

¹⁶⁵ Versnel H.S. *Triumphus*... P. 390–391.

¹⁶⁶ Beard M. *The Roman Triumph*. Cambridge, MA; London: The Belknap Press of Harvard University Press, 2007. P. 262.

¹⁶⁷ Ср.: Beck H. *Consular Power*... P. 77–78, 96.

Более релевантной для нас является знаменитая речь П. Корнелия Сципиона, произнесенная годом позже, в 210 г., в связи с его назначением проконсулом¹⁶⁸. Хотя Ф. Пина Поло делает предположение о том, что кто-то из числа магистратов созвал эту *contio* для Сципиона¹⁶⁹, показательно, что имя этого должностного лица не называется. Действительно, важнее было то, что сказал сам Сципион, а не кто формально применил *potestas contionandi*. Причина, по которой Ф. Пина Поло полагает, что другое должностное лицо созвало *contio* для Сципиона, заключается в том, что проконсулы не имели права организовывать народную сходку для обращения к гражданам в Риме, хотя могли созывать *contio* своих солдат¹⁷⁰.

Использование Ливием выражения *advocata contione* уже делает ситуацию с определением того, кто был организатором, неясной, в то время как фраза Аппиана даже более однозначно показывает, что именно проконсул созвал собрание: ἐς ἐκκλησίαν αὐθις αὐτοὺς συνεκάλει (но ср. Zonar. 9.7.1: ἦλθεν αὐθις εἰς τὸ κοινὸν καὶ ἐδημηγόρησε).

Даже если мы сомневаемся в том, что Сципион действительно созвал гражданскую *contio*, интерес представляет само содержание речи, приписываемой ему. Вместо ожидаемого обсуждения военных вопросов он говорил о внутривосточных делах – своем назначении вопреки молодому возрасту. Однако Сципиона избрали командовать армией, а не оценивать решения сената и народа¹⁷¹. Следовательно, его выступление, передаваемое

¹⁶⁸ Liv. 26.19.1–2; App. *Hisp.* 18; Zonar. 9.7. Ср. Sil. *Pun.* 15.157–163.

¹⁶⁹ Pina Polo F. *Las contiones...* P. 266, n. 122.

¹⁷⁰ Pina Polo F. *Las contiones...* P. 47; ср.: Appian. *Wars of the Romans in Iberia* / Ed. J.S. Richardson. Warminster: Aris & Phillips, 2000. P. 121.

¹⁷¹ Ср.: Vervaeke F.J., Naco Del Hoyo T. *War in Outer Space: Nature and Impact of the Roman War Effort in Spain, 218/217–197 BCE // The Impact of the Roman Army (200 BC – AD 476): Economic, Social, Political, Religious and Cultural Aspects* / Eds. L. de Blois, E. Lo Cascio. Leiden; Boston: Brill, 2007. P. 25: «Сенат, вероятно, также надеялся предотвратить любые возможные народные волнения по поводу назначения другого главнокомандующего для Испании, ожидая, что более “консервативные” *comitia centuriata* обеспечат назначение опытного военачальника. Это мнение подкрепляется тем фактом, что Сципиону пришлось отстаивать свое избрание перед *contio* после того, как ряд влиятельных старших сенаторов высказали серьезные сомнения в его пригодности»; P. 31: «Сципион решил созвать дополнительную *contio*, чтобы укрепить свои позиции».

нарративной традицией, явно выходило за рамки полномочий проконсула. Речь Сципиона (даже если оспаривать ее историчность) описывается таким образом, что проконсул по собственной инициативе оказывается в центре политического процесса.

Нас интересуют как раз те детали, которые вызывают более всего сомнений¹⁷². В любом случае, действия Сципиона нельзя сопоставить с действиями проконсулов поздней Республики. Прежде чем перейти в следующих параграфах данной главы к анализу продолжительного пребывания проконсула Помпея у городских стен и деятельности проконсула Цезаря в Италии в 49 г., я рассмотрю три более ранних эпизода, в которых промагистраты (включая Помпея на раннем этапе карьеры) пытались использовать свое положение – и свои армии – для получения нужных им решений от политических институтов Республики.

В 77 г. М. Эмилий Лепид, консул 78 г., двинулся на Рим, имея статус проконсула и якобы требуя второго консульства подряд¹⁷³. По крайней мере, так представлял дело его противник Л. Марций Филипп в передаче Саллюстия¹⁷⁴. Как отмечал П. Бёртон, сообщение о том, что Лепид требовал второго консульстве отчасти объясняется его опасениями «оказаться как простой проконсул на вторых ролях по сравнению с консулом 77 г.»¹⁷⁵. Для реализации своей программы (восстановление прав италиков, лишенных Суллой имущества и гражданства) Лепиду требовалось больше времени, так

¹⁷² Так, В. Блэзель полагает, что можно представить речь Сципиона *de aetate sua imperioque mandato et bello, quod gerundum esset* произнесенной в сенате, но не на *contio* (Blösel W. Die „Wahl“ des P. Cornelius Scipio zum Prokonsul in Spanien im Jahr 210 v. Chr. // *Hermes*. 2008. Bd. 136. S. 334).

¹⁷³ Мнение о том, что Лепиду были назначены как Трансальпийская, так и Цизальпинская Галлия, см.: Badian E. *Foreign Clientelae*... P. 275. «Против» этого тезиса см.: Rafferty D. *Provincial Allocations*... P. 175–176. Также ср.: Broughton T.R.S. *The Magistrates of the Roman Republic*. Vol. 2... P. 89; Burton P. *The Revolt of Lepidus (cos. 78 BC) Revisited* // *Historia*. 2014. Bd. 63. P. 404, n. 1.

¹⁷⁴ Burton P. *The Revolt of Lepidus*... P. 404–405; Циркин Ю.Б. Восстание Лепида // *Античный мир и археология*. 2009. Вып. 13. С. 234. О Филиппе см.: Короленков А.В. Луций Марций Филипп в годы первой гражданской войны в Риме // *Вестник древней истории*. 2018. № 1. С. 13–27.

¹⁷⁵ Burton P. *The Revolt of Lepidus*... P. 419–420.

как его планы были пока лишь «пунктирно обозначены в год его консульства»¹⁷⁶. Этот важный вывод напоминает нам о том, что промагистратура (в случае влиятельного проконсула Галлии Лепида), с одной стороны, могла дать ресурсы для вмешательства в политический процесс в Риме, но с другой – не обеспечивала легитимности и устойчивости такого вмешательства. Иными словами, проконсулу Лепиду снова потребовался консулат.

Артикулируется ли в источниках эта взаимосвязь между магистратурой и промагистратурой? Показательно свидетельство Саллюстия. В речи Филиппа противопоставляется период, когда Лепид использовал *privata arma* (*Hist.* 1.67.6 McGushin, Ramsey), времени, когда он стал проконсулом (*Hist.* 1.67.7 McGushin, Ramsey: *nunc est pro consule cum imperio*). Но характеристика *privata arma* может относиться только к 78 г., когда Лепид был консулом. Следовательно, контраст в этом случае был не между *privatus* и промагистратом (что противоречило бы предложенной мной выше концепции), а между магистратом, действовавшим без санкции сената, и промагистратом, имевшим санкцию сената (до определенного момента)¹⁷⁷.

Ключевым для интерпретации рассматриваемой ситуации является *senatus consultum ultimum*, предложенный Филиппом: «...поскольку М. Лепид вместе с негодями и врагами Республики войско, набранное по частной инициативе, вопреки авторитету этого сословия ведет на город...»¹⁷⁸. Как подчеркивает П. Бёртон, «когда Филипп призывает сенат издать чрезвычайное постановление, все, что он может вменить Лепиду – это то, что он ведет войско к городу»¹⁷⁹. Но поскольку он делает это *privato consilio*, проконсул представляет угрозу. Как напоминает Ж. Иллегуар, помимо прямого указания

¹⁷⁶ Burton P. The Revolt of Lepidus... P. 418.

¹⁷⁷ Sallust. The Histories / Ed. P. McGushin. Vol. 1. Oxford: Clarendon Press, 1992. P. 136; Sallusti Crispi Historiae I / Hrsg. A. La Penna, R. Funari... P. 254–255.

¹⁷⁸ *Hist.* 1.67.22 McGushin, Ramsey: ...*quoniam <M.> Lepidus exercitum privato consilio paratum cum pessumis et hostibus rei publicae contra huius ordinis auctoritatem ad urbem ducit...*

¹⁷⁹ Burton P. The Revolt of Lepidus... P. 419. Также см.: Sallusti Crispi Historiae I / Hrsg. A. La Penna, R. Funari... P. 291–292.

на отсутствие санкции из Рима слова *consilium* и особенно *privato consilio* также подчеркивают инициативу актора¹⁸⁰. Более того, в речи Филиппа тезис о самостоятельных действиях *inquietus*¹⁸¹ Лепида дополняется указанием на бездействие, инертность и безынициативность сената¹⁸². Упоминания о *hostes rei publicae* и намерении Лепида свергнуть власть сената служат дополнительными аргументами¹⁸³. Таким образом, чтобы убедить в необходимости принятия SCU, когда непосредственная угроза еще не очевидна, Филипп в рассказе Саллюстия подчеркивает два момента: что проконсул действует по собственной инициативе и что он стремится установить контроль над Римом (ср. *Hist.* 1.67.10 McGushin, Ramsey: *ferro atque flamma urbem invadat*).

Как уже отмечалось, современные исследователи нередко стремятся найти дополнительное объяснение тому, почему античные источники используют термин *privatus* по отношению к промагистратам. В данном случае тоже выдвигалось предположение, что Филипп мог обозначить действия Лепида как совершенные *privato consilio* лишь потому, что намеренно поставил под сомнение его статус законного проконсула. Так, К. Моравски усмотрел «противоречие» между вполне легитимным, официальным статусом Лепида – сначала консула, затем проконсула – и тем, что Саллюстий употребляет

¹⁸⁰ Hellegouarc'h J. *Le vocabulaire latin*... P. 254, включая n. 5, 256; Sallusti Crispi *Historiae* I / Hrsg. A. La Penna, R. Funari... P. 292–293.

¹⁸¹ *Hist.* 1.67.11 McGushin, Ramsey (см. комментарий: Sallusti Crispi *Historiae* I / Hrsg. A. La Penna, R. Funari... P. 129–130; Labruna L. *Il console «sovversivo»*. Marco Emilio Lepido e la sua rivolta. Napoli: Liguori, 1975. P. 75–76). Ср. *Gran. Lic.* 36.44: *nam erat natura turbulentus et inquietus*. Эта фраза указывает, как мне представляется, не столько на то, что Лепид был «беспокойным», сколько на то, что он действовал энергично, проявлял способность инициировать что-то новое (см.: Sallusti Crispi *Historiae* I / Hrsg. A. La Penna, R. Funari... P. 232–233; Heredia Chimeno C. Plutarco y Marco Emilio Lépidos (cos. 78 a.C.) // *Latomus*. 2020. T. 79. P. 669).

¹⁸² *Hist.* 1.67.3 McGushin, Ramsey (*retractantes*; Sallusti Crispi *Historiae* I / Hrsg. A. La Penna, R. Funari... P. 245), 14 (*quid expectatis?*; Sallusti Crispi *Historiae* I / Hrsg. A. La Penna, R. Funari... P. 270–271), 17 (*cunctando*; Sallusti Crispi *Historiae* I / Hrsg. A. La Penna, R. Funari... P. 278–279), 19 (*si tanta torpedo animos oppressit*; Sallusti Crispi *Historiae* I / Hrsg. A. La Penna, R. Funari... P. 284). Ср.: Labruna L. *Il console «sovversivo»*... P. 57 (об использовании *καθεύδειν* в пассаже *Plut. Pomp.* 15.2; ср.: Heredia Chimeno C. Plutarco y Marco Emilio Lépidos... P. 680).

¹⁸³ Sallusti Crispi *Historiae* I / Hrsg. A. La Penna, R. Funari... P. 292.

выражения *privata arma* и *privato consilio* при описании его действий: *Nam omnimodo minus apte conveniunt ad Lepidum, utpote qui consul fuerit et pro consule, non homo privatus*¹⁸⁴.

Г. Перль подчеркивает то же самое: Лепид был проконсулом, а не *privatus*, и на тот момент оставался легитимным полководцем. Г. Перль объясняет выбор Саллюстием «фактически неверных выражений» («Sallust dem Philippus die sachlich nicht zutreffenden Worte in den Mund legt»), связывая их с Филиппиками Цицерона и предполагая, что Саллюстий стремился обязательно уподобить Лепида образу Октавиана (тоже действовавшего *privato consilio*) у Цицерона¹⁸⁵. Однако вряд ли последующие рассуждения Г. Перля (предмет которых выходит за рамки данного исследования) могут опираться на этот вывод, учитывая, что параллели между Лепидом в 77 г. и Октавианом, мягко говоря, небесспорны. Это полностью признает и сам Г. Перль¹⁸⁶. Его аргумент неприемлем еще и потому, что термин *privatus* технически мог относиться к любому промагистрату (см. выше). Кроме того, Лепид – не просто очередной проконсул. Филипп говорит, что Лепид, во-первых, намерен вести войско без разрешения, а во-вторых – против самого Рима. Никто не поручал ему каких-либо задач в городе или его окрестностях. Действительно, он был легитимным полководцем, но его полномочия не имели отношения к Риму и *res urbanae*.

Интерпретации, предложенные К. Моравски и Г. Перлем, нельзя принять не только по общим основаниям. Мы точно знаем, что слова Филиппа в передаче Саллюстия не могут означать, что нынешний статус Лепида не

¹⁸⁴ Morawski C. De oratione Philippi apud Sallustium // Eos. 1911. Vol. 17. P. 139.

¹⁸⁵ Perl G. Sallust und die Krise der Römischen Republik // Philologus. 1969. Bd. 113. S. 212–215; Perl G. Sallusts politische Stellung (Zur *oratio Philippi* aus den *Historiae*) // Wissenschaftliche Zeitschrift der Universität Rostock. 1969. Bd. 18. S. 388–389.

¹⁸⁶ Perl G. Sallust und die Krise... S. 212–215. Г. Перль сравнивает Лепида с М. Антонием в 44–43 гг., но затем отказывается от этого сопоставления и переходит к сравнению Лепида с Октавианом, несмотря на очевидную неубедительность такой связки, как справедливо подчеркивает сам исследователь («...scheint Sallust allerdings die Parallele weiter geführt zu haben, als sie tatsächlich zutraf»; Perl G. Sallusts politische Stellung... S. 385). Также см. ниже о взглядах Э. Пасоли.

соответствует каким-либо нормам. Напротив, он прямо признает его полную легитимность (Hist. 1.67.7 McGushin, Ramsey: nunc est pro consule cum imperio non empto sed dato a vobis; также см. 1.67.4: provinciam cum exercitu¹⁸⁷). М. МакГашин замечает, что «утверждение Филиппа об exercitum privato consilio paratum неточно описывает войско Лепида и противоречит его же словам о законности полномочий Лепида в §§ 4 и 7»¹⁸⁸. На мой взгляд, противоречия здесь нет. Подчеркивая «частный» статус Лепида, Филипп напоминал аудитории не о его формальном положении, а о другом аспекте: о том, что этот проконсул вторгается в сферу, где он как должностное лицо не имел полномочий, и потому может только силой оружия пытаться принуждать сенат, народ и магистратов подчиниться его воле. Акцент на движении Лепида на Рим, как верно замечает П. Бёртон, – единственное, в чем Филипп может его обвинить. Но, с другой стороны, этого более чем достаточно, чтобы объявить действия проконсула противозаконными.

Фактически, аргумент, близкий к моему (хотя и не идентичный), уже выдвигался Э. Пасоли. Он предположил, что использование Саллюстием выражения privato consilio не является противоречивым. Положение Лепида сопоставимо не с положением Октавиана, а скорее с таковым у М. Антония, который был консулом, а затем проконсулом в 44–43 гг.¹⁸⁹.

В ответ на это замечание Э. Пасоли и настаивая на параллели с Октавианом, М. МакГашин указывает, что «Саллюстия интересует не столько точность аналогии, сколько подчеркивание того, что так называемые защитники республиканского строя действовали в конституционных рамках»¹⁹⁰. Однако я не вижу, как это замечание может опровергнуть аргумент Э. Пасоли. Более того, если мы согласимся с тем, что Саллюстий

¹⁸⁷ Gusso M. *Politica, istituzioni e interregnum nel 77 a.c.* // *Rivista di Cultura Classica e Medioevale*. 2001. Vol. 43. P. 54, n. 46. Неточно у Л. Лабруны (Labruna L. *Il console «sovversivo»...* P. 56, 63, 77: «magistrato con *imperium*»).

¹⁸⁸ Sallust. *The Histories* / Ed. P. McGushin. Vol. 1... P. 146. Также ср.: Циркин Ю.Б. *Восстание Лепида...* С. 235.

¹⁸⁹ Pasoli E. *Privato consilio (e privata arma)* in Sallustio // *Giornale Italiano di Filologia*. 1970. Vol. 22. P. 65–70.

¹⁹⁰ Sallust. *The Histories* / Ed. P. McGushin. Vol. 1... P. 147.

действительно интересуется чьим-либо «поведением в конституционных рамках», то странно предполагать, что его не волнует «точность аналогии».

Э. Пасоли приходит к выводу, что фраза *privato consilio* – как и *privata arma* – относится не к полномочиям Лепида в строго юридическом смысле, а показывает осуждение произвольного или даже противозаконного использования тех прерогатив, которыми он был официально наделен¹⁹¹. Эта точка зрения убедительна, хотя Э. Пасоли все же исходит из ошибочного представления о том, что проконсула нельзя было назвать *privatus*. Однако, как и в случае с *ιδιωταί* у Плутарха (*Cat. Min.* 45.3), намеренное употребление Саллюстием этого слова в сочетании с *consilium* имеет важное значение.

Можно возразить, что Саллюстий не называет Лепида прямо *privatus*, а лишь описывает его как действовавшего *privato consilio*. Действовать *privato consilio* – не то же самое, что действовать в качестве *privatus*. Но действительно ли это различие принципиально в данном случае? Полагаю, что ответ на этот вопрос должен быть отрицательным. Э. Пасоли упускает из виду, что в случае Лепида (как и позднее Помпея, см. ниже) *privato consilio* означало не просто действия без санкции сената. Лепид не только вывел войско за пределы своей провинции (как, например, в случае, упомянутом у Ливия, *Liv.* 41.7.8, на который ссылается Э. Пасоли), а направил его именно *ad urbem*. Лепид пытался действовать как должностное лицо в сфере *domi*, где у него не было никаких полномочий. Другими словами, он стремился действовать там, где мог функционировать лишь как *privatus* – частное лицо в полном смысле этого слова, не обладавшее законным империем. Таким образом, хотя техническое различие между *privato consilio* и *privatus* очевидно, оно едва ли столь существенно, как может показаться на первый взгляд.

Все эти соображения позволяют предложить интерпретацию загадочной фразы, пока не находившей удовлетворительного объяснения в историографии: *alterum consulatum petis, quasi primum reddideris* («ты

¹⁹¹ Pasoli E. *Privato consilio...* P. 66–68.

добиваешься второго консульства, словно вернул первое»)¹⁹². В каком смысле Лепид «не вернул» первое консульство? М. МакГашин объясняет, что Саллюстий здесь «намекает на упорство, с которым Лепид, вероятно, неоднократно отказывался вернуться в Рим для проведения консульских выборов»¹⁹³. Было также замечено, что эта фраза может подразумевать отсутствие надлежащей абдикации¹⁹⁴. Однако абдикация не была обязательной для прекращения консульских полномочий¹⁹⁵. Консул не должен был ни обеспечивать выборы преемников, ни предоставлять отчет, чтобы считаться сложившим полномочия. Но важнее всего то обстоятельство, что Саллюстий вкладывает эти слова в уста Филиппа при описании ситуации 77 г. Следовательно, утверждение, что Лепид «не вернул» консульство, относится ко времени, когда он был проконсулом в 77 г. (даже если он совершил нечто предосудительное уже в 78 г.). Саллюстий, должно быть, имел в виду, что Лепид, по сути, «сохранил консульство» именно в период проконсулата.

Некоторые исследователи поэтому признают, что проблема заключалась в неподобающем поведении Лепида как проконсула. Так, Д. Герлах начинает с наблюдения о том, что «вернуть консулат» означал почти то же самое, что «совершить абдикацию консулата» («reddere consulatum idem fere est quod abdicare se consulatu»). Далее исследователь отмечает, что, будучи проконсулом, Лепид действовал по своему усмотрению, как если бы авторитет других институтов ничего не значил для него. Именно по этой причине, по мнению Д. Герлаха, Саллюстий пишет о том, что Лепид «удержал консулат». Он не совершил торжественную абдикацию магистратуры. Когда не были

¹⁹² Ср. Plut. *Pomp.* 16.3 (ὕπατείαν ἤτει δευτέραν). Этот фрагмент напоминает о проконсуле Помпее Страбоне, который «пытался вымогать консульство, командуя армией в Италии», «вероятно, в течение 87 г. для 86 г.» (Rosenblitt J.A. *Rome after Sulla*... P. 76). Но даже если это так, его стратегия, похоже, не предполагала использование угроз, а скорее была похожа на сделку (см.: Keaveney A. *Pompeius Strabo's Second Consulship* // *Classical Quarterly*. 1978. Vol. 28. P. 240–241; Короленков А.В. *Первая гражданская война в Риме*. СПб.: Евразия, 2020. С. 55, 148–149, 154–155).

¹⁹³ Sallust. *The Histories* / Ed. P. McGushin. Vol. 1... P. 142.

¹⁹⁴ См.: Sallusti Crispi *Historiae* I / Hrsg. A. La Penna, R. Funari... P. 274.

¹⁹⁵ См. гл. 5, §2.3.

избраны следующие высшие магистраты, он узурпировал «право и власть» консула¹⁹⁶.

Верной в этих наблюдениях Д. Герлаха, на мой взгляд, является мысль об узурпации проконсулом полномочий консула. Не только новых консулов не было из-за Лепида, но и сам он действовал так, будто все еще являлся действующим магистратом, а не проконсулом. На мой взгляд, единственный способ интерпретировать фразу *alterum consulatum petis, quasi primum reddideris* в речи Филиппа – понять ее как утверждение о том, что проконсул стремится подменить собой консулов.

Недавно Э. Розенблит справедливо напомнила о том, что проблемой для Лепида в 77 г. был недостаток политической поддержки и власти в самом Риме, в то время как ему требовалось и то, и другое для реализации своей незавершенной законодательной программы¹⁹⁷.

Однако инсинуации Филиппа приобретают убедительную силу только в том случае, если он поясняет, что именно проконсул сделал из того, что входило исключительно в обязанности консулов. На этом этапе мы закономерно возвращаемся к «единственному реальному обвинению», которое Филипп мог выдвинуть против Лепида: «все, что он может заявить – это то, что Лепид ведет свое войско на Рим»¹⁹⁸.

Безусловно, любой поход на Рим, даже предпринятый по инициативе консула, был не просто неординарным событием, но серьезным проявлением кризиса. Чтобы еще более подчеркнуть неприемлемость действий Лепида¹⁹⁹,

¹⁹⁶ Gerlach F.D. *Commentarii et indices in C. Salustii Crispi Catilinam, Jugurtham et Historiarum fragmenta*. Vol. 2. Basel, 1831. P. 70: «sed Lepidus erat pro consule cum imperio, et omnia suo arbitrio agebat, quasi summum penes se esset imperium, consulumque auctoritas parum contra se valeret, igitur non reddiderat. Cortius, sed rectius eo referas, quod neque solemniter se consulatu abdicaverat, quod moris erat, et etiam tum, nullis consulibus creatis, jus et potestatem consulis usurpabat».

¹⁹⁷ Rosenblitt J.A. *Rome after Sulla*... P. 76–77.

¹⁹⁸ Burton P. *The Revolt of Lepidus*... P. 419. Также см.: C. Sallusti Crispi *Historiae* I / Hrsg. A. La Penna, R. Funari... P. 291–292.

¹⁹⁹ Когда Филипп говорит о Лепиде, он использует фразу *ad urbem* (*exercitum... ducit*), где *ad urbem* обычно интерпретируется исследователями в значении *adversus urbem* (Sallusti Crispi *Historiae* I / Hrsg. A. La Penna, R. Funari... P. 291). Однако *ad urbem* также служит стандартной формулировкой для обозначения прибытия промагистрата в Рим с «мирными»

Филипп в изложении Саллюстия использует выражение *privato consilio*, подчеркивая тем самым, что проконсул не только не имел права вмешиваться в политические процессы в Риме, но и не получил *ad hoc* санкции, которая могла бы в порядке исключения все же открыть путь для такого вмешательства (как это позже произошло с проконсулом Помпеем, см. §2 данной главы).

Проблема заключалась не только в том, что Лепид действовал не в своей сфере ответственности, но и в том, что он пытался проявлять в этой сфере политическую инициативу. Он действовал по собственному усмотрению, а не по прямому поручению сената и народа. Акцент на этом Саллюстий делает последовательно.

После разгрома Лепида Гн. Помпей, в свою очередь, оказался у ворот Рима во главе армии и в статусе промагистрата. Выше я кратко касался этого эпизода в связи с вопросом о формально-правовом определении промагистратуры. Но теперь меня интересует то, как античные источники описывают конкретные обстоятельства и механизмы вмешательства промагистрата в «городские дела».

После поражения Лепида проконсул Кв. Лутаций Катул приказал Помпею распустить войска. Однако Помпей отказался сделать это и держал армию под Римом до тех пор, пока сенат не согласился отправить его *pro consule* в Испанию на помощь проконсулу Кв. Цецилию Метеллу Пию (консулу 80 г.) в войне против Сертория. Предложение об этом внес Л. Марций Филипп (консул 91 г.).

В речи «О Манилиевом законе» Цицерон использует тот факт, что *privatus* Помпей был когда-то направлен в Испанию в качестве проконсула (*Man. 62: privatum pro consule*), чтобы обосновать его назначение командующим в войне против Митридата. В 11-й «Филиппике» Цицерон повторяет мысль о том, что сенат поручил войну с Серторием Помпею как

намерениями, например, чтобы выступить перед сенаторами и добиться триумфа, оставаясь при этом за пределами городской черты (*ad urbem*). Ср. Flor. 2.11.6: *profectus in Etruriam arma inde et exercitum urbi admovebat*.

privatus, поскольку консулы отказались от выполнения этой задачи (*Phil.* 11.18: nam Sertorianum bellum a senatu privato datum est quia consules recusabant)²⁰⁰. Валерий Максим пишет, что статус pro consule сделал римского всадника Помпея командующим с империем, равным империи проконсула Метелла Пия в испанских провинциях (*Val. Max.* 8.15.8: eques Romanus pro consule in Hispaniam adversus Sertorium pari imperio cum Pio Metello, principe civitatis, missus est). Аппиан при описании этих событий кратко упоминает фактор возросшей военной славы Помпея и опасения сената по поводу возможного вторжения Сертория в Италию. Все это привело к назначению Помпея (*App. BC.* 1.108; также см. *Per.* 91; *Vir. ill.* 77.4; *Oros.* 5.23.8).

Однако особенно показательное свидетельство Плутарха: «Помпей, у которого войско было наготове, добивался, чтобы его отправили на помощь Метеллу. Несмотря на приказание Катула, Помпей не распускал своего войска, но под разными предлогами все время держал его под оружием около Рима, до тех пор, пока, по предложению Луция Филиппа, ему не предоставили должности главнокомандующего в войне с Серторием» (пер. Г.А. Стратановского)²⁰¹. Здесь важны три детали. Во-первых, Помпей активно «прилагал усилия» (διεπράττετο) к получению искомого командования. Во-вторых, он оставался с войском вблизи Рима (περὶ τὴν πόλιν). Наконец, он проявлял настойчивость и постоянно находил оправдания (ἀεὶ τινὰς ποιοῦμενος προφάσεις) своему неподчинению приказам Катула.

То, что поведение Помпея воспринималось как угроза и вынудило сенат уступить его требованиям, может показаться очевидным из весьма ясного текста Плутарха. Однако в современной историографии существует

²⁰⁰ О том, что отказ других претендентов открыл Помпею путь к получению назначения, пишет и Кассий Дион (36.25.3, 36.27.4). Острота Филиппа в контексте этих событий стала популярной; ср. вариант *Cic. Man.* 62: «он, в силу своего предложения, отправляет Помпея не “вместо консула”, а “вместо консулов”» (non se illum [sc. Pompeium] sua sententia pro consule, sed pro consulibus mittere).

²⁰¹ *Pomp.* 17.3; πρὸς ταῦτα Πομπήϊος ἔχων τὴν στρατιὰν ὑφ’ ἑαυτῷ διεπράττετο Μετέλλῳ πεμφθῆναι βοηθός· καὶ Κάτλου κελεύοντος οὐ διέλυεν, ἀλλ’ ἐν τοῖς ὅπλοις ἦν περὶ τὴν πόλιν, ἀεὶ τινὰς ποιοῦμενος προφάσεις, ἕως ἔδωκεν αὐτῷ τὴν ἀρχὴν Λευκίου Φιλίππου γνῶμην εἰπόντος. Также см. *Pomp.* 13.5, *Sert.* 12.4.

устойчивая тенденция к тому, чтобы обосновывать отсутствие нарушений со стороны Помпея²⁰². Вслед за рядом предшественников²⁰³, Х. Хефтнер, Т. Хиллман, М. Дингман и В. Блэзель предложили сильную аргументацию, ставящую под сомнение создаваемый Плутархом образ Помпея в начале 77 г. Отвергнуть эту аргументацию, просто ссылаясь на Плутарха, нельзя хотя бы по той причине, что его свидетельство уникально. Вместо этого я постараюсь показать, что сами исходные посылки, которые лежат в основании критики версии Плутарха, часто внутренне противоречивы и не позволяют объяснить свидетельства других античных авторов, а не только пассаж Плутарха.

Не вполне ясно, в каком качестве Помпей участвовал в войне с Лепидом – был ли он подчиненным Катула (легатом с делегированным империем) или независимым носителем империя в ранге пропретора или проконсула²⁰⁴. Хотя детальное рассмотрение этого вопроса выходит за рамки интересующей меня темы, следует отметить, что, если Помпей действительно имел лишь делегированный империй, его неподчинение выглядит еще более вызывающим. Однако для данного исследования важнее то обстоятельство, что Помпей, независимо от того, был ли он самостоятельным носителем

²⁰² Ср., напр.: Morrell K. Pompey, Cato, and the Governance of the Roman Empire. Oxford: Oxford University Press, 2017. 309 p. К. Морелл фокусируется на периоде 70–50 гг., но ставит под сомнение использование современными исследователями характеристики *adulescentulus carnifex* (Val. Max. 6.2.8) в качестве описания всей сути ранней карьеры Помпея (Morrell K. Pompey, Cato... P. 4; о важности репутации, приобретенной Помпеем к 77 г., см. ниже).

²⁰³ Тенденцию исследователей легитимизировать поведение Помпея в начале 77 г. подчеркивает Ф. Верват (Vervae F.J. Pompeius' Career... P. 414, n. 37). Так, М. Гельцер называет Л. Филиппа реалистом (Gelzer M. Pompeius. Lebensbild eines Römers. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2005. S. 52). Б. Твайман считает, что «принуждение сыграло незначительную роль, если вообще сыграло, в решении сената передать Помпею командование против Сертория» (Twyman B. The Metelli, Pompeius and Prosopography // Aufstieg und Niedergang der römischen Welt: Geschichte und Kultur Roms im Spiegel der neueren Forschung. Teil I: Von den Anfängen Roms bis zum Ausgang der Republik. Bd. 1 / Hrsg. H. Temporini. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 1972. S. 821). Р. Сигер полагает, что цель «...неповиновения Помпея была ограниченной и конкретной. Он не угрожал гражданской войной, чтобы стать диктатором, он просто хотел, чтобы его отправили в Испанию...» (Seager R. The Rise of Pompey // Cambridge Ancient History. 2nd ed. Vol. 9 / Eds. J.A. Crook, A. Lintott, E. Rawson. Cambridge: Cambridge University Press, 1994. P. 210).

²⁰⁴ См. особенно: Hillman T.P. Pompeius' *imperium* in the War with Lepidus // Klio. 1998. Bd. 80. P. 91–110.

империя или легатом, в любом случае действовал *pro magistratu*, то есть как промагистрат²⁰⁵.

Многое зависит от текста Плутарха. Именно его свидетельство предоставляет веские основания для вывода о том, что Помпей угрожал сенату, чтобы добиться назначения против Сертория. Следовательно, необходимо задаться вопросом о том, не имеем ли мы в данном случае дело лишь с предположениями и реконструкцией событий самим Плутархом (или его источником), особенно учитывая возможное влияние позднейших событий вокруг Помпея на то, как источники изображают ранние этапы его карьеры.

Хотя только Плутарх прямо обвиняет Помпея в использовании армии для принуждения сената, ни один источник не опровергает его свидетельство о том, что войска Помпея оставались под Римом во время обсуждения сенатом ситуации в Испании. Хотя обращения промагистратов к сенату были обычным делом (достаточно вспомнить запросы по поводу триумфов), вряд ли от них ожидалось принятие самостоятельного решения об удерживании войска под оружием *ad urbem*. По этому поводу А. Боак отмечал, что «Помпей требовал своего назначения, имея за спиной армию»²⁰⁶. Р.Э. Смит осторожно предположил, что решение сената предоставить Помпею командование «могло... быть продиктовано присутствием этой армии у ворот Рима»²⁰⁷. М. МакГашин предпочел более прямолинейную формулировку: новое назначение Помпея «фактически было вытребовано за счет угрожающего поведения»²⁰⁸. Х. Айгнер пишет об успешном шантаже²⁰⁹. Сходным образом

²⁰⁵ Об отнесении лиц с делегированным *imperium* к числу промагистратов см.: Mommsen Th. *Römisches Staatsrecht*. Bd. I. S. 12–13, 677, 683. В то же время, в отличие от промагистратов с независимым империем, эти лица не имели ауспиций, никогда не праздновали триумф, имели меньше ликторов и т.д. Ср.: Vervaet F.J. *The Praetorian Proconsuls...* P. 65, 75, n. 120, 78, 83. О носителях делегированного империя также см. §4 данной главы.

²⁰⁶ Boak A.E. *The Extraordinary Commands from 80 to 48 B.C. A Study in the Origin of the Principate* // *American Historical Review*. 1918. Vol. 24. P. 6.

²⁰⁷ Smith R.E. *Pompey's Conduct in 80 and 77 B.C.* // *Phoenix*. 1960. Vol. 14. P. 10.

²⁰⁸ Sallust. *The Histories* / Ed. P. McGushin. Vol. 1... P. 152.

²⁰⁹ Aigner H. *Die Soldaten als Machtfaktor in der ausgehenden römischen Republik*. Innsbruck, 1974. S. 136.

Ф. Верват отмечает «грубую тактику шантажа со стороны Помпея» и высказывает мысль о том, что «открытый отказ Помпея распустить легионы, которыми он командовал против Лепида, являлся явным нарушением *lex Cornelia maiestatis*»²¹⁰. С другой стороны, ряд исследователей подвергают сомнению представление о том, что действия Помпея воспринимались как реальная угроза сенату и Риму.

Плутарх сообщает, что Помпей приводил некие объяснения (*τροφάσεις*) своего решения удерживать армию (Plut. *Pomp.* 17.3). Х. Хефтнер использует эту деталь для аргументации тезиса о том, что Помпей стремился избежать открытого конфликта с Катупом и сенатом. Слово *τροφάσεις* характеризует не мятежника, а скорее лицемера²¹¹. Однако остается неясным, на каком основании Х. Хефтнер, по сути, предполагает, что *τροφάσεις* Помпея действительно воспринимались как убедительные. Сам исследователь не отрицает, что Помпей сохранил свою армию даже после того, как ему было приказано ее распустить²¹². Предположение Х. Хефтнера о том, что сенат был только рад использовать проверенную армию против своих врагов, не исключает возможности, что эта же армия оставалась угрозой для самих сенаторов вплоть до того момента, когда они решили уступить требованиям Помпея. Более того, как справедливо напомнил Б. Твайман, «основные силы Лепида были разгромлены армией Катупа». Исследователь предположил, что «у нас нет оснований полагать», что войско Катупа было после этого

²¹⁰ Vervae F.J. Pompeius' Career... P. 414 (также см. P. 410); Vervae F.J. Arrogating Despotic Power through Deceit: The Pompeian Model for Augustan dissimulatio // Private and Public Lies: Interpreting Deception in Ancient Greek and Roman Texts / Eds. A.J. Turner, J.K. On Chong-Gossard, F.J. Vervae. Leiden: Brill, 2010. P. 146. Прочие оценки см. в работе: Blösel W. *Imperia extraordinaria*... S. 229, Anm. 85.

²¹¹ См.: Heftner H. Plutarch und der Aufstieg des Pompeius. Ein historischer Kommentar zu Plutarchs Pompeiusvita. Teil I: Kap. 1–45. Frankfurt am Main: Peter Lang, 1995. S. 140–142.

²¹² Х. Хефтнер даже предполагает, что это был не просто собственный приказ Катупа, а «рекомендация» всего сената (*Empfehlung des Senats*), который «предложил» Помпею распустить свои войска (Heftner H. Plutarch... S. 140). Нет никаких доказательств того, что такое постановление сената («*Empfehlung*» – вряд ли корректный термин) существовал. Но если бы он существовал, это сделало бы поведение Помпея еще более необычным и угрожающим.

распущено²¹³. Другими словами, у сената могли быть и другие опции, помимо использования армии Помпея.

Т. Хиллман утверждает, что как в 77, так и в 71 г. Помпей выдвигал «правдоподобные ситуативные обоснования своих действий». Однако исследователь также отмечает, что «“предлоги” или “отговорки” – действительно подходящий перевод слова *προφάσεις* в данном контексте», и что «упорное сохранение армии, когда причина ее создания уже отпала, и без каких-либо объяснений этого желания, рисковало быть воспринятым как угроза Республике и привести к объявлению врагом народа, как это случилось с Лепидом»²¹⁴. Действительно, можно провести параллель с поведением проконсула Кв. Цецилия Метелла Пия, который распустил свою армию сразу по возвращении из Испании в Италию в 71 г. (Sall. *Hist.* 4.43 McGushin = 4.38 Ramsey: *exercitum dimisit, ut primum Alpīs degressus est*), что резко контрастирует с действиями Помпея как в 77, так и в 71 г.²¹⁵. Тем не менее, Т. Хиллман далее приходит к выводу, что «источники не содержат ни малейшего намека на то, что кто-либо усматривал угрозу со стороны Помпея в это время» (в 77 г.). Т. Хиллман предполагает, что, если бы Саллюстий, на которого предположительно опирался Плутарх, упомянул подобные угрозы, Плутарх должен был бы их зафиксировать и опровергнуть, как он делает в других случаях²¹⁶. Помимо того, что это *argumentum ex silentio*, здесь возникает еще одна серьезная проблема. Если Катул «просил» Помпея распустить войска, а Помпей отказался, и если мы также принимаем общий вывод самого Т. Хиллмана (основанный в основном на свидетельствах

²¹³ Twyman B. *The Metelli, Pompeius and Prosopography...* P. 821. В. Блэзель не исключает возможность того, что армия Катула все еще была доступна сенату (Blösel W. *Imperia extraordinaria...* S. 229, Anm. 87). Сам Б. Твайман объясняет назначение Помпея борьбой между фракциями. В том же ключе см.: Badian E. *Foreign Clientelae...* P. 277, n. 6, 278 (хотя он также упоминает «господствующее положение» Помпея как важный фактор); Sumner G.V. *Manius or Mamercus?* // *Journal of Roman Studies*. 1964. Vol. 54. P. 46; Gusso M. *Politica, istituzioni e interregnum...* P. 74, n. 177.

²¹⁴ Hillman T.P. *Pompeius' imperium...* P. 97–98.

²¹⁵ См.: Vervaeke F.J. *Pompeius' Career...* P. 428. О событиях 71 г. см. ниже.

²¹⁶ Hillman T.P. *Pompeius' imperium...* P. 99, включая n. 36. Также ср.: Blösel W. *Imperia extraordinaria...* S. 235 (см. ниже).

Плутарха) о том, что Помпей, скорее всего, был легатом-пропретором Катула, а не независимым носителем империя²¹⁷, то использование Плутархом слова *τροφίασις* в значении «ложная причина или предлог» выглядит еще менее убедительным в качестве доказательства того, что Плутарх сохранил какие-то оценки, исходящие от враждебного Помпею источника, такого как Саллюстий²¹⁸. Выбор Плутархом этого слова – не средство выражения определенной оценки, а лишь способ сообщить о самом факте неподчинения легата вышестоящему командиру²¹⁹.

Еще важнее то обстоятельство, что те участники событий, которые не желали уступать человеку, недавно способствовавшему гибели М. Юния Брута после его капитуляции при Мутине²²⁰, вряд ли нуждались в дополнительных причинах считать Помпея угрозой – достаточно было самого факта его отказа распустить войска и их нахождения не где-нибудь, а именно под Римом. Если так, то противникам Помпея не требовалось оставлять иные свидетельства своих опасений в последующей литературной традиции: достаточно было указать на один лишь факт неподчинения.

В любом случае в источниках засвидетельствована негативная реакция Катула. Т. Хиллман принимает эту часть сведений Плутарха, но не считает ее

²¹⁷ Также см., напр., Girardet K.M. *Imperia und provinciae*... S. 165–166, Blösel W. *Imperia extraordinaria*... S. 231. Мнение о том, что Помпей был пропретором: Vervaeke F.J. *Pompeius' Career*... P. 408–412.

²¹⁸ Ср. передачу Саллюстием решения Помпея вступить в войну: *equidem fateor me ad hoc bellum maiore studio quam consilio profectum* (*Hist.* 2.82.4 McGushin = 2.86.4 Ramsey). Если *studio* подразумевает здесь давление Помпея на сенат в начале 77 г. (а не просто его чрезмерный энтузиазм), то это весьма мягкое описание его действий по сравнению с тем, что мы видим во фрагменте *Plut. Pomp.* 17.3.

²¹⁹ Более того, если Плутарх, обычно благожелательно настроенный по отношению к Помпею, все же счел необходимым рассказать (пусть и кратко) о деталях, которые явно свидетельствуют о том, что Помпей угрожал сенату, такие подробности следует считать тем более достоверными (см. ниже по поводу фрагментов *Pomp.* 13 и 14).

²²⁰ Обстоятельства гибели Брута до конца не ясны, но последствия для положения Помпея не вызывают сомнений (*Plut. Pomp.* 16.2–5; *Brut.* 4.1–2; *Per.* 90; *Val. Max.* 6.2.8; *App. BC.* 2.111; *Oros.* 5.22.17). Действительно, можно задаться вопросом о том, насколько штамп *adulescentulus carnifex* (*Val. Max.* 6.2.8) отражал реальную репутацию Помпея в 77 г. (см.: Morrell K. *Pompey, Cato*... P. 4). Однако это не меняет того факта, что к 77 г. Помпей уже успел продемонстрировать готовность в случае необходимости пойти на жестокую расправу с врагами (ср., напр., *Plut. Pomp.* 10).

относящейся к вопросу о том, воспринимался ли Помпей как угроза. Для Т. Хиллмана «представить, что Помпей угрожал одной гражданской войной, чтобы получить назначение на другую, – до абсурдности цинично» (absurdly cynical)²²¹. Но даже если принять эту оценку (хотя не вполне ясно, в чем именно заключается здесь абсурдность и циничность), она не может нивелировать сообщение о том, что Помпей не распускал армию, пока сенат не предоставил ему желаемого. По той же причине предположение Б. Тваймана (уже упомянутое выше) о том, что армия Катула, вероятно, не была распущена²²², не исключает возможности того, что Помпей был готов угрожать сенату, даже несмотря на возможное присутствие войск Катула.

Соображения Т. Хиллмана едва ли могут поколебать вывод о том, что действия Помпея действительно воспринимались как попытка навязать сенату свою волю, тем более что, как верно отмечает Ф. Верват, некоторые сенаторы могли «совершенно отвергать саму идею отправки Помпея в Испанию» – независимо от того, в каком качестве (*pro consule* или *pro praetore*)²²³. Конечно, следует учитывать усугубляющиеся трудности в Испании, недавние впечатляющие военные успехи Помпея и нежелание других кандидатов взять на себя эту задачу²²⁴. Однако отказ обоих консулов 77 г. (в особенности

²²¹ Hillman T.P. *Pompeius' imperium*... P. 99, n. 36. Аналогично: Seager R. *Pompey the Great*... P. 32; Blösel W. *Imperia extraordinaria*... S. 229.

²²² Twyman B. *The Metelli, Pompeius and Prosopography*... P. 821.

²²³ Vervaeke F.J. *Pompeius' Career*... P. 414, n. 37.

²²⁴ Cic. *Phil.* 11.18 (комментарий: Dawes T. A Commentary on Cicero's *Philippics* 10 and 11. PhD Thesis. Auckland: University of Auckland, 2010. P. 229); *Man.* 62; App. *BC.* 1.108 (комментарий: Appiani bellorum civilium liber primus / Ed. E. Gabba... P. 298–299); Plut. *Pomp.* 17.4 (комментарий: Heftner H. *Plutarch*... S. 140). Аргументацию через указание на «давление обстоятельств» см. также в работе: Gelzer M. *Pompeius*... S. 52. О значении военной славы Помпея см., в частности: Brennan T.C. *The Praetorship*... P. 426 («Реальным фактором принятия этого решения была доказанная компетентность Помпея в военных делах»). Оба этих тезиса см.: Hillman T.P. *Pompeius and the Senate: 77–71* // *Hermes*. 1990. Bd. 118. P. 444; Blösel W. *Imperia extraordinaria*... S. 229–235. Среди других факторов, которые могли повлиять на решение сената, были настроения и чаяния легионеров Помпея. Античные источники не дают никакой конкретной информации на этот счет, но кажется маловероятным, что эти солдаты стремились отправиться в Испанию для участия в тяжелой войне.

опытного военачальника Мам. Эмилия Лепида Ливиана²²⁵) возглавить войско трудно объяснить лишь сложностями кампании. Как отмечает в связи с этим Ф. Верват, «невозможно установить, оказывал ли Помпей тайное давление на консулов, чтобы они “добровольно” отказались от похода в Испанию»²²⁶. Хотя мы можем лишь предполагать, такую возможность не получается надежно исключить. В любом случае, не стоит переоценивать остроту ситуации в Испании²²⁷, тогда как факторы, говорившие в пользу Помпея, автоматически еще не превращались в причины для сенаторов считать его желание получить назначение скорее благом, чем проблемой.

Недавно М. Дингман повторил некоторые аргументы Х. Хефтнера и Т. Хиллмана. При этом его интерпретация заставляет обратить внимание на другую сторону вопроса. М. Дингман указывает на то, что Помпей сохранял армию просто потому, что не без оснований надеялся, что его направят против Сертория. (Но попутно возникает вопрос: мог ли Помпей открыто ссылаться на свои личные амбиции как на законное оправдание своего неподчинения?²²⁸) Если бы Помпей подчинился приказу Катула, ему пришлось бы заново набирать ветеранов и организовывать армию, что было бы непрактично. М. Дингман признает, что это никак не легитимировало действия Помпея, но утверждает, что его пребывание с армией под Римом, хотя формально и выглядело демонстрацией силы, фактически не было направлено против сената. Помпей лишь хотел показать сенаторам, что отправка его и его армии против Сертория «была бы правильным выбором» (*die richtige Wahl wäre*)²²⁹.

²²⁵ Blösel W. *Imperia extraordinaria*... S. 230–231, включая Anm. 94. Также см. Cic. *Man.* 62: cum duo consules clarissimi fortissimique essent.

²²⁶ Vervae F.J. *Pompeius' Career*... P. 414, n. 37.

²²⁷ *Hist.* 1.73 McGushin, Ramsey: «Несмотря на то, что Марк Лепид со всем своим войском был изгнан из Италии, сенаторы были охвачены хотя не неотложной, но не менее тяжелой и сложной заботой» (пер. В.С. Соколова; M. Lepido cum omnibus copiis Italia pulso, segnior neque minus gravis et multiplex cura patres exercebat segnior neque minus gravis et multiplex cura; также см.: Sallust. *The Histories* / Ed. P. McGushin. Vol. 1... P. 152).

²²⁸ Т. Хиллман всерьез считает возможным такое прямолинейное объяснение со стороны Помпея (Hillman T.P. *Pompeius' imperium*... P. 101).

²²⁹ Dingmann M. *Pompeius Magnus. Machtgrundlagen eines spätrepublikanischen Politikers*. Rahden/Westf.: Verlag Marie Leidorf, 2007. S. 148, включая Anm. 45.

Парадоксально, но, стремясь оспорить представление о том, что Помпей использовал армию как «внутриполитическое средство для шантажа сената», М. Дингман фактически признал, что Помпей направлял принятие решений в сенате, поскольку он (или его сторонники) предоставлял сенаторам готовое решение (не только относительно того, кого отправить во главе войска, но и в каком качестве) – «выбор» с единственно возможным вариантом²³⁰. Этот момент будет важен для моей дальнейшей аргументации.

Если, как полагают некоторые исследователи, фрагмент *Plut. Pomp.* 17.3 создает искаженную картину событий, то какова более правдоподобная версия? В. Блэзель подробно аргументирует, что альтернативы назначению Помпея не существовало. Он предполагает, что сенат принципиально не был против его командования, но первоначально был недоволен идеей предоставить Помпею статус проконсула. Однако затем, учитывая необходимость предотвратить возможные помехи со стороны проконсула Кв. Цецилия Метелла Пия, то есть чтобы сделать Помпея независимым от Метелла, сенаторы согласились отправить его именно *pro consule*, а не *pro praetore*²³¹. На основании этих рассуждений В. Блэзель ставит под сомнение рассказ Плутарха о том, что, оставаясь с армией под Римом, Помпей смог принудить сенат дать ему желаемое командование (*Pomp.* 17.3). Для В. Блэзеля невозможно представить, чтобы Помпей добился от «сулланского сената» назначения проконсулом только для того, чтобы защищать «сулланский порядок» от его врагов²³².

Трактовка В. Блэзеля требует вовсе не только допущения о том, что сенаторы в итоге посчитали важным наделение Помпея империем, равным империи Метелла (для меня остаются неясны причины того, почему их

²³⁰ Ср. «Л. Филипп... взял на себя инициативу, показав сенату, что у последнего нет выбора» (Seager R. *The Rise of Pompey*... P. 210).

²³¹ Blösel W. *Imperia extraordinaria*... S. 232–235.

²³² Также см.: Twyman B. *The Metelli, Pompeius and Prosopography*... P. 821; Heftner H. *Plutarch*... S. 141–142; Hillman T.P. *Pompeius' imperium*... P. 99, n. 36; Seager R. *Pompey the Great*... P. 32.

должен был волновать этот вопрос²³³). В. Блэзель также предполагает, что покровители Помпея в сенате, прежде всего Филипп, могли советовать ему действовать с умеренностью. Возможно, рассуждает В. Блэзель, они даже советовали Помпею сложить уже имевшийся у него империй, чтобы показать оппонентам свою готовность подчиниться воле сената²³⁴. Однако эта конструкция не находит никаких подтверждений в античных источниках.

Интерпретация В. Блэзеля вынуждает нас предположить, что свидетельства о сложении Помпеем империя, уже имевшегося у него, ради демонстрации доброй воли и уважения случайно не сохранились (ни один из дошедших источников об этом не упоминает). Однако подобную аргументацию едва ли можно принять, учитывая наличие в нашем распоряжении речи Цицерона «О Манилиевом законе», для целей которой сообщение о якобы проявленной Помпеем в 77 г. готовности «подчиниться воле сената» стало бы совершенно незаменимым. Следовательно, даже если

²³³ Как Плутарх сообщает далее (*Pomp.* 19.5), несмотря на то, что Помпей был независимым от Метелла носителем империя, в Испании он держал себя подчеркнуто по отношению к другому проконсулу так, будто это было не так: Помпей приказал своим ликторам опустить фаски из уважения к Метеллу. Мы можем задаться вопросом о том, как эта деталь согласуется с предположением Т. Хиллмана (Hillman T.P. *Pompeius' imperium...* P. 99, n. 36). Последний полагает, что, повествуя о дискуссии по поводу назначения Помпея, Плутарх опирался на источник, враждебный Помпею (и именно поэтому мог создать ошибочное представление об угрозах и шантаже с его стороны). Почтение Помпея к Метеллу, отраженное во фрагменте *Pomp.* 19.5, очевидно, выставляет его в хорошем свете и поэтому должно было исходить из дружественного источника. Примечательно, однако, что этот дипломатичный жест – в иных случаях такого рода вполне стандартный (ср.: Heftner H. *Plutarch...* S. 149) – заслужил упоминания только как прямое логическое продолжение как раз той части рассказа Плутарха (части, которая якобы зависит от враждебного источника), где речь идет о наделении Помпея проконсульской должностью вместо пропреторской (*Pomp.* 17). Другими словами, если мы считаем, что подробности в пассаже *Pomp.* 17 исходят из заведомо враждебного источника (следовательно, только по этой причине Помпей представлен здесь как угроза Риму), но за этим пассажем логически следует фрагмент, показывающий Помпея с лучшей стороны, то мы также обязаны допустить, что «враждебные» и «дружественные» линии предшествующей традиции лишь сам Плутарх соединяет в логически непротиворечивое единство. Полагаю, что лучше допустить, что само предположение о существовании этих разных традиций в данном случае необоснованно. Ср.: Hillman T.P. *Pompeius' imperium...* P. 106–107.

²³⁴ Blösel W. *Imperia extraordinaria...* S. 235: «...werden ihm seine Förderer im Senat, allen voran Marcius Philippus, bescheidenes Auftreten, vielleicht also gerade die Rückgabe des Imperiums, anempfohlen haben, um seinen Gegnern seine Bereitschaft zur Unterordnung unter den Senatswillen zu signalisieren».

бы мы отвергли описание Плутархом давления Помпея на сенат, сославшись на предполагаемую зависимость греческого автора от враждебной Помпею версии Саллюстия (как я попытался показать выше, тезис о такого рода зависимости принимать не обязательно), нам также пришлось бы проигнорировать необъяснимое молчание Цицерона о предполагаемом жесте скромности Помпея в 77 г. Хотя в данном случае я тоже прибегаю к *argumentum ex silentio*, трудно представить, чтобы Цицерон упустил такую возможность усилить собственную аргументацию. Безусловно, возражения «против» этого рассуждения вполне возможны, но важно оценить некоторые следствия альтернативного прочтения, предложенного Т. Хиллманом²³⁵.

Т. Хиллман пишет о том, что у Цицерона были веские причины не упоминать в речи «О законе Манилия» какие-либо детали, связанные с действиями Помпея во время восстания Лепида и войной в Италии в 77 г. Если следовать логике Т. Хиллмана, можно тогда заключить, что Цицерон просто не мог использовать с целью впечатлить сенат предположительно имевший место отказ Помпея от империя (как предполагает В. Блэзель), поскольку в этом случае ему пришлось бы упомянуть и все те детали, которые, по мнению Т. Хиллмана, оратор предпочел бы не вспоминать («Цицерону было вдвойне выгодно не напоминать об этих компрометирующих событиях, рассказывая о роли Помпея в борьбе против Лепида»). Под «компрометирующими событиями» (*discreditable events*) Т. Хиллман подразумевает два момента: казнь М. Брута и отказ Помпея распустить войска по приказу Катутла²³⁶. Иными словами, интерпретация Т. Хиллмана действительно может поставить под сомнение мой тезис о том, что Цицерон не мог умолчать о предполагаемом скромном отказе Помпея от империя в 77 г. (свидетельства о которой, согласно Блэзелю, случайно не сохранились). Но, если принять точку зрения Т. Хиллмана, то придется также согласиться и с тем, что «отказ Помпея распустить войска, несмотря на приказ» действительно имел место, был

²³⁵ Hillman T.P. *Pompeius' imperium...* P. 102–104.

²³⁶ Hillman T.P. *Pompeius' imperium...* P. 104.

известен Цицерону и намеренно им обойден молчанием (необходимость замолчать его требовала воздержаться от упоминания о добровольном отказе от империя), а, следовательно, незаконное удержание Помпеем армии не могло быть лишь продуктом искаженного восприятия Плутарха (или Саллюстия). Но если это так, то отсюда «недалеко» до вывода о том, что сенат неизбежно должен был воспринимать неподчинение Помпея как серьёзную проблему. В таком случае, рассуждения Т. Хиллмана приводят к тому, что фрагмент *Plut. Rompr.* 17.3 следует считать надёжным свидетельством.

Вернемся теперь к аргументации В. Блэзеля. Он признает, по меньшей мере, тот факт, что первоначально многие сенаторы не желали отправлять Помпея *pro consule*. Они были готовы назначить его только *pro praetore*. Но затем они по какой-то причине согласились с Филиппом, осознав, что будет правильным решением обеспечить невозможность для Метелла препятствовать действиям Помпея в Испании. Даже эта «минималистская» характеристика оппозиции сената Помпею и Филиппу вызывает серьезные вопросы, прежде всего, о причинах внезапного изменения мнения сенатского большинства. Даже если некоторые из сенаторов вдруг пожелали оказать давление на Метелла и по этой причине оказались в какой-то момент заинтересованы уступить Помпею, это не объясняет предполагаемого изменения общего настроения в сенате.

В. Блэзель считает два сценария более вероятными, чем версия событий у Плутарха: либо Помпей не стал распускать войско именно потому, что этого потребовал сам сенат, либо он задержал процесс реального роспуска армии, но при этом формально все же сложил делегированный ему ранее преторский империй²³⁷.

Первый сценарий прямо противоречит имеющимся сведениям, поэтому рассматриваться не может. Второй возможен лишь при принятии двух допущений, однако они взаимно исключают друг друга. С одной стороны, В. Блэзель постулирует отказ Помпея от своего (уже имевшегося) империя,

²³⁷ Blösel W. *Imperia extraordinaria...* S. 235.

причем этот шаг должен был произвести реальное впечатление на некоторых сенаторов (так как его цель состояла в том, чтобы убедить их). С другой стороны, исследователь предполагает, что армия на деле не была распущена (процесс был специально замедлен). В таком случае выходит, что Помпей сохранил реальную военную мощь у самых ворот Рима, но это никак не повлияло на степень убедительности его действий для искушенных в политике сенаторов, которые оказались позитивно впечатлены фактом лишь формального отказа Помпея от империя.

Если Помпей действительно сложил империй, но его войско не успело расформироваться (как предполагает В. Блэзель), то в таком случае какое-то время он сохранял фактический контроль над армией, не обладая при этом законными полномочиями командующего²³⁸. Но такое сочетание никак не могло произвести позитивного впечатления, достижение которого должно было быть целью Помпея, ради которой он якобы отказался от империя. Более того, аргументация В. Блэзеля приводит к следующему эффекту: если ее принять, то уже нельзя предположить, что Филипп мог официально использовать в качестве аргумента наличие у Помпея подготовленной армии, подходящей для немедленной отправки в Испанию. Однако именно этот аргумент позднее применил Цицерон в сходных обстоятельствах в 66 г. (*Cic. Man.* 50), и, несомненно, Филипп (не только в передаче Саллюстия) должен был поступить так же в 77 г.

Аргумент сторонников Помпея о необходимости назначения его командующим в связи с наличием у него готовой армии не противоречит следующим положениям. Во-первых, другие армии (войска Катула) также могли быть доступны для этой задачи²³⁹. Во-вторых, проверенная армия Помпея, если она еще не была распущена, вовсе не принадлежала ему лично

²³⁸ В 83 г. Помпей собрал армию по личной инициативе (*Vell. Pat.* 2.29.1). Однако у него не было причин повторять эти действия в 77 г., когда он обладал законным империем.

²³⁹ Следовательно, отсутствие в распоряжении сената других вариантов (не связанных с отправкой Помпея в Испанию) не является самоочевидным. То, что такие варианты означали бы опасный конфликт с Помпеем, – другой вопрос (см. ниже).

и, по крайней мере теоретически, могла быть вверена другому командующему²⁴⁰. Это тем более справедливо, если предположить, что Помпей действительно был *legatus pro praetore* Катула и, следовательно, должен был ему подчиняться (даже если это не так, Помпей действовал против Лепида в войне, которой должен был руководить Катул).

Некоторые исследователи утверждают (не без оснований), что Помпей набрал свою армию «главным образом за счет частных ресурсов»²⁴¹. Этот вывод, если его принять, может поставить под сомнение только что приведенный тезис о том, что армия Помпея не была «его собственной» и потому могла быть передана другому командующему. Однако здесь следует учитывать два важных момента, которые в итоге возвращают нас к предложенной мной интерпретации.

Во-первых, как показал Е. Линдерски, войска, набранные по частной инициативе (либо магистратом, действовавшим без санкции сената, либо *dux privatus*), приносили *coniuratio* – клятву следовать за своим полководцем в одном конкретном походе (*ad bellum unum*). «Формальной (процедуры) отставки для *conjurati* не существовало; предполагалось, что они автоматически распускались по окончании войны (*bello confecto*)». В отличие от этого, *militia legitima* приносила *sacramentum*. Нахождение *sub sacramento* означало военную присягу общего плана, обязывавшую к службе, которая не завершалась автоматически по окончании какой-либо конкретной кампании²⁴².

Особенно показательно в этом отношении то различие, которое проводит Цицерон в своем предложении во время одного из заседаний сената в 43 г. (по

²⁴⁰ Ср.: Hillman T.P. *Pompeius' imperium...* P. 109, n. 65 («It is also possible that Plutarch has, through his focus on Pompeius, misrepresented what happened. Catulus might have been ordering Pompeius to relinquish command of his forces, which would then be kept ready for use in Spain»). Также ср. Cic. *Man.* 50 (*ut habeat exercitum, ut ab eis qui habent accipere statim possit*).

²⁴¹ Twyman B. *The Metelli, Pompeius and Prosopography...* P. 843. Также см.: Badian E. *Foreign Clientelae...* P. 229, n. 1, 276–267; Gelzer M. *Pompeius...* S. 50; Blösel W. *Imperia extraordinaria...* S. 229, включая Anm. 87.

²⁴² См.: Linderski J. *Rome, Aphrodisias and the Res Gestae...* P. 78; принято в работе: Cadiou F. *Non milites sed pro milite. La question des euocati à l'époque républicaine // Militares y civiles en la antigua Roma. Dos mundos diferentes, dos mundos unidos* / Ed. J.J. Palao Vicente. Salamanca: Ediciones Universidad de Salamanca, 2010. P. 61.

поводу войск Октавиана как *dux privatus*) между *milites veterani*, следовавшими за Октавианом, и бывшими солдатами М. Антония, которые по-прежнему были связаны через *sacramentum* обязанностью военной службы на благо Республики. Цицерон формулирует предложение о том, чтобы «Марсов легион, IV легион и те солдаты II и XXXV легионов, которые явятся к консулам», были уволены «по окончании войны» (Cic. *Phil.* 5.53: *easque legiones bello confecto missas fieri placere*). Как справедливо подчеркивает Е. Линдерски, это предложение не касается *milites veterani*, что явно указывает на то, что предусматривался их автоматический роспуск по окончании одной войны²⁴³.

Мы не знаем, какая из этих двух групп солдат составляла основу армии Помпея в 77 г. (или – используя формулировки Е. Линдерски – многие или все *coniurati* Помпея уже принесли *sacramentum*, став таким образом частью регулярных сил, т.е. начав новый срок службы в составе *militia legitima*). Обе группы могли быть представлены. Однако это не имеет существенного значения для моей аргументации. Любые войска Помпея, которые к этому моменту уже формально относились к *militia legitima*, не могли законно отказаться следовать за другим командующим, назначенным сенатом. Они не могли бы покинуть войско только потому, что Помпей не получил бы командования в Испании, что дезавуирует аргумент о том, что сенат не мог рисковать потерей поддержки Помпея, поскольку в этом случае терял бы и основную часть его армии. С другой стороны, те солдаты Помпея, которые технически оставались *coniurati*, не могли более законно удерживаться даже им самим теперь, когда война с Лепидом завершилась.

Следовательно, мы должны признать либо что Помпей действительно действовал незаконно, удерживая свою частную армию у стен Рима (армию, которую сенат не мог использовать, не назначив именно Помпея командующим в Испании), либо что его войска уже принесли *sacramentum*, не могли самовольно «разойтись по домам» и потому технически могли быть

²⁴³ Linderski J. Rome, Aphrodisias and the *Res Gestae*... P. 78.

вверены другому командующему. Возможен и третий вариант: эти две ситуации могли относиться к разным частям армии. В любом случае, у сената были законные основания использовать войска без участия Помпея²⁴⁴. Я полагаю, что они все равно не могли отказать Помпею, но по другой причине: из-за того, что он прямо угрожал сенату военной силой.

В. Блэзель также полагает, что на решение сенаторов могли повлиять их опасения по поводу того, что солдаты Помпея могут поступить с новым командующим так же, как солдаты его отца Страбона поступили с его преемником Кв. Помпеем Руфом одиннадцатью годами ранее²⁴⁵. Но если это так, то перед нами не что иное как угроза насилия, причем воспринимаемая сенаторами как неминуемая в случае отказа удовлетворить «просьбу» Помпея. Такого рода угроза была бы лишь немногим менее прямой, чем открытая угроза Риму со стороны армии Помпея. Следовательно, если мы принимаем эту часть аргументации самого В. Блэзеля, то должны признать и то, что сенат, по сути, опасался возможных действий армии Помпея в случае, если он не получит командование.

Безусловно, нельзя исключать, что часть сенаторов были не против того, чтобы использовать готовую армию Помпея и потому могли терпеть его нежелание распускать войска. Но невозможно считать, что таковых было большинство. Т. Хиллман справедливо отмечает: «Какими бы разумными ни были эти [т.е. Помпея, – *Р.Ф.*] *проφάσει* для сохранения армии, они явно не убедили Катула и, следовательно, не могли оправдать неподчинение Помпея, особенно его неоднократный отказ подчиниться приказам, которые ему снова и снова отдавались. Катул продолжал настаивать на соблюдении

²⁴⁴ В. Блэзель фактически признает, что войска Помпея, даже в том случае, когда он оставался военачальником и мог задействовать все свои личные ресурсы, все равно были недостаточны для выполнения новой задачи (Blösel W. *Imperia extraordinaria*... S. 229). Ср. Sall. *Hist.* 2.82.4 McGushin = 2.86.4 Ramsey: *diebus quadraginta exercitum paravi*).

²⁴⁵ Blösel W. *Imperia extraordinaria*... S. 229, Anm. 87. В 88 г. консул Помпей Руф, посланный сменить проконсула Помпея Страбона на посту командующего, был убит своими солдатами. После этого Страбон возобновил командование армией (App. *BC.* 1.63; *Per.* 77; Vell. Pat. 2.20.1; Val. Max. 9.7, *mil. Rom.* 2).

дисциплины»²⁴⁶. Более того, как верно признает сам Т. Хиллман (что противоречит, на мой взгляд, его тезису о том, что действия Помпея не воспринимались как реальная угроза), тот факт, что «Плутарх не сообщает нам, каковы были эти предлоги... показывает, что для него и для создаваемого им образа Помпея сами по себе неподчинение и попытки оправдаться гораздо важнее содержания всего того, что он мог сказать». Но, как мне представляется, это не может объясняться предположением Т. Хиллмана, согласно которому «Плутарх твердо убежден, что Помпей был подчиненным Катула и должен был следовать его приказам независимо от обстоятельств»²⁴⁷.

Согласно республиканской политической практике, решение о том, кто отправится в Испанию, принадлежало сенату, а вовсе не проконсулу Катулу, независимо от того, был ли Помпей его подчиненным или нет. Нет необходимости постулировать существование сенатского постановления, прямо «потребовавшего» от Помпея распустить армию. Если сенаторы не принимали немедленного решения о назначении Помпея, это уже означало, что он должен был сразу распустить войска. Если использовать формулировку самого Т. Хиллмана, то можно сказать, что Помпей «объявлял себя командующим армией без законного основания, тем самым оправдывая – если не юридически, то фактически – требование о ее роспуске»²⁴⁸. Следовательно, действия Помпея представляли собой не просто неподчинение Катулу, но и вмешательство в сферу ответственности сената, как уже отмечалось выше в связи с наблюдениями М. Дингмана.

²⁴⁶ Hillman T.P. *Pompeius' imperium...* P. 101–102.

²⁴⁷ Hillman T.P. *Pompeius' imperium...* P. 102.

²⁴⁸ Hillman T.P. *Pompeius' imperium...* P. 98. Т. Хиллман отмечает (Hillman T.P. *Pompeius' imperium...* P. 98, п. 33), что, хотя Х. Хефтнер верно следует тезису Т. Моммзена (Mommsen Th. *Römisches Staatsrecht*. Bd. III.2. S. 1082) о том, что самостоятельный носитель империя сам решает, распускать ли ему войска и когда это делать, Помпей (если он действительно был носителем неделегированного империя) все равно должен был обосновать наличие дополнительных причин для такого решения. Т. Хиллман справедливо утверждает, что «любое легалистское утверждение» о способности Помпея принимать самостоятельное решение о роспуске войск «могло показаться только угрозой». Но далее исследователь лишь повторяет свой тезис о том, что «отсутствуют убедительные свидетельства, которые подтверждали бы ощущение угрозы на данном этапе».

Однако здесь существует опасность некорректного соединения интерпретаций текстов античных авторов как текстов литературных и как исторических источников. Можно ли с уверенностью предположить, что Плутарх действительно строит свой рассказ о поведении Помпея в 77 г. на основе представления о том, что носители империя могли своим вмешательством нарушить компетенцию сената в вопросе распределения вооруженных сил (и провинций)? Во фрагменте *Cat. Min.* 45.3 Плутарх подчеркивает именно эту проблему, причем в отношении не кого-то иного, а промагистратов. Как уже отмечалось выше, в изображении Плутарха Катон, критикуя решение Помпея предоставить Цезарю легион в 54 г., заявляет, что «такие громадные силы, столько оружия и боевых коней превращены в дары, которыми обмениваются частные лица» (*Plut. Cat. Min.* 45.3; пер. С.П. Маркиша), под которыми он подразумевает проконсула Цезаря и проконсула Помпея. В этом пассаже промагистраты намеренно названы ἰδιῶται, поскольку они «переступают» через сенат и «подменяют» его в осуществлении важнейшей функции – распределения армий. Но, по сути, та же проблема составляет контекст описания Плутархом действий Помпея в 77 г. Если Плутарх воспринимает это как источник противоречия во фрагменте *Cat. Min.* 45.3, то он вполне может подразумевать тоже самое и в пассаже *Pomp.* 17²⁴⁹.

Любая интерпретация событий начала 77 г. должна также учитывать отказ Помпея распустить свою армию в 71 г. В этот раз Помпей вновь сумел добиться ряда беспрецедентных исключений (касающихся триумфа и консулата). В данной ситуации он действовал в роли победоносного

²⁴⁹ Как упоминалось выше, Цицерон сообщает, что война с Серторием была поручена Помпею, который являлся *privatus* (*Phil.* 11.18: *nam Sertorianum bellum a senatu privato datum est quia consules recusabant*; *Man.* 62: *privatum pro consule*), хотя Помпей, несомненно, уже обладал империем. Интерпретация В. Блэзелем самого этого эпизода, насколько я могу судить, не требует предположения о том, что Помпей сложил с себя империй незадолго до того, как получил его вновь и был отправлен *pro consule* в Испанию. Поэтому я полагаю, что в действительности В. Блэзеля выдвинуть эту гипотезу вынуждает его общее теоретическое представление о том, что термин *privatus* в принципе не может применяться по отношению к законному промагистрату. См. об этом §1.3 данной главы.

проконсула и мог оправдать удержание армии предстоящим триумфом. Но даже несмотря на наличие такого объяснения, жители Рима опасались, что он последует примеру Суллы²⁵⁰. Ф. Верват убедительно возражает тем исследователям (включая, в частности, Т. Хиллмана), которые пытались оправдать нарушение Помпеем политических норм и в этом случае²⁵¹.

Инцидент 71 г. напоминает события 77 г. еще по одной, менее очевидной причине. Когда Помпей стал консулом-десигнатом в 71 г., это не изменило его положения в том отношении, что он по-прежнему не мог пересечь городскую черту Рима. Тем не менее, оставаясь проконсулом, Помпей смог заявить о своих политических планах в качестве консула-десигната на *contio* (Cic. *Verr.* 1.45). Таким образом он компенсировал ограничения, которые все еще действовали в отношении его как промагистрата (ожидающего триумфа), затрудняя процесс вмешательства в «городскую политику» до вступления в должность консула.

Можно возразить, что более поздний инцидент 71 г. едва ли может что-либо сказать о событиях 77 г. Однако необходимо также учесть сообщения Плутарха (*Pomp.* 15; *Sull.* 38) о действиях Помпея до 77 г. А именно: Помпей обеспечил проведение похорон Суллы, как планировали сулланцы, и принял меры против тех, кто пытался помешать погребению на Марсовом поле. Для нас важно то, что Помпей (даже не обладая тогда империем) фактически поддержал одного действующего консула (Катула) против другого (Лепида). Более того, он не только уговаривал и угрожал, но, по словам Плутарха, применил военную силу, обеспечив безопасность во время похорон (*Sull.* 38.1: ἀσφάλειαν ... παρέσχε; также см. *Pomp.* 15.3). Х. Хефтнер счел рассказ Плутарха о вмешательстве Помпея преувеличением (*offenbar übertrieben*), потому что Аппиан в этом эпизоде умалчивает о Помпее и упоминает только Катула и сулланцев в числе тех, кто преодолел сопротивление Лепида (App.

²⁵⁰ Plut. *Pomp.* 21 (ср.: Heftner H. *Plutarch...* S. 162–164); App. *BC.* 1.121 (комментарий: Appiani bellorum civilium liber primus / Ed. E. Gabba... P. 333–336).

²⁵¹ Hillman T.P. *Pompeius and the Senate...* P. 450–453; Vervaeke F.J. *Pompeius' Career...* P. 423–428.

BC. 1.105)²⁵². Но действительно ли эти две версии противоречат друг другу? Аппиан пишет о ветеранах Суллы, явившихся на похороны в большом числе и полностью вооруженными. Не исключено, что Помпей мог возглавить этих людей²⁵³. Учитывая это, неудивительно, что чуть позже он продолжил использовать свои войска для вмешательства – уже в качестве промагистрата – в процессы принятия решений в городе, чтобы направлять политический процесс в желаемое русло.

Еще более показательными, хотя и затруднительными для интерпретации, являются сообщения о поведении Помпея в 81 г. Этот пример важен еще и с точки зрения вопроса о том, как интерпретировать текст Плутарха. Он повествует о том, что Сулла приказал Помпею распустить армию и ждать своего преемника в Африке с одним легионом, но Помпей отказался оставаться в провинции и вернулся в Италию (*Pompr.* 13–14), по-видимому, вместе со своей армией (*Cic. Man.* 61: *victorem exercitum deportavit*). Некоторые исследователи полагают, что и тогда Помпей использовал свои войска как рычаг давления, чтобы добиться от диктатора Суллы и сената своего первого триумфа, тогда как Т. Хиллман и ряд других антиковедов утверждают, что античные источники, включая Плутарха, не дают оснований считать, будто Помпей «организовал мятеж в Утике или вернулся в Италию с целью военного шантажа»²⁵⁴. Если принять первую точку зрения, этот случай становится еще одним примером того, как проконсул Помпей использовал армию для получения нужного решения городских институтов²⁵⁵. Но если предпочесть вторую оценку, ситуация становится более интересной. В отличие от фрагмента *Pompr.* 17.3, Плутарх в пассаже *Pompr.* 13–14 не утверждает явно, что

²⁵² Heftner H. *Plutarch...* S. 131.

²⁵³ Ср.: Hayne L. M. *Lepidus (cos. 78): A Re-Appraisal* // *Historia*. 1972. Bd. 21. P. 664.

²⁵⁴ См.: Hillman T.P. *Pompeius in Africa and Sulla's Order to demobilize* (Plutarch, *Pompeius* 13,1-4) // *Latomus*. 1997. Vol. 56. P. 94–106 (цитата – P. 106). Об этой дискуссии см.: Badian E. *Foreign Clientelae...* P. 273–275; Smith R.E. *Pompey's Conduct...* P. 2–3, 8–9; Twyman B. *The Metelli, Pompeius and Prosopography...* P. 818–819; Keaveney A. *Young Pompey: 106–79 B.C.* // *Antiquité Classique*. 1982. Vol. 51. P. 128–131; Heftner H. *Plutarch...* S. 116–119; Dingmann M. *Pompeius Magnus...* S. 145–147; Blösel W. *Imperia extraordinaria...* S. 222–223.

²⁵⁵ Vervaet F.J. *Pompeius' Career...* P. 425–426, включая n. 87.

Помпей стоял с готовой и полностью снаряженной армией под Римом, ожидая триумфа. Это имеет место даже несмотря на то, что, как отмечает Т. Хиллман, свойственный Помпею дух противоречия Плутарх мог бы лучше всего проиллюстрировать именно «мятежом, устроенным с целью получить триумф, и последующим вымогательством триумфа под угрозой новой гражданской войны»²⁵⁶. Но если Плутарх все же не делает такого утверждения в данном случае, то прямое указание во фрагменте *Pomp.* 17.3 на угрожающее поведение Помпея, стоявшего с армией под Римом в начале 77 г., следует воспринимать как надежное.

Таким образом, в начале 77 г. Помпей действительно использовал свою армию, чтобы повлиять на исход сенатских дебатов. Конечно, этот вывод сам по себе не нов. Однако его необходимо было проверить в свете интерпретаций, согласно которым действия Помпея не обязательно воспринимались как угрожающие. Помимо вопроса о наличии угрозы, анализ исследовательских реконструкций, ставящих под сомнение сообщение Плутарха, помогает выявить некоторые детали в сообщениях о событиях 77 г., которым до сих пор не уделялось необходимого внимания.

Интерпретации Х. Хефтнера и Т. Хиллмана приводят меня к выводу о том, что Помпей пытался повлиять на распределение провинций и армий сенатом, а не просто демонстрировал неповиновение лично Катулу. М. Дингман, хотя и отвергает свидетельства о неподчинении Помпея, по сути, пишет о том, что Помпей предложил сенату готовое политическое решение. М. Дингманн не комментирует последствия этого наблюдения. Но если продолжить его логику, то следует заключить, что Помпей не просто влиял на принятие решений, а полностью парализовал реальную дискуссию. Уже сам факт его пребывания *ad urbem* с армией, готовой к отправке против Сертория и идеально для этого подготовленной, сделал все другие опции настолько

²⁵⁶ Hillman T.P. *Pompeius in Africa...* P. 106. Ср.: Blösel W. *Imperia extraordinaria...* S. 235 (по поводу фрагмента *Pomp.* 17.3).

нереалистичными, что сенат на практике лишился любой альтернативы, кроме предложенной сторонниками Помпея.

Наконец, анализ важного исследования В. Блэзеля позволяют сделать еще два наблюдения. Во-первых, решение сената во многом зависело от признания прочной связи Помпея со своей армией, независимо от формального статуса его солдат. То, что сенат, по-видимому, опасался последствий передачи армии Помпея другому командующему, опять-таки существенно ограничивало свободу его решений. Во-вторых, «минималистская» интерпретация В. Блэзелем сенатской оппозиции Помпею подчеркивает, что существовал лишь один вопрос, который оставался на усмотрение сената: отправить Помпея *pro praetore* или *pro consule*. Однако даже эта вариативность вскоре оказалась утрачена.

Сравнение с проконсулом Лепидом подтверждает отмеченное выше. В отличие от Лепида, Помпей сумел навязать свою повестку тем, кто определял политику в Риме. Оба случая – и Лепида, и Помпея – указывают в одном направлении и проясняют не только конкретные обстоятельства 77 г., но и фундаментальное различие между двумя типами должностных лиц: магистратами и промагистратами. Оно становится особенно очевидным при рассмотрении попыток последних бросить вызов наложенным на них ограничениям.

В то время как магистраты тоже могли прибегнуть к помощи армии для достижения своих целей, они располагали и иными, политическими, средствами для легитимного «продвижения» своей повестки в сенате и народных собраниях. В отличие от них, Помпей как промагистрат был лишен законной возможности самому влиять на то, что будет предложено на голосование сенату (или народу). Тем не менее, он сумел достичь искомого результата: приняв решение оставаться рядом с Римом с армией, идеально подходящей для отправки в Испанию, он взял в свои руки политическую инициативу, упростив и сделав формальным и предсказуемым процесс принятия республиканскими институтами соответствующего решения.

Инструментализация Помпеем армии в начале 77 г. сопоставима не только с ситуацией проконсула Лепида, но и с другими примерами вмешательства промагистратов в «гражданскую» сферу, включая те случаи, которые не сопровождались прямым применением легионов. Так, официальное заседание сената 1 января 49 г. стало политическим достижением для проконсула Помпея. Однако этого оказалось недостаточно: Помпею нужно было заставить сенатское большинство преодолеть (а не просто обсуждать) трибунское вето, которое препятствовало принятию дальнейших мер против его коллеги – проконсула Цезаря. Именно с этой целью Помпей немедленно созвал неофициальное собрание сенаторов, вероятно, в своем доме за городской чертой (Caes. *BC.* 1.3.1: *misso ad vesperum senatu omnes qui sunt eius ordinis a Pompeio evocantur*). Как аргументируется в §3 данной главы, описание этих событий у Цезаря указывает не просто на факт выступления Помпея перед сенаторами, но на то, что собрание происходило в выбранные им время и место, а сам он присвоил роль председательствующего магистрата.

Инцидент 49 г. может показаться несопоставимым с событиями начала 77 г., но только если игнорировать тот факт, что в обоих случаях Помпей действовал как промагистрат, находясь *ad urbem*, и пытался влиять на принятие решений сенатом. Случай 49 г. помогает обратить внимание на еще один аспект того, что произошло с Помпеем в начале 77 г. Помпей не зашел так далеко, чтобы действительно двинуться на Рим со своей армией. Разумеется, он также не добивался какого-то тотального господства. Вместо этого, как и в 49 г., в 77 г. ему необходимо было обеспечить принятие одного конкретного политического решения. Но ограниченность его вмешательства лишь одним вопросом одновременно привело к тому, что Помпей и Филипп должны были четко определить как саму проблему, так и конкретные параметры ее решения (например, они считали важным настаивать именно на статусе *pro consule*, который делал бы Помпея командующим *pari imperio* по отношению к Метеллу). Тем самым они существенно ограничили свободу действий

полисных институтов с точки зрения как самого выдвижения вариантов решения возникшей задачи, так и реализации предложенных мер.

Есть ли опасность переоценить значимость действий Помпея, учитывая, что такие влиятельные сенаторы, как Филипп, оказывали ему полную поддержку? Действительно, в сенате существовали разногласия независимо от какого-либо давления со стороны Помпея. Также верно, что без поддержки изнутри сената Помпей не добился бы успеха. Однако, хотя формально Филипп действовал в рамках традиционной сенатской процедуры, по сути, он оказался эффективен лишь постольку, поскольку выступал проводником интересов Помпея (в этом вопросе). Уже упоминание Цицероном отказа консулов отправиться в Испанию как предпосылки назначения Помпея (*Phil.* 11.18: *quia consules recusabant*) и фиксация в источниках наличия продолжительного промежутка времени, в течение которого последний находил оправдания для сохранения своей армии (*Plut. Pomp.* 17.3: ἀεὶ), показывают, что поначалу большинство в сенате вовсе не рассматривало назначение Помпея как реальный вариант. Потребовалось время, чтобы поменять ситуацию. Даже после того, как сенаторы изменили свою первоначальную позицию, Филиппу пришлось приложить немало усилий, чтобы убедить собрание в необходимости направить Помпея в Испанию именно *pro consule*, а не *pro praetore*²⁵⁷.

Сам факт того, что Помпей считал критически важным сохранить армию любой ценой вплоть до назначения командующим в Испании, говорит о том, что успех Филиппа зависел от физического присутствия Помпея *ad urbem* с армией, готовой к отправке на войну. Важность присутствия Помпея с армией под Римом косвенно подтверждается отсутствием необходимой поддержки со стороны Рима, с чем проконсул столкнулся позднее, уже находясь в

²⁵⁷ Это был не первый случай, когда Филипп пошел против сенатского большинства. См. его знаменитую сентенцию: *constabat videndum sibi esse aliud consilium; illo senatu se rem publicam gerere non posse* (*Cic. De or.* 3.2).

Испании²⁵⁸. В передаче Саллюстия Помпей жалуется на решения сената, принятые против него в его отсутствие после отбытия в Испанию (Sall. *Hist.* 2.82.1 McGushin = 2.86.1 Ramsey: in absentem me). М. МакГашин, несомненно, прав, отмечая, что «манера выражения Помпея содержит высокомерный намек на то, что, находясь он ближе, сенат не осмелился бы ответить отказом на его просьбы»²⁵⁹.

Учитывая все это, логично рассматривать помощь Л. Филиппа и других сенаторов в начале 77 г. как критически важную, но лишь в сочетании с собственными действиями Помпея. Он не просто повлиял на текущие дебаты, но создал обстоятельства (оставаясь с армией под Римом), которые позволили его сторонникам захватить инициативу в сенате, сделать все альтернативные варианты неработоспособными и, тем самым, определить исход дискуссии вплоть до того, как Помпей был назначен именно проконсулом.

«Против» акцента на значимости статуса Помпея как промагистрата можно возразить, указав на то, что в 77 г. он даже не был сенатором, и именно это обстоятельство, а не его положение как промагистрата, мешало ему влиять на сенатские дебаты. Если бы он был сенатором, то мог бы участвовать в заседаниях сената за городской чертой (где сенаторы иногда собирались именно для того, чтобы позволить тому или иному промагистрату принять

²⁵⁸ Ср.: Короленков А.В. Об империи Помпея в 77 г. до н.э. и обстоятельствах его получения // Вестник древней истории. 2022. № 1 (82). С. 63–75. Даже если следовать наблюдению Т. Хиллмана о том, что сенат целенаправленно не лишал Помпея снабжения и людей (Hillman T.P. Pompeius and the Senate...; но ср.: Vervae F.J. Pompeius' Career... P. 419–422), нельзя отрицать, что Помпей испытывал серьезные трудности в Испании. Конечно, промагистраты могли вмешиваться в политический процесс в Риме на расстоянии, как это делал, например, Цезарь (Ramsey J.T. The Proconsular Years...). Однако и проконсул Цезарь в преддверии событий 49 г., и проконсул Помпей, находясь в Испании после 77 г., смогли в лучшем случае сохранить и защитить свои интересы в Риме, но не улучшить свое положение.

²⁵⁹ Sallust. The Histories / Ed. P. McGushin. Vol. 1... P. 243 (Sall. *Hist.* 2.82.7, 10 McGushin = 2.86.7, 10 Ramsey; см. комментарий: Sallust. The Histories / Ed. P. McGushin. Vol. 1... P. 246; Rosenblitt J.A. Rome after Sulla... P. 106–109; попытку отвергнуть и в этом случае угрозу насилия со стороны Помпея см.: Hillman T.P. Pompeius and the Senate... P. 448, n. 19). Отмечу также, что письмо Помпея в сенат должно было содержать ясно артикулированные угрозы, чтобы иметь хоть какое-то влияние на ситуацию. Как раз это Помпею, очевидно, не было нужно, пока он еще оставался со своей армией ad urbem.

участие в обсуждении). Однако в рассматриваемом случае право выступать в сенате не стало бы решающим. Помпей смог бы высказывать мнение по другим инициативам, но едва ли – продвигать собственное назначение проконсулом²⁶⁰. Помпей не имел бы технической возможности официально предложить себя в качестве командующего. Ему нужно было найти того, кто сделает это для него. Таким образом, не имея возможности даже официально выступить в сенате, Помпей нашел способ навязать этому институту свою повестку и добиться большего, чем обычно удавалось даже промагистратам-сенаторам.

Наконец, нельзя исключать возможность того, что Помпей мог неофициально обращаться к отдельным группам сенаторов, как он сделал в 49 г., созвав сенаторов на неформальную встречу, снова будучи промагистратом, находившимся *ad urbem*, но теперь являясь еще и сенатором (см. об этом §3 данной главы).

Как отмечает Т. Хиллман, словоупотребление Плутарха во фрагменте *Pompr.* 17.3 указывает на то, что он «описывает не единичный инцидент, а затяжную ситуацию, в которой Катул неоднократно отдавал приказ о роспуске, Помпей упорно не подчинялся и с той же настойчивостью (ἀεὶ) продолжал выдвигать оправдания»²⁶¹. Т. Хиллман в первую очередь задается вопросом о том, как это обстоятельство помогает реконструировать официальное положение Помпея по отношению к Катулу. Для нас важно то, что

²⁶⁰ Ср.: Mommsen Th. *Römisches Staatsrecht*. Bd. III.2. S. 947 («Wenn der Promagistrat überhaupt an der Senatssitzung theilnimmt, ... so kann er weder gleich den ausserhalb des Senats stehenden Personen bloss zum Vortrag zugelassen worden und nach demselben abgetreten sein, noch kann man ihm als einem sein senatorisches Recht ausübenden Nichtbeamten nur in der Reihenfolge das Wort zugestanden haben. Vielmehr wird er den das Berufsrecht des Senats entbehrenden Magistraten gleichgestanden, also das magistratische Rederecht gehabt haben, während das damit verbundene Vorschlags- und Stimmrecht zur Zeit auch für ihn ruhte»; со ссылкой, в частности, на фрагмент *Cic. Fam.* 8.4.4). Об общем принципе также см. *lex Licinia* и *lex Aebutia* ок. II в., которые запрещали тому, кто предложил закон о введении новой должности, самому занимать ее (*Cic. Leg. agr.* 2.21: *Licinia est lex et altera Aebutia, quae non modo eum, qui tulerit de aliqua curatione ac potestate, sed etiam collegas eius, cognatos, adfines excipit, ne eis ea potestas curatiove mandetur; Dom.* 51: *praeterquam quod ne id quidem per legem Liciniam, ut ipse tibi curationem ferres, facere potuisti; Elster M.* *Die Gesetze der mittleren Römischen Republik...* S. 406–408).

²⁶¹ Hillman T.P. *Pompeius' imperium...* P. 97.

подмеченный исследователем момент также свидетельствует о том, что давление Помпея на сенат и Катула должно было быть постоянным. Как выражается Т. Хиллман, «дебаты продолжались некоторое время»²⁶².

В то время как Э. Бэдиан считает, что Помпей «неофициально» намекнул на возможность своего назначения против Сертория²⁶³, Т. Хиллман указывает, что выбор Плутархом глагола διεπράττετο, хотя и «мог бы указывать на тайные интриги», все же «редко имеет такую коннотацию». Поскольку текст не дает других (даже потенциальных) «указаний на то, что Помпей скрывал свое желание или махинации ради этого командования»²⁶⁴, разумно предположить, что его настойчивая «просьба» – сколь бы «неофициальной» она ни была – являлась публичной. Например, можно представить, что Помпей озвучил ее на одной из *contiones*.

При такой интерпретации вмешательство Помпея в «городскую политику» было не только продолжительным и настойчивым, но и публичным, и если не совсем прямым, то очень близким к таковому. Я имею в виду, что комбинация выступлений Филиппа в сенате и факта присутствия самого Помпея в непосредственной близости от города эффективно компенсировала отсутствие прямого взаимодействия между ним и сенатом как коллективным институтом.

Как мы видим, при всей решительности своих действий в начале 77 г. Помпей все же не мог обойтись без формальной и неформальной поддержки акторов, наделенных публичной властью в сфере *domi* (в данном случае, Л. Филиппа и других сенаторов)²⁶⁵. Несмотря на весь потенциал, на тот момент времени позиция промагистрата, находившегося *ad urbem* со своей армией, оставалась несовершенным, рискованным инструментом контроля инициативы в Риме.

²⁶² Hillman T.P. *Pompeius' imperium...* P. 100.

²⁶³ Badian E. *Foreign Clientelae...* P. 278.

²⁶⁴ Hillman T.P. *Pompeius' imperium...* P. 99, n. 37.

²⁶⁵ Также см.: Blösel W. *Imperia extraordinaria...* S. 235–236; Vervaeke F.J. *Pompeius' Career...* P. 416–417 (по поводу того, что Помпей получил иберийское командование путем народного голосования *ex senatus consulto*).

Хотя такие события, как поход Лепида на Рим и приобретение Помпеем командования в Испании, создавали важные прецеденты, они не привели к установлению длительного господства промагистрата в Риме. Исключением является несколько более ранняя ситуация, возникшая после второго похода Суллы на Рим в 82 г., когда проконсул оказался в позиции, позволившей ему, помимо всего прочего, диктовать интеррексу, что он должен делать. В результате интеррекс обеспечил проконсулу получение законной власти в сфере *domi*²⁶⁶. Но при всей его важности, этот акт вмешательства остается косвенным, непрямым. Другое дело – политические собрания, в которых Сулла непосредственно принимал участие, еще оставаясь проконсулом, и которые были тесно связаны с проскрипциями. Здесь, как и в случае с проконсулом Сципионом (см. выше) и проконсулом Цезарем (см. §5.3 данной главы), античные источники сообщают о проведении гражданской *contio* (App. BC. 1.89: τὸν δὲ δῆμον ἐς ἐκκλησίαν συναγαγὼν)²⁶⁷. Она представлена как инициированная на самом деле проконсулом, независимо от того, было ли собрание формально созвано для него магистратом или нет.

Аппиан сообщает еще об одной *contio*, «созванной» Суллой, когда он все еще был проконсулом (App. BC. 1.95: αὐτὸς δὲ ὁ Σύλλας Ῥωμαίους ἐς ἐκκλησίαν συναγαγὼν)²⁶⁸. Однако нет оснований считать, что Аппиан точно воспроизводит надежный источник, сообщавший, что собрание действительно

²⁶⁶ Bellen H. Sullas Brief an den Interrex L. Valerius Flaccus // *Historia*. 1975. Bd. 24. S. 555–569; Vervaet F.J. The *lex Valeria* and Sulla's Empowerment as Dictator (82–79 B.C.) // *Cahiers du Centre Gustave Glotz*. 2004. Vol. 15. P. 37–84; Dementyeva V.V. Political Initiative during *interregna* in the Late Roman Republic // *Leadership and Initiative in Late Republican and Early Imperial Rome* / Eds. R.M. Frolov, C. Burden-Strevens. Leiden; Boston: Brill, 2022. P. 245–267.

²⁶⁷ Ф. Пина Поло ожидаемо предполагает, что какой-то магистрат созвал эту *contio* для Суллы (Pina Polo F. *Las contiones...* P. 285, n. 226). К. Стил считает, что «Суллы мог выступать вне померия, а не на форуме, тем самым сохраняя свой империй» (Steel C. Sulla the Orator // *Sulla: Politics and Reception* / Eds. A. Eckert, A. Thein. Berlin; Boston: De Gruyter, 2020. P. 27).

²⁶⁸ Также ср. Cic. *Verr.* 2.3.81; Hinard F. *Les Proscriptions de la Rome Républicaine*. Rome: École Française de Rome, 1985. P. 108, n. 21; Pina Polo F. *Las contiones...* P. 285, n. 226. О хронологии *contiones* Суллы и заседаний сената в этот период см.: Hinard F. *Les Proscriptions...* P. 104–110.

было создано Суллой²⁶⁹. Причина сомнений в том, что Аппиан также подразумевает, что Сулла вошел в город (*BC*. 1.89: Σύλλας ... ἐπελθὼν τὴν μὲν στρατιὰν ἴδρυσεν πρὸ τῶν πυλῶν ἐν τῷ Ἀρείῳ πεδίῳ, αὐτὸς δ' εἴσω παρήλθεν). Это маловероятно, если учесть, что Сулла должен был стремиться сохранить свой империй как проконсул. С другой стороны, эта деталь не обязательно свидетельствует о неточности Аппиана в передаче других подробностей инцидента. Как отмечает К. Стил, «описание Аппианом того, что Сулла вошел εἴσω, не обязательно опровергает эту интерпретацию [то, что он оставался за пределами города, – *Р.Ф.*], поскольку городская территория Рима не совпадала с границами померия»²⁷⁰. Кроме того, Аппиан упоминает, что Сулла (совсем) отошел от города в то время, когда организовывал назначение интеррекса сенатом (*BC*. 1.98: αὐτὸς μὲν πού τῆς πόλεως ὑπεξῆλθεν), что, вероятно, означает, что до этого он оставался поблизости от Рима, но все же вне городской черты²⁷¹.

Независимо от того, кто созывал *contiones*, содержание произнесенных на них речей далеко выходило за рамки, установленные для любого республиканского должностного лица, не говоря уже о промагистратах. Объявление о намерениях восстановить порядок в государстве, заявления о планах конституционных нововведений и о наказании врагов не были обычными темами для проконсула, выступавшего перед народом. Даже сам факт появления действующего промагистрата перед народом в Риме – не говоря уже о том, что проконсул оставил город под контролем своих сторонников (*App. BC*. 1.89) – не являлся рядовой ситуацией.

Таким образом, Сулла, даже если он оставался за городской чертой, действовал не так, как ожидалось от проконсула. Это наблюдение остается в

²⁶⁹ Steel C. *Sulla the Orator*... P. 27: «Также неясно, кто созвал *contio* для Суллы, ведь в рамках любой концепции римской *res publica* проконсул не имел такого права».

²⁷⁰ Steel C. *Sulla the Orator*... P. 27, включая п. 58.

²⁷¹ К сожалению, в своем комментарии к фрагменту Аппиана Э. Габба не комментирует тот факт, что Аппиан сообщает о созыве *contiones* самим проконсулом. Исследователь лишь пишет по поводу пассажа *BC*. 1.98, что Сулла удалился из города из соображений конституционной корректности, поскольку он был проконсулом (*Appiani bellorum civilium liber primus* / Ed. E. Gabba... P. 268).

силе тогда, когда мы предположим, что его выступление на заседании сената, о котором сообщают другие источники (и которое в них тоже представлено как организованное по существу дела, пусть и только неформально, Суллой, см.: Val. Max. 3.8.5: Sulla occupata urbe senatum armatus coegerat; Plut. *Sull.* 30: ἐκάλει τὴν σύγκλητον εἰς τὸ τῆς Ἐννοῦς ἱερόν; Cass. Dio 30–35.109.5)²⁷², было оформлено как стандартный отчет проконсула о своих действиях²⁷³. Особенно показательное настойчивое требование Суллы, чтобы Кв. Сцевола высказал свое мнение, несмотря на первоначальное нежелание это делать (Val Max. 3.8.5: truculentius sibi instanti Sullae): проконсул фактически взял на себя роль председательствующего в сенате магистрата.

Конечно, все это может показаться не заслуживающим особого внимания по сравнению с чередой более ярких событий до и во время диктатуры Суллы, таких как битвы и проскрипции. Однако перед нами важное проявление тенденции ко все более активному вмешательству промагистратов в сферу *domi*, даже если одновременно признавать, следуя К. Стил, что «использование Суллой *contio* на этом этапе событий демонстрирует... приверженность гражданскому государству» и что «по рассказу Аппиана, послание Суллы внешне было обнадеживающим (*reassurance*)»²⁷⁴.

Сулла очень скоро трансформировал свою военную власть и положение промагистрата в позицию магистрата – диктатора. Следующий этап нарастания тенденции вмешательства промагистратов в сферу *domi* – несмотря на ужесточившееся регулирование, которое было призвано предотвратить или замедлить эту тенденцию (развитие такого регулирования – надежный маркер проблем)²⁷⁵, – неразрывно связан с двумя великими

²⁷² Ср. формулировки в работах: Carney T.F. The Flight and Exile of Marius // *Greece and Rome*. 1961. Vol. 8. P. 101 («Sulla convened the Senate»); Katz B.R. The First Fruits of Sulla's March // *Antiquité Classique*. 1975. Vol. 44. P. 100 («The Senate met, at Sulla's summons»); Bonnefond-Coudry M. Le Sénat... P. 39 («Sylla réunit le Sénat après la victoire de la porte Colline»); Letzner W. Lucius Cornelius Sulla... S. 142 («...berief er den Senat zu einer Sitzung zusammen»).

²⁷³ Hinard F. Les Proscriptions... P. 108, включая п. 20.

²⁷⁴ Steel C. Sulla the Orator... P. 27.

²⁷⁵ См.: Dalla Rosa A. *Cura et tutela*... P. 68–72.

проконсулами поздней Республики: прежде всего Помпеем, но также и Цезарем. Именно к их деятельности в качестве промагистратов необходимо теперь обратиться.

§2. Praesidens urbi – introisset in urbem: проконсул Помпей и город Рим в 60–50-е гг.

Фрагмент из «Истории» Саллюстия, относящийся к событиям 71 г., содержит слова, вложенные в уста победоносного проконсула Испании и будущего консула Помпея: «...если до его прибытия не будет достигнуто согласие между плебсом и сенатом, он лично предпримет усилия» (чтобы добиться этого)²⁷⁶. Комментируя данный пассаж, М. МакГашин напоминает о том, что «Помпей не мог войти в город или официально взаимодействовать с сенатом, пока не распустит свою армию, будучи ограничен правилом, согласно которому ни один магистрат не может войти в город, не утратив своего империя, кроме как по специальному постановлению»²⁷⁷. Хотя это замечание не точно (вместо магистрата должен был иметься в виду промагистрат), оно подводит нас к сути вопроса.

Карьера Помпея подробно изучена как исключительный случай систематического нарушения республиканских политических норм, как формальных, так и неформальных. В контексте данного исследования важно то обстоятельство, что он неоднократно получал чрезвычайные промагистратуры. За редкими исключениями (когда он был действующим магистратом), Помпей обладал публичной властью, оставаясь *privatus*. Такая ситуация сама по себе не была уникальной. Однако, как будет показано ниже, особенность Помпея заключалась в том, что не все его промагистратуры

²⁷⁶ Sall. *Hist.* 4.45M: si nihil ante adventum suum inter plebem et patres convenisset, coram se daturum operam.

²⁷⁷ Sallust. *The Histories* / Ed. P. McGushin. Vol. 2. Oxford: Clarendon Press, 1994. P. 159.

ограничивались сферой *militiae*. Кроме того, он сочетал даже чисто военные поручения с пребыванием вблизи Рима, что позволяло ему влиять на городские дела в масштабах, беспрецедентных для других промагистратов. Он даже построил курию за пределами померия, явно рассчитывая в будущем на продолжение практики, в рамках которой он подолгу находился *ad urbem* в качестве промагистрата. Как отмечает Э. Расселл, «с открытием собственной курии Помпей позаботился о том, чтобы у сената больше не было повода собираться без него»²⁷⁸.

Деятельность Помпея в сфере *domi* в качестве проконсула привлекла гораздо меньше исследовательского внимания, чем, например, его военная карьера. Важен вопрос о том, что именно он был формально уполномочен осуществлять в сфере *domi* в качестве *privatus*, а также что ему удалось сделать на практике.

§2.1. Критика Цезарем *novi generis imperia* Помпея

В первой книге *Bellum Civile* Цезарь критикует Помпея, используя следующие выражения: «Против него (Цезаря) были учреждены новые виды *imperia*, так что один и тот же человек, оставаясь у ворот (Рима), и городскими делами распоряжается, и двумя самыми воинственными провинциями управляет на расстоянии в течение стольких лет»²⁷⁹.

В данном случае задача состоит не в том, чтобы анализировать оценку Цезарем порядка назначения и целей командования Помпея в Испании с 55 г.²⁸⁰. За пределами моего внимания также остаются жалобы Цезаря на масштабы военных возможностей Помпея. Вместо этого необходимо обратить внимание на то, как Цезарь использует в данном случае термин *imperia* в самом

²⁷⁸ Russell A. *The Politics of Public Space...* P. 183.

²⁷⁹ 1.85.8: *in se novi generis imperia constitui, ut idem ad portas urbanis praesideat rebus et duas bellicosissimas provincias absens tot annos obtineat* (текст приведен по изданию: Caesar: *Civil War* / Ed. C. Damon. Cambridge, Mass.; London: Harvard University Press, 2016. P. 118).

²⁸⁰ См.: Raaflaub K.A. *Dignitatis contentio...* S. 139–140.

широком смысле, описывая весь спектр полномочий Помпея – не только *militiae*, но и *domi*. Три взаимосвязанных элемента делают его *imperia* беспрецедентными: управление далекими провинциями *in absentia*; сохранение власти на протяжении многих лет; физическое пребывание вблизи Рима для контроля над «городской политикой».

Примечательно, что Цезарь в этом случае отдельно не упоминает единоличное консульство Помпея в 52 г. Единоличное консульство, продолжительные провинциальные командования и управление провинциями через легатов – важные инновации, которые неоднократно становились предметом исследований. Но для нас важнее подчеркнутый Цезарем факт длительного пребывания Помпея вблизи Рима в качестве (большую часть времени) проконсула. Причем речь не шла просто о пассивном ожидании триумфа, как это имело место в случае некоторых других промагистратов. Проблема для Цезаря заключалась в том, что Помпей активно вмешивался в ситуацию, находясь в качестве промагистрата *ad urbem*. Поэтому логично, что именно физическое перемещение Помпея в свои испанские провинции стало для Цезаря *conditio sine qua non* для дальнейших переговоров (Caes. *BC.* 1.2.3; 1.9.5; 1.11.2)²⁸¹.

Предшествующие оценки со стороны Цезаря были иными. Так, ранее он писал, что проконсул Помпей «оставался вблизи Рима с империем в интересах Республики» (*BG.* 6.1.2: *ad urbem cum imperio rei publicae causa remaneret*)²⁸². Однако изменение оценки не меняет сам факт того, что Помпей длительное время оставался *ad urbem cum imperio*.

Веллей Патеркул повторяет Цезаря, утверждая, что Помпей управлял Испанией *in absentia*, одновременно контролируя происходящее в Риме (*Vell. Pat.* 2.48.1: *praesidens urbi*). У Аппиана эта ситуация, ставшая столь важной для Цезаря, упоминается лишь вскользь (*App. BC.* 2.18; ср. 2.23). В

²⁸¹ Raaflaub K.A. *Dignitatis contentio*... S. 140.

²⁸² Что именно подразумевала фраза *rei publicae causa*, сказать трудно, но это не могла быть *cura annonae*, которую Помпей уже сложил к тому времени (см. о ней ниже).

«Жизнеописании Помпея» Плутарх тоже не уделяет этому много внимания (Plut. *Pomp.* 53.1). Однако в биографии Катона Младшего он приводит критику, которая подтверждает более позднюю оценку Цезаря во всех существенных пунктах. Катон в передаче Плутарха в 54 г. заявляет о том, что Помпей «передал другим войска и провинции, а сам засел близ Рима (αὐτὸς δὲ τῇ πόλει παρακάθεται), подстрекая к беспорядкам на выборах и разжигая волнения, — ясно, что через безначалие и безвластие он рвется к единовластию» (Plut. *Cat. Min.* 45.4). Подчеркивается не просто пребывание рядом с Римом как таковое, а именно активное вмешательство в городскую политику. Примечательно, что современные исследователи мало комментируют эту деталь, сосредотачиваясь в основном на критике Катонем того, что Помпей предоставил Цезарю легион (*Cat. Min.* 45.3)²⁸³.

Наконец, Кассий Дион упоминает *procuratio annonae* Помпея как предлог для того, чтобы не отправляться в Испанию и оставаться вблизи Рима в 55 г. (Cass. Dio 39.39.4: καὶ τὰ ἐν τῇ Ῥώμῃ τῇ τε ἄλλῃ Ἰταλίᾳ δι' ἑαυτοῦ ποιήσεται; ср. 40.59.2: τῇ πόλει ἐφήδρευε). Таким образом, Цезарь вовсе не одинок в своей оценке. В 51–50 гг. ссылка на *metus urbanarum rerum* служила обоснованием для пребывания Помпея у Рима (Cic. *Att.* 5.18.1; 5.21.3; ср. 6.1.14; 6.3.4). Хотя Помпей неоднократно заявлял, что планирует отправиться в Испанию (Cic. *Att.* 5.11.3; 6.8.2; *Fam.* 3.8.10; Cass. Dio 40.59.2), он так и не сделал этого.

Согласно А. Альфёльди, фраза Цезаря *novi generis imperia* служила обозначением полномочий, сосредоточенных в руках Помпея в 52 г.²⁸⁴. Однако нет оснований понимать критику Цезаря как относящуюся исключительно к году единоличного консульства Помпея. Более того, консулат априори подразумевал совокупность гражданской и военной власти, поэтому странно полагать, что он критиковался Цезарем в рассматриваемом пассаже. Если бы

²⁸³ Напр.: Drogula F.K. *Cato the Younger...* P. 209–210.

²⁸⁴ Alföldi A. *Caesar in 44 v. Chr. Bd. 1: Studien zu Caesars Monarchie und ihren Wurzeln.* Bonn: R. Habelt, 1985. S. 236.

имелся в виду единоличный консулат, то акцент должен был быть сделан на сосредоточении власти в одних руках.

Мнение о том, что Цезарь критиковал якобы сочетание Помпеем консулата и проконсулата, было справедливо отвергнуто К.-М. Жирарде, который отметил, что в рассматриваемый период проконсулат еще не стал самостоятельной должностью²⁸⁵. Кроме того, ситуация, которую описывает Цезарь, существовала, как минимум, уже в 55 г., когда Помпей получил управление Испанией в дополнение к *cura annonae* (и итерациям консулата).

Д. Кинаст упоминает критику Цезарем *novi generis imperia* Помпея в контексте анализа чрезвычайных командований²⁸⁶. Однако формулировка *novi generis imperia* не могла относиться только к военному командованию, так как Цезарь делал акцент на длительном сочетании последнего с полномочиями в сфере *domi*. Аналогично, в исследовании В. Эренберга *imperium maius*, в той части, где он упоминает *novi generis imperia*, сам факт пребывания Помпея вблизи Рима в качестве проконсула каким-то образом утрачивает всякое значение и вытесняется тем, что проблема с точки зрения Цезаря якобы заключалась, прежде всего, в единоличном консульстве Помпея²⁸⁷. Однако о последнем Цезарь ничего не пишет. Р. Ридли справедливо обращает внимание на то, что Цезарь и в других случаях прямо не критиковал единоличное консульство Помпея в 52 г.²⁸⁸. Критика со стороны Цезаря также рассматривалась как отсылка к *lex Pompeia de provinciis* 52 г., но необходимой аргументации приведено не было²⁸⁹.

Наконец, отмечу статью Ф. Костабиле, специально посвященную анализу пассажа о *novi generis imperia*. Исследователь сначала отмечает, что фраза подчеркивает нарушение Помпеем границ между *imperium domi* и

²⁸⁵ Girardet K.M. *Imperia und provinciae*... S. 195.

²⁸⁶ Kienast D. Der Augusteische Prinzipat als Rechtsordnung // Kienast D. *Kleine Schriften*. Aalen: Scientia Verlag, 1994. S. 402–403, Anm. 64.

²⁸⁷ Ehrenberg V. *Imperium maius* in the Roman Republic // *American Journal of Philology*. 1953. Vol. 74. P. 121–122.

²⁸⁸ Ridley R.T. Pompey's Commands in the 50's: How Cumulative? // *Rheinisches Museum für Philologie*. 1983. Bd. 126. P. 148.

²⁸⁹ Giovannini A. *Consulare imperium*... P. 80; Dalla Rosa A. *Ductu auspicioque*... P. 217.

imperium militiae. Но затем Ф. Костабиле утверждает, что критика Цезаря была направлена против практики соединения нескольких провинций в одних руках²⁹⁰. Для последнего я не вижу оснований. Далее Ф. Костабиле, как кажется, признает, что проблема касалась все же именно города Рима, но затем пишет о сочетании Помпеем консульских и проконсульских полномочий²⁹¹, о чем Цезарь прямо не упоминает. Против того, что критика заключалась именно в этом, выступил Ф. Де Мартино, на которого ссылается сам Ф. Костабиле. Последний также полагает, что определение Цезаря *novi generis imperia* можно распространить на диктатуры самого Цезаря. Но такая широкая интерпретация неоправдана: диктатуры Цезаря никоим образом не приводили к участию промагистрата в политическом процессе в сфере *domi*.

Несмотря на сфокусированность современных исследований на других вопросах, акцент Цезаря в рассматриваемом пассаже на пребывании проконсула Помпея вблизи Рима не остался незамеченным. Он послужил объектом анализа Э. Мейеру при сопоставлении положения принцепса Августа со статусом Помпея. Померий оставался важным ограничением для Помпея. Кроме того, ему не доставало трибунской власти, которая была у Августа²⁹². Позднее Ж.-Л. Феррари развивал эту линию рассуждений. Различие между положением Августа после 23 г. и ситуацией Помпея в период с 55 по 49 г. заключалась в том, что Помпей (когда не был консулом) не обладал такими магистратскими прерогативами, как право созывать сенат, комиции и (официальные гражданские) *contiones*, и, как правило, вынужден был оставаться за чертой померия, что делало его зависимым от помощи дружественных магистратов, которые могли бы созывать эти собрания за

²⁹⁰ Ср.: Costabile F. *Novi generis imperia constituere, iura magistratuum commutare*. Progetto e Riforma della Repubblica da Pompeo e Cesare ad Augusto. Reggio Calabria: Iriti, 2009. P. 26.

²⁹¹ Costabile F. *Novi generis imperia*... P. 27–28.

²⁹² Meyer Ed. *Caesars Monarchie*... S. 176–177. Также ср.: Costabile F., Licandro O. *Tessera Paemeiobrigensis: un nuovo editto di Augusto, dalla Transduriana provincia e l'imperium proconsulare del princeps*. Rome: L'Erma di Bretschneider, 2000. P. 86–87, включая n. 136.

городской чертой, чтобы позволить Помпею принимать непосредственное участие в политической жизни центра Республики²⁹³.

Примечательно, что фраза *novi generis imperia* как отсылка к вмешательству проконсула в «городскую политику» иногда рассматривается так, будто одного этого элемента недостаточно для объяснения критики Цезаря. Так, возражая против уподобления Э. Мейером Помпея и Августа, Ф. Де Мартино указывает на то, что нельзя переоценивать значимость самого факта нахождения Помпея вблизи Рима, поскольку он все равно не мог пересечь померий. Кроме того, разнообразие современных интерпретаций этого пассажа обусловлено его двусмысленностью²⁹⁴. Однако сама эта двусмысленность не должна вызывать удивления, если, как я полагаю, *novi generis imperia* действительно относится прежде всего к вмешательству Помпея в городские дела в качестве промагистрата. Когда Цезарь сам стал проконсулом, он тоже оказался вовлечен в ситуацию в сфере *domi* в гораздо большей степени, чем большинство промагистратов до него. Он не получал официальной санкции на такое вмешательство, в отличие от Помпея, но даже без этой санкции смог достичь значимых результатов. События 49 г. отдельно рассматриваются ниже (см. §5 данной главы). В этом месте необходимо проанализировать действия Цезаря в начале 58 г.

Опровергая утверждение Т. Моммзена о том, что консулы не могли отправиться в провинцию до конца своего годичного срока, поскольку Сулла формально запретил это, А. Джованнини указывал на то, что единственный случай, полностью соответствующий этому предполагаемому правилу, – консулат Цезаря в 59 г. Последний оставался в Риме и его окрестностях до конца своего срока, прежде чем отправиться в провинцию в качестве проконсула²⁹⁵. Хотя это важно для рассмотрения истории консулата в тот период, исследователи не акцентировали внимание на том, что эта ситуация

²⁹³ Ferrary J.-L. *Les pouvoirs d'Auguste...* P. 10–11.

²⁹⁴ De Martino F. *Storia della costituzione romana*. T. III... P. 189.

²⁹⁵ Giovannini A. *Consulare imperium...* P. 89–90. Также см.: Pina Polo F. *The Consul at Rome...* P. 229; Rafferty D. *Provincial Allocations...* P. 102.

сообщает об эволюции проконсулата. Цезарь фактически отложил свой отъезд в провинцию и, подобно Помпею, задержался *ad urbem* именно для того, чтобы влиять на принятие решений в столице. Не на расстоянии (как ему приходилось делать несколько позже), а напрямую.

Вмешательство проконсула Цезаря в «городскую политику» на этом этапе ограничивалось тем, что он попытался в первые дни января 58 г. защитить решения, принятые им в качестве консула в предыдущем году. Цезарь произнес несколько речей в ответ на нападки в сенате. Можно предположить, что его выступления также имели место в сенате, который в таком случае должен был собраться за городской чертой (Suet. *Iul.* 23.1; *Ner.* 2.2; Cic. *Sest.* 40–41, *Vat.* 15; *Pis.* 79; Schol. Bob. 130, 146 Stangl)²⁹⁶. Однако речи Цезаря оказывались в таком случае лишь реакцией на чужую инициативу. В связи с этим важно отметить, что Клодий попытался воспользоваться задержкой Цезаря *ad urbem* и созвал *contio* за городскими стенами, чтобы использовать проконсула против Цицерона (Cass. Dio 38.17.1–3; ср. аналогичный случай с проконсулом Помпеем в 61 г.: Cic. *Att.* 1.14.1). Таким образом, различие между ситуацией вокруг проконсула Цезаря в 58 г., с одной стороны, и поведением Помпея и самого Цезаря в качестве проконсулов в 49 г. заключалась в том, что в первом случае вмешательство проконсула в городские дела происходило не по его собственной инициативе, и эффект такового вмешательства, в лучшем случае, ограничивался тем, что планировали другие действующие лица (в частности, Клодий). Безусловно, определенная степень самостоятельности Цезаря как политического игрока все же прослеживается (ср., особенно, Plut. *Cic.* 30), но применить по отношению к нему формулировку *urbanis praesidere rebus* (как сам он сделал по отношению к Помпею позже) невозможно.

²⁹⁶ Цезарь должен был пересечь городские ворота до окончания срока своего консульства и произнести эти речи уже в качестве проконсула (ср.: Ramsey J.T. *The Proconsular Years...* P. 37). В противном случае он не смог бы занять и сохранить свою промагистратуру.

Возвращаясь к *novi generis imperia* Помпея, необходимо подчеркнуть, что фраза может относиться только к периоду его командования в Испании *in absentia* с 55 по 49 г., но нет веских оснований ограничивать значение этого определения каким-либо конкретным моментом в течение этого периода. Формулировка *novi generis imperia* не говорит об особой природе *imperia* Помпея как таковых, а скорее подразумевает совмещение проконсульского положения с политическими возможностями, будь то формальные полномочия или неформальное влияние, в сфере *domi*. *Imperia* являются *novi generis*, потому что подразумевают влияние на эту сферу, несмотря на то, что принадлежат промагистрату. Цезарь здесь совершенно не интересуется, например, тем, что позднее привело к оформлению *imperium maius*, о котором часто пишут современные исследователи, сравнивая положение Помпея с положением первых принцепсов²⁹⁷. То, что Цезарь прямо акцентирует сам факт пребывания проконсула Помпея у ворот Рима, побуждает нас исследовать механизмы реализации его контроля над городом и причины, по которым этот контроль воспринимался Цезарем как одна из ключевых проблем, сравнивая даже с контролем над легионами и провинциями.

§2.2. Неудачная попытка санкционировать применение проконсулом империя в городе Риме в 62 г.?

Имеются некоторые свидетельства о том, что уже в 62 г. предпринимались попытки узаконить вмешательство промагистрата Помпея в сферу *domi*, включая действия в пределах городских стен. Плебейский трибун Кв. Цецилий Метелл Непот предложил вызвать проконсула в Италию для борьбы с Катилиной. Исследователи, как правило, подчеркивают, что план Метелла сводился к тому, чтобы поручить Помпею проведение военной

²⁹⁷ Помимо исследования В. Эренберга (Ehrenberg V. *Imperium maius*... P. 121–122), также см., напр.: Hurlet F. *Auguste et Pompée* // *Athenaeum*. 2006. Vol. 94. P. 467–485, особенно P. 472–474 (речь идет о *procuratio annonae*).

операции против катилинариев²⁹⁸. Однако, как справедливо отмечает Т.Н. Митчелл, «законопроект не касался в первую очередь армии Катилины и не был продиктован стремлением удовлетворить амбиции Помпея»²⁹⁹. Действительно, учитывая, что победа над Катилиной не могла считаться значительным военным достижением, закон Метелла, вероятно, содержал положения, выходившие за рамки чисто военных полномочий.

Плутарх утверждает, что, хотя формально закон призывал Помпея в Италию для защиты государства от Катилины, его истинной целью было обеспечить проконсулу контроль над Римом (Plut. *Cat. Min.* 26). Однако неясно, как операция против Катилины сама по себе могла привести к политическому доминированию Помпея. Можно согласиться с тем, что «к январю 62 г. руководство войной против Катилины стало бы бессмысленной почестью и не вызвало бы той сильной реакции, которая сопровождала предложение Непота»³⁰⁰. Тем не менее, выступая «против» законопроекта, Катон заявил, что не допустит вступления Помпея *в город* с оружием (αὐτοῦ Πομπηϊῶς οὐ παρέσται μεθ' ὅπλων εἰς τὴν πόλιν). Но почему provincia «война против Катилины» (т.е. за пределами Рима) должна была санкционировать вооруженное вступление проконсула в город?

Ф. Дрогула недавно отверг рассматриваемое свидетельство, утверждая, что «речь Катона отражает скорее его собственные страхи, чем намерения Помпея, демонстрируя характерную склонность преувеличивать опасность со стороны политических противников»³⁰¹. Однако если предполагалось бороться с заговорщиками и внутри города, то можно осторожно предположить, что законопроект все же содержал положение, разрешавшее Помпею вступить в Рим. Это означало бы санкцию на использование

²⁹⁸ Ср., напр.: Meier C. Pompeius Rückkehr aus dem Mithridatischen Kriege und die Catilinarische Verschwörung // *Athenaeum*. 1962. Vol. 40. S. 103–125. К. Майер видит в законопроекте Метелла о борьбе с Катилиной попытку дать Помпею военное командование против заговорщиков вне города, но не в Риме.

²⁹⁹ Mitchell T.N. Cicero, Pompey, and the Rise of the First Triumvirate // *Traditio*. 1973. Vol. 29. P. 4.

³⁰⁰ Mitchell T.N. Cicero, Pompey... P. 5.

³⁰¹ Drogula F.K. Cato the Younger... P. 91.

проконсулом вооруженных сил против оставшихся в городе заговорщиков³⁰². Подтверждается или опровергается это спорное свидетельство Плутарха другими источниками?

Кассий Дион характеризует цель законопроекта как «восстановление порядка» (τοῦτ'α παρόντα κατασταθῆναι), что согласуется со словами Катона в передаче Плутарха: речь шла о наведении порядка в городе или государстве в целом³⁰³, а не только о военном разгроме Катилины. Это должно было быть сделано под неким предлогом (προφάσει). То есть задача обеспечения безопасности города открыто возлагалась на проконсула, тогда как укреплявшееся вследствие этого политическое доминирование Помпея (и Метелла Непота) в Риме воспринималось Дионом как неявное следствие выполнения этой официальной задачи (Cass. Dio 37.43). Плутарх, возможно, имеет в виду то же самое, когда отмечает, что, вызывая Помпея с армией в Италию, трибуны стремились положить конец господству Цицерона (Plut. Cic. 23; также ср. Schol. Bob. 134 Stangl³⁰⁴; Suet. Iul. 16.1). Поскольку Цицерон ограничивал свою деятельность городом, прекращение его δυναστεία могло означать только действия intra urbem³⁰⁵.

Наконец, предполагаемая норма закона о разрешении Помпею пересечь померий с вооруженными силами не выглядит невероятной, если учесть слова Цицерона о том, что он приказал П. Сестию прибыть из Капуи в Рим с войском (Cic. Sest. 11). К. Майер отмечает, что неизвестно, ограничились ли простым размещением солдат в Риме или планировали использовать их против сторонников Помпея. Вероятно, войска оставались в городе до окончательной победы над Метеллом Непотом, после чего их можно было быстро

³⁰² К. Майер интерпретирует слова Плутарха о власти Помпея в городе следующим образом: Метелл угрожал тем, что Помпей придет со своим войском и добьется того, чтобы виновные были наказаны (Meier C. Pompeius Rückkehr... S. 121). Но как именно проконсул смог бы это сделать, если бы не предлагалось наделить его властью в сфере domi?

³⁰³ Mitchell T.N. Cicero, Pompey... P. 4.

³⁰⁴ О трудностях интерпретации этого источника см.: Mitchell T.N. Cicero, Pompey... P. 4–5, n. 11.

³⁰⁵ Кратко отмечается в работе: Mitchell T.N. Cicero, Pompey... P. 4, 5, n. 12. Также ср.: Meier C. Pompeius Rückkehr... S. 104, Anm. 4.

перебросить против Катилины³⁰⁶. Каковы бы ни были намерения Цицерона, официальным объяснением могла быть лишь необходимость иметь в городе организованные вооруженные силы для борьбы с оставшимися заговорщиками. Если это так, то законопроект Метелла также мог содержать положение, разрешавшее проконсулу Помпею обеспечить защиту города от заговорщиков.

Т.Н. Митчелл верно подчеркивает, что законопроект воспринимался как «приглашение» к гражданской войне³⁰⁷. Такое отношение было бы непонятным, если бы речь шла только о военных полномочиях против Катилины. «Опасения Катона и других сенаторов, нападки на Цицерона во время обсуждения законопроекта и сама реакция Цицерона на это предложение остаются труднообъяснимыми, если предположить, что речь шла лишь об очередном военном назначении для Помпея»³⁰⁸. Подобное назначение никоим образом не увеличивало бы риск использования Помпеем армии против сената: он мог сделать это с тем же успехом и без предварительного формального предлога для командования войсками в Италии, поскольку решающий шаг – вступление в сам город – оставался бы незаконным даже при наличии у Помпея легитимного командования в Италии³⁰⁹. В заключение следует отметить, что *senatus consultum ultimum* против Метелла Непота и Цезаря выглядит неуместным, если не предположить, что он также должен был предотвратить наделение проконсула полномочиями *intra urbem*³¹⁰. Таким образом, Т.Н. Митчелл должен быть прав в том, что Метелл «выступал за нечто большее, чем просто военное назначение Помпея против сил Катилины в полевых условиях»³¹¹.

Конечно, это гипотетическая реконструкция. Кроме того, каким бы он ни был, законопроект потерпел неудачу. Однако если он действительно

³⁰⁶ Meier C. Pompeius Rückkehr... S. 121.

³⁰⁷ Mitchell T.N. Cicero, Pompey... P. 4.

³⁰⁸ Mitchell T.N. Cicero, Pompey... P. 5.

³⁰⁹ Ср.: Meier C. Pompeius Rückkehr... S. 107, Anm. 14, 111.

³¹⁰ Этот вопрос не рассматривается в работе Mitchell T.N. Cicero, Pompey...

³¹¹ Mitchell T.N. Cicero, Pompey... P. 5.

предусматривал разрешение для *privatus* с империем использовать вооруженные силы в Риме, то он не остался единственным в своем роде. Именно такая мера не только предлагалась, но и была реализована в 52 г., когда *senatus consultum ultimum* предписал промагистрату Помпею восстановить порядок внутри города.

Однако до 52 г. Помпей применял более традиционные методы. В 61 г. он произносил политические речи на *contiones*, созываемых магистратами, и в сенате – вероятно, все еще в качестве проконсула³¹². Хотя мнение Помпея теперь стало значимым при решении всех основных политических вопросов, независимо от его формального статуса, его действия едва ли выходили за рамки допустимого для проконсула – тем более что Помпей часто реагировал на текущие политические события неохотно, двусмысленно и без значимого успеха, по крайней мере, в глазах Цицерона³¹³. Резкий контраст этому составила *procuratio annonae* Помпея, к рассмотрению которой я теперь перехожу. Именно эта должность позволила ему, оставаясь проконсулом, вновь достигнуть ведущей роли в сфере *domi*.

§2.3. *Potestas* куратора анноны Помпея³¹⁴

В отличие от проконсульства в Испании, *cura annonae* не являлась военной должностью и потому не подвергалась прямой критике со стороны Цезаря, когда он писал о *novi generis imperia* Помпея: Цезарь акцентирует внимание на недопустимом сочетании влияния на городскую политику именно с военной властью. Кроме того, к 49 г., к которому относится критика *novi generis imperia* во фрагменте *Caes. BC. 1.85.8*, *cura annonae* уже утратила актуальность. Однако без анализа механизма исполнения этой должности

³¹² Ср.: Pina Polo F. *Las contiones...* P. 294–295, n. 275, 276.

³¹³ См.: Van der Blom H. *Pompey in the contio...* P. 562–563.

³¹⁴ Основные выводы §§2.3–2.7 опубликованы в работе: Frolov R.M. *A Proconsul's Administration of Rome? The curator annonae Pompeius, recensus, and Public Meetings* // *Hermes – Zeitschrift für klassische Philologie*. 2022. Bd. 150. S. 190–210.

невозможно понять, как *povi generis imperia* могли стать реальностью. Тесная связь между ними прослеживается в том, что, согласно Кассию Диону, именно *procuratio annonae* Помпея послужила предлогом для отказа от отправки в Испанию в 55 г. и для пребывания вблизи Рима с целью контроля ситуации в нем (Cass. Dio 39.39.4)³¹⁵. Плутарх сообщает, что, когда после консулата 55 г. Помпей получил Испанию по жребию, народ остался доволен, поскольку большинство желали, чтобы Помпей находился недалеко от города (Plut. *Crass.* 16). Возможно, они рассчитывали на то, что в случае необходимости он сможет продолжить обеспечивать снабжение продовольствием. Сенаторы, в свою очередь, использовали вопрос о хлебных поставках как предлог, чтобы не отправлять Помпея с поручением способствовать реставрации Птолемея XII Авлета (Cass. Dio 39.16.1–2).

С одной стороны, как отмечал М. Гельцер, *cura annonae* не обеспечила Помпею того политического влияния, на которое он рассчитывал³¹⁶. С другой стороны, очевидно, что эта должность стала подходящим инструментом для достижения (или, в случае Помпея, скорее, возвращения) популярности. Так, Плиний утверждает, что *cura annonae* принесла Помпею даже большую славу, чем разгром пиратов или демонстрация трофеев во время триумфов (Plin. *Pan.* 29.1), тогда как Дион сообщает, что, даже оставаясь *privatus*, куратор анноны Помпей рассчитывал на почет больший, чем у всех остальных (39.24.3)³¹⁷. Но что еще важнее – и эта деталь пока не подвергалась подробному анализу в

³¹⁵ Значение *procuratio annonae* как предлога для пребывания *ad urbem* широко признается в историографии: Meyer Ed. *Caesars Monarchie...* S. 176–177; C. Iulii Caesaris *Commentarii de Bello Gallico*. Bd. 2 / Erkl. F. Kraner, W. Dittenberger, H. Meusel. Dublin; Zürich: Weidmann, 1967. P. 130; Gelzer M. *Pompeius...* S. 146–147; Boak A.E. *The Extraordinary Commands...* P. 20; Raaflaub K.A. *Dignitatis contentio...* S. 140, Anm. 153; Girardet K.M. *Imperia und provinciae...* S. 195–196; Vervaeke F.J. *Arrogating Despotism...* P. 155; Meyer Ed. *Caesars Monarchie...* S. 176, Anm. 3.

³¹⁶ Gelzer M. *Pompeius...* S. 137. Также см.: Pavis d'Escurac H. *La préfecture de l'Annone service administratif impérial d'Auguste à Constantin*. Rome: École Française de Rome, 1976. P. 13.

³¹⁷ Также ср. Luc. 1.318–319 и более поздние оценки во фрагментах Cassiod. *Var.* 6.18.3 (non immerito Pompeius fertur copiae quantitate provisa usque ad rerum pervenisse fastigia, quia merito singularis amor est populi, cum potuerit a penuria liberari. hinc ille gratificationem meruit plausumque popularem: hinc unice semper amatus est et in gratia civium omnium vicit facta maiorum: qui ne aliquando inhonore diceretur, cum nominis taxatione vocabatur et Magnus) и Boeth. *Cons.* 3.4 (si quis populi quondam curasset annonam, magnus habebatur).

историографии – *cura annonae* могла официально предоставить Помпею определенные полномочия в сфере *domi*. Эти возможности потенциально могли найти применение в политических целях, а не только для выполнения технической задачи по организации продовольственного снабжения.

Ф. Верват справедливо отмечает, что хотя *cura annonae* Помпея «во многих отношениях представляла собой новшество, относительно немногие из исследователей уделили внимание деталям того, что оказалось третьим и последним чрезвычайным проконсулатом в его выдающейся карьере. Это означает, что многие важные вопросы остаются в значительной степени без ответа»³¹⁸. Ф. Верват имеет в виду серию вопросов, сформулированных Д. Болсдоном. Как финансировалась деятельность Помпея? Были ли ему предоставлены солдаты и корабли? Имел ли Помпей право «получать средства из казны провинций и от публиканов»³¹⁹? Если Помпей не получил *imperium maius*, как было предложено плебейским трибуном Г. Мессием, то как именно описывался его империй в консульском законе, учреждавшем *procuratio annonae*? Хотя эти вопросы чрезвычайно важны, замечу, что они касаются главным образом того, что делало должность Помпея более похожей на обычную промагистратуру, несмотря на все нововведения. Действительно, «продовольственная провинция» Помпея – часто называемая в исследовательской литературе (что показательно) «продовольственным командованием» – нередко рассматривалась как классическое поручение проконсулу военного руководства в далекой от Рима провинции³²⁰. Хотя Ф. Верват верно подчеркивает, что *cura annonae* технически была «чрезвычайным проконсулатом», тот факт, что она включала при этом контроль над отдельными аспектами администрации самого города Рима, не

³¹⁸ Vervaet F.J. No Grain of Salt. Casting a New Light on Pompeius' *cura annonae* // *Hermes*. 2020. Bd. 148. P. 149 (резюме), включая n. 1.

³¹⁹ Balsdon J.P.V.D. Roman History, 58–56 B.C.: Three Ciceronian Problems // *Journal of Roman Studies*. 1951. Vol. 41. P. 16.

³²⁰ См., напр.: Ridley R.T. The Extraordinary Commands of the Late Republic: A Matter of Definition // *Historia*. 1981. Bd. 30. P. 285: «This command was unusual...»; 293.

оказал существенного влияния на то, как современные исследователи подходили к самой формулировке вопросов по поводу нее.

Даже Э. Мейер, который, как известно, подчеркивал именно те аспекты, в которых карьера Помпея (особенно его деятельность в качестве проконсула) могла послужить образцом для системы Августа, не акцентировал внимание на вмешательстве проконсула Помпея в сферу *domi* в результате его назначения куратором анноны. Вместо этого Э. Мейер отмечал другие детали: пятилетний срок полномочий, использование Помпеем легатов, распространение его полномочий на территорию всей империи и его фактический контроль (но не формальную власть) над городским пролетариатом, зависевшим от продовольственного снабжения, – механизмы, впервые примененные Помпеем, а затем заимствованные и усовершенствованные Августом³²¹. Однако все это касается в основном аспектов полномочий Помпея в сфере *militiae* (за исключением долгосрочных политических последствий осуществления контроля над поставками продовольствия). Комментируя пребывание Помпея у Рима под разными предлогами с целью сохранения влияния на «городские дела», Э. Мейер отмечал использование Помпеем легатов для управления своими провинциями из Рима. Он также упоминал невозможность для проконсула пересечь померий и, следовательно, его зависимость от созыва сената за пределами городской черты³²². Однако это ключевое ограничение возможностей прямого участия проконсула в политическом процессе в Риме, как я попытаюсь показать далее, *cura annonae* позволяла Помпею если не преодолеть, то в значительной степени обойти.

Уже Т. Моммзен утверждал, что, хотя *cura annonae* не давала права взаимодействия с народом и сенатом, она по необходимости предоставляла возможность быть активным в городе³²³. Это наблюдение можно дополнить,

³²¹ Meyer Ed. *Caesars Monarchie...* S. 118–119, 177. Сходным образом: Boak A.E. *The Extraordinary Commands...* P. 19–20, 23–24; Hurlet F. *Auguste et Pompée...*

³²² Meyer Ed. *Caesars Monarchie...* S. 176–177. Ср.: Hurlet F. *Auguste et Pompée...* P. 475.

³²³ Mommsen Th. *Römisches Staatsrecht*. Bd. II.1. S. 660.

если обратить внимание на то, что Помпей, будучи промагистратом, оказался официально уполномочен выполнять задачу, относившуюся к сфере *domi*, – в отличие от любого промагистрата вплоть этого момента³²⁴.

Когда обычные механизмы и магистраты, в частности, эдилы, оказывались не в состоянии обеспечить продовольственное снабжение, римляне прибегали к помощи *curatores annonae*³²⁵. Помпей получил полномочия куратора анноны ок. 1 октября 57 г. на 5 лет, то есть примерно до 1 октября 52 г.³²⁶. На практике «он, вероятно, оставил это поручение в какой-то момент зимой 54/53 г.»³²⁷.

Procuratio annonae являлась промагистратурой³²⁸. Как уже упоминалось выше, Кассий Дион (39.24.3) прямо пишет о том, что, занимая должность *curator annonae*, Помпей оставался частным лицом (*ἰδιωτεύων*)³²⁹. Наделение

³²⁴ Если воспользоваться формулировкой М. Тарпена, *cura annonae* была «сугубо городским институтом» (Tarpin M. *La paperasse avant le papier. Enregistrement, déclarations, identité, contrôles à Rome // Voter en Grèce, à Rome et en Gaule. Pratiques, lieux et finalités* / Eds. A. Borlenghi, C. Chillet, V. Hollard. Lyon: MOM Éditions, 2019. P. 212: «une institution purement urbaine»). Также ср.: Ferrary J.-L. *Les pouvoirs d'Auguste...* P. 14: «une mission concernant la Ville»; Blösel W. *Imperia extraordinaria...* S. 364 («hatte nichts mit einer außenpolitischen Bedrohung Roms zu tun»).

³²⁵ Kunkel W., Wittmann R. *Staatsordnung und Staatspraxis...* S. 241; Becker M. “*Suntoque aediles curatores urbis...*” Die Entwicklung der Stadtrömischen Aedität in Republikanischer Zeit. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2017. S. 207–209, 216–217, 267–269, 274. Согласно М. Бекеру, в 57 г. эдилы оказались перегружены, и поэтому необходим был куратор с прерогативами и ресурсами, подобными тем, которые получил Помпей, хотя эдилы, вероятно, продолжали распределять зерно и следить за рыночными ценами даже в период *cura annonae* Помпея (Becker M. *Suntoque aediles...* S. 268).

³²⁶ Vervae F.J. *No Grain of Salt...* P. 162.

³²⁷ Vervae F.J. *No Grain of Salt...* P. 164. Ср.: Boak A.E. *The Extraordinary Commands...* P. 21; Ridley R.T. *Pompey's Commands...* P. 143–145; Bleicken J. *Zwischen Republik und Prinzipat...* S. 59–60, Anm. 174; Girardet K.M. *Imperium und provinciae des Pompeius seit 67 v. Chr. // Cahiers du Centre Gustave Glotz. 1992. Vol. 3. S. 184 (включая Anm. 29); Virioust C. Famines et émeutes à Rome...* P. 16, 44; Girardet K.M. *Imperia und provinciae...* S. 190 (включая Anm. 144); Vervae F.J. *Arrogating Despotic Power...* P. 155, n. 57.

³²⁸ Т. Моммзен отмечает, что Помпея прямо не называют проконсулом потому, что он должен был действовать в городской сфере (Mommsen Th. *Römisches Staatsrecht. Bd. I. S. 14, Anm. 2*). Но все же фрагмент Cass. Dio 39.9.3 однозначно определяет *cura annonae* Помпея как *ἀρχὴ ἀνθιπάτου*.

³²⁹ О том, что все промагистраты технически были *privati*, см. §§1.2–1.3 данной главы. Ф. Верват утверждает: тот факт, что «Дион в 39.24.3 f. называет Помпея *ἰδιωτεύων* в своем рассказе о (событиях) 56 г., следует понимать так, что он получил свой империй в качестве *privatus* за год до этого. Не следует поэтому считать, что в то время он был частным лицом» (Vervae F.J. *No Grain of Salt...* P. 155, n. 20). Но мне остаются неясными причины принятия

Помпея империем засвидетельствовано Цицероном. От него мы узнаем, что в январе 56 г., то есть в то время, когда Помпей обладал только *cura annonae*, он уже имел империй (*Fam.* 1.1.3). Употребление Дионом термина ἀρχὴ ἀνθυπάτου (39.9.3) указывает на то, что Помпей действовал *pro consule*³³⁰. То, что он не получил армии и что его *provincia* не подразумевала военных действий, означало лишь, что военный аспект его империя не мог быть реализован на практике³³¹.

Особенность этой промагистратуры заключалась в том, что она, как кратко отмечают Х. Коттон и А. Якобсон, «предполагала, возможно, также некоторые полномочия в Риме»³³². Если это так, то под вопросом оказался принцип, согласно которому в период Республики *privati*, наделенные империем, не могли действовать в городе в качестве должностных лиц³³³. Возникает вопрос о том, какие именно это были полномочия.

Цицерон пишет об *omnis potestas rei frumentariae toto orbe terrarum* Помпея (*Att.* 4.1.7). Когда *potestas* используется для обозначения магистратской власти, она подразумевает возможность действовать *domi*, включая *in urbe* (внутри городских стен). Как отмечает Ф. Верват, «консульский закон 57 г. разрешил Помпею выполнять свои новые обязанности в Риме (*intra pomerium*) в качестве проконсула, не теряя империй»³³⁴. Однако, на мой взгляд, было бы рискованно из такой формулировки, как *toto orbe terrarum*, делать вывод о том,

Ф. Верватом за аксиому предположения о том, что в рассказе Диона о событиях 56 г., где он описывает положение Помпея во время соискания консулата на 55 г. (сразу после упоминания его успехов в качестве *curator annonae*), должна содержаться отсылка к совершенно иным условиям предыдущего года. Цицерон (*Fam.* 1.1.3) действительно противопоставляет куратора анноны Помпея прочим *privati*, но именно потому, что наличие или отсутствие империя имело решающее значение.

³³⁰ Girardet K.M. *Imperium und provinciae*... S. 184; Girardet K.M. *Imperia und provinciae*... S. 188; Blösel W. *Imperia extraordinaria*... S. 367.

³³¹ Girardet K.M. *Imperia und provinciae*... S. 189. Ср.: Jameson S. Pompey's *imperium* in 67: Some Constitutional Fictions // *Historia*. 1970. Bd. 19. P. 559.

³³² Cotton H.M., Jakobson A. *Arcanum imperii: The Powers of Augustus // Philosophy and Power in the Graeco-Roman World* / Eds. G. Clark, T. Rajak. Oxford: Oxford University Press, 2002. P. 199, n. 26.

³³³ См., напр.: Dalla Rosa A. *Ductu auspicioque*... P. 203.

³³⁴ Vervaeke F.J. No Grain of Salt... P. 157–158.

что полномочия Помпея официально распространялись на территорию в пределах городских стен.

С другой стороны, уточнение Диона (39.9.3) о том, что власть Помпея должна была применяться «как в Италии, так и за ее пределами» (καὶ ἐν τῇ Ἰταλίᾳ καὶ ἔξω), несколько яснее указывает на то, что, в отличие от других промагистратов, Помпей мог действовать в сфере *domi*, пусть и не обязательно *in urbe* (поскольку «в Италии» – все же не то же самое, что «в городе»). Более того, тот факт, что провинция Помпея предусматривала деятельность как вблизи Рима, так и за пределами Италии, может дополнительно подчеркивать, насколько эта промагистратура приближалась по своей природе к магистратским должностям – особенно к консулату с его практически не ограниченной сферой применения как в Риме и Италии, так и в провинциях (но без сопутствующих ограничений, таких как годичный срок и коллегияльность)³³⁵.

В то же время характеристика Цицерона, а именно обозначение им Помпея как *extra ordinem rei frumentariae praeficiendus* (*Dom.* 25) указывает на то, что, хотя власть куратора анноны не была ограничена конкретной территорией, его провинция подразумевала вполне конкретную задачу – важную с административной точки зрения и даже политически значимую, но все же узко очерченную. Отсутствие «всеобъемлющей функциональности» магистрата в случае Помпея дополнительно подтверждается тем обстоятельством, что решено было не предоставлять ему *omnis respublicae potestas*³³⁶. Таким образом, консульский закон, *lex Cornelia Caecilia*, по-видимому, весьма точно и узко определял пределы применения его власти.

³³⁵ О том, что промагистраты получали более точно очерченные поручения, чем магистраты, см.: Buti I. Considerazioni sul secondo periodo della *prorogatio imperii*... P. 67, 71–72. Также ср.: Kunkel W., Wittmann R. Staatsordnung und Staatspraxis... S. 274 (cura подразумевала конкретные задачи, но не полноценные функции обычного магистрата; «mit speziellen Sonderaufträgen, ...nicht aber, wie es scheint, mit den vollen Funktionen ordentlicher Magistrate»).

³³⁶ По-видимому, нетехнический термин, ср.: Bleicken J. Zum Begriff der römischen Amtsgewalt... S. 322 – по поводу пассажа Cic. *Leg. Agr.* 2.33 (широкие полномочия децемвиров, предусмотренные аграрным законом Рулла: *infinita potestas innumerabilis*

Этот вывод подтверждается общим описанием Плутархом прерогатив, которые получил Помпей: хотя он стал «до некоторой степени владыкой всех земель и морей, принадлежавших римлянам», его власти и надзору были подчинены конкретно «гавани, торговые центры, продажа зерна, – одним словом, вся деятельность мореходов и земледельцев» (*Pomp.* 49.4; ср. 50.1). Впечатляющие полномочия, но все же не приводившие к появлению возможности оказать прямое влияние на принятие политических решений в Риме.

Какие еще полномочия Помпей *не* получил? Известно, что ему не были предоставлены не только *omnis pecuniae potestas*, но и *classis, exercitus* и *maius imperium in provinciis quam sit eorum qui eas obtineant* (*Att.* 4.1.7). Однако отсутствие как раз этих прерогатив не могло бы повлиять на его возможности в сфере *domi*.

Описание Цицероном полномочий Секста Клодия/Клелия (*Clodius/Cloelius*) в той же сфере ответственности, что и у Помпея, скорее всего является преувеличением³³⁷. Но даже в этом случае Цицерон подчеркивает, что Клелий получил в свое распоряжение «весь хлеб (и принадлежавший частным лицам, и казенный), все хлебородные провинции, всех подрядчиков, ключи от всех амбаров» (*Dom.* 25). Вновь весьма важные прерогативы, но лишь в узкой сфере. Однако, в отличие от Клелия и его предшественников, таких как М. Скавр (*Har. resp.* 43)³³⁸, Помпей также получил империй. Уже сам этот факт

pecuniae conficiendae) и *Cic. Verr.* 2.2.30 (неограниченная власть пропретора в провинции: *dubium nemini est quin omnes omnium pecuniae positae sint in eorum potestate qui iudicia dant, et eorum qui iudicant*). Д. Болсдон задается вопросом: «Была ли “*omnis pecuniae potestas*”, предложенная Мессием, не более чем повторением разумного и практичного положения *lex Gabinia*, который в 67 г. позволил Помпею использовать провинциальные ресурсы и публиканов для получения финансовых средств?» (*Balsdon J.P.V.D. Roman History*, 58–56 В.С... Р. 16). Ср.: *Ferrary J.-L. À propos des pouvoirs d'Auguste...* Р. 133: «квази-дискреционные полномочия в финансовых вопросах» («*un pouvoir quasi-discretionnaire en matière financière*»).

³³⁷ Ср.: *Ruffing K. Ein Fall von Politischer Getreidespekulation...* S. 82; *Blösel W. Imperia extraordinaria...* S. 365, включая *Anm.* 234; *Vervaeke F.J. No Grain of Salt...* Р. 152, n. 7.

³³⁸ *Virlouvet C. Famines et émeutes à Rome...* Р. 93.

говорит о том, что его положение принципиально отличалось от положения прежних *curatores annonae*.

Еще одной параллелью является *legatoria provincia* преторов М. Брута и Г. Кассия в 44 г. Им было поручено закупать зерно и доставлять его в город (Cic. *Att.* 15.9.1: *ut ... frumentum emendum et ad urbem mittendum curarent*). Выражение *legatoria provincia* напоминает о легатах куратора анноны Помпея, занятых в провинциях. Если задачу легата Помпея можно было тоже обозначить как *legatoria provincia*, то сам Помпей, по определению, должен был иметь более широкие полномочия. Но что именно может быть в данном контексте определено как «более широкие полномочия»? Поскольку назначение Брута и Кассия преследовало цель легитимировать их в ином случае неуместное отсутствие в Риме (так как они являлись преторами)³³⁹, задача Помпея, напротив, могла включать как раз те действия, которые необходимо было выполнять в самом городе.

Таким образом, наши источники прямо сообщают лишь несколько деталей о полномочиях Помпея в сфере *domi*. В этой ситуации мы можем попытаться реконструировать их, предположив, какими прерогативами он должен был располагать для выполнения своей задачи. Например, определение Помпея как *αὐτοκράτωρ τῆς ἀγορᾶς* (App. *BC.* 2.18) и упоминание о том, что он должен был осуществлять надзор за рынками (Plut. *Pomp.* 49) приводят к формулировке вопроса о том, не обладал ли куратор, например, *ius edicendi*, чтобы иметь возможность принуждать граждан декларировать запасы хлеба? Если Секст Клодий/Клелий – а значит, а *fortiori* Помпей – (якобы) контролировал *frumentum privatum et publicum* (Cic. *Dom.* 25), то, вероятно, он должен был иметь возможность силой проводить свои решения в жизнь³⁴⁰.

Однако все подобные рассуждения остаются гипотетическими. У нас нет свидетельств того, что Помпей действительно отдавал распоряжения владельцам зерновых запасов в городе или применял к ним меры

³³⁹ Virlouvét C. *Famines et émeutes à Rome...* P. 17, 86.

³⁴⁰ Ср.: Virlouvét C. *Famines et émeutes à Rome...* P. 45.

принуждения. Нет и подтверждений его права преследовать спекулянтов³⁴¹. Сравнение с эдилами, отвечавшими за схожие задачи, позволяет предположить, что должностное лицо, осуществлявшее *cura annonae*, могло обладать такими полномочиями. Однако реализация функций эдилов была связана с созывом ими *concilium plebis/comitia tributa*³⁴², тогда как неясно, получил ли Помпей *ius cum populo/plebe agendi*.

Иными словами, рискованно реконструировать полномочия Помпея из одних лишь предположений о том, что ему могло понадобиться для выполнения поставленных задач. Например, он, несомненно, нуждался в огромных финансовых средствах, но это не означает, что уже сам закон уполномочивал его самостоятельно распоряжаться необходимыми суммами. И действительно, мы точно знаем, что Помпей полностью зависел от финансирования, выделяемого по специальному решению сената³⁴³.

§2.4. Απογραφή Помпея

Однако существует один аспект полномочий Помпея в сфере *domi*, который можно реконструировать с большей степенью достоверности и детализации. Источники предоставляют свидетельства о том, что Помпей должен был не только организовывать снабжение Рима продовольствием, но и контролировать распределение зерна в городе и – что особенно важно в контексте данного исследования – составлять списки получателей государственного зерна. Кассий Дион (39.24.1–2) сообщает:

³⁴¹ Herz P. Studien zur römischen Wirtschaftsgesetzgebung... S. 50.

³⁴² Kunkel W., Wittmann R. Staatsordnung und Staatspraxis... S. 491.

³⁴³ См., напр., Girardet K.M. *Imperia und provinciae*... S. 188–189. Ср. с ситуацией, когда Помпея отправили в Испанию в качестве проконсула с деньгами на содержание армии только в течение года, несмотря на то, что провинция была предоставлена ему на три года (Rafferty D. Provincial Allocations... P. 92).

«...Помпей столкнулся с некоторыми затруднениями при распределении зерна. Поскольку многие рабы были освобождены ввиду подаваемых им надежд, он пожелал провести их ценз/перепись (ἀπογραφὴν), чтобы распределение осуществлялось упорядоченно и систематично. Впрочем, эту задачу он решил довольно легко благодаря собственной мудрости и обильным запасам зерна...»

«...καὶ ὁ Πομπήιος ἔσχε μὲν καὶ ἐν τῇ τοῦ σίτου διαδόσει τριβὴν τινα· πολλῶν γὰρ πρὸς τὰς ἀπ' αὐτοῦ ἐλπίδας ἐλευθερωθέντων, ἀπογραφὴν σφων, ὅπως ἐν τε κόσμῳ καὶ ἐν τάξει τινὶ σιτοδοτηθῶσιν, ἠθέλησε ποιήσασθαι· οὐ μὴν ἀλλὰ τοῦτο μὲν τῇ τε ἑαυτοῦ σοφίᾳ καὶ ἐκ τοῦ πλήθους τοῦ σίτου ῥᾶόν πως διώκησε...»

Ф. Верват справедливо подчеркивает значение этого пассажа: «Имеющиеся сведения действительно позволяют предположить, что *lex Cornelia Caecilia* также наделяла Помпея определенными компонентами *potestas censoria* в силу его *consulare imperium*, особенно в вопросах, связанных с цензом»³⁴⁴. Но возможно ли уточнить, какие именно аспекты *potestas censoria* и какой именно ценз могли иметься в виду?

Греческое слово, переведенное как «ценз» или «перепись» в приведенном выше пассаже Диона, – ἀπογραφή³⁴⁵. Однако, как утверждает К. Николе, в данном случае точным латинским аналогом будет скорее *recensio* или *recensus*, а не *sensus*. У Кассия Диона (39.24.1–2) ἀπογραφὴ относится именно к списку вольноотпущенников. Ливий, например, использует термин *recensus* для обозначения такого действия, которое отличалось от общего ценза и ограничивалась лишь одной группой граждан (*equites*)³⁴⁶. К. Вирлуве

³⁴⁴ Vervae F.J. No Grain of Salt... P. 161.

³⁴⁵ Nicolet C. Le temple des Nymphes et les distributions frumentaires à Rome à l'époque républicaine d'après des découvertes récentes // *Comptes rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres*. 1976. Vol. 120. P. 46, включая n. 40.

³⁴⁶ Nicolet C. Le temple des Nymphes... P. 44, включая n. 33. Употребление в пассаже *Per.* 115 совершенно иное.

подтверждает это рассуждение, указывая на то, что ἀπογραφὴ может относиться к общему цензу только если употребляется во множественном числе (ἀπογραφαί), в отличие от рассматриваемого нами пассажа – единственного у Диона, где слово стоит в единственном числе и обозначает именно список недавно освобожденных рабов³⁴⁷. Кроме того, К. Николе связывает ἀπογραφὴ Помпея с уничтожением по наущению Клодия некоторых цензорских архивов в Храме нимф в период до марта 56 г., на что неоднократно сетовал Цицерон (см. особенно фрагменты *Cael.* 78 и *Mil.* 73)³⁴⁸. Для описания уничтоженных в результате этого инцидента документов Цицерон использует

³⁴⁷ Virlovet C. *Tessera frumentaria*. Les procédures de distribution du blé public à Rome à la fin de la République et au début de l'Empire. Rome: École Française de Rome, 1995. P. 172–173. Ср.: Rickman G. *The Corn Supply...* P. 175. X. Мэйсон (Mason H.J. *Greek Terms...* P. 1974, 24; также см.: Lo Cascio E. *Le procedure di recensio dalla tarda repubblica al tardo antico e il calcolo della popolazione di Roma // La Rome impériale. Démographie et logistique. Actes de la table ronde de Rome, 25 mars 1994.* Rome: École Française de Rome, 1997. P. 6, n. 8) рассматривает census как техническое значение ἀπογραφὴ, ссылаясь, например, на фрагменты *Plut. Cat. Mai.* 16.3 и *Aem.* 38.9, в которых мы находим слово ἀπογραφαί во множественном числе, обозначающее списки в контексте общей переписи. Аналогичным образом М. Тарпен (Tarpin M. *Vici et pagi dans l'occident romain.* Rome: École Française de Rome, 2002. P. 112–115; см. ниже) игнорирует употребление Дионом ἀπογραφαί вместо ἀπογραφὴ для описания действий Цезаря в 46 г., в рамках которых сокращение числа получателей зерна явно представлено Дионом как часть более широкой квази-цензорской деятельности (*Cass. Dio* 43.21.3–4; 43.25.2). М. Тарпен ставит под сомнение интерпретацию К. Вирлуве термина ἀπογραφὴ во фрагменте *Cass. Dio* 39.24.1–2, утверждая, что, поскольку регулярная перепись не проводилась с 70 г., единственным способом для Помпея интегрировать этих вольноотпущенников в трибы («d'intégrer ces affranchis dans les tribus»), а не просто позволить им воспользоваться распределением зерна, было проведение «местной переписи» (*cens local*), то есть переписи всех граждан, проживавших в Риме (Tarpin M. *Vici et pagi...* P. 115–116, n. 57). Однако это рассуждение возможно только в том случае, если мы принимаем тезис о том, что Помпей действительно стремился «интегрировать этих вольноотпущенников в трибы», чему нет никаких доказательств. Таким образом, даже если бы мы были склонны согласиться с М. Тарпеном в том, что *recensus populi* Цезаря (а затем и Августа) не проводился исключительно для целей *frumentatio*, эта логика не могла быть применима к ἀπογραφὴ Помпея. Это тем более так, если учесть, как М. Тарпен объясняет то обстоятельство, что Светоний напрямую связывает *recensus* Цезаря с распределением зерна. Пытаясь доказать, что данная связь не является результатом того, что *recensus* был частью именно *frumentatio*, М. Тарпен отмечает лишь то, что в этот период единственным оставшимся знаком «гражданского достоинства» (*dignité civique*), доступным плебею, было право на получение субсидированного зерна (Tarpin M. *L'utilisation d'archives annexes pour les distributions de blé // La mémoire perdue. Recherches sur l'administration romaine. Actes des tables rondes de Rome (mai 1994 – mai 1995)* / Ed. C. Moatti. Rome: École Française de Rome, 1998. P. 393). Это наблюдение (само по себе проблематичное) никак не подтверждает главный тезис М. Тарпена.

³⁴⁸ Nicolet C. *Le temple des Nymphes...* P. 38–46.

термин *recensio* (*Mil.* 73) – аналог *recensus* и, одновременно, гапакс у Цицерона³⁴⁹.

Из этого следует, что ἀπογραφὴ Диона действительно представляла собой *recensus*, причем особого рода – не всеобщий ценз и даже не его часть (ограниченную лишь римскими гражданами). То, что ἀπογραφὴ/*recensus* Помпея касалась только новых вольноотпущенников (а не была вариантом всеобщего ценза), подтверждается и тем, что, будучи проконсулом, Помпей никак не мог осуществлять надзор за (частью) всеобщего ценза подобно цензору, особенно учитывая то, что античные источники не упоминают о том, что он каким-то образом замещал цензоров³⁵⁰.

Разумеется, многие практические детали проведения ἀπογραφὴ/*recensus* Помпеем остаются для нас неясными: кто помогал куратору анноны в выполнении этой задачи, добавлял ли Помпей граждан в список получателей или исключал их из него (либо делал и то, и другое), создавал ли новый список или пересматривал (дополнял) существующий³⁵¹. Хотя не вполне ясно, каким

³⁴⁹ Nicolet C. *Le temple des Nymphes...* P. 42; Viriouvét C. *Tessera frumentaria...* P. 174. Цель Цицерона – представить действия Клодия как уничтожение всей *memoria publica*. Поэтому его утверждение в пассаже *Cael.* 78 о том, что Клодий хотел сжечь цензорские записи (*censum populi Romani*), более чем подозрительно (ср. Tatum W.J. *The Patrician Tribune...* P. 211) или, возможно, просто недостоверно. То, что во фрагменте *Mil.* 73 Цицерон, несмотря на свою явную предвзятость, все же ссылается на уничтожение не записей о переписи, а лишь *recensionis tabulae* (что звучит гораздо менее масштабно), позволяет практически с уверенностью полагать, что только пассаж *Mil.* 73 является технически верным (ср.: Lo Cascio E. *Le procedure di recensio...* P. 7–8, включая п. 13; Tarpin M. *Vici et pagi...* P. 115–116, п. 57).

³⁵⁰ Именно по этой причине размышления Э. Ло Кашцио (Lo Cascio E. *Le procedure di recensio...* P. 6–8) неубедительны по сравнению с доводами К. Николе и М. Кроуфорда (Nicolet C. *Le temple des Nymphes...*; Roman Statutes / Ed. M.H. Crawford.... P. 360). Также ср.: Ferrary J.-L. *Les pouvoirs d'Auguste...* P. 20; Ferrary J.-L. *À propos des pouvoirs d'Auguste...* P. 125–127 (по поводу применения проконсулом Августом консульского империя для проведения переписи).

³⁵¹ Некоторые соображения см. в работах: Van Berchem D. *Les distributions de blé et d'argent à la plèbe romaine sous l'Empire*. Genève: Georg et Cie, 1939. P. 20–21; Nicolet C. *The World of the Citizen...* P. 199; Rickman G. *The Corn Supply...* P. 175; Viriouvét C. *Tessera frumentaria...* P. 174; Tarpin M. *La papyrus avant le papier...* P. 212, п. 45. Судя по сообщению Кассия Диона (39.24.1–2), новые вольноотпущенники действительно были включены в уже существовавший список получателей зерна, причем формулировка ἐν τε κόμῳ καὶ ἐν τάξει может указывать на их распределение по определенным категориям, необходимым для более упорядоченной выдачи хлеба.

именно образом список новых вольноотпущенников мог помочь Помпею в выполнении его задачи, строго говоря, нет свидетельств о том, что он делал что-то иное, например, составлял перепись всех граждан, проживавших в Риме.

Сразу после упоминания о намерении Помпея составить список новых вольноотпущенников, «чтобы распределение осуществлялось упорядоченно и систематично», Дион добавляет, что Помпей справился с этим «довольно легко благодаря собственной мудрости и обильным запасам зерна» (39.24.2). В зависимости от того, когда именно это произошло (достоверно нам это неизвестно³⁵²), Клодий либо надеялся помешать Помпею провести *recensus*, либо его целью было уничтожение новых списков, которые уже были составлены Помпеем в 57 г. и которые исключали лиц, оказавшихся в числе получателей хлеба согласно *lex Claudia*³⁵³. Но даже если верно первое предположение, из этого не следует, что Клодий действительно смог воспрепятствовать *ἀπογραφῇ* Помпея³⁵⁴. Таким образом, разумно предположить, что Помпей все же провел ее, и что *ἀπογραφῇ* стала основой успеха всего дела, о чем свидетельствует Дион³⁵⁵.

Неизвестно, достаточно ли было Помпею консульского империя – при отсутствии *ensoria potestas* – для проведения *recensus*. Возможно, это так, учитывая, что задача пересмотра списков для *frumentatio* едва ли сопоставима с полным спектром цензорских функций. Важнее то, что *cura annonae* была политически значимым поручением, относящимся именно к сфере *domi*.

³⁵² К. Николе (Nicolet C. *Le temple des Nymphes...* P. 42) и П. Гарнси (Garnsey P. *Famine and Food Supply in the Graeco-Roman World: Responses to Risk and Crisis*. Cambridge: Cambridge University Press, 1988. P. 213) датируют действия Клодия периодом между сентябрем 57 и мартом или апрелем 56 г.

³⁵³ Nicolet C. *The World of the Citizen...* P. 199. Также см.: Wiseman T.P. *The Census in the First Century B.C.* // *Journal of Roman Studies*. 1969. Vol. 59. P. 64, n. 48.

³⁵⁴ См., напр.: Garnsey P. *Famine and Food Supply...* P. 213; Bert Lott J. *The Neighborhoods...* P. 64. Даже если полагать, что Клодий помешал *ἀπογραφῇ* Помпея, для нас важен скорее сам факт то, что Помпей, было или нет противодействие Клодия, все же в принципе имел возможность провести *recensus* в рамках своих полномочий как куратор анноны. Активное сопротивление со стороны Клодия лишь подтверждает это.

³⁵⁵ Viriouv C. *Tessera frumentaria...* P. 172, n. 25.

Означало ли это, что Помпей мог использовать свою власть в самом городе³⁵⁶? Храм нимф находился на Марсовом поле³⁵⁷, то есть территориально *extra urbem* – за пределами городских стен. Проведение Помпеем *recensus* поэтому не доказывает, что он имел право пересекать померий. Однако известно, что в этот период Помпей действительно входил в город, не теряя империя, хотя технически был промагистратом. Должны были существовать очень серьезные причины, позволившие носителю империя, не имевшему магистратуры, появляться в Риме. Вопрос в том, было ли это право безусловным и постоянным (предусмотренным самой должностью и, вероятно, оговоренным в *lex Cornelia Caecilia*) или же требовало предоставления куратору анноны специального разрешения в каждом конкретном случае.

§2.5. Разрешение куратору анноны вступать в Рим с сохранением империя

Ф. Дрогула отмечает, что, когда в 23 г. Август планировал постоянно действовавшую диспенсацию от нормы, запрещавшей применение империя проконсула в пределах города, чтобы иметь возможность свободно пересекать померий и входить в Рим без потери власти, перед ним были «примеры Суллы и Цезаря, которые оба использовали диктатуру, чтобы не отказываться от империя в Риме»³⁵⁸. На мой взгляд, *procuratio annonae* Помпея представляет гораздо более точную параллель, поскольку диктаторы были магистратами, а *curator annonae* – промагистратом.

Давно признано, что сама суть поручения в рамках *cura annonae* должна была быть причиной предоставления указанной диспенсации³⁵⁹. Однако нет

³⁵⁶ См.: Tarpin M. *La paperasse avant le papier...* P. 212, n. 45.

³⁵⁷ Nicolet C. *Le temple des Nymphes...* P. 38.

³⁵⁸ Drogula F.K. *Commanders and Command...* P. 359. О праве проконсула Тиберия на такую же диспенсацию см.: Brunt P.A. *C. Fabricius Tuscus and an Augustan dilectus* // *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik*. 1974. Bd. 13. P. 172.

³⁵⁹ Mommsen Th. *Römisches Staatsrecht*. Bd. II.1. S. 660.

прямых сведений источников о том, что Помпей вступал в город для каких-то конкретных действий именно в рамках выполнения задач, предусматриваемых *cura annonae* (если только не считать *recensus* таковым действием). Современным исследователям приходится довольствоваться сообщениями о том, что Помпей несколько раз в течение 56 г. пересекал городскую границу, не утрачивая империй, для участия в политически важных судебных процессах. Эти – весьма надежные³⁶⁰ – показания античных авторов интерпретировались как доказательство того, что Помпей всякий раз получал *ad hoc* разрешения. Р. Сигер утверждал, что в период *procuratio annonae* Помпей «часто находился вне Рима по делам, связанным с ней. Возможно, именно по этой причине, несмотря на его очевидное нежелание отрываться от политики в Риме, постоянное разрешение на вход в город без сложения империя не было включено в условия закона [учреждавшего *cura annonae*, –

³⁶⁰ См. особенно: *Cic. Fam.* 1.9.7; *Q.fr.* 2.3.2. В.А. Беккер (Becker W.A. *Handbuch der römischen Alterthümer*. Т. 2. Abt. 2... S. 68–69) также ссыался на пассаж *Cic. Fam.* 1.1.2, из которого мы узнаем лишь то, что в январе 56 г. Помпей защищал Спинтера *in senatu*. Но, как отмечает Р. Ридли (Ridley R.T. *Pompey's Commands...* P. 137), «эта фраза не обязательно означает курию, располагавшуюся на форуме». Однако помимо упоминания этого случая исследователь напоминает о том, что во второй половине 56 г. Помпей лично защищал Бальба (*Cic. Balb.* 2, 17, 59). «Он обвинялся в узурпации гражданских прав по *lex Papia* 65 г. (*Cic. Balb.* 52). Поскольку этот закон не учреждал *quaestio*, обычно предполагается, что дело рассматривалось в *quaestio maiestatis*, заседавшей на форуме» (Ridley R.T. *Pompey's Commands...* P. 138). Поэтому, согласно Р. Ридли (Ridley R.T. *Pompey's Commands...* P. 139), процессы Милона, Сестия и Бальба «все, вероятно, происходили в пределах города». См. также обобщенное указание на личное присутствие Помпея на процессах своих друзей: *Plut. Pomp.* 48. Ж.-Л. Феррари высказывает сомнения по поводу сообщений о пересечении Помпеем померия в 56 г., поскольку известно, что в этом же году сенат собирался вне померия именно для того, чтобы позволить Помпею присутствовать (Ferrary J.-L. *Les pouvoirs d'Auguste...* P. 13). Однако эти меры предосторожности могли объясняться причинами, не связанными с необходимостью сохранить империй проконсула Помпея, в то время как предположение Ж.-Л. Феррари о том, что *laudatio* для Сестия могла быть написана и зачитана не самим Помпеем (который, следовательно, оставался за пределами города), противоречит прямому утверждению Цицерона, что Помпей действительно входил в Рим по случаю этого процесса. Замечание Ж.-Л. Феррари о том, что мы не знаем, где именно происходила *contio* в контексте процесса Милона в феврале 56 г., ошибочно: она определено состоялась на форуме (*Cic. Q.fr.* 2.3.2; Vanderbroeck P.J.J. *Popular Leadership...* P. 252–253). Ж.-Л. Феррари противоречит сам себе, когда в другом месте признает, что *solutio legibus* проконсулу Помпею могла быть предоставлена, поскольку *cura annonae* непосредственно касалась городских дел, поэтому посчитали необходимым разрешить Помпею пересекать померий для выполнения его обязанностей (Ferrary J.-L. *Les pouvoirs d'Auguste...* P. 14).

Р.Ф.]; вместо этого он получал *ad hoc* разрешение, когда обстоятельства делали его присутствие в городе необходимым»³⁶¹. Однако вряд ли можно согласиться с тем, что частые случаи отбытия Помпея из Рима как куратора анноны должны были объяснять, почему Помпей не получил постоянного разрешения на сохранение империя как проконсул при вступлении в Рим.

Д.Р. Шэкстон Бэйли, комментируя личное присутствие Помпея на процессе Сестия в 56 г. в пределах померия, утверждал, что Помпей «должен был быть освобожден от действия правила, согласно которому вход в черту города влек за собой утрату империя, специально для этого случая»³⁶². Аналогично, Й. Бляйкен допускал только две возможности: либо процесс Сестия на самом деле проходил *extra urbem* (что сложно принять, учитывая, что Й. Бляйкен сам указывает на употребление фразы *cum introisset in urbem* во фрагменте *Cic. Fam. 1.9.7*), либо Помпей отдельно получил «*Dispens*»³⁶³. К.М. Жирарде утверждал не только то, что разрешения предоставлялись *ad hoc*, но и что они давались именно для того, чтобы позволить Помпею присутствовать на процессах (а не в связи с исполнением обязанностей куратора анноны)³⁶⁴.

Ф. Верват, с одной стороны, утверждает, что *lex Cornelia Caecilia* «должен был наделить Помпея правом выполнять свои обязанности в Риме (*intra pomerium*) в качестве проконсула без утраты империя». Но, с другой стороны, он предполагает, что закон, вероятно, содержал «оговорку о том, что проконсулу будет предоставляться *ad hoc* разрешение от сената, когда такие действия будут сочтены необходимыми»³⁶⁵. В более поздней работе Ф. Верват отмечает, что «это полномочие не было безусловным и ... только в целях осуществления *curatio annonae* и при важной оговорке, что сенат санкционирует каждый подобный вход в город»³⁶⁶.

³⁶¹ Seager R. Pompey the Great... P. 108.

³⁶² Shackleton Bailey D.R. Cicero: *Epistulae ad Familiares*. Vol. 1.... P. 309.

³⁶³ Bleicken J. Zwischen Republik und Prinzipat... S. 59–60, Anm. 174.

³⁶⁴ Girardet K.M. *Imperia und provinciae*... S. 189.

³⁶⁵ Vervaeke F.J. Arrogating Despotic Power... P. 153, n. 53.

³⁶⁶ Vervaeke F.J. No Grain of Salt... P. 159.

Теоретически возможно предположить существование такой оговорки³⁶⁷, но это предположение сопряжено с серьезными трудностями. Помимо того, что подобные *ad hoc* разрешения сената не засвидетельствованы, основная проблема в рассуждении Ф. Вervата заключается в том, что оно требует от нас признать: судебные процессы, в которых участвовал Помпей, должны были быть признаны сенатом как существенные с точки зрения выполнения именно *cura annonae*. Но это не может быть верным, поскольку упомянутые процессы не имели ничего общего с *cura annonae*. Также остается неясным, каким образом сенаторы должны были решать, когда можно предоставить такое разрешение, а когда нет. Если они неоднократно принимали подобные решения, почему в наших источниках нет следов какого-либо обсуждения этого вопроса? Нет прямых свидетельств того, что решение сената в принципе могло обеспечить такое разрешение³⁶⁸. Наконец, идея о том, что каждый раз принималось специальное решение сената, плохо согласуется с тезисом Ф. Вervата о том, что после 55 г. Помпей избегал использовать эту возможность именно потому, что «вступление в черту померия в качестве обладателя важного военного командования ... вызвало бы слишком сильное недовольство среди многих влиятельных сенаторов»³⁶⁹. Но если, как считает

³⁶⁷ Например, можно вспомнить случаи, когда сенат назначал для жеребьевки *sors integra*, наполнение которого должно было быть определено сенаторами позже (*quo senatus censuisset*), поскольку на момент жеребьевки было неясно, какие именно театры военных действий потребуется открыть (Stewart P. *Public Office in Early Rome: Ritual Procedure and Political Practice*. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1998. P. 29–30; Brennan T.C. *The Praetorship...* P. 184–185).

³⁶⁸ Подобное разрешение для проведения триумфа первоначально давалось комициями; сенат лишь постепенно перешел к регулярному осуществлению этой прерогативы (Meyer E. *Römischer Staat und Staatsgedanke...* S. 152; De Martino F. *Storia della costituzione romana*. T. II. Napoli: Casa Editrice Jovene, 1960. P. 191; Jashemski W.F. *The Origins...* P. 36–37; Carney T.F. *The Promagistracy at Rome...* P. 72; Kloft H. *Prorogation...* S. 47–56; Ridley R.T. *The Extraordinary Commands...* P. 294–295; Vervae F.J., Naco Del Hoyo T. *War in Outer Space...* P. 22–33; Ferrary J.-L. *Retour sur la loi des inscriptions de Delphes et de Cnide (Roman Statutes, no 12)* // *Epigrafia 2006. Atti della XIVe rencontre sur l'épigraphie in onore di Silvio Panciera con altri contributi di colleghi, allievi e collaboratori* / Eds. M.L. Caldelli, G.L. Gregori, S. Orlandi. Rome: Edizioni Quasar, 2008. P. 108). Разрешение на назначение проконсула в 211 г. действительно было дано сенатом (Liv. 26.9.10), но чрезвычайность ситуации и оправдание этого решения военными соображениями не позволяют считать, что сенат мог в любой момент дать такое же разрешение для любых других целей.

³⁶⁹ Vervae F.J. *No Grain of Salt...* P. 165.

Ф. Верват, вступление Помпея в город в любом случае требовало решения сената, то его въезд в Рим не мог вызвать упомянутого недовольства, ведь проконсул при такой трактовке уже получил бы на тот момент эксплицитную санкцию сената³⁷⁰.

Гипотеза о том, что Помпей получил постоянную диспенсацию, также сталкивается с некоторыми трудностями, но они, как представляется, не критичны. Во-первых, если существовало постоянное разрешение, почему Помпей не использовал его после консулата 55 г., когда еще был куратором анноны, чтобы участвовать в более поздних судебных процессах? В частности, почему он отсутствовал на столь важном для него процессе Габиния в октябре 54 г., ограничившись *contio* за городской чертой³⁷¹? Аналогично, в сентябре 54 г. Помпей дал Скавру характеристику в письменном виде, но остался за пределами города, «поскольку был проконсулом» (Asc. 28C: *nam quod erat pro cos. extra urbem morabatur*; Cass. Dio 39.63.4–5)³⁷². Ответ должен заключаться в том, что к тому времени Помпей уже получил иберийские провинции. Если *lex Cornelia Caecilia* позволяла ему сохранять империй, она не обязательно позволяла также сохранять *provinciae*, которые, в отличие от *cura annonae*, относились исключительно к сфере *militiae*, как обычные проконсульские провинции³⁷³. Это предположение может объяснить, почему Дион (39.63.4)

³⁷⁰ К.М. Жирарде пишет, что сенат больше не предоставлял диспенсаций после 55 г., когда Помпей получил иберийские провинции (Girardet K.M. *Imperia und provinciae*... S. 198, Anm. 180). Остается неясным, что именно имеет в виду К.М. Жирарде. Можно предположить, что речь идет о том, что сенат опасался предоставлять диспенсацию обладателю т.н. *imperium militiae*, но был вполне готов сделать это в пользу куратора анноны, у которого не было ни армии, ни «военной» провинции. Однако К.М. Жирарде сам признал, что Помпей был обладателем «полноценного» империя уже тогда, когда у него в руках была только *procuratio annonae*. В этом отношении не было никакого различия между куратором анноны и проконсулом в Испании. Обе провинции также не давали Помпею никаких вооруженных сил под рукой вблизи города. На мой взгляд, наблюдение К.М. Жирарде предоставляет дополнительное объяснение того обстоятельства, что Помпей не использовал предположительно имевшуюся у него постоянную диспенсацию после 56 г.: его военная *provincia*, в отличие от *procuratio*, была бы, видимо, утрачена в результате вступления в город, даже если бы он по-прежнему сохранял империй благодаря диспенсации, имевшейся у него как у куратора анноны.

³⁷¹ Cass. Dio 39.63.4–5. По этому поводу см.: Pina Polo F. *Las contiones*... P. 303, n. 321.

³⁷² Дополнительные доказательства см. в работе: Vervaeke F.J. *No Grain of Salt*... P. 161–162.

³⁷³ Ср.: Ferrary J.-L. *À propos des pouvoirs d'Auguste*... P. 14.

пишет, что Помпей не пересекал померий, поскольку уже (ῥῆδη) был проконсулом, хотя к этому моменту он довольно давно являлся проконсулом (как куратор анноны). Проконсулат, о котором говорит здесь Дион, относится только к управлению иберийскими провинциями, которые Помпей действительно получил лишь недавно. Если это так, то Дион фактически подтверждает, что именно необходимость сохранения иберийского командования не давала куратору анноны Помпею возможности реализовать имевшееся у него постоянное разрешение на сохранение империя при вступлении в город Рим.

Еще одно затруднение, возникающее, если принять гипотезу о постоянной диспенсации для Помпея, заключается в том, что сенат, как сообщается, собирався за чертой города ut Pompeius adesset уже в феврале 56 г. (Cic. *Q.fr.* 2.3.3). Тем не менее, это обстоятельство не может, на мой взгляд, служить доказательством того, что Помпей получал только ad hoc разрешения, и, соответственно, не мог по своему собственному решению в любой момент войти в город³⁷⁴. Еще Мануций в своем комментарии писал о том, что Помпей не был готов вступить в Рим в этот момент не потому, что не имел такого права, а потому, что хотел продемонстрировать опасность, исходившую от сторонников Клодия³⁷⁵. Сравнение с ситуацией 52 г. поддерживает это наблюдение. Даже после того, как Помпей стал единственным консулом и, следовательно, получил полное право пересекать городскую черту в любое время, он, как справедливо заметил Б. Маршалл, «продолжал оставаться преимущественно в верхней части своих садов, по крайней мере в период до

³⁷⁴ Ср.: Seager R. Pompey the Great... P. 108, 225, n. 60; Vervaet F.J. No Grain of Salt... P. 160.

³⁷⁵ Ср.: Becker W.A. Handbuch der römischen Alterthümer. T. 2. Abt. 2... S. 66–67, 69; Mommsen Th. Römisches Staatsrecht. Bd. II.1. S. 660, Anm. 1; How W.W., Clark A.C. Cicero. Select Letters. With Historical Introductions, Notes and Appendices. Vol. 2: Notes. Oxford: Clarendon Press, 1926. P. 194; Ridley R.T. Pompey's Commands... P. 145. Также см. пассажи Cic. *Fam.* 1.7.3 (комментарий: Ridley R.T. Pompey's Commands... P. 137) и Cic. *Att.* 4.1.6 (об использовании другими сенаторами оправданий, аналогичных таковым у Помпея, для обоснования своего отсутствия на заседаниях).

процесса Милона» (Asc. 50C: ante iudicium), «и возможно, что сенат иногда собирался даже тогда в его вилле», находившейся ad urbem³⁷⁶.

Еще один возможный аргумент «против» гипотезы о постоянной диспенсации вытекает из идеи К.М. Жирарде о том, что Помпею требовалось междуцарствие как в 55, так и в 52 г., чтобы избежать обычной процедуры *professio*, которая, предположительно, требовала пересечения городской черты и, следовательно, привела бы к утрате империя. В случае междуцарствия, однако, якобы не было необходимости входить в город для «регистрации» в качестве кандидата. Тем не менее, сам К.М. Жирарде признает, что доказательства в поддержку его гипотезы неубедительны³⁷⁷.

Случай 52 г. здесь для нас нерелевантен, но что касается ситуации 55 г., объяснение К.М. Жирарде о необходимости междуцарствия для Помпея остается привлекательным, если исходить из предположения о том, что Помпей не имел постоянной диспенсации и мог рассчитывать только на ad hoc разрешения войти в город без утраты империя. Но поскольку именно это и требуется доказать, необходимо обратиться к другим деталям. К.М. Жирарде, как мне представляется, недооценивает сообщение Кассия Диона о том, что во время своего консульства в 52 г. Помпей возродил уже не применявшийся закон о выборах, который требовал от соискателей магистратур непременно лично являться перед собранием, чтобы никто не мог быть избран *in absentia* (40.56.1). Но если эта норма уже вышла из употребления (хотя, очевидно, она действовала во времена консульских выборов Цезаря) и была восстановлена Помпеем лишь в 52 г., то как *professio* могла стать проблемой в период собственных кампаний Помпея и в 55, и в 52 г.?

События 49 г. тоже, кажется, противоречат построениям К.М. Жирарде. Проконсул Цезарь пытался найти способ участвовать в консульских выборах, но, как сообщают источники, хотел избежать междуцарствия, рассматривая

³⁷⁶ Marshall B.A. A Historical Commentary on Asconius... P. 203.

³⁷⁷ Girardet K.M. *Imperia und provinciae*... S. 186, 191–192. Также ср.: Kunkel W., Wittmann R. *Staatsordnung und Staatspraxis*... S. 77–78.

вместо этого проведение консульских выборов претором (*Att.* 9.9.3). Но если, как следует из аргументации К.М. Жирарде, междуцарствие позволило бы проконсулу претендовать на избрание консулом на следующий год без необходимости лично явиться в город для *professio* и, следовательно, без утраты империя до этого момента, то почему Цезарь его избегал? Как бы то ни было, если допустить, что диспенсация Помпею на сохранение империя в качестве куратора анноны была постоянной и не зависела от дополнительных *ad hoc* разрешений, объяснение К.М. Жирарде для случая 55 г. становится излишним. Заинтересованность Помпея в организации междуцарствия в 55 г. может объясняться причинами, никак не связанными с необходимостью избегать пересечения померия ради *professio*. Например, Й. Ян напоминает нам о том, что главной причиной задержки выборов, причем именно в период до наступления зимы, была необходимость дожидаться прихода солдат Цезаря в Рим, чтобы они могли повернуть ход голосования в нужную сторону³⁷⁸.

Таким образом, я полагаю, что Д. Болсдон, вероятно, был прав, утверждая, что «похоже, в консульском законе ... было положение, позволявшее Помпею пересекать померий по своему усмотрению», поскольку «важная часть его работы должна была выполняться в Риме», включая составление списка лиц, «имевших право пользоваться *frumentatio*»³⁷⁹.

³⁷⁸ Подробнее см.: Jahn J. *Interregnum* und Wahldiktatur. Kallmünz: Verlag Michael Lassleben, 1970. S. 168–170. Также ср.: Staveley E.S. The Conduct of Elections During an *interregnum* // *Historia*. 1954. Bd. 3. P. 203–205; Дементьева В.В. Римское республиканское междуцарствие... С. 93–112. Можно, конечно, предположить, что в 55 и 52 гг. имелось освобождение от необходимости личной явки для участия в *professio* (Kunkel W., Wittmann R. *Staatsordnung und Staatspraxis*... S. 79), но в том, что касается 55 г., подобное предположение не имеет оснований.

³⁷⁹ Balsdon J.P.V.D. *Roman History*, 58–56 B.C... P. 17. Также см.: Ferrary J.-L. À propos des pouvoirs d'Auguste... P. 13–14; Blösel W. *Imperia extraordinaria*... S. 367–368, включая Anm. 250.

§2.6. Recensus и coetus recensionis causa

Вывод о том, что привилегия сохранять империй при вступлении в город являлась неотъемлемой частью прерогатив Помпея, определенных *lex Cornelia Caesilia*, позволяет предположить, что проконсул действительно официально обладал полномочиями в сфере *domi*, и именно по этой причине ему было предоставлено постоянное освобождение от ограничения, которое применялось (почти) ко всем промагистратам до этого момента. Но что именно означали бы в применении к промагистрату Помпею «полномочия в сфере *domi*»?

Проведенные Цезарем в 46 г. и позднее Августом *recensus populi* дают важную косвенную информацию. Следует, однако, отметить, что, как мы увидим, эти более поздние мероприятия лишь частично соответствуют *ἀπογραφή* Помпея уже потому, что Помпей стремился установить или пересмотреть только список вольноотпущенников, а не провести полномасштабный *recensus populi*. В то же время различие в масштабах не меняет того факта, что все упомянутые должностные лица работали со списками, которые были необходимы для снабжения Рима продовольствием.

Свидетельства о *recensus* Цезаря и Августа вызвали значительную научную дискуссию, поэтому я ограничусь здесь лишь аспектами, которые могут в некоторой степени пролить свет на ситуацию с *cura annonae* Помпея.

В жизнеописании Цезаря (41.3) Светоний пишет:

«Перепись граждан он произвел не в обычном месте и не обычным порядком, а по кварталам и через домовладельцев, и число получавших хлеб из казны сократил с трехсот двадцати тысяч до ста пятидесяти тысяч. А чтобы при обновлении списков не могли возникнуть новые беспорядки, он постановил, чтобы каждый год претор по жребию

замещал умерших получателей новыми из числа не попавших в списки» (Пер. М.Л. Гаспарова)³⁸⁰.

Если Помпей действительно проводил *recensus*, а Цезарь позже сделал то же самое³⁸¹, но «новым способом» (*nec more nec loco solito, sed vicatim per dominos insularum*), то перепись Помпея, следовательно, все еще проводилась «традиционным образом»³⁸². Согласно Светонию, Цезарь также стремился избежать в будущем *coetus recensiois causa* – возможно, они являлись тем *locus solitus*, где получатели хлеба должны были регистрироваться в период *cura annonae* Помпея. *Recensus populi* Августа также проводился *vicatim* (*Aug. 40.2*), то есть без массовых собраний.

Однако К. Николе предположил, что проведенная Цезарем процедура состояла из двух этапов. Сначала составлялся список всех граждан, проживавших в Риме, *vicatim per dominos insularum*. Затем сам *recensus* – то есть проверка общего списка для создания сокращенного перечня 150 тысяч получателей зерна – осуществлялся на *coetus*³⁸³. Это разграничение кажется мне маловероятным, поскольку, как справедливо отмечает сам К. Николе, вся процедура (включая часть, проводимую *vicatim*) обозначена термином *recensus populi*. Кроме того, если новая цезарианская процедура все же

³⁸⁰ *recensum populi nec more nec loco solito, sed vicatim per dominos insularum egit atque ex viginti trecentisque milibus accipientium frumentum e publico ad centum quinquaginta retraxit; ac ne qui novi coetus recensiois causa moveri quandoque possent, instituit, quotannis in demortuorum locum ex iis, qui recens non essent, subsortitio a praetore fieret.* Cp. Cass. Dio 43.21.4.

³⁸¹ О том, что он не проводил всеобщую перепись (*Per. 115; Plut. Caes. 55.3; App. BC. 2.102*; также cp. Cass. Dio 43.25.2), см., напр.: Wiseman T.P. *The Census...* P. 62–63; Virioux C. *Tessera frumentaria...* P. 168–169. Также cp.: Bert Lott J. *The Neighborhoods...* P. 63–65 (P. 63: «a review ... of the population of Rome»); Flower H.I. *The Dancing Lares and the Serpent in the Garden: Religion at the Roman Street Corner.* Princeton; Oxford: Princeton University Press, 2017. P. 202–203 (P. 202: «a special census»). О различных интерпретациях в источниках *recensus* Цезаря см.: Gasco J. *Suetone historien.* Rome: École Française de Rome, 1984. P. 65–68.

³⁸² Cp.: Virioux C. *Tessera frumentaria...* P. 171.

³⁸³ Nicolet C. *Le temple des Nymphes...* P. 50.

предусматривала *coetus* на каком-то этапе, как Цезарь мог надеяться избежать *coetus recensionis causa*³⁸⁴?

С другой стороны, К. Николе может быть прав в более общем плане. По-видимому, даже новая цезарианская процедура не исключала полностью необходимости каких-то массовых собраний, связанных с процессом обеспечения раздачи хлеба, поскольку *subsortitio* на практике все равно приводила к народным сходкам, которые, тем не менее, принципиально отличались от прежних *coetus recensionis causa*. Новые собрания проводились ежегодно и касались не сокращения числа получателей, а, наоборот, добавления новых граждан в список претором.

К. Николе и К. Вирлуве указывают на упоминание Цицероном *contio*, организованную Г. Гракхом для целей раздачи зерна в 123 г. (*Tusc.* 3.48)³⁸⁵. В отличие от слова *coetus*, термин *contio* может интерпретироваться только как указание на публичное собрание, но регистрация во время *recensus* (с сопутствующими *coetus*) и раздача на *contio* не обязательно были связаны. Тем не менее, К. Вирлуве предположила, что *contio* Г. Гракха могла подразумевать не только раздачу, но и регистрацию и, следовательно, представляла собой те *coetus recensionis causa*, которых Цезарь позже хотел избежать³⁸⁶.

Как бы то ни было, и регистрация, и раздача, по-видимому, происходили в контексте сходок, независимо от того, какое точное техническое обозначение они имели. Таким образом, у нас есть прямые свидетельства, во-первых, о регистрации на *coetus* (до Цезаря), а во-вторых, – о раздаче хлеба на *contio* (во времена Г. Гракха). Связь между *coetus* и *contiones* в данном случае можно прояснить, опираясь на предположение Ф. Пина Поло о том, что после введения Клодием бесплатных раздач в 58 г. *frumentatio* больше не предназначалась для всех граждан. Если это так, то сохранившие данное право получали хлеб не на общем собрании (*contio*), как раньше, а на «отдельных

³⁸⁴ Ср.: Virlouvét C. *Tessera frumentaria*... P. 171.

³⁸⁵ Nicolet C. Le temple des Nymphes... P. 48; Virlouvét C. *Tessera frumentaria*... P. 183.

³⁸⁶ Virlouvét C. *Tessera frumentaria*... P. 183, 267, n. 68, также см. P. 117–120.

собраниях» (reuniones distintas), созываемых соответствующими должностными лицами³⁸⁷. Могли ли эти собрания быть теми coetus recensionis causa, которые упоминает Светоний? В данном случае различие между coetus и contio может заключаться в масштабе или, точнее, в «охвате»: ранние contiones, открытые для всех граждан, отличались от позднейших coetus для более ограниченных по численности групп граждан, имевших право на бесплатное зерно. Таким образом, recensus мог требовать проведения собраний – для регистрации получателей и, возможно, также для самой раздачи хлеба – под председательством ответственных должностных лиц³⁸⁸.

В качестве такового должностного лица Помпей мог лично присутствовать на любом из этих собраний, поскольку и составление списка (Cass. Dio 39.24.1: ἀπογραφή), и раздача зерна (Plut. *Pomp.* 49.4: καρπῶν διαθέσεις; Cass. Dio 39.24.1: διαδόσει) упоминаются как часть его задач.

К. Николе сделал следующий шаг, прозорливо связав приведенные выше свидетельства с пассажем Цицерона о недостойном поведении начальника конницы М. Антония: «в собрании (coetus) римского народа, исполняя свои должностные обязанности, начальник конницы ... замарал переднюю часть своей тоги и весь трибунал» (пер. В.О. Горенштейна)³⁸⁹.

Термин coetus является амбивалентным³⁹⁰, но, во всяком случае, в этом пассаже он не несет негативного оттенка, поскольку не сопровождается уничижительным эпитетом³⁹¹. Происходило negotium publicum – «государственное мероприятие», как справедливо подчеркнул К. Николе. Еще важнее его указание на фрагмент *Phil.* 2.84, из которого с уверенностью можно

³⁸⁷ Pina Polo F. *Las contiones...* P. 170–171.

³⁸⁸ Это не исключает возможности того, что народ собрался без какого-либо специального призыва, о чем см. ниже.

³⁸⁹ *Phil.* 2.63: in coetu vero populi Romani negotium publicum gerens, magister equitum ... is vomens ... gremium suum et totum tribunal implevit

³⁹⁰ Nicolet C. *Le temple des Nymphes...* P. 50; Virlouvet C. *Tessera frumentaria...* P. 45 (включая n. 55), 170–171 (включая n. 18); Bernard S.G. *Food Distributions and Immigration in Imperial Rome // Migration and Mobility in the Early Roman Empire / Eds. L. de Ligt, L.E. Tacoma. Leiden; Boston: Brill, 2016. P. 58 (включая n. 42).*

³⁹¹ Nicolet C. *Le temple des Nymphes...* P. 49.

заклучить, что описанный в пассаже *Phil.* 2.63 инцидент произошел в Портике Минуция. Тогда *coetus* Антония следует понимать в контексте *frumentatio*, с проведением которой Портик Минуция был тесно связан³⁹². Если это так, то в тексте *Phil.* 2.63, в котором термин *coetus* явно не может обозначать «беспорядки»³⁹³, он относится к собранию, требовавшемуся процедурой *recensus*. Фраза *negotium publicum* и квалификация *coetus* как *verus* и *populi Romani* допускают только одну интерпретацию: это было собрание без голосования под председательством начальника конницы, то есть, по сути, разновидность *contio*, проводимой магистратом.

К. Николе считал, что собрание, где председательствовал Антоний, было *coetus*, составлявшим второй этап новой цезарианской процедуры *recensus*³⁹⁴. К. Вирлуве сомневается в том, что *coetus* Антония нужно связывать с *coetus recensionis causa* у Светония, поскольку *coetus* Антония вряд ли мог быть частью новой процедуры, если регистрация теперь проводилась *vicatim per dominos insularum*³⁹⁵. Однако Антоний вполне мог проводить свой *coetus* до того, как Цезарь ввел новую процедуру – возможность, которую, кажется, допускает и сама К. Вирлуве. «Последовательность событий в *Phil.* 2 указывает на то, что этот эпизод произошел до возвращения Цезаря в Рим в октябре 47 г.»³⁹⁶. Согласно такой точке зрения, выступление Антония имело место в 48 или 47 г., в любом случае до *recensus* Цезаря, организованного по новым принципам, описанным Светонием³⁹⁷.

Еще одно свидетельство, похоже, упущено современными исследователями. Из текста Плутарха мы узнаем, что народ призывал

³⁹² Nicolet C. *Le temple des Nymphes...* P. 49–51; Virlovvet C. *Tessera frumentaria...* P. 157–160, 332–333.

³⁹³ В отличие от *coetus*, упомянутого во фрагменте Suet. *Iul.* 41.3 (см. об этом ниже).

³⁹⁴ Nicolet C. *Le temple des Nymphes...* P. 50.

³⁹⁵ Virlovvet C. *Tessera frumentaria...* P. 171.

³⁹⁶ База данных FRRO («The Fragments of the Roman Republican Orators»), комментарий к фрагменту *Phil.* 2.63 (готовится к публикации; текущая база данных находится в закрытом доступе на сайте www.frro.gla.ac.uk; доступ получен от участников проекта 10.12.2020).

³⁹⁷ Срок пребывания Антония в качестве *magister equitum*, «как и срок второй диктатуры Цезаря, вероятно, не продлился до 46 г.» (Broughton T.R.S. *The Magistrates of the Roman Republic*. Vol. 2... P. 295).

начальника конницы Антония на форум (Plut. *Ant.* 9.4: τοῦ δῆμου καλοῦντος εἰς ἄγοράν). Это сообщение следует рассматривать в контексте того coetus Антония, о котором сообщает Цицерон, поскольку Плутарх тоже отмечает сложное физическое состояние Антония (если только не предположить, что это происходило неоднократно). Указание на «форум» в таком случае является ошибкой. То, что народ звал Антония, предполагает, что граждане ожидали от него конкретных действий или благ, а не просто хотели послушать его речь. Последнее маловероятно еще и учитывая ненависть народа к Антонию в это время (см., например, Plut. *Ant.* 9–10). Каких благ народ мог ожидать от Антония? Например, чтобы их имена были включены в список получателей frumentatio. Если это так, то предполагаемая мной ошибка Плутарха в локализации этого собрания объясняется путаницей coetus recensionis causa с «политической» contio общего типа, которая, конечно, чаще всего проводилась на форуме.

Вовсе не очевидно, что начальник конницы в буквальном смысле «созывал» coetus. Античные источники создают впечатление, что те, кому было необходимо обратиться к Антонию, сами собирались вокруг его трибунала. М. Кроуфорд, несомненно, прав, полагая, что «весьма сомнительно, чтобы это собрание было *созвано* М. Антонием»³⁹⁸.

Известно, что даже аудитория contio могла собираться еще до формального созыва собрания (см., например, Liv. 22.7.6–8), но использование в нашем пассаже термина coetus вместо contio может дополнительно подчеркивать организационную специфику собраний recensionis causa. Магистрат, хотя и присутствовал, формально не созывал собрание ни в какой момент времени. Участники собирались сами и «вовлекались» в процедуру по собственной инициативе. Кроме того, coetus recensionis causa проводились для составления списка (и сопутствующих действий), а не произнесения речей, а последнее было обязательным условием для использования термина contio. Если эти предполагаемые организационные особенности coetus Антония

³⁹⁸ Roman Statutes / Ed. M.H. Crawford.... P. 446. Курсив принадлежит М. Кроуфорду.

применимы и к случаю Помпея, то перечисленные детали могут пролить свет на характер собраний, которые последний регулировал как куратор анноны.

Не все исследователи согласны с К. Николе в интерпретации *coetus recensionis causa* как публичных собраний. Считая, что *recensus* был, по сути, всеобщей переписью, ограниченной городским населением, Э. Ло Кашио утверждал, что *coetus* у Светония (*Iul.* 41.3) обозначает «беспорядки»³⁹⁹. Его основной аргумент – использование глагола *movere*: беспорядки, мятежи, волнения можно было «спровоцировать», тогда как собрание для целей *recensus* – нет. Однако термин *movere* может иметь и нейтральное значение. Более того, если упомянутые *coetus* были собраниями, на которых граждане активно стремились попасть в список получателей *frumentatio*, то толпу вполне можно было назвать «спровоцированной» (открытием вакантных мест) на участие в собрании, а не только «спровоцированной» на «беспорядки» (если вообще возможно уловить разницу технически⁴⁰⁰). Ссылаясь на фрагмент *Cic.*

³⁹⁹ Lo Cascio E. *Le procedure di recensio...* P.3–4, включая п. 1. Э. Ло Кашио утверждает, что результат (*finalità*) *recensus* был таким же, как и при общей переписи, даже если процедура (*forme*) отличалась. Следовательно, *locus solitus* относится к явке *sui iuris* перед цензором (Lo Cascio E. *Le procedure di recensio...* P. 4–6). «Против» этой точки зрения см.: Virioux C. *Tessera frumentaria...* P. 168–169; Roman Statutes / Ed. M.H. Crawford... P. 360; Bernard S.G. *Food Distributions...* P. 57, n. 36. Примечательно, что даже в интерпретации Э. Ло Кашио *locus solitus* предполагает некое место, где собиралась толпа граждан. Его толкование также оставляет без объяснения тот факт, что у Светония *locus solitus* напрямую и исключительно связан именно с *frumentatio*, и ни с чем другим. Это становится еще очевиднее при рассмотрении свидетельства Светония о *recensus* Августа (*Aug.* 40.2). Э. Ло Кашио признает важность этих обстоятельств, но объясняет их тем, что в ближайших пассажах Светоний описывает деятельность Августа как цензора или, «во всяком случае», его политику, направленную на восстановление работы народных собраний и нормальной политической жизни в целом. Поэтому и *recensus*, по мнению исследователя, является аллюзией на восстановление участия граждан в политической жизни благодаря проведению (общей) переписи (Lo Cascio E. *Le procedure di recensio...* P. 7). Замечу, однако, что если речь идет о нормализации политической жизни, то успешно проведенный *recensus* исключительно для целей *frumentatio* соответствует этому контексту не хуже, чем общая перепись. В любом случае, контекст повествования Светония не меняет того факта, что этот автор прямо сообщает о необходимости *recensus* именно и только для организации продовольственного снабжения. Наконец, аргумент Э. Ло Кашио о том, что до Цезаря не могло быть специальной регистрации получателей *frumentatio* в *locus solitus*, работает только если уже принять как аксиому мысль о том, что *recensus* Помпея представлял собой общую перепись (Lo Cascio E. *Le procedure di recensio...* P. 5–6, n. 7, 8).

⁴⁰⁰ Ср.: Lo Cascio E. *Le procedure di recensio...* P. 3–4, n. 1 (аналогично подходу Э. Ло Кашио также см.: Giovannini A. *Die Tabula Heracleensis*. Neue Interpretationen Und Perspektiven, 1. *Die frumentationes* // Chiron. 2004. Bd. 34. S. 199–200). Ср. *Sen. Ep.* 40.4: *adice nunc quod quae*

Verr. 1.54 (*frequentia ... convenit*), М. Тарпен справедливо отмечает, что даже всеобщая перепись (Цицерон говорит о переписи 70 г.) вызывала (*provoquait*) собрания (или просто огромные скопления людей) в Риме⁴⁰¹.

Подобно Э. Ло Кашио и задолго до него, Дж. С. Рид утверждал, что *novi coetus* «вряд ли является выражением, которое могло бы обозначать законные народные собрания. Оно более уместно, если волнения, вызванные сокращением числа получателей в результате *recensus*, приводили к неорганизованным беспорядкам на улицах»⁴⁰². Это рассуждение нельзя принять: если *coetus* возникали именно из-за *ad hoc* сокращения числа получателей, то Цезарь не смог бы избежать их тем, что уменьшал это число. Напротив, он сам спровоцировал бы волнения. Однако он смог (или по крайней мере надеялся) одновременно и сократить число получателей, и избежать *coetus*.

Э. Ло Кашио далее оспаривает точку зрения К. Вирлуве о том, что до Цезаря регистрация происходила на публичных собраниях, ссылаясь на историю Сп. Мелия и процедуру *ἀναγορία* в Оксиринхе⁴⁰³. К. Вирлуве, со своей

veritati operam dat oratio incomplexa esse debet et simplex: haec popularis nihil habet veri. movere vult turbam et inconsultas aures impetu rapere.

⁴⁰¹ Tarpin M. *Vici et pagi...* P. 112, n. 44.

⁴⁰² Reid 1915, 222. Ср.: Giovannini A. *Die Tabula Heracleensis...* S. 200.

⁴⁰³ К. Вирлуве (Virlovvet C. *Tessera frumentaria...* P. 44–46) связывает *coetus plebis* – собрания, о которых Ливий сообщает, что они происходили в доме Сп. Мелия, раздававшего зерно согражданам (4.13.10: *largitiones coetusque plebis in privata domo*), – с *coetus recensionis causa* у Светония. Э. Ло Кашио (Lo Cascio E. *Le procedure di recensio...* P. 3–4, n. 1) утверждает, что на собраниях у Мелия происходила раздача зерна, но, конечно, не «регистрация». На мой взгляд, это мало что значит для понимания более поздней процедуры *recensus*, учитывая, что Мелий действовал, как известно, без официальных полномочий. Ирония состоит в том, что в другой версии традиции Сп. Мелию даже приписывается такое действие, как выявление тех, кто, по его оценке, не мог купить зерно даже по сниженной цене (Dion. Hal. *Ant. Rom.* 12.1.2; собрания упоминаются во фрагментах 12.1.5 и 12.1.10). Вторым аргументом Э. Ло Кашио состоит в том, что, хотя процедура *ἀναγορία* в Оксиринхе III в. н.э. происходила совершенно определенно в условиях проведения массового собрания, она касалась только распределения, а не регистрации (которая осуществлялась в другом месте). Однако даже если мы примем эту параллель в общих чертах, она не может автоматически исключить возможность того, что в Риме до Цезаря регистрация получателей бесплатного зерна могла осуществляться во время *coetus*. Это тем более вероятно, поскольку мы не знаем точно, что именно делал сам Помпей, проводя *ἀπογραφή*. Например, ничто не исключает вероятность того, что его собрания также включали озвучивание имен уже зарегистрированных (или только что зарегистрированных)

стороны, справедливо отмечает, что интерпретация термина *coetus* у Светония как обозначения беспорядков маловероятно, поскольку другие источники не сообщают о каких-либо волнениях, вызванных новым способом регистрации для *frumentatio*, хотя античные авторы особенно интересуются подобными инцидентами⁴⁰⁴.

Если принять аргумент Э. Ло Кашио, это неизбежно создает фундаментальные затруднения. Во-первых, такое прочтение, по-видимому, оставляет без ответа вопрос о том, как же проводился *recensus* до Цезаря (*more solito*), если только Цезарь ввел процедуру *vicatim*, а *coetus* были не более чем беспорядками. Во-вторых, С. Бернард справедливо указывает на то, что, хотя «некоторые (исследователи) интерпретировали эту фразу как указание на угрозу продовольственных бунтов, ...ключевое противопоставление здесь между нерегулярными (*quandoque*) собраниями и ежегодной (*quotannis*) жеребьевкой»⁴⁰⁵. Действительно, если *coetus* были «беспорядками», как объяснить акцент на том, что эти беспорядки были нерегулярными (*quandoque*), и что Цезарь намеревался заменить их формальной процедурой, как если бы беспорядки можно было вытеснить легальным процессом? Если Цезарь хотел устранить потребность в нерегулярных (*quandoque*) собраниях, это вовсе не значит, что он желал избежать вообще каких бы то ни было собраний⁴⁰⁶. Достаточно было того, что они теперь должны были проводиться претором регулярно, *quotannis*⁴⁰⁷. Отсюда следует, что прежние *coetus* —

получателей зерна — процедуру, которая в Оксиринхе точно происходила в контексте именно публичного собрания (Rea J.R. *The Oxyrhynchus Papyri*. Vol. 40. London: Egypt Exploration Society, 1972. P. 5–6).

⁴⁰⁴ Virlouvet C. *Tessera frumentaria*... P. 170.

⁴⁰⁵ Bernard S.G. *Food Distributions*... P. 58.

⁴⁰⁶ Ср.: Virlouvet C. *Tessera frumentaria*... P. 171. Также см. выше по поводу интерпретации К. Николе.

⁴⁰⁷ Исходя из своего понимания *coetus* как беспорядков, а не собраний, составлявших часть процедуры *recensus*, Э. Ло Кашио утверждает, что при Цезаре *recensus* проводился только один раз (Lo Cascio E. *Le professiones della Tabula Heracleensis e le procedure del census in età cesariana* // *Athenaeum*. 1990. Vol. 78. P. 295) и что ежегодная *subsortitio* должна была заменить *recensus* в будущем и тем самым снизить риск городских беспорядков и волнений (Lo Cascio E. *Le professiones*... P. 301). Мнение о том, что Цезарь не предполагал, что *recensus* будет разовой процедурой, см., напр., в работе: Hardy E.G. *Some Problems in Roman*

включая, следовательно, интересующие меня времена Помпея – должны были быть нерегулярными. Однако они все же были официальными собраниями, на которых присутствовали ответственные должностные лица и проводился *recensus*.

М. Тарпен следует за Э. Ло Кашио и понимает *recensus* как своего рода «городскую» перепись – перепись всех граждан, проживавших в Риме, которую следует отличать от всеобщей переписи⁴⁰⁸. Но даже если допустить, что *recensus populi*, организованные Цезарем и Августом, действительно были «городскими» всеобщими переписями, такая их интерпретация не обязательно применима к ἀπογραφὴ Помпея⁴⁰⁹. Как я уже отмечал, масштаб этих мероприятий, вероятно, отличался, несмотря на все сходства (в других отношениях), которые выше позволили мне строить предположения об организационных особенностях ἀπογραφὴ Помпея на основании сообщений о более поздних *recensus populi*. Более того, примечательно, что, в отличие от Э. Ло Кашио, М. Тарпен, комментируя *recensus populi*, описываемый во фрагменте Suet. *Iul.* 41.3, признает: хотя термин *coetus* часто интерпретируется как указание на беспорядки, он может в принципе обозначать массовые собрания⁴¹⁰. Когда он переводит этот пассаж, он передает *coetus* словом *rassemblements* («собрания») и, как упоминалось выше, пишет, что всеобщая перепись вызвала большое скопление людей в Риме⁴¹¹.

History. Ten Essays Bearing on the Administrative and Legislative Work of Julius Caesar. Oxford: Clarendon Press, 1924. P. 300.

⁴⁰⁸ Tarpin M. *Vici et pagi*... P. 111–112; Tarpin M. *La paperasse avant le papier*... P. 211.

⁴⁰⁹ М. Тарпен ставит под сомнение понимание К. Вирлуве ἀπογραφὴ во фрагменте Cass. Dio 39.24.1–2 как указания на регистрацию именно для целей *frumentatio*, утверждая, что регулярная перепись не проводилась с 70 г., поэтому единственным способом для Помпея интегрировать новых вольноотпущенников в трибы (*d'intégrer ces affranchis dans les tribus*), а не просто позволить им воспользоваться распределением зерна, было проведение «локальной переписи» (*cens local*), то есть переписи всех граждан, проживавших в Риме (Tarpin M. *L'utilisation d'archives*... P. 391–392, n. 16; Tarpin M. *Vici et pagi*... P. 115–116, n. 57). Однако это рассуждение может быть убедительным только в том случае, если также принять идею о том, что Помпей действительно стремился интегрировать вольноотпущенников в трибы, о чем Дион не сообщает.

⁴¹⁰ Tarpin M. *La paperasse avant le papier*... P. 216, n. 57.

⁴¹¹ Tarpin M. *Vici et pagi*... P. 112 (также ср. P. 123); Tarpin M. *La paperasse avant le papier*... P. 216.

Собрания куратора анноны Помпея могли быть защищены от вмешательства со стороны магистратов. Обратимся к аналогии. В надписи I в. н.э. из Александрии Трояды (CIL III 392) засвидетельствовано, что Г. Юлий Юниан был наделен *ius contionandi*⁴¹². Эта привилегия отличается от магистратур, которые он занимал и которые уже подразумевали обладание *potestas contionandi*. Поскольку *ius contionandi* представлено как самодостаточное право, оно должно было давать Юлию Юниану в качестве *privatus* не только право выступать на *contio*, созванной магистратом, и не только право самостоятельно созывать *contiones*⁴¹³, но и возможность проводить их, не опасаясь возможного противодействия со стороны магистратов. В противном случае *ius contionandi* едва ли имело бы значительный самостоятельный практический смысл, достойный упоминания в надписи.

Возможно, более очевидной параллелью с *coetus* Помпея является один аспект деятельности *pontifex maximus*. Будучи *privatus*, он, тем не менее, имел право созывать *contiones/comitia calata* и председательствовать на них. Подобно куратору анноны, великий понтифик проводил собрания, не связанные с принятием решений, и только для строго определенных технических целей⁴¹⁴. Должно было считаться незаконным или неуместным для магистратов препятствовать проведению таких собраний.

Связь между собраниями Помпея для проведения *recensus* и *contiones* Г. Юлия Юниана и великого понтифика, конечно, весьма условна. Однако общая логика регулирования всех этих – очень разных – собраний, заключается в том, что от лица, не являвшегося магистратом, ожидалось взаимодействие с массовыми собраниями граждан с целью выполнения

⁴¹² Gen(io) Populi C(aius) Iulius C(ai) f(ilius) Ani(ensi) Iunianus [I]I vir iter(um) II vir quinq(ennalis) aed(ilis) [____] sacerdotali(bus) et II viralib(us) [orna]ment(is) et iure contionan[di et stat]uis pedestrib(us) et equestr[ib(us) st]atuis item a civitate Iliensi[um clupeis? e]t statuis inaurat(is) honor[atus] consacrauit.

⁴¹³ Это нерешительно допускается в работе: Pina Polo F. *Ius contionandi y contiones...*

⁴¹⁴ Pina Polo F. *Las contiones...* P. 54–64.

важной и легитимной общественной функции, причем независимо от магистратов, самостоятельно.

Существование защиты собраний, созываемых куратором анноны, от вмешательства других должностных лиц не может быть доказано. Но это предположение получает дополнительное подтверждение при сравнении с ситуацией в провинциях. Как утверждает К.М. Жирарде, хотя Помпей так и не получил *imperium maius*, его действия в рамках возложенной на него конкретной задачи не могли быть ограничены провинциальными наместниками⁴¹⁵. Ф. Верват даже утверждает, что Помпей «получил универсальный *summum imperium* во всех вопросах, касающихся *frumentatio* Рима, по отношению как к консулам, так и к проконсулам в соответствующих провинциях, а не какую-либо форму *par* (или *aequum*) *imperium*»⁴¹⁶. Подобный механизм мог действовать и в отношении города Рима и магистратов. Если формулировать более конкретно, проконсульский ранг Помпея (Cass. Dio 39.9.3: ἀρχὴν ... ἀνθυπάτου), возможно, подразумевал, что его действия в городе не могли быть оспорены магистратами рангом ниже консула.

Таким образом, в той мере, в какой эти параллели убедительны, можно предположить, что ἀπογραφὴ Помпея представляла собой разновидность *recensus* и подразумевала созыв и председательство на «официальном» публичном собрании – или, точнее, контроль над его ходом. Это собрание было ограничено очень специфической технической функцией. Его вполне можно сравнить с *contiones* магистратов. Однако ограниченный состав участников (по сравнению с *contiones*, которые в принципе были открыты для всех), очевидное отсутствие такой составляющей как публичная речь, а также пассивная, техническая роль председательствовавшего должностного лица привели к тому, что античные авторы в данном случае избегали употребления термина *contio*. Можно утверждать не только то, что проконсул напрямую вмешивался в сферу *domi*, но и то, что он делал это путем организации или контроля над

⁴¹⁵ Girardet K.M. *Imperia und provinciae*... S. 189.

⁴¹⁶ Vervae F.J. *No Grain of Salt*... P. 157–158, включая n. 30.

«гражданскими» публичными собраниями – как если бы он был действующим магистратом, а не промагистратом.

Нет свидетельств того, что Помпей напрямую использовал эти собрания для каких-либо политических целей, а не для формальных технических задач. Но даже если это так, созданная ради их выполнения публично-правовая конструкция заключалась в наделении *privatus* прерогативами в сфере *domi*, обычно имевшимися только у магистратов. Технические детали ἀπογραφῆ/*recensus* Помпея во многом остаются неясными, но именно задача обеспечения Рима продовольствием – как справедливо подчеркивал еще Д. Болсдон⁴¹⁷ – должна была стать причиной предоставления Помпею как куратору анноны и проконсулу общего постоянного разрешения входить в город с сохранением империя. Вряд ли проконсул получил бы эту необычную прерогативу, не имевшую прецедентов, без веских практических причин.

§2.7. *Cura annonae* Помпея и сфера *domi*

Представленные выше рассуждения основаны на гипотезе, согласно которой консульский закон об учреждении *cura annonae* мог официально наделить Помпея полномочиями для осуществления ряда действий в сфере *domi*. Но можно представить и иную ситуацию: Помпей действовал по собственной инициативе. Он мог «по ходу дела» принять решение о составлении списка тех, кого необходимо зарегистрировать в качестве получателей хлеба. Оппозиционная реакция сената на требования со стороны граждан могла подразумевать лишь решение официально поручить Помпею логистику продовольственных поставок вплоть до Рима, тогда как городские магистраты, в частности, эдилы, должны были, как и прежде, заниматься распределением хлеба⁴¹⁸. При таком наборе допущений активное вовлечение

⁴¹⁷ Balsdon J.P.V.D. *Roman History*, 58–56 B.C... P. 17.

⁴¹⁸ Ср. Cic. *Leg.* 3.7 (ср.: Becker M. *Suntoque aediles*... S. 268). В этом фрагменте отмечается, что снабжение продовольствием должно быть обязанностью обычных городских магистратов. В пассаже Suet. *Iul.* 41.3 упоминается проведение преторами процедуры

Помпея в процесс администрирования сферы *domi*, включая *recensus*, можно рассматривать как результат его собственного несанкционированного решения или самовольного перераспределения полномочий. Тогда то, что Помпей на практике проводил *recensus*, объясняется вовсе не тем, что у него были соответствующие полномочия для такого действия⁴¹⁹.

Хотя полностью исключить такую возможность нельзя, она представляется маловероятной по нескольким причинам: (1) Способ действий Помпея как куратора анноны соответствует другим случаям его вовлечения в сферу *domi* в качестве проконсула. А именно: он сначала обеспечивал правовое обоснование для вмешательства, и только затем официально действовал как носитель публичной власти. Яркий пример – *senatus consultum ultimum* 52 г., который прямо уполномочил проконсула Помпея разрешить кризис в пределах города, что он отчасти и сделал (см. §2.9 данной главы). (2) Распределение зерна засвидетельствовано как часть задач куратора анноны. Следовательно, даже если *recensus* прямо не упоминался в законе, решение Помпея провести его нельзя считать значительным расширением его полномочий. (3) Куратор анноны получил разрешение сохранять империй при вступлении в Рим. Если, как я утверждаю выше, это целевое по своей сути разрешение было постоянным и, следовательно, прописывалось в законе, то проведение *recensus* и связанных с ним мероприятий, вероятно, также упоминалось в *lex Cornelia Caecilia*, учреждавшей должность Помпея. Только в этом случае постоянное разрешение могло иметь какой-либо смысл. (4) В источниках нет никаких замечаний о том, что Помпей самовольно расширил свои первоначальные полномочия, и никаких комментариев по поводу незаконности или нелегитимности его *recensus*. (5) Помпей изображается как актер, получивший все необходимые формальные полномочия для решения поставленной перед ним задачи. (6) Отказ от проекта Мессия демонстрирует чувствительность

subsortitio для заполнения вакантных мест в списке тех, кто имел право на получение бесплатного зерна.

⁴¹⁹ Этот вариант рассуждений был в ответ на мой доклад по данному вопросу предложен К. Стил и другими участниками научного colloquium в университете Глазго в 2019 г.

сената к вопросу о конкретном наполнении прав куратора анноны. Поскольку Помпей публично поддержал консульский закон, а не предложение Мессия, крайне маловероятно, что он тут же открыто превысил или «творчески переосмыслил» только что одобренные им самим (урезанные) полномочия. (7) Наконец, тот факт, что ординарные магистраты (преторы) проводили *subsortitio* в рамках новой системы организации *frumentatio* при Цезаре, само по себе еще не говорит о том, что действия Помпея пересекались с обязанностями ординарных магистратов.

Хотя рискованно выводить формальные полномочия куратора анноны из фактических действий Помпея, в данном случае я не вижу существенных расхождений между свидетельствами о его прерогативах и данными о его практической деятельности. Если это так, то вмешательство проконсула в сферу *domi* не было результатом его собственного понимания ситуации, а стало следствием легитимации и легализации со стороны государственных институтов *civitas* вмешательства носителя империя, не являвшегося избранным магистратом. Возможно, здесь кроется часть объяснения того обстоятельства, что сенат впоследствии (после смерти консулов Вибия Пансы и Авла Гирция в 43 г.) решил упразднить концентрацию управления хлебным снабжением Рима в руках одного лица. Сенаторы приняли эту меру вместе с решением запретить занимать должность дольше года (Cass. Dio 46.39.1–3)⁴²⁰. Поскольку последнее представляло собой грубое нарушение республиканских норм, то и *cura annonae*, должно быть, также была признана таковым.

Таким образом, Ф. Верват и другие исследователи справедливо отмечают, что *cura annonae* Помпея «стала одной из основ автократического режима Августа»⁴²¹, в том числе потому, что Август «похожим образом обеспечил себе право применять империй внутри померия в качестве

⁴²⁰ Ср.: Day S.C. *Fleets and provinciae in the Roman Republic: Institutions, Administration and the Conceptualisation of Empire Between 260 and 49 B.C.* PhD Thesis. Oxford: University of Oxford, 2013. P. 232–233; Vervaet F.J. *No Grain of Salt...* P. 169–170.

⁴²¹ Vervaet F.J. *No Grain of Salt...* P. 170.

проконсула»⁴²². Мне представляется, что характер деятельности, которую Помпей как промагистрат и *privatus* смог осуществлять благодаря этой формальной санкции, соответствовал исключительно магистратским прерогативам: проведение или контроль над не связанными с принятием решений публичными собраниями в рамках (гражданского) администрирования города Рима.

§2.8. Проконсул Помпей, сенат и выборы в 50-х гг.: τοὺς δὲ ὑπάτους ἀποδειχθῆναι παρεσκεύασεν

В качестве проконсула Помпей также участвовал в нескольких *contiones*, на которые его приглашали, и заседаниях сената, где он выступал как рядовой сенатор⁴²³. В некоторых случаях он даже предотвращал принятие сенатских решений (Cass. Dio 39.30.1). Но этим дело не ограничивалось.

Избрание Помпея и Красса консулами в 55 г. стало возможным благодаря открытому применению насилия⁴²⁴. Однако нет свидетельств того, что проконсульский статус Помпея (он оставался *curator annonae*) помогал ему организовывать насильственное давление на противников, тогда как вмешательство проконсула Цезаря оставалось косвенным – например, через своих солдат, прибывавших в Рим⁴²⁵.

⁴²² Vervaeke F.J. No Grain of Salt... P. 166–167 (со ссылкой, в частности, на работу: Ridley R.T. Pompey's Commands... P. 146).

⁴²³ Ср., напр., его участие в *contio* Клодия во время суда над Милоном (Tan J. *Contiones in the Age of Cicero* // *Classical Antiquity*. 2008. Vol. 27. P. 160 n. 60; Vanderbroeck P.J.J. *Popular Leadership*... P. 253) и на *contio* в январе 52 г. (Asc. 51C). Также см. менее конкретное сообщение о присутствии Помпея (вероятно, в бытность его проконсулом) на *contio*, упомянутой в Plut. *Pomp.* 54. О его участии в сенатских собраниях см., напр., App. *BC.* 2.28 (по поводу 49 г. см. App. *BC.* 2.37).

⁴²⁴ Приготовление: Cic. *Q. ar.* 2.3.4; Val. Max. 6.2.6; Cass. Dio 39.27.3–29.3; 39.31.1; Plut. *Pomp.* 51; Vanderbroeck P.J.J. *Popular Leadership*... P. 254. Выборы: App. *BC.* 2.17; Cass. Dio 39.31; Plut. *Cat.* 41; *Crass.* 15.3–5, *Pomp.* 52; Vanderbroeck P.J.J. *Popular Leadership*... P. 256. Также ср. Plut. *Pomp.* 48–49.

⁴²⁵ Консул Марцеллин жаловался на *nimia potestas* Помпея (Val. Max. 6.2.6), но это вряд ли указывает на *procuratio annonae*.

Хотя Помпей вмешивался в процесс Габиния, выступая на *contio* вне городской черты (Cass. Dio 39.63.4–5), такое участие во внутренних политических процессах явно нарушало существовавшую традицию. Как отмечает Ф. Пина Поло, источники создают впечатление, будто Помпей лично созвал эту *contio*. Исследователь считает это маловероятным, учитывая проконсульский статус Помпея, и предполагает, что *contio* скорее всего организовал трибун Д. Лелий⁴²⁶. Но даже если допустить, что трибун действительно созвал *contio* для Помпея (что было легко сделать и поэтому, как мне представляется, так и произошло), никаких деталей о председательствовавшем магистрате не сообщается. Это важно: кто бы формально ни созвал собрание, для позднейшей традиции значимой оказалась только речь Помпея. Отсутствие упоминаний о приглашении проконсула на собрание каким-либо конкретным лицом (как ранее Клодием) объясняется тем, что роль председательствовавшего магистрата оказалась несущественна – самостоятельным политическим актором выступал именно Помпей. Перед нами акт политической инициативы проконсула в сфере *domi* – явное нарушение традиции.

Аналогичным образом, когда сенат постановил, что Помпей должен вернуться *ad urbem* с целью обсуждения вопроса о распределении провинций в его присутствии (Cic. *Fam.* 8.4.4), это фактически означало легитимацию сенатом вмешательства проконсула в сферу *domi*. Тот факт, что на практике сенат не мог собраться без Помпея для обсуждения важных политических вопросов, означал фактическую денонсацию правила, запрещавшего проконсулу формально созывать сенат.

Следующим шагом – еще больше ослаблявшим зависимость проконсула от помощи магистратов-союзников⁴²⁷ – стало разрешение использовать в черте города то, чем проконсул уже обладал в силу должности, но не мог применять в сфере *domi*, особенно в Риме: вооруженные силы. Исследователи

⁴²⁶ Pina Polo F. *Las contiones...* P. 303, n. 321.

⁴²⁷ Ср.: Ferrary J.-L. *Les pouvoirs d'Auguste...* P. 11.

практически не комментировали тот факт, что, как сообщает Плутарх, уже в 53 г. Катон открыто призвал проконсула Помпея восстановить порядок в государстве ради проведения консульских выборов (Plut. *Pomp.* 54). Помпей действительно обеспечил проведение выборов⁴²⁸. Хотя формального разрешения на использование вооруженных сил проконсулом в городской черте в данном случае предоставлено не было, на практике промагистрат контролировал политическую инициативу в сфере *domi* настолько, что определял судьбу Республики, обеспечивая выборы высших магистратов (ср. App. *BC.* 2.25).

Кассий Дион также сообщает, что, когда Помпей наконец прибыл к вратам Рима, он принял меры для назначения консулов (40.46.1: τοὺς δὲ ὑπάτους ἀποδειχθῆναι παρεσκεύασεν). М. Гельцер, соответственно, отмечал, что Помпей обеспечил выборы консулов. Однако источники не уточняют, каким именно образом это было достигнуто. М. Гельцер предположил, что Помпей мог использовать своих солдат для защиты интеррекса, проводившего выборы⁴²⁹. Дион сообщает, что задача противодействия тем, кто препятствовал выборам 53 г., была поручена проконсулу Помпею (Cass. Dio 40.45.2: τῷ τε Πομπηίῳ ἡ πρὸς αὐτοὺς βοήθεια ἐνεχειρίσθη)⁴³⁰. Это подтверждает интерпретацию М. Гельцера, поскольку βοήθεια явно предполагает разрешение на применение вооруженных сил. Кроме того, известно, что Помпей как проконсул сохранял в Италии войска, набранные в Цизальпийской Галлии во время его консульства в 55 г. (Caes. *BC.* 6.1; ср. Plut. *Cat. Min.* 45; Caes. 25.1).

⁴²⁸ Напр., Р. Сигер упоминает об этом без каких-либо дополнительных комментариев, а затем сразу же переходит к вопросу о диктатуре Помпея (Seager R. *Pompey the Great...* P. 131).

⁴²⁹ Gelzer M. *Pompeius...* S. 156. Об этом междуцарствии см.: Dementyeva V.V. *Political Initiative during interregna...*

⁴³⁰ Хотя Дион, кажется, подразумевает, что Помпей в то время был еще далеко от Рима (40.45.5).

§2.9. *Senatus consultum ultimum* и сфера *domi* в 52 г.

В случае *cura annonae* речь шла скорее о нарушении принципа, чем о фактическом применении политической власти *privatus*, наделенным империем, в сфере *domi*. Иначе ситуация выглядит, если рассматривать *senatus consultum ultimum* (SCU) 52 г. Б. Штрауман справедливо отмечает, что «фактически адресованный ему [Помпею, – *Р.Ф.*] сенатом через SCU в феврале 52 г. призыв использовать войска при необходимости даже внутри города и даже до того, как он стал единоличным консулом, исключительно на основе его проконсульских полномочий, представлял собой открытое приглашение править, по крайней мере потенциально, в стиле Суллы и уничтожил ключевой конституционный статус померия»⁴³¹.

Столкновения между кандидатами в консулы и преторы на 52 г. и сопровождавшее эти конфликты открытое насилие сделали проведение выборов невозможным, поэтому год начался с междуцарствия. При этом назначение интеррекса произошло только 19 января. Выборы по-прежнему не удавалось провести, и тогда сенат издал SCU⁴³². Он обязал интеррекса, плебейских трибунов (единственных действующих ординарных магистратов) и проконсула Помпея защищать Рим и обеспечить, чтобы Республика не понесла ущерба. Хотя проконсулы ранее уже становились адресатами SCU и рассматривались как независимые акторы⁴³³, этот SCU был необычным, поскольку оказался направлен на решение кризиса именно *in urbe*⁴³⁴.

⁴³¹ Straumann B. *Crisis and Constitutionalism...* P. 115.

⁴³² Jahn J. *Interregnum und Wahldiktatur...* S. 176–181. О хронологии событий см.: Lintott A.W. *Cicero and Milo* // *Journal of Roman Studies*. 1974. Vol. 64. P. 71, n. 112.

⁴³³ Ср.: Plaumann G. *Das Sogenannte senatus consultum ultimum, die Quasidiktatur der späteren Römischen Republik* // *Klio*. 1913. Bd. 13. S. 339, 350.

⁴³⁴ См.: Lintott A. *Violence...* P. 151–152; Plaumann G. *Das Sogenannte senatus consultum ultimum...* S. 327–329, 339 («Проконсулы, если вообще упоминаются, называются лишь как подчиненные исполнительные органы консулов (или их заместителей), и только тогда, когда необходима военная помощь, и как раз проконсул с войском стоит перед Римом»). Так, по поводу случая 77 г. Саллюстий пишет о необходимости обеспечить безопасность самого города Рима (а не *res publica* в более широком смысле), но даже здесь источник опасности находился вне города (*Hist.* 1.67.22 McGushin, Ramsey: ... *uti Ap. Claudius interrex cum Q. Catulo pro consule et ceteris, quibus imperium est, urbi praesidio sint*; Kunkel W.,

Из сообщения Цицерона (*Mil.* 61) мы узнаем, что сенат верил Помпею государство и его вооруженные силы (*totam rem publicam, omnem Italiae pubem, cuncta populi Romani arma*), что охрана (*praesidium*) использовалась для обеспечения безопасности судов (очевидно, охрана была организована тоже Помпеем) и что Милон должен был ввериться *potestas* Помпея. Хотя *potestas* здесь определенно нельзя понимать как технический термин для

Wittmann R. Staatsordnung und Staatspraxis... S. 233, Anm. 462; Broughton T.R.S. Notes on Roman Magistrates. I. The Command of M. Antonius in Cilicia. II. Lucullus' Commission and Pompey's acta // Transactions and Proceedings of the American Philological Association. 1946. Vol. 77. P. 37, включая п. 17a).

Точно так же в ситуации SCU 63 г. проконсулы должны были сдерживать опасность, которая явно исходила извне Рима (*Sall. Cat.* 30.3–4; 34.1; Broughton T.R.S. Notes on Roman Magistrates. I... P. 36: «Оба были направлены сенатом для противодействия внешним угрозам»). Менее ясна ситуация в декабре 100 г., когда SCU был принят против Сатурнина. В это время проконсул М. Антоний находился недалеко от Рима со своей армией (*Cic. Rab. Post.* 26: М. Antonium, qui tum extra urbem cum praesidio fuit). Но мы едва ли можем быть уверены, что силы Антония могли и действительно использовались в самом городе, и что эффект SCU в этом случае сводился к призыву в адрес проконсула использовать свою армию *in urbe* (ср.: Plaumann G. Das Sogenannte *senatus consultum ultimum*... S. 363, Anm. 1: «Я не смог установить, позволяет ли утверждение Цицерона ... сделать вывод о том, что войска Антония, стоявшие у Рима, были введены в город»; Broughton T.R.S. Notes on Roman Magistrates. I... P. 36–37: «Был доступен Антоний ... с вооруженными силами»; Badian E. The Silence of Norbanus... P. 171: «М. Антоний находился *ad urbem*, и фактически его призывали участвовать в защите *res publica*»; Pepermans G.M.A. Het proces tegen C. Rabirius. Interpretatie van een pleidooi. Proefschrift. Sittard: Alberts' Drukkerijen, 1975. P. 25: «Содержит ли сообщение Цицерона указание на то, что войска Антония, стоявшие перед Римом, были введены в город, неясно»).

Ж.-Л. Феррари справедливо отмечает, что *cum praesidio* означает лишь наличие военной силы у проконсула, но не является неопровержимым доказательством того, что промагистрат действительно использовал ее для защиты «правительства» (Ferrary J.-L. Recherches sur la législation de Saturninus et de Glaucia // *Mélanges de l'École française de Rome. Antiquité.* 1977. Vol. 89. P. 626, n. 35). Например, задачей проконсула Антония вполне могло быть предотвращение прибытия в Рим потенциальных сторонников Сатурнина (Ferrary J.-L. Recherches sur la législation... P. 626). В этом Ж.-Л. Феррари следует Ф.Т. Хинрихсу (Hinrichs F.T. Die Lateinische Tafel von Bantia // *Hermes.* 1970. Bd. 98. S. 494, Anm. 4: «Возможно, он (М. Антоний) должен был защитить Рим от помощи преданных Сатурнину жителей Италии»).

Таким образом, случай 52 г., по-видимому, действительно отличается от других ситуаций, когда проконсулы оказывались адресатами SCU: в 52 г. проконсул должен был устранить опасность, исходившую изнутри города Рима. Примечательно, что когда Цезарь искал способ жестче определить условия, при которых SCU мог считаться обоснованным, он указал на то, что постановление уместно только тогда, когда общественный порядок нарушен внутри самого города Рима (*Caes. BC.* 1.5.3: *nisi paene in ipso urbis incendio*; 1.7.5–6: *factum in perniciosis legibus, in vi tribunicia, in secessione populi, templis locisque editoribus occupatis*; Ungern-Sternberg J. von. Untersuchungen... S. 109: «Речь шла каждый раз о вооруженном столкновении в самом городе...»).

магистратской власти в сфере *domi*, предполагаемая готовность Милона положиться на суждение проконсула подчеркивает новую роль промагистрата Помпея в сфере *domi*. Во фрагменте *Mil.* 70 не только повторяется упоминание о том, что проконсул Помпей, которому сенат вверил Республику, получил вооруженные силы и право проводить набор войск, но и что он мог бы разобраться с Милоном даже без суда. Цицерон, вероятно, преувеличивал ситуацию, но, в любом случае, ясно, что сама идея о том, что проконсул может быть уполномочен на применение силы против граждан в городе Рима, оказалась уже не чуждой участникам событий.

Асконий подтверждает эту картину: Помпей проводил набор войск и организовывал вооруженную охрану (*praesidium*) (Asc. 34C). Представляется неслучайным, что Асконий употребляет в данном случае слово *primo*⁴³⁵. Как верно отметил Н.Г. Льюис, «*primo* у Аскония означает не “в первую очередь”, “в качестве первой меры”, а скорее “впервые”». Однако это не может объясняться тем, что, как полагал Н.Г. Льюис, «в традиционной формуле этого чрезвычайного *senatus consultum* именно консулы обязывались “следить, чтобы государство не понесло ущерба”»⁴³⁶. В полном смысле *primo* было именно поручение проконсулу заниматься политическим кризисом внутри города и вблизи него (в частности, обеспечивая вооруженную охрану для безопасности судебных процессов), вместо борьбы с врагом за пределами города.

Асконий также сообщает, что, оставаясь проконсулом, Помпей из-за своих подозрений в отношении Милона «решил оставаться в садах на возвышенности». Когда он вернулся после набора войск, и Милон пришел к нему с визитом, он отказал в приеме только ему. Когда сенат заседал в Портике Помпея за городской чертой, Милон был единственным, кого он приказал

⁴³⁵ itaque primo factum erat S. C. ut interrex et tribuni plebis et Cn. Pompeius, qui pro cos. ad urbem erat, viderent ne quid detrimenti res publica caperet, dilectus autem Pompeius tota Italia haberet. qui cum summa celeritate praesidium comparasset...

⁴³⁶ Asconius. Commentaries on Speeches by Cicero / Transl., comm. R.G. Lewis... P. 239. Также ср.: Marshall B.A. A Historical Commentary on Asconius... P. 171.

обыскать перед входом в сенат (Asc. 51–52C). Б.А. Маршалл подчеркивал, что до того, как Помпей стал единоличным консулом, он «формально оставался проконсулом и поэтому не мог пересекать померий. Даже получив полномочия по SCU, он не входил в город, а заседания сената проводились в портике его театра, чтобы позволить ему присутствовать»⁴³⁷. Решение Помпея не пересекать городскую черту демонстрирует сохраняющуюся значимость границы города Рима как черты, лимитирующей проконсульские полномочия. Но это не мешало проконсулу Помпею обеспечить вооруженную охрану сената и даже контролировать доступ сенаторов на заседание⁴³⁸. Таким образом, городская граница, сохраняя свою «нормативную» значимость, парадоксальным образом переставала быть реальным, практическим ограничителем промагистратской власти в сфере *domi*. Следует также отметить, что действия Помпея в «стиле» магистрата стали возможны только из-за отсутствия настоящих действующих магистратов.

Й. Ян верно отмечает, что Помпей, окружив Рим своей армией, сам все же не пересекал померий⁴³⁹. Однако античные источники не подтверждают вывод К.М. Жирарде о том, что SCU позволял проконсулу Помпею принимать военные меры исключительно за пределами померия⁴⁴⁰. Как уже отмечалось, в отличие от других случаев, когда SCU адресовался проконсулам (как в 77 г. против Лепида и в 49 г. против Цезаря)⁴⁴¹, в 52 г. угроза была локализована *in*

⁴³⁷ Marshall B.A. *A Historical Commentary on Asconius...* P. 203.

⁴³⁸ В данном случае речь может идти не просто о специфике передачи римских реалий на греческом языке (ср.: Plaumann G. *Das Sogenannte senatus consultum ultimum...* S. 325), но и о том, что, согласно Диону, SCU обязывал Помпея заниматься охраной именно города (τῆς φυλακῆς τῆς πόλεως), а не государства в целом: сенат заседал под охраной возле театра Помпея за пределами померия (Cass. Dio 40.49.5–49.50.1).

⁴³⁹ Jahn J. *Interregnum und Wahldiktatur...* S. 179.

⁴⁴⁰ Girardet K.M. *Imperia und provinciae...* S. 197. Хотя К.М. Жирарде отмечает, что и Помпей, и сенат соблюдали ограничения, связанные с померием, исследователь немедленно делает оговорку о том, что Помпей в первые недели 52 г. оставался за пределами города *вопреки* SCU (Girardet K.M. *Imperia und provinciae...* S. 198).

⁴⁴¹ Ср.: Lintott A. *Violence...* P. 151–152; Plaumann G. *Das Sogenannte senatus consultum ultimum...* S. 327–329; также см. P. 336–337, 339. Sall. *Hist.* 1.77.22: для защиты города (не *res publica*), но в любом случае от внешней угрозы (ср.: Kunkel W., Wittmann R. *Staatsordnung und Staatspraxis...* S. 233, Anm. 462). О ситуации в 43 г. см.: Manuwald G. *Cicero, Philippics 3–9...* P. 908–909, n. 17.

urbe. Однако возникает вопрос: мог ли Помпей обеспечить безопасность города, оставаясь за его пределами? То, что он не сделал этого (надлежащим образом), не означает, что ему не поручали такой задачи или что он не имел практической возможности реализовать данную меру.

Г. Голден полагает, что «разрешительное постановление или, возможно, сам SC ultimum были достаточными для того, чтобы предоставить» проконсулу возможность «командовать вооруженными силами в городе Риме»⁴⁴². Затруднение, однако, состоит в том, что нет свидетельств какого-либо специального «разрешительного постановления» с таким эффектом, тогда как сам SCU едва ли мог предоставить какие-либо полномочия. Однако можно согласиться с тем, что Помпей «был уполномочен, еще оставаясь проконсулом, использовать любые необходимые средства для защиты государства; назначение его консулом лишь вернуло ситуацию в русло прежней практики применения этого постановления»⁴⁴³. То, как проконсул реализовывал эти возможности, зависело от того, каким образом он интерпретирует и инструментализирует постановление сената.

Согласно Г. Плауману, в рамках логики SCU роль проконсула заключалась в оказании помощи консулам. Полномочия проконсулов не могли быть расширены SCU, и проконсулы не могли быть принуждены действовать определенным образом в соответствии с этим постановлением, поскольку наделение полномочиями или рекомендация имели смысл только в отношении сферы *domi*⁴⁴⁴. Однако возникает вопрос о том, почему рекомендация промагистрату действовать незаконно в сфере *domi* не могла быть целью SCU. Являлось ли такое предложение (или, точнее, следование ему) законным и легитимным – совсем другой вопрос. Помпей либо не почувствовал себя в достаточной мере обеспеченным этим постановлением, либо не захотел использовать неформальный призыв со стороны сената, надеясь получить

⁴⁴² Golden G.K. Crisis Management... P. 138.

⁴⁴³ Golden G.K. Crisis Management... P. 139.

⁴⁴⁴ Plaumann G. Das Sogenannte *senatus consultum ultimum*... S. 350.

нечто лучшее (в конечном счете, таковым оказалось единоличное консульство). Как выразился Ф. Верват, «сенат и Помпей пытались восстановить контроль над ситуацией»⁴⁴⁵. Однако нет оснований полагать, что Помпей действительно стремился полностью восстановить все элементы контроля над ситуацией в городе. Уже сама возможность предоставлять охрану сенату, собравшемуся ради него за городской чертой, позволяла проконсулу играть ведущую роль во «внутренней политике»⁴⁴⁶.

Полагаю, что в конкретных обстоятельствах 52 г. SCU, независимо от того, какую исследовательскую интерпретацию механизма его действия мы предпочтем, должен был побудить проконсула действовать не просто в сфере *domi*, но и непосредственно *in urbe*. Однако Помпей использовал сенатскую поддержку лишь в ограниченной степени. Пересечение городской черты и разрешение кризиса не помогли бы ему получить новое назначение⁴⁴⁷. Как справедливо отметил Э. Линтотт, в том, что касалось главного проявления кризиса, т.е. невозможности проведения выборов, Помпей «похоже, ничего не сделал для преодоления тупика. В результате сенат был вынужден сам найти решение, а также устранить аномалию» положения самого Помпея, сделав его единственным консулом⁴⁴⁸.

SCU призывал к использованию империя, обычно применимого только *militiae*, в сфере *domi*. Как объясняет Саллюстий, в частности, он санкционировал *domi militiaeque imperium atque iudicium summum habere* (Sall. *Cat.* 29.2–3). На практике это означало, в частности, использование солдат в пределах городских стен (см., например, Cass. Dio 42.29.2). Как уже упоминалось выше, согласно Ф. Дрогуле, «принятие SCU выпускало на свободу всю неограниченную силу империя в городе, что в обычных условиях было запрещено». SCU, хотя, по-видимому, не являлся формальным разрешением, служил «рекомендацией сената консулам принять на себя

⁴⁴⁵ Vervaeke F.J. *Arrogating Despotic Power...* P. 154.

⁴⁴⁶ Gelzer M. *Pompeius...* S. 158.

⁴⁴⁷ Meyer Ed. *Caesars Monarchie...* S. 216.

⁴⁴⁸ Lintott A.W. *Cicero and Milo...* P. 72.

империй в городе, несмотря на незаконность таких действий»⁴⁴⁹. Но означает ли это, что SCU, адресованный промагистратам, уполномочивал их использовать свой империй (у них не было никакой *potestas*) в сфере *domi* и в пределах города, строго говоря, незаконно? Я не думаю, что этот вывод очевиден. Например, как пишет Ф. Дрогула по поводу SCU 49 г., «Цезарь утверждал, что его враги объявили чрезвычайное положение, чтобы уполномочить Помпея и консулов использовать военную силу против него и его сторонников в Риме»⁴⁵⁰. Помпей в то время также был проконсулом. Но Цезарь не пишет, по крайней мере явно, о том, что не только консулы, но и проконсул был уполномочен использовать военную силу против трибунов в городе (*BC*. 1.5).

Ситуация 52 г. отличается и, возможно, даже уникальна именно потому, что SCU имел смысл только в этом случае только если он побуждал промагистрата нарушить правила и привести свои силы в Рим⁴⁵¹. Как отмечает Б. Штрауман, «большинство этих постановлений [SCU, – *Р.Ф.*] издавались на фоне военных угроз вне города, а не внутренних беспорядков или насилия внутри города»⁴⁵². «Присутствие Помпея в начале 52 г. *in urbe* в качестве проконсула (а также в 51 и 50 гг.) с войсками, возможно, находилось в противоречии с реализацией прав трибунов»⁴⁵³.

Хотя Помпей так и не пересек городскую черту, пока не стал консулом, он воспринял рекомендацию сената активно вмешаться в процессы,

⁴⁴⁹ Drogula F.K. *Commanders and Command...* P. 122.

⁴⁵⁰ Drogula F.K. *Commanders and Command...* P. 122.

⁴⁵¹ В. Ниппель подчеркивает, что «решение санкционировать использование войск ознаменовало распад республиканской системы, которая всегда исключала использование регулярных войск *domi*» (Nippel W. *Policing Rome* // *Journal of Roman Studies*. 1984. Vol. 74. P. 29). Однако исследователь не учитывает, что войска не просто использовались *domi* (что само по себе не было беспрецедентным, ср.: Emmelius D. *Grenzen schreiben...* S. 133–201), но ими командовал именно промагистрат. Проконсул мог сохранять свой пост в течение многих лет, в то время как консул действовал с учетом того, что вскоре он станет *privatus*, подлежащим судебному преследованию. В свете этого вооруженный контроль проконсула над городом представлял собой нечто принципиально иное.

⁴⁵² Straumann B. *Crisis and Constitutionalism...* P. 93.

⁴⁵³ Straumann B. *Crisis and Constitutionalism...* P. 93, n. 171. Также см.: Lintott A. *Violence...* P. 200–201.

происходившие в сфере *domi*. Два таких акта вмешательства уже упоминались: проконсул провел набор войск в Италии, чтобы обеспечить безопасность самого города Рима, а также организовал охрану и контролировал доступ к судебным процессам и заседаниям сената.

Признавая, что «впервые проконсульская армия вошла в Рим как инструмент обеспечения правопорядка», Э. Линтотт также отмечает, что «полномочия Помпея как проконсула предположительно распространялись и на другие гражданские дела в Риме». Исследователь обращает внимание на то, что *actio ad exhibendum* была подана именно Помпею, а не интеррексу, который, по словам Цицерона, должен был заниматься судебными разбирательствами в период исполнения своих полномочий⁴⁵⁴. Таким образом, Э. Линтотт указывает на присвоение Помпеем некоторых судебных полномочий магистратов. «Это показывает, насколько Рим стал частью провинции Помпея, по-видимому, с согласия сената. Даже Целий не оспаривал эту процедуру и не использовал свое вето в защиту Милона, а сам потребовал перед Помпеем, чтобы были приведены рабы Гипсея и Кв. Помпея Руфа»⁴⁵⁵. Фактически перед нами признание даже политическими противниками легитимности сенатского предложения проконсулу действовать так, будто он являлся магистратом.

Итак, Помпей сам не входил в город, пока не стал единоличным консулом, но все же он формально вмешивался в сферу *domi*, оставаясь проконсулом: во-первых, обеспечивая вооруженную охрану и контролируя доступ к судебным процессам и заседаниям сената, а во-вторых, принимая на

⁴⁵⁴ Lintott A.W. Cicero and Milo... P. 71. См. *Fam.* 7.11.1; Mommsen Th. *Römisches Staatsrecht*. Bd. I. S. 660–661; Dementyeva V.V. Political Initiative during *interregna*... P. 91.

⁴⁵⁵ Lintott A.W. Cicero and Milo... P. 71. Э. Линтотту следует Б. Маршалл (Marshall B.A. A Historical Commentary on Asconius... P. 172). Формальный характер процесса перед Помпеем справедливо подчеркивает Дж. Рюбель: «Допрос перед Помпеем, предположительно, был вызван тем обстоятельством, что преторов (или консулов) еще не было, и по характеру слушания можно судить о попытке предъявить Милону формальное обвинение (т.е. *postulatio*)» (Ruebel J.S. The Trial of Milo in 52 B.C.: A Chronological Study // Transactions of the American Philological Association. 1979. Vol. 109. P. 239, n. 20). Также см.: Alexander M.C. Trials in the Late Roman Republic, 149 BC to 50 BC. Toronto; Buffalo; London: University of Toronto Press, 1990. P. 149–151, n. 306–308.

себя определенные судебные полномочия магистратов. Как бы кратковременна ни была эта промежуточная роль между *privatus* и *magistratus*, которую Э. Линтотт называет аномалией, она уже представляла собой важное новшество, а также служила идеальным техническим средством для приобретения единоличного консульства, которое в 52 г. все же оставалось для Помпея предпочтительным способом осуществления господства в Риме.

На первый взгляд может показаться, что, помимо высказывания Цезаря о *novi generis imperia* (см. §2.1 данной главы), в источниках нет других обширных критических замечаний по поводу присутствия проконсула Помпея *ad urbem* и особенно его вступления в город. Однако эпизоды 57 и 52 гг. были вызваны острыми кризисами. Это показывает, что в иных обстоятельствах проконсул не получил бы соответствующих возможностей. Более того, в 52 г. наделение проконсула полномочиями в сфере *domi* определенно считалось менее опасным, чем анархия, диктатура или даже единоличное консульство, поскольку последнее было предложено только после того, как проконсул бездействовал, несмотря на SCU. В ситуации 57 г. присутствие проконсула в городе строго регулировалось и ограничивалось, тогда как в 52 г. таких ограничений не прослеживается, но, с другой стороны, вмешательство проконсула оставалось бы законным только до определенного момента – преодоления анархии. Это априори подразумевает кратковременность контроля и, на самом деле, как и в примере 57 г. ограниченность задач. Они сводились к восстановлению безопасности (и, возможно, отправлению правосудия) в городе и не включали ничего иного (во всяком случае, на практике не включили). Все же критика в адрес Помпея определенно звучала в то время, и она должна была включать в себя осуждение самого факта его пребывания вблизи Рима. Иначе невозможно объяснить причины того, что Цезарь на тот момент прикладывал усилия для оправдания нахождения проконсула Помпея рядом с городом, ссылаясь на *rei publicae causa*. Очевидно, этот вопрос был лишь неприятной, но незначительной формальностью (ср. Cic. *Q.fr.* 3.4.2: *in urbem introisset, ad inimicitias res venisset*).

В письме от 1 августа 51 г. Целий сообщает Цицерону об очередном заседании сената за городской чертой, в храме Аполлона, в котором проконсул Помпей участвовал. Он отвечал на вопросы, касавшиеся легиона, который он одолжил Цезарю, то есть, можно сказать (оставляя пока в стороне тот факт, что передача легиона другому проконсулу подвергалась резкой критике со стороны Катона и других голосов), те вопросы, которые непосредственно относились к компетенции промагистратов. Но важно обратить внимание на постановление, о котором Целий информирует Цицерона: «...было решено, чтобы Помпей возможно скорее возвратился под Рим, чтобы дело о преемниках наместникам обсуждалось в его присутствии» (*Fam.* 8.4.4: *placitum est ut quam primum ad urbem reverteretur Cn. Pompeius, ut coram eo de successione provinciarum ageretur*; пер. В.О. Горенштейна). Этот фрагмент я уже упоминал выше. Но здесь важно обратить внимание на то, что решение сенаторов вновь предусматривает тщательное соблюдение формальности созыва *ad urbem*. Традиционная практика должным образом поддерживается, ведь промагистрат имел право высказывать свое мнение, как и все другие сенаторы, по любому вопросу. Однако формулировка постановления теперь формально фиксирует и тот факт, что проконсул рассматривается не просто как сенатор или даже как *privatus* с империем, применимым к строго ограниченной сфере активности. Вместо этого постановление сената признает, что физическое присутствие (*coram*) этого проконсула было обязательным для эффективного функционирования сената и, если говорить более конкретно, для реализации им одной из его важнейших прерогатив – распределения провинций. Все обозначенные тенденции в полной мере проявились в критическом 49 г., к рассмотрению которого я теперь перехожу.

**§3. Omnes qui sunt eius ordinis a Pompeio evocantur:
созыв проконсулом Помпеем собрания сенаторов 1 января 49 г.⁴⁵⁶**

События 49 г. представляют особый интерес для данного исследования: два проконсула, Помпей и Цезарь, столкнулись в открытом конфликте. На повестке дня оказался вопрос о контроле над Республикой, включая сам город Рим. Неудивительно, что подобная ситуация спровоцировала ряд эпизодов, в которых можно усмотреть вмешательство промагистратов в сферу *domi*.

Первый случай зафиксирован уже в самом начале этого решающего года. Цезарь описывает события 1 января 49 г. (*BC*. 1.3.1):

“misso ad vesperum senatu omnes qui sunt eius ordinis a Pompeio evocantur. laudat <promptos/audaces> Pompeius atque in posterum confirmat, segniores castigat atque incitat”.

«После того, как сенат был распущен к вечеру, все члены этого сословия были вызваны Помпеем. Он хвалил решительных и ободрял их на будущее, малодушных же упрекал и подбадривал.»

Это собрание не привлекло значительного внимания исследователей, очевидно, по той причине, что иные обстоятельства начала гражданской войны имеют бóльшее значение для понимания общего контекста ситуации, а также намерений и решений политических акторов. Однако ценность эпизода заключается не столько в его роли при интерпретации хода событий 49 г., сколько в том, что он может сообщить нам о развитии обозначенных выше тенденций в функционировании промагистратуры.

⁴⁵⁶ Основные выводы параграфа опубликованы в работе: Frolov R.M. *Omnes qui sunt eius ordinis a Pompeio evocantur*: The Proconsul Pompeius' Senatorial Meeting in 49 B.C. // *Classical Quarterly*. 2020. Vol. 70. P. 707–716.

§3.1. Domus Помпея и неофициальное собрание сенаторов

Э. Рассел обратилась к данному эпизоду в ходе изучения социальной и политической роли грандиозного комплекса, возведенного Гн. Помпеем на Марсовом поле за пределами города. В состав комплекса входили театр, храм, сады, курия и частный дом самого Помпея⁴⁵⁷. «Созданием собственной курии Помпей сделал так, чтобы у сената больше никогда не было повода собираться без него»⁴⁵⁸. Однако, по мнению Э. Рассел, рассматриваемое собрание происходило, скорее всего, не в курии, а в доме Помпея, который также был частью построенного им ансамбля.

Э. Рассел ссылается и на два более ранних эпизода 52 г., о которых сообщает Асконий (51–52С). В одном случае Помпей созвал сенат в своем портике, проявив крайнюю осторожность по отношению к сенатору Т. Аннию Милону. «Помпей был консулом, и, возможно, именно в этом качестве он приказал задержать Милона и подвергнуть его обыску. Но его действия скорее напоминают поведение хозяина дома». В другом случае Помпей запретил Милону приходить к нему в *horti*, тем самым опять-таки «осуществляя контроль над принадлежавшим ему пространством»⁴⁵⁹. В сопоставлении с этими эпизодами Э. Рассел рассматривает неформальное собрание сенаторов в 49 г. С ее точки зрения, данный эпизод показывает, что «частный дом и курия выполняли поразительно схожие функции, оказываясь пространством репрезентации и местом осуществления политической активности»⁴⁶⁰. Но активность какого рода имела место в данном случае?

По мнению Э. Рассел, поскольку собрание проходило после заката, оно не могло быть официальным. Если оно носило неофициальный характер, значит, происходило не в курии, а в доме Помпея. «На самом деле Помпей пригласил сенаторов поодиночке как своих гостей в дом на Марсовом поле и

⁴⁵⁷ См.: Russell A. *The Politics of Public Space...* P. 153–186.

⁴⁵⁸ Russell A. *The Politics of Public Space...* P. 183.

⁴⁵⁹ Russell A. *The Politics of Public Space...* P. 183–184.

⁴⁶⁰ Russell A. *The Politics of Public Space...* P. 184.

обратился к ним так, словно это было заседание сената»⁴⁶¹. Эта гипотеза выглядит отражающей реалии, хотя и не имеет, на мой взгляд, надежной аргументации. Мы не знаем, каким образом приглашались участники, и полностью исключить возможность того, что неофициальная встреча все же прошла в курии, нельзя. Однако это крайне маловероятно, если исходить из того, что Помпей, по всей видимости, старался, насколько это было возможно, не нарушать формальных политических правил (хотя вся его карьера и служит примером обратного). Дополнительный вес интерпретации этого собрания как своеобразного квази-сената в частном доме придают еще два соображения.

Прежде всего, имеются и другие свидетельства о неофициальных собраниях сенаторов в частных домах. Так, Ливий сообщает о том, что в 473 г. сенаторы собирались на частные заседания, чтобы не допустить слишком широкого распространения сведений об их решениях (2.54.7). Под 445 г. Ливий описывает *consilia* лидеров сената в их частных домах (4.6.6). Причиной этих сходов была невозможность принятия решений на официальном заседании сената из-за вмешательства плебейских трибунов. То же самое имело место и в 49 г. Эти свидетельства, каково бы ни было их значение для изучения политической истории ранней Республики, в определенной мере должны опираться и на представления Ливия о подобных неформальных собраниях сенаторов в более позднюю эпоху.

Х. Флауэр проанализировала два случая частных политических *consilia* в поздней Республике (после убийства Цезаря). Хотя в них не участвовали широкие круги сенаторов (но присутствовали многие не-сенаторы, в том числе, влиятельные женщины), эти *consilia* также представляют интерес. Х. Флауэр указывает на определенные параллели между процедурой в сенате и в *consilia*⁴⁶². Однако принципиальным отличием собрания Помпея от *consilia*, которые рассматривает Х. Флауэр, является то, что, согласно сведениям

⁴⁶¹ Russell A. The Politics of Public Space... P. 184–185.

⁴⁶² Cp.: Flower H. *Servilia's consilium: Rhetoric and Politics in a Family Setting* // *Institutions and Ideology in Republican Rome: Speech, Audience and Decision* / Eds. H. van der Blom, C. Gray, C. Steel. Cambridge: Cambridge University Press, 2018. P. 252–264.

античной традиции, в нем участвовали все члены сенаторского сословия. Априори полагать эту деталь неправдоподобной нельзя, учитывая хотя бы известное сообщение Аппиана о заседаниях сената в доме консула М. Кальпурния Бибула в 59 г. Эти собрания, как подчеркивает Аппиан, фактически заменяли официальные, которые никто не созывал (*App. BC. 2.11*).

Можно привести и второе соображение в поддержку идеи Э. Рассел о том, что собрание Помпея правильное понимать как заседание, происходившее в его частном доме. Точнее, в той части его комплекса (каково бы ни было его формальное обозначение), которое Помпей приспособил для решения собственных политических задач. Учитывая характер всего комплекса Помпея («одновременно кодированного как публичный и как частный», по выражению Э. Рассел⁴⁶³), я полагаю, что в условиях 49 г. контроль Помпея над этим собранием должен был быть полным, даже если сенаторы формально собрались в курии Помпея, а не в доме самого проконсула. Вероятно, курию и дом как возможные места проведения этого неофициального заседания вообще не стоит строго противопоставлять, если иметь в виду, что «дом Помпея, откуда он мог пройти навстречу сенату, собравшемуся в его саду», «в поистине монументальной форме соединял частное с публичным», а «пространственные различия между домом и курией стирались»⁴⁶⁴.

С одной стороны, особое политическое положение Помпея и устройство его комплекса в известной степени размывали грань между заседаниями сената, официально созывавшимися им как консулом в 52 г., и неформальным собранием сенаторов в 49 г. (когда он уже не был консулом и мог действовать только как проконсул). С другой стороны, различие между этими ситуациями оставалось принципиальным.

Неофициальные собрания сенаторов в частных домах не были невозможны в Риме. Это обстоятельство, а также необычная карьера Помпея, изобилующая случаями нарушения политической традиции, позволяют

⁴⁶³ Russell A. *The Politics of Public Space...* P. 185.

⁴⁶⁴ Russell A. *The Politics of Public Space...* P. 185.

заклучить, что рассматриваемый фрагмент *Caes. BC. 1.3.1* может представлять собой не только продукт цезарианской пропаганды. Но как обозначить это политическое действие? То, что оно не носило официальный характер, очевидно. Гораздо сложнее ответить на вопрос о составе участников. Для этого необходимо сначала попытаться уточнить значение фразы *omnes qui sunt eius ordinis*.

§3.2. *Omnes* или *omnes <sui>*? Репрезентация Цезарем *evocatio* сенаторов Помпеем

Некоторые исследователи обратили внимание на необычность приглашения Помпея, обращенного, если понимать слова Цезаря буквально, ко «всем сенаторам». Еще Дж. Маркленд предложил поэтому добавить *<sui>* после *omnes*, чтобы текст приобрел следующий вид: пригласил «всех своих (т.е. друзей Помпея), кто принадлежал к этому сословию»⁴⁶⁵. Уже Й. Апиц отверг эту конъектуру на том основании, что выражение *seniores castigat atque incitat* подразумевало, что были приглашены и сторонники Цезаря⁴⁶⁶. Последний довод не слишком убедителен: слово *seniores* обозначает, скорее, менее решительных сторонников, нежели противников⁴⁶⁷. Однако аргументы Дж. Маркленда представляются мне в равной степени неубедительными. Во-первых, он утверждал: «*incredibile est, immo falsum, totum Senatum a Pompeio evocatum esse*». Если Дж. Маркленд имел в виду, что весь сенат физически не мог поместиться в доме Помпея, то это неверно. Как уже упоминалось выше, сенат в полном составе смог собраться в доме консула М. Кальпурния Бибула в 59 г. (*App. BC. 2.11: ἡ βουλὴ δὲ ... ἐς τὴν οἰκίαν τοῦ Βύβλου συνελθόντες*). Кроме

⁴⁶⁵ Markland J. *Explicationes veterum aliquot auctorum, Graecorum et Latinorum* // Markland J. *Euripidis Supplices mulieres*. Oxonii: Cooke & Parker, 1811. P. 272.

⁴⁶⁶ *Caii Iulii Caesaris commentarii de bello civili* / Ed. L. Apitz. Berolini: C.F. Plahn, 1837. P. 126. Аналогично: *C. Iulii Caesaris commentariorum de bello civili libri III* / Ed. C.G. Herzog. Leipzig: Karl Franz Köhler, 1834. P. 13.

⁴⁶⁷ Hinojo Andrés G. «*Misso ad vesperum senatu, omnes qui sunt eius ordinis a Pompeio evocantur*», *Caes., Civ. I 3* // *Emerita*. 1978. Vol. 46. P. 114.

того, если представить, что Помпей пригласил только своих сторонников, понимаемых как всех тех, кто проголосовал против Цезаря 1 января 49 г., то и тогда речь шла бы о сотнях людей. Следовательно, вставка <sui> в этом отношении принципиально ничего не меняет. Второй довод Дж. Маркленда заключается в том, что неправдоподобно, чтобы «Caesarem nullos ibi [в сенате, – *Р.Ф.*] amicos habuisse». Но это верно лишь в том случае, если заранее принять, что Помпей приглашал только своих приверженцев. Наконец, помимо допущения, что были приглашены буквально все сенаторы, существует иная возможность: цезарианцы не были приглашены, но Цезарь все же употребил omnes потому, что отсутствие немногих его решительных союзников принципиально не влияло на представительность или численность участников собрания (см. ниже).

Большинство издателей и переводчиков приняли чтение без <sui>⁴⁶⁸. В специальной заметке, посвященной этому вопросу, Г. Инохо Андрес возражал против почти полного игнорирования добавления, предложенного Дж. Марклендом⁴⁶⁹. Однако слабость позиции Г. Инохо Андреса заключается в том, что он не уточнил, кого именно он имел в виду под «сторонниками Помпея» (partidarios de Pompeyo)⁴⁷⁰. Шла ли речь о тех немногих, кто 1 декабря 50 г. голосовал против одновременного лишения обоих проконсулов

⁴⁶⁸ Г. Инохо Андрес (Hinojo Andrés G. «Misso ad vesperum senatu»... P. 113) приводит несколько примеров. Уже Й Хельд, хотя и отмечал, что под omnes подразумеваются только сенаторы из числа помпейцев, все же не принимает никакого дополнения (включая <sui>) к тексту (Caii Iulii Caesaris commentarii de bello civili / Ed. J.C. Held. 4. Aufl. Sulzbach: Seidel'sche Buchhandlung, 1856. P. 7). С. Дэймон обратила внимание на добавление <sui>, но тоже не использовала его в своем недавнем переводе. Но одновременно она, по-видимому, принимает тот тезис, который хотел подчеркнуть Дж. Маркленд, предлагая конъектуру: комментируя этот вопрос, С. Дэймон ссылается на фрагмент *BC*. 1.3.4, в котором союзники Помпея прямо упомянуты среди созванных на собрание сената (Caesar: Civil War / Ed. C. Damon... P. 4–5; C. Iuli Caesaris Commentariorum Libri III De Bello Ciuili / Ed. C. Damon. Oxford: Oxford University Press, 2015. P. 2). Однако пассаж *BC*. 1.3.4 относится к произошедшему позднее официальному заседанию, которое необходимо отличать от неформального собрания, описываемого во фрагменте *BC*. 1.3.1. Кроме того, ясно, что в этом более позднем заседании участвовали вовсе не только друзья Помпея (см. ниже).

⁴⁶⁹ Hinojo Andrés G. «Misso ad vesperum senatu»... P. 113–115.

⁴⁷⁰ Hinojo Andrés G. «Misso ad vesperum senatu»... P. 114.

командования (и, тем самым, в интересах Помпея), или же под последователями Помпея следовало понимать большинство сената, которое 1 января 49 г. проголосовало против Цезаря? Так, например, уже Эд. Мейер, очевидно, различал, с одной стороны, приверженцев Помпея (*Anhänger*), а с другой – нерешительных (*Laien*) среди участников его неформального собрания⁴⁷¹.

Следуя С. Маринеру Бигорре, Г. Инохо Андрес указал на то, что в самом конце предшествующей второй главы Цезарь упомянул сторонников Помпея. Следовательно, их он должен был иметь в виду и в начале третьей главы⁴⁷². Но в последнем предложении второй главы упоминаются не только *inimici Caesaris*, но и те, кого хвалили за *sententiae graves*, направленных против плебейских трибунов, поддерживавших Цезаря. Эти категории могли не совпадать. Более того, несколькими строками ранее в той же главе описаны и более умеренные предложения (*leniores sententiae*) ряда сенаторов. Как справедливо признает сам Г. Инохо Андрес, Цезарь стремился показать, что сенат разделен, там присутствуют и его собственные сторонники, и сторонники Помпея⁴⁷³. Но возникает сомнение в том, приобретает ли этот тезис Цезаря что-либо от добавления *<sui>*?

По мнению Г. Инохо Андреса, было бы нелогично со стороны Помпея созывать всех сенаторов на «тайное» или «по меньшей мере полулегальное» собрание, если среди приглашенных оказались бы сторонники Цезаря⁴⁷⁴. Однако, во-первых, Цезарь из собственных соображений вполне мог представить то, что организовал Помпей, как собрание всего сената, включая и цезарианцев, независимо от того, выглядело бы это «логичным» или нет. Во-вторых, как я только что отметил, в интерпретации Цезаря на предыдущем официальном заседании 1 января присутствовали (помимо решительных сторонников Цезаря и его столь же решительных врагов) как минимум еще две

⁴⁷¹ Meyer Ed. *Caesars Monarchie*... S. 284.

⁴⁷² Hinojo Andrés G. «*Misso ad vesperum senatu*»... P. 113–114.

⁴⁷³ Hinojo Andrés G. «*Misso ad vesperum senatu*»... P. 114.

⁴⁷⁴ Hinojo Andrés G. «*Misso ad vesperum senatu*»... P. 114.

(или даже три) группы сенаторов: те, кто предлагал *sententiae graves*, те, кто выдвигал *leniores sententiae*, и те, кто хранил молчание. Если Помпей стремился повлиять на менее решительных сенаторов, то почему он должен был воздержаться от приглашения представителей всех этих различных групп?

Предположим, что неформальное собрание Помпея действительно состоялось, и цезарианцы на него не были приглашены. Тем не менее, использование Цезарем *omnes* объясняется легко: если отсутствовали лишь немногие убежденные цезарианцы⁴⁷⁵, а пришли порядка 400 сенаторов, то это все равно выглядело как созыв всего senatorского сословия. В таком случае различие между *omnes qui sunt eius ordinis* и *omnes <sui> qui sunt eius ordinis* теряет всякий смысл. Именно об этом писал еще Ф. Кранер. По его мнению, приглашение должно было быть адресовано всему сенату, так как в любом случае почти все сенаторы голосовали против Цезаря⁴⁷⁶. Таким образом, в данном случае употребление *omnes* если и не было формально верным, представляло собой незначительное преувеличение, которое не заслуживает особого внимания.

Более того, пассаж можно анализировать совершенно иначе, если задаться вопросом о том, насколько акцент на слове *omnes* важен сам со себе. Рукописный вариант *omnes* (в отличие от *omnes <sui>* или иного подобного исправления) имеет ключевое значение для построения негативного образа Помпея у Цезаря: Помпей критикует все senatorское сословие и требует от него повиновения без возражений и обсуждений. В передаче Цезаря Помпей предстает надменным настолько, что обращается подобным образом не только с собственными сторонниками, но и со всеми (*omnes*) сенаторами, включая

⁴⁷⁵ Кроме двух плебейских трибунов, поддерживавших Цезаря, только М. Целий Руф и Г. Скрибоний Курион проголосовали против предложения лишить Цезаря его полномочий (Cass. Dio 41.2.1; Meyer Ed. *Caesars Monarchie*... S. 283–284). Возможно, в лучшем случае сюда можно добавить еще несколько сенаторов, таких как претор Л. Росций и цензор Л. Пизон (Raaflaub K.A. *Dignitatis contentio*... S. 56–57).

⁴⁷⁶ C. Iulii Caesaris commentarii de bello civili / Ed. F. C. Iulii Caesaris commentarii de bello civili / Ed. F. Kraner, F. Hofmann. 3. Aufl... P., F. Hofmann. 3. Aufl. Berlin: Weidmann, 1864. P. 35. Этот комментарий отсутствует в издании: C. Iulii Caesaris commentarii De Bello Civili / Erkl. F. Kraner, F. Hofmann, H. Meusel. 12. Aufl. Berlin: Weidmann, 1959. P. 16.

нейтральное большинство. Поэтому даже если допустить, что в действительности Помпей созвал лишь своих приверженцев на тайное собрание, чтобы подготовить их и придать им больше решимости и единства на последующих официальных заседаниях (хотя эта гипотеза все же не может быть доказана), то такая картина вовсе не обязана иметь какого-либо отношения к тому, что хотел представить своим читателям Цезарь, следовательно, сама по себе она не может оправдать внесение уточняющих добавлений в его текст. Конъектуры должны обосновываться с учетом и с опорой на логику самого Цезаря, а не покоиться целиком на логике исследовательских реконструкций событий 49 г. Учитывая важность указаний на *dignitas* в саморепрезентации Цезаря (возможно, значительно более важных для него, чем споры о легитимности⁴⁷⁷) необходимо в исследовательских интерпретациях учитывать его утверждение о том, что Помпей умалял достоинство не только самого Цезаря, но и всего сената. Однако этот аргумент Цезаря сохраняет убедительность лишь в том случае, если оставить его текст без изменений: были созваны все сенаторы, все они подверглись наставлениям и унижениям, а не только немногие друзья Помпея.

Нельзя не заметить, наконец, что само употребление *omnes* делает вставку *sui* логически затруднительной. Если подчеркивается, что Помпей пригласил не только некоторых, но всех сенаторов, то это имеет смысл. Но я не могу согласиться с тем, что имел смысл делать акцент на том, что он пригласил не некоторых, а именно всех своих сторонников.

Г. Инохо Андрес полагал, что описание неформального собрания выглядит правдоподобным лишь в том случае, если были приглашены только сторонники Помпея, и что сходка могла носить «тайный» характер. Однако, во-первых, собрание нигде прямо не называется тайным. Если принять во

⁴⁷⁷ См., напр.: Strasburger H. *Caesar im Urteil seiner Zeitgenossen*. 2. Aufl. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1968. S. 31–33; Raaflaub K.A. *Dignitatis contentio...* S. 183–186; Jehne M. *Gerechtigkeitskonkurrenzen in der Politischen Praxis der Römischen Republik // Gerechtigkeit. Auf der Suche nach einem Maßstab* / Hrsg. G. Melville, G. Vogt-Spira, M. Breitenstein. Köln; Weimar; Wien: Böhlau Verlag, 2015. S. 63–65, 68.

внимание общее соображение, что «для римлянина, занимающего публичную должность в позднереспубликанскую эпоху, такого как Цицерон, считалось крайне важным, чтобы его действия, включая те, что происходили в его доме, оставались видимыми и доступными для всех»⁴⁷⁸, то нельзя посчитать тайным собрание Помпея лишь потому, что оно (вероятно) происходило в его доме. Цезарь не использует этот аргумент, хотя он только усилил бы его позицию. Трудно представить и то, зачем собранию вообще требовалась секретность.

Во-вторых, собрание обеспечивало Помпею больше преимуществ (или, по крайней мере, иные преимущества), чем предшествовавшее официальное заседание, как минимум, в трех важных аспектах, помимо предполагаемого различия в составе участников: (1) Помпей мог лично присутствовать и оказывать прямое воздействие на собравшихся; (2) он контролировал ход обсуждения как будто председательствующий магистрат, а не просто рядовой участник, высказывающий свое мнение; (3) собрание могло проходить вечером, когда официальное заседание сената было (как правило) технически невозможно.

Г. Инохо Андрес также проанализировал следующую фразу третьей главы: «Он хвалил решительных и ободрял их на будущее, малодушных же упрекал и подбадривал». По мысли исследователя, следовавшего в этом за Ф. Кранером, Ф. Хофманом и Г. Мойзелем, все эти лица должны были уже находиться на стороне Помпея, но некоторые были менее готовы к решительным действиям⁴⁷⁹. Однако, как уже отмечалось, главная трудность здесь в том, что Г. Инохо Андрес не различает «помпеянцев» и большинство сената, которое, хотя и проголосовало против Цезаря 1 января 49 г., до того вполне склонялось к тому, чтобы лишить командования и Цезаря, и Помпея, если бы только соответствующее предложение было поставлено на

⁴⁷⁸ Tuori K. *The Emperor of Law: The Emergence of Roman Imperial Adjudication*. Oxford: Oxford University Press, 2016. P. 51.

⁴⁷⁹ Hinojo Andrés G. «*Misso ad vesperum senatu*»... P. 114; C. Iulii Caesaris commentarii de bello civili / Ed. F. Kraner, F. Hofmann. 3. Aufl... P. 35; C. Iulii Caesaris commentarii De Bello Civili / Erkl. F. Kraner, F. Hofmann, H. Meusel. 12. Aufl... P. 16.

голосование. Все эти сенаторы – подавляющее большинство – действительно могут считаться на тот момент «сторонниками Помпея» (судя по голосованию 1 января 49 г.), но были ли они в той степени на его стороне, как того хотел сам Помпей? К этому вопросу я вернусь ниже.

Если вернуться к интерпретации *seniores* на собрании Помпея, то нельзя, на мой взгляд, согласиться с Й. Апицем, что это слово обозначает сторонников Цезаря⁴⁸⁰. Но и считать их *sui* Помпея тоже затруднительно. Скорее, речь идет о сенатском большинстве. Среди второй группы участников (более решительных сенаторов, которых Помпей хвалил) могли быть лишь те немногие (21 против 370), кто 1 декабря 50 г. проголосовал «против» предложения лишить обоих полководцев командования (*App. BC. 2.30; Plut. Pomp. 58.5: 22 сенатора против всех остальных*)⁴⁸¹.

Один из способов утверждать, что *seniores* не принадлежали к умеренному сенаторскому большинству, состоит в предположении о том, что это были враги Цезаря, которые, тем не менее, 1 января 49 г. по какой-то причине проявили недостаточную энергию, чтобы заставить большинство сенаторов преодолеть новое препятствие, возникшее сразу после принятия антицезарианского постановления, – противодействие плебейских трибунов. Однако замечу, что все враги Цезаря все-таки проявили решимость: “*refertur confestim de intercessione tribunorum. dicuntur sententiae graves; ut quisque acerbissime crudelissimeque dixit, ita quam maxime ab inimicis Caesaris*

⁴⁸⁰ *Caio Iulii Caesaris commentarii de bello civili* / Ed. L. Apitz... P. 126. Аналогично: *C. Iulii Caesaris commentariorum de bello civili libri III* / Ed. C.G. Herzog... P. 13.

⁴⁸¹ Как отмечает Э. Груэн, «это голосование служило хорошим показателем мнения сенаторов» (Gruen E.S. *The Legitimacy of Caesar's Wars* // *The Landmark Julius Caesar. Web Essays* / Ed. K.A. Raafaub. New York: Pantheon Books, 2017. P. 37, §16). По словам Цицерона, даже в середине декабря 50 г. большинство было готово принять предложения Цезаря (*Cic. Att. 7.6.2*). О желании «любого благоразумного человека», чтобы и Цезарь, и Помпей распустили свои армии, см. *Vell. Pat. 2.48.1*. Также см., напр., Meyer Ed. *Caesars Monarchie...* S. 272; Bruhns H. *Caesar und die römische Oberschicht...* S. 24–25; Canfora L. *Caesar. Der Demokratische Diktator. Eine Biographie*. München: C.H. Beck, 2001. S. 148. Учитывая состояние наших источников, возможны различные версии по поводу числа сенаторов, проголосовавших тем или иным способом 1 декабря 50 г., но все же трудно отрицать, что сенатское большинство демонстрировало позицию, сильно отличавшуюся от позиции решительных противников Цезаря (см.: Meier C. *Res publica amissa...* S. 315).

collaudatur” (Caes. *BC.* 1.2.8). Более того, против трибунов выступали не только его непримиримые противники, но и некоторые другие сенаторы. Это было для Цезаря тревожным и неприятным обстоятельством, но если он все же отмечает этот факт, в его достоверности сомневаться трудно.

Возможен и другой вариант – принять предположение К.М. Жирарде о том, что решение 1 января 49 г. на деле открывало путь к соглашению с Цезарем, поскольку предоставляло ему возможность восстановить свое положение, несмотря на то что к тому моменту он уже явно вышел за рамки легальности⁴⁸². Если это так, то даже тех, кто выступал против плебейских трибунов, поддерживавших Цезаря, трудно рассматривать как явных *inimici* последнего. Таким образом, в изложении Цезаря его убежденные *inimici* одобряли речи других членов сенатского большинства, направленные против цезарианских трибунов, но так как эти критики не принимали действенных мер против трибунов, становится ясно, почему Помпей мог их (не говоря уже о других сенаторах) упрекать и пытаться их в чем-то убедить.

Таким образом, в репрезентации Цезаря 1 января 49 г. имели место позиции, весьма различные по степени радикальности даже в рядах действовавших против него групп, и все они вместе составляли большинство. В среде убежденных сторонников Помпея таких различий проследить нельзя (однако см. ниже о М. Клавдии Марцелле, консуле 51 г.). Следовательно, *seniores* в тексте Цезаря должны быть именно частью большинства, а не изначальными сторонниками Помпея. Тем более что некоторые из последних оказались даже радикальнее самого Помпея.

Как уже подчеркивалось, Цезарь мог представить параметры собрания так, что они противоречили бы нашим ожиданиям по поводу предполагаемой логики реальных действий Помпея. В частности, Цезарь выстраивает картину, в рамках которой Помпей обращается с сенатским сословием как с легионерами: некоторые из них, подобно воинам, оказались слишком вялыми, чтобы эффективно подчиняться приказам. Несмотря на репрезентацию этого

⁴⁸² См.: Girardet K.M. Januar 49 v. Chr... S. 188–189.

собрания как аналога официального заседания сената, неформальная сходка сенаторов описана у Цезаря еще и таким образом, словно он ведет речь о воинской *contio*, на которой военачальник хвалит и поощряет доблестных солдат (*laudat, confirmat*), а нерадивых или трусливых упрекает и подгоняет (*castigat, incitat*), или же одни действия одних и тех же солдат он одобряет, а другие критикует. Все это мало похоже на обычную практику обращения к сенаторам⁴⁸³. *Laudare* скорее описывает то, что мог бы осуществлять сам сенат, а не то, что кто-то другой мог делать по отношению к сенату⁴⁸⁴. Фраза *castigat atque incitat* тоже не вызывает ассоциаций с сенатскими дебатами. Даже в тех случаях, когда *incitare* все-таки употребляется по отношению к сенату, оно связано с образом хаотичного, эмоционального и малоэффективного заседания (ср., например, Liv. 4.2.1; 5.30.1). Дж. Коллинз подчеркивал это, указывая на использование *incitare* у Цезаря в описании того, как консул Л. Корнелий Лентул обращался с сенатом на официальном заседании 1 января 49 г.: «нейтральным словом было бы *cohortatur* или *alloquitur*»⁴⁸⁵. Аналогичным образом Э. Тронсон подмечает, что во фрагменте *BC*. 1.2.4 «быстрая смена эмоционально окрашенных слов ... создает атмосферу, далекую от достоинства римского сената и больше соответствовавшую варварским племенным собраниям галлов»⁴⁸⁶.

Но наиболее показательным, конечно, употребление глагола *evocare* для обозначения созыва сенаторов на неформальное собрание⁴⁸⁷. Следующие

⁴⁸³ О том, что Помпей в описании Цезаря ведет себя так, словно выступает в роли того, кто уполномочен оценивать поведение сенаторов, см.: Oppermann H. *Caesar. Der Schriftsteller und sein Werk*. Leipzig; Berlin: Teubner, 1933. S. 14.

⁴⁸⁴ Напр., Cic. *Phil.* 4.6.6; 7.24.7; *Off.* 3.86; Sall. *Cat.* 53.1; Liv. 6.6.7; ср., однако, Cic. *Att.* 1.14.2: [Pompeius] *omnia illius ordinis consulta γενικῶς laudaret*; 1.14.6: *ab eo [Pompeio] senatus laudatus est*.

⁴⁸⁵ Collins M. *Caesar as Political Propagandist // Aufstieg und Niedergang der römischen Welt: Geschichte und Kultur Roms im Spiegel der neueren Forschung. Teil I: Von den Anfängen Roms bis zum Ausgang der Republik. Bd. 1 / Hrsg. H. Temporini*. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 1972. P. 948.

⁴⁸⁶ Tronson A. *Pompey the Barbarian: Caesar's Presentation of "The Other" in Bellum Civile 3 // In altum: Seventy-Five Years of Classical Studies in Newfoundland / Ed. M. Joyal*. St. John's, Newfoundland: Memorial University of Newfoundland, 2001. P. 87.

⁴⁸⁷ Можно предположить, что *evocantur* просто подразумевает вызов сенаторов из города *ad urbem*, где находился Помпей (см.: Caesar's *Civil War* / Ed. B. Perrin. New York: University

пассажи, в которых *evocati* упоминаются уже в техническом смысле (как обозначение легионеров, а не сенаторов), усиливают впечатление: сенаторов Цезарь представляет так, словно они были солдатами Помпея⁴⁸⁸, возможно даже намекая на то, что они, подобно настоящим *evocati*, получали значительные материальные выгоды за службу Помпею.

Описание Цезарем неофициального сенатского собрания дополняет его версию происходившего на официальных заседаниях 1 января 49 г. У. Бэтстоун и С. Дэймон отмечают, что здесь Помпей «выглядит как тот, кто требует не просто повиновения, но повиновения, сопровождаемого должной расторопностью»⁴⁸⁹. Это впечатление усиливается при описании неформального собрания и вновь повторяется, когда Цезарь переходит к рассказу о последовавших затем официальных заседаниях *extra urbem*, на которых Помпей хвалил сенат за его «мужество и стойкость» (1.6.1: *virtutem constantiamque collaudat*) – так же, как на неофициальном собрании. Как подчеркивают У. Бэтстоун и С. Дэймон, *virtus* у Цезаря «всегда означает доблесть воинов. Поэтому, когда Помпей хвалит мужество сенаторов, он одновременно маркирует их как “своих солдат” и насмехается над их испугом и отчаянной готовностью подчиниться под влиянием угроз со стороны его подручных. Такое впечатление становится еще яснее, когда он упоминает их “стойкость” (*constantiam*): ведь, как только что заметил Лентул (BC. 1.1.3), в последнее время они поддерживали Цезаря»⁴⁹⁰.

Вернемся к аргументации Г. Инохо Андреса. Еще одно затруднение состоит в том, что исследователь не учел описание заседания сената, которое дает Цезарь во фрагменте BC. 1.3.4–1.4.1, вскоре после рассказа о неформальном собрании в пассаже 1.3.1. Хотя текст BC. 1.3.4–1.4.1 не является

Publishing Company, 1882. P. 134; *Res publica conquassata: Readings on the Fall of the Roman Republic* / Eds. J.K. Finn, F.J. Groten. Detroit: Wayne State University Press, 1998. P. 90). Однако необходимость собраться за пределами города ради проконсула была слишком обычным делом, чтобы вынудить к использованию такой необычной лексики.

⁴⁸⁸ Это наблюдение стало общим местом в историографии, см., в частности: Batstone W.W., Damon C. *Caesar's Civil War*. Oxford: Oxford University Press, 2006. P. 49–50.

⁴⁸⁹ Batstone W.W., Damon C. *Caesar's Civil War...* P. 45.

⁴⁹⁰ Batstone W.W., Damon C. *Caesar's Civil War...* P. 53.

продолжением описания неофициального собрания сенаторов (см. об этом ниже), он позволяет прояснить ряд деталей последнего. Цезарь сначала характеризует созванных сенаторов, но, в отличие от фрагмента *BC. 1.3.1*, прямо пишет о том, что в сенат были собраны все сторонники Помпея, друзья консулов и враги Цезаря. Но хотя на этот раз призывались, согласно Цезарю, явно не *omnes qui sunt eius ordinis*, а только *inimici Caesaris* (как это получалось бы при интерпретации текста *BC. 1.3.1* в случае принятия добавления *omnes <sui>*), на самом заседании присутствовали вовсе не только эти *inimici*, но и другие сенаторы, которых *inimici* запугивали и терроризировали. Вопрос в том, кого именно Помпей, по логике Цезаря, хвалил в пассаже *BC. 1.3.1*: либо всех сенаторов, голосовавших против Цезаря 1 января 49 г., включая умеренных, либо только тех, кто во фрагменте *BC. 1.3.4* описываются как друзья консулов, приближенные Помпея, либо имевших давнюю вражду с Цезарем (*amici consulum, necessarii Pompei atque eorum qui veteres inimicitias cum Caesare gerebant*). В любом случае, вторая группа, т.е. *seniores* из текста *BC. 1.3.1*, может во фрагменте *BC. 1.3.5* скрываться только за терминами *infirmiores* и *dubii*. Но эти *infirmiores* и *dubii* текста *BC. 1.3.5* также названы большинством (*plurique*) и резко противопоставлены меньшей по численности, активной группе *amici consulum, necessarii Pompei* и прочих. Следовательно, *seniores* в пассаже *BC. 1.3.1* также не могут быть *inimici Caesaris* и должны обозначать умеренное большинство сената, которое, следовательно, тоже присутствовало на неформальном собрании.

Предположим, однако, что по какой-то причине нельзя использовать текст *BC. 1.3.4–1.4.1* для уточнения смысла фрагмента *BC. 1.3.1*. Тогда можно было бы считать, что *seniores* во фрагменте *BC. 1.3.1* – это часть *sui* Помпея. Этих менее решительных сторонников он готовил к следующему дню, 2 января 49 г., мотивируя их к единодушному и энергичному действию перед лицом всех остальных сенаторов. Но по логике рассказа Цезаря на официальном заседании днем 1 января все помпеянцы уже проявили вполне достаточную степень решимости. Сомневались не они, а «не-помпеянцы» – например, М.

Калидий, один из колеблющихся сенаторов, и цезарианец М. Целий Руф (*BC*. 1.2.2–3). Исключением был лишь помпеянец М. Клавдий Марцелл (консул 51 г.). Однако, хотя Цезарь относит его к числу «более умеренных», такое впечатление о его позиции может быть лишь внешним. Как убедительно показали У. Бэтстоун и С. Дэймон, Цезарь имел в виду, что предложение Марцелла (мобилизовать войска еще до того, как сенат примет решение) было более осторожным, но все же направленным на лишение сената свободы решений и подготовку войны против Цезаря. Если понимать буквально, «Марцелл хотел, чтобы сенат оказался окружен еще большей армией, армией Помпея, разумеется, чтобы сенаторы могли вести свободные дебаты». Но «куда вероятнее, что Марцелл не желал, чтобы голосование прошло против Цезаря, пока сторона Помпея не почувствует себя в безопасности под защитой большей по размеру армии. Так выглядела свобода по-помпеянски»⁴⁹¹.

Таким образом, Марцелл проявлял решимость, но его стратегия не вызвала поддержки со стороны других, менее осторожных, врагов Цезаря. Иными словами, Марцелл вряд ли мог оказаться среди *seniores* на последующем неформальном собрании⁴⁹². Даже если бы первоначально его можно было отнести к числу *seniores*, он все равно снял свое предложение уже на официальном заседании под давлением консула Лентула (*BC*. 1.2.5) и не нуждался в том, чтобы Помпей принуждал его изменить позицию (*castigat atque incitat*). Следовательно, среди *seniores* должны были быть и другие сенаторы, не только Марцелл. Более того, эта группа должна была быть достаточно значительной для того, чтобы для Помпея имело смысл тратить усилия на завоевание их расположения. Ведь вряд ли следовало упрекать лишь немногих менее решительных союзников в условиях, когда колебались представители гораздо более многочисленной группы «не-помпеянцев». Главной проблемой стало завоевание голосов большинства, а не укрепление

⁴⁹¹ Batstone W.W., Damon C. *Caesar's Civil War...* P. 46–47.

⁴⁹² Также см.: Meyer Ed. *Caesars Monarchie...* S. 283.

духа и настроения нескольких помпеянцев, даже если кто-то из них (как Марцелл) сомневался в выбранном курсе.

Еще более важный, на мой взгляд, недостаток аргументации Г. Инохо Андреса заключается в том, что Цезарь употребил термин *ordo* для обозначения того, что исследователь считал группой исключительно «сторонников Помпея» (*partidarios de Pompeyo*). Г. Инохо Андрес признает, что именно употребление слова *ordo*, вероятно, и побудило многих исследователей отвергнуть вставку <*sui*>: *ordo* не может обозначать политическую группировку, а указывает на *ordo senatorius* в целом⁴⁹³. Как отмечал М.Х.Г. Херцог, если бы Цезарь имел в виду исключительно помпеянских сенаторов, он выразился бы иначе: *ordo* нельзя понимать как просто группу «единомышленников» (*Gleichgesinnte*)⁴⁹⁴.

Чтобы решить эту проблему, Г. Инохо Андрес вновь ссылался на С. Маринера Бигорру: то, что Помпей созвал лишь своих сторонников, якобы подтверждается употреблением Цезарем перафразы *omnes ... ordinis* вместо таких обобщающих понятий, как *senatores* или *patres*. Однако Г. Инохо Андрес не поясняет, как именно это наблюдение поддерживает его аргументацию⁴⁹⁵. Очевидно, что сама по себе подобная формулировка не изменяет основного значения термина *ordo* (если именно это имеется в виду исследователем). Так, например, сочетание *omnes* и *ordo* встречается у Цицерона. Когда он употребляет фразу *omnes omnium ordinum homines*, он, разумеется, не имеет в виду, что речь идет о всех членах всех политических группировок – *factiones*, *partes* и тому подобных. Вместо этого он подразумевает *ordines* в техническом смысле (*Rab. Post.* 20; ср. также *Cat.* 4.14; *Dom.* 90).

Г. Инохо Андрес ссылается лишь на один пассаж, в котором *ordo* якобы употреблен в значении политической группировки. Этого явно недостаточно, чтобы утверждать, будто именно в тех случаях, когда мы не уверены в

⁴⁹³ Hinojo Andrés G. «Misso ad vesperum senatu»... P. 114.

⁴⁹⁴ C. Julii Caesaris commentariorum de bello civili libri III / Ed. C.G. Herzog... P. 13.

⁴⁹⁵ Hinojo Andrés G. «Misso ad vesperum senatu»... P. 114.

смысловом наполнении слова у Цезаря, нужно предпочесть подобное (и, мягко говоря, крайне необычное) толкование. К тому же пример употребления *ordo* в необычном значении, который приводит здесь Г. Инохо Андрес, принадлежит Курцию Руфу, использующему это слово при описании греческих реалий (10.2.6)⁴⁹⁶. Еще важнее то, что если посмотреть на другие случаи применения *ordo* именно в первой книге *Bellum Civile*, то, за исключением частых употреблений этого слова в описаниях военных событий (3, 13, 44, 46, 51, 71, 74, 77, 85), оно обозначает либо *ordo senatorius*, либо *ordo equester* в целом и никогда – политическую группировку внутри этих сословий (23, 51).

Тезис Г. Инохо Андреса о том, что у Цезаря не было подходящего обозначения для помпеянцев и что поэтому термин *ordo* он использовал *faute de mieux*, лишен основания. Исследователь ссылается, в частности, на Ж. Иллегуара, якобы утверждавшего, что у римлян не существовало адекватной терминологии для обозначения политических партий⁴⁹⁷. Однако *factio* или *pars*, упомянутые выше, как показывает тот же Ж. Иллегуар, все же находились в их полном распоряжении⁴⁹⁸. Решительные противники Цезаря в иных случаях обозначались Цезарем *factio* или *factio paucorum*⁴⁹⁹. Во фрагменте *BC*. 1.22.5 он пишет, что начал войну *ut se et populum Romanum factione paucorum oppressum in libertatem vindicaret* (ср., например, *Hirt. BG*. 8.50.2; *Suet. Iul.* 11; 20.5)⁵⁰⁰. Таким образом, у него, безусловно, имелся в распоряжении подходящий термин⁵⁰¹. То, что Цезарь не использует *factio* или

⁴⁹⁶ Примечательно, что в переводе в серии Loeb приводится «The Athenians alone ... could not tolerate such a cesspool of classes and men» (не упоминаются «политические группировки» или «партии»).

⁴⁹⁷ Hinojo Andrés G. «Misso ad vesperum senatu»... P. 115.

⁴⁹⁸ Hellegouarc'h J. Le vocabulaire latin... P. 99–115.

⁴⁹⁹ См., напр.: Bruhns H. Caesar und die römische Oberschicht... S. 26. Ср.: Seager R. *Factio: Some Observations* // *Journal of Roman Studies*. 1972. Vol. 62. P. 54–55, 57.

⁵⁰⁰ См., напр.: Seager R. *Factio*...

⁵⁰¹ Г. Инохо Андрес ссылается на исследования Л.Р. Тэйлор (Taylor L.R. *Party Politics*...) и Ж. Иллегуара (Hellegouarc'h J. *Le vocabulaire latin*... P. 427–428). Однако в этих работах нет ничего, что могло бы подтвердить его вывод по поводу *Caes. BC*. 1.3.1. Об *ordo* как термине для обозначения стабильной, официально признанной социальной группы см.: Cohen B. La notion d'«ordo» dans la Rome antique // *Bulletin de l'Association Guillaume Budé*. 1975. Vol. 2. P. 259–282. Определение и выводы Б. Коэна Г. Инохо Андрес, как он сам пишет, целиком принимает. Также см.: Rilinger R. *Ordo und dignitas als soziale Kategorien der Römischen*

аналогичное слово для обозначения тех, кого созвал Помпей, означает лишь то, что приглашены были не только его непримиримые враги. Следовательно, добавление <sui> только вводит нас в заблуждение.

Если все-таки настаивать на необходимости объяснить, почему Цезарь употребляет *omnes ... ordinis* (подразумевая *senatorii*), а не, например, *omnes senatores*, то это выражение лучше всего понимать в контексте уже упомянутой характеристики сенаторов как своего рода ветеранов на службе у Помпея. Сенаторы *evocantur* так, словно они были *evocati* в техническом смысле этого слова, но одновременно составляли *ordo*. Действительно, буквально в следующем предложении говорится о том, что ветераны (т.е. солдаты, а не сенаторы) надеялись получить новый ранг (*spe ... ordinum*), присоединившись к Помпею (BC. 1.3.2). Так как выстраивание параллели между сенаторами и ветеранами очевидно и представлено в двух соседних предложениях, игра слов (обыгрывание Цезарем разных значений слова *ordo*) не должно удивлять и вполне объясняет выбор им этого термина при описании и сенаторов, и солдат. Следует добавить и то, что позднее сам Цезарь действительно включил некоторых своих офицеров в сенаторское сословие⁵⁰².

Еще одно наблюдение позволяет свести воедино все вышеизложенные соображения. Цезарь весьма тщательно избегает всего того, что могло бы навести на мысль, будто Помпей организовал заседание сената как официального института, а не прибег к организации масштабного, но все же неформального собрания отдельных сенаторов⁵⁰³. Прямое обозначение

Republik // *Ordo und dignitas: Beiträge Zur Römischen Verfassungs- Und Sozialgeschichte* / Hrsg. T. Schmitt, A. Winterling. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2007. S. 95–104.

⁵⁰² Rawson E. Caesar: Civil War and Dictatorship // *Cambridge Ancient History*. Vol. 9: The Last Age of the Roman Republic, 146–43 B.C. / Ed. J.A. Crook, A. Lintott, E. Rawson. Cambridge: Cambridge University Press, 1994. P. 452.

⁵⁰³ Ср. с оценкой Цицероном сената, оставшегося в Риме вместе с Цезарем. По мнению Цицерона, в таких условиях в лучшем случае могло иметь место собрание сенаторов, но не сената (Cic. *Fam.* 4.1.1: *in senatum sive potius in conventum senatorium*, *Att.* 9.1.2: *in concessu senatorium*; <*senatum*> enim non puto). Однако слова Цицерона создают впечатление, что это была лишь его собственная оценка (*puto*; *sive potius*) и технически в правовом отношении сенат все еще мог функционировать как таковой даже с точки зрения Цицерона: проблема заключалась в «политическом» несовершенстве такого собрания (многие сенаторы не присутствуют, одна «партия» полностью исключена), а не в техническом. Наоборот, Цезарь

собрания Помпея как «сената» лишь усилило бы мысль Цезаря о том, что Помпей фактически присвоил себе роль председателя сената, но в то же время такое словоупотребление привело бы к грубому искажению действительности. Цезарь этого избегает. Вместо этого он находит иной способ выразить тезис о том, что Помпей нарушил традиционные политические принципы, даже несмотря на то, что формально все еще действовал в рамках правовых норм (ведь он, будучи проконсулом, так и не прибег к незаконному созыву официального заседания сената). Именно поэтому перед Цезарем стояла задача, с одной стороны, подчеркнуть, что Помпей вызвал всех сенаторов, а не только своих друзей, а с другой стороны, воздержаться от утверждения, что Помпей официально созвал сенат. Как показывает Цезарь, действия Помпея на практике равнялись фактически полноценному созыву сената, даже если формально никакой сенат не собирался⁵⁰⁴. Если же мы добавляем <sui> и сужаем, тем самым, круг участников собрания до группы стойких сторонников Помпея, то вся тщательно выстроенная Цезарем логика этого пассажа рушится. Фраза превращается в простое сообщение о собрании врагов Цезаря. Но писать о сходке мотивированных врагов, на которой менее решительные сторонники Помпея подвергались упрекам со стороны своего вождя, Цезарю нет никакого резона после того, как он уже в красках рассказал о «злодеяниях помпеянцев» (особенно об их попытках силой и обманом заставить сенатское большинство подчиниться их воле) и привел множество примеров нарушения ими самых базовых законов и политических традиций римской *civitas*.

§3.3. Вопрос о достоверности сообщения по поводу неофициального созыва сенаторов проконсулом Помпеем

в рассматриваемом пассаже изображает собрание сенаторов у Помпея так, будто оно было очень похоже на сенат с практической точки зрения, но при этом Цезарь тщательно избегает любых намеков на то, что юридически это было именно собрание сената.

⁵⁰⁴ Также ср.: Russell A. The Politics of Public Space... P. 184: «это не официальное собрание», хотя «описание Цезарем этого события и речь Помпея вызывают ассоциации с обычным заседанием сената».

То, что рассказ о собрании по инициативе Помпея служит целям Цезаря, не вызывает сомнений: «это второе (неофициальное) собрание сенаторов, за пределами города, ночью и по призыву Помпея, может рассматриваться как выражение истинной сущности правления помпеянцев, а также его нелегитимности»⁵⁰⁵. Данное обстоятельство и тот факт, что сведения о собрании исходят исключительно от Цезаря, заставляют сомневаться в самом факте его проведения, не говоря уже о конкретных характеристиках сходки. Доказать или опровергнуть историческую реальность рассматриваемого собрания затруднительно. Однако можно попытаться понять, имелся ли в сложившихся обстоятельствах для Помпея политический смысл предпринимать то, что приписывает ему Цезарь.

Предположение о том, что речь идет лишь о литературной фикции, выглядит, на первый взгляд, вполне убедительным, если иметь в виду итоги заседания сената 1 января 49 г., которое явно стало успехом для Помпея. Возникает вопрос о том, зачем Помпею могло понадобиться еще одно, на этот раз неофициальное, собрание вечером того же дня.

Уже М.Х.Г. Херцог считал, что приглашение всех сенаторов соответствовало целям Помпея⁵⁰⁶. Каким именно образом? Ряд исследователей, в том числе Х. Брунс, отмечали, что сенатское большинство приветствовало бы лишение Цезаря власти как условие его участия в консульских выборах, но при этом не было готово к энергичному сопротивлению. Как показало голосование 1 декабря 50 г., большинство было согласно на лишение полномочий и Цезаря, и Помпея и не желало рисковать гражданской войной, которая могла быть спровоцирована в том случае, если бы были предприняты энергичные меры против трибуна Куриона, которые

⁵⁰⁵ Batstone W.W., Damon C. Caesar's Civil War... P. 49.

⁵⁰⁶ C. Julii Caesaris commentariorum de bello civili libri III / Ed. C.G. Herzog... P. 13.

заставили бы его отказаться от блокирования антицезарианских предложений⁵⁰⁷.

В монографии, посвященной мотивации и политической тактике в гражданской войне между Цезарем и Помпеем, К. Раафлауб характеризует решение сената, принятое 1 января 49 г., как фактически полный пересмотр результатов голосования 1 декабря 50 г. – как по содержанию, так и по тону⁵⁰⁸. Иными словами, постановление 1 января 49 г. действительно стало успехом врагов Цезаря. Однако реконструкция К. Раафлауба предполагает, что этот успех на деле принес Помпею и его сторонникам немного. Согласно К. Раафлаубу (чья интерпретация, очевидно, во многом опирается на оценки, которые дает Цезарь), 1 января 49 г. сенатское большинство изменило позицию и выступило против Цезаря по нескольким причинам: решимость консула Лентула; отсутствие такого консула, который мог бы возразить помпеянкам; подавление оппозиционных голосов; отсутствие лидера, который мог бы выражать волю умеренного сенатского большинства; отсутствие среди самих цезарианцев «Durchreißer» («тарана», каковым ранее выступал Курион⁵⁰⁹); наконец, окончательное решение Помпея противостоять Цезарю. С одной стороны, заявление Помпея о готовности защищать Республику могло заставить сенаторов думать, что теперь они могут проводить самостоятельную политику при поддержке Помпея. Возобладала уверенность в том, что предотвратить конфликт уже невозможно. Оптимизм Помпея в отношении военных перспектив, переход Лабиена на его сторону, иллюзорное чувство военного превосходства над Цезарем, страх последствий его победы и склонность сенатского большинства предпочесть Помпея Цезарю (за неимением иных вариантов), – все это способствовало решению 1 января 49 г. С другой стороны, использовался и политический шантаж: было объявлено,

⁵⁰⁷ Bruhns H. Caesar und die römische Oberschicht... S. 24–25. Также см., напр.: Meyer Ed. Caesars Monarchie... S. 272; Canfora L. Caesar. Der Demokratische Diktator... S. 148; Gruen E.S. The Legitimacy of Caesar's Wars... P. 37, §16.

⁵⁰⁸ Raaflaub K.A. *Dignitatis contentio*... S. 56.

⁵⁰⁹ О Курионе см.: Lacey W.K. The Tribune of Curio // *Historia*. 1961. Bd. 10. P. 318–329.

что, если сенат не выступит против Цезаря, он не получит поддержки, когда она понадобится. Кроме того, на исход голосования в известной степени повлияло наличие военных сил проконсула Помпея близ города. Все это поставило колеблющееся большинство на сторону «радикальных оптиматов»⁵¹⁰.

Если принять такую реконструкцию ситуации, предполагаемое неофициальное собрание сенаторов становится вполне логичным. Однако правдоподобным сообщение Цезаря оказывается, на мой взгляд, лишь в том случае, если решение 1 января 49 г. не было однозначной победой врагов Цезаря. И действительно, как отмечает К. Раафлауб, несмотря на все перечисленные обстоятельства, 1 января 49 г. сенат ограничился ультиматумом, который не имел юридической силы из-за интерцессии трибунов. Поражение противников Цезаря в июне и 1 декабря 50 г. было пересмотрено, но ситуация лишь вернулась к тому, что предполагали решения сената, принятые еще 29 сентября 51 г. затем в апреле 50 г.: установление определенного «дедлайна» и ультиматума для Цезаря, но теперь в более жесткой форме, т.е. с уточнением, что он будет считаться действующим *contra rem publicam*, если не подчинится. До этого срока оставалось немало времени, и сторонники мирного урегулирования согласились с данным решением в надежде, что компромисс будет найден. Пока сохранялось действие интерцессии, достижения врагов Цезаря оставались скромными. Обсуждение и критика (сколь угодно резкая) вмешательства трибунов сами по себе ни к чему не могли привести. Следовательно, по мнению К. Раафлауба, сопротивление умеренных сенаторов было по-прежнему значительным и носило принципиальный характер. Чтобы его сломить, требовался второй *fait accompli* – устранение цезарианских трибунов. Только после провала

⁵¹⁰ Raaflaub K.A. *Dignitatis contentio...* S. 56–58. Также см.: Meier C. *Res publica amissa...* S. 315; Bruhns H. *Caesar und die römische Oberschicht...* S. 25–29. По поводу сообщения Цезаря о том, что помпеянцы шантажировали сенат на заседании 1 января 49 г., см.: Batstone W.W., Damon C. *Caesar's Civil War...* P. 44–45.

переговоров с Цезарем стало возможным принятие SCU, открывшее путь к войне⁵¹¹.

О том, что Помпею было непросто заручиться поддержкой сенатского большинства, говорит и оценка Х. Брунсом более поздней ситуации. В Грецию с Помпеем отправились около 200 сенаторов – половина тех, кто присутствовал в Риме 1 декабря 50 г., или треть от общего числа сенаторов⁵¹². По наблюдению Х. Брунса, даже летом 48 г. группа «нейтральных» консуляров оставалась очень влиятельной, даже более влиятельной, чем «помпеянские» консуляры⁵¹³.

Если принять реконструкцию К. Раафлауба, то как раз после официального заседания днем 1 января 49 г. возникла необходимость использовать все доступные средства, чтобы подтолкнуть сенаторов к преодолению вето трибунов и добиться принятия SCU⁵¹⁴. Однако по-прежнему сомнительно, что такая реконструкция событий, изначально опирающаяся во многом на точку зрения Цезаря, может служить достаточным обоснованием тезиса о том, что другие его инсинуации, включая детали описания неприемлемой по форме *evocatio* сенаторов Помпеем, не были цезарианской пропагандой.

К.М. Жирарде предоставляет пример современной интерпретации, гораздо менее благосклонной к Цезарю. Но, несмотря на различия между его подходом и реконструкцией К. Раафлауба, он фактически приходит к тому же выводу. К.М. Жирарде считает, что хотя постановление 1 января 49 г. и означало отказ в ответ на требования Цезаря, оно все же открывало ему возможность оставаться в рамках законности и принять участие в консульских выборах на 48 г., несмотря на предшествующие эпизоды явного нарушения закона и несмотря на письмо Цезаря с прямыми угрозами сенату. Хотя одной

⁵¹¹ Raaflaub K.A. *Dignitatis contentio*... S. 58–59.

⁵¹² Bruhns H. *Caesar und die römische Oberschicht*... S. 31.

⁵¹³ Bruhns H. *Caesar und die römische Oberschicht*... S. 61–62.

⁵¹⁴ О том, что трибуны, по-видимому, не могли наложить вето на SCU, см.: Kunkel W., Wittmann R. *Staatsordnung und Staatspraxis*... S. 602–603.

из целей постановления действительно было выиграть время для подготовки к войне против Цезаря в случае, если он не пойдет на соглашение, это решение все же отражало процесс продолжавшихся поисков мирного выхода⁵¹⁵. Если согласиться с этими рассуждениями К.М. Жирарде, то постановление 1 января 49 г. выражало прежде всего волю сенатского большинства, а не непримиримых врагов Цезаря.

Необходимость склонить сенатское большинство к преодолению (а не просто обсуждению) вето трибунов могла быть веской причиной для Помпея немедленно обратиться к сенаторам напрямую. Принятое сенатом предложение Сципиона было именно тем, что нужно Помпею, но Сципион и другие его союзники, по-видимому, не сумели добиться желаемого конечного результата после первоначального успеха. Как уже отмечалось, меры против трибунов обсуждались в сенате уже 1 января 49 г., но так и не были утверждены (Caes. *BC.* 1.2.7; Cic. *Phil.* 2.50–53; Cass. Dio 41.2–3). То, что большинство сенаторов избегало рискованных шагов, направленных против трибунов, неудивительно: всем было ясно, что решительные действия дали бы Цезарю *casus belli* (как в и произошло позднее; ср. Cic. *Phil.* 2.53). На это указывал Целий в письме к Цицерону еще в апреле 50 г. (Cic. *Fam.* 8.11.3). Понимание этого давно влияло на предпочтения сенатского большинства (Cic. *Fam.* 8.13.2 – июнь 50 г.; *Att.* 7.7.5 – декабрь 50 г.⁵¹⁶).

Таким образом, мнение сенатского большинства изменило не столько письмо Цезаря, зачитанное в сенате 1 января 49 г., сколько дополнительные факторы или события, произошедшие между 1 и 7 января 49 г. Одним из них вполне могло оказаться прямое обращение Помпея к сенаторам на неофициальном собрании. Это обращение, по-видимому, было единственным до того момента, как Помпей выступил на официальных заседаниях уже после

⁵¹⁵ См.: Girardet K.M. Januar 49 v. Chr... S. 188–189.

⁵¹⁶ Также см.: Shackleton Bailey D.R. Cicero's Letters to Atticus. Vol. 1. Cambridge: Cambridge University Press, 1965. P. 302–303.

принятия решающего SCU⁵¹⁷. Данный момент не находится в центре внимания в современной историографии. В ней в основном обсуждаются другие обстоятельства, которые склонили сенаторов к решительным действиям против Цезаря (нарастающее раздражение в связи с продолжавшимся вето трибунов и – если верить Цезарю – давление армии Помпея на сенаторов, а также агрессивное поведение его сторонников на последующих официальных заседаниях, особенно 2 января 49 г.).

Тот факт, что сенат собрался 1 января 49 г. на Капитолии, не означает, что он пытался справиться с кризисом без Помпея, специально лишив его возможности присутствовать на заседании, организовав его для этого в черте города. Дело в том, что первое заседание года в любом случае должно было проходить именно на Капитолии⁵¹⁸. Однако место проведения официального собрания частично объясняет, почему для Помпея так важно было созвать сенаторов по собственной инициативе: у него не было другой возможности обратиться к ним лично до последующих официальных заседаний. Чтобы выступить, ему пришлось нарушить неформальные правила и созвать, по существу, полномасштабное сенатское заседание в качестве проконсула и в вечернее время. Если у Помпея действительно была настоятельная причина обратиться к сенаторам (на что указывают современные реконструкции хода событий), то роль Цезарь заключалась только в использовании этой инициативы как очередного повода для критики Помпея, а не в выдумывании всего события. Явная фальсификация со стороны Цезаря маловероятна, если – как справедливо отмечают У. Бэтстоун и С. Дэймон, – «многие из его читателей сами участвовали в этих событиях». Кроме того, предполагать без достаточных оснований, что Цезарь прибегал к прямому вымыслу, вряд ли плодотворно, особенно если признать, что «комментарии Цезаря – это не столько запись событий, сколько их анализ и их использование для

⁵¹⁷ Caes. BC. 1.6.1 Также см.: Stein P. Die Senatssitzungen der Ciceronischen Zeit (68–43). Inaugural-Dissertation. Münster: Westfälische Vereinsdruckerei, 1930. S. 62–64.

⁵¹⁸ Bonnefond-Coudry M. Le Sénat... P. 69–70, 150; Pina Polo F. The Consul at Rome... P. 18.

репрезентации более глобальных политических вопросов»⁵¹⁹. Поэтому, хотя весьма вероятно, что Цезарь допускает преувеличение (например, превращая серию частных приглашений сенаторов Помпеем в фактически полноценный созыв сената), организованное им собрание должно было стать действительно значимым фактором общего хода событий. Те действия, которые требовались решительным противникам Цезаря, не были предприняты сразу после неофициальной сходки сенаторов по инициативе Помпея, но чуть позднее они состоялись. Так, Кассий Дион описывает изменение настроений сенаторов как растущую решимость выступить против трибунов⁵²⁰. Возникает вопрос: как враги Цезаря могли добиться этого, если не с помощью совокупности различных средств, включая прямые обращения вне официальных заседаний?

В другом исследовании К. Раафлауб анализирует сообщение Плутарха, согласно которому 1 января 49 г. трибун М. Антоний внес в сенат предложение о том, чтобы лишить и Помпея, и Цезаря военного командования. Сенатское большинство потребовало голосования по этому предложению, но консулы отказались предоставить такую возможность (*Ant.* 5.4; *Caes.* 30.3). Это очень близко к ситуации 1 декабря 50 г., когда трибун Курион выдвинул то же самое предложение, и сенатское большинство тоже решительно его поддержало, но не смогло реализовать. Неудивительно, что сообщение Плутарха часто считают в историографии «дублетом»: якобы в его версии предложение Куриона от 1 декабря 50 г. было перенесено на заседание 1 января 49 г. и увязано не с Курионом, а с Антонием⁵²¹. Однако К. Раафлауб приводит веские

⁵¹⁹ Batstone W.W., Damon C. *Caesar's Civil War...* P. 52.

⁵²⁰ Cass. Dio 41.2–3. Ср.: Girardet K.M. Januar 49 v. Chr... S. 207–208. Раздражение сенатского большинства по поводу вето можно было бы объяснить следующим образом. Обе стороны подталкивали сенаторов к выбору: либо они игнорируют вето и принимают SCU против Цезаря (чего пытались добиться от них враги Цезаря и что в итоге произошло), либо отменяют даже собственное решение от 1 января (антицезарианское или, как в интерпретации К.М. Жирарде, потенциально антицезарианское). Последнего и пытались добиться цезарианские трибуны, настаивая на своем вето. Это вызывало раздражение, поскольку затрудняло осторожное лавирование большинства между двумя сторонами.

⁵²¹ См.: Meyer Ed. *Caesars Monarchie...* S. 284, Anm. 1; Stein P. *Die Senatssitzungen...* S. 62–63, Anm. 339; Pelling C.B.R. *Plutarch's Adaptation of his Source-Material* // *Journal of Hellenic Studies*. 1980. Vol. 100. P. 139–140.

аргументы в пользу того, что указанные события действительно частично повторились, а Плутарх, видя эти сходства, сознательно использовал близкие формулировки при их описании, усиливая впечатление «дублета», хотя это впечатление только «мнимое» (*unecht*)⁵²². Сам К. Раафлауб признает, что гипотеза о дублировании событий в античной нарративной традиции не может быть полностью опровергнута. Однако нет ничего невозможного в том, что тактика Куриона 1 декабря 50 г. могла быть повторена 1 января 49 г.⁵²³. Успех Куриона делал повторение выбранной им стратегии многообещающим⁵²⁴. Этот вывод представляется мне весьма убедительным, особенно в свете многочисленных свидетельств античных авторов о том, что в письме, зачитанном в сенате 1 января 49 г., Цезарь вновь повторял компромиссное предложение разоружиться обоим – и ему, и Помпею (*Caes. BC. 1.9.3; 1.32.4; Suet. Iul. 29.2; App. BC. 2.32; Cass. Dio 41.1.4*).

К. Раафлауб предлагает, по его собственным словам, весьма гипотетическую реконструкцию официального заседания сената 1 января 49 г. Она исходит из упомянутого предположения о том, что ход событий должен был быть действительно схож с заседанием 1 декабря 50 г. Эта реконструкция также поясняет, каким образом негодование сенаторов по поводу письма Цезаря могло сочетаться с их готовностью, даже после этого, поддержать его предложение о «разоружении» обоих проконсулов. Реконструкция К. Раафлауба такова: Лентул использовал возмущение сената письмом Цезаря, чтобы продвинуть предложение Сципиона. Цезарианские трибуны наложили вето, и Антоний воспользовался моментом, чтобы вновь разъяснить сенаторам опасность подобной провокации. Он подчеркнул, что единственным решением остается одновременное разоружение обеих сторон. Ему удалось снова склонить на свою сторону большинство. Тогда Лентул отказался поставить

⁵²² Raaflaub K. Zum politischen Wirken der caesarfreundlichen Volkstribunen am Vorabend des Bürgerkrieges // *Chiron*. 1974. Bd. 4. S. 306–311. Ср. отчасти схожую ситуацию: Perl G. Sallust und die Krise... S. 212–213.

⁵²³ Perl G. Sallust und die Krise... S. 311.

⁵²⁴ Raaflaub K.A. *Dignitatis contentio*... S. 31–32. Ср.: Nissen H. Der Ausbruch des Bürgerkriegs 49 v. Chr. // *Historische Zeitschrift*. 1881. Bd. 46. S. 81.

предложение Антония на голосование и открыл обсуждение интерцессии. В результате сенат постановил *vestis mutatio*⁵²⁵.

Будучи умозрительной, эта реконструкция все же представляет интерес⁵²⁶. Если ее принять, то она дает еще более убедительное объяснение того, почему Помпей считал столь важным немедленно обратиться к сенаторам после официального заседания, несмотря на то, что постановление 1 января 49 г. оказалось для него вполне успешным. В то же время мой основной аргумент (о том, что неофициальное собрание всех сенаторов, находившихся в Риме, вечером 1 января 49 г. соотносится с общей картиной развития событий) не требует принятия всех деталей реконструкции К. Раафлауба. Достаточным основанием для предполагаемой *evocatio* сенаторов Помпеем является уже то обстоятельство, что, как убедительно доказывает К. Раафлауб, в январе 49 г., как и прежде, сенатское большинство по-прежнему считало лишение полномочий и Цезаря, и Помпея наилучшим способом избежать войны⁵²⁷. Даже в этот момент оппозиция умеренных сенаторов отчетливо прослеживается в источниках⁵²⁸.

По поводу времени проведения рассматриваемого неофициального собрания можно отметить следующее. Утверждение Цезаря о том, что Помпей собрал сенаторов вечером после завершения официального заседания, выглядит вполне правдоподобно. М. Рамбо, комментируя этот момент, предполагает, что перед нами лишь инсинуация Цезаря. Он создает ложное впечатление о том, что официальное заседание якобы было очень продолжительным, и потому Помпей устроил некое неофициальное

⁵²⁵ Raaflaub K. Zum politischen Wirken... S. 311–312, Anm. 98.

⁵²⁶ Однако К. Раафлауб не объясняет, почему сам Цезарь прямо не пишет о повторении 1 января 49 г. декабрьского предложения Куриона и о неизменной популярности этой меры среди сенатского большинства (это вполне отвечало бы целям Цезаря). С другой стороны, контраргументы такого рода не слишком убедительны, поскольку молчание Цезаря может иметь разные объяснения.

⁵²⁷ Raaflaub K. Zum politischen Wirken... S. 310.

⁵²⁸ Raaflaub K.A. *Dignitatis contentio*... S. 59.

собрание⁵²⁹. Но вряд ли это выдумка Цезаря в пропагандистских целях. Учитывая безрезультативность обсуждения вето трибунов, можно предположить, что официальное заседание 1 января 49 г. – как и немало других в эпоху поздней Республики – вполне могло продолжаться до конца дня. Цезарю не требовалось придумывать дополнительные обстоятельства, чтобы иметь возможность использовать против Помпея негативные коннотации, связанные с глубоко укорененными в римской культуре представлениями о нежелательности официального политического процесса в ночное время. Книга А. Пир служит примером того, как этот момент может быть переоценен современными исследователями в качестве средства создания негативного образа Помпея и его сторонников. По словам А. Пир, в повествовании Цезаря «дополнительное собрание сената вечером ... также указывает на незаконность процедуры». Она заключает: «преднамеренное ночное собрание Помпея и его сторонников имеет большое значение»⁵³⁰. Но проблема в том, что «дополнительное собрание» вряд ли было «преднамеренно» ночным. Если его целью была подготовка заседания 2 января после завершения предыдущего собрания, другого времени, кроме вечера 1 января, просто не существовало⁵³¹.

⁵²⁹ César. *De bello civili*. Livre premier / Ed. M. Rambaud. Paris: Presses Universitaires de France, 1962. P. 26.

⁵³⁰ Peer A. Julius Caesar's *Bellum Civile* and the Composition of a New Reality. Farnham; Burlington: Ashgate, 2015. P. 15 (со ссылками на работы: Barton C.A. *Roman Honor: The Fire in the Bones*. Los Angeles; London, 2001. P. 58–61; Welch K. *Lux and lumina* in Cicero's Rome: A Metaphor for the *res publica* and her Leaders // *Roman Crossings: Theory and Practice in the Roman Republic* / Eds. K. Welch, T.W. Hillard. Swansea: Classical Press of Wales, 2005. P. 313).

⁵³¹ Преположение о том, что неофициальная встреча состоялась 2 января (C. Iulii Caesaris commentarii de bello civili / Ed. F. Kraner, F. Hofmann. 3. Aufl... P. 16; C. Iulii Caesaris commentarii De Bello Civili / Erkl. F. Kraner, F. Hofmann, H. Meusel. 12. Aufl... P. 35), не является убедительным. Ссылка на фрагмент Cass. Dio 41.2.2, не имеет отношения к данному вопросу. Дион сообщает, что, когда 1 января решение было принято, трибуны Антоний и Кассий Лонгин не позволили реализовать какую-либо его часть ни в этот день, ни в следующий. Здесь ничего не говорится о дне неофициальной сходимки сенаторов. Как предполагает А. Мюллер, Помпей был заинтересован в том, чтобы склонить на свою сторону сенат перед дальнейшими переговорами с Цезарем (Müller A.C. *Untersuchungen zu Caesars italischem Feldzug 49 v. Chr. Chronologie und Quellen*. Inaugural-Dissertation. München: Ludwig-Maximilians-Universität, 1973. S. 3). Поскольку Цезарь сообщает, что на неофициальной встрече Помпей *in posterum confirmat* (sc. *in posterum diem*, см.: *Res publica conquassata*... P. 90), а 3–4 января (комициальные дни: Caes. BC. 1.5.4) не могло быть сенатских собраний, то Помпей имел возможность только вечером 1 января готовить

Наконец, У. Бэтстоун и С. Дэймон, а также К. Раафлауб фактически объединяют *evocatio* сенаторов Помпеем вечером 1 января (Caes. *BC.* 1.3.1) со следующим официальным заседанием сената 2 января (Caes. *BC.* 1.3.4–1.4.1)⁵³². Если согласиться с тем, что в действительности имело место одно собрание, то это лишь подтвердило бы мой тезис о том, что Помпей должен был созвать практически всех сенаторов, поскольку во фрагменте *BC.* 1.3.4–1.4.1 представлена ясная картина дебатов, в которых участвовали и умеренное большинство, и враги Цезаря. Но проблема состоит в том, что пассаж *BC.* 1.3.4–1.4.1 описывает полноценное официальное заседание без участия Помпея. Следовательно, этот отрывок не относится к нашему неформальному собранию, хотя и может позволить уточнить некоторые его параметры.

Тезис К. Раафлауба о том, что «Помпей использовал это время, чтобы усилить давление на сторонников мира в сенате», выглядит убедительным⁵³³. Таким образом, в отличие от своей более ранней монографии, где неофициальная встреча сенаторов по инициативе Помпея просто не учитывалась, в более поздней статье К. Раафлауб тесно связывает «давление на сторонников мира в сенате» с неформальным собранием Помпея⁵³⁴, хотя и не отделяет последнее от официальных заседаний 2 января 49 г.

Итак, хотя невозможно с полной уверенностью утверждать, что Помпей действительно созвал сенаторов вечером 1 января 49 г., это собрание (в том виде, в каком его описывает Цезарь) все же имело конкретный политический смысл. Как заметил Ф. Дрогула, «Цезарь писал, что это частное собрание использовалось для запугивания и даже устрашения колеблющихся сенаторов; это звучит как преувеличение, но вполне соответствует тактике, которой

сенаторов в преддверии следующего официального собрания, т.к. оно состоялось уже 2 января.

⁵³² Batstone W.W., Damon C. *Caesar's Civil War...* P. 50; *The Landmark Julius Caesar* / Ed. K.A. Raaflaub. New York: Pantheon Books, 2017. P. 311, n. 9.3a. Также см.: Gelzer M. *Pompeius...* S. 181.

⁵³³ *The Landmark Julius Caesar* / Ed. K.A. Raaflaub... P. 311 n. 9.3a.

⁵³⁴ Аналогично: Barwick K. *Caesars Bellum Civile* (Tendenz, Abfassungszeit und Stil). Berlin: Akademie-Verlag, 1951. S. 21.

пользовались некоторые сторонники жесткой линии»⁵³⁵. Такой вывод соответствует тому, что нам известно в целом о практике неформальной политики в «менее публичных» пространствах Рима, включая частные дома⁵³⁶.

Данный вывод, однако не объясняет, почему Цезарь сделал в своем сочинении явный акцент на указанном собрании по инициативе Помпея и представил его как грубое нарушение римских политических традиций, упомянув в одном ряду с гораздо более серьезными и очевидными обвинениями, такими как использование солдат для прямого давления на сенат.

§3.4. *Evocatio* Помпеем сенаторов и вмешательство промагистратов в сферу *domi*

В историографии остается недооцененным тот факт, что в рассматриваемое время Помпей был проконсулом. Именно в связи с этим эпизодом Э. Рассел заметила, что Помпей «был ритуально отстранен от участия в официальном заседании» и по этой причине «созвал собственное новое собрание»⁵³⁷. Но остается вопрос: почему Цезарь вообще упоминает эту неофициальную сходку в своем чрезвычайно насыщенном изложении критически важных событий, тем более что никаких имеющих обязательную силу решений на неофициальной встрече сенаторов принято не было, а резкой перемены мнений не зафиксировано? Если допустить, что единственным содержанием собрания было лишь плохо подходящее моменту грубое наставление сенаторов со стороны Помпея, практическая значимость собрания остается не вполне очевидной. Но если, как я попытался показать выше, оно должно было быть одним из факторов, подтолкнувших сенатское большинство

⁵³⁵ Drogula F.K. *Cato the Younger...* P. 265. Также см.: Morstein-Marx R. *Julius Caesar...* P. 305, 405, n. 385.

⁵³⁶ См., напр.: Burckhardt L. „Zu Hause geht Alles, wie wir wünschen...“ – Privates und Politisches in den Briefen Ciceros // *Klio*. 2003. Bd. 85. S. 109–110.

⁵³⁷ Russell A. *The Politics of Public Space...* P. 184.

к последующему принятию SCU, логика включения этого эпизода в изложение Цезаря становится более понятной. Однако этим, на мой взгляд, мотивация Цезаря упомянуть о собрании не исчерпывается.

Важно не только то, *что* сделал Помпей, но и *как* именно он это сделал. Его решение было не просто попыткой компенсировать невозможность выступить в сенате *intra urbem*. Действительно, очень часто, в том числе и в течение января 49 г., сенат собирался за пределами города для того, чтобы Помпей мог принять участие. Но в этот раз речь шла несколько о другом: для Помпея было принципиально важно обратиться к сенаторам немедленно, он не мог ждать следующего приглашения на официальное заседание *extra urbem*. Цезарь подчеркивает не сам факт речи Помпея перед сенаторами и даже само по себе неуместное давление с его стороны, а то, что собрание состоялась в избранное проконсулом время и в подконтрольном ему месте (как хорошо показывает Э. Рассел). Для Цезаря имеет значение уже то, что Помпей самостоятельно, без помощи магистратов, созвал сенаторов и, тем самым, присвоил себе роль председательствующего магистрата, действуя так, словно был действующим консулом. Цезарь критикует не только сущностное содержание действий Помпея, не только его речь и резкость по отношению к сенаторам, но и сам факт проявления им политической инициативы: Помпей выступал не как объект, а как действующий субъект политического процесса в сфере *domi*, формально *extra urbem*, но все же выходя далеко за пределы компетенции проконсула. Выбор времени и места, определение повестки дня и контроль за входом собрания, — все это элементы самостоятельной политической инициативы⁵³⁸.

Если эта интерпретация верна, то перед нами пример того, как в условиях катастрофического начала новой гражданской войны проконсул

⁵³⁸ Мой вывод в этой части теперь принят в новой работе о единоличном консульстве Помпея в 52 г., см.: Rafferty D., Vervae F.J., Dart Ch.J. Competitive Authoritarianism on the Eve of Empire: Pompeius's New Republic of 52 BCE // How Republics Die: Creeping Authoritarianism in Ancient Rome and Beyond / Eds. D. Rafferty, F.J. Vervae, Ch.J. Dart. Berlin; Boston: Walter de Gruyter, 2025. P. 324, n. 75.

получил возможность вмешаться в «городскую» политику самым явным и непосредственным образом (в отличие от ситуации, когда Помпей действовал через Сципиона). Мы видим, что Помпей все же соблюдал традиционные формальные ограничения. Прежде всего, проконсул по-прежнему не мог участвовать в заседаниях сената внутри городской черты. Но фактически он вел себя как консул. Он не только полностью контролировал ход собрания (которое, если следовать пристрастному рассказу Цезаря, сводилось к его наставлениям в адрес практически всего senatorского сословия), но и выступал инициатором этого политического акта. Таким образом, проконсул взял в свои руки инициативу в политическом центре Республики. Хотя в действительности статус промагистрата был куда ближе к магистрату, чем к частному лицу, его формальное отнесение к категории *privati* – о чем шла речь в §1 данной главы – оставалось идеологически значимым и было умело использовано Цезарем. Более того, данный абстрактный принцип выражался в конкретном и вполне реальном запрете на любую самостоятельную деятельность (такую как созыв гражданской *contio* или сената) со стороны промагистратов даже за пределами города. В сфере *domi* проконсул был *privatus* не только номинально, но и фактически⁵³⁹. Помпей формально все ограничения соблюдал, но Цезарь подчеркивает нарушение им сути наложенных на промагистратов ограничений на другом, неформальном, уровне⁵⁴⁰, описывая *evocatio* сенаторов Помпеем таким образом, что оно «вызывает ассоциации с регулярным заседанием сената» (по выражению Э. Рассел⁵⁴¹), но в то же время тщательно избегая его прямого определения в качестве такового.

Если выйти за рамки историко-правовой реконструкции, то тот факт, что Цезарь нигде не обозначает собрание Помпея терминами, служившими для указания на официальные заседания сената, вовсе не противоречит сути его

⁵³⁹ Ср.: Giovannini A. *Consulare imperium*... P. 30, 42–44.

⁵⁴⁰ Ср.: Costabile F. *Novi generis imperia*... P. 28.

⁵⁴¹ Russell A. *The Politics of Public Space*... P. 184.

критики. Хотя рассматриваемое собрание на практике не соответствовало «конституционной традиции», было лишено (во всяком случае, в репрезентации Цезаря) атрибутов регулярной дискуссии, проводилось в пространстве, контролируемом частным лицом, возможно в частном доме, организовывалось посредством персональных приглашений и, наконец, вполне возможно, реально вовсе не включало большинство сенаторов, – в изображении Цезаря оно все равно представлено как политически эквивалентное официальному заседанию потому, что в рамках логики повествования Цезаря оно в заметной степени подготовило исход последующих официальных заседаний сената и, тем самым, начало войны. Само по себе это собрание, быть может, в действительности не было решающим, но вместе с другими средствами давления, якобы примененными Помпеем, могло усилить нажим на сенатское большинство. Уже сам факт того, что проконсул хотя бы пытался воздействовать на сенаторов подобным образом, давал Цезарю возможность критиковать его.

Цезарь прямо не пишет о том, что Помпей в данном случае поступает ненадлежащим образом именно как проконсул. Это объясняется тем, что и сам Цезарь в то же самое время был проконсулом и действовал во многом так же, как его соперник. Как я попытаюсь показать в §5 данной главы, в 49 г. (до публикации *Bellum Civile*) Цезарь вмешивался в заседания сената и *contiones* аналогичным образом: формально не нарушая правил (собрания созывались плебейскими трибунами, проходили вне города), он все же действовал вразрез с политической традицией. Его оправдание, однако, могло заключаться в том, что он, в отличие от Помпея, по крайней мере не узаконил свое прямое участие в сфере *domi* в качестве промагистрата. На это намекает то, что он с гораздо больше уверенностью артикулирует критику того, как еще задолго до 49 г. Помпей удерживал провинциальные командования, находясь рядом с Римом и вмешиваясь в дела города (см. §2.1 данной главы).

На протяжении всего нескольких пассажей Цезарь дважды – в рассматриваемом здесь эпизоде и в 6-й главе (см. о нем §4 данной главы) –

указывает на то, что Помпей обращался с сенаторами так, словно они были его солдатами. Он также дважды упоминает о неуместном вмешательстве промагистратов в политический процесс в городе Риме: опять в рассматриваемом случае и в 6-й главе. Повторение одних и тех же обвинений заставляет считать их намеренными и тщательно продуманными. Таким образом, Помпей и его сторонники систематически изображаются Цезарем как нарушители как нормативного, так и фактического разграничения полномочий и функций между магистратами и промагистратами.

§4. *Lictoresque habent in urbe et Capitolio privati*: промагистраты в Риме в 49 г.⁵⁴²?

Вслед за фрагментом, рассмотренным выше, Цезарь помещает сообщение о том, что *privati* использовали ликторов в пределах города Рима в 49 г., когда Цезарь подходил к нему с войском (*BC*. 1.6.5–7). Так как есть основания этот пассаж Цезаря считать испорченным, было предложено множество вариантов его исправления и интерпретации, в том числе с точки зрения выяснения того, кем именно были упомянутые в нем *privati*. Так, С. Дэймон в последнем комментарии к сочинению Цезаря настаивает на том, что необходимо в данном случае предпочесть исправление на *privatim* и понимать это слово как отсылку к консулам, которые, следовательно, обвиняются в злоупотреблении ликторами «в частном порядке» (*in a private capacity*)⁵⁴³. Однако это лишь одна из трактовок, и она должна быть отвергнута по целому ряду причин. Ниже я попытаюсь аргументировать тезис о том, что Цезарь под *privati* имел в виду промагистратов. Не только потому, что консулы

⁵⁴² Основные выводы параграфа опубликованы в работе: Frolov R.M. *Lictoresque habent in urbe et Capitolio privati*: Promagistrates in Rome in 49 BC? // *Phoenix – The Journal of the Classical Association of Canada*. 2019. Vol. 73. P. 114–133.

⁵⁴³ Damon C. *Studies on the Text of Caesar's Bellum civile*. Oxford: Oxford University Press, 2015. P. 137, n. 14.

вряд ли могли критиковаться за то, что использовали ликторов в городе, но и потому, что фраза приобретает исторический смысл именно тогда, когда понимается как указание на очередной пример вмешательства промагистратов в политический процесс в Риме так, словно они были действующими магистратами. Для Помпея и его сторонников это был не первый случай, когда их можно было обвинить в нарушении нормативных различий между магистратурой и промагистратурой. При таком прочтении фрагмент *BC. 1.6.5–7* предстает не только более убедительным образцом политической пропаганды, чем кажется на первый взгляд, но и может быть рассмотрен не как совершенно уникальный, а как часть более широкой практики описаний прямого вмешательства промагистратов в сферу *domi*.

В *Bellum Civile* (1.6.5–7) Цезарь перечисляет нарушения закона и традиции, которые, по его словам, допустили помпеянцы, готовясь к оставлению города перед его прибытием. Часто отмечалось, что в этом месте Цезарь стремится показать нелегитимность существующей власти⁵⁴⁴. Однако от внимания исследователей ускользнуло то обстоятельство, что данный фрагмент (вместе с пассажем *BC. 1.3.1*, рассмотренным в §3 данной главы) мог быть специально направлен на критику нарушения противниками Цезаря нормативных различий между магистратами, обладавшими властью *domi*, и промагистратами, которые не должны были вмешиваться в «гражданскую» сферу. Текст *BC. 1.6.5–7* по изданию А. Клотца (Teubner) выглядит следующим образом:

(5) “provinciae privatis decernuntur duae consulares reliquae praetoriae. Scipioni obvenit Syria L. Domitio Gallia. Philippus et Cotta privato consilio praetereuntur neque eorum sortes deiciuntur. (6) in reliquas provincias

⁵⁴⁴ См., напр.: Stewart R. The Jug and Lituus on Roman Republican Coin Types: Ritual Symbols and Political Power // *Phoenix*. 1997. Vol. 51. P. 178; Stewart P. Public Office... P. 34–36; Whittaker H. The Construction of Memory in Caesar's *Bellum Civile* // *In Memoriam: Commemoration, Communal Memory and Gender Values in the Ancient Graeco-Roman World* / Ed. H. Whittaker. Newcastle-upon-Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2011. P. 65; Peer A. *Julius Caesar's Bellum Civile*... P. 17.

praetores mittuntur. neque exspectant quod superioribus annis acciderat ut de eorum imperio ad populum feratur paludatique votis nuncupatis exeant. (7) consules quod ante id tempus accidit numquam ... ex urbe proficiscuntur lictoresque habent in urbe et Capitolio privati contra omnia vetustatis exempla”.

«Провинции были распределены частным лицам, две консульские, остальные преторские. Сципиону досталась Сирия, Л. Домицию – Галлия. Филиппа и Котту по частному соглашению обходят, и жребий для них не бросается. В прочие провинции отправлены преторы [претории⁵⁴⁵]. Они не дожидаются, как бывало в прежние годы, чтобы закон об их империи был предложен народу, но, облачившись в одежду полководца и дав обеты, покидают город. Консулы – чего никогда прежде не случалось – ...выступают из Рима, а частные лица имеют ликторов в городе и на Капитолии вопреки всем примерам древности».

Как заметил Д. Болсдон, «почти все единодушны в том, что текст испорчен»⁵⁴⁶. Моя задача не состоит в том, чтобы обсуждать все ранее предложенные многочисленные исправления. В качестве точки отсчета возьмем издание и исследования С. Дэймон, только в отдельных случаях обращаясь к конъектурам, предложенным другими учеными. Важны два вопроса. Во-первых, в чем именно заключалось нарушение со стороны консулов 49 г., когда они покидали город, и почему Цезарь, судя по всему, утверждает, что такого никогда прежде не бывало? Во-вторых, кто именно пользовался ликторами в пределах городской черты и почему это преподносится как серьезное нарушение республиканской политической традиции?

⁵⁴⁵ Meyer Ed. *Caesars Monarchie...* S. 291, Anm. 1; Vervaet F.J. *The High Command...* P. 338.

⁵⁴⁶ Balsdon J.P.V.D. *Consular Provinces under the Late Republic, I. General Considerations* // *Journal of Roman Studies*. 1939. Vol. 29. P. 60.

§4.1. Контекст событий: почему консулы 49 г. действовали незаконно?

С. Дэймон справедливо отмечает, что само по себе утверждение Цезаря о том, будто консулы впервые покинули город, – «явная нелепость». «Здесь необходимо что-то предпринять», чтобы «придать тексту исторический смысл»⁵⁴⁷. Действительно, как показал в частности А. Джованнини, даже после Суллы сохранялся обычай, по которому консулы отправлялись в провинции уже во время исполнения магистратуры⁵⁴⁸.

Одним из решений может быть предположение о том, что *quod ante id tempus accidit numquam* является интерполяцией⁵⁴⁹. Однако С. Дэймон не без оснований полагает, что устранение этих слов «делает фразу странным образом простой: следовало бы ожидать какой-то критической информации по поводу отъезда консулов»⁵⁵⁰. Поэтому исследовательница предпочитает искать добавление, которое сделало бы фразу *quod ... accidit numquam* логичной.

С. Дэймон считает предпочтительной вставку <*inauspicato*> рядом со словами *ex urbe proficiscuntur*. Такое добавление означало бы, что у консулов возникли трудности с воинскими ауспициями, а не то, например, что они не добились принятия *lex curiata* (последнее представляет собой другой вариант объяснения, в чем состояло нарушение со стороны консулов)⁵⁵¹. Следует

⁵⁴⁷ Damon C. *Studies...* P. 138.

⁵⁴⁸ Giovannini A. *Consulare imperium...* P. 83–90. Также см.: Nissen A. *Beiträge zum römischen Staatsrecht*. Strassburg: K.J. Trübner, 1885. S. 113–115; Balsdon J.P.V.D. *Consular Provinces...*; La Penna A. *Marginalia. De lacuna apud Caes. B.C. I 6, 7 statuenda et supplenda* // *Maia*. 1955. Vol. 7/8. P. 128–129; Pina Polo F. *The Consul at Rome...* P. 225–248. Это противоречит взгляду Т. Моммзена: Mommsen Th. *Die Rechtsfrage zwischen Caesar und dem Senat*. Breslau: E. Trewendt, 1858. S. 30–32 (сходным образом: *Caesar's Civil War* / Ed. B. Perrin... P. 139–140).

⁵⁴⁹ Damon C. *Studies...* P. 138; *Caesar: Civil War* / Ed. C. Damon... P. 12. Также см., напр.: *Caii Iulii Caesaris commentarii de bello civili* / Ed. L. Apitz... P. 128; *Caii Iulii Caesaris commentarii de bello civili* / Ed. J.C. Held... P. 15; *C. Iulii Caesaris commentarii de bello civili* / Ed. F. Kraner, F. Hofmann. 3. Aufl... P. 42–43.

⁵⁵⁰ Damon C. *Studies...* P. 138.

⁵⁵¹ Еще одна «опция» – добавление <*clam*> (Kindscher F. *Emendationes Caesarianae. Servestae*: Roemer & Sitzenstock, 1860. P. 16). Однако С. Дэймон утверждает, что, хотя <*clam*> является «подходящим словом», оно «не находит очевидного оправдания в данном контексте» (Damon C. *Studies...* P. 139–140).

подчеркнуть, что оба эти возможные толкования совместимы с моей интерпретацией термина *privati* во фрагменте *BC. 1.6.7* как указания на промагистратов (см. ниже), хотя, как мне представляется, можно обойтись вовсе без каких-либо конъектур.

Вслед за П. Фабром и А. Ла Пенна (которые понимают *consules* как субъект *proficiscuntur*), С. Дэймон пишет, что следует «добавить соответствующее содержание в лауну», вставив *<ne auspicato quidem>* или *<inauspicato>* на основании рассказа Плутарха (*Pomp. 61.4; Caes. 34.1*)⁵⁵². С. Дэймон также принимает чтение *privatim*⁵⁵³, что в целом дает тот же смысл, что и при толковании *privati* как части предиката. Однако в последнем случае «*privati* пришлось бы понимать как обозначение консулов до их официального утверждения на народном собрании посредством *comitia curiata*»⁵⁵⁴. Но если это так, то почему не куриатный закон, «а указание на то, что консулы упустили ауспиции, заслужило место в тексте»⁵⁵⁵? Если проблемой для консулов было отсутствие *lex curiata*, а не их отъезд из Рима *inauspicato*, то их можно было бы в каком-то смысле (хотя я считаю это неверным) назвать *privati*, но это противоречило бы добавлению *<inauspicato>*, предлагаемому С. Дэймон. Рассматривая вариант с *<inauspicato>*, С. Дэймон упоминает⁵⁵⁶, но далее никак не учитывает возможность того, что Цезарь имел в виду отсутствие *lex curiata* по поводу империя консулов, поскольку именно это упущение консулов 49 г. описывает Кассий Дион как препятствие для легитимной передачи консулами 49 г. власти консулам 48 г. (41.43.3)⁵⁵⁷.

Сложно сказать, о какой из этих проблем могла содержать информацию предполагаемая лакуна. В предыдущем предложении Цезарь действительно говорит об отсутствии *lex curiata de imperio*, но лишь применительно к

⁵⁵² Damon C. *Studies...* P. 140.

⁵⁵³ Damon C. *Studies...* P. 141.

⁵⁵⁴ Damon C. *Studies...* P. 139.

⁵⁵⁵ Damon C. *Studies...* P. 141.

⁵⁵⁶ Damon C. *Studies...* P. 139.

⁵⁵⁷ Свидетельство Диона использовал Й. Блейкен, чтобы доказать, что для Цезаря консулы были *privati* в том, что касалось сферы *militiae* (Bleicken J. *Zum Begriff der römischen Amtsgewalt...* S. 316, Anm. 47). См. об этом ниже.

промагистратам (*ut de eorum imperio ad populum feratur*), а не консулам. Так как *lex de imperio* уже назван, крайне маловероятно, что нечто вроде *lex curiata* (даже если *lex de imperio* здесь не указывает на *lex curiata*, о чем см. ниже) упоминался бы снова в следующем предложении, теперь применительно к консулам. Впрочем, это не является решительным доводом «против» вывода о том, что куриатный закон консулы все-таки не приняли. Как отмечает А.М. Сморгков, на отсутствие *lex curiata* прямо указывает Кассий Дион (*Cass. Dio 41.43.3*)⁵⁵⁸.

Разумеется, можно предположить, что и *<inauspicato>*, и упоминание об отсутствии *lex curiata* заслуживали места в тексте, но последнее С. Дэймон в итоге не добавляет. Она вводит только *<inauspicato>*, отмечая, что такая вставка оставляет «место для информации о личности этих *privati*»⁵⁵⁹.

Добавление *<inauspicato>* оставляет открытым вопрос о том, почему консулы оказались не в состоянии соблюсти обряд воинских ауспиций, тем более что он должен был совершаться в ночь непосредственно перед отъездом⁵⁶⁰. Конечно, можно предположить, что ситуация была столь сложной, что они не смогли выполнить даже этот ритуал. Однако, как указывает Е. Линдерски (полемизируя с теми, кто отмечал, что в спешке помпеянцы не успели провести *lex curiata* для новых наместников), «тридцать ликторов, представлявших курии, было совсем несложно собрать». Е. Линдерски делает вывод, что в рассматриваемом случае помпеянцы «решили ограничиться исключительно *lex curiata*»⁵⁶¹. Похожая логика применима и к ауспициям

⁵⁵⁸ Ср.: Сморгков А.М. Религия и власть... С. 41.

⁵⁵⁹ Damon C. *Studies*... P. 141, n. 19.

⁵⁶⁰ См., напр., Mommsen Th. *Römisches Staatsrecht*. Bd. I. S. 101–102; Keaveney A. *Young Pompey*... P. 163–164; Pina Polo F. *The Consul at Rome*... P. 215–218. Также см. *Cic. Phil.* 5.24 (о консуле Антонии в 44 г.): *neque sacrificiis sollemnibus factis neque votis nuncupatis non profectus est, sed profugit paludatus*; но ср. 3.11: *neglectisque sacrificiis sollemnibus ante lucem vota*.

⁵⁶¹ Linderski J. Q. *Scipio Imperator // Roman Questions II*. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2002. P. 155. Дискуссию о том, отказались ли помпеянцы от закона о комициях или закона о *curiate*, см. ниже.

консулов: им было относительно легко исполнить требование по поводу ауспиций, даже если они действовали в спешке⁵⁶².

Хотя добавление С. Дэймон слова <inauspicato> имеет некоторые основания, использование сведений Плутарха для реконструкции текста Цезаря представляется не таким очевидным, как полагает она и некоторые другие исследователи⁵⁶³. Строго говоря, Плутарх, в отличие от Цезаря, вовсе не утверждает, что игнорирование консулами жертвоприношений никогда прежде не имело места. Отсутствие этой важной детали указывает на то, что Плутарх не обязательно говорит о том же самом аспекте событий, который Цезарь называет беспрецедентным⁵⁶⁴.

Независимо от того, считаем ли мы, что консулы покинули город inauspicato, или что для них не был проведен *lex curiata de imperio*, оба эти дополнения, в случае их принятия, приводили бы к выводу о том, что Цезарь дезинформирует читателей, утверждая, будто консулы совершили то, чего никогда не делалось ранее⁵⁶⁵. Как известно, куриатный закон об империи не был принят в случае с Ап. Клавдием Пульхром, консулом 54 г. (*Cic. Att.* 4.18.4; *Fam.* 1.9.25; *Q.fr.* 3.2.3), то есть всего за несколько лет до событий нашего эпизода⁵⁶⁶. В свою очередь выступление из Рима inauspicato стало предметом

⁵⁶² Ср. случай с Г. Клавдием Пульхром (консул 177 г.): *non votis nuncupatis, non paludatis lictoribus, uno omnium certiore facto collega, nocte profectus, praiceps in provinciam abiit* (*Liv.* 41.10.5). Однако Ливий нигде прямо не говорит, что Клавдий Пульхр покинул город inauspicato. Даже в том случае, когда консул спешил и вынужден был покинуть город ночью (как это делали консулы 49 г.), он все равно мог совершить ауспиции (ночью), несмотря на то, что он определенно не выполнил должным образом всю процедуру *profectio consularis*. Если бы было известно, что Клавдий Пульхр покинул Рим inauspicato, Ливий, скорее всего, обратил бы на это внимание так же, как он это сделал в случае с Г. Фламинием (21.63.5–10; см. ниже).

⁵⁶³ M. Julius Caesar, *The Civil War, Books I & II* / Ed. J. Carter. Warminster: Aris & Phillips, 1991. P. 162; Plutarch Caesar / Ed. C. Pelling. Oxford; New York: Oxford University Press, 2011. P. 325.

⁵⁶⁴ *Ромп.* 61: οἱ δὲ ὕπατοι μὴδὲ θύσαντες ἃ νομίζεται πρὸ πολέμων ἔφυγον; *Caes.* 34: οἱ μὲν οὖν ὕπατοι μὴδ' ἃ νόμος ἐστὶ πρὸ ἐξόδου θύσαντες ἔφυγον.

⁵⁶⁵ Ср.: Nissen A. *Beiträge zum römischen Staatsrecht...* S. 114.

⁵⁶⁶ Ф. Ван Хаперен утверждает, что в рассматриваемом фрагменте может и не быть никакой лакуны. Его аргументация заключается в следующем. Отмечая, что консулы сделали нечто, чего никогда не делали раньше, Цезарь подразумевает отсутствие куриатного закона об империи консулов, как и в случае с вновь назначенными наместниками провинций. Если это так, то было бы действительно беспрецедентно или «по крайней мере крайне необычно»

обсуждения в случае Т. Семпрония Гракха (консул 177, 163 гг.; *Cic. Div.* 1.33), о чем напоминает и сама С. Дэймон⁵⁶⁷. Можно, разумеется, утверждать, что Цезарь намеренно вводил читателей в заблуждение (если мы решаем сохранить *quod ... accidit numquam*). Однако в таком случае речь идет о прямом искажении фактов, а вовсе не об их «приукрашивании», как пишет С. Дэймон⁵⁶⁸.

Поскольку вывод о такого рода явной дезинформации является результатом исследовательских эмендаций, последние должны быть подтверждены убедительной аргументацией. То, что слова Цезаря *quod ... accidit numquam* следует воспринимать серьезно, подчеркивает наблюдение Ф. Вервата: Цезарь очень тщательно подбирает формулировки. «В то время как *quod superioribus annis acciderat* допускает возможность, что куриатный закон в предшествующие годы принимался не всегда, *quod ante id tempus accidit numquam*, как кажется, указывает на то, что ранее никогда не бывало, чтобы консулы не получили *lex curiata de imperio*, хотя и совершили на Капитолии положенные обряды отъезда»⁵⁶⁹. Не думаю, что характеристику Цезарем отъезда консулов как беспрецедентного можно объяснить предполагаемым сочетанием отсутствия *lex curiata* и наличия положенных ритуалов при выезде из Рима в провинцию, но Ф. Вертат совершенно прав, различая *quod superioribus annis acciderat* и *quod ... accidit numquam*. Последнее должно обозначать нечто беспрецедентное в масштабах истории Республики.

Свидетельства Плутарха и Кассия Диона, действительно, указывают на то, что консулы нарушили определенные процедуры. Но даже если, например,

(du moins très inhabituel), чтобы консулы покинули город без принятия такого закона (Van Haepelen F. *Auspices d'investiture, loi curiate et légitimité des magistrats romains* // *Cahiers du Centre Gustave Glotz*. 2012. Vol. 23. P. 106). Однако Ф. Ван Хаперен здесь же ссылается на случай Клавдия Пульхра, который прямо противоречит его доводам. Очевидно, именно этим вызвана оговорка исследователя о том, что речь могла идти не о чем-то беспрецедентном, а лишь о каком-то «крайне необычном» моменте. Однако такая формулировка не может быть принята, поскольку Цезарь пишет о первом, но никак не о втором.

⁵⁶⁷ Damon C. *Studies...* P. 140.

⁵⁶⁸ Damon C. *Studies...* P. 142.

⁵⁶⁹ Vervae F.J. *The High Command...* P. 338, n. 112.

Плутарх подразумевает их отъезд *inauspicato*, это обстоятельство вовсе не обязательно означает, что и Цезарь в своем труде должен был непременно упомянуть именно этот момент, как априори предполагают многие исследователи⁵⁷⁰. На мой взгляд, существует возможность объяснить, в чем, в рамках логики изложения у Цезаря, могло заключаться нарушение со стороны консулов, причем допущенное впервые в истории Республики, и без каких-либо конъектур⁵⁷¹, и без того, чтобы «превращать» Цезаря в неумелого пропагандиста⁵⁷². Кроме того, в рамках интерпретации, представленной мною далее, можно одновременно допустить, например, вставку <*inauspicato*>, но только при условии, что в данном фрагменте текста подразумевается еще что-то, кроме самого факта отсутствия ауспиций у консулов, поскольку последнее не может объяснить, почему в рамках логики Цезаря их действия можно назвать совершенно беспрецедентными. Решение можно предложить, если весь набор обвинений в адрес помпеевцев в этом фрагменте анализировать как неразрывное целое, а не рассматривать в качестве независимых друг от друга элементов, как это делалось исследователями до сих пор⁵⁷³. Иными словами, на мой взгляд, следует связать указание на нарушение со стороны консулов с сообщением о том, что некоторые *privati* (т.е. не консулы, а иные лица) пользовались ликторами в городе и на Капитолии. Но прежде, чем перейти к анализу этого варианта, необходимо рассмотреть вероятность того, что в злоупотреблении ликторами обвинялись сами консулы.

⁵⁷⁰ В дополнение к работе С. Дэймон см., напр.: Bleicken J. *Oberpontifex*... S. 476, Anm. 2.

⁵⁷¹ Действительно, как напоминает Д. Рафферти, «явных ошибок в синтаксисе нет» (Rafferty D. *Provincial Allocations*... P. 220).

⁵⁷² Ср.: Holmes T.R. *Caesar's Conquest of Gaul*. 2nd ed. Oxford: Clarendon Press, 1911. P. 251–252.

⁵⁷³ Т. Моммзен, приводя фразу об отъезде консулов из Рима, не включает в цитату последующее высказывание о ликторах *privati* (Mommsen Th. *Die Rechtsfrage*... S. 30, Anm.71).

§4.2. Использовали ли консулы ликторов «в частном порядке»?

Х. Опперман полагал, что под *privati* во фрагменте *BC. 1.6.7* подразумеваются как вновь распределенные по провинциям полководцы, так и консулы, поскольку для них не был принят куриатный закон об империи, что оправдывало употребление термина *privati* по отношению к ним⁵⁷⁴. Другие исследователи, напротив, видят здесь указание только на какую-то одну из этих двух групп. Во многих изданиях, переводах и комментариях слово *privati* в пассаже 1.6.7 (*privatim UTV : -ti S*⁵⁷⁵) трактуется как подлежащее к глаголу *habent*, а *consules* – как подлежащее к *proficiscuntur*⁵⁷⁶. Получается, что некие *privati* пользуются ликторами в городе, а консулы покидают его неким ненадлежащим образом. Какую альтернативу этому толкованию предложила С. Дэймон⁵⁷⁷?

Если принять чтение *privatim* по рукописям *UTV* или следовать рукописи *S*, но при этом интерпретировать *privati* как часть предиката, то, как уже отмечалось выше, придется «понимать *privati* как указание на консулов до официальной инвеституры в *comitia curiata*»⁵⁷⁸. Именно эту интерпретацию в

⁵⁷⁴ Oppermann H. *Caesar*... S. 17.

⁵⁷⁵ Damon C. *Studies*... P. 139.

⁵⁷⁶ См., напр.: *Caesar's Civil War* / Ed. B. Perrin... P. 14; *C. Iulii Caesaris commentarii De Bello Civili* / Erkl. F. Kraner, F. Hofmann, H. Meusel. 12. Aufl... P. 23; *M. Julius Caesar, The Civil War, Books I & II* / Ed. J. Carter... P. 45; *Vervaeke F.J. The High Command*... P. 338.

⁵⁷⁷ Я опускаю здесь некоторые другие варианты. Так, Т. Моммзен утверждал, что никаких конъектур не требуется (*Mommsen Th. Die Rechtsfrage*... S. 30–32). Однако Б. Кюблер позже упоминал, что Т. Моммзен предложил ему следующее прочтение: *consules, quod ... numquam, <antequam> ex urbe proficiscuntur, lictores habent in urbe et Capitolio paludatos contra omnia vetustatis exempla* (*C. Iulii Caesaris Commentarii; cum A. Hirtii aliquorumque supplementis. Vol. 2: Commentarii De Bello Civili* / Rec. B. Kübler. Leipzig: B.G. Teubner, 1894. P. XVI). Этот сильно исправленный текст возлагает на консулов ответственность за неправильное использование ликторов в военном облачении, когда они еще находились в городе. Но возникает вопрос о том, почему они должны были допустить это ненужное нарушение. Можем ли мы вообще рассматривать этот акт как незаконное действие? Наконец, зачем Цезарю было бы приводить такого рода формальное обвинение, которое не могло поставить под серьезное сомнение легитимность сторонников Помпея, в то время как все остальные его атаки касались моментов, имевших большое политическое значение?

⁵⁷⁸ Damon C. *Studies*... P. 139.

конечном счете принимает С. Дэймон⁵⁷⁹. Она ссылается на А. Ниссена, который приводил описание Ливием эпизода с Г. Фламинием, консулом 217 г., как пример «употребления *privatus* по отношению к должным образом избранному консулу»⁵⁸⁰. Но действительно ли это так? Ливий сообщает: *Flaminius simulato itinere privatus clam in provinciam abiit* (21.63.5). И далее: *magistratus id [iustum imperium and auspicium] a domo ... secum ferre; nec privatum auspicia sequi nec sine auspiciis profectum in externo ea solo nova atque integra concipere posse* (22.1.6–7). Й. Бляйкен также считал этот случай сходным с ситуацией 49 г., поскольку в обоих эпизодах консулы не позаботились о куриатном законе и потому якобы считались *privati* в сфере *militiae*⁵⁸¹. Однако, как сам Й. Бляйкен справедливо отмечает в другом месте, Фламиний еще не вступил в должность, когда покидал Рим: по свидетельству источников, он сделал это лишь в Аримине⁵⁸². Свой отъезд из Рима он представил как действие в статусе *privatus*, чтобы избежать задержки со стороны сената, который мог воспрепятствовать процессу вступления в должность⁵⁸³. Смысл его демарша заключался в том, чтобы покинуть город еще будучи формально *consul designatus*. Следовательно, слова Ливия означают лишь то, что до момента вступления в должность, состоявшегося за пределами Рима, Фламиний оставался *privatus* (консулом-десигнатом, направлявшимся в будущую провинцию), что он покинул Рим именно в этом статусе, и поэтому *auspicia* его не сопровождали. Следовательно, никакой «должным образом избранный» и уже действующий консул здесь не фигурирует⁵⁸⁴. Действительно, Ливий пишет, что сенаторы настаивали на том,

⁵⁷⁹ Damon C. *Studies...* P. 137; Caesar: *Civil War* / Ed. C. Damon... P. 4–5; C. Iuli Caesaris *Commentariorum Libri III De Bello Ciuili* / Ed. C. Damon... P. 5; Caesar: *Civil War* / Ed. C. Damon... P. 12.

⁵⁸⁰ Damon C. *Studies...* P. 139; Nissen A. *Beiträge zum römischen Staatsrecht...* S. 113.

⁵⁸¹ Bleicken J. *Zum Begriff der römischen Amtsgewalt...* S. 316, Anm. 47. Также ср.: Van Haerperen F. *Auspices d'investiture...* P. 106.

⁵⁸² Bleicken J. *Oberpontifex...* S. 476, Anm. 1.

⁵⁸³ Согласно Ливию, Фламиний опасался, что сенат помешает ему вступить в должность, как это было во время его предыдущего консульства.

⁵⁸⁴ Сморгачев А.М. *Религия и власть...* С. 51, 53; ср.: Berthelet Y. *Gouverner avec les dieux...* P. 133–134. О статусе магистратов-десигнатов как *privati* см. гл. 2.

что имелся только один консул (22.1.5: *duos se consules creasse, unum habere*). Даже эта формулировка, будучи скорее риторическим преувеличением, чем строгим юридическим определением, лишая Фламиния звания настоящего магистрата, все же эксплицитно не определяет его как *privatus* после того, как наступил срок вступления в должность⁵⁸⁵. Но как бы мы ни определяли статус Фламиния, в отличие от ситуации 217 г., в эпизоде 49 г. консулы определенно уже вступили в должность: их отъезд из Рима состоялся лишь 18 января⁵⁸⁶. Таким образом, параллель с Фламинием, который покинул Рим до вступления в должность, неуместна.

«Тот же основной смысл», что и в случае предикативного толкования *privati*, возникает, если вместо *privati* читать *privatim*»⁵⁸⁷. В подтверждение чтения *privatim* С. Дэймон приводит фрагмент *BC*. 1.17.1 и другие пассажи⁵⁸⁸, которые, как справедливо отмечает С.П. Окли, «доказывает лишь то, что Цезарь пользовался этим наречием»⁵⁸⁹. Но важнее другое: что именно должно было означать наречие *privatim*? В упомянутом выше случае с Фламинием, например, будущий консул стремился покинуть Рим до всех положенных церемоний (и даже до самого дня) вступления в должность. Трудно понять, что могло бы обусловить использование ликторов консулами в «частном порядке» (*privatim*) в 49 г. Даже если предположить, что они покидали Рим *inauspicato* или что для них не был принят куриатный закон об империи, возникает вопрос о том, почему консулы должны были ввиду всего этого лишиться права пользоваться своими ликторами в качестве магистратов, то есть не *privatim*?

⁵⁸⁵ Ср.: Koortbojian M. *Crossing the pomerium*... P. 61–62.

⁵⁸⁶ Cic. *Att.* 7.10; 9.10.2; Oppermann H. *Caesar*... S. 17; Carcopino J. *Jules César*... P. 368; Batstone W.W., Damon C. *Caesar's Civil War*... P. 54, 61–62; Westall R. *Caesar's Civil War: Historical Reality and Fabrication*. Leiden; Boston: Brill, 2017. P. 16; *The Landmark Julius Caesar* / Ed. K.A. Raafaub... P. 321, n.9.14a; Girardet K.M. *Januar 49 v. Chr.*... S. 210, Anm. 860, 230.

⁵⁸⁷ Damon C. *Studies*... P. 139.

⁵⁸⁸ Damon C. *Studies*... P. 141.

⁵⁸⁹ Oakley S.P. *The Text of Caesar – Damon (C.)* (ed.) C. Iuli Caesaris Commentariorum Libri III De Bello Civili recognovit brevique adnotatione critica instruxit. Pp. cx + 227. Oxford: Oxford University Press, 2015. – Damon (C.) *Studies on the Text of Caesar's Bellum civile*. Pp. vi + 329. Oxford: Oxford University Press, 2015 // *The Classical Review*. 2017. Vol. 67. P. 396.

Критику со стороны Цезаря можно было бы объяснить еще тем, что консулы допустили использование в пределах Рима *fascēs* с топорами. Однако Цезарь должен был упомянуть об этой важной детали, если бы ней заключалась суть его претензий. Кроме того, сложно допустить, что консулы оказались не в состоянии обеспечить выполнение весьма простого для выполнения правила использования топоров, или что Цезарь стал бы подавать такое нарушение как имевшее принципиальное значение, если бы оно все-таки состоялось.

Также возможно предположить, что применение ликторов (имевших топоры или нет) в данном случае оказалось в принципе незаконным из-за отсутствия *lex curiata*. Но даже если согласиться с теми исследователями, которые полагают, что консулы 49 г. действительно не обеспечили принятие куриатного закона⁵⁹⁰, то уже упомянутый пример Ап. Клавдия Пульхра, консула 54 г., также не получившего *lex curiata de imperio*, показывает, что ликторов без него уже использовали, т.е. прецедент имелся. Если же все-таки считать, что Цезарь мог, тем не менее, подавать эту ситуацию как беспрецедентную даже несмотря на то, что она таковой не была, то следует обратить внимание на иную деталь. Он пишет о том, что нарушители использовали ликторов именно в черте города, а не в принципе незаконно их применяли. Но поскольку проблема состояла в появлении ликторов именно в черте города, а о применении *fascēs* с топорами (что могло бы объяснить этот акцент) Цезарь ничего не пишет, то незаконность их использования не может – даже в рамках логики изложения самого Цезаря – объясняться отсутствием *lex curiata*, ведь в таком случае незаконность применения ликторов была бы связана вовсе не с фактом их появления именно в пределах города Рима.

Этот момент представляется ключевым. Действительно, Цезарь на самом деле критикует не сам факт использования ликторов, как пишет С. Дэймон⁵⁹¹, а их применение в определенном пространстве: *in urbe et*

⁵⁹⁰ Ср.: Сморгачев А.М. Религия и власть... С. 41.

⁵⁹¹ Также см., напр.: César. *De bello civili*. Livre premier / Ed. M. Rambaud... P. 32.

Capitolio (С. Дэймон, конечно, принимает эмендацию Мануция, читая *et* вместо *ex*⁵⁹²). Следовательно, чтобы утверждать, что именно консулы пользовались ликторами незаконно, нужно доказать два положения: по неизвестным причинам (1) консулы могли пользоваться ликторами вне города, но (2) не имели на это права в пределах городской черты. Эти два тезиса обретают смысл одновременно лишь в том случае, если вместо консулов иметь в виду промагистратов: подчеркнутое замечание Цезаря о том, что *privati* неправоммерно использовали ликторов в городе и на Капитолии, однозначно указывает на злоупотребления именно со стороны промагистратов, ведь только для них законность применения ликторов зависела от того, где именно это происходило: в Риме или за пределами города.

Проблематичность представления исследователей о том, что Цезарь критикует только консулов, можно показать на примере работ А. Ниссена и Й. Бляйкена. А. Ниссен полагает, что Цезарю для критики своих противников достаточно было указать только на сам факт оставления города консулами⁵⁹³. По моему мнению, обвинение приобретает необходимую силу только если интерпретировать пассаж в том смысле, что промагистраты пользовались ликторами после того, как консулы оставили город. Однако в представлении А. Ниссена именно консулы, а не промагистраты в рассказе Цезаря злоупотребили ликторами. Поэтому он вынужден объяснять, в чем состояла неправоммерность применения ликторов. По его мнению, консулы, империй которых не был узаконен *lex curiata*, оставались «гражданскими» магистратами, не получившими военного командования⁵⁹⁴. Эти «гражданские» магистраты появлялись с ликторами, имевшими фаски с топорами, в городе и на Капитолии, хотя «все знали», что эти знаки власти могли использовать только полководцы. Сходным образом, как уже отмечалось выше, Й. Бляйкен утверждал, что для Цезаря консулы были *privati* в том, что

⁵⁹² Damon C. *Studies...* P. 137, 139.

⁵⁹³ Nissen A. *Beiträge zum römischen Staatsrecht...* S. 114.

⁵⁹⁴ Nissen A. *Beiträge zum römischen Staatsrecht...* S. 114.

касалось сферы *militiae*⁵⁹⁵. Однако даже если бы это было так (мне в любом случае представляется неясным, каким образом и в каком смысле действующие консулы могли считаться *privati* в сфере *militiae*), Цезарь пишет о применении ликторов в пределах города Рима, а не вне его⁵⁹⁶. Следовательно, любые возможные изъяны в оформлении военных полномочий консулов нерелевантны. Покидали ли консулы город *inauspicato*, отказались ли они от проведения куриатного закона, — все это не могло затронуть их право в качестве магистратов пользоваться ликторами *in urbe*⁵⁹⁷. Следовательно, ликторами злоупотребляли не консулы.

Сама С. Дэймон признает еще два затруднения, которые возникают, если принимать чтение *privatim* и считать *consules* субъектом глагола *habent*. Во-первых, «Цезарь нигде больше не придирается к легитимности консулов 49 г.». И во-вторых, «странно, что консулы покидают Рим и затем немедленно снова появляются *in urbe et Capitolio*». Первое возражение она отвергает, полагая, что «данная глава отличается необычно высокой степенью риторичности, так что отсутствие такого рода риторики в других фрагментах неудивительно»⁵⁹⁸.

Однако необходимость объяснять молчание Цезаря по поводу легитимности консулов отпадает сама собой, если принять чтение *privati* и понимать его как указание на иных лиц, не консулов. Экономнее

⁵⁹⁵ Bleicken J. Zum Begriff der römischen Amtsgewalt... S. 316, Anm. 47.

⁵⁹⁶ Этот момент не зависит от того, как следует понимать возможные ограничения военных полномочий консулов после Суллы. По этой же причине случай Г. Клавдия Пульхра, консула 177 г., не может быть рассмотрен в качестве иллюстрации к нашему эпизоду, касающемуся использования ликторов в городе (ср.: Bleicken J. Zum Begriff der römischen Amtsgewalt... S. 315, Anm. 44).

⁵⁹⁷ Так, Ф. Ван Хаперен утверждает, что куриатный закон об империи, вероятно, не был необходим для осуществления консульских полномочий *domi*. Отсутствие этого закона создавало затруднения тогда, когда речь шла об использовании империя за пределами Рима (Van Haerperen F. *Auspices d'investiture...* P. 98). Я. Бертле отмечает, что отсутствие куриатного закона никоим образом не мешало консулам 54 г. пользоваться своим империем и ауспициями в городе (Berthelet Y. *Gouverner avec les dieux...* P. 109). Д. Гаргола утверждает, что «куриатные законы I в. предоставляли магистратам ауспиции, необходимые для командования армиями, но не касались других видов деятельности, даже если они происходили за пределами *urbs*» (Gargola D.J. *The Shape of the Roman Order...* P. 138).

⁵⁹⁸ Damon C. *Studies...* P. 139.

предположить, что сама по себе власть консулов признавалась вполне легитимной (по крайней мере в том, что касалось их прерогатив в городе), и именно поэтому Цезарь не мог упрекать их в действиях, совершаемых «частным порядком» (*privatim*), или в иных проступках, допущенных *in urbe*. Критика консулов могла, полагаю, касаться лишь способа и/или последствий оставления ими Рима. Кроме того, как справедливо указывает С. Дэймон, консулы 49 г. «становятся попросту нерелевантными после их отъезда из Италии в эпизоде 1.25.2»⁵⁹⁹. Но если это так, то мы уже не можем судить о том, можно ли рассматриваемую нами главу оценить как обладавшую «необычно высокой степенью риторичности»: нам не с чем сравнивать. В предшествующих главах своего сочинения Цезарь нигде не ставит под сомнение легитимность высших магистратов (особенно их статуса в пределах города), а их «нерелевантность» в последующих главах означает отсутствие иных фрагментов, в которых Цезарь теоретически мог бы указать на нелегитимность консулов. Наконец, аргумент о том, что некоторые утверждения Цезаря «необычайно риторичны», весьма опасен: он легко позволяет отвергнуть любую информацию, которая не согласуется с априорно принятыми предположениями⁶⁰⁰.

По поводу второго возражения «против» своей интерпретации С. Дэймон отмечает, что ему «не следует придавать слишком большого значения», так как «последовательность повествования в этом параграфе

⁵⁹⁹ Damon C. *Studies...* P. 139.

⁶⁰⁰ Ср., напр., оценку фразы *quod ante id tempus accidit nunquam* во фрагменте *BC*. 1.6.7 как «риторического преувеличения» (Caesar's Civil War / Ed. B. Perrin... P. 139; Caesar. *Der Bürgerkrieg* / Ed. O. Schönberger. München; Zürich: Artemis, 1984. S. 306 («Caesar übertreibt»); *Res publica conquassata...* P. 99: «Caesar exaggerates»). Однако в таком случае перед нами чрезвычайно смелое преувеличение со стороны Цезаря. Конечно, остается еще возможность предположить, что в данном случае Цезарь использует стандартный прием усиления превосходной степени для акцентирования беспрецедентного характера действий, о которых он повествует (Grillo 2012: 38–39). Однако в нашем случае такое предположение избыточно. Ср., напр., общую оценку К. Раафлауба, согласно которой в текстах Цезаря «случаи искажения исторических фактов чрезвычайно редки. В целом же пропаганда Цезаря отличается большой изощренностью, и его манипуляции остаются в таких пределах, которые для всякого римлянина той эпохи показались бы вполне понятными и естественными» (Raaflaub K.A. *The Civil War as a Work of Propaganda* // *The Landmark Julius Caesar. Web Essays...* P. 246–254: 250, §8).

воспроизводится лишь приблизительно, ведь он организован в первую очередь по категориям»⁶⁰¹. С. Дэймон полагает, что в тексте *BC*. 1.14.1–3 оставление Рима лидерами помпейцев, напротив, «излагается подробнее и в правильной хронологической последовательности»⁶⁰². Какова же эта последовательность? Сначала город покинул Помпей, затем консул Л. Корнелий Лентул, позже – консул Г. Клавдий Марцелл и большинство других магистратов (*plerique magistratus*). Во фрагменте *BC*. 1.6.5–7 упоминается отбытие отчасти тех же, а отчасти иных действующих лиц, но представленная здесь последовательность вполне согласуется с тем, что мы наблюдаем в пассаже *BC*. 1.14.1–3. Сначала Рим покинули некоторые промагистраты – вновь назначенные наместники провинций. Затем город оставили консулы, а после них, по-видимому, остальные промагистраты, которые применили ликторов в Риме.

Таким образом, даже если согласиться с тем, что ради собственных целей Цезарь преувеличивает темп событий⁶⁰³, нет оснований считать, что их последовательность в данном случае существенно нарушена. Это, в свою очередь, подтверждает правоту замечания С.П. Окли, высказанного им в рецензии на книгу С. Дэймон. Комментируя интерпретацию, при которой слово *consules* понимается как субъект *habent*, он справедливо заключает: «трудно представить, как консулы могли пользоваться ликторами в городе после того, как они его покинули, и я предпочел бы следовать S: Цезарь жалуется на использование ликторов *privati*, то есть теми, кто не являлся магистратами»⁶⁰⁴.

⁶⁰¹ Damon C. *Studies*... P. 139.

⁶⁰² Damon C. *Studies*... P. 141.

⁶⁰³ Batstone W.W., Damon C. *Caesar's Civil War*... P. 55.

⁶⁰⁴ Oakley S.P. *The Text of Caesar*... P. 396. Сходным образом уже в работе: La Penna A. *Marginalia*... P. 129.

§4.3. Идентификация *privati*, допустивших злоупотребление ликторами

Если обозначение *privati* в пассаже *BC. 1.6.7* не может относиться к консулам, то необходимо рассмотреть иные варианты. Одно из возможных объяснений состоит в том, что подразумеваются рядовые частные граждане⁶⁰⁵. Однако это предположение следует отвергнуть: Цезарь не осуждает тех, кто вовсе не имел права на ликторов, за сам факт их использования⁶⁰⁶. Как уже подчеркивалось мною выше, Цезарь делает акцент на то, что нарушением было появление ликторов *privati* именно в пределах города. Следовательно, единственным правдоподобным объяснением является то, что под *privati* подразумевались промагистраты, как отмечал уже Э. Херцог⁶⁰⁷.

Во фрагменте *BC. 1.6.5* Цезарь прямо называет *privati* тех бывших магистратов, которым были распределены провинции: *provinciae privatis decernuntur*. На первый взгляд может показаться естественным видеть в этих новых наместниках провинций тех самых *privati*, которых в тексте *BC. 1.6.7* Цезарь обвиняет в злоупотреблении ликторами. Поскольку Цезарь стремился внушить представление о незаконности их назначения, можно было бы полагать, что, упорно называя их *privati*, он тем самым подчеркивал их нелегитимность, упоминая неправомерное применение ликторов⁶⁰⁸.

Е. Линдерски, интерпретируя отрывок *BC. 1.6.5*, отмечает: «помпеянцы отказались либо от комициального закона, либо от куриатного; в любом случае их империй оказался неполноценным, и Цезарь был не совсем несправедлив, называя их *privati*»⁶⁰⁹. Как уже указывалось выше, Е. Линдерски полагает, что

⁶⁰⁵ Как, по-видимому, подразумевается Б. Поттером (Potter B.G. *Constructing Caesar: Julius Caesar's Caesar and the Creation of the Myth of Caesar in History and Space*. PhD. diss. Columbus: Ohio State University, 2004. P. 68).

⁶⁰⁶ Ср.: М. Julius Caesar, *The Civil War, Books I & II* / Ed. J. Carter... P. 162. Об интерпретации Дж. Картера см. ниже.

⁶⁰⁷ Herzog E. *Geschichte und System...* S. 644, Anm. 1.

⁶⁰⁸ См., напр.: C. *Julii Caesaris commentariorum de bello civili libri III* / Ed. C.G. Herzog... P. 37; *Caïi Iulii Caesaris commentarii de bello civili* / Ed. J.C. Held... P. 15; Rafferty D. *Provincial Allocations...* P. 220. Также ср.: Tronson A. *Pompey the Barbarian...* P. 88; Любимова О.В. Еще раз об империи Гнея Помпея // *Вестник древней истории*. 2014. № 3 (290). С. 80.

⁶⁰⁹ Linderski J. Q. *Scipio Imperator...* P. 155.

помпеянцы «решили ограничиться исключительно *lex curiata*»⁶¹⁰. Э. Маршалл, тоже рассматривая фрагмент *BC. 1.6.5*, пишет: «в январе 49 г. до н.э. сенат в спешке проигнорировал все требования *lex Pompeia [de provinciis]* и вовсе обошелся без *lex de imperio*. ... Агенобарб и Сципион ... таким образом приняли командование на основании одного лишь постановления сената и поэтому в строго юридическом смысле оставались *privati*»⁶¹¹.

И Е. Линдерски, и Э. Маршалл справедливо подчеркивают слабость положения этих промагистратов, возможно связанную с отсутствием какого-то решения комиций по поводу провинций. Однако ошибочно считать по умолчанию, что только эта уязвимость могла бы позволить Цезарю назвать Домиция Агенобарба, Сципиона и других *privati*⁶¹². Предполагаемая «ущербность» их нового статуса вовсе не была необходима для того, чтобы можно было употребить по отношению к ним термин *private*. Как показано выше в данной главе, любой промагистрат, даже назначенный вполне законным образом, считался *privatus* в сопоставлении с действующим магистратом. Но если этот термин был совершенно уместным для вполне легитимных промагистратов, возникает необходимость объяснить, почему во фрагменте *BC. 1.6.5* обозначение *privati* звучит у Цезаря как уничижительное или как часть критики. Наиболее убедительным представляется следующее объяснение: *privati* обозначает не положение Домиция Агенобарба, Сципиона

⁶¹⁰ Linderski J. Q. *Scipio Imperator...* P. 155. Также см.: Catalano P. *Contributi allo studio del diritto augurale...* P. 473, n. 111; Magdelain A. *Recherches sur l'«Imperium»...* P. 24; Berthelet Y. *Gouverner avec les dieux...* P. 131–132.

⁶¹¹ Marshall A. J. *The Lex Pompeia de provinciis (52 B.C.) and Cicero's imperium in 51–50 B.C.: Constitutional Aspects* // *Aufstieg und Niedergang der römischen Welt: Geschichte und Kultur Roms im Spiegel der neueren Forschung. Teil I: Von den Anfängen Roms bis zum Ausgang der Republik. Bd. 1 / Hrsg. H. Temporini. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 1972. P. 894, n. 27. Мнение о том, что помпеянцам не доставало именно *lex curiata*, см., напр.: Meyer Ed. *Caesars Monarchie...* S. 291; Cuff P.J. *The Terminal Date of Caesar's Gallic Command* // *Historia. 1958. Bd. 7. P. 466–477*; César. *De bello civili. Livre premier* / Ed. M. Rambaud... P. 31–32; De Martino F. *Storia della costituzione romana. T. III...* P. 212; Raaflaub K.A. *Dignitatis contentio...* S. 172, Anm. 293; Caesar. *Der Bürgerkrieg* / Ed. O. Schönberger... S. 306; Drogula F.K. *Imperium...* P. 441; Van Haepelen F. *Auspices d'investiture...* P. 104–107; Vervaeke F.J. *The High Command...* P. 338, n. 112.*

⁶¹² Также см.: Caesar. *Der Bürgerkrieg* / Ed. O. Schönberger... S. 306; Costabile F. *Novi generis imperia...* P. 24–25, 31.

и других лиц после того, как им были поручены провинции, а их юридический статус до и в момент получения нового назначения (ср. *BC. 1.85.9*)⁶¹³. Суть критики заключалась не в том, что они должны были управлять провинциями как *privati*, а в том, что на момент назначения они еще не являлись магистратами. Это делало необходимым специальный закон, но он так и не был принят⁶¹⁴. Таким образом, имеется объяснение пейоративного употребления термина, которое не противоречит представлению о том, что любой законный промагистрат технически был *privatus*: в нейтральном, а не уничижительном смысле.

Однако даже такое толкование фрагмента *BC. 1.6.5* не позволяет автоматически рассматривать термин *privati* в пассаже *BC. 1.6.7* как указание на *privati*, описываемых в тексте *BC. 1.6.5*. Новоназначенные наместники провинций едва ли могут быть теми промагистратами, которые злоупотребляли ликторами: Цезарь связывает это злоупотребление с выходом консулов из Рима (18 января), который в его версии последовал уже после того, как новые наместники провинций покинули город — сразу после постановления сената 7 января и не дожидаясь принятия *lex de imperio* (также ср. *BC. 1.14*)⁶¹⁵. Более того, речь идет о последовательности событий не только в рамках интерпретации Цезаря. Плутарх тоже пишет о том, что новые наместники провинций, в частности Катон, покинули город прежде, чем это сделали Помпей и консулы (*Pomp. 61*). Последние отправились в путь несколько позже наместников, даже если исходить из предположения Х. Батлера и М. Кэри о том, что назначения, вероятно, состоялись между 7 и

⁶¹³ См.: Cuff P.J. *The Terminal Date...* P. 466–477; Raaflaub K.A. *Dignitatis contentio...* S. 172, Anm. 293; Van Haepelen F. *Auspices d'investiture...* P. 105.

⁶¹⁴ M. Julius Caesar, *The Civil War, Books I & II* / Ed. J. Carter... P. 162; *The Landmark Julius Caesar* / Ed. K.A. Raaflaub... P. 314, n. 9.6q. Ср. терминологию в пассаже *Cic. Fam. 8.10.2*: *sed de Parthorum transitu nuntii varios sermones excitarunt: alius enim Pompeium mittendum, alius ab urbe Pompeium non removendum, alius Caesarem cum suo exercitu, alius consules, nemo tamen ex senatus consulto privatos*. Очевидно, имелись в виду те, кто будет являться *privati* на момент своего назначения.

⁶¹⁵ Ср.: C. Julii Caesaris *commentariorum de bello civili libri III* / Ed. C.G. Herzog... P. 37; Barwick K. *Caesars Bellum Civile...* S. 27; *Res publica conquassata...* P. 99.

12 января, когда, по свидетельству Цицерона, «италийские и, по всей видимости, провинциальные командования также были распределены» (*Fam.* 16.11.3–4)⁶¹⁶.

Таким образом, фрагмент *BC.* 1.6.7 может относиться: (1) к промагистратам, которые вовсе не получили провинции; (2) к промагистратам, которым не были предоставлены территориальные провинции или воинские контингенты за пределами Италии, но все же поручены отдельные задачи (как, например, в случае Цицерона); (3) к промагистратам, отправленным помпеянцами за пределы Италии лишь после ухода консулов из Рима⁶¹⁷. В любом случае новые провинциальные наместники, назначенные сенатом и охарактеризованные Цезарем в тексте *BC.* 1.6.5, не могут быть теми лицами, которые злоупотребляли ликторами⁶¹⁸.

Как уже отмечалось, *privati*, упомянутые в пассаже *BC.* 1.6.7, даже если они были вполне легитимными промагистратами, все же не имели права пользоваться ликторами в пределах города⁶¹⁹. Отсюда не следует вывод о том, что только новые наместники провинций (в силу изначальной незаконности своего положения, с точки зрения Цезаря) могли подразумеваться в качестве тех, кто злоупотребил ликторами. Дело в том, что любые возможные изъясны процедуры их назначения не имеют значения для понимания фрагмента *BC.* 1.6.7. Именно поэтому нельзя принять предположение А. Хойса о том, что провинциальные наместники использовали ликторов незаконно потому, что их

⁶¹⁶ Suetoni Tranquilli Divus Iulius / H.E. Butler, M.C. Cary... P. 87.

⁶¹⁷ Возможно также выделить еще одну группу: (4) те, кто получил империй заново, но не получил *provinciae* (как Сципион и другие), однако уже использовал своих ликторов до отъезда из города (таким образом раньше времени – и с нарушениями – пользуясь своим будущим статусом промагистрата, который они должны были приобрести только после отъезда из города). Однако прямых свидетельств о такого рода функционерах у нас нет, поэтому последняя категория остается чисто умозрительной. Надежнее предположить, что ликторами в городе злоупотребляли некоторые из числа тех промагистратов, которые уже находились за пределами города и получили империй и ликторов ранее.

⁶¹⁸ Конечно, нельзя полностью исключить возможность того, что некоторые из них оставались в окрестностях Рима и после того, как консулы покинули город, но это маловероятно.

⁶¹⁹ Насколько мне известно, на это было прямо указано в связи с нашим эпизодом только в комментарии: *Res publica conquassata*... P. 99.

военная власть не была узаконена *lex curiata*⁶²⁰. Даже при наличии полностью и со всех точек зрения легитимной военной власти она не давала им права пользоваться ликторами в пределах города. В этом смысле ситуация оказывается в некотором смысле зеркальной по отношению к таковой у консулов, проанализированной выше.

Следовательно, термин *privatus* применяется в двух рассматриваемых фрагментах в разных значениях. В пассаже *BC. 1.6.5* он подчеркивает то, что новые провинциальные наместники не были магистратами в момент получения *provinciae* (ср. критику Цезарем последствий *lex Pompeia de provinciis* во фрагменте *BC. 1.85.9*), тогда как в тексте *BC. 1.6.7* слово призвано акцентировать то обстоятельство, что промагистраты, будучи *privati*, не могли действовать *pro magistratu* в пределах города. Таким образом, подразумеваются два совершенно разных нарушения. В отрывке *BC. 1.6.7* Цезарь указывает не на предполагаемые негативные последствия *lex Pompeia de provinciis*, а на нарушение фундаментального разграничения ролей промагистратов и магистратов в сфере *domi*.

Кого именно из числа промагистратов мог Цезарь считать виновными в недопустимом применении ликторов в городе? С. Дэймон, обсуждая возможность того, что субъект *proficiscuntur* не *consules*, а *privati*, и затем отвергая этот вариант, делает вместе с тем важное наблюдение о том, кто именно мог злоупотреблять ликторами. Как пишет исследовательница, «само по себе *privati* кажется слишком неопределенным и малозначительным после

⁶²⁰ Heuss A. Zur Entwicklung des Imperiums... S. 73. Ср. уже в работе: Forchhammer J.C. C. Iulii Caesaris commentarii cum A. Hirtii aliorumque supplementis ex recensione B. Kübleri (Editio major). Lipsiae 1893–94, Teubner. Vol. I. Commentarii de bello Gallico. CXXX + 237 pp. Vol. II. Commentarii de bello civili. L + 153 pp. // Nordisk tidsskrift for filologi. 1894–1895. Vol. 3. P. 59. Й. Форххаммер читает: *In reliquis provincias praetores mittuntur. Neque expectant, – ut de eorum imperio ad populum feratur paludatique votis nuncupatis – ex urbe proficiscuntur lictoresque habent in urbe et Capitolio privati contra omnia vetustatis exempla*. Объясняя, почему промагистраты называются здесь *privati*, Й. Форххаммер указывает на то, что «*[p]ropraetores et proconsules sunt privati, donec lege curiata imperium iis traditum est*». Аналогично: Caïi Iulii Caesaris commentarii de bello civili / Ed. J.C. Held... P. 14–15; Caesar's Civil War / Ed. B. Perrin... P. 140; Barwick K. Caesars *Bellum Civile*... S. 27 (особенно Anm. 4); C. Iulii Caesaris commentarii De Bello Civili / Erkl. F. Kraner, F. Hofmann, H. Meusel. 12. Aufl... P. 23; The Landmark Julius Caesar / Ed. K.A. Raafaub... P. 314, n. 9.6s.

упоминаний провинциальных наместников и консулов» и далее добавляет, что «могли быть и другие беглецы, упомянутые в лакуне и, будучи субъектом глагола *habent*, обвиненные в злоупотреблении ликторами. Возможными кандидатами являются проконсулы, названные в постановлении сената во фрагменте 1.5.3», включая Цицерона⁶²¹.

Согласно предлагаемой здесь интерпретации, злоупотребление ликторами должно быть отнесено к действиям тех промагистратов, которые *не* упомянуты во фрагменте *BC*. 1.6.5 в числе новых провинциальных наместников. Это создает некоторое затруднение, поскольку наши источники мало интересуются данной группой должностных лиц. Тем не менее известно несколько возможных кандидатов. С. Дэймон указывает на Цицерона, однако он, по-видимому, покинул Рим одновременно с консулами (*Cic. Att.* 7.10), что делает его маловероятным претендентом. Кроме того, С. Дэймон сама отмечает, что «насколько можно судить, он держал их [своих ликторов, – *Р.Ф.*] вне померия, но и в этом случае их присутствие и украшенные лавром фаски вызывали злонамеренные комментарии» (*Cic. Fam.* 2.16.2)⁶²².

Как будет показано ниже, постановление сената 7 января могло побудить промагистратов использовать империй в пределах города, и это касалось не только проконсулов, но и других обладателей империя (возможно, имевших делегированные полномочия, полученные от тех, к кому постановление было обращено непосредственно). С. Дэймон полагает, что, хотя Цицерон проявил осторожность и держал своих ликторов вне померия, «другие могли быть менее щепетильными (или осторожными)»⁶²³. Кого именно можно иметь в виду? По мнению С. Дэймон, это могли быть «командиры гарнизонов помпеянцев с неопределенным статусом, упомянутые в фрагментах 1.12–15» (П. Аттий Вар, Лентул Спинтер, Луцилий Гирр)⁶²⁴. Возникает вопрос о том, могли ли некоторые из них уже иметь ликторов, чтобы использовать их в

⁶²¹ Damon C. Studies... P. 140.

⁶²² Damon C. Studies... P. 140–141, n. 18.

⁶²³ Damon C. Studies... P. 140–141, n. 18.

⁶²⁴ Damon C. Studies... P. 140–141.

пределах Рима. Т.Р.С. Броутон включает лишь П. Аттия Вара в число промагистратов 49 г. Факт наличия у него законной империи, особенно до того, как он захватил управление своей бывшей провинцией Африкой, остается сомнительным⁶²⁵. Однако то, что позднее он присвоил себе империй и фаски, не исключает возможности, что уже раньше он имел ликторов и пользовался ими в Риме в январе 49 г.

В письме от 3 марта (*Att.* 8.15.3) Цицерон перечисляет сенаторов, которым было позволено пересечь море и покинуть Италию⁶²⁶. Он упоминает не только обладателей империи (см. ниже), но и их легатов: *aut legati sunt eorum*. Возможно, некоторые из них, включая командиров гарнизонов, упомянутых С. Дэймон, действовали как *legati cum imperio*, обладая преторскими инсигниями, включая ликторов⁶²⁷. Среди таких лиц могли быть и Т. Амний Бальб (претор 59 г.)⁶²⁸, и (Л.) Постумий (претор до 49 г.)⁶²⁹. Именно это предположил Ф. Верват: «Следовательно, *privati*, которые, как сообщается, имели ликторов в городе и на Капитолии, вероятно, были назначенцами с

⁶²⁵ Broughton T.R.S. *The Magistrates of the Roman Republic*. Vol. 2... P. 260.

⁶²⁶ См.: Shackleton Bailey D.R. *Cicero's Letters to Atticus*. Vol. 4. Cambridge: Cambridge University Press, 1968. P. 355–356.

⁶²⁷ О *legati cum imperio* Помпея и Цезаря см.: Drogula F.K. *Commanders and Command...* P. 332–337. Еще одна опция – предположить делегирование империи каким-то магистратом (ср. Liv. 10.29.3: *at ex parte altera pontifex Livius, cui lictores Decius tradiderat iusseratque pro praetore esse...*; также см.: Oakley S.P. *A Commentary on Livy, Books VI–X*. Vol. 4: Book X. Oxford: Oxford University Press, 2005. P. 311–313).

⁶²⁸ Broughton T.R.S. *The Magistrates of the Roman Republic*. Vol. 2... P. 266. Также см.: Broughton T.R.S. *The Magistrates of the Roman Republic*. Vol. 2... P. 269 (о легате Л. Скрибонии Либоне, который принял командование над новобранцами в Кампании от Т. Амния Бальба).

⁶²⁹ Постумий – интересный претендент на роль злоупотребившего ликторами. Вероятно, он был легатом-пропретором (Broughton T.R.S. *The Magistrates of the Roman Republic*. Vol. 2... P. 263, 269; Broughton T.R.S. *The Magistrates of the Roman Republic*. Vol. 3... P. 172). Цицерон сообщает, что, хотя сенат решил, что Постумий должен немедленно отправиться на Сицилию, последний заявил, что не сделает этого без Катона, и что он считает свои усилия (*opera*) и авторитет (*auctoritas*) в сенате слишком важными (Cic. *Att.* 7.15.2: *Postumius autem, de quo nominatim senatus decrevit ut statim in Siciliam iret Furfanioque succederet, negat se sine Catone iturum et suam in senatu operam auctoritatemque quam magni aestimat*). Итак, Постумий мог оставаться вблизи Рима как до, так и после встречи помпеянцев в Капуе 25 января, поэтому потенциально был в состоянии использовать своих ликторов в городе (прекрасная возможность продемонстрировать собственные *opera* и *auctoritas*, о которых Постумий был весьма высокого мнения, не только в сенате?).

делегированным *imperium pro praetore*, которых оставили в Риме консулы и, возможно, преторы после своего отъезда»⁶³⁰.

Помимо *legati cum imperio* можно указать и на других кандидатов. Среди обладателей империя в марте 49 г. Цицерон (*Att.* 8.15.3) упоминает Вокония (претор до 53 г.)⁶³¹ и М. Нония Суфената (претор 55 г.?)⁶³², которые, по видимому, не получили собственных провинций⁶³³. К ним примыкает Г. Фанний (претор до 49 г.)⁶³⁴, которому, как сообщает Цицерон (*Att.* 7.15.2), Сицилия была поручена лишь после отъезда консулов из Рима, т.е. решением, принятым помпеянами в Капуе 25 января, так что и он может быть рассмотрен на роль объекта критики со стороны Цезаря⁶³⁵. В числе возможных претендентов на злоупотребление ликторами можно также назвать Фауста Корнелия Суллу (квестора 54 г.)⁶³⁶ и Кв. Миниция Термия (претор 53 г.)⁶³⁷.

Таким образом, существовала целая группа лиц, которые могли обладать ликторами и империем, но при этом не были назначены провинциальными наместниками, не покинули Рим вместе с Домицием Агенобарбом, Сципионом, Катоном, Помпеем и консулами и поэтому потенциально имели возможность использовать ликторов в городе после «эвакуации» Рима. Даже несмотря на то, что наши источники не проявляют особого интереса к этим второстепенным фигурам, несколько таких кандидатов все же известны по именам.

⁶³⁰ Vervaeke F.J. *The High Command...* P. 338, n. 112.

⁶³¹ Broughton T.R.S. *The Magistrates of the Roman Republic*. Vol. 2... P. 264.

⁶³² Broughton T.R.S. *The Magistrates of the Roman Republic*. Vol. 2... P. 243, 262; Broughton T.R.S. *The Magistrates of the Roman Republic*. Vol. 3... P. 148–149.

⁶³³ Shackleton Bailey D.R. *Cicero's Letters to Atticus*. Vol. 4... P. 356.

⁶³⁴ Broughton T.R.S. *The Magistrates of the Roman Republic*. Vol. 2... P. 222, 262.

⁶³⁵ Возможно, он так и не отправился на Сицилию, см.: Shackleton Bailey D.R. *Cicero's Letters to Atticus*. Vol. 4... P. 356.

⁶³⁶ На предложение отправить его в Мавретанию было наложено вето, поэтому он остался в Италии, набирал войска для Помпея и позже присоединился к нему в Эпире (Broughton T.R.S. *The Magistrates of the Roman Republic*. Vol. 2... P. 261).

⁶³⁷ Broughton T.R.S. *The Magistrates of the Roman Republic*. Vol. 2... P. 262; *The Landmark Julius Caesar* / Ed. K.A. Raafaub... P. 319, 9.12a. В письме Цицерона от 23 января говорится о том, что Терм уже находится в Игувии (*Att.* 7.13a.3). Это обстоятельство делает менее вероятным, что после отъезда консулов 18 января он мог остаться в Риме даже на короткое время.

§4.4. «Вопреки всем примерам древности»: причины применения ликторов промагистратами в городе

Причина, по которой Цезарь упоминает инцидент с ликторами, очевидна. Сложнее определить, почему появление промагистратов в пределах города в сопровождении ликторов могло оказаться необходимым с практической точки зрения. Одним из возможных объяснений является предположение о том, что Цезарь имеет в виду процесс отъезда промагистратов из Рима, но преподносит эту обычную процедуру весьма специфическим образом⁶³⁸. При такой интерпретации сообщения Цезаря правом пользоваться ликторами, с его точки зрения, злоупотребляли все-таки вновь назначенные наместники провинций. Однако их появление с ликторами в городе могло объясняться не реальным применением власти на территории Рима, а лишь необходимостью осуществить выход из города в сопровождении ликторов. Но поскольку Цезарь рассматривал их назначение как незаконное, он представлял и обычное «церемониальное» использование ликторов в том же свете, т.е. как нарушение закона. Однако подобная интерпретация может быть с высокой степени уверенности отвергнута. Как было показано выше, злоупотребление ликторами едва ли могло быть делом рук новоназначенных наместников провинций, для которых обязательными являлись принесение обетов и совершение иных обрядов на Капитолии. С другой стороны, остальные промагистраты, уже обладавшие империем, не имели ни права, ни необходимости участвовать в каких-либо процедурах внутри города. Более того, они были обязаны оставаться за пределами городской черты, чтобы не утратить свой империй.

Совершение ауспиций также не могло оправдать появление промагистратов, включая вновь назначенных наместников, на Капитолии. Как

⁶³⁸ Это предположение согласуется с мнением о том, что в качестве субъекта *proficiscuntur* следует рассматривать *privati*, см.: Damon C. *Studies...* P. 140.

показал А. Магделен, промагистратам в принципе не дозволялось совершать этот ритуал внутри города, и Цезарь нигде не упрекает своих противников в том, что они проводили ауспиции по случаю выхода из Рима на Капитолии (или в ином месте); для него этот вопрос вообще не имеет значения⁶³⁹.

Кроме того, трудно представить, что после длинного перечня проступков своих противников Цезарь мог завершить его (следовательно, подчеркнуть значимость последнего пункта) упоминанием неких *privati*, применивших ликторов, если бы их появление носило чисто церемониальный характер и являлось лишь второстепенным следствием провинциальных назначений, инициированных помпеянами (причем сами эти назначения Цезарь уже успел охарактеризовать как незаконные)⁶⁴⁰.

Наконец, для Цезаря злоупотребление ликторами было неразрывно связано с отъездом консулов из Рима. Уже по этой причине он вряд ли мог подразумевать только формальное применение *apparitores*. Если условием нарушения было отсутствие консулов, то оно должно было выражаться в реальном осуществлении промагистратской власти в пределах города, чтобы компенсировать отсутствие магистратов, какой бы кратковременной ни была эта ситуация.

Применение ликторов промагистратами в пределах города лучше объясняется необходимостью реально осуществлять там свою власть, хотя любые рассуждения в этом направлении остаются гипотетическими. Однако их косвенно подтверждает сопоставление с двумя эпизодами у Ливия, в рассказе о движении Ганнибала на Рим (211 г.). Они позволяют предположить, что в 49 г. промагистраты могли быть формально уполномочены сенатом войти в город, как это произошло в 211 г.⁶⁴¹. Возникает, однако, вопрос: если

⁶³⁹ Magdelain A. *Recherches sur l'«Imperium»*... P. 24, 54–57. Также см.: Mommsen Th. *Römisches Staatsrecht*. Bd. I. S. 101, Anm. 2.

⁶⁴⁰ Ср. следствия из интерпретации Т. Моммзена, которую передает Б. Кюблер (C. Iulii Caesaris *Commentarii; cum A. Hirtii aliquorumque supplementis*. Vol. 2: *Commentarii De Bello Civili* / Rec. B. Kübler.... P. XVI).

⁶⁴¹ Этот эпизод рассматривается В. Кункелем как уникальный (Kunkel W., Wittmann R. *Staatsordnung und Staatspraxis*... S. 16, Anm. 40).

подобное уже случалось, то почему Цезарь называет действия промагистратов в 49 г. беспрецедентными? Поскольку для Цезаря все чрезвычайные меры противников были нелегитимными и незаконными, он не признавал никаких формальных решений (которые в его глазах лишены правовой силы), которые могли бы обеспечить санкцию для того или иного действия, и фиксировал лишь сам факт совершения этого действия. Так как, с его точки зрения, использование ликторов промагистратами опиралось на незаконные решения, он и квалифицировал его как имевшее место «вопреки всем примерам древности»⁶⁴². В таком же ключе он рассматривал постановление сената от 7 января: беспрецедентным оно было не само по себе (подобных постановлений известно множество, и Цезарь признавал законность как такового механизма SCU), а потому, что впервые оно было принято в отсутствие непосредственной угрозы городу Рима. Последнее, по убеждению Цезаря, являлось необходимым условием SCU (и сам он, разумеется, по его оценке, не представлял такой угрозы).

Мы не можем с уверенностью сказать, было ли использование ликторов в городе каким-либо образом узаконено. Если да, то можно выделить два возможных основания. Первое – постановление о *tumultus*. Так, Л. Хольцапфель утверждал, что в 49 г. ликторы могли появляться в городе лишь в случае распространения действия империя проконсулов и пропреторов на территорию города, что как раз имеет место в случае *decretum tumultus*⁶⁴³. В 49 г. *tumultus* действительно был объявлен⁶⁴⁴. Однако недостаток интерпретации Л. Хольцапфеля состоит в том, что в сопоставимом случае 211 г. (Liv. 26.9.10) только специальное постановление сената, а не сам факт объявления *tumultus*, привел к наделению проконсула Кв. Фульвия Флакка правом войти в Рим с сохранением империя. Ф. Дрогула полагает также, что

⁶⁴² Holzapfel L. Die Anfänge des Bürgerkrieges zwischen Cäsar und Pompejus II // *Klio*. 1904. Bd. 4. S. 331.

⁶⁴³ Holzapfel L. Die Anfänge des Bürgerkrieges... S. 331.

⁶⁴⁴ Cass. Dio 41.3.3; Luc. 1.303–306, 2.16–19; Plut. *Pomp.* 61.3; *Caes.* 33.5; Lintott A. *Violence...* P. 154; Golden G.K. *Crisis Management...* P. 143–145.

едва ли даже консулам позволялось использовать свой империй внутри города во время *tumultus*; это требовало специальной санкции⁶⁴⁵.

Во втором случае, относящемся к событиям 211 г., Ливий пишет о постановлении сената, согласно которому все бывшие диктаторы, консулы и цензоры должны обладать империем в городе до тех пор, пока враг не отступит от его стен⁶⁴⁶. По мнению Ф. Дрогулы, трудно предположить, что десятки лиц были действительно наделены империем. Вероятнее всего, Ливий описывает *tumultus*, однако он «не доходил до введения военного положения посредством разрешения на использование империя в городе». «Ливий, несомненно, имел в виду, что лица с опытом исполнения высших должностей получили особые поручения по обороне города, но для организации караулов и охраны империй им был едва ли необходим»⁶⁴⁷. Если это так, то экс-магистраты действительно могли действовать в пределах города. Ливий прямо этого не говорит, в отличие от эпизода с проконсулом Флакком, но ясно, что для организации обороны это было необходимо. Однако вовсе не обязательно, что они делали это в силу получения империя. Более того, положение этих экс-магистратов в 211 г. (даже если предположить, что они временно были наделены империем), и положение промагистратов, не получивших провинции, но остававшихся близ Рима в 49 г., радикально различалось. Первые должны были сначала получить империй, и лишь затем могли применять его в городе. Вторые уже обладали империем и нуждались лишь в разрешении на его использование в Риме. Первые не имели ликторов. Вторые, как, например, проконсул Цицерон (см.: *Cic. Att.* 7.10; 7.12.4; 7.20.3; *Fam.* 2.16.2 и др.), сохраняли ликторов, полученных ранее.

Вторым вариантом объяснения того, каким образом промагистраты могли получить санкцию на использование своей власти в городе Риме, является *senatus consultum ultimum*, принятый 7 января 49 г. X. Ниссен полагал,

⁶⁴⁵ Drogula F.K. *Commanders and Command...* P. 117, n. 232.

⁶⁴⁶ Liv. 26.10.9: *omnes qui dictatores, consules censoresve fuissent cum imperio esse, donec recessisset a muris hostis.*

⁶⁴⁷ Drogula F.K. *Commanders and Command...* P. 90.

что во фрагменте *BC. 1.6* Цезарь критикует действия, вытекавшие из этого постановления⁶⁴⁸. Здесь вновь полезны параллели, которые предоставляет текст Ливия. Как уже отмечалось выше, он сообщает, что сенат уравнил империй проконсула Кв. Фульвия Флакка с консульским, чтобы промагистрат не утратил власть, *si in urbem venisset*⁶⁴⁹. Причиной такого решения было катастрофическое военное положение: Ганнибал приближался к Риму⁶⁵⁰. В 49 г., с точки зрения противников Цезаря, ситуация выглядела схожей – Риму угрожала непосредственная опасность (хотя сам Цезарь, разумеется, этого не признавал). Институтом, обеспечившим Флакку возможность пользоваться своим империем в пределах Рима, оказался сенат, и сенат вполне мог поступить аналогичным образом в 49 г. Очевидным кандидатом на роль того решения, которое обеспечило этот результат, является *senatus consultum ultimum* против Цезаря, принятый 7 января и наделивший чрезвычайными полномочиями не только действующих магистратов, но и проконсулов, находившихся вблизи Рима.

Таким образом, резкая критика Цезарем легитимности данного постановления сената⁶⁵¹ могла, среди прочего, иметь последствия и для оценки им действий промагистратов-сторонников Помпея, которые не получили провинций, но могли использовать свой империй в пределах города. В предыдущей, 5 главе Цезарь отвергает законность SCU и, следовательно, отрицает легитимность всех его возможных последствий, включая наделение промагистратов властью в черте города. Поскольку в 49 г. Рим находился под угрозой, в данной ситуации обычная формулировка *dent operam consules, praetores, tribuni plebis, quique pro consulibus sint ad urbem, ne quid res publica detrimenti capiat* (*Caes. BC. 1.5.3*) фактически могла означать, что промагистраты получали возможность применять свою военную власть

⁶⁴⁸ Nissen H. *Der Ausbruch des Bürgerkriegs...* S. 90–91, Anm. 3.

⁶⁴⁹ Liv. 26.9.10: *cui ne minueretur imperium, si in urbem venisset, decernit senatus ut Q. Fulvio par cum consulibus imperium esset.*

⁶⁵⁰ Об акценте на военной угрозе для Рима как причине наделения Флакка полномочиями см.: Kunkel W., Wittmann R. *Staatsordnung und Staatspraxis...* S. 16, Anm. 40.

⁶⁵¹ См.: Raaflaub K.A. *Dignitatis contentio...* S. 79–99.

внутри города⁶⁵². Так как уже в предыдущей главе Цезарь подробно аргументирует незаконность этого SCU, в рассматриваемом фрагменте ему нет необходимости вновь обосновывать ничтожность его конкретных последствий. Во фрагменте 1.5.3 он утверждает, что такая мера не применялась, кроме как тогда, когда практически в самом городе разгоралось пламя (*nisi paene in ipso urbis incendio*). Поскольку, по мнению Цезаря, в 49 г. ничего подобного не происходило, деятельность промагистратов в городе также не была законной.

Иная интерпретация возможна, если исходить из того, как, в частности, Ф. Дрогула определяет природу SCU: «Поскольку любой *senatus consultum* был лишь мнением сената, а не законом, SCU не представлял собой законного разрешения для консула реализовывать свой империй в пределах города (в отличие от триумфа, который получал или подразумевал санкцию со стороны народа). Наоборот, он являлся лишь призывом сената к тому, чтобы консулы прибегли к применению империя в городе, несмотря на незаконность подобного действия»⁶⁵³. Если принять предположение о том, что использование промагистратами ликторов могло, в лучшем случае, основываться лишь на SCU, а само это постановление, в свою очередь, не

⁶⁵² И Цезарь, и Цицерон (*Fam.* 16.11.2; ср. *Cass. Dio* 41.3.3) предполагают, что SCU наделял полномочиями только тех, кто действовал *pro consule*. Если их рассказ верен и полон, то некоторые из потенциальных кандидатов на роль *privati*, злоупотребивших ликторами, о которых говорилось выше, могли использовать их только без какой-либо санкции вообще. Однако в принципе SCU мог адресоваться всем промагистратам, а не только проконсулам, как имело место, например, в 77 г. (*Sall. Hist.* 1.77.22M: ...*uti Ap. Claudius interrex cum Q. Catulo pro consule et ceteris, quibus imperium est, urbi praesidio sint operamque dent nequid res publica detrimenti capiat*). Также можно предположить, что другие промагистраты могли, в свою очередь, получить власть от тех, кто был непосредственно упомянут в SCU. К. Раафлауб даже предполагает, что, возможно, не только обладатели империя, но и другие опытные сенаторы были наделены полномочиями с помощью SCU (Raaflaub K.A. *Dignitatis contentio*... S. 140–141). Также см.: Vervaet F.J. *The Official Position of Cn. Pompeius*... P. 937.

⁶⁵³ Drogula F.K. *Commanders and Command*... P. 122. Ср.: Brennan T.C. *The Praetorship*... P. 657–658 (о наделении Флакка полномочиями в 211 г. для сохранения империя в городе: «Маловероятно, что одного лишь постановления сената (Ливий пишет только об этом) было достаточно для этого; судя по порядку, применявшемуся в отношении промагистратов, удостоенных триумфа, ему [Флакку, – P.Ф.], по-видимому, требовался как минимум еще и плебисцит»).

являлось формальной легализацией применения империя в городе (даже для консулов), то оценка Цезарем появления *privati* с ликторами в Риме как незаконного представляла собой не просто его личное мнение и логическое следствие его отказа признавать данный SCU, но также являлась единственной технически верной, объективной оценкой законности использования ликторов со стороны *privati* в пределах города Рима (пусть даже для противников Цезаря это действие казалось по меньшей мере целесообразным)⁶⁵⁴.

Обратимся теперь к недавней интерпретации этого эпизода Д. Рафферти. Он полагает, что *privati* в пассаже *BC*. 1.6.7 – это военные командиры в провинциях, определенные по закону Помпея (*lex Pompeia*). Цезарь не признавал законности их назначения, и поэтому мог называть их *privati* как до, так и после того, как они были наделены провинциями. Он также «не представляет их в качестве *imperatores*» (этот титул отнесен лишь к самому Цезарю и Помпею)⁶⁵⁵. Но замечу, что как способ их назначения, так и сам факт употребления или неупотребления Цезарем термина *imperator* в данном случае не имеют значения, поскольку, как уже было отмечено выше, *privati* во фрагменте *BC*. 1.6.7 обвиняются в том, что они использовали ликторов именно в пределах города, а титул *imperator* не мог легитимировать такое применение *apparitores* (если только речь не шла о триумфе). Однако далее Д. Рафферти предлагает иное объяснение, который гораздо лучше объясняет, почему принципиальная проблема заключалась в применении ликторов внутри города (*in urbe*).

Следуя интерпретации SCU, предложенной Ф. Дрогулой, Д. Рафферти указывает, что «в этот период SCU, по-видимому, неявно предоставлял всем *imperatores* право осуществлять свой (военный) империй в пределах померия». Следовательно, «(согласно Цезарю) сенат не только по собственной инициативе даровал империй *privati* без одобрения народа, но и разрешил

⁶⁵⁴ Также ср. с ситуацией 52 г. Проконсул Помпей, хотя и был уполномочен SCU справиться с кризисом в городе, почему-то воздержался от того, чтобы самолично вступить в Рим (см. §2.9 данной главы).

⁶⁵⁵ Rafferty D. *Provincial Allocations...* P. 221.

использовать его в Риме. Таким образом, присутствие *privati* с ликторами в городе представляло собой двойной удар по верховенству народа...»⁶⁵⁶. Хотя предполагаемая незаконность их назначения, отмечу еще раз, не имеет существенного значения, SCU и отказ Цезаря признать его действительно могут объяснить акцентированное употребление им термина *privati*. Однако Д. Рафферти не вполне точно передает аргументацию Ф. Дрогулы. Последний не проводит различия между теми, кто был провозглашен императором, и другими носителями империя, когда пишет, что SCU являлся способом для сената призвать к применению империя в пределах города. Следовательно, если Д. Рафферти принимает аргументацию Ф. Дрогулы, то предполагаемое противопоставление в тексте Цезаря между *imperatores* и другими лицами теряет смысл. Это могло бы показаться несущественным, если бы Д. Рафферти придерживался идеи о том, что, по мнению Цезаря, SCU не мог узаконить использование ликторов частными лицами в городе. Однако, утверждая, что Цезарь различает императоров и всех остальных и что (как можно вывести из рассуждений Д. Рафферти) только для последних использование ликторов в городе являлось недопустимым (в то время как, например, для императора Помпея оно было возможно), Д. Рафферти не учитывает тот факт, что любой промагистрат мог быть назван *privatus*, и что использование ликторов в городе любым промагистратом – включая получившего императорскую аккламацию – было недопустимо (точнее, могло быть объявлено недопустимым и использовано для целенаправленной критики политического противника в контексте внутреннего конфликта).

Причина такого положения дел, по-видимому, заключается в том, что Д. Рафферти пытается соединить интерпретацию Ф. Дрогулы (согласно которому SCU мог побуждать промагистратов к незаконному вмешательству в сферу *domi*, что, действительно, лежит в основе критики Цезаря) с ошибочным предположением о том, что Цезарь называл наместников *privati* лишь потому,

⁶⁵⁶ Rafferty D. Provincial Allocations... P. 221.

что, с его точки зрения, их назначение было осуществлено с какими-то нарушениями и/или (дополнение, принадлежащее уже самому Д. Рафферти) они не являлись настоящими *imperatores* в глазах Цезаря. В основе этого рассуждения, предлагаемого Д. Рафферти, вновь оказывается убеждение в том, что римляне никак не могли назвать законного промагистрата *privatus*.

Предположение о том, что использование ликторов частными лицами могло быть каким-то образом санкционировано, безусловно, остается гипотетическим, однако оно (как и альтернативная точка зрения, согласно которой *privati* пользовались ликторами в городе без какой-либо специальной санкции на это) в целом соответствует тому, что нам известно о реальной ситуации и о ее интерпретации в тексте Цезаря. Сходным образом мы можем лишь строить догадки по поводу причин, по которым промагистраты вообще решили применить свою власть в городе. Сопоставление с ситуацией 211 г., описанной Ливием, снова оказывается важным. Наступление Ганнибала вызвало хаос в Риме. Ливий сообщает, в частности, что дороги были запружены толпами, бежавшими в город (26.10.8). Лишь наделение всех бывших магистратов полномочиями позволило прекратить беспорядки (26.10.10). В 49 г. ситуация была схожей: паника охватила город, когда дошли вести о наступлении Цезаря (*Caes. BC.* 1.14.1). Те, кто жил вне города, устремились в Рим, а жившие в нем начали его покидать (*Plut. Pomp.* 61.2). Возможно, перед нами не просто литературный образ для изображения бессмысленных, разнонаправленных, хаотических действий: сообщается, что магистраты оказались неспособны поддерживать порядок (*Plut. Caes.* 33.2). Следовательно, одной из причин наделения промагистратов властью в сфере *domi* могла быть необходимость усмирить хаос – задача, с которой действующие магистраты были не в силах справиться просто из-за своей малочисленности.

Еще одной причиной (не обязательно исключающей уже обозначенную) вмешательства промагистратов мог стать поспешный отъезд магистратов из Рима именно в тот момент, когда присутствие должностных лиц было крайне

необходимо для решения важных государственных задач. Так, известны, что магистраты даже не успели забрать деньги из казны (Caes. *BC.* 1.14; Cic. *Att.* 7.12.2). В феврале Помпей просил консулов вернуться в Рим и забрать государственные средства, однако те отказались (Cic. *Att.* 7.21.2; 8 февраля). Такого рода обстоятельства могли открыть окно возможностей для действий других, менее значительных фигур.

По наблюдению М.Х.Г. Херцога, поскольку во фрагменте Caes. *BC.* 1.10 описывается пребывание консулов в Капуе вместе с Помпеем, а в пассаже *BC.* 1.14 Цезарь вновь повествует об их отъезде из города, можно сделать вывод о том, что они на некоторое время отсутствовали, а затем вернулись, позволив в этот промежуток времени частным лицам (*privati*) взять контроль над ситуацией в Риме⁶⁵⁷. Однако события, описанные в тексте *BC.* 1.14, обычно рассматриваются в историографии как повторное изложение бегства помпеевцев из города, о котором уже шла речь в пассаже *BC.* 1.6⁶⁵⁸. Тем не менее, М.Х.Г. Херцог, как мне представляется, прав в том, что установление контроля *privati* над городом стало возможным из-за отсутствия действующих магистратов⁶⁵⁹.

Итак, деятельность промагистратов внутри городской черты стала возможной и необходимой вследствие неспособности магистратов контролировать ситуацию и/или их физического отсутствия. Иными словами, вмешательство промагистратов не происходило без серьезных причин чисто практического характера: вакуума власти или бездействия со стороны магистратов. Цицерон прямо говорит, что «город остался без магистратов» (*sine magistratibus urbem esse*, *Att.* 7.11.4; ср. 7.12.2; 7.13.1 и др.). Та же логика, по-видимому, действовала и во всех других возможных эпизодах подобного

⁶⁵⁷ См.: C. Julii Caesaris commentariorum de bello civili libri III / Ed. C.G. Herzog... P. 37.

⁶⁵⁸ См., напр.: Oppermann H. Caesar... S. 17; M. Julius Caesar, The Civil War, Books I & II / Ed. J. Carter... P. 162; Girardet K.M. Januar 49 v. Chr... S. 210, Anm. 860.

⁶⁵⁹ Также ср.: Gruen E.S. The Legitimacy of Caesar's Wars... P. 38, §19: «Он [Цезарь, – P.Ф.] возмущается тем, что ... консулы покинули город, оставив частным лицам символы власти».

вмешательства, что, в свою очередь, заставляет серьезно относиться к свидетельству Цезаря.

Таким образом, в 6 главе *Bellum Civile* Цезарь дважды употребляет термин *privatus*, однако в разном значении. В пассаже 1.6.5 это обозначение относится к бывшим магистратам до или в момент их наделения провинциями, тогда как во фрагменте 1.6.7 оно указывает на промагистратов, которые незаконно действовали в городе в качестве носителей публичной власти. Такая гибкость терминологии Цезаря опирается на фундаментальную неопределенность статуса промагистратов. С точки зрения дихотомии *privatus/magistratus* они считались *privati*, но с политической точки зрения занимали положение, близкое к таковому у *magistratus*. Тем не менее нормативное различие между этими двумя категориями должностных лиц – равно как и реальное практическое различие в вопросах, касающихся сферы *domi*, – оставалось значимым для римлян и было искусно использовано Цезарем в его собственных целях.

Как уже отмечалось выше, добавление С. Дэймон слова <*inauspicato*> совместимо с предлагаемой мною интерпретацией, но лишь при условии, что в данном пассаже у Цезаря не отсутствие ауспий само по себе, а нечто иное объясняет то, почему действия консулов можно было назвать беспрецедентными. Текст Цезаря вполне поддается интерпретации в том виде, в каком он дошел до нас. Вместо того, чтобы полагать, что впервые консулы совершили какое-то нарушение, покидая Рим, следует, на мой взгляд, допустить, что вследствие отъезда (точнее бегства) консулов промагистраты получили возможность войти в город и осуществлять там свою власть. Более того, это случилось в момент, когда Риму не угрожала непосредственная военная опасность (а, следовательно, не было и законных оснований наделять промагистратов правом использовать империй в городе). Такое рассуждение полностью соответствует общему взгляду Цезаря на причины гражданской войны.

Именно такую интерпретацию рассматривает, но в итоге отвергает Дж.М. Картер. Он отмечает: «Поскольку консулы нередко покидали Рим, существует лишь один способ понять переданный текст так, чтобы он имел смысл: “никогда прежде не случалось, чтобы консулы покидали Рим, в то время как люди, не занимавшие выборных должностей (*privati*), имели бы ликторов...”»; но даже это толкование нелогично, поскольку *privati* никогда не имели ликторов, и потому не имело значения, находились ли консулы в Риме или нет»⁶⁶⁰. Но замечу, что эти *privati* вовсе не были «лицами, не занимавшими выборных должностей», как пишет Дж.М. Картер. Они не являлись рядовыми *privati*, а были промагистратами, и в этом качестве, конечно, обладали ликторами (речь идет только о носителях империя). Перед нами как раз тот случай, когда тезис о том, что римлянами промагистраты считались *privati*, позволяет предложить непротиворечивую интерпретацию сведений источников.

Действительно, термин *privatus* употреблялся для обозначения промагистратов сравнительно редко, однако, как уж отмечалось выше, он использовался в тех случаях, когда было важно противопоставление действующим магистратам (ср., например, Liv. 38.42.10). Именно это мы и наблюдаем в рассматриваемом пассаже Цезаря. Если не учитывать данное обстоятельство, легко упустить из виду вполне непротиворечивую интерпретацию текста Цезаря.

Следует также отметить, что Дж.М. Картер, цитируя слова Цезаря («лица, не занимавшие выборных должностей (*privati*), имели ликторов...»), не приводит важного продолжения этого высказывания: «...имели ликторов в городе и в святилище Юпитера Капитолийского» (как переводит сам Дж.М. Картер). Между тем, это добавление, как уже было показано выше, однозначно указывает именно на промагистратов. Однако ценность наблюдений Дж.М. Картера состоит в том, что он впервые рассмотрел идею о

⁶⁶⁰ M. Julius Caesar, *The Civil War*, Books I & II / Ed. J. Carter... P. 162.

неразрывной логической связи между фразой об отъезде консулов из Рима и указанием на использование ликторов *privati*⁶⁶¹.

Предлагаемая мною интерпретация совместима и с трактовкой А. Джованнини, который подчеркивает иной аспект критики со стороны Цезаря. По мнению А. Джованнини, сохранившийся в рукописной передаче текст Цезаря можно понять без конъектур, если принять во внимание, что консулы, прежде чем покинуть Рим, должны были исполнить свои обязанности – такие, как религиозные обряды и проведение консульских выборов. Ничего это консулы 49 г. не сделали и бежали из города, оставив свои обязанности без внимания⁶⁶².

Однако в историографии до сих пор полностью игнорировался важнейший момент: то, что Цезарь критикует вмешательство промагистратов-помпейцев в управление города Рима. Образ промагистратов, злоупотребляющих своим положением посредством применения ликторов в городе, органично вписывается в общую концепцию Цезаря: *res publica* оказалась в руках могущественной *factio*, нарушающей политическую традицию. Но этим дело не ограничивается. Как было показано выше (см. §3 данной главы), сам проконсул Помпей обвиняется Цезарем несколькими пассажами ранее (BC. 1.3.1) в организации неофициального собрания сенаторов, в дурном обращении с ними на этом собрании и, следовательно, фактически – в узурпации функций действующих консулов в качестве председателей сената⁶⁶³. Цезарь рассматривает ту же проблему в более обобщенном, но также и более ясном, виде, однозначно давая понять, что еще до 49 г. Помпей нарушал основные принципы, регулировавшие институт

⁶⁶¹ Ср.: C. Julii Caesaris commentariorum de bello civili libri III / Ed. C.G. Herzog... P. 37.

⁶⁶² Giovannini A. *Consulare imperium*... P. 81. Это может быть подтверждено фрагментом Cass. Dio 41.14.4 (в этом году *feriae Latinae* не были отпразднованы должным образом, см. об этом работу Д. Рафферти, который в целом следует А. Джованнини: Rafferty D. *Provincial Allocations*... P. 220). Однако сравнение А. Джованнини нашего эпизода со случаем Фламиния в 217 г. вводит в заблуждение, как я отмечал выше. О «религиозных» обязанностях консулов, которые они должны были исполнить перед отъездом из Рима, см., напр.: Pina Polo F. *The Consul at Rome*... P. 22, 250–251.

⁶⁶³ См. §3 данной главы.

промагистратуры: он управлял «военными» провинциями (в качестве проконсула) и одновременно оставался вблизи Рима, вмешиваясь в «городские дела»⁶⁶⁴.

Во всех этих случаях промагистраты выступали как самостоятельные политические акторы и проявляли инициативу в сфере *domi*. Хотя в большинстве эпизодов промагистраты формально не нарушали никаких правовых норм (например, они побуждали магистрата созывать сенат от своего имени, а не делали это сами, что было бы незаконно), они все же выходили за рамки того, что допускала политическая традиция. Это действительно были *novi generis imperia* – полномочия нового типа. В пассаже *Caes. BC. 1.6.5–7* возможность того, что промагистраты проявляли политическую инициативу, также не исключается (хотя, разумеется, выражена она не столь отчетливо, как в некоторых других, упомянутых выше, случаях). Промагистраты, по-видимому, действовали самостоятельно и могли на месте принимать решения о том, что именно необходимо предпринять. Это предполагало проявление инициативы, даже если она ограничивалась кругом заранее определенных им технических задач. Рассматриваемый в более широком контексте фрагмент *Caes. BC. 1.6.5–7* может быть интерпретирован как описание злоупотреблений со стороны промагистратов и, таким образом, не является уникальным. Он предстает частью более масштабного явления, исследуемого в данной главе, и, следовательно, не может быть объяснен простой ссылкой на аномию, вызванную гражданской войной.

§5. Проконсулы, сенат и народ в 49 г.

Как сообщает Кассий Дион, покидая Рим, Помпей «приказал (*ἐκέλευσεν*) всему сенату вместе с магистратами следовать за ним, особым постановлением предоставив им разрешение на отсутствие (*ἄδειάν τε σφίσι δόγματι τῆς ἐκδημίας*)

⁶⁶⁴ См. §2.1 данной главы.

δοῦς) и объявив, что он будет рассматривать всякого, кто останется, как находящегося на стороне его противников» (Cass. Dio 41.6.2; менее определенные свидетельства, но в целом подтверждающие изложение Кассия Диона: Plut. *Pomp.* 61; Caes. 33.5; Suet. *Iul.* 75.1). Возникает вопрос о том, могло ли это распоряжение проконсула быть каким бы то ни было образом оформлено.

Как полагает Ф. Верват, «лишь с 1 января 48 г. Помпей мог быть формально наделен исключительным *summum imperium auspiciumque* – верховным командованием над объединенными силами, действовавшими против мятежного Цезаря»⁶⁶⁵. Но даже эти (еще не оформленные в рассматриваемый мной момент) полномочия не имели отношения к сфере *domi*. Личная инициатива консула Г. Клавдия Марцелла в декабре 50 г., когда он «per edictum» поручил «проконсулу защищать город и принять командование над двумя легионами, задержавшимися в Апулии на пути из Галлии в Сирию», а также «проводить набор дополнительных войск в Италии по собственному усмотрению»⁶⁶⁶, была спорной и кратковременной мерой и точно таким же образом не имела отношения к «гражданскому управлению» в Риме.

Наделение Помпея полномочиями посредством SCU 7 января 49 г. можно рассматривать как призыв к защите самого города Рима (Cass. Dio 41.3.4; App. *BC.* 1.34)⁶⁶⁷. Однако, в отличие от 52 г. (когда Помпею было адресовано схожее по содержанию поручение), теперь угроза исходила извне. По этой причине сомнительным выглядит то, что решение сената можно было интерпретировать как легитимацию действий проконсула в качестве носителя публичной власти именно в пределах города (однако выше уже рассматривалась возможность, что использование другими промагистратами

⁶⁶⁵ Vervae F.J. The Official Position of Cn. Pompeius... P. 928; Girardet K.M. *Imperia und provinciae*... S. 203–206.

⁶⁶⁶ Vervae F.J. The Official Position of Cn. Pompeius... P. 930. См. Cass. Dio 40.64.4; App. *BC.* 1.32; Plut. *Pomp.* 59.1–2; Hirt. *BG.* 8.55.

⁶⁶⁷ Vervae F.J. The Official Position of Cn. Pompeius... P. 930–932; Girardet K.M. *Imperia und provinciae*... S. 201–203.

своих ликторов *in urbe* в начале 49 г. могло быть санкционировано этим SCU). Объявление *tumultus* (Cass. Dio 41.3.3)⁶⁶⁸ само по себе также вряд ли могло придать дополнительную силу распоряжения Помпея.

Можно предположить, что «приказ» Помпея, равно как и «разрешение» сенаторам и магистратам покинуть Рим, стали возможны потому, что сфера *militiae* (в функциональном, а не пространственном смысле) и состояние войны – то есть обычная сфера ответственности проконсула, которому был адресован SCU, – были теперь распространены и на сам Рим. Эту гипотезу можно подкрепить словами Диона о том, что, когда Помпей приказал сенаторам сопровождать его в Фессалонику, он действовал «на основании полномочий, которыми обладал как проконсул», и «ввиду того, что город находился во власти врагов» (41.18.5). Однако, как отмечалось выше, даже верховное военное командование, не говоря уже о каких-либо полномочиях, которые позволяли ли бы приказывать сенаторам, официально еще не находилась в руках Помпея на момент его «распоряжения».

Даже если предположить, что Помпей мог быть уполномочен адресовать сенаторам определенные «указания», трудно представить, чтобы он мог обращаться в таком же тоне к магистратам. Обратим внимание на еще одну деталь. Когда Цезарь (*BC*. 1.33) сообщает об угрозах Помпея в адрес сенаторов, он утверждает, что, покидая окрестности города, Помпей лишь заявил в сенате, что будет считать тех, кто останется, своими врагами. Ни о каком официальном распоряжении речи не идет (это подтверждается фрагментом *App. BC*. 2.37, в котором стремление некоторых остаться не подвергается Помпеем критике как нарушение приказа, обязательного к исполнению, а лишь осуждается; также ср. пассаж *Cic. Att.* 11.6.6, в котором признание оставшихся в Риме сенаторов врагами никак не увязывается с нарушением ими приказа Помпея⁶⁶⁹).

⁶⁶⁸ О *tumultus* в 49 г. см.: Golden G.K. *Crisis Management...* P. 145; Suetoni Tranquilli *Divus Iulius* / H.E. Butler, M.C. Cary... P. 86; Girardet K.M. *Januar 49 v. Chr...* S. 221.

⁶⁶⁹ Gelzer M. *Pompeius...* S. 184–185, Anm. 167. Свидетельства *Cic. Att.* 7.10 и 7.12.2 вряд ли поддерживают версию Диона, а возможность для носителей империя покидать Италию (*Cic. Att.* 8.15.3) не проясняет вопрос о том, как могло реализовываться разрешение на выезд сенаторов из города.

Маловероятно, чтобы Цезарь упустил возможность упрекнуть Помпея в неподобающих «приказах» и «разрешениях», если бы таковые действительно имели место. Даже в случае, если SCU и tumultus действительно расширяли бы сферу militiae на городское пространство Рима⁶⁷⁰, такое расширение области потенциального применения проконсульских полномочий Помпея, как и реальное использование им этих полномочий по-прежнему не имели бы отношения к влиянию на процесс принятия политических решений. Так или иначе, наступала очередь другого проконсула осуществлять контроль над положением дел в столице.

§5.1. Вступал ли проконсул Цезарь в город Рим в 49 г.⁶⁷¹?

Как мы видели, Цезарь критикует своего соперника-проконсула, чтобы подчеркнуть, что сам он действовал в пределах возможностей, которые республиканская система обычно предоставляла промагистратам. Поэтому неудивительно, что, прибыв ad urbem, Цезарь был вынужден как можно отчетливее продемонстрировать свое уважение к правилам, определявшим политическое положение тех, кто получил полномочия действовать pro magistratu. Этот момент представляет собой важный элемент его политики во время первого пребывания вблизи города в 49 г. – аспект, недооцененный современной историографией, внимание которой сосредоточивается главным образом на clementia как основном элементе политики Цезаря для завоевания поддержки или нейтралитета.

В 49 г., после того как Помпей покинул Италию, Цезарь вернулся в Рим. Оставаясь проконсулом, он по-прежнему не имел права пересекать границу города. Возникает вопрос о том сделал ли он это, несмотря на запрет.

⁶⁷⁰ Подобно тому, как это произошло в 211 г. (Liv. 26.9.10; Kunkel W., Wittmann R. Staatsordnung und Staatspraxis... S. 16, Anm. 40).

⁶⁷¹ Основные выводы параграфа опубликованы в работе: Фролов Р.М. Вступил ли проконсул Цезарь в город Рим в начале 49 г. до н.э.? // Вестник Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки. 2020. № 2(52). С. 18–25.

Привести к выводу о том, что Цезарь оказался *in urbe* (в городе) еще будучи проконсулом, могут сообщения о двух событиях 49 г. Первое из них – заседание сената 1 апреля (и в последующие дни: *Caes. BC.* 1.33), а также *contio*. Проконсул выступил и там, и там (*Cass. Dio* 41.15–16). Насколько мне известно, в историографии не высказывается серьезных сомнений по поводу того, что все эти собрания происходили *ad urbem* (под городом). Это однозначно показывает переписка Цицерона, в которой и он сам, и его корреспонденты говорят о прибытии Цезаря *ad urbem* для участия в заседании сената (*Att.* 9.15.6; 9.17.1; также см. *Fam.* 4.1.1)⁶⁷². Присутствие самого проконсула Цицерона на этом собрании не было исключено именно потому, что локализация *ad urbem* не противоречила его намерениям оставаться за пределами Города, чтобы не потерять империй и право на триумф.

Кассий Дион тоже прямо пишет о том, что сенат собрался за чертой померия (ἔξω τοῦ πόμηνρίου), причем официально он был созван трибунами М. Антонием и Кв. Кассием Лонгином (*Cass. Dio* 41.15.2–4). Иными словами, даже несмотря на то, что источники Диона в данном случае по отношению к Цезарю настроены скептически и даже негативно, из текста следует, что были соблюдены все правила⁶⁷³, и формально проконсула просто пригласили в сенат для отчета. Последовавшая за этим *contio* таким же образом была созвана за чертой померия (*Cass. Dio* 41.16.1: καὶ πρὸς τὸν δῆμον, καὶ αὐτὸν ἔξω τοῦ πόμηνρίου συνελθόντα; также ср. *Sen. Ben.* 5.16.5: *castra in circo Flaminio posuit*). Лишь у Лукана сенат собирается на Палатине (то есть в черте города), трибуны

⁶⁷² Указания позднейших авторов менее определены (*Vell. Pat.* 2.50.2: *in urbem revertit*; *Suet. Iul.* 34.2: *Romam iter convertit*; *Oros.* 6.15.5: *Romam venit*), хотя фразу Плиния Старшего можно при большом желании интерпретировать в том смысле, что лично Цезарь (а не его солдаты) оказался *in urbe* (*Plin. Nat.* 33.56: *introitu urbis*).

⁶⁷³ Woytek B. *Arma et nummi*. Forschungen zur römischen Finanzgeschichte und Münzprägung der Jahre 49 bis 42 v. Chr. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 2003. S. 46. Нельзя согласиться с К. Пеллингом, который пишет, что Цезарь «созвал сенат» («convened the senate»; *Plutarch Caesar* / Ed. C. Pelling... P. 330).

не играют никакой роли, а сенаторов созывает сам Цезарь (3.97–98, 103–109)⁶⁷⁴. К этому свидетельству поэта вернемся ниже.

Второй инцидент вызывает больше затруднений. Речь идет о столкновении Цезаря с плебейским трибуном Л. Цецилием Метеллом (тоже, очевидно, в апреле 49 г.)⁶⁷⁵. Последний препятствовал проконсулу при помощи интерцессии, а кроме того заблокировал доступ к *aerarium sanctius*⁶⁷⁶, средства из которого стремился получить Цезарь. Некоторые источники подразумевают, что проконсул лично угрожал Метеллу. Если это так, то Цезарь должен был бы войти в Город, поскольку эрарий располагался в черте померия, в храме Сатурна⁶⁷⁷. Сам Цезарь о пребывании *in urbe* не сообщает (*BC.* 1.32–33), но его версия (в которой угрозы в адрес Метелла по понятным причинам прямо не упоминаются) вряд ли может быть принята без подкрепления со стороны других источников.

Немедленно возникает вопрос: если Цезарь позаботился о созыве сената и *contio* за чертой города и в письме Цицерону в начале марта 49 г. сам говорил о намерении прибыть именно *ad urbem* (*Cic. Att.* 9.6a; аналогично *Att.* 9.6.1; 9.11a.1; 9.16.3; 9.17.1; *Fam.* 8.15.1; *Caes. BC.* 1.32.1: *ad urbem proficiscitur*), то почему он все-таки оказался *in urbe* из-за Метелла, тем самым формально

⁶⁷⁴ M. Annaeus Lucanus. *Bellum Civile*, Book III. A Commentary / Ed. V. Hunink. Amsterdam: J.C. Gieben, 1992. P. 78–80; M. Annaei Lucani *Pharsalia*. Vol. I / Ed. C.M. Francken. Leiden: A.W. Sijthoff, 1896. P. 91; Brisset J. *Les Idées politiques de Lucain*. Paris: Les Belles Lettres, 1964. P. 93; Bachofen A. *Cäsars und Lucans Bellum Civile: Ein Inhaltsvergleich*. Zürich: Juris Druck + Verlag, 1972. S. 98–99.

⁶⁷⁵ Woytek B. *Arma et nummi...* S. 46–57; Fabre P. *Lentulus, César et l'aerarium* // *Revue des Études Anciennes*. 1931. T. 33. P. 26–32; Gelzer M. *Caesar: Politician and Statesman...* P. 209–210; Ferrary J.-L. «A Roman Non-Entity»: Aurelius Cotta, tribun de la plèbe en 49 avant J.-C. // *L'Italie préromaine et la Rome républicaine*. Vol. I. Rome: École française de Rome, 1976. P. 285–292; Alföldi A. *Caesar in 44 v. Chr....* S. 212–214; Libero L., de. *Der Raub des Staatsschatzes durch Caesar* // *Klio*. 1998. Bd. 80. S. 111–133.

⁶⁷⁶ Об этой казне см.: Дементьева В.В. *Aerarium sanctius Римской республики* // *Прошлое. Проекция. Презентация: Проблемы всемирной истории: Сб. науч. тр.* / Ред. В.В. Дементьева, М.Е. Ерин. Ярославль: ЯрГУ, 2012. С. 8–15.

⁶⁷⁷ Этот тезис весьма распространен в историографии: Gelzer M. *Caesar: Politician and Statesman...* P. 209, n. 5; Libero L., de. *Der Raub des Staatsschatzes...* S. 126; Schmidt O.E. *Der Briefwechsel des M. Tullius Cicero: von seinem Prokonsulat in Cilicien bis zu Caesars Ermordung*. Leipzig: B.G. Teubner, 1893. S. 167; Jehne M. *Der Staat...* S. 51–52, Anm. 34; Jahn J. *Interregnum und Wahldiktatur...* S. 183; Rawson E. *Caesar...* P. 430.

лишив себя проконсульской власти, а также права на галльский триумф⁶⁷⁸? Кроме того, когда было решено забрать деньги из казны, зачем понадобилось личное присутствие Цезаря, если и без него солдаты могли выполнить поставленную задачу, проигнорировав *sacrosanctitas* (неприкосновенность) трибуна, а статус проконсула (точнее бывшего проконсула, потерявшего империй при вступлении в Город) никаких формальных преимуществ в противостоянии с плебейским трибуном не предоставлял? Кроме того, не выглядит ли странным предположение о том, что Цезарь не предвидел последствий «дискуссии» с Метеллом на виду у всех⁶⁷⁹, во время которой последнему было нетрудно публично уличить проконсула в нарушении прав трибунов? Разве не должен был Цезарь исходить из того, что придется силой захватывать казначейство и что, следовательно, его личное участие в этом мероприятии еще больше ударило бы по его популярности?

Все эти вопросы снимаются, если следовать рассказу Кассия Диона, который сообщает только о том, что солдаты, посланные забрать государственные средства, проигнорировали Метелла и взломали двери эрария (Cass. Dio 41.17.2; также ср. Flor. 2.13.21: *iussit effringi*). В логике повествования Диона появление самого Цезаря на месте событий действительно оказывается ненужным. Однако Ж.-Л. Феррари отвергает это свидетельство. Якобы Дион специально создает впечатление о том, что Цезарь не появился у эрария, а только послал туда солдат, поскольку греческий автор исходил из того, что как проконсул Цезарь не мог перейти померий⁶⁸⁰. Действительно, Дион очень хорошо знал об этом ограничении. Однако неясно, на каком основании предполагается, что он должен был легитимировать Цезаря в том случае, если бы действительно обладал информацией о том, что

⁶⁷⁸ Уже это соображение позволяет отвергнуть поспешное суждение К. Пеллинга о том, что якобы «маловероятно» соблюдение формальности, согласно которой промагистрат не мог войти в город (Plutarch Caesar / Ed. C. Pelling... P. 332).

⁶⁷⁹ Именно так представляет себе ситуацию Ж.-Л. Феррари: Ferrary J.-L. «A Roman Non-Entity»... P. 288.

⁶⁸⁰ Ferrary J.-L. «A Roman Non-Entity»... P. 288–289, n. 17.

проконсул все-таки оказался in urbe (или – в терминах Диона – внутри померия⁶⁸¹).

Свою интерпретацию Ж.-Л. Феррари подкрепляет, ссылаясь на переписку Цицерона и сочинения Плутарха. В письме к Аттику от 7 апреля 49 г. Цицерон отмечает: «Говорят, что тебя видели в Регии. И я, конечно, не осуждаю, так как и сам не избежал этого порицания» (*Att.* 10.3a.1: *visum te aiunt in regia, nec reprehendo, quippe cum ipse istam reprehensionem non fugerim*). Фрагмент, как правило, понимают буквально: Атик явился в Регию, где и находился Цезарь (великий понтифик, резиденцией которого являлось это сооружение). Регия располагалась in urbe, Цезарь, следовательно, оказался там же⁶⁸². «Против» такого прочтения и в целом «против» предположения о том, что проконсул вступил в Рим, высказался Б. Войтек, однако свой вывод он не обосновал (не попытался объяснить фразу *visum te aiunt in regia*)⁶⁸³.

Ничто не мешает понять текст Цицерона как признание в том, что его обвиняли в «приходе в Регию» в том же смысле, что и Атика. Однако Цицерон сам оставался проконсулом и только ради личного разговора с Цезарем в Регии он вряд ли готов был утратить империй и право на триумф, на который по-прежнему надеялся. Поскольку Цицерон в действительности в Рим не вошел, regia может означать не только в его случае, но и в случае Атика лишь факт переговоров с Цезарем, но не конкретное место этих переговоров⁶⁸⁴. Тогда regia является метафорой, которая, с одной стороны, позволяет понять, что речь однозначно идет именно о Цезаре (великом понтифике с резиденцией в Регии), а с другой стороны, попутно намекает на стремление последнего к царской власти (*regnum*). Наконец, если это прочтение по каким-то причинам не убеждает, можно задать такой вопрос по поводу буквального понимания: ради чего Цезарь должен был находиться именно в Регии (точно не ради

⁶⁸¹ Ср.: Woytek B. *Arma et nummi*... S. 49.

⁶⁸² Ferrary J.-L. «A Roman Non-Entity»... P. 288–289, n. 17; Jehne M. *Der Staat*... S. 51–52, Anm. 34; Becker W.A. *Handbuch der römischen Alterthümer*. T. 1... S. 233; Shackleton Bailey D.R. *Cicero's Letters to Atticus*. Vol. 4... P. 400, 403–404.

⁶⁸³ Woytek B. *Arma et nummi*... S. 49, Anm. 163.

⁶⁸⁴ Ср.: Becker W.A. *Handbuch der römischen Alterthümer*. T. 1... S. 233.

встречи с Метеллом), если тем самым он, – подчеркну еще раз, – сам себя лишал власти проконсула? Никакого объяснения этому в историографии, насколько я могу судить, не предлагается.

В пользу версии о метафорическом употреблении *regia* свидетельствует письмо от 25 февраля 49 г., в котором Цицерон обращается к Аттику с такими словами: «...когда даже вы, два таких мужа, (выйдете) к пятому мильному камню... Насколько более неудержимо будет он уверен в своем деле, когда вас и подобных вам увидит не только во множестве, но и поздравляющими его с выражением радости на лицах!» (*Att.* 8.9.2: ...*si quidem etiam vos duo tales ad quintum miliarium... quanto autem ferocius ille causae suae confidet, cum vos, cum vestri similis non modo frequentis sed laeto vultu gratulantis viderit!*). Конечно, это свидетельство не может служить строгим доказательством того, что во фрагменте *Att.* 10.3a.1 Цицерон имеет в виду встречу Аттика с Цезарем не в Регии, а *ad urbem*. Однако оно вполне подтверждает, что Аттик намеревался лично приветствовать Цезаря как победоносного проконсула, претендующего на триумф, еще в момент его приближения к городу, т.е. не в самом Риме, а в его предместьях (ср. *Cic. Att.* 9.7.2: не ... *ad urbem ἀλάντησις mea animadvertatur*)⁶⁸⁵. Таким образом, если Аттик реализовал свое намерение (против этого допущения свидетельств нет), то никакой необходимости для него изъяслять Цезарю все то же самое в Регии не было. Выход к «пятому мильному камню», как и заседание сената *ad urbem*, формально полностью соответствовал бы обычной ситуации, когда проконсул, претендующий на триумф, прибывал в предместья Рима.

Еще одним косвенным подтверждением интерпретации *regia* в пассаже *Cic. Att.* 10.3a.1 как метафоры являются передаваемые Цицероном в другом письме слова Г. Куриона о том, что Цезарь стремится избежать дальнейшего

⁶⁸⁵ Также ср.: Welch K.E. T. Pomponius Atticus: A Banker in Politics? // *Historia*. 1996. Bd. 45. P. 466, n. 90. К. Велч подчеркивает значение этих планов Аттика, но одновременно упоминает его встречу с Цезарем в Регии. Аналогично: Schneider M. Cicero 'Harpespe': Political Prognostication and the Viscera of a Deceased Body Politic. Piscataway, NJ: Gorgias Press, 2004. P. 100–101, n. 240.

падения своей популярности, поскольку и так уже навредил себе тем, как поступил по вопросу с казначейством. Из-за этого проконсул даже не решился перед отъездом от Рима произнести речь перед народом на сходке, как изначально планировал (*Att.* 10.4.8). Эти опасения и неуверенность Цезаря вряд ли можно согласовать с версией, из которой следует, что до этого он вошел в Рим (утратив, тем самым, в глазах сограждан всякие претензии на законное обладание империей и на триумф) и даже некоторое время оставался в Регии, а затем, как ни в чем ни бывало, продолжил действовать как проконсул, хотя все же «постеснялся» выступить перед народом. Попутно замечу, что никаких намеков на «обмен любезностями» с Метеллом у дверей эрария и в этом письме нет. Говорится о желании Цезаря в порыве гнева убить трибуна (*voluisse Caesarem occidi Metellum*), но, во-первых, проконсул от этого все же воздержался, а во-вторых, это никоим образом не подтверждает, что такое желание у него возникло, когда он лично лицезрел Метелла, охранявшего эрарий⁶⁸⁶. В письме от 2 мая Цицерон снова указывает на инцидент с трибуном и на захват эрария, но не на то, что Цезарь лишился империи и претензий на триумф, вступив в Город (*Att.* 10.8.6), хотя это должно было бы произойти как раз из-за Метелла.

Последовательное применение Цицероном выражения *ad urbem* при описании созыва сената 1 апреля 49 г. (см. выше), его беспокойство по поводу собственного положения, формально во многом идентичного положению Цезаря (проконсул, избегающий вступления в Рим ради сохранения империи и права на триумф), многочисленные указания на то, что ожидается, обсуждается, планируется или отменяется прибытие Цицерона именно *ad urbem* (*Cic. Att.* 7.17.3; 7.18.3; 9.7.2; 9.18.1; 9.19.4; 10.4.11; *Fam.* 4.1.1; также ср. *Att.* 8.11b.3: *ab urbe*), на мой взгляд, исключают возможность того, что Цицерон

⁶⁸⁶ Ср.: Ferrary J.-L. «A Roman Non-Entity»... P. 288–289, n. 17.

ни разу не обратил бы внимание на нахождение Цезаря *in urbe*, если бы таковое действительно имело место⁶⁸⁷.

На молчание Цицерона и других современников Цезаря по этому поводу обратил внимание Й. Ян, однако его объяснение сводится к тому, что все стороны конфликта нарушали *mos maiorum*, поэтому вступление Цезаря в Рим просто не заметили («wurde ... von niemandem empfunden»⁶⁸⁸. Этот аргумент нельзя принять, поскольку Цицерон, например, все же подробно высказывается по поводу прочих нарушений со стороны Цезаря⁶⁸⁹.

Свидетельства, из которых действительно однозначно следует, что Цезарь оказался *in urbe*, а не *ad urbem*, сводятся к рассказам Лукана и Плутарха о столкновении Цезаря с Метеллом. У Лукана этот инцидент становится выразительным поэтическим средством. Для достижения нужного эффекта писателю важно создать впечатление о том, что Цезарь лично угрожал Метеллу и чуть ли не намеревался убить его собственными руками. Конечно, можно сразу констатировать, что поэту не составило бы труда в своем повествовании «перенести» Цезаря поближе к эрарию и к Метеллу, если это было необходимо для раскрытия художественного замысла, характеров героев и т.д. Но все же одного этого соображения недостаточно, чтобы утверждать, что именно в данном случае Лукан определенно допустил искажение исторической действительности⁶⁹⁰. Однако есть дополнительные основания полагать, что это именно так. Необходимо учитывать явно выраженную тенденцию Лукана при изображении других действий проконсула Цезаря в начале 49 г.

⁶⁸⁷ Примечательно также то, в каких выражениях Цицерону в одной фразе (*Att.* 9.15a) сообщают о вступлении Цезаря в Брундиций (*in oppidum introisse*) и о его намерении прибыть к Риму (*velle ante Kalendas esse ad urbem*).

⁶⁸⁸ Jahn J. *Interregnum und Wahldiktatur*... S. 183.

⁶⁸⁹ Например, о его намерении организовать консульские комиции под председательством претора (*Cic. Att.* 9.9.3; 9.15.2). То, что Цицерон был особенно заинтересован в данном вопросе, поскольку как авгур мог сыграть активную роль в реализации планов Цезаря, для нас ничего не меняет.

⁶⁹⁰ Ср. в целом: Lintott A.W. *Lucan and the History of the Civil War* // *Classical Quarterly*. 1971. Vol. 21. P. 488–505. Конкретно по поводу данного эпизода см.: M. Annaeus Lucanus. *Bellum Civile*, Book III. A Commentary / Ed. V. Hunink.... S. 52, 76.

Как отмечено выше, Дион прямо указывает на то, что в апреле 49 г. Цезарь сам не собирал сенат. Это вполне логично, поскольку, во-первых, созыв сената проконсулом был бы однозначно незаконным актом, каковых Цезарь в этот период подчеркнуто стремился избегать. Во-вторых, все это было не нужно, если имелись плебейские трибуны, готовые собрать сенат в законном порядке. Кроме того, у Диона сенаторы собрались за чертой померия. Лукан же, переместив события из предместий Рима на Капитолий, не только приписал самому Цезарю официальный созыв сената, но даже специально подчеркнул (прибегнув к квазюридической терминологии), что проконсул не имел на это полномочий (*nullo cogendi iure senatus*). Кроме того, поэт и в этом эпизоде (3.108–109), и в ряде других характеризует Цезаря как *privatus*. Этот термин, с одной стороны, точно описывает формально-правовое положение промагистратов, а с другой, может использоваться для критики тех из них, кто вмешивался в сферу *domi*. Таким образом, в данном случае словоупотребление Лукана как раз не является неточностью, а вполне соответствует словоупотреблению современников Цезаря, желавших подчеркнуть немагистратский статус промагистратов и недопустимость их персонального вмешательства в политику в Риме, т.е. в сферу действия исключительно магистратов. Однако поэта Лукана от других авторов здесь отличает то, что он конструирует никогда не происходивший в реальности случай такого поведения промагистрата⁶⁹¹.

Но если Лукан дезинформирует нас в том, что касается участия промагистрата Цезаря в заседании сената, то опрометчиво будет принять на веру его рассказ о личном обращении проконсула к Метеллу (следовательно о том, что Цезарь вошел в Рим), поскольку из этого рассказа с необходимостью следует (хотя Луканом и не обсуждается) явное нарушение еще одного основополагающего принципа функционирования промагистратуры: Цезарь оказался *in urbe*, но посчитал, что империй формально не утратил. Таким

⁶⁹¹ Подробнее см. §5.3 данной главы.

образом, он допустил нарушение, которое по своему масштабу примерно соответствовало бы официальному созыву сената проконсулом.

На это можно возразить, что версия Лукана не может быть легко отброшена, так как она подкрепляется сообщениями Плутарха⁶⁹². Однако показания греческого автора, особенно фрагмент из жизнеописания Цезаря, не вызывают доверия именно потому, что по своему содержанию и пафосу мало отличаются от того, о чем пишет Лукан⁶⁹³. Текст Плутарха не позволяет понять, зачем Цезарю понадобилось совершать приписываемые ему действия: он произносит речь будто бы непосредственно перед самим Метеллом, занимается поисками ключей от эрария, потом приказывает взломать двери казначейства, несмотря на протесты трибуна (Plut. *Caes.* 35.3–4; также ср. *Pomp.* 62.1; *Mor.* 206C). Любые детали в составе этого набора (призванные подчеркнуть, что Цезарь проигнорировал *sacrosanctitas* Метелла, хотя вторжение в Италию обосновывал именно защитой трибунов) должны быть поставлены под сомнение и не могут быть приняты без дополнительного обоснования⁶⁹⁴.

Таким образом, сообщения Плутарха и Лукана вряд ли следует предпочесть свидетельству Диона и указаниям в переписке Цицерона на нахождение Цезаря *ad urbem*. Кроме того, в данном случае, легитимен, на мой взгляд, *argumentum ex silentio*: Цицерон и его корреспонденты много говорят о различных нарушениях со стороны Цезаря и о столкновении Цезаря и Метелла, но ни слова о том, что проконсул оказался *in urbe* ради личной «встречи» с трибуном, а также утратил империй и право на триумф. Следовательно, в данном случае, ничто не препятствует принятию тезиса о технической точности слов самого Цезаря, который по поводу своего отъезда из города писал не *ex urbe proficiscitur* (как сказано в пассаже *BC.* 1.6.7 о выходе

⁶⁹² Ср. комментарий: Plutarch Caesar / Ed. C. Pelling... P. 331–334.

⁶⁹³ Ср.: Woytek B. *Arma et nummi*... S. 48–49.

⁶⁹⁴ У Аппиана, например, тоже говорится об угрозах в адрес Метелла, но его текст допускает, что эти угрозы могли быть переданы и на расстоянии (*BC.* 2.41). Ср.: Carsana C. *Commento Storico*... P. 146.

консулов из Рима), а *ab urbe proficiscitur* (BC. 1.33.4)⁶⁹⁵. Последнее обозначает оставление Цезарем предместий Рима, а не самого города, в который он так и не вошел. Отказ от пересечения городской черты можно даже рассматривать как относительно простой способ для Цезаря продемонстрировать свою приверженность республиканским нормам (по крайней мере, в той мере, в какой он еще мог это сделать). Возникает вопрос о том, как он планировал влиять и в какой степени действительности сумел повлиять на политические процессы в Риме, если по-прежнему считал себя связанным формальными ограничениями, предусмотренными республиканской традицией в отношении промагистратов.

§5.2. *Appellatisque de re publica patribus*: проконсул Цезарь *ad urbem*

Будучи проконсулом, Цезарь, как и было принято, оставался за пределами Рима и не созывал ни сенат, ни *contiones* лично. Тем не менее он (как и Помпей до него) явно стремился контролировать дела города в степени, далеко превосходившей рамки того, что обычно ожидалось от проконсула.

Нападение солдат Цезаря на Метелла представляло собой явное нарушение республиканской законности, даже если сенатское постановление санкционировало доступ проконсула к *aerarium sanctius*. Кроме того, как заседания сената, так и *contiones*, в которых принимал участие Цезарь, были весьма далеки от соответствия традиции, с формальной точки зрения не сильно уступая пересечению им границ своей провинции, вторжением в Италию и началом открытой гражданской войны.

По свидетельству Диона, *contio* по инициативе Цезаря проходила за пределами померия. По своей природе *contio* – относительно слабо зарегулированный институт, поэтому можно ожидать, что проконсул получил возможность максимально гибко использовать данный инструмент. И

⁶⁹⁵ То же самое (*discedens ab urbe*) дважды о проконсуле Помпее, который оставался в окрестностях Рима и в город не вступал (Caes. BC. 1.33.2; 34.3).

действительно, нам становится известна одна важная деталь: на сходке Цезарь не только оправдывал свои действия против врагов в Риме, критиковал их и защищал себя (как и следовало ожидать на любом политическом собрании), но также пообещал согражданам хлеб и деньги (Cass. Dio 41.16.1; во фрагменте Vell. Pat. 2.50.2 отмечается лишь *redditaque ratione consiliorum suorum in senatu et in contione*) – нечто совершенно беспрецедентное для проконсула, насколько можно судить. Наиболее близким аналогом могло бы считаться поведение Помпея в должности *curator annonae*, однако Цезарь не имел никаких официальных полномочий заниматься снабжением города зерном⁶⁹⁶.

Заседание сената можно рассматривать в сходном ключе. Хотя некоторые основные элементы процедуры были соблюдены, серьезное нарушение традиции проявилось еще до официального созыва сенаторов 1 апреля. В письме от 27 марта Цицерон сообщает, что Цезарь «приказал объявить даже в Формиях, что он желает, чтобы в календы сенат собрался в полном составе» (*Att.* 9.17.1: *senatum enim Kalendis velle se frequentem adesse etiam Formiis proscribi iussit*; пер. В.О. Горенштейна). По-видимому, именно это свидетельство побудило Ф. Вервата утверждать, что Цезарь сам созвал сенат⁶⁹⁷. Однако данное предположение опровергается показанием Кассия Диона (Cass. Dio 41.15.2–4). Тем не менее, просьба» проконсула к сенаторам собраться, причем так, чтобы обеспечить *senatus frequens*, является, насколько мне известно, беспрецедентной (если только не предположить, что, например, проконсул Сулла, заняв Рим, действовал аналогичным образом). С другой стороны, Цицерон не выражает удивления этим шагом. Отчасти это можно объяснить контекстом (слишком много еще более вопиющих событий происходило, чтобы уделять особое внимание тому, как Цезарь обращался с сенаторами в данный момент). Но можно предложить и другое объяснение. Поскольку в том же письме Цицерон связывает уведомление Цезаря сенаторам

⁶⁹⁶ Вывод Эд. Мейера о том, что эта *contio* выдумана и Дион ошибается (Meyer Ed. *Caesars Monarchie*... S. 352, Anm. 2), основан только на упоминании о решении Цезаря не выступать перед народом перед отъездом из Рима (*Cic. Att.* 10.4.8).

⁶⁹⁷ Vervaeke F.J. *The Official Position of Cn. Pompeius*... P. 939–940, n. 45.

со своим собственным намерением воздержаться от участия в заседании, публичное обращение проконсула в действительности представляло собой не приказ, а лишь вежливое приглашение (такое толкование получает дополнительное подтверждение, если обратить внимание на пассаж *Cic. Att.* 9.18.1). И все же, как известно, вежливая просьба являлась обычным способом внутривластного общения между представителями элиты даже в тех случаях, когда фактически речь шла о приказе. Так или иначе, уже сам факт того, что проконсул посчитал возможным обратиться ко всему сенатскому сословию и попытаться повлиять на их участие в заседании сената и, что особенно важно, обеспечить определенный уровень посещаемости собрания, весьма показателен.

Точно так же, как проконсулы Сулла и Помпей до него, Цезарь не мог ограничить себя традиционными рамками и в том, что касалось содержания своего обращения к сенаторам: обстоятельства вынуждали его говорить о положении дел в государстве в целом, а не только о собственных действиях в пределах своей провинции⁶⁹⁸. В этом отношении особенно показательна фраза Светония: *appellatisque de re publica patribus* (*Iul.* 34). Консулы, а не проконсулы, имели задачу *de re publica appellare* (или *consulere*, *referre* и т.д.) – обсуждать общее состояние дел в республике, в частности, на первом заседании сената в начале года⁶⁹⁹.

Еще Ю. Липсий, комментируя замечание Сенеки о том, что Цезарь *castra in circo Flaminio posuit*, обратил внимание, что Цирк Фламиния находился рядом с храмом Аполлона за пределами городской черты; по мнению Ю. Липсия, именно там Цезарь и проводил заседание сената. Следовательно, проконсул мог привести с собой солдат – возможно, в гражданской одежде – в

⁶⁹⁸ Р. Морстейн-Маркс рассматривает некоторые из этих прецедентов, но не отмечает сходства между Цезарем, Суллой и Помпеем с точки зрения их официального статуса: все они были проконсулами (*Morstein-Marx R. Julius Caesar... P. 403–404*).

⁶⁹⁹ См., напр.: *Pina Polo F. The Consul at Rome... P. 18*. Удивительным образом это не нашло отражения в специальном исследовании: *Gasco J. Suétone historien... P. 90, 150*.

качестве охраны⁷⁰⁰. Прямых свидетельств этому нет, хотя в данной ситуации Цезарю, вероятно, все же требовалась какая-то охрана. Учитывая обычную практику размещения стражи непосредственно у входа в курию и запрет на присутствие не-сенаторов внутри нее, охрана Цезаря, если она действительно была, вероятнее всего оставалась снаружи.

Действия Цезаря вполне сопоставимы с недавними действиями Помпея еще и с точки зрения применения военной силы для контроля политического процесса в Риме. Во время обсуждения ультиматума Цезарю солдаты Помпея не находились в сенате, но, если верить Аппиану, были расположены достаточно близко для того, чтобы повлиять на трибунов М. Антония и К. Кассия, когда те собирались покинуть курию и отправиться в лагерь мятежного проконсула (App. BC. 33). Использование самим Цезарем солдат 1 апреля и в последующие дни прямо не упоминается как фактор, определявший ход сенатских обсуждений. Из того что плебейский трибун Метелл все еще был в состоянии воспользоваться правом интерцессии, и Цезарь даже решил принять это его право во внимание, проконсул, по-видимому, следует, что он не стал применять вооруженные силы как средство давления непосредственно на сенат, даже если держал легионеров поблизости из соображений безопасности (как предполагал Ю. Липсий). Но и без прямого применения вооруженной силы на заседаниях сената ситуация в целом по-прежнему определялась самим фактом присутствия вооруженных сил Цезаря у города.

Итак, проконсул, по-видимому, проявил уважение к трибунскому вето во время заседания сената. Он, несомненно, должен был на это пойти хотя бы для того, чтобы его притязания на моральное превосходство выглядело хотя бы отчасти правдоподобным (Cic. *Fam.* 8.16.1: *iratus senatui exiit his intercessionibus plane incitatus est*; нарушение трибунской *sacrosanctitas* у входа в *aerarium*, то есть вне заседания сената и с его санкции, – другое дело). Однако

⁷⁰⁰ L. Annaei Senecae Philosophi Opera Quae Exstant Omnia / Ed. I. Lipsius. Antwerp: Officina Plantiniana, 1652. P. 338; Griffin M.T. *Seneca on Society: A Guide to De Beneficiis*. Oxford: Oxford University Press, 2013. P. 278.

можно усомниться в том, что подобная «учтивость» действительно представляла для Цезаря серьезное затруднение. Во-первых, несмотря на сопротивление трибунов, он все же взял под свой контроль казну. Во-вторых, назначение Г. Куриона в качестве носителя империя на Сицилии может свидетельствовать, с одной стороны, о том, что проконсул имел возможность действовать без санкции сената, а с другой стороны, до определенного момента вовлекать его в орбиту своих решений.

Курион писал Цицерону, что хотел добиться подтверждения своего назначения на Сицилию «вырванным» постановлением сената, поскольку «иначе это было невозможно» (*Att.* 10.4.9: *cupivi inquit ex senatus consulto surrupto; nam aliter <non> poterat*; «невозможно иначе», по-видимому, из-за интерцессии Метелла). В результате оказалось, что Курион пользовался шестью ликторами – как если бы он был назначен сенатом пропретором, а не меньшим числом (вероятно, пятью), что соответствовало бы положению *legatus pro praetore*, если бы Цезарь сам делегировал ему империй. С другой стороны, Курион украсил ликторские фаски лавровыми ветвями, как если бы был назначен непосредственно самим Цезарем⁷⁰¹.

Было ли принято сенатское постановление по поводу Куриона⁷⁰²? Следующий комментарий его самого состоит в том, что Цезарь теперь ненавидит сенат гораздо сильнее, чем прежде. Это может указывать на его решение все-таки не преодолевать интерцессию (по крайней мере если она заявлялась в курии), включая и ту, что касалась назначения Куриона. Какое-то «вырванное голосование» вполне могло состояться, но, в конце концов Цезарь

⁷⁰¹ Shackleton Bailey D.R. *Cicero's Letters to Atticus*. Vol. 4... P. 404.

⁷⁰² Р. Уэстолл считает поиски ответа на этот вопрос бессмысленными, полагая, что «все было запутано» (Westall R. *Caesar's Civil War*... P. 176) и что точный статус Куриона не был ясен даже современникам (Westall R. *Caesar's Civil War*... P. 175–177, здесь – P. 175). Т.Р.С. Броутон пишет о решении сената, но не предоставляет никаких пояснений (Broughton T.R.S. *The Magistrates of the Roman Republic*. Vol. 2... P. 263–264). Эд. Мейер справедливо, на мой взгляд, полагает, что Цезарь отказался действовать «mit gefälschten Senatsbeschlüssen» и сам принимал все необходимые решения, но исследователь не останавливается на этом подробнее (Meyer Ed. *Caesars Monarchie*... S. 350, включая Anm. 4).

оказался готов действовать вовсе без всяких постановлений. Во фрагменте App. BC. 1.40 Азиний Поллион – офицер под началом Куриона⁷⁰³ – назван прибывшим на Сицилию по приказу Цезаря, а не сената⁷⁰⁴. В пассаже App. BC. 1.41 сам Курион представлен как назначенный Цезарем. Наконец, Светоний упоминает его среди legati (Iul. 36). Сходным образом описывается ситуация и в Периохах (110: C. Curio, legatus Caesaris in Africa).

Собственное замечание Цезаря в Bellum Civile (1.30.2: mittit in Sardiniam cum legione una Valerium legatum, in Siciliam Curionem pro praetore cum legionibus tribus), хотя и не вполне однозначно, скорее указывает на то, что Курион был legatus pro praetore. Цезарь пишет, что он сам «отправляет» (mittit) Куриона. Противопоставление Valerium legatum – Curionem pro praetore само по себе не доказывает, что «Цезарь ясно дает понять, что он [Курион, – P.Ф.] получил свой ранг от сената»⁷⁰⁵. Маловероятно, чтобы Цезарь ограничился употреблением глагола mittit, если бы ему удалось добиться для Куриона сенатского утверждения. Если же, с другой стороны, допустить здесь нетехническое употребление, отражающее суть событий, а не детали процедуры (то есть показывающее тот факт, что именно Цезарь, а не сенат, в действительности решал, кого и куда направить, даже если сенатское постановление формально легализовывало его решение), то в таком случае аккламацию Куриона в качестве императора (Caes. BC. 2.26.1; 32.14) не следует рассматривать как свидетельство того, что он был независимым носителем империя, полученного от сената⁷⁰⁶.

⁷⁰³ Broughton T.R.S. The Magistrates of the Roman Republic. Vol. 2... P. 266.

⁷⁰⁴ Аппиан также сообщает, что когда Цезарь стал диктатором, он назначал заместителей по собственному решению (App. BC. 2.48). Впрочем, слова Аппиана могут быть интерпретированы по-разному.

⁷⁰⁵ Ср.: Badian E. Two More Roman Non-Entities // Phoenix. 1971. Vol. 25. P. 134–144, включая п. 35. Э. Бэдиан также добавляет: «Известно, что Цезарь самовольно и незаконно распределял воинские звания и командования по своему усмотрению». Ср. Caes. BC. 2.42.4: exercitu, quem a Caesare fidei commissum acceperit; Luc. 3.59: Curio Sicaniis transcendere iussus in urbes.

⁷⁰⁶ Ср.: Westall R. Caesar's Civil War... P. 175.

Фрагмент *Cic. Att. 10.4.9*, в котором приводится замечание Куриона о том, что он мог бы иметь и двенадцать ликторов, если бы пожелал (*quia xii nolui; nam licebat*), показывает следующее. Применение им шести ликторов вовсе не обязательно объясняется предоставлением ему полномочий решением сената. Вполне возможно, что Курион сам решил обзавестись именно таким числом *apparitores*. Поскольку сенат ни при каких условиях не мог предоставить ему двенадцать ликторов⁷⁰⁷, дерзкое замечание Куриона исключает возможность того, что «вырванное голосование» действительно состоялось и санкционировало использование им шести ликторов, как это подобало независимому носителю империя.

Кроме того, слова самого Цезаря, которые передает Курион, создают впечатление, что проконсул не добился утверждения своего назначенца сенатом: «он сказал, что все будет исходить от него» (*Att. 10.4.9: a me inquit omnia proficiscentur*). Следующий вопрос Цицерона («а почему шесть?») представляет собой прямую реакцию на это замечание Куриона и демонстрирует его удивление тем обстоятельством, что Курион пользовался шестью ликторами, особенно учитывая, что все решения исходили от самого Цезаря без участия сената. Э. Бауман пишет по этому поводу, что «сенат, вероятно, с готовностью даровал бы консульский империй, как ранее даровал преторский», однако независимых подтверждений тому, что сенат действительно сам предоставил Куриону преторский империй⁷⁰⁸, в источниках нет.

Следовательно, можно утверждать, что Курион использовал фаски, увитые лавром, поскольку получил делегированный империй от императора Цезаря, но применение шести ликторов вместо пяти или меньшего числа имело место уже по личной инициативе Куриона, т.е. по его инициативе как промагистрата. Этот вывод подтверждается замечанием Цезаря в *Bellum Civile* о том, что в Риме он не осуществил всего, что планировал сделать (1.33.4). Но

⁷⁰⁷ Shackleton Bailey D.R. *Cicero's Letters to Atticus*. Vol. 4... P. 404.

⁷⁰⁸ Badian E. *Two More Roman Non-Entities*... P. 141.

особенно показательна уже упомянутая фраза *a me ... omnia proficiscentur*, которая выражает общую стратегию проконсула по отношению к сенату в этот период: он стремился придерживаться установленных правил настолько, насколько это было возможно (например, не составляло труда добиться созыва сената *ad urbem*), но не настаивал на сенатском утверждении конкретных решений, если это вызывало серьезные проблемы на практическом уровне⁷⁰⁹.

С одной стороны, такую стратегию можно рассматривать как проявление уважения Цезаря к сенату. С другой стороны, проконсул был готов отложить в сторону все принятые процедуры, если они не приносили нужного ему результата. Как отмечает Дион, Цезарь устроил все дела и в Городе, и в Италии наилучшим образом для себя, насколько позволяли обстоятельства (41.18.2), и действовал «под именем демократии», проводя большую часть своих мер через плебейского трибуна Антония (41.17.3; 18.2–3). Действительно, на практике Цезарь мог поступать так, поскольку на тот момент почти все зависело от исхода военных операций. Однако позднее Цезарю предстояло вновь вернуться к вопросу о том, как строить отношения с сенатом и организовывать управление в сфере *domi* на длительную перспективу.

Периоды отсутствия Цезаря в Риме вынуждали его к применению нововведений. Одно из них заключалось в учреждении (по-видимому, на основании диктаторских полномочий) должностей, которые формально можно было бы рассматривать как промагистратские: *praefecti pro praetoribus* 46–45 гг. В. Кункель считал этих функционеров редким исключением из общего правила, согласно которому империй промагистратов не мог применяться в

⁷⁰⁹ Также см. *Cic. Att.* 9.18.3 (*si sibi consiliis nostris uti non liceret, usurum quorum posset ad omniaque esse descensurum*) и *Caes. BC.* 32.7 (*pro quibus rebus hortatur ac postulat ut rem publicam suscipiant atque una secum administrent; sin timore defugiant illis se oneri non futurum et per se rem publicam administraturum*). Ср.: Morstein-Marx R. *Julius Caesar...* P. 406–407 («то есть, по-видимому, сенату ... не было оставлено никакой значимой роли в принятии решений»). Вновь Р. Морстейн-Маркс не акцентирует внимание на том, что формально Цезарь оставался проконсулом. Однако исследователь справедливо подчеркивает, что результатом происходивших событий стала утрата сенатом самостоятельной инициативы: «сенат больше не проявлял независимой активности, за исключением, возможно, реакции на отдельные экстренные ситуации, возникавшие в Риме и Италии, когда Цезарь находился далеко на Востоке».

сфере *domi*⁷¹⁰. Если с этим согласиться, то указанных префектов и их деятельность в Риме необходимо было бы рассматривать в контексте данного исследования.

Praefecti pro praetoribus Цезаря являлись носителями империя и представляли диктатора в его отсутствие в Риме, действуя совместно с начальником конницы и выполняя такие функции, как управление государственной казной и организация общественных игр⁷¹¹. Но действительно ли эти лица относились к числу промагистратов и не являлись магистратами – подобно начальнику конницы?

Формулировка Светония (*praefectos pro praetoribus constituit, qui apse se res urbanas administrarent*) позволяет предположить, что о них можно было сказать *pro praetoribus* в том же смысле, в каком о военных трибунах с консульской властью можно было сказать, употребив выражение *pro consule*, то есть префекты имели ранг, сопоставимый с преторским, но технически не являлись действовавшими *pro praetore*⁷¹². С другой стороны, эти *praefecti* все же на практике заменяли конкретных магистратов (преторов и квесторов) и даже подвергались критике за использование магистратских инсигний: ликторов, *toga praetexta* и *sella curulis*. Однако упреки, по-видимому, были направлены не против самого факта применения ими ликторов и фасок именно в городе (в отличие от ситуации, рассмотренной в §4 данной главы), а против того, что они вообще ими пользовались. Так как *praefecti* не обладали никакими функциями за пределами сферы *domi*, их трудно представить как

⁷¹⁰ Kunkel W., Wittmann R. *Staatsordnung und Staatspraxis...* S. 16, Anm. 39 (аналогично Mommsen Th. *Römisches Staatsrecht*. Bd. I. S. 14, Anm. 2). Другим таким исключением были проконсулы, избранные народом в 43 г., чтобы провести избрание Октавиана и Кв. Педия консулами без интеррегнума (Cass. Dio 46.45.3: *δύο τινοῦν ἀντὶ ὑπάτων*).

⁷¹¹ Cass. Dio 43.48; Suet. *Iul.* 76.2; Vrind G. *De Cassii Dionis vocabulis quae ad ius publicum pertinent*. Hagae Comitum: Apud Bernard Mensing, 1923. P. 103–104; Vogel K.-H. *Imperium und fasces* // *Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte: Romanistische Abteilung*. 1950. Bd. 67. S. 106–107; Alföldi A. *Les praefecti urbi de César* // *Mélanges d'histoire ancienne offerts à William Seston*. Paris: E. De Boccard, 1974. P. 1–14; Ruciński S. *Praefectus urbi*. Le Gardien de l'ordre public à Rome sous le Haut-Empire Romain. Poznań: Wydawnictwo Naukowe CONTACT, 2009. P. 30–43.

⁷¹² См.: Mommsen Th. *Römisches Staatsrecht*. Bd. I. S. 14, Anm. 2.

промагистратов, изначально имевших компетенцию *militiae*, но затем уполномоченных Цезарем управлять «городскими делами». Защищая свое право на применение ликторов, сами *praefecti pro praetoribus* ссылались на то, что все назначенцы диктатора имели право на подобные инсигнии, а не на то, что они могли применять эти знаки власти именно в городе. Но почему же тогда их критиковали?

Существующие объяснения неудовлетворительны. Р. Фрай-Штольба связывала критику в адрес *praefecti pro praetoribus* с попыткой Цезаря избежать излишнего применения права рекомендации при выборах обычных магистратов⁷¹³. Попытка оказалась неудачной. Дж. Витуччи предположил, что *praefecti* подвергались нападкам потому, что не обладали империем; если бы они его имели, никто бы не осудил их за использование инсигний высших магистратов⁷¹⁴. Возражая против идеи об отсутствии у данных префектов империя, Т. Каду, напротив, отмечал, что эти функционеры «настолько мало походили на традиционных *praefecti urbi*, что их критики не считали их подлинными *praefecti urbi* и потому отрицали их право на фаски». Однако исследователь сам ослабляет свою гипотезу, отмечая, что *praefecti*, защищаясь от обвинений, не стали ограничиваться простым утверждением о том, что они – «настоящие *praefecti urbi*» (что было бы достаточным оправданием, если бы в этом состояла суть проблемы), но вместо этого говорили, что были законно назначены самим диктатором⁷¹⁵. Если бы им было достаточно просто заявить о себе как о «законных *praefecti urbi*» (это они тоже делали, как свидетельствуют чеканенные ими монеты⁷¹⁶), то возникает вопрос о том, зачем они приводили дополнительное объяснение, подчеркивая, что власть была законно делегирована им диктатором.

⁷¹³ Frei-Stolba R. Untersuchungen zu den Wahlen... S. 51–53.

⁷¹⁴ Vitucci G. Ricerche sulla *praefectura urbi* in età imperiale (sec. I–III). Roma: «L’Erma» di Bretschneider, 1956. P. 17.

⁷¹⁵ Cadoux T.J. Ricerche sulla *praefectura urbi* in età imperiale (sec. I–III) by G. Vitucci // Journal of Roman Studies. 1959. Vol. 49. P. 154.

⁷¹⁶ См., напр.: Ruciński S. *Praefectus urbi*... P. 33–42; Alföldi A. *Les praefecti urbi*...

Замечание Диона о том, что *praefecti* подвергались осуждению за использование инсигний подобно начальнику конницы (ὄψλερ καὶ ὁ ἵπταρχος), может указывать на то, что их вовсе не признавали *magistratus*, в отличие от *magister equitum*, чья должность, хотя и производная от диктаторской, имела магистратский характер. Если это так, то причиной критики было само учреждение таких *praefecti*, усугубленное тем, что, в отличие от магистратов, которых они заменяли, эти лица назначались непосредственно Цезарем⁷¹⁷. Их вмешательство именно в «городские дела» отдельно не критиковалось по той простой причине, что они действовали исключительно в сфере *domi*. Однако иных свидетельств, подтверждающих эту линию рассуждения, у нас нет.

Так или иначе, хотя этих должностных лиц можно рассматривать как занимающих промежуточное положение между *privati* и *magistratus*, их трудно анализировать в рамках того подхода, который я применяю к другим промагистратам. Промежуточное политическое положение промагистратов возникало тогда, когда они вмешивались в сферу деятельности, где им действовать было не положено, тогда как в сфере *militiae* их статус не отличался от статуса магистратов. Это не применимо к *praefecti*, назначенным Цезарем в 46–45 гг.

§5.3. Лукан и республиканские проконсулы: историческая память о промагистратах в период гражданской войны

Анализ политической деятельности Помпея и Цезаря в начале 49 г. побуждает к пересмотру интерпретации гражданской войны в изображении Лукана, что, в свою очередь, позволяет сформулировать некоторые заключительные выводы для всей данной главы.

⁷¹⁷ Cp.: Frei-Stolba R. Untersuchungen zu den Wahlen... S. 52–53; Jehne M. Der Staat... S. 70, 417; Welch K.E. T. Pomponius Atticus... P. 59–60 (P. 60: «Caesar undermined ... the functions of the praetors and quaestors who were consuls and oligarchs in training»).

Современные исследователи по-разному объясняли употребление Луканом термина *privatus* для характеристики Цезаря и Помпея, однако большинство из них не приняло во внимание возможность того, что поэт мог подразумевать промагистратский статус этих акторов и вытекавшие из него противоречия между их формальным положением и характером их действий по отношению к республиканским институтам. На мой взгляд, необходимо проверить гипотезу о том, что Лукан последовательно использует республиканское понимание промагистратов как *privati* в сопоставлении *magistratus*. Если принять эту точку зрения, она позволяет предложить общее объяснение для всех случаев употребления Луканом термина *privatus* по отношению к проконсулам – вместо (или в дополнение к) *ad hoc* объяснениям, которые были предложены исследователями до сих пор. Такая интерпретация также требует различать употребление Луканом термина *privatus* применительно к Цезарю (на Помпея этот момент не распространяется) в зависимости от того, действует ли он в том или ином месте поэмы как проконсул или в рамках логики повествования уже является консулом/диктатором, т.е. магистратом. Данный аспект часто упускается из виду современными исследователями, поскольку они сконцентрированы на рассмотрении иных мотивов употребления *privatus* у Лукана⁷¹⁸.

⁷¹⁸ Так, например, когда В. Хунигк приводит примеры употребления прилагательного *privatus* «в отношении лиц, не занимавших никаких государственных должностей», он ссылается как на фрагмент *Luc.* 3.108 (где Цезарь еще выступает как проконсул; см. ниже), так и, среди прочего, на текст 5.540 (*indocilis privata loqui*), в котором Цезарь уже является магистратом (также ср.: Tracy J. *Lucan's Egyptian Civil War*. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 2014. P. 225, включая п. 3). Можно было бы ожидать, что Лукан противопоставит проконсула Цезаря частным лицам (*privati*), не обладавшим военным командованием. Однако на деле, когда Лукан играет на различии между носителями публичной власти (включая обладателей промагистратского империя) и частными гражданами, он делает это в 5 книге, в которой описываются события уже после того, как Цезарь становится диктатором (*Luc.* 5.538–539: *sic fatur, quamquam plebeio tectus amictu, indocilis privata loqui*; Barratt P. M. *Annaei Lucani Belli Civilis Liber V. A Commentary*. Amsterdam: Adolf M. Hakkert, 1979. P. 176–177; Matthews M. *Caesar and the Storm: A Commentary on Lucan, De Bello Civili, Book 5, lines 476–721*. Oxford; New York: Oxford University Press, 2008. P. 113; ср. *App. BC.* 2.57: ἐπιθέμενος δ' ἐσθῆτα ιδιώτου). Значение термина *privatus* в пассаже 3.108 и других фрагментах, в которых Цезарь все еще выступает в качестве проконсула, я рассматриваю ниже. Но в этом месте важно подчеркнуть, что на более позднем этапе повествования, когда Цезарь действует уже как консул и диктатор,

Как отмечалось выше, в стихах 3.103–109 (также см. 3.97–98) Лукан, противореча другим источникам, описывает заседание сената, якобы состоявшееся на Капитолии и созванное самим проконсулом Цезарем без участия консула или претора⁷¹⁹. Кроме того, Лукан специально подчеркивает (пойдя даже на применение квазюридической терминологии), что проконсул не имел права созывать сенат (*nullo cogendi iure senatus*). То, что поэт ошибочно приписывает Цезарю созыв заседания, давно подмечено в историографии⁷²⁰.

перспектива возвращения к статусу *privatus* означает для него утрату магистратуры. Ср. 7.266–267: *ipse ego privatae cupidus me reddere vitae / plebeiaque toga modicum conponere civem* (также ср. 1.324, *ne lassum teneat privata senectus*, где подразумеваются магистратуры Помпея, а не только его особые полномочия). М. Маттьюз комментирует пассаж так: «Цезарь заявляет своим войнам, с очевидной иронией, что не стремится быть царем, а предпочел бы вернуться к частной жизни и “надеть одежды как у народа”» (Matthews M. *Caesar and the Storm*... P. 112–113). Однако указание на возвращение к частной жизни уже оправдывается перспективой утраты магистратской власти. Аналогично во фрагменте 5.665–668: *quamvis plenus honorum et dictator eam Stygias et consul ad umbras, / privatum, Fortuna, mori*. Современные исследователи предложили множество интерпретаций этих строк. Наиболее распространен тезис о том, что Цезарь выражает сожаление о невозможности достичь царской власти при жизни (см.: Matthews M. *Caesar and the Storm*... P. 241–244; Barratt P. M. *Annaei Lucani Belli Civilis Liber V*... P. 222–223; Chen H. *Breakthrough and Concealment: The Formulaic Dynamics of Character Behavior in Lucan*. PhD. Diss. New York: Columbia University, 2012. P. 203–204; также ср.: Helzle M. *Der Stil ist der Mensch: Redner und Reden im römischen Epos*. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 1996. S. 103: весьма произвольное объяснение М. Хельцле основано на предположении, будто Цезарь «по-прежнему остается *imperio privatus*»; но где М. Хельцле усмотрел эту мысль у Лукана, остается неясным). Каково бы ни было более глубокое значение этих строк, несомненно одно: текст противопоставляет статус *privatus* положению диктатора и консула, то есть *magistratus*.

⁷¹⁹ В числе других художественных условностей – репрезентация Луканом сената как полностью лишенного политической воли (другие источники сообщают о противодействии и интерцессии, с которыми Цезарю приходилось иметь дело). Также следует отметить, что в заседаниях сената принимали участие не менее двух консуляров. См.: M. Annaeus Lucanus. *Bellum Civile*, Book III. A Commentary / Ed. V. Hunink.... S. 78–80; M. Annaei Lucani *Pharsalia*. Vol. I / Ed. C.M. Francken... P. 91; Brisset J. *Les Idées politiques de Lucain*... P. 93–94; Bachofen A. *Cäsars und Lucans Bellum Civile*... S. 98–99; Menz W. *Caesar und Pompeius im Epos Lucans*. Diss. Berlin: Humboldt-Universität, 1952. S. 93; Lebek W.D. *Lucans Pharsalia. Dichtungsstruktur und Zeitbezug*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1976. S. 201–202, Anm. 52; Fantham E. *Religio ... dira loci*: Two Passages in Lucan *de Bello Civili* 3 and Their Relation to Virgil's Rome and Latium // *Materiali e discussioni per l'analisi dei testi classici*. 1996. No. 37. P. 140; Fantham E. *Lucan and Republican Senate* // *Interpretare Lucano: Miscellanea di Studi* / Eds. P. Esposito, L. Nicastri. Napoli: Università degli studi di Salerno, 1999. P. 116–117.

⁷²⁰ Lounsbury R.C. *History and Motive in Book Seven of Lucan's Pharsalia* // *Hermes*. 1976. Bd. 104. P. 211, n. 7; Fantham E. *Lucan and Republican Senate*... P. 116–117; Fantham E. *Religio ... dira loci*... P. 140; M. Annaeus Lucanus. *Bellum Civile*, Book III. A Commentary / Ed. V. Hunink.... S. 76, включая n. 3, 79; Lebek W.D. *Lucans Pharsalia*... S. 201–202, Anm. 52;

Однако значение этой манипуляции становится очевидным лишь тогда, когда мы принимаем во внимание, что, несмотря на значительный объем власти – в иных отношениях сопоставимой с консульской – проконсул, согласно республиканской традиции, не обладал правом созыва сената.

Более того, другая допущенная Луканом существенная неточность приобретает какой-либо смысл только в том случае, если предположить, что поэт осознанно имел в виду принципиальное различие между консулами и проконсулами и стремился представить проконсула Цезаря в еще более неблагоприятном свете. Для этого Лукан переносит события из предместий в сам город, допустив при этом очевидный анахронизм. Как уже отмечалось выше, поэт указывает на то, что заседание происходило в храме Аполлона на Палатине (3.103–104: *Phoebea Palatia conplet / turba patrum*). Однако в эпоху Республики существовал лишь храм Аполлона, расположенный на Марсовом поле, т.е. за пределами городской черты. Сенат по инициативе Цезаря действительно мог собраться в 49 г. в храме Аполлона, но только в республиканском храме, находившемся вне границ города.

Этот факт, конечно, не остался незамеченным современными исследователями. Некоторые лишь констатируют наличие проблемы⁷²¹. Другие предлагают объяснения, но парадоксально, что никто из комментаторов, по-видимому, не учитывает, что в этот момент Цезарь формально был именно проконсулом. Так, В. Хуник предположил, что *Phoebea Palatia* может быть «политической аллюзией ... на раболепный сенат императорского времени»⁷²². По мнению Д. Фини и С. Никс, Лукан таким образом связывает Цезаря с Августом (предвосхищая заседания сената в храме

Ducos M. Le Sénat dans l'épopée de Lucain // Lucain en débat: Rhétorique, poétique et histoire / Eds. O. Devillers, S. Franchet d'Espèrey. Pessac: Ausonius Éditions, 2010. P. 137–148.

⁷²¹ Woytek B. *Arma et nummi...* S. 53, Anm. 181; M. Annaeus Lucanus. *Bellum Civile*, Book III. A Commentary / Ed. V. Hunink.... S. 78–79; Radicke 2004: 240.

⁷²² M. Annaeus Lucanus. *Bellum Civile*, Book III. A Commentary / Ed. V. Hunink.... S. 79. Также см.: Häußler R. Das historische Epos von Lucan bis Silius und seine Theorie. Studien zum historischen Epos der Antike. II. Teil: Geschichtliche Epik nach Vergil. Heidelberg: Carl Winter Universitätsverlag, 1978. S. 92–93, Anm. 81.

Аполлона на Палатине при первом императоре), а также с Юпитером⁷²³. Дж. Уайнер утверждает, что, «переноса дату строительства на время Цезаря, Лукан лишает Августа заслуги в основании храма, а также права определять его значение и контролировать его символику. По сути, перед нами – санкция памяти, литературная *damnatio memoriae*»⁷²⁴. Одновременно анахронизм становится частью более широкой программы по подрыву современных Лукану «аполлонийских притязаний» Нерона⁷²⁵.

Как и многие исследователи, я вполне допускаю, что Лукан «путает» два храма Аполлона намеренно⁷²⁶. Но, как представляется, этому можно предложить более прямолинейное объяснение. По замечанию Дж. Уайнера, «упоминание о памятнике у Лукана настолько кратко, что его легко пропустить»; «Лукан больше ничего не говорит о самом здании» (в то время как «в других местах поэт обычно подробно размышляет о своих памятниках и руинах»). Наконец, «удивительно, что храм на Палатине вообще появляется у Лукана»⁷²⁷. Но так ли это удивительно? Возможно, если рассматривать этот образ с точки зрения критики Принципата, он выглядит парадоксальным. Однако он уже не кажется таковым с точки зрения критики Цезаря как проконсула. Республиканский храм Аполлона находился за пределами города (и, следовательно, был технически доступен для законного присутствия проконсула), тогда как храм эпохи Августа – внутри городской черты. Полагаю, что перемещение места действия имеет большее значение, чем все прочие возможные коннотации (связанные с Августом, Нероном, Юпитером

⁷²³ Feeney D.C. *The Gods in Epic. Poets and Critics of the Classical Tradition*. Oxford: Clarendon Press, 1991. P. 295; Nix S.A. Caesar as Jupiter in Lucan's *Bellum Civile* // *Classical Journal*. 2008. Vol. 103. P. 291–292.

⁷²⁴ Weiner J. Re-Membering the Palatine in Lucan's *Bellum Civile* // *Lucan's Imperial World: The Bellum Civile in its Contemporary Contexts* / Eds. L. Zientek, M. Thorne. London: Bloomsbury Academic, 2020. P. 197–198.

⁷²⁵ Weiner J. Re-Membering the Palatine... P. 202.

⁷²⁶ Radicke J. *Lucans poetische Technik: Studien zum historischen Epos*. Leiden; Boston: Brill, 2004. S. 240, Anm. 24.

⁷²⁷ Weiner J. Re-Membering the Palatine... P. 196.

или императорским сенатом), особенно если учитывать отсутствие какого-либо описания конкретных характеристик *Phoebea Palatia*.

Рассматриваемое художественное искажение исторической реальности полностью выдает осведомленность Лукана по вопросу технических особенностей статуса промагистрата⁷²⁸. Объяснение, исходящее из этого факта, представляется предпочтительным по той причине, что оно применимо не только к данному эпизоду. Еще один пример обнаруживается буквально несколькими строками выше (3.112–154). В знаменитой сцене (также упомянутой выше) Цезарь сталкивается с трибуном Л. Цецилием Метеллом. В этом случае другие источники ясно показывают, что Цезарь не пересекал городскую черту только ради того, чтобы лично напасть на Метелла перед *aerarium sanctius*, расположенным на форуме, то есть внутри городской черты. Но Лукан вновь меняет место действия⁷²⁹. Предложенное мной объяснение остается неизменным: поэт показывает выход Цезаря за рамки того, что позволял проконсулат. Не исключая того, что на этот эпизод повлияли и другие, более специфические мотивы, однако характерное для эпохи Республики понимание того, что промагистраты могли или не могли делать, остается для Лукана главной отправной точкой и в сцене с Метеллом, и в эпизоде с созывом сената.

⁷²⁸ М. Гельцер упоминает о фундаментальных ограничениях проконсульской власти в связи с этим эпизодом, но без ссылки на Лукана (Gelzer M. *Caesar: Politician and Statesman...* P. 208).

⁷²⁹ Следует добавить, что рассказ Плутарха о нападении Цезаря на Метелла (Plut. *Caes.* 35.3–4; *Pomp.* 62.1; *Mor.* 206C) на первый взгляд может показаться подтверждением версии Лукана. Однако его необходимо сопоставить с пассажем *Cic. Att.* 10.8.6: «...так как он так быстро отбросил притворство в двух делах: в мягкости в случае с Метеллом и в богатстве в случае с казначейством» (*qui duarum rerum simulationem tam cito amiserit, mansuetudinis in Metello, divitiarum in aerario*; пер. В.О. Горенштейна). Упоминание у Цицерона *duarum rerum simulationem* указывает на то, что нападение на Метелла и захват казны были двумя разными актами. Иными словами, нападение на казну не обязано было быть тем событием, в ходе которого он якобы говорил с Метеллом. Например, плебейский трибун мог присутствовать на заседании сената вне города, в котором участвовал и Цезарь. Именно на этом заседании Цезарь мог угрожать Метеллу непосредственно, лицом к лицу. Если это верно, то сомнение вызывает лишь фрагмент Plut. *Caes.* 35.3–4 (где отмечается, что сам Цезарь явился к казне). Но другие сообщения Плутарха (*Pomp.* 62.1; *Mor.* 206C) полностью согласуются с версией, предлагаемой Кассием Дионом (41.17.2), согласно которой Цезарь послал солдат к казне, а не отправился туда сам.

Именно при описании этого заседания сената Лукан употребляет термин *privatus*: «Цезарь был всем; собравшийся сенат – свидетель голоса *privatus*» (3.108–109: *omnia Caesar erat; privatae curia vocis / testis adest*). Э. Фэнтам рассматривала этот эпизод как пример «идеологической эксплуатации *privatus*» у Лукана. Как отмечает исследовательница, поэт «справедливо упрекает Цезаря в том, что он обращается к сенату как частное лицо», поскольку «его проконсульское командование в Галлии было формально прекращено с момента назначения преемника или вступления самого Цезаря в Италию, а консулом он еще не был избран»⁷³⁰. В отличие от интерпретаций, предлагаемых в историографии по поводу фразы *Phoebea Palatia*, это толкование мне представляется убедительным. В нем справедливо учитывается отсутствие у реального исторического Цезаря магистратского статуса. Однако Э. Фэнтам не учитывает тот факт, что Цезарь все же оставался носителем империя, независимо от того, сохранял он провинцию или нет. Более того, Лукан вовсе не упрекает Цезаря в том, что он «обращается к сенату как частное лицо» (само по себе это вполне соответствовало бы традиции⁷³¹). Проблема, как ее видит Лукан (пусть и в рамках художественно переосмысленной ситуации), заключается в том, что Цезарь сам созывает сенат, не обладая для этого никакими законными полномочиями.

Следует ли понимать, что Цезарь назван *privatus* просто потому, что, по версии Лукана, он пересек городскую черту и, соответственно, утратил положение носителя империя? Полагаю, что ответ на этот вопрос должен быть отрицательным. Лукан нигде не подчеркивает факт изменения статуса Цезаря. Последний остается *privatus* в течение всей этой части повествования. С одной стороны, «перенос» Цезаря в пределы городской черты, Лукан лишает легальности даже его проконсульский империй: теперь Цезарь *privatus* во всех смыслах, так как не обладает даже промагистратской властью. Но, с другой стороны, только в той ситуации, когда он (в фиктивной картине, нарисованной

⁷³⁰ Lucan, *De bello civili*. Book II / Ed. E. Fantham... P. 131.

⁷³¹ Данный момент не учтен в работе: Helzle M. *Der Stil ist der Mensch...* S. 86.

Луканом) подменяет собой магистратов (например, созывая сенат), утрата всякой законной власти начинает реально влиять на то, как он взаимодействует с городскими институтами.

С выводами Э. Фэнтам согласиться трудно, хотя она и принимает во внимание наличие у Цезаря проконсульского статуса. В то же время, промагистратское положение Цезаря остается совершенно вне поля зрения других современных исследователей. Так, комментируя фрагмент Лус. 3.108, Я. Радике отмечает, что Цезарь назван *privatus*, поскольку на момент возвращения в Рим он больше не обладал магистратской властью⁷³². Это замечание не имеет смысла с формально-правовой точки зрения, так как суть вопроса состояла не в том, был Цезарь магистратом или нет (конечно, он им не был), а сохранял ли он по-прежнему промагистратское положение. Как раз в связи с этим эпизодом В. Хуник писал, что прилагательное *privatus* «употребляется для указания на тех, кто не замещал никакой публичной должности»⁷³³. Но как я попытался аргументировать в начале данной главы, промагистраты вполне могли называться *privati*. Наконец, В. Хуник ссылается на замечание К. Франкена о том, что у Цезаря «по крайней мере, оставалось право обращаться к сенату», однако ни К. Франкен, ни сам В. Хуник не поясняют, каким образом это соотносится с позицией Лукана, а какое-либо упоминание проконсулата Цезаря у них отсутствует (К. Франкен лишь отмечает, что Цезарь был сенатором)⁷³⁴.

По мнению В. Хуника, «Лукан постоянно использует эту идею [о том, что *privatus* – лицо, лишенное политической власти, – *Р.Ф.*] для создания патетического эффекта, особенно в отношении Цезаря»⁷³⁵. М. Мэттьюз придерживается такой же позиции: *privatus* – «слово, которое постоянно применяется по отношению к Цезарю ввиду иронического или патетического

⁷³² Radicke J. Lucans poetische Technik... S. 240: «zum Zeitpunkt seines Einmarsches in Rom keine magistratische Gewalt *mehr* besaß».

⁷³³ M. Annaeus Lucanus. Bellum Civile, Book III. A Commentary / Ed. V. Hunink.... S. 80.

⁷³⁴ M. Annaei Lucani Pharsalia. Vol. I / Ed. C.M. Francken... P. 91.

⁷³⁵ M. Annaeus Lucanus. Bellum Civile, Book III. A Commentary / Ed. V. Hunink.... S. 80.

потенциала (данного термина)». Исследовательница в наиболее ясном виде формулирует мысль о том, что «Цезарь, являясь военачальником, не мог технически считаться *privatus*»⁷³⁶. Сходным образом Р. Лаунсбери понимает *privatus* как обозначение «человека без официальных полномочий»⁷³⁷. Таким образом, априорное допущение о том, что *privatus* может обозначать только такого актора, который не занимает никакой публичной должности, вынуждает исследователей видеть в этом термине лишь художественное средство, которое служит созданию комичного или патетического эффекта. То, что промагистрат технически тоже являлся *privatus*, в этих построения никак не учитывается, и даже возможность такой интерпретации не обсуждается.

Комментарий П. Ассо к пассажу Luc. 4.187–188 отличается от других по многим пунктам, но все же базовое допущение остается прежним: если кто-то назван *privatus*, значит – по меньшей мере в каком-то отношении или хотя бы по чьей-либо субъективной оценке – он не промагистрат. У Лукана читаем: «Эриния распри исчезнет,/ Будто простой человек (*privatus*), твой Цезарь зятя полюбит!» (*iam iam civilis Erinys/ concidet, et Caesar generum privatus amabit;* пер. Л.Е. Остроумова). П. Ассо комментирует эти строки так: «Лукан вкладывает в уста помпеянцев слово *privatus* (4.188), поскольку в 49 г. до н.э. Цезарь имел командование как проконсул в Галлии и Иллирике, и потому его пребывание в Испании во главе легионов было незаконным – факт, что понятно, не упомянутый Цезарем в его “Записках о гражданской войне”»⁷³⁸. Это объяснение, хотя и учитывает специфику промагистратского положения, на мой взгляд, неверно. Действительно, действия вне назначенной провинции могли считаться незаконными. Однако с точки зрения его противников Цезарь был проконсулом без какой-либо легитимной провинции вообще. А если так, то он нигде не мог использовать свой империй, а не только «в Испании», как пишет П. Ассо. Следовательно, если Цезарь назван здесь *privatus*, то не потому,

⁷³⁶ Matthews M. Caesar and the Storm... P. 114.

⁷³⁷ Lounsbury R.C. History and Motive... P. 211.

⁷³⁸ Asso P. A Commentary on Lucan, *De Bello Civili* IV: Introduction, Edition, and Translation. Berlin: Walter de Gruyter, 2010. P. 16.

что он действовал в «неправильной провинции», а потому, что он в принципе считался *privatus*. (Таким образом, попутно выясняется, что текст Лукана служит независимым подтверждением тезиса о том, что промагистраты должны были формально считаться *privati*.)

Все же строки 4.187–188 можно посчитать прямо противоречащими моему выводу о том, что Лукан употребляет термин *privatus* по отношению к проконсулам. Как поэт мог нарисовать перспективу превращения Цезаря в *privatus*, если он уже им был? Лукан подразумевает здесь гипотетическую возможность будущего изменения статуса. Что-то должно было сначала произойти, чтобы вынудить Цезаря действовать как *privatus* и примириться с Помпеем. Однако в данном случае Лукан определяет требуемое изменение вполне конкретно: он пишет о перспективе утраты Цезарем поддержки армии. Но само по себе это никоим образом не изменило бы его статус как проконсула. Следовательно, в техническом смысле Цезарь оставался бы *privatus* как до, так и после этого предполагаемого (и так и не осуществившегося) изменения⁷³⁹. Если это так, *privatus* здесь обозначает гражданина, который более не способен реально воспользоваться своим империем (которым он все еще формально обладал) из-за утраты поддержки со стороны армии⁷⁴⁰. Таким образом, дело осложняется тем, что Лукан употребляет термин *privatus* и по отношению к промагистратам, когда они сравниваются (явно или неявно) с магистратами, и по отношению к тем гражданам, которые не были наделены какой-либо публичной властью, включая промагистратскую. Если намерением Лукана при написании строк 4.187–188 было изобразить перспективу утраты Цезарем всей публичной

⁷³⁹ Ср. Asso P. A Commentary on Lucan... P. 150 («What L. implies here is that Caesar will have been abandoned by his soldiers and will therefore be a *privatus*. His command in Spain was, in fact, illegal, and therefore he would be just a regular private citizen without his legions»). Таким образом, в интерпретации П. Ассо содержится неразрешимое противоречие: Цезарь уже был *privatus* в указанной (чужой) провинции, но, одновременно, он еще только рискует стать *privatus* в будущем, в том случае, если солдаты покинут его.

⁷⁴⁰ Даже магистраты иногда были вынуждены воздерживаться от исполнения своих обязанностей, что не означало, что технически они переставали быть должностными лицами (см. гл. 3).

власти (в том числе, проконсулата), у него не оставалось иного способа выразить это, кроме как сказать, что, отказав ему в поддержке, солдаты сделают его *privatus*. На этом примере мы видим частное следствие ограничения возможностей античных авторов в условиях, когда они строят повествование на употреблении строгой дихотомии *privatus/magistratus*, как это показал А. Винтерлинг.

Итак, рассмотренные выше комментарии современных исследователей основываются на априорном и вводящем в заблуждение представлении о том, что законно назначенные промагистраты никак не могли «всерьез» считаться *privati*. Конечно, вполне возможно предложить целый ряд *ad hoc* объяснений (конституционного, идеологического или литературного характера) тому факту, что поэт называет проконсула Цезаря *privatus*, но все эти объяснения оказываются неприменимы к случаю проконсула Помпея, который удостоивается от поэта такой же характеристики *privatus*, несмотря на то, что в изображении Лукана не действует незаконно, как это делает Цезарь. Во всяком случае, Помпей не становится объектом критики Лукана в той мере, в какой им выступает Цезарь.

Так, в строках 2.277–279, Брут, обращаясь к Катону, описывает роль Помпея как вождя в борьбе против Цезаря: «сам консул и знати немало,/ Чуть ли не весь Сенат с вождем отставным пожелали/ Эту войну раздувать» (*pars magna senatus / et duce privato gesturus proelia consul / sollicitant procuresque alii*; пер. Л.Е. Остроумова). Неявное допущение, лежащее в основе русского перевода фразы *duce privato* (это выражено еще более однозначно, например, в переводе в серии Loeb: «under a leader who holds no office»), вновь состоит в том, что слово *privatus* должно относиться к тому, кто не имеет какой-либо публичной власти (и, следовательно, этот термин не может обозначать промагистрата). Это допущение привело даже к тому, что некоторые исследователи предположили, что в репрезентации Лукана Помпей «вообще

не имеет законного империя»⁷⁴¹. Если бы Лукан действительно это утверждал, это означало бы существенное противоречие его художественного текста тем публично-правовым реалиям и тем реконструкциям исторической ситуации, которые можно вывести из показаний других наших источников. На мой взгляд, приписывать Лукану столь грубую неточность нет никакой необходимости.

Комментарий Э. Фэнтам к рассматриваемому фрагменту подводит нас к сути вопроса. Исследовательница пишет: «Помпей на самом деле не был *privatus* в 49 г., но сохранял проконсульский империй в двух испанских провинциях, которыми управлял через легатов. Однако в Италии он был без полномочий, за исключением тех, которые были предоставлены ему чрезвычайным постановлением сената 7 января. Лукану для своей линии выгодно игнорировать эту особую санкцию, хотя ее признавали сенатские консерваторы вроде Катона»⁷⁴². Но действительно ли Лукан игнорирует наделение Помпея полномочиями? Если, следуя за Э. Фэнтам, считать, что наличие империя уже означало, что Помпея нельзя называть *privatus*, то становится трудно объяснить выбор именно этого слова Луканом. Было бы логично, если бы характеристику Помпея как *privatus* он вложил в уста Цезаря, но он этого не сделал. Поэтому Э. Фэнтам вынуждена искать иное объяснение, не имея возможности прибегнуть к стандартному предположению о том, что термин *privatus* означал просто отказ признавать легитимность конкретного проконсула в гражданской войне. Она видит причину оценки, данной Брутом в изображении Лукана, в том, что Помпей, хотя и оказался уполномочен *senatus consultum ultimum* 7 января, в Италии власти не имел. Однако сама Э. Фэнтам немедленно и вполне справедливо указывает на существенный недостаток

⁷⁴¹ Thorne M. *Lucan's Cato, the Defeat of Victory, the Triumph of Memory*. PhD. Diss. Iowa City: University of Iowa, 2010. P. 138. Ср.: Grant J.N. Two 'Syntactic Errors' in Transcription: Seneca, Thyestes 33 and Lucan, B.C. 2.279 // *Classical Quarterly*. 1994. Vol. 44. P. 284: «it suits Brutus' (and Lucan's) purpose to emphasise the questionable legal situation of Pompey». Однако статус Помпея как проконсула нигде в других источниках не оспаривается (ни одной из сторон гражданской войны). Другой вопрос, могла ли Республика выжить без того, чтобы вместо действующих магистратов прибегать к помощи неизбираемого должностного лица.

⁷⁴² Lucan, *De bello civili*. Book II / Ed. E. Fantham... P. 131.

такой интерпретации: даже «сенатские консерваторы», включая Катона, признавали законность предоставленных Помпею полномочий, в том числе, именно в Италии. Исследовательница никак не объясняет выявленное ею самой противоречие.

Исторически Помпей, конечно, сохранял империй в Италии (вне городской черты Рима). Для активных действий ему недоставало только провинции. Сенат 7 января предоставил ему такую провинцию, и, следовательно, оба необходимых элемента (империй и провинция) были теперь в наличии. Поэтому, даже если мы приняли бы утверждение о том, что *privati* могли называть лишь тех промагистратов, которые действовали без санкции на определенной территории, к Помпею это не имело бы никакого отношения (в черте города Рима он действовать не пытался, только на территории Италии). И действительно, сама Э. Фэнтам верно отмечает, что согласно Катону в изображении Лукана «войска Помпея, данные ему сенатом, являются *publica signa*», санкционированными государством (2.319–320)⁷⁴³. Здесь мы вновь подходим к моменту, когда представление о том, что легитимный проконсул никак не мог быть назван *privatus*, не работает ни при каких допущениях.

Однако В. Лебек полагает, что в этом месте текст Лукана отражает мышление эпохи Империи, когда сенат рассматривался как главный локус конституционности. Он считает, что у Лукана здесь никак не отражены республиканские реалии, в рамках которых не решение сената, а только избрание на комициях делало человека «*nicht privat*»⁷⁴⁴. На мой взгляд, в данном случае Лукан оказывается гораздо более «республиканским» и более технически, исторически точным, чем готов признать В. Лебек. Поэт вовсе не пишет о том, что Помпей сам перестал быть *privatus*. Он утверждает лишь, что

⁷⁴³ Lucan, *De bello civili*. Book II / Ed. E. Fantham... P. 182. Также см.: Ahl F.M. Lucan. An Introduction. Ithaca; London: Cornell University Press, 1976. P. 245–246 («Pompey is the commander whose power is legally ratified by the senate; Caesar no longer legally holds office»). Ср. Luc. 7.79 (*duce te iusso*). Это не просто утверждения Помпея как одного из персонажей (см.: Fantham E. Lucan and Republican Senate... P. 113–114).

⁷⁴⁴ Lebek W.D. Lucans *Pharsalia*... S. 192–193, включая Anm. 41.

его дело и его войска теперь поддержаны сенатом и, следовательно, уже не являются силами (только) *privatus*. Лукан нигде не утверждает, что формальный статус самого Помпея в связи с этим как-либо изменился, поэтому его словоупотребление вновь полностью согласуется с республиканским представлением о том, что проконсулы формально относились к числу *privati*. Как мы видели ранее (и как подмечает сам В. Лебек⁷⁴⁵), в другом месте поэт ясно дает понять: проконсул Помпей признан в качестве вождя и сенатом, и консулами, но при этом остается *privatus* (2.277–278: *pars magna senatus / et duce privato gesturus proelia consul*).

Дж. Виансино солидаризировался с теми исследователями, которые полагали, что у Лукана термин *privatus* обозначает либо того, кто вовсе не обладает публичной властью, либо того, чье положение (например, провинция у промагистрата) не санкционировано сенатом. При этом Дж. Виансино признает, что не только Цезарь, но и Помпей (в первых двух книгах поэмы) изображаются как акторы, оказавшиеся за рамками республиканской законности⁷⁴⁶. Несмотря на это, как мы уже видели, Лукан подчеркивает, что, по крайней мере, Помпей действительно обладал санкцией со стороны сената. Почему же тогда Лукан тем не менее называет Помпея *privatus*?

Во-первых, Лукан, на мой взгляд, исходит из формально-правового определения промагистратов как *privati* по отношению к *magistratus*. Во-вторых, как справедливо напоминает Э. Фэнтам⁷⁴⁷, поэт не одобряет того, что проконсул Помпей оказывается поставлен выше сената и консулов и подчиняет их (2.280: *sub iuga Pompei*)⁷⁴⁸. Поэтому, напоминая о формальном отнесении

⁷⁴⁵ Lebek W.D. *Lucans Pharsalia*... S. 192–193, Anm. 41. Ему следует Ф. ван Кампен: Van Campen F.H.M. *M. Annaei Lucani de bello civili liber II. Een commentaar*. Amsterdam: J.C. Gieben, 1991. P. 212 (также см. P. 341).

⁷⁴⁶ Viansino G. *Studi sul "Bellum Civile" di Lucano*. Salerno: Società Editrice Salernitana, 1974. P. 11, n. 8. Ср.: Riocreux J.-B. *La valeur de l'exemple: réflexions sur l'exercice de l'autorité militaire dans la Pharsale de Lucain* // *Bulletin de l'Association Guillaume Budé*. 2012. No. 1. P. 136.

⁷⁴⁷ *Lucan, De bello civili. Book II* / Ed. E. Fantham... P. 131.

⁷⁴⁸ Ср.: Brisset J. *Les Idées politiques de Lucain*... P. 149, n. 2; Van Campen F.H.M. *M. Annaei Lucani*... P. 231–232; Leigh M. *Lucan: Spectacle and Engagement*. Oxford: Clarendon Press, 1997. P. 143–148.

промагистратов к числу *privati*, Лукан тем самым подчеркивает неспособность действующих магистратов справиться с Цезарем без помощи другого проконсула, который, как и Цезарь, формально является *privatus*, а не избранным магистратом. Поэт живописует незаконное вмешательство равным образом и Цезаря, и Помпея как *privati* в процесс принятия решений в городе Риме и в сферу ответственности действующих магистратов.

Однако имеет ли смысл всерьез допускать, что Лукан действительно мог подразумевать чисто «техническое» различие между республиканскими магистратами и промагистратами? Думаю, что ответ должен быть утвердительным. В 9 книге Таркондимот приводит Катону возражение с точки зрения исключительно публично-правовой, на что Катон не в состоянии ответить: «Если законы,/ Если ты родину чтишь, Катон, – сойдемся к знаменам/ Римского консула!» (9.249–251: *si publica iura,/ si semper sequeris patriam, Cato, signa petamus/ Romanus quae consul habet*; пер. Л.Е. Остроумова). *Publica iura* находится на стороне Цезаря, поскольку теперь он консул, а не проконсул⁷⁴⁹. Аналогично, в строках 5.44–47 Лукан сосредоточен именно на факте прекращения консульских полномочий в конце 49 г. и на необходимости заменить магистратов *privatus* Помпеем, который *faute de mieux* должен был для этого получить хотя бы дополнительную санкцию сената⁷⁵⁰.

Мысль о том, что Лукан точно учитывает конституционные формальности, вплоть до различия между магистратами и промагистратами с точки зрения дихотомии *privatus/magistratus*, подтверждается уже тем обстоятельством, что, как мы видели, он намеренно изменяет место проведения заседания сената и его 1 апреля 49 г. Такого рода грубый отход от исторической реальности становится оправданным только в том случае, если предположить, что поэт вполне осознает и намеренно подчеркивает недостаточность проконсульского статуса Цезаря с точки зрения *ius agendi cum senatu* и *cum populo*. Сходным образом можно заметить, что наделение другого

⁷⁴⁹ Fantham E. *Lucan and Republican Senate...* P. 114.

⁷⁵⁰ См.: Fantham E. *Lucan and Republican Senate...* P. 119–121.

проконсула, Помпея, в конце 49 г. либо *imperium maius*⁷⁵¹, либо неформальным верховным командованием⁷⁵², Лукан описывает как назначение сенатом *dux* всех республиканских сил⁷⁵³. В своей комментарии Я. Радике отмечает, что во второй книге Помпей «все еще прямо» (*noch explizit*) назван *dux privatus*» (2.277–278)⁷⁵⁴. Однако имплицитно предполагаемое Я. Радике противопоставление *dux privatus/dux publicus* в тексте Лукана отсутствует: для поэта Помпей есть и остается просто *dux*. Этот термин часто обозначает военного вождя, не являвшегося магистратом⁷⁵⁵. В этом случае выбор термина Луканом вновь оказывается исторически вполне корректным: даже наличие *imperium maius*, не говоря уже о неофициальном верховном командовании, никак не изменило бы формального статуса проконсула Помпея как *dux privatus*.

Соответственно, Лукан осознает изменение статуса Цезаря от *privatus* (в данном случае, промагистрата) к *magistratus*. В пятой книге он изображает возвращение Цезаря в Рим после победы при Массилии и его назначение диктатором и консулом: «Чтобы правами меча отныне владеть безгранично./ Фасции он прибавил к орлам и мрачной печатью/ Век тот отметил, украв правителя титул тщеславный» (5.388–390: *voluit gladiis miscere secures,/ addidit et fasces aquilis et nomen inane/ imperii rapiens*; пер. Л.Е. Остроумова). В комментарии к этим строкам Э. Фэнтам замечает, что Цезарь не был диктатором, когда вступил в консульскую должность 1 января 48 г. Поэтому, когда Лукан пишет, что он «фасции прибавил к орлам», поэт не может подразумевать одновременное обладание обеими должностями. Вместо этого

⁷⁵¹ Vervaeke F.J. The Official Position of Cn. Pompeius...

⁷⁵² Girardet K.M. *Imperia und provinciae*... S. 205–206.

⁷⁵³ 5.44–47: *nostrum exhausto ius clauditur anno:/ vos, quorum finem non est censura potestas,/ consulite in medium, patres, Magnumque iubete/ esse ducem*.

⁷⁵⁴ Radecke, 317–318.

⁷⁵⁵ См.: Linderski J. Rome, Aphrodisias and the *Res Gestae*... P. 76–80. См., напр., повествование Веллея о Цезаре (Vell. Pat. 2.42), Цицерона и Веллея об Октавиане в 43 г. (Cic. *Phil.* 5.3; 11.20: Vell. Pat. 2.61) и Ливия о Л. Марции Септимии в 212 г. (Liv. 25.38.23; 39.16; 26.37.8; 28.28.13; 42.5; Frolov 2012 (Marcius)). О *dux* также см. ниже.

речь идет о «продолжении ведения войны уже в консульской должности»⁷⁵⁶. Действительно, упрек в совмещении (в некотором смысле) «военной» и «гражданской» власти усмотреть в словах Лукана возможно. Однако, как представляется, Лукан имеет в виду нечто большее. Поскольку, как мы уже видели, поэт отчетливо понимает конституционную слабость положения Цезаря как проконсула (например, он не имел права созывать сенат, и поэтому в изображении Лукана делает именно это), неудивительно, что, с точки зрения автора поэмы, диктатура и консулат наконец позволили Цезарю законным образом соединить уже имевшуюся у него военную силу (*imperium militiae*) с легитимной «гражданской» властью консула и/или диктатора в пределах города Рима.

В своем комментарии к характеристике Помпея устами Катона в 9 книге («хоть народ к нему в рабство склонялся,/ Частным остался лицом, и хоть взял руководство Сенатом, —/ Тот неизменно царил»; 9.193–195: *et solus plebe parata/ privatus servire sibi, rectorque senatus,/ sed regnantis, erat*; пер. Л.Е. Остроумова), К. Вик справедливо отмечает, что хотя *privatus* означает лицо без должности, в данном случае этот термин явно не может указывать на того, кто оказался вне политики. Исследовательница пишет, что античные авторы, особенно Цицерон, вполне могли применять термин *privatus* по отношению к тем, кто активно участвовал в политической жизни, но не обладал публичной властью, достаточной или надлежащей для выполнения стоявшей задачи (например, Сципион Назика). Обращаясь к анализу характерной для эпохи Империи дихотомии *privatus/princeps* (в рамках которой *privatus* включает даже магистратов), К. Вик заключает, что в данном пассаже Лукана термин *privatus* характеризует Помпея как политического актора, сосредоточившего в своих руках беспрецедентные полномочия, хотя и полученные от сената. Помпей следует республиканским убеждениям постольку, поскольку отказывается от

⁷⁵⁶ Fantham E. *Lucan and Republican Senate...* P. 117–118.

этих чрезмерных полномочий. Он – единственный (*solus*), кто не использует их для установления тирании, в отличие, например, от Мария или Суллы⁷⁵⁷.

Такое рассуждение, на мой взгляд, в целом убедительно, но нуждается в одном существенном уточнении. Мне представляется, что Лукану вовсе не нужно было опираться на имперскую дихотомию *privatus/princeps*. Как мы видели, употребление им понятия *privatus* вполне соответствует тому, которое можно видеть у самих участников событий (это так при условии признания того, что все промагистраты действительно формально считались *privati*). Однако К. Вик совершенно права в том, что Лукан акцентирует ситуацию, когда *privatus* (в данном случае, проконсул) обладает огромной фактической властью, а *magistratus*, напротив, уже не определяют развитие событий. Нормализация такого положения дел позднее привела к закреплению в литературе эпохи Империи дихотомии *privatus/princeps*, упомянутой К. Вик.

Если *privatus* может обозначать не отсутствие активного участия в политике в качестве одного из лидеров Республики, а лишь отсутствие магистратуры при сохранении политического влияния, следует уточнить: насколько точно Помпей соответствует этому описанию? В течение многих лет до начала гражданской войны⁷⁵⁸ Помпей редко был «частным лицом» в современном смысле, т.е. лишенным публичной власти. Чаще он либо действовал как промагистрат в провинциях вдали от Рима, либо находился *ad urbem*, оставаясь носителем империя как промагистрат. Лукан, надо полагать, должен был такое пребывание *ad urbem* в статусе промагистрата определять как нахождение на положении *privatus*, кроме тех коротких периодов, когда Помпей действительно не занимал никакой должности или когда, наоборот, был магистратом⁷⁵⁹. При этом во время нахождения *ad urbem* в качестве

⁷⁵⁷ Wick C. M. *Annaeus Lucanus. Bellum civile. Liber IX. Bd. 2: Kommentar.* München; Leipzig: K.G. Saur, 2004. S. 72–73.

⁷⁵⁸ Я не думаю, что мы должны ограничивать применимость определения *rector senatus* отношениями Помпея с сенатом только во время гражданской войны. Ср.: Seewald M. *Lucan. 9,1–604. Ein Kommentar. Diss.* Göttingen: Georg-August-Universität, 2002. S. 117–118.

⁷⁵⁹ См.: Girardet K.M. *Imperium und provinciae...*; Girardet K.M. *Imperia und provinciae...* К.М. Жирарде реконструирует историю *imperia* и *provinciae* Помпея.

проконсула Помпей не «просто ожидал триумфа», сохраняя империй, как делали и другие. Напротив, он стремился неофициально направлять и контролировать сенат и политический процесс в целом, действительно, будто *rector senatus*, невзирая на ограничения своего формального положения⁷⁶⁰. Если это так, то *solus privatus* у Лукана может означать не только или не столько то, что Помпей был единственным, кто готов был «сложить свои полномочия» (и по этой причине соответствовал республиканским принципам хотя бы формально⁷⁶¹), сколько то, что он единственный, кто, оставаясь формально *privatus*, т.е. промагистратом, сохранял огромное влияние как *rector senatus* и фактически управлял Республикой⁷⁶². Итак, Помпей был влиятелен даже без магистратуры. Именно это делало трудным соперничество с ним. Но даже если сомневаться в том, действительно ли Лукан мог подразумевать все это, К. Вик права в главном: поэт не употребляет термин *privatus* для обозначения исключительно для тех, кто не имеет никакой публичной власти.

Наблюдения М. Хельцле позволяют нам продвинуться дальше. По его мнению, термин *privatus* у Лукана служит антонимом к *miles* и характеризует Цезаря как человека, неспособного действовать как *privatus* и постоянно ведущего себя как *dux*, то есть как военачальник⁷⁶³. Однако, например,

⁷⁶⁰ В изображении Лукана Помпей «признавал власть сената, но при этом направлял его политику» (Lintott A.W. *Lucan and the History of the Civil War...* P. 502). Ср.: «Pompey is described as *rector senatus* ... but in the same breath the Senate is said still to be in charge» (Braund S. *Violence in Translation // Brill's Companion to Lucan / Ed. P. Asso. Leiden; Boston: Brill, 2010. P. 520*); «Though he was the guiding hand in the senate, the senate was still in control» (Ahl F.M. *Lucan...* P. 158).

⁷⁶¹ В историографии на этом часто акцентировалось внимание. Ср., напр.: Brisset J. *Les Idées politiques de Lucain...* P. 153; Tzounakas S. *Cato's Laudatio Pompei in Lucan's De Bello Civili // Praises of Roman Leaders in Latin Literature / Ed. S. Tzounakas. Nicosia: Stamoulis, 2014. P. 209*; Kimmerle N. *Lucan und der Prinzipat: Eine Untersuchung zu den politischen und philosophischen Implikationen der Pharsalia. Berlin: De Gruyter, 2015. S. 206*.

⁷⁶² Ср. оправдание Цезарем своих действий во фрагменте Luc. 1.351 (*detrachimus dominos urbi servire paratae*; Tzounakas S. *Caesar as hostis...* P. 523: «Caesar accuses his opponent of subjugating his country») и особенно критику самим (историческим) Цезарем того обстоятельства, что Помпей так долго контролировал ситуацию, находясь *ad urbem* в качестве проконсула (см. §2.1 данной главы).

⁷⁶³ Helzle M. *Der Stil ist der Mensch...* S. 110–133. Ср. комм. к фрагменту 5.538–539 (*quamquam plebeio tectus amictu, / indocilis privata loqui*): Matthews M. *Caesar and the Storm...* P. 113 («The inability to behave like an ordinary citizen was specifically a characteristics of

употребление Цицероном слов *dux* и *privatus* в пассажах *Phil.* 5.3 и 11.20 ясно показывает, что *dux* мог действовать *privato consilio*⁷⁶⁴ и при этом оставаться *privatus*⁷⁶⁵. М. Хельцле вынужден поэтому делать предположение о том, что Лукан просто допустил противоречие: несмотря на то, что Помпей является *dux* сенатской партии и официально обладает империем, поэт нередко называет его *privatus*⁷⁶⁶. На деле же *dux* и *privatus* вполне сочетаются, и *privatus* вполне может обладать империем.

М. Хельцле предлагает понимать строку из 2 книги («Ищешь не удела частного лица (*privata*) ты, кто в городе римском/ Помпея затмить замышляешь»⁷⁶⁷) в том смысле, что тот, кто стремится превзойти Помпея в политике, должен действовать как воин, несмотря на то что вооруженным людям нельзя было находиться в городе Рима (*Romana ... in urbe*)⁷⁶⁸. Это толкование основывается на проблематичном предположении о том, что Лукан употребляет термин *privatus* главным образом как антоним понятия *miles*. Однако интерпретацию М. Хельцле можно уточнить. Следует обратить внимание на выражение *Romana ... in urbe* (часто предлагают конъектуру *Romano ... in orbe*⁷⁶⁹). Если сохранить чтение *in urbe*, то пассаж может быть понят в более конкретном смысле, чем предполагает М. Хельцле. Тот, кто хотел бы превзойти Помпея в самом городе, то есть в сфере *domi* (в сенате, комициях, гражданских *contiones*), а не с точки зрения обладания важными провинциями *militiae*, не мог оставаться просто *privatus*, т.е. немагистратом. Но является ли такой *privatus* лицом, вовсе не имеющим публичной власти, «обычным гражданином», как полагает, например, Ф. ван Кампен⁷⁷⁰? Вряд ли, поскольку

tyrants»); Leigh M. Lucan... P. 55 («The term *privatus* is used regularly in the *Pharsalia* to contrast with the kingly manner and mentality of Caesar»).

⁷⁶⁴ *Phil.* 5.3: *primum duces eos laudavistis qui contra illum bellum privato consilio suscepissent.*

⁷⁶⁵ *Phil.* 11.20: *otioso vero et nihil agenti privato, absecro te, L. Caesar ... quando imperium senatus dedit?*

⁷⁶⁶ Helzle M. *Der Stil ist der Mensch...* S. 134.

⁷⁶⁷ 2.564–565: *non privata cupis, Romana quisquis in urbe/ Pompeium transire paras.*

⁷⁶⁸ Helzle M. *Der Stil ist der Mensch...* S. 86.

⁷⁶⁹ См.: Lucan, *De bello civili*. Book II / Ed. E. Fantham... P. 189.

⁷⁷⁰ Van Campen F.H.M. M. *Annaei Lucani...* P. 357: «*Privatus* heeft hier de betekenis ‘passend bij een gewoon burger’».

здесь термин *privatus* должен обозначать самого Помпея, который, как уже отмечалось, дольше оставался носителем проконсульских полномочий, чем собственно частным лицом, лишенным всякой публичной власти.

Таким образом, в изображении Лукана *privatus* было невозможно превзойти Помпея в римской «городской политике». По крайней мере, достичь этого законным путем. Однако существовали два других способа. Можно было получить магистратуру, как вскоре сделал Цезарь, избираясь консулом или будучи назначен диктатором. Но еще до этого Цезарь применил иной подход: в некоторых отношениях он вел себя так, как если бы уже был действующим магистратом, еще до того, как стал им формально. Поэтому отрывок *Romana ... in urbe* можно, по-видимому, рассматривать в связке с пассажем 3.103–109, в котором Лукан описывает предполагаемый незаконный созыв сената проконсулом Цезарем. Промагистраты формально не имели права проявлять инициативу *in urbe* или *domi*, но могли достигать этого неформально.

Лукан концентрирует внимание на феномене политической инициативы. В его изображении и Помпей, и Цезарь управляли политической повесткой в городе Рима, несмотря на отсутствие у них магистратского статуса. Но если Помпей у Лукана способен действовать осторожно, как *rector senatus*, то Цезарь к осторожности не стремится. В отличие от Помпея, стиль вмешательства проконсула Цезаря в ситуацию в городе Рима таков, что в результате промагистрат полностью подменяет собой республиканских магистратов в их роли инициаторов политических действий. В интерпретации Лукана Цезарь делает это в такой степени, что даже созывает сенат (хотя исторически он именно этого старательно избежал). По выражению Ф. Харди, Лукан изображает «внезапное увядание традиционных институтов государства и их сведение к одной фигуре Цезаря» (*omnia Caesar erat*)⁷⁷¹.

⁷⁷¹ Hardie P.R. *The Epic Successors of Virgil: A Study in the Dynamics of a Tradition*. Cambridge: Cambridge University Press, 1993. P. 8: «the sudden withering of the traditional organs of state into the one body of Caesar».

Разумеется, как поэт, Лукан доводит сформулированную им идею до художественного предела. И тем не менее, нельзя сказать, что в главных ее чертах его интерпретация далека от взгляда современников событий. Уже упомянутые выше слова самого Цезаря, переданные Курионом и затем Цицероном в письме Аттику от 14 апреля 49 г. (т.е. в период, когда Цезарь все еще был только проконсулом), указывают не на что иное, как на готовность Цезаря действовать по собственной инициативе, без всякого взаимодействия с республиканскими институтами: «он сказал, что все будет исходить от него» (*Att.* 10.4.9: *a me inquit omnia proficiscentur*). При всех условностях поэтического взгляда на политическую реальность, вплоть до явного ее искажения во фрагменте 3.103–109, Лукан все же передает суть сложившейся на практике ситуации: установление Цезарем фактического контроля над формированием политической повестки в Риме уже в апреле 49 г. Более того, то, что делает Лукан в своем произведении, можно даже рассматривать как намеренную деконструкцию посылки самого Цезаря о том, что он уважает формальные ограничения, накладываемые на проконсулов. Цезарь на практике контролировал политическую инициативу, даже если формально не он созывал сенат. Лукан лишь обнажает суть ситуации, приводя внешние формы в соответствие с реальностью. В результате Цезарь в изображении поэта выступает в качестве проконсула, носителя империя, формально *privatus*, превзошедшего своего соперника-проконсула Помпея *in urbe* так же, как он сделал это на поле боя.

§5.4. [A]d urbem futurum cum exercitu, introitum quotienscumque vellet:
Цицерон о Марке Антонии в 44–43 гг.

Анализ вмешательства промагистратов в политические процессы в городе Риме не должен завершаться на рассмотрении фигуры Цезаря. Годы, последовавшие за его убийством, ознаменовались новым всплеском активности со стороны тех деятелей, которые, обладая статусом

промагистратов, стремились установить контроль над Городом. То, что подобная ситуация была замечена и осмыслена самими современниками, показывает изображение Цицероном действий и намерений Антония сначала в качестве консула 44 г., а затем проконсула 43 г.

Описание Цицероном планов консула Антония на 43 г. (то есть на период, когда он станет проконсулом после завершения консульских полномочий 31 декабря 44 г.) выделяется тем, что в нем вмешательство промагистрата в сферу *domi* эксплицитно оценивается как нарушение сложившейся традиции. В других случаях критика неформального вовлечения промагистратов в качестве активных субъектов в политический процесс в городе Рима выражена, как мы видели, менее явно. Это связано, во-первых, с тем, что эта критика исходила от других промагистратов, допускавших те же нарушения и не желавших привлекать к ним излишнее внимание. Во-вторых, неприемлемость таких действий, видимо, была очевидна для современников и не требовала дополнительных комментариев, если для этого не было специальных причин. В случае критики Цицероном Антония даже очевидные нарушения подробно комментируются и обсуждаются, так как оратор не мог позволить себе отказаться от любого имеющегося повода для атаки на своего оппонента.

В 3-й «Филиппике» Цицерон пишет: «Антоний заявил на сходке, что он будет защитником города и будет держать армию около города до 1 мая. ... При этом он сказал, что будет входить в пределы города и покидать их, когда захочет»⁷⁷². Комментируя этот пассаж, М. Коортбоджиан отмечает, что Антоний намеревался оставаться со своей армией около Рима до 1 мая 44 г., то есть речь якобы шла о его нахождении рядом с городом в статусе консула⁷⁷³. Действительно, хотя Цицерон произнес свою речь 20 декабря 44 г.⁷⁷⁴, он

⁷⁷² *Phil.* 3.27: etenim in contione dixerat se custodem fore urbis, seque usque ad Kalendas Maias ad urbem exercitum habiturum ... et quidem se introiturum in urbem dixit exiturumque cum vellet.

⁷⁷³ Koortbojian M. Crossing the *pomerium*... P. 75. Возникает впечатление, что Ф. Вербат тоже рассматривает случай Антония так, будто речь идет о его планах войти в город еще в бытность консулом в 44 г. (Vervaeke F.J. The High Command... P. 89).

⁷⁷⁴ Manuwald G. Cicero, Philippics 3–9... P. 296.

припоминает *contio* Антония, которая в принципе могла состояться еще до мая того же года, когда Антоний был консулом. Но как отмечает ряд исследователей, такая датировка маловероятна.

Х. Фриш доказывал, что сходка, на которой выступил Антоний (и о ней пишет Цицерон), состоялась в ноябре 44 г.⁷⁷⁵. Э. Мальковати относил это выступление Антония к июню 44 г.⁷⁷⁶. Дж. Суми отмечал, что поскольку Цицерон произнес 3-ю «Филиппику» в декабре 44 г., он, скорее, должен был сослаться на относительно недавнюю речь Антония⁷⁷⁷. Г. Манувальд прямо пишет о том, что высказывания Антония касались его планов на 43 г. Его заявления должны были прозвучать в какой-то момент до октября 44 г., вероятно весной⁷⁷⁸.

Ф. Пина Поло полагает, что высказывания Антония, упомянутые во фрагменте *Phil.* 3.27 и в пассаже *Phil.* 5.21–22 (см. о нем ниже), прозвучали в разное время: первые – в апреле, вторые – в ноябре 44 г.⁷⁷⁹. Сходным образом авторы базы данных FRRO («The Fragments of the Roman Republican Orators») полагают, что одно выступление Антония на сходке (*Cic. Phil.* 3.27) состоялось в конце мая или июне 44 г. (ср. *Cic. Att.* 15.22.1), а другое (*Cic. Phil.* 5.21–22) имело место, вероятно, во время возвращения Антония в Рим в ноябре 44 г.⁷⁸⁰. Так или иначе, обе речи были произнесены Антонием после мая 44 г., а, значит, его обещание оставаться с армией у Рима до 1 мая относилось к 1 мая 43 г., когда Антоний уже станет проконсулом.

Я полагаю, что относить намерения Антония оставаться с армией рядом с Римом ко времени его консулата невозможно еще и по той причине, что

⁷⁷⁵ Frisch H. *Cicero's Fight for the Republic: The Historical Background of Cicero's Philippics*. Copenhagen: Gyldendal, 1946. P. 151.

⁷⁷⁶ *Oratorum Romanorum fragmenta liberae rei publicae* / Ed. H. Malcovati. Aug. Taurinorum: In aedibus I. B. Paraviae et Sociorum, 1955. P. 471–472.

⁷⁷⁷ Sumi G.S. *Ceremony and Power...* P. 139–140.

⁷⁷⁸ Manuwald G. *Cicero, Philippics 3–9...* P. 422.

⁷⁷⁹ Pina Polo F. *Las contiones...* P. 136, 310, n. 354, 311, n. 361.

⁷⁸⁰ M. Antonius (RE 30) // *The Fragments of the Roman Republican Orators* (готовится к публикации; текущая база данных находится в закрытом доступе на сайте www.frro.gla.ac.uk; доступ получен от участников проекта 12.02.2023).

осуждение Цицероном самого факта нахождения его оппонента вместе с армией рядом с городом в статусе консула было бы крайне странным. Вооруженная охрана города при возникновении такой потребности – обязанность высшего магистрата, исполнение которой можно было только приветствовать, а инсинуации на тему «истинных намерений» консула со стороны Цицерона были бы малоубедительными, если он не приводит дополнительные конкретные детали. Тем более странным выглядел бы акцент Цицерона на том, что консул вступает в Рим и покидает его несколько раз (причем именно в таком порядке: *introiturum*, а затем *exiturum*). Напротив, перспектива не просто пребывания проконсула рядом с Римом до отбытия в провинцию (такая практика имела место), но и его вступления в город во главе армии по собственному решению, вполне могли вызвать то негодование, на которое явно рассчитывал оратор, поскольку означали бы прямое нарушение ограничений, установленных для действующих промагистратов.

Заявление Антония относительно планов находиться рядом с Римом вместе с армией и входить в город необходимое число раз по своему решению также упоминается в 5-й «Филиппике» (5.21–22), произнесенной Цицероном 1 января 43 г.⁷⁸¹ Причем в отличие от пассажа *Phil.* 3.27, в тексте *Phil.* 5.21–22 критика Антония именно как проконсула прослеживается уже вне всяких сомнений: «Он посмел сказать на сходке, что, *когда закончится срок его магистратских полномочий*, он будет находиться у города вместе с войском и будет вступать в Рим всякий раз, когда захочет»⁷⁸². И чуть ниже: «на что он надеялся, как не привести в окрестности Рима, или вернее в сам Рим, большое войско?»⁷⁸³.

По замечанию Г. Манувальд, Цицерон превращает заявление Антония о том, что он собирается обеспечить защиту городу, в нечто прямо противоположное («turned by Cicero into its contrary»). «Если бы Антоний

⁷⁸¹ Manuwald G. Cicero, Philippics 3–9... P. 536.

⁷⁸² *Phil.* 5.21: in contione dicere ausus est, se, cum magistratu abisset, ad urbem futurum cum exercitu, introiturum quotienscumque vellet?

⁷⁸³ *Phil.* 5.22: ...quae spes, nisi ad urbem vel in urbem potius exercitum maximum adduceret?

разбил лагерь и разместил армию за чертой города ..., он представлял бы постоянную угрозу, поскольку мог бы получить контроль над городом в любой момент»⁷⁸⁴. Сходным образом по поводу фрагмента *Phil.* 5.21 Г. Манувальд пишет: «Присутствие Антония у города не связывается с защитой последнего (что иронично); рассказ в основном сформулирован так, чтобы создать впечатление об огромной опасности»⁷⁸⁵.

Выражение *ad urbem* – явное указание на проконсульский статус Антония и невозможность для него пересекать городскую черту. Г. Манувальд справедливо подчеркнула важность противопоставления *ad urbem* / *in urbe* в пассаже *Phil.* 5.22, в котором Цицерон дает понять, что нахождение проконсула с армией у самого Рима уже подозрительно, а вступление проконсула вместе с солдатами в сам город – совершенно недопустимо⁷⁸⁶. Акцентирование намерения вступить в город даже несмотря на то, что для фактического контроля над Римом Антоний не обязательно должен был входить в него с армией, показывает, что Цицерон использует для достижения своих риторических целей публично-правовые последствия ожидаемой смены статуса Антония с консульского на проконсульский. Это важное средство для иллюстрации оратором тезиса о том, что Антоний готов пойти на нарушение всех и всяческих норм и традиций, включая те, которые регулируют деятельность промагистратов.

⁷⁸⁴ «If Antonius pitched camp with an army outside the city (*ad urbem*, not *in urbe*; cf. *Phil.* 5.21; 5.22), he would constitute a constant threat, since he might take possession of the city at any time (cf. *Phil.* 3.27 n. on *et quidem se ... cum vellet*)» (Manuwald G. Cicero, *Philippics* 3–9... P. 422).

⁷⁸⁵ «Antonius' presence outside the city is not connected (ironically) with its protection; the presentation is mainly designed to create a feeling of immense danger» (Manuwald G. Cicero, *Philippics* 3–9... P. 422).

⁷⁸⁶ «[T]he *imperium militiae* (which Antonius would have as a proconsul) only extended up to the border of the city (outside the *pomerium*), and a general was not allowed to enter the city» (Manuwald G. Cicero, *Philippics* 3–9... P. 422). Также см.: Cicero, *Philippicae*. Filipice / Eds. M. Paraschiv, N. Zugravu, C. Sălăvăstru. Vol. 1. Iași: Editura Universității «Alexandru Ioan Cuza», 2019. P. 292, n. 107; Trinquier J. Les loups sont entrés dans la ville: de la peur du loup à la hantise de la cité ensauvagée // *Les espaces du sauvage dans le monde antique: approches et définitions* / Ed. M.-C. Charpentier. Besançon: Institut des Sciences et Techniques de l'Antiquité, 2004. P. 112.

Д. Эммелиус верно усматривает в данном пассаже указание на промагистратский статус Антония, но в то же время пишет о том, что для Цицерона важнее показать угрожающие последствия самого факта появления армии в Риме, чем рассуждать по поводу законности применения империя в данной ситуации⁷⁸⁷. Однако ничто не мешает предположить, что для Цицерона были важны *оба* аспекта. Как и Д. Эммелиус, Г. Манувальд, признавая существенность проконсульского статуса Антония для аргументации Цицерона, как представляется, недооценивает это обстоятельство. Она отмечает, что фраза *cum magistratu abisset* подчеркивает, что «планы Антония могли быть реализованы, начиная именно с этого дня»⁷⁸⁸. Однако остается непонятным, каким образом завершение консульских полномочий должно было позволить Антонию немедленно начать реализовывать свои планы. Скорее наоборот, его политические возможности оказались ограничены с 1 января 43 г.

Можно подметить еще как минимум два аспекта в аргументации Цицерона, связанные с изменением публично-правового статуса Антония с 1 января 43 г. Во-первых, Цицерон подчеркивает, что Антоний планирует входить в Рим и покидать его несколько раз, неоднократно (*quotienscumque*). Но будучи к тому времени проконсулом он уже в момент первого пересечения границы города утратил бы империй. Если бы он затем покинул Рим, то использование им империя стало бы незаконным даже в сфере *militiae*. Таким образом, Цицерон показывает готовность Антония не просто нарушить правила, но делать это неоднократно. Причем в репрезентации Цицерона Антоний допускает два типа нарушений: он не только применяет

⁷⁸⁷ «Der Kontext legt jedoch nahe, dass die Drohung sich auf einen tatsächlichen Einmarsch mit einem Heer bezog und es bei diesen Aussagen nicht um eine juristische Frage zum *imperium* ging» (Emmelius D. Grenzen schreiben... S. 189, Anm. 647).

⁷⁸⁸ «Antonius' plans might be realized from this very day onwards» (Manuwald G. Cicero, Philippics 3–9... P. 630).

проконсульскую власть в городе, но и узурпирует власть проконсула за пределами города, когда снова покидает Рим⁷⁸⁹.

Второй важный аспект в построениях Цицерона – это мысль о том, что Антоний готовится принимать решение о вступлении в город самостоятельно (*cum vellet*). В отличие, например, от событий 52 г., когда проконсул Помпей получил санкцию сената на вмешательство в ситуацию в городе Рима, в изображении Цицерона проконсул Антоний намеревается вступать в Рим или покидать его тогда, когда сам этого захочет. В связи с этим ценно наблюдение Г. Манувальд о том, что в 5-й «Филиппике» «Предполагаемое положение Антония описывается не с помощью фразы *ad urbem exercitum habiturum*, а с применением выражения *ad urbem futurum cum exercitu*, в результате чего Антоний выглядит более активным и настойчивым»⁷⁹⁰. Сама Г. Манувальд далее не использует этот вывод, но если согласиться с ним, то можно заметить, что таким построением фразы Цицерон не только показывает (как это очевидно при первом прочтении фрагмента), что армия будет находиться рядом с Римом и что проконсул может воспользоваться ею, чтобы контролировать политическую ситуацию в Риме, но и дополнительно подчеркивает, что Антоний будет действовать в качестве активного субъекта политики, способного к самостоятельной инициативе и не нуждающегося в легитимации своих решений со стороны сената и народа.

Акцентирование Цицероном способности Антония к самостоятельной политической инициативе связывает данный эпизод с другими,

⁷⁸⁹ Однако этот аспект (узурпация империя и действия в сфере *militiae* после выхода из города), по-видимому, менее важен для Цицерона. В пассаже *Phil.* 5.21, где проконсульский статус подчеркивается эксплицитно, добавление *exiturumque* в рукописях отсутствует, хотя некоторые исследователи предлагали его (или *et exiturum*) реконструировать по модели фрагмента *Phil.* 3.27 (Cobet C.G. *Ad Ciceronis Philippicas* // *Mnemosyne*. 1879. Vol. 7. P. 139–140; Busche K. M. *Tulli Ciceronis scripta quae manserunt omnia*. Fasc. 28. *Orationes* in M. Antonium *Philippicae XIV recognovit F. Schoell*. Lipsiae, Teubner 1916. 267 S. // *Wochenschrift für klassische Philologie*. 1916. 33. Jahrgang. No. 20. S. 466; M. *Tulli Ciceronis scripta quae manserunt omnia*. Fasc. 28. In M. Antonium *orationes Philippicae XIV* / Ed. P. Fedeli. Leipzig: Teubner, 1982. P. 82).

⁷⁹⁰ «Antonius' envisaged position is not described by *ad urbem exercitum habiturum*, but by *ad urbem futurum cum exercitu*, whereby Antonius appears more active and pressing» (Manuwald G. *Cicero, Philippics 3–9*... P. 630)

рассмотренными мной выше, случаями, в которых промагистраты оказывались напрямую вовлечены в политический процесс в Рим в качестве самостоятельных акторов. Не исключено, что слова оратора по поводу намерения проконсула Антония вступить в сам город и тем самым явно нарушить ограничения, наложенные на власть промагистратов, являются лишь инсинуациями, поскольку такие действия означали бы явное беззаконие без видимых практических преимуществ для Антония. Но даже если в реальности переходить границу города Антоний не планировал, измышления Цицерона не совсем лишены реальных оснований. В красках описывая якобы формальное нарушение правил, оратор тем самым мог отразить реальные планы проконсула сохранять фактический (неформальный) контроль над политической инициативой в Республике несмотря на завершение консульских полномочий.

В заключение данной главы следует кратко вернуться к вопросу об ограничениях, налагаемых на власть промагистратов. Как мы видели, обычно такие ограничения в источниках описываются по отношению к городу Риму (*in urbe*, *ad urbem* и т.п.) или к городским воротам; лишь Дион систематически использует греческое соответствие термина *pomerium*. Но тем не менее всегда подразумевается географическая граница, дополняющая иные (не пространственные) определения устанавливаемых ограничений.

Д. Эммелиус полагает, что понятие *pomerium* едва ли можно считать «окаменелостью» эпохи ранней Республики, которая привлекла внимание позднейших антикваров. Напротив, оно впервые приобрело какую-либо значимость лишь в позднереспубликанскую и раннеимперскую эпоху, выступив в качестве объекта, ставшего особенно удобным для ученого рассмотрения и политического применения⁷⁹¹. Кроме того, как отмечалось во Введении, Д. Эммелиус предлагает рассматривать померий не как «своего рода естественную данность» (*quasinatürliche Gegebenheit*), а как конструкт,

⁷⁹¹ Emmelius D. Grenzen schreiben... S. 313; Emmelius D. Das *Pomerium*... S. 376.

который сами участники событий наполняли содержанием⁷⁹². Можно задаться вопросом: не способствовала ли растущая практическая необходимость в установлении более строгих ограничений для промагистратов именно в эпоху поздней Республики (в связи с их все более заметным вмешательством в политическую ситуацию в самом городе Рима) тому, что такие концепты, как городская стена, городские ворота или их сочетание с представлением римских авторов о померии, приобрели особую актуальность и стали применимы как инструмент реального политического регулирования?

Городская граница не препятствовала участию промагистратов в заседаниях сената или в народных собраниях, если те созывались *ad urbem*. Однако промагистраты не имели права сами инициировать эти собрания. Как мы видели, именно отсутствие возможности формальной политической инициативы даже *ad urbem* вынуждало влиятельных промагистратов искать иные способы взаимодействия с гражданской общиной. Ключевым здесь представляется вопрос о неформальной инициативе. С одной стороны, римляне обычно ожидали, что действующие магистраты будут проявлять самостоятельную политическую активность. С другой – они понимали, что важная инициатива может исходить и от *privati* (как носителей промагистратской власти, так и тех, кто не был ею наделен). Более того, способность к инициативе и публичному действию могла рассматриваться (по крайней мере в трудной политической ситуации и в том случае, если это соответствовало чьим-либо интересам) как законное основание для предоставления такому лицу официальной власти с тем, чтобы его формальное положение стало соответствовать его фактическому влиянию. Эта логика, как представляется, выражена в словах Цицерона: «Но скажи мне, прошу тебя, Луций Цезарь (ведь я имею дело с человеком в высшей степени опытным): когда это сенат предоставлял империй праздному, ничего не предпринимающему *privatus*?» (*Phil.* 11.20: *otioso vero et nihil agenti privato*,

⁷⁹² Emmelius D. Grenzen schreiben... S. 304; Emmelius D. Das *Pomerium*... S. 367.

obsecro te, L. Caesar (cum peritissimo homine mihi res est), quando imperium senatus dedit?).

Краткие выводы по тексту данной главы можно сформулировать следующим образом. Все промагистраты (*qui pro magistratu sunt*) относились к публично-правовой категории *privati*. Подчеркнутый акцент на формальном статусе промагистратов как *privati* возникает в античной традиции только при появлении дополнительных причин, таких как необходимость критики вмешательства промагистратов (проконсулов) в сферу *domi*.

Примеры вмешательства промагистратов в сферу *domi* известны почти исключительно лишь для последнего века существования Республики. Общим для всех них является акцент античных авторов на том, что промагистраты подменяли магистратов, причем констатация такой подмены наблюдается в античных текстах тогда, когда промагистраты проявляли политическую инициативу в сфере *domi*.

Среди способов вмешательства промагистратов (проконсулов) в сферу *domi* оказывались манипуляция магистратами для создания возможности выступить на официальной *contio* или в сенате, внесение и «продвижение» собственных предложений, завуалированная угроза применения военной силы и др.

Несмотря на огромное влияние некоторых проконсулов на политическую ситуацию в городе Рима, формально они оставались критически зависимыми от сотрудничества с ними магистратов, сената и других акторов, уполномоченных действовать в сфере *domi*.

За исключением отдельных инсинуаций, не обнаруживается надежных случаев, когда промагистрат напрямую нарушил бы такие формальные ограничения, как запрет на пересечение городской границы Рима и отсутствие возможности самому официально созывать сенат и гражданские народные собрания (во всяком случае комиции)

Параллельно происходил процесс легализации отдельных поручений некоторым промагистратам в сфере *domi*. В случае *cura annonae* 57 г. наблюдаются также признаки продления такого рода легализации на относительно продолжительный срок и применение «легитимирующей» терминологии по отношению к промагистрату (обозначение его власти в сфере *domi* термином *potestas* вместо *imperium*) по тому же принципу, как и в случае магистратов-десигнатов.

Подход, апробированный в данной главе, может быть применен для рассмотрения не только политических процессов, происходивших до убийства Цезаря, но и событий последних лет существования *libera res publica*, связанных с завершением срока полномочий триумвиров *rei publicae constituendae*, когда фигура проконсула, берущего под контроль процесс принятия решений в городе Риме, становится ключевой. Этому посвящена заключительная глава данного исследования.

ГЛАВА 5.

ОТ ТРИУМВИРАТА К ПРИНЦИПАТУ: СТАТУС ОКТАВИАНА В 32 г.

И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИНИЦИАТИВА В НОВЫХ УСЛОВИЯХ

В начале 32 г., спустя примерно 10 лет существования триумvirата *rei publicae constituendae*, Октавиан и Антоний подошли к черте открытого конфликта. Консулами на этот год были избраны Гн. Домиций Агенобарб и Г. Сосий, оба сторонники Антония. Во фрагменте 50.2.3–6 Кассий Дион сообщает о том, что Октавиан созвал сенат, явился туда с охраной, состоявшей из солдат и друзей, имевших спрятанное оружие, сел на курульное кресло между двумя консулами. С этого места он выступил с речью в свою защиту и против Антония, причем никто, включая консулов, не осмелился озвучить какие-либо возражения. Вскоре после этого Домиций Агенобарб и Сосий, а также ряд сенаторов тайно покинули город, а затем направились к Антонию. Описываемые события ознаменовали начало последней гражданской распри перед установлением Принципата.

Исходными для данной главы являются выводы предыдущего раздела по поводу промагистратов. События 32 г. можно рассматривать в ряду эпизодов, показывающих роль носителей промежуточных статусов между *privati* и *magistratus* в конце республиканской эпохи. Но для этого необходимо сначала уточнить полномочия *triumviri rei publicae constituendae* в сфере *domi*. Как будет аргументировано ниже, триумvirат г.р.с. был магистратурой, а не промагистратурой, однако завершение срока полномочий триумвиров на практике приводило к сохранению за его участниками ранее полученного ими империя. Они могли удерживать его в качестве *privati*, то есть промагистратов, если оставались за пределами города Рима.

Далее я анализирую современное состояние давнего дискуссионного вопроса о правовом статусе Октавиана в 32 г. Его уточнение сопряжено со значительными усилиями и требует много места. При этом может показаться, что данный вопрос носит только вспомогательный характер и не имеет

прямого отношения к данному исследованию. Однако его нужно прояснить, иначе невозможно аргументировано определить, относится ли само выступление Октавиана в сенате в начале 32 г. к числу интересующих меня случаев. Но причина, по которой проблема определения срока окончания триумvirата г.р.с. должна подробно здесь рассматриваться, гораздо глубже. Как будет видно далее, аргументация исследователей, придерживавшихся различных подходов к вопросу об окончании триумvirата, часто строится на обсуждении именно тех деталей повествования античных авторов, которые являются ключевыми также и для анализа случаев вмешательства промагистратов в сферу *domi*, а отчасти и для изучения феномена временного отстранения магистратов от должностных обязанностей. На мой взгляд, это неслучайно, так как эти детали часто относятся к характеристике античными авторами неформальной политической инициативы участников описываемых ими событий. Достаточно привести один пример. Когда Ф. Верват, А. Далла Роза и ряд других исследователей аргументируют возможность сохранения Октавианом триумvirата вплоть до 27 г., они акцентируют внимание на том, что сам Октавиан этот факт затушевывал и старался не выводить его в «публичное поле». Однако в политической культуре Республики, как было показано в предыдущих разделах, претензия на неформальную инициативу (которую Октавиан определенно предъявлял, вне зависимости от того, сохранял ли он триумvirат после 33 г. или нет), по всей видимости, всегда, так или иначе, сопряжена с ее публичной демонстрацией.

Таким образом, на первый взгляд сугубо вспомогательный в контексте данного исследования вопрос о времени окончания триумvirата оказывается непосредственно связан с проблематикой политической инициативы. Более того, триумvirат как таковой нередко тоже рассматривался в историографии (например, в работах Й. Бляйкена) как своего рода «переходный статус» между республиканскими магистратурами и позднейшим положением принцепса. По этим причинам (хотя важное техническое значение срока триумvirата для интерпретации действий Октавиана в 32 г. также нельзя игнорировать)

рассмотрение вопроса о завершении триумvirата во всех его деталях не следует выводить «за рамки» данного исследования.

Я делаю попытку показать, что срок завершения триумvirата должен был приходиться на 31 декабря 33 г., а не на 31 декабря 32 г., как иногда считают исследователи. Представление о том, что триумvиры имели законное право сохранять свой пост даже после истечения его срока (а технически даже после выполнения поставленных задач), вплоть до (добровольной) абдикации, абrogации или смерти, не выдерживает критики, – как на этапе проверки основных предварительных посылок, так и на этапе оценки аргументов, касающихся непосредственно триумvirата.

Исходя из утверждения о том, что после 31 декабря 33 г. Октавиан формально оставался проконсулом, можно рассмотреть детали его участия в сенатском собрании, о котором сообщает Дион (50.2.3-6). Хотя формально Октавиан имел право присутствовать в сенате как проконсул, в реальных условиях 32 г. он явно нарушил традицию, касавшуюся участия промагистратов в сенатских собраниях. Если это так, то события 32 г. можно отнести к числу тех, которые свидетельствуют о растущем вмешательстве влиятельных промагистратов позднереспубликанской эпохи в сферу *domi* непосредственно и лично, а не посредством «закулисных» каналов политической коммуникации. При этом инцидент 32 г. выделяется даже на фоне других, уже весьма исключительных, примеров активности промагистратов в сфере *domi* не только тем, что хронологически он в целом завершает список таких эпизодов в эпоху Республики, но и тем, что в этом случае можно особенно ясно уловить нарушение не только неформальных политических правил и представлений, но и ряда институциональных ограничений власти и политической инициативы промагистратов в эпоху Республики.

§1. Полномочия *triumviri rei publicae constituendae* в сфере *domi*

Й. Бляйкен, анализируя полномочия триумвиров, прямо сопоставляет этих должностных лиц с промагистратами¹. Он начинает свои рассуждения с замечания о том, что уже до триумvirата случаи предоставления империя *privati* специальным решением привели к росту значения промагистратов в сфере *domi*². В свою очередь, у триумвиров, помимо консульского империя за пределами Италии (*App. BC. 4.27*), имелись также полномочия в сфере *domi* (ее Й. Бляйкен, очевидно, понимал как включавшую в себя территорию Италии). Й. Бляйкен представлял эту власть триумвиров как *consularis potestas*, а не *imperium*, поскольку считал, что со времен Суллы империй на практике не применялся консулами в течение срока их магистратуры³.

Уже сама формулировка *rei publicae constituendae* предполагала наличие широких полномочий, в том числе в сфере *domi*. Аппиан, хотя его больше интересовала общая оценка беспрецедентного характера власти триумвиров, а не технические детали, все же дает понять, что *potestas* триумвиров соответствовала уровню *potestas* консулов (*BC. 4.6, 4.27*)⁴. На это же указывает, по мнению Й. Бляйкена, практика совмещения триумвирами своей магистратуры с консулатом, с последующей досрочной абдикацией последнего⁵.

Помимо консульских прерогатив, таких как *ius cum populo agendi*, триумвиры были наделены дополнительными возможностями. Так, согласно

¹ Bleicken J. Zwischen Republik und Prinzipat...

² Bleicken J. Zwischen Republik und Prinzipat... S. 23.

³ Bleicken J. Zwischen Republik und Prinzipat... S. 25. Анализ управления провинциями при триумвирах и их полномочий в целом см.: Roddaz J.-M. Les Triumvirs et les provinces // *Pouvoir et imperium* (IIIe av. J.-C. – Ier ap. J.-C.) / Ed. E. Hermon. Napoli: Jovene, 1996. P. 77–96; Vervaet F.J. The Triumvirate *rei publicae constituendae*: Political and Constitutional Aspects // *The Triumviral Period: Civil War, Political Crisis and Socioeconomic Transformations* / Ed. F. Pina Polo. Zaragoza: Prensas de la Universidad de Zaragoza; Editorial Universidad de Sevilla, 2020. P. 33–46; Laffi U. Poteri triumvirali e organi repubblicani // *Il Triumvirato costituente alla fine della Repubblica romana: Scritti in onore di Mario Attilio Levi* / Eds. A. Gara, D. Foraboschi. Como: New Press, 1993. P. 37–59.

⁴ Bleicken J. Zwischen Republik und Prinzipat... S. 36–37.

⁵ Bleicken J. Zwischen Republik und Prinzipat... S. 40.

Кассию Диону, триумвиры отменяли одни законы и изменяли другие. При этом мы не знаем ни одного конкретного закона, который был бы официально проведен самими триумвирами. Вероятно, они все же обладали законодательной инициативой, но не пользовались ею формально⁶. Римом и Италией они управляли при помощи эдиктов⁷. Подобно консулам, триумвиры часто оставались в пределах городской черты Рима (Октавиан – на Палатине, Антоний – возле форума) и, в отличие от промагистратов, не утрачивали империй при пересечении городской черты.

В этом месте начинаются трудности. Й. Бляйкен полагал, что триумвиры обладали *одновременно* и консульским, и проконсульским империем. Именно поэтому они, по его мнению, не нуждались в особой диспенсации от правила, согласно которому проконсул терял свой империй при въезде в город⁸.

Два последних тезиса Й. Бляйкена весьма проблематичны. Во-первых, в рассматриваемый период *proconsulare imperium* как технический термин не засвидетельствован⁹. Это выражение впервые встречается у Валерия Максима, тогда как само понятие *proconsulatus* как обозначение самостоятельной должности впервые используется Плинием Старшим¹⁰. Более того,

⁶ Bleicken J. Zwischen Republik und Prinzipat... S. 38.

⁷ Bleicken J. Zwischen Republik und Prinzipat... S. 41–42.

⁸ См.: Bleicken J. Zwischen Republik und Prinzipat... S. 42.

⁹ Й. Бляйкен признавал это в другом исследовании (Bleicken J. *Imperium consulare/proconsulare*... S. 122). Также ср.: Girardet K.M. Der Rechtsstatus Oktavians... S. 328.

¹⁰ Girardet K.M. Der Rechtsstatus Oktavians... S. 328. П. Савиньский пишет, что необходимо признать существование *imperium proconsulare* у республиканских проконсулов, поскольку, если бы они обладали *imperium consulare* подобно консулам, то имели бы в провинциях ту же власть, что и консулы, а это не так. П. Савиньский отмечает, что «в некоторых ситуациях консулы могли отдавать приказы проконсулам, что ясно указывает на то, что их империй было высшим (*maius quam*) по сравнению с властью проконсулов» (Sawiński P. *Holders of Extraordinary imperium under Augustus and Tiberius. A Study into the Beginnings of the Principate*. London: Routledge, 2021. P. 8). Разумеется, П. Савиньский осознает, что это само по себе не меняет того обстоятельства, что выражение *imperium proconsulare* ни разу не встречается в источниках периода Республики и времени Августа. Однако он полагает, что это не означает, что «такого империя тогда не существовало». По его мнению, «хотя республиканские авторы прямо не используют выражение *imperium proconsulare*, их тексты содержат фразу *imperium pro consule*», и, следовательно, «речь идет об одной и той же модели власти, только выраженной в иной грамматической форме». Такое рассуждение представляется спорным. *Imperium proconsulare* предполагает наличие особого империя, характерного для проконсулов как категории должностных лиц, тогда как *imperium pro*

триумвиры, как и все прочие обладатели империя, могли иметь лишь один (всеобъемлющий, неделимый) империй в любой момент времени, даже если получили его ранее, еще будучи *privati*¹¹. Причина, по которой мы не встречаем в источниках упоминаний об особом разрешении для триумвиров преодолевать правило, запрещавшее промагистрату сохранять империй в пределах города, заключается не в том, что они обладали также *imperium consulare*, а в том, что имели только его и не утрачивали его при пересечении границы города Рима, поскольку теперь имели империй (как и *potestas consularis*) в качестве магистратов.

Причина, по которой Й. Бляйкен различал полномочия, имевшиеся у Антония, Лепида и Октавиана в качестве триумвиров и в качестве промагистратов (вследствие чего он последовательно сопоставлял власть триумвиров с властью промагистратов), становится очевидной, когда исследователь переходит к рассмотрению *ius senatus habendi* – права созыва сената. Надпись из Афродисия содержит выдержки из сенатского постановления, датированного приблизительно 39/38 гг.¹². Полностью сохранившаяся строка гласит: «магистратам или промагистратам римского народа, имеющим власть созывать сенат» (τοῖς ἄρχουσιν ἀντάρχουσιν δήμου Ῥωμαίων τοῖς ἐξουσίαν ἔχουσιν σύνκλητον συναγαγεῖν)¹³. Й. Бляйкен

consule указывает на обладание властью вместо или от имени консула, то есть властью, по существу, консульской.

¹¹ См.: Дементьева В.В. Магистратская власть Римской республики... С. 73–74. Ср. известный факт наделения Августа империею лишь однажды в самом начале его карьеры (*RGDA* 1.2).

¹² По поводу возможного отношения этого текста к сенатскому постановлению, принятому в комициях закону или же эдикту магистрата, см.: Reynolds J. *Aphrodisias and Rome*. London: Society for the Promotion of Roman Studies, 1982. P. 93–94; *Il senatus consultum de Plarasensibus et Aphrodisiensibus* del 39 a. C. / Ed. A. Raggi, P. Buongiorno. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2020. P. 165–167.

¹³ Reynolds J. *Aphrodisias and Rome*... P. 93 (Doc. 9, ll. 12–13); <http://insaph.kcl.ac.uk/iaph2007/iAph080028.html> (дата обращения: 15.10.2025). Ср. Reynolds J. *Aphrodisias and Rome*... P. 60 (Doc. 8, ll. 80–81); <https://insaph.kcl.ac.uk/insaph/iaph2007/iAph080027.html> (дата обращения: 15.10.2025). Перевод Дж. Рейнолдс выглядит следующим образом: «to the magistrates or those acting for the magistrates of the Roman people who have the power to summon the Senate» (Reynolds J. *Aphrodisias and Rome*... P. 93). Ср.: *Il senatus consultum de Plarasensibus et Aphrodisiensibus*

справедливо подчеркивал, что, поскольку обычные промагистраты не могли созывать сенат, термин ἀντάρχοντες может относиться здесь только к триумвирам. Триумвиры rei publicae constituendae, как сообщает Авл Геллий (NA. 14.7.5), действительно обладали этим правом¹⁴.

Появление термина ἀντάρχοντες в данном контексте требует объяснения¹⁵, поскольку он резко контрастирует с обычным обозначением лиц, ответственных за созыв сената (например, при заслушивании посольств греческих полисов фигурируют ἄρχοντες¹⁶). Убедительная альтернатива мнению о том, что ἀντάρχοντες в нашей надписи должны относиться именно к триумвирам, до сих пор не была предложена. Дж. Рейнолдс предположила, что ἀντάρχουσιν «возможно, употреблено для охвата тех чрезвычайных должностных лиц, которые, как известно, обладали таким правом (диктаторы, начальники конницы, триумвиры rei publicae constituendae, префекты города...), или же, если составитель текста был пуристом, плебейские трибуны»¹⁷. Однако мне не известны убедительные свидетельства того, что диктаторы, начальники конницы, плебейские трибуны или даже praefecti urbis когда-либо рассматривались в техническом смысле как акторы, действовавшие pro magistratu, особенно с точки зрения «пуриста»¹⁸. Тем не менее, остается вопрос о том, могли ли триумвиры r.p.c. рассматриваться в каком-либо смысле как действовавшие pro magistratu?

del 39 a. C. / Ed. A. Raggi, P. Buongiorno... P. 163 («ai magistrati, ai promagistrati del popolo romano o a quanti hanno il potere di convocare il senato»).

¹⁴ Bleicken J. Zwischen Republik und Prinzipat... S. 37. Ф. Вербат считает, что они имели даже ius potissimum senatus consulendi (Vervae F.J. The Triumvirate... P. 40, включая n. 54). Также см.: Il senatus consultum de Plarasensibus et Aphrodisiensibus del 39 a. C. / Ed. A. Raggi, P. Buongiorno... P. 110.

¹⁵ Станным образом этот момент не прокомментирован в работе: Fernoux H.-L. Les ambassades civiques des cités de la province d'Asie envoyées à Rome au Ier s. av. J.-C.: législation romaine et prérogatives des cités // Les gouverneurs et les provinciaux sous la République romaine / Eds. N. Barrandon, F. Kirbihler. Rennes: Presses universitaires de Rennes, 2011. URL: <http://books.openedition.org/pur/109461> (дата обращения: 10.09.2025).

¹⁶ Ср., напр., RDGE 18, ll. 65–66: ὅπως τε πρεσβευταῖς τοῖς παρὰ Στρατονικέων εἰς Ῥώμην παρεσομένοις ἐκτὸς τοῦ στίχου οἱ ἄρχοντες σύγκλητον διδῶσ[ιν].

¹⁷ Reynolds J. Aphrodisias and Rome... P. 88–89.

¹⁸ Как верно отмечает К.М. Жирарде, «Diese sind jedoch 'ordentliche' (Ausnahme-)Magistrate» (Girardet K.M. Der Rechtsstatus Oktavians... S. 327 n. 17).

В отзыве на книгу Й. Бляйкена Дж. Рич заметил, что «недавно обнаруженная надпись, по-видимому, показывает, что они [триумвиры, – *Р.Ф.*] считались промагистратами, а не магистратами»¹⁹. Позднее К.Й. Ланге допустил возможность, что «документы Reynolds 1982, n. 9, l. 12 и n. 8, l. 80 могут указывать на то, что триумвиры воспринимались как промагистраты, а не магистраты, что противоречит фрагменту App. BC. 4.2.7»²⁰.

Однако сам Й. Бляйкен не считал, что триумвират представлял собой разновидность промагистратуры. По его мнению, (1) хотя в нашей надписи *ἀντάρχοντες* действительно может обозначать триумвиров, это не исключает того, что другой термин – *ἄρχοντες* – также относится к ним; следовательно, отдельное упоминание промагистратуры объясняется ее особым значением. (2) Промагистратура составляла важную часть власти триумвиров и, более того, представляла собой самостоятельную должность, «согласно действовавшим тогда правовым представлениям» (*nach den geltenden Rechtsvorstellungen*); хотя она и сочеталась с «внутригородскими прерогативами», промагистратура заслуживала отдельного упоминания. (3) Уже сама деятельность триумвиров в сфере *domi* не позволяет рассматривать их в качестве промагистратов²¹.

Положение (1) вряд ли добавляет что-то существенное. Можно даже предположить, что термин *ἄρχοντες* относится к другим магистратам, например, консулам, тогда как *ἀντάρχοντες*, о которых сказано, что они наделены правом созыва сената, – к триумвирам, поскольку только их можно было иметь здесь в виду. Аргумент (2) объясняет, почему промагистратура

¹⁹ Rich J.W. Review: The Second Triumvirate... P. 113.

²⁰ Lange C.H. Civil War in the *Res Gestae Divi Augusti*: Conquering the World and Fighting a War at Home // Beyond the Battlefields: New Perspectives on Warfare and Society in the Graeco-Roman World / Eds. E. Bragg, L. I. Hau, E. Macaulay-Lewis. Newcastle: Cambridge Scholars Publishing, 2008. P. 191 n. 31.

²¹ Bleicken J. Zwischen Republik und Prinzipat... S. 48. Также ср.: Roddaz J.-M. *Imperium*: nature et compétences à la fin de la République et au début de l'Empire // Cahiers du Centre Gustave-Glotz. 1992. Vol. 3. P. 195: «Le statut de promagistrat traduit la position exceptionnelle des triumvirs qui ne peut se comparer à celle d'un proconsul ordinaire qui ne dispose que de l'*imperium militiae*».

оказалась единственной должностью Антония, Октавиана и Лепида, упомянутой наряду с триумвиратом. Однако остается не вполне ясно, полагали Й. Бляйкен, что (а) промагистратская власть была неотъемлемой частью власти триумвира, или же (b) что триумвиры совмещали триумвират и промагистратуру как полностью независимые «должности»²². Вариант (а) выглядит избыточным, поскольку компетенция триумвиров, несомненно, полностью включала и превосходила проконсульскую. Если же принять вариант (b), исходя из которого промагистратура была самостоятельной должностью и именно потому заслуживала упоминания, то остается неясным, почему она названа именно в контексте рассуждения о *ius senatus habendi*, при описании которого промагистратура нерелевантна. Таким образом, вопрос о том, почему триумвиров предположительно обозначили одновременно как магистратов и как промагистратов, остается открытым.

По поводу аргумента (3) следует отметить, что сходное рассуждение выдвинул и К.М. Жирарде²³. Он пишет, что уже сам факт обладания триумвирами как *imperium militiae*, так и *imperium domi* показывает, что их обозначение термином *ἀντάρχοντες* может свидетельствовать об исключительном характере их власти, но не о том, будто их положение и компетенция были в публично-правовом смысле идентичны положению и компетенции проконсулов (*keine kompetenzrechtliche Analogie*)²⁴. Однако это рассуждение не учитывает, что лица, обозначенные как *ἀντάρχοντες*, прямо названы в надписи обладателями права созывать сенат – даже если мы полагаем, что те же лица названы также *ῥχοντες*. Даже если согласиться с тем, что К.М. Жирарде нашел убедительное толкование факту обозначения триумвиров термином *ἀντάρχοντες*, он не предлагает конкретного объяснения, почему составитель надписи должен был использовать этот редкий термин,

²² Bleicken J. Zwischen Republik und Prinzipat... S. 48: «weil sie nicht nur der herausragende Teil der triumviralen Gewalt, sondern auch ein nach den geltenden Rechtsvorstellungen eigenständiges Amt war».

²³ Girardet K.M. Der Rechtsstatus Oktavians... S. 327.

²⁴ Girardet K.M. Der Rechtsstatus Oktavians... S. 328–329.

вместо того чтобы просто назвать триумвиров ἄρχοντες. Ведь если бы задачей составителей документа было лишь подчеркнуть, что триумвиры обладали властью *domi*, подобно консулам, то слово ἄρχοντες вполне передало бы эту мысль. Как уже отмечалось, К.М. Жирарде полагал, что цель постановления заключалась в том, чтобы отметить исключительный характер положения триумвиров (*den Ausnahmecharakter ihrer Stellung*)²⁵. Но тогда остается непонятным, как именно термин ἀντάρχοντες помогал достичь этой цели и почему подобное уточнение стало важным именно для этого сенатского постановления (будь то для самого римского сената или для граждан Афродисия, которые вряд ли были заинтересованы в тонкостях передачи римской публично-правовой терминологии).

Утверждая, что компетенция ἀντάρχοντες в данной надписи не совпадает с полномочиями обычных промагистратов, К.М. Жирарде вовсе не исключал возможности того, что триумвиры все же могли подразумеваться под обозначением ἀντάρχοντες. Как он сам отмечал в другом месте, триумвиры исполняли свои обязанности *pro magistratu*, но, в отличие от промагистратов, также обладали властью в сфере *domi*²⁶. В связи с этим возникает вопрос: чем выполнение обязанностей *pro magistratu* отличается от исполнения их в качестве промагистрата? Выражение *pro magistratu* как раз и обозначает тех лиц, которых современные исследователи называют промагистратами. Более того, различие компетенции триумвиров и «обычных» промагистратов вполне согласуется с утверждением Й. Бляйкена о том, что триумвират представлял собой должность принципиально нового типа, отличавшуюся от всех других республиканских должностей²⁷. Если это так, то любое необычное сочетание традиционных прерогатив в их случае априори исключить нельзя.

Й. Бляйкен даже утверждал (противореча, как представляется, самому себе), что триумвират был, по сути, «проконсулатом, который посредством

²⁵ Girardet K.M. *Der Rechtsstatus Oktavians...* S. 329.

²⁶ Girardet K.M. *Die Entmachtung des Konsulates...* S. 120, 122.

²⁷ См. особенно: Bleicken J. *Zwischen Republik und Prinzipat...* S. 48: «eine Sondergewalt, insofern es kein vergleichbares Amt gab».

своих городских полномочий парализовал государственный аппарат в Риме» (ein Prokonsulat, das die staatliche Apparatur in Rom mittels stadtrömischer Kompetenzen lahmgelegt hat). Но далее исследователь вновь подчеркивал, что триумвират был уникален, сочетал в себе элементы магистратуры и промагистратуры, выходил за пределы республиканского правопорядка и стоял ближе к Принципату, чем к Республике²⁸. Возникает вопрос о том, почему Й. Бляйкен вообще считал возможным различать некие особые проконсульские полномочия триумвиров и их консульские прерогативы, если консульская власть по определению включала все возможности проконсулов. Мне представляется, что помимо таких свидетельств, как употребление ἀντάρχωντες в нашей надписи, причиной для вывода Й. Бляйкена послужил специфический срок полномочий триумвиров, превышавший обычный магистратский год. Действительно, Й. Бляйкен полагал, что триумвират соединял в себе городскую компетенцию с проконсульской, характеризовавшейся значительно большей длительностью полномочий²⁹.

Недавно Ф. Верват высказал мысль о том, что «совершенно неправильно» считать, будто «триумвират представлял собой особую промагистратуру с некоторыми магистратскими прерогативами, такими как *iūs habendi senatus*»³⁰. Первое наблюдение, которое он позиционирует как доказательство данного вывода, сводится к тому, что триумвиры определялись как коллеги. Но замечу, что, если бы триумвират был новой разновидностью промагистратуры, носители которой были наделены властью *domi*, можно представить, что и в этом отношении принципа коллегиальности он вполне мог бы напоминать магистратуру. Второй аргумент Ф. Вервата связан с надписью из Афродисия. Исследователь допускает два возможных толкования:

(1) Поскольку формулировка с парафразом τοῖς ἄρχουσιν ἀντάρχουσιν... (строки 10–15) включена в текст имперской эпохи, она, по словам Ф. Вервата,

²⁸ Bleicken J. Zwischen Republik und Prinzipat... S. 59–60.

²⁹ Bleicken J. Zwischen Republik und Prinzipat... S. 60: «im Triumvirat sind die städtischen Kompetenzen durch die gleiche Befristung mit den prokonsularischen verkoppelt worden».

³⁰ Vervae F.J. The High Command... P. 243, n. 104.

«предназначена для того, чтобы указать как на городских магистратов (обладавших *ius habendi senatus*), так и на императоров (и некоторых их привилегированных помощников, например Агриппу), которые тоже могли созывать SPQR в качестве проконсулов, имели они *tribunicia potestas* или нет». Ф. Верват обращает внимание на первую строку, где говорится о том, что далее следует выдержка из описаний пожалований, сделанных императорами, а также сенатом и народом Рима (εἶδος ἐκ τῶν δεδομένων φιλανθρώπων ὑπὸ τε Αὐτοκράτορων καὶ συνκλήτου καὶ δήμου Ῥωμαίων)³¹. Иными словами, Ф. Верват, очевидно, предполагает, что первоначальный текст, относящийся примерно к 39/38 г., не сохранился в неизменном виде и что, следовательно, речь идет о более поздних ἀντάρχοντες эпохи Принципата, наделенных *ius habendi senatus*, а не о триумвирах г.р.с. Однако это представляется маловероятным, если учитывать, что в рассматриваемом тексте и ряде других документов из Афродисия указание на αὐτοκράτορες означает, если следовать Дж. Рейнолдс, лишь «обычное подтверждение каждым следующим принцепсом того, что было первоначально даровано римским народом по закону и договору после принятия сенатского постановления»³². Более того, как отмечала Дж. Рейнолдс, «поскольку содержание (и по существу язык) строк 10–15 включено в постановление сената, последнее должно было предшествовать этому [фразе τοῖς ἄρχουσιν ἀντάρχουσιν δήμου Ῥωμαίων τοῖς ἐξουσίαν ἔχουσιν σύνκλητον συναγαγεῖν, – Р.Ф.], и, следовательно, представлять собой распоряжение Октавиана или, точнее, Октавиана совместно с Антонием»³³.

(2) Альтернативная интерпретация выражения τοῖς ἄρχουσιν ἀντάρχουσιν..., предложенная Ф. Верватом (без указания предпочтения между ними), заключается в том, что оно действительно может относиться к

³¹ Vervae F.J. The High Command... P. 243, n. 104.

³² Reynolds J. Aphrodisias and Rome... P. 94. Также см.: *Il senatus consultum de Plarasensibus et Aphrodisiensibus* del 39 a. C. / Ed. A. Raggi, P. Buongiorno... P. 163–164 (авторы рассматривают возможность того, что и термин αὐτοκράτορες указывает на самих триумвиров).

³³ Reynolds J. Aphrodisias and Rome... P. 95.

триумвирам, но в этом случае «описание следует понимать буквально как краткое обозначение чрезвычайной коллегии магистратов, которым закон Тиция предоставил право созывать SPQR»³⁴. Однако если это так, то остается непонятным, почему «краткое обозначение» триумвиров включает термин ἀντάρχοντες в дополнение к ἄρχοντες. Такая формулировка вовсе не «краткая», поскольку представляет собой сочетание указаний на два статуса.

И все же, хотя надпись из Афродисия действительно может создавать впечатление, что триумвиров воспринимали как своего рода «супер-промагистратов», обладавших полномочиями domi³⁵, я не думаю, что имеющийся в нашем распоряжении текст дает основания отрицать магистратский статус триумвиров (так же как не может их дать факт увеличенного срока полномочий или использование триумвирами особых представителей в Риме). Кроме того, если, как я полагаю, все промагистраты технически были privati, трудно представить, чтобы триумвиры, оставаясь privati, могли созывать сенат и народ, упоминаться в фастах перед консулами, считаться коллегами и т.п.

Но если триумвиры не были промагистратами, то как объяснить появление термина ἀντάρχοντες в надписи, если нельзя принять отмеченные выше версии (Октавиан и его коллеги были не только триумвирами, но и, помимо этого, якобы сохраняли некую «отдельную» промагистратскую «должность»; они одновременно обладали империем двух типов, консульским и проконсульским, ; термин ἀντάρχοντες отражает реалии начала Принципата, а не эпохи триумвиров)?

Комбинацию ἄρχοντες и ἀντάρχοντες можно попытаться интерпретировать как указание на *происхождение* империя Антония, Октавиана и Лепида. При таком подходе ἀντάρχοντες должно указывать на то,

³⁴ Vervaeke F.J. The High Command... P. 243, n. 104.

³⁵ Bringmann K. Das Zweite Triumvirat. Bemerkungen zu Mommsens Lehre von der außerordentlichen konstituierenden Gewalt // Alte Geschichte und Wissenschaftsgeschichte: Festschrift für Karl Christ zum 65. Geburtstag / Eds. P. Kneissl, V. Losemann. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1988. S. 32–35, особенно S. 33.

что триумвиры получили империй в качестве *privati*. То есть первоначально они обладали этой властью как *ἀντάρχοντες*, еще до учреждения триумvirата. После формирования коллегии они стали *magistratus*, то есть *ἄρχοντες*, и начали применять тот же самый империй уже в качестве магистратов, как триумвиры.

На первый взгляд этот подход может подкрепляться свидетельством триумфальных фаст: M. Aemilius M. f. Q. n. Lepidus II, IIIvir r(ei) p(ublicae) [c(onstituendae), a. DCCX] pro co(n)s(ule) ex Hispania pridie k. [Ian.]³⁶. Лепид был проконсулом Нарбонской Галлии и Ближней Испании на момент вступления в должность триумвира³⁷. Триумф он получил за достижения в качестве проконсула, но праздновал его уже будучи триумвиром. Отсюда и двойное обозначение. Следовательно, надпись фиксировала смену формального статуса и упоминала Лепида и как *pro consule*, и как *IIIvir rei publicae constituendae*. Однако все это не означает, что Лепид одновременно был и проконсулом, и триумвиром³⁸. Однако в отличие от *Fasti Triumphales*, которые просто фиксируют, в какой должности был «заработан» триумф, в договоре с Афродисием указание на происхождение империя триумвиров не имело большого значения. Был ли триумвир до этого промагистратом или нет, никак не влияло на то, как указанные лица, уже став триумвирами, должны были или могли далее защищать интересы Афродисия в Риме.

Тем не менее предположение о том, что надпись имеет в виду статусы, относящиеся к разным моментам времени, можно скорректировать. Вместо

³⁶ *Fasti triumph. Capit. ad ann. 43 (Inscriptiones Italiae. Vol. 13. Fasti et Elogia. Fasc. 1 / Ed. A. Degraffi... P. 86–87, 567).*

³⁷ Broughton T.R.S. *The Magistrates of the Roman Republic. Vol. 2... P. 326, 341–342.*

³⁸ Ср.: Vervaeke F.J. *The Secret History: The Official Position of Imperator Caesar Divi Filius from 31 to 27 BCE // Ancient Society. 2010. Vol. 40. P. 121, n. 107 («pro consule shows that the triumvirs were not promagistrates ... Had the triumvirs r.p.c. really been some kind of extraordinary proconsuls the explicit distinction between both offices would have been pointless and pleonastic»).* Сама по себе надпись не может опровергнуть представление о том, что триумvirат являлся промагистратурой (хотя я считаю, что ею она действительно не являлась) именно потому, что, как предполагает ее контекст, статус *pro co(n)s(ule)* и положение *IIIvir r(ei) p(ublicae) [c(onstituendae)]* относились каждый к своему моменту времени (Лепид заслужил триумф, будучи проконсулом, но отпраздновал его уже в качестве триумвира). Значение этого текста заключается в другом.

указания на прошлое положение текст может фиксировать тот факт, что в будущем триумвиры *вновь окажутся* на положении ἀντάρχοντες (что, между прочим, может также объяснить последовательность перечисления терминов: τοῖς ἄρχουσιν ἀντάρχουσιν, а не наоборот). Рациональная причина для такой формулировки, по-видимому, та же, что и причина для постоянных указаний на подтверждение со стороны SPQR решений триумвиров в отношении Афродисия и других общин, а также отдельных лиц. Триумвиры охотно принимали такого рода подтверждение, чтобы их власть выглядела более легитимной. Но и граждане Афродисия, со своей стороны, нуждались в подтверждении с стороны более стабильных традиционных институтов или, по крайней мере, должностных лиц (проконсулов) с потенциально более продолжительными полномочиями³⁹.

Однако существовала, вероятно, еще одна причина, по которой будущий статус триумвиров мог учитываться в сенатском постановлении по поводу Афродисия. Термины ἄρχοντες и ἀντάρχοντες обозначают вполне конкретных людей, даже если их имена не указаны: Антония и Октавиана. Требовалась нейтральная юридическая формулировка, позволявшая описать личные связи между Афродисием и его могущественными покровителями в терминах, исключавших любое сходство с привилегией. Поскольку исходный документ датирован 39/38 г., то есть временем незадолго до окончания первого срока триумvirата, для его составителей логичным было учитывать возможный (скорый) будущий статус этих фигур. Вне зависимости от перспектив триумvirата как магистратуры, жители Афродисия могли рассчитывать на поддержку Октавиана и Антония как *privati*, наделенных империем. В делах вне Рима такое их положение было вполне достаточным: проконсульские полномочия в провинциях почти не отличались от консульских. Сказанное позволяет объяснить появление термина ἀντάρχοντες: проконсульские

³⁹ Ср.: Roddaz J.-M. Les Triumvirs et les provinces... P. 91.

полномочия могли сохраниться у Антония, Октавиана (и Лепида) куда дольше, чем их власть в качестве триумвиров (что, собственно, и произошло)⁴⁰.

Однако эта интерпретация сталкивается с одним существенным затруднением: ἀντάρχοντες упоминаются именно в контексте описания приема посольств Афродисия в римском сенате, т.е. процедуры, относящейся к сфере *domi*. Как уже упоминалось, идея Й. Бляйкена о том, что промагистратский статус отмечен в надписи просто потому, что промагистратура была полноценной самостоятельной «должностью», не объясняет, почему этот статус упоминается в связи с *ius senatus habendi*, которым триумвиры обладали как ἄρχοντες, но утратили бы его, став ἀντάρχοντες. Однако можно предположить, что термин ἀντάρχοντες подразумевает будущее, в котором Октавиан, Антоний и Лепид, уже не будучи ἄρχοντες и не имея возможности использовать *ius senatus habendi* на пользу гражданам Афродисия, но при этом все останутся могущественными ἀντάρχοντες и, таким образом, важными союзниками – включая даже помощь в защите интересов греческого города в Риме – даже без формального обладания «городской компетенцией». Иными словами, на мой взгляд, термин ἀντάρχοντες, являясь технически точным обозначением будущего статуса триумвиров после окончания их магистратуры, одновременно указывает на внеправовую политическую реальность: бывшие триумвиры сохраняют фактическое влияние на дела в Риме. Если это так, то исчезает необходимость вслед за К.М. Жирарде предполагать,

⁴⁰ Мысль о том, что термин ἀντάρχοντες может использоваться как указание на потенциальное будущее (когда триумвиры снова станут промагистратами), получает дополнительное подтверждение благодаря тому, что отсылка к будущей ситуации есть и в другом документе из Афродисия. В нем тоже реконструируется фраза [τοῖς ἀρχουσιν ἀντάρχουσιν δημοῦ Ῥωμαίων τοῖς ἐξουσίαν ἔχουσιν συνκλήτ]ον συναγαγεῖν (Reynolds J. *Aphrodisias and Rome...* P. 60, 63 (Doc. 8, ll. 80–81); <http://insaph.kcl.ac.uk/iaph2007/iAph080027.html>, дата обращения: 15.10.2025), а ниже по тексту (Doc. 8, l. 86) обнаруживаем следующее: [· · с. 65 · · μ]ετα ταυτα ἐσομενοι οἱς ἀν αὐτων. Дж. Рейнолдс переводила фрагмент так: «те, кто будут впоследствии (занимать должность?), кому бы то ни было из них». Правда Дж. Рейнолдс сделала оговорку о том, что «В строке 68 предполагаемая будущая ситуация описана слишком неопределенно, чтобы ее можно было однозначно распознать» (Reynolds J. *Aphrodisias and Rome...* P. 90; также см.: *Il senatus consultum de Plarasensibus et Aphrodisiensibus* del 39 a. C. / Ed. A. Raggi, P. Buongiorno... P. 113–114).

будто обозначение триумвиров как ἀντάρχοντες, то есть как субъектов, действовавших pro magistratu, имеет решающее значение для понимания официального положения триумвиров⁴¹. Таким образом, появление термина ἀντάρχοντες в анализируемой надписи говорит, скорее, о Realpolitik вокруг фигур некоторых позднереспубликанских промагистратов, чем о публично-правовом регулировании триумвирата.

Хотя к рассматриваемому моменту времени промагистраты по-прежнему не могли официально выступать с инициативой в сенате или народных собраниях, жители Афродисия вполне могли рассчитывать на то, что Антоний и Октавиан – обозначенные технически корректно в надписи как (в будущем) лишь ἀντάρχοντες – найдут способ провести свои решения в Риме в пользу греческого полиса, даже не имея ius senatus habendi. То, что такой расчет оказался верным, античные авторы подтверждают, когда повествуют о событиях 37 г. Первый пятилетний срок триумвиров истек 1 января 37 г., однако триумвиры узаконили итерацию своей должности лишь ближе к концу этого года⁴². Дион сообщает две детали, показывающие, что триумвиры в течение всего 37 г. продолжали действовать как носители публичной власти не только в сфере militiae, но также (фактически, даже если не официально) в сфере domi. Во-первых, в более общем плане, сообщается о том, что Октавиан в этот период распоряжался всеми делами и в Италии, и в Галлии (48.49.2: αὐτὸς μὲν ἐφορῶν καὶ διατάττων ταῦτά τε καὶ τὰ ἄλλα τὰ τε ἐν τῇ Ἰταλίᾳ καὶ τὰ ἐν τῇ Γαλατίᾳ). Во-вторых, более конкретно, перед тем как упомянуть официальное продление полномочий триумвиров, Дион сообщает, что Антоний, Октавиан и Лепид лишили Секста Помпея как его жреческой должности, так и консулата, на который он был заранее назначен (48.54.6)⁴³.

⁴¹ Girardet K.M. Die Entmachtung des Konsulates... S. 96. К.М. Жирарде полагает, что они были «Quasi-Magistrate» или «Sondermagistrate», то есть должностными лицами, которые, действуя pro magistratu, обладали, в отличие от остальных промагистратов, imperium consulare, не ограниченным померием или городской границей.

⁴² См., напр.: Vervaeke F.J. The Secret History... P. 82–83.

⁴³ Аппиан дополняет эту картину, хотя его изложение менее однозначное. Отметив изменения в поведении Антония в конце зимы 38/37 г., он далее сообщает о том, что Октавиан объявил об этом народу (BC. 5.77: τῷ δῆμῳ προσέφερε). Это может означать

Предложенная интерпретация согласуется с другими свидетельствами, указывающими на то, что современники стали рассматривать влияние промагистратов на сферу *domi* как ожидаемую политическую возможность. Более того, эта возможность (если попытаться извлечь из нашей надписи дополнительные выводы) воспринималась как почти рутинная, само собой разумеющаяся. Такого рода ожидания приводили к тому, что в некоторых типах текстов технические различия между магистратскими и промагистратскими полномочиями не проводились, причем при описании не только ситуации в провинциях, но и политических решений в самом Риме. Примечательно то, что новая политическая практика нашла отражение даже в языке официального документа.

Таким образом, надпись из Афродисия не содержит никакой неточности, когда описывает триумвиров как промагистратов. Она не приписывает промагистратам *ius senatus habendi*. Вместо этого она отражает динамически развивавшуюся политическую реальность, объединяя несколько статусов, относящихся к разным моментам времени, в одну короткую «статическую» формулу. В результате развитие ситуации и прочие детали становятся менее отчетливыми для читателя. При таком взгляде рассматриваемый текст можно интерпретировать как свидетельство признания современниками «явочным порядком» политической практики, которая установилась еще до триумvirата и уже тогда сильно отклонялась от республиканской нормы, которая исключала промагистратов из сферы *domi*. Предложенное объяснение сочетания ἄρχοντες и ἀντάρχοντες в надписи из Афродисия может быть принято, если обратить внимание на проанализированные в предыдущей главе факты все более заметного с течением времени вмешательства

просто отправку в Рим официальных донесений о военной обстановке, но может быть понято и как указание на прямое обращение к согражданам, возможно, даже участие в гражданской *contio*. Аппиан также пишет, что Октавиан распорядился строить новые триремы в Риме и Равенне (BC. 5.93). Эту деталь также можно рассматривать как косвенное свидетельство того, что, если не официально, то, во всяком случае, на практике его военные приготовления затрагивали территорию внутри или вблизи города Рима, которая (даже если полагать ее относящейся в этой ситуации к сфере *militiae*) обычно не находилась в непосредственном ведении носителей империя, не являвшихся магистратами.

республиканских промагистратов в сферу *domi* в качестве самостоятельных политических акторов.

Одновременно данный вывод придает дополнительный вес мнению, согласно которому окончание триумvirата означало дальнейшее сохранение империя Октавианом и другими экс-триумвирами уже в качестве *privati* (*ἀντάρχοντες*), а не как *magistratus* (*ἄρχοντες*), т.е. возврат к ситуации, имевшей место до учреждения триумvirата. Во-первых, законно удерживая империй, экс-магистраты все же теряли возможность официально действовать в сфере *domi*, включая пространство внутри померия. Во-вторых, бывшие триумвиры не могли сохранять империй при пересечении померия. Но одновременно с отражением этих публично-правовых реалий, надпись указывает на неформальные политические ожидания того, что даже после окончания триумvirата бывшие триумвиры должны были сохранять способность влиять на ситуацию в Риме. Из этих наблюдений проистекает следующая исследовательская задача: уточнить, когда именно наступил этот момент, то есть, когда триумvirат официально прекратил свое существование. В зависимости от ответа на этот вопрос по-разному могут интерпретироваться конкретные случаи осуществления триумвирами (или экс-триумвирами) контроля над политической ситуацией в городе Риме.

§2. От *magistratus* к *privatus*: публично-правовое положение Октавиана в 32 г.

1 января 32 г. один из двух консулов, Сосий, произнес в сенате речь против Октавиана. Вскоре после этого Октавиан, в свою очередь, выступил с критикой консулов и Антония, пообещав представить на следующем заседании документы, которые докажут неправоту Антония. Как резюмирует К.Й. Ланге, «высказывалась мысль о том, что имел место государственный переворот, поскольку Октавиан привел на заседание охрану из вооруженных солдат и

друзей, а также на основании предположения о том, что он не имел законного права председательствовать в сенате. Если же признать, что Октавиан все еще был триумвиром или обладал властью триумвира, то это предположение [о перевороте, – *Р.Ф.*] явно неверно»⁴⁴.

Уточнение публично-правового положения Октавиана в 32 г. вызвало обширную научную дискуссию, так как античные источники допускают весьма различные интерпретации. В то же время, нередко отмечалось, что формальный статус Октавиана не так важен для понимания реальной политической ситуации⁴⁵. Древние авторы, прежде всего Кассий Дион, тоже будто бы не слишком интересуются тем, как именно выглядело официальное оформление власти триумвиров⁴⁶. И, тем не менее, по ряду причин исследовательский интерес к данному вопросу не ослабевает⁴⁷. Проблема определения момента, когда власть триумвиров завершилась, имеет решающее значение и для данного исследования. Относится ли вообще эпизод к интересующему меня типу ситуаций, зависит от того, можно ли формально определить положение Октавиана в 32 г. как промагистратское. Но прежде, чем перейти к этому вопросу, необходимо рассмотреть две основные

⁴⁴ Lange C.H. *Res publica constituta*. Actium, Apollo and the Accomplishment of the Triumviral Assignment. Leiden; Boston: Brill, 2009. P. 61.

⁴⁵ Petzold K.-E. Die Bedeutung des Jahres 32 für die Entstehung des Principats // *Historia*. 1969. Bd. 18. S. 339.

⁴⁶ См., напр.: Bringmann K. Das Zweite Triumvirat... S. 29; Roddaz J.-M. Les Triumvirs et les provinces... P. 79.

⁴⁷ Pelling C. The Triumviral Period // *Cambridge Ancient History*. Vol. 10: The Augustan Empire, 43 BC – AD 69 / Eds. A.K. Bowman, E. Champlin, A. Lintott. Cambridge: Cambridge University Press, 1996. P. 27; Vervaet F.J. The Secret History... P. 80; Lange C.H. *Res publica constituta*... P. 19; Walter U. Politische Ordnung... S. 95–96. Обзоры хода дискуссии на различных этапах ее развития см.: Rice Holmes T. The Architect of the Roman Empire. Vol. 1. Oxford: Clarendon Press, 1928. 322 p.; Hoyos B.D. The Legal Powers of Augustus: Some Modern Views // *Ancient Society*. 1983. Vol. 13. P. 5–57; Ridley R.T. The Emperor's Retrospect. Augustus' *Res Gestae* in Epigraphy, Historiography and Commentary. Leuven; Dudley, MA: Peeters, 2003. P. 6–11; Girardet K.M. Der Rechtsstatus Oktavians... S. 323–326; Bleicken J. Zwischen Republik und Prinzipat... S. 14–15, Anm. 28; Zack A. Das Ende des Zweiten Triumvirates und die Amtsgewalt des *Imperator Caesar Divi Filius (Octavianus)* in der politischen Ordnung Roms (43–27 v. Chr.). Übersehene, vergessene und neue Überlegungen zur Deutung von Augustus, *Res Gestae* 7,1; 25,2 und 34,1. Norderstedt: PubliQation, 2022. 116 S.

интерпретации, которые так или иначе приводят к выводу о том, что Октавиан формально сохранял полномочия триумвира в 32 г.

§2.1. Гипотеза о прекращении триумvirата после 31 декабря 32 г.

Первая интерпретация заключается в предположении о том, что в 32 г. триумвиры сохраняли власть, поскольку законный срок их полномочий истек 31 декабря 32 г. Этот вывод в последнее время подробно обосновывал Ф. Верват⁴⁸.

Ф. Верват напоминает о том, что первый *quinquennium* триумвиров длился с 27 ноября 43 г. до 31 декабря 38 г.⁴⁹ Следовательно, если второй срок начался немедленно, он должен был продолжаться до 31 декабря 33 г. Согласно трактовке Ф. Верватом соглашения в Путеолах 39 г., второй *quinquennium* изначально планировался на 37–33 гг. Однако, рассматривая соглашение, которое было достигнуто ближе к концу 37 г., исследователь отвергает возможность того, что «постановление 37 г. задним числом продлило триумvirат с 1 января этого года»⁵⁰. То есть, по его мнению, второй *quinquennium* продолжался с 37 г. до конца 32 г., причем между двумя сроками в 38 г. имелся разрыв⁵¹.

Основным доказательством в пользу интерпретации Ф. Вервата служит прямое свидетельство Аппиана о том, что в 33 г. от второго пятилетнего срока оставалось еще два года. Об этом Аппиан сообщает сразу после указания на вступление в должность консулов 1 января 33 г. (*Illyr.* 28). Как справедливо

⁴⁸ Хотя он также полагает, что фиксированный срок не был обязательным: лишь *abdicatio* определяла окончание полномочий (см. §2.2 данной главы). Здесь и далее я в основном ссылаюсь на работу: Vervae F.J. *The Secret History...* Ту же аргументацию в сокращенном виде см. в исследованиях: Vervae F.J. *In What Capacity Did Caesar Octavianus Restitute the Republic? // Le principat d'Auguste: réalités et représentations du pouvoir autour de la res publica restituta* / Eds. F. Hurlet, B. Mineo. Rennes: Presses universitaires de Rennes, 2009. P. 49–71; Vervae F.J. *The Triumvirate...* P. 27–32.

⁴⁹ Vervae F.J. *The Secret History...* P. 81–82.

⁵⁰ Vervae F.J. *The Secret History...* P. 87.

⁵¹ Vervae F.J. *The Secret History...* P. 80–97.

подчеркивает Ф. Верват, для того, чтобы отвергнуть это прямое указание, требуется нечто большее, чем простая декларация о его ошибочности ввиду противоречия с другими источниками⁵². Но и допущение Ф. Вервата, о том, что в данном случае Аппиан опирается на «хорошо информированный латинский источник», нельзя доказать одним лишь тем доводом, что речь идет об «исключительно точном хронологическом указании» (о двух оставшихся годах триумvirата)⁵³.

Прежде чем перейти к анализу свидетельства Аппиана, Ф. Верват полностью отвергает в той же степени прямые данные о продолжительности двух сроков триумvirата, восходящие к самому Августу. Во-первых, в *Res gestae* Август пишет о том, что он был триумvиром в течение десяти следующих подряд друг за другом лет (7.1: *per continuos annos decem*; ср. *Suet. Aug.* 27.1). Во-вторых, в Капитолийских фастах под 1 января 37 г. имена триумvиров указаны перед именами консулов. Это маркирует официальное начало очередного (второго) срока полномочий именно в январе этого года⁵⁴.

Ф. Верват полагает, что Аппиан получил «необычно точное хронологическое свидетельство» не из сочинений Августа, а из иного текста, который исследователем характеризуется как «хорошо информированный латинский источник» (*a well-informed Latin source*)⁵⁵. Однако сам Аппиан

⁵² Vervaet F.J. *The Secret History*... P. 87–88. Еще одно якобы точное указание на 32 г. как последний год триумvirата упоминал П. Анелло (*Anello P. La fine del secondo triumvirato // Φιλίας χάριν – Miscellanea di studi classici in onore di E. Manni. Vol. 1. Roma: Giorgio Bretschneider, 1980. P. 112–113*). Исследователь ссылаясь на пассаж *Suet. Aug.* 8 (*atque ab eo tempore exercitibus comparatis primum cum M. Antonio M. que Lepido deinde tantum cum Antonio per duodecim fere annos, novissime per quattuor et quadraginta solus rem publicam tenuit*). Однако сам Светоний ясно дает понять, что его подсчеты приблизительны (*fere*). Кроме того, если *exercitibus comparatis* относится к первой половине 44 г., то к 33 г. как к последнему году триумvirата мы приходим не менее легко (если не более), чем к 32 г. Насколько мне известно, этот довод П. Анелло не используется в последующих исследованиях.

⁵³ Vervaet F.J. *The Secret History*... P. 87.

⁵⁴ Vervaet F.J. *The Secret History*... P. 81, n. 5.

⁵⁵ Vervaet F.J. *The Secret History*... P. 87, n. 24. Схожим образом уже: Gabba E. *La data finale del secondo triumvirato // Rivista di filologia e di istruzione classica. 1970. Vol. 98. P. 12*; Grenade P. *Essai sur les origines du principat. Investiture et renouvellement des pouvoirs impériaux. Paris: E. de Boccard, 1961. P. 21*.

отмечает именно воспоминания Августа как свой источник и, более того, представляет их как один из самых подробных рассказов об Иллирике (*Illyr.* 14). Никаких следов «хорошо информированного латинского источника» не наблюдается.

Впрочем, логика оговорки Ф. Вервата по поводу источников Аппиана понятна: если все же не игнорировать то, что Аппиан, по собственному признанию, использовал труды Августа (либо *Res Gestae*, либо воспоминания), то он – подобно Светонию – должен был найти там то, что триумvirат длился с 42 по 33 гг. включительно. Следовательно, либо Аппиан ошибся, сказав «версию Августа», либо существовало несколько «версий Августа», противоречащих одна другой⁵⁶.

Поскольку убеждение Ф. Вервата в точности сообщения Аппиана не может основываться на допущении о том, что Аппиан использовал в этом случае сочинения Августа (такую возможность исследователь отвергает)⁵⁷, а существование «хорошо информированного латинского источника»,

⁵⁶ Как полагал П. Анелло, Октавиан в разное время по-разному оценивал продолжительность сроков триумvirата (Anello P. *La fine del secondo triumvirato*... P. 111; также ср.: Kolbe W. *Der zweite Triumvirat* // *Hermes*. 1914. Bd. 49. S. 279). Но в этом случае мы должны постулировать различие между версией *Res gestae* (13 г. н.э.) и версией воспоминаний Августа (ок. середины 20-х гг. до н.э.; вероятно, они использованы Аппианом во фрагменте *Illyr.* 28). Это допущение, отвергавшееся уже Ф. Фадинггером (Fadinger V. *Die Begründung des Prinzipats: Quellenkritische und staatsrechtliche Untersuchungen zu Cassius Dio und der Parallelüberlieferung*. Berlin, 1969. S. 129–130) и Х. Бенарио (Benario H.W. *Octavian's Status in 32 B.C.* // *Chiron*. 1975. Vol. 5. P. 305: «emperor surely did not contradict himself when he came to compose the '*Res Gestae*'»), в любом случае не может быть доказано, поскольку воспоминания Августа до нас не дошли (ср.: De Martino F. *Sugli aspetti giuridici del triumvirato* // *Il triumvirato costituente alla fine della repubblica romana. Studi in onore di Mario Attilio Levi* / Eds. A. Gara, D. Foraboschi. Como: New Press, 1993. P. 80). Если вообще допустимо строить какие-то догадки, то, как представляется, разумнее согласиться с К. Пеллингом в том, что «хотя в *III*. Аппиан в целом опирается на автобиографию Августа, не было бы удивительным, если бы Август в этом произведении умышленно допускал расплывчатость формулировок по поводу своего статуса в 32 г., и уже сам Аппиан заполнил этот пробел собственным объяснением» (Pelling C. *The Triumviral Period*... P. 67). О неудачной попытке У. Вилькена (Wilcken U. *Der angebliche Staatsstreich Octavians im Jahre 32 v. Chr.* // *Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische Klasse*. 1925. Bd. 15. S. 85) согласовать пассажи *Illyr.* 28 и *RGDA* 7.1, см.: Rice Holmes T. *The Architect*... P. 244–245.

⁵⁷ У. Вилькен, впрочем, утверждал, что, поскольку пассаж *Illyr.* 28 основан (как он считал) на воспоминаниях Августа, в этих последних Август должен был указать 32 г. (включительно) как последний год триумvirата.

независимого от Августа, остается целиком гипотетическим, проверка сведений Аппиана может быть осуществлена иным образом. Необходимо задаться вопросом о том, сообщает ли Аппиан в других местах своих сочинений какие-либо конкретные детали о сроках триумvirата, и нельзя ли проверить их, а не спорный фрагмент *Illyr.* 14. Это позволит судить о степени надежности этого автора в интересующем нас вопросе.

Во фрагменте *BC.* 5.95 Аппиан подобно Кассию Диону (48.54.6) повествует о том, что в 37 г. триумvиры сами себе предоставили еще один пятилетний срок, но при этом, как выразился Ф. Верват, «несколько неточно (somewhat inaccurately) предполагает, что первый срок еще только подходил к концу», тогда как в действительности (это не является предметом споров современных исследователей) он уже истек⁵⁸. Для Э. Габбы, автора важного комментария к тексту Аппиана, это «очень серьезная неточность» со стороны греческого автора⁵⁹. По оценке же Ф. Вервата, «Аппиан просто немного запутался (is simply being a bit confused) относительно точной хронологии заключительной стадии первого quinquennium»⁶⁰. Однако эта «незначительная» путаница, как фактически вынужден признать и сам Ф. Верват, вовсе не незначительная, т.к. «ошибочно создает впечатление, что первый срок триумvиров длился с 1 января 41 г. по 1 января 36 г.»⁶¹. Ф. Верват затем отмечает, что последнее свидетельство Аппиана «противоречит его пояснению во фрагменте *Illyr.* 28». Далее исследователь осуществляет обманчиво простую операцию: он полагает, что следует просто предпочесть вариант, который нашел отражение в пассаже *Illyr.* 28⁶². Однако если фрагмент *BC.* 5.95 предполагает, что первый срок длился «с 1 января 41 г. по 1 января 36 г.» (то есть с 41 г. до конца 37 г.), то это также означает, что второй пятилетний срок продолжался с 36 г. по конец 32 г. И это, вопреки мнению Ф. Вервата,

⁵⁸ Vervaet F.J. *The Secret History...* P. 82–83.

⁵⁹ Gabba E. *La data finale...* P. 10.

⁶⁰ Vervaet F.J. *The Secret History...* P. 83, n. 12.

⁶¹ Vervaet F.J. *The Secret History...* P. 88, n. 27.

⁶² Сходным образом А. Бауэр полагал, что Аппиан сам себе противоречит (Bauer A. *Der Staatsstreich des Octavianus im Jahre 32 v. Chr.* // *Historische Zeitschrift.* 1917. Bd. 117. S. 22).

вовсе не противоречит тексту *Illyr.* 28. Как справедливо отмечает К. Пеллинг, если Аппиан подразумевал в пассаже *BC.* 5.95, что первый срок не был окончен в 37 г., он «естественно также должен был предположить, что продление пятилетнего срока будет длиться с 36 г. до конца 32 г.»⁶³. Ф. Верват возражает К. Пеллингу, отмечая, что его толкование «подразумевает неприемлемое предположение о том, что Антоний, Октавиан и Лепид продолжали управлять Республикой в 37 г. в качестве *privati*»⁶⁴. Однако замечание К. Пеллинга ничего подобного вовсе не подразумевает⁶⁵. Напротив, К. Пеллинг верно заключает, что, согласно сведениям *App. BC.* 5.95, в 37 г. Антоний, Октавиан и Лепид были триумвирами (а не *privati*) и все еще реализовывали первый срок в этом качестве.

Следует согласиться с К.М. Жирарде в том, что фрагменты *BC.* 5.95 и *Illyr.* 28 не просто не противоречат друг другу, а *взаимно обуславливают* друг друга⁶⁶. Однако необходимо еще подчеркнуть, что принципиальное различие между этими свидетельствами, не учтенное К.М. Жирарде, состоит в том, что, если пассаж *Illyr.* 28 можно считать априори ошибочным только при условии полного доверия Августу (т.е. *Res gestae* и той версии, которую мы видим в фастах, созданных в его время), то текст *BC.* 5.95, напротив, не зависит от степени нашего доверия или недоверия Августу и полностью опровергается таким фактом, который никто из исследователей (включая Ф. Вербата), не

⁶³ Pelling C. *The Triumviral Period...* P. 67.

⁶⁴ Vervaeke F.J. *The Secret History...* P. 88, n. 27.

⁶⁵ Не говоря уже о том, что «предположение, будто Антоний, Октавиан и Лепид продолжали управлять республикой в 37 г. в качестве *privati*», конечно, не создает никаких затруднений, совершенно допустимо и, строго говоря, вопреки мнению Ф. Вербата, вообще не имеет никакого отношения к вопросу.

⁶⁶ Girardet K.M. *Per continuos annos decem (res gestae divi Augusti 7,1)*. Zur Frage nach dem Endtermin des Triumvirats // *Chiron*. 1995. Bd. 25. S. 154–155. Также см.: Mommsen Th. *Römisches Staatsrecht*. Bd. II.1. S. 718, Anm. 1; Rice Holmes T. *The Architect...* P. 240–241; Fadinger V. *Die Begründung des Prinzipats...* S. 107–109. Ср. неубедительные попытки Э. Габбы и П. Анелло «реабилитировать» Аппиана в данном случае (Gabba E. *La data finale...* P. 10; Anello P. *La fine del secondo triumvirato...* P. 110). П. Грёнад утверждал, что фрагмент *Illyr.* 28 недвусмысленен и не может оспариваться на основании того, что он противоречит тексту *BC.* 5.95, поскольку последний точно ошибочен (Grenade P. *Essai sur les origines du principat...* P. 20–21). Но каким образом пассаж *BC.* 5.95 противоречит *Illyr.* 28?

ставит под сомнение, а именно тем, что первый *quinquennium* (если считать полные годы) начался в 42 г., а не в 41 г. (как прямо следует из пассажа *BC*. 5.95). Если Ф. Верват принимает сведения фрагмента *Illyr*. 28, то он также должен принять логически неразрывно и непротиворечиво связанные с ним следствия из текста *BC*. 5.95. Но поскольку *BC*. 5.95 совершенно точно ошибочен, то должен быть неверным и фрагмент *Illyr*. 28. Либо оба верны, либо оба неверны⁶⁷.

Другая ошибка Аппиана приводит к появлению особой хронологии консулата в период господства триумвиров. Во фрагменте *BC*. 5.95 отмечается, что на встрече в Путеолах были определены следующие консулы-десигнаты: М. Антоний и Л. Скрибоний Либон (38 г.), Октавиан и Секст Помпей (37 г.), Гн. Домиций Агенобарб и Г. Сосий (36 г.), а также Антоний и Октавиан (35 г.). В действительности ординарные консульства этих лет принадлежали другим лицам. Ф. Верват признает, что Аппиан допустил ошибку, и предлагает интерпретацию, которая «устраняет проблему». Исследователь полагает, что Аппиан приводит первоначальный список консулов-десигнатов для 36–33 гг., а не для 38–35 гг.⁶⁸ Но даже если это так, то «в сухом остатке» оказывается, что Аппиан и здесь ошибается в вопросах хронологии триумvirата, причем ошибка, как пишет сам Ф. Верват, составляет два года.

Таким образом, информацию Аппиана по поводу сроков триумvirата следует полностью отвергнуть. Это единственное прямое свидетельство, указывающее на 31 декабря 32 г. как на конечную дату триумvirата⁶⁹. Ф. Верват напоминает о двух других, правда косвенных, показаниях, которые могут быть использованы для обоснования того, что триумvirат не прекратился 31 декабря 33 г. Во-первых, Ф. Верват анализирует описание

⁶⁷ Н. Льюис полагал, что причиной ошибки Аппиана, когда он повествует об ἀρχή триумвиров, может быть то, что он перепутал триумvirат и империй, который мог сохраняться дольше, чем сама должность (Lewis N.G. *Rechtsfrage II*... P. 62). Действительно, в труде, посвященном Иллирику, Аппиан сосредоточивается только на событиях в этой провинции, а власть над ней Октавиан, безусловно, формально сохранял и в 32 г. как промагистрат.

⁶⁸ Vervae F.J. *The Secret History*... P. 86, также см. P. 97, n. 57.

⁶⁹ По поводу того, что надпись ILS 78 не так однозначна, см. ниже.

Кассием Дионом участия Октавиана в заседании сената в январе 32 г. (50.3.5). Этот пассаж я подробно рассмотрю ниже (см. §3 данной главы). Пока необходимо только отметить, что для Ф. Вервата сам факт того, что Октавиан восседал на *sella curulis* вместе с консулами, является неопровержимым доказательством того, что он по-прежнему официально выступал как магистрат римского народа⁷⁰. Но сначала необходимо доказать, что в данном конкретном случае политическая реальность соответствовала публично-правовой. Иными словами, существует риск посчитать то, что Октавиан «явочным порядком» делал в сенате в 32 г., с тем, на что действующие триумвиры были официально уполномочены совершать в сенате⁷¹. Даже если Октавиан действительно пользовался некоторыми прерогативами триумиров в 32 г. и позднее, это еще не значит, что он был формально вправе это делать⁷². По этой причине все показания о предполагаемом практическом применении им этих полномочий должны быть исключены из рассмотрения. Не всякое действие должно иметь правовое объяснение, хотя попытка такого объяснения, конечно, необходима⁷³.

Прямых указаний на то, что триумвиры могли сидеть посередине между консулами в сенате, в источниках нет⁷⁴. Однако Ф. Верват считает, что,

⁷⁰ Vervae F.J. *The Secret History...* P. 89. См. уже, напр.: Kolbe W. *Der zweite Triumvirat...* S. 285; Niccolini G. *Il triumvirato di Lepido, Antonio e Ottaviano e il principato di Augusto* // *Atti della Società di Scienze e Lettere di Genova*. 1939. Vol. IV. Fasc. I. P. 73, 77. Ср.: Mommsen Th. *Römisches Staatsrecht*. Bd. II.1. S. 720.

⁷¹ Так, у П. Виллемса находим ссылку на события 32 г. как на единственное свидетельство по поводу прерогатив действующих триумвиров в сенате (Willems P. *Le sénat...* P. 767). Также см.: Wilcken U. *Der angebliche Staatsstreich...* S. 79; Roddaz J.-M. *La métamorphose: d'Octavien à Auguste* // *Fondements et crises du pouvoir* / Eds. S. Franchet d'Espèrey, V. Fromentin, S. Gotteland, J.-M. Roddaz. Pessac: Ausonius Éditions, 2003. P. 403.

⁷² Bringmann K. *Das Zweite Triumvirat...* S. 38. Ср.: Fadinger V. *Die Begründung des Prinzipats...* S. 145, 147, Anm. 1; Lange C.H. *Res publica constituta...* P. 58. Ф. Фадингер полагал, что Октавиан продолжил пользоваться властью триумвира незаконно, несмотря на то, что триумвират уже прекратил существование. Исследователь, однако, каким-то образом сочетал этот вывод с представлением о том, что без абдикации *potestas* триумвиров оказывалась по-прежнему «materiell fortbestehende». Более того, она служила «правовой основой» (*Rechtsgrundlage*) для чрезвычайных мер Октавиана с 32 по 27 гг. Должны ли мы, следовательно, считать, что незаконно удержанная власть служила правовой основой?

⁷³ Ср.: Lewis N.G. *Rechtsfrage II...* P. 59.

⁷⁴ Ср. App. *BC*. 4.37: триумвиры восседали на трибуне на форуме.

поскольку они обладали *summum imperium auspiciumque*, их право занимать такую позицию, «каким бы экстраординарным оно ни было», было вполне логичным⁷⁵. По мнению Ф. Вervата, «в период триумvirата консулы были лишены своих фасок», тогда как «в республиканскую эпоху *turnus fasok* между двумя консулами ярко символизировал чередование *summum imperium auspiciumque*»⁷⁶. Передача фасок коллеге, по убеждению исследователя, означала лишение какой-либо инициативы. Ф. Вervат утверждает, что даже в сфере *domi* консул, который не имел фасок в данный момент, «не мог предпринимать никаких значительных инициатив без предварительного согласия *collega maior*»⁷⁷. «Верховное положение триумvиров в официальной магистратской иерархии демонстрируется также консульскими фастами, которые исправно помещают всех троих впереди имен ординарных консулов». Таким образом, хотя «консулам (и всем прочим магистратам) все еще полностью принадлежали их официальные прерогативы», они в то же время «были временно подчинены верховной власти триумvиров, подобно тому как преторы подчинены консулам, и могли действовать лишь с одобрения триумvиров, определенно не без него и не против него»⁷⁸.

Так это или нет, все эти предположения никак не доказывают факт того, что триумvирь имел право сидеть между консулами. Для сравнения рассмотрим диктатуры Цезаря. Ф. Вervат утверждает, что Цезарь должен был обладать этим правом именно потому, что являлся носителем *summum imperium auspiciumque*⁷⁹. Затруднение состоит здесь в том, что Цезарь получил указанную привилегию не автоматически как часть диктаторских прерогатив, а как дополнительное, специальное и беспрецедентное особое право только в

⁷⁵ Vervaet F.J. *The Secret History...* P. 91. Ср. уже в работе: Kolbe W. *Der zweite Triumvirat...* S. 285.

⁷⁶ Vervaet F.J. *The Secret History...* P. 90.

⁷⁷ Vervaet F.J. *The High Command...* P. 52. Следует обратить внимание на уточнение «significant initiatives». Это попытка исследователя затушевать вопрос о том, что именно мог или не мог делать консул, который в данный момент не имел фасок.

⁷⁸ Vervaet F.J. *The Secret History...* P. 91. Попутно замечу, что, кажется, нет оснований считать, что претор был подобным образом зависим от консула.

⁷⁹ Vervaet F.J. *The Secret History...* P. 91, n. 37.

46 г. (Cass. Dio 43.14.3–6). Следовательно, обладание *summum imperium auspiciumque* (даже в трактовке Ф. Вервата) само по себе еще не давало права восседать между консулами в сенате⁸⁰.

Вторым косвенным признаком того, что триумвират не прекратился 31 декабря 33 г., является, по мнению Ф. Вервата, тот факт, что Антоний и Октавиан заранее договорились о том, что станут коллегами по консулату на 31 г. «Это имеет смысл, только если принять слова Аппиана в пассаже *Illyr.* 28 за чистую монету» (т.е. слова, из которых следует, что триумвират завершился только 31 декабря 32 г.), поскольку Октавиан якобы не позволил бы двум известным сторонникам Антония, Сосию и Агенобарбу, занять консульство в 32 г., если бы к тому времени триумвират уже прекратил свое существование⁸¹. Но замечу: именно это Октавиан и сделал.

Аргумент вида «Октавиан бы не позволил...» нельзя обосновать с полной уверенностью, однако более очевидное возражение Ф. Вервату заключается в ином обстоятельстве. Ни Октавиан, ни Антоний не были десигнированы на 37 г. – год, непосредственно следующий за окончанием первого *quinquennium*. Тем не менее это, как видно, не представляло для них проблему. Единственное различие между ситуациями 37 и 32 гг. заключалось в том, что в 37 г. у каждого из триумвиров был союзник в консульской должности, тогда как в 32 г. союзники были только у Антония. Однако сам Ф. Верват цитирует К. Пеллинга, который справедливо указывает на то, что избрание Домиция Агенобарба и Сосия «вполне могло быть результатом выбора Антония: он занимал сильные позиции как в Брундизии, так и у Мизена»⁸². Ф. Верват считает объяснение К. Пеллинга неудовлетворительным, но на каком основании, остается для меня неясным⁸³. Для Аппиана причиной, по которой Октавиан стремился к

⁸⁰ Ср.: Vervaet F.J. *The High Command...* P. 228, n. 50.

⁸¹ Vervaet F.J. *The Secret History...* P. 96–97 (сходным образом, напр.: Grenade P. *Essai sur les origines du principat...* P. 24). Обоснованность этого предположения была поставлена под сомнение уже Э. Греем (Gray E.W. *The Crisis in Rome at the Beginning of 32 B.C.* // *The Proceedings of the African Classical Associations.* 1975. Vol. 13. P. 15–17; также см.: Benario H.W. *Octavian's Status...* P. 306–308; Hoyos B.D. *The Legal Powers...* P. 8).

⁸² Pelling C. *The Triumviral Period...* P. 68.

⁸³ Vervaet F.J. *The Secret History...* P. 97, n. 58.

возобновлению соглашения с Антонием в 37 г., была критически тяжелая для Октавиана ситуация в войне с Секстом Помпеем. Поскольку продление триумvirата стало прямым следствием нового соглашения, фактически спасшего Октавиана, неудивительно, что Антоний мог воспользоваться моментом и потребовал от визави, чтобы обе консульских должности 32 г. достались его сторонникам. Разумеется, для Октавиана было куда важнее победить Секста Помпея (или, скорее, просто выжить в этой войне), чем отказываться в этой уступке, касавшейся отдаленного будущего. Как нам известно, уступка оказалась весьма значительной и создала много трудностей для Октавиана в 32 г., но он все же смог эти трудности преодолеть⁸⁴.

Предположим, что объяснение К. Пеллинга не работает. Допустим, что Октавиан действительно ни при каких обстоятельствах не мог позволить двум сторонникам Антония быть консулами после истечения срока триумvirата и что этот срок истекал именно 31 декабря 32 г. Это рассуждение требует признания тезиса о том, что политическая ориентация действующих консулов была важна и даже имела решающий характер. Однако согласно другой части аргументации Ф. Вервата (см. подробнее §2.4 данной главы), Октавиан при любых консулах и по истечении любого срока триумvirата в любом случае оставался бы триумvиром, сохраняя формальное превосходство над консулами. Но если так, то неясен смысл внезапной атаки консула Сосия на легитимного триумvира Октавиана в начале 32 г. Еще более важно то, что все это не согласуется с исходным тезисом самого Ф. Вервата: якобы Октавиан ни при каких обстоятельствах не мог допустить, чтобы оба консула были сторонниками Антония в год окончания триумvirата. Если Октавиан все равно оставался триумvиром, почему фигуры консулов имели значение? Если же они не были важны, то соответствующие назначения не могут служить аргументом в дискуссии о сроке окончания триумvirата.

⁸⁴ Еще один аргумент в пользу версии об окончании триумvirата в конце 32 г. заключается в наблюдении о том, что у Мизена были определены будущие консулы вплоть до 31 г. включительно. «Против» этого рассуждения см.: Bleicken J. Zwischen Republik und Prinzipat... S. 68, Anm. 195; De Martino F. Sugli aspetti... P. 81, n. 71.

То же самое можно выразить иначе. Ф. Верват утверждает, что в течение всего 37 г. триумвиры не заботились о том, чтобы осуществить итерацию своей магистратуры (задним числом), и при этом не стремились занять консульскую должность. Второй срок триумvirата, по его мнению, начался только 1 января 36 г. и длился до 31 декабря 32 г. Это с необходимостью означает, что в рамках логики Ф. Вервата ситуация, при которой триумвиры просто продолжают осуществлять свои триумvirатские полномочия без консульства или какой-либо другой должности, не создает для них никаких серьезных трудностей. Далее Ф. Верват утверждает, что триумвиры запланировали свое совместное консульство именно на 31 г. для того, чтобы «удобно завершить второй срок триумvirата» и «подтвердить ожидания того, что они намерены формально отказаться от триумvirата и тем самым восстановить традиционный политический порядок либо в самом конце 32 г., либо, что вероятнее, в январе 31 г. как *consules tertium*»⁸⁵. Таким образом, консульство было необходимо им в лучшем случае ради «удобства», и чтобы «подтвердить ожидания». Возникает вопрос: если консульство было в сущности второстепенным, лишь «удобным» механизмом создания для подпитки определенного впечатления, то почему оно должно непременно следовать непосредственно за последним годом второго пятилетнего срока триумvиров? Если консульство не играло важной роли, то триумвиры могли просто удержать свою власть на еще один год после истечения срока полномочий (точно так же, как, по мнению Ф. Вервата, они уже сделали в 37 г.), дождаться вступления в консульство в 31 г. и только затем совершить абдикацию триумvirата.

Важное возражение «против» аргумента Ф. Вервата по поводу значимости планирования совместного консульства Октавиана и Антония на 31 г. приводит К.Й. Ланге: «Можно было бы ожидать, что они займут консульство либо в последний год триумvirата, либо в год, следующий непосредственно за ним; но фактически имеется годичный разрыв. Предположив, что второй срок закончился в конце 32, а не 33 г., противоречие

⁸⁵ Vervae F.J. The Secret History... P. 97.

можно сделать менее острым, но полностью разрешить его нельзя, поскольку назначение консулов было осуществлено уже в 39 г. На тот момент, по видимому, предполагалось, что итерация произойдет вовремя, к завершению первого срока, и тогда второй срок завершится в конце 33 г.»⁸⁶.

Следовательно, мы не можем отвергнуть 31 декабря 33 г. как дату окончания второго пятилетнего периода и заменить ее на 31 декабря 32 г. лишь на основании того, что совместное консульство Октавиана и Антония было назначено на 31 г. Если в рамках реконструкции Ф. Вервата разрыв между завершением первого срока и итерацией триумvirата в 37 г. не вызвал никаких проблем, то таким же беспроblemным должен считаться такой же разрыв и в 32 г.⁸⁷. Таким образом, я не могу согласиться с тем, что совместное консульство в 31 г. «имеет смысл, только если принимать слова Аппиана во фрагменте *Illyr.* 28 всерьез».

Ф. Верват не рассматривает последствия его реконструкции публично-правовой ситуации для объяснения событий начала 32 г. Исследователь сам цитирует замечание Р. Сайма о том, что «неожиданно важная роль консулов и плебейского трибуна в начале 32 г. может рассматриваться как решительное доказательство того, что триумvirат подошел к концу. По крайней мере юридически»⁸⁸. Хотя я и не считаю это обстоятельство «решительным доказательством», оно, несомненно, важно.

Предположим, что Октавиан оставался триумvиром или формально сохранял власть триумvира. Почему в таком случае после атаки со стороны Сосия он покинул окрестности города (или даже сам город)? Он мог бы

⁸⁶ Lange C.H. *Res publica constituta*... P. 30, n. 47 (но ср. P. 31, n. 48). Также ср.: Wilcken U. *Der angebliche Staatsstreich*... S. 69; Rice Holmes T. *The Architect*... P. 241–242 (в ответ на аргументацию У. Вилькена).

⁸⁷ На практике этот разрыв представлял собой серьезное затруднение. Но что могли сделать триумvиры, если они не оказались в состоянии немедленно возобновить свое соглашение? Триумvиры потенциально могли узаконить любые решения, однако в 32 г. они не могли продлить свою власть, потому что находились в состоянии конфликта друг с другом, так же, как и в 37 г., когда они в течение некоторого времени были не способны прийти к согласию.

⁸⁸ Vervae F.J. *The Secret History*... P. 119, n. 105; Syme R. *The Roman Revolution*... P. 177–178, n. 6. Близко к мнению Р. Сайма: Rice Holmes T. *The Architect*... P. 243.

собирать силы через посредников, оставаясь в городе и контролируя главное политическое «поле боя». Сложно представить, каким образом Сосий мог лишить Октавиана его провинций, если последний все еще формально оставался триумвиром, а триумвиры имели законное право распределять провинции по собственному усмотрению⁸⁹. Как верно вопрошал Х. Бенарио, «могли ли консулы реально действовать так против Октавиана, если бы он все еще был триумвиром?»⁹⁰. Почему предложения Сосия в сенате блокировал плебейский трибун, а не сам Октавиан, применяя *summum imperium auspiciumque*⁹¹? Антоний отсутствовал, но Октавиан был на месте и мог использовать свои широкие полномочия как триумвир. Ранее консул Л. Антоний не смог ничего противопоставить действующему триумвиру. Даже если предположить, что Сосий хотел лишь спровоцировать Октавиана на резкие действия и не надеялся действительно провести свои предложения, это оказывалось бы возможным только если Октавиан уже не был триумвиром. Иначе единственным результатом провокации Сосия было бы вполне легальное применение Октавианом своих полномочий как триумвира, и тогда выступление Сосия лишается уже всякого смысла. Ф. Верват объясняет внезапную активность Сосия ссылкой на эдикт 36 г., по которому Октавиан снова уполномочил ежегодных магистратов управлять государственными

⁸⁹ О неоднократных случаях перераспределения провинций между триумвирами без одобрения SPQR см., напр.: Roddaz J.-M. *Les Triumvirs et les provinces...* P. 89; Roddaz J.-M. *La métamorphose...* P. 404. Также см.: Lewis N.G. *Rechtsfrage II...* P. 60–61.

⁹⁰ Benario H.W. *Octavian's Status...* P. 307.

⁹¹ Опора Октавиана на плебейского трибуна становится еще менее понятной, если принять точку зрения, что консул предложил лишить полномочий действующего триумвира. Как сторонник этого мнения, У. фон Любтов дал показательный пример необоснованных предположений и круговой аргументации (против этого возражал уже Ф. Де Мартино, см.: De Martino F. *Storia della costituzione romana*. T. IV. P. 1. Napoli: Casa Editrice Jovene, 1962. P. 86, n. 47). У. фон Любтов ссылаясь на слова Кассия Диона о том, что Сосий хотел предложить определенные меры против Октавиана. Затем исследователь (со ссылкой на Э. Шёнбауэра) делал предположение о том, что эти меры заключались в лишении Октавиана должности триумвира, и именно этому воспротивился трибун Ноний Бальб. Наконец, У. фон Любтов использует эту гипотетическую (ничем не доказанную) реконструкцию для обоснования того, что, якобы по мнению самого Сосия, окончание срока триумvirата не приводило автоматически к прекращению власти триумвиров (Lübto U. von. *Das römische Volk, sein Staat und sein Recht*. Frankfurt am Main: V. Klostermann, 1955. S. 359).

делами в соответствии с *mos maiorum*. Но сам Ф. Верват признает, что «такой порядок, разумеется, не умалял верховной власти триумвиров»⁹². Если так, то атака Сосия в рамках концепции Ф. Вервата остается необъяснимой.

Особняком среди рассматриваемых концепций стоит подход, предложенный А. Цаком в специальной монографии⁹³. Он интерпретирует свидетельства источников в целом так, как это делают сторонники гипотезы о том, что триумвират завершился в конце 32 г. Это позволяет исследователю пользоваться аргументацией, разработанной в рамках этого направления историографии, и полемизировать с теми, кто полагает, что триумвират завершился в конце 33 г. Но затем А. Цак вводит важное уточнение о том, что на практике полномочия триумвиров завершились с отстранением Антония уже в конце лета 32 г. Это означает, что при счете только полных лет, триумвират все-таки не превысил 10-летний срок. Это избавляет А. Цака от необходимости отвергать всю идущую от Августа традицию, как это приходится делать последователям идеи о завершении триумвирата в конце 32 г. Кроме того, исследователь полагает, что в 37 г. второй срок триумвирата не был ретроактивно утвержден с 1 января, а начался только с осени этого года. Именно это допущение позволяет А. Цаку считать, что реальный срок триумвирата так и не превысил 11 полных лет. Таким образом, исследователь находит некий «третий путь» и, следовательно, способ гармонизировать и часть показаний источников, и некоторые существенные части двух больших конкурирующих подходов в современной историографии. Однако анализ конкретных деталей аргументации А. Цака не позволяет с ним согласиться.

Прежде всего, нельзя солидаризироваться с тем, что свидетельства Августа и Аппиана могут быть «гармонизированы» только за счет признания

⁹² Vervae F.J. *The Secret History...* P. 145, n. 176.

⁹³ Zack A. *Das Ende des Zweiten Triumvirates...* Концепцию А. Цака я рассматриваю в рецензии: Frolov R.M. Andreas Zack, *Das Ende des zweiten Triumvirates und die Amtsgewalten des Imperator Caesar Divi filius (Octavianus) in der politischen Ordnung Roms (43–27 v. Chr.). Übersehene, vergessene und neue Überlegungen zur Deutung von Augustus, Res Gestae 7,1; 25,2 und 34,1.* Madrid, Real Academia de Ciencias Morales y Políticas 2022 // *Historische Zeitschrift*. 2026. Bd. 322. S. 446–448.

того, что Август считал лишь полные годы, когда указывал 10-летний срок триумvirата. Действительно, в рамках логики А. Цака фрагмент *App. Illyr.* 28 (на начало 33 г. оставалось еще два года срока триумvirата, то есть он должен был завершиться в конце 32 г.) согласуется с текстом *RGDA* 7.1 (триумvirат, начавшись в ноябре 43 г., продолжался 10 полных лет, но меньше 11 лет, т.к. имелся перерыв в течение большей части 37 г., что дает в качестве завершения второго срока также конец 32 г.). Это согласование показаний двух источников не может быть принято, поскольку А. Цак не дает убедительного обоснования тезиса о том, что второй срок триумvirата отчитывался только с момента соглашения в Таренте осенью 37 г. (см. об этом ниже). Но даже если бы мы все же согласились с А. Цаком в этой части, имеется другое свидетельство Аппиана, а именно пассаж *BC.* 5.95, в котором сообщается о том, что во время переговоров в Таренте в сентябре/октябре 37 г. первый срок триумvirов еще только истекал, а триумvирь лишь теперь решили его продлить. Это не только противоречит формулировке *RGDA* 7.1, но и не согласуется с реконструкцией самого А. Цака, поскольку он считает, что на момент переговоров первый срок формально завершился, пусть даже триумvирь продолжили удерживать свою магистратуру «явочным порядком». Ни о каком согласовании сведений Аппиана с другими свидетельствами говорить не приходится.

А. Цак считает представление о завершении триумvirата в конце 33 г. исключительно «современной реконструкцией» (*eine moderne Rekonstruktion*). Наличие дополнительных недель в 43 г., добавленных к началу первого пятилетнего срока триумvirата, исследователь полагает существенной проблемой для критикуемой им концепции, так как ее последователи якобы из-за этого вынуждены принять, что срок триумvirата при любом подсчете все-таки превысил полные 10 лет. Отсюда А. Цак заключает, что поскольку превышение 10-летнего срока уже признано всеми исследователями и никем не оспаривается, им также следует быть готовыми и к тому, чтобы принять принципиальную возможность более значительного превышения 10-летнего срока триумvirата, чем на срок более тех пяти недель, которые приходились

на конец 43 г. Единственное условие состоит лишь в том, чтобы общий срок не превышал 11 полных лет. Тогда это будет соответствовать утверждению Августа о 10 годах триумvirата⁹⁴.

Действительно, свидетельство *Fasti Colotiani* однозначно: таковы были условия *lex Titia*⁹⁵. При этом А. Цак соглашается с возможностью того, что данный текст фиксировал ситуацию поэтапно и синхронно развитию событий, а не был составлен за один раз позднее⁹⁶. Однако исследователь никак не комментирует тот факт, что *lex Titia*, если судить по тексту *Fasti Colotiani*, устанавливал срок триумvirата именно так, чтобы он оказался в итоге гармонизирован с началом консульского года, и только по этой причине фиксировал срок, несколько превышавший 5 лет. Но если для первого срока триумvirата положительные сведения источников о такой гармонизации есть, то по поводу второго срока их нет. В этом ключевое различие. Гармонизация второго срока с консульским годом, действительно, потребовалась бы и полностью соответствовала бы логике этого решения, реально принятого в случае с первым сроком, но есть один существенный момент. Если о начале первого срока не строго 1 января (42 г.) нам известно, и, следовательно, ясно, откуда возникло намерение несколько увеличить 5-летний срок, то представление о том, что начало второго срока также должно было прийти не на 1 января, а на конец года (37 г.), является лишь результатом реконструкции А. Цака (в его терминологии – не более, чем «eine moderne Rekonstruktion»), в основе которой, в свою очередь, гипотеза о том, что триумвиры не пошли на оформление начала второго срока «задним числом» с 1 января 37 г., а с этим представлением согласиться, на мой взгляд, нельзя (см. ниже).

⁹⁴ Zack A. Das Ende des Zweiten Triumvirates... S. 20–21.

⁹⁵ Inscriptiones Italiae. Vol. 13. Fasti et Elogia. Fasc. 1 / Ed. A. Deggrassi... P. 273–276 (= CIL I [2. Aufl.] p. 64):24 [Marcus A]emilius [[Marcus Antonius]] Imp(erator) Caesar IIIvir(i) r(ei) p(ublicae) c(onstituendae) / ex a(nte) d(iem) V K(alendas) Dec(embres) ad pr(idie) K(alendas) Ian(uarias) sext(as).

⁹⁶ Zack A. Das Ende des Zweiten Triumvirates... S. 68–69, Anm. 24: «der Text zu den Jahren jeweils zeitgenössisch ist».

А. Цак полагает, что в «исторической традиции» («in den historischen Schilderungen») нет подтверждений того, что второй срок ретроактивно подсчитывался с 1 января 37 г. Исследователь вводит здесь понятие «историческая традиция» (historische Schilderungen), чтобы подготовить читателя к критике той части показаний источников, которая не заслуживает такого доверия, как «историческая». И действительно, свидетельство Fasti consulares (в них триумвиры указаны в качестве эпонимов только для 37 г.) исследователь затем отвергает только на том основании, что оно отражает «взгляд эпохи Августа»⁹⁷. Но, во-первых, само по себе это никак не дезавуирует возможность того, что второй срок триумvirата действительно начался ретроактивно и был именно так официально оформлен. Во-вторых, другие свидетельства (прежде всего, Res Gestae), которые А. Цак вполне принимает, тоже отражают «взгляд эпохи Августа», но исследователя это никак не смущает, более того, он строит свою концепцию именно на такого рода показаниях⁹⁸. А. Цак вполне признает, что не сохранился тот фрагмент текста fasti consulares за 37 г., который мог содержать указание на итерацию, но далее исходит из недоказанного тезиса о том, что таковая не упоминалась⁹⁹. При этом он подает это обстоятельство как имеющее некое значение для доказательства его концепции, однако остается неясно, какое именно.

Была указана в фастах итерация триумvirата в 37 г. или нет, неизменным остается то, что только запись за 37 г. содержит упоминание триумвиров. Сохранившееся начало записи за 36 г. их имен не называет, как не включает их и запись за 43 г., когда, как мы точно знаем, полномочия триумвиров действительно начались лишь ближе к концу года. Следовательно, если бы в 37 г. полномочия триумвиров не устанавливались ретроактивно на 1 января, а считались начавшимися также лишь ближе к концу году (как полагает А. Цак),

⁹⁷ Zack A. Das Ende des Zweiten Triumvirates... S. 70, Anm. 29: «die Sicht der augusteischen Zeit».

⁹⁸ См., напр., конкретное рассуждение: Zack A. Das Ende des Zweiten Triumvirates... S. 24.

⁹⁹ Zack A. Das Ende des Zweiten Triumvirates... S. 23, 70, Anm. 29: «wahrscheinlich auch ohne Iteration nennen».

они не были бы указаны как эпонимы перед консулами этого года. Единственный вариант обойти данное рассуждение по поводу эпонимов 37 г. – признать вслед за исследователем, что триумвиры в начале 37 г., после завершения первого срока, просто «сохранили за собой должность и не видели в этом никакой правовой проблемы»¹⁰⁰. Но если триумвиры просто могли оставаться у власти после завершения срока, а современные исследователи должны лишь принять этот факт и не задавать дальнейших вопросов, то это лишает смысла любые рассуждения самого А. Цака о каких-либо обязательных сроках полномочий как ключевом элементе реконструируемой им «конституционно-правовой ситуации». Он акцентированно ставит задачу изучить именно ее, а не только политическую сторону дела¹⁰¹. Но главное, исследователь не приводит никаких конкретных доказательств строго требуемого его концепцией представления о том, что экс-триумвиры в начале 37 г. действительно претендовали на власть триумвиров, а не ограничились, например, империем и провинциями, которые законно сохраняли *pro magistratu*.

А. Цак убедительно полемизирует с Ф. Верватом, показывая, почему нельзя принять концепцию о тайном сохранении Октавианом триумvirата после завершения второго срока¹⁰². Однако, в очевидном противоречии с этим выводом А. Цак далее отмечает, что в начале 37 г. триумvirат просто продолжился за пределами установленного первого срока совершенно законно. Исследователь не учитывает собственный тезис о том, что *lex Titia* все-таки ограничивал первый срок однозначно календами января 38 г. А. Цак

¹⁰⁰ Zack A. Das Ende des Zweiten Triumvirates... S. 25: «In der *lex Titia* vom 27.11.43 v. Chr. war der 31.12.38 v. Chr. als Endtermin des Zweiten Triumvirates vorgesehen. Die Triumvirn blieben trotzdem nach dem 01.01.37 v. Chr. im Amt und sahen darin kein rechtliches Problem».

¹⁰¹ Zack A. Das Ende des Zweiten Triumvirates... S. 16: «Dem möchte ich entgegenhalten, dass 'Überreste' in den historischen Erzählungen ... historische Tatsachen ... überliefern, die, wenn man diese mithilfe der weiteren Überlieferung in ihren rechtlichen-politischen und sachlichen Kontext stellt, geeignet sind, den tatsächlichen Ereignisablauf 32 v. Chr. und 29 v. Chr. auch in seiner ,verfassungsrechtlichen' Ebene zu rekonstruieren».

¹⁰² Zack A. Das Ende des Zweiten Triumvirates... S. 25, 35, 73–74, Anm. 43. Анализ концепции Ф. Вервата см. ниже.

упоминает¹⁰³, но далее никак не применяет объяснение К.М. Жирарде и других исследователей по поводу того, что триумвиры могли в начале 37 г. законно сохранять проконсульскую власть, успешно реализовывая ее в сфере *militiae*, а на сферу *domi* влияя лишь неформально, через легально уполномоченных на это акторов, что и позволяет нам рассуждать о возможности ретроактивного продления полномочий триумвиров осенью 37 г. Ни о каком «временном правовом и политическом дефиците их статуса» (*zwischenzeitliche rechtliche und politische Mangel ihrer Position*) или «нелегитимности их положения» (*die illegitimate Position*) в начале 37 г., вопреки мнению А. Цака¹⁰⁴, говорить не приходится. Более того, здесь исследователь противоречит сам себе, поскольку, как отмечалось выше, считает достаточным простую констатацию о том, что сами триумвиры «не видели в этом никакой правовой проблемы»¹⁰⁵. Кроме того, А. Цак критикует Ф. Вербата и Ф. Фадингера за то, что они ошибочно усматривали возможность фактического сохранения власти триумвирами после 33 г. без сохранения самой должности и ее титула (*die Idee der Amtsgewalt ohne dazugehöriges Amt und ohne die dazugehörige Bezeichnung der Amtsgewalt*)¹⁰⁶. Однако рассуждения А. Цака приводят к такому же пониманию ситуации в начале 37 г., поскольку исследователь пишет о фактическом сохранении триумвирами власти, а источники не содержат никакой информации о том, что триумвиры формально на нее претендовали до момента официального продления их магистратуры на второй срок.

Наконец, концепция А. Цака все же не соответствует одной из ключевых частей фразы Августа о 10 годах триумvirата. Август подчеркивает, что он был триумвиром *непрерывно* в течение 10 лет. А. Цак затушевывает этот момент, отмечая, что триумвиры сохранили свою магистратуру в нач. 37 г.

¹⁰³ См.: Zack A. Das Ende des Zweiten Triumvirates... S. 37, 71, Anm. 34, 73, Anm. 39.

¹⁰⁴ Zack A. Das Ende des Zweiten Triumvirates... S. 23. С А. Цаком солидаризируется здесь А. Далла Роза, отмечая этот момент в своем отзыве, помещенном в саму монографию А. Цака (S. 56).

¹⁰⁵ Zack A. Das Ende des Zweiten Triumvirates... S. 25: «In der lex Titia vom 27.11.43 v. Chr. war der 31.12.38 v. Chr. als Endtermin des Zweiten Triumvirates vorgesehen. Die Triumvirn blieben trotzdem nach dem 01.01.37 v. Chr. im Amt und sahen darin kein rechtliches Problem».

¹⁰⁶ Zack A. Das Ende des Zweiten Triumvirates... S. 74, Anm. 43.

явочным порядком. Однако это не решает проблему. Если Август все же посчитал необходимой итерацию триумvirата, и срок ее по логике А. Цака официально начинался только осенью 37 г., то неясно, как Август позиционировал тогда свой статус в предшествующие месяцы? Он не мог считать его частью срока триумvirата, так как уже обозначил необходимость итерации. Следовательно, даже исходя из логики самого А. Цака, Август должен был либо включить эти месяцы во второй срок «задним числом», либо отказаться от утверждения о «непрерывных» 10 годах триумvirата.

Переходя к ситуации 32 г., в начале которого, согласно А. Цаку, триумvirат еще не завершился, следует отметить, что фактически неверно представление А. Цака о политической ситуации в это время. Он считает, что без сделанного им расчета полных лет триумvirата, из одного только «изложения Диона Кассия нельзя было бы заключить, что с должностной властью Октавиана в начале 32 г. до н.э. существовала политическая проблема»¹⁰⁷. Напротив, Дион в красках описывает трудности, с которыми Октавиан столкнулся в сенате (т.е. как раз в сфере *domi*, что указывает на завершение полномочий триумvира) в начале именно этого года из-за действий консула Сосия.

Что же предлагает А. Цак взамен критикуемым им концепциям? Он убедительно рассуждает о том, что реальный срок триумvirата не мог точно быть подсчитан в полных годах¹⁰⁸. Однако признание этого само по себе никак не опровергает те концепции, с которыми А. Цак полемизирует.

Исследователь доказывает, что фактический срок триумvirата немного не достиг 11 полных лет, так как завершился с отстранением Антония «поздним летом 32 г.». Однако важнейшая для А. Цака мысль о том, что «триумvirат прекратился с отрешением от должности М. Антония летом 32 г.

¹⁰⁷ Zack A. Das Ende des Zweiten Triumvirates... S. 21: «Hätten wir die Rechnung nicht angestellt, könnten wir m. E. der Darstellung bei Cassius Dio nicht entnehmen, dass es mit der Amtsgewalt des Octavian Anfang 32 v. Chr. politisch ein Problem gab».

¹⁰⁸ Zack A. Das Ende des Zweiten Triumvirates... S. 22.

до н.э.» только постулируется, но никак не обосновывается¹⁰⁹. Между тем, имевшее место ранее отстранение М. Лепида никак не повлияло на полномочия остальных триумвиров. Если говорить о римской политической практике в целом, то наличие в какой-то момент, например, только одного консула (в частности, из-за гибели другого), вполне допускалось и никак не сказывалось на легальности полномочий оставшегося консула (обязывало его к определенным действиям, но его магистратура из-за этого обстоятельства, конечно, не прекращалась *ipso iure*). Кроме того, А. Цак не приводит никаких конкретных доводов в пользу тезиса о том, что в 32 г. Антоний был лишен именно полномочий триумвира. Это принимается как данность.

Показателем несостоятельности концепции А. Цака является непоследовательность в ее конкретных формулировках. В другом месте А. Цак описывает совсем иной механизм досрочного прекращения триумvirата поздним летом 32 г.: не факт того, что должность сохранил только один триумvir, а отсутствие консенсуса между самими триумвирами привело к прекращению их власти¹¹⁰. Однако в Риме не существовало публично-правового механизма такого рода. В этом месте своих рассуждений А. Цак путает политические предпосылки правового оформления власти с самим правовым оформлением власти, которое стремится реконструировать. Он не приводит какого-либо обоснования этой принципиальной новой (и потому требующей обоснования) идеи, которая, вдобавок, прямо противоречит даже его собственному предположению о том, что дело было в невозможности для Октавиана оставаться единственным триумвиrom после отстранения Антония.

Наконец, А. Цак вводит уже третье объяснение механизма досрочного прекращения триумvirата: «Второй триумvirат завершился в 32 г. до н.э. с формальным объявлением войны Клеопатре»¹¹¹. Какое из предложенных А. Цаком трех объяснений верное, остается неизвестным. Не говоря уже о том,

¹⁰⁹ Zack A. Das Ende des Zweiten Triumvirates... S. 19, 22. Ср. отзыв А. Далла Розы (S. 59).

¹¹⁰ Zack A. Das Ende des Zweiten Triumvirates... S. 29, 49.

¹¹¹ Zack A. Das Ende des Zweiten Triumvirates... S. 51: «Das Zweite Triumvirat endete im Jahr 32 v. Chr. mit der förmlichen Kriegserklärung gegenüber Kleopatra».

что вряд ли война с Клеопатрой могла иметь какое-либо формальное значение для досрочного прекращения триумvirата (появление новой задачи скорее должно было способствовать как раз продлению триумvirата, но ясно, что это рассуждение бессмысленно, так как Клеопатру поддерживал один из триумvиров).

Таким образом, монография А. Цака представляет собой оригинальную попытку масштабного синтеза противоборствующих исследовательских концепций и гармонизации сведений источников. Однако в данном случае и первое, и второе оказывается недостижимым. Не всегда, например, античные источники должны интерпретироваться как непротиворечащие друг другу, пусть даже такая эпистемологическая установка, безусловно, импонирует.

§2.2. Имел ли триумvirат юридически обязательный срок?

Второй основной подход сводится к представлению о том, что в 32 г. триумvиры сохраняли либо сам триумvirат, либо полномочия триумvиров, поскольку так и не осуществили абдикацию (которую Октавиан якобы совершил только в 27 г.). В рамках этой интерпретации не имеет значения, завершался ли срок триумvirата 31 декабря 32 г. или же 31 декабря 33 г. Данная концепция в последнее время получила развитие и обоснование в работах Ф. Вервата и К.Й. Ланге, опиравшихся на предшественников.

Одно из главных возражений «против» упомянутого взгляда заключается в том, что он не позволяет объяснить сам факт наличия у триумvirата конкретных пятилетних сроков. Если они не были формально обязательными, то зачем были установлены¹¹²? Если они были необходимы только в качестве «угрожающих» (comminatory) сроков, т.е. по сути лишь ориентировочных¹¹³, то почему Октавиан все же счел необходимой итерацию триумvirата?

¹¹² Справедливо подчеркивается в работе: Bringmann K. Das Zweite Triumvirat... S. 38.

¹¹³ Пояснение данной терминологии в применении к рассматриваемому вопросу см.: Coli U. Sui limiti... P. 406, включая n. 41.

Возникает также вопрос о причинах акцентированного внимания Августа в *Res Gestae* к тому обстоятельству, что он был триумвиром в течение именно десяти лет непрерывно, т.е. ровно столько, сколько позволяли два пятилетних срока, следующих друг за другом подряд. Наконец, Октавиан называет себя в 32 г. *dux belli*, который пользовался широкими полномочиями в силу клятвы, а затем *consensus universorum*, а не в силу продолжения самого триумvirата в условиях отсутствия абдикации. Разумеется, можно утверждать, что такое позиционирование было лишь дополнительным способом легитимации его действий. Можно также попытаться объяснить парадокс ссылкой на якобы нежелание Октавиана представить себя единственным оставшимся триумвиром, легально сохранявшим власть. Но все это не имеет отношения к публично-правовой стороне дела. Кроме того, в источниках нет конкретных указаний на то, что Октавиан действительно испытывал или мог испытывать «неловкость» в том случае, если бы такая ситуация (наличие только одного законного триумвира) возникла.

Остается неясным, зачем Октавиану нужна была дополнительная формальная легитимация посредством клятвы, если *lex Titia* (а затем закон об итерации) якобы позволял триумвирам оставаться в должности даже по истечении установленного срока. Если (помимо разногласий между самими триумвирами) реально единственным потенциальным юридическим препятствием для продолжения осуществления триумvirатских полномочий было, согласно Ф. Вервату (см. ниже), достижение цели, ради которой был создан триумvirат, то почему посчитали необходимым позаботиться о формальном продлении срока, а не ограничились новой формулировкой только задачи для этих магистратов? (Между прочим, в источниках нет акцента на том, что такая переформулировка состоялась, не говоря уже о том, чтобы подчеркивалось ее принципиальное значение для продления власти триумвиров.) Позиция Ф. Вервата фактически сводится к выводу о том, что «*de facto* и даже *de iure* триумвиры были в значительной степени в состоянии поступать так, как считали нужным», что противоречит наблюдению самого

исследователя о том, что «Аппиан неоднократно фиксирует их обеспокоенность скорым завершением (первого) *tempus legitimum*» (App. *BC*. 5.13, 5.15, 5.43)¹¹⁴. Если все было и юридически безупречно, и практически осуществимо, что же вызывало беспокойство триумвиров?

Уже Э. Габба признавал, что сроку истечения полномочий сами триумвиры придавали серьезное значение, и что им требовалась военная поддержка, чтобы они смогли удержать власть, несмотря на отсутствие продления полномочий сразу после завершения первого *quinquennium*¹¹⁵. В дополнение к Аппиану, которого Э. Габба упоминал в этом контексте, следует сослаться и на Кассия Диона (46.55.3), который пишет, что триумвиры согласились ограничить свою должность сроком в пять лет, потому что не хотели выглядеть так, будто намерены оставаться у власти постоянно. В другом месте Дион сообщает, что позднее триумвиры ограничили полномочия Секста Помпея пятью годами, поскольку хотели, чтобы казалось, будто и они сами обладают временной, а не постоянной властью (Cass. Dio 48.36.6). Объяснение Диона гораздо лучше согласуется с тем представлением, что триумвиры могли пользоваться некоторыми полномочиями незаконно и после истечения срока своей магистратуры, чем с идеей о том, что либо сам *lex Titia*, либо в целом особенности т.н. магистратур *ad tempus incertum*, постулируемые У. Коли и вслед за ним Ф. Верватом как часть длительной республиканской традиции¹¹⁶, формально позволяли им оставаться в должности бессрочно до добровольной абдикации.

Другой фундаментальный недостаток рассматриваемой концепции уже упоминался выше: одно дело утверждать, что на практике Октавиан продолжал пользоваться полномочиями триумвиров после 31 декабря 33 г., и совсем другое – доказать, что он делал это формально правомерно, например, потому, что сама природа должности предоставляла такую возможность. Как

¹¹⁴ Vervae F.J. *The Secret History...* P. 146.

¹¹⁵ Gabba E. *La data finale...* P. 7–8. Также см., напр.: Anello P. *La fine del secondo triumvirato...* P. 107, n. 11.

¹¹⁶ См. §2.3. данной главы.

справедливо отмечали многие исследователи, включая тех, кто соглашался с Ф. Верватом, триумвиры (даже будучи, безусловно, еще в должности) не всегда оставались в границах своих формальных полномочий¹¹⁷. Следовательно, любое свидетельство, указывающее на предполагаемое применение Октавианом тех или иных прерогатив триумвиров после окончания триумvirата, само по себе ничего не доказывает. В частности, предполагаемый созыв сената Октавианом в январе 32 г., а также использование им *sella curulis*, поставленной между местами для консулов, как и применение им вплоть до 28 г. полномочий, которые можно сопоставить с «конституирующими» полномочиями триумвиров¹¹⁸, не могут служить доказательствами ни того, что он все еще был формально триумвиром, ни даже того, что он сохранял отдельные полномочия триумвира, не являясь им титулярно¹¹⁹. Даже если проконсульские полномочия Октавиана в 32 г. и его консульские полномочия после 32 г. были недостаточны для легализации и легитимации каждого его шага, из этого не следует, что он действовал так потому, что обладал для этого неким формальным основанием, тем более нет никаких оснований априори считать, что речь должна была идти ни о какой другой власти, кроме как продолжавшейся «*constituirende Gewalt*» триумвира¹²⁰. По-прежнему нельзя исключить возможность того, что Октавиан действовал незаконно, как он неоднократно поступал в 44 г. и позднее. Иными словами, если принять, что триумvirат прекратился 31 декабря 33 г., то, строго говоря, нет никакой необходимости, вопреки предположению Ф. Вербата, искать какой-то фактор, например, так называемый *consensus universorum* (*RGDA* 34.1), который непременно должен был легитимировать действия Октавиана после этой даты¹²¹.

¹¹⁷ Lange C.H. *Res publica constituta*... P. 20, n. 31.

¹¹⁸ Vervae F.J. *The Secret History*... P. 126–127, n. 120, 134, 136–138. Но ср. P. 131, n. 137. Также см.: Roddaz J.-M. *La métamorphose*... P. 406–408.

¹¹⁹ Ср., напр.: De Martino F. *Storia della costituzione romana*. T. IV. P. 1... P. 90. Ф. Де Мартино полагал, что триумвиры продолжали незаконно применять власть после истечения срока своей магистратуры 31 декабря 33 г.

¹²⁰ Ср.: De Martino F. *Sugli aspetti*... P. 81.

¹²¹ Ср.: Vervae F.J. *The Secret History*... P. 117–118.

Попытку показать, что независимо от формального срока триумvirата либо сама должность, либо полномочия, проистекавшие из нее, продолжались вплоть до абдикации, абrogации или смерти ее носителей, Ф. Вербат и Л. Ланге основывают на концепции «чрезвычайной конституирующей (устроительной)» власти (*außerordentliche constituierende Gewalt*) Т. Моммзена¹²², точнее, на ее «расширенной» версии, предложенной итальянским исследователем У. Коли¹²³. Построения У. Коли по поводу временных ограничений римских магистратур должны быть подробно проанализированы, потому что в работах Л. Ланге и особенно Ф. Вербата они используются некритически, в результате чего ограничения концепции, часть из которых У. Коли сам вполне осознавал, оказываются ими проигнорированными.

§2.3. Концепция *magistratus ad tempus incertum* У. Коли: узурпация власти и необходимость абдикации¹²⁴

Одной из важнейших характеристик римской республиканской магистратуры было принципиальное ограничение срока ее исполнения. В большинстве случаев в качестве лимита устанавливался год, по прошествии которого консул, например, становился *privatus* автоматически, *ipso iure*¹²⁵. При досрочном сложении полномочий было необходимо специальное

¹²² Mommsen Th. *Römisches Staatsrecht*. Bd. II.1. S. 714–720.

¹²³ Coli U. *Sui limiti*...

¹²⁴ Основные выводы раздела опубликованы в работе: Фролов Р.М. Магистратуры *ad tempus incertum* и ограничение продолжительности должностных полномочий в Римской республике (по поводу концепции у. Коли) // *Lumen intellectus*. Памяти Ии Леонидовны Маяк: сборник статей Научно-образовательного центра антиковедения ЯрГУ им. П.Г. Демидова / Отв. ред. В.В. Дементьева. Ярославль: Филигрань, 2019. С. 31–52.

¹²⁵ Coli U. *Sui limiti*... Р. 398. У. Коли справедливо не соглашался с Л. Ланге, который считал, что прекращение полномочий даже годичных магистратов формально требовало абдикации (Lange 1876, 720–721). Так, переход консула на положение проконсула (т.е. на положение *privatus*) после завершения срока магистратских полномочий, свидетельствует об истечении консулата *ipso iure* (Coli U. *Sui limiti*... Р. 401). Следует подчеркнуть, что наблюдения Коли о промагистратуре (Coli U. *Sui limiti*... Р. 400–402) представляются в целом убедительными, в отличие от его высказываний по вопросу о сроках прекращения полномочий римских магистратов.

объявление о сложении полномочий (*abdicatio*). Однако Т. Моммзеню выделялась особая группа магистратур, власть носителей которых он обозначал как «чрезвычайная конституирующая (устроительная)» (*außerordentliche constituierende Gewalt*). Особенностью таких должностных лиц было то, что никакие сроки не являлись для них с правовой точки зрения обязательными, т.к. сама их власть имела «надконституционный» характер, будучи установленной для изменения конституционного порядка¹²⁶. Эти представления Моммзена подвергались критике, в частности, на том основании, что он неоправданно генерализировал конкретный случай диктатуры Суллы (либо позднеереспубликанских диктатур в целом)¹²⁷.

С теорией Т. Моммзена схожа концепция, которую аргументировал У. Коли¹²⁸. Хотя наблюдения последнего комментируются в историографии реже, чем выводы Т. Моммзена, именно представления У. Коли (и только во вторую очередь идеи немецкого исследователя) легли в основу двух относительно недавно предложенных интерпретаций публично-правового положения членов «второго» триумvirата¹²⁹.

В некотором смысле аналогом разделения Т. Моммзеню римских должностных лиц на имевших «конституирующую власть» и всех остальных выступает у У. Коли противопоставление магистратур *ad tempus certum* и *ad tempus incertum*¹³⁰. Под магистратурами *ad tempus certum* («на определенный срок») он понимает годовые должности. Он также характеризует их как постоянные и созданные для выполнения продолжающихся задач. Под

¹²⁶ Mommsen Th. *Römisches Staatsrecht*. Bd. II.1. S. 714–720.

¹²⁷ Bringmann K. *Das Zweite Triumvirat...*, особенно S. 37–38; Дементьева В.В. Магистратура диктатора... С. 78.

¹²⁸ Coli U. *Sui limiti...*

¹²⁹ Lange C.H. *Res publica constituta...*; Vervaet F.J. *The Secret History...*

¹³⁰ Строго говоря, выражение *ad tempus incertum* античными авторами для обозначения какого-либо типа магистратур не употребляется. Этот термин в таком значении использует только сам У. Коли (Coli U. *Sui limiti...* P. 399). Ср., напр., Liv. 4.13.7: et L. Minucius praefectus annonae seu refectus seu, quoad res posceret, in incertum creatus. Здесь нет ясности как раз в отношении интересующего нас вопроса: Ливий сомневается по поводу того, был ли префект анноны Л. Минуций (440 г.) сразу избран на неопределенный срок (до выполнения поставленной задачи), либо же, по прошествии года, оказался переизбран на эту должность.

магистратурами *ad tempus incertum* («на неопределенный срок») У. Коли понимал лимитированные не абсолютным, а относительным сроком: их исполняли до тех пор, пока не была решена специальная задача, ради которой они были введены. Такие магистратуры У. Коли называл еще непостоянными. К должностным лицам первого типа он относил консулов, преторов, плебейских трибунов, эдилов, квесторов, словом, все годичных магистратов, включая военных трибунов с консульской властью. Ко второму типу У. Коли причислял диктатора и начальника конницы, триумвиров *rei publicae constituendae*, цензоров, префекта анноны 440 г. и целый ряд других¹³¹.

Необходимо сразу подчеркнуть, что У. Коли рассматривал публично-правовое регулирование срока полномочий римских магистратов. По его собственным словам, в его исследовании речь идет о нормах публичного права (*diritto pubblico*)¹³². Однако исследователь не всегда последовательно различал правовые и неправовые механизмы ограничения срока полномочий.

Свое исследование У. Коли начинал с утверждения по сути идентичного тому, которое приведено мною выше: для римской *civitas* принципиальное значение имела защита от узурпации власти, которая грозила бы в том случае, если бы магистратуры могли удерживаться без ограничения по времени. Любая магистратура устанавливалась поэтому на какой-то срок. Магистратуры *ad tempus incertum* тоже имели срок, только он был «неопределенный»¹³³.

Уже на этом этапе возникает ряд вопросов. Во-первых, чем отсутствие определенного срока в итоге отличается от отсутствия срока вообще, если нет других ограничителей, имеющих обязательную юридическую силу и при этом

¹³¹ Coli U. Sui limiti... P. 397, 410–411. О типологизации должностей в Римской Республике (включая обсуждение таких используемых У. Коли критериев как постоянность, повторяемость и годичность) см.: Дементьева В. В. Римская чрезвычайная власть эпохи ранней республики как политико-правовой феномен // Исседон – ΙΣΣΕΔΩΝ. 2002. Т. 1. С. 63–78. Противопоставление двух типов магистратур, схожее с представленным у У. Коли, содержится также в опубликованной несколько позднее диссертации Л.Ф. Янсена (Janssen L.F. *Abdicatio*. Nieuwe Onderzoekingen over de Dictatuur. Utrecht: Kemink en Zoon, 1960. 174 p., особенно P. 54). Л.Ф. Янсону работа У. Коли осталась неизвестна.

¹³² Coli U. Sui limiti... P. 398.

¹³³ Coli U. Sui limiti... P. 395–397.

– что важно – не зависящих ни от воли (действий, инициативы), ни от интерпретации (например, вопроса о том, выполнена или не выполнена поставленная задача) самого носителя магистратуры? А во-вторых, разве верно, что, например, для диктатуры не было установлено никакого определенного ограничения по времени? И к тому, и к другому моменту я буду неоднократно возвращаться ниже.

У. Коли полагал, что если бы, например, консулат, не ограниченный выполнением определенной задачи, не был ограничен конкретным сроком, то он мог бы удерживаться до бесконечности. С другой стороны, продолжительность магистратур *ad tempus incertum* уже имплицитно лимитировалась выполнением конкретной задачи. Если задача исполнена, то дальнейшее исполнение должности было не нужно. Следовательно, ограничение конкретным сроком не требовалось¹³⁴. На первый взгляд такое рассуждение выглядит логичным. Но могло ли быть юридически обязательным ограничение выполнением задачи, если оно сводилось к признанию (чьим решением, У. Коли не поясняет) только отсутствия смысла в дальнейшем исполнении должности (ненужности, избыточности ее удержания)?

При этом У. Коли полагал, что носители магистратур *ad tempus incertum* могли законным образом продолжать исполнять должность даже после того, как они выполнили поставленную перед ними задачу, поскольку формально только абдикация могла прекратить их полномочия¹³⁵. Но в таком случае оказывается, что выполнение поставленной задачи в конечном итоге не может для т.н. магистратур *ad tempus incertum* играть ту же роль, какую для магистратур *ad tempus certum* имело ограничение конкретным сроком, т.е. роль юридически обязывающего, а не рекомендательного, лимита.

У. Коли прямо указывал, что поскольку магистратуры *ad tempus incertum* не имели фиксированного срока исполнения, абдикация становилась

¹³⁴ Coli U. Sui limiti... P. 397, 405.

¹³⁵ Coli U. Sui limiti... P. 406.

необходимой, потому что эти должности не прекращались *ipso iure*¹³⁶. Иными словами, если абдикация не совершается, магистратура удерживается законно. Одновременно У. Коли верно подчеркивал, что сама абдикация формально являлась добровольной¹³⁷. Выходит так, что на юридическом уровне срок полномочий ограничивался вовсе не выполнением возложенной задачи (как сначала констатировал У. Коли, когда вводил определение магистратур двух типов), а только абдикацией (как следует из его дальнейших рассуждений). Поскольку абдикация по определению добровольная, получается, что срок исполнения полномочий формально ограничивался только доброй волей их носителя, т.е. правовым образом «извне» не ограничивался вообще¹³⁸.

Действительно, тот факт, что, например, диктаторы могли остаться в должности (если не превышен шестимесячный срок) даже несмотря на решение или отпадение той задачи, ради которой они были назначены, говорит о том, что ограничение такой задачей в качестве юридически обязывающего римлянами не рассматривалось. Никто в дальнейшем не оспаривал легитимность и легальность действий, совершенных диктатором в рамках выполнения этих новых взятых им на себя задач¹³⁹.

Однако У. Коли делал такую оговорку: существовал механизм принуждения к абдикации. Он заключался в том, что если носитель магистратуры *ad tempus incertum* продолжал оставаться в должности даже после выполнения возложенной на него задачи, то такое его действие осуждалось как злоупотребление властью¹⁴⁰. У. Коли пишет, что, в отличие от консула, цензор и диктатор были «обязаны» (*dovevano*) совершить абдикацию после выполнения возложенной задачи и в том случае, если известный срок их полномочий еще не истек¹⁴¹. Но если, как отмечено выше, принципиально магистратуру могли удерживать законно даже после выполнения задачи, а

¹³⁶ Coli U. Sui limiti... P. 404–405.

¹³⁷ Coli U. Sui limiti... P. 402–403.

¹³⁸ Ср.: Lange L. Römische Alterthümer. Bd. I... S. 721.

¹³⁹ См.: Дементьева В.В. Магистратура диктатора... С. 73–74.

¹⁴⁰ Coli U. Sui limiti... P. 405, 410.

¹⁴¹ Coli U. Sui limiti... P. 407.

максимальный срок на самом деле ни к чему не обязывал, то на каком основании могла возникнуть юридическая обязанность отказаться от магистратуры? Соответственно, и принуждение к абдикации не могло иметь в качестве формального основания факт выполнения задачи. Поэтому если мы констатируем, что магистрату ставили в вину злоупотребление властью, то перед нами лишь моральное давление на магистрата, которое он был вправе проигнорировать. Если же его принуждали силой, то такое принуждение могло быть только нелегальным. Иными словами, принуждение к абдикации могло представлять собой только внеправовое принуждение и не имело отношения к нормам «публичного права», изучение которого У. Коли рассматривал в качестве задачи своего исследования.

Если магистратуры *ad tempus incertum* не имели ограничения определенным сроком, которое было бы для них юридически обязывающим, то зачем был все-таки установлен некоторый конкретный срок, например, для диктатуры – срок в шесть месяцев¹⁴²? На этот вопрос У. Коли отвечал так: он был необходим исключительно для того, чтобы препятствовать диктатору тратить «слишком много времени» (*troppo tempo*) на выполнение задачи, ради которой он был назначен¹⁴³. Остается загадкой, что именно означает «слишком много», если магистрат был вправе совершить абдикацию по своему выбору в любой момент как до, так и после наступления этого срока. Если шестимесячный срок диктатуры был только «угрожающим», «ориентировочным» (*comminatorio*, в противоположность *perentorio*, «императивному»¹⁴⁴), то нельзя было правовым образом гарантировать, что диктатор сложит полномочия. При такой интерпретации так часто упоминающийся в источниках максимальный срок лишается не только формально-правового, но и вообще какого-либо смысла.

¹⁴² Coli U. Sui limiti... P. 398, 407.

¹⁴³ Coli U. Sui limiti... P. 408.

¹⁴⁴ Coli U. Sui limiti... P. 406, n. 41.

В результате теория У. Коли допускает несколько фантастических сценариев. Диктатор назначается для проведения выборов. Он намеренно не проводит выборы, т.е. не решает поставленной задачи. На этом основании он легально остается в должности даже по прошествии шести месяцев и далее без ограничений. Либо диктатор проводит выборы, но заявляет, что возложенная на него задача на самом деле не выполнена (ведь кто уполномочен определять факт выполнения задачи, остается неясным), не слагает полномочия и законно остается в должности. Наконец, диктатор проводит выборы и даже сам признает, что возложенная на него задача выполнена. Однако он не совершает абдикации без объяснения причин и поэтому легально остается в должности до тех пор, пока сам не решит сложить полномочия. Единственным условием выполнения этих сценариев является способность диктатора сопротивляться моральному давлению и попыткам силой принудить его сложить полномочия. Причем по логике У. Коли, те, кто захотят воспрепятствовать такому магистрату, парадоксальным образом сами оказываются вне правового поля.

Даже если реализацию чего-то подобного можно усмотреть в случаях диктатур Суллы и Цезаря, вряд ли следует полагать, что это имело отношение к ранней диктатуре. Более того, как раз некоторые особенности диктатур I в. скорее опровергают выводы У. Коли, чем их поддерживают.

Аппиан подчеркивает, что именно для диктатора Суллы никакой срок не был установлен, и только он сам мог положить конец своей власти, что и произошло, когда он совершил абдикацию¹⁴⁵. Если как раз в этом заключалась беспрецедентность его магистратуры, то это исключает возможность того, что другие диктаторы не были ограничены по времени, а также ставит под

¹⁴⁵ App. BC. 1.99: ἐς ὅσον θέλοι; 1.3: ...μόναρχον αὐτὸν ἀπέφηνεν ἐπὶ πλείστον: οὗς δικτάτορας ἐκάλουν τε καὶ ἐπὶ ταῖς φοβερωτάταις χρεαῖαις ἑξαμήνους τιθέμενοι ἐκ πολλοῦ διελελοίπεσαν. ὁ δὲ Σύλλας βία μὲν καὶ ἀνάγκη, λόγῳ δ' αἰρετός, ἐς αἰεὶ δικτάτωρ γενόμενος ὁμῶς ... πρῶτος ἀνδρῶν ὅδε μοι δοκεῖ θαρρήσαι τυραννικὴν ἀρχὴν ἐκὼν ἀποθέσθαι (также ср. 1.4). По поводу *tempus legitimum* диктатуры Суллы см., напр.: Bringmann K. Das Zweite Triumvirat... S. 37; Kunkel W., Wittmann R. Staatsordnung... S. 711; Vervaet F.J. The *lex Valeria*... P. 58–59; Vervaet F.J. The Date, Modalities and Legacy of Sulla's Abdication of his Dictatorship: A Study in Sullan Statecraft // *Studia Historica. Historia Antigua*. 2018. Vol. 36. P. 32–37.

сомнение тезис о том, что их власть не могла прекратиться автоматически (с наступлением срока). Что же касается диктатур Цезаря, то, как верно подмечает Ф. Дрогула, вряд ли Цезарь стремился бы получить «провокационный» титул пожизненного диктатора, если бы он был уполномочен обычную диктатуру удерживать до бесконечности. В таком случае уточнение *perpetuus* было бы бессмысленным¹⁴⁶. Ф. Дрогула приводит и возражение более общего порядка, с которым можно полностью солидаризироваться: диктаторы (и иногда цензоры) действительно отказывались от своих полномочий до наступления установленного для них срока, но совершали абдикацию они потому, что (как правило) была успешно выполнена поставленная перед ними задача, а не потому что они оставались бы в должности бесконечно, если бы не совершили абдикацию¹⁴⁷.

Примечательно, что для объяснения пожизненной диктатуры Цезаря в терминах своей концепции, У. Коли вынужден конструировать никак не подтверждаемое источниками предположение следующего вида. Якобы в 46 г. мог быть принят какой-то закон, который сделал диктатуру постоянной и придал ей абсолютный срок (вместо ограничения конкретной задачей, как это было у всех других диктатур, включая диктатуру Суллы). Этот срок составил один год. У. Коли подчеркивал, что такой (предполагаемый только им) лимит не случаен, а знаменует переход диктатуры в категорию магистратур *ad tempus certum*, которые все годовые. Но и годовичность была быстро «исправлена». Сначала увеличили срок до 10 лет, потом сделали его пожизненным¹⁴⁸. Здесь подход У. Коли теряет уже всякую убедительность. Из его концепции следует, что годовичность не просто характерна для всех магистратур *ad tempus certum*, но является фундаментальной причиной того, что они прекращаются *ipso iure*. Но почему-то не так в случае Цезаря. В терминах концепции У. Коли

¹⁴⁶ Drogula F.K. *Commanders and Command...* P. 347–348. См., напр., Cass. Dio 42.21.

¹⁴⁷ Drogula F.K. *Commanders and Command...* P. 347–348.

¹⁴⁸ Coli U. *Sui limiti...* P. 414.

последние диктатуры Цезаря создают, следовательно, уже третью категорию магистратур – негодичные *ad tempus certum*.

Если для диктатуры и цензуры зачем-то установлен конкретный срок, то эти магистратуры точно так же могут быть названы *ad tempus certum* (здесь совершенно неважно, что этот срок был максимальным и что обычно ожидалась досрочная абдикация). А если так, то и в их отношении действует та «юридическая логика» (*logica giuridica*), которую У. Коли подмечал, когда вел речь о магистратурах *ad tempus certum*. Он ссылаясь на свидетельство Ульпиана по поводу института опеки. Если опека установлена на определенный срок (ср. шестимесячный срок полномочий диктатора), то опекун автоматически перестает быть таковым с окончанием этого срока: *si ad tempus fuerit quis datus, tempore finito tutor esse desinit* (*Dig.* 26.1.14.3)¹⁴⁹. Никаких действий от самого опекуна не требуется.

В этом месте логично упомянуть критику со стороны У. Коли упомянутой выше концепции «конституирующей власти» Т. Моммзена. Итальянский исследователь отмечал, что не ясно, почему, с точки зрения Моммзена, для диктаторов и цензоров временное ограничение было обязательным, а для носителей «конституирующей власти» только побуждало к отказу от должности. По мнению У. Коли, это нелогично, и необходимо на диктаторов и цензоров распространить то, что Т. Моммзен констатировал для носителей «конституирующей власти», т.е. указанный принцип считать относящимся ко всем «непостоянным» магистратурам¹⁵⁰. Но если, как отмечено выше, в рамках концепции У. Коли выполнение задачи не имело публично-правового значения (как подчеркивал сам У. Коли, его имела только формально добровольная абдикация), то о каком правовом различии между, например, консулом и диктатором с точки зрения наличия или отсутствия конкретной задачи может идти речь? Если существенный признак, по которому эти магистратуры якобы различались формально (приобретали из-за этого

¹⁴⁹ Coli U. Sui limiti... P. 399.

¹⁵⁰ Coli U. Sui limiti... P. 406.

tempus принципиально разного типа), сам лишен всякого публично-правового значения, то непонятно противопоставление этих магистратур по этому критерию.

Наконец, кое-что из того, что У. Коли замечал по поводу магистратур *ad tempus certum*, не противоречит тому, что мы знаем о т.н. магистратурах *ad tempus incertum*. Так, исследователь пишет, что нет никаких эксплицитных сведений об абдикации, например, консула, если он исполнял свои полномочия до самого конца годичного срока¹⁵¹. Но если, как верно отмечал У. Коли, этого достаточно, чтобы заключить, что полномочия консула прекращались *ipso iure* и что никакой абдикации для этого не требовалось¹⁵², то следует признать, что и отсутствие сведений об абдикации, например, диктаторов в самом конце шестимесячного срока их полномочий, демонстрирует прекращение их полномочий *ipso iure*. Если, как справедливо писал сам У. Коли, известная речь Цицерона на сходке по окончании срока его консульства не имеет ничего общего с формальной абдикацией¹⁵³, то вряд ли есть основания предполагать, что диктатор, остававшийся в должности весь шестимесячный срок, должен был сделать не просто какое-то публичное заявление, а такое заявление, без которого его магистратура формально не могла прекратиться¹⁵⁴.

Превысили ли когда-либо носители т.н. магистратур *ad tempus incertum* установленные для них якобы необязательные сроки полномочий? Как верно отмечает Ф. Дрогула, надежных свидетельств этого нет¹⁵⁵. У. Коли ссылаясь на несколько эпизодов, которые, по его мнению, доказывают констатируемые им особенности т.н. магистратур *ad tempus incertum* для случая децемвирата,

¹⁵¹ Coli U. Sui limiti... P. 403.

¹⁵² Ср.: Neumann K.J. Abrogatio (magistratus)... Sp. 25. Представление о том, что абдикация обязательно совершалась даже при исчерпании срока полномочий, справедливо критикуется также Л.Ф. Янсеном (Janssen L.F. *Abdicatio*... P. 16–18, 61).

¹⁵³ Coli U. Sui limiti... P. 403. Также см.: Janssen L.F. *Abdicatio*... P. 64–72.

¹⁵⁴ Ср.: Дементьева В.В. Магистратура диктатора... С. 74 («Скорее всего, отставка при полной исчерпанности срока власти носила формальный характер, но какое-то объявление о сложении диктатором полномочий имело место»).

¹⁵⁵ Drogula F.K. Commanders and Command... P. 347–348. В отношении диктатуры также см.: Дементьева В.В. Магистратура диктатора... С. 76.

диктатуры и цензуры. Прежде, чем говорить об этих эпизодах, следует подчеркнуть, что для обоснования концепции У. Коли необходимо продемонстрировать, что после истечения установленного срока полномочий магистраты *ad tempus incertum* оставались в должности законно до момента абдикации. Соответственно, это не будут доказывать (1) случаи абдикации до истечения законного срока полномочий и (2) случаи абдикации после наступления такого срока, который сам был предметом споров.

В повествовании Ливия члены второй коллегии *decemviri legibus scribundis* доказывали, что были избраны не на один год, а до тех пор, пока не будут приняты законы, подготовка которых была им поручена¹⁵⁶. На первый взгляд, это полностью соответствует концепции У. Коли. Проблема в том, что такая интерпретация не соответствует той позиции, которую занимали у Ливия противники децемвиров. У. Коли полагал, что рассказ Ливия играет роль примера, иллюстрирующего существование двух типов магистратур: одни прекращаются автоматически при наступлении соответствующего срока, другие – удерживаются до тех пор, пока не будет выполнена специальная задача, ради которой они были учреждены¹⁵⁷. Однако пафос Ливия вряд ли состоит в этом. «Ливий ясно свидетельствует, что утверждение о правомерности сохранения децемвирами власти более годичного срока, до тех пор, пока не будут приняты законы, принадлежало им самим как политическая уловка»¹⁵⁸. Поэтому если эпизод и призван что-то демонстрировать, то только неприемлемость удержания магистратуры после завершения установленного для нее срока. Если же вслед за У. Коли полагать, что источники не дают оснований для признания в качестве «верной» какой-то одной из указанных позиций¹⁵⁹, то мы обязаны тогда сделать вывод, что по интересующему нас

¹⁵⁶ Coli U. Sui limiti... P. 415–416.

¹⁵⁷ Coli U. Sui limiti... P. 416. Здесь У. Коли следует логике Т. Моммзена (ср.: Mommsen Th. Römische Staatsrecht. Bd. II.1. S. 717).

¹⁵⁸ Дементьева В.В. Децемвират... С. 78.

¹⁵⁹ Coli U. Sui limiti... P. 416–418. При большом желании это можно вывести из вопроса, обращенного сенаторами к децемвирам: *utrum in unum annum creati sint, an donec leges quae deessent perferrentur* (Liv. 3.40.12: «были ли они избраны на год или до тех пор, пока не будут утверждены недостающие законы»).

вопросу эпизод вообще ничего не доказывает и должен быть исключен из дискуссии, поскольку не может быть интерпретирован однозначно.

Однако У. Коли приводил в качестве аргумента требование абдикации со стороны сенаторов. Исследователь отмечал, что, тем самым, сенат в передаче Ливия не только признал, что децемвиры по-прежнему законно сохраняли власть, так как не были ограничены годичным сроком, но и дал им разрешение на абдикацию, которое было даже необходимо, поскольку задача, ради которой они были избраны, оказалась не выполнена¹⁶⁰. Но на каком тогда основании требовали сенаторы абдикации? Если все было в рамках закона, то не ясно, почему вообще *civitas* сопротивлялась власти вторых децемвиров. Единственное формальное основание для требования сложить полномочия – превышение децемвирами годичного срока полномочий, причем рассматриваемое как незаконное. Поскольку в рассказе Ливия сами децемвиры с этим были не согласны вплоть до последнего момента¹⁶¹, абдикация, как и в случае цензора Аппия Клавдия (см. ниже), требовалась хотя бы потому, что было необходимо публичное признание децемвирами отказа от претензий на власть. Иными словами, нет никакой настоятельной необходимости констатировать, что если *civitas* требовала абдикации, то именно и только потому, что она формально признавала законность власти децемвиров до их отказа от полномочий.

Если все же настаивать на том, что требование абдикации демонстрировало признание децемвиров магистратами, то не ясно, на каком основании сенат еще до момента *abdicatio* отказывался собираться по призыву децемвиров, – отдельные сенаторы называли их *privati* и открыто не подчинялись их приказам (обозначение децемвиров *privati* повторяется

¹⁶⁰ Coli U. Sui limiti... P. 416–417.

¹⁶¹ Liv. 3.51.13: *Decemviri querentes se in ordinem cogi, non ante quam perlatis legibus quarum causa creati essent deposituros imperium se aiebant* («Децемвиры, жалуясь на то, что с ними обращались как с частными лицами, заявили, что не сложат империй до тех пор, пока не будут приняты законы, которые были причиной их избрания»). Выражение *in ordinem cogere* (см.: Mommsen Th. *Römisches Staatsrecht*. Bd. I. S. 139, Anm. 3) показывает, что децемвиры уже до абдикации столкнулись с непризнанием своего магистратского положения, а не просто законности их действий как магистратов.

многократно: Liv. 3.38.1; 38.10; 38.13; 40.6; 40.7; 41.1; 41.3; 9.34.1), а римский народ в целом – не давал им на практике исполнять свои полномочия. У. Коли объясняет свержение децемвиров ярко описанными Ливием нарушениями ими конкретных прав граждан (имеется в виду, прежде всего, рассказ о Виргинии), что и спровоцировало плебс на восстание¹⁶². Но, во-первых, не являются ли как раз эти детали, мягко говоря, наименее надежными в рассказе античного автора? А во-вторых, первоначальный отказ сенаторов явиться в курию по призыву децемвиров (Liv. 3.38.10) произошел еще до этих нарушений и мог по логике рассказа Ливия объясняться только одним: по выражению античного автора, после ид марта, то есть просто по факту наступления определенного срока (иными словами, автоматически), Ап. Клавдий и его коллеги уже стали *privati pro decemviris*¹⁶³. Подчеркну, что Ливий это утверждение даже не вкладывает в уста кого-либо из персонажей.

Если говорить о действующих лицах в повествовании Ливия, то плебс придерживался мнения, что децемвиры уже стали бы частными лицами, если бы не прибегли к насилию (Liv. 3.38.13: *qui iam magistratu abissent privatisque, si vis abesset*). Может возникнуть впечатление о том, что с этой точки зрения децемвиры все-таки оставались магистратами. Тем не менее, поскольку речь идет о применении ими для этого силы, они, по мнению плебеев, не могли быть законными магистратами, следовательно, строго говоря, рассматривались как *privati*¹⁶⁴. Но главное, и этот отрывок показывает, что прекращение полномочий в случае децемвиров произошло бы без каких-либо действий с их стороны, автоматически. Если бы децемвиры действовали в рамках закона, то никакой необходимости в абдикации не возникло бы: они стали бы частными лицами просто по факту неприменения ими насилия для удержания власти. То же самое лучше видно из другого фрагмента: сенаторы Л. Валерий Потит и

¹⁶² Coli U. Sui limiti... P. 418.

¹⁶³ Liv. 3.38.1: *Idus Maias venere. nullis subrogatis magistratibus, privati pro decemviris*. Выражение *privati pro decemviris*, а также указание на удержание децемвирами империя, напоминает о промагистратах.

¹⁶⁴ Ср.: Дементьева В.В. Децемвират... С. 81.

М. Гораций Барбат «отказывались идти, если децемвиры не оставят инсигнии той магистратуры, которую они утратили уже в прошлом году»¹⁶⁵. Эта фраза однозначно дает понять, что, с точки зрения этих сенаторов, децемвиры удерживали не магистратуру, а только ее инсигнии, сама же магистратура уже давно отсутствует (следовательно, они удерживали инсигнии магистратов, не будучи ими). Более того, магистратура определенно прекратилась автоматически, без всякого акта абдикации, потому что децемвирам еще только предстояло его совершить¹⁶⁶. Это исключает толкование в данном фрагменте термина *abire* как синонима *abdicare* в значении «отказаться от власти по собственному решению»¹⁶⁷. Следовательно, каковы бы ни были причины требования к децемвирам совершить абдикацию, среди них не просто не обязано быть, но, более того, не может быть признание их оппонентами того, что до абдикации они все-таки оставались магистратами (после истечения годичного срока, который, по мнению противников децемвиров, был установлен для их должности).

Второй пример У. Коли относится к диктатуре. Исследователь ссылаясь на эпизод с М. Фурием Камиллом (390 г.). Ливий пишет: «ему не позволили сложить с себя диктатуру раньше, чем истек год»¹⁶⁸. Отсюда У. Коли делал вывод, что только абдикация могла прекратить полномочия диктатора даже в том случае, если был превышен полугодовой срок¹⁶⁹. Однако даже если полагать, что, согласно Ливию, Камилл целый год удерживал магистратуру¹⁷⁰,

¹⁶⁵ Liv. 3.51.12: *illi negabant se aliter ituros quam si decemviri deponerent insignia magistratus eius quo anno iam ante abissent.*

¹⁶⁶ Признавалось Л.Ф. Янсеном (Janssen L.F. *Abdicatio*... P. 48).

¹⁶⁷ Как видно из случаев совместного употребления *abdicare* и *abire* в *Lex repetundarum* (72, 79) в техническом значении они противопоставляются друг другу (Janssen L.F. *Abdicatio*... P. 60–61; *Roman Statutes* / Ed. M.H. Crawford... P. 72–73). *Abdicare* указывает на досрочный отказ от власти, а *abire*, следовательно, – на автоматическое прекращение полномочий по достижении срока (ср., например, Liv. 39.23.1: *absens magistratu abiturus erat*). Однако *abire* иногда может употребляться как синоним *abdicare* (Coli U. *Sui limiti*... P. 404–405; Janssen L.F. *Abdicatio*... P. 63, 73, 79; Kunkel W., Wittmann R. *Staatsordnung*... S. 671; Сморгачев А.М. Религия и власть... С. 252, 524, прим. 175).

¹⁶⁸ Liv. 6.1.4: *neque eum abdicare se dictatura nisi anno circumacto passi sunt.*

¹⁶⁹ Coli U. *Sui limiti*... P. 408.

¹⁷⁰ В этом смысле Plut. *Cam.* 31. Ср.: Mommsen Th. *Römisches Staatsrecht*. Bd. II.1. S. 160, Anm. 3.

такое продление полномочий было санкционировано сенатом¹⁷¹, а роль Камилла была пассивной. Сначала сенат постановил, что Камилл не должен совершать абдикацию, и только потом тот ее не совершил¹⁷².

Следует также заметить, что в случае Камилла речь идет об исключительной (даже уникальной) ситуации после взятия Рима галлами. В.В. Дементьева отмечает: «Как исключение, в 390 г., в условиях галльского нашествия, куриатный закон о наделении империем диктатора Камилла был проведен в его отсутствие»¹⁷³. Но если так, то и решение сената заставить диктатора находится в должности более шести месяцев (если признать, что такое вообще имело место) также должно рассматриваться как исключительное и не отражающее общей практики.

Для доказательства своей концепции У. Коли привлекал информацию о так называемых «диктаторских годах» (333, 324, 309 и 301), для которых фасты отмечают наличие только диктаторов и отсутствие консулов. А. Друммонд доказывал, что эти данные не могут быть использованы для обоснования реальности годовых диктатур¹⁷⁴. У. Коли же замечал, что в независимости от

¹⁷¹ Ср.: Mommsen Th. *Römisches Staatsrecht*. Bd. II.1. S. 160, Anm. 3. С. Окли пишет о «консенсусе всего государства», Oakley S.P. *A Commentary on Livy, Books VI–X*. Vol. I. *Introduction and Book VI*... P. 388. Также см. Liv. 5.49.9; Plut. *Cam.* 42.

¹⁷² Таким образом, можно согласиться с В. Кункелем в том, что именно сенат освободил Камилла от «обязанности абдикации» (Kunkel W., Wittmann R. *Staatsordnung*... S. 671; хотя термин *Abdikationspflicht* вряд ли удачен, если исходить из того, что абдикация – дело сугубо добровольное). Но нельзя принять вывод В. Кункеля о том, что эпизод показывает необходимость абдикации для прекращения полномочий диктатора даже при исчерпании им всего шестимесячного срока (по-другому: диктатура не могла прекратиться автоматически). Из фразы о том, что сенат лишь по прошествии года позволил Камиллу совершить абдикацию, не следует ни то, что абдикация была необходима в конце обычного шестимесячного срока, ни то, что она стала необходимой по прошествии года. Ясно лишь то, что она немедленно прекратила бы полномочия Камилла при любой ситуации, и именно поэтому Камиллу не разрешили ее осуществить. Одновременно В. Кункель справедливо возражал Л.Ф. Янсену, согласно которому ограничение диктатуры шестимесячным сроком появилось лишь в 217 г. (Kunkel W., Wittmann R. *Staatsordnung*... S. 671; Janssen L.F. *Abdicatio*... P. 111–113, 162–165). Взгляды Л.Ф. Янсена отчасти совпадают с воззрениями У. Коли. Так, Л.Ф. Янсен полагал, что продолжительность «малых» диктатур (например, *comitiorum habendorum causa*) ограничивалась не каким-либо сроком, а выполнением поставленной задачи.

¹⁷³ Дементьева В.В. *Магистратура диктатора*... С. 70.

¹⁷⁴ Drummond 1978. Также см.: Mommsen Th. *Römisches Staatsrecht*. Bd. II.1. S. 160, Anm. 1; Kunkel W., Wittmann R. *Staatsordnung*... S. 671–672.

того, верны ли фасты, из них следует, что годичная диктатура, по крайней мере, не была «невообразимой»¹⁷⁵. Но, даже если бы мы согласились с этим, нет никаких оснований считать, что составители фаст имели в виду, что именно и только в результате отказа от абдикации диктаторы оставались в должности весь год. Этот тезис, а не как таковая «представимость» годичных диктатур (или диктатур с каким угодно другим сроком), должен доказываться для обоснования концепции У. Коли.

Наконец, говоря о диктатуре, У. Коли аргументирует тезис о том, что превышение максимального срока не мешало законно удерживать власть, ссылкой на эпизоды, подобные случаю 362 г., когда диктатор *clavi figendi causa*, выполнив поставленную ему задачу, не отказался от должности¹⁷⁶. Однако подобные примеры не доказывают, что диктатор по собственному решению был уполномочен оставаться в должности дольше срока. Эти случаи демонстрируют лишь то, что выполнение задачи раньше срока не обязывало диктатора к абдикации, о чем уже говорилось выше. Так, в эпизоде 362 г. речь идет о претензиях к диктатору только по поводу использования им власти для выполнения задач, не предусмотренных при его назначении, а вовсе не о превышении срока полномочий¹⁷⁷.

Третий основной эпизод, который приводил У. Коли для обоснования своей концепции, связан с цензором Ап. Клавдием Цеком (с 312 г.)¹⁷⁸. Наблюдения У. Коли сводятся к тому, что в независимости от легитимности претензий Аппия Клавдия на сохранение магистратуры после окончания полуторогодового срока, даже его противники признавали, что необходимо добиваться от него абдикации. Следовательно, они признавали, что

¹⁷⁵ Coli U. Sui limiti... P. 408.

¹⁷⁶ Liv. 7.3.9; Coli U. Sui limiti... P. 405; другие случаи: Coli U. Sui limiti... P. 411, n. 55.

¹⁷⁷ Свидетельство Цицерона превышение обычного срока также не доказывает (Cic. *Off.* 3.112: *paucos sibi dies ad dictaturam gerendam addidisset*). Вряд ли обряд вбития гвоздя потребовал много времени.

¹⁷⁸ Представление о том, что цензура первоначально не была ограничена конкретным сроком, а завершалась по выполнении ценза, можно обнаружить, например, в работах: Lange L. *Römische Alterthümer*. Bd. I... S. 662, 799; Leuze O. *Zur Geschichte der römischen Censur*. Halle: Niemeyer, 1912. S. 134–141.

полномочия цензора сами собой после окончания срока не истекли. Кроме того, победив в споре, Ап. Клавдий официально остался цензором на срок больший, чем 18 месяцев, установленный для цензоров последним по времени законом¹⁷⁹.

Эпизод не может быть использован для доказательства тезиса У. Коли. В изображении Ливия спор Ап. Клавдия и трибуна П. Семпрония состоял не в том, сохраняет ли цензор полномочия, если не совершает абдикацию по прошествии законного срока полномочий, а в том, составлял ли этот срок 18 месяцев или же 5 лет. Поскольку сам срок являлся предметом спора, факт удержания Ап. Клавдия власти по истечении 18 месяцев как таковой не имеет никакого отношения к основному тезису У. Коли. Более того, с точки зрения цензора, он вообще не нарушал какой-либо срок¹⁸⁰. В повествовании Ливия аргументация Аппия формулируется в терминах юридически обязывающих абсолютных временных лимитов нахождения в должности, а не в терминах относительных сроков, определяемых выполнением поставленной задачи, как предполагает концепция У. Коли¹⁸¹.

Ливий сообщает о том, что в 168 г. цензоры Г. Клавдий Пульхр и Тиб. Семпроний Гракх попросили пролонгировать срок своих полномочий¹⁸². Ливий даже поясняет, что так было принято (*ex instituto*), т.е. перед нами обычная практика¹⁸³. Речь, очевидно, идет не о пророгации империя, которого у цензоров не было, а о пролонгации самой магистратуры, либо каких-то проистекавших из нее полномочий. Так или иначе, в отличие от Ап. Клавдия эти цензоры признавали 18 месяцев сроком своих полномочий. Их просьба к

¹⁷⁹ Coli U. Sui limiti... P. 409.

¹⁸⁰ Mommsen Th. Römische Staatsrecht. Bd. I. S. 626, Anm. 1; Neumann K.J. Abrogatio (magistratus)... Sp. 25. Также ср.: Janssen L.F. *Abdicatio*... P. 14, 17, 53–54.

¹⁸¹ Ср. Frontin. *Aq.* 1.5.3: qui multis tergiversationibus extraxisse censuram traditur («который, как сообщается, различными увертками продлил цензуру»). Таким образом, если бы Аппий не предпринял активных действий (не прибег к уверткам), он не смог бы удержать за собой цензуру, просто не совершая абдикации. Инициатива требовалась для удержания власти, а не для ее утраты.

¹⁸² Liv. 45.15.9: anni et sex mensum tempus prorogaretur.

¹⁸³ Briscoe J. A Commentary on Livy: Books 41–45... P. 651. Также см.: Lange L. Römische Alterthümer. Bd. I... S. 799.

сенату свидетельствует о том, что, по их собственному мнению, они сами не могли обеспечить полностью законного продления полномочий (путем простого отказа от абдикации), как то должно было быть согласно концепции У. Коли. Следовательно, она не верна. Сначала требовалось решение сената, и только затем не совершалась абдикация (ср. выше со случаем диктатора Камилла). Поскольку строительные проекты Аппия имели беспрецедентный масштаб, нельзя исключить и то, что он, как и другие цензоры, все же получил от сената продление полномочий для завершения этих проектов¹⁸⁴, а Ливий либо его источники существенно сместили акценты, стремясь подчеркнуть параллели с узурпацией власти предком цензора — децемвиром Ап. Клавдием¹⁸⁵.

Самовольное решение цензора рассматривать срок своих полномочий как пятилетний было поддержано тремя трибунами (Liv. 9.34.26). Таким образом, хотя, согласно Ливию, Аппий продолжил формально исполнять цензуру (*solus censuram gessit*), для этого необходимо было вмешательство трибунов¹⁸⁶, подобно тому, как требовалось решение сената в случае с цензорами в 168 г. и в эпизоде с диктатором Камиллом. Иными словами, само по себе несовершенство акта абдикации было недостаточным даже в этих исключительных случаях.

Абдикация цензора требовалась его противниками не потому, что они считали его магистратом, а потому что он считал себя таковым и, таким образом, необходим был публичный отказ от претензий на власть. Такая же логика, как мы видели, прослеживается в рассказе о вторых децемвирах. Положение цензора Аппия после истечения законного срока прямо сравнивается Ливием (9.34.1) с положением членов второй коллегии децемвиров и определяется однозначно: все они были *privati*. В речи трибуна П. Семпрония признание магистратского достоинства Аппия относится к его

¹⁸⁴ Mommsen Th. Römisches Staatsrecht. Bd. II.1. S. 351.

¹⁸⁵ Oakley S.P. A Commentary on Livy, Books VI–X. Vol. 3: Book IX. Oxford: Oxford University Press, 1998. P. 376–379.

¹⁸⁶ Ср.: Lange L. Römische Alterthümer. Bd. I... S. 799–800.

прошлому, а не текущему, статусу (9.34.23: *pro istius magistratus maiestate ac verecundia quem gessisti*).

Таким образом, концепция У. Коли не подкрепляется сведениями источников, приводит к противоречиям и часто не имеет объяснительной силы, создавая больше затруднений, чем она разрешает. В то же время, заслуга У. Коли состоит в том, что он обратил внимание на ряд трудных для понимания аспектов регулирования продолжительности полномочий римских магистратов. Один из этих аспектов представляется особенно важным. Дело в том, что некоторые из эпизодов, на которые ссылался итальянский исследователь, действительно показывают, что тот, кто незаконно удерживал магистратуру после истечения установленного для нее максимального срока, хотя формально признавался *privatus* еще до абдикации, все же на практике оказывался в особом положении. Противоречие между его притязаниями и нормами, признававшимися как законные остальными участниками гражданского коллектива, окончательно разрешалось только с момента условно добровольной абдикации. Таким образом, требовался публичный отказ даже от такой магистратуры, которая с точки зрения *civitas* уже прекратилась. Простого отношения гражданского коллектива к такой власти как к ничтожной было, видимо, недостаточно¹⁸⁷.

Однако нет никакой необходимости требование абдикации объяснять именно тем, что *civitas* парадоксальным образом якобы формально признавала узурпатора магистратом до тех пор, пока он сам не отказывался от должности. Вероятно, прекращение полномочий *ipso iure*, воспринимаемое только одной стороной как законное, просто дополняли актом, который совершался другой стороной самостоятельно и условно добровольно, следовательно, ею признавался и именно и только поэтому требовался оппонентами. Если момент прекращения полномочий *ipso iure* был магистратом проигнорирован и он продолжал действовать как должностное лицо, то логично, что необходим был

¹⁸⁷ В отечественной историографии это отмечает В.В. Дементьева в отношении децемвиров: Дементьева В.В. Децемвират... С. 81.

эксплицитный акт отказа от должности, а такой акт сложно назвать иначе, чем *abdicatio*. Но поскольку публично-правовая ситуация была принципиально иной (уже прошел законный срок), чем при *abdicatio* «в обычном порядке» (происходившей до истечения срока), то нет оснований автоматически переносить все параметры последней на эту новую ситуацию и утверждать, что любой факт требования *abdicatio* уже сам по себе немедленно доказывает имплицитное признание кого-либо магистратом до момента абдикации.

В любом случае представляется необоснованным вывод о том, что диктатор или цензор мог легально удерживать власть даже за пределами срока полномочий, пока сам не решит отказаться от них. Хотя нам известны далеко не все важные с этой точки зрения детали ряда спорных эпизодов, такая легализация бесконечного продления полномочий исключительно по собственному решению их носителя и, одновременно, тотальная делегализация возможного сопротивления узурпатору со стороны гражданского коллектива (которому оставалось уповать на неправовые методы, такие как моральное давление и применение силы), однозначно не соответствовала бы фундаментальным принципам политической организации римской *civitas*. Как справедливо отмечал сам У. Коли, любая магистратура в республиканском Риме была ограничена по времени. Более того, в античной традиции принято представление о том, что власть консулов отличалась от царской не объемом, а ограничением по сроку (*Cic. Rep.* 2.56; *Liv.* 2.1.7). Но если консула от царя отличает временной лимит сохранения полномочий, причем такой, наступление которого означает именно автоматическое прекращение магистратуры, то более могущественная диктатура по такой логике а *fortiori* должна была быть точно так же ограничена сроком, означавшим прекращение полномочий *ipso iure*, чтобы отличаться от царской власти. Нет убедительных причин полагать, что это важнейшее ограничение оказывалось не закрепленным на публично-правовом уровне и что часто упоминаемые в источниках конкретные сроки полномочий диктатора или

цензора ни к чему формально не обязывали и никаких правовых последствий не имели, если не оказывались подкреплены добровольной абдикацией.

§2.4. «Задача», «поручение» и абдикация. Триумвират без ограничений?¹⁸⁸

Ни один из вопросов, рассмотренных выше, не обсуждается современными сторонниками теории У. Коли, которые используют ее для формулировки заключений о природе триумvirата г.р.с.¹⁸⁹. Имеются и альтернативные подходы. Так, Ф. Дрогула выдвинул тезис о том, что триумвират был построен вовсе не по образцу диктатуры или цензуры, а скорее по модели других римских коллегий триумvиров. «Хотя коллегия *triumviri rei publicae constituendae*, учрежденная *lex Titia*, обладала значительно большими полномочиями и прерогативами, чем другие коллегии триумvиров, нет оснований полагать, что она была принципиально иной по своей структуре или концепции, или что ее члены могли занимать должность бессрочно, в то время как другие триумvиры имели фиксированные сроки полномочий». Ф. Дрогула напоминает, что «источники однозначно свидетельствуют о том,

¹⁸⁸ Основные выводы раздела опубликованы в работах: Frolov R.M. The Triumvirate rei publicae constituendae, ἀντάρχοντες in an Inscription from Aphrodisias, and the Late Republican Promagistracy // Gerión. Revista de Historia Antigua. 2024. Vol. 42/1. P. 57–79; Фролов Р.М. Никаких ограничений? Интерпретация триумvirата rei publicae constituendae как магистратуры ad tempus incertum // Вестник древней истории. 2024. Т. 84. № 4. С. 975–997.

¹⁸⁹ Последнее по времени изложение этой исследовательской позиции см.: Vervaeke F.J. The Triumvirate... P. 28–29. С другой стороны, А. Далла Роза, хотя и принимает вывод Ф. Вербата о том, что триумвират не прекратился автоматически после второго пятилетнего срока, не разделяет его подхода, заключающегося в почти безоговорочном (впрочем, за важными исключениями) принятии выводов У. Коли. А. Далла Роза справедливо настаивает на том, что слабые стороны теории У. Коли нельзя игнорировать. В частности, проблематичным для А. Даллы Розы является стремление У. Коли выделить единую категорию магистратур ad tempus incertum, в которую включаются как триумвират г.р.с., так и такие «традиционные» магистратуры, как диктатура rei gerundae causa и цензура. А. Далла Роза указывает, что единственным случаем, сопоставимым с триумвиратом, была диктатура Суллы, которая действительно не имела фиксированного срока и ограничивалась лишь выполнением поставленной задачи (Dalla Rosa A. L'aureus del 28 a.C. e i poteri triumvirali di Ottaviano // Viri Militares. Rappresentazione e propaganda tra Repubblica e Principato / Eds. T.M. Lucchelli, F. Rohr Vio. Trieste: Edizioni Università di Trieste, 2015. P.173–174, n. 5).

что *lex Titia* установил для триумvirата пятилетний срок, и сам факт того, что Август и его коллеги сочли необходимым добиваться продления власти на второй пятилетний срок в 37 г., служит веским доказательством того, что без этого продления их должность прекратилась бы»¹⁹⁰. Даже если допустить, что триумvirат все же был смоделирован по образцу диктатуры или цензуры и даже если в порядке мысленного эксперимента представить, что такие магистратуры могли формально сохраняться до добровольной абдикации их носителей, крайне маловероятно, что Октавиан захотел бы подражать примеру Ап. Клавдия Цека и, в особенности, второй коллегии децемвиров V в., если бы у него имелись другие опции.

Несмотря на это, Ф. Верват принимает вывод У. Коли, согласно которому триумvirат был магистратурой *ad tempus incertum*, и утверждает, что он официально мог быть прекращен лишь посредством абдикации, абrogации или смерти¹⁹¹. Далее Ф. Верват интерпретирует имеющиеся свидетельства, такие как активность Октавиана в сенате в 32 г., которая выглядела так, словно он все еще был триумvиром¹⁹², как логическое следствие этой специфической природы *tempus* триумvirата. Но проблема заключается в том, что У. Коли, как показано выше, использует те же самые свидетельства (особенно рассказ о поведении Октавиана в сенате в январе 32 г.) для обоснования того, что триумvirат в принципе следует относить к числу магистратур *ad tempus incertum*. Есть ли иные основания, по которым У. Коли относил триумvиров к группе магистратур *ad tempus incertum*?

Во-первых, У. Коли ссылался на тот факт, что Антоний считал себя триумvиром вплоть до своей смерти¹⁹³. Но каким образом можно исключить

¹⁹⁰ Drogula F.K. *Commanders and Command...* P. 348. Схожим образом уже в работе: Bleicken J. *Zwischen Republik und Prinzipat...* S. 67–68.

¹⁹¹ Ему следует, в частности: Dalla Rosa A. *Cura et tutela...* P. 111–112, n. 1.

¹⁹² Vervaeke F.J. *The Secret History...* P. 89. Ср.: Gabba E. *La data finale...* P. 14; Kolbe W. *Der zweite Triumvirat...* S. 280.

¹⁹³ Coli U. *Sui limiti...* P. 415. Также см., напр.: Grenade P. *Essai sur les origines du principat...* P. 30; Dalla Rosa A. *Cura et tutela...* P. 111–112, n. 1; Eder W. *Augustus and the Power of Tradition: The Augustan Principate as Binding Link between Republic and Empire* // *Between*

возможность того, что он узурпировал этот титул? У. Коли признавал, что Октавиан титулом не пользовался, но отводил это возражение, априори предполагая, что, несмотря на его молчание, основанием власти Октавиана на самом деле все равно оставался триумвират. Это неубедительно, поскольку данный тезис еще предстоит доказать. Мне представляется, что и использование титула Антонием, и отказ от него со стороны Октавиана должны быть отвергнуты как аргументы в пользу любой из позиций. Если пренебрежение титулом со стороны Октавиана действительно не исключает того, что юридически он все еще был триумвиром¹⁹⁴, то равно и использование титула Антонием не доказывает, что он был формально триумвиром, а не узурпатором (тем более что после лишения всех оставшихся полномочий в 32 г. Антоний мог именовать себя как угодно, поскольку все варианты были в равной степени незаконными, а находясь далеко от Рима, он не рисковал немедленными последствиями и, по-видимому, предпочел позиционировать себя как триумвира, что выглядело более внушительно хотя бы с титулярной точки зрения)¹⁹⁵.

Republic and Empire: Interpretations of Augustus and His Principate / Eds. K.A. Raaflaub, M. Toher. 2023. P. 97.

¹⁹⁴ Lange C.H. *Res publica constituta*... P. 59, 181. Подразумевалось уже в работе: Grenade P. *Essai sur les origines du principat*... P. 30.

¹⁹⁵ Hoyos B.D. *The Legal Powers*... P. 10–11; Benario H.W. *Octavian's Status*... P. 307. Замечу также, что Антоний не только никогда не именовал себя *triumvir iterum* на монетах (несмотря на то, что второй срок был официально санкционирован), но и считал себя консулом в 31 г., несмотря на то, что народ в Риме формально аннулировал его статус десигната. Должны ли мы, тем не менее, считать, что в 31 г. существовало три консула? Разумеется, нет. Но если так, то то же самое должно относиться и к оценке статуса триумвира. Самопрезентация Антония не может прояснить вопрос о юридическом сроке триумвирата или доказать его целевой, основанный на постановке задачи, характер, кроме как в том случае, если возможно доказать, что у Антония имелись иные убедительные варианты (помимо узурпации триумвирата) для позиционирования в ситуации, когда доступ к сенату и народу в Риме имел не он, а Октавиан (ср.: Hoyos B.D. *The Legal Powers*... P. 8). Нерелевантность притязаний Антония для понимания правовой ситуации была признана еще Э. Габбой (Gabba E. *La data finale*... P. 14). Идея о том, что античные источники непременно эксплицитно указали бы на незаконность удержания Антонием триумвирата, если бы он узурпировал этот статус (см., напр.: Grenade P. *Essai sur les origines du principat*... P. 30), представляет собой *argumentum ex silentio*. Более того, такое представление может быть сразу отвергнуто, поскольку источники все же прямо сообщают о том, что в 32 г. Антоний был формально лишен всех своих полномочий (Cass. Dio 50.4.3). Иными словами, античные авторы однозначно дают понять, что формально он не обладал

Второй аргумент У. Коли состоит в том, что после окончания второго срока триумvirата Октавиан и Антоний обсуждали между собой и с сенатом возможность своей абдикации, которую Октавиан осуществил лишь в 27 г.¹⁹⁶.

Наконец, У. Коли утверждал, что триумвиры оставались у власти даже после 31 декабря 38 г., когда их первый срок уже истек¹⁹⁷. Ф. Верват, в свою очередь, интерпретирует положение триумвиров в 37 г., исходя из предположения, что предложенное У. Коли понимание *tempus* триумvirата уже доказано¹⁹⁸. Затем У. Коли указывал, что триумвиры оставались у власти и после окончания второго пятилетнего срока и что это якобы доказывает, что триумvirат был магистратурой *ad tempus incertum*. Тем самым идея о том, что триумвиры сохраняли власть после второго срока, снова доказывается у Ф. Вервата благодаря предварительному принятию в качестве уже доказанного определения триумvirата У. Коли как магистратуры *ad tempus incertum*. Становится очевидным «порочный круг» аргументации.

Ф. Верват существенно расширил рассуждения У. Коли и привлек дополнительные свидетельства в поддержку его взгляда. Однако при этом, на мой взгляд, Ф. Верват фактически нарушил первоначальную логику У. Коли, оставив только те части его рассуждений, которые не противоречили случаю триумvirата, и отвергнув остальные, хотя те и другие в рассуждениях У. Коли были связаны между собой неразрывно, логически обуславливая друг друга.

Ф. Верват ссылается на требования консула Л. Антония о том, чтобы триумвиры сложили полномочия после разгрома Брута и Кассия, поскольку

никакой властью. Поскольку он все же продолжал именовать себя триумвиром и консулом даже в 31 г. (т.е. уже после лишения всех полномочий, каковы бы они ни были), само упоминание о лишении его всей власти равнозначно прямому утверждению о том, что формально он стал узурпатором. У. Вилькен (Wilcken U. *Der angebliche Staatsstreich...* S. 75) тоже не проводит различия между публично-правовой реальностью и притязаниями Антония.

¹⁹⁶ Coli U. *Sui limiti...* P. 415. Схожим образом: Gabba E. *La data finale...* P. 13–14; Roddaz J.-M. *La métamorphose...* P. 407–408.

¹⁹⁷ Coli U. *Sui limiti...* P. 415.

¹⁹⁸ Лидеры также могли просто продолжать действовать, не заявляя о сохранении триумvirата вплоть до момента его формальной итерации. Различные интерпретации этой возможности см. в работах: Wilcken U. *Der angebliche Staatsstreich...* S. 76–77, Rice Holmes T. *The Architect...* P. 242–243.

именно их уничтожение и было задачей триумvirата. На момент выступления Л. Антония до окончания первого срока триумvirата оставалось почти три года¹⁹⁹. По мнению Ф. Вervата, аргументация Л. Антония логически оправдана лишь при принятии предложенного У. Коли понимания специфической природы *tempus* триумvirата. «Если бы триумvirат и его срок обладали качествами и характеристиками, например, консулата и его *tempus*, то и тон, и хронология доводов Луция были бы совершенно бессмысленными»²⁰⁰. Суть тезиса Ф. Вervата заключается в том, что ссылка на создание триумvirата для выполнения определенной задачи в сочетании с предложениями об абдикации до истечения срока имеет смысл лишь при условии, что триумvirат действительно был магистратурой *ad tempus incertum* в том смысле, в котором это понятие формулировал У. Коли, и, следовательно, не прекращался автоматически даже после истечения своего «угрожающего», «ориентировочного» (*comminatorio*) срока. С этим невозможно согласиться. Случай Л. Антония действительно показывает, что триумvираты могли рассматриваться как морально обязанные сложить полномочия после выполнения поставленной задачи, даже если установленный срок еще не истек, но они не доказывают, что триумvираты могли сохранять власть до абдикации даже после истечения срока и выполнения задачи. Прямая логическая связь между самим по себе фактом создания магистратуры ради определенной цели и предполагаемым фактом отсутствия ее автоматического прекращения после истечения срока существует лишь в теории У. Коли, которая, как было показано выше, неудовлетворительна. То же возражение применимо и к комментариям Ф. Вervата относительно других эпизодов обсуждения участниками событий перспектив своей абдикации до истечения срока триумvirата²⁰¹.

¹⁹⁹ О Л. Антонии см.: Roddaz J.-M. *Lucius Antonius* // *Historia*. 1988. Bd. 37. P. 317–346.

²⁰⁰ Vervae F.J. *The Secret History...* P. 105–106.

²⁰¹ См.: Vervae F.J. *The Secret History...* P. 107–112. Схожим образом: Lange C.H. *Res publica constituta...* P. 59–60; Roddaz J.-M. *La métamorphose...* P. 407.

Совершенно иной вопрос – обещания якобы отказаться от триумvirата после 33 г. Ф. Вербат ссылается здесь лишь на два свидетельства, дошедшие до нас, первое на греческом, второе на латинском языке. Проблема первого из них заключается в том, что в нем нет терминов, однозначно указывающих на триумvirат, таких как *τριῶν ἀνδρῶν τῆς τῶν δημοσίων πραγμάτων διατάξεως* (как в письме Октавиана Пларасе-Афродисию²⁰²) или *τριῶν ἀνδρῶν ἐγενόμην δημοσίων πραγμάτων каторθωτής* (как в *RGDA* 7.1; ср. 1.4: *τῶν τριῶν ἀνδρῶν ἔχον[τα ἀρχὴν ἐπὶ] τῇ καταστάσει τῶν δ[η]μοσίων πραγμάτων*)²⁰³. Вместо этого используются весьма неопределенные обозначения политической власти – *ἀρχή* и *κράτος* (Cass. Dio 50.7.1–2, 32 г.; также ср. 49.41.6: *ἀρχή* и *πάντα τὰ πράγματα*, 34 г.)²⁰⁴. Действительно, греческие нарративные источники могут использовать такие общие термины, по крайней мере *ἀρχή*, для обозначения власти действующих триумvirов²⁰⁵. Однако если в пассажах, относящихся к событиям до 32 г., мы можем с уверенностью предполагать, что под *ἀρχή* и подобными терминами имеется в виду именно триумvirат (т.к. речь безусловно идет о времени в рамках законного срока триумvirата в любой его интерпретации), то в отношении событий после 33 г. такой уверенности уже нет²⁰⁶. Необходимо дополнительно установить, что речь идет о конкретной

²⁰² Reynolds J. *Aphrodisias and Rome...* P. 42 (Doc. 6, ll. 5–7).

²⁰³ По поводу схожей терминологии в нарративных источниках см. App. BC. 4.7 (*ἀρχὴν ἐπὶ καταστάσει τῶν παρόντων ... τριῶν ἀνδρῶν*); *Illyr.* 28 (*ἄρχων ἐπὶ τὴν τῶν τριῶν ἀρχὴν*); Plut. *Ant.* 21.1 (*ἡ τῶν τριῶν ἀρχή*); Cass. Dio 41.36.1 (*τριαρχία*); Freyburger-Galland M.-L. *Aspects du vocabulaire politique et institutionnel de Dion Cassius*. Paris: De Boccard, 1997. P. 125–126.

²⁰⁴ Vervae F.J. *The Secret History...* P. 112–113. Также см.: Roddaz J.-M. *La métamorphose...* P. 407–408 и более ранние работы (Wilcken U. *Der angebliche Staatsstreich...* S. 75; Rice Holmes T. *The Architect...* P. 242). Термин *ἀρχή* слишком общий. По поводу употребления *κράτος* у Кассия Диона см.: Freyburger-Galland M.-L. *Aspects du vocabulaire politique et institutionnel de Dion Cassius* 58–59. М.-Л. Фребюрже-Галлэн указывает на целый ряд пассажей, в которых термин обозначает политическое доминирование, основанное на обладании весьма различными должностями.

²⁰⁵ Bleicken J. *Zwischen Republik und Prinzipat...* S. 12; Vervae F.J. *The Secret History...* P. 123, n. 111; Freyburger-Galland M.-L. *Aspects du vocabulaire politique...* P. 12. Это объясняется весьма устойчивой тенденцией греческих авторов описывать триумvirов как всевластных правителей, без ухода в детали публично-правового оформления.

²⁰⁶ М.-Л. Фребюрже-Галлэн (Freyburger-Galland M.-L. *Aspects du vocabulaire politique...* P. 53) не принимает это во внимание, когда указывает на пассажи Кассия Диона как якобы свидетельства употребления им термина *ἀρχή* для обозначения власти действующих триумvirов: 49.41.6 (34 г.); 50.1.1 и 50.7.1 (32 г.).

магистратуре, а не о власти вообще. Например, Х. Мейсон показал, что Кассий Дион может употреблять термин ἀρχή в значении provincia²⁰⁷. Поэтому нельзя сразу исключить, что во фрагменте Cass. Dio 50.7.1–2 Антоний обещал отказаться от своих провинций и, соответственно, армий, а вовсе не от триумvirата²⁰⁸. Греческие источники в данном случае просто не позволяют сделать окончательные выводы²⁰⁹. Кроме того, остается неясным, почему триумвиры якобы обещали вернуть свою магистратуру сенату и народу. Сенат и народ могли получить обратно лишь общее руководство государственными делами, но не конкретную должность, если не говорить метафорически.

Напротив, латинская терминология вполне позволяет точно определить, что именно представляла собой ἀρχή, которую триумвиры сохраняли после 33 г. и которую они неоднократно обещали оставить. В пассаже *Per.* 132 мы обнаруживаем следующее возражение со стороны Октавиана: *neque in urbem venire vellet (Антоний) neque finito Triviratus tempore imperium deponere*²¹⁰. Таким образом, речь шла об империи, а не о должности триумвира²¹¹. Империй бывшие триумвиры продолжали законно удерживать и, соответственно, были в состоянии сложить. Это полностью соответствует представлению о том, что после окончания триумvirата Октавиан и Антоний формально оставались проконсулами, то есть *privati*, наделенными империем (см. §2.5 данной главы). Чтобы сложить империй, проконсулу достаточно было войти *in urbem*,

²⁰⁷ Mason H.J. *Greek Terms...* P. 110.

²⁰⁸ См.: Kromayer J. *Die rechtliche Begründung des Principats*. Marburg: N.G. Elwert'sche Verlagsbuchhandlung, 1888. S. 10–11.

²⁰⁹ Ср.: Bleicken J. *Zwischen Republik und Prinzipat...* S. 67–68.

²¹⁰ Vervaeke F.J. *The Secret History...* P. 113. По поводу данного пассажа Перихос также ср.: Wilcken U. *Der angebliche Staatsstreich...* S. 80–81; Rice Holmes T. *The Architect...* P. 243–244; Fadinger V. *Die Begründung des Prinzipats...* S. 113, 129; Benario H.W. *Octavian's Status...* P. 305, n. 25.

²¹¹ Поскольку триумvirат включал в себя значительно больше, чем только империй, и поскольку сохранялся лишь последний (и поэтому только его можно было сложить), выражение *finito Triviratus tempore* должно означать здесь только (автоматическое) прекращение самой магистратуры, а не просто истечение срока его полномочий. Империй же утрачивается экс-магистратом *cum imperio* лишь при пересечении границы города Рима. Ср.: Roddaz J.-M. *La métamorphose...* P. 407 (исследователь не отличает империй от самой должности). В этом вопросе следует солидаризироваться со взглядом К.М. Жирарде (Girardet K.M. *Der Rechtsstatus Oktavians...* S. 339).

поскольку именно при пересечении городской границы промагистрат утрачивал власть. Отсюда акцент в *Периохах* именно на вход в город Рим. Такой акцент невозможно объяснить, если исходить из предположения, что империй здесь тождественен самому триумвирату (выступает как метонимия магистратуры). Поэтому К.Й. Ланге, на мой взгляд, не прав, считая само собой разумеющимся, что в различных ситуациях триумвиры говорили о сложении именно «полномочий триумвиров» и что это якобы «свидетельствует о том, что триумвират не прекращался автоматически»²¹². Вовсе не случайно, что Ф. Верват в итоге предпочел «разрубить гордиев узел» и просто целиком отвергнуть свидетельство *Per.* 132 на том основании, что «изложение Ливия в отношении этого периода лишь воспроизводило версию истории Августа и его официальную позицию по поводу продолжительности триумvirата», согласно которой «второй *tempus* истек 31 декабря 33 г.»²¹³.

Помимо пассажа *Per.* 132, прямо противоречащего предположению о том, что после 33 г. бывшие триумвиры юридически обладали чем-либо иным, кроме империя в качестве промагистратов, который можно было бы сложить, войдя в Рим, К.Й. Ланге ссылается лишь на перечисленные выше греческие пассажи. Однако во всех них, как уже отмечалось, используются обозначения настолько общего характера²¹⁴, что сам же К.Й. Ланге в других местах своего изложения справедливо называет их неточными, если только контекст не позволяет их однозначно прояснить²¹⁵.

Важной составляющей аргументации Ф. Вервата, согласно которой триумвират мог прекратиться лишь посредством абдикации, абrogации или со смертью его носителей, является идея о том, что Октавиан официально отказался от триумvirата лишь в 27 г.²¹⁶. Вопрос о том, какие именно

²¹² Lange C.H. *Res publica constituta*... P. 60.

²¹³ Vervae F.J. *The Triumvirate*... P. 31, n. 22.

²¹⁴ См. выше по поводу Cass. Dio 49.41.6; 50.7.1. Пассаж *App. BC.* 5. 132 в данном случае иррелевантен, т.к. относится к 36 г., когда срок триумvirата еще не завершился в рамках любой интерпретации.

²¹⁵ Об ἀρχή см.: Lange C.H. *Res publica constituta*... P. 54.

²¹⁶ Vervae F.J. *The Secret History*... P. 122–128. Этот взгляд поддержан, напр., в работе: Roddaz J.-M. *La métamorphose*... P. 409. В отличие от Ф. Вервата, Ж.-М. Родда не ссылается

полномочия Август «вернул» сенату и народу в 27 г., чрезвычайно обширен и выходит за рамки данного исследования, однако необходимо сделать несколько замечаний о ключевых следствиях интерпретации Ф. Вервата с точки зрения уточнения статуса Октавиана в 32 г. Лишь в том случае, если не подтверждается отказ Августа от триумvirата в 27 г., можно утверждать, что он мог завершиться уже после 31 декабря 33 г.

Для Ф. Вервата главным доказательством отказа от триумvirата в 27 г. служит не *Res Gestae*²¹⁷, а речь Октавиана в передаче Кассия Диона (53.4). *Res Gestae* представляет собой сложный источник из-за очевидной тенденциозности автора. На этом фоне Дион выглядит более нейтральным, но он также может игнорировать формально-правовые тонкости. Так, не без оснований сам Ф. Верват отвергает сведения Диона о том, что в 48 г. диктатор Цезарь получил *tribunicia potestas*. В действительности, как доказывает исследователь, ему, вероятно, было предоставлено лишь *ius subsellii* плебейского трибуна²¹⁸.

Тем не менее, по мнению Ф. Вервата, выражение ἀφίημι τὴν ἀρχὴν ἄλασιν у Кассия Диона в рассматриваемом пассаже (53.4.3) должно обозначать отказ именно от триумvirата. Предположим, что Дион корректно воспроизводит здесь все формальности. Как уже отмечалось выше, тот факт, что ἀρχή «чаще всего употребляется как эквивалент латинского magistratus»²¹⁹ или что этот термин «часто используется в греческих источниках для обозначения должности триумvира или [что не одно и то же, – Р.Ф.] правления триумvиров», сам по себе не доказывает, что в данном месте у Диона он непременно означает именно должность триумvира. Более того, сам Ф. Верват вынужден признать, что «в контексте этой речи» выражение ἀφίημι τὴν ἀρχὴν ἄλασιν «вероятно является греческим переводом технического термина

на У. Коли. Сомнения в том, что Октавиан мог совершить абдикацию лишь в 27 г., были высказаны уже Й. Кромайером: Kromayer J. Die rechtliche Begründung... S. 11–12.

²¹⁷ Как, напр., это имеет место в работе: Petzold K.-E. Die Bedeutung des Jahres 32... S. 339–340.

²¹⁸ Vervaeke F.J. The High Command... P. 224, n. 33.

²¹⁹ Mason H.J. Greek Terms... P. 110.

imperium deponere»²²⁰. Он далее ссылается на пассаж *Per.* 132, где, как мы только что видели, четко проводится различие между триумвиратом (который уже завершился) и *imperium*, сохранение которого без магистратуры не только возможно, но и происходит автоматически до тех пор, пока его носитель, ставший теперь промагистратом, не пересечет городскую границу.

Кроме того, нам известно, что именно подразумевает термин ἀρχή в контексте речи Октавиана у Кассия Диона (53.4). Отказ от нее означает здесь возвращение сенату «армии, законов и провинций» (53.4.3: τὰ ὅπλα, τοὺς νόμους, τὰ ἔθνη). Ф. Верват понимает слова Диона буквально и утверждает, что поскольку «повторяющиеся (и подчеркнутые) упоминания “армии”, “провинций”, “денег” и “законов” относятся к наиболее важным прерогативам триумвиров, а именно к исключительному контролю над войском, распределением провинций, эрарием и праву издавать эдикты, имеющие силу закона», не может быть сомнений в том, что Дион здесь пересказывает речь, произнесенную по случаю акта, в ходе которого Октавиан отказался от всех этих полномочий, т.е. добровольно сложил с себя *triumviratus r.p.c.*²²¹. Однако с такой интерпретацией связано, по меньшей мере, два серьезных затруднения.

Во-первых, в отличие, например, от Дж. Рича, считавшего речь Октавиана «собственным измышлением Диона» и «блестящим образцом последовательной иронии»²²², или К.Й. Ланге, полагающего, что «Дион в значительной степени выдумал эту речь»²²³, Ф. Верват исходит из того, что греческий сенатор суммировал содержание реально произнесенной речи Октавиана и именно поэтому все ее детали следует воспринимать всерьез. Но если Дион в целом точно передает речь Октавиана, причем так, что она должна интерпретироваться именно как речь об абдикации триумvirата, то возникает вопрос о причинах того, что в *RGDA* 7.1 сам Август утверждает, что был

²²⁰ Vervae F.J. *The Secret History...* P. 123, n. 111.

²²¹ Vervae F.J. *The Secret History...* P. 125. Также см. P. 125–126, n. 118.

²²² Rich J. *Making the Emergency Permanent: auctoritas, potestas and the Evolution of the Principate of Augustus* // *Publications de l'École française de Rome*. 2012. Vol. 458. P. 52.

²²³ Lange C.H. *Res publica constituta...* P. 54.

триумвиром десять лет непрерывно, и того, что он санкционировал такую версию фаст, из которой ясно следует, что триумвират завершился после 31 декабря 33 г. Если Август в 27 г. действительно объявил об абдикации триумвирата, и его речь была передана Дионом (включая ключевые публично-правовые детали)²²⁴, почему сам Август сообщает, что был триумвиром лишь до конца 33 г., а не до 27 г.? Если принять допущения, из которых исходит Ф. Верват, то, как уже отмечалось выше, остается лишь заключить, что публичная версия Августа в какой-то момент подверглась изменениям.

Во-вторых, предположим, что Ф. Верват прав, интерпретируя «подчеркнутые указания» Диона (*emphatic references*), как он их называет, во внушительный перечень формальных прерогатив триумвира. Допустим далее, что под «законами» понимается «право издавать эдикты, имеющие силу закона», а не, например, способность влиять на содержание законопроектов, выносимые другими акторами на комиции, что под «провинциями» имеется в виду право их распределения, а не управление какими-либо конкретными провинциями, и т.д. В таком случае оказывается, что в этой речи Дион, по крайней мере, корректно передает конституционные аспекты, пусть и не строго формализованным языком. Однако во фрагменте *Cass. Dio 53.6.3* Октавиан говорит, что, отказ от этой власти означает переход на положение *privatus* (ἰδιωτεύσαι). Ф. Верват тут же замечает, что это высказывание носит риторический характер, ведь Октавиан в 27 г. все еще оставался консулом, а никак не *privatus*. Однако это описание «прекрасно соответствует процедуре *abdicare se magistratu* или ее варианту *deponere imperium*, которые обычно автоматически означали возвращение носителя к статусу *privatus*»²²⁵. Последнее замечание Ф. Вервата, конечно, не позволяет преодолеть возникшее

²²⁴ Vervae F.J. *The Secret History...* P. 126: «only if one understands these words as (Dio's personal adaptation of) Caesar Octavianus' pompous abdication statement does each and every part of it indeed become perfectly comprehensible». Vervae F.J. *The Secret History...* P. 126, n. 120: «the words as recorded in LIII 3–10 should be read as Dio's embellished adaptation of the original abdication speech delivered by Octavianus on 13 January 27, or, perhaps, an abridged version from some lost Latin source».

²²⁵ Vervae F.J. *The Secret History...* P. 124.

затруднение. Не говоря уже о том, что *deponere imperium* вовсе не тождественно *abdicare se magistratu*, в конкретной ситуации 27 г. Октавиан, абдикацию какой должности он бы ни совершил, все равно, как мы знаем, оставался весь этот год консулом²²⁶. Следовательно, речь Октавиана у Диона оказывается неверной до такой степени, что она искажает самые базовые юридические реалии, превращая консула в *privatus*. Гораздо логичнее согласиться поэтому с Дж. Ричем в том, что, т.к. ἰδιωτεύσαι подразумевает «намерение отказаться от консульства и полностью удалиться от политической жизни», крайне маловероятно, чтобы Октавиан действительно говорил в таких выражениях²²⁷.

Если же, напротив, предположить, что Дион все-таки сохраняет сущность сказанного Октавианом, и сделать оговорку о том, что конкретно ἰδιωτεύσαι представляет собой лишь пример неточной риторики, то на каком основании мы должны считать, что выражение ἀφίημι τὴν ἀρχὴν ἅπασαν в этой же речи следует понимать как юридически точное указание на абдикацию триумvirата, а не как еще пример неточной риторики, аналогично ἰδιωτεύσαι? Не выбирает ли Ф. Верват необходимые трактовки произвольно? Как он отмечает, Дж. Рич в личной переписке с ним отмечал, что Октавиан «едва ли стал бы выражаться в терминах вроде αὐταρχία или μοναρχία». Однако в ответ на это Ф. Верват лишь повторяет, не приводя дополнительных аргументов, что, в отличие от этих терминов, «та ἀρχή, от которой Октавиан отказывается в данной речи, есть триумvirат»²²⁸. Но откуда это известно? Лишь в том случае, если бы другие источники прямо подтверждали, что Октавиан действительно совершил абдикацию триумvirата в 27 г., мы могли бы игнорировать неточности в употреблении таких понятий, как αὐταρχία и μοναρχία, и интерпретировать ἀρχή как точное обозначение триумvirата.

²²⁶ Справедливо подчеркивается в работе: Börm H., Havener W. Octavians Rechtsstellung im Januar 27 v. Chr. und das Problem der „Übertragung“ der *res publica* // Historia. 2012. Bd. 61. S. 215.

²²⁷ Rich J. Making the Emergency Permanent... P. 59.

²²⁸ Vervaeke F.J. The Secret History... P. 126, n. 120.

В поддержку своего прочтения речи Октавиана у Кассия Диона (53.3–10) Ф. Верват ссылается на факт лишения М. Антония в 32 г. консульства, положенного ему на 31 г., а также «всей прочей власти» (Cass. Dio 50.4.3: καὶ τὴν τε ὑπατείαν αὐτόν, ἐς ἣν προεκεχειροτόνητο, καὶ τὴν ἄλλην ἐξουσίαν πᾶσαν ἀφείλοντο). Ф. Верват подчеркивает, что, «поскольку Дион здесь явно различает консульство Антония и «всю прочую власть», последний парафраз тоже может подразумевать только *triumviratus r.p.c.*, которого он был лишен в силу *lex de imperio abrogando*»²²⁹. Но, во-первых, возникает вопрос, почему мы имеем дело лишь с описанием, а не с прямым указанием на факт лишения власти триумвира, который в контексте ситуации 32 г. был гораздо важнее, чем эксплицитное лишение будущего (еще даже не наступившего) консулата 31 г.? Во-вторых, «вся прочая власть» с тем же успехом может обозначать империй или провинции, которые М. Антоний в качестве экс-триумвира, остававшегося на Востоке, несомненно, законно сохранял как проконсул²³⁰.

²²⁹ Vervae F.J. *The Secret History...* P. 127, также см. P. 127–128, n. 123.

²³⁰ Следовательно, неверно утверждение Э. Габбы (Gabba E. *La data finale...* P. 14) о том, что, хотя выражение τὴν ἄλλην ἐξουσίαν πᾶσαν и является неточным, единственным, чего Антоний мог быть лишен в тот момент, был якобы именно триумвират (также ср., напр.: Petzold K.-E. *Die Bedeutung des Jahres 32...* S. 339, 347, Anm. 52; Wallmann P. *Triumviri rei publicae constituendae: Untersuchungen zur politischen Propaganda im zweiten Triumvirat* (43–30 v. Chr.). Frankfurt am Main; Bern; New York; Paris: Lang, 1989. S. 296–304; однако ср.: Niccolini G. *Il triumvirato...* P. 81: «Se con ἐξουσία Cassio Dione ha voluto indicare particolarmente il Triumvirato, che sussisteva ancora nel 32 a. Cr., o se quella parola ha un valore generico, non si sa»; Roddaz J.-M. *Imperium...* P. 200: «l'expression τὴν ἄλλην ἐξουσίαν ..., à notre avis, difficilement désigner le seul imperium militiae, mais bien plutôt l'ensemble des compétences triumvirales»). У. Вилькен (Wilcken U. *Der angebliche Staatsstreich...* S. 74–75) полагал, что τὴν ἄλλην ἐξουσίαν πᾶσαν не может обозначать империй, поскольку выражение означает «все полномочия». Однако нетрудно возразить, что «все полномочия» вполне могли указывать именно на империй, либо на империй в сочетании с провинциями, если это было все, чем Антоний все еще формально располагал. М.-Л. Фребюрже-Галлэн (Freyburger-Galland M.-L. *Aspects du vocabulaire politique...* P. 57) утверждает, что ἐξουσία у Кассия Диона (50.4.3), несомненно, обозначает власть триумвира. Однако она же (Freyburger-Galland M.-L. *Aspects du vocabulaire politique...* P. 57–58) отмечает, что термин ἐξουσία часто уточняется указанием на конкретную должность. В пассаже Cass. Dio 50.4.3 такого уточнения нет. Если это так, то данный фрагмент едва ли может считаться ясным указанием на триумвират, поскольку, как справедливо подчеркивает сама М.-Л. Фребюрже-Галлэн (Freyburger-Galland M.-L. *Aspects du vocabulaire politique...* P. 58), ἐξουσία у Диона нередко также обозначает не что иное, как проконсульскую власть, и может даже пониматься как эквивалент *imperium*. Ж.-М. Родда (Roddaz J.-M. *La métamorphose...* P. 408) сначала указывает на то, что анализируемый пассаж может означать лишь чрезвычайные полномочия, но затем сам же уточняет, что у Диона ἐξουσία никогда не указывает на

Более правдоподобной представляется поэтому точка зрения К.Й. Ланге, согласно которой «та ἀρχή, от которой Октавиан отказывается в речи у Диона, – это, безусловно, не магистратура, а просто автократия или монархия. Он определенно не пользовался этим титулом после 33 г., и потому маловероятно, что сам Октавиан говорил бы о нем в 28–27 гг.»²³¹.

Изложение Дионом слов Антония о лишении его власти, полученной им некогда вместе с Октавианом и которой он так долго пользовался, действительно создает впечатление, что речь идет о триумвирате. Но когда историк переходит к описанию того, чего именно Антоний был теперь лишен (не того, что он получил вместе с Октавианом много лет назад, а совершенно иного) он пишет: «я стал частным лицом вместо военачальника и обеспеченным вместо консула» (Cass. Dio 50.20.5: ἰδιώτης μὲν ἐξ ἡγεμόνος, ἄτιμος δὲ ἐξ ὑπάτου γέγονα)²³². Но в отличие от предыдущего рассказа о наделении Антония властью, здесь контекст уже недостаточен, чтобы с уверенностью утверждать, что речь идет именно о лишении триумvirата²³³.

магистратуру, а относится, скорее, к imperium или potestas (Roddaz J.-M. La métamorphose... P. 408, n. 93; также ср. P. 412 о неточности институциональной терминологии Диона, хотя утверждение об общей точности или неточности того или иного античного автора представляется мне неудовлетворительным; Fadinger V. Die Begründung des Prinzipats... S. 109). Таким образом, Й. Кромайер (Kromayer J. Die rechtliche Begründung... S. 10–11) и К.М. Гирарде (Girardet K.M. Der Rechtsstatus Oktavians... S. 339) должны быть правы в том, что пассаж Cass. Dio 50.4.3 можно понимать в том смысле, что Антоний был лишен империя, который он все еще формально сохранял в качестве проконсула.

²³¹ Lange C.H. *Res publica constituta*... P. 54.

²³² Во фрагменте Plut. *Ant.* 59.1 мы вновь встречаем неточный термин ἀρχή, который может означать что угодно, в том числе империй проконсула.

²³³ Ср.: Freyburger-Galland M.-L. *Aspects du vocabulaire politique*... P. 56. М.-Л. Фребюрже-Галлэн утверждает, что ἡγεμόν может означать здесь только триумвира, поскольку он противопоставлен ἰδιώτης, но при этом отличен от ὑπάτος. Однако исследовательница не учитывает еще одну возможность, а именно, что ἡγεμόν может обозначать проконсула, контролировавшего половину державы. Действительно, о Лепиде тоже сообщается, что он был лишен своей ἡγεμονία, и в этом случае речь должна идти именно о триумвирате (Vervaeke F.J. *The Secret History*... P. 127, n. 122). Однако это произошло значительно раньше окончания срока триумvirата. Само по себе употребление термина ἡγεμονία, без контекста (такого, какой имеется в случае Лепида, который в момент лишения власти определенно был действующим триумвиром), не позволяет с уверенностью утверждать, что и в пассаже 50.20.5 имеется в виду именно триумвират. Так, например, Аппиан может использовать этот термин для обозначения наместников, то есть легатов, которых триумвиры направляли в свои провинции (App. *BC.* 5.132: ἐς δὲ τὰ ἔθνη τοὺς ἡγεμόνας αὐτὸς ὁμοίως ἐπέμπε; Roddaz J.-M. *Les Triumvirs et les provinces*... P. 84).

Обратим внимание и на то, что, употребляя точный термин ὕλατος для консула, Дион использует расплывчатое понятие ἡγεμών для обозначения того, что в прочтении Ф. Вервата должно было быть указанием на статус триумвира. Причины такой неточности при наличии необходимых – более однозначных – понятий неясны.

Наконец, Ф. Верват указывает на то, что «если бы *tempus* триумvirата имел тот же эффект, что и консульский *tempus*, и Антонию, и Октавиану потребовалось бы, чтобы сенат или народ формально издали декрет о *prorogatio imperii*»²³⁴. Однако, как было показано в §2.3 данной главы, в 186 г. цензоры Г. Клавдий Пульхр и Тиб. Семпроний Гракх просили продлить срок своих полномочий (как и было принято), а не просто оставались у власти. Согласно У. Коли и Ф. Вервату, цензура относится к той же категории магистратур, что и триумvirат: *ad tempus incertum*. Имел ли цензорский *tempus* ту же природу, что и консульский? Исходя из воззрений У. Коли и Ф. Вервата, отнюдь нет. Но если так, то возникает вопрос о том, почему после окончания «угрожающего» срока цензорам требовалась явная пророгация со стороны других институтов *civitas*, тогда как триумвирам ничего подобного не было нужно. В данном случае, предложенная У. Коли дихотомия *ad tempus certum* / *ad tempus incertum* вновь вводит в заблуждение.

Если аргументы У. Коли в поддержку того, что триумvirат был магистратурой *ad tempus incertum*, должна быть отвергнута, то остается лишь ничем не подтвержденное утверждение о том, что триумвиры законно оставались у власти после окончания каждого пятилетнего срока. Это, в свою очередь, означает, что конкретные аргументы Ф. Вервата и К.Й. Ланге в пользу взгляда, согласно которому триумvirат прекращался лишь тогда, когда его носители совершали абдикацию, должны оцениваться сами по себе, а не как доводы, призванные лишь дополнительно поддержать общую концепцию У. Коли применительно к частному случаю триумvirата. Проблема состоит в том, что без убедительного доказательства сначала вывода о корректности

²³⁴ Vervae F.J. The Secret History... P. 121.

теории У. Коли и без ее применения в качестве готовой интерпретационной модели все конкретные наблюдения Ф. Вервата и К.Й. Ланге по поводу триумvirата также перестают выдерживать критику.

Еще одним ключевым элементом интерпретации Ф. Вервата является идея о том, что главная причина, по которой подавляющее большинство исследователей не смогли распознать в рассказе Диона о событиях 13 января 27 г. реальное описание абдикации триумvirата, состоит в том, что «политика сокрытия и искусного введения в заблуждение ... исказила подлинный облик истории и с поразительным успехом обманула потомков». Ф. Верват убежден, что наивно полагать, будто бы внимательные современники (особенно жившие немного позднее) легко могли опровергнуть Августа. Уже Тацит вопрошал: «Сколько осталось тех, кто видел Республику?»²³⁵. Правда, при таком взгляде возникает резонный вопрос о том, как же современные исследователи оказались способны распознать обман.

Согласно Ф. Вервату, Октавиан начал смещать акцент с триумvirата на свои прочие титулы и на консулат уже в 33 или 32 г., как показывает надпись из Тергесте: *Imp. Caesar cos. desig. tert., / Шvir r.p.c. iter. / murum turresque fecit*

²³⁵ Vervae F.J. *The Secret History...* P. 129. Критическую позицию в отношении этого элемента аргументации Ф. Вервата (со ссылкой на исследование: Vervae F.J. *In What Capacity...*) см. в работе: Börm H., Havener W. *Octavians Rechtsstellung...* S. 206–207. Авторы особо подчеркивают, что если предположить, будто Октавиан оставался триумvиром вплоть до 28/27 г. и при этом сознательно скрывал свой статус, то необходимо также признать, что Октавиан тем самым по существу отрицал и подрывал собственные полномочия, делая себя уязвимым (также см. S. 213–214: «Da die Quellen für die Jahre 32 bis 27 keine formale Legitimation der Macht erwähnen, gibt es keinen Grund, eine solche anzunehmen. Die Behauptung des greisen Augustus in den *Res Gestae* (7,1), er sei einst zehn Jahre lang – und nicht etwa länger – triumvir gewesen, sollte ernst genommen werden»). Х. Бёрм и В. Хафенер также предлагают правдоподобную альтернативу при ответе на вопрос о том, от чего именно отказался Октавиан в 28/27 г., если не от каких-то конкретных полномочий, таких как полномочия триумvира. Предположение о «фальсификации» со стороны Августа играло важную роль в более ранних попытках доказать продолжение триумvirата в 32 г. Ср.: Anello P. *La fine del secondo triumvirato...* P. 111–112; Gabba E. *La data finale...* P. 12–13: Август стремился скрыть разрыв между законными сроками исполнения триумvirата в 37 г. и представить 32 г. как год, в котором он действовал с неформального одобрения сограждан, а не в качестве триумvира. Однако если бы это было так, то единственным результатом подобной фальсификации стало бы «решение проблемы» нелегальности положения всех триумvиров в 37 г. ценой разоблачения нелегальности статуса одного только Октавиана в критически важном 32 г.

(ILS 77 = CIL V 525)²³⁶. В ряде более поздних надписей (все они датируются 31 г. или позднее) «Октавиан перестает именовать себя триумвиром»²³⁷. Это верно, однако следует отметить, что надпись из Тергесте, как показал К.М. Жирарде и как признает сам Ф. Верват в другом месте, относится *либо* к 33, *либо* к 32 г.²³⁸, т.е. вовсе не однозначно к тому времени, когда завершился второй срок власти триумвиров. И все же Ф. Верват заключает: «в итоге Цезарь Октавиан полностью перестал именовать себя триумвиром с 31 г.»²³⁹. Более точная формулировка, однако, должна быть иной: «полностью перестал именовать себя триумвиром *либо* с 32, *либо* с 31 г.». Мы не знаем точно, о каком именно годе идет речь.

Ф. Верват также ссылается на надпись из Луны (ILS 78: Imp. Caesari d.f. / imp. V, cos. VI, / IIIvir r.p.c., / patrono), датирует ее 28 г. и делает вывод, что Октавиан был «триумвиром в этом году». Это напрямую противоречит другой его идее, согласно которой Октавиан, в реальности оставаясь триумвиром, мог мотивировать окружающих к тому, чтобы не называть его таковым. Кроме того, в этой надписи имеется противоречие между указаниями imp. V и cos. VI, в связи с чем возможны различные интерпретации. Некоторые из них указывают на 33 г., другие – на период после 33 г. К.М. Жирарде отвергает последнюю возможность, поскольку из других источников известно, что

²³⁶ Сходным образом в работе: Gabba E. La data finale... P. 12 (также ср.: Kolbe W. Der zweite Triumphvirat... S. 288; Wilcken U. Der angebliche Staatsstreich... S. 73–74; критика: Rice Holmes T. The Architect... P. 238). Д. Уордли (Wardle D. ILS 77: Nothing to do with the End of the Second Triumvirate // Historia. 1995. Bd. 44. P. 497) справедливо указывал на то, что «ILS 77 правильнее всего отнести к 33 г. Надпись не имеет никакого отношения к вопросу о дате прекращения полномочий Октавиана как триумвира». Ф. Верват упускает из виду еще одно обстоятельство, которое имеет здесь принципиальное значение. В то время как в 33 г. Октавиан отказался от консульства при первой же возможности, в 31 г. он сохранял его в течение всего года, равно как и в следующем, 30 г., и далее (Girardet K.M. Die Entmachtung des Konsulates... S. 101–102, ср. Hoyos B.D. The Legal Powers... P. 10, с библиографией). Это едва ли можно объяснить лишь предположением о «смещении акцентов» (shift of emphasis). Столь радикальный переход от удержания консульства всего на один день к его полному использованию значительно лучше объясняется фактом прекращения триумvirата после 31 декабря 33 г., нежели чем гипотезой о постепенном «смещении акцентов».

²³⁷ Vervae F.J. The Secret History... P. 130–131.

²³⁸ Girardet K.M. *Per continuos*... S. 158–159.

²³⁹ Vervae F.J. The Secret History... P. 131.

триумвират, как он пишет, несомненно, завершился после 33 г.²⁴⁰. Ф. Верват, в свою очередь, отвергает 33 г., поскольку исходит из предположения о том, что «те, кто посвятили надпись, действительно ошиблись, поскольку в то время Цезарь уже был *imperator VII*», т.е. речь идет о 28 г., когда он был *cos. VI*²⁴¹. Оба подхода, на мой взгляд, неубедительны, поскольку они оба основываются на посылках, которые затем получают «подтверждение» в виде той самой надписи, для интерпретации которой они были приняты как уже доказанные. В исходном виде, без априорных допущений, уже содержащих ответ, эта надпись остается амбивалентной, для поставленного вопроса бесполезной и должна поэтому быть исключена из рассмотрения в качестве довода в пользу какой бы то ни было интерпретации. К.М. Жирарде здесь более последователен, поскольку в итоге он отказывается рассматривать ILS 78 как самодостаточное свидетельство²⁴².

Несостоятельность интерпретации Ф. Вервата видна лучше, если обратить внимание на некоторые следствия из нее. Поскольку Ф. Верват исходит из того, что Октавиан фактически и формально продолжал оставаться триумвиром, он вынужден выдвинуть тезис о том, что «упрямое удержание триумvirата г.р.с. Октавианом, по-видимому, превратилось в публичную тайну высшего порядка, о которой не следовало говорить открыто даже его

²⁴⁰ Girardet K.M. *Per continuos*... S. 159–160 (ср.: Ermatinger J. ILS 77 and 78: The End of the Second Triumvirate // *Historia*. 1993. Bd. 42. P. 109–110).

²⁴¹ Vervaet F.J. *The Secret History*... P. 134. А. Далла Роза утверждает, что, несмотря на несоответствия в датирующих формулах, эту надпись все же нельзя игнорировать, поскольку она противоречит официальной версии Августа и, тем самым, может пролить свет на фактическое продолжение триумvirата (Dalla Rosa A. *Cura et tutela*... P. 111–112, n. 1). Однако если рассматриваемая надпись противоречит даже самой себе, то, разумеется, она а fortiori противоречит и любым другим возможным версиям. Следовательно, она не имеет никакой доказательной силы.

²⁴² Girardet K.M. *Per continuos*... S. 160 (ему следует: Lange C.H. *Res publica constituta*... P. 54–55, n. 25, а также, во многом: Dalla Rosa A. *L'aureus*... P. 176). То же самое относится и к одному плохо сохранившемуся папирусу (см.: Nr. 302. *Edict of Octavian*, Papyrus, 37–30 B.C. (?) // *Documents Illustrating the Reigns of Augustus and Tiberius* / Eds. V. Ehrenberg, A.H.M. Jones. Oxford: Clarendon Press, 1949. P. 126–127; Girardet K.M. *Per continuos*... S. 160: это свидетельство тоже не однозначно; ср.: Vervaet F.J. *The Secret History*... P. 131, n. 136: Ф. Верват вновь просто отдает предпочтение такой реконструкции текста, которая соответствует уже принятой им интерпретации).

ближайшим соратникам»²⁴³. Это (ироничное?) утверждение Ф. Вервата предполагает, что «на самом деле» все прекрасно знали, что Октавиан по-прежнему триумvir, но теперь это должно было оставаться «тайной». Между тем в 27 г. Август демонстративно отрекся на глазах почти у всех («перед сенатом и, возможно, перед народом», как считает Ф. Верват²⁴⁴) именно от той magistratury, обладание которой он якобы уже с 33 или 32 г. старался скрывать. Далее Ф. Верват предлагает допустить, что уже примерно через десять лет, около 18 г., когда готовились к публикации фасты²⁴⁵, не осталось никого, кто заметил бы теперь уже явную «подделку» (в отличие от прежних, менее явных искажений, когда надписи якобы сознательно умалчивали о сохранявшемся положении Октавиана как триумвира), т.е. заметил бы ложность версии, согласно которой второй срок триумvirата начинался в 37 и заканчивался в 33 г. Как справедливо отмечает К.Й. Ланге, «представление о том, что эта запись в фастах была фальсификацией, призванной создать видимость своевременной итерации, крайне неправдоподобно»²⁴⁶.

Согласно Ф. Вервату, в *RGDA* 13 г. мы наблюдаем итоговую редакцию «сильно тенденциозной версии истории»²⁴⁷, в которой Август утверждает, что он занимал триумvirат (лишь) десять лет непрерывно. Почему для Августа на столь позднем этапе жизни было настолько важно любой ценой показать, что он удерживал триумvirат строго в пределах его законного десятилетнего срока, остается для меня непонятным. Согласно Ф. Вервату, позднее эта версия была воспроизведена Светонием без тени сомнения. Означает ли это, что все либо хранили молчание, либо (те, кто «не видел Республику») просто не замечали подделки? Отнюдь нет. Тацит, старший современник Светония, по-видимому, подозревал «истину»: *interfecto Antonio, ne Iulianis quidem partibus nisi Caesar dux reliquus, posito triumviri nomine consulem se ferens et ad tuendam*

²⁴³ Vervae F.J. *The Secret History...* P. 132.

²⁴⁴ Vervae F.J. *The Secret History...* P. 122.

²⁴⁵ Broughton T.R.S. *The Magistrates of the Roman Republic*. Vol. 1... P. XII.

²⁴⁶ Lange C.H. *Res publica constituta...* P. 55.

²⁴⁷ Vervae F.J. *The Secret History...* P. 132.

plebem tribunicio iure contentum (*Ann.* 1.2.1). Правда Тацит не помогает нам разоблачить подделку, т.к. остается неясным, к какому году относится формула *posito triumviri nomine*²⁴⁸. Поэтому вновь возникает вопрос о том, откуда Ф. Верват получает информацию о том, что произошло «на самом деле».

Согласно исследователю, Кассий Дион спустя примерно двести лет после событий каким-то образом сумел выявить и донести до нас основное публично-правовое содержание подлинной речи Октавиана об абдикации, произнесенной в 27 г. Иными словами, даже спустя столь длительное время либо «истина» оставалась доступна всем (так же, как и нам сегодня), либо следует допустить, что Дион обладал эксклюзивным доступом к тексту

²⁴⁸ Ср.: Vervae F.J. *The Secret History...* P. 139; также ср., напр.: Lübtow U. von. *Das römische Volk...* S. 359. Мы не можем быть уверены в том, что, согласно Тациту, *posito triumviri nomine* подразумевает какой-то момент после смерти Антония. Август оставался консулом с 31 по 23 г. Это означает, что, если мы полагаем пассаж Тацита хронологически точным, принимаем его буквально и понимаем дословно, то отказ Октавиана от статуса триумвира Тацит мог относить лишь к самому началу 31 г., непосредственно перед началом серии консульств. Именно этот вариант принимает Ф. Верват (Vervae F.J. *The Secret History...* P. 139, n. 162; «против» этого см.: Benario H.W. *Octavian's Status...* P. 208). Однако при этом исследователь также указывает, что Тацит различает прекращение употребления титула триумвира (с 31 г.) и абдикацию как таковой должности (по Тациту – в какой-то более поздний момент, после смерти Антония). Между тем, как мы уже видели, не существует неопровержимых позитивных свидетельств того, что в 32 г. Октавиан все еще пользовался *nomen triumviri*. Более того, в этом году он не был консулом. Следовательно, строго говоря, 32 г. вообще не охвачен изложением Тацита, если только мы либо не принимаем априори, что в 32 г. Октавиан все еще называл себя триумвиром, либо понимаем слова Тацита как весьма свободное (пусть и не целиком неверное) описание политической динамики при Октавиане/Августе. Первый вариант означает, что для того, чтобы истолковать слова Тацита так, как это делает Ф. Верват, необходимо, прежде всего, установить, пользовался ли Октавиан титулом триумвира в 32 г. Поскольку наши данные в этом отношении неоднозначны, то и свидетельство Тацита, которое от них зависит, также остается неоднозначным и ничего не доказывает, даже если принимать его буквально. Если же исходить из второго варианта, то следует указать на комментарий Ф.Р.Д. Гудйера. Он приходит к выводу, что Тацит «здесь вовсе не стремится к хронологической точности в отношении этапов или к юридической точности в отношении форм, посредством которых была урегулирована власть Августа», и, помимо прочего, обращает внимание на то, что Тацит даже не учитывает основные последствия установлений 23 г. (*The Annals of Tacitus Books 1–6. Vol. 1: Annals 1.1–54 / Ed. F.R.D. Goodyear. Cambridge: Cambridge University Press, 1972. P. 102*). В конечном счете, как и столь многие другие свидетельства, пассаж Тацита должен быть исключен из рассмотрения: он потенциально может помочь доказать все, что угодно. Прав, по-видимому, К.Й. Ланге (Lange C.H. *Res publica constituta...* P. 54, n. 25), утверждая, что фрагмент *Tac. Ann.* 1.2.1 относится к числу тех источников, которые «не могут с уверенностью решить этот вопрос» (также см.: Hoyos B.D. *The Legal Powers...* P. 7; Fadinger V. *Die Begründung des Prinzipats...* S. 112).

выступления Октавиана по поводу абдикации. В любом случае, речь должна была идти о «секрете Полишинеля»²⁴⁹. Более того, в изложении Ф. Вervата предполагаемая речь об отречении 27 г. превращается в грандиозное публичное заявление, адресованное всем потомкам, но одновременно разрушающее тщательно охраняемую «тайну». Чтобы сгладить это очевидное противоречие, Ф. Вervат вводит оговорку о том, что, хотя речь, которую Дион пересказывает в пассаже 53.3–10, вовсе *не* являлась «смутно сформулированным заявлением о возвращении дискреционных полномочий или полномочий “протриумвира”»²⁵⁰, она одновременно все же такова, что в ней Октавиан, вероятно, «не упомянул его [титул триумвира, – *Р.Ф.*] прямо и говорил скорее о *magistratus*, *officium* или (возможно, наиболее вероятно) об *imperium*»²⁵¹. Это объяснение неудовлетворительно.

Во-первых, в нашем распоряжении только текст Диона. Мы не можем предполагать, что именно мог сказать Октавиан, тем более – в каких латинских терминах он мог формулировать свои мысли. Делать выводы на основании подобных спекуляций невозможно. Если бы это было не так, то столь же легко мы могли бы предположить, что Октавиан, напротив, прямо упомянул титул триумвира, а Дион передал его через понятие ἀρχή – термин, который, по утверждению самого Ф. Вervата, часто используется для обозначения должности триумвира²⁵².

Во-вторых, от нас требуется признать, что первоначальная речь *не* была двусмысленной, несмотря на использование в версии Диона подчеркнуто неоднозначных терминов. Однако даже такие термины, как *magistratus*, *officium* или *imperium*, легко могли быть поняты как отсылки к другим должностям, которыми Октавиан тогда обладал. Так, все три термина

²⁴⁹ Ср.: Парфенов В.Н. Император Цезарь Август: армия, война, политика. СПб.: Алетейя, 2001. С. 37, прим. 3: «В своем политическом завещании Август указывает, что после окончания гражданских войн он передал государство из своей власти сенату и народу (RgdA. 34. 1), подразумевая, конечно, январь 27 г. до н.э. Следовательно, до 27 г. эта *summa potestas* ни для кого не была секретом».

²⁵⁰ Vervae F.J. The Secret History... P. 135.

²⁵¹ Vervae F.J. The Secret History... P. 135, n. 150.

²⁵² Ср.: Vervae F.J. The Secret History... P. 123, n. 111.

полностью применимы к консулату, который он в тот момент, несомненно, занимал. Если бы Октавиан сказал нечто вроде *imperium me abdicō*, каким образом аудитория могла бы быть уверена, что он не совершал тем самым абдикацию консулата, а не триумвирата? Такую аберрацию нельзя исключить, тем более потому, что действующие триумвиры многократно вступали в консульскую должность и отказывались от нее, сохраняя при этом триумвират.

В-третьих, если рассуждать в более общем плане, даже если Август и скрывал точное название магистратуры, когда вел речь об абдикации, в конечном счете, все его слушатели все равно должны были однозначно понимать, от каких именно полномочий он отказывается. Либо он действительно успешно скрывал, кем являлся, либо все знали, что он был триумвиром. Совместить оба варианта невозможно, и в этом состоит фундаментальное противоречие всей концепции Ф. Вервата, которую он сформулировал в статье, содержащей в названии фразу «*secret history*».

Наконец, если целью Августа было продемонстрировать возвращение к нормальному положению Республики, каким образом он мог бы сделать это лучше, чем открыто подчеркнув тот факт, что формально отрекается именно от власти триумвира, т.е. от той и только от той власти (не от какого-то неопределенного *imperium* или *magistratus*), которая была источником аномалий все это время?

По мнению Ф. Вервата, Август подготавливал фальсификацию на протяжении десятилетий, причем начал это делать задолго до того, как получил верховную власть над Республикой. «Истоки этой политики сокрытия можно проследить вплоть до 37 г., когда Цезарь Октавиан и ... Лепид уже сознательно искажали запоздалое пятилетнее продление официального *tempus* триумвирата, представляя его как *iteratio* на своих монетах и в надписях». Антоний, напротив, «никогда не именовал себя *triumvir iterum* на своей монетной чеканке. Это указывает на то, что он, по крайней мере, оставался верен подлинной природе *tempus* триумвирата». Как настаивает Ф. Верват, результатом этих «уловок стало затемнение (*obfuscation*) сугубо

комминаторного (угрожающего) и определяемого задачей характера *tempus triumvirata*, что имело хорошо известные последствия для последующей античной и современной историографии»²⁵³.

Возникает вопрос о причинах таких действий Октавиана (не говоря уже о Лепиде²⁵⁴). Интерпретация Ф. Вервата неизбежно приводит к заключению о том, что в 37 г. Октавиан «сфальсифицировал» *iteratio*, хотя мог совершенно законно продолжать действовать как триумвир и без всякой фальсификации. Позднее, после 33 г., ему пришлось «хранить это в тайне» и скрывать факт того, что он по-прежнему оставался триумвиром, несмотря на то, что его второй срок (необходимость установления которого он сам же и «сфальсифицировал») истек. Иными словами, получается, что он сначала создал видимость юридической проблемы, а затем попытался справиться с ее теперь уже реальными последствиями²⁵⁵. В таком случае Октавиан скорее обманул бы сам себя, а не потомков.

Ф. Вervат полагает, что для прекращения полномочий триумвиров требовалась формальная абдикация, и что требовать ее можно было лишь после выполнения поставленной задачи. Но, во-первых, о какой именно «задаче» идет речь? Что такое «задача» в данном контексте? Во-вторых, что произошло бы в случае, если магистрат продолжал оставаться в должности после выполнения задачи? В-третьих, кто должен был решать, выполнена ли она? По существу, это те же основные вопросы, которые в более общем смысле порождает гипотеза У. Коли. Рассмотрим теперь, что они означают применительно к самому триумвирату.

²⁵³ Vervae F.J. The Secret History... P. 133.

²⁵⁴ О новой надписи Лепида, свидетельствующей об итерации триумvirата, см.: Cassieri N., Gregori G.L., Refalo-Bistagne J.-B. Le ultime acquisizioni dal teatro di Terracina e l'eccezionale iscrizione del triumviro M. Emilio Lepido // *Mélanges de l'École française de Rome – Antiquité*. 2019. Vol. 131. P. 509: M(arcus) A(imilius) M(arci) f(ilius) Lepid[us] / pontifex maxumus, co(n)[s(ul) II], / III uir r(ei) [p(ublicae) c(onstituendae) i]ter(um), mag(ister) eq(uitum) III, pr(a)ctor, imp(erator) III, triu[mp(hauit) II?].

²⁵⁵ См. об этом уже: Rice Holmes T. The Architect... P. 238 (в ответ на аргументацию в работе: Kolbe W. Der zweite Triumvirat... S. 293).

Как уже отмечалось, Ф. Верват признает, что консул Л. Антоний уже в 41 г. требовал абдикации триумvirата именно на том основании, что поставленная перед новыми магистратами задача (разгромить убийц Цезаря) была выполнена, хотя установленный законом срок полномочий еще не истек. Ф. Верват использует этот эпизод как доказательство того, что именно задача и ее выполнение, а не сам по себе срок полномочий, определяли законную продолжительность триумvirата. Если это так, то возникает вопрос: на каком основании триумvираты проигнорировали Л. Антония и продолжили оставаться у власти? Если, по мнению Ф. Вервата, «у Луция был очень сильный аргумент», что якобы подтверждается «поразительно кратким ответом» Октавиана (Аппиан передает обмен репликами, реконструируемый на основе речей Луция и Октавиана из воспоминаний последнего: App. BC. 5.45²⁵⁶), то какие доводы мог противопоставить Октавиан аргументации Л. Антония? Их было два. Во-первых, он мог сослаться на то, что пятилетний срок еще не истек. Во-вторых, триумvираты могли заново определить задачу своей магистратуры. По-видимому, Октавиан использовал оба этих пути одновременно. Но означает ли это, что Л. Антоний был неправ? Ф. Верват так не считает. Однако если он признает позицию консула сильной, то отсюда следует, что триумvirат, если он был магистратурой, легальное исполнение которой определялось поставленной перед ней задачей, на какой-то момент все же стал незаконным уже в 41 г. Но в таком случае лишь еще не завершившийся пятилетний срок мог легализовать его продолжение до момента переопределения задачи (а заново поставлена она была не сразу).

Вопреки собственному утверждению о том, что триумvираты «нарушили обычную практику, решив остаться триумvирами надолго после битвы при Филиппах, в которой они уничтожили саму причину создания их чрезвычайной комиссии»²⁵⁷, Ф. Верват в другом месте своих рассуждений «легализует» самовольное переопределение триумvирами своей задачи,

²⁵⁶ Vervae F.J. The Secret History... P. 106, n. 80.

²⁵⁷ Vervae F.J. The Secret History... P. 132–133, n. 141.

отмечая, что с самого начала она заключалась в «полном искоренении гражданской смуты»²⁵⁸. То, что это была новая постановка задачи, а вовсе не ее исходная формулировка, как думает Ф. Верват, однозначно доказывается аргументацией Л. Антония. Указанное новое толкование задачи, по-видимому, было принято М. Антонием как достаточное основание для продолжения пребывания у власти, тогда как Октавиан предпочел обеспечить формальную итерацию, добившись установления второго пятилетнего срока.

Что именно означало «покончить с гражданской смутой», если именно так следует понимать задачу триумвиров *rei publicae constituendae*? Первоначально это означало уничтожение Брута и Кассия. Позднее – прекращение всякой гражданской смуты и, якобы, даже внешних войн. Однако в интерпретации Ф. Вервата эта задача на определенном этапе трансформируется в поручение Октавиану разгромить Антония, то есть другого триумвира. Действительно, по мнению Ф. Вервата, именно это Октавиан якобы имел в виду в своей «речи об абдикации», переданной Дионом. В рамках рассуждений исследователя только это могло быть предлогом (когда все прочие задачи были выполнены, а оба пятилетних срока давно истекли) для того, чтобы Октавиан оставался у власти либо после 33 г., либо после 32 г. (точная дата здесь несущественна). В какой момент формулировка *rei publicae constituendae* начала формально интерпретироваться как поручение уничтожить Антония? Означает ли такое понимание задачи триумвиров, что один из них был формально уполномочен поразить другого? Должны ли мы признать, что юридически определенная задача *rei publicae constituendae*, по крайней мере, в ее позднейшем, расширенном толковании (а не в том, на которое ссылался Л. Антоний), формально санкционировала войну между самими триумвирами до тех пор, пока гражданская смута не будет «искоренена»? Именно к этому неизбежно приводит понимание задачи *rei publicae constituendae* у Ф. Вервата, который прямо формулирует: «оба

²⁵⁸ Vervae F.J. The Secret History... P. 140.

триумвира теперь были вынуждены продолжать воевать ввиду угрозы, исходившей от действий друг друга»²⁵⁹.

На мой взгляд, в этом месте своих рассуждений Ф. Верват делает именно то, в чем подозревает других исследователей, поспешно, по его мнению, поверивших словам Августа о том, что он был триумвиром непрерывно в течение десяти лет: безоговорочно следует «пропаганде Августа», не подвергая ее никакой критике²⁶⁰. Главное затруднение здесь состоит в том, что «задача» триумvirата (в какой бы формулировке ее ни рассматривать) в публично-правовом дискурсе никак не могла быть формально определена как санкция для носителей этой должности вести войну друг с другом «до окончания гражданской смуты».

Заключительные замечания Ф. Вервата с неизбежностью отражают неразрешимые противоречия его построений. Он утверждает, что Октавиан создал «обманчивое впечатление, будто *tempus* триумvirата был пятилетним эквивалентом консульского срока, тем самым скрыв его комминаторный, определяемый задачей характер. Откровенное сокрытие продолжения триумvirата после 32 г. стало, таким образом, его ответом на проблему второго нарушения» (срока исполнения этой магистратуры)²⁶¹. Но если Октавиан пошел на все это лишь для того, чтобы затем иметь возможность скрывать факт дальнейшего исполнения магистратуры триумвира, почему он не предпочел сохранить власть, сославшись на незавершенность поставленной задачи? Если «решение представлять вещи такими, какими они являются в официальных источниках, исходивших от Августа, диктовалось логикой легитимности»²⁶², то почему Октавиан сначала всеми силами создавал ложное впечатление, будто пятилетний срок имеет юридически обязывающий характер (по аналогии с

²⁵⁹ Vervaet F.J. *The Secret History...* P. 140.

²⁶⁰ Если наша цель реконструировать публично-правовое регулирование триумvirата, то кажется предпочтительным исходить из пропаганды триумvиров, направленной друг против друга (как, например, критика Октавиана со стороны Л. Антония и М. Антония), чем из их оправданий самих себя (как в предполагаемой речи Октавиана об абдикации в передаче Диона).

²⁶¹ Vervaet F.J. *The Secret History...* P. 146.

²⁶² Vervaet F.J. *The Secret History...* P. 146, n. 182.

годовым консульским сроком), а затем просто продолжал оставаться у власти сверх этого срока, который теперь, согласно его собственной пропаганде, должен был считаться юридически значимым? Ф. Верват требует от нас признать, что Октавиан был настолько искусен, что мог надеяться держать *continuatio* в «тайне». Это поразительное по смелости допущение исследователя, учитывая, что Октавиан, в трактовке Ф. Вервата, неоднократно открыто пользовался полномочиями, далеко превосходившими власть консула или проконсула, и являвшимися характерными исключительно для триумвира, а затем торжественно и открыто совершил абдикацию триумvirата в 27 г.

Еще один вариант соотнесения концепции Ф. Вервата с показаниями источников – представить, что Октавиан создал, так сказать, две «параллельные реальности». Одна была «пропагандистской», открыто демонстрируемой, предназначенной для удовлетворения республиканских чувств сограждан. Другая отражала публично-правовые реалии, позволяла Октавиану оставаться у власти неопределенно долго, но должна была скрываться, «держаться в тайне», при этом оставаясь реальным формальным основанием для продолжения триумvirата.

Таким образом, идея Ф. Вервата о том, что Октавиан скрывал факт сохранения триумvirата после 33 или 32 г., основана на допущениях, которые невозможно доказать и которые влекут за собой следствия, не поддающиеся удовлетворительному объяснению. Оценка Р. Сайма, что Октавиану «не было нужды прибегать к мелкому и бессмысленному обману» в том, что касалось триумvirата²⁶³, остается, на мой взгляд, значительно более правдоподобной.

Позиция Ф. Вервата вовсе не является исключением в историографии. К.Й. Ланге приходит, в сущности, к тем же выводам. Хотя он считает, что второй срок триумvirата истек после 31 декабря 33 г., а не по завершении 32 г.²⁶⁴, он, тем не менее, утверждает, что триумvirат не прекратился автоматически с наступлением этой даты. В отличие от Ф. Вервата, К.Й. Ланге

²⁶³ Syme R. *The Roman Revolution*... P. 277, n. 7.

²⁶⁴ Lange C.H. *Res publica constituta*... P. 54–55.

отвергает гипотезу, согласно которой Кассий Дион передает не что иное, как реальную речь Октавиана об абдикации триумvirата²⁶⁵. В то же время, подобно Ф. Вербату, К.Й. Ланге принимает представление Т. Моммзена и У. Коли о том, что триумvirат не прекращался до момента формальной абдикации. В подтверждение этого он приводит фактически тот же набор (неубедительных) аргументов, который обнаруживается у Ф. Вербата²⁶⁶.

Однако один аргумент К.Й. Ланге существенно переработал и расширил по сравнению с тем, что предлагает Ф. Вербат. Согласно как теории Т. Моммзена о «конституирующей власти», так и концепции У. Коли о магистратурах *ad tempus incertum*, триумvиры могли оставаться у власти легитимно (а не только легально) после окончания второго пятилетнего срока лишь в том случае, если их задача оставалась невыполненной. Но в чем именно заключалась эта «задача» (task), или «поручение» (assignment)? Согласно реконструкции К.Й. Ланге, *lex Titia* определял ее следующим образом: «(1) преследовать и наказать оставшихся убийц Цезаря; (2) тем самым положить конец гражданским войнам; (3) достигнув этих целей, восстановить упорядоченное управление»²⁶⁷. Последнее означало на практике возвращение власти от триумvиров к *SPQR*²⁶⁸. В общем виде все это выглядит убедительно, но каковы конкретные последствия такой интерпретации для нашего вопроса?

²⁶⁵ Lange C.H. *Res publica constituta*... P. 54.

²⁶⁶ А именно: (1) даже после 33 г. триумvиры якобы продолжали обсуждать перспективу абдикации триумvirата; (2) «ни один из античных источников не утверждает, что полномочия триумvиров прекратились на этом этапе»; (3) Октавиан прекратил использовать свой титул триумvира после 33 г., но это не доказывает, что он больше не был триумvиром; (4) Антоний продолжал использовать титул триумvира, и именно эти полномочия он утратил в 32 г. (Lange C.H. *Res publica constituta*... P. 59–60). О пунктах (1), (3) и (4), см. мои замечания выше. Что касается пункта (2), то фрагменты *Per. 132*, *Res Gestae 7.1* и фасты ясно дают ответ на вопрос, закончилась ли должность триумvиров по истечении второго пятилетнего срока. Если бы мы попытались эти свидетельства считать недостаточными, то должны ли мы были бы также ожидать, чтобы источники явно сообщали, например, о том, что консулы 32 г. больше не были консулами в 31 г.? Если таких явных сообщений нет, значит ли это, что они оставались при должности?

²⁶⁷ Lange C.H. *Res publica constituta*... P. 23.

²⁶⁸ Lange C.H. *Res publica constituta*... P. 181, 187; ср.: Fadinger V. *Die Begründung des Prinzipats*... S. 65. О формулировке задачи триумvirата см. особенно *App. BC. 4.2, 4.9, 5.43*. Также ср.: Lange C.H. *Res publica constituta*... P. 47. То, что формула *r.p.c.* в случае триумvиров фактически означала сохранение существующего порядка (а не создание

Гражданские войны фактически завершились на какой-то момент времени уже после разгрома Брута и Кассия, что означало, что триумвиры были морально обязаны сложить свои полномочия еще до окончания первого пятилетнего срока. Это, однако, не соответствует ни тому, как, например, раннереспубликанские *decemviri legibus scribundis* понимали *tempus* своей магистратуры, ни особенностям диктатуры Суллы, поскольку все эти магистратуры, в отличие от триумвирата, либо вообще не имели фиксированного срока (*tempus*), как в случае Суллы²⁶⁹, либо их срок был предметом споров, как в случае децемвиров *legibus scribundis*. Х. Бенарио справедливо указывает на то, что «сходство между триумвиратом и диктатурой» не следует доводить до утверждения, будто «триумвирская власть продолжалась и после истечения срока закона, которым она была учреждена»²⁷⁰. Параметры триумвирата, скорее, соответствуют таковым у раннереспубликанской диктатуры и у цензуры: во всех этих случаях имелись и конкретная задача, и фиксированный (максимальный) срок.

Как было показано в §2.3 данной главы, не существует свидетельств того, что диктатор или цензор сохранял свою власть после истечения срока полномочий вплоть до акта абдикации. Это означает, что наличие двух ограничений – фиксированного временного срока и подлежащей выполнению задачи – приводило к тому, что диктатор утрачивал власть либо после выполнения задачи и последующей абдикации (причем эксплицитный, публичный акт абдикации был необходим именно потому, что точный момент выполнения задачи невозможно было формально определить и не существовало инстанции, уполномоченной это установить), либо по истечении максимального срока полномочий (поскольку в этом случае существовала конкретная дата, абдикация была не нужна, и должность прекращалась *ipso*

нового), а затем возвращение всех полномочий в руки SPQR после восстановления мира и освобождения Республики от непосредственной угрозы, исходящей от узурпаторов, утверждал К. Брингман (Bringmann K. *Das Zweite Triumvirat*... S. 26–27).

²⁶⁹ Это признается в работах Э. Габбы и Ф. Вервата: Gabba E. *La data finale*... P. 7; Vervae F.J. *The lex Valeria*... P. 40, 59.

²⁷⁰ Benario H.W. *Octavian's Status*... P. 306.

ture, то есть автоматически). Выбор между двумя этими механизмами осуществлялся в зависимости от того, что происходило раньше.

Два этих исхода приводили к ситуациям принципиально различным. Если задача была выполнена, но срок полномочий еще не истек, от диктатора ожидалось, что он сам сложит власть, поскольку в противном случае он продолжал бы ею пользоваться. Это в точности та же ситуация, что и с другими магистратурами, которые У. Коли ошибочно считал принципиально отличными от диктатуры и относил к категории магистратур *ad tempus certum*. Так, например, если консул не совершал абдикацию до окончания своего срока, он автоматически оставался в должности до его истечения. Единственное различие заключалось в том, что диктатор, помимо и сверх этого, был морально обязан совершить абдикацию после выполнения своей задачи, тогда как консул не имел конкретной задачи и обычно ожидалось, что, если не было дополнительных причин (например, факта нарушения процедуры выборов или инвеституры), он должен был оставаться в должности до самого конца положенного ему срока.

Если это рассуждение верно, то и триумвиры были аналогичным образом морально обязаны сложить свои полномочия после того, как они разгромили Брута и Кассия, что, собственно, и требовал, по сообщениям источников, Л. Антоний. Сам факт того, что триумвиры смогли выполнить свою первоначальную задачу задолго до истечения первого пятилетнего срока, показывает, что пятилетний срок мыслился как максимальный и более чем достаточный для выполнения первоначального поручения. Тем не менее, как и диктаторы, триумвиры формально имели возможность оставаться у власти несмотря на то, что их задача уже была выполнена. Это решение было нелегитимным, но в формально-правовом отношении допустимым. Однако для того, чтобы сохранить власть и после окончания первого пятилетнего срока, им необходимо было вновь получить и новый срок, и новую задачу. Срок был продлен в 37 г. Как обстояли дела с определением задачи?

В момент утверждения итерации триумvirата Республика вновь оказалась в ситуации, когда она не могла быть немедленно «восстановлена» ввиду нового конфликта: войны с Секстом Помпеем. Это обстоятельство могло служить основанием для нового поручения триумвирам. К.Й. Ланге, однако, включал в состав нового «расширенного поручения» также и парфянскую войну Антония²⁷¹. Но на каком основании? Нет никаких свидетельств того, что *lex Titia* предусматривал окончание «всех войн» в качестве условия возвращения полномочий *SPQR*. Возникает вопрос о том, почему мы должны считать, что закон о продлении триумvirата должен был быть сформулирован иначе. Поскольку мы действительно ничего не знаем о точном содержании этого закона, предположим, что он действительно включал парфянскую войну как часть «поручения» для Антония в качестве триумвира. Война могла быть, например, представлена как одна из причин для *Ausnahmezustand* и/или как продолжение первоначальной задачи наказания убийц Цезаря, т.е. как препятствие, которое необходимо устранить ради «восстановления» Республики²⁷². Но как тогда формулировалось «поручение» для Лепида? Очевидно, его можно было представить лишь как обычное управление Африкой (здесь отсутствуют и связь с первоначальной задачей, и связь с конкретной войной). Римляне могли определить такую, как и любую другую, «задачу» должностного лица лишь как *provincia*. Эта *provincia*, равно как и войны с Секстом Помпеем и с парфянами, охватывала исключительно сферу *militiae*. Следовательно, так называемое «расширенное поручение» 37 г. даже в самом широком его понимании включало лишь *provinciae* в сфере *militiae*. Это обстоятельство будет важно для дальнейших рассуждений.

В 36 г. Октавиан разгромил Секста Помпея. К.Й. Ланге справедливо отмечает, что в результате «наступил мир, и в идеологии Октавиана гражданские войны были завершены. Он фактически выполнил поручение для триумвиров и потому должен был вернуть власть *res publica*. (Его) обещание

²⁷¹ Lange C.H. *Res publica constituta*... P. 29.

²⁷² Ср.: Fadinger V. *Die Begründung des Prinzipats*... S. 88, 91–93, Anm. 1.

сводилось к тому, что это будет сделано после возвращения Антония из парфянского похода»²⁷³. Однако ничего подобного на практике не произошло вплоть до окончания второго пятилетнего срока. Более того, сам Октавиан затем получил новое «поручение» в Иллирике, для которого корректным техническим термином является не «задача» или «поручение», а *provincia*. Хотя Октавиан успешно выполнил и это новое «поручение» до завершения 33 г., формально он все еще сохранял свою армию и провинцию до триумфа, а он состоялся лишь в 29 г. Аналогичным образом уже в 34 г. Антоний сообщил в Рим о своих успехах в Армении, что могло быть (и, возможно, было) представлено как успешное завершение теперь уже парфянской войны, то есть как выполнение поручения триумвирами со стороны Антония (Vell. Pat. 2.82.3). На это указывает и тот факт, что Антоний в этот момент (т.е. еще до окончания второго срока) предложил сложить полномочия триумвиров, что Октавиан озвучивал со своей стороны еще в 36 г. (Cass. Dio 49.41). Таким образом, недоставало лишь акта абдикации, который был необходим для прекращения власти триумвиров, *но лишь потому, что формальный срок полномочий на тот момент еще не истек*. Теперь необходимо проанализировать, что произошло после истечения этого срока.

Будучи магистратурой с фиксированным *tempus* (формально неограниченной во времени были, возможно, лишь диктатура Суллы и, без сомнений, последняя диктатура Цезаря), триумвират автоматически прекратился по истечении своего срока, т.е. после 31 декабря 33 г. Однако Парфия и Иллирик, независимо от того, были ли эти так называемые «расширенные поручения» формально выполнены или нет (в случае парфянской войны последняя возможность, разумеется, остается), могли по-прежнему законно сохраняться в качестве *provinciae* в сфере *militiae*. Но для этого Октавиану и Антонию вовсе не требовался триумвират с его полномочиями как *militiae*, так и *domi*. Они могли действовать в качестве *privati*, наделенных империем, сколь угодно долго, до тех пор, пока их

²⁷³ Lange C.H. *Res publica constituta*... P. 35.

provinciae и imperia не были бы перепоручены (или переданы ими самими своим законным преемникам) или пока они сами не пересекли бы границу города Рима. То обстоятельство, что технически они так и не смогли «восстановить» государство, т.е. должным образом вернуть власть SPQR до окончания второго срока, не означало, что они были формально уполномочены сохранять власть триумвиров и после истечения этого срока. Во всяком случае, подобная логика, согласно античной традиции, не устроила граждан тогда, когда ее озвучили члены коллегии вторых децемвиров legibus scribundis.

Именно по этой причине в рассказе *Per. 132* мы встречаем формулировку finito IIIviratus tempore imperium deponere, а не нечто вроде triumviratum abdicare. Формальное сохранение Октавианом своего империя и своих провинций в его качестве промагистрата убедительно доказано К.М. Жирарде (см. §2.5 данной главы). К.Й. Ланге считает интерпретацию К.М. Жирарде ошибочной, однако он, на мой взгляд, описывает, по существу, то же самое. Разница лишь в том, что К.Й. Ланге называет «расширенными поручениями» триумвиров то же, что К.М. Жирарде определяет их provinciae промагистратов как носителей империя в сфере militiae. В этом качестве Октавиан и Антоний, действительно, не были ограничены сроком триумvirата, но сохранение ими полномочий промагистратов в провинциях отнюдь не обязано означать формального продолжения самой власти триумвиров, включая их полномочия в сфере domi²⁷⁴.

Разумеется, Республика не могла быть «восстановлена» до тех пор, пока не был разрешен конфликт между Антонием и Октавианом. Однако, как уже было показано выше, трудно представить, чтобы разрешение такого конфликта между самими (бывшими) триумвирами могло формально рассматриваться как их поручение. Кроме того, *конфликт не начался непосредственно после 31*

²⁷⁴ Ф. Фадингер (Fadinger V. Die Begründung des Prinzipats... S. 94) называл удержание власти триумвирами после начала 37 г. нелегальным (хотя полагал его легитимным, поскольку Ausnahmezustand продолжился). Однако нет никаких свидетельств того, что власть, характерная исключительно для триумвиров, применялась в 37 г. до момента утверждения итерации.

декабря 33 г., так что сохранение триумvirата в первые месяцы 32 г. в любом случае не могло быть ни формально узаконено, ни неформально легитимировано (в зависимости от того, принимаем ли мы, вслед за У. Коли, что триумвиры имели право оставаться в должности даже после выполнения задачи) посредством такого «поручения», даже если бы мы согласились с К.Й. Ланге в том, что разрешение конфликта между триумвирами могло входить в формальное определение их задачи (что само по себе является курьезным предположением).

Отдельного рассмотрения заслуживает вопрос о других полномочиях, которыми пользовались и Антоний, и Октавиан и которые явно выходили за рамки проконсульских. К.Й. Ланге предлагает два возможных объяснения того, почему Октавиан после 33 г. не пользовался титулом триумвира: либо «он больше не считал уместным или политически целесообразным говорить о себе таким образом», либо он «чувствовал себя связанным конечной датой второго срока. В реальности разница была невелика, поскольку оба “триумвира” безусловно все еще обладали властью триумвиров (*triumviral powers*)»²⁷⁵. Действительно, Антоний и Октавиан сохраняли политическое доминирование (вряд ли следует говорить именно о «*triumviral powers*»), независимо от того, каким образом оно была юридически оформлено (если вообще было). Но когда мы реконструируем публично-правовые реалии, нам все же приходится выбирать между этими двумя объяснениями, и второе из них («чувствовал себя связанным конечной датой») должно быть, на мой взгляд, признано верным. Более того, это «ощущение ограниченности» конечной датой вновь возвращает нас к вопросу о том, что вообще могло, в понимании К.Й. Ланге, означать наличие «конечного срока» у потенциально «бесконечного», с его точки зрения, триумvirата.

В относительно недавних работах А. Далла Роза указал на слабые стороны аргументации Ф. Вервата, отметив, что она основана на предположении о правильности теории У. Коли и на убеждении о том, что

²⁷⁵ Lange C.H. *Res publica constituta*... P. 59.

Кассий Дион действительно сообщает об абдикации Октавианом триумvirата в 27 г. Однако, оспаривая подбор конкретных аргументов Ф. Верватом, А. Далла Роза все же соглашается с принципиальным выводом о том, что Октавиан сохранял триумvirат вплоть до 27 г.

В качестве отправной точки своих рассуждений А. Далла Роза использует не текст Кассия Диона, а нумизматические данные: легенду на знаменитом ауреусе 28 г.: LEGES ET IVRA P. R. RESTITVIT²⁷⁶. Он полагает, что монета фиксирует отмену Октавианом широкого круга ранее принятых триумvирами решений. По мысли А. Далла Розы, Октавиан не мог отменить их в своем качестве консула. Следовательно, либо существовал специальный закон, наделявший его таким правом, либо он смог в последний раз воспользоваться полномочиями триумvира, которые он якобы все еще сохранял²⁷⁷. Причины, по которым А. Далла Роза считает второе объяснение более вероятным, сводятся к тем же аргументам, которые я уже подверг критике выше, а именно: (1) срок триумvirата носил лишь «угрожающий», комминаторный характер (на этом этапе рассуждений А. Далла Роза фактически полностью принимает аргументацию У. Коли, как и Ф. Верват, несмотря на несогласие с У. Коли по другим поводам); (2) Антоний заявлял о сохранении за собой титула триумvира после окончания второго пятилетнего срока; (3) Надпись ILS 78 подтверждает использование Октавианом титула триумvира в 28 г. Если это все, что убеждает А. Далла Розу в справедливости тезиса о формальном сохранении Октавианом власти триумvира вплоть до 27 г., то этого, как мы видели, явно недостаточно.

Существуют и более убедительные альтернативы. Как напоминает сам А. Далла Роза²⁷⁸, мы знаем, что в 28 г. Октавиан также получил *potestas censoria* в дополнение к своим консульским полномочиям. Если вслед за А. Далла Розой не считать целесообразным предположение о существовании некоего неизвестного закона, позволившего Октавиану отменить своим эдиктом массу

²⁷⁶ Dalla Rosa A. *L'aureus...* P. 176–182, с библиографией.

²⁷⁷ Dalla Rosa A. *L'aureus...* P. 182–194.

²⁷⁸ Dalla Rosa A. *L'aureus...* P. 189–190.

постановлений триумвиров (одних лишь цензорских полномочий, по мнению А. Далла Розы, для данного решения было бы недостаточно)²⁷⁹, то остается вполне возможным иное объяснение того, как консул Октавиан смог обеспечить принятие нужного ему решения, помимо предположения А. Далла Розы о том, что он действовал на основании полномочий триумвира. Легенда LEGES ET IVRA P. R. RESTITVIT вовсе не обязательно подразумевает магистратский эдикт. Допустимо предположить, что Октавиан в качестве консула судьбу постановлений триумвиров предложил решить комициям²⁸⁰. Постулировать на основании такого источника, как эта легенда, существование комициального закона, по меньшей мере, не менее оправданно, чем постулировать существование эдикта, обладавшего особой силой, доступной Октавиану лишь в том случае, если бы он все еще был триумвиром, а не только консулом.

Иными словами, вовсе нет необходимости, как это делает А. Далла Роза, предполагать, что Октавиан должен был сам обладать какими-то особыми полномочиями, позволявшими ему отменять постановления триумвиров в силу собственного эдикта. Более того, альтернативный подход подтверждается самим А. Далла Розой, когда он утверждает, что, за исключением эдикта об отмене постановлений 28 г., крайне трудно определить какие-либо иные меры, принятые в период между 31 и 27 гг., которые предполагали бы использование именно полномочий триумвиров. Главное, как признает А. Далла Роза (подрывая, как мне представляется, другую часть своих рассуждений), «То, что источники приписывают односторонним действиям Октавиана, вполне могло быть одобрено в соответствии с традиционными процедурами»²⁸¹. Почему бы тогда не отнести к этой же категории и те действия, которые описываются формулой LEGES ET IVRA P. R. RESTITVIT?

²⁷⁹ Dalla Rosa A. *L'aureus...* P. 190–192.

²⁸⁰ Ср.: Girardet K.M. *Roms Verfassungstradition und die Rechtsgrundlagen des augusteischen Prinzipats // Augustus: Herrscher an der Zeitenwende / Eds. M. Horster, F. Schuller. Regensburg: Verlag Friedrich Pustet, 2014. S. 64–66.*

²⁸¹ Dalla Rosa A. *L'aureus...* P. 193, n. 82: «Ciò che le fonti attribuiscono a un'azione unilaterale di Ottaviano poteva benissimo essere stato approvato secondo le procedure tradizionali».

Кроме того, А. Далла Роза также признает, что после того, как два других триумвира утратили свою власть, для Октавиана стало невозможным, как по политическим, так и по юридическим причинам, пользоваться положением триумвира (*delegittimata sul piano politico e attaccabile anche su quello giuridico*)²⁸². Более того, еще до Акция Октавиан считал важным возглавлять войну против своих противников на Востоке именно как консул, а не как триумvir. Кроме того, А. Далла Роза утверждает, что не было бы удивительно, если бы эдикт об отмене постановлений 28 г., отмеченный на упомянутом ауреусе, был «на деле не только последним, но и единственным реальным и открытым случаем применения власти триумвира после завершения 32 г.»²⁸³.

Как мы теперь видим, аргументация А. Далла Розы по существу сталкивается с той же проблемой, которая характеризует и интерпретацию Ф. Вервата, рассмотренную выше: с одной стороны, предполагается, что Октавиан воздерживался от использования и даже скрывал власть триумвира, которую он якобы все еще формально сохранял. С другой стороны, он официально и вполне открыто использовал эту же власть для отмены прежних постановлений триумвиров, так как не было иных средств, чтобы иметь возможность их отменить. Трудно понять, как оба эти положения могут быть верными одновременно.

В основе аргументации А. Далла Розы, таким образом, фактически лежит та же идея, которая является ключевой и для реконструкции Ф. Вервата: Октавиан уже своих современников (тем более последующие поколения) ввел в заблуждение до такой степени, что они больше не могли различить, что он делал властью консула, а что – на основании других особых полномочий²⁸⁴. Однако противоречие между предположением о нежелании Августа

²⁸² Dalla Rosa A. *L'aureus...* P. 192, n. 80.

²⁸³ Dalla Rosa A. *L'aureus...* P. 193: «Non sarebbe dunque sorprendente se l'editto di abrogazione fosse in realtà non solo l'ultimo ma anche l'unico vero utilizzo esplicito dell'autorità triumvirale dopo la fine del 32».

²⁸⁴ Dalla Rosa A. *L'aureus...* P. 193: «Ormai gli spettatori della politica romana dovevano cominciare a non distinguere cosa veniva compiuto sulla base del consolato e cosa in virtù di attribuzioni speciali».

признаваться в сохранении магистратуры триумвира и фактическим, вполне открытым применением им полномочий, предоставляемых именно этой магистратурой, выглядит еще более странно, когда оно служит для А. Далла Розы средством объяснить относительную редкость рассматриваемого аурея²⁸⁵. Должны ли мы тогда постулировать, что монета, выпущенная специально для того, чтобы отметить и пропагандировать важное событие, была отчеканена в столь малом количестве, что оказалась неспособна выполнять свою функцию – отмечать и пропагандировать? Более того, не провалился ли на деле замысел Августа оставить эту чеканку «в тени», если даже до нас все же дошли несколько экземпляров? М.Г. Абрамзон, напоминая о том, что в римских условиях монета являлась «самым мощным средством политической пропаганды», легко тиражируемым и способным доносить разнообразную информацию до различных адресатов²⁸⁶, отмечает, что в монетных выпусках послеактийского периода Октавиан предстает как *libertatis vindex*. Он выступает как «восстановитель» республики и свободы римского народа²⁸⁷. Замечу, что в указанных выпусках – на монетах вовсе не редких²⁸⁸ – содержатся в принципиальном смысле те же самые притязания, что и обозначаемые словами *LEGES ET IVRA P. R. RESTITUIT* рассматриваемого аурея. Все эти монеты относятся к 28 г. и также совпадают в части указания на шестое консульство Октавиана (*IMP CAESAR DIVI F COS VI*). Если это так, то делать вслед за А. Далла Розой далеко идущие выводы из самого факта относительной редкости аурея *LEGES ET IVRA P. R. RESTITUIT* становится затруднительно.

Даже если рассмотренные выше исследовательские интерпретации сами по себе были бы непротиворечивы (а это не так), аргументация как Ф. Вербата, так и А. Далла Розы, в конечном счете, основывается на выводе У. Коли о том, что пятилетние сроки триумvirата носили лишь «угрожающий»,

²⁸⁵ Dalla Rosa A. *L'aureus...* P. 194.

²⁸⁶ Абрамзон М.Г. Монеты как средство пропаганды римской императорской политики. Магнитогорск: Магнитогор. Дом печати, 1995. С. 94–95.

²⁸⁷ Абрамзон М.Г. Монеты как средство пропаганды... С. 115.

²⁸⁸ Rich J.W., Williams J.H.C. *Leges et Ivra P. R. Restituit: A New Aureus of Octavian and the Settlement of 28–27 B. C.* // *Numismatic Chronicle*. 1999. Vol. 159. P. 176.

комминаторный характер, – вывод, который, на мой взгляд, неверен уже по общим основаниям, не связанным с самим триумвиратом. Представление о том, что триумвират прекращался лишь посредством абrogации, абдикации или в результате смерти его носителей, вводит в заблуждение. Отсутствуют надежные доказательства того, что «задача», поставленная перед триумвирами, могла уполномочивать их оставаться в должности после окончания второго пятилетнего срока. Тем более ничто не свидетельствует о том, что они формально сохраняли свою должность до абдикации, даже если порученная им задача уже была выполнена. Если после этого они все еще фактически пользовались властью триумвиров (как Антоний, сохраняя титул, или, как Октавиан, прибегая к его «сокрытию»), либо, что гораздо вероятнее, в ряде случаев действовали незаконно, как если бы они все еще были триумвирами, не претендуя формально на обладание этой магистратурой (либо же пользовались консульскими, проконсульскими, цензорскими и иными полномочиями, в том числе, чтобы проводить свои предложения через сенат и комиции), то это уже было политической, а не формально-правовой проблемой. Любое дальнейшее удержание триумвирской власти – на словах или на деле – могло рассматриваться лишь как незаконное. При этом в формально-правовом отношении после 33 г. и Октавиан, и Антоний легально оставались *privati* с империем, т.е. промагистратами. Отсюда проистекает еще одна интерпретация их конституционного положения в 32 г.

§2.5. Прекращение триумвирата после 31 декабря 33 г.

К 32 г. триумвиры формально могли оставаться лишь проконсулами (в историографии можно встретить термин «протриумвиры») с обычными промагистратскими полномочиями, ограниченными исключительно сферой *militiae*. Эта точка зрения была высказана, в частности, К.М. Жирарде, Н. Льюисом и позднее Ф. Дрогулой. Исходные наблюдения, позволившие ее

сформулировать, были сделаны еще Й. Кромайером и позднее развиты Х. Бенарио.

Начав с критики мнения Т. Моммзена о том, что триумвиры могли формально продолжать оставаться в должности даже по истечении пятилетнего срока, Й. Кромайер указывал, что после окончания первого *quinquennium* Антоний, Октавиан и Лепид оставались промагистратами, на законных основаниях продолжая управлять армиями и провинциями до тех пор, пока сенат не направил бы им преемников²⁸⁹. Та же ситуация повторилась и по завершении 33 г. «Городские» полномочия триумвиров прекратились *ipso iure* (абдикация для этого не требовалась), тогда как промагистратские полномочия сохранялись вполне легально. По мнению Й. Кромайера, именно для достижения этого эффекта в начале 32 г. Октавиан держался вне померия²⁹⁰. Однако вскоре ситуация изменилась: Октавиан все же вошел в город и «созвал» (*berief*) сенат, что означало утрату им, как проконсулом, империй. Созыв сената, использование вооруженной охраны, угрозы консулам и т.п. указывают на *Staatsstreich*²⁹¹. Таким образом, с одной стороны, Й. Кромайер показал, как Октавиан мог сохранять империй в качестве промагистрата. С другой стороны, он интерпретировал интересующее нас заседание сената в январе 32 г. как момент, когда проконсул Октавиан нарушил правила и, переступив городскую границу, формально утратил империй.

Краткая статья Х. Бенарио может рассматриваться как следующий важный шаг в развитии этой линии аргументации²⁹². Более того, мне

²⁸⁹ Kromayer J. Die rechtliche Begründung... S. 4–7.

²⁹⁰ Kromayer J. Die rechtliche Begründung... S. 13.

²⁹¹ Kromayer J. Die rechtliche Begründung... S. 10, 14–16. То, что Октавиан сам созвал сенат, долгое время оставалось в историографии общепринятым предположением (см., напр.: Bauer A. Der Staatsstreich des Octavianus... S. 20–21; Jones A.H.M. Augustus. London: Chatto & Windus, 1970. P. 39; Wallmann P. *Triumviri rei publicae constituendae*... P. 300).

²⁹² Benario H.W. Octavian's Status... Х. Бенарио следовал, в частности, Й. Бляйкен (Bleicken J. *Imperium consulare/proconsulare*... S. 127–128). Несколько позднее Ф. Висшер (Visscher F. de. Die rechtliche Stellung Octavians im Jahre 32 v. Chr. // Augustus / Ed. W. Schmitthenner. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1969. S. 207) отмечал, что Октавиан сохранял империй после завершения срока триумvirата, однако последнее он датировал временем между июлем и октябрём 32 г. (Visscher F. de. Die rechtliche Stellung Octavians... S. 203).

представляется, что именно Х. Бенарио предложил наиболее взвешенную ее версию. По его мнению, можно сказать, что империй Октавиана как полководца проистекал из магистратуры триумвира. Хотя последняя прекратилась, первый сохранялся до тех пор, пока Октавиан не был бы заменен кем-то другим в качестве командующего войсками²⁹³. С этим можно согласиться, хотя, возможно, лучше было бы отметить, что империй Октавиана происходил из факта наделения полномочиями, которые он получил еще до того, как стал триумвиром, как аргументировано выше при анализе надписи из Афродисия. В целом Х. Бенарио прав, утверждая, что империй Октавиана (точнее было бы сказать, на мой взгляд, провинция) «оставался за ним до тех пор, пока он не завершил то, что намеревался сделать в Иллирике (или мог утверждать, что намеревается это сделать), при отсутствии преемника», а «назначение преемника, если бы сенат всерьез занялся этим вопросом, могло быть легко заблокировано трибунским вето»²⁹⁴.

То, что делает подход Х. Бенарио более взвешенным по сравнению, прежде всего, с интерпретацией К.М. Жирарде, – это признание двух проблем собственной интерпретации. Во-первых, если «заседание сената проходило внутри померия, чего мы не знаем, то он [Октавиан, – *Р.Ф.*] юридически поступил неправильно, присутствуя на нем». Во-вторых, сомнительно, что Октавиан «имел полное право занять место между консулами»²⁹⁵. Что касается первого пункта, то К.М. Жирарде позднее пытался показать (весьма убедительно), что заседание вовсе не обязательно должно было проходить внутри померия. Х. Бенарио более осторожен, утверждая, что, строго говоря, «мы этого не знаем»²⁹⁶. Что касается второго пункта, то он остается проблематичным и, по сути, ключевым, несмотря на попытки К.М. Жирарде доказать обратное. Важно замечание Х. Бенарио о том, что Октавиан «очевидно считал ситуацию в начале 32 г. настолько критической, что она

²⁹³ Benario H.W. *Octavian's Status...* P. 306.

²⁹⁴ Benario H.W. *Octavian's Status...* P. 306.

²⁹⁵ Benario H.W. *Octavian's Status...* P. 306.

²⁹⁶ Benario H.W. *Octavian's Status...* P. 306.

требовала действий с позиции силы»²⁹⁷. Это не означает, что ему необходимо было нарушить все правила, но те, которые он счел нужным обойти, он, несомненно, обошел.

Независимо друг от друга и почти одновременно, в начале 1990-х гг., Н. Льюис и К.М. Жирарде развили эти наблюдения в весьма сходном ключе, хотя и с некоторыми важными нюансами.

К.М. Жирарде справедливо отмечает, что в начале 37 г. все триумвиры отсутствовали в Риме²⁹⁸. Вопреки утверждениям некоторых исследователей²⁹⁹, античные источники не сообщают о дальнейшем осуществлении полномочий триумвиров с начала 37 г. до момента оформления итерации. Вместо этого все бывшие триумвиры оставались в своих провинциях, реализуя империй теперь лишь в сфере *militiae* и *pro magistratu*. Поскольку они не пересекали померий вплоть до момента продления триумvirата, а сенат не направлял новых командующих в их провинции, они формально оставались промагистратами³⁰⁰. В связи с этим Н. Льюис напоминал, что подобную ситуацию сделало возможным законодательство Суллы³⁰¹.

Я не думаю, что есть необходимость считать вслед за Х. Бенарио³⁰², что в 37 г. триумвиры «осуществляли свои полномочия». То, что триумвиры не спешили продлевать свою магистратуру в 37 г.³⁰³, указывает на то, что и в этом году сохранявшиеся проконсульские полномочия были более или менее достаточны для достижений их целей, особенно если помнить, что оба консула являлись их сторонниками. С их помощью бывшие триумвиры, хотя и в неравной степени, все еще могли контролировать сферу *domi*. В любом случае у Октавиана и Антония не было иного выбора, поскольку они смогли

²⁹⁷ Benario H.W. *Octavian's Status...* P. 306.

²⁹⁸ Girardet K.M. *Der Rechtsstatus Oktavians...* S. 329–330.

²⁹⁹ См., напр.: Fadinger V. *Die Begründung des Prinzipats...* S. 84.

³⁰⁰ Girardet K.M. *Der Rechtsstatus Oktavians...* S. 330–332. О том, что носители империя удерживали свои провинции до прибытия преемника, см., напр.: Mommsen Th. *Die Rechtsfrage zwischen Caesar und dem Senat*. Breslau: Trewendt, 1858. S. 26–27.

³⁰¹ Lewis N.G. *Rechtsfrage II...* P. 60.

³⁰² Benario H.W. *Octavian's Status...* P. 305, 308.

³⁰³ Rich J.W. *Review: The Second Triumvirate...* P. 114.

возобновить триумвират лишь тогда, когда снова оказались способны прийти к консенсусу, а это на протяжении значительной части 37 г. оставалось невозможным.

В 36 г. Октавиан отпраздновал овацию над Секстом Помпеем, однако вступление в город не имело никаких последствий для его публично-правового положения, так как он вновь был триумвиром, обладавшим полномочиями как *militiae*, так и *domi*. По мнению К.М. Жирарде, прекратился не его империй, а его провинция – война с Секстом Помпеем (и соответствующие *auspicia*). Далее К.М. Жирарде рассуждает о том, какие провинции Октавиан, вероятно, сохранял до конца 33 г. Принятая им исходная посылка состоит в том, что проконсулы и те акторы, о которых известно, что они позднее праздновали триумф, должны были иметь собственные провинции, поскольку обладали собственным, а не делегированным империем. Следовательно, оставшиеся провинции (вероятно, Сардиния/Корсика и Сицилия и, безусловно, Иллирик) оставались провинциями Октавиана. К.М. Жирарде и Н. Льюис утверждали, что война в Иллирике была успешно завершена в 33 г., но это не означает, что Октавиан не мог законно сохранять эту провинцию³⁰⁴. Действительно, сенат проголосовал за триумф Октавиана. Он вернулся в Италию в 33 г. и, вероятно, представил *relatio* о своих успехах, так же как он сделал это в 36 г. Празднование триумфа означало бы окончание его командования, однако оно состоялось не в 33 и даже не в 32, а лишь в 29 г. Также нет никаких надежных указаний на то, что после своего возвращения и до конца 33 г. Октавиан входил в город Рим (если бы это было не так, то, среди прочего, он утратил бы право на триумф). Например, выборы претора-суффекта (Cass. Dio 49.47.3), которые он проводил, должны были проходить за пределами города, на Марсовом поле. Таким образом, он формально оставался наместником, по крайней мере, Иллирика (а, вероятно, также Сардинии/Корсики и Сицилии) и оставался во

³⁰⁴ Ср. Hoyos B.D. The Legal Powers... P. 8.

главе армии³⁰⁵. Всю Иллирийскую войну можно рассматривать как формальный предлог для сохранения империя и провинций и как средство подготовки армии к будущим решающим столкновениям³⁰⁶.

Затем К.М. Жирарде использует эту вполне, на мой взгляд, правдоподобную реконструкцию как основу для интерпретации ситуации в 32 г. Он считает, что триумvirат автоматически прекратился 31 декабря 33 г.³⁰⁷. Это должно быть верно. Однако К.М. Жирарде утверждает не только то, что не могло быть никакого законного сохранения власти триумvиров, но и то, что даже ее незаконное использование было невозможно³⁰⁸. Если первое утверждение убедительно, то второе требует доказательств в виде свидетельств, показывающих, что бывшие триумvирь после 33 г. не использовали никаких аспектов власти триумvиров. Как будет показано ниже, в начале 32 г. Октавиан *ad hoc* все еще претендовал на бóльшую власть, чем проконсул, даже если не узурпировал прерогативы триумvиров формально.

В то же время, К.М. Жирарде, по-видимому, прав, утверждая, что ситуация в 32 г. (я бы сказал, в самом начале 32 г.) была той же, что и в 37 г., в том смысле, что бывшие триумvирь теперь формально являлись промагистратами, *privati*, наделенными империем, провинциями и армиями и имевшими право действовать в сфере *militiae*³⁰⁹.

Ф. Верват критикует представления К.М. Жирарде, указывая на то, что они «главным образом основываются на его ошибочном взгляде, ... будто *consulare imperium* триумvиров состоял из двух различных компонентов, а именно: (*consulare*) *imperium domi* и (*consulare*) *imperium militiae*»³¹⁰. Однако эта формула не является корректной передачей выводов К.М. Жирарде. На самом деле К.М. Жирарде не утверждает, что эти компоненты были различны.

³⁰⁵ Girardet K.M. *Der Rechtsstatus Oktavians...* S. 332–338; Lewis N.G. *Rechtsfrage II...* P. 61–62.

³⁰⁶ Girardet K.M. *Der Rechtsstatus Oktavians...* S. 335–336.

³⁰⁷ Girardet K.M. *Der Rechtsstatus Oktavians...* S. 338. Также см.: Girardet K.M. *Roms Verfassungstradition...* S. 59–60.

³⁰⁸ Girardet K.M. *Der Rechtsstatus Oktavians...* S. 338.

³⁰⁹ Girardet K.M. *Der Rechtsstatus Oktavians...* S. 338–339.

³¹⁰ Vervaet F.J. *The Secret History...* P. 118–119, n. 102.

Напротив, он пишет о едином консульском империи, которым триумвиры, в отличие от лиц, действовавших *pro magistratu*, могли пользоваться как *domi*, так и *militiae*³¹¹. Следовательно, экс-триумвиры автоматически сохраняли империй, если оставались за пределами городской границы, не потому, что сохраняли один из компонентов консульского империя, а потому, что они могли применять империй лишь в сфере *militiae*.

Ж.-М. Родда и Ф. Верват возражают, отмечая, что подход К.М. Жирарде требует предположения о том, что Октавиан ни разу не пересекал померий в 32 г.³¹². Однако даже если бы мы предположили, что Октавиан в какой-то момент 32 г. все же перешел городскую границу, в самом начале 32 г. он в любом случае, как минимум, некоторое время был проконсулом. Помимо общих соображений (например, Октавиану было нетрудно попросить плебейского трибуна созвать сенат для него за пределами городской черты, следовательно, именно это он и должен был сделать), К.М. Жирарде и Н. Льюис предлагают еще один убедительный аргумент. Упомянутый выше иллирийский триумф был отпразднован Октавианом лишь в 29 г. Если бы империй, посредством которого Октавиан выиграл эту войну, был формально утрачен в результате пересечения им городской границы, когда он был *privatus* в 32 г., его триумф был бы технически невозможен³¹³.

Согласно фрагменту Cass. Dio 50.2.4, в начале 32 г. Октавиан не находился «в городе». Хотя Дион объясняет это иными причинами, К.М. Жирарде делает убедительное предположение о том, что Октавиан покинул Рим главным образом потому, что хотел продемонстрировать, что не собирается терять империй, пересекая померий³¹⁴. Консул Сосий, очевидно, пытался лишить Октавиана империя (либо провинции). В чем бы ни

³¹¹ Girardet K.M. Die Entmachtung des Konsulates... S. 96–97; Girardet K.M. Der Rechtsstatus Oktavians... S. 327–328. Ср.: Roddaz J.-M. La métamorphose... P. 403.

³¹² Vervaeke F.J. The Secret History... P. 119; Roddaz J.-M. *Imperium*... P. 199; Roddaz J.-M. La métamorphose... P. 405–406.

³¹³ Girardet K.M. Der Rechtsstatus Oktavians... S. 341.

³¹⁴ Girardet K.M. Der Rechtsstatus Oktavians... S. 341, Anm. 106. Также см.: Dalla Rosa A. *Cura et tutela*... P. 111–112, n. 1.

заклучалось сделанное в сенате предложение Сосия, оно было заблокировано плебейским трибуном Нонием Бальбом в интересах Октавиана. Комментируя переговоры между Октавианом и консулами, Т. Райс Холмс справедливо отмечал, что Октавиану вовсе не обязательно было оставаться триумвиром в 32 г.³¹⁵, чтобы Сосий и Агенобарб были заинтересованы в сближении с ним³¹⁶. Тем более, если формально он оставался промагистратом, законно находившимся во главе огромной армии.

К.М. Жирарде предполагает, что возвращение Октавиана в Рим (Cass. Dio 50.2.5: ὅσπερ δὲ ἐπανελθὼν) не требует – вопреки тому, что, например, писал Й. Кромайер³¹⁷, – пересечения им померия, тогда как слова Диона τὴν τε γερουσίαν ἥθροισε не обязательно следует понимать буквально. Сенат мог быть формально созван дружественным трибуном, таким как Ноний Бальб³¹⁸. Ж.-М. Родда и Ф. Верват возражают на это, отмечая, что Октавиан играл заметную роль в городе³¹⁹. Однако, как я попытался показать в предыдущей главе, такая роль промагистрата сама по себе не означает, что он должен был пересечь городскую границу, чтобы добиться успеха. В отличие от К.М. Жирарде, Ж.-М. Родда также утверждает, что пассаж Cass. Dio 50.2.4 убедительно свидетельствует о том, что Октавиан находился в городе (*intra urbem*) в начале 32 г. Ж.-М. Родда полагает, что если сообщается о том, что Октавиан «покинул город», значит, до этого момента он находился в его пределах³²⁰. Вполне возможно, что выражение ἐν τῇ πόλει обозначает ближайшие предместья города, а не территорию внутри померия³²¹.

³¹⁵ Как полагали В. Кольбе и У. Вилькен: Kolbe W. Der zweite Triumvirat... S. 283; Wilcken U. Der angebliche Staatsstreich... S. 77.

³¹⁶ Kolbe W. Der zweite Triumvirat... S. 283; Wilcken U. Der angebliche Staatsstreich... S. 77; Rice Holmes T. The Architect... P. 236–237.

³¹⁷ Kromayer J. Die rechtliche Begründung... S. 10.

³¹⁸ Girardet K.M. Der Rechtsstatus Oktavians... S. 341–342; Lewis N.G. Rechtsfrage II... P. 58, n. 6; ср., напр.: Kolbe W. Der zweite Triumvirat... S. 284. Также ср.: Rice Holmes T. The Architect... P. 237.

³¹⁹ Vervae F.J. The Secret History... P. 119; Roddaz J.-M. La métamorphose... P. 405–406.

³²⁰ Roddaz J.-M. La métamorphose... P. 406.

³²¹ Ср., напр.: Kolbe W. Der zweite Triumvirat... S. 281.

Ф. Верват ссылается на то, что в пассаже 50.3.4 Дион сообщает, будто Октавиан внес завешание Антония в «булевтерий» и «эκκλησίαν» (εἰς τε τὸ βουλευτήριον καὶ μετὰ τοῦτο καὶ εἰς ἐκκλησίαν) и зачитал его вслух. Затем Ф. Верват замечает, что даже Н. Льюису пришлось признать, что слова Диона «можно трактовать как указания как курию и форум». По его мнению, «не должно быть сомнений в последней интерпретации»³²². Однако, на первый взгляд, как минимум, одинаково возможны две интерпретации. Ф. Верват не учитывает аргумент Н. Льюиса о том, что любое место собрания *patres* (в том числе, пространства за пределами городской черты) является «в употреблении Диона вполне допустимым значением слова βουλευτήριον»³²³. Н. Льюис более корректен, когда не дает окончательного предпочтения ни одной из версий и утверждает, что «у нас по-прежнему нет доказательств того, что Октавиан отказался от империя, осмелившись войти в пределы города»³²⁴. Действительно, строго говоря, словоупотребление Диона не может служить решающим доказательством в пользу какой-либо позиции. Однако бремя доказательства здесь явно лежит не на Н. Льюисе или К.М. Жирарде. *Contiones* (εἰς ἐκκλησίαν у Диона) и заседания сената могли созываться за пределами городской границы, и потому можно предположить, что при необходимости они созывались именно там. Чтобы это предположение работало, достаточно принять допущение о том, что Октавиан контролировал ситуацию и мог выбирать место проведения собраний. Если мы считаем, что он был проконсулом, то можем также предположить, что он был в состоянии попросить дружественного плебейского трибуна созвать эти собрания именно *extra urbem* (если только мы не считаем, что он сознательно предпочел создать самому себе ненужные трудности). Единственным собранием, на место проведения которого Октавиан никак не мог повлиять, было первое заседание сенаторов в новом году, 1 января, поскольку оно должно было проходить на

³²² Vervae F.J. *The Secret History...* P. 119, n. 104; Lewis N.G. *Rechtsfrage II...* P. 62.

³²³ Lewis N.G. *Rechtsfrage II...* P. 62, с дополнительной библиографией.

³²⁴ Lewis N.G. *Rechtsfrage II...* P. 62.

Капитолии³²⁵. Тот факт, что он именно на этом заседании Октавиан отсутствовал, несмотря на все угрозы, и, напротив, присутствовал на следующем собрании, не оценен по достоинству К.М. Жирарде и Н. Льюисом, но он прекрасно согласуется с их реконструкцией (и, кроме того, объясняет попытку Сосия осуществить «блицкриг» против Октавиана именно 1 января). Отсутствие Октавиана в Риме 1 января было бы необъяснимым, если бы мы предположили, что он оставался триумвиром: зачем ему было бы покидать «поле боя», формально целиком доступное ему, и отдавать его своим противникам?

Разумеется, доказать возможность того, что проконсул Октавиан не пересекал городскую границу и не созывал сенат сам, – это не то же самое, что доказать, что он определенно этого не делал³²⁶. Однако упомянутый выше факт проведения иллирийского триумфа лишь в 29 г., представляет собой важное свидетельство, которое – и это существенно – не зависит от нашего предположения о том, что Октавиан должен был иметь возможность выбирать место заседания сената после 1 января. Ж.-М. Родда и Ф. Верват игнорируют это обстоятельство. Между тем, оно является решающим, «если только не было допущено какое-то совершенно не засвидетельствованное и крайне маловероятное нарушение *mos* и *ius*», как выражался Н. Льюис³²⁷. Или если мы не примем предположение о том, что Октавиан был готов проводить незаконный (в результате пересечения границы Рима в начале 32 г.) иллирийский триумф в 29 г., несмотря на то, что у него были еще два других повода для триумфов. С этим тесно связано и важное наблюдение о том, что

³²⁵ Bonnefond-Coudry M. *Le Sénat...* P. 69–70, 150; Pina Polo F. *The Consul at Rome...* P. 18.

³²⁶ Roddaz J.-M. *La métamorphose...* P. 406. Однако проблематично вслед за Ж.-М. Родда критиковать тезисы К.М. Жирарде как аргумент *ex silentio*. Странно ожидать, что краткие сообщения античных авторов должны были содержать акцентированное упоминание о том, что Октавиан сознательно избегал вступления в город, особенно если это было очевидно современникам и позднейшим авторам из самого факта того, что Октавиан перестал быть триумвиром. Сам Ж.-М. Родда прибегает к такому же типу доказательств, когда делает вывод о том, что если бы Октавиан вел войну с Антонием в качестве консула, он упомянул бы об этом в *Res Gestae*. Он этого не сделал. Следовательно, заключает Ж.-М. Родда, Октавиан вел войну как триумвир (Roddaz J.-M. *La métamorphose...* P. 406).

³²⁷ Lewis N.G. *Rechtsfrage II...* P. 62.

Август упоминает в *Res Gestae* лишь один акт наделения империем – тот, который относится к 43 г.³²⁸.

В целом мне представляется более убедительным предположение о том, что Октавиан отпраздновал свой иллирийский триумф законно, до этого тщательно избегая пересечения городской границы. Это более вероятно, чем представление, согласно которому он вошел в город, а затем отпраздновал незаконный триумф. Я не утверждаю, что Октавиан всегда действовал строго законно – совсем наоборот. Но для этого должна была существовать веская причина: если Октавиан нарушал важные предписания и неформальные ожидания, касавшиеся, например, поведения промагистрата в сенате, то это происходило потому, что диктовалось политической целесообразности. Однако, если иное не сообщается прямо, он должен был действовать законно всякий раз, когда это было возможно и когда не существовало серьезных причин поступить иначе. В начале 32 г. таких причин для пересечения городской границы не было – тем более, после того (это мы знаем точно), как он уже предпочел не нарушать ее ради того, чтобы остановить Сосия еще 1 января.

Аргумент Дж. Рича (который повторяет К.Й. Ланге) «против» доводов К.М. Жирарде и Н. Льюиса состоит в том, что триумвират никак не мог «деградировать» до проконсулата³²⁹. Этот тезис убедительно отводит Ф. Дрогула: «для Августа умалением *dignitas* не стал переход от положения триумвира к тому, что по существу было проконсулатом или даже некоего рода “протриумвиратом”. С истечением срока триумvirата высшими военными позициями в империи были проконсул и император, и обе этих позиции Август имел. Более того, в 32 г. титулы, по-видимому, имели для Августа меньшее значение, чем реальная власть, находившаяся в его распоряжении»³³⁰. К этому следует добавить, что даже если бы проконсулат действительно означал

³²⁸ Lewis N.G. *Rechtsfrage II...* P. 62.

³²⁹ Rich J.W. *Review: The Second Triumvirate...* P. 114; Lange C.H. *Res publica constituta...* P. 58.

³³⁰ Drogula F.K. *Commanders and Command...* P. 349.

умаление *dignitas*, из этого вовсе не следовало бы, что переход на положение проконсула никак не мог произойти.

Однако в интерпретации К.М. Жирарде не убеждает его взгляд на поведение Октавиана в рамках заседания сената, состоявшегося после атаки Сосия. Ф. Верват справедливо обращает внимание на те фрагменты источников, из которых следует, что Октавиан действовал так, как для проконсулов было вовсе не характерно. Но столь же затруднительно, вслед за Дж. Ричем, Ф. Верватом и К.Й. Ланге, считать, что занятие Октавианом места между консулами в сенате в январе 32 г. «однозначно указывает на то, что он в тот момент действовал как магистрат». Подобные факты ничего не говорят о формальном статусе Октавиана, а лишь освещают реальную политическую ситуацию (или ее последующую риторическую репрезентацию).

Позиция Н. Льюиса в целом совпадает с таковой у К.М. Жирарде, с тем важным отличием, которое касается как раз действий Октавиана на заседании сената в январе 32 г. Подобно Х. Бенарио, Н. Льюис не считал, что Октавиан вел себя в полном соответствии с политической традицией, даже если формально он был проконсулом, сенат не созывал, а его заседание происходило *extra urbem*. Так, Кассий Дион демонстрирует неприемлемость «использования Октавианом вооруженной охраны при его первом появлении перед сенатом, что вместе с его полемической речью привело к бегству Сосия и Домиция». «Чего бы другого аномального ни было в этом году, к таковому не относились незаконность положения Октавиана или (в основном) применение им власти»³³¹. Формулировка «в основном» здесь показательна, но в дальнейшей реконструкции Н. Льюиса она не играет заметной роли.

Ф. Дрогула также справедливо отмечает, что и занятие места между консулами, и использование вооруженной охраны «могли не соответствовать надлежащей процедуре и поведению промагистрата». В то же время, «Дион подчеркивает, что никто не возражал и не пытался навязать обычный этикет, — оговорка, призванная показать, что действия Августа на самом деле не были

³³¹ Lewis N.G. *Rechtsfrage II...* P. 59–60.

уместны с учетом его положения». Август «вероятно, нарушил римскую традицию, осуществляя бóльшую власть, чем было положено промагистрату, например, председательствуя в сенате вместе с консулами, но такие чрезмерные действия не опровергают тот факт, что по своему формальному статусу он по существу оставался проконсулом или протриумвиром»³³². С этими наблюдениями в целом можно согласиться, однако динамику и значение выходящего за рамки политической традиции поведения Октавиана в сенате необходимо проанализировать подробнее, чем это до сих пор было сделано в историографии.

Утверждение К.М. Жирарде о том, что и после этого заседания Октавиан не пересекал померий³³³, представляется убедительным, но не имеет очевидного значения для наших целей. Важна, однако, интерпретация К.М. Жирарде присяги западных провинций (*RGDA* 25.2) и положения Октавиана вплоть до 27 г., поскольку, если он не был триумвиром, необходимо объяснить те его действия в этот период, которые он не мог осуществить в силу консульских полномочий. По мнению К.М. Жирарде, присяга служила подготовкой к передаче Октавиану новой провинции – «войны против Клеопатры». В дополнение к ней и консулату он получил и другие прерогативы, которые делали его положение ближе к уже утраченному положению триумвира. Именно это, по мысли К.М. Жирарде, Август имел в виду, называя себя *potens rerum omnium* (*RGDA* 34.1), и именно это он вернул *SPQR* в 28–27 гг.³³⁴. Действительно, то, что, по мнению Ж.-М. Родда, Октавиан не мог с 31 по 27 гг. опираться исключительно на консулат³³⁵, вовсе не означает, что он сохранял триумвират и что *potens rerum omnium* должно описывать только действующего триумвира.

³³² Drogula F.K. *Commanders and Command...* P. 349–350.

³³³ Girardet K.M. *Der Rechtsstatus Oktavians...* S. 343–344.

³³⁴ Girardet K.M. *Der Rechtsstatus Oktavians...* S. 345–350. Также см.: Girardet K.M. *Die Entmachtung des Konsulates...* S. 102, Anm. 65.

³³⁵ Roddaz J.-M. *La métamorphose...* P. 405–406.

Применительно к оценке ситуации в 32 г. К.Й. Ланге утверждает, что «о полномочиях проконсула нельзя говорить как о *potens rerum omnium*» (*RGDA* 34.1)³³⁶. Ф. Дрогула убедительно возражает, что это фразу «не обязательно следует понимать как юридически точное описание власти триумвира, а скорее как грандиозное и расплывчатое утверждение о той власти, которой он обладал в какой-то момент за пятьдесят пять лет до составления надписи. *Res Gestae* были ключевым элементом пропаганды Августа, поэтому не следует ожидать правовой точности там, где используются величественные, но неточные формулы, особенно если точное изложение истины могло быть для императора источником неловкости»³³⁷. Кроме того, как бы мы ни интерпретировали *potens rerum omnium*, в начале 32 г. Октавиан еще не находился в положении, описываемой данной фразой.

Предположение К.М. Жирарде (на первый взгляд оно может показаться неубедительным) о том, что Октавиану были предоставлены некоторые дополнительные привилегии, превращавшие консула в своего рода «квазитриумвира», могут подтверждаться рядом конкретных свидетельств. Так, *Fasti Venusini* фиксируют, что люстр 28 г. был проведен Октавианом как консулом, дополнительно наделенным *ensoria potestas*³³⁸. Если консулу Октавиану действительно была *ad hoc* предоставлена цензорская власть³³⁹, – а эта важная прерогатива действительно выглядит как составляющая власти триумвира, отличавшая его от консула, – то становится возможным предположить, что такого рода дополнительные полномочия могли иметь место и в других случаях, когда есть основания подозревать использование Октавианом после 33 г. полномочий, характерных для триумвиров³⁴⁰. Можно

³³⁶ Lange C.H. *Res publica constituta*... P. 58.

³³⁷ Drogula F.K. *Commanders and Command*... P. 349.

³³⁸ *Inscriptiones Italiae*. Vol. 13. *Fasti et Elogia*. Fasc. 1 / Ed. A. Degraffi... P. 254–255; также см. *RGDA* 8.2. Ср.: Vervaeke F.J. *The Secret History*... P. 92, n. 41; Ferrary J.-L. *Les pouvoirs d'Auguste*, 19, n. 42.

³³⁹ Astin A.E. *Augustus and «Censoria Potestas»* // *Latomus*. 1963. T. 22. P. 232.

³⁴⁰ Таких как выбор консулов-суффектов (ср.: Vervaeke F.J. *The Secret History*... P. 127, n. 120; Cass. Dio 51.19.4). Л. Пеллекки справедливо отмечал, что реформы, проведенные в 29–28 гг., касались вопросов, которые обычно находились в ведении цензоров (*ценз*, *lectio senatus*,

рассуждать и иначе. В статусе консула Октавиан мог обеспечивать принятие нужных ему решений, но это не значит, что они должны были базироваться только на его собственном приказе. Как уже отмечалось выше, как консул Октавиан вполне мог выносить на рассмотрение народа меры, которые ранее триумвиры принимали собственной властью.

Несомненно одно: даже если бы мы допустили, что Октавиан пересек городскую черту в начале 32 г. (что, однако, представляется в высшей степени маловероятным), его формальное положение с 1 января 32 г. и до этого момента сводилось к статусу проконсула, каким бы кратким этот период времени ни был. Следовательно, утверждение Ф. Миллара о том, что в 32 г. «единственным официальным статусом» Октавиана, вероятно, было «положение консула-десигната»³⁴¹, безусловно неверно. Кроме того, хотя Октавиан и был *privatus*, он формально оставался носителем империя. Этот вывод имеет решающее значение, поскольку он позволяет рассматривать весь эпизод в ряду тех, которые важны для понимания роли носителей «промежуточных» статусов между *privati* и *magistratus*, и прежде всего промагистратов, стремившихся к активному вмешательству в сферу *domi*. Однако этот вывод вовсе не означает, что Октавиан действовал законно и легитимно на заседаниях сената в 32 г., даже если допустить, что он не входил в черту города и официально сам не созывал сенат.

Слабость исследовательской позиции К.М. Жирарде и Н. Льюиса, с которыми в остальном я в целом солидаризируюсь, заключается в том, что первый и (с некоторыми оговорками) второй неоправданно подменяют вопрос о том, действовал ли Октавиан незаконно в 32 г., вопросом о том, сохранял ли

налоговые вопросы и т.п.). По его мнению, тот факт, что Октавиан осуществил эти реформы единолично, не является доказательством сохранения им полномочий триумвира, поскольку они могли быть реализованы на основании *ensoria potestas* (Pellecchi L. *Quae triumviratu iusserat abolevit*. Gli esordi del potere normativo di Augusto in materia fiscale // Il princeps romano: autocrate o magistrato? Fattori giuridici e fattori sociali del potere imperiale da Augusto a Commodo / Eds. J.-L. Ferrary, J. Scheid. Pavia: IUSS Press, 2015. P. 432–495).

³⁴¹ Millar F. *Triumvirate and Principate* // *Augustus* / Ed. J. Edmondson. (Edinburgh Readings on the Ancient World). Edinburgh: Edinburgh University Press, 2009. P. 73.

он формально империй³⁴². Нарушение республиканских политических норм – как на формальном уровне (которым ограничиваются К.М. Жирарде и Н. Льюис), так и, в еще большей степени, на уровне неформальных правил, убеждений, жестов и церемоний – могло не иметь никакого отношения к узурпации империя, а относиться лишь к способу его осуществления³⁴³ или даже к совершенно иному классу явлений.

§3. Захват политической инициативы в сфере *domi*: проконсул Октавиан в сенате в 32 г.³⁴⁴

Перейдем теперь к рассмотрению описания Кассием Дионом действий консулов Гн. Домиция Агенобарба и Г. Сосия, а также поведения Октавиана в начале 32 г. Пассаж необходимо процитировать полностью:

(3) Домиций открыто не предпринял ничего нового (ἐνεόχμωσεν), поскольку испытал уже немало бедствий. Сосий же, не знавший еще несчастий, в самый первый день месяца чрезвычайно восхвалял Антония и резко нападал на Цезаря (Октавиана). Он немедленно внес бы предложение против последнего, если бы этому не воспрепятствовал плебейский трибун Ноний Бальб. (4) Цезарь, подозревая, что замышляет Сосий, не желал ни допустить этого, ни, выступив против него, показаться первым начавшим (προκατάρχειν) войну. Тогда сначала он не пришел в сенат и вообще не оставался в городе (ὅλως ἐν τῇ πόλει), а выдумал какой-то предлог и уехал (ἐξεδήμησε), и сделал это не только по

³⁴² Lewis N.G. Rechtsfrage II... P. 59, ср. P. 60.

³⁴³ Н. Льюис упоминал эту возможность, но не рассматривал ее (Lewis N.G. Rechtsfrage II... P. 60).

³⁴⁴ Основные выводы параграфа опубликованы в работе: Frolov R.M. Seizing Initiative in the Sphere *domi*: Magistrates, Promagistrates, and the Senate at the Outset of 32 BCE // Leadership and Initiative in Late Republican and Early Imperial Rome / Eds. R.M. Frolov, C. Burden-Stevens. Leiden; Boston: Brill, 2022. P. 323–347.

этим причинам, но и с тем, чтобы, не спеша обдумывая положение в зависимости от поступающих известий, затем сделать то, что требуется, более взвешенно. (5) Затем, вернувшись, он созвал сенат (τήν τε γερουσίαν ἤθροισε). Окружив себя охраной из солдат и друзей, тайно носивших кинжалы, он сел между консулами на курульное кресло (ἐν μέσῳ τῶν ὑπάτων ἐπὶ δίφρου ἀρχικοῦ) и, выступая оттуда, подробно и умеренно говорил в свою защиту, выдвигая многочисленные обвинения против Сосия и Антония. (6) Когда ни кто-нибудь другой, ни кто-либо из самих консулов не осмелился произнести ни слова (φθέγξασθαί τι ἐτόλμησεν), он предложил (ἐκέλευσέ) им собраться снова в назначенный день, чтобы он мог доказать с помощью неких документов, что Антоний поступает незаконно. Тогда консулы, не осмеливаясь ему возразить (μήτ' ἀντειπεῖν αὐτῷ θαρσοῦντες) и не будучи в состоянии хранить молчание (σιωπῆσαι), тайно покинули город и затем отправились к Антонию. С ними последовали и немалое число других сенаторов³⁴⁵.

Этот фрагмент использовался для обоснования всех трех основных интерпретаций срока завершения триумвирата, рассмотренных выше: (1) в 32 г. Октавиан (так же, как и Антоний) все еще формально оставался триумвиром. Дион, следовательно, показывает, как Октавиан использует в

³⁴⁵ Cass. Dio 50.2.3–6: (3) Ὁ μὲν Δομίτιος οὐδὲν φανερώς, ὥς γε καὶ συμφορῶν πολλῶν πεπειραμένος, ἐνεόχμωσεν· ὁ δὲ δὴ Σόσσιος, οἷα κακῶν ἄπειρος ὢν, πολλὰ μὲν τὸν Ἀντώνιον ἐν αὐτῇ εὐθὺς τῇ νομηνίᾳ ἐπῆνεσε, πολλὰ δὲ καὶ τὸν Καίσαρα κατέδραμε. καὶ παραχρῆμα ἐπ' αὐτῷ τι ἐχρημάτισεν, εἰ μὴ Νώνιος Βάλβος δημαρχῶν ἐκώλυσεν. (4) ὁ γὰρ Καῖσαρ ὑποτοπήσας τὸ μέλλον ὑπ' αὐτοῦ γενήσεσθαι, καὶ μήτε περιδεῖν αὐτὸ μήτ' αὖ ἐναντιωθεὶς προκατάρχειν τοῦ πολέμου δόξα ἐθελήσας, τότε μὲν οὔτε ἐς τὸ βουλευτήριον ἐσῆλθεν οὔθ' ὅλως ἐν τῇ πόλει διητήθη, ἀλλὰ τινα αἰτίαν πλασάμενος ἐξεδήμησε, διὰ τε ταῦτα καὶ ἵνα κατὰ σχολὴν πρὸς τὰ ἀγγελθέντα οἱ βουλευσάμενος τὸ δέον ἐκ πλείονος λογισμοῦ πράξῃ· (5) ὕστερον δὲ ἐπανελθὼν τήν τε γερουσίαν ἤθροισε φρουρὰν τῶν τε στρατιωτῶν καὶ τῶν φίλων ἐγχειρίδια κρύφα ἐχόντων περιβαλόμενος, καὶ ἐν μέσῳ τῶν ὑπάτων ἐπὶ δίφρου ἀρχικοῦ ἰζήσας, πολλὰ μὲν αὐτόθεν ἐκ τῆς ἔδρας καὶ μέτρια ὑπὲρ ἑαυτοῦ διελέχθη, πολλὰ δὲ καὶ τοῦ Σοσσίου τοῦ τε Ἀντωνίου κατηγορήσεν. (6) ἐπειδὴ τε οὔτε ἄλλος τις οὔτ' αὐτῶν τῶν ὑπάτων οὐδέτερος φθέγξασθαί τι ἐτόλμησεν, ἐκέλευσέ σφας ἐν ῥητῇ ἡμέρᾳ αὖθις συνελθεῖν ὥς καὶ διὰ γραμμάτων τινῶν ἀδικοῦντα τὸν Ἀντώνιον ἐξελέγξων. οἱ οὖν ὑπατοὶ μήτ' ἀντειπεῖν αὐτῷ θαρσοῦντες μήτε σιωπῆσαι ὑπομένοντες τῆς τε πόλεως λάθρᾳ προεξεχώρησαν καὶ μετὰ τοῦτο πρὸς τὸν Ἀντώνιον ἀπῆλθον, καὶ σφισι καὶ τῶν ἄλλων βουλευτῶν οὐκ ὀλίγοι συνεφέσποντο.

сенате полномочия триумвира; (2) Октавиан уже не был триумвиром, но продолжал оставаться промагистратом. Дион описывает, каким образом Октавиан пользовался в сенате обычными проконсульскими прерогативами; (3) Октавиан был промагистратом, но в сенате он прибегал к власти триумвира, формально не претендуя на статус триумвира.

К. Стил, безусловно, права, указывая на то, что «анализировать происходившее на этих заседаниях исключительно с точки зрения действовавших институциональных факторов – значит не исчерпывать полностью значение случившегося»³⁴⁶. Кроме того, ценность данного пассажа Диона для реконструкции публично-правовой ситуации в любом случае ограничена: обстоятельства слишком исключительны, а свидетельство – двусмысленно. Однако даже если мы не можем интерпретировать события, рассматривая их лишь через призму конституционных, институциональных норм, известные нам по более ранним периодам правила и убеждения задавали пределы, в рамках которых современники могли оценивать действия триумвиров. Ведущие акторы были в состоянии игнорировать эти ожидания, но в таком случае рисковали навлечь на себя дополнительные политические риски. Более того, даже привычный для Диона способ изложения в духе *Machtpolitik* (Октавиан смог сделать то, что сделал, в сущности, благодаря грубой силе) все равно предполагал, как мы увидим далее, наличие некой точки отсчета. Действительно, в какой именно момент применение грубой силы стало необходимым?

Помимо этого, данный фрагмент проясняет и иной момент. Если речь Сосия против Октавиана «исходила из представления о мире, в котором именно консулы направляли деятельность *res publica*»³⁴⁷, то следующий вопрос может быть сформулирован так: каким именно образом Октавиан сумел отразить притязания консулов и обеспечить себе ведущую роль в

³⁴⁶ Steel C. The Intersection of Oratory and Institutional Change // *The Triumviral Period: Civil War, Political Crisis and Socioeconomic Transformations* / Ed. F. Pina Polo. Zaragoza: Prensas de la Universidad de Zaragoza, 2020. P. 206.

³⁴⁷ Steel C. The Intersection of Oratory and Institutional Change... P. 206.

государстве? И в какой мере, если вообще в какой-либо мере, для этого ему понадобилось бросить вызов фундаментальным принципам политического устройства Республики?

Пассаж Диона акцентирует внимание на изменении ситуации не в институциональном плане, а с точки зрения приобретения или утраты политической инициативы. Он пишет о политической пассивности, проактивности или реактивности поведения политических субъектов³⁴⁸. В этих терминах, как мы видели, римляне рассуждали о специфике и задачах магистратской власти и места *privati*, включая промагистратов, в сфере *domi*. Описание Дионом вооруженной охраны проконсула Октавиана, занятие им места между консулами и осуществление им контроля над ходом заседания, — все это говорит, прежде всего, об эффективном захвате политической инициативы и в гораздо меньшей степени — о легальном продолжении (или недопустимой узурпации) тех или иных полномочий. Конституционная ситуация оставалась одной и той же как в момент начала демарша Сосия, так и в тот момент, когда консулам пришлось бежать из Рима. Политическая же ситуация, напротив, изменилась радикально.

Как следует из других частей сочинения Кассия Диона, с его точки зрения проблема, с которой столкнулась Республика, заключалась не в том, что некие военные вожди пытались подменить собой республиканских магистратов, а в том, что этого стремились достичь именно промагистраты. В этом месте вопрос конституционной легитимности вновь становится актуальным, поскольку Дион описывает инициативу промагистратов вне той сферы действия, рамками которой они были ограничены формально.

Наконец, важно выяснить, является ли картина, которую дает нам Дион, результатом его собственного понимания или реконструкции случившегося, либо же детали его рассказа (а он представляет собой уникальное свидетельство о ситуации в январе 32 г.) могут базироваться на реальной информации о динамике событий.

³⁴⁸ Ср. греческую терминологию, выделенную в переводе рассматриваемого пассажа выше.

Итак, ничто не противоречит предположению о том, что заседание сената происходило вне городских стен и было созвано не самим проконсулом, а кем-то из числа плебейских трибунов³⁴⁹. Но даже если это так, имел ли Октавиан право действовать в сенате так, как это передает Дион? Как отмечалось выше, и Х. Бенарио, и Н. Льюис усматривали в этом моменте серьезное затруднение с точки зрения предложенных ими концепций. К.М. Жирарде, в свою очередь, попытался показать, что в сенате Октавиан действовал вполне законно как носитель консульского империя. Хотя теперь он обладал им *pro consule* / *pro magistratu*, за пределами померия он якобы оказывался по своему положению наравне с консулами³⁵⁰. С этим согласиться нельзя.

То обстоятельство, что Октавиан был готов нарушить обычную сенатскую процедуру ради достижения своей цели, а также отсутствие необходимости для современных исследователей находить для него законный выход в каждом отдельном случае, гораздо лучше соответствует не только общей логике эскалации данного конфликта, но и тому, что произошло вскоре после сенатских заседаний начала 32 г.³⁵¹. В сенате проконсул не мог быть равен консулам. Именно это и составляло для римлян принципиальное различие между *magistratus* и *privati*, наделенных империем, причем даже за пределами городской черты. Чтобы понять, каким образом промагистрат должен был действовать в сенате согласно существовавшим правилам и традициям, достаточно обратиться к случаям, когда промагистраты

³⁴⁹ Benario H.W. *Octavian's Status...*; Bleicken J. *Zwischen Republik und Prinzipat...* S. 82; Girardet K.M. *Der Rechtsstatus Oktavians...*; Lewis N.G. *Rechtsfrage II...* P. 1991; Drogula F.K. *Commanders and Command...* P. 349. См. уже: Kromayer J. *Die rechtliche Begründung...* S. 7.

³⁵⁰ Girardet K.M. *Der Rechtsstatus Oktavians...* S. 342.

³⁵¹ Имеется в виду захват завещания Антония – действие, которое К.М. Жирарде называет незаконным (Girardet K.M. *Der Rechtsstatus Oktavians...* S. 343; также см., напр.: Börm H., Havener W. *Octavians Rechtsstellung...* S. 213–214; неубедительную попытку оценить действия Октавиана как легитимные со ссылкой на *Staatsnotstand* см.: Lübtow U. von. *Das römische Volk...* S. 360). Легитимация всех действий Октавиана в этом году как законных действий проконсула делает непонятными его последующие попытки, предпринятые после 23 г., найти иное, долговременное решение (а не разовое, как в 32 г.) проблемы неприменимости проконсульской власти в сфере *domi* (см. об этом: Bleicken J. *Zwischen Republik und Prinzipat...* S. 26).

представляли сенату свои отчеты и просили о предоставлении триумфа³⁵². Компетенция промагистрата была строго ограничена его *provincia(e)*. В качестве проконсула сам Октавиан не мог председательствовать в сенате или эффективно препятствовать его работе во время заседания. Этого не позволила бы и его трибунская *sacrosanctitas*³⁵³. Таким образом, независимо от того, был ли сенат формально созван плебейским трибуном в его интересах или нет, Октавиан все равно не мог избежать нарушения как неформальных, так и формальных политических правил, касавшихся участия проконсула в сенатском заседании, даже если сохранял империй на законных основаниях. Нет никаких указаний на нелегальность его империя, однако неподобающий характер его действий в сенате в изложении Диона вполне очевиден³⁵⁴.

Помимо этой общей проблемы, К.М. Жирарде приходится иметь дело и с более частными трудностями, которые вытекают из пассажа Диона. Одна из них – упоминание о свите Октавиана, имевшей при себе спрятанное оружие. По мнению К.М. Жирарде, проконсулы всегда были окружены охраной³⁵⁵. Однако из этого едва ли следует, что они имели право вводить ее в сенат. Аппиан сообщает, что триумвиры были официально уполномочены иметь вооруженную охрану³⁵⁶, но, разумеется, не после истечения срока их должности. Кроме того, в действительности нет прямых свидетельств того, что даже действующие триумвиры имели право вводить собственную

³⁵² Источники: Bonnefond-Coudry M. *Le Sénat...* P. 144–147.

³⁵³ В этот момент он еще не обладал *tribunicia potestas* (см., в частности, Andersen H.A. *Cassius Dio und die Begründung des Principates*. Diss. Berlin: Triltsch & Huther, 1938. S. 27–29; Bleicken J. *Zwischen Republik und Prinzipat...* S. 74–79). Ф. Инар (Hinard F. *Genèse et légitimation...*) утверждал обратное, однако его аргументы неубедительны. Применительно к нашему эпизоду демарш Сосия и первоначальная сдержанность Октавиана были бы малопонятны, если бы Октавиан в 32 г. обладал всей полнотой трибунской власти, прежде всего, *ius agendi cum senatu*. Это еще один аргумент, не отмеченный мной выше, «против» концепции бесконечного продления триумвирата.

³⁵⁴ Ср.: Lewis N.G. *Rechtsfrage II...* P. 59–60; Drogula F.K. *Commanders and Command...* P. 349.

³⁵⁵ Girardet K.M. *Der Rechtsstatus Oktavians...* S. 342 (включая Anm. 112).

³⁵⁶ App. *BC*. 5.21; Girardet K.M. *Der Rechtsstatus Oktavians...* S. 342, Anm. 112; Bleicken J. *Zwischen Republik und Prinzipat...* S. 42.

вооруженную свиту именно внутрь сената³⁵⁷, даже если на практике они это делали³⁵⁸.

Дион повествует о том, что друзья Октавиана тайно принесли оружие. Возникает вопрос о том, зачем им было это делать, если все происходило на законных основаниях. Ф. Фадингер утверждал, что вооруженная охрана Октавиана была логичной и понятной мерой после нападок Сосия³⁵⁹. Он ссылаясь на случаи, когда магистраты обеспечивали охрану сената. Однако исследователь упустил из виду, что Октавиан не запрашивал санкции сената и что его охрана защищала его от сенаторов внутри курии, а не сам сенат – от внешней угрозы³⁶⁰. Даже после создания системы принципата императоры при обычных обстоятельствах, по-видимому, не пользовались вооруженной охраной внутри курии³⁶¹. Как пишет Д. Кинаст в ответ на замечания Ф. Фадингера, использование вооруженной охраны в сенате едва ли можно считать чем-то оправданным³⁶².

³⁵⁷ Ср.: Vervaeke F.J. *The Secret History...* P. 89.

³⁵⁸ Ср., напр., App. *BC*. 4.7 по поводу одного подобного случая, когда триумвиры наполнили народные собрания солдатами.

³⁵⁹ Fadinger V. *Die Begründung des Prinzipats...* S. 215–216. Сходным образом уже в работе: Kolbe W. *Der zweite Triumvirat...* S. 284–285.

³⁶⁰ 43 г.: Cass. Dio 45.19; 45.22.5; 46.26.7; 63 г.: Sall. *Cat.* 50.3; App. *BC*. 2.5; Cass. Dio 37.35.3–4. Кроме того, можно сослаться на события 52 г., когда сенат собрался за пределами городской черты, возле театра Помпея, под охраной, предоставленной проконсулом Помпеем (Cass. Dio 40.50.2; также ср. Asc. 52C). Даже сообщения о том, как Сулла созывал сенат с целью запугивания, подразумевают окружение курии охраной, размещенной снаружи, а не ввод вооруженных отрядов внутрь сената (Val Max. 3.8.5: *occupata urbe senatum armatus coegerat ... agmina militum, quibus curiam circumsestisti*).

³⁶¹ Так, Светоний упоминает, что Август в одном случае был окружен в сенате самыми преданными друзьями, но не официальной стражей из числа солдат (Suet. *Aug.* 35.1). Тацит сообщает, что в 14 г. солдаты сопровождали императора Тиберия в сенат (Tac. *Ann.* 1.7.7: *miles in curiam comitabatur*), однако Р. Талберт (Talbert R.J.A. *The Senate of Imperial Rome*. Princeton: Princeton University Press, 1984. P. 159, n. 46) полагал, что это замечание «возможно, не следует понимать буквально». В любом случае, эта охрана, по-видимому, не размещалась внутри курии. В 33 г. Тиберий испросил у сената разрешение привести с собой в сенат нескольких военных трибунов и центурионов (Tac. *Ann.* 6.15.5–6; Cass. Dio 58.18.5; ср. Suet. *Tib.* 65.1). Даже при Нероне в 66 г. (Tac. *Ann.* 16.27.1) солдаты занимали пространство вокруг здания сената, а не находились внутри него (также ср. Tac. *Agr.* 45: *obsessam curiam et clausum armis senatum*).

³⁶² Kienast D. *Augustus: Prinzeps und Monarch*. 4. Aufl. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 2009. S. 65; Kienast D. Volker Fadinger: *Die Begründung des Prinzipats. Quellenkritische und staatsrechtliche Untersuchungen zu Cassius Dio und der Parallelüberlieferung // Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte. Romanistische*

Далее, К.М. Жирарде объясняет бегство консулов и многих сенаторов из Рима не действиями Октавиана в сенате, а тем обстоятельством, что, в отличие от консулов, он располагал армией, которая стояла недалеко от Рима в ожидании триумфа. В сенате Октавиан, по его мнению, лишь дал понять в своей речи против Сосия и Антония, что он готов применить эту армию против своих врагов³⁶³. Такая интерпретация сводится к выводу, что консулы испугались именно речи Октавиана (в которой он ясно дал понять, что готов использовать армию), тогда как его вооруженная охрана представляла собой обычную свиту проконсула, которая каким-то образом никого в сенате не смутила.

Нахождение Октавиана между двумя консулами во время заседания, как и пассаж Диона в целом, может интерпретироваться по-разному с точки зрения определения формального статуса Октавиана в начале 32 г. Эту деталь можно истолковать либо как признак государственного переворота³⁶⁴, либо как доказательство того, что Октавиан формально продолжал оставаться триумвиром и просто занял принадлежавшее ему по праву место³⁶⁵.

Abteilung. 1971. Bd. 88. S. 400 (также ср.: Wallmann P. *Triumviri rei publicae constituendae*... P. 300). Октавиан, по-видимому, уже имел опыт подобного рода. Так, Дион описывает использование им охраны из солдат (по-видимому) в сенате в 43 г. (Cass. Dio 46.47.1). Но в тот момент Октавиан уже был консулом, и официально ему было поручено обеспечить защиту города. С другой стороны, когда Октавиан еще не был магистратом, он, как сообщается, жаловался, что его люди были вынуждены сложить оружие при входе в сенат (Cass. Dio 46.43.5). Антоний, в свою очередь, подвергался критике за использование в 47 г. телохранителей из солдат (Cass. Dio 42.27.2; ср. Cic. *Phil.* 2.112), но включало ли это их размещение внутри здания сената?

³⁶³ Girardet K.M. *Der Rechtsstatus Oktavians*... S. 340, 342–343.

³⁶⁴ Ср., напр.: Kromayer J. *Die rechtliche Begründung*... S. 7 (включая Anm. 5), 14; De Martino F. *Storia della costituzione romana*. T. IV. P. 1... P. 86.

³⁶⁵ См., напр.: Kolbe W. *Der zweite Triumvirat*... S. 285; Wilcken U. *Der angebliche Staatsstreich*... S. 79; Vervaeke F.J. *The Secret History*... P. 89. Нет никаких свидетельств того, что действующие триумвиры формально получили привилегию занимать место между консулами в сенате (ср. получение ими иной дополнительной привилегии – сидеть на курульных креслах во время публичных игр: Cass. Dio 48.31.3; Kromayer J. *Die rechtliche Begründung*... S. 12, Anm. 5). Более того, триумвиры едва ли согласились бы именно на эту почесть, поскольку она слишком тесно ассоциировалась с диктатором Цезарем. В начале 43 г. было предложено предоставить Октавиану *ius sententiae loco quaestoris dicere* (Cic. *Phil.* 5.46), что, разумеется, не объясняет ситуацию 32 г. Право Октавиана сидеть вместе с плебейскими трибунами (Cass. Dio 49.15.6) также не имеет отношения к нашему вопросу (сидение между двумя консулами – совершенно иное), хотя любопытно отметить, что, по

Исходя из предположения о том, что Октавиан к рассматриваемому моменту стал промагистратом, К.М. Жирарде пытается показать, что он сидел именно там, где ему и полагалось находиться как проконсулу. В подтверждение этого К.М. Жирарде ссылается на право проконсулов занимать *sella curulis*³⁶⁶. Однако очевидно, что это не доказывает ни того, что проконсулы имели право занимать такое место в сенате, ни того, что они могли делать это в присутствии консулов, ни тем более того, что они могли располагать свое кресло между креслами действующих консулов.

Заняв описываемую позицию, Октавиан демонстрировал не сопоставимость своей власти консульской, а именно превосходство над ней³⁶⁷. Предположим, что Дион не мог точно знать, какое именно место предпочел Октавиан на указанном собрании, и просто ввел эту деталь для того, чтобы подчеркнуть сходство положения главного действующего лица с таковым у некоторых других фигур³⁶⁸. В 43 книге Дион описывает беспрецедентные почести, оказанные Цезарю: право иметь необычно большое число ликторов во время триумфа, пользоваться полномочиями цензоров, назначать магистратов и иные привилегии. Именно в этом контексте упоминается и право сидеть в сенате между действующими консулами, а также привилегия высказывать мнение первым³⁶⁹. В 54 книге Дион сообщает, что (лишь) в 19 г. сам Август получил цензорские полномочия сроком на пять лет, пожизненную консульскую власть (так это формулирует Дион) и право сидеть на курульном кресле между действующими консулами³⁷⁰. В 59 книге речь идет о Калигуле,

мнению Й. Бляйкена (Bleicken J. *Zwischen Republik und Prinzipat*... S. 77), эта привилегия была дарована Октавиану как *privatus*, а не как триумвиру. Следовательно, в 32 г. он сохранял ее вместе с трибунской *sacrosanctitas*, уже будучи промагистратом.

³⁶⁶ Girardet K.M. *Der Rechtsstatus Oktavians*... S. 342, Anm. 116.

³⁶⁷ Ср.: Girardet K.M. *Der Rechtsstatus Oktavians*... S. 342. Также ср.: Bleicken J. *Zwischen Republik und Prinzipat*... S. 106. Однако это никоим образом не доказывает, что Октавиан формально сохранял полномочия триумвира (pace, напр., Roddaz J.-M. *Imperium*... P. 200).

³⁶⁸ Однако Й. Бляйкен полагал, что эта деталь едва ли могла быть выдумана (Bleicken J. *Zwischen Republik und Prinzipat*... S. 66).

³⁶⁹ Cass. Dio 43.14.3–6.

³⁷⁰ Cass. Dio 54.10.5.

восседающем на курульном кресле между консулами на рострах³⁷¹. Наконец, в 60 книге Дион повествует о допросе обвиняемых в заговоре против Клавдия в сенате. Сам Клавдий, сидя между консулами на скамье, зачитывал обвинения, а затем перешел на свое обычное место. Такой порядок имел место и в другие особо важные моменты³⁷². Светоний подтверждает сообщение Диона о Клавдии: император занимал место между консулами лишь тогда, когда в сенате обсуждались вопросы исключительной важности³⁷³. Наконец, Светоний повествует о том, что Тиберий по возвращении из Паннонии в 9/10 г. сидел вместе с Августом между консулами³⁷⁴. Однако и здесь обстоятельства были исключительными: речь шла о квазитриумфальных почестях, оказанных Тиберию. П. Брант даже связывал эту привилегию Тиберия с приобретением им права (которым обладал и сам Август) сохранять империй при вступлении в город, несмотря на статус промагистрата³⁷⁵.

Коротко говоря, для Диона (и не только для него) тот, кто восседает между действующими консулами, никоим образом не является «обычным» проконсулом³⁷⁶. Эта привилегия выражает контроль над сенатом и носит столь значимый характер, что ею не всегда пользовались даже императоры. Уже само физическое положение «между» указывает на центральную роль и уникальность статуса³⁷⁷. Более того, занять место между двумя действующими

³⁷¹ Cass. Dio 59.12.2.

³⁷² Cass. Dio 60.16.3.

³⁷³ Suet. *Claud.* 23.2. Ср.: Mommsen Th. *Römisches Staatsrecht*. Bd. I. S. 403, Anm. 2; Andersen H.A. Cassius Dio... S. 40–41; Levick B.M. Antiquarian or Revolutionary? Claudius Caesar's Conception of His Principate // *American Journal of Philology*. 1978. Vol. 99. P. 89–90; Suetonius. *Divus Claudius* / Ed. D.W. Hurley. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. P. 163–164.

³⁷⁴ Suet. *Tib.* 17.2: *medius inter duos consules cum Augusto simul sedit*.

³⁷⁵ Brunt P.A. C. *Fabricius Tuscus*... P. 172–173.

³⁷⁶ Ср.: Mommsen Th. *Römisches Staatsrecht*. Bd. I. S. 402–403; Taylor L.R., Scott R.T. Seating Space in the Roman Senate and the *senatores pedarii* // *Transactions and Proceedings of the American Philological Association*. 1969. Vol. 100. P. 533 (включая п. 13); Talbert R.J.A. *The Senate of Imperial Rome*... P. 122; Griffin M. *Urbs Roma, plebs and princeps* // *Images of Empire* / Ed. A. Loveday. Sheffield: Academic Press, 1991. P. 30 (включая п. 1); Blochmann S. *Verhandeln und entscheiden: Politische Kultur im Senat der frühen Kaiserzeit*. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2017. S. 66–68.

³⁷⁷ В более общем плане, положение в центре группы (равных) воспринималось в римской культуре как особо почетное (Plut. *Cic.* 2; также ср. Tac. *Hist.* 2.59.3).

консулами Октавиан мог именно потому, что сам он консулом не был³⁷⁸. Его статус проконсула и отсутствие консульских полномочий *domi* парадоксальным образом позволяли ему занять позицию, обозначавшую власть, превосходившую даже власть консулов, которые формально обладали полномочиями в городской сфере.

В конечном счете К.М. Жирарде фактически ставит под сомнение собственную аргументацию, когда называет получение Августом в 19 г. права сидеть между действующими консулами «новой привилегией»³⁷⁹. Если в тот момент она действительно была новой, то проконсул Октавиан не мог быть формально уполномочен занимать это место уже в 32 г. Более того, данная привилегия была предоставлена Августу именно в 19/18 г. как компенсация за отсутствие у него консульской должности и связанных с ней полномочий внутри города и в сфере *domi*.

Последней важной деталью является полный контроль Октавиана над ходом заседания сената. Показательно, что современные исследователи нередко ссылаются на данный эпизод как на доказательство приоритета действующих триумвиров при осуществлении функций председателей на заседаниях сената. Насколько допустимо использовать рассматриваемый пассаж для выводов о полномочиях действующих триумвиров – вопрос открытый. Однако в описании Кассия Диона действия Октавиана в сенате в 32 г., несмотря на его статус простого проконсула, действительно создают впечатление, что именно он фактически председательствовал на заседании.

³⁷⁸ Ср.: Talbert R.J.A. *The Senate of Imperial Rome...* P. 122 («On their tribunal the consuls sat on seats (*sellae curules*) with a third chair for the emperor (whenever he was not consul) in between them»).

³⁷⁹ Girardet K.M. *Der Rechtsstatus Oktavians...* S. 342, Anm. 116. Также см.: Girardet K.M. *Die Entmachtung des Konsulates...* S. 119–121. К.М. Жирарде, по-видимому, мог иметь в виду, что эта привилегия была «новой» потому, что теперь ею можно было пользоваться также *intra pomerium*, в отличие от более ранней ситуации, когда Октавиан мог делать это лишь *extra pomerium* как проконсул. Однако такое право проконсулов *extra pomerium* не засвидетельствовано в античных источниках, и трудно представить, чтобы в нормальной ситуации проконсулы могли занимать место между консулами в сенате, когда последний заседал за пределами городской черты. На мой взгляд, любой вариант выглядит именно как нововведение.

Даже если предположить, что сенат был официально созван плебейским трибуном, лишь Октавиану Дионом приписывается какая-либо речь (или, по крайней мере, нечто достойное подробного упоминания). Трибуны полностью исчезают из повествования во фрагменте Cass. Dio 50.2.5, хотя всего несколькими строками ранее, в пассаже Cass. Dio 50.2.3, трибун Ноний Бальб изображен в качестве актора, совершающего важный шаг. Для Диона, однако, по всей видимости, не имеет значения, кто формально созвал заседание (в пассаже 50.2.5), поскольку именно Октавиан в итоге берет на себя руководство ходом обсуждения. (В этом отношении описание Диона повторяет паттерн, описанный в предыдущей главе данного исследования, когда промагистрат был реальным инициатором заседания сената, но пользовался помощью магистратов или плебейских трибунов.) Более того, противоположная сторона изображена неспособной даже ответить, не говоря уже о функциях председателей; консулы, по всей видимости, могли бы их осуществлять, если бы не занятие сената вооруженными людьми Октавиана.

Дион также дает понять, что именно Октавиан пригласил сенаторов на следующее заседание и объявил его повестку. Будучи всего лишь проконсулом, Октавиан, если он хотел действовать в рамках правил, должен был быть крайне осторожен и не выносить на обсуждение сената ничего, что не относилось бы к его *provincia*. У него (по крайней мере, на тот момент) еще не было провинции «война против Клеопатры», равно как и вообще каких-либо провинций на Востоке. А поскольку он более не был триумвиром, он не имел полномочий ставить перед сенаторами вопросы, касавшиеся отношений между экс-триумвирами. Таким образом, даже если мы предположим, что объявление Октавиана о намерении представить сенату некие документы не являлось прямым нарушением формальных норм, оно все же противоречило традиционным ожиданиям относительно того, что именно и каким образом проконсул вправе обсуждать перед сенаторами.

К.М. Жирарде делает попытку разрешить это затруднение, сведя противопоставление *domi/militiae* к различию *intra pomerium/extra pomerium*.

В результате Октавиан оказывается в трактовке исследователя должностным лицом, действовавшим на территории, где он формально обладает властью. Однако при таком подходе полностью теряются фундаментальные различия между *magistratus* и теми, кто действует *pro magistratu*. Как раз в исключительной ситуации 32 г. эти различия вновь приобретают ключевое значение, даже если в большинстве иных случаев выглядят формальными, преувеличенными или устаревшими и потому едва ли заслуживающими внимания. Описание Дионом начала 32 г. дает еще один пример того, как римское восприятие промагистратов как немагистратов и *privati* (несмотря на наделение их публичной властью) могло служить мерилom для оценки и критики поведения любого промагистрата. В таком случае, внезапная активность Сосия, направленная против Октавиана, представляет собой не только попытку утвердить представление о консулах как о ведущих акторах в государстве, но и попытку восстановить (или использовать) традиционные ограничения, налагавшиеся на промагистратов. Принципиально важно, что решение Октавианом этой проблемы в начале 32 г. заключалось не в упразднении консульской должности, не в собственном избрании консулом и не в фундаментальном пересмотре природы промагистратской власти. В чем же тогда состояло это решение?

Й. Бляйкен полагал, что Октавиан, уже не триумвир, но промагистрат, просто воспользовался своими прежними полномочиями триумвира в сфере *domi*, не претендуя на них формально³⁸⁰. Он был вынужден действовать таким образом, если не хотел утратить «инициативу в Риме» (*die Initiative in Rom*)³⁸¹. Хотя мне представляется, что ситуативная узурпация власти без формального притязания на нее все же остается узурпацией, само использование Й. Бляйкеном понятия «инициатива» заслуживает внимания³⁸². Этот термин он применяет и к более поздней ситуации, подчеркивая, что лишь начиная с 31 г.

³⁸⁰ Bleicken J. Zwischen Republik und Prinzipat... S. 66, 82.

³⁸¹ Bleicken J. Zwischen Republik und Prinzipat... S. 39.

³⁸² Также ср.: Syme R. The Roman Revolution... P. 278 («Returning to Rome, on his own initiative he summoned the Senate»).

Октавиан смог использовать консулат как фундамент своей политической инициативы и своих решений в сфере *domi*³⁸³.

Ситуация становится еще более показательной, если задаться вопросом о том, что именно пассаж Диона сообщает нам о способности политических акторов выдвигать новые решения независимо от собственного конституционного положения в данный момент. Вооруженная охрана, занятие места между консулами и контроль над повесткой дня, – все это относится скорее к эффективному *ad hoc* захвату политической инициативы, чем к заявлению каких-либо формальных притязаний. Когда Дион сообщает о том, что диктатор Цезарь получил привилегию сидеть между действующими консулами, он тесно связывает ее с правом высказываться первым. Иначе говоря, само по себе нахождение между консулами, не сопровождаемое признанной привилегией произносить речь первым, указывает на ситуативную узурпацию роли председательствующего магистрата, который, помимо всего прочего, одновременно является тем, кто выступает первым. При этом данный шаг никоим образом не мог реанимировать полномочия триумвира или по-новому конституировать власть проконсула за рамками данного конкретного заседания.

Уже в самом начале рассматриваемого пассажа Дион сообщает, что консул Домиций «открыто не предпринял ничего нового» (*οὐδὲν φανερόν ... ἐνεόχμωσεν*). Позднее, когда Октавиан появился в сенате со своей охраной, оба консула замолчали и не осмелились даже ответить, не говоря уже о том, чтобы самим что-либо предложить на рассмотрение сената. Античные авторы настойчиво подчеркивают отказ магистратов от инициативы как признак фактического отказа от магистратской власти как таковой, как это имело место, например, в случае претора Цезаря в 62 г. Как я показал в §4 гл. 2, магистратура Цезаря не была аброгирована, равно как и его отдельные магистратские прерогативы формально не были ограничены. Тем не менее и Светоний, и Кассий Дион сообщают, что, видя угрозу, Цезарь решил не предпринимать

³⁸³ Bleicken J. Zwischen Republik und Prinzipat... S. 72, также см. S. 79.

никаких инициатив (Suet. *Iul.* 16: *quieturus*; Cass. Dio 37.44.1: οὐδὲν ... ἐνεωτέρισεν). На практике это означало, что он распустил ликторов, снял с себя знаки магистратского положения, прекратил фактическое исполнение преторских обязанностей и укрылся в своем доме как частное лицо. Но когда толпа предложила ему поддержку, он откликнулся уже на ее инициативу и инструментализировал ее³⁸⁴. В римской политической культуре пассивность плохо соотносилась с ожидаемым поведением *magistratus*, настолько, что, формально оставаясь магистратом, можно было быть уподобленным *privatus*, как это произошло, в частности, с Бибулом «в консульство Юлия и Цезаря» (см. §5.3 гл. 2) или с консулом Цинной, вынужденным покинуть Рим в 87 г. (§3 гл. 2).

В отличие от Домиция, Сосий, как кажется на первый взгляд, проявил инициативу, тогда как Октавиан на определенном этапе как будто ее утратил. Так, К. Брингманн отмечал, что Октавиан выжидал действия противников³⁸⁵. Само ожидание изменения ситуации, действительно, не выглядит как проявление инициативы. Однако, хотя в изображении Диона Октавиан как раз и стремился не выглядеть тем, кто первым что-либо предпринял (в данном случае – инициировал пагубную войну), реальная ситуация была менее однозначной. Дион сообщает, что Цезарь заранее предугадал действия Сосия³⁸⁶, т.е. его попытку созвать сенат с целью провести постановление, подрывавшее положение Октавиана. Последний не просто ждал, но активно готовился к следующему ходу противника. Ожидание первого шага оппонента вполне может быть продуманной стратегией, открывавшей возможности для таких собственных инициатив, которые без хода противника оставались недоступными.

³⁸⁴ О провокации инициативы элиты инициативой со стороны народа см.: Yakobson A. *Public Opinion...*

³⁸⁵ Bringmann K. *Augustus*. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 2012. S. 95.

³⁸⁶ Ср.: Kearsley R.A. *Octavian in the Year 32 BC: The «S.C. de Aphrodisiensibus» and the «Genera Militiae»* // *Rheinisches Museum für Philologie*. 1999. Bd. 142. P. 55 («Octavian must have prepared his plan of action well in advance. The veto of Nonius Balbus in opposition to a motion directed against Octavian by Sosius was no doubt at Octavian's own behest»).

На этом фоне действия Сосия могут быть оценены как вовсе лишенные признаков подлинной политической инициативы, если понимать последнюю не как элемент политической рутины, а – в духе рассуждений Х. Арендт – как нечто неожиданное, механически целиком рассчитываемое на основе предшествующей ситуации³⁸⁷. Хотя формально Сосий действительно выступил с инициативой в сенате, его шаг можно рассматривать как легко предсказуемую попытку вновь действовать так, как консулы действовали несколькими годами ранее, как неловкое церемониальное возвращение к традиционной роли консула в качестве руководителя государства, словно ничего не изменилось за время господства триумвиров.

Возникает вопрос о факторах, которые позволили Октавиану переиграть Сосия, во всяком случае, в рассказе Диона. Судя по всему, Сосий намеревался вынудить Октавиана сделать выбор между, с одной стороны, отказом от империя, спровоцировав его на вступление в город, и, с другой, полным оставлением Рима как поля политической борьбы. Первое сенатское заседание года должно было состояться на Капитолии³⁸⁸, а значит, оно неизбежно проходило *in urbe*. Уже тот факт, что Октавиан не смог сразу отреагировать на атаку Сосия, не говоря уже о том, чтобы предотвратить ее, указывает на то, что она была предпринята именно на заседании сената 1 января с тем расчетом,

³⁸⁷ Arendt H. *The Human Condition*... P. 178, 189–190; Arendt H. *What is Freedom*... P. 168–170.

³⁸⁸ Bonnefond-Coudry M. *Le Sénat*... P. 69–70, 150; Pina Polo F. *The Consul at Rome*... P. 18. Против предположения о том, что нападение Сосия произошло 1 февраля, а не 1 января, см. особенно: Fadinger V. *Die Begründung des Prinzipats*... S. 195–197, Anm. 1 (об общей хронологии ср.: Kromayer J. *Kleine Forschungen zur Geschichte des Zweiten Triumvirats*, 45–46). К.Й. Ланге (Lange C.H. *Res publica constituta*... P. 61, n. 42) справедливо напоминает, что 1 января не противоречит сообщению о переговорах между консулами и Октавианом, поскольку они могли иметь место уже после выступления Сосия; при этом нет свидетельств, что Сосий (избранный вторым) должен был ждать *turnus* фасок 1 февраля, чтобы получить возможность выступить в сенате. Вслед за Ф. Дрогулой я полагаю, что нет убедительных оснований считать, будто консульский империй оставался «неактивным» в тот период, когда консул не имел фасок. Ф. Дрогула справедливо замечает, что такая ситуация вела бы к «серьезному дисбалансу, который подрывал бы и делал бы бесполезной коллегиальность – отличительную черту римских магистратур» (Drogula F.K. *Imperium, potestas*... P. 434, n. 104). Также см.: Osgood J. *Caesar's Legacy: Civil War and the Emergence of the Roman Empire*. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. P. 352, n. 8.

чтобы не позволить Октавиану присутствовать без потери империя. Именно в этом ключе можно истолковать в ином случае совершенно избыточный акцент Диона о том, что демарш консула произошел именно и сразу в первый день месяца. Кроме того, Сосий, вероятно, был готов и к противодействию со стороны плебейских трибунов. Ситуация Октавиана в 32 г. напоминает поэтому положение Цезаря в 49 г.³⁸⁹, когда были найдены средства преодолеть вето трибунов, действовавших в интересах проконсула.

Однако вместо того чтобы сделать навязанный ему выбор, Октавиан открыл новую возможность. Он не стал подрывать фундамент единственной власти, которой законно обладал, т.е. рисковать империей и провинциями³⁹⁰, но и не отступил полностью: он пошел на незаконное *ad hoc* применение тех полномочий, которыми уже не обладал, не заявляя при этом формально претензий на их продолжение или восстановление.

Возникает вопрос о причинах того, что консулы допустили созыв сената вне города, хотя это отвечало интересам Октавиана³⁹¹. Если заседание действительно было созвано плебейским трибуном, то из повествования Диона может следовать, что Октавиан застал консулов врасплох своим появлением. Это стало возможным лишь благодаря его перемещениям далеко от предместий Рима и обратно³⁹², что и объясняет игнорирование Дионом других политических акторов в данном эпизоде.

На первый взгляд, проблемой для такой буквальной интерпретации рассказа Диона как в целом точного описания событий является необходимость предполагать, что источники Диона действительно могли знать о том, что Октавиан сначала покинул окрестности города, а затем столь

³⁸⁹ Lewis N.G. *Rechtsfrage II...* P. 60.

³⁹⁰ В стремлении, как обычно, по возможности избежать прямого нарушения республиканских норм. Ср., например, Badian E. M. *Lepidus and the Second Triumvirate...* P. 14–15: «For Octavian, when he saw no reason for recourse to treachery or violence, was punctilious in legal correctness» (по поводу отстранения Лепида).

³⁹¹ Dalla Rosa A. *Cura et tutela...* P. 111–112, n. 1.

³⁹² Это объяснение маневров Октавиана не противоречит предположению о том, что он мог некоторое время колебаться и что такая неуверенность сама по себе показывает: то, что он сделал затем, едва ли было легитимным и беспроблемным.

неожиданно появился на заседании сената, что консулам уже не удалось отменить собрание. Однако допущение об элементе неожиданности – само по себе не слишком убедительное – строго говоря, не является необходимым (хотя и остается возможным). Если принять, что плебейский трибун действительно созвал сенат вне городской черты, то консулы не могли воспрепятствовать заседанию даже в том случае, если знали, что туда прибудет и Октавиан. Надежного способа остановить собрание сенаторов у них не было, если только они сами не явились бы туда лично. Кроме того, они не обязательно могли знать, что Октавиан прибегнет к вооруженной охране для контроля над заседанием: это также может объяснить их готовность участвовать в собрании. Наконец, даже если они ожидали появления проконсула и даже если каким-то образом знали о его намерении использовать вооруженных людей, у них все равно не оставалось иной возможности, кроме как явиться туда же, сделав хотя бы попытку открыто спровоцировать Октавиана на нарушение установленных норм и тем самым подорвать его собственную легитимность.

При отсутствии иных свидетельств о рассматриваемом заседании существует по меньшей мере одна деталь в пассаже Диона, которая может поддержать вывод о том, что его описание является чем-то большим, чем только литературной реконструкцией событий. Обратим внимание на то, что Дион – несколько неожиданно – поясняет, что Октавиан выдумал некий предлог, чтобы покинуть город до начала 32 г. Зачем Октавиану было это делать, если, как аргументировано выше, он вскоре должен был стать проконсулом? Не было необходимости кому-либо объяснять, что в этом статусе он должен был оказаться *ad urbem*, чтобы иметь возможность и далее ожидать триумф. Более того, не только современные исследователи осознают это конституционное ограничение; его вполне осознавал и сам Дион. Д. Эммелиус подчеркивает, что как раз Дион последовательно связывает ограничение власти промагистратов с понятием *romerium* – связь, которая у других авторов выражена значительно слабее³⁹³.

³⁹³ Ср.: Emmelius D. Grenzen schreiben... S. 296–269, особенно S. 297.

К.М. Жирарде убедительно предположил, что в рассматриваемом пассаже выражение Диона ὅλως ἐν τῇ πόλει («целиком в городе») обозначает город в широком смысле, тогда как ἐκδημεῖν указывает на пребывание в отъезде. Если так, то Октавиан не просто не оставался *ad urbem*, но покинул и ближайшие окрестности города, что действительно могло потребовать формального объяснения, так как такое действие было уже избыточным с точки зрения сохранения власти промагистрата. Следовательно, эта (на первый взгляд) лишняя деталь в рассказе Диона не только не противоречит предположению о том, что Октавиан был промагистратом, но и может пролить свет на то, каким образом Октавиан в реальности (а не только в репрезентации греческого автора) смог ввести Сосия в заблуждение в 32 г. Справедливо поэтому замечает В.Н. Парфенов, что «контрудар» Октавиана в сенате был результатом именно планирования и сознательного расчета³⁹⁴. По крайней мере, такое понимание согласуется с тем, что, как мы видим, Дион в данном случае тщательно воспроизводит реальную политическую практику, так как в его повествовании явно учитываются особенности и публично-правовые ограничения участия промагистратов в политической жизни Рима.

Те немногие возможности, которые оставались в распоряжении консулов, оказались неэффективными. Молчание в сенате и последующее бегство из Рима означали, что никакие формальные меры против незаконных действий Октавиана в курии предприняты быть не могли, тогда как – и это принципиально важно – даже Антоний не мог поставить под сомнение законность империя Октавиана³⁹⁵. Сам по себе империй не мог быть подорван поведением проконсула в сенате до тех пор, пока само его заседание происходило за пределами городских стен.

Можно посчитать, что мы стараемся извлечь из сообщения Кассия Диона слишком много деталей, даже если, вслед за Й. Бляйкеном, согласиться с тем,

³⁹⁴ Парфенов В.Н. Рим от Цезаря до Августа. Очерки социально-политической истории. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1987. С. 123.

³⁹⁵ Ср.: Lewis N.G. Rechtsfrage II... P. 59.

что занятие Октавианом места между консулами едва ли могло быть выдумкой, и даже если допустить, что в сенате должно было произойти что-то, что вскоре вынудило консулов покинуть Рим³⁹⁶. Возможно ли каким-либо образом, пусть даже косвенно, подтвердить (или опровергнуть) рассказ Диона?

Помимо вопроса о том, могли ли источники Диона располагать столь детальной информацией о сенатских заседаниях и, особенно, о маневрах Октавиана в начале 32 г., не вполне очевидно и то, осознавал ли сам Дион тот процесс, который описан выше. Несомненно, он изображает Октавиана узурпирующим положение консулов в сенате, но мог ли греческий сенатор, писавший на рубеже III в. н.э., воспринимать эту узурпацию именно как действие промагистрата, *privatus*, наделенного империем, но не правом председательствовать в сенате³⁹⁷? Ситуацию осложняет еще одно обстоятельство: даже если допустить, что Дион действительно мыслил Октавиана как проконсула, незаконно захватившего контроль над сенатом, остается вопрос о том, является ли такое понимание характерным только для этого автора. Если да, то его изложение трудно принять безоговорочно, а при отсутствии иных источников об этом заседании мы оказываемся в затруднительном положении.

Итак, ни один другой источник не сообщает о рассматриваемом собрании. Однако если анализировать данный пассаж как пример захвата промагистратом инициативы в сфере *domi*, то случаи, проанализированные в

³⁹⁶ Парфенов В.Н. Рим от Цезаря до Августа... С. 123; Bleicken J. Zwischen Republik und Prinzipat... S. 66.

³⁹⁷ Тем не менее, вполне разумно ожидать от Диона общего понимания подобных проблем. Так, в речи Кв. Лутация Катулла против предложения поручить *privatus* Помпею командование против пиратов Дион, по-видимому, демонстрирует осведомленность о неопределенностях и тревогах в связи с подобной инициативой (36.33.3: ἂν τὰς μὲν πατρίους ἀρχὰς καταλύητε καὶ τοῖς ἐκ τῶν νόμων χειροτονουμένοις μηδὲν ἐπιτρέπητε, ξένην δὲ τινα καὶ μηδέποτε γεγενημένην ἡγεμονίαν ἰδιώτῃ προστάξητε). Не вижу причин трактовать акцент Диона на статусе *ἰδιώτης* второстепенный или побочный (ср.: Blösel W. *Imperia extraordinaria*... S. 93–94, Anm. 244). В передаче Диона для Катулла именно наделение властью частного лица обесценивает древние магистратуры (см.: Burden-Strevens C. *Cassius Dio's Speeches and the Collapse of the Roman Republic: The Roman History, Books 3–56*. Leiden; Boston: Brill, 2020. P. 85–88: Дион осознает публично-правовые последствия статуса Помпея как *privatus*; есть свидетельства того, что обеспокоенность по этому поводу действительно высказывалась противниками Помпея в 67 или 66 гг.).

гл. 3, дают весьма близкие параллели событиям 32 г. Один из них особенно важен. Как показано в §5.3 гл. 3, Лукан рисует картину, согласно которой в начале 49 г. проконсул Цезарь созвал сенат на Палатине, то есть внутри городской черты (*in urbe*), где проконсулам нельзя было появляться без ущерба для империя и притязаний на триумф. Лукан также сообщает, что сенат был созван самим Цезарем: все магистраты отсутствовали. Без консула или претора в курульном кресле «не существовало права созывать сенат» (*nullo cogendi iure senatus*)³⁹⁸. Вернемся к Кассию Диону. Напомню, что он сообщает о тех же событиях две детали. Во-первых, сенат Цезаря собрался не на Палатине, а «вне померия» (*ἔξω τοῦ πωμηρίου*). Во-вторых, сенат созвал не сам Цезарь, а плебейские трибуны М. Антоний и Кв. Кассий Лонгин³⁹⁹. Тем самым становится ясно, что Лукан неверно передает именно те два момента, которые создают впечатление, будто проконсул Цезарь нарушил формальные ограничения, налагавшиеся только на промагистратов. При этом в изображении Лукана столь же отчетливо виден и фактический контроль Цезаря над сенатом: «Цезарь был всем» (*omnia Caesar erat*). Лукан прямо определяет ситуацию как господство *privatus*: «сенат собрался, чтобы стать свидетелем голоса *privatus*» (*privatae curia vocis testis adest*). Оба автора, таким образом, вносят свой вклад в единую картину: Дион фиксирует формальное соблюдение Цезарем правил, связанных с промагистратурой, тогда как Лукан подчеркивает, что фактически именно проконсул инициировал и контролировал заседание, что было неподобающим — независимо от соблюдения формальностей (поэтому в поэтическом дискурсе формальное соблюдение правил игнорируется и утверждается ровно обратное).

Таким образом, Лукан, писавший в середине I в. н.э., вполне осознавал и инструментализировал тот факт, что Цезарь в апреле 49 г. был вынужден взаимодействовать с сенатом, оставаясь проконсулом, *privatus*, не имевшим права созывать сенат и председательствовать в нем и не имевшим возможности

³⁹⁸ Luc. 3.103–109.

³⁹⁹ Cass. Dio 41.15.2.

появляться на Палатине. Позднее эту проблему описал и Дион, поскольку он специально объясняет попытки Цезаря, по крайней мере, внешне соблюдать самые базовые правила. Следовательно, контроль промагистрата над институтами в Риме вполне мог быть осознан и подвергнут критике как Кассием Дионом и его источниками, так и ранее – Луканом, а еще раньше – самим Цезарем, когда тот писал о Помпее (*urbanis praesideat rebus*; см. подробнее §2.1 гл. 3).

Рассказ Диона о ситуации в начале 32 г. отнюдь не является уникальным. Напротив, он вписывается в традицию, все еще различимую и для нас, в рамках которой замещение магистратов проконсулом в Риме, в сенате и на гражданских *contiones* воспринималось как проблема и как нарушение существующих базовых норм и конвенций. Инициатива в городе Риме принадлежала магистратам. Попытка проконсула захватить ее – даже если он формально соблюдал правила, предписывавшие созыв сената и народа плебейскими трибунами или магистратами, – вынуждала античных авторов говорить о *novi generis imperia*, об «изгнании» магистратов и сенаторов из Рима или об узурпации власти *privatus*. Это также побуждало их уподоблять такого *privatus* магистратам.

Дион не уточняет, в каком именно качестве Октавиан обращался к сенаторам в 32 г., и на этот раз не поясняет, было ли заседание созвано дружественным плебейским трибуном и проходило ли оно за пределами городской черты. Однако в других местах он уделяет внимание именно таким деталям и ясно демонстрирует, что вполне осознает ограничения, налагавшиеся на участие промагистратов в сенатских заседаниях⁴⁰⁰. По всей вероятности, резкое поведение Октавиана в сенате (на чем Дион столь настойчиво акцентирует внимание) побудило греческого автора вообще опустить конституционные подробности, в другом случае его нередко интересовавшие. Возможно, он счел их слишком очевидными или

⁴⁰⁰ Ср.: Hinard F. *Dion Cassius et les institutions de la république romaine...* P. 275.

относительно менее значимыми, чтобы дополнительно на них останавливаться.

Если принять, что Октавиан действительно был проконсулом в начале 32 г., то пассаж Диона становится гораздо более понятным, но только при том условии, когда он помещен в более широкий контекст того, что можно назвать вмешательством могущественных промагистратов в сферу *domi*, их активной инициативой во «внутренней» политике Рима. Это не просто интерпретационная модель позднейших авторов, но исторический феномен, который они подробно распознавали и описывали. Как передавал Цицерону Курион, проконсул Цезарь, испытав на себе нежелание сената сотрудничать с ним в апреле 49 г., сказал: «все будет исходить от меня» (*a me inquit omnia proficiscentur*)⁴⁰¹. По сути это и произошло, причем еще до того, как он вновь приобрел магистратское положение⁴⁰².

Описание Дионом сенатского заседания с участием Октавиана показывает, каким образом инициатива, а следовательно, и власть, могли быть отделены от магистратуры в определенный решающий момент, подрывая сами основания республиканской политической культуры, в рамках которой она должна была принадлежать избранным магистратам. Если статус и власть магистратов по определению были ограничены (прежде всего по времени) и сдерживались различными механизмами контроля, то неограниченная политическая инициатива могущественного *privatus* не зависела от доступа к должности, которая по своей природе была чаще всего годичной и прекращалась *ipso iure*.

Подводя итоги рассмотрения вопроса о триумвирах *rei publicae constituendae*, следует заключить, что по истечении магистратских полномочий к началу 32 г. они оказались формально на положении проконсулов. В то же время, экс-триумвиры регулярно вмешивались в политический процесс в

⁴⁰¹ Cic. Att. 10.4.9.

⁴⁰² Ср. Cass. Dio 41.43.5.

сфере *domi*, что отразилось не только в нарративной традиции, но и в эпиграфических текстах. После завершения триумвирата *ipso iure* действия Октавиана демонстрируют способность проконсула замещать консулов, в том числе, в их роли председателей сената. Античные авторы, описывая ключевое заседание сената в начале года, подчеркивают контроль Октавиана над неформальной инициативой при помощи деталей, которые традиционно связывались с обладанием магистратским положением (место и расположение председателя на собрании, приоритет в озвучивании мнения, контроль над предоставлением слова, анонсирование повестки следующего собрания и др.), а также дополнительных элементов (вооруженная охрана), которые в нарративах о ранней Империи будут тесно сопряжены с описаниями фигуры принцепса.

§4. Переходный статус и политическая инициатива принцепсов: перспективы исследования

Анализ переходных статусов между *privati* и *magistratus* в Римской республике было бы неполным без определения перспектив дальнейших исследований.

В историографии давно признается значение контроля Августа над политической инициативой. Этот момент он прямо подчеркивал в самом начале *Res gestae*: *exercitum privato consilio et privata impensa comparavi* (1.1)⁴⁰³. Данное исследование выявляет существенное сходство между Августом и его предшественниками. Можно предположить, что действия Августа были направлены на институционализацию уже существовавшего феномена с длительной историей: переходных статусов между *privatus* и *magistratus*. В эпоху Республики носители таких статусов фигурировали сравнительно редко.

⁴⁰³ См., напр.: Judge E.A. *The Failure of Augustus. Essays on the Interpretation of a Paradox*. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2019. P. 168.

Их появление зависело от специфического сочетания индивидуального неформального авторитета и наличия «свободного пространства для маневра», оставленного магистратами, неспособными взять на себя решение стоявших перед *civitas* задач. Август сделал эту редкую ситуацию регулярным элементом политической жизни, частью обычного порядка вещей.

Как отмечал В. Эдер, «тот факт, что Август исполнял свои функции, фактически не занимая никакой должности, допускал мысль или надежду, что в случае необходимости государство сможет обойтись без принцепса»⁴⁰⁴. Это сближает положение Августа с республиканскими переходными статусами между *privati* и *magistratus* еще и в том отношении, что позиция принцепса в определенном смысле тоже оставалась по своей сути переходной, временной и нестабильной, причем вовсе не только в сугубо теоретическом ключе.

«Промежуточный» или «переходный» характер политического положения Августа не остался без внимания исследователей. Однако в историографии подразумевается иногда иной тип промежуточного положения, чем рассмотренный мною на материале Республики. Так, Э. Уоллес-Хэдрилл трактует принцепса как фигуру, находившуюся между царем и гражданином⁴⁰⁵. Внимание исследователя сосредоточено на противопоставлении *civilitas* и *superbia*. Э. Уоллес-Хэдрилл изучает способы, которыми принцепс мог «символически обозначать свой “частный” статус», но не связывает их с «уклонением» императора от занятия магистратур⁴⁰⁶.

Комментируя эту работу, Б. Левик отмечает: «Ключевые слова для понимания содержатся в названии ... статьи А. Уоллеса-Хэдрилла о принципате: “Между гражданином и царем” ... Именно “между” – та область, в которой действовал Август. ... Это позволило ему ... стать подлинным новатором»⁴⁰⁷. С этим рассуждением можно солидаризироваться, однако

⁴⁰⁴ Eder W. Augustus and the Power of Tradition... P. 111.

⁴⁰⁵ Wallace-Hadrill A. *Civilis princeps*: Between Citizen and King // Journal of Roman Studies. 1982. Vol. 72. P. 32–48.

⁴⁰⁶ Wallace-Hadrill A. *Civilis princeps*... P. 39.

⁴⁰⁷ Levick B.M. Antiquarian or Revolutionary... P. 311.

проведенное исследование промежуточных статусов в эпоху Республики показывает, что Август не был первым, кто сознательно использовал амбивалентность своего публичного статуса. При этом позиционирование «между гражданином и царем» не являлось для него единственным вариантом извлечь выгоду из противоречивости своего положения. Не менее важной была, как представляется, репрезентация себя как лица, сочетавшего в себе *privatus* и *magistratus*. Такая ситуация не только эксплицитно признавалась и принималась самим Августом, но и формулировалась им при помощи понятий, описывающих неформальную политическую инициативу.

Й. Бляйкен отмечал, что долгое время Август сохранял консулат именно с целью контроля над инициативой⁴⁰⁸. Впоследствии трибунская власть позволила ему поставить свою способность к инициативе выше таковой у консулов, особенно в том, что касалось выступлений в сенате и созыва сенатских заседаний⁴⁰⁹. Превосходство Августа над другими проконсулами и освобождение от ограничений, характерных для промагистратской власти, также помогали ему контролировать инициативу⁴¹⁰. (Это, как мы видели, в определенной степени наблюдалось уже у некоторых республиканских промагистратов.) В результате в руках принцепса оказались все консульские полномочия, необходимые для осуществления политической инициативы, но без необходимости занимать саму магистратуру консула⁴¹¹.

Исследователи отмечают и обратную сторону этой ситуации. Так, согласно П. Саутерн, Августу были необходимы люди, «готовые занимать

⁴⁰⁸ Bleicken J. Augustus. Eine Biographie. Berlin: Fest, 2000. 799 S.

⁴⁰⁹ Bleicken J. Augustus... S. 352.

⁴¹⁰ Bleicken J. Augustus... S. 352–353. Ф. Юрле и А. Далла Роза рассматривают право Августа пересекать померий, не теряя статуса проконсула, как абсолютную инновацию (Hurler F., Dalla Rosa A. Un quindicennio di ricerche su Augusto: un bilancio storiografico // Studi Classici e Orientali. 2009. Vol. 55. P. 177). Однако имелся, как мы видели, важный прецедент (см. гл. 4, §2.9). Также см.: Cotton H.M., Yakobson A. *Arcanum imperii*... P. 198–199.

⁴¹¹ Bleicken J. Augustus... S. 353. Также, напр., Ж.-Л. Феррари подчеркивал, что Август стремился обеспечить себе контроль над политической инициативой в пределах города Рима даже без занятия магистратуры (Ferrary J.-L. À propos des pouvoirs d'Auguste // Cahiers du Centre Gustave-Glotz. 2001. Vol. 12. P. 101–154).

административные должности и участвовать в управлении», но в то же время «достижение им столь высокого положения отпугнуло многих и тем самым подавило инициативу». В результате сенаторов, например, даже требовалось принуждать к участию в заседаниях, а «наказания за неявку пришлось возродить и применять на деле»⁴¹².

К. Галински, упоминая различные составляющие *auctoritas* Августа (такие как богатство, оказание благодеяний, военное лидерство, наследство Юлия Цезаря, строительная деятельность, роль гаранта мира и стабильности и т.д.), подчеркивал и его значение в качестве актора, способного «приводить в движение инициативы и идеи, оказывавшиеся в центре обсуждения и вызывавшие отклик – от решительного согласия до сознательной оппозиции – со стороны широкого круга участников»⁴¹³. Согласно К. Галински, *auctoritas* Августа включала также «санкционирование» инициатив других акторов. Хотя исследователь склонен заметно расширять понятие *auctoritas*, распространяя его почти на все элементы политической системы Принципата, в итоге он все же приводит его преимущественно к такому определению, при котором *auctoritas* во многом оказывается синонимом политической инициативы. Как заключает К. Галински, значение *auctoritas* Августа «в сущности заключается в способности выявлять ключевые проблемы и противоречия своего времени, в умении стимулировать творческую энергию и формировать новые направления ее развития. Всегда оставаясь *auctor*, Август достигал перечисленного как посредством собственных инициатив, так и поощряя инициативы других, что приводило к динамическому развитию различных форм взаимозависимости, реципроктности и автономии»⁴¹⁴.

Тема политической инициативы отчетливо выражена в *Res Gestae*, начиная с описания вмешательства Августа *privato consilio* в политическую ситуацию в 44 г. Особенно показательным является указание во фрагменте

⁴¹² Southern P. *Augustus*. 2nd ed. London; New York: Routledge, 2014. P. 239.

⁴¹³ Galinsky K. *Augustan Culture: An Interpretive Introduction*. Princeton: Princeton University Press, 1996. P. 387.

⁴¹⁴ Galinsky K. *Augustan Culture...* P. 389.

RGDA 8.5 на роль Августа как инициатора новых законов (*legibus novis me auctore latis*). Здесь можно усмотреть своего рода «дубликацию» инициативы: Август предлагает не просто законы, он предлагает новые законы. Даже если они были необходимы для восстановления старого строя⁴¹⁵, он все же позиционирует себя в качестве инициатора новых решений, ранее еще не испробованных. Представление о такой роли принцепса заметно и у других авторов, например, Овидия (*Met.* 15.833: *iura suum legesque feret iustissimus auctor*)⁴¹⁶.

Контекст пассажа *RGDA* 8.5⁴¹⁷ явно указывает на то, что интерпретация *auctoritas* во фрагменте 34.3 как способности Августа инициировать политическое действие, является корректной⁴¹⁸. Поэтому мнение Г. Роу о том, что отраженные в этом пассаже «военное лидерство и законодательная инициатива» «не имеет ничего общего с традиционной интерпретацией *Res Gestae* 34.3» (согласно которой понятие *auctoritas* должно рассматриваться как одно из центральных в описании Августом созданной им системы), выглядит странным⁴¹⁹. Первенство в осуществлении политической инициативы – важный элемент принципата Августа.

Если *auctoritas* в первую очередь связана с инициативой, то неудивительно, что античные источники не позволяют напрямую подкрепить

⁴¹⁵ Ср.: Kienast D. *Augustus...* S. 210–211; Bellen H. *Politik – Recht – Gesellschaft. Studien zur Alten Geschichte*. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 1997. S. 183–192; Galinsky K. *Augustan Culture...* P. 129; Schmitt T. „*Suarum legum idem auctor ac subversor*“. Tacitus über Pompeius als Gesetzgeber 52 v. Chr. // *Gesetzgebung und politische Kultur* / Ed. U. Walter. Berlin: De Gruyter, 2014. S. 231, включая Anm. 17. Ср.: Jehne M. *Die Neukonstruktion der Tradition*, 74; Potter 2019, 314.

⁴¹⁶ Cp Wickert L. *Neue Forschungen zum römischen Principat // Aufstieg und Niedergang der römischen Welt*. Bd. II.1. / Hrsg. H. Temporini. Berlin; New York: De Gruyter, 1974. S. 18: «Wort und Begriff *princeps* bedürfen einer ausgesagten oder gedachten Ergänzung, mag nun der Ranghöchste innerhalb eines bestimmten Kreises gemeint sein oder der schöpferische Erste, der *auctor*, der etwas Großes anregt und selbst damit beginnt».

⁴¹⁷ Также, возможно, фрагмента 28.2 (*Italia autem XXVIII colonias, quae vivo me celeberrimae et frequentissimae fuerunt, me[a auctoritate? –is auspiciis?] deductas habet*).

⁴¹⁸ *post id tem[pus a]uctoritate [omnibus praestiti, potest]atis au[tem n]ihilo ampliu[s habu]i quam cet[eri, qui m]ihi quoque in ma[gis]tra[t]u conlegae f[uerunt].* (Ἀξιώμ[α]τι πάντων διήνεγκα, ἐξουσίας δὲ οὐδέν τι πλεῖον ἔσχον τῶν συναρξάντων μοι.)

⁴¹⁹ Rowe G. *Reconsidering the auctoritas of Augustus* // *Journal of Roman Studies*. 2013. Vol. 103. P. 6.

утверждение, которое Г. Роу ставит под сомнение, а именно, мысль о том, что «Принципат был основан на *auctoritas* Августа»⁴²⁰. Практически отсутствие *auctoritas* в источниках как ключевого термина для обозначения власти Августа объяснимо тем, что речь идет о глубоко укорененных элементах политической культуры. Современникам не имело смысла слишком часто повторять, что инициатива принцепса превосходила инициативу других акторов. Но тот факт, что это обстоятельство стало настолько привычным, что не требовало подчеркнутых упоминаний, отнюдь не делает его менее значимым. Этот вывод вполне соответствует собственному, в целом справедливому, наблюдению Г. Роу о том, что «наиболее распространенное содержание термина *auctoritas* в связи с Августом – техническое обозначение законодательной или административной инициативы». Однако вряд ли следует согласиться с тем, что как считает Г. Роу, такое «техническое употребление *auctor* и *auctoritas* никогда не было связано исключительно с императорами» и что, следовательно, не могло быть представлено Августом в качестве способа описать сущность его власти⁴²¹.

Наконец, Г. Роу обращается непосредственно к пассажиру *RGDA* 34.3. Он указывает на то, что акцент здесь сделан «не на первой фразе, а на второй: не на превосходстве над всеми с точки зрения *auctoritas*, а на отсутствии бóльшей *potestas*», чем у других⁴²². Г. Роу интерпретирует фрагмент следующим образом: «Я превзошел всех в *auctoritas*, но (это не важно, потому что) я не обладал бóльшей *potestas*». Однако даже если Август, согласно Г. Роу, не намеревался делать акцент на его превосходстве с точки зрения *auctoritas*, сосредоточившись вместо этого на умеренности имеющейся у него *potestas*, то не ясны причины, по которым исследователь не желает признавать *auctoritas* тем, что, согласно самому Августу, и составляло единственный элемент, делавший его положение особым.

⁴²⁰ Rowe G. Reconsidering the *auctoritas* of Augustus... P. 6.

⁴²¹ Rowe G. Reconsidering the *auctoritas* of Augustus... P. 7.

⁴²² Rowe G. Reconsidering the *auctoritas* of Augustus... P. 9.

Г. Роу полагает, что не следует искать в пассаже 34.3 «трансцендентного утверждения о природе его власти»⁴²³. Конкретным событием, к которому, согласно исследователю, отсылает *auctoritas* во фрагменте *RGDA* 34.3, является получение Октавианом позиции *princeps senatus* в 28 г. Г. Роу связывает пассажи 34.3 и 7.2. В латинском тексте последнего указано [P]rinceps s[enatus fui], тогда как греческий вариант содержит указание на ἄξιωμα – так же, как и фрагмент 34.3. Хотя логично считать, что в некоторых случаях превосходство с точки зрения *auctoritas* фактически и означало быть *princeps senatus* (по существу, не по формальному статусу), я не вижу оснований ограничивать значение *auctoritas* в *Res Gestae* как инициативы только ролью принцепса сената (как пишет Г. Роу: «[a]uctoritate [omnibus praestiti] означает: “я был *princeps senatus*”»)). Полемизируя с Г. Роу, К. Галински указал и на другие проблемы в его аргументации, в частности на то, что греческий перевод не сужает значение *auctoritas* в *RGDA* 34.3 так, как это подразумевает интерпретация Г. Роу⁴²⁴.

Как видно, настойчивость Августа в том, чтобы представлять себя инициатором любого значимого политического действия, безусловно, привлекала внимание исследователей. Однако проведенное исследование промежуточных статусов между *privati* и *magistratus* в эпоху Республики позволяет сделать вывод о том, что Август имел возможность в этом отношении опереться на политический опыт Республики, хотя и значительно пересмотрел его⁴²⁵. Если положение самого принцепса можно в некотором смысле сопоставить, например, с позицией политически активного магистрата-десигната или с фигурой проконсула, контролировавшего сферу *domi*, то других акторов новой политической системы можно попытаться сравнить с республиканскими магистратами, отстраненными от исполнения

⁴²³ Rowe G. Reconsidering the *auctoritas* of Augustus... P. 10.

⁴²⁴ Galinsky K. Augustus' *auctoritas* and *Res Gestae* 34.3 // *Hermes*. 2015. Bd. 143. P. 244–249.

⁴²⁵ Ср.: Jones A.H.M. *Studies in Roman Government and Law*. New York: Praeger, 1968. P. II. С. А. Джоунзом не соглашается Я.Ю. Межерицкий (Межерицкий Я.Ю. «Восстановленная республика» императора Августа. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2016. С. 340).

должностных обязанностей. Если такое сопоставление покажется уместным, оно может стать отправной точкой для дальнейших исследований. Например, можно задаться вопросом о том, в каких отношениях магистраты эпохи Принципата действовали так же, как отстраненные магистраты времен *libera res publica*.

Идея о том, что система Августа функционировала постольку, поскольку *princeps* сохранял контроль над всей значимой политической инициативой, представляется перспективной, в частности, потому, что Август, подчеркнуто отвергая чрезмерную концентрацию должностей и почестей, напротив, с готовностью и вполне открыто принимал все то, что делало Республику зависимой от его индивидуальной неформальной инициативы⁴²⁶. Как показывает текст *Res Gestae*, Август представляет себя *auctor* целого ряда инициатив, которые либо создавали нечто новое, либо восстанавливали традиционный порядок с помощью отчасти новых средств и решений. Примечательно, что Август был готов открыто признать свою способность к политической инициативе в беспрецедентном масштабе, причем даже в статусе *privatus*. Лейтмотив *Res Gestae* действительно заключается в том, чтобы выразить «всеобщую зависимость от его частной инициативы в чрезвычайных ситуациях»⁴²⁷. Это особенно заметно на фоне его утверждения о собственном весьма скромном положении с точки зрения формальной *potestas*.

Сходным образом в элогиях, размещенных им на своем форуме, Август восхваляет всех тех, кто оказался способен спасти положение – независимо от того, действовал ли как должностное лицо или *privatus*, – благодаря индивидуальной самостоятельной инициативе. По словам Э. Джаджа, «“инициатива” (*auctoritas*), подразумеваемая именем [Августа, – *P.Ф.*], усиливает унаследованный им идеал римской знати. “Вождь” (*princeps*) – это

⁴²⁶ Ср.: Judge E.A. *The Failure of Augustus...* P. 78.

⁴²⁷ Judge E.A. *The Failure of Augustus...* P. 186

тот, чьи мероприятия и статус спасают положение в каждую из эпох»⁴²⁸. В большей части элогий «внимание, по-видимому, сосредотачивалось не на магистратурах и триумфах как таковых, а на каком-то особом эпизоде в карьере каждого»⁴²⁹ (на моменте, когда его инициатива разрешает кризис).

Более того, в некоторых элогиях можно даже усмотреть смещение акцента от *honores* (перечисление которых, разумеется, остается обязательным) к описанию содержания конкретной инициативы, даже если она осуществлялась в статусе *privatus*. Так, Валерий Максим (диктатор 494 г.) представлен как *auctor* сенатского решения освободить народ от тяжелого долгового бремени, однако добиться этого он смог лишь после того, как был вынужден сложить диктатуру, в рамках которой он уже предлагал ту же меру – безуспешно⁴³⁰. Тогда она оказалась *reiecta*, снятой с повестки дня⁴³¹. Таким образом, в качестве диктатора Валерий не смог стать *concordiae auctor* (Liv. 2.31.7–11), но достиг этого позднее, уже как *privatus*. Сходным образом Г. Фабриций Лусцин (консул 282 и 278 гг.) восхваляется за то, что, будучи легатом (следовательно, *privatus*), он добился (*effecit*) возвращения римских пленных, захваченных Пирром, без выкупа⁴³². Можно осторожно предположить, что эти акценты в элогиях форума Августа отражают понимание Августом и собственной позиции как политического лидера.

В 20 г. н.э. сенат обсуждал вопрос о возможном смягчении *lex Papia Poppaea* о браке. Тацит пишет, что этот закон оказался неэффективным и даже вредным для семей (*Ann.* 3.25). Он служит для античного автора поводом проследить историю развития законодательства как такового. Т. Шмитт показал, как именно Тацит воспользовался okazji для завуалированной критики Августа, особенно когда при обзоре развития законодательства обратился к обсуждению законов Помпея 52 г. По мнению Т. Шмитта,

⁴²⁸ Judge E.A. *The Failure of Augustus...* P. 184.

⁴²⁹ Judge E.A. *The Failure of Augustus...* P. 135.

⁴³⁰ *Inscriptiones Italiae*. Vol. 13. *Elogia*. Fasc. 3 / Ed. A. Degrassi. Roma: Libreria dello Stato, 1937. P. 57–59, no. 78.

⁴³¹ Ogilvie R.M. *A Commentary on Livy. Books 1–5...* P. 309.

⁴³² *Inscriptiones Italiae*. Vol. 13. *Elogia*. Fasc. 3... P. 40, no. 63.

добавляя *legum subversor* к *legum auctor* при характеристике Помпея как законодателя, Тацит разоблачает попытку Августа скрыть свое политическое господство. Пример Помпея используется для того, чтобы показать, что законодательные инициативы, навязанные с помощью военной силы, не способны долго существовать после ухода их *auctor* со сцены⁴³³. Тациту также важно акцентировать то, что законы – включая те, которые не носили имя Августа, – в действительности были предложены по его инициативе. Они были его собственными (*suae leges*), как Тацит подчеркивает⁴³⁴.

Можно пойти несколько дальше в направлении, намеченном Т. Шмиттом. То, что делает Тацит, – это критика притязаний Августа на легитимную инициативу во спасение государства. Если следовать Т. Шмитту, то такого рода критика через обсуждение фигуры Помпея основывается, среди прочего, на представлении о том, что по-настоящему легитимной является лишь та инициатива (включая формальную законодательную), которая искренне поддерживается согражданами и затем ими же защищается и ценится, а не та, которая навязывается полководцем, контролирующим ситуацию военной силой, но неспособным придать своим решениям устойчивость в долгосрочной перспективе. Опираясь на рассуждения Х. Арендт (и позднейшие подходы, такие как теория «трансформационного лидерства»), можно предположить, что Тацит ставит под сомнение притязания Августа на обладание реальной инициативой вообще. Лидер должен указывать путь и начинать действие, но результат, равно как и окончательный и устойчивый успех, зависят от других, кто следуют за ним, поддерживают его и реализуют его инициативу, осознавая ее со временем как свою собственную. С точки зрения Тацита, именно этого Август, несмотря на формальные законодательные инициативы и неформальную поддержку предложений других акторов, достичь не смог.

⁴³³ Schmitt T. *Suarum legum...* S. 272–273, 277.

⁴³⁴ Schmitt T. *Suarum legum...* 274–275.

Притязания Августа на способность к инициативе, подходящей для решения крупных общественных проблем, оказываются во многом основаны на представлении о том, что он действует в ответ на ожидания, возлагаемые на него народом. При всей настойчивости в акцентировании своей позиции как лидера, который создает новую систему организации Республики (например, посредством законодательства) или быстрыми решительными действиями разрешает отдельные острые кризисы, он легитимирует свою инициативу как, по существу, лишь реакцию на запросы народа, сената или требования конкретной ситуации. Как отмечает, например, К. Бёрден-Стревенс, в *Res Gestae* постоянно подчеркивается инициатива сената. То же самое наблюдается в позднейшем изложении Кассия Диона⁴³⁵. Иногда в действие вступает ярко выраженная спонтанная инициатива других акторов (25.2: *iuravit in mea verba tota Italia sponte sua, et me belli quo vici ad Actium ducem depoposcit*)⁴³⁶.

Однако Август утверждает не только то, что он является эффективным инициатором политического действия, как это было свойственно ведущим фигурам Республики. Он заявляет о превосходстве над ними, по меньшей мере, в двух отношениях.

Во-первых, Август позиционирует себя как инициатора *любого* значимого политического действия в государстве. Воздерживаясь от создания новых магистратур (*RGDA* 6.2: *nullum magistratum contra morem maiorum delatum recepi*), от чрезмерных почестей и *potestates*, и стараясь не слишком часто прибегать к тем формальным полномочиям, которые он все-таки принял, он, тем не менее, целиком принимает свое право инициировать политические проекты и решения без каких-либо ограничений. Он «разделял *potestas* с другими», но «ничего не говорит о том, чтобы разделить с другими *auctoritas*»⁴³⁷. Тем самым Август эксплуатирует разделение должности и

⁴³⁵ Burden-Strevens C. *Cassius Dio's Speeches...* P. 110.

⁴³⁶ Ср.: Ramage E.S. *The Nature and Purpose of Augustus' "Res Gestae"*. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 1987. P. 43, 45.

⁴³⁷ Ramage E.S. *The Nature and Purpose...* P. 49.

инициативы, которое уже наблюдалось ранее, как показывает анализ переходных статусов между *privati* и *magistratus* в эпоху *libera res publica*.

Во-вторых, поскольку Август нередко отвергает предлагаемые ему полномочия или, по крайней мере, утверждает, что – в результате принятия некоторых из них – не обладает большей *potestas*, чем (другие) магистраты, его готовность при насущной необходимости принимать возлагаемые на него задачи как свои собственные (*cura mea*) еще более возвышает его способность к инициативе. В то время как носители должностей получают *honores* в обмен на обязательство в будущем эффективно действовать в новом публично-правовом качестве, Август отказывается от (многих) *honores*, но принимает на себя сопряженные с ними обязательства, причем в беспрецедентных масштабах⁴³⁸. Его инициатива более «впечатляющая» именно потому, что он не требует ничего взамен.

Такое прочтение соответствует акцентированию Августом своего вмешательства в политическую борьбу в 44 г. именно в качестве *privatus*. Высокая степень его «проактивности», самодостаточности в этой роли дополнительно подчеркнута употреблением глагола в первом лице⁴³⁹. Август стремится показать, что, независимо от того, занимал ли он публичную должность или нет, он всегда был готов взять на себя инициативу ради спасения *res publica*. Политическая инициатива *privatus* во имя интересов *civitas* и в ответ на неспособность действующих магистратов выполнять свои обязанности имела, как можно заключить из проведенного исследования переходных статусов, длительную республиканскую предысторию. Однако Август впервые представляет данную ситуацию не как чрезвычайную, а как элемент политической рутины. Август всегда находится рядом (чаще как *privatus*, иногда как носитель регулярных магистратур), чтобы взять на себя

⁴³⁸ Ср.: Hillard T.W. Augustus and the Evolution of Roman Concepts of Leadership // *Ancient History: Resources for Teachers*. 2008. Vol. 38. P. 128–129.

⁴³⁹ См.: Hillard T.W. Augustus... P. 127.

инициативу, когда это становится насущно необходимо, не требуя ничего взамен.

Эта идея особенно наглядно выражена во фрагменте *RGDA* 5.2, в котором отмечается, что Август, отказавшись от диктатуры и пожизненного консулата, принял на себя *cura annonae*. Параллель с *cura annonae* Помпея 57 г. очевидна и, на мой взгляд, не является случайной. И Август, и Помпей занимали промежуточное положение в том смысле, что осуществляли *cura annonae* магистратов в сфере *domi*, формально оставаясь проконсулами.

Развитие идеологии, сформулированной в *Res Gestae* в отношении политической инициативы, приводит к парадоксальному, но ожидаемому появлению установки на сознательный отказ от нее, минимизацию участия в сенатских заседаниях и других политических собраниях и публичных процедурах и, наконец, к *recusatio imperii*. Так, например, по словам Веллея Патеркула, Тиберий был вынужден, как бы в роли пассивного адресата просьб и требований, принять положение принцепса, скорее, под давлением рациональных причин, чем из-за почета, связанного с этой позицией (2.124.2: *magis ratione quam honore victus est*)⁴⁴⁰. Рациональная причина вновь заключалась в насущной необходимости в подлинной политической инициативе, иначе все, за защиту чего он не возьмется, погибнет (2.124.2: *cum quidquid tuendum non suscepisset, peritulum videret*). Тем самым, высшим актом лидерства становится сознательный отказ от него, равно как и его принятие только при появлении объективной потребности, сформулированной другими.

У Кассия Диона, в речи Октавиана об отказе от власти в 27 г., можно наблюдать указание на абдикацию по собственной воле: ἐκούσιος αὐτεπάγγελτος καὶ ἀρχῆς τηλικαύτης ἀφίσταμαι καὶ οὐσίας τοσαύτης ἀπαλλάττομαι (53.8.2). Это парадоксальным образом вынуждает других политических акторов предпринимать то, что, на первый взгляд, выглядит как «инициатива», но на деле едва ли может считаться подлинной или вообще политической инициативой (включая даже такого типа, который требовался для

⁴⁴⁰ См.: Hillard T.W. *Augustus*... P. 144.

повседневного управления государством, не говоря даже о необходимой в сложных, кризисных ситуациях). Такая «инициатива» сводилась лишь к просьбам к принцепсу вновь взять на себя контроль над ситуацией, вмешаться и спасти положение. Тем самым легитимность контроля принцепса над политической повесткой сохраняется благодаря тому, что его вмешательство позиционируется как ответ на свободную инициативу других – в полном соответствии с республиканскими представлениями о том, что легитимная инициатива не может исходить целиком от самого лидера, а должна в той или иной степени быть также реакцией на ожидания или даже конкретные предложения сограждан⁴⁴¹.

Таким образом, самоограничение принцепса в том, что касается проявления инициативы, может рассматриваться как сознательная стратегия, призванная продемонстрировать зависимость Республики от этой самой инициативы. *Recusatio* – феномен, по-видимому, в наименьшей степени имеющий отношение к республиканской политической культуре, – стала теперь почти обычной практикой, как справедливо подчеркивал Э. Уоллес-Хэдрилл⁴⁴². Существовали и менее радикальные варианты той же стратегии, например, отказ принять на себя роль *auctor* конкретного предложения, идеи, решения или политического курса (например, *Suet. Tib. 27: alium dicentem sacras eius occupationes et rursus alium, auctore eo senatum se adisse, verba mutare et pro auctore suasorem, pro sacris laboriosas dicere coegit*)⁴⁴³. Такая демонстративная и настойчивая неготовность взять на себя роль источника

⁴⁴¹ Ср.: Levick B. *Augustus: Image and Substance*. Harlow; London; New York: Longman, 2010. P. 12 («...a form of leadership that inspires its followers. Indeed, this form needs the initiative of others, which the leader (*auctor*) guarantees and approves, so taking on a degree of responsibility»).

⁴⁴² Wallace-Hadrill A. *Civilis princeps*... P. 37.

⁴⁴³ Комментируя этот пассаж у Светония, Б. Левик (Levick B. *Augustus*... P. 13) утверждает, что Тиберий предпочитал именоваться лишь *suasor* («сторонник»), а не *auctor*, поскольку тем самым он «отказывался от *auctoritas*». Ф. Сантаджело интерпретирует термин *auctor* как указание на любого, кто поддерживает ту или иную меру, но не на ее инициатора (Santangelo F. *Priestly auctoritas in the Roman Republic* // *Classical Quarterly*. 2013. Vol. 63. P. 744: «*auctor* does not just mean 'initiator'; it may apply to anyone who promotes, champions and vouches for an initiative or cause»).

инициативы настолько выражено подчеркивается, что позволяет с уверенностью утверждать: политическая реальность была прямо противоположной.

Проведенное исследование может обозначить некоторые новые направления в изучении Принципата в связи с тенденциями политического развития поздней Республики. Так, например, решение Августа не носить магистратскую одежду (Suet. *Aug.* 73) теперь логично рассматривать в свете того, что нам известно о поведении магистратов, отстраненных от должностных обязанностей. Подобный жест в их случае означал, что, формально сохраняя магистратуру, они признавали свое отстранение или самоотстранение от *administratio rei publicae*. Если между этими практиками существует реальная связь, и если Август не изобрел в данном случае принципиально новую модель, а, напротив, инструментализировал предшествующий опыт отстранения от должностных обязанностей, то смысл его жеста должен был заключаться в демонстрации отказа от инициативы, а не в простом указании на отсутствие магистратуры, – вопреки тому, что иногда указывается в историографии⁴⁴⁴.

В свете данного исследования переходных статусов постепенный переход от дихотомии *privatus/magistratus* к различению *privatus/princeps*, проанализированный А. Винтерлингом, выглядит вполне логичным, поскольку этот сдвиг обозначал притязание принцепсов на «регулярный» контроль именно над неформальной инициативой. Это не обязательно связано с реальным изменением механизмов осуществления публичной власти, а может быть сопряжено с изменением относительной значимости двух способов их описания в античной традиции. Вместо акцента на *potestates* теперь в целом более важно стало подчеркивать контроль над неформальной политической инициативой, в чем император – независимо от того, занимал ли он в данный момент какую-либо магистратуру или нет, – далеко превосходил всех остальных. Как пишет Э. Рассел, «*honores* – выборные должности –

⁴⁴⁴ Ср.: Pani M. *Potere e valori a Roma fra Augusto e Traiano*. Bari: Edipuglia, 1993. P. 66.

больше не были единственным путем к власти». Исследовательница напоминает об этом, приводя замечание Тацита о том, что внучатый племянник историка Саллюстия превзошел триумфаторов и консуляров, несмотря на то, что он никогда не занимал политической должности (Tac. *Ann.* 3.30: *atque ille, quamquam prompto ad capessendos honores aditu, Maecenatem aemulatus sine dignitate senatoria multos triumphalium consulariumque potentia antiit*)⁴⁴⁵.

Если это справедливо, то можно сказать, что тенденции политического развития после Августа, включая, например, такую деталь, как готовность принцепсов не воздерживаться от использования магистратского облачения, не имели отношения к принятию какой-либо «публичной» роли (ни в современном, ни в римском республиканском смысле)⁴⁴⁶, а должны рассматриваться, напротив, как все более отчетливое признание принцепсами права и обязанности брать на себя неформальную инициативу (например, даже связанную с введением нового понятия в язык; ср. Suet. *Gram. et rhet.* 22).

Хотя поздние авторы используют старую дихотомию *privatus/magistratus* для демонстрации *civilitas* императора (см, напр., SHA. *Ant. Pius* 6.5: *senatui tantum detulit imperator quantum, cum privatus esset, deferri sibi ab alio principe optavit*), этим же они еще сильнее подчеркивают необычную степень его контроля над ситуацией. Он мог решить стать относительно пассивным, но само это решение уже являлось важным актом инициативы. Если проконсул Цезарь обещал, что «все будет исходить от него» (Cic. *Att.* 10.4.9: *a me inquit omnia proficiscentur*), то проконсул Август и последующие принцепсы на практике чаще реализовали это намерение⁴⁴⁷.

Проведенное исследование, следовательно, побуждает заново рассмотреть распространенные в науке представления о степени внутренней противоречивости раннего Принципата. Оно предлагает дополнительные

⁴⁴⁵ Russell A. *Inventing the Imperial Senate // The Alternative Augustan Age* / Eds. K. Morrell, J. Osgood, K. Welch. New York: Oxford University Press, 2019. P. 336.

⁴⁴⁶ Ср.: Pani M. *Potere e valori...* P. 69.

⁴⁴⁷ Ср.: Hurlet F. *De l'auctoritas senatus à l'auctoritas principis. À propos des fondements du pouvoir impérial // L'auctoritas à Rome* / Eds. J.-M. David, F. Hurlet. Bordeaux: Ausonius Éditions, 2020. P. 364.

аргументы для вывода о континуитете между Республикой и Империей, одновременно подчеркивая масштаб произошедших изменений: неформальная инициатива, превосходящая магистратскую, уже была элементом республиканской системы, но частью нормы стала лишь при первых принцепсах.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование позволило сформулировать концепцию роли граждан переходных статусов в политической жизни и политической культуре Римской республики, которая обобщает проявления римскими гражданами политического лидерства в ситуациях несоответствия публично-правового положения лидера его активным действиям, заключавшимся, главным образом, в политической инициативе. Краеугольными элементами этой концепции являются понятия промежуточных статусов римских граждан в положении между частными лицами и магистратами (*privati* и *magistratus*) и неформальной политической инициативы.

Под гражданами переходных статусов понимаются лица, выступавшие в период Республики политическими акторами, которых источники однозначно причисляют к *privati* либо *magistratus* (в дихотомии публичного права), но характеризуют их деятельность как присущую, скорее, лицам противоположного статуса. К носителям переходных статусов отнесены политически активные магистраты-десигнаты (гл. 2), действующие магистраты, временно отстраненные от исполнения своих обязанностей (гл. 3), и промагистраты, проявлявшие активность в сфере *domi* (гл. 4 и 5). Рассмотрению этих категорий предпослано исследование ряда случаев, в которых имели место самостоятельные политические действия *privati*, не относившихся к числу граждан переходных статусов (гл. 1). Полученные результаты позволяют обратиться к вопросу о том, по каким причинам античные авторы в определенных ситуациях считали необходимым подчеркнуть противоречие между формальным статусом этих акторов (*privati* либо *magistratus*) и их фактической политической ролью.

В рамках обзора, представленного во Введении, был предложен анализ изучения антиковедами отмеченных трех переходных статусов между *privati* и *magistratus*. Они исследовались в историографии отдельно друг с друга. Таким

образом, предпринятая в данной диссертации попытка рассмотрения их в совокупности и логической связи определяет один из аспектов ее новизны.

А. Винтерлинг и другие исследователи анализировали употребление дихотомии *privatus/magistratus* античными авторами. На вопрос о том, являлась ли эта дихотомия *privatus/magistratus* «контрафактической» (в терминологии А. Винтерлинга) уже в самых ранних текстах эпохи Республики, следует ответить скорее утвердительно. По крайней мере, некоторые из релевантных свидетельств демонстрируют значительную степень сходства с тем, что наблюдается у более поздних авторов. Так, уже Плавт (*Capt.* 166) подчеркивал принципиальное сходство между промагистратами и магистратами, противопоставляя и тех, и других *privati*, лишенным публичной власти, – точно так же, как значительно позднее это делал Цицерон (например, *Cic. Inv.* 2.92). Хотя такие свидетельства крайне немногочисленны, они могут указывать на более широкое сходство подходов обоих авторов в интересующем нас отношении.

Возникла ли дихотомия *privatus/magistratus* на более раннем этапе и лишь затем начала воздействовать на социальные структуры, пытаясь описывать их в устаревших терминах, или же, напротив, сама эта дихотомия является поздним феноменом, использовавшимся для стигматизации недавних политических тенденций, воспринимавшихся как негативные? Хотя подавляющее большинство проанализированных случаев относится к последним десятилетиям Республики, более вероятной представляется первая возможность; прежде всего потому, что тексты законов II в., сохранившиеся в надписях, уже демонстрируют резкое противопоставление *privati* и *magistratus*, в том числе и в тех контекстах, в которых промагистраты подразумеваются как формально принадлежавшие к категории *privati*.

В существующих исследованиях публично-правового устройства и политической культуры республиканского Рима до сих пор недостаточно учитывается значение неформальной инициативы как важного компонента лидерства. Речь идет, в частности, о ситуациях, в которых один актор,

формально не имевший полномочий инициировать легитимное политическое действие (группа граждан, отдельные представители рядовых граждан или члены элиты, не занимавшие в данный момент должность), побуждал другого актора, официально наделенного соответствующими прерогативами, действовать от имени или в интересах первого. Использованное в качестве аналитической категории понятие «политическая инициатива» служит исследовательским инструментом для того, чтобы интегрировать рассмотрение республиканской конституции и исследования перформативной стороны римской политической культуры.

Обращение к понятию инициативы привело к вопросу о причинах возникновения ситуаций, когда оспаривались право и обязанность магистратов инициировать (а, следовательно, и реализовывать) определенный курс действий или конкретное политическое решение, тогда как *privati*, напротив, удостоивались похвалы или даже оказывались принуждены брать на себя эту роль вместо действующих должностных лиц.

Поскольку понятие инициативы не ограничивается формальной способностью к политическому действию, в гл. 1 было обращено внимание на ряд эпизодов, в которых *privati* становились политически значимыми, не находясь при этом в процессе перехода к статусу *magistratus*. Такие *privati* прямо или косвенно сопоставлялись античными авторами с магистратами. Им приписывалась особая значимость как политических лидеров *civitas*, в той или иной степени заменявших магистратов. Несмотря на трудности изучения ситуаций этого типа (недостаток сведений источников, уникальность и слабая сопоставимость отдельных случаев, а также, чаще всего, зависимость от показаний позднейших авторов и от их представлений о далеком прошлом), оказалось возможным сформулировать ряд обобщений.

В §1 гл. 1 исследованы эпизоды, в рамках которых политические сходки оказывались инициированы частными лицами, но при этом обозначались термином *contio*, обычно применявшимся к собраниям, формально созываемым действующими магистратами. Не всякое немагистратское

собрание обозначается или даже сопоставляется с официальной *contio*, а лишь те из них, которые были сравнимы (с точки зрения античного автора, сообщającego о них) с официальными собраниями по своей политической значимости и по механизму функционирования. Этот вывод имеет важное значение для анализа непосредственно переходных статусов между *privati* и *magistratus*.

Античные авторы вполне осознанно подчеркивают те эпизоды, в которых немагистраты успешно воспроизводили некоторые действия (в данном случае – публичные политические выступления перед согражданами), обычно ожидаемые от должностных лиц. В таких ситуациях источники нередко переносят терминологию, применяемую по отношению к акторам-магистратам и их действиям (иногда с уточнениями вида «как бы» или «подобно»), на действия *privati*, несмотря на то что последние определенно не претендовали формально на полномочия, принадлежавшие магистратам. Следовательно, если употребляется терминология, обычно относившаяся к магистратам (например, *contionem habere* или – что важно для анализа роли магистратов-десигнатов – *edictum mittere*), это не обязательно означает наличие формального притязания на власть. Однако античные источники в подобных случаях дают понять, что *privatus* действительно оказывался способен успешно воспроизвести конкретную магистратскую функцию, неформальную лидерскую роль и, в более широком смысле, саму способность к лидерству (ожидаемому обычно от должностного лица), действуя как самостоятельный и независимый политический субъект.

Сделанные наблюдения привели к рассмотрению в §2 гл. 1 вопроса о причинах, по которым подобная смена ролей становилась возможной и при этом привлекала внимание античных авторов, побуждая их использовать терминологию, которую они обычно применяли исключительно по отношению к *magistratus*, их полномочиям или инициированным ими собраниям. Случай Луция Брута особенно показателен, потому что античная традиция, очевидно, не располагала единой версией (не говоря уже о реальной

информации) по поводу его официального статуса. Вследствие этого древние авторы всякий раз реконструировали его по-разному, что позволило выявить причины, по которым они предпочитали ту или иную интерпретацию формального положения Брута. Даже будучи *privatus*, Брут всегда «узурпирует» некоторые функции должностных лиц, но не все из них, а только те, которые позволяют ему инициировать дальнейшие действия сограждан. Брут не определяется как *privatus* в том случае, если описывается созыв им комиций, но называется таковым, если сообщается о его выступлении в *contio* с призывами к согражданам.

Одним из ограничений подобного вмешательства *privatus* являлось – с точки зрения античной традиции – то, что он по существу оставался в роли советника, тогда как само легитимное действие совершалось уже другими, в том числе, самим народом. Тем не менее, *privatus* сохранял за собой роль инициатора действия: именно он, как оратор, объяснял, как именно следует поступить дальше. Без него остальные участники событий не могли добиться успеха. Нигде в античной традиции в принципиальном отношении не отрицается способность *privatus*, а иногда и его обязанность, проявлять инициативу, давая согражданам советы относительно вариантов последующих действий. Эта тенденция античных текстов напоминает об идее различения между «начинателем» и «правителем», предложенной Х. Арендт.

Еще одним ограничением лидерства *privatus* оказывается его выраженная зависимость от одобрения со стороны других акторов, что особенно ясно демонстрируют как интерпретация Цицероном истории Луция Брута, так и собственный политический опыт оратора и его попытки оправдать свои действия. Для того, чтобы *privatus* мог выступить в активной роли, необходима (хотя бы неформально обозначенная, предполагаемая самим актором) поддержка сената и народа. Одновременно с этим враждебный магистрат (или царь) должен оказаться хотя бы на какой-то момент объективно неспособным исполнять свои функции надлежащим образом.

Готовность античных авторов при определенных условиях оправдать политическую инициативу *privati* исторически может объясняться их опасениями по поводу возможных злоупотреблений властью со стороны отдельных должностных лиц. Классическим примером этой тенденции оказывается традиция о второй коллегии *decemviri legibus scribundis*. Задача передать историю утраты децемвирами неформального лидерства и способности инициировать осмысленные и успешные политические действия побудила Ливия представить децемвиров как законных магистратов, сохранявших признанную согражданами власть, даже после того, как он сам ясно дал понять, что децемвиры формально уже утратили свою магистратуру и стали *privati* (§3 гл. 1 диссертации). Объяснение этого противоречия заключается в необходимости для античного автора подчеркнуть различие между легитимным и нелегитимным лидерством. При такой интерпретации текст Ливия приходится считать противоречивым лишь в том случае, если полагать, что его прежде всего интересует юридический спор о сроке полномочий децемвиров (а также о том, прекращались ли они *ipso iure* по истечении того или иного периода времени или сохранялись до завершения поставленной задачи). Однако если сместить фокус исследования и исходить из того, что Ливий повествует в большей степени о неформальном лидерстве и контроле над инициативой, противоречия разрешаются. Оказывается, что в представлении античной традиции максимальная степень нелегальности власти магистрата может в определенный момент совпадать с максимальной степенью его реального контроля над политической повесткой. В таких условиях альтернативный источник инициативы становится единственным способом, при помощи которого гражданская община может политическими средствами преодолеть узурпацию власти. Исторически это обстоятельство, по-видимому, вынудило элиту в создаваемой ей картине римского прошлого в данном случае допустить и легитимировать активность *privati*, несмотря на все обычные опасения по поводу неконтролируемой политической активности лиц, не облеченных должностной властью (эти опасения проявляются

особенно в том, как римский политический класс относился к немагистратским собраниям).

В §1 гл. 2 аргументировано, что, формально оставаясь *privati*, магистраты-десигнаты обладали рядом возможностей, внешне сближавших их с действующими магистратами. Однако представление, согласно которому *designati* легально проводили выборы, обладали *ius edicendi* и пользовались иммунитетом от судебного преследования в той же мере, что и действующие должностные лица, следует отвергнуть как необоснованное.

Гипотеза о том, что десигнаты могли председательствовать в *comitia* при необходимости второго тура консульских выборов, не находит опоры в античной традиции. Вопрос о наличии у *designati* иммунитета от преследования оказывается более сложным, однако несомненно, что магистраты-десигнаты могли быть привлечены к ответственности, как в рамках гражданского, так и уголовного судопроизводства, причем не только по делам *de ambitu*. Отсутствие судебного иммунитета, который в случае действующих магистратов был следствием обладания империем, служит веским аргументом в пользу того, что десигнаты им пользоваться не могли и что он имелся у них только в «неактивированном» виде. Отсюда становится менее вероятным наличие у десигнатов иных магистратских полномочий, особенно *ius edicendi*.

Подробное изучение вопроса о *ius edicendi* десигнатов позволило охарактеризовать в §2 гл. 2 особую политическую роль десигнатов, не сводимую к формальным атрибутам магистратского положения.

Сообщения античных авторов подтверждают вывод о том, что *designati* не обладали правом издавать ни обязательные, ни т.н. «декларативные» эдикты либо эдикты с отложенным действием, и что их эпизодическая политическая заметность должна объясняться иными факторами. В случаях, в которых современные исследователи усматривали применение десигнатами *ius edicendi*, обязательный эдикт, даже если постулировать его существование, на практике не мог быть эффективным для достижения той конкретной задачи,

которая стояла перед десигнатом, либо должен был оказаться поручением десигнатов в адрес действующих магистратов, что невозможно. Употребление термина *edictum* и др. подобных обозначений, обычно применявшихся для описания только действий магистратов, не является доказательством наличия у десигнатов магистратских прерогатив. Такая терминология используется античными авторами чтобы показать, что избранный магистрат оказывался способным фактически подменить действующего.

Вместо формальных магистратских полномочий основой влияния десигнатов оказывались всеобщие ожидания их скорого неизбежного вступления в должность. Благодаря им десигнат мог, например, инициировать тайное соглашение, предлагая включить определенные нормы в эдикт, который был бы опубликован в будущем (*edictum perpetuum* претора). В условиях, когда действующий консул оставался пассивным, избранный консул оказывался способным предотвратить реализацию меры (проведение Компиталийских игр), которая готовилась по распоряжению действующего плебейского трибуна. Описывая эту ситуацию, источники употребляют легитимирующую терминологию, напоминающую об интерцессии, как будто речь идет о действующем должностном лице (*privatus vetuit*), а также сообщают о применении консулом-десигнатом своей *auctoritas*. Однако реальным механизмом, обеспечившим успех десигната, оказывается не формальное право на интерцессию и не само по себе безусловное признание неформального авторитета десигната. Последний достигает своей цели благодаря правильному выбору момента для выражения угрозы в адрес оппонентов. Угроза оказывалась действенной потому, что подготовка и реализация запланированного ими действия по времени включали и тот период, в который десигнат уже оказывался действующим консулом. Этот вывод позволяет поставить под сомнение представление некоторых исследователей о том, что *auctoritas* должна была иметь, в отличие от

формализованной публичной власти, неодинаковую силу, или степень «обязательности», при воздействии на различных акторов¹.

Во всех эпизодах, где десигнат явно уподобляется или даже ошибочно называется действующим магистратом, он поступает проактивно именно в тот момент, когда магистраты инициативу не проявляют (и это прямо подчеркивается античными авторами).

Источники также позволяют заключить, что в случае, если десигнат описывается как исполнитель указаний других участников событий, не наблюдается его уподобления действующему магистрату.

В дополнительных эпизодах, проанализированных в §3 данной главы, очерченные тенденции также прослеживаются. Спектр возможных действий *designati*, которые могли бы привлечь внимание античных авторов, значительно шире, чем только случаи, в которых можно подозревать формальные эдикты. Так, сообщения о речах некоторых *designati* в *contiones* выявляют важную особенность: нередко они не содержат никаких сведений о предполагаемых официальных организаторах и председателях этих собраний. Причина этого в том, что античные авторы сосредотачиваются на содержании высказываний самих *designati*, так как именно они, а не союзные им магистраты и плебейские трибуны, проявляют самостоятельную инициативу (в этих эпизодах).

Основное внимание было обращено на самостоятельные действия десигнатов вне контекста функционирования коллективных институтов *civitas*. В значительной большей степени подробно изученный в современной историографии тип политической активности *designati* – их участие в заседаниях сената – едва ли можно рассматривать независимо от функционирования сената как коллективного института, хотя способность магистратов-десигнатов, особенно *consules designati*, влиять на формирование «повестки дня» в рамках сената несомненна.

¹ Ср.: Pina Polo F. Public Speaking in Rome... P. 165.

Сам статус *designatus* не всегда становился преимуществом. Так, согласно Цицерону, *designati* несут ответственность именно потому, что в будущем должны стать *magistratus*. Однако характер этой ответственности ограничивает спектр доступных десигнатам вариантов действий, связывает их, лишая возможности предпринять неожиданную инициативу.

Гражданские войны открыли новые возможности для активных политиков, обладавших статусом *designatus*. В этой ситуации граница между статусом *designatus* (то есть *privatus*) и статусом *magistratus* могла оказаться размытой. Это обстоятельство инструментализировалось десигнатами и приобретало реальное политическое значение.

Ни для одного из рассмотренных в гл. 2 случаев нет оснований полагать, что магистраты-десигнаты опирались на какие-либо формальные прерогативы магистратов, чтобы стать политически заметными фигурами и серьезно влиять на принятие решений в Риме. «Вольная интерпретация» претором-десигнатом будущего *edictum perpetuum*, точный выбор момента времени для объявления о наказании тех, кто решит начать подготовку к Компиталиям, выступление вместо действующего консула в кризисной ситуации в роли организатора и председателя *contio*, – все это характеризует *designati* как более инициативных и более эффективных (иногда в негативном ключе), чем действующие магистраты. Именно способность некоторых десигнатов не оставаться пассивными и находить новые, действенные и непредсказуемые стратегии в противостоянии с оппонентами побуждала античных авторов подчеркивать, что эти лица действовали «как если бы» они уже вступили в должность. Такое описание может создавать видимость, будто они уже обладали магистратскими полномочиями, включая *ius edicendi*. Даже публично-правовой статус того или иного актора мог быть определен в источниках ошибочно, и десигнат «превращен» в действующего магистрата, именно из-за его необычной, проактивной политической роли на неформальном уровне.

Признание способности того или иного лица быть проактивным и «изобретательным» в политике не зависело от того, как сами античные авторы

оценивали легитимность или законность его мероприятий. Однако неверный выбор момента, предсказуемость, шаблонность действий или зависимость от чужой инициативы (тем более следование чужим распоряжениям) заставляли античных авторов в соответствующих эпизодах воздерживаться от вывода о том, что статус *designatus* был эффективным политическим ресурсом.

Анализ отдельных эпизодов показал, что из числа случаев, относительно подробно засвидетельствованных античной традицией и поэтому специально рассмотренных в данной главе, по меньшей мере пять описаны древними авторами с использованием фигуры явного уподобления действий *designati* актам действующих магистратов: претор-десигнат Г. Веррес в 75 г. (подготовка эдикта); консул-десигнат Кв. Метелл Целер в 61 г. (применение интерцессии); консул-десигнат Г. Фламиний в 217 г. (распоряжение войскам); трибун-десигнат Кв. Помпей Руф в 53 г. (блокирование выборов); консул-десигнат П. Корнелий Долабелла в 44 г. (руководство официальной *contio* граждан вместо присутствовавшего претора). Во всех указанных эпизодах способность *designati* проявлять инициативу неизменно подчеркивается, причем иногда до такой степени, что они представлены как более эффективные лидеры, чем действующие магистраты, или даже ошибочно названы таковыми. Помимо этих пяти, еще ряд случаев указывает на значимые политические заявления десигнатов на *contiones* (консул-десигнат Помпей; трибун-десигнат Метелл Непот; трибун-десигнат Г. Меммий и, возможно, консул-десигнат Г. Вибий Панса). Эти акторы, по-видимому, были приглашены на *contio* действующими магистратами, но источники не называют имен последних. Здесь античные авторы фокусируют внимание не на публично-правовом статусе участников событий, а на факте проявления избранными должностными лицами самостоятельной инициативы.

В противоположном случае, когда реальная инициатива не принадлежит десигнатам (ура́мната консулов-десигнатов Л. Корнелия Лентула Круса и Кл. Марцелла в 50 г.), подчеркивается, что их притязания на особую политическую роль, сопоставимую с магистратской, являются необоснованными.

Проанализированные эпизоды показывают, что именно способность к независимой инициативе служила для античных авторов критерием, исходя из которого они решали, мог ли *designatus* быть уподоблен *magistratus*. Если инициатива отсутствовала или ее самостоятельность подвергалась сомнению, то даже значимые индивидуальные действия, внешне похожие на активность магистратов, не приводили к указанному уподоблению.

Эпизоды, в которых *designati* действовали, предвосхищая будущие полномочия, немногочисленны. Даже в ситуациях, когда источники подчеркивают инициативу ключевых акторов, роль *designati* порой выглядит технической или «реактивной». Пространство для вмешательства *designati* имелось не всегда, а возникало в условиях неспособности магистратов удержать инициативу и контролировать «повестку дня» в сенате и *contiones*. В тех эпизодах, в которых носители промежуточных статусов, включая десигнатов, демонстрировали в той или иной степени проактивность и независимость, античные авторы неизменно прибегали к сопоставлению этих лиц – формально *privati* без полномочий – с магистратами. Если это так, возникает закономерный вопрос: не являлось ли описываемое явление частично следствием того, что в условиях кризиса или гражданской войны пространство для инициативы *privati* становилось шире обычного, поскольку число магистратов было невелико, а их способность к лидерству и контролю над инициативой оказывалась недостаточной на практике? В какой мере республиканская модель, в рамках которой инициатива была формально «привязана», как правило, к носителям годичных магистратур, отличалась от имперской, в которой магистраты, по-видимому, в большинстве случаев не могли инициировать ничего значимого без санкции принцепса? Эти вопросы могут послужить поиску направлений будущих изысканий.

В гл. 3 была рассмотрена иная общественно-политическая ситуация, в которой могла возникать фигура носителя переходного статуса между *privati* и *magistratus*: временное отстранение действующего магистрата от исполнения обязанностей. Если содержание гл. 2 сконцентрировано главным образом на

тех примерах, в которых немагистрат уподоблялся *magistratus*, потому что проявлял политическую инициативу, напоминая магистратскую, то гл. 3, напротив, в основном посвящена изучению того, каким образом недостаток неформальной инициативы влиял на описания в источниках тех лиц, которые технически оставались *magistratus*. Вместе с тем, рассматривались и те эпизоды, в которых отстраненный магистрат оказывался в состоянии восстановить свое положение.

В §1 гл. 3 были описаны три основных механизма досрочного прекращения исполнения функций магистрата: (1) вынужденная абдикация; (2) аброгация; (3) отстранение от должностных обязанностей.

Попытку Р. Баумана, О. Ликандро, Р. Фейг Вишния и др. исследователей поставить под сомнение представление Т. Моммзена о «несменяемости» (*Inamovibilität*) республиканских магистратов следует признать неубедительной. Аброгация по решению народа в эпоху Республики так и не стала стандартной практикой; наблюдаются лишь редчайшие исключения. Термин *abrogare/abrogatio* употребляется в источниках, однако анализ контекста конкретных событий всякий раз исключает возможность того, что имело место лишение должности. Кроме аброгации плебейского трибуната М. Октавия в 133 г., до 49 г. надежно не засвидетельствован ни один случай реализованного лишения магистратуры или плебейского трибуната. В тоже время относительно распространенной явилась практика аброгации пророгированного или делегированного империя промагистратов. Имеющиеся данные об общих принципах подтверждают то, о чем свидетельствуют конкретные случаи. Так, вопреки мнению Р. Баумана, М. Йене и некоторых других ученых, *lex Cassia* 105 г. может подразумевать лишь практику лишения промагистратов империя, но не досрочного лишения магистратур.

Помимо аброгации пророгированного или делегированного империя промагистратов и вынужденной абдикации существовали иные механизмы ограничения власти действующего магистрата: интерцессия, лишение провинции (сферы деятельности), заключение магистрата в тюрьму

плебейским трибуном. Но даже последняя мера не вела к продолжительному умалению собственно магистратского положения и, во всяком случае, оказывалась политически неэффективной, поскольку требовала от трибуна дополнительного обоснования своих действий.

Анализ терминологии источников при описании различных эпизодов блокирования действий магистратов показывает, что фразы вида *(a)b re publica remove/re summove* (или *administratione rei publicae summove*) могут обозначать ситуации, когда приостановка исполнения должностных обязанностей по длительности и по тяжести ограничений приближалась к акту лишения должности. Выражение *a re publica summove* также может подразумевать наиболее всеобъемлющее отстранение от любой политической активности, включая доступную *privatus*. В частности, эта формула в ряде эпизодов указывает на утрату способности выступать публично и предлагать новые политические меры (то есть быть заметным как *auctor*, например, в качестве влиятельного сенатора-немагистрата).

Наблюдения по поводу терминологии источников были необходимы для детального рассмотрения в гл. 3 четырех случаев отстранения от должностных обязанностей, относительно подробно описанных в источниках (Кв. Помпея Руфа в 88 г. – §2; Л. Корнелия Цинны в 87 г. – §3; претора Г. Юлия Цезаря и трибуна Кв. Цецилия Метелла Непота в 62 г. – §4; претора М. Целия Руфа в 48 г. – §5), а также ряда эпизодов, по поводу которых имеется меньше сведений. Современные исследователи часто интерпретировали их как примеры досрочного лишения самой магистратуры потому, что античные авторы переносили язык формальной *abrogatio* на ситуации, которые означали предотвращение возможности для магистрата самостоятельно действовать, хотя формального низложения не происходило. В особенности в кратких нарративах для обозначения отстранения от должностных обязанностей может употребляться терминология, которая обычно интерпретируется как указание на лишение самой должности (например, *ex auctoritate senatus consulatus ei abrogatus est* при описании отстранения Л. Корнелия Цинны в 87 г. и *abrogato*

magistratu в рассказе об отстранении М. Целия Руфа в 48 г.), однако анализ контекста конкретных событий всякий раз исключает возможность усмотреть в этих событиях примеры абrogации. Причина употребления указанной терминологии та же, что и в случае с магистратами-десигнатами (при диаметральной противоположности двух ситуаций), и заключается в ограниченности способов обозначить фактическую приостановку реализации магистратских обязанностей в условиях, когда античные авторы строят повествование с использованием дихотомии *privatus/magistratus*. Хотя употребление этой терминологии оказывается с правовой точки зрения неточным, оно отражает понимание античными наблюдателями отстранения магистратов как акта, фактически низводившего последних на положение *privati*.

Греческие авторы при описании римских реалий различали абrogацию и отстранение от должностных обязанностей. Так, Плутарх для описания абrogации трибуната М. Октавия в 133 г. употребляет гл. ἀποψηφίζεσθαι, явно указывающий на голосование комиций о лишении должности, тогда как отстранение консула Кв. Помпея Руфа в 88 г. передает, вероятнее всего, через ἐπάρχοντα παύσας (реконструкции текста могут быть различными, но обращает на себя внимание употребление причастия, обозначающего, видимо, процесс реализации полномочий, а не саму должность). При описании отстранения претора Г. Юлия Цезаря Плутарх подчеркивает, что до лишения самой должности (ἀτιμοῦν καὶ ἀποψηφίζεσθαι) дело так и не дошло.

Греческие авторы также поясняют своей аудитории существование в римской политической практике не только возможности сохранения магистратской должности, несмотря на лишение провинции, но и статуса *magistratus* при утрате способности активно влиять на ход политического процесса (случай претора М. Целия Руфа в 48 г. в изложении Кассия Диона и консула Кв. Помпея Руфа в 88 г. – в передаче Плутарха). В трудах римских авторов временное отстранение от должностных обязанностей не потребовало комментария, следовательно, оно могло представлять собой один из наиболее

глубоко укоренившихся компонентов политической культуры *civitas* эпохи Республики.

Отстранение от должностных обязанностей обычно описывается в источниках как совместный акт сената и высших магистратов, который обеспечивался легальными средствами одномоментного применения (например, повторяющимися актами интерцессии со стороны высшего магистрата, что особенно отчетливо видно в эпизоде с отстранением претора М. Целия Руфа в 48 г.) и дополнялся различными средствами экстра-легального принуждения. Такого рода отстранение от власти осознавалось как единый комплекс продолжительно действовавших мер.

Анализируемый механизм формально не означал потерю или умаление даже отдельных компонентов магистратской власти. Маркерами рассматриваемой ситуации являются сведения о физическом удалении или вытеснении магистрата из политически значимых публичных пространств римского полиса (показателен пример консула М. Кальпурния Бибула в 59 г.), установление наблюдения за магистратом (особенно в случае претора М. Целия Руфа в 48 г.), призыв к гражданам воздержаться от обращения с запросами к магистрату как носителю публичной власти (в частности, это видно в ситуации претора П. Деция в 115 г.), умаление внешнего достоинства и изменение облика носителя магистратской власти (утрата магистратского одеяния, уничтожение инсигний, нарушение физической неприкосновенности магистрата, – эти детали хорошо заметны практически во всех эпизодах), передача провинции магистрата его коллеге (применение данного механизма реконструируется, например, в отношении консула Кв. Помпея Руфа в 88 г.).

Отстранение от должностных обязанностей не игнорировалось, а признавалось самим отстраняемым магистратом как политическая реальность. На какое-то время последний принимал необходимость изменить модель поведения, например, воздерживался от выхода из дома или менял внешний вид. Такие детали содержатся во многих рассмотренных эпизодах. Так, при описании отстранения претора Г. Юлия Цезаря в 62 г. Светоний и Кассий Дион

употребляют фразы, которые обозначают решение самого Цезаря не инициировать ничего самостоятельно, а ждать и наблюдать, что будет дальше (quieturus; οὐδὲν ... ἐνεωτέρισεν).

Отстранение магистратов потенциально являлось временным и обратимым (*pro condicione temporum*, как пишет Светоний по поводу случая 62 г.). Для его преодоления необходимы были ожидание подходящего момента, инициатива сторонников, повторное неформальное подтверждение авторитета магистрата со стороны гражданского коллектива (например, аудиторией *contio*) и, в финале этого процесса, – со стороны тех акторов, которые инициировали отстранение. Свидетельствами восстановления положения ранее отстраненного магистрата являлись постановления сената, заявления в *contiones*, появление магистрата в публичных пространствах, из которых он ранее был вытеснен, демонстрация восстановленных инсигний, возвращение магистрата к реализации своих обычных обязанностей, нормализация личной коммуникации членов элиты. Так, в случае консула Л. Корнелия Цинны в 87 г. магистрат добивался как на *contiones*, так и со стороны сената публичного признания себя именно консулом, а не *privatus*. В эпизоде 62 г. сенат «восстановил» положение претора Г. Юлия Цезаря (*in integrum restituit*), хотя формального лишения претуры так и не произошло.

Практика отстранения от исполнения должностных обязанностей противоречила принципу воплощения суверенитета римского народа в фигуре избранного им магистрата, хотя и позволяла – в полном соответствии с римским правовым мышлением – уклониться от прямого формального нарушения указанного принципа (поскольку сам статус *magistratus* оставался неприкосновенным).

Во всех рассмотренных случаях отстранения магистратов действует тот же принцип, который выявляется при анализе политической роли магистратов-десигнатов в гл. 2, но теперь видна его обратная сторона. Если в гл. 2 аргументируется тезис о том, что экстраординарная степень «проактивности» *privatus* могла побуждать античных авторов к его сравнению с *magistratus* или

даже к уподоблению последнему, то результатом гл. 3 является выявление обратного механизма: отсутствие инициативы у действующего магистрата, особенно когда его лишают фактической возможности реализовать свои полномочия по собственному усмотрению и в выбранный им самим момент времени, по-видимому, заставляет античных авторов описывать его как *privatus* или как субъекта, близкого к носителям этого статуса. Это уподобление, своего рода «терминологическая ассимиляция», может ввести в заблуждение и заставить усмотреть изменение публично-правового статуса там, где такого изменения не происходило. Описываемый паттерн доминирует во всех предоставляемых источниками описаниях, несмотря на существенную специфику каждого конкретного эпизода.

Представляется, что в основе такого словоупотребления источников лежит общий, фундаментальный для республиканской политической культуры, принцип: магистратская власть означала не только набор формализованных прав и компетенций, но и поручение демонстрировать (при появлении необходимости) способность к самостоятельному, «креативному» политическому действию, причем на основе личного усмотрения, без явного принуждения со стороны других акторов. Из-за отсутствия полноценной альтернативы в политическом лексиконе (или осознанного отказа от ее выработки) античные авторы пользовались дихотомией *privatus/magistratus* для обозначения одновременно и правового статуса, и фактической (не)способности к самостоятельному политическому действию, выдвижению инициативы в конкретный момент времени.

Уподобление магистрата *privatus* в источниках – явление, противоположное рассмотренному в гл. 2 (а также в гл. 4) – прослеживается во всех десяти проанализированных эпизодах отстранения магистратов (включая четыре ключевых случая, перечисленных выше и изученных более подробно благодаря наличию большего числа деталей). Во всех этих ситуациях действующие магистраты оказывались неспособны проявлять

самостоятельную, независимую политическую инициативу, хотя формально сохраняли должность и весь комплекс связанных с нею полномочий.

Источники фиксируют такой переходный статус различными способами, с точки зрения действий как самого отстраненного магистрата, так и других акторов – по отношению к нему: сохранение формальных полномочий, но отказ от их применения по собственной инициативе (например, назначение диктатора консулами Т. Ветурием Кальвином и Сп. Постумием Альбином в 321 г. преподносится как автоматическое выполнение требований сената); описание демонстративного отказа от инсигний и магистратского облачения (триумвир А. Эмилий Лепид в 36 г., неназванный по имени претор 22 г. н.э. и др.); упоминание того, что магистрат не покидал пределов собственного частного дома (консулы Т. Ветурий Кальвин и Сп. Постумий Альбин в 321 г.), и т.п. Во всех известных примерах отстранения от должностных обязанностей наблюдается утрата способности к политической инициативе, при описании чего всегда заметно прямое уподобление магистрата *privatus* либо указание на то, что он действовал лишь в качестве *privatus*, либо другие участники событий взаимодействовали с ним так, будто он являлся *privatus* (консул М. Кальпурний Бибул в 59 г., преторы М. Юний Брут и Г. Кассий в городе Риме в 49 г. и др.).

Общий взгляд на проанализированные эпизоды позволяет сделать вывод о том, что решающее значение имели контроль над физическим пространством и доступ к каналам политической коммуникации. Во всех случаях видна практическая важность разграничения *in urbe* и *extra urbem*. Обычно эти понятия трактуются в историографии как производные от религиозных предписаний или военных практик раннего Рима (в недавно сформулированном новом подходе Д. Эммелиуса – и вовсе, скорее, как артефакт интеллектуальных упражнений римских антикваров). Но как минимум в ситуации отстранения от должностных обязанностей перемещение в город или за его пределы все-таки оказывалось ключевым элементом республиканской *Realpolitik*. Например, отстранение консула Л. Корнелия Цинны в 87 г. можно рассматривать как, по существу, попытку политическими

средствами воспрепятствовать его действиям на территории (за пределами города Рима), которая находилась вне непосредственного физического контроля его врагов.

Во всех примерах отстранения от должностных обязанностей, наиболее подробно освещенных в источниках (эпизоды 88, 87, 62 и 48 гг.), формальный статус магистрата на некоторое время становился для сторон конфликта в значительной мере нерелевантным в том смысле, что его приобретение или утрата в любом случае не успевали отразить динамику фактического положения дел, а порой и прямо ему противоречили. Об этом свидетельствует не только язык античных авторов (которые в ряде ситуаций «понижают» *magistratus* до *privatus*), но и сами решения и действия политических акторов, как они представлены в источниках. В свою очередь, отстранение от должностных обязанностей тоже могло не отражать фактическую ситуацию в том смысле, что служило скорее средством отреагировать на нее. Так, отказ противников Цинны в 87 г. признавать его консулом фиксируется в нарративных источниках лишь в тот момент повествования, когда он уже вновь обрел (или был близок к тому, чтобы вновь обрести) способность действовать именно в этом качестве (например, выступать в роли полководца).

Отстранение магистратов могло произойти быстро (а также без участия больших масс граждан) и, таким образом, потенциально обозначить произошедшие изменения оперативнее, чем это могло бы сделать формальное лишение магистратуры (ср. с ситуацией 133 г., связанной с аброгацией трибуната М. Октавия), во всяком случае, чем это было возможно в рамках регулярной смены годовичных магистратов. Следовательно, античные авторы, сообщая о такого рода случаях, проявляют способность фиксировать и концептуализировать политические изменения, не укладывавшиеся в годичный цикл смены должностных лиц. Динамика политической ситуации оказывалась в повествовании древних авторов более «дробной» и сложной, чем только динамика ежегодного обновления состава носителей

магистратской власти. Потребность фиксировать ее являлась объективным следствием ее усложнения и ускорения в конце Республики.

Отстранение магистрата формально представляло собой ситуацию, в которой технически он сам принимал решение воздержаться от дальнейшего осуществления своих властных прерогатив, даже если делал это не по своей воле. Каким именно образом магистрат оказывался вынужден приостановить деятельность в качестве носителя публичной власти, составляет отдельную проблему. Однако принципиально важно то, что на формальном уровне речь шла о его собственном выборе, а не о решении иных акторов. Это позволяет предположить, что в нормальных условиях магистрат, по римским представлениям, не должен был зависеть от обстоятельств, способных вынудить его отказаться от публичной политической инициативы. На это можно возразить, указав, что магистраты нередко сталкивались с обструкцией, прежде всего с интерцессией. Однако интерцессия была *ad hoc* мерой, требовавшей постоянного подтверждения и повторения для сохранения эффективности (хотя, как показывает пример претора Целия, интерцессия могла также становиться частью более широкого набора мер, обеспечивавших отстранение магистрата). Напротив, утрата инициативности, вызванная отстранением от должностных обязанностей, могла быть преодолена лишь при появлении новых обстоятельств или совершении непредсказуемых шагов как самим отстраненным магистратом, так и другими лицами. Если же инициатива оказывалась предсказуемой или контролируемой (например, «направленной» в русло, заранее просчитанное другим актором, как в 48 г. это старался обеспечить консул Сервий по отношению к претору Целию), она не могла стать переломным фактором, менявшим ситуацию. Следовательно, те эпизоды, которые можно отнести к числу случаев отстранения от должностных обязанностей, хотя и воспринимались античными авторами как временные и принципиально обратимые, могли стать таковыми только при условии существенного изменения ситуации и возникновения новых обстоятельств.

Восстановление способности отстраненного магистрата к самостоятельной политической инициативе требовало сначала ее демонстрации. Это особенно ясно показывают примеры Цинны в 87 г. и Цезаря в 62 г. Однако следует учитывать различие: в 62 г. претор смог вновь обрести способность действовать благодаря инициативе поддержавших его сторонников (толпа у дома Цезаря), тогда как в 87 г. Цинне пришлось самостоятельно искать способ выйти из-под физического контроля оппонентов и тем самым обеспечить себе свободу действий, на первом этапе за пределами города Рима. Более того, для достижения успеха Цинне предстояло сначала убедить даже потенциальных сторонников в том, что он должен быть (вновь) признан консулом, прежде чем он смог перейти к противодействию своим противникам уже в самом городе (попытка претора Целия в 48 г. сделать то же самое оказалась безуспешной).

Восстановление положения магистрата, возврат к «нормальной» ситуации и выход из нестабильного промежуточного положения могли оказаться как признаком политического торга (как в случае претора Цезаря в 62 г.), так и результатом полной победы одной из сторон в форме установления контроля над институтами *civitas* силой оружия (как показывает пример консула Л. Корнелия Цинны в 87 г.). Однако вне зависимости от конкретного исхода несомненным остается одно: отстранение магистрата всегда маркировало острый конфликт, но при этом не приводило к полному отказу участников от самой идеи политического лидерства, сопряженного исключительно со статусом *magistratus populi Romani*. По-видимому, глубокое уважение римской элиты к формальным институтам республиканского строя побуждало ее искать иные способы нейтрализации оппонента, не прибегая к прямой (формальной) аброгации должности. Уже само наличие подобных эпизодов объясняется идеологической установкой и подлинной заинтересованностью римского политического класса — даже в условиях гражданских войн и тем более в менее экстремальной обстановке (например, в 62 г.) — поддерживать формальные основания системы, определявшей место

каждого представителя элиты в политической жизни *civitas*. В таком случае неудивительно, что Август, выстраивая собственный режим с опорой на республиканские механизмы воспроизводства политического класса, широко задействовал принципы, лежавшие в основе практики отстранения магистратов от должностных обязанностей в эпоху Республики и позволявшие низводить магистратов на положение *privati* и, наоборот, возвышать отдельных лиц даже без избрания их в магистраты.

Важно, что все эти сдвиги, чередующиеся успехи и неудачи участников событий, источники описывают в терминах инициативы и реакции, причем передают их при помощи элементов дихотомии *privatus/magistratus*. Данное обстоятельство затрудняет для современных исследователей задачу различить формальное лишение должности и утрату способности к самостоятельной политической инициативе в результате отстранения от должностных обязанностей.

Нарративные источники уделяют внимание ярким, демонстративным жестам, сопровождавшим отстранение магистратов. Так, в ряде эпизодов один магистрат атакует символы власти другого. Хотя их уничтожение само по себе никак не могло помешать дальнейшему осуществлению полномочий в ближайшей перспективе, яростное сопротивление подобным атакам показывает, что борьба за власть на символическом уровне воспринималась римлянами как вполне реальная. В качестве варианта объяснения этого феномена можно отметить следующее. По-видимому, в условиях невозможности формальной абrogации иных способов видимой, публичной конкуренции оставалось не так много. Борьба за символы становилась одним из маркеров, которые могли помочь третьей стороне распознать, кто контролирует «повестку дня», а кто вынужден лишь отвечать. Эта логика подтверждается и тогда, когда сам магистрат демонстративно принимает облик *privatus* (например, принимая одеяния частного лица). Еще до формальной абдикации он таким образом дает понять оппонентам и всем остальным согражданам, что более не намерен бороться за власть, хотя номинально пока

еще может быть вынужден сохранять публично-правовой статус должностного лица (например, триумвир А. Эмилий Лепид в 36 г.). Если это верно, то отстранение от должностных обязанностей, понимаемое как блокирование политической инициативы, имело смысл только в рамках системы, основанной на публичности всех значимых политических действий. Таким образом, чтобы стать политически действенным, отстранение магистратов буквально требовало «видимости» (ср. рассуждения К.-Й. Хёлькескампа по поводу «публичности» римской политической культуры).

Наконец, во всех случаях, рассмотренных в гл. 3, способность магистрата выступать инициатором, действовать автономно и по собственному разумению, становилась для античных авторов значимым критерием оценки его политической состоятельности именно в ситуации подлинного и острого внутривластного конфликта. При «нормальном», «спокойном» функционировании республиканских институтов независимость политического актора от чужого мнения, по-видимому, не играла первостепенной роли для его оценки в последующей традиции: ключевым оставались формальное положение в иерархии магистратов и конкретное содержание предпринятых мер. Однако в моменты гражданского конфликта иерархия и формальные полномочия могли отступать на задний план, и внимание античных авторов привлекала способность актора сохранять независимость вопреки давлению обстоятельств. Так, Плутарх прямо указывает на то, что в 88 г. консул Л. Корнелий Сулла был вынужден (ἤναγκάσθη) отменить *feriae* и потому не мог действовать так, как подобало бы «настоящему» консулу (тогда как в более спокойной ситуации реализация консулом чужой инициативы, например, исходящей от сената, не воспринималось бы как критическая проблема и признак утраты магистратом реальной власти). Таким образом, политическая инициатива становилась предметом рефлексии античной традиции, скорее, при описании ею выраженного гражданского раскола и институционального кризиса или, во

всяком случае, серьезного конфликта отдельных представителей политического класса между собой.

Отсюда можно заключить, что тем заметнее в античных источниках тема политической инициативы, чем менее значимой становится формальная иерархия *honores*, и наоборот. Иными словами, политическая инициатива может рассматриваться как альтернативный способ описания тех властных отношений, которые обычно формулировались через рассказ о распределении магистратур. Если это рассуждение верно, то логично ожидать, что в описаниях политических реалий (включая стандартные практики управления) эпохи Принципата будет возрастать внимание к субъектности, инициативности и способности действовать без оглядки на одобрение, замыслы или расчеты иных акторов. Именно в этих категориях, а не столько в терминах распределения публичных должностей, источники чаще будут формулировать, кто обладает властью.

Таким образом, римляне противопоставляли *privati* и *magistratus*, однако допускали их сопоставление как самостоятельных политических акторов и даже уподобление одних другим в тех случаях, когда их привычные роли оказывались поставлены под сомнение.

В гл. 4 рассматривались сведения источников о деятельности промагистратов в сфере *domi*. Таким образом, фокус исследования был смещен от характерного для историографии интереса к анализу военного командования промагистратов и управления ими провинциями на рассмотрение вмешательства промагистратов в ситуацию в самом городе Рима.

В §1 гл. 4 отмечено, что в современных исследованиях различаются несколько типов акторов, не все из которых однозначно признаются учеными в качестве промагистратов *par excellence*: лица с продленным (пророгированным) империем; лица, получившие империй заново, после истечения магистратуры; лица с делегированным империем. Однако римляне не разработали такую систему, чтобы в ее рамках указанные три типа должностных лиц различались бы в формально-правовом отношении так,

чтобы это влияло: (1) на их отнесение к числу промагистратов (т.е. к числу лиц, законно уполномоченных действовать *pro magistratu*), и (2) на отсутствие у них права действовать в сфере *domi* (возможность триумфа в данном случае не принципиальна). Наконец, в историографии пока не прояснен вопрос о том, какой властью обладали проквесторы, если сами квесторы не имели империя. Эта проблема потребует дальнейшего изучения (его насущную необходимость подчеркивает проведенный анализ деятельности промагистратов в сфере *domi*).

Был аргументирован вывод о том, что все промагистраты относились к правовой категории *privati*, будучи, в отличие от других *privati*, носителями публичной власти. При этом в римской систематике они не составляли категории одного уровня с *privati* и *magistratus*. Сформулированная в последнее время В. Блэзелем идея о том, что промагистраты все же образовывали самостоятельную публично-правовую категорию наряду с *privati* и *magistratus*, не подтверждается источниками. В частности, два ключевых фрагмента *lex coloniae Genetivae* (130, l. 45; 131, l. 7) прямо опровергают эту трехчастную модель, показывая, что она не могла составлять основу логики, из которой исходил законодатель. Кроме того, модель В. Блэзеля не учитывает положение проквесторов (не наделенных дополнительно *imperium pro praetore*).

Отсутствие формулы *privatus cum imperio* в античных текстах только дополнительно подтверждает то, что они относились к числу *privati* и именно поэтому их эксплицитное обозначение в качестве таковых было излишним – за исключением тех случаев, когда промагистраты вторгались в сферу, относившуюся к компетенции *magistratus*.

Язык нарративной традиции может показаться противоречивым. В одних случаях промагистраты прямо называются *privati*; в других эпизодах *privati* и промагистраты явно разграничиваются. Однако это кажущееся противоречие закономерно вытекает из того, что античным авторам элементы дихотомии *privatus/magistratus* служили для обозначения как публично-правового статуса, так и неформальной политической роли, включая попытки отдельных

промагистратов действовать в сфере *domi* так, будто они были магистратами, либо претендовали на замещение других институтов *civitas*. Например, у Плутарха Катон называет двух проконсулов, Помпея и Цезаря, *idiotai*, поскольку они подменили сенат в его законной функции распределения армий. Греческий эквивалент термина *privatus* используется здесь именно потому, что наблюдается инициатива в той сфере, которая не относилась к компетенции промагистратов. Применение этого термина только ради описания формального статуса промагистратов не имело смысла и поэтому не практиковалось. Античные авторы были чаще заинтересованы в сопоставлении *privati*, не наделенных публичной властью, с магистратами и промагистратами, рассматриваемыми совместно, чем в сопоставлении магистратов и промагистратов между собой.

Ряд исследователей (Дж. Бриско, Я. Бергле, А. Далла Роза, Ф. Вербат, В. Блэзель) попытались исключить из рассмотрения те пассажи, в которых промагистраты названы *privati*. Три наиболее распространенных объяснения сводятся к предположению о простой «ошибке», к идее о том, что термин *privatus* применяется в «политизированном» смысле (полемическом ключе) и не претендует поэтому на юридическую точность, и, наконец, к утверждению, что некоторых промагистратов именовали *privati* лишь по той причине, что их не признавали легитимными, то есть, строго говоря, вообще не считали промагистратами. Однако примеры, приводимые исследователями в доказательство того, что промагистраты не входили в категорию *privati*, показывают лишь то, что античные авторы отличали промагистратов и прочих *privati*. Более внимательное рассмотрение таких случаев позволяет сделать вывод о том, что сопоставление действующего промагистрата и других *privati* всегда имело дополнительные причины. Иными словами, общего, системного противопоставления, не зависящего от конкретных обстоятельств и событий, не засвидетельствовано. Так, например, ожидаемое возвращение проконсула Цезаря из Галлии связывается в источниках с перспективой перехода вследствие этого к статусу *privatus* не потому, что его не считали *privatus*, пока

он оставался в Галлии, а потому, что при его возвращении возникала бы практическая возможность немедленно начать судебное разбирательство. Однако до пересечения городской черты Цезарь формально все же сохранял иммунитет как носитель империя и технически оставался проконсулом. Источники, описывая эту потенциальную ситуацию, называют его, тем не менее *privatus*, несмотря на сохранение промагистратской власти. Таким образом, имеются дополнительные обстоятельства, которые объясняют словоупотребление античных авторов: термин *privatus* не используется здесь только как обозначение публично-правового статуса. Различение античными авторами формального статуса и фактической утраты контроля над политической инициативой (в том числе, сопряженной с обладанием вооруженной силой и провинциями) стало даже причиной того, что К.М. Жирарде усомнился в достоверности традиции, особенно сообщения Светония. Но вместо того, чтобы объяснять словоупотребление Светония «ошибкой», следует сначала допустить, что античные авторы могли использовать слово *privatus* в различных значениях даже в рамках описания одной и той же ситуации.

В нарративной традиции, разумеется, проводится различие между обладателями империя, включая тех, кто имел его *pro magistratu*, и теми, у кого не было данных полномочий. Однако это обстоятельство не исключает того, что по умолчанию все промагистраты формально могли относиться к *privati*, даже если прямое употребление этого термина по отношению к ним становилось актуальным и имеющим политический смысл не всегда, а лишь в особых случаях, связанных с конфликтными ситуациями, что особенно заметно у Цицерона. Хотя различие между *magistratus* и *qui pro magistratu sunt* не имело критического значения с точки зрения ситуации в провинциях (ввиду этого, например, пропретора в провинции могли в нестрогом употреблении именовать просто *praetor*), невозможно предположить, что античные авторы стали бы называть пропретора *praetor*, если бы тот попытался воспользоваться империей в Риме или созвать комиции. Поэтому попытки некоторых

влиятельных промагистратов вмешаться в сферу *domi* (даже не напрямую) заставляли античных авторов напоминать об их публично-правовом статусе как *privati* и акцентированно вводить это определение в свое повествование. Именно такие эпизоды находились в центре внимания в гл. 4. Таким образом, смена фокуса исследования – от рассмотрения действий промагистратов в провинциях к изучению их попыток влиять на дела в городе Рима – позволила объяснить нормативное отнесение всех промагистратов к числу *privati* и причины, по которым источники актуализируют его только в определенных ситуациях.

Отсюда возник вопрос о формальных и практических ограничениях, накладывавшихся на промагистратов с тем, чтобы исключить их вмешательство в сферу *domi*. Практические ограничения были эффективны. Даже если допустить, что такие промагистраты, как Помпей и Цезарь, выработали широкий спектр методов для влияния на городские дела на расстоянии и через посредничество других акторов, следует признать: проецирование богатства и ресурсов, накопленных ими в провинциях, на процесс принятия решений в Риме позволяло им, скорее, сохранять и защищать уже достигнутые позиции, чем добиваться принципиально новых политических результатов, не подтвержденных ранее их собственными действиями в качестве магистратов (такие результаты могли быть вполне обеспечены лишь при непосредственном возвращении в Рим).

Формальные ограничения власти промагистратов связаны, прежде всего, с политическим значением городской границы Рима. Несмотря на заметную в историографии в настоящее время тенденцию ставить под сомнение (как это, в частности, делает Д. Эммелиус) значение померия как сакральной границы, имевшей политическое значение, ключевая роль городской черты (даже если ее не всегда можно строго отождествить с самим понятием *rometium*) именно для промагистратов остается несомненной. В то же время, как справедливо подчеркивает А. Джованнини, промагистраты не могли осуществлять политические действия, основанные на взаимодействии с коллективными

институтами *civitas*, даже если последние собирались *ad urbem*, а не *in urbe*. Однако дефицит особого вида *auspicia* (о чем пишет А. Джованнини) не объясняет это ограничение. Одним из альтернативных вариантов является концепция, сформулированная Ф. Дрогулой. Согласно ей, империй был и оставался сугубо военной властью, а *potestas* у промагистратов отсутствовала. Однако эта концепция может быть оспорена по общетеоретическим основаниям, связанным с различными интерпретациями понятий *imperium* и *potestas*. Кроме того, она не соответствует случаю проквесторов (не наделенным пропреторским империем), так как они вряд ли могли иметь империй, если его не имели сами квесторы. Другой вариант – исходить (как аргументирует в отечественной историографии В.В. Дементьева) из тезиса о том, что империй в течение всей истории Республики оставался в принципе применимым к сфере *domi* для целей политического управления, однако существовали различные способы его реализации, так что на практике она ограничивалась рядом публично-правовых механизмов. В том числе, среди них оказывались такие, которые не позволяли промагистратам действовать *in urbe*.

Хотя промагистраты в принципе могли присутствовать и на заседаниях сената, и в гражданских *contiones*, если они проводились *extra urbem*, им не полагалось активно действовать на них в качестве должностных лиц, ответственных не только за свои провинции. Во всяком случае, они не могли сами инициировать такие собрания. Это наблюдение побудило детально рассмотреть эпизоды, в которых промагистраты пытались сделать то, что им формально запрещалось, – инициировать публичное политическое действие в сфере *domi*. Примечательно, что даже их попытки действовать через магистратов, а не напрямую, вызывали критику античных авторов, и именно при описании этих ситуаций последние напоминали читателям о том, что промагистраты формально оставались *privati*.

Ряд значимых случаев такого рода можно обнаружить в описаниях событий до начала 60-х гг., однако основная часть примеров связана с

фигурами Помпея и Цезаря в последние десятилетия Республики. В §2 была рассмотрена деятельность проконсула Помпея *ad urbem* в 60–50-е гг. (включая исполнение им *cura annonae* в статусе проконсула и другие эпизоды). В §3 подробно проанализированы сведения о созыве проконсулом Помпеем собрания сенаторов 1 января 49 г. В §4 интерпретировалось сообщение Цезаря о применении промагистратами-помпеядцами ликторов в черте города Рима в начале 49 г. В §5 исследованы показания античных авторов о взаимодействии проконсулов Цезаря и Помпея с институтами *civitas* в этот же период, включая гражданские *contiones*, сенат, плебейских трибунов и магистратов. В заключительной части §5 гл. 4 была рассмотрена критика Цицероном действий М. Антония с точки зрения нарушения им ограничений, установленных для промагистратов.

Сделан вывод о том, что основными способами вмешательства промагистратов в сферу *domi* оказывались манипуляция магистратами для создания возможности выступить на официальной *contio* или в сенате с политически значимыми заявлениями, внесение и «продвижение» собственных предложений для разрешения политических проблем, находившихся вне сферы ответственности промагистрата, завуалированная угроза применения военной силы для давления на республиканские институты, организация неформальных собраний сенаторов *ad urbem*, «распоряжения» сенаторам и магистратам и др.

В источниках не обнаруживается надежных случаев, когда промагистрат напрямую нарушил бы такие формальные ограничения, как запрет на пересечение городской границы Рима (кроме, возможно, сообщения Цезаря о применении промагистратами из числа сторонников Помпея ликторов в черте города Рима в начале 49 г.) и отсутствие возможности самому официально созывать сенат, комиции и гражданские *contiones*. В частности, анализ участия проконсула Цезаря в заседаниях сената в начале 49 г. позволил надежно исключить возможность того, что он пересек черту померия, хотя в историографии высказывались аргументы в пользу такого предположения.

Этот вывод соотносится с наблюдением о том, что критика одного промагистрата другим избегала прямых упреков в нарушении формальных ограничений власти промагистрата, но открыто подчеркивала узурпацию оппонентом контроля над неформальной инициативой, включая обвинения в применении манипуляций и угроз, нарушавших достоинство и свободу действий уполномоченных акторов сферы *domi*.

Параллельно развитию практики оказания промагистратами неформального влияния на сферу *domi* происходил процесс легализации отдельных поручений некоторым промагистратам, а именно Помпею, в этой сфере, включая проведение собраний граждан с целью организации *cura annonae* (деятельность проконсула Помпея в качестве куратора анноны с 57 г.), охрана безопасности города Рима (поручение проконсулу Помпею обеспечить проведение консульских выборов в 53 г.) и осуществление судебных полномочий вместо магистратов в городе (*senatus consultum ultimum* 52 г., адресованный опять-таки проконсулу Помпею).

В тех эпизодах, в которых промагистраты уподобляются магистратам, сравниваются с ними или изображаются как фактически заместившие их в важнейших политических процессах, они одновременно представлены как акторы, контролировавшие неформальную инициативу. Это проявляется в том, что античные авторы игнорируют имена магистратов, созывавших для промагистратов (по их инициативе) *contiones* (выступление проконсула П. Корнелия Сципиона на *contio* в 210 г., речь проконсула Помпея при проведении суда над Габинием в 54 г. и др.). Вмешательство промагистрата в сферу *domi* также вызывает его уподобление магистрату (например, о проконсуле М. Эмилиии Лепиде в 77 г. в риторическом ключе сообщается, что он добивался второго консулата, не сложив первого). В то же время, уподобление промагистрата магистрату становится избыточным, во-первых, когда промагистрат претендует на власть значительно большую, чем традиционная власть любого магистрата (например, это видно в описаниях того, как проконсул Сулла осуществлял контроль над Римом в 82 г.), во-вторых,

если промагистрат легально наделен, по крайней мере, некоторыми магистратскими полномочиями (проконсул Помпей как куратор анноны с 57 г.). Еще одной причиной отсутствия явного акцента на инициативе в ряде случаев, когда промагистраты замещали магистратов в сфере *domi* (несмотря на все ожидания, которые возникают из самой логики представленного исследования), вероятно, было то обстоятельство, что уже само упоминание о физическом присутствии промагистрата *ad urbem* (не говоря уже о его нахождении *in urbe*) снижали потребность в дополнительном подчеркивании его инициативы в несвойственной ему сфере деятельности.

На практическом уровне Цезарь пишет о созыве проконсулом Помпеем неофициального собрания сенаторов 1 января 49 г., во всем подобного официальному заседанию. Наблюдается также зависимость функционирования республиканских институтов от физического присутствия и участия отдельных промагистратов (решение сената о том, что обсуждать распределение провинций следует только по прибытии проконсула Помпея).

В этом отношении участие проконсула Цезаря в *contiones* и сенатских заседаниях *ad urbem* в начале 49 г. особенно примечательно, так как в нашем распоряжении оказывается специфический источник – труд Лукана. То, что Лукан изображает собрание сената в апреле 49 г. так, будто оно официально было созвано самим Цезарем, вполне логично, если признать, что автор этим переосмыслил факт установления неформального контроля проконсула над сенатом, доведя его в поэтическом языке до утверждения, которое не соответствует реальности (надежно устанавливается по другим источникам, что Цезарь сам формально не созывал сенат). В другом эпизоде наблюдается своеобразное «дублирование» при применении понятия *privatus*, когда Лукан воображает утрату Цезарем возможности опереться на собственное войско. Хотя с публично-правовой точки зрения Цезарь как проконсул уже обладал статусом *privatus*, пока не стал магистратом (так его определяет и сам Лукан), поэт представляет дело так, словно Цезарь еще только должен был стать *privatus*. Контекст показывает, что Лукан, оперируя республиканской

дихотомией *privatus/magistratus*, не располагает иным терминологическим инструментарием и потому использует слово *privatus* в двух разных значениях: (1) *privatus* – это любой проконсул в сопоставлении с *magistratus*; (2) *privatus* – это гражданин, полностью лишенный публичной власти, включая власть промагистрата.

Предположение о том, что Лукан должен был ставить под сомнение проконсульский статус Цезаря, чтобы назвать его *privatus*, опровергается тем, что поэт применяет этот же термин по отношению к Помпею. Сама же способность Лукана учитывать подобные публично-правовые нюансы следует, например, из того, что он прямо отмечает утрату помпейцами магистратур к концу 49 г., а также описывает получение консулата, а затем и диктатуры Цезарем как качественный перелом.

Во всех случаях, когда Лукан называет Цезаря или Помпея *privatus*, он одновременно подчеркивает их полный контроль над формированием политической повестки. Язык поэта, допущенные им преувеличения и даже очевидные искажения исторических и правовых реалий отчетливее высвечивают то, что контроль проконсула над Римом воспринимался как существенное изменение ситуации. Лукан прибегает к использованию термина *privatus* не для «сухого» напоминания о формально-правовом положении промагистрата по отношению к действующим магистратам. Он использует обозначение *privatus* применительно к проконсулам лишь в тех эпизодах, в которых они фактически заменяют собой магистратов. При всей сосредоточенности на юридических тонкостях и правовой аргументации, римские авторы (и Лукан среди них – особенно явно; по-видимому, уже ввиду специфики выбранного им жанра) показывают, что динамика неформального контроля над политической инициативой могла, в их представлении, на какое-то время в значительной степени обесценить значение формального распределения власти.

Ряд обратных ситуаций подкрепляет сделанные выводы. Способность промагистрата к самостоятельному, политически значимому действию как

таковому – или даже к вмешательству в сферу *domi* – сама по себе еще не является достаточной причиной для того, чтобы античный автор уподобил его магистрату, если при этом отсутствует инициатива со стороны самого промагистрата (например, применение империя проконсула Кв. Фульвия Флакка в 211 г. в пределах померия ограничено военными задачами). В ряде случаев, когда промагистраты, как сообщается, выступают с речами на гражданских *contiones*, также известны имена магистратов, которые созывали эти собрания и официально приглашали промагистратов. В отличие от тех эпизодов, в которых *contiones* с участием промагистратов описываются без упоминания магистратов, здесь инициатива (как позволяют судить и дополнительные детали каждого конкретного эпизода) всегда принадлежит магистратам. В таких ситуациях отсутствуют какие-либо признаки уподобления промагистратов действующим магистратам. Напротив, античные авторы нередко дополнительно подчеркивают пассивность промагистратов, причем даже самых влиятельных, в сложившихся обстоятельствах. Промагистраты, независимо от степени их политического влияния вне контекста данной *contio*, изображаются либо как орудия в чужих руках, либо как лица, вынужденные реагировать на действия других (выступления на *contiones* проконсула Сципиона Эмилиана в 131–130 гг., проконсула Цезаря – на городских *contiones* в январе 58 г.; некоторые выступления проконсула Помпея на *contiones*). То обстоятельство, что отсутствие инициативы в отмеченных случаях иногда специально подчеркивается, а не просто подразумевается как нечто само собой разумеющееся, тоже примечательно. Это может свидетельствовать о том, что для позднейших наблюдателей «нормальным» ожиданием было как раз то, что промагистраты не упустили бы возможности взять ситуацию в свои руки, если для этого возникали подходящие условия.

Таким образом, представленный в гл. 4 анализ подтверждает вывод о том, что неформальная политическая инициатива, исходившая от

немагистратов, побуждает античных авторов систематически уподоблять последних магистратам.

Здесь уместно сопоставление с плебейскими трибунами. Эпизодическое применение термина *privatus* применительно к трибунам или, по крайней мере, тенденция античных авторов противопоставлять плебейских трибунов магистратам может иметь значение для обсуждения политической инициативы. (Замечу, что в указанном отношении описание трибунов по отношению к магистратам напоминает описание промагистратов по отношению к тем же.) Изначально «власть трибуна была по существу негативной или отменяющей властью», без полномочий «совершать конкретные публичные действия от имени государства»². В крайне редких случаях трибуны могут быть уподоблены *privati* (Liv. 2.56.10–15; Cic. *Vat.* 16; Plut. *Quaest. Rom.* 81). Однако в свете проведенного исследования использование термина *privatus* для критики плебейских трибунов выглядит менее необычным, чем могло показаться ранее. Если этот термин употребляется по отношению к ним уже потому, что, по крайней мере, первоначально, плебейские трибуны не мыслились как проактивные субъекты политического процесса, а должны были лишь реагировать на те или иные ситуации (в частности, защищать плебеев, столкнувшихся с угрозами и самостоятельно обратившихся за помощью), то трибунов могли обозначить *privati* вовсе не потому, что их считали формально «частными гражданами» в современном смысле. Не следует смешивать римское понимание *privatus*, которое может обозначать просто того, у кого нет политической инициативы, с современным понятием «частное лицо». Соответственно, определение плебейских трибунов как *privati* или отрицание их статуса как настоящих *magistratus* может быть связано с римским представлением о том, что их власть

² Drogula F.K. *Plebeian Tribunes...* P. 110. О том, что *potestas intercedendi* плебейских трибунов первоначально противопоставлялась *potestas agendi* магистратов, см., напр.: Bleicken J. *Das Volkstribunat...* S. 1 («rein negierenden Körperschaft»), 77.

изначально не была задумана как «инициирующая» что-либо, а не с тем, что римляне технически не считали трибунов должностными лицами³.

В гл. 5 подход, разработанный в гл. 4, был применен по отношению к промагистратам, действовавшим в последние годы существования *libera res publica*. Основное внимание было уделено событиям 32 г., когда бывшие триумвиры столкнулись с тем, что их магистратура прекратилась и они оказались неспособны договориться о ее очередной итерации. Это поставило их перед необходимостью действовать, опираясь только на сохранявшийся ими промагистратский (проконсульский) статус.

В §1 гл. 5 были проанализированные полномочия *triumviri rei publicae constituendae* в сфере *domi* в сопоставлении как с магистратами, так и с промагистратами. Изучение надписи из Афродисия с упоминанием промагистратов (*ἀντάρχοντες*) в числе тех, кто мог созывать сенат, позволило аргументировать вывод о том, что имелись в виду триумвиры г.р.с. и их будущее (ожидаемое) возвращение на положение проконсулов, причем способных обеспечить интересы греческого полиса в римском сенате даже при отсутствии *ius senatus habendi*. Таким образом, ожидалось, что промагистраты смогут оказать влияние на сенат. Анализ других источников подтверждает, что после того, как первый пятилетний срок триумвиров истек 1 января 37 г., они продолжали действовать как носители публичной власти не только в сфере *militiae*, но и фактически, хотя и не официально (т.е. не претендуя на формальное сохранение триумвирата), в сфере *domi*.

Анализу одного из ключевых эпизодов вмешательства промагистратов в сферу *domi* (участие Октавиана в собрании сената в январе 32 г.) было предпослано рассмотрение обширной исследовательской дискуссии о дате завершения триумвирата *rei publicae constituendae* (§2 гл. 5). Представление о

³ В то же время, первоначальное отсутствие четко очерченной сферы ответственности или ожиданий «конкретных позитивных действий» довольно быстро позволило плебейским трибунам стать одними из наиболее «креативных» должностных лиц, давая им возможность в большей степени, чем другим, проявлять подлинную политическую инициативу. Ср.: Drogula F.K. *Plebeian Tribunes...* P. 113.

том, что второй срок полномочий триумвиров истек 31 декабря 32 г., следует отвергнуть. Центральным аргументом для его обоснования служит сообщение Аппиана о том, что в 33 г. до окончания второго пятилетия триумвиров оставалось еще два года. Но это утверждение логически взаимосвязано с другим сообщением Аппиана (из которого следует, в частности, то, что первый триумвират якобы продолжался с 1 января 41 г. по 1 января 36 г.). Поскольку ошибочно второе, следует поставить под сомнение и первое. Остальные аргументы сторонников тезиса о том, что триумвират завершился в конце 32 г., носят косвенный характер, а сама концепция требует считать неверным противоречащий ей целый ряд однозначных показаний источников, включая свидетельства Августа и Светония. Также должна быть отвергнута близкая данной позиции гипотеза А. Цака, согласно которому, фактически полномочия триумвиров прекратились уже в конце лета 32 г. после отстранения Антония, следовательно, при подсчете только полных лет срок триумвирата не превысил десяти лет. Таким образом, А. Цак освобождает себя от необходимости отвергать сообщения, которые исходят от Августа, прежде всего, утверждение о том, что триумвиром он был в течение 10 лет. Однако исследователь не приводит убедительных конкретных доказательств. Например, факт абrogации триумвирата М. Антония в конце лета 32 г. и того, что после этого события также завершились магистратские полномочия Октавиана, А. Цак никак не обосновывает.

Еще более проблематичной представляется идея о том, что триумвират вообще не имел какого-либо строгого срока полномочий, наступление которого приводило бы к его прекращению *ipso iure*. Республиканская политическая традиция не допускала бессрочного продолжения какой бы то ни было магистратуры. Вывод о том, что это было возможно, основан, главным образом, на гипотезе У. Коли. Построения У. Коли требуют считать, что выделяемые им т.н. «магистратуры *ad tempus incertum*» (включая триумвират г.р.с.) в обычной ситуации формально прекращались только путем абдикации. Но поскольку абдикация по определению сама является формально

добровольным актом, оказывается, что некоторые магистраты имели законное право сохранять свою власть только потому, что они не желали совершать абдикацию. Тогда само по себе выполнение задачи, ради которой учреждалась такая должность, фактически не имело никаких юридических последствий, т.к., согласно У. Коли, в этом случае все равно требовался акт отказа от должности. Однако исходным пунктом всех рассуждений У. Коли являлось утверждение о том, что именно существование конкретной задачи было формальной причиной того, что такие магистратуры не прекращались *ipso iure*, в отличие, например, от консулата.

Кроме того, если рассматривать гипотезу У. Коли о магистратурах *ad tempus incertum* и анализ Ф. Верватом поведения Октавиана в 32 г. как элементы единого целого, становится очевидным «порочный круг» аргументации. Ф. Верват (при наличии других возможных объяснений) интерпретирует свидетельства о том, что Октавиан в 32 г. действовал так, словно он все еще оставался триумвиром, как логическое следствие особой природы *tempus* триумvirата, постулируемой У. Коли. В то же время сам У. Коли использует те же свидетельства, чтобы доказать, что триумvirат вообще представлял собой магистратуру *ad tempus incertum*.

Основываясь на построениях У. Коли, ряд исследователей, прежде всего Ф. Верват, делают вывод о том, что триумвиры могли сохранять свои полномочия неограниченно долго после истечения установленного срока. Однако, это заставляет Ф. Вербата делать из имеющихся сведений нарративных источников по поводу триумvirата выводы, которые они не могут подкрепить. Кроме того, концепция Ф. Вербата внутренне противоречива: Октавиан якобы скрывал тот факт, что оставался триумвиром до 27 г. (даже формально действуя на основании именно этих полномочий), но в то же время в 27 г. торжественно и открыто совершил абдикацию триумvirата. Аналогичного характера противоречие возникает при попытке А. Далла Розы обосновать те же выводы, что и Ф. Верват, при помощи

нумизматического свидетельства – аурея с легендой LEGES ET IVRA P. R. RESTITVIT.

К.Й. Ланге разработал более детальную интерпретацию содержания формального предложения для продления триумvirата после завершения срока полномочий. Однако все т.н. «задачи» Октавиана и других триумvиров, которые прослеживает Ланге после 33 г., относились к сфере *militiae* и вполне могли быть поручены проконсулам. Следовательно, незавершенность этих задач не могла служить формальным основанием для продолжения исполнения триумvirата.

Проведенный анализ проблемы срока окончания триумvirата не только позволил определить положение триумvиров как в некотором смысле тоже промежуточное или переходное, но и подойти к рассмотрению деятельности экс-триумvира Октавиана в сфере *domi* в качестве проконсула, включая ключевой эпизод – его выступление в сенате в начале 32 г. (§3). Сообщение Кассия Диона об этом дает представление о том, какое политическое значение имел промагистратский статус в конце республиканской эпохи. Описание Дионом сенатского заседания, после которого оба консула и другие сторонники Антония бежали из Рима, не предполагает какого-либо изменения формального статуса участников. Иными словами, если такое изменение (например, истечение срока триумvirата) вообще имело место, то оно либо произошло до заседания сената и бегства консулов, либо должно было состояться после того, как реальный перелом (по крайней мере, в изложении Диона) уже наступил. Этот перелом, как его описывает Дион, не может быть понят иначе как в терминах приобретения или утраты контроля над неформальной инициативой и формированием политической повестки.

Дион также описывает попытки противной стороны захватить и удержать контроль, но с самого начала показывает их как безнадежные. Для этого греческий автор вводит такую деталь, как временный добровольный отказ Октавиана от инициативы с целью избежать роли ответственного за начало конфликта. Это позволяет Диону представить первоначальный успех

его оппонента (консула Сосия) в сенате как предсказуемый, заранее учтенный Октавианом, и, следовательно, эфемерный.

Взгляд на повествование Диона как на описание этапов смены контроля над неформальной политической инициативой позволяет предложить объяснение его необычному замечанию о том, что Октавиан предоставил некое оправдание своему отсутствию в Риме (до момента созыва решающего собрания сената). Проконсулу, рассчитывавшему на триумф, едва ли требовалось объяснять, почему ему необходимо покинуть город. Однако формулировка Диона οὐθ' ὅλως ἐν τῇ πόλει διήτήθη («и вообще не оставался в городе») подразумевает, что Октавиан покинул окрестности Рима, а не только пределы сакральной границы города. Это вполне логично, если полагать, что Октавиан действительно стремился продемонстрировать своим противникам отсутствие намерения начинать политическую борьбу за город. Такое демонстративное воздержание от инициативы с целью вынудить противников нанести первый удар можно рассматривать как способ захвата этой самой инициативы на следующем этапе борьбы.

Описывая заседание сената в начале 32 г., Дион подчеркивают контроль Октавиана над неформальной инициативой при помощи деталей, которые традиционно связывались с обладанием магистратским положением (место председателя, приоритет в озвучивании мнения, контроль над предоставлением слова, анонсирование повестки следующего собрания и др.), а также дополнительных элементов, которые в нарративах о ранней Империи будут тесно сопряжены с описаниями фигуры принцепса (вооруженная охрана).

Таким образом, наряду с характеристикой распределения формальных honores и potestates, источники уделяют внимание динамике неформальной политической инициативы, в том числе, у граждан переходных статусов между privati и magistratus. Чем более подчеркнуто античными авторами значение неформальной инициативы, тем менее они склонны отмечать важность распределения магистратур, и наоборот. Так, необходимость риторического

уподобления *privatus* магистрату отпадает, как только *privatus* оказывается формально наделен необходимыми магистратскими полномочиями.

В I в. до н.э. происходил процесс выработки римской *civitas* гибкого оперативного внеправового механизма реагирования на ситуации, в которых политическое лидерство, выраженное в формальном распределении *honores* и *potestates*, оказывалось неэффективным или признавалось угрожающим стабильности Республики. Успешные политики из числа магистратов-десигнатов и промагистратов могли, опираясь на свой особый статус и те возможности, которые отличали их от остальных *privati*, в отдельных случаях компенсировать неспособность действующих магистратов осуществлять руководство римской гражданской общиной. Соответственно, действующие магистраты, поведение которых воспринималось как угрожавшее Республике, могли быть «нейтрализованы» без формального лишения должности или умаления достоинства занимаемой ими магистратуры.

Неформальная политическая инициатива явилась «компенсаторным» механизмом, необходимым для предотвращения катастрофического сценария потери доверия граждан к политическому классу в целом, а также для сглаживания остроты конфликтов внутри последнего, т.е. она играла роль стабилизирующего фактора. В эпоху Республики этот механизм на практике дополнял существующую систему распределения формальных полномочий.

Подводя итог, необходимо отметить следующее. Были рассмотрены три основных типа переходных статусов. Устойчивая тенденция проанализированных источников состоит в том, что субъекты, которые технически оставались *privati* (магистраты-десигнаты и промагистраты), уподоблялись *magistratus* и сравнивались с ними лишь тогда, когда, помимо осуществления значимого (заметного для позднейшей традиции) самостоятельного действия, они также проявляли неформальную политическую инициативу. Если этого не происходило, никакого явного сопоставления не возникало (кроме того, иногда такое сопоставление

становилось избыточным по иным причинам). Поскольку античные источники почти не проявляют интереса к зависимым, техническим или вспомогательным политическим действиям, примеров значимых индивидуальных действий, лишенных инициативы, значительно меньше. Тем не менее, они существуют и могут подтвердить выводы данного исследования.

Аналогичным образом *magistratus* сравнивается или уподобляется *privatus* (или даже прямо так именуется) лишь в тех случаях, когда он очевидным образом не контролировал неформальную инициативу.

Эти два связанных наблюдения позволяют предположить, что римляне воспринимали контроль над неформальной политической инициативой – при всей неизбежной размытости этого понятия – как неотъемлемый компонент самой магистратуры. Однако важно подчеркнуть, что этот компонент имел смысл лишь как часть системы двух взаимосвязанных элементов, «сообщающихся сосудов», вторым из которых являлись формальные полномочия и стандартные функции магистратов. Иными словами, если магистрат просто вел «дела в обычном порядке» и ни один немагистрат не брал на себя неформальную инициативу вместо него, античные наблюдатели признавали первого полноценным *magistratus* и не ожидали от должностного лица ярких, меняющих политический курс инициатив. В таких случаях отсутствие подчеркнутой инициативы магистрата не побуждало древних авторов «понижать» его статус до *privatus*. Однако если недостаток выраженного лидерства со стороны должностного лица (особенно на высших уровнях, таких как консулат) совпадал с инициативой немагистрата (или актора, занимавшего промежуточное положение), способность этого должностного лица претендовать на удержание роли *magistratus par excellence* действительно могла быть поставлена под сомнение.

В ситуациях, когда требовалась подлинная инициатива, утрата контроля в пользу *privatus* означала нарушение фундаментального и широко признанного принципа. Это почти автоматически приводило к использованию публично-правовой терминологии в нетехническом смысле, поскольку

римляне не выработали специального понятия для обозначения необычного поведения немагистратов, напоминавшего магистратское, или, напротив, необычного поведения магистратов, напоминавшего действия *privati*.

Таким образом, указания на неформальную инициативу (особенно в тех случаях, когда *privatus* явно уподоблялся *magistratus* и наоборот) позволяли античным авторам добавить еще одно измерение к политическим самоописаниям, не прибегая к разработке для этого новой, специальной терминологии. Этот способ характеристики политической практики опирался на ту же дихотомию *privatus/magistratus*, которая обычно использовалась в публично-правовом смысле. В результате исследователям порой трудно различать подобные случаи от описаний формального статуса актора как *privatus* или *magistratus*. Более того, даже сами античные авторы иногда искажали картину, путая описание неформальной инициативы с характеристикой публично-правового статуса.

Использование одной и той же дихотомии *privatus/magistratus* для обозначения как формальных, так и неформальных аспектов политики является, на мой взгляд, неслучайным. Оно может указывать на то, что описание неформальной инициативы понималось как альтернативный способ зафиксировать те же властные отношения, которые в иных случаях выражались через описание распределения должностей и отдельных прерогатив.

Подобно формальной власти (*honores* и *potestates*), неформальная инициатива могла быть получена или потеряна, оспорена или признана. Рассказ об этом мог приобретать собственную, независимую динамику в античной традиции. Характеристика таковой динамики использовалась римлянами для описания политической реальности в тех случаях, когда распределение должностей и полномочий не позволяло адекватно и сжато охарактеризовать произошедшее.

Изучение переходных статусов между *privati* и *magistratus* показало, что в контроле над неформальной политической инициативой заключался еще

один элемент римского восприятия магистратской и в целом должностной власти. В диссертации предложено объяснение употреблению античными авторами дихотомии *privatus/magistratus*.

Проведенное исследование позволило сформулировать концепцию роли граждан переходных статусов между *privati* и *magistratus* в политической жизни и политической культуре Римской республики, охватывающую проявления римскими гражданами политического лидерства в тех ситуациях, когда наблюдалось несоответствие публично-правового положения лидера и его активных действий, выражавшихся преимущественно в неформальной политической инициативе.

Наконец, разработанный подход указывает на возможность рассмотрения Принципата как системы всеобъемлющего и обыденного контроля над неформальной инициативой, которая глубоко коренилась в политическом опыте *libera res publica*.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

I. Источники

1. Публикации эпиграфических, папирологических, нумизматических источников:

Cassieri N., Gregori G.L., Refalo-Bistagne J.-B. Le ultime acquisizioni dal teatro di Terracina e l'eccezionale iscrizione del triumviro M. Emilio Lepido // *Mélanges de l'École française de Rome – Antiquité*. 2019. Vol. 131. P. 501–518.

CIL I = Corpus Inscriptionum Latinarum. Vol. I: Inscriptiones Latinae antiquissimae ad C. Caesaris mortem / Ed. Th. Mommsen. Berlin: Georg Reimer, 1863. 649 p.

CIL I² = Corpus Inscriptionum Latinarum. Vol. I: Inscriptiones Latinae antiquissimae ad C. Caesaris mortem. Pars 1: Fasti consulares ad a.u.c. DCCLXVI. Elogia clarorum virorum. Fasti anni Iuliani / Ed. Th. Mommsen, G. Henzen. Ed. 2. Berlin: Georg Reimer, 1893. 364 p.; Pars 2, Fasc. 1 / Ed. Th. Mommsen, E. Lommatzsch. Ed. 2. Berlin: Georg Reimer, 1918. 524 p.

CIL III = Corpus Inscriptionum Latinarum. Vol. III: Inscriptiones Asiae, Provinciarum Europae Graecarum, Illyrici Latinae. Pars 1: Inscriptiones Aegypti Et Asiae. Inscriptiones Provinciarum Europae Graecarum. Inscriptionum Illyrici Partes I–V / Ed. Th. Mommsen. Berlin: Georg Reimer, 1873. 586 p.

CIL V = Corpus Inscriptionum Latinarum. Vol. V: Inscriptiones Galliae Cisalpinae Latinae. Pars 1: Inscriptiones Regionis Italiae Decimae Comprehendens / Ed. T. Mommsen. Berlin: Georg Reimer, 1872. 544 p.

CIL XIV = Corpus Inscriptionum Latinarum. Vol. XIV: Inscriptiones Latii Veteris Latinae / Ed. H. Dessau. Berlin: Georg Reimer, 1887. 608 p.

Costabile F., Licandro O. Tessera Paemeiobrigensis: un nuovo editto di Augusto, dalla Transduriana provincia e l'imperium proconsulare del princeps. Rome: L'Erma di Bretschneider, 2000. 148 p.

Degrassi A. Fasti Capitolini. Torino: Paravia, 1954. 191 p.

Gaebler H. Die Antiken Münzen von Makedonia und Paionia. Berlin: Walter de Gruyter, 1935. 234 S.

Il senatus consultum de Plarasensibus et Aphrodisiensibus del 39 a. C. / Ed. A. Raggi, P. Buongiorno. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2020. 205 p.

ILLRP = Inscriptiones Latinae Liberae Rei Publicae. Fasc. 1–2 / Cur. A. Degrassi. Firenze: La Nuova Italia, 1957–1963.

ILS = Inscriptiones Latinae selectae. Vol. 1–3 / Ed. H. Dessau. Berlin, 1954–1955.

Inscriptiones Italiae. Vol. 13. Fasti et Elogia. Fasc. 1 / Ed. A. Degrassi. Roma: Libreria dello Stato, 1947. 547 p.

Inscriptiones Italiae. Vol. 13. Fasti et Elogia. Fasc. 3 / Ed. A. Degrassi. Roma: Libreria dello Stato, 1937. 86 p.

No. 302. Edict of Octavian, Papyrus, 37–30 B.C. (?) // Documents Illustrating the Reigns of Augustus and Tiberius / Eds. V. Ehrenberg, A.H.M. Jones. Oxford: Clarendon Press, 1949. P. 126–127.

RDGE = Roman Documents from the Greek East: *senatus consulta* and *epistulae* to the Age of Augustus / Ed. R.K. Sherk. Baltimore: Johns Hopkins Press, 1969. 396 p.

Rea J.R. The Oxyrhynchus Papyri. Vol. 40. London: Egypt Exploration Society, 1972. 134 p.

Reynolds J. Aphrodisias and Rome. London: Society for the Promotion of Roman Studies, 1982. 231 p.

RGDA = Res gestae divi Augusti: Text, Translation and Commentary / Ed. A.E. Cooley. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. 317 p.

Rich J.W., Williams J.H.C. *Leges et Ivra P. R. Restituit*: A New Aureus of Octavian and the Settlement of 28–27 B. C. // Numismatic Chronicle. 1999. Vol. 159. P. 169–213.

Roman Statutes / Ed. M.H. Crawford. Vol. 1–2. London: Institute of Classical Studies, University of London, 1996. 877 p.

SIG³ = Sylloge Inscriptionum Graecarum. Vol. 2 / Ed. W. Dittenberger. Ed. 2. Leipzig: S. Hirzel, 1917. 627 p.

2. Издания сочинений античных авторов на языках оригиналов:

Appian. Roman History. Vol. 1–6 / Ed. and Transl. B. McGing. Cambridge, MA; London: Harvard University Press, 2019–2020.

Appian. Wars of the Romans in Iberia / Ed. J.S. Richardson. Warminster: Aris & Phillips, 2000. 184 p.

Appiani bellorum civilium liber primus / Ed. E. Gabba. Firenze: La Nuova Italia, 1958. 444 p.

Appien. Histoire romaine. T. VIII. Livre XIII. Guerres civiles. Livre I / Eds. P. Goukowsky, F. Hinard. Paris: Les Belles Lettres, 2008. 211 p.

Appien. Histoire romaine. T. XII. Livre XVII. Guerres civiles. Livre V / Éd. M. Étienne-Duplessis. Paris: Les Belles Lettres, 2013. 560 p.

Asconius. Commentaries on Five Speeches of Cicero / Ed., transl. S. Squires. Bristol; Wauconda: Bristol Classical Press; Bolchazy-Carducci Publishers, 1990. 166 p.

Boethius. Theological Tractates. The Consolation of Philosophy / Transl. H.F. Stewart, E.K. Rand, S.J. Tester. Cambridge, MA; London: Harvard University Press, 1973. 464 p.

C. Iuli Caesaris Commentariorum Libri III De Bello Ciuili / Ed. C. Damon. Oxford: Oxford University Press, 2015. 227 p.

C. Iulii Caesaris commentarii De Bello Civili / Ed. F. Kraner, F. Hofmann. 3. Aufl. Berlin: Weidmann, 1864. 300 p.

C. Iulii Caesaris commentarii De Bello Civili / Erkl. F. Kraner, F. Hofmann, H. Meusel. 12. Aufl. Berlin: Weidmann, 1959. 425 p.

C. Iulii Caesaris Commentarii De Bello Gallico. Bd. 2 / Erkl. F. Kraner, W. Dittenberger, H. Meusel. Dublin; Zürich: Weidmann, 1967. 724 S.

C. Iulii Caesaris Commentarii; cum A. Hirtii aliquorumque supplementis. Vol. 2: Commentarii De Bello Civili / Rec. B. Kübler. Leipzig: B.G. Teubner, 1894. 153 S.

C. Iulii Caesaris commentariorum De Bello Civili libri III / Ed. C.G. Herzog. Leipzig: Karl Franz Köhler, 1834. 547 p.

C. Sallusti Crispi Historiae I: fragmenta 1.1–146. Texte und Kommentare, Bd 51 / Hrsg. A. La Penna, R. Funari. Berlin; Boston: De Gruyter, 2015. 1121 p.

Caesar. Alexandrian War. African War. Spanish War / Transl. A.G. Way. Cambridge, MA; London: Harvard University Press, 1955. 426 p.

Caesar. Der Bürgerkrieg / Ed. O. Schönberger. München; Zürich: Artemis, 1984. 424 S.

Caesar. Gallic War / Ed. and transl. C. Damon. Cambridge, MA; London: Harvard University Press, 2025. 624 p.

Caesar: Civil War / Ed. C. Damon. Cambridge, Mass.; London: Harvard University Press, 2016. 450 p.

Caesar's Civil War / Ed. B. Perrin. New York: University Publishing Company, 1882. 344 p.

Caii Iulii Caesaris commentarii De Bello Civili / Ed. J.C. Held. 4. Aufl. Sulzbach: Seidel'sche Buchhandlung, 1856. 306 p.

Caii Iulii Caesaris commentarii De Bello Civili / Ed. L. Apitz. Berolini: C.F. Plahn, 1837. 334 p.

César. De bello civili. Livre premier / Ed. M. Rambaud. Paris: Presses Universitaires de France, 1962. 132 p.

Cicero, Philippicae. Filipice / Eds. M. Paraschiv, N. Zugravu, C. Sălăvăstru. Vol. 1. Iași: Editura Universității «Alexandru Ioan Cuza», 2019. 419 p.

Cicero. Brutus. Orator / Transl. G.L. Hendrickson, H.M. Hubbell. Cambridge, MA; London: Harvard University Press, 1939. 544 p.

Cicero. In Catilinam 1–4. Pro Murena. Pro Sulla. Pro Flacco / Transl. C. Macdonald. Cambridge, MA; London: Harvard University Press, 1976. 640 p.

Cicero. Letters to Atticus. Vol. 1–4 / Ed. and Transl. D.R. Shackleton Bailey. Cambridge, MA; London: Harvard University Press, 1999.

Cicero. Letters to Friends. Vol. 1–3 / Ed. and Transl. D.R. Shackleton Bailey. Cambridge, MA; London: Harvard University Press, 2001.

Cicero. Letters to Quintus and Brutus. Letter Fragments. Letter to Octavian. Invectives. Handbook of Electioneering / Ed. and Transl. D.R. Shackleton Bailey. Cambridge, MA; London: Harvard University Press, 2002. 496 p.

Cicero. On Duties / Transl. W. Miller. Cambridge, MA; London: Harvard University Press, 1913. 448 p.

Cicero. On Ends / Transl. H. Rackham. Cambridge, MA; London: Harvard University Press, 1914. 544 p.

Cicero. On Invention. The Best Kind of Orator. Topics / Transl. H.M. Hubbell. Cambridge, MA; London: Harvard University Press, 1949. 480 p.

Cicero. On Old Age. On Friendship. On Divination / Transl. W.A. Falconer. Cambridge, MA; London: Harvard University Press, 1923. 576 p.

Cicero. On the Nature of the Gods. Academics / Transl. H. Rackham. Cambridge, MA; London: Harvard University Press, 1933. 688 p.

Cicero. On the Orator: Book 3. On Fate. Stoic Paradoxes. Divisions of Oratory / Transl. H. Rackham. Cambridge, MA; London: Harvard University Press, 1942. 448 p.

Cicero. On the Orator: Books 1–2 / Transl. E.W. Sutton, H. Rackham. Cambridge, MA; London: Harvard University Press, 1942. 512 p.

Cicero. On the Republic. On the Laws / Transl. C.W. Keyes. Cambridge, MA; London: Harvard University Press, 1928. 544 p.

Cicero. Philippics. Vol. 1–2 / Ed. and Transl. D.R. Shackleton Bailey. Rev. J.T. Ramsey, G. Manuwald. Cambridge, MA; London: Harvard University Press, 2010.

Cicero. Pro Archia. Post Reditum in Senatu. Post Reditum ad Quirites. De Domo Sua. De Haruspicum Responsis. Pro Plancio / Transl. N.H. Watts. Cambridge, MA; London: Harvard University Press, 1923. 560 p.

Cicero. Pro Caelio. De Provinciis Consularibus. Pro Balbo / Transl. R. Gardner. Cambridge, MA; London: Harvard University Press, 1958. 416 p.

Cicero. Pro Lege Manilia. Pro Caecina. Pro Cluentio. Pro Rabirio Perduellionis Reo / Transl. H.G. Hodge. Cambridge, MA; London: Harvard University Press, 1927. 512 p.

Cicero. Pro Milone. In Pisonem. Pro Scauro. Pro Fonteio. Pro Rabirio Postumo. Pro

Marcello. *Pro Ligario. Pro Rege Deiotaro* / Transl. N.H. Watts. Cambridge, MA; London: Harvard University Press, 1931. 560 p.

Cicero. *Pro Quinctio. Pro Roscio Amerino. Pro Roscio Comoedo. Pro Tullio. De Lege Agraria* / Ed. and Transl. A.R. Dyck. Cambridge, MA; London: Harvard University Press, 2025. 624 p.

Cicero. *Pro Sestio. In Vatinius* / Transl. R. Gardner. Cambridge, MA; London: Harvard University Press, 1958. 400 p.

Cicero. *The Verrine Orations, Vol. 1: Against Caecilius. Against Verres, Part 1* / Transl. L.H.G. Greenwood. Cambridge, MA; London: Harvard University Press, 1928. 528 p.

Cicero. *The Verrine Orations, Vol. 2: Against Verres, Part 2* / Transl. L.H.G. Greenwood. Cambridge, MA; London: Harvard University Press, 1935. 704 p.

Cicero. *Tusculan Disputations* / Transl. J.E. King. Cambridge, MA; London: Harvard University Press, 1927. 624 p.

Cicero: *Select Letters* / Ed. D.R. Shackleton Bailey. Cambridge: Cambridge University Press, 1980. 234 p.

Ciceronis Orationum Scholiastae / Rec. T. Stangl. Hildesheim: Georg Olms, 1964. 351 p.

Corpus iuris civilis. Vol. 1 / Rec. P. Krueger, Th. Mommsen. *Retractavit Paulus Krueger* Berlin: Weidmann, 1911. 957 p.

Declamatio in L. Sergium Catilinam / Ed. H. Kristofferson. Göteborg: Eranos' Forlag, 1928. 167 p.

Die Fragmente der griechischen Historiker. Teil 2A: Universalgeschichte und Zeitgeschichte / Hrsg. F. Jacoby. Berlin: Weidmann, 1926.

Dio Cassius. *Roman History. Vol. 1–9* / Transl. E. Cary, H.B. Foster. Cambridge, MA; London: Harvard University Press, 1914–1927.

Diodorus Siculus. *Library of History, Volume XII: Fragments of Books 33–40* / Transl. F.R. Walton. Cambridge, MA; London: Harvard University Press, 1967. 688 p.

Dion Cassius. *Histoire romaine: Livres 38, 39 et 40* / Eds. É. Lhôte, M. Coudry. Trad. G. Lachenaud. Paris: Les Belles Lettres, 2011. 234 p.

Dionysius of Halicarnassus. *Roman Antiquities. Vol. 1–7* / Transl. E. Cary. Cambridge, MA; London: Harvard University Press, 1937–1950.

Eutropii Breviarium ab irbe condita / Rec. F. Ruehl. Leipzig: B.G. Teubner, 1887. 90 p.

Florus. *Epitome of Roman History* / Transl. E.S. Forster. Cambridge, MA; London: Harvard University Press, 1929. 400 p.

Frontinus. *Stratagems. Aqueducts of Rome* / Transl. C.E. Bennett, M.B. McElwain. Cambridge, MA; London: Harvard University Press, 1925. 544 p.

- Gai Iuli Caesaris Commentariorum De bello civili, liber tertius / Ed. A.G. Peskett. Cambridge: Cambridge University Press, 1900. 184 p.
- Gellius. Attic Nights, Vol. 1–3 / Transl. J.C. Rolfe. Cambridge, MA; London: Harvard University Press, 1927.
- Giulio Ossequente / Intr. P. Mastandrea, trad. M. Gusso. Milano: Oscar Mondadori, 2005. 292 p.
- Grammatici Latini. Vol. 2: Prisciani Institutionum Grammaticarum Libri I–XII / Ed. H. Keil. Leipzig: B.G. Teubner, 1855. 597 p.
- Grani Liciniani Reliquiae / Ed. B. Scardigli. Firenze: Le Monnier, 1983. 204 p.
- Grani Liciniani Reliquiae / Ed. N. Criniti. Leipzig: B.G. Teubner, 1981. 49 p.
- Hieronymus. Die Chronik Des Hieronymus / Ed. R. Helm. Leipzig: J.C. Hinrichs, 1913. 524 S.
- Historia Augusta. Vol. 1 / Transl. D. Magie. Cambridge, MA; London: Harvard University Press, 1921. 544 p.
- Isidorus. Etymologiarum Sive Originum Libri XX. Vol. 2 / Ed. W.M. Lindsay. Oxford: Oxford University Press, 1911. 448 p.
- Iulii Exuperantii Opusculum / Ed. N. Zorzetti. Leipzig: B.G. Teubner, 1982. 13 p.
- L. Annaei Senecae Philosophi Opera Quae Exstant Omnia / Ed. I. Lipsius. Antwerp: Officina Plantiniana, 1652. 996 p.
- Livy, Julius Obsequens. History of Rome, Vol. 14 / Transl. A.C. Schlesinger. Cambridge, MA; London: Harvard University Press, 1959. 592 p.
- Livy. History of Rome. Vol. 1–14 / Transl. B.O. Foster, F.G. Moore, E.T. Sage, A.C. Schlesinger. Cambridge, MA; London: Harvard University Press, 1919–1959.
- Lucan, *De bello civili*. Book II / Ed. E. Fantham. Cambridge: Cambridge University Press, 1992. 244 p.
- Lucan. The Civil War / Transl. J.D. Duff. Cambridge, MA; London: Harvard University Press, 1928. 656 p.
- M. Annaei Lucani Pharsalia. Vol. I / Ed. C.M. Francken. Leiden: A.W. Sijthoff, 1896. 224 p.
- M. Annaeus Lucanus. Bellum Civile, Book III. A Commentary / Ed. V. Hunink. Amsterdam: J.C. Gieben, 1992. 305 p.
- M. Julius Caesar, The Civil War, Books I & II / Ed. J. Carter. Warminster: Aris & Phillips, 1991. 242 p.
- M. Tulli Ciceronis scripta quae manserunt omnia. Fasc. 28. In M. Antonium orationes Philippicae XIV / Ed. P. Fedeli. Leipzig: Teubner, 1982. 193 p.

M. Tullii Ciceronis in L. Calpurnium Pisonem Oratio / Ed. R.G.M. Nisbet. Oxford: Clarendon Press, 1961. 208 p.

Macrobius. Saturnalia, Vol. 1 / Ed. and Transl. R.A. Kaster. Cambridge, MA; London: Harvard University Press, 2011. 464 p.

Oratorum Romanorum fragmenta liberae rei publicae / Ed. H. Malcovati. Aug. Taurinorum: In aedibus I. B. Paraviae et Sociorum, 1955. 564 p.

Ovid. Fasti / Transl. J.G. Frazer. Cambridge, MA; London: Harvard University Press, 1931. 496 p.

Ovid. Metamorphoses. Vol. 1–2 / Transl. F.J. Miller. Cambridge, MA; London: Harvard University Press, 1916.

Pauli Orosii Historiarum adversum paganos libri VII / Ed. C. Zangemeister. Leipzig: B.G. Teubner, 1889. 371 S.

Petronius, Satyrica 79–141. Bd. 3 / Hrsg. P. Habermehl. Berlin; Boston: De Gruyter, 2021. 568 S.

Petronius. Satyricon. Apocolocyntosis / Transl. M. Heseltine, W.H.D. Rouse. Cambridge, MA; London: Harvard University Press, 1913. 544 p.

Plautus. Amphitryon. The Comedy of Asses. The Pot of Gold. The Two Bacchises. The Captives / Transl. W. de Melo. Cambridge, MA; London: Harvard University Press, 2011. 768 p.

Pliny the Younger. Letters. Panegyricus. Vol. 1–2 / Transl. B. Radice. Cambridge, MA; London: Harvard University Press, 1969.

Pliny. Natural History, Vol. 2: Books 3–7 / Transl. H. Rackham. Cambridge, MA; London: Harvard University Press, 1942. 672 p.

Plutarch. Caesar / Ed. C. Pelling. Oxford: Oxford University Press, 2011. 519 p.

Plutarch. Lives. Vol. 1–11 / Transl. B. Perrin. Cambridge, MA; London: Harvard University Press, 1914–1926.

Plutarch's Life of Lucius Cornelius Sulla / Ed. H.A. Holden. Cambridge: Cambridge University Press, 1886. 270 p.

Plutarchi Vitae parallelae Vol. 3, Fasc. 2 / Rec. C. Lindskog, K. Ziegler. 2 ed. Lipsiae: B.G. Teubner, 1973. 405 p.

Plutarco. Le Vite di Lisandro e di Silla / Eds. M.G.A. Bertinelli, M. Manfredini, L. Piccirilli, G. Pisani. Milano: Fondazione Lorenzo Valla; Arnoldo Mondadori Editore, 1997. 437 p.

Plutarco: Vita di Sulla / Ed. E. Valgiglio. Torino: Accademia delle Scienze, 1954. 238 p.

Plutarco: Vite parallele. Lisandro e Silla / Eds. L. Ghilli, F. Muccioli. Milano: Rizzoli, 2001. 524 p.

- Plutarque: Vies. T. 6 / Eds. É. Chambry, R. Flacelière. Paris: Les Belles Lettres, 1971. 563 p.
- Polybius. The Histories. Vol. 1–6 / Transl. S. Douglas Olson, W.R. Paton. Rev. F.W. Walbank, C. Habicht. Cambridge, MA; London: Harvard University Press, 2010–2012.
- Ps. Aurelius Victor, De viris illustribus urbis Romae. Über berühmte Männer der Stadt Rom / Hrsg. J. Fugmann. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 2016. 504 S.
- Quintilian. The Orator's Education. Vol. 1–5 / Ed. and Transl. D.A. Russell. Cambridge, MA; London: Harvard University Press, 2002.
- Sallust. Fragments of the Histories. Letters to Caesar / Ed and transl. J.T. Ramsey. Cambridge, MA; London: Harvard University Press, 2015. 672 p.
- Sallust. The War with Catiline. The War with Jugurtha / Transl. J.C. Rolfe. Rev. J.T. Ramsey. Cambridge, MA; London: Harvard University Press, 2013. 528 p.
- Seneca the Elder. Declamations, Vol. 2: Controversiae, Books 7–10. Suasoriae. Fragments / Transl. M. Winterbottom. Cambridge, MA; London: Harvard University Press, 1974. 656 p.
- Seneca. Epistles. Vol. 1–3 / Transl. R.M. Gummere. Cambridge, MA; London: Harvard University Press, 1917–1925.
- Seneca. Moral Essays, Vol. 3: De Beneficiis / Transl. J.W. Basore. Cambridge, MA; London: Harvard University Press, 1935. 544 p.
- Servii Grammatici qui feruntur in Vergilii carmina commentarii. Vol. 1–2 / Rec. G. Thilo. Leipzig: B.G. Teubner, 1881–1884.
- Sexti Pompei Festi De Verborum Significatu Quae Supersunt Cum Pauli Epitome / Ed. W.M. Lindsay. Leipzig: B.G. Teubner, 1913. 573 p.
- Silius Italicus. Punica. Vol. 2 / Transl. J.D. Duff. Cambridge, MA; London: Harvard University Press, 1934. 512 p.
- Suetoni Tranquilli Divus Iulius / H.E. Butler, M.C. Cary. Oxford: Clarendon Press, 1927. 163 p.
- Suetonius. Divus Claudius / Ed. D.W. Hurley. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. 272 p.
- Suetonius. Lives of the Caesars. Vol. 1–2 / Transl. J.C. Rolfe. Cambridge, MA; London: Harvard University Press, 1914.
- Svetonio. Vita di Cesare / Ed. C. Scantamburlo. Pisa: Edizioni Plus, 2011. 256 p.
- Tacitus. Agricola. Germania. Dialogue On Oratory / Transl. M. Hutton, W. Peterson. Cambridge, MA; London: Harvard University Press, 1914. 384 p.
- Tacitus. Annals: Books 13–16 / Transl. J. Jackson. Cambridge, MA; London: Harvard University Press, 1937. 432 p.

Tacitus. Histories: Books 1–3 / Transl. C.H. Moore. Cambridge, MA; London: Harvard University Press, 1925. 525 p.

Tacitus. Histories: Books 4–5. Annals: Books 1–3 / Transl. C.H. Moore, J. Jackson. Cambridge, MA; London: Harvard University Press, 1931. 656 p.

The Annals of Tacitus Books 1–6. Vol. 1: Annals 1.1–54 / Ed. F.R.D. Goodyear. Cambridge: Cambridge University Press, 1972. 367 p.

Valerius Maximus. Memorable Doings and Sayings. Vol. 1–2 / Ed. and Transl. D.R. Shackleton Bailey. Cambridge, MA; London: Harvard University Press, 2000.

Varro. On the Latin Language. Vol. 1 / Transl. R.G. Kent. Cambridge, MA; London: Harvard University Press, 1938. 432 p.

Velleius Paterculus / Ed. and Transl. A.J. Woodman. Cambridge, MA; London: Harvard University Press, 2025. 432 p.

Velleius Paterculus ad M. Vinicium Consulem Libri Duo / Ed. M. Elefante. Hildesheim; Zürich; New York: Olms, 1997. 583 p.

3. Издания сочинений античных авторов в переводе на новые европейские языки:

Аппиан. Римская история / Ред. С.А. Жебелев, О.О. Крюгер, Е.С. Голубцова, Л.Л. Кофанов. М.: Ладомир, 1998. 878 с.

Валерий Максим. Девять книг достопамятных деяний и высказываний / Пер., комм., вступ. ст. А.М. Сморгчова. М.: РГГУ, 2020. 468 с.

Веллей Патеркул. Римская История / Пер. А.И. Немировского, М.Ф. Дашковой. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1985. 211 с.

Гай Саллюстий Крисп. Фрагменты «Историй» / Пер. и комм. В.С. Соколова // Вестник древней истории. 1950. № 1. С. 271–316.

Гай Светоний Транквилл. Жизнь двенадцати цезарей / Пер. М.Л. Гаспарова. М.: Наука, 1993. 368 с.

Кассий Дион Коккейан. Римская история. Книги LI–LXIII / Перев. с древнегреч. под ред. А.В. Махлаюка; предисл. и коммент. А.В. Махлаюка. СПб.: Нестор-История, 2014. 680 с.

Кассий Дион Коккейан. Римская история. Книги LXIV–LXXX / Пер. с древнегреч. под ред. А.В. Махлаюка; комментарии и статья А.В. Махлаюка. СПб.: Филологический факультет СПбГУ; Нестор-История, 2011. 456 с.

Марк Анней Лукан. Фарсалия, или поэма о гражданской войне / Пер. Л.Е. Остроумова. М.: Ладомир; Наука, 1993. 352 с.

Марк Туллий Цицерон. Письма Марка Туллия Цицерона к Аттику, близким, брату Квинту, М. Бруту: в 3 т. / Пер. В.О. Горенштейна. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1949–1951.

Марк Туллий Цицерон. Полное собрание речей в русском переводе. Т. 1 / Пер. В.А. Алексеева, Ф.Ф. Зелинского. СПб.: Изд. А.Я.Либермана, 1901. 767 с.

Марк Туллий Цицерон. Речи: в 2 т. / Ред. В.О. Горенштейн, М.Е. Грабарь-Пассек. М.: Издательство Академии наук СССР, 1962.

Павел Диакон. Эпитома сочинения Секста Помпея Феста «О значении слов». Избранные глоссы / Пер., комм. А.А. Павлов // Вестник древней истории. 2012. № 2 (281). С. 230–268.

Плутарх. Сравнительные жизнеописания: в 2 т. / Ред. С.С. Аверинцев, М.Л. Гаспаров, С.П. Маркиш. 2-е изд. М.: Наука, 1994.

Плутарх. Сравнительные Жизнеописания: в 2 т. / Ред. С.С. Аверинцев, М.Л. Гаспаров М.: Наука, 1994.

Тацит Корнелий. Анналы. Малые произведения. История / Ред. А.С. Бобович, Я.М. Боровский, Г.С. Кнабе, Е.П. Ореханова, М.Е. Сергеенко, И.М. Тронский. М.: Ладомир, 2001. 992 с.

Тит Ливий. История Рима от основания Города: в 3 т. / Ред. М.Л. Гаспаров, Г.С. Кнабе. М.: Ладомир, 2002.

Asconius. Commentaries on Speeches by Cicero / Transl., comm. R.G. Lewis. Oxford: Oxford University Press, 2006. 358 p.

Cassiodorus. The Variae: The Complete Translation / Transl. M.S. Bjornlie. Oakland, 2019. 519 p.

Livy. The Early History of Rome: Books I–V of The History of Rome from its Foundation / Transl. A. de Sélincourt. Harmondsworth: Penguin Books, 1971. 424 p.

Plutarch: Roman Lives. A Selection of Eight Lives / Eds. R. Waterfield R., P.A. Stadter. Oxford: Oxford University Press, 1999. 608 p.

Sallust. The Histories. Vol. 1–2 / Ed. P. McGushin. Oxford: Clarendon Press, 1992–1994.

II. Исследования

Абрамзон М.Г. Монеты как средство пропаганды римской императорской политики. Магнитогорск: Магнитогор. Дом печати, 1995. 654 с.

Дементьева В.В. Aerarium sanctius Римской республики // Прошлое. Проекция. Презентация: Проблемы всемирной истории: Сб. науч. тр. / Ред. В.В. Дементьева, М.Е. Ерин. Ярославль: ЯрГУ, 2012. С. 8–15.

Дементьева В.В. Государственно-правовое устройство античного Рима: ранняя монархия и республика. Ярославль: ЯрГУ, 2004. 248 с.

Дементьева В.В. Децемвират в римской государственно-правовой системе середины V в. до н.э. М.: Инфомедиа Паблишерз, 2003. 212 с.

Дементьева В.В. Квесторские *provinciae* за пределами Италии // Вестник РГГУ. 2011. № 14. С. 11–27.

Дементьева В.В. Магистратская власть Римской республики: содержание понятия *imperium* // Вестник древней истории. 2005. № 4 (254). С. 46–75.

Дементьева В.В. Магистратура диктатора в ранней Римской республике (V–III вв. до н.э.). Ярославль: ЯрГУ, 1996. 128 с.

Дементьева В.В. Римская чрезвычайная власть эпохи ранней республики как политико-правовой феномен // Исседон – ΙΣΣΕΔΩΝ. 2002. Т. 1. С. 63–78.

Дементьева В.В. Римский республиканский проквестор: определение понятия // Вестник Ярославского государственного университета. Серия Гуманитарные науки. 2014. № 4 (30). С. 5–10.

Дементьева В.В. Римское республиканское междуцарствие как политический институт. М.: Инфо-Медиа, 1998. 137 с.

Дементьева В.В. Теодор Моммзен: историко-правовое моделирование римской государственности // Вестник древней истории. 2005. № 1. С. 180–193.

Дементьева В.В., Фролов Р.М. Несанкционированные гражданские *contiones* как общественно-политический институт Римской республики // Вестник древней истории. 2009. № 4. С. 63–88.

Коптев А.В. Сп. Pompeius' Praetorship in Sicily and his Triumph *ex Africa* // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. 2018. Вып. 18. С. 47–68.

Коптев А.В. Гней Помпей Магн – *privatus cum imperio* // Вестник древней истории. 2013. № 4 (287). С. 85–111.

Короленков А.В. Законодательство Публия Сульпиция и особенности его социально-политического контекста // Вестник древней истории. 2015. № 3 (294). С. 30–45.

Короленков А.В. Луций Марций Филипп в годы первой гражданской войны в Риме // Вестник древней истории. 2018. № 1. С. 13–27.

Короленков А.В. Об империи Помпея в 77 г. до н.э. и обстоятельствах его получения // Вестник древней истории. 2022. № 1 (82). С. 63–75.

Короленков А.В. Первая гражданская война в Риме. СПб.: Евразия, 2020. 464 с.

Короленков А.В., Смыков Е.В. Сулла. М.: Молодая гвардия, 2007. 430 с.

Кофанов Л.Л. Значение избирательной кампании на должность претора в составлении *edictum perpetuum* // *Ius antiquum*. Древнее право. 2014. № 29. С. 69–93.

Лапыренко Р.В. Гай Марий и Публий Сульпиций // *Studia historica*. 2004. Вып. 4. С. 62–74.

Любимова О.В. Еще раз об империи Гнея Помпея // *Вестник древней истории*. 2014. № 3 (290). С. 75–99.

Маяк И.Л. Аппиан и его «Римская история» // Аппиан Александрийский. Римская история / Отв. ред. Е.С. Голубцова. М.: Наука, 1998. С. 624–638.

Межеричский Я.Ю. «Восстановленная республика» императора Августа. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2016. 992 с.

Павлов А.А. Магистратура и плебейский трибунат в системе политической власти Римской республики // *Мнемон*. Исследования и публикации по истории античного мира. 2011. Вып. 10. С. 213–232.

Парфенов В.Н. Император Цезарь Август: армия, война, политика. СПб.: Алетейя, 2001. 278 с.

Парфенов В.Н. Рим от Цезаря до Августа. Очерки социально-политической истории. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1987. 148 с.

Сморчков А.М. Религия и власть в Римской республике: магистраты, жрецы, храмы. М.: РГГУ, 2012. 602 с.

Сморчков А.М. Уникальные религиозно-политические события в изложении Тита Ливия и методика их анализа // *ANTIQVITAS AETERNA*. Поволжский антиковедческий журнал. 2011. Вып. 3. С. 119–131.

Фролов Р.М. «Отстранять от управления государственными делами» (*administratione rei publicae summove*): к анализу политической терминологии Римской Республики // *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского*. 2016. № 2. С. 101–109.

Фролов Р.М. *Ab re publica remove*: отстранение М. Целия Руфа от должностных обязанностей в 48 г. до н.э. и проблема политической инициативы в эпоху Поздней Римской республики // *Вестник древней истории*. 2016. Т. 76. № 4. С. 919–937.

Фролов Р.М. *Ab re publica remove*: отстранение М. Целия Руфа от должности претора в 48 г. до н.э. // *Scholia studiorum*: пространство исторического нарратива. Тезисы докладов и сообщений Всероссийской научной конференции молодых антиковедов и медиевистов / Под ред. Т.В. Куш. Екатеринбург, 2016. С. 29–31.

Фролов Р.М. *Ad urbem futurum cum exercitu, introiturum quotienscumque vellet*: Цицерон о присутствии проконсула Антония у города Рима в 43 г. до н.э. (*Phil.* 3.27; 5.21–

22) // Вестник Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки. 2023. Т. 17. № 2(64). С. 190–197.

Фролов Р.М. Coetus как обозначение политических собраний в корпусе сочинений Цицерона // Проблемы истории, филологии, культуры. 2013. № 3 (41). С. 26–32.

Фролов Р.М. Community and Communication: Oratory and Politics in Republican Rome. Ed. by C. Steel, H. van der Blom. Oxford: Oxford University Press, 2013. XI, 401 p. // Вестник древней истории. 2014. № 3 (290). С. 204–213.

Фролов Р.М. Contiones в публично-правовой системе и политической жизни Римской республики: диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Ярославль, 2013. – 321 с.

Фролов Р.М. Dux tumultuarius Л. Марций Септим в 212 г. до н.э.: идентификация и самоидентификация организатора воинских contiones // Вестник Ярославского государственного университета. Серия Гуманитарные науки. 2012. № 4/2. С. 135–137.

Фролов Р.М. Morstein-Marx R. Mass Oratory and Political Power in the Late Roman Republic. Cambridge, 2004. XIV, 313 p. // Проблемы истории, филологии, культуры. 2009. № 4. С. 264–277.

Фролов Р.М. Senatus consultum ultimum 52 г. до н.э.: легитимация вмешательства промагистратов в сферу domi // Цари. Магистраты. Императоры: Сборник статей по истории государственно-правового устройства и политической культуры древних обществ, посвященный юбилею Веры Викторовны Дементьевой, Ярославль, 26 сентября 2022 г. Ярославль: Филигрань, 2022. С. 94–113.

Фролов Р.М. Виды и основные функции римских народных сходок (contiones) в эпоху Республики // Проблемы истории, филологии, культуры. 2011. № 2. С. 3–18.

Фролов Р.М. Возможности использования базы данных о проведении римских contiones // Вестник Ярославского государственного университета. Серия Гуманитарные науки. 2011. № 3. С. 32–36.

Фролов Р.М. Вступил ли проконсул Цезарь в город Рим в начале 49 г. до н.э.? // Вестник Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки. 2020. № 2(52). С. 18–25.

Фролов Р.М. Гражданские contiones в Римской империи начала III в. н.э. и testamentum comitiis calatis в раннем Риме // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2012. Т. 3. Выпуск 8 (16). URL: <https://history.jes.su/s207987840000458-2-1/> (дата обращения: 19.12.2025).

Фролов Р.М. Интерпретация Р. Бауманом отстранения консула Л. Корнелия Цинны от должностных обязанностей в 87 г. до н.э. // Вестник Томского государственного университета. История. 2018. № 52. С. 142–150.

Фролов Р.М. Магистратуры *ad tempus incertum* и ограничение продолжительности должностных полномочий в Римской республике (по поводу концепции у. Коли) // *Lumen intellectus*. Памяти Ии Леонидовны Маяк: сборник статей Научно-образовательного центра антиковедения ЯрГУ им. П.Г. Демидова / Отв. ред. В.В. Дементьева. Ярославль: Филигрань, 2019. С. 31–52.

Фролов Р.М. Никаких ограничений? Интерпретация триумвирата *rei publicae constituendae* как магистратуры *ad tempus incertum* // Вестник древней истории. 2024. Т. 84. № 4. С. 975–997.

Фролов Р.М. Плебейский трибун П. Сульпиций Руф против консула Кв. Помпея Руфа в 88 г. до н.э. (*Plut. Sull.* 8. 8) // Вестник древней истории. 2021. Т. 81. № 1. С. 116–134.

Фролов Р.М. Практика отстранения от должности в Римской Республике // Право и политика в античном мире: Сборник научных трудов памяти Александра Леонидовича Смышляева / Ред. А.В. Махлаюк, И.Е. Суриков. М., 2021. С. 151–183.

Фролов Р.М. Публично-правовые категории *privatus* и *magistratus* в условиях кризиса Римской республики: консул-десигнат П. Корнелий Долабелла в 44 г. до н.э. // Всероссийская научная конференция «XXIII Сергеевские чтения». Сборник тезисов / Ред. И.А. Ладынин, А.В. Сафронов. М.: Гаудеамус, 2025. С. 91–92.

Фролов Р.М. Судебное преследование *magistratus designati*: к вопросу о правовом статусе избранных магистратов Римской Республики // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. 2015. № 7 (204). С. 30–37.

Фролов Р.М. Этапы законодательного ограничения несанкционированных собраний в Риме // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. 2011. № 13 (108). С. 12–19.

Циркин Ю.Б. Восстание Лепида // Античный мир и археология. 2009. Вып. 13. С. 225–241.

Accame S. La legislazione romana intorno ai collegi nel I secolo a.C. // *Scritti minori*. Vol. 1. Roma: Edizioni di Storia e Letteratura, 1990. P. 297–339.

Agamben G. *State of Exception*. Chicago: University of Chicago Press, 2005. 104 p.

Ahl F.M. *Lucan. An Introduction*. Ithaca; London: Cornell University Press, 1976. 379 p.

Aigner H. *Die Soldaten als Machtfaktor in der ausgehenden römischen Republik*. Innsbruck, 1974. 282 S.

- Alexander M.C. *Trials in the Late Roman Republic, 149 BC to 50 BC*. Toronto; Buffalo; London: University of Toronto Press, 1990. 233 p.
- Alföldi A. *Caesar in 44 v. Chr. Bd. 1: Studien zu Caesars Monarchie und ihren Wurzeln*. Bonn: R. Habelt, 1985. 450 S.
- Alföldi A. *Les praefecti urbi de César // Mélanges d'histoire ancienne offerts à William Seston*. Paris: E. De Boccard, 1974. P. 1–14.
- Allély A. *La déclaration d'hostis sous la République romaine*. Bordeaux: Ausonius Éditions, 2012. 320 p.
- Andersen H.A. *Cassius Dio und die Begründung des Principates*. Diss. Berlin: Triltsch & Huther, 1938. 66 S.
- Ando C. *Petition and Response, Order and Obey: Contemporary Models of Roman Government // Governing Ancient Empires. Proceedings of the 3rd to 5th International Conferences of the Research Network Imperium and Officium / Eds. M. Jursa, S. Prochazka*. Vienna: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften (в печати).
- Anello P. *La fine del secondo triumvirato // Φιλίας χάριν – Miscellanea di studi classici in onore di E. Manni*. Vol. 1. Roma: Giorgio Bretschneider, 1980. P. 103–114.
- Arendt H. *The Human Condition*. Chicago: University of Chicago Press, 1958. 332 p.
- Arendt H. *What is Freedom? // Arendt H. Past and Future*. New York: Viking Press, 1968. P. 143–171.
- Arkenberg J.S. *Licinii Murenarum Terentii Varrones, and Varrones Murenarum: II. The Enigma of Varro Murena // Historia*. 1993. Bd. 42. P. 471–491.
- Aso P. *A Commentary on Lucan, De Bello Civili IV: Introduction, Edition, and Translation*. Berlin: Walter de Gruyter, 2010. 333 p.
- Astin A.E. *Augustus and «Censoria Potestas» // Latomus*. 1963. T. 22. P. 226–235.
- Atkinson K.M.T. *Constitutional and Legal Aspects of the Trials of Marcus Primus and Varro Murena // Historia*. 1960. Bd. 9. P. 440–473.
- Bachofen A. *Cäsars und Lucans Bellum Civile: Ein Inhaltsvergleich*. Zürich: Juris Druck + Verlag, 1972. 176 S.
- Badian E. *Foreign Clientelae (264–70 B.C.)*. Oxford: Clarendon Press, 1958. 342 p.
- Badian E. *Kommentar. Sektion V. Magistratur und Gesellschaft // Staat und Staatlichkeit in der frühen römischen Republik / Ed. W. Eder*. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 1990. S. 437–475.
- Badian E. *Lucius Sulla: The Deadly Reformer // Essays on Roman Culture: The Todd Memorial Lectures / Ed. A.J. Dunston*. Toronto; Sarasota: Samuel Stevens, 1976. P. 35–74.

- Badian E. The Silence of Norbanus // *The American Journal of Philology*. 1983. Vol. 104. P. 156–171.
- Badian E. Two More Roman Non-Entities // *Phoenix*. 1971. Vol. 25. P. 134–144.
- Badian E. M. Lepidus and the Second Triumvirate // *Arctos: Acta Philologica Fennica*. 1991. Vol. 25. P. 5–16.
- Balsdon J.P.V.D. Consular Provinces under the Late Republic, I. General Considerations // *Journal of Roman Studies*. 1939. Vol. 29. P. 57–73.
- Balsdon J.P.V.D. Roman History, 58–56 B.C.: Three Ciceronian Problems // *Journal of Roman Studies*. 1951. Vol. 41. P. 15–20.
- Barratt P. M. *Annaei Lucani Belli Civilis Liber V. A Commentary*. Amsterdam: Adolf M. Hakkert, 1979. 280 p.
- Barton C.A. *Roman Honor: The Fire in the Bones*. Los Angeles; London, 2001. 326 p.
- Barwick K. *Caesars Bellum Civile* (Tendenz, Abfassungszeit und Stil). Berlin: Akademie-Verlag, 1951. 178 S.
- Bates R.L. ‘*Rex in senatu*’: A Political Biography of M. Aemilius Scaurus // *Proceedings of the American Philosophical Society*. 1986. Vol. 130. P. 251–288.
- Batstone W.W., Damon C. *Caesar’s Civil War*. Oxford: Oxford University Press, 2006. 225 p.
- Baudry R., Hurlet F., Rivoal I. Le prestige à Rome à la fin de la République et au début du Principat. Introduction // *Le prestige à Rome à la fin de la République et au début du Principat* / Eds. R. Baudry, F. Hurlet. Paris: Edition de Boccard, 2016. P. 9–17.
- Bauer A. Der Staatsstreich des Octavianus im Jahre 32 v. Chr. // *Historische Zeitschrift*. 1917. Bd. 117. S. 11–23.
- Bauman R.A. The Abdication of «Collatinus» // *Acta Classica*. 1966. Vol. 9. P. 129–141.
- Bauman R.A. The Abrogation of *imperium*: Some Cases and a Principle // *Rheinisches Museum für Philologie*. 1968. Vol. 111. P. 37–50.
- Bauman R.A. The *hostis* Declarations of 88 and 87 B.C. // *Athenaeum*. 1973. Vol. 51. P. 270–293.
- Beard M. *The Roman Triumph*. Cambridge, MA; London: The Belknap Press of Harvard University Press, 2007. 434 p.
- Beard M., North J., Price S. *Religions of Rome*: Vol. 1. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. 454 p.
- Beck H. Consular Power and the Roman Constitution: The Case of *imperium* Reconsidered // *Consuls and Res Publica: Holding High Office in the Roman Republic* / Eds. H. Beck, A. Duplá, M. Jehne, F. Pina Polo. Cambridge: Cambridge University Press, 2011. P. 77–96.

- Beck H. Karriere und Hierarchie. Die römische Aristokratie und die Anfänge des *cursus honorum* in der mittleren Republik. Berlin: Akademie Verlag, 2005. 452 S.
- Becker M. “*Suntoque aediles curatores urbis...*” Die Entwicklung der Stadtrömischen Aedilität in Republikanischer Zeit. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2017. 342 S.
- Becker W.A. Handbuch der römischen Alterthümer. T. 1. Leipzig: Weidmann'sche Buchhandlung, 1843. 722 S.
- Becker W.A. Handbuch der römischen Alterthümer. T. 2. Abt. 2. Leipzig: Weidmann'sche Buchhandlung, 1846. 456 S.
- Bell A.J.E. Cicero and the Spectacle of Power // *Journal of Roman Studies*. 1997. Vol. 87. P. 1–22.
- Bellen H. Politik – Recht – Gesellschaft. Studien zur Alten Geschichte. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 1997. 323 S.
- Bellen H. Sullas Brief an den Interrex L. Valerius Flaccus // *Historia*. 1975. Bd. 24. S. 555–569.
- Benario H.W. Octavian's Status in 32 B.C. // *Chiron*. 1975. Vol. 5. P. 301–309.
- Benner H. Die Politik des P. Clodius Pulcher: Untersuchungen zur Denaturierung des Clientelwesens in der ausgehenden römischen Republik. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 1987. 189 S.
- Bennett H. Cinna and his Times: A Critical and Interpretive Study of Roman History during the Period 87–84 B.C. PhD. diss. Chicago, 1923. 72 p.
- Béranger J. Die Machtübernahme des Augustus und die Ideologie des ‘*privatus*’ // *Ideologie und Herrschaft in der Antike* / Hrsg. H. Kloft. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1979. P. 315–335.
- Bernard S.G. Food Distributions and Immigration in Imperial Rome // *Migration and Mobility in the Early Roman Empire* / Eds. L. de Ligt, L.E. Tacoma. Leiden; Boston: Brill, 2016. P. 50–71.
- Bert Lott J. The Neighborhoods of Augustan Rome. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. 262 p.
- Berthelet Y. Gouverner avec les dieux: autorité, auspices et pouvoir, sous la République romaine et sous Auguste. Paris: Belles Lettres, 2015. 435 p.
- Bickel E. Abrogo // *Thesaurus Linguae Latinae*. Vol. I. Leipzig: B.G. Teubner, 1900. Col. 137–139.
- Billows R.A. Julius Caesar: The Colossus of Rome. Roman Imperial Biographies. London; New York: Routledge, 2009. 312 p.

Binot C. *Privatus: l'invention de l'individu à l'époque et dans l'œuvre de Cicéron*. Thèse de doctorat. Toulouse: Université de Toulouse II le Mirail, 2005. 1128 p.

Biscardi A. *Auctoritas patrum*. Problemi di storia del diritto pubblico romano. Napoli: Jovene, 1987. 273 p.

Bleicken J. *Augustus. Eine Biographie*. Berlin: Fest, 2000. 799 S.

Bleicken J. Das Volkstribunat der klassischen Republik. Studien zu seiner Entwicklung zwischen 287 und 133 v. Chr. 2. Aufl. München: C.H. Beck, 1968. 166 S.

Bleicken J. *Imperium consulare/proconsulare* im Übergang von der Republik zum Prinzipat // Colloquium aus Anlass des 80. Geburtstages von Alfred Heuss / Hrsg. J. Bleicken. Kallmünz: Michael Lassleben, 1993. S. 117–133.

Bleicken J. *Lex publica: Gesetz und Recht in der römischen Republik*. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 1975. 527 S.

Bleicken J. Oberpontifex und Pontifikalkollegium: Eine Studie zur Römischen Sakralverfassung // *Hermes*. 1957. Bd. 85. S. 345–366.

Bleicken J. Rez. M.H. Hansen, Initiative und Entscheidung. Überlegungen über die Gewaltenteilung im Athen des 4. Jahrhunderts // *Historische Zeitschrift*. 1984. Bd. 239. S. 111–113.

Bleicken J. Zum Begriff der römischen Amtsgewalt, *auspicium – potestas – imperium* // *Gesammelte Schriften*. Bd. I / Eds. F. Goldmann, M. Merl, M. Sehlmeier, U. Walter. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 1998. S. 301–344.

Bleicken J. Zwischen Republik und Prinzipat: Zum Charakter des zweiten Triumvirats. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1990. 122 S.

Blochmann S. *Verhandeln und entscheiden: Politische Kultur im Senat der frühen Kaiserzeit*. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2017. 255 S.

Blösel W. Die „Wahl“ des P. Cornelius Scipio zum Prokonsul in Spanien im Jahr 210 v. Chr. // *Hermes*. 2008. Bd. 136. S. 326–347.

Blösel W. *Imperia extraordinaria liberae rei publicae* – Studien zur Demilitarisierung der römischen Nobilität. Habilitationsschrift. Köln: Universität zu Köln, 2009. 586 S.

Boak A.E. The Extraordinary Commands from 80 to 48 B.C. A Study in the Origin of the Principate // *American Historical Review*. 1918. Vol. 24. P. 1–25.

Bonnefond-Coudry M. *Le Sénat de la République de la guerre d'Hannibal à Auguste: pratiques délibératives et prise de décision*. Rome: École française de Rome, 1989. 834 p.

Börm H., Havener W. Octavians Rechtsstellung im Januar 27 v. Chr. und das Problem der „Übertragung“ der *res publica* // *Historia*. 2012. Bd. 61. S. 202–220.

Bouché-Leclercq A. *Manuel des institutions romaines*. Paris: Hachette, 1886. 654 p.

Braund S. *Violence in Translation // Brill's Companion to Lucan* / Ed. P. Asso. Leiden; Boston: Brill, 2010. P. 507–524.

Brennan T.C. *The Praetorship in the Roman Republic*. Vol. I–II. Oxford: Oxford University Press, 2000. 972 p.

Brill's Companion to Cassius Dio / Eds. J.M. Madsen, A.G. Scott. Leiden; Boston: Brill, 2023. 524 p.

Bringmann K. *Augustus*. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 2012. 304 S.

Bringmann K. *Das Zweite Triumvirat. Bemerkungen zu Mommsens Lehre von der außerordentlichen konstituierenden Gewalt // Alte Geschichte und Wissenschaftsgeschichte: Festschrift für Karl Christ zum 65. Geburtstag* / Eds. P. Kneissl, V. Losemann. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1988. S. 22–38.

Briscoe J. *A Commentary on Livy: Books 38–40*. Oxford: Oxford University Press, 2008. 614 p.

Briscoe J. *A Commentary on Livy: Books 41–45*. Oxford: Oxford University Press, 2012. 823 p.

Brisset J. *Les Idées politiques de Lucain*. Paris: Les Belles Lettres, 1964. 236 p.

Broughton T.R.S. *Notes on Roman Magistrates*. I. The Command of M. Antonius in Cilicia. II. Lucullus' Commission and Pompey's *acta* // *Transactions and Proceedings of the American Philological Association*. 1946. Vol. 77. P. 35–43.

Broughton T.R.S. *The Magistrates of the Roman Republic*. Vol. 1. New York: American Philological Association, 1951. 578 p.

Broughton T.R.S. *The Magistrates of the Roman Republic*. Vol. 2. New York: American Philological Association, 1952. 647 p.

Broughton T.R.S. *The Magistrates of the Roman Republic*. Vol. 3. Atlanta: Scholars Press, 1986. 294 p.

Brown M., Zhang Z. *A Tale of Two Stones: Social Memory in Roman Greece and Han China // Rulers and Ruled in Ancient Greece, Rome, and China* / Ed. H. Beck, G. Vankeerberghen. Cambridge: Cambridge University Press, 2021. P. 70–101.

Bruhns H. *Caesar und die römische Oberschicht in den Jahren 49–44 v. Chr.: Untersuchungen zur Herrschaftsetablierung im Bürgerkrieg*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1978. 199 S.

Bruna F.J. *Lex Rubria: Caesars Regelung für die richterlichen Kompetenzen der Munizipalmagistrate in Gallia Cisalpina*. Leiden: Brill, 1972. 381 S.

Brunt P.A. *C. Fabricius Tuscus and an Augustan dilectus* // *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik*. 1974. Bd. 13. P. 161–185.

Brutscher C. Analysen zu Suetons Divus Iulius und der Parallelüberlieferung. Bern; Stuttgart: Haupt, 1958. 146 S.

Bryan N. Pietas: Gods, Family, Homeland, Empire. PhD. Thesis. Calgary: University of Calgary, 2014. 271 p.

Bucher G.S. Toward a Literary Evaluation of Appian's Civil Wars, Book I // A Companion to Greek and Roman Historiography / Ed. J. Marincola. Malden ; Oxford : Blackwell Publishing, 2007. P. 433–439.

Bulst Ch.M. 'Cinnanum Tempus': A Reassessment of the 'Dominatio Cinnae' // Historia. 1964. Bd. 13. S. 307–337.

Bunse R. Die Klassische Prätur und die Kollegialität (*par potestas*) // Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte. Romanistische Abteilung. 2002. Bd. 119. S. 29–43.

Burckhardt L. „Zu Hause geht Alles, wie wir wünschen...“ – Privates und Politisches in den Briefen Ciceros // Klio. 2003. Bd. 85. S. 94–113.

Burden-Strevens C. Acting Up: The Post of Master of the Mint as an Early-Career Move in the Late Republic // Leadership and Initiative in Late Republican and Early Imperial Rome / Eds. R.M. Frolov, C. Burden-Strevens. Leiden; Boston: Brill, 2022. P. 91–132.

Burden-Strevens C. Cassius Dio's Speeches and the Collapse of the Roman Republic: The Roman History, Books 3–56. Leiden; Boston: Brill, 2020. 340 p.

Burns J.M. Leadership. New York: Harper Perennial, 2010. 544 p.

Burns J.M. Transforming Leadership: A New Pursuit of Happiness. New York: Grove Press, 2003. 319 p.

Burton P. The Revolt of Lepidus (cos. 78 BC) Revisited // Historia. 2014. Bd. 63. P. 404–421.

Burton P.J. Livy's Preface and its Historical Context // Scholia. 2008. Vol. 17. P. 70–91.

Busacca C. Sulla pretesa '*lex Sempronia de abactis*' // Studi in onore di Cesare Sanfilippo. 1987. Bd. 7. P. 85–123.

Busche K. M. Tulli Ciceronis scripta quae manserunt omnia. Fasc. 28. Orationes in M. Antonium Philippicae XIV recognovit F. Schoell. Lipsiae, Teubner 1916. 267 S. // Wochenschrift für klassische Philologie. 1916. 33. Jahrgang. No. 20. S. 463–468.

Buti I. Appunti in tema di «*prorogatio imperii*», I. Scansioni temporali delle magistrature // Index: Quaderni camerti di studi romanistici. 1991. Vol. 19. P. 245–267.

Buti I. Appunti in tema di «*prorogatio imperii*», II. La casistica delle fonti fino al 218 a.C. // Index: Quaderni camerti di studi romanistici. 1992. Vol. 20. P. 435–472.

Buti I. Appunti in tema di «*prorogatio imperii*», III // Annali della Facoltà Giuridica dell'Università di Camerino. 2014. № 3. P. 1–41.

Buti I. Considerazioni sul primo periodo della *prorogatio imperii* // *Fides, humanitas, ius: studii in onore di L. Labruna* / Eds. C. Cascione, C. Masi Doria. Napoli: Editoriale Scientifica, 2007. Vol. 1. P. 581–596.

Buti I. Considerazioni sul secondo periodo della *prorogatio imperii* // *Omaggio ad un maestro per gli ottanta anni di Giovanni Nicosia* / Eds. N. Palazzolo, L. Russo Ruggeri. Torino: Giappichelli, 2014. P. 65–82.

Caballos Rufino A. *El Nuevo Bronce de Osuna y la Política Colonizadora Romana*. Sevilla: Universidad de Sevilla, 2006. 546 p.

Cadiou F. *Non milites sed pro milite*. La question des *euocati* à l'époque républicaine // *Militares y civiles en la antigua Roma. Dos mundos diferentes, dos mundos unidos* / Ed. J.J. Palao Vicente. Salamanca: Ediciones Universidad de Salamanca, 2010. P. 57–76.

Cadoux T.J. Ricerche sulla *praefectura urbi* in età imperiale (sec. I–III) by G. Vitucci // *Journal of Roman Studies*. 1959. Vol. 49. P. 152–160.

Canfora L. *Caesar. Der Demokratische Diktator. Eine Biographie*. München: C.H. Beck, 2001. 491 S.

Canfora L. *Julius Caesar: The People's Dictator*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2007. 392 p.

Carcopino J. *Jules César*. 5 ed. Paris: Les Libraires associés, 1968. 592 p.

Carney T.F. *A Biography of C. Marius*. Chicago: Argonaut, 1970. 76 p.

Carney T.F. The Flight and Exile of Marius // *Greece and Rome*. 1961. Vol. 8. P. 98–121.

Carney T.F. The Promagistracy at Rome 121–81 B.C. // *Acta Classica*. 1959. Vol. 2. P. 72–77.

Carsana C. *Commento Storico al Libro II delle Guerre Civili di Appiano*. P. 1. Pisa: Edizioni ETS, 2007. 320 p.

Cassieri N., Gregori G.L., Refalo-Bistagne J.-B. Le ultime acquisizioni dal teatro di Terracina e l'eccezionale iscrizione del triumviro M. Emilio Lepido // *Mélanges de l'École française de Rome – Antiquité*. 2019. Vol. 131. P. 501–518.

Catalano P. *Contributi allo studio del diritto augurale*. Vol. 1. Turin: G. Giappichelli, 1960. 655 p.

Cerami P. *Abrogatio magistratuum* // *Sodalitas*. Scritti in onore di Antonio Guarino / Ed. V. Giuffrè. Napoli: Jovene Editore, 1984. P. 349–356.

Chapman Ch.M. Cicero and P. Sulpicius Rufus (tr. pl. 88 B.C.) // *Acta Classica*. 1979. Vol. 22. P. 61–72.

Chen H. *Breakthrough and Concealment: The Formulaic Dynamics of Character Behavior in Lucan*. PhD. Diss. New York: Columbia University, 2012. 409 p.

- Cherry R.G. The Initiative in War // Royal United Services Institution. Journal. 1921. Vol. 66. P. 87–100.
- Cilliers L., Retief F.P. The Sulla Syndrome // *Acta Classica*. 2000. Vol. 43. P. 33–43.
- Clark A. Nasica and *fides* // *Classical Quarterly*. 2007. Vol. 57. P. 125–131.
- Cobet C.G. Ad Ciceronis Philippicas // *Mnemosyne*. 1879. Vol. 7. P. 113–179.
- Cohen B. La notion d'«ordo» dans la Rome antique // *Bulletin de l'Association Guillaume Budé*. 1975. Vol. 2. P. 259–282.
- Coli U. Sui limiti di durata delle magistrature romane // *Studi in onore di Vincenzo Arangio-Ruiz nel XLV anno del suo insegnamento* / Ed. A. Berger. Vol. IV. Napoli, 1953. P. 395–418.
- Collins M. Caesar as Political Propagandist // *Aufstieg und Niedergang der römischen Welt: Geschichte und Kultur Roms im Spiegel der neueren Forschung. Teil I: Von den Anfängen Roms bis zum Ausgang der Republik. Bd. 1* / Hrsg. H. Temporini. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 1972. P. 922–966.
- Cordier P. M. Caelius Rufus, le préteur récalcitrant // *Mélanges de l'École française de Rome (Antiquité)*. 1994. T. 106. P. 533–577.
- Cornelius Tacitus. The Histories. Book III / Ed. K. Wellesley. Sydney: Sydney University Press, 1972. 248 p.
- Cornell T. The Beginnings of Rome: Italy and Rome from the Bronze Age to the Punic Wars (c. 1000–264 BC). London: Routledge, 1995. 507 p.
- Cornell T.J. The Value of the Literary Tradition Concerning Archaic Rome // *Social Struggles in Archaic Rome* / Ed. K.A. Raaflaub. Malden, Mass.: Blackwell Publishing, 2005. P. 47–74.
- Cortés-Copete M. Governing by Dispatching Letters: The Hadrianic Chancellery // *Political Communication in the Roman World* / Ed. C. Rosillo-López. Leiden; Boston: Brill, 2017. P. 107–136.
- Costabile F. *Novi generis imperia constituere, iura magistratuum commutare*. Progetto e Riforma della Respublica da Pompeo e Cesare ad Augusto. Reggio Calabria: Iiriti, 2009. 142 p.
- Cotton H.M., Yakobson A. *Arcanum imperii: The Powers of Augustus* // *Philosophy and Power in the Graeco-Roman World* / Eds. G. Clark, T. Rajak. Oxford: Oxford University Press, 2002. P. 193–209.
- Crifò G. Normazione e libertà. Il rapporto tra legislazione altorepubblicana ed identità civica // *Staat und Staatlichkeit in der frühen römischen Republik* / Ed. W. Eder. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 1990. P. 344–367.

Cuff P.J. The Terminal Date of Caesar's Gallic Command // *Historia*. 1958. Bd. 7. P. 445–471.

Dalla Rosa A. *Cura et tutela*. Le origini del potere imperiale sulle province proconsolari. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2014. 362 p.

Dalla Rosa A. *Ductu auspicioque*: Per una riflessione sui fondamenti religiosi del potere magistratuale fino all'epoca augustea // *Studi Classici e Orientali*. 2003. Vol. 49. P. 185–255.

Dalla Rosa A. L'aureus del 28 a.C. e i poteri triumvirali di Ottaviano // *Viri Militares*. Rappresentazione e propaganda tra Repubblica e Principato / Eds. T.M. Lucchelli, F. Rohr Vio. Trieste: Edizioni Università di Trieste, 2015. P. 171–200.

Damon C. *Studies on the Text of Caesar's Bellum civile*. Oxford: Oxford University Press, 2015. 329 p.

David J.-M. Les règles de la violence dans les assemblées populaires de la République romaine // *Politica antica*. 2013. Vol. 3. P. 11–29. (=Die Regeln der Gewalt in den Volksversammlungen der Römischen Republik // *Trivium*. 2020. Vol. 31. URL: <http://journals.openedition.org/trivium/7188> (дата обращения: 07.07.2025)).

Davies M.E., Swain H. *Aspects of Roman History 82 BC – AD 14: A Source-based Approach*. London; New York: Routledge, 2010. 426 p.

Dawes T. *A Commentary on Cicero's Philippics 10 and 11*. PhD Thesis. Auckland: University of Auckland, 2010. 320 p.

Day S.C. *Fleets and prouvinciae in the Roman Republic: Institutions, Administration and the Conceptualisation of Empire Between 260 and 49 B.C.* PhD Thesis. Oxford: University of Oxford, 2013. 275 p.

De Martino F. *Storia della costituzione romana*. T. II. Napoli: Casa Editrice Jovene, 1960. 434 p.

De Martino F. *Storia della costituzione romana*. T. III. 2 ed. Napoli: Casa Editrice Jovene, 1973. 405 p.

De Martino F. *Storia della costituzione romana*. T. IV. P. 1. Napoli: Casa Editrice Jovene, 1962. 611 p.

De Martino F. *Sugli aspetti giuridici del triumvirato* // *Il triumvirato costituente alla fine della repubblica romana*. Studi in onore di Mario Attilio Levi / Eds. A. Gara, D. Foraboschi. Como: New Press, 1993. P. 67–83.

Dementyeva V.V. Etatic and Non-etatic Approaches to the Study of Ancient Civil Community: Discussions on *civitas Romana* // *Мультидисциплинарные исследования в археологии*. 2025. Т. 8. № 2. С. 149–168.

Dementyeva V.V. Political Initiative during *interregna* in the Late Roman Republic // Leadership and Initiative in Late Republican and Early Imperial Rome / Eds. R.M. Frolov, C. Burden-Strevens. Leiden; Boston: Brill, 2022. P. 245–267.

Dementyewa V.V. Die römische «Meritokratie» und die Entwicklung politischer Repräsentation // Volk und Demokratie im Altertum. Bd. 1 / Hrsg. V.V. Dementyewa, T. Schmitt. Göttingen: Ruprecht, 2010. S. 107–141.

Develin R. C. Aurelius Cotta *praetor iterum* // Historia. 1978. Bd. 27. P. 231.

Develin R. Prorogation of *imperium* before the Hannibalic War // Latomus. 1975. Vol. 34. P. 716–722.

Develin R. Tradition and the Development of Triumphal Regulations in Rome // Klio. 1978. Bd. 60. P. 429–438.

Díaz Fernández A. *Provincia et imperium*. El mando provincial en la República romana (227–44 a.C.). Sevilla: Universidad de Sevilla, 2015. 653 p.

Dingmann M. Pompeius Magnus. Machtgrundlagen eines spätrepublikanischen Politikers. Rahden/Westf.: Verlag Marie Leidorf, 2007. 445 S.

Dobesch G. Zu Caesars Rede gegen C. Epidius Marullus und L. Caesetius Flavus // Antidosis: Festschrift für Walther Kraus zum 70. Geburtstag / Hrsg. R. Hanslik, A. Lesky, H. Schwabl. Wien; Köln; Graz: Böhlau, 1972. S. 78–92.

Driediger-Murphy L.G. Roman Republican Augury: Freedom and Control. Oxford: Oxford University Press, 2019. 304 p.

Drogula F.K. Cato the Younger: Life and Death at the End of the Roman Republic. Oxford; New York: Oxford University Press, 2019. 350 p.

Drogula F.K. Commanders and Command in the Roman Republic and Early Empire. Chapel Hill, NC: University of North Carolina Press, 2015. 432 p.

Drogula F.K. *Imperium, potestas*, and the *pomerium* in the Roman Republic // Historia. 2007. Bd. 56. S. 419–452.

Drogula F.K. Plebeian Tribunes and the Government of Early Rome // Antichthon. 2017. Vol. 51. P. 101–123.

Drumann W., Groebe P. Geschichte Roms in seinem Übergange von der republikanischen zur monarchischen Verfassung. 2. Aufl. Bd. 4. Leipzig: Gebrüder Borntraeger, 1908. 621 S.

Ducos M. Le Sénat dans l'épopée de Lucain // Lucain en débat: Rhétorique, poétique et histoire / Eds. O. Devillers, S. Franchet d'Espèrey. Pessac: Ausonius Éditions, 2010. P. 137–148.

Eberle L.P. Law, Land, and Territories: The Roman Diaspora and the Making of Provincial Administration. Diss. 2014. 191 p.

Eder W. Augustus and the Power of Tradition: The Augustan Principate as Binding Link between Republic and Empire // *Between Republic and Empire: Interpretations of Augustus and His Principate* / Eds. K. A. Raafaub, M. Toher. 2023. P. 71–122.

Edmondson J. The Roman Emperor and the Local Communities of the Roman Empire // *Il princeps romano: autocrate o magistrato? Fattori giuridici e fattori sociali del potere imperiale da Augusto a Commodo* / Eds. J.-L. Ferrary, J. Scheid. Pavia: IUSS Press, 2015. P. 701–729.

Edwards M.J. Plutarch. The Lives of Pompey, Caesar and Cicero. Bristol: Bristol Classical Press, 1991. 155 p.

Ehrenberg V. *Imperium maius* in the Roman Republic // *American Journal of Philology*. 1953. Vol. 74. P. 113–136.

Elster M. Die Gesetze der mittleren Römischen Republik. Text und Kommentar. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 2003. 538 S.

Elster M. Die Gesetze der späten römischen Republik. Von den Gracchen bis Sulla (133–80 v. Chr.). Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2020. 582 p.

Emmelius D. Grenzen schreiben. Das *Pomerium* und die Konstitution von Stadtgrenzen im antiken Rom. Diss. Bielefeld: Universität Bielefeld, 2019. 332 S.

Emmellus D. Das *pomerium*: geschriebene Grenze des antiken Rom. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2021. 411 S.

Ermatinger J. ILS 77 and 78: The End of the Second Triumvirate // *Historia*. 1993. Bd. 42. P. 109–110.

Fabre P. Lentulus, César et l'*aerarium* // *Revue des Études Anciennes*. 1931. T. 33. P. 26–32.

Fabricius E. Zum Stadtrecht von Urso // *Hermes*. 1900. Bd. 35. S. 205–215.

Fadinger V. Die Begründung des Prinzipats: Quellenkritische und staatsrechtliche Untersuchungen zu Cassius Dio und der Parallelüberlieferung. Berlin, 1969. 361 S.

Fantham E. Cicero's *Pro L. Murena Oratio*. New York: Oxford University Press, 2013. 224 p.

Fantham E. Lucan and Republican Senate // *Interpretare Lucano: Miscellanea di Studi* / Eds. P. Esposito, L. Nicastrì. Napoli: Università degli studi di Salerno, 1999. P. 109–125.

Fantham E. *Religio ... dira loci*: Two Passages in Lucan *de Bello Civili* 3 and Their Relation to Virgil's Rome and Latium // *Materiali e discussioni per l'analisi dei testi classici*. 1996. No. 37. P. 137–153.

Fantham E. The Roman World of Cicero's *De Oratore*. Oxford: Oxford University Press, 2004. 354 p.

Fechner D. Untersuchungen zu Cassius Dios Sicht der Römischen Republik. Hildesheim: Olms Verlag, 1986. 265 S.

Feeney D.C. The Gods in Epic. Poets and Critics of the Classical Tradition. Oxford: Clarendon Press, 1991. 449 p.

Fehrle R. Cato Uticensis. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1983. 341 S.

Feig Vishnia R. A Case of «Bad Press»? Gaius Flaminius in Ancient Historiography // Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. 2012. Bd. 181. P. 27–45.

Feig Vishnia R. State, Society and Popular Leaders in Mid-Republican Rome, 241–167 BC. London; New York: Routledge, 1996. 264 p.

Fernoux H.-L. Les ambassades civiques des cités de la province d'Asie envoyées à Rome au Ier s. av. J.-C.: législation romaine et prérogatives des cités // Les gouverneurs et les provinciaux sous la République romaine / Eds. N. Barrandon, F. Kirbihler. Rennes: Presses universitaires de Rennes, 2011. URL: <http://books.openedition.org/pur/109461> (дата обращения: 10.09.2025).

Ferrario S.B. Historical Agency and the «Great Man» in Classical Greece. Cambridge: Cambridge University Press, 2014. 409 p.

Ferrary J.-L. «A Roman Non-Entity»: Aurelius Cotta, tribun de la plèbe en 49 avant J.-C. // L'Italie préromaine et la Rome républicaine. Vol. I. Rome: École française de Rome, 1976. P. 285–292.

Ferrary J.-L. 2007 Loi privant de sa magistrature le préteur Q. Gallius (?) // *Leges Populi Romani* / Eds. J.-L. Ferrary, P. Moreau. Paris: IRHT-TELMA, 2007. URL: <https://telma.irht.cnrs.fr/outils/lepor/notice912/> (дата обращения: 19.02.2026).

Ferrary J.-L. 2007: *Rogatio Cornelia* relevant de son commandement le proconsul Cn. Pompeius Strabo au profit du consul Q. Pompeius // *Leges Populi Romani* / Eds. J.-L. Ferrary, P. Moreau. Paris: IRHT-TELMA, 2007. URL: <https://telma.irht.cnrs.fr/outils/lepor/notice147/> (дата обращения: 19.02.2026).

Ferrary J.-L. À propos des pouvoirs d'Auguste // Cahiers du Centre Gustave Glotz. 2001. T. 12. P. 101–154.

Ferrary J.-L. Les pouvoirs d'Auguste: l'affranchissement de la limite du *pomerium* // Rome, les Césars et la Ville aux deux premiers siècles de notre ère / Ed. N. Belayche. Rennes: Presses Universitaires de Rennes, 2001. P. 23–49.

Ferrary J.-L. Recherches sur la législation de Saturninus et de Glaucia // Mélanges de l'École française de Rome. Antiquité. 1977. Vol. 89. P. 619–660.

Ferrary J.-L. Retour sur la loi des inscriptions de Delphes et de Cnide (Roman Statutes, no 12) // Epigraphia 2006. Atti della XIVe rencontre sur l'épigraphie in onore di Silvio Panciera con

altri contributi di colleghi, allievi e collaboratori / Eds. M.L. Caldelli, G.L. Gregori, S. Orlandi. Rome: Edizioni Quasar, 2008. P. 101–114.

Ferrary J.-L. *Rogatio de imperio Q. Fabio Maximo dictatori abrogando* [spuria] // *Leges Populi Romani* / Eds. J.-L. Ferrary, P. Moreau. Paris: IRHT-TELMA, 2007. URL: <https://telma.irht.cnrs.fr/outils/lepor/notice268/> (дата обращения: 19.02.2026).

Ferrary J.-L. *Rogatio Publicia sur l'abrogation de l'imperium de M. Marcellus (pl. sc.)* // *Leges Populi Romani* / Eds. J.-L. Ferrary, P. Moreau. Paris: IRHT-TELMA, 2007. URL: <https://telma.irht.cnrs.fr/outils/lepor/notice628/> (дата обращения: 19.02.2026).

Flaig E. Den Kaiser herausfordern. Die Usurpation im Römischen Reich. Frankfurt am Main; New York: Campus Verlag, 2019. 568 S.

Flaig E. Den Kaiser herausfordern. Die Usurpation im Römischen Reich. Frankfurt; New York: Campus Verlag, 1992. 605 S.

Flaig E. Die Mehrheitsentscheidung. Entstehung und kulturelle Dynamik. Paderborn: Ferdinand Schöningh, 2013. 628 S.

Flaig E. Politisierte Lebensführung und ästhetische Kultur am Beispiel des römischen Adels // *Historische Anthropologie*. 1993. Bd. I. S. 193–217.

Flambard J.-M. Clodius, les collègues, la plèbe et les esclaves. Recherches sur la politique populaire au milieu du Ier siècle // *Mélanges de l'École française de Rome. Antiquité*. 1977. Vol. 89. P. 115–156.

Flambard J.-M. *Collegia compitalicia*: phénomène associatif, cadres territoriaux et cadres civiques dans le monde romain à l'époque républicaine // *Ktèma*. 1981. Vol. 6. P. 143–166.

Flower H. *Servilia's consilium*: Rhetoric and Politics in a Family Setting // *Institutions and Ideology in Republican Rome: Speech, Audience and Decision* / Eds. H. van der Blom, C. Gray, C. Steel. Cambridge: Cambridge University Press, 2018. P. 252–264.

Flower H.I. Beyond the *contio*: Political Communication in the Tribune of Tiberius Gracchus // *Community and Communication: Oratory and Politics in Republican Rome*. Oxford: Oxford University Press, 2013. P. 85–100.

Flower H.I. The Dancing Lares and the Serpent in the Garden: Religion at the Roman Street Corner. Princeton; Oxford: Princeton University Press, 2017. 394 p.

Fögen M.T. Römische Rechtsgeschichten. Über Ursprung und Evolution eines sozialen Systems. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2002. 230 S.

Forchhammer J.C. C. Julii Caesaris commentarii cum A. Hirtii aliorumque supplementis ex recensione B. Kübleri (Editio major). Lipsiae 1893–94, Teubner. Vol. I. Commentarii de bello Gallico. CXXX + 237 pp. Vol. II. Commentarii de bello civili. L + 153 pp. // *Nordisk tidsskrift for filologi*. 1894–1895. Vol. 3. P. 57–63.

- Forsythe G. *Livy and Early Rome. A Study in Historical Method and Judgment*. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 1999. 147 p.
- Frederiksen M.W. The *Lex Rubria*: Reconsiderations // *Journal of Roman Studies*. 1964. Vol. 54. P. 129–134.
- Frederiksen M.W. The Republican Municipal Laws: Errors and Drafts // *Journal of Roman Studies*. 1965. Vol. 55. P. 183–198.
- Frei-Stolba R. *Untersuchungen zu den Wahlen in der römischen Kaiserzeit*. Zürich: Juris-Verlag, 1967. 298 S.
- Freyburger-Galland M.-L. *Aspects du vocabulaire politique et institutionnel de Dion Cassius*. Paris: De Boccard, 1997. 264 p.
- Frisch H. *Cicero's Fight for the Republic: The Historical Background of Cicero's Philippics*. Copenhagen: Gyldendal, 1946. 311 p.
- Frolov R.M. The *privatus* Pompeius and Decision-Making in the City of Rome in Early 77 BCE // *Eirene – Studia Graeca et Latina*. 2021. Vol. 57. P. 217–244.
- Frolov R.M. A Proconsul's Administration of Rome? The *curator annonae* Pompeius, *recensus*, and Public Meetings // *Hermes – Zeitschrift für klassische Philologie*. 2022. Bd. 150. S. 190–210.
- Frolov R.M. *Ayelet Haimson Lushkov, Magistracy and the Historiography of the Roman Republic: Politics in Prose*, Cambridge, Cambridge University Press, 2015 // *Latomus*. 2017. Vol. 76. P. 1120–1123.
- Frolov R.M. Better than (when) a Magistrate? Caesar's Suspension from Magisterial Functions in 62 B.C. // *Mnemosyne*. 2017. Vol. 70. P. 977–995.
- Frolov R.M. From *privatus* to *magistratus*: The Political Initiative and the Alleged *ius edicendi* of Magistrates-Elect in Republican Rome // *Historia*. 2018. Bd. 67. S. 128–159.
- Frolov R.M. Introduction // *Leadership and Initiative in Late Republican and Early Imperial Rome* / Eds. R.M. Frolov, C. Burden-Strevens. Leiden; Boston: Brill, 2022. P. 1–35.
- Frolov R.M. *Lictoresque habent in urbe et Capitolio privati*: Promagistrates in Rome in 49 BC? // *Phoenix – The Journal of the Classical Association of Canada*. 2019. Vol. 73. P. 114–133.
- Frolov R.M. Lucan and Republican Promagistrates // *Classical World*. 2024. Vol. 117. P. 259–285.
- Frolov R.M. Midway between Magistrates and *privati*? Cinna in 87 BCE // *Athenaeum – Studi di Letteratura e Storia dell' Antichità*. 2019. Vol. 107. P. 424–455.
- Frolov R.M. Obstruction in Republican Rome – (F.) Görne Die Obstruktionen in Der Römischen Republik. (Historia Einzelschriften 264.) Pp. 333, Figs. Stuttgart: Franz Steiner, 2020 // *Classical Review*. 2021. Vol. 71. P. 485–487.

Frolov R.M. *Omnes qvi svnt eivs ordinis a Pompeio evocantvr*: The Proconsul Pompeius' Senatorial Meeting in 49 B.C. // *Classical Quarterly*. 2020. Vol. 70. P. 707–716.

Frolov R.M. *Privatus* or *tribunus celerum*? The Myth of Lucius Brutus and the Political Role of Private Individuals // *Myth and History in the Historiography of Early Rome* / Eds. T. Cornell, N. Meunier, D. Miano. Leiden; Boston: Brill, 2023. P. 122–139.

Frolov R.M. Seizing Initiative in the Sphere *domi*: Magistrates, Promagistrates, and the Senate at the Outset of 32 BCE // *Leadership and Initiative in Late Republican and Early Imperial Rome* / Eds. R.M. Frolov, C. Burden-Stevens. Leiden; Boston: Brill, 2022. P. 323–347.

Frolov R.M. The 'Wrong' Meetings? Some Notes on the Linked Usage of the Terms *coetus* and *contiones* in the Political Language of the Roman Republic // *Institutions and Ideology in Republican Rome: Speech, Audience and Decision* / Eds. H. Van der Blom, C. Gray, C. Steel. Cambridge: Cambridge University Press, 2018. P. 236–251.

Frolov R.M. The Triumvirate *rei publicae constituendae*, ἀντάρχοντες in an Inscription from Aphrodisias, and the Late Republican Promagistracy // *Gerión. Revista de Historia Antigua*. 2024. Vol. 42. P. 57–79.

Fürst F. Die Bedeutung der *auctoritas* im privaten und öffentlichen Leben der römischen Republik. Marburg: Hamel, 1934. 76 S.

Gabba E. La data finale del secondo triumvirato // *Rivista di filologia e di istruzione classica*. 1970. Vol. 98. P. 5–16.

Gabba E. Mario e Silla // *Aufstieg und Niedergang der römischen Welt: Geschichte und Kultur Roms im Spiegel der neueren Forschung*. Teil I: Von den Anfängen Roms bis zum Ausgang der Republik. Bd. 1 / Hrsg. H. Temporini. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 1972. P. 764–805.

Gagliardi L. Cesare, Pompeo e la lotta per le magistrature: anni 52–50 a.C. Milano: Giuffrè, 2011. 224 p.

Galinsky K. *Augustan Culture. An Interpretive Introduction*. Princeton: Princeton University Press, 1996. 474 p.

Galinsky K. Augustus' *auctoritas* and *Res Gestae* 34.3 // *Hermes*. 2015. Bd. 143. P. 244–249.

Gargola D.J. *The Shape of the Roman Order: The Republic and its Spaces*. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 2017. 289 p.

Garnsey P. *Famine and Food Supply in the Graeco-Roman World: Responses to Risk and Crisis*. Cambridge: Cambridge University Press, 1988. 303 p.

Garofalo L. In tema di *iustitium* // *Piccoli scritti di diritto penale romano* / Ed. L. Garofalo. Padova: CEDAM, 2008. P. 61–83.

- Gascou J. Suétone historien. Rome: École Française de Rome, 1984. 900 p.
- Gazzoli S. I duoviri designati nell'amministrazione locale tra Spagna ed Italia // *Municipal Structures in Roman Spain and Roman Italy: A Comparison* / Ed. F. Russo. Wien: Universität Wien, 2020. P. 99–104.
- Geiger J. A Commentary on Plutarch's Cato Minor. PhD Thesis. Oxford: Oxford University, 1971. 454 p.
- Gelzer M. Caesar: Der Politiker und Staatsmann. Wiesbaden: Franz Steiner Verlag, 1960. 320 S.
- Gelzer M. Caesar: Politician and Statesman. Oxford: Blackwell, 1968. 359 p.
- Gelzer M. Cn. Pompeius Strabo und der Aufstieg seines Sohnes Magnus // *Kleine Schriften*. Bd. 2. Franz Steiner Verlag, 1963. S. 106–138.
- Gelzer M. Pompeius. Lebensbild eines Römers. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2005. 244 S.
- Gerlach F.D. Commentarii et indices in C. Salustii Crispi Catilinam, Jugurtham et Historiarum fragmenta. Vol. 2. Basel, 1831. 410 p.
- Gesche H. Caesar. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1976. 357 S.
- Giovannini A. *Consulare imperium*. Basel: Friedrich Reinhardt Verlag, 1983. 155 p.
- Giovannini A. Die *Tabula Heracleensis*. Neue Interpretationen Und Perspektiven, 1. Die *frumentationes* // *Chiron*. 2004. Bd. 34. S. 187–204.
- Giovannini A. Les institutions de la République romaine: des origines à la mort d'Auguste. Basel: Schwabe, 2015. 243 p.
- Girardet K.M. Der Rechtsstatus Oktavians im Jahre 32 v. Chr. // *Rheinisches Museum für Philologie*. 1990. Bd. 133. S. 322–350.
- Girardet K.M. Die Entmachtung des Konsulates im Übergang von der Republik zur Monarchie und die Rechtsgrundlagen des Augusteischen Prinzipats // *Pratum Saraviense: Festgabe für Peter Steinmetz* / Eds. W. Görler, S. Koster. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 1990. S. 89–126.
- Girardet K.M. Die Rechtsstellung der Caesarattentäter Brutus und Cassius in den Jahren 44–42 v.Chr. // *Chiron*. 1993. Bd. 23. S. 207–233.
- Girardet K.M. *Imperium maius*. Politische und verfassungsrechtliche Aspekte. Versuch einer Erklärung // *La révolution romaine après Ronald Syme. Bilans et perspectives: Entretiens sur l'antiquité classique, Vandoeuvres 6–10 septembre 1999* / Ed. A. Giovannini. Geneva: Fondation Hardt, 2000. P. 167–127.
- Girardet K.M. *Imperium und provinciae* des Pompeius seit 67 v. Chr. // *Cahiers du Centre Gustave Glotz*. 1992. Vol. 3. S. 177–188.

Girardet K.M. Januar 49 v. Chr.: Caesars Militärputsch. Vorgeschichte, Rechtslage, politische Aspekte. Bonn: Dr. Rudolf Habelt Verlag, 2017. 367 S.

Girardet K.M. *Per continuos annos decem (res gestae divi Augusti 7,1)*. Zur Frage nach dem Endtermin des Triumvirats // Chiron. 1995. Bd. 25. S. 147–161.

Girardet K.M. Roms Verfassungstradition und die Rechtsgrundlagen des augusteischen Prinzipats // Augustus: Herrscher an der Zeitenwende / Eds. M. Horster, F. Schuller. Regensburg: Verlag Friedrich Pustet, 2014. S. 56–77.

Girardet K.M. *Imperia und provinciae* des Pompeius 82 bis 48 v. Chr. // Chiron. 2001. Bd. 31. S. 153–209.

Golden G.K. Crisis Management during the Roman Republic. The Role of Political Institutions in Emergencies. Cambridge: Cambridge University Press, 2013. 245 p.

Goldsworthy A. Caesar: Life of a Colossus. New Haven, 2006. 583 p.

Görler W. From Athens to Tusculum: Gleaning the Background of Cicero's *De oratore* // Kleine Schriften zur hellenistisch-römischen Philosophie / Ed. C. Catrein. Leiden; Boston: Brill, 2004. P. 172–261.

Görne F. Die Obstruktionen in der Römischen Republik. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2020. 333 p.

Gowing A.M. The Triumviral Narratives of Appian and Cassius Dio. Ann Arbor: The University of Michigan Press, 1992. 374 p.

Graeber A. *Auctoritas patrum*: Formen und Wege der Senats Herrschaft zwischen Politik und Tradition. Berlin: Springer-Verlag, 2001. 311 S.

Grant J.N. Two 'Syntactic Errors' in Transcription: Seneca, Thyestes 33 and Lucan, B.C. 2.279 // Classical Quarterly. 1994. Vol. 44. P. 282–286.

Gray E.W. The Crisis in Rome at the Beginning of 32 B.C. // The Proceedings of the African Classical Associations. 1975. Vol. 13. P. 15–29.

Greenidge A.H.J. The Legal Procedure of Cicero's Time. Oxford: Clarendon Press, 1901. 599 p.

Greenidge A.H.J. Roman Public Life. London: Macmillan and Co., 1901. 483 p.

Grenade P. Essai sur les origines du principat. Investiture et renouvellement des pouvoirs impériaux. Paris: E. de Boccard, 1961. 497 p.

Grethlein J. The Emergence of «Great Man Theory» in Classical Greece? (on S. Brown Ferrario, Historical Agency and the «Great Man» in Classical Greece) // Histos. 2015. Vol. 9. P. LVIII–LXIX.

Griffin M. *Urbs Roma, plebs and princeps* // Images of Empire / Ed. A. Loveday. Sheffield: Academic Press, 1991. P. 19–46.

Griffin M.T. *Seneca on Society: A Guide to De Beneficiis*. Oxford: Oxford University Press, 2013. 397 p.

Grote O. Potentiality through Conflict: Political Initiatives, Conflict, and the Political Evolution of the Roman Republic // *Leadership and Initiative in Late Republican and Early Imperial Rome* / Eds. R.M. Frolov, C. Burden-Strevens. Leiden; Boston: Brill, 2022. P. 351–373.

Gruen E.S. *Roman Politics and the Criminal Courts, 149–78 B.C.* Cambridge, MA: Harvard University Press, 1968. 337 p.

Gruen E.S. *The Legitimacy of Caesar's Wars // The Landmark Julius Caesar. Web Essays* / Ed. K.A. Raafaub. New York: Pantheon Books, 2017. P. 33–39.

Gruen E.S. *The Last Generation of the Roman Republic*. Los Angeles; London, 1974. 596 p.

Guarino A. L'abrogazione di Ottavio // *Atti dell'Accademia di Scienze Morali e Politiche della Società Nazionale di Scienze Lettere ed Arti in Napoli*. Vol. 81. Napoli: Giannini Editore, 1970. P. 236–256.

Gusso M. *Politica, istituzioni e interregnum nel 77 a.c.* // *Rivista di Cultura Classica e Medioevale*. 2001. Vol. 43. P. 47–74.

Hackl U. *Senat und Magistratur in Rom von der Mitte des 2. Jahrhunderts v. Chr. bis zur Diktatur Sullas*. Kallmünz: Lassleben, 1982. 280 p.

Haimson Lushkov A. *Magistracy and the Historiography of the Roman Republic. Politics in Prose*. Cambridge: Cambridge University Press. 2015. 201 p.

Hänisch E. *Die Caesar-Biographie Suetons*. Diss. Münster: Bethel b. Bielefeld, 1937. 95 S.

Hansen M.H. *Apagoge, Endeixis and Ephegesis against Kakourgoi, Atimoi and Pheugontes: A Study in the Athenian Administration of Justice in the Fourth Century B.C.* Odense: Odense University Press, 1976. 171 p.

Hansen M.H. *Initiative and Decision. The Separation of Powers in Fourth-Century Athens* // *Greek, Roman, and Byzantine Studies*. 1981. Vol. 22. P. 345–370.

Hanslik R. *Munatius* (no. 30) // *Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft*. Bd. 16.1 / Hrsg. W. Kroll. Stuttgart: J.B. Metzler, 1933. Sp. 545–551.

Hardie P.R. *The Epic Successors of Virgil: A Study in the Dynamics of a Tradition*. Cambridge: Cambridge University Press, 1993. 129 p.

Hardy E.G. *Some Problems in Roman History. Ten Essays Bearing on the Administrative and Legislative Work of Julius Caesar*. Oxford: Clarendon Press, 1924. 330 p.

Harlan M. *Roman Republican Moneyers and their Coins 63 BC–49 BC*. London: Seaby, 1995. 206 p.

Hartmann O.E. *Der römische Kalender*. Leipzig: B.G. Teubner, 1882. 266 S.

Häußler R. Das historische Epos von Lucan bis Silius und seine Theorie. Studien zum historischen Epos der Antike. II. Teil: Geschichtliche Epik nach Vergil. Heidelberg: Carl Winter Universitätsverlag, 1978. 304 S.

Hayne L. M. Lepidus (cos. 78): A Re-Appraisal // *Historia*. 1972. Bd. 21. P. 661–668.

Hayne L. The Defeat of Lepidus in 36 B.C. // *Acta Classica*. 1974. Vol. 17. P. 59–65.

Heftner H. Der Streit um das Kommando im Krieg gegen Mithridates (Diodorus Siculus 37,2,12) und die versuchte Konsulatskandidatur des C. Iulius Caesar Strabo // *Tyche*. 2008. Bd. 23. S. 79–100.

Heftner H. Plutarch und der Aufstieg des Pompeius. Ein historischer Kommentar zu Plutarchs Pompeiusvita. Teil I: Kap. 1–45. Frankfurt am Main: Peter Lang, 1995. 366 S.

Hellegouarc'h J. Le vocabulaire latin des relations et des partis politiques sous la République, Paris: Les Belles Lettres, 1963. 601 p.

Helzle M. Der Stil ist der Mensch: Redner und Reden im römischen Epos. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 1996. 349 S.

Heredia Chimeno C. La actividad consular de Bíbulo ante la transgresión constitucional: ¿reacción o restauración? // *Revue des Études Anciennes*. 2020. T. 122. P. 509–534.

Heredia Chimeno C. Plutarco y Marco Emilio Lépido (cos. 78 a.C.) // *Latomus*. 2020. T. 79. P. 667–690.

Herz P. Studien zur römischen Wirtschaftsgesetzgebung: Die Lebensmittelversorgung. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 1988. 403 S.

Herzog E. Geschichte und System der römischen Staatsverfassung. Bd. 1. Leipzig: B.G. Teubner, 1884. 1188 S.

Heuss A. Römische Geschichte. 3. Aufl. Braunschweig: Georg Westermann Verlag, 1971. 629 S.

Heuss A. Zur Entwicklung des Imperiums der römischen Oberbeamten // *Gesammelte Schriften / A. Heuss*. Bd. 2. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 1995. S. 831–907.

Hillard T.W. Augustus and the Evolution of Roman Concepts of Leadership // *Ancient History: Resources for Teachers*. 2008. Vol. 38. P. 107–152.

Hillman T.P. Pompeius and the Senate: 77–71 // *Hermes*. 1990. Bd. 118. P. 444–454.

Hillman T.P. Pompeius in Africa and Sulla's Order to demobilize (Plutarch, Pompeius 13,1–4) // *Latomus*. 1997. Vol. 56. P. 94–106.

Hillman T.P. Pompeius' *imperium* in the War with Lepidus // *Klio*. 1998. Bd. 80. P. 91–110.

Hinard F. Dion Cassius et les institutions de la république romaine // *La cultura storica nei primi due secoli dell'Impero* / Ed. L. Troiani, G. Zecchini. Roma: L'Erma di Bretschneider, 2005.

P. 261–281.

Hinard F. Genèse et légitimation d'une institution nouvelle. La *tribunicia potestas* d'Auguste // Rome, la dernière République: recueil d'articles / Ed. F. Hinard. Bordeaux: Ausonius Éditions, 2011. P. 309–330.

Hinard F. La déposition du consul de 88, Q. Pompeius Rufus, et la première prise de Rome par les armes // Id. Rome, la dernière République: recueil d'articles. Bordeaux: Ausonius Éditions, 2011. P. 175–177.

Hinard F. Les proscriptions de la Rome Républicaine. Rome: École Française de Rome, 1985. 605 p.

Hinojo Andrés G. «*Misso ad vesperum senatu, omnes qui sunt eius ordinis a Pompeio evocantur*», Caes., Civ. I 3 // Emerita. 1978. Vol. 46. P. 113–115.

Hinrichs F.T. Die Lateinische Tafel von Bantia // Hermes. 1970. Bd. 98. S. 471–502.

Hodgson L. Appropriation and Adaptation: Republican Idiom in *Res Gestae* 1.1 // Classical Quarterly. 2014. Vol. 64. P. 254–269.

Hodgson L. *Res Publica* and the Roman Republic: “Without a Body Politic”. Oxford: Oxford University Press, 2017. 316 p.

Hogg D. How Roman Are the Antiquities? The Decemvirate according to Dionysius // Dionysius of Halicarnassus and Augustan Rome: Rhetoric, Criticism and Historiography / Ed. R. Hunter, C.C. de Jonge. Cambridge: Cambridge University Press, 2018. P. 221–241.

Hohl E. L. Iunius Silanus Torquatus // Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Hlbd. 19 / Hrsg. W. Kroll. Stuttgart: J. B. Metzlersche Verlagsbuchhandlung, 1918. Sp. 1105–1106.

Hölkeskamp K.-J. «Cultural Turn» oder gar Paradigmenwechsel in der Althistorie? Die politische Kultur der römischen Republik in der neueren Forschung // Historische Zeitschrift. 2019. Bd. 309. S. 1–35.

Hölkeskamp K.-J. *Concordia contionalis*. Die rhetorische Konstruktion von Konsens in der römischen Republik // Genesis und Dynamiken der Mehrheitsentscheidung / Hrsg. E. Flaig. München: Oldenbourg Verlag, 2013. S. 101–128.

Hölkeskamp K.-J. Die Entstehung der Nobilität: Studien zur sozialen und politischen Geschichte der Römischen Republik im 4. Jh. v. Chr. 2. Aufl. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2011. 344 S.

Hölkeskamp K.-J. Governing a City-State: Magistrates, Assemblies, and Public Space in Republican Rome // Leadership and Initiative in Late Republican and Early Imperial Rome / Eds. R.M. Frolov, C. Burden-Strevens. Leiden; Boston: Brill, 2022. P. 39–63.

Hölkeskamp K.-J. *Leges Publilia et Maenia de patrum auctoritate* – Positionen und Perspektiven // *L'auctoritas à Rome: une notion constitutive de la culture politique* / Ed. J.-M. David, R. Baudry, F. Hurlet. Bordeaux: Ausonius Éditions, 2020. S. 171–186.

Hölkeskamp K.-J. Mythos und Politik – (Nicht Nur) in der Antike: Anregungen und Angebote der Neuen „Historischen Politikforschung“ // *Historische Zeitschrift*. 2009. Bd. 288. S. 1–50.

Hölkeskamp K.-J. *Oratoris maxima scaena*. Reden vor dem Volk in der politischen Kultur der Republik // *Demokratie in Rom? Die Rolle des Volkes in der Politik der Römischen Republik* / Hrsg. M. Jehne. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 1995. S. 11–49.

Hölkeskamp K.-J. Politics and Power in the Roman Republic – Then and Now, in Old Europe and the Brave New Anglophone World: A Documented Survey // *The Roman Republic and Political Culture: German Scholarship in Translation. Classical Scholarship in Translation* / Eds. A. Russell, H. Beck. Cambridge: Cambridge University Press, 2025. P. 27–70.

Hölkeskamp K.-J. The Roman Republic as Theatre of Power: The Consuls as Leading Actors // *Consuls and Res Publica: Holding High Office in the Roman Republic* / Eds. H. Beck, A. Duplá, M. Jehne, F. Pina Polo. Cambridge: Cambridge University Press, 2011. P. 161–181.

Holleaux M. *Στρατηγὸς ὕπατος*: Étude sur la Traduction en Grec du Titre Consulaire. Paris: De Boccard, 1918. 168 p.

Holmes T.R. *Caesar's Conquest of Gaul*. 2nd ed. Oxford: Clarendon Press, 1911. 872 p.

Hölscher L. Öffentlichkeit // *Geschichtliche Grundbegriffe*. Bd. 4. Stuttgart: Klett-Cotta, 1978. S. 413–467.

Holzapfel L. Die Anfänge des Bürgerkrieges zwischen Cäsar und Pompejus II // *Klio*. 1904. Bd. 4. S. 327–382.

Hose M. *Erneuerung der Vergangenheit: Die Historiker im Imperium Romanum von Florus bis Cassius Dio*. Stuttgart; Leipzig: Teubner, 1994. 522 S.

How W.W., Clark A.C. *Cicero. Select Letters. With Historical Introductions, Notes and Appendices*. Vol. 2: Notes. Oxford: Clarendon Press, 1926. 579 p.

Hoyos B.D. The Legal Powers of Augustus: Some Modern Views // *Ancient Society*. 1983. Vol. 13. P. 5–57.

Hurlet F. *Auguste et Pompée* // *Athenaeum*. 2006. Vol. 94. P. 467–485.

Hurlet F. *De l'auctoritas senatus à l'auctoritas principis. À propos des fondements du pouvoir impérial* // *L'auctoritas à Rome* / Eds. J.-M. David, F. Hurlet. Bordeaux: Ausonius Éditions, 2020. P. 351–368.

Hurlet F. *Pro consule uel pro praetore?* À propos des titres et des pouvoirs des gouverneurs prétoriens d'Afrique, de Sicile et de Sardaigne-Corse sous la République romaine (227–52 av. J.-C.) // Chiron. 2012. Bd. 42. P. 97–108.

Hurlet F., Dalla Rosa A. Un quindicennio di ricerche su Augusto: un bilancio storiografico // Studi Classici e Orientali. 2009. Vol. 55. P. 169–231.

Jackson S.B. Marcus Caelius Rufus // Hermathena. 1979. Vol. 126. P. 55–67.

Jacques F. Rom und das Reich in der Hohen Kaiserzeit: 44 v. Chr. – 260 n. Chr. Bd. 1. Stuttgart; Leipzig: B.G. Teubner, 1998. 497 S.

Jahn J. *Interregnum* und Wahldiktatur. Kallmünz: Verlag Michael Lassleben, 1970. 195 S.

Jahn J. Zur Iteration der Magistraturen in der Römischen Republik // Chiron. 1972. Bd. 2. S. 171–174.

Jameson S. Pompey's *imperium* in 67: Some Constitutional Fictions // Historia. 1970. Bd. 19. P. 539–569.

Janssen L.F. *Abdicatio*. Nieuwe Onderzoekingen over de Dictatuur. Utrecht: Kemink en Zoon, 1960. 174 p.

Jashemski W.F. The Origins and History of the Proconsular and Proprætorian *Imperium* to 27 B.C. Rome: L'Erma di Bretschneider, 1966. 174 p.

Jehne M. Caesar. München: C.H. Beck, 1997. 126 S.

Jehne M. Das römische Volk als Bezugsgröße und Machtfaktor // Politische Kultur und soziale Struktur der Römischen Republik. Bilanzen und Perspektiven / Hrsg. M. Haake, A.-C. Harders. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2017. S. 535–549.

Jehne M. Der Staat des Dictators Caesar. Köln; Wien: Böhlau Verlag, 1987. 496 S.

Jehne M. Die Neukonstruktion der Tradition als Machterhaltungs- und Machtsteigerungspolitik des Augustus // Dimensionen institutioneller Macht. Fallstudien von der Antike bis zur Gegenwart / Hrsg. G. Melville, K.-S. Rehberg. Köln; Wien; Weimar: Böhlau Verlag, 2012. S. 59–83.

Jehne M. Gerechtigkeitskonkurrenzen in der Politischen Praxis der Römischen Republik // Gerechtigkeit. Auf der Suche nach einem Maßstab / Hrsg. G. Melville, G. Vogt-Spira, M. Breitenstein. Köln; Weimar; Wien: Böhlau Verlag, 2015. S. 58–73.

Jehne M. Scaptius oder der kleine Mann in der großen Politik. Zur kommunikativen Struktur der *contiones* in der römischen Republik // Politica Antica. 2011. Vol. 1. P. 59–87.

Jones A.H.M. Augustus. London: Chatto & Windus, 1970. 196 p.

Jones A.H.M. Studies in Roman Government and Law. New York: Praeger, 1968. 243 p.

Jörs P.C. Cassius Longinus // Paulys Real-encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Bd. 3 / Hrsg. G. Wissowa. Stuttgart: J.B. Metzlersche Verlagsbuchhandlung, 1899. Sp. 1736–1738.

Judge E.A. The Failure of Augustus. Essays on the Interpretation of a Paradox. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2019. 393 p.

Karlowa O. Römische Rechtsgeschichte. Bd. 1. Leipzig: Veit & Comp., 1885. 1031 S.

Kaster R.A. Cicero: Speech on Behalf of Publius Sestius. Oxford: Oxford University Press, 2006. 493 p.

Katz B.R. Caesar Strabo's Struggle for the Consulship and More // Rheinisches Museum für Philologie. 1977. Bd. 120. S. 45–63.

Katz B.R. Studies on the Period of Cinna and Sulla // Antiquité Classique. 1976. T. 45. P. 497–549.

Katz B.R. The First Fruits of Sulla's March // Antiquité Classique. 1975. Vol. 44. P. 100–125.

Kearsley R.A. Octavian in the Year 32 BC: The «*S.C. de Aphrodisiensibus*» and the «*Genera Militiae*» // Rheinisches Museum für Philologie. 1999. Bd. 142. P. 52–67.

Keaveney A. Silla. Introduzione // Plutarco: Vite parallele. Lisandro e Silla / Eds. L. Ghilli, F. Muccioli. Milano: Rizzoli, 2001. P. 247–272.

Keaveney A. Sulla, Sulpicius and Caesar Strabo // Latomus. 1979. T. 38. P. 451–460.

Keaveney A. Sulla: The Last Republican. 2nd ed. London; New York: Routledge, 2005. 256 p.

Keaveney A. What happened in 88? // Eirene: Studia Graeca et Latina. 1983. Vol. 20. P. 53–86.

Keaveney A. Young Pompey: 106–79 B.C. // Antiquité Classique. 1982. Vol. 51. P. 111–139.

Kelly G.P. A History of Exile in the Roman Republic. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. 260 p.

Kemezis A.M. Greek Narratives of the Roman Empire under the Severans: Cassius Dio, Philostratus and Herodian. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 2014. 340 p.

Kienast D. Der Augusteische Prinzipat als Rechtsordnung // Kienast D. Kleine Schriften. Aalen: Scientia Verlag, 1994. S. 387–412.

Kienast D. Volker Fadinger: Die Begründung des Prinzipats. Quellenkritische und staatsrechtliche Untersuchungen zu Cassius Dio und der Parallelüberlieferung // Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte. Romanistische Abteilung. 1971. Bd. 88. S. 398–401.

- Kienast D. Augustus: Prinzeps und Monarch. 4. Aufl. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 2009. 612 S.
- Kiene A. Der römische Bundesgenossenkrieg. Leipzig: Teubner, 1845. 350 S.
- Kimmerle N. Lucan und der Prinzipat: Eine Untersuchung zu den politischen und philosophischen Implikationen der Pharsalia. Berlin: De Gruyter, 2015. 344 S.
- Kindscher F. Emendationes Caesarianae. Servestae: Roemer & Sitzenstock, 1860. 18 S.
- Kirov J. Der Umgang mit Abweichungen in der römischen Republik // Historische Zeitschrift. 2010. Bd. 290. S. 297–320.
- Kloft H. Bemerkungen zum Amtsentzug in der römischen Republik // Zeitschrift des Aachener Geschichtsvereins. 1977/78. Bd. 84/85. S. 161–180.
- Kloft H. Caesar und die Amtsentsetzung der Volkstribunen im Jahre 44. v. Chr. // Historia. 1980. Bd. 29. S. 315–334.
- Kloft H. Prorogation und außerordentliche Imperien, 326–81 v. Chr. Untersuchungen zur Verfassung der römischen Republik. Meisenheim am Glan: Anton Hain, 1977. 123 S.
- Klotz A. Abdico // Thesaurus Linguae Latinae. Vol. I. Leipzig: B.G. Teubner, 1900. Col. 53–56.
- Knopf F. *Circuli* – Statuen – Funera. ‚Unverfasste‘ Partizipationsformen der spätrepublikanischen Plebs // Klio. 2019. Vol. 101. S. 107–141.
- Kolbe W. Der zweite Triumvirat // Hermes. 1914. Bd. 49. S. 273–295.
- Konrad Ch.F. Plutarch's Sertorius: A Historical Commentary. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1994. 259 p.
- Koortbojian M. Crossing the *pomerium*: The Boundaries of Political, Religious, and Military Institutions from Caesar to Constantine. Princeton; Oxford: Princeton University Press, 2020. 228 p.
- Kromayer J. Die rechtliche Begründung des Principats. Marburg: N.G. Elwert'sche Verlagsbuchhandlung, 1888. 57 S.
- Kübler B. *Magistratus* // Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Bd. 14.1 / Hrsg. W. Kroll. Stuttgart: J.B. Metzler, 1928. Sp. 400–437.
- Kunkel W. Magistratische Gewalt und Senatsherrschaft // Aufstieg und Niedergang der römischen Welt: Geschichte und Kultur Roms im Spiegel der neueren Forschung. Teil I: Von den Anfängen Roms bis zum Ausgang der Republik. Bd. 2 / Hrsg. H. Temporini. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 1972. S. 3–22.
- Kunkel W., Wittmann R. Staatsordnung und Staatspraxis der Römischen Republik. München: C.H. Beck, 1995. 806 S.

La Penna A. *Marginalia. De lacuna apud Caes. B.C. I 6, 7 statuenda et supplenda* // *Maia*. 1955. Vol. 7/8. P. 128–130.

Labruna L. *Il console «sovversivo». Marco Emilio Lepido e la sua rivolta*. Napoli: Liguori, 1975. 184 p.

Lacey W.K. *The Tribunate of Curio* // *Historia*. 1961. Bd. 10. P. 318–329.

Lanfranchi T. *Edicts and Decrees during the Republic: A Reappraisal* // *Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte: Romanistische Abteilung*. 2019. Bd. 136. S. 47–83.

Lange C.H. *Civil War in the Res Gestae Divi Augusti: Conquering the World and Fighting a War at Home* // *Beyond the Battlefields: New Perspectives on Warfare and Society in the Graeco-Roman World* / Eds. E. Bragg, L. I. Hau, E. Macaulay-Lewis. Newcastle: Cambridge Scholars Publishing, 2008. P. 185–204.

Lange C.H. *Res publica constituta. Actium, Apollo and the Accomplishment of the Triumviral Assignment*. Leiden; Boston: Brill, 2009. 230 p.

Lange C.H. *Triumphs in the Age of Civil War: The Late Republic and the Adaptability of Triumphal Tradition*. London; New York: Bloomsbury Academic, 2016. 333 p.

Lange L. *Römische Alterthümer*. Bd. I. 3. Aufl. Berlin: Weidmannsche Buchhandlung, 1876. 964 S.

Lanzani C. *Mario e Silla. Storia della democrazia romana negli anni 87–82 a. Cr.* Catania: F. Battiato, 1915. 384 p.

Latte K. *Römische Religionsgeschichte*. München: C.H. Beck, 1960. 444 S.

Leadership and Initiative in Late Republican and Early Imperial Rome / Eds. R.M. Frolov, C. Burden-Strevens. Leiden; Boston: Brill, 2022. 522 p.

Lebek W.D. *Lucans Pharsalia. Dichtungsstruktur und Zeitbezug*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1976. 307 S.

Lebek W.D. *Rez. M. Tulli Ciceronis orationes. Divinatio in Q. Caecilius*. In *C. Verrem actio I*. In *C. Verrem actio II*. Milano: Cisalpino – La Goliardica 1984. VIII, 558 S. // *Gnomon*. 1988. Bd. 60. S. 193–195.

Lehmann G.A. *Der Beginn der res gestae des Augustus und das politische exemplum des Cn. Pompeius Magnus* // *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik*. 2004. Bd. 148. S. 151–162.

Leigh M. *Lucan: Spectacle and Engagement*. Oxford: Clarendon Press, 1997. 366 p.

Letzner W. *Lucius Cornelius Sulla. Versuch einer Biographie*. Münster: LIT Verlag, 2000. 348 S.

Levick B. *Augustus: Image and Substance*. Harlow; London; New York: Longman, 2010. 351 p.

- Levick B.M. Antiquarian or Revolutionary? Claudius Caesar's Conception of His Principate // *American Journal of Philology*. 1978. Vol. 99. P. 79–105.
- Levick B.M. Sulla's March on Rome in 88 B.C. // *Historia*. 1982. Bd. 31. P. 503–508.
- Lewis N.G. Rechtsfrage II: Octavian's Powers in 32 BC // *Liverpool Classical Monthly*. 1991. Vol. 16. P. 57–62.
- Libero L., de. Der Raub des Staatsschatzes durch Caesar // *Klio*. 1998. Bd. 80. S. 111–133.
- Libero L., de. Obstruktion: Politische Praktiken im Senat und in der Volksversammlung der ausgehenden römischen Republik (70 - 49 v. Chr.). Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 1992. 142 S.
- Licandro O. *In magistratu damnari*. Ricerche sulla responsabilità dei magistrati romani durante l'esercizio delle funzioni. Torino: Giappichelli, 1999. 438 p.
- Linderski J. Constitutional Aspects of the Consular Elections in 59 B.C. // *Historia*. 1965. Bd. 14. S. 423–442.
- Linderski J. Q. Scipio Imperator // *Roman Questions II*. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2002. P. 130–174.
- Linderski J. Rome, Aphrodisias and the *Res Gestae*: The *genera militiae* and the Status of Octavian // *Journal of Roman Studies*. 1984. Vol. 74. P. 78–79.
- Linderski J. The Aedileship of Favonius, Curio the Younger and Cicero's Election to the Augurate // *Harvard Studies in Classical Philology*. 1972. Vol. 76. P. 181–200.
- Linderski J. The Augural Law // *Aufstieg und Niedergang der römischen Welt*. Bd. 2.16.3. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 1986. S. 2146–2312.
- Linderski J. The Auspices and the Struggle of the Orders // *Staat und Staatlichkeit in der frühen römischen Republik* / Ed. W. Eder. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 1990. P. 34–48.
- Linderski J. The Pontiff and the Tribune: The Death of Tiberius Gracchus // *Roman Questions II*. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2002. P. 88–114.
- Linderski J. The Testimony of Asconius concerning the Legal Status of the *collegia* during the Decline of the Roman Republic // *Eos*. 2013. Vol. 100, fasc. electr. P. 202–210.
- Linderski, J. Review: Mitchell Th.N. *The Ascending Years* // *Classical Journal*. 1982. Vol. 77. P. 275–277.
- Lintott A. *Cicero as Evidence: A Historian's Companion*. Oxford; New York: Oxford University Press, 2008. 469 p.
- Lintott A. *The Constitution of the Roman Republic*. Oxford: Oxford University Press, 1999. 297 p.
- Lintott A. *Violence in Republican Rome*. Oxford: Clarendon Press, 1968. 234 p.
- Lintott A.W. *Cassius Dio and the History of the Late Roman Republic* // *Aufstieg und*

Niedergang der römischen Welt. Bd. 2.34.3 / Hrsg. W. Haase. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 1997. P. 2497–2523.

Lintott A.W. Cicero and Milo // *Journal of Roman Studies*. 1974. Vol. 64. P. 62–78.

Lintott A.W. Lucan and the History of the Civil War // *Classical Quarterly*. 1971. Vol. 21. P. 488–505.

Lintott A.W. P. Clodius Pulcher – *felix Catilina?* // *Greece & Rome*. 1967. Vol. 14. P. 157–169.

Lintott A.W. The Tradition of Violence in the Annals of the Early Roman Republic // *Historia*. 1970. Vol. 19. P. 12–29.

Lintott A.W. The Tribunate of P. Sulpicius Rufus // *Classical Quarterly*. 1971. Vol. 21. P. 442–453.

Liou-Gille B. Le *pomerium* // *Museum Helveticum*. 1993. Vol. 50. P. 94–106.

Lo Cascio E. Le procedure di *recensus* dalla tarda repubblica al tardo antico e il calcolo della popolazione di Roma // *La Rome impériale. Démographie et logistique. Actes de la table ronde de Rome, 25 mars 1994*. Rome: École Française de Rome, 1997. P. 3–76.

Lo Cascio E. Le *professiones* della *Tabula Heracleensis* e le procedure del *census* in età cesariana // *Athenaeum*. 1990. Vol. 78. P. 287–318.

Lobrano G. *Plebei magistratus, patricii magistratus, magistratus populi Romani* // *Studia et Documenta Historiae et Iuris*. 1975. Vol. 41. P. 245–277.

Logghe L. Plebeian Agency in the Later Roman Republic // *Mass and Elite in the Greek and Roman Worlds: From Sparta to Late Antiquity* / Ed. R.J. Evans. London; New York: Routledge, 2017. P. 63–81.

Logghe L. The *tribuni plebis* and the End of the Roman Republic. PhD Thesis. Gent: Universiteit Gent, 2016. 347 p.

Lounsbury R.C. History and Motive in Book Seven of Lucan's *Pharsalia* // *Hermes*. 1976. Bd. 104. S. 210–239.

Lovano M. *The Age of Cinna: Crucible of Late Republican Rome*. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2002. 188 p.

Lowrie M. Spurius Maelius: Dictatorship and the Homo Sacer // *Citizens of Discord: Rome and Its Civil Wars* / Ed. B.W. Breed, C. Damon, A. Rossi. Oxford; New York: Oxford University Press, 2010. P. 171–185.

Lübtow U. von. *Das römische Volk, sein Staat und sein Recht*. Frankfurt am Main: V. Klostermann, 1955. 716 S.

Luce T.J. Marius and the Mithridatic Command // *Historia*. 1970. Bd. 19. P. 161–194.

Luce T.J. The Dating of Livy's First Decade // Transactions and Proceedings of the American Philological Association. 1965. Vol. 96. P. 209–240.

Lundgreen C. Regelkonflikte in der römischen Republik. Geltung und Gewichtung von Normen in politischen Entscheidungsprozessen. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2011. 375 S.

Madvig J.N. Die Verfassung und Verwaltung des römischen Staates. Bd. 1. Leipzig: B.G. Teubner, 1881. 596 S.

Magdelain A. *Jus imperium auctoritas*. Études de droit romain. Rome: École française de Rome, 1990. 816 p.

Magdelain A. Recherches sur l'«Imperium», la loi curiate et les auspices d'investiture. Paris: Presses Universitaires de France, 1968. 76 p.

Magie D. De romanorum iuris publici sacrique vocabulis sollemnibus in graecum sermonem conversis. Lipsiae: B.G. Teubner, 1905. 183 p.

Magni Aurelii Cassiodori Variarum Libri XII; De Anima / Ed. Å.J. Fridh, J.W. Halporn. Turnhout: Brepols, 1973. 596 p.

Mahy T.B. After the Daggers: Politics and Persuasion after the Assassination of Caesar. PhD Thesis. St Andrews: University of St Andrews, 2010. 340 p.

Makhlaiuk A.V. *Omnia deinde arbitrio militum acta*: Political Initiative and Agency of the Army in Late-Republican and Early Imperial Rome // Leadership and Initiative in Late Republican and Early Imperial Rome / Eds. R.M. Frolov, C. Burden-Strevens. Leiden; Boston: Brill, 2022. P. 457–488.

Makhlayuk A.V., Markov K.V. *Studia Dionea novissima*: Historical Narrative, Interpretations of the Past and Political Contexts of Cassius Dio's "Roman History" (Part I) // Вестник древней истории. 2022. № 3. P. 639–657.

Mancuso G. «*Senatus auctoritas*». Sulla denominazione del senatoconsulto inefficace // Labeo. 1981. Vol. 27. P. 12–25.

Manuwald G. Cicero, Philippics 3–9. Vol. 1–2. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 2007. 1153 p.

Marco Simón R., Pina Polo F. Mario Gratidiano, los compita y la religiosidad popular a fines de la república // Klio. 2000. Bd. 82. S. 154–170.

Marianne C. Institutions et procédures politiques de la République romaine les choix lexicaux de Cassius Dion // Cassius Dion: nouvelles lectures / Eds. V. Fromentin, E. Bertrand, M. Coltelloni-Trannoy, M. Molin, G. Urso. Vol. 2. Bordeaux: Ausonius Éditions, 2016. P. 485–518.

Markland J. Explicationes veterum aliquot auctorum, Graecorum et Latinorum // Markland J. Euripidis Supplices mulieres. Oxonii: Cooke & Parker, 1811. P. 255–294.

Markov K.V., Makhlayuk A.V. *Studia Dionea novissima: Historical Narrative, Interpretations of the Past and Political Contexts of Cassius Dio's "Roman History" (Part II)* // Вестник древней истории. 2022. № 4. P. 869–898.

Marquardt J. *Römische Staatsverwaltung*. Bd. I. 2. Aufl. Leipzig: S. Hirzel, 1881. 584 S.

Marshall A. J. The *Lex Pompeia de provinciis* (52 B.C.) and Cicero's *imperium* in 51–50 B.C.: Constitutional Aspects // *Aufstieg und Niedergang der römischen Welt: Geschichte und Kultur Roms im Spiegel der neueren Forschung*. Teil I: Von den Anfängen Roms bis zum Ausgang der Republik. Bd. 1 / Hrsg. H. Temporini. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 1972. P. 887–921.

Marshall B.A. *A Historical Commentary on Asconius*. Columbia: University of Missouri Press, 1985. 342 p.

Martin P.-M. Le mythe de Brutus, fondateur de la République romaine // *Annales Latini Montium Arvernorum*. 1982. Vol. 9. P. 5–9.

Martín Puente C., Conde Salazar M. El paso de preposición latina pro a prefijo: una gramaticalización poco productiva // *Latomus*. 2014. T. 73. P. 577–595.

Masi Doria C. Il caso del pretore Quinto Gallio: assassinio legalizzato, usurpazione senatoria or preludio della repressione straordinaria? // *Homenaje al profesor Armando Torrent* / Ed. A. Murillo Villar et al. Madrid: Editorial Dykinson, 2016. P. 539–551.

Masi Doria C. *Spretum Imperium*. Prassi costituzionale e momenti di crisi nei rapporti tra magistrati nella media e tarda repubblica. Napoli: Jovene Editore, 2000. 353 p.

Mason H.J. *Greek Terms for Roman Institutions: A Lexicon and Analysis*. Toronto: University of Toronto Press, 1974. 207 p.

Mastrocinque A. Lucio Giunio Bruto. Ricerche di storia, religione e diritto sulle origini della repubblica romana. Trento: La Reclame, 1988. 293 p.

Matthews M. Caesar and the Storm: A Commentary on Lucan, *De Bello Civili*, Book 5, lines 476–721. Oxford; New York: Oxford University Press, 2008. 321 p.

Meier C. Pompeius Rückkehr aus dem Mithridatischen Kriege und die Catilinarische Verschwörung // *Athenaeum*. 1962. Vol. 40. S. 103–125.

Meier C. *Res publica amissa*: Eine Studie zu Verfassung und Geschichte der späten römischen Republik. Wiesbaden: Franz Steiner Verlag, 1966. 332 S.

Meier M. *Caesar und das Problem der Monarchie in Rom*. Heidelberg: Universitätsverlag Winter, 2014. 83 S.

Menz W. *Caesar und Pompeius im Epos Lucans*. Diss. Berlin: Humboldt-Universität, 1952. 125 S.

Meyer E. Römischer Staat und Staatsgedanke. 3. Aufl. Zürich; Stuttgart: Artemis Verlag, 1964. 565 S.

Meyer Ed. Caesars Monarchie und das Principat des Pompejus: innere Geschichte Roms von 66 bis 44 v. Chr. 3. Aufl. Stuttgart; Berlin: J.G. Cotta'sche Buchhandlung Nachfolger, 1922. 632 S.

Michels A.K. The Calendar of the Roman Republic. Princeton: Princeton University Press, 1967. 227 p.

Mignone L.M. Rome's *pomerium* and the Aventine Hill: From *auguraculum* to *imperium sine fine* // Historia. 2016. Bd. 65. P. 427–449.

Millar F. A Study of Cassius Dio. Oxford: Clarendon Press, 1964. 239 p.

Millar F. The Crowd in Rome in the Late Republic. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1998. 236 p.

Millar F. The Roman Republic and the Augustan Revolution / Ed. H.M. Cotton, G.M. Rogers. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 2002. 416 p.

Millar F. Triumvirate and Principate // Augustus / Ed. J. Edmondson. (Edinburgh Readings on the Ancient World). Edinburgh: Edinburgh University Press, 2009. P. 60–89.

Milnor K. Gender, Domesticity, and the Age of Augustus: Inventing Private Life. Oxford: Oxford University Press, 2005. 360 p.

Mitchell H. The Dynamics of Elite Agency in a Post-Caesar World (44–31 BCE) // Leadership and Initiative in Late Republican and Early Imperial Rome / Eds. R.M. Frolov, C. Burden-Strevens. Leiden; Boston: Brill, 2022. P. 295–322.

Mitchell H. The Reputation of L. Munatius Plancus and the Idea of “Serving the Times” // The Alternative Augustan Age / Eds. J. Osgood, K. Morrell, K. Welch. Oxford; New York: Oxford University Press, 2019. P. 163–181.

Mitchell T.N. Cicero, Pompey, and the Rise of the First Triumvirate // Traditio. 1973. Vol. 29. P. 1–26.

Mitchell T.N. The Volte-Face of P. Sulpicius Rufus in 88 B.C. // Classical Philology. 1975. Vol. 70. P. 197–204.

Mommsen Th. Der Begriff des *Pomerium* // Hermes. 1876. Bd. 10. S. 40–50.

Mommsen Th. Die Rechtsfrage zwischen Caesar und dem Senat. Breslau: Trewendt, 1858. 58 S.

Mommsen Th. Lex coloniae Iuliae Genetivae Urbanorum sive Ursonis // Gesammelte Schriften. Bd. I. Abt. 1. Berlin: Weidmannsche Buchhandlung, 1905. S. 194–239.

Mommsen Th. Römisches Staatsrecht. Bd. I. 3. Aufl. Leipzig: S. Hirzel, 1887. 707 S.

Mommsen Th. Römisches Staatsrecht. Bd. II.1. 3. Aufl. Leipzig: S. Hirzel, 1887. 742 S.

- Mommsen Th. Römisches Staatsrecht. Bd. III.1. 1. Aufl. Leipzig: S. Hirzel, 1888. 832 S.
- Mommsen Th. Römisches Staatsrecht. Bd. III.2. 1. Aufl. Leipzig: S. Hirzel, 1888. 1335 S.
- Mommsen Th. Römisches Strafrecht. Leipzig: Duncker & Humblot, 1899. 1078 S.
- Moos P. von. «Öffentlich» und «privat» im Mittelalter: Zu einem Problem historischer Begriffsbildung. Heidelberg: Universitätsverlag Winter, 2004. 107 S.
- Morawski C. De oratione Philippi apud Sallustium // Eos. 1911. Vol. 17. P. 135–140.
- Morrell K. Petitioning for Change in the Republican Empire // Leadership and Initiative in Late Republican and Early Imperial Rome / Eds. R.M. Frolov, C. Burden-Strevens. Leiden; Boston: Brill, 2022. P. 433–453.
- Morstein-Marx R. Caesar's Alleged Fear of Prosecution and his "*ratio absentis*" in the Approach to the Civil War // Historia. 2007. Bd. 56. P. 159–178.
- Morstein-Marx R. Consular Appeals to the Army in 88 and 87: The Locus of Legitimacy in Late-Republican Rome // Consuls and Res Publica: Holding High Office in the Roman Republic / Eds. H. Beck, A. Duplá, M. Jehne, F. Pina Polo. Cambridge: Cambridge University Press, 2011. P. 259–278.
- Morstein-Marx R. Julius Caesar and the Roman People. Cambridge: Cambridge University Press, 2021. 690 p.
- Morstein-Marx R. Mass Oratory and Political Power in the Late Roman Republic. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. 313 p.
- Morstein-Marx R. Political Graffiti in the Late Roman Republic: Hidden Transcripts and Common Knowledge // Politische Kommunikation und öffentliche Meinung in der antiken Welt / Hrsg. C. Kuhn. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2012. S. 191–217.
- Mouritsen H. Politics in the Roman Republic. Cambridge: Cambridge University Press, 2017. 202 p.
- Mueller H.-F. *Nocturni coetus* in 494 BC // *Augusto augurio. Rerum Humanarum et Divinarum Commentationes in Honorem Jerzy Linderski* / Ed. C.F. Konrad. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2004. P. 77–88.
- Müller A.C. Untersuchungen zu Caesars italicischem Feldzug 49 v. Chr. Chronologie und Quellen. Inaugural-Dissertation. München: Ludwig-Maximilians-Universität, 1973. 248 S.
- Münzer F. Caecilius (Metellus Celer) // Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Bd. 3 / Hrsg. G. Wissowa. Stuttgart: J.B. Metzler, 1897. Sp. 1208–1210.
- Münzer F. Favonius // Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Bd. 6 / Hrsg. G. Wissowa. 1909. Sp. 2074–2077.
- Neel J. Reconsidering the *affectatores regni* // Classical Quarterly. 2015. Vol. 65. P. 224–241.

- Nesselhauf H. Von der feldherrlichen Gewalt des römischen Kaisers // *Klio*. 1937. Bd. 30. S. 306–322.
- Neumann K.J. Abrogatio (magistratus) // *Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft*. Hbd. 1 / Hrsg. G. Wissowa. Stuttgart: J.B. Metzler, 1893. Sp. 111–114.
- Niccolini G. I fasti dei tribuni della plebe. Milano: Giuffrè, 1934. 589 p.
- Niccolini G. Il triumvirato di Lepido, Antonio e Ottaviano e il principato di Augusto // *Atti della Società di Scienze e Lettere di Genova*. 1939. Vol. IV. Fasc. I. P. 63–88.
- Nicolet C. Le temple des Nymphes et les distributions frumentaires à Rome à l'époque républicaine d'après des découvertes récentes // *Comptes rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres*. 1976. Vol. 120. P. 29–51.
- Nicolet C. The World of the Citizen in Republican Rome. Los Angeles; London, 1980. 435 p.
- Nicols J. Civic Patronage in the Roman Empire. Leiden; Boston: Brill, 2014. 344 p.
- Nippel W. Policing Rome // *Journal of Roman Studies*. 1984. Vol. 74. P. 20–29.
- Nippel W. Public Order in Ancient Rome. Cambridge: Cambridge University Press, 1995. 163 p.
- Nissen A. Beiträge zum römischen Staatsrecht. Strassburg: K.J. Trübner, 1885. 245 S.
- Nissen H. Der Ausbruch des Bürgerkriegs 49 v. Chr. // *Historische Zeitschrift*. 1881. Bd. 46. S. 48–105.
- Nix S.A. Caesar as Jupiter in Lucan's *Bellum Civile* // *Classical Journal*. 2008. Vol. 103. P. 281–294.
- Nocera G. Il potere dei comizi e i suoi limiti. Milano: Giuffrè, 1940. 304 p.
- North J.A. Introduction: Pursuing Democracy // *Representations of Empire: Rome and the Mediterranean World* / Ed. A.K. Bowman, H.M. Cotton, M. Goodman, S. Price. Oxford: Oxford University Press, 2002. P. 1–12.
- North J.A. The Constitution of the Roman Republic // *A Companion to the Roman Republic* / Eds. N. Rosenstein, R. Morstein-Marx. Oxford: Blackwell Publishing, 2006. P. 256–277.
- O'Neill P. A Culture of Sociability: Popular Speech in Ancient Rome. PhD Thesis. Los Angeles, 2001. 327 p.
- O'Neill P. Going Round in Circles: Popular Speech in Ancient Rome // *Classical Antiquity*. 2003. Vol. 22. P. 135–176.
- Oakley S.P. A Commentary on Livy, Books VI–X. Vol. 1: Introduction and Book VI. Oxford: Oxford University Press, 1997. 799 p.

- Oakley S.P. A Commentary on Livy, Books VI–X. Vol. 2: Books VII–VIII. Oxford: Oxford University Press, 1998. 866 p.
- Oakley S.P. A Commentary on Livy, Books VI–X. Vol. 3: Book IX. Oxford: Oxford University Press, 1998. 758 p.
- Oakley S.P. A Commentary on Livy, Books VI–X. Vol. 4: Book X. Oxford: Oxford University Press, 2005. 658 p.
- Oakley S.P. The Text of Caesar – Damon (C.) (ed.) C. Iuli Caesaris Commentariorum Libri III De Bello Civili recognovit brevique adnotatione critica instruxit. Pp. cx + 227. Oxford: Oxford University Press, 2015. – Damon (C.) Studies on the Text of Caesar's Bellum civile. Pp. vi + 329. Oxford: Oxford University Press, 2015 // The Classical Review. 2017. Vol. 67. P. 393–398.
- Ogilvie R.M. A Commentary on Livy. Books 1–5. Oxford: Clarendon Press, 1965. 774 p.
- Oppermann H. Caesar. Der Schriftsteller und sein Werk. Leipzig; Berlin: Teubner, 1933. 112 S.
- Osgood J. Caesar's Legacy: Civil War and the Emergence of the Roman Empire. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. 440 p.
- Osgood J. Turia: A Roman Woman's Civil War. Oxford: Oxford University Press, 2014. 215 p.
- Osgood J. Urgulania, Plancina, and Livia: Women's Initiative in Early Imperial Politics // Leadership and Initiative in Late Republican and Early Imperial Rome / Eds. R.M. Frolov, C. Burden-Strevens. Leiden; Boston: Brill, 2022. P. 189–209.
- Pagán V. Speaking before Superiors: Orpheus in Vergil and Ovid // Free Speech in Classical Antiquity / Ed. I. Sluiter, R. Rosen. Leiden: Brill, 2004. P. 369–389.
- Pani M. Potere e valori a Roma fra Augusto e Traiano. Bari: Edipuglia, 1993. 260 p.
- Pani M. Principe e magistrato a Roma fra pubblico e privato. Tracce di un itinerario // Pani M. Potere e valori a Roma fra Augusto e Traiano. Bari: Edipuglia, 1993. P. 65–82.
- Parag Y., Janda K.B. More than Filler: Middle Actors and Socio-Technical Change in the Energy System from the “Middle-out” // Energy Research & Social Science. 2014. Vol. 3. P. 102–112.
- Pasoli E. *Privato consilio (e privata arma)* in Sallustio // Giornale Italiano di Filologia. 1970. Vol. 22. P. 65–70.
- Pavis d'Escurac H. La préfecture de l'Annone service administratif impérial d'Auguste à Constantin. Rome: École Française de Rome, 1976. 473 p.
- Peer A. Julius Caesar's *Bellum Civile* and the Composition of a New Reality. Farnham; Burlington: Ashgate, 2015. 200 p.

Pelikan Pittenger M.R. *Contested Triumphs: Politics, Pageantry, and Performance in Livy's Republican Rome*. Los Angeles–London, 2008. 313 p.

Pellecchi L. *Quae triumviratu iusserat abolevit*. Gli esordi del potere normativo di Augusto in materia fiscale // *Il princeps romano: autocrate o magistrato? Fattori giuridici e fattori sociali del potere imperiale da Augusto a Commodo* / Eds. J.-L. Ferrary, J. Scheid. Pavia: IUSS Press, 2015. P. 432–495.

Pelling C. *Plutarch and History: Eighteen Studies*. London: The Classical Press of Wales, 2011. 493 p.

Pelling C. The Triumviral Period // *Cambridge Ancient History*. Vol. 10: The Augustan Empire, 43 BC – AD 69 / Eds. A.K. Bowman, E. Champlin, A. Lintott. Cambridge: Cambridge University Press, 1996. P. 1–69.

Pelling C.B.R. Plutarch's Adaptation of his Source-Material // *Journal of Hellenic Studies*. 1980. Vol. 100. P. 127–140.

Pepermans G.M.A. Het proces tegen C. Rabirius. Interpretatie van een pleidooi. Proefschrift. Sittard: Alberts' Drukkerijen, 1975. 142 p.

Perl G. Sallust und die Krise der Römischen Republik // *Philologus*. 1969. Bd. 113. S. 201–216.

Petzold K.-E. Die Bedeutung des Jahres 32 für die Entstehung des Principats // *Historia*. 1969. Bd. 18. S. 334–351.

Pina Polo F. *Contra arma verbis: Der Redner vor dem Volk in der späten römischen Republik*. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 1996. 216 S.

Pina Polo F. *Ius contionandi y contiones en las colonias romanas de Asia Menor: acerca de CIL III 392* // *Gerión*. 1989. Vol. 7. P. 95–105.

Pina Polo F. Las *contiones* civiles y militares en Roma. Zaragoza: Universidad de Zaragoza, 1989. 412 p.

Pina Polo F. Magistrates without Pedigree: The Consules Suffecti of the Triumviral Age // *Journal of Roman Studies*. 2018. Vol. 108. P. 1–16.

Pina Polo F. Magistrates-Elect and their *potestas contionandi* in the Late Roman Republic // *Historia*. 2016. Bd. 65. S. 66–72.

Pina Polo F. Procedures and Functions of Civil and Military *contiones* in Rome // *Klio*. 1995. Vol. 77. P. 203–216.

Pina Polo F. Public Speaking in Rome: A Question of *auctoritas* // *The Oxford Handbook of Social Relations in the Roman World* / Ed. by M. Peachin. Oxford: Oxford University Press, 2011. P. 286–303.

Pina Polo F. The Consul at Rome: The Civil Functions of the Consuls in the Roman Republic. Cambridge: Cambridge University Press, 2011. 379 p.

Pina Polo F. The Political Role of the *consules designati* at Rome // *Historia*. 2013. Bd. 62. P. 420–452.

Pittenger M.R. Contested Triumphs: Politics, Pageantry, and Performance in Livy's Republican Rome. Los Angeles; London, 2008. 365 p.

Plaumann G. Das Sogenannte *senatus consultum ultimum*, die Quasidiktatur der späteren Römischen Republik // *Klio*. 1913. Bd. 13. S. 321–386.

Pókecz Kovács A. Economic Crisis and *senatus consultum ultimum* // *Fundamina: A Journal of Legal History*. 2014. Vol. 20. P. 729–737.

Pókecz Kovács A. Legal Means and Public Law Consequences of the Solution of Economic and Credit Crisis at the End of the Roman Republic (49–47 BC) // *Essays of Faculty of Law, University of Pécs, Yearbook of 2014* / Ed. Z. Balogh. Pécs: University of Pécs, 2014. P. 129–142.

Poma G. Tra legislatori e tiranni: problemi storici e storiografici sull'età delle XII tavole. Bologna: Pàtron Editore, 1984. 347 p.

Potter B.G. Constructing Caesar: Julius Caesar's Caesar and the Creation of the Myth of Caesar in History and Space. PhD. diss. Columbus: Ohio State University, 2004. 151 p.

Powell J.G.F. The Tribune Sulpicius // *Historia*. 1990. Bd. 39. P. 446–460.

Premierstein A. von. Die Tafel von Heraclea und die *Acta Caesaris* // *Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte. Romanistische Abteilung*. 1922. Bd. 43. S. 45–152.

Raaflaub K.A. Between Myth and History // *A Companion to the Roman Republic* / Eds. N. Rosenstein, R. Morstein-Marx. Oxford: Blackwell Publishing, 2006. P. 125–146.

Raaflaub K.A. *Dignitatis contentio*: Studien zur Motivation und politischen Taktik im Bürgerkrieg zwischen Caesar und Pompeius. München: C.H. Beck, 1974. 358 S.

Raaflaub K.A. The Civil War as a Work of Propaganda // *The Landmark Julius Caesar. Web Essays* / Ed. K.A. Raaflaub. New York: Pantheon Books, 2017. P. 246–254.

Raaflaub K.A. Zum politischen Wirken der caesarfreundlichen Volkstribunen am Vorabend des Bürgerkrieges // *Chiron*. 1974. Bd. 4. S. 293–326.

Radicke J. Lucans poetische Technik: Studien zum historischen Epos. Leiden; Boston: Brill, 2004. 586 S.

Rafferty D. Provincial Allocations in Rome 123–52 BCE. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2019. 243 p.

Rafferty D., Vervaeke F.J., Dart Ch.J. Competitive Authoritarianism on the Eve of Empire: Pompeius's New Republic of 52 BCE // *How Republics Die: Creeping Authoritarianism in*

Ancient Rome and Beyond / Eds. D. Rafferty, F.J. Vervaet, Ch.J. Dart. Berlin; Boston: Walter de Gruyter, 2025. P. 307–330.

Ramage E.S. The Nature and Purpose of Augustus' "*Res Gestae*". Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 1987. 168 p.

Ramsey J.T. The Proconsular Years: Politics at a Distance // A Companion to Julius Caesar / Ed. M. Griffin. Oxford: Wiley-Blackwell, 2009. P. 37–56.

Rawson E. Caesar: Civil War and Dictatorship // Cambridge Ancient History. Vol. 9: The Last Age of the Roman Republic, 146–43 B.C. / Ed. J.A. Crook, A. Lintott, E. Rawson. Cambridge: Cambridge University Press, 1994. P. 424–467.

Rawson E. Cicero the Historian and Cicero the Antiquarian // The Roman Historical Tradition: Regal and Republican Rome / Eds. J.H. Richardson, F. Santangelo. Oxford; New York: Oxford University Press, 2014. P. 259–284.

Reinhold M. From Republic to Principate: An Historical Commentary on Cassius Dio's Roman History Books 49–52 (36–29 B.C.). Atlanta, Georgia: Scholars Press, 1988. 261 p.

Reinhold M., Swan P.M. Cassius Dio's Assessment of Augustus // Between Republic and Empire: Interpretations of Augustus and His Principate / Eds. K.A. Raaflaub, M. Toher. Los Angeles; London, 1990. P. 155–173.

Res publica conquassata: Readings on the Fall of the Roman Republic / Eds. J.K. Finn, F.J. Groten. Detroit: Wayne State University Press, 1998. 248 p.

Rice Holmes T. The Architect of the Roman Empire. Vol. 1. Oxford: Clarendon Press, 1928. 322 p.

Rich J. Cassius Dio. The Augustan Settlement: Roman History (53.1–55.9). Warminster: Aris & Phillips, 1990. 260 p.

Rich J.W. Making the Emergency Permanent: *auctoritas*, *potestas* and the Evolution of the Principate of Augustus // Publications de l'École française de Rome. 2012. Vol. 458. P. 37–121.

Rich J.W. Review: The Second Triumvirate. Bleicken J. Zwischen Republik und Prinzipat: zum Charakter des Zweiten Triumvirats // Classical Review. 1992. Vol. 42. P. 112–114.

Richardson J. *Hispaniae*: Spain and the Development of Roman Imperialism, 218–82 BC. Cambridge: Cambridge University Press, 1986. 218 p.

Richardson J. The Language of Empire: Rome and the Idea of Empire from the Third Century BC to the Second Century AD. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. 220 p.

Richardson J.S. *Imperium Romanum*: Empire and the Language of Power // Journal of Roman Studies. 1991. Vol. 81. P. 1–9.

Rickman G. The Corn Supply of Ancient Rome. Oxford: Oxford University Press, 1980. 290 p.

- Ridley R.T. Pompey's Commands in the 50's: How Cumulative? // *Rheinisches Museum für Philologie*. 1983. Bd. 126. P. 136–148.
- Ridley R.T. The Emperor's Retrospect. Augustus' *Res Gestae* in Epigraphy, Historiography and Commentary. Leuven; Dudley, MA: Peeters, 2003. 251 p.
- Ridley R.T. The Extraordinary Commands of the Late Republic: A Matter of Definition // *Historia*. 1981. Bd. 30. P. 280–297.
- Rilinger R. *Loca intercessionis* und Legalismus in der späten Republik // *Chiron*. 1989. Bd. 19. S. 481–498.
- Rilinger R. *Ordo* und *dignitas* als soziale Kategorien der Römischen Republik // *Ordo und dignitas: Beiträge Zur Römischen Verfassungs- Und Sozialgeschichte* / Hrsg. T. Schmitt, A. Winterling. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2007. S. 95–104.
- Riocreux J.-B. La valeur de l'exemple: réflexions sur l'exercice de l'autorité militaire dans la Pharsale de Lucain // *Bulletin de l'Association Guillaume Budé*. 2012. No. 1. P. 134–147.
- Robbins M.A. Livy's Brutus // *Studies in Philology*. 1972. Vol. 69. P. 1–20.
- Roddaz J.-M. *Imperium*: nature et compétences à la fin de la République et au début de l'Empire // *Cahiers du Centre Gustave-Glotz*. 1992. Vol. 3. P. 189–211.
- Roddaz J.-M. La métamorphose: d'Octavien à Auguste // *Fondements et crises du pouvoir* / Eds. S. Franchet d'Espèrey, V. Fromentin, S. Gotteland, J.-M. Roddaz. Pessac: Ausonius Éditions, 2003. P. 397–418.
- Roddaz J.-M. Les Triumvirs et les provinces // *Pouvoir et imperium* (IIIe av. J.-C. – Ier ap. J.-C.) / Ed. E. Hermon. Napoli: Jovene, 1996. P. 77–96.
- Roddaz J.-M. Lucius Antonius // *Historia*. 1988. Bd. 37. P. 317–346.
- Roebuck C.A. A History of Messenia from 369 to 146 B.C. PhD Thesis. Chicago, Illinois: The University of Chicago Libraries, 1941. 128 p.
- Rosenblitt J.A. Rome after Sulla. London; New York: Bloomsbury Academic, 2019. 210 p.
- Rosenstein N. *Imperatores victi*: the case of C. Hostilius Mancinus // *Classical Antiquity*. 1986. Vol. 5. P. 230–252.
- Rosenstein N.S. *Imperatores victi*: Military Defeat and Aristocratic Competition in the Middle and Late Republic. Los Angeles; London, 1990. 224 p.
- Rosillo-López C. Political Conversations in Late Republican Rome. Oxford; New York: Oxford University Press, 2022. 304 p.
- Rosillo-López C. Political Participation and the Identification of Politicians in the Late Roman Republic // *Institutions and Ideology in Republican Rome: Speech, Audience and Decision* / Eds. H. van der Blom, C. Gray, C. Steel. Cambridge: Cambridge University Press, 2018. P. 69–87.

- Rosillo-López C. *Public Opinion and Politics in the Late Roman Republic*. Cambridge: Cambridge University Press, 2017. 270 p.
- Rosillo-López C. *Strategies of Prorogation in the Late Roman Republic // Provinces and Provincial Command in Republican Rome: Genesis, Development and Governance / Ed. A. Díaz Fernández*. Sevilla; Zaragoza: Universidad de Sevilla; Prensas de la Universidad de Zaragoza, 2021. P. 89–106.
- Rotondi G. *Leges publicae populi romani*. Hildesheim: Georg Olms Verlag, 1966. 544 p.
- Rowe G. Reconsidering the *auctoritas* of Augustus // *Journal of Roman Studies*. 2013. Vol. 103. P. 1–15.
- Rubinsohn Z. A Note on Plutarch, Crassus X, I // *Historia*. 1970. Bd. 19. S. 624–627.
- Ruciński S. *Praefectus urbi*. Le Gardien de l'ordre public à Rome sous le Haut-Empire Romain. Poznań: Wydawnictwo Naukowe CONTACT, 2009. 290 p.
- Ruebel J.S. The Trial of Milo in 52 B.C.: A Chronological Study // *Transactions of the American Philological Association*. 1979. Vol. 109. P. 231–249.
- Ruffing K. Ein Fall von Politischer Getreidespekulation im Jahr 57 v. Chr. in Rom? // *Münstersche Beiträge zur Antiken Handelsgeschichte*. 1993. Bd. 12. S. 75–93.
- Ruggiero E. de. *Dizionario epigrafico di antichità romane*. Vol. 2. P. 1. Roma: L. Pasqualucci, 1900. 862 p.
- Rüpke J. *Domi militiae*: die religiöse Konstruktion des Krieges in Rom. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 1990. 312 S.
- Ruschenbusch E. Rez. M.H. Hansen, Initiative und Entscheidung. Überlegungen über die Gewaltenteilung im Athen des 4. Jahrhunderts // *Gnomon*. 1985. Bd. 57. S. 286–287.
- Russell A. *Inventing the Imperial Senate // The Alternative Augustan Age / Eds. K. Morrell, J. Osgood, K. Welch*. New York: Oxford University Press, 2019. P. 325–342.
- Russell A. *The Politics of Public Space in Republican Rome*. Cambridge: Cambridge University Press, 2016. 226 p.
- Ryan F.X. *Rank and Participation in the Republican Senate*. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 1998. 394 p.
- Ryan F.X. The *Lex Scantinia* and the Prosecution of Censors and Aediles // *Classical Philology*. 1994. Vol. 89. P. 159–162.
- Salmon E.T. Caesar and the Consulship for 49 B. C. // *Classical Journal*. 1939. Vol. 34. P. 388–395.
- Salway B. Prefects, *patroni*, and Decurions: A New Perspective on the Album Canusium // *The Epigraphic Landscape of Roman Italy / Ed. A.E. Cooley*. London: Institute of Classical Studies, 2000. P. 115–171.

Sandberg K. *Magistrates and Assemblies: A Study of Legislative Practice in Republican Rome*. Rome: Institutum Romanum Finlandiae, 2001. 213 p.

Santangelo F. La marcia su Roma dell'88 a.C. // *L'età di Silla: atti del convegno*, Istituto italiano per la storia antica / Eds. M.T. Schettino, G. Zecchini. Roma: L'Erma di Bretschneider, 2018. P. 191–204.

Santangelo F. Priestly *auctoritas* in the Roman Republic // *Classical Quarterly*. 2013. Vol. 63. P. 743–763.

Sawiński P. *Holders of Extraordinary imperium under Augustus and Tiberius. A Study into the Beginnings of the Principate*. London: Routledge, 2021. 166 p.

Scardigli B. *Die Römerbiographien Plutarchs: Ein Forschungsbericht*. München: C.H. Beck, 1979. 230 S.

Schäfer Th. *Imperii Insignia: Sella Curulis und Fasces: Zur Repräsentation Römischer Magistrate*. Mainz: Philipp von Zabern, 1989. 457 S.

Schmidt O.E. *Der Briefwechsel des M. Tullius Cicero: von seinem Prokonsulat in Cilicien bis zu Caesars Ermordung*. Leipzig: B.G. Teubner, 1893. 534 S.

Schmitt T. "He Took Care of the City and Supported It": Initiative as a Prerequisite for Fabius' *cunctatio* // *Leadership and Initiative in Late Republican and Early Imperial Rome* / Eds. R.M. Frolov, C. Burden-Strevens. Leiden; Boston: Brill, 2022. P. 213–244.

Schmitt T. „*Suarum legum idem auctor ac subversor*“. Tacitus über Pompeius als Gesetzgeber 52 v. Chr. // *Gesetzgebung und politische Kultur* / Ed. U. Walter. Berlin: De Gruyter, 2014. S. 227–284.

Schmitt T. *Hannibals Siegeszug: historiographische und historische Studien vor allem zu Polybios und Livius*. München: C.H. Beck, 1991. 709 S.

Schneider M. *Cicero 'Haruspex': Political Prognostication and the Viscera of a Deceased Body Politic*. Piscataway, NJ: Gorgias Press, 2004. 252 p.

Schur W. *Das Zeitalter des Marius und Sulla*. Leipzig: Dieterich'sche Verlagsbuchhandlung, 1942. 249 S.

Schur W. *Lucius Iunius Brutus* // *Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft*. Suppl. V. Stuttgart: J.B. Metzler, 1931. Sp. 356–369.

Scullard H.H. *Festivals and Ceremonies of the Roman Republic*. London: Thames and Hudson, 1981. 288 p.

Scullard H.H. *From the Gracchi to Nero: A History of Rome From 133 B.C. to A.D. 68*. 5 ed. London; New York: Routledge, 1982. 500 p.

Seager R. *Factio: Some Observations* // *Journal of Roman Studies*. 1972. Vol. 62. P. 53–58.

Seager R. Pompey the Great: A political Biography. 2nd ed. Malden; Oxford: Blackwell Publishing, 2002. 269 p.

Seager R. Sulla // Cambridge Ancient History. Vol. 9: The Last Age of the Roman Republic, 146–43 B.C. / Ed. J.A. Crook, A. Lintott, E. Rawson. Cambridge: Cambridge University Press, 1994. P. 165–207.

Seager R. The Rise of Pompey // Cambridge Ancient History. 2nd ed. Vol. 9 / Eds. J.A. Crook, A. Lintott, E. Rawson. Cambridge: Cambridge University Press, 1994. P. 208–228.

Seewald M. Lucan. 9,1–604. Ein Kommentar. Diss. Göttingen: Georg-August-Universität, 2002. 351 S.

Shackleton Bailey D.R. Cicero: *Epistulae ad Familiares*. Vol. 1. Cambridge: Cambridge University Press, 1977. 541 p.

Shackleton Bailey D.R. Cicero's Letters to Atticus. Vol. 1. Cambridge: Cambridge University Press, 1965. 422 p.

Shackleton Bailey D.R. Cicero's Letters to Atticus. Vol. 2. Cambridge: Cambridge University Press, 1965. 265 p.

Shackleton Bailey D.R. Cicero's Letters to Atticus. Vol. 3. Cambridge: Cambridge University Press, 1968. 328 p.

Shackleton Bailey D.R. Cicero's Letters to Atticus. Vol. 4. Cambridge: Cambridge University Press, 1968. 479 p.

Shackleton Bailey D.R. Cicero's Letters to Atticus. Vol. 5. Cambridge: Cambridge University Press, 1966. 428 p.

Shackleton Bailey D.R. The Prosecution of Roman Magistrates-Elect // Phoenix. 1970. Vol. 24. P. 162–165.

Shatzman I. Four Notes on Roman Magistrates // Athenaeum. 1968. Vol. 46. P. 345–354.

Shatzman I. Scaurus, Marius and the Metelli: A Prosopographical-Factional Case // Ancient Society. 1974. Vol. 5. P. 197–222.

Shaw B.D. (N. Di Cosmo, S. Gasparri, C. La Rocca, H.-W. Goetz, J. Haldon, Y. Stouraitis, R. Le Jan). Debate. Was There a Medieval «State»? // Medieval Worlds. 2023. Vol. 18. P. 3–71.

Simonelli A. Considerazioni sull'origine, la natura e l'evoluzione del *pomerium* // Aevum. 2001. A. 75, fasc. 1. P. 119–162.

Sisani S. Il concetto di *pomerium*. Valenza giuridico-sacrale e realtà topografica dei fines Urbis // Vestigia: miscellanea di studi storico-religiosi in onore di Filippo Coarelli nel suo 80 anniversario. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2016. P. 65–80.

Smith R.E. Pompey's Conduct in 80 and 77 B.C. // Phoenix. 1960. Vol. 14. P. 1–13.

Southern P. Augustus. 2nd ed. London; New York: Routledge, 2014. 374 p.

- Staveley E.S. The Conduct of Elections During an *interregnum* // *Historia*. 1954. Bd. 3. P. 193–211.
- Staveley E.S. The *fasces* and *imperium maius* // *Historia*. 1963. Bd. 12. P. 458–484.
- Steel C. Consulars, Political Office, and Leadership in the Middle and Late Republic // *Leadership and Initiative in Late Republican and Early Imperial Rome* / Eds. R.M. Frolov, C. Burden-Strevens. Leiden; Boston: Brill, 2022. P. 133–148.
- Steel C. Sulla the Orator // *Sulla: Politics and Reception* / Eds. A. Eckert, A. Thein. Berlin; Boston: De Gruyter, 2020. P. 19–32.
- Steel C. The End of the Roman Republic 146 to 44 BC: Conquest and Crisis. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2013. 284 p.
- Steel C. The Intersection of Oratory and Institutional Change // *The Triumviral Period: Civil War, Political Crisis and Socioeconomic Transformations* / Ed. F. Pina Polo. Zaragoza: Prensas de la Universidad de Zaragoza, 2020. P. 195–208.
- Steel C. The *Lex Pompeia de Provinciis* of 52 B.C. // *Historia*. 2012. Bd. 61. P. 83–93.
- Steel C. The Roman Political Year and the End of the Roman Republic // *Deformations and Crises of Ancient Civil Communities* / Ed. V. Goušchin, P.J. Rhodes. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2015. P. 141–155.
- Steidle W. Sueton und die antike Biographie. München: C.H. Beck, 1951. 188 S.
- Stein E. Zum Gebrauch des Prokonsularischen Titels seitens der Römischen Kaiser // *Klio*. 1912. Bd. 12. S. 392–398.
- Stein P. Die Senatssitzungen der Ciceronischen Zeit (68–43). Inaugural-Dissertation. Münster: Westfälische Vereinsdruckerei, 1930. 126 S.
- Stek T.D. A Roman Cult in the Italian Countryside? The *Compitalia* and the Shrines of the *Lares Compitales* // *Bulletin Antieke Beschaving*. 2008. Vol. 83. P. 111–132.
- Stevenson T. Julius Caesar and the Transformation of the Roman Republic. London: Routledge, 2015. 212 p.
- Stewart P. Public Office in Early Rome: Ritual Procedure and Political Practice. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1998. 255 p.
- Stewart R. The Jug and Lituus on Roman Republican Coin Types: Ritual Symbols and Political Power // *Phoenix*. 1997. Vol. 51. P. 170–189.
- Stone A.M. *Pro* and *anti*: The dignitas of the Senate in 88 BC // *Thinking like a Lawyer: Essays on Legal History and General History for J. Crook on his Eightieth Birthday* / Ed. P. McKechnie. Leiden; Boston; Köln: Brill, 2002. P. 191–212.
- Strasburger H. Caesar im Urteil seiner Zeitgenossen. 2. Aufl. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1968. 81 S.

Strasburger H. Caesars Eintritt in die Geschichte. München: Neuer Filser-Verlag, 1938. 145 S.

Straumann B. Crisis and Constitutionalism: Roman Political Thought from the Fall of the Republic to the Age of Revolution. Oxford; New York: Oxford University Press, 2016. 414 p.

Suerbaum W. Vorliterarische römische Redner (bis zum Beginn des 2. Jhs. v. Chr.) in Ciceros «Brutus» und in der historischen Überlieferung // Würzburger Jahrbücher für die Altertumswissenschaft. 1996/1997. Bd. 21. S. 169–198.

Sumi G.S. Ceremony and Power: Performing Politics in Rome between Republic and Empire. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2015. 361 p.

Sumner G.V. Manius or Mamercus? // Journal of Roman Studies. 1964. Vol. 54. P. 41–48.

Swan P.M. The Augustan Succession: An Historical Commentary on Cassius Dio's Roman History, Books 55–56 (9 B.C. – A.D. 14). Oxford; New York: Oxford University Press, 2004. 428 p.

Syme R. The Abdication of Sulla // Syme R. Approaching the Roman Revolution: Papers on Republican History / Ed. F. Santangelo. Oxford: Oxford University Press, 2016. P. 56–78.

Syme R. The Roman Revolution. Oxford: Clarendon Press, 1939. 568 p.

Szemler G.J. The Priests of the Roman Republic. Bruxelles: Latomus, 1972. 223 p.

Talbert R.J.A. The Senate of Imperial Rome. Princeton: Princeton University Press, 1984. 583 p.

Tan J. *Contiones* in the Age of Cicero // Classical Antiquity. 2008. Vol. 27. P. 163–201.

Tariverdieva S. Suspension and Denunciations: What Really did Happen at the Beginning of Caesar's Praetorship? // Latomus. 2021. Vol. 80. P. 907–924.

Tarpin M. *Imperium*, Promagistrats et triomphe au Ier siècle av. J.-C.: quelques affaires // Cahiers du Centre Gustave Glotz. 2015. Vol. 26. P. 261–288.

Tarpin M. L'utilisation d'archives annexes pour les distributions de blé // La mémoire perdue. Recherches sur l'administration romaine. Actes des tables rondes de Rome (mai 1994 – mai 1995) / Ed. C. Moatti. Rome: École Française de Rome, 1998. P. 387–409.

Tarpin M. La paperasse avant le papier. Enregistrement, déclarations, identité, contrôles à Rome // Voter en Grèce, à Rome et en Gaule. Pratiques, lieux et finalités / Eds. A. Borlenghi, C. Chillet, V. Hollard. Lyon: MOM Éditions, 2019. P. 203–238.

Tarpin M. Strangers in Paradise. Latins (and Some Other non-Romans) in Colonial Context: A Short Story of Territorial Complexity // Roman Republican Colonization: New Perspectives from Archaeology and Ancient History / Eds. T.D. Stek, J. Pelgrom. Rome: Palombi, 2014. P. 160–192.

- Tarpin M. *Vici et pagi* dans l'occident romain. Rome: École Française de Rome, 2002. 485 p.
- Tatum J. Campaign Rhetoric // Community and Communication: Oratory and Politics in Republican Rome / Eds. C. Steel, H. Van der Blom. Oxford: Oxford University Press, 2013. P. 133–150.
- Tatum W.J. The Patrician Tribune: Publius Clodius Pulcher. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1999. 365 p.
- Taylor L.R. Party Politics in the Age of Caesar. Los Angeles, 1961. 255 p.
- Taylor L.R. Roman Voting Assemblies: From the Hannibalic War to the Dictatorship of Caesar. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1990. 175 p.
- Taylor L.R., Scott R.T. Seating Space in the Roman Senate and the *senatores pedarii* // Transactions and Proceedings of the American Philological Association. 1969. Vol. 100. P. 529–582.
- The Fragments of the Roman Historians. Vol. 3. Commentary / Ed. T.J. Cornell. Oxford: Oxford University Press, 2013. 829 p.
- The Landmark Julius Caesar / Ed. K.A. Raaflaub. New York: Pantheon Books, 2017. 804 p.
- Thesaurus Linguae Latinae. Leipzig: B.G. Teubner, 1931–1953.
- Thomasson B.E. *Legatus*: Beiträge zur Römischen Verwaltungsgeschichte. Stockholm: Svenska Institutet i Rom, 1991. 173 S.
- Thommen L. Das Volkstribunat der späten Römischen Republik. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 1989. 287 S.
- Thonemann P.J. The Date of Lucullus' Quaestorship // Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. 2004. Bd. 149. S. 80–82.
- Thorne M. Lucan's Cato, the Defeat of Victory, the Triumph of Memory. PhD. Diss. Iowa City: University of Iowa, 2010. 223 p.
- Tiersch C. Losing the Lead: The Crisis of the Late Roman Republic as a Crisis of Senatorial Leadership // Leadership and Initiative in Late Republican and Early Imperial Rome / Eds. R.M. Frolov, C. Burden-Strevens. Leiden; Boston: Brill, 2022. P. 374–405.
- Timmer J. Verhandeln und Entscheiden im Senat der römischen Republik // Historia. 2020. Bd. 69. S. 57–94.
- Timpe D. Über Anfänge in der Geschichte // Colloquium aus Anlaß des 80. Geburtstages von Alfred Heuß / Hrsg. J. Bleicken. Kallmünz; Opf.: Lassleben, 1993. S. 9–27.
- Tracy J. Lucan's Egyptian Civil War. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 2014. 296 p.

Trinquier J. Les loups sont entrés dans la ville: de la peur du loup à la hantise de la cité ensauvagée // Les espaces du sauvage dans le monde antique: approches et définitions / Ed. M.-C. Charpentier. Besançon: Institut des Sciences et Techniques de l'Antiquité, 2004. P. 85–118.

Tronson A. Pompey the Barbarian: Caesar's Presentation of "The Other" in *Bellum Civile* 3 // *In altum*: Seventy-Five Years of Classical Studies in Newfoundland / Ed. M. Joyal. St. John's, Newfoundland: Memorial University of Newfoundland, 2001. P. 73–104.

Tuori K. The Emperor of Law: The Emergence of Roman Imperial Adjudication. Oxford: Oxford University Press, 2016. 482 p.

Twyman B. The Metelli, Pompeius and Prosopography // Aufstieg und Niedergang der römischen Welt: Geschichte und Kultur Roms im Spiegel der neueren Forschung. Teil I: Von den Anfängen Roms bis zum Ausgang der Republik. Bd. 1 / Hrsg. H. Temporini. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 1972. S. 817–874.

Tzounakas S. Cato's *Laudatio Pompei* in Lucan's *De Bello Civili* // Praises of Roman Leaders in Latin Literature / Ed. S. Tzounakas. Nicosia: Stamoulis, 2014. P. 191–221.

Tzounakas S. Caesar as *hostis* in Lucan's *De bello civili* // Bollettino di Studi Latini. 2013. Vol. 43. P. 510–525.

Ungern-Sternberg J. von. The Formation of the "Annalistic Tradition": The Example of the Decemvirate // Social Struggles in Archaic Rome / Ed. K.A. Raafaub. Malden, Mass.: Blackwell Publishing, 2005. P. 75–97.

Ungern-Sternberg J. von. Untersuchungen zum spätrepublikanischen Notstandsrecht. Senatusconsultum ultimum und hostis-Erklärung. München: C.H. Beck, 1970. 153 S.

Urso G. Cassio Dione e i magistrati. Le origini della repubblica nei frammenti della Storia romana. Milano: Vita e Pensiero, 2005. 220 p.

Valeton I.M.J. De Iure Obnuntiandi Comitii et Conciliis // Mnemosyne. 1891. Vol. 19. P. 75–113.

Valgiglio E. L'autobiografia di Silla nelle biografie di Plutarco // Gli storiografi latini tramandati in frammenti: Atti del convegno (Urbino, 9–11 maggio 1974) / Eds. S. Boldrini, C. Questa, S. Lanciotti, R. Raffaelli. Urbino: Università di Urbino, 1975. P. 245–281.

Valgiglio E. Sulla legislazione di P. Sulpicio Rufo (88 a.C.) // Rivista di Studi Classici. 1967. Vol. 15. P. 163–169.

Van Berchem D. Les distributions de blé et d'argent à la plèbe romaine sous l'Empire. Genève: Georg et Cie, 1939. 185 p.

Van Campen F.H.M. M. Annaei Lucani de bello civili liber II. Een commentaar. Amsterdam: J.C. Gieben, 1991. 462 p.

- Van der Blom H. Elite Rhetoric and Self-Presentation: Metellus Numidicus Returns // The Theatre of Justice / Eds. S. Papaioannou, A. Serafim, B. da Vela. Leiden: Brill, 2017. P. 114–129.
- Van der Blom H. Leadership through Letters: Cicero and Cassius' Correspondence in 44–43 BCE // Leadership and Initiative in Late Republican and Early Imperial Rome / Eds. R.M. Frolov, C. Burden-Strevens. Leiden; Boston: Brill, 2022. P. 271–294.
- Van der Blom H. Oratory and Political Career in the Late Roman Republic. Cambridge: Cambridge University Press, 2016. 377 p.
- Van der Blom H. Pompey in the *contio* // Classical Quarterly. 2011. Vol. 61. P. 553–573.
- Van Haeperen F. Auspices d'investiture, loi curiate et légitimité des magistrats romains // Cahiers du Centre Gustave Glotz. 2012. Vol. 23. P. 71–111.
- Vanderbroeck P.J.J. Popular Leadership and Collective Behavior in the Late Roman Republic (ca. 80–50 B.C.). Amsterdam: Gieben, 1987. 281 p.
- Vasaly A. Livy's Political Philosophy: Power and Personality in Early Rome. New York: Cambridge University Press, 2018. 209 p.
- Versnel H.S. *Triumphus*. An Inquiry into the Origin, Development and Meaning of the Roman Triumph. Leiden: Brill, 1970. 409 p.
- Vervaeet F.J. Arrogating Despotic Power through Deceit: The Pompeian Model for Augustan dissimulatio // Private and Public Lies: Interpreting Deception in Ancient Greek and Roman Texts / Eds. A.J. Turner, J.K. On Chong-Gossard, F.J. Vervaeet. Leiden: Brill, 2010. P. 131–166.
- Vervaeet F.J. In what Capacity did Caesar Octavianus reconstitute the Republic? // Le Principat d'Auguste. Réalités et représentations du pouvoir. Autour de la *Res publica restituta* / Ed. F. Hurlot, B. Mineo. Rennes: Presses Universitaires de Rennes, 2009. P. 49–71.
- Vervaeet F.J. No Grain of Salt. Casting a New Light on Pompeius' *cura annonae* // Hermes. 2020. Bd. 148. P. 149–172.
- Vervaeet F.J. Pompeius' Career from 79 to 70 BCE: Constitutional, Political and Historical Considerations // Klio. 2009. Bd. 91. P. 406–434.
- Vervaeet F.J. The Date, Modalities and Legacy of Sulla's Abdication of his Dictatorship: A Study in Sullan Statecraft // Studia Historica. Historia Antiqua. 2018. Vol. 36. P. 31–82.
- Vervaeet F.J. The High Command in the Roman Republic. The Principle of the *summum imperium auspiciisque* from 509 to 19 BCE. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2014. 369 p.
- Vervaeet F.J. The *lex Valeria* and Sulla's Empowerment as Dictator (82–79 B.C.) // Cahiers du Centre Gustave Glotz. 2004. Vol. 15. P. 37–84.
- Vervaeet F.J. The Official Position of Cn. Pompeius in 49 and 48 BCE // Latomus. 2006. Vol. 65. P. 928–953.

Vervae F.J. The Praetorian Proconsuls of the Roman Republic (211–52 BCE). A Constitutional Survey // *Chiron*. 2012. Bd. 42. P. 45–96.

Vervae F.J. The Secret History: The Official Position of *Imperator Caesar Divi filius* from 31 to 27 BCE // *Ancient Society*. 2010. Vol. 40. P. 79–152.

Vervae F.J. The Triumvirate *rei publicae constituendae*: Political and Constitutional Aspects // *The Triumviral Period: Civil War, Political Crisis and Socioeconomic Transformations* / Ed. F. Pina Polo. Zaragoza: Prensas de la Universidad de Zaragoza; Editorial Universidad de Sevilla, 2020. P. 23–48.

Vervae F.J., Naco Del Hoyo T. War in Outer Space: Nature and Impact of the Roman War Effort in Spain, 218/217–197 BCE // *The Impact of the Roman Army (200 BC – AD 476): Economic, Social, Political, Religious and Cultural Aspects* / Eds. L. de Blois, E. Lo Cascio. Leiden; Boston: Brill, 2007. P. 21–46.

Vervae F.J., O'Brien R.N. Priests and Senators: The *Decemviri Sacris Faciundis* in the Middle Republic (367–104 BCE) // *Revue des Études Anciennes*. 2020. T. 122. P. 85–106.

Viansino G. Studi sul “*Bellum Civile*” di Lucano. Salerno: Società Editrice Salernitana, 1974. 185 p.

Virlovvet C. Famines et émeutes à Rome des origines de la République à la mort de Néron. Rome: École Française de Rome, 1985. 133 p.

Virlovvet C. *Tessera frumentaria*. Les procédures de distribution du blé public à Rome à la fin de la République et au début de l'Empire. Rome: École Française de Rome, 1995. 424 p.

Visscher F. de. Die rechtliche Stellung Octavians im Jahre 32 v. Chr. // *Augustus* / Ed. W. Schmitthenner. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1969. S. 199–229.

Vitucci G. Ricerche sulla *praefectura urbi* in età imperiale (sec. I–III). Roma: «L'Erma» di Bretschneider, 1956. 124 p.

Vogel K.-H. *Imperium und fasces* // *Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte: Romanistische Abteilung*. 1950. Bd. 67. S. 62–111.

Vrind G. De Cassii Dionis vocabulis quae ad ius publicum pertinent. Hagae Comitum: Apud Bernard Mensing, 1923. 173 p.

Wallace-Hadrill A. *Civilis princeps*: Between Citizen and King // *Journal of Roman Studies*. 1982. Vol. 72. P. 32–48.

Wallmann P. *Triumviri rei publicae constituendae*: Untersuchungen zur politischen Propaganda im zweiten Triumvirat (43–30 v. Chr.). Frankfurt am Main; Bern; New York; Paris: Lang, 1989. 364 S.

Walter G. César. Paris: Albin Michel, 1947. 747 p.

Walter U. Die Botschaft des Mediums // Institutionalität und Symbolisierung / Hrsg. G. Melville. Köln: Böhlau Verlag, 2001. S. 241–279.

Walter U. Einleitung // Gesetzgebung und politische Kultur in der römischen Republik / Hrsg. U. Walter. Heidelberg: Verlag Antike, 2014. S. 9–30.

Walter U. Ordnungszersetzung: der Fall der späten römischen Republik // Aufruhr – Katastrophe – Konkurrenz – Zerfall. Bedrohte Ordnungen als Thema der Kulturwissenschaften. Tübingen: Mohr Siebeck, 2014. S. 83–115.

Walter U. Politische Ordnung in der römischen Republik. Berlin; Boston: De Gruyter Oldenbourg, 2017. 308 S.

Walter U. Praxis ohne Begriff? „Reformen“ in der Antike // „*In omni historia curiosus*“: Studien zur Geschichte von der Antike bis zur Neuzeit: Festschrift für Helmuth Schneider zum 65. Geburtstag. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2011. S. 111–127.

Wardle D. *ILS 77*: Nothing to do with the End of the Second Triumvirate // *Historia*. 1995. Bd. 44. P. 496–497.

Warrior V.M. A Technical Meaning of *ducere* in Roman Elections? Livy’s Account of the Elections of the Consuls for 189 B.C. // *Rheinisches Museum für Philologie*. 1990. Bd. 133. S. 144–157.

Webb L. Female Interventions in Politics in the libera res publica: Structures and Practices // *Leadership and Initiative in Late Republican and Early Imperial Rome* / Eds. R.M. Frolov, C. Burden-Strevens. Leiden; Boston: Brill, 2022. P. 151–188.

Weiner J. Re-Membering the Palatine in Lucan’s *Bellum Civile* // *Lucan’s Imperial World: The Bellum Civile in its Contemporary Contexts* / Eds. L. Zientek, M. Thorne. London: Bloomsbury Academic, 2020. P. 191–208.

Weinrib E.J. The Prosecution of Magistrates-Designate // *Phoenix*. 1971. Vol. 25. P. 145–150.

Weinrib E.J. The Prosecution of Roman Magistrates // *Phoenix*. 1968. Vol. 22. P. 32–56.

Welch K. *Lux* and *lumina* in Cicero’s Rome: A Metaphor for the *res publica* and her Leaders // *Roman Crossings: Theory and Practice in the Roman Republic* / Eds. K. Welch, T.W. Hillard. Swansea: Classical Press of Wales, 2005. P. 313–337.

Welch K.E. T. Pomponius Atticus: A Banker in Politics? // *Historia*. 1996. Bd. 45. S. 450–471.

Welwei K.-W. Lucius Iunius Brutus – ein fiktiver Revolutionsheld // *Von Romulus zu Augustus. Grosse Gestalten der römischen Republik* / Hrsg. K.-J. Hölkeskamp, E. Stein-Hölkeskamp. München: C.H. Beck, 2000. S. 48–57.

Welwei K.-W. Lucius Iunius Brutus: Zur Ausgestaltung und politischen Wirkung einer Legende // *Res publica und imperium*. Kleine Schriften zur römischen Geschichte. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2004. S. 9–21.

Westall R. Caesar's Civil War: Historical Reality and Fabrication. Leiden; Boston: Brill, 2017. 400 p.

White P. Cicero in Letters: Epistolary Relations of the Late Republic. Oxford: Oxford University Press, 2010. 235 p.

Whittaker H. The Construction of Memory in Caesar's *Bellum Civile* // In *Memoriam: Commemoration, Communal Memory and Gender Values in the Ancient Graeco-Roman World* / Ed. H. Whittaker. Newcastle-upon-Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2011. P. 60–77.

Wick C. M. Annaeus Lucanus. *Bellum civile*. Liber IX. Bd. 2: Kommentar. München; Leipzig: K.G. Saur, 2004. 448 S.

Wickert L. Neue Forschungen zum römischen Principat // *Aufstieg und Niedergang der römischen Welt*. Bd. II.1. / Hrsg. H. Temporini. Berlin; New York: De Gruyter, 1974. S. 3–76.

Wiehn E. Die illegalen Heereskommanden in Rom bis auf Caesar. Diss. Marburg a.d. Lahn, 1926. 95 S.

Wilcken U. Der angebliche Staatsstreich Octavians im Jahre 32 v. Chr. // *Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische Klasse*. 1925. Bd. 15. S. 66–87.

Willems P. *Le droit public romain*. Ed. 5. Louvain: Ch. Peeters, 1883. 695 p.

Willems P. *Le sénat de la République romaine*. Ed. 2. Paris: E. Thorin, 1885. 784 p.

Williamson C. *The Laws of the Roman People: Public Law in the Expansion and Decline of the Roman Republic*. Ann Arbor: The University of Michigan Press, 2005. 506 p.

Winterling A. «Öffentlich» und «privat» im kaiserzeitlichen Rom // *Gegenwärtige Antike – antike Gegenwart: Kolloquium zum 60. Geburtstag von Rolf Rilinger* / Hrsg. T. Schmitt, W. Schmitz, A. Winterling. München: R. Oldenbourg Verlag, 2005. S. 223–244.

Winterling A. *Politics and Society in Imperial Rome*. Malden, MA; Oxford; Chichester: Wiley-Blackwell, 2009. 186 p.

Wiseman T.P. The Census in the First Century B.C. // *Journal of Roman Studies*. 1969. Vol. 59. P. 59–75.

Wiseman T.P. The Legend of Lucius Brutus // *The Roman Historical Tradition: Regal and Republican Rome* / Ed. F. Santangelo. Oxford; New York: Oxford University Press, 2014. P. 129–145.

Woodman A.J. Velleius Paterculus. The Caesarian and Augustan narrative (2.41–93). Cambridge: Cambridge University Press, 1983. 294 p.

Wosnik B. Untersuchungen zur Geschichte Sullas. Diss. Würzburg: Julius-Maximilians-Universität, 1963. 175 S.

Woytek B. *Arma et nummi*. Forschungen zur römischen Finanzgeschichte und Münzprägung der Jahre 49 bis 42 v. Chr. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 2003. 631 S.

Yakobson A. Augustus, the Roman Plebs and the Dictatorship: 22 BCE and Beyond // *Rulers and Ruled in Ancient Greece, Rome, and China* / Eds. H. Beck, G. Vankeerberghen. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 2021. P. 269–299. P. 282.

Yakobson A. Public Opinion and Political Initiative in Republican Rome // *Leadership and Initiative in Late Republican and Early Imperial Rome* / Eds. R.M. Frolov, C. Burden-Stevens. Leiden; Boston: Brill, 2022. P. 64–88.

Zack A. Das Ende des Zweiten Triumvirates und die Amtsgewalt des *Imperator Caesar Divi Filius* (Octavianus) in der politischen Ordnung Roms (43–27 v. Chr.). Norderstedt: PubliQation, 2022. 114 S.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение А.

Фрагменты базы данных «От privatus к magistratus: политическая роль носителей “переходных статусов” в Римской Республике (источники и историография)» (Свидетельство о государственной регистрации базы данных № 2016620405)

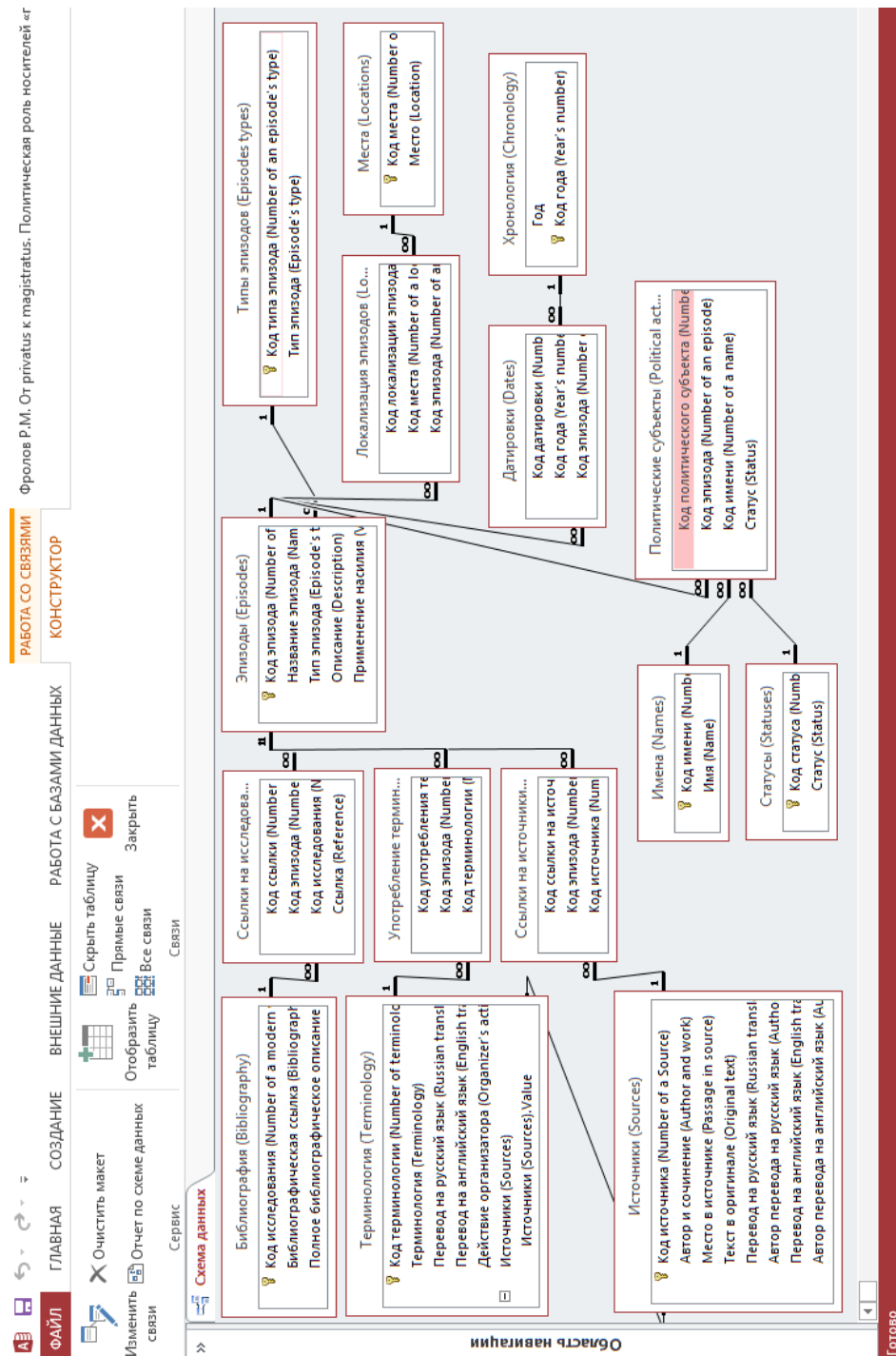

Рис. 1. Схема данных.

Терминология (Terminology)					
К	Терминология (Terminology)	Перевод на русский язык (Russian translation)	Перевод на английский язык (English translation)	Источники (Sources)	Действие
1	a(b) (administrations) re(i) publica	отстранить от государственных дел (упра	to banish from the (administration of t	Caes. BCiv.; Suet. Iul.	☐
	Код употребления	Код эпизода (Number of an episode)			
		1 Отстранение М. Целия Руфа от должности в 48 г. до н.э. (M. Caelius Rufus' suspension from office in 48 B.C.)			
		14 Отстранение Г. Юлия Цезаря от должности в 62 г. до н.э. (Caesar's suspension from office in 62 B.C.)			
		(№)			
	*				
2	ignominia	бесчестье	disgrace	Caes. BCiv.	☐
3	seditionem movere/concitare = ἐκτο	возбуждать беспорядки	to stir up riots	Liv. Per.; Vell. Pat.; Dio	☒
4	magistratum abrogare	лишать должности	to deprive of office	Liv. Per.	☐
5	auctor	инициатор	instigator	Vell. Pat.	☒
6	senatu prohibere = τοῦ συνεδρίου ...	не допускать в сенат	to debar from the senate	Dio Cass.; Caes. BCiv.	☐
7	oratio/contio/contionari = κατήγορ	публичная речь, речь на сходке, выступат	public speech, speech in a public meeti	Dio Cass.; Caes. BCiv.; Pl	☒
8	de rostris deducere = ἀπὸ τοῦ βήματ	удалить с ростр	to remove from the platform	Dio Cass.; Caes. BCiv.	☐
9	res novas molire	инициировать государственный переворос	to promote a revolt	Hieron. Chron.	☒
11	οὐδέν ... ὥς ... στρατηγούντι πράξει	ничего не давать делать в качестве претор	not to permit one to do anything in one	Dio Cass.	☐
12	ἀλλὰ τὰ τε προσηκόντα τῇ ἀρχῇ ... ἃ	все, что относится к сфере должностных о	to assign the duties pertaining to one's	Dio Cass.	☐
13	τόν τε δίφρον ... συντρίβειν	сломать курульное кресло	to break curule seat in pieces	Dio Cass.	☐
14	καταβοᾶν	громко взывать, призывать	to cry out	Dio Cass.	☒
15	permanere in magistratu et ius dicere	продолжать исполнение магистратских о	to continue in office and to hold court	Suet. Iul.	☒
16	lictore dimittere	распустить ликторов	to dismiss lictors	Suet. Iul.	☒
17	praetexta abiicere	снимать одеяние магистрата	to lay aside robe of office	Suet. Iul.	☒
18	domum refugere	удаляться в частный дом	to slipp off to private house	Suet. Iul.	☒
19	quiescere	бездействовать [политически]	to be inactive [politically]	Suet. Iul.	☒
20	multitudo ... sponte et ultro confluen	толпа, ... собравшаяся спонтанно, без чьег	crowd ... flocked quite of its own acco	Suet. Iul.	☐
21	multitudinem ... compescere	усмирять толпу	to hold crowd in check	Suet. Iul.	☒
22	in integrum restituere	восстанавливать в прежнем положении	to restore one to one's rank	Suet. Iul.	☐

Рис. 2. Таблица «Терминология» (фрагмент).

Код -	Код эпизода (Number of an epis -	Код исследования (Number of a n -	Ссылка (Reference)
4	Отстранение М. Целия Руфа от дс	Dobesch 1972	87-8, Anm. 29
22	Отстранение М. Целия Руфа от дс	Schäfer 1989	63-6
7	Отстранение М. Целия Руфа от дс	Greenidge 1901	287
107	Заявления консулов-десигнатов	Greenidge 1901	189
32	Отстранение М. Целия Руфа от дс	Bauman 1966	171
66	Отстранение Г. Юлия Цезаря от дс	Bauman 1966	131
13	Отстранение М. Целия Руфа от дс	Kloft 1977/78	170
59	Отстранение Г. Юлия Цезаря от дс	Kloft 1977/78	175-6
3	Отстранение М. Целия Руфа от дс	Cordier 1994	passim
15	Отстранение М. Целия Руфа от дс	Kunkel 1995	224, 235, Anm. 468
45	Отстранение Г. Юлия Цезаря от дс	Kunkel 1995	224-5
19	Отстранение М. Целия Руфа от дс	Pókecz Kovács 2014a	passim
20	Отстранение М. Целия Руфа от дс	Pókecz Kovács 2014b	passim
126	Edictum et litterae консула-десигнатов	Mommsen 1887a	203-4
16	Отстранение М. Целия Руфа от дс	Mommsen 1887a	262, 627
62	Отстранение Г. Юлия Цезаря от дс	Mommsen 1887a	262, 643
73	Эдикт претора-десигната Г. Лициния	Mommsen 1887a	203-4
127	Edictum et litterae консула-десигнатов	Mommsen 1888	973, Anm. 3
17	Отстранение М. Целия Руфа от дс	Mommsen 1888	1244, Anm. 2
63	Отстранение Г. Юлия Цезаря от дс	Mommsen 1888	1244, Anm. 2
18	Отстранение М. Целия Руфа от дс	Peskett 1900	90
1	Отстранение М. Целия Руфа от дс	Kloft 1980	171, Anm. 17
14	Отстранение М. Целия Руфа от дс	Kloft 1980	322-5
58	Отстранение Г. Юлия Цезаря от дс	Kloft 1980	322-3
6	Отстранение М. Целия Руфа от дс	Gelzer 1968	229
33	Отстранение Г. Юлия Цезаря от дс	Gelzer 1968	53, n. 4, 57-8
5	Отстранение М. Целия Руфа от дс	Gelzer 1960	227
23	Отстранение М. Целия Руфа от дс	Scullard 1982	140
55	Отстранение Г. Юлия Цезаря от дс	Scullard 1982	115
24	Отстранение М. Целия Руфа от дс	Williamson 2005	413, n. 135
12	Отстранение М. Целия Руфа от дс	Grubb 1916	25
21	Отстранение М. Целия Руфа от дс	Sandberg 2001	62
2	Отстранение М. Целия Руфа от дс	Bunse 2002	36
25	Отстранение М. Целия Руфа от дс	Goldsworthy 2006	449
26	Отстранение М. Целия Руфа от дс	Davies, Swain 2010	193
27	Отстранение М. Целия Руфа от дс	Canfora 2007	185
28	Отстранение М. Целия Руфа от дс	Osgood 2014	29
29	Отстранение Г. Юлия Цезаря от дс	Stevenson 2015	70-1
30	Отстранение Г. Юлия Цезаря от дс	Butler, Cary 1927	59-60
31	Отстранение Г. Юлия Цезаря от дс	Edwards 1991	73-4
34	Отстранение Г. Юлия Цезаря от дс	Walter 1947	97-8
35	Отстранение Г. Юлия Цезаря от дс	Stadter, Waterfield 1999	504
36	Отстранение Г. Юлия Цезаря от дс	Shackleton Bailey 1977	273-6
37	Отстранение Г. Юлия Цезаря от дс	Strasburger 1938	128, 102-6
38	Отстранение Г. Юлия Цезаря от дс	Brutscher 1958	42-3
39	Отстранение Г. Юлия Цезаря от дс	Haenisch 1937	20-2
40	Отстранение Г. Юлия Цезаря от дс	Steidle 1951	36
41	Отстранение Г. Юлия Цезаря от дс	Fechner 1986	193-5
42	Отстранение Г. Юлия Цезаря от дс	Lintott 1968	153-5
43	Отстранение Г. Юлия Цезаря от дс	Shackleton Bailey 1965	299, 310-1
44	Отстранение Г. Юлия Цезаря от дс	Scantamburlo 2011	133
46	Отстранение Г. Юлия Цезаря от дс	Syme 1939	32
47	Отстранение Г. Юлия Цезаря от дс	Сморчков 2012	251-2
48	Отстранение Г. Юлия Цезаря от дс	Fehrle 1983	103-4
49	Отстранение Г. Юлия Цезаря от дс	Meyer 1922	40-1
50	Отстранение Г. Юлия Цезаря от дс	Taylor 1949	90, 128
116	Заявления консулов-десигнатов	Taylor 1949	159
51	Отстранение Г. Юлия Цезаря от дс	Carcopino 1968	181
52	Отстранение Г. Юлия Цезаря от дс	Brennan 2000	473
53	Отстранение Г. Юлия Цезаря от дс	Gesche 1976	38-9
100	Консул-десигнат Кв. Цецилий Метелл	Seager 2002	79
54	Отстранение Г. Юлия Цезаря от дс	Seager 2002	73
96	Консул-десигнат Кв. Цецилий Метелл	Broughton 1952	178, 184
56	Отстранение Г. Юлия Цезаря от дс	Broughton 1952	174, 197, 223
57	Отстранение Г. Юлия Цезаря от дс	Broughton 1986	106
60	Отстранение Г. Юлия Цезаря от дс	William 1913	141, n. 2
61	Отстранение Г. Юлия Цезаря от дс	Bleicken 1975	122-3, 445
64	Отстранение Г. Юлия Цезаря от дс	Ryan 1998	23-4
65	Отстранение Г. Юлия Цезаря от дс	Thommen 1989	93-4
67	Отстранение Г. Юлия Цезаря от дс	Bauman 1968	37

Рис. 3. Таблица «Ссылки на исследования» (фрагмент).

	К	Авто	Местс	Текст в оригинале (Ori	Перевод на русский язык (Ru	Автор пере	Перевод на английский яз	Автор пе
+	1	Liv. Per.	111	M. Caelius Rufus praetor, cum seditiones in urbe concitaret nouarum tabularum spe plebe sollicitata, abrogato magistratu pulsus urbe Miloni exuli, qui fugitiuorum exercitum	Претор Марк Целий Руф, подав народу надежду на отмену долгов и этим возбудив в Риме беспорядки, лишен должности и изгнан из города; он соединяется с Милоном, собиравшим войско из беглецов, но за эту попытку	М.Л. Гаспаров	Praetor Marcus Caelius Rufus stirred up riots in the city by inciting the commons with the hope of a cancellation of debts; he was deprived of office and driven from the city, and joined Milo the exile who had assembled a force of	Alfred C. Schlesing
+	2	Hieron. Chron.	Ad ann. 48. P. 168 Helm	Marcus Caelius praetor, et T. Annius Milo exsul, oppressi, res novas in Thuriano, Brutioque agro simul molientes.	Претор Марк Целий и изгнанник Т. Анний Милон потерпели поражение, когда одновременно в Турийской и Бруттийской областях предприняли государственный переворот.	Р.М. Фролов	M. Caelius the praetor and T. Annius Milo the exile crushed while simultaneously promoting a revolt in the Thurian and Bruttian regions.	Roger Pe et al.
Код ссылки Код эпизода (Number of an episode) 5 Отстранение М. Целия Руфа от должности в 48 г. до н.э. (M. Caelius Rufus' suspension from office in 48 B.C.) №								
+	4	Vell. Pat.	2.68.1-2	(1) M. Caelius... (2) in praetura novarum tabularum auctor extitit nequique senatus et consulis auctoritate deterri; accito etiam Milone Annio,... in urbe seditionem, in agris haud	(1) Целий Руф... (2) во время претуры выступил инициатором отмены долгов, и ни сенат, ни авторитет консулов его не остановили. Призвав даже Анния Милона,... он возбудил в городе мятеж, а в сельской местности –	А.И. Немировский	(1) Marcus Caelius... (2) came forward in his praetorship,... as the author of a law for the cancellation of debts, nor could he be deterred from his course by the authority of either the senate or the consul. Calling to his aid Milo	F.W. Ship
+	5	Oros.	6.15.10	Caelius desciiit a Caesare ac se Miloni exuli iunxit; cumque ambo seruorum manu Capuam oppugnare molirentur, occisi sunt.	Целий отложился от Цезаря и объединился с изгнанником Милоном; когда же они попытались при помощи отряда рабов взять Капую, то были убиты.	Р.М. Фролов	Caelius defected from Caesar and joined the exile Milo; they were both cut down when they tried to seize Capua with a band of slaves.	A.T. Fear
+	6	Dio Cass.	42.22-4	(22) ὁ δὲ δὴ Καίλιος ὁ Μάρκος καὶ ἀπώλετο τολμήσας τὰ περὶ τῶν δανεισμάτων ὑπὸ τοῦ Καίσαρος ὀρισθέντα, καθάπερ ἡττημένου τε αὐτοῦ καὶ ἐφθαρμένου, λῦσαι, καὶ διὰ τοῦτο καὶ	(22) Сверх того, погиб Марк Целий, который дерзнул отменить принятые Цезарем распоряжения относительно займов, будто последний потерпел поражение и был убит; по этой же причине Марк Целий вызвал волнения	Р.М. Фролов	(22) Marcus Caelius actually lost his life because he dared to set aside the laws established by Caesar regarding loans, assuming that their author had been defeated and had perished, and because as a result he	E. Cary
+	7	Caes. BCiv.	3.20-2	(20) Eisdem temporibus M. Caelius Rufus praetor causa debitorum suscepta initio magistratus tribunal suum iuxta C. Treboni, praetoris urbani, sellam collocavit et, si quis appellavisset de	(20) Около того же времени претор М. Целий Руф взял на себя дело должников. С первых же дней вступления в должность он поставил судейское кресло рядом с креслом городского претора Г. Требония и обещал свою	М.М. Покровский	(20) About the same time the praetor M. Caelius Rufus, espousing the cause of the debtors, at the beginning of his magistracy placed his tribunal close to the chair of G. Trebonius, the city praetor, and promised to assist anyone	A.G. Pesko
+	8	Quint. Inst.	6.3.25	...M. Caelius praetor, cum sellam eius curulem consul Isauricus fregisset, alteram posuit loris intentam (dicebatur autem consul a patre flagris aliquando caesus)...	...М. Целий Руф, когда его курульное кресло сломал консул (Сервий) Исаурийский, поставил другое, обтянутое ремнями (говорят, что консула когда-то бил плетью отец)...	Р.М. Фролов	...when Marcus Caelius was praetor, the consul Isauricus broke his curule chair; Caelius had another one put in its place, strung with leather straps (the consul was said to have been flogged at one time by his father)...	D.A. Russ
+	9	Suet. Iul.	16	Ceterum Caecilio Metello tribuno plebis turbulentissimas leges adversus collegarum intercessionem ferenti auctorem propugnatoremque se pertinacissime praestitit,	Кроме того, когда плебейский трибун Метелл Непот предложил в высшей степени мятежные законопроекты вопреки интерцессии коллег, он (Цезарь) проявил себя упорным защитником и сторонником (этих	Р.М. Фролов	Nevertheless, when Caecilius Metellus, tribune of the commons, brought forward some bills of a highly seditious nature in spite of the veto of his colleagues, Caesar abetted him and espoused his cause in the stubbornest fashion, until	J.C. Rolfe
+	10	Plut. Caes.	8-9	(8) τούτων δὲ νεανικῶς ἐναντιωθέντων, Κάτωνος δὲ καὶ τὴν ὑπόνοιαν ἅμα τῷ λόγῳ συνεπερείσαντος αὐτῷ καὶ συγκατεξαναστάντος ἐρωμένως, οἱ μὲν ἄνδρες ἀποθανοῦμενοι	(8) Наконец, было решено казнить заговорщиков, а когда Цезарь выходил из здания сената, то на него набросилось с обнаженными мечами много сбежавшихся юношей из числа охранявших тогда Цицерона. Но, как сообщают, Курион,	Г.А. Стратановский, К.П. Лампсаков	(8) As a result, the men were handed over to the executioner, and many of the young men who at that time formed a bodyguard for Cicero ran together with drawn swords and threatened Caesar as he was leaving the	B. Perrin

Рис. 4. Таблица «Источники» (фрагмент).

itus к magistratus. Политическая роль носителей «переходных статусов» в Римской Республике (база данных) : база данных- C:\Users\Roman\Google Диск\Contio\Фролов Р...

ЛННЕ ДАННЫЕ РАБОТА С БАЗАМИ ДАННЫХ Вход

По возрастанию По убыванию Удалить сортировку Выделение Дополнительно Фильтр Сортировка и фильтр Обновить все Записи Создать Сохранить Удалить Итоги Орфография Дополнительно Найти Заменить Перейти Выбрать Форматирование текста

Эпизоды (Episodes)

База данных разработана при финансовой поддержке Совета по грантам Президента РФ (грант Президента РФ № МК-2810.2015.6)

От privatus к magistratus: политическая роль носителей «переходных статусов» в Римской Республике (источники и историография)

From privatus to magistratus: the Political Role of the Holders of Intermediate Statuses in the Roman Republic (Sources and Scholarship)

Название эпизода (Episode's name) Отстранение М. Целия Руфа от должности в 48 г. до н.э. (M. Caelius Rufus' suspension from office in 48 B.C.)

Датировка (Date) -48 Места (Locations) contio Тип эпизода (Episode's type) Отстранение магистратов (suspension of magistrates) Применения насилия (Violence) ☒

Записи: 1 из 1 1 из 3 Нет фильтра

Описание (Description)

В 48 г. до н.э. был отстранен от должности претор М. Целий Руф. При анализе эпизода важно учитывать другие случаи употребления выражения ab re publica remove (summove), которым Цезарь и Веллей Патеркул обозначают отстранение Целия, и уточнять характер тех ограничений, с которыми столкнулся сам Целий. Кроме того, необходимо привлечь материал эпизодов, в которых, как и в случае с Целием, зафиксировано лишение магистрата инсигний (особенно sella curulis). Эпизод можно рассматривать в ряду тех случаев, когда фактическое положение политика по тем или иным причинам (здесь – в результате отстранения от должности) слабо соотносилось с тем, что теоретически предоставлял ему формальный статус. Такой ракурс анализа событий 48 г. до н.э. помогает аргументировать

Ссылки на источники (References to sources) Caes. BCiv. Посмотреть источник (Review a source) Добавить источник (Add a source) +!

Записи: 1 из 7 Нет фильтра Поиск

Терминология (Terminology) a(b) (administration) re(i) publica(e) remove/summove Посмотреть терминологию (Review terminology) Добавить терминологию (Add terminology) +!

Записи: 1 из 13 Нет фильтра Поиск

Политические субъекты (Political actors)

Имя (Name) М. Целий Руф (M. Caelius Rufus) Добавить имя (Add a name) +! Статус (Status) претор (praetor) Добавить статус (Add a status) +!

Записи: 1 из 3 Нет фильтра Поиск

Ссылки на исследования (References to modern works) Kloft 1980 171, Anm. 17 Добавить исследование (Add a modern work) +!

Записи: 1 из 25 Нет фильтра Поиск

Рис. 5. Основная интерактивная форма для ввода данных («Эпизоды»).

Эпизоды (Episodes)

Название эпизода (Episode's name) Отстранение

Датировка (Date) -48 Места (Locations) contio

Записи: 1 из 1 1 из 3

Описание (Description)

В 48 г. до н.э. был отстранен от... выражения ab re publica remove... тех ограничений, с которыми с... Целием, зафиксировано лишен... фактическое положение полит... тем, что теоретически предост...

Ссылки на источники (References to sources)

Caes. BCiv.	3.20-2
Cic. Fam.	5.1.1
Cic. Fam.	5.2.9
Cic. Pis.	8
Cic. Sest.	62
Cic. Verr.	2.1.119
Cic. Verr.	2.1.109
Cic. Verr.	2.1.104-5
Dig.	1.16.4.6
Dig.	1.16.4.3-4
Dio Cass.	40.66
Dio Cass.	55.6
Dio Cass.	37.43-4
Dio Cass.	42.22-4
Dio Cass.	40.64
Gell. N.A.	18.7.6-7

Caes. BCiv.

Рис. 6. Выбор из списка фрагментов источников при заполнении формы «Эпизоды».

Ссылки на источники (References to sources) Caes. BCiv. Посмотреть источник (Review a source)

Запись: 1 из 7 Нет фильтра Поиск

[Терминология \(Terminology\)](#) oratio/contio/contionari = κατηγορεῖν

Запись: 3 из 13 Нет фильтра Поиск

[Политические субъекты \(Political actors\)](#)

[Имя \(Name\)](#) М. Целий Руф (M. Caelius Rufus) Добавить

[Ссылки на исследования \(References to modern works\)](#)

Клофт 1980

Kunkel 1995

Lachenaud, Coudry 2011

Lange 1876

Latte 1960

Lewis 2006

Linderski 2013

Lintott 1967

Lintott 1968

Lintott 1997

Lintott 1999

Marco Simon, Pina Polo 2000

Marshall 1986

Mason 1974

Meyer 1922

Michels 1967

Kloft 1980

[Статус \(Status\)](#) претор (praetor)

171, Anm. 17

Рис. 7. Выбор из списка исследований при заполнении формы «Эпизоды».

Эпизоды (Episodes) **Терминология (Terminology)**

Выйти (close) Сохранить и закрыть (Save and close)

Терминология (Terminology) oratio/contio/contionari = κατηγορεῖν/καταβοῶν

Перевод на русский язык (Russian translation) публичная речь, речь на сходке, выступить на сходке, произносить речь против

Перевод на английский язык (English translation) public speech, speech in a public meeting, to make a speech in a public meeting, to speak against

Источники (Sources) Dio Cass.; Caes. BCiv.; Plut. Cat. Min.; Gell. N.A.; Quint. Inst.; Suet. Iul.

Действие носителя переходного статуса (The action of the intermediate status' holder) ☒

Рис. 8. Форма для ввода данных «Терминология».

Эпизоды (Episodes) **Библиография (Bibliography)**

Выйти (close) Сохранить и закрыть (Save and close)

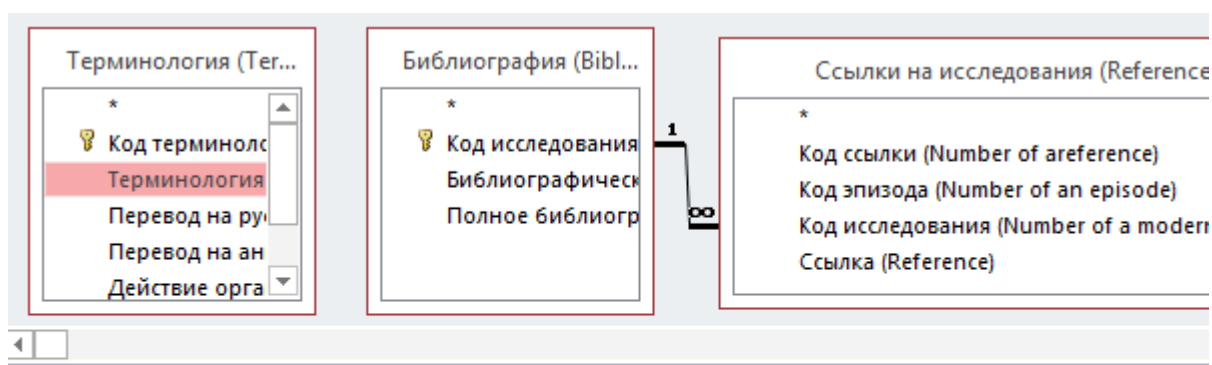
Библиографическая ссылка (Bibliographic reference) Dobesch 1972

Полное библиографическое описание (Full bibliographic entry) Dobesch, G. (1972) 'Zu Caesars Rede gegen C. Epidus Marullus und L. Caesetius Flavius', in Antidosis: Festschrift für Walther Kraus zum 70. Geburtstag, Hrsg. R. Hanslik, A. Lesky, H. Schwabl. Wien, Köln, Graz: 78–92.

Рис. 9. Форма для ввода данных «Библиография».

Выйти (close) 	Сохранить и закрыть (Save and close)
Автор и сочинение (Author and work)	Asc.
Место в источнике (Passage in source)	7C
Текст в оригинале (Original text)	L. Iulio C. Marcio consulibus quos et ipse Cicero supra memoravit senatus consulto collegia sublata sunt quae adversus rem publicam videbantur esse constituta. Solebant autem magistri collegiorum ludos facere, sicut magistri vicorum faciebant, Compitalicios praetextati, qui ludi sublati collegiis discussi sunt. Post VI deinde annos quam sublata erant P. Clodius tr.pl. lege lata restituit collegia. Invidiam ergo et crimen restitutorum confert in Pisonem, quod, cum consul esset, passus sit ante quam lex ferretur facere [Kal.Ianuar.]. praetextatum ludos Sex. Clodium. ...Quos ludos tunc quoque fieri prohibere temptavit L. Ninnius tr.pl. Ante biennium autem quam restituerentur collegia, Q. Metellus Celer consul designatus magistris vicorum ludos Compitalicios facere prohibuerat, ut Cicero tradit quamvis auctore tribuno plebis fierent ludi; cuius tribuni nomen adhuc non inveni.
Перевод на русский язык (Russian translation)	В консульство Луция Юлия и Гая Марция [64 г.], которых Цицерон и сам выше упоминает, сенатусконсультом были упразднены те коллегии, которые были признаны учрежденными во вред Республике. А магистры коллегий, подобно тому, как это делали магистры городских кварталов, одевшись в претексты, обычно организовывали Ludi compitalicii, которые перестали проводиться после того, как были распущены коллегии. Затем, спустя шесть лет после роспуска коллегий, Публий Клодий, плебейский трибун, предложив закон, восстановил их [в 58 г.]. Итак, он [Цицерон] обвиняет в этом Пизона и нападает на него, потому что тот, хотя был консулом, допустил, чтобы прежде, чем был внесен закон [Клодия], Секст Клелий, одетый в претексту, провел игры в январские календы [1 января 58 г. до н.э.]. <...> Луций Нинний, плебейский трибун, даже попытался тогда запретить проведение этих игр. За два же года до восстановления коллегий, консул-десигнат Квинт Метелл Целер воспрепятствовал тому, чтобы магистры городских кварталов проводили Ludi compitalicii, хотя, как передает Цицерон, игры организовывались по инициативе плебейского трибуна [61 г. до н.э.]. Имя этого трибуна мне пока не удалось выяснить.
Автор перевода на русский язык (Author of Russian translation)	P.M. Фролов
Перевод на английский язык (English translation)	In the consulship of Lucius Iulius and Gaius Marcius [in 64], whom Cicero himself mentioned earlier, a senatorial decree suppressed the collegia, which were deemed to be against the republic. The magistri of the collegia usually organized the Games for the Compitalia dressed in the stripe-edged toga, as the magistri vicorum used to do. With the suppression of the collegia, these Games were shattered. Then six years after the abrogation of the collegia Publius Clodius, a tribune of the plebs, restored them by law [in 58]. For this reason, he (sc. Cicero) expresses indignation with Piso and blames him for having, despite his being a consul, allowed Sextus Cloelius, dressed the striped toga, to hold the Games on 1 January, before the passage of Clodius' law. ...On that occasion also Lucius Ninnius, tribune of the plebs, tried to forbid the celebration of these Games. Two years before the collegia were restored, the consul-designate Quintus Metellus Celer had prohibited the magistri vicorum to hold the Games for the Compitalia [in 61], as Cicero reveals, even though the Games had been held on the initiative of a tribune of the plebs. I have not yet been able to discover the name of this tribune.
Автор перевода на английский язык (Author of English translation)	R.M. Frolov

Рис. 10. Форма для ввода данных «Источники».

Поле:	Терминология (Terminology)	Библиографическая ссылка (Bibliographic reference)	Ссылка (Reference)	
Имя таблицы:	Терминология (Terminology)	Библиография (Bibliography)	Ссылки на исследования (References)	
Сортировка:				
Вывод на экран:	☐	☒	☒	☐
Условие отбора:	"auctor"			

Библиографическая ссылка	Ссылка (Reference)
Feig Vishnia 2012	passim
Herzog 1884	674
Hinard 2005	265, n. 19
Vervaet 2014	64-6, 318
Capes 1878	236
Cooley 2009	39-40, 130-3
Reinhold, Swan 1990	passim
Millar 1964	93, 97-8
Mommsen 1887a	203-4
Mommsen 1888	973, Anm. 3
Lintott 1999	10, n. 4
Pina Polo 2013	428, 430, 444-6, 451
Schmitt 1991	87-9
Beck 2005	244-68
Münzer 1897	1209
Marshall 1886	95-6
Binot 2005	445-55
Stek 2008	111-2
Tatum 1990	301-2
Michels 1967	205-6, n. 28
Latte 1960	90-4
Scullard 1981	58-60, 92-4
Broughton 1952	178, 184
Flambard 1977	119-20, n. 14
Benner 1987	174
Gruen 1995	58, 130-1
Seager 2002	79
Kloft 1980	171, Anm. 17
Bunse 2002	36
Cordier 1994	passim

Рис. 11. Условия и результаты запроса для вывода списка ссылок на исследования, где рассматриваются эпизоды, при описании которых в источниках употребляется термин «auctor».

Название эпизода (Name of episode) Отстранение Г. Юлия Цезаря от должности в 62 г. до н.э. (Caesar's suspension from office in 62 B.C.)

Автор и сочинение (Author) Cic. Fam.

Место в источнике (Passage in source)

5.1.1

Перевод на русский язык (Russian translation)

Ввиду нашей взаимной приязни и восстановления согласия между нами я полагал, что ты не подвергнешь меня осмеянию во время моего отсутствия, и не думал, что брат мой Метелл за свои слова испытает нападение с твоей стороны, направленное против его гражданских прав и благополучия.

5.2.9

И если ты понимаешь, что я взволнован не «словами» Метелла, как ты пишешь, а его замыслами и крайне враждебным отношением ко мне, то признай теперь мою доброту, если только слабость духа и распущенность в ответ на жесточайшую обиду должно называть добротой. Я никогда не высказывался против твоего брата. Всякий раз, когда обсуждался какой-нибудь вопрос, я, сидя, присоединялся к тем, кто, как мне казалось, склонялся к более мягкому решению. Добавлю также то, о чем я уже не должен был заботиться, но что я однако не воспринял тягостно и чему я, со своей стороны, даже способствовал, — чтобы мой враг, так как это был твой брат, был поддержан постановлением сената.

Автор и сочинение (Author) Cic. Sest.

Место в источнике (Passage in source)

62

Перевод на русский язык (Russian translation)

Затем он стал трибуном. К чему говорить мне о его исключительном величии духа и необычайной доблести? Вы помните тот день, когда он (в этот день храм был захвачен его коллегой, и все мы боялись за жизнь такого мужа и гражданина) с необычайной твердостью духа пришел в храм и успокоил кричавших людей своим авторитетом, а нападение бесчестных отразил своей доблестью. Он тогда пошел навстречу опасности, но сделал это по причине, о значительности которой мне теперь нет необходимости говорить.

Автор и сочинение (Author) Dio Cass.

Место в источнике (Passage in source)

37.43-4

Перевод на русский язык (Russian translation)

Автор и сочинение (Author) Gell. N.A.

Место в источнике (Passage in source)

18.7.6-7

Перевод на русский язык (Russian translation)

...как сказал Марк Цицерон в речи, которая озаглавлена «Contra contionem Q. Metelli» (Против речи Квинта Метелла): "Я поднялся на трибуну, собралась толпа народа".

Рис. 12. Отчет для вывода текстов переводов источников на русский язык, сгруппированных по эпизодам и по авторам/названиям сочинений (фрагмент).

Приложение Б.

Фрагменты базы данных «Политическая инициатива промагистратов Римской республики в сфере *domi* (источники и историография)» (Свидетельство о государственной регистрации базы данных № 2022621851).

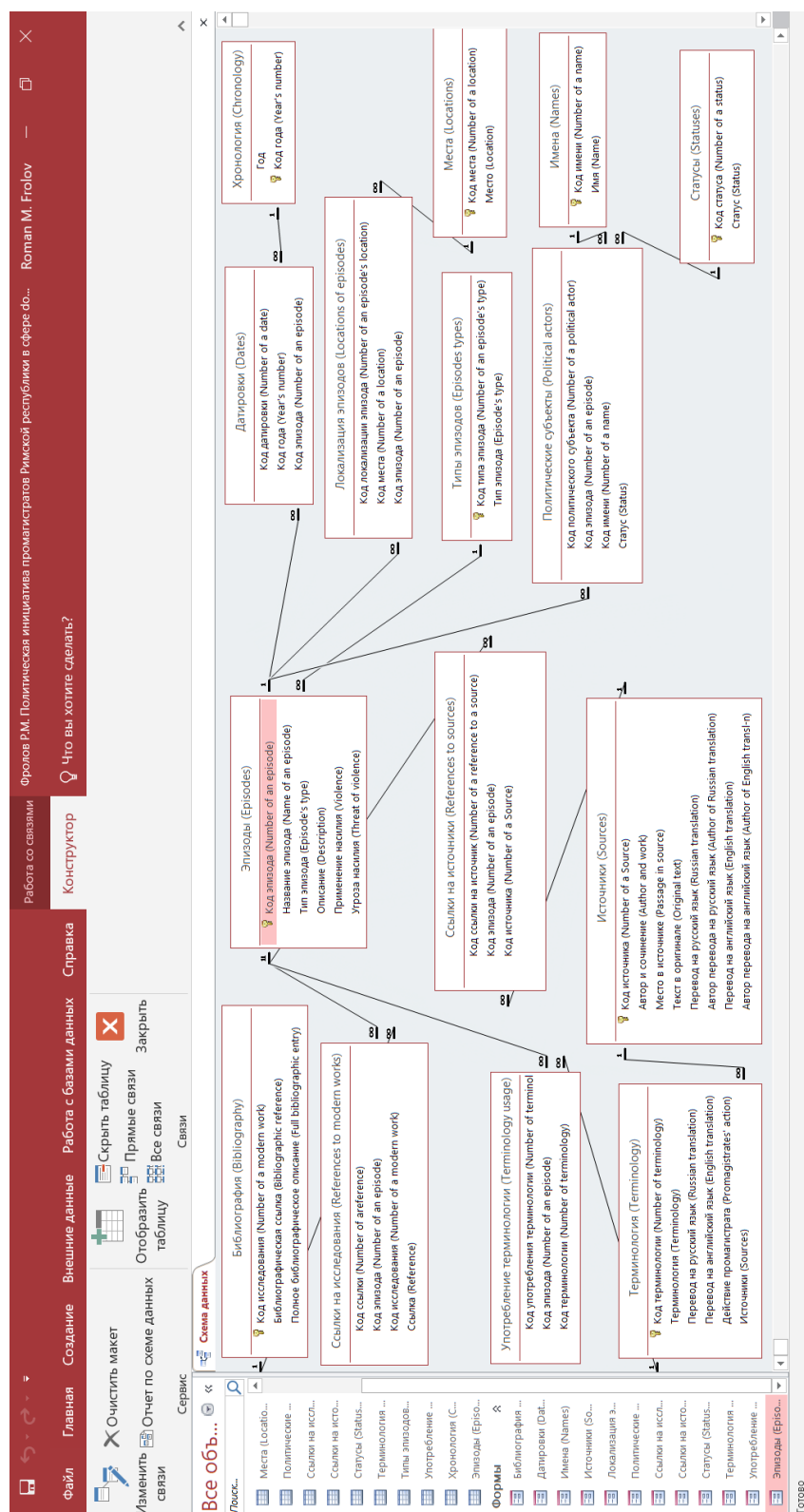

Рис. 1. Схема данных.

Схема данных		Терминология (Terminology)				
К	Терминология (Terminology)	Перевод на русский язык (Russian transl.)	Перевод на английский язык (Eng)	Действие п.	Источники	Щелк
51	omnes qui sunt eius ordinis	все, кто принадлежит к этому сословию	all who belong to that order	☐	Caes. BCiv.	
52	evocare	созывать	summon	☒	Caes. BCiv.	
53	laudare	хвалить	praise	☒	Caes. BCiv.	
54	confirmare	воодушевлять	encourage	☒	Caes. BCiv.	
55	castigare	критиковать	criticize	☒	Caes. BCiv.	
56	incitare	подбадривать	stir up	☒	Caes. BCiv.	
Код употребления: Код эпизода (Number of an episode)						
52 Собрание сенаторов по инициативе проконсула Гн. Помп.						
*						
57	advocata contione	когда была созвана contio	a contio being convened	☐	Liv.	
58	ἐς ἐκκλησίαν συγκαλεῖν	созывать на собрание	call an assembly	☒	App. Hisp.	
59	προκαλεῖν	обращаться с призывом	call up	☒	App. Hisp.	
60	exercitum opprimundae libertatis habere	иметь войско для подавления свободы	have an army for the purpose of overth	☒	Sall. Hist.	
61	privata arma capere	собирать оенные силы по частной инициат	take up arms on one's own responsibi	☒	Sall. Hist.	
62	urbem invadere	наступать на Город	enter the city	☒	Sall. Hist.	
63	mandata	послание	demands	☒	Sall. Hist.	
64	consulatum petere	требовать консульства	ask a consulship	☒	Sall. Hist.	
Код употребления: Код эпизода (Number of an episode)						
67 Поход проконсула М. Эмилия Лепида на Рим в 77 г. до н.						
*						
65	privato consilio	по частной инициативе	on private initiative	☒	Sall. Hist.	
66	exercitum ad urbem ducere	вести армию на Город	lead an army against the city	☒	Sall. Hist.	
67	contra huius ordinis auctoritatem	вопреки авторитету этого сословия	in defiance of the authority of this body	☒	Sall. Hist.	
68	προσκάθημαι	расположиться лагерем под (стенами Город	sit down before (the city)	☒	Plut. Pomp.	
69	αἰτεῖν ὑπατείαν	требовать консульство	demand a consulship	☒	Plut. Pomp.	
70	δειδίσσεσθαι	устрашать многочисленным войском	terrify with a vast throng of followers	☒	Plut. Pomp.	
71	pro consulibus	вместо консулов	in place of both consuls	☐	Cic. Man.	

Рис. 2. Таблица «Терминология» (фрагмент).

Код ссылки -	Код эпизода (Number of an episode) -	Код исследования (Number of a manuscript) -	Ссылка (Reference)
	142	Собрание сенаторов по инициативе Flower 2018	passim
	143	Собрание сенаторов по инициативе Markland 1811	272
	339	Ликторы промагистратов в городе Apitz 1837	128
	145	Собрание сенаторов по инициативе Apitz 1837	13, 126
	175	Собрание сенаторов по инициативе Herzog 1834	13
	146	Собрание сенаторов по инициативе Hinojo Andrés 1978	113-115
	340	Ликторы промагистратов в городе Held 1856	15
	147	Собрание сенаторов по инициативе Held 1856	7
	338	Ликторы промагистратов в городе Damon 2016	12
	148	Собрание сенаторов по инициативе Damon 2016	4-5
	342	Ликторы промагистратов в городе Damon 2015b	5
	149	Собрание сенаторов по инициативе Damon 2015b	2
	289	Procuratio annonae Гн. Помпея (Pro Meyer 1922	118-119, 176-177
	319	Senatus consultum ultimum 52 г. до н.э. Meyer 1922	215-216
	330	Ликторы промагистратов в городе Meyer 1922	291, n. 1
	358	Проконсул Г. Юлий Цезарь в contio Meyer 1922	352, n. 2
	150	Собрание сенаторов по инициативе Meyer 1922	272, 283-284
	355	Ликторы промагистратов в городе Raaflaub 1974a	140-141, 172
	151	Собрание сенаторов по инициативе Raaflaub 1974a	31-32, 56-57, 59
	341	Ликторы промагистратов в городе Kraner, Hofmann 1864	42-43
	152	Собрание сенаторов по инициативе Kraner, Hofmann 1864	35
	350	Ликторы промагистратов в городе Kraner, Hofmann, Meusel 1959	23
	153	Собрание сенаторов по инициативе Kraner, Hofmann, Meusel 1959	16
	154	Собрание сенаторов по инициативе Strasburger 1968	31-33
	155	Собрание сенаторов по инициативе Jehne 2014	63-5, 68
	156	Собрание сенаторов по инициативе Tuori 2016	51
	157	Собрание сенаторов по инициативе Gruen 2017	37, §16
	158	Собрание сенаторов по инициативе Bruhns 1978	24-29, 31
	159	Собрание сенаторов по инициативе Canfora 2001	148
	160	Собрание сенаторов по инициативе Meier 1966	315
	176	Собрание сенаторов по инициативе Girardet 2017	188-189, 207-208
	162	Собрание сенаторов по инициативе Oppermann 1933	14
	163	Собрание сенаторов по инициативе Collins 1972	948
	164	Собрание сенаторов по инициативе Tronson 2001	87
	167	Собрание сенаторов по инициативе Finn, Groten 1998	90
	168	Собрание сенаторов по инициативе Batstone, Damon 2006	44-47, 49-50, 52-53
	354	Ликторы промагистратов в городе Batstone, Damon 2006	55
	169	Собрание сенаторов по инициативе Hellegouarc'h 1963	99-115
	207	Поход проконсула М. Эмилия Лепи Hellegouarc'h 1963	254, 256
	170	Собрание сенаторов по инициативе Seager 1972	54-55, 57
	171	Собрание сенаторов по инициативе Taylor 1961	passim
	172	Собрание сенаторов по инициативе Cohen 1975	passim
	173	Собрание сенаторов по инициативе Rilinger 2007	passim
	174	Собрание сенаторов по инициативе Rawson 1994	452
	166	Собрание сенаторов по инициативе Perrin 1882	134
	336	Ликторы промагистратов в городе Perrin 1882	14, 139-140
	178	Собрание сенаторов по инициативе Shackleton Bailey 1965	302-303
	180	Собрание сенаторов по инициативе Stein 1930	62-64
	181	Собрание сенаторов по инициативе Bonnefond-Coudry 1989	69-70, 150
	258	Проконсул Л. Корнелий Сулла в сенате Bonnefond-Coudry 1989	39
	182	Собрание сенаторов по инициативе Pina Polo 2011	18
	334	Ликторы промагистратов в городе Pina Polo 2011	215-218, 225-248
	360	Проконсул Г. Юлий Цезарь в сенате Pina Polo 2011	18
	183	Собрание сенаторов по инициативе Pelling 1980	139-140
	184	Собрание сенаторов по инициативе Raaflaub 1974b	306-312
	185	Собрание сенаторов по инициативе Nissen 1881	81
	186	Собрание сенаторов по инициативе Rambaud 1962	26
	187	Собрание сенаторов по инициативе Peer 2015	15
	329	Ликторы промагистратов в городе Peer 2015	17
	188	Собрание сенаторов по инициативе Müller 1973	3
	189	Собрание сенаторов по инициативе Gelzer 2005	181
	224	Гн. Помпей ad urbem в 77 г. до н.э. (Gelzer 2005	50, 52
	311	Вмешательство проконсула Помпея Gelzer 2005	156
	321	Senatus consultum ultimum 52 г. до н.э. Gelzer 2005	158
	190	Собрание сенаторов по инициативе Barwick 1951	21
	191	Собрание сенаторов по инициативе Burckhardt 2003	109-110
	192	Собрание сенаторов по инициативе Giovannini 1983	30, 42-44
	230	Гн. Помпей ad urbem в 77 г. до н.э. (Giovannini 1983	42-44
	179	Собрание сенаторов по инициативе Lacey 1961	passim
	193	Речь проконсула П. Корнелия Сцип Pina Polo 1989	47, 266, n. 122
	261	Проконсул Л. Корнелий Сулла в сенате Pina Polo 1989	285, n. 226
	195	Речь проконсула П. Корнелия Сцип Richardson 2000	121
	197	Речь проконсула П. Корнелия Сцип Vervaeke, Naco del Hoyo 2007	25, 31
	198	Речь проконсула П. Корнелия Сцип Blösel 2008	334
	236	Гн. Помпей ad urbem в 77 г. до н.э. (Blösel 2008	42-45, 222-223, 229-235
	199	Поход проконсула М. Эмилия Лепи Badian 1958	275
	237	Гн. Помпей ad urbem в 77 г. до н.э. (Badian 1958	229, n. 1, 273-278
	200	Поход проконсула М. Эмилия Лепи Rafferty 2019	175-176
	201	Поход проконсула М. Эмилия Лепи Broughton 1952	89
	202	Поход проконсула М. Эмилия Лепи Burton 2014	passim
	203	Поход проконсула М. Эмилия Лепи Tsirkin 2009	234
	204	Поход проконсула М. Эмилия Лепи Korolenkov 2018	passim
	205	Поход проконсула М. Эмилия Лепи McGushin 1992	136, 142, 146-147
	233	Гн. Помпей ad urbem в 77 г. до н.э. (McGushin 1992	152, 243
	206	Поход проконсула М. Эмилия Лепи La Penna, Funari 2015	129-130, 232-233, 254-255, 274, 291-293
	208	Поход проконсула М. Эмилия Лепи Labruna 1976	56, 63, 75-77
	209	Поход проконсула М. Эмилия Лепи Heredia Chimeno 2020	669
	210	Поход проконсула М. Эмилия Лепи Moravcsik 1911	129

Рис. 3. Таблица «Ссылки на исследования» (фрагмент).

	К	Автор	Место	Текст в оригинале (Orig.)	Перевод на русский язык (Rus.)	Автор перевода	Перевод на английский язык	Автор перевода	Щелкните
	47	Plut. Pomp.	16.3	ὁ Λέπιδος ἐπὶ τὴν Ῥώμην ῥυέει καὶ προσκαθήμενος ἐξωθεν ὑπατείαν ἵται δευτέραν, ὅλῳ πολλῶ δεδιγμένους τοὺς ἔνδον	Между тем Лепид устремился на Рим и, расположившись лагерем под его стенами, требовал себе вторичного консульства, устрашая жителей своим многочисленным войском.	Г.А. Стратановский	Meanwhile, Lepidus had made a hasty rush upon Rome, and sitting down before it, was demanding a second consulship, and terrifying the citizens with a vast throng of followers.	B. Perrin	
	48	Cic. Man.	62	quid tam inusitatum, quam ut, cum duo consules clarissimi fortissimique essent, eques Romanus ad bellum maximum formidolosissimumque pro consule mitteretur? missus est. quo quidem	Что больше расходится с общепринятым обычаем, чем при наличии двух храбрейших и прославленных консулов - выезд римского всадника на труднейшую и опаснейшую войну в качестве проконсула? Он выехал. И когда некоторые	В.О. Горенштейн	What so unprecedented as that, though there were available two distinguished and valiant consuls, a Roman knight should be sent in place of a consul to a great and perilous war? Yet he was sent. And on that occasion, though	H. Grose Hodge	
	49	Cic. Phil.	11.18	nam Sertorianum bellum a senatu privato datum est quia consules recusabant, cum L. Philippus pro consulibus eum se mittere dixit, non pro consule.	Ведь война с Серторием была назначена ему (Помпею) сенатом как частному лицу, потому что консулы отказались (от командования), из-за чего Л. Филипп сказал, что посылает Помпея "вместо консулов", а не "вместо консула" (в качестве	Р.М. Фролов	... the war against Sertorius was assigned to him as a private citizen by the senate because the consuls declined, whereupon Lucius Philippus said he was sending him, not as proconsul, but in place of the consuls.	D.R. Shackleton Bailey. Revised by J.T. Ramsey, G. Manuwald.	
	50	Val. Max.	8.15.8	eques Romanus pro consule in Hispaniam adversus Sertorium pari imperio cum Pio Metello, principe civitatis, missus	Будучи римским всадником, он был отправлен в Испанию проконсулом против Сертория с равной властью Пию Метеллу, первому среди сограждан.	А.М. Сморгчов	A Roman knight, he was despatched as Proconsul to Spain against Sertorius with authority equal to Pius Metellus, Rome's leading	D.R. Shackleton Bailey	
	53	De vir. ill.	77.4	Praetor in Hispaniam pro consulibus missus Sertorium vicit.	Посланный в Испанию претором с проконсульской властью, он победил Сертория ...	В.С. Соколов	Being sent to Hispania as a praetor in place of consuls, he defeated Sertorius.	R.M. Frolov	
	56	Val. Max.	3.8.5	... Sulla occupata urbe senatum armatus coegerat ac summa cupiditate ferebatur ut C. Marius quam celerrime hostis totum imperium caluionem ὥς καὶ ἐς τὸν κατάλογον αὐτοὺς ἐγγραφῶν	Разгнав и повергнув враждебную партию, Сулла захватил Рим и, не сложив оружия, созвал сенат. Его одолевало огромное желание, ...	А.М. Сморгчов	Having scattered and struck down the party of his enemies, Sulla occupied Rome and in arms called together the senate, passionately desirous ordered the captives to meet at the so-called "public field," as if he would enroll them in	D.R. Shackleton Bailey	
	59	App. B Civ.	1.89	καὶ τὰ μὲν τοῦτων αὐτίκα ἐδιμύετο καὶ διεπρόσκετο, τὸν δὲ θῆμον ἐς ἐκκλησίαν συναγαγὼν τὴν τε	Сулла созвал народ на собрание. Там он выразил сожаление о неизбежности всего происходящего, но приказал крепиться, так как все	С.А. Жебелёв	Sulla summoned the people to an assembly, where he lamented the necessity of his present doings and told them to cheer up, as the troubles	H. White	
	62	Cic. Fam.	1.1.3	Crassus tris legatos decernit nec excludit Pompeium; censet enim etiam ex his qui cum imperio sint. toto orbe terrarum daretur; alteram Messius, qui omnis pecuniae dat	Красс предлагает назначить трех послов и не исключает Помпея, так как считает, что они должны быть также из тех, кто облечен военной властью. закон, позволяющий Помпею распоряжаться всеми денежными средствами и	В.О. Горенштейн	Crassus proposes a Commission of Three, from which he does not exclude Pompey, since he provides that persons holding military alternative bill which gives him control over all moneys and in addition a fleet, an	D.R. Shackleton Bailey	
	65	Cic. Dom.	25-27	Hic vir extra ordinem rei frumentariae praeфициendus non fuit? Scilicet tu belluoni spurcissimo, ληστικῶν εἰκόσιν ἀπο τῆς βουλῆς ὑπηρέτας ἔδωκαν. ὁ δὲ αὐτοὺς	Неужели же этого мужа не следовало в чрезвычайном порядке поставить во главе продовольственного дела? Ведь это ты своим законом весь хлеб раньше, при ликвидации пиратов, дали ему двадцать легатов из числа сенаторов.	В.О. Горенштейн	Was it wrong to give an extraordinary supervision over the corn-supply to this great man? You, forsooth, passed a law by which you the pirates, twenty assistants from the Senate. These he distributed in like manner	N.H. Watts	
	68	Cass. Dio	39.24.1-2	Οὗτοί τε οὖν ἐμάχοντο, καὶ ὁ Πομπήιος ἔσχε μὲν καὶ ἐν τῇ τοῦ σίτου διαδόσει τριβὴν τινα· πολλῶν γάρ πρὸς τὰς ἀπ' πάρεσκεύαδων.			While these men kept up their conflict, Pompey, too, encountered some delay in the distribution of the grain. For since many slaves had	E. Cary	
	71	Cic. Mil.	61	Neque vero se populo solum, sed etiam senatui commisit; neque senatui modo, sed etiam publicis praesidiis et armis; neque interre vobis – quid enim minus illo dignum quam cogere ut vos eum	И ведь он предстал не только перед народом, но и перед сенатом и не только перед сенатом, но и перед вооруженной охраной, не хочет вас запугать. В самом деле, что может быть менее достойно его, нежели желание	В.О. Горенштейн	He entrusted himself not merely to the people, but also to the Senate; not merely to the Senate, but to the public guards and armies; and not – for how could he demean himself more than by compelling you to condemn	N.H. Watts	
	74	Asc.	34C	Itaque primo factum erat S. C. ut interrex et tribuni plebis et Cn. Pompeius, qui pro cos. ad urbem erat, viderent ne quid Gallia, Philippus et Cotta privato consilio praetereuntes, neque	Галлия. По частному соглашению помпейской партии, Филиппа и Котту		And so, for the first time, a decree of the senate was passed that the interrex, the tribunes of the plebs, and Cn. Pompeius, who as proconsul Gaul, Philippus and Cotta were passed over by a private agreement, and their lots were	R.G. Lewis	
	77	Cass. Dio	41.43.3	εἶνα νομίζεσθαι αἴτιον δὲ ὅτι τὸν νόμον οἱ ὑπάτοι τὸν φρατριάτικὸν οὐκ ἐσενήνχεσαν' ...			They had not appointed new magistrates for the reason that the consuls had not proposed the lex curiata ...	E. Cary	
				dixit, non pro consule.	Л. Филипп сказал, что посылает Помпея "вместо консулов", а не "вместо консула" (в качестве		said he was sending him, not as proconsul, but in place of the consuls.	G. Manuwald.	
	50	Val. Max.	8.15.8	eques Romanus pro consule in Hispaniam adversus Sertorium pari imperio cum Pio Metello, principe civitatis, missus	Будучи римским всадником, он был отправлен в Испанию проконсулом против Сертория с равной властью Пию Метеллу, первому среди сограждан.	А.М. Сморгчов	A Roman knight, he was despatched as Proconsul to Spain against Sertorius with authority equal to Pius Metellus, Rome's leading	D.R. Shackleton Bailey	

Рис. 4. Таблица «Источники» (фрагмент).

Политическая инициатива промагистратов Римской республики в сфере domi (источники и историография)

The Political Initiative of the Roman Republican Promagistrates in the Sphere domi (Sources and Scholarship)

Название эпизода (Episode's name)

Датировка (Date)

Места (Locations)

Тип эпизода (Episode's type)

Применение насилия (Violence) ☐

Угроза насилия (Threat of violence) ☒

Описание (Description)

Ссылки на источники (References to sources)

Терминология (Terminology)

Политические субъекты (Political actors)

Имя (Name)

Статус (Status)

Ссылки на исследования (References to modern works)

Рис. 5. Основная интерактивная форма для ввода данных («Эпизоды»).

Ссылки на источники (References to sources)

Терминология (Terminology)

Политические субъекты (Political actors)

Имя (Name)

Статус (Status)

Выбор из списка фрагментов источников при заполнении формы «Эпизоды»:

Source	Fragment
Caes. BCiv.	1.6.5-7
Cass. Dio	39.9.3
Cass. Dio	30-35.109.5
Cass. Dio	39.24.3
Cass. Dio	39.24.1-2
Cass. Dio	40.46.1
Cass. Dio	41.16.1
Cass. Dio	41.15.2-4
Cass. Dio	41.43.3
Cass. Dio	50.2.3-6
Cic. Att.	9.7b.2
Cic. Att.	10.4.9
Cic. Att.	9.17.1
Cic. Att.	4.1.7
Cic. Dom.	25-27

Рис. 6. Выбор из списка фрагментов источников при заполнении формы «Эпизоды».

Запись: 1 из 1 | Нет фильтра | Поиск

[Терминология \(Terminology\)](#) incitare

Запись: 1 из 6 | Нет фильтра | Поиск

[Политические субъекты \(Political actors\)](#)

[Имя \(Name\)](#) Гн. Помпей Магн (Сп. Pompeius Magnus, cos. 70 BCE) | Добав

Запись: 1 из 1 | Нет фильтра | Поиск

[Ссылки на исследования \(References to modern works\)](#)

Canfora 2001
 Carney 1961
 Carter 1991
 Cohen 1975
 Collins 1972
 Cotton, Yakobson 2002
 Crawford 1996
 Damon 2015a
 Damon 2015b
 Damon 2016
 Dawes 2010
 Day 2013
 De Martino 1962
 Dementyeva 2022
 Dingmann 2007
 Driediger-Murphy 2014
 Canfora 2001

[Посмотреть термин \(Review terminology\)](#)

[Статус \(Status\)](#) проконсу

148

Рис. 7. Выбор из списка исследований при заполнении формы «Эпизоды».

Выйти (close) | Сохранить и закрыть (Save and close)

Терминология (Terminology) δῆμον ἐς ἐκκλησίαν συναγαγεῖν

Перевод на русский язык (Russian translation) созывать народ на собрание

Перевод на английский язык (English translation) summon the People to an assembly

Источники (Sources) App. B Civ.

Действие промагистрата (Promagistrates' action) ☒

Рис. 8. Форма для ввода данных «Терминология».

Выйти (close) | Сохранить и закрыть (Save and close)

Библиографическая ссылка (Bibliographic reference) Hinojo Andrés 1978

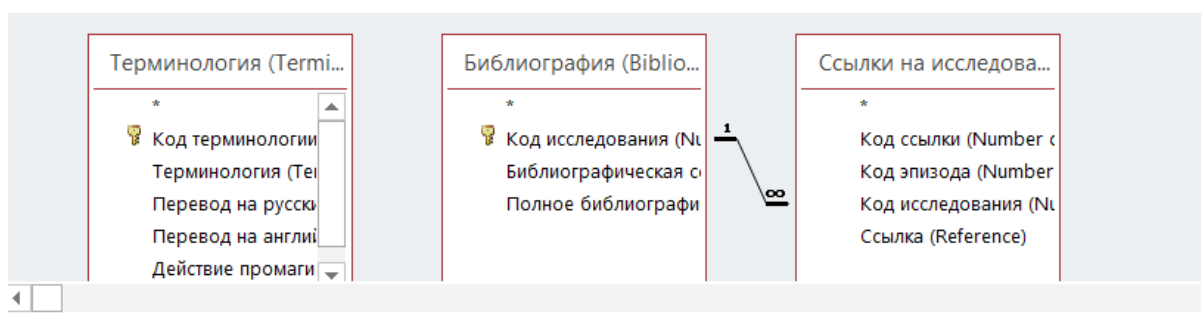
Полное библиографическое описание (Full bibliographic entry) Hinojo Andrés, G. (1978) "«Misso ad vesperum senatu, omnes qui sunt eius ordinis a Pompeio evocantur», Caes., Civ. I 3", Emerita 46, 113-115.]

Рис. 9. Форма для ввода данных «Библиография».

Выйти (close) 	Сохранить и закрыть (Save and close)
Автор и сочинение (Author and work)	Caes. BCiv.
Место в источнике (Passage in source)	1.6.5-7
Текст в оригинале (Original text)	provinciae privatis decernuntur, duae consulares, reliquae praetoriae. Scipioni obvenit Syria, L. Domitio Gallia. Philippus et Cotta privato consilio praetereuntur, neque eorum sortes deiciuntur. in reliquas provincias praetores mittuntur. neque exspectant - quod superioribus annis acciderat - ut de eorum imperio ad populum feratur paludatique votis nuncupatis exeant. Consules - quod ante id tempus accidit nunquam - ... ex urbe proficiscuntur, lictoresque habent in urbe et Capitolio privati contra omnia vetustatis exempla.
Перевод на русский язык (Russian translation)	Провинции определяются частным людям, две консульских, остальные преторские. Сципиону досталась Сирия, Л. Домицию - Галлия. По частному соглашению помпеянской партии, Филиппа и Котту обходят и не допускают до жеребьевки. В остальные провинции посылают бывших преторов, не дожидаясь, чтобы, по примеру прежних лет, было внесено предложение об утверждении их власти в народное собрание; назначенные надевают одежду полководца, приносят обеты и немедленно выступают из города. Консулы отправляются из Рима, чего до сих пор никогда не бывало, частные лица появляются с ликторами в городе и на Капитолии, вопреки всем историческим прецедентам.
Автор перевода на русский язык (Author of Russian translation)	М.М. Покровский
Перевод на английский язык (English translation)	The provinces were assigned to private citizens, two consular and the others praetorian. Scipio received Syria and L. Domitius received Gaul. Philippus and Cotta were passed over by a private agreement, and their lots were not cast down. Praetors [i.e., praetorii] were sent to the remaining provinces. They did not wait - as had been done in previous years - until the law concerning their imperium was proposed to the People, but they made their vows, put on military garb, and left the city. The consuls - which had never happened before - ... departed from Rome, and so private citizens had lictors in the city and on the Capitol contrary to all precedents of the past.
Автор перевода на английский язык	R.M. Frolov

Выйти (close) 	Сохранить и закрыть (Save and close)
Автор и сочинение (Author and work)	Plut. Pomp.
Место в источнике (Passage in source)	61.4
Текст в оригинале (Original text)	οἱ δὲ ὕπατοι μὴδὲ θύσαντες ἃ νομίζεται πρὸς πολέμων ἔφρυγον.
Перевод на русский язык (Russian translation)	Консулы бежали, даже не совершив полагающегося по обычаю перед началом войны жертвоприношения.
Автор перевода на русский язык (Author of Russian translation)	Г.А. Стратановский
Перевод на английский язык (English translation)	The consuls fled without even making the sacrifices usual before a war.
Автор перевода на английский язык	R.M. Frolov

Рис. 10. Форма для ввода данных «Источники».

Поле:	Терминология (Terminology)	Библиографическая ссылка (Bibliography)	Ссылка (Reference)
Имя таблицы:	Терминология (Terminology)	Библиография (Bibliography)	Ссылки на исследования (References)
Сортировка:			
Вывод на экран:	☐	☒	☒
Условие отбора:	Like "**imperi**"		
или:			

Библиографическая ссылка	Ссылка (Reference)
Barwick 1951	21
Burckhardt 2003	109-110
Giovannini 1983	30, 42-44
Giovannini 1983	42-44
Lacey 1961	passim
Pina Polo 1989	47, 266, n. 122
Pina Polo 1989	285, n. 226
Richardson 2000	121
Vervae, Naco del Hoyo 2007	25, 31
Blösel 2008	334
Blösel 2008	42-45, 222-223, 229-235
Badian 1958	275
Badian 1958	229, n. 1, 273-278
Rafferty 2019	175-176
Broughton 1952	89
Burton 2014	passim
Tsirkin 2009	234
Korolenkov 2018	passim
McGushin 1992	136, 142, 146-147
McGushin 1992	152, 243
La Penna, Funari 2015	129-130, 232-233, 254-255, 274, 291-293
Labruna 1976	56, 63, 75-77
Heredia Chimenno 2020	669
Morawski 1911	139
Perl 1969a	212-215
Perl 1969b	385, 388-389
Pasoli 1970	passim
Gusso 2001	54, n. 46
Gusso 2001	74, n. 177
Rosenblitt 2019	76-77
Rosenblitt 2019	ch. 4-5
Keaveney 1978	passim
Gerlach 1831	70
Korolenkov 2020	55, 148-149, 154-155
Aigner 1974	136
Blösel 2009	42-45, 364-365, 367-368. 374
Boak 1918	6
Boak 1918	passim
Brennan 2000	184-185
Cadiou 2010	61
Dingmann 2007	145-148
Drogula 2015	219-220

Рис. 11. Условия и результаты запроса для вывода списка ссылок на исследования, где рассматриваются эпизоды, при описании которых в источниках употребляется термин «*imperi(um)*».

Эпизоды (Episodes)

Название эпизода (Name of episode) **Собрание сенаторов по инициативе проконсула Гн. Помпея в 49 г. до н.э. (The Pr**

Автор и сочинение (Author and work) **Caes. BCiv.**

Место в источнике (Passage in source)

1.3.1

Перевод на русский язык (Russian translation)

После того, как к вечеру собрание сената было распущено, все, кто принадлежал к этому сословию, были созваны Помпеем. Он хвалил решительных и воодушевлял их на будущее, критикуя и подбадривая малодушных.

Название эпизода (Name of episode) **Речь проконсула П. Корнелия Сципиона на гражданской contio в 210 г. до н.э. (**

Автор и сочинение (Author and work) **App. Hisp.**

Место в источнике (Passage in source)

18

Перевод на русский язык (Russian translation)

Узнав об этом, Сципион вновь созвал их на собрание и опять-таки говорил о себе гордые речи. Затем он, сказав, что его (юный) возраст не должен служить препятствием для них (при его назначении), тем не менее заявил, что если кто из более старых хочет взять на себя это командование, то он охотно ему передаст его.

Рис. 12. Отчет для вывода текстов переводов источников на русский язык, сгруппированных по эпизодам и по авторам/названиям сочинений (фрагмент).